ИСТОРИЯ РОССИИ

XIX — начала XX вв.

Учебник для вузов

201

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М. В. Ломоносова
Исторический факультет

ИСТОРИЯ РОССИИ
XIX — начала XX вв.

Учебник
для исторических факультетов
университетов

Под редакцией **В. А. Федорова,**
академика РАЕН,
доктора исторических наук, профессора,
заведующего кафедрой истории России
XIX — начала XX вв.

Москва
ЗЕРЦАЛО
2000

ББК 66.3(22)
И 90

Коллектив авторов:

В. А. Георгиев, Н. Д. Ерофеев, Н. С. Киняпина, Л. В. Кошман, А. А. Левандовский, К. Г. Левыкин, В. А. Федоров, И. А. Федосов, М. А. Чепелкин, А. П. Шевырев

И 90 **История России XIX — начала XX в.** Учебник для исторических факультетов университетов / Под ред. **В. А. Федорова**. — 2-е изд., исправл. и доп.— М.: Издательство ЗЕРЦАЛО, 2000. — 752 с.

ISBN 5-8078-0036-2

В учебнике излагаются исторические события XIX — начала XX вв. Освещаются проблемы социально-экономического и политического развития, внутренняя и внешняя политика России, ее культура. В учебнике учтены новейшие достижения исследовательской литературы по отечественной истории, включены новые темы, например, по истории Русской православной церкви, культуре и быту города и деревни. Книгу отличают новые подходы к трактовке исторических явлений и процессов.

Учебник предназначен для студентов исторических факультетов университетов, а также для всех интересующихся отечественной историей.

ISBN 5-8078-0036-2

Содержание

Глава 6
Внутренняя политика самодержавия (1825—1855)

Глава 7
Внешняя политика России во второй четверти XIX в.

Глава 8
Россия и Кавказ в первой половине XIX в.

Глава 9
Общественная мысль в России во второй четверти XIX в.

Глава 10
Отмена крепостного права

Глава 11
Реформы 1863—1874 годов

Глава 12
Социально-экономическое развитие пореформенной России

Глава 13
Освободительное движение 60-х — начала 80-х годов
Русское народничество

Глава 14
Внутренняя политика российского самодержавия в 80-х — начале 90-х годов

Глава 15
Внешняя политика России в середине 50-х — начале 90-х годов XIX в.

Глава 16
Средняя Азия во внешней политике России во второй половине XIX в.

Глава 17
Социально-экономическое развитие России в конце XIX — начале XX в.

Глава 18
Внутренняя политика самодержавия в конце XIX — начале XX вв.

Глава 19
Внешняя политика России в конце XIX — начале XX вв.

Глава 20
Революция 1905—1907 гг.

Глава 21
Третьеиюньская монархия

Глава 22
Внешняя политика России в 1905—1914 гг.

Глава 23
Россия в первой мировой войне

Глава 24
Русская православная церковь и государство в XIX — начале XX вв.

Глава 25
Культура России XIX — начала XX вв.

I. Культура в первой половине XIX в.

II. Культура пореформенной России

III. Культура России в конце XIX — начале XX столетий

Глава 26
Социокультурный облик города и деревни

Введение

Учебник адресован студентам исторических факультетов университетов и написан в соответствии с программой курса истории России XIX — начала XX вв. Он представляет собой систематическое изложение исторического материала, необходимого для усвоения студентами. В нем, в отличие от прежнего университетского учебника "История СССР. XIX — начало XX в." (М. , 1981 и 1987), учтены достижения исследовательской литературы по отечественной истории последних лет, уделено больше внимания характеристике выдающихся исторических персонажей (политических и военных деятелей, представителей науки и искусства), более полно раскрыта сущность либерального и консервативного направлений русской общественной мысли, введены новые, ранее не освещавшиеся в учебной литературе темы: история Русской православной церкви и ее взаимоотношения с государством, культура и быт города и деревни, но главное — предлагаются новые подходы к трактовке исторических явлений и процессов.

Суть *новых подходов* заключается в следующем. В первую очередь, авторы выступают против бытовавшей ранее односторонности в оценке явлений, фактов, роли конкретных исторических личностей. Односторонность обычно проявлялась в преувеличении одних событий и исторических персонажей и в преуменьшении или даже замалчивании других, что нередко диктовалось политической конъюнктурой. Так, например, русские монархи трактовались преимущественно в негативном плане — только как выразители классовых интересов господствующих классов и сословий. Акцент делался на их охранительно-консервативной деятельности и замалчивалась их позитивная роль в укреплении государственности, военно-политической мощи страны, в развитии ее экономики и культуры. В негативном плане также трактовались программы и деятельность непролетарских партий начала XX в.

Новый подход выступает против преувеличения значения "базисных" и недооценки роли "надстроечных" факторов и процессов (сферы духовной жизни, национальных особенностей — национальной психологии, традиций, религии и т. д.), а также факторов субъективного характера, роль которых особенно возрастает в кризисные, переломные моменты истории. Признается принцип альтернативности, т. е. отрицается жесткая предопределенность исторического развития, допускается возможность и иных его путей. Новый подход считает неправомерным рассматривать человека только как социальную категорию, без учета значения личностного фактора.

При трактовке хозяйственного развития России учитываются не только основные, ведущие его процессы, но и наличие многоукладности в экономике (например, наряду с развитием капитализма в пореформенной России существовали различные формы мелкотоварного и патриархально-натурального хозяйства); новый подход признает также не только смену одной формы производства другой, но и их параллельное развитие.

Авторы отказываются от трактовки государства только как орудия “классового господства” — угнетения одних классов другими. Государство представляло собой и самостоятельную силу, решавшую общенациональные интересы. В России в силу особых условий ее исторического развития (географического положения, природно-климатических факторов, необходимости многовековой борьбы с внешней опасностью и длительной изолированности от западноевропейского мира) роль государства была особенно велика, ибо только сильная государственная власть была способна мобилизовать наличные ресурсы страны, провести необходимые реформы и преодолеть отсталость. Но вместе с тем сильная, централизованная, в форме абсолютной монархии государственная власть в России подавляла личность и тормозила развитие гражданственности. В учебнике уделяется особое внимание характеристике структуры государственного аппарата и его функционированию.

Отмечается сложность социальной структуры населения дореволюционной России. Считая правомерным классовое подразделение общества, указывается и на важность сословного деления, сохранявшего свою силу вплоть до 1917 г. Отсюда большое внимание в учебнике уделяется характеристике правового статуса и реального положения различных сословий и сословных групп.

Ранее только классовая борьба признавалась движущей силой исторического процесса, а революции трактовались как “локомотивы истории”. *Новый подход*, не отрицая огромной роли этих факторов, указывает на неправомерность преуменьшения значения эволюционного, реформистского пути. При этом отмечается и тот несомненный факт, что революции служили не только “двигателями прогресса”, но имели и оборотную сторону — были сопряжены с многочисленными жертвами, сопровождались разрушением материальных и культурных ценностей.

Ранее хотя и не отрицалась прогрессивность реформ в целом, однако при конкретном их рассмотрении больше всего обращалось внимание на их ограниченность, непоследовательность и незавершенность. Не отрицая этих сторон реформ, авторы учебника дают объективное объяснение, в чем конкретно заключалось прогрессивное значение той или иной реформы для экономического и общественно-культурного развития страны.

По-новому освещается в учебнике тема освободительного движения и общественной мысли, имевших особенно важное значение в истории России XIX — начала XX вв. Ранее история этого боль-

шого и сложного явления была представлена преимущественно революционным движением. В данном учебнике история освободительного движения представлена в более широком плане, включая и различные направления либерально-оппозиционного характера. Учитывается весь спектр общественно-политической мысли; в связи с этим значительно шире и более объективно, нежели ранее, трактуются охранительно-консервативные течения, их программы и деятельность.

Большое внимание в учебнике уделяется экономическим и культурным связям России с другими странами. Путем сравнительно-исторического анализа выявляются особенности исторического развития России.

Критический подход к прежним положениям и оценкам отнюдь не означает их отрицания, ибо каждое научное направление не только вносит что-то новое, но и опирается на достижения своих предшественников. Дореволюционными и советскими историками накоплено много ценного не только в смысле фактического материала, но также сделаны важные выводы, верность которых проверена временем. Не могут быть отброшены "классовый подход" (который ранее принимал гипертрофированный характер), формационный принцип при периодизации исторического процесса, выявленные наукой объективные законы исторического развития, методологические требования "историзма" (учет конкретных исторических условий, рассмотрение того или иного исторического события или явления в связи с другими, применение сравнительно-исторического анализа).

В последнее время все большее распространение в исследовательской и учебной литературе получает *цивилизационный* подход к изучению истории человечества как антитеза ее делению на общественно-экономические формации. Цивилизационный подход не нов. Впервые теория "культурно-исторических типов" (цивилизаций) была изложена русским публицистом и социологом Н. Я. Данилевским в книге "Россия и Европа" (1869), позднее — в многотомном труде английского историка и социолога Арнольда Тойнби "Исследование истории" (Лондон, 1934—1961, Т. 1—12), а в последнее время — в многочисленных исторических трудах Л. Н. Гумилева.

В отечественной и зарубежной литературе установлено в истории человечества более 100 разных цивилизаций. В основу их выделения положены разные принципы, но более всего — региональный (например, Восток и Запад) и национально-этнический (например, греческая, арабская, японская, китайская, индийская и пр. цивилизации). Цивилизационный подход позволяет более полно и всесторонне выявить исторические особенности определенной цивилизации, сравнить ее с другой. Вместе с тем в литературе цивилизации рассматриваются как самодовлеющие человеческие сообщества, становление, развитие и упадок которых происходит по своим законам. Авторы данного учебника, не отрицая культурно-

цивилизационной специфики российского исторического процесса, наоборот, подчеркивая ее, придерживаются той точки зрения, что в истории России (особенно в ее социально-экономическом развитии) действовали те же закономерности, что и в других европейских странах. Подробно освещаемые в учебнике процессы разложения и кризиса феодализма, развития капитализма и переход последнего в стадию монополистического капитализма являются убедительным тому доказательством.

* * *

Данный учебник написан по проблемно-хронологическому принципу. Он состоит из 26 глав, каждая из которых освещает определенную проблему на разных этапах истории России XIX — начала XX вв. При этом авторы сочли целесообразным темы по истории русской культуры и Русской православной церкви не дробить по периодам, дабы не нарушать цельности изложения, а посвятить им специальные главы, которыми завершается учебник. Изложение исторических событий в нем доведено до начала 1917 г. Календарные даты (дни и месяцы) даны по старому стилю; внешнеполитические события датируются как по старому, так и (в скобках) по новому стилю. Учебник включает хронологическую таблицу и библиографию, помещенные в конце его.

Следует напомнить, что учебник содержит лишь необходимый минимум знаний по общему курсу. Для более основательной проработки курса необходимо ознакомление с монографиями и документальными публикациями (по выбору) из списка, предложенного в учебнике. В него включены издания преимущественно последних лет, но вместе с тем и наиболее значительные работы выдающихся русских дореволюционных и советских ученых-историков.

Авторами учебника являются профессора и преподаватели кафедры истории России XIX — начала XX вв. исторического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова: доц. *В. А. Георгиев* (§ 2 гл. 2, § 2 гл. 4, гл. 7 и 8), доц. *Н. Д. Ерофеев* (гл. 18), проф. *Н. С. Киняпина* (гл. 3,15 и 16), ведущий научный сотрудник *Л. В. Кошман* (гл. 25 и 26), доц. *А. А. Левандовский* (гл. 21), проф. *К. Г. Левыкин* (гл. 17), академик РАЕН, проф. *В. А. Федоров* (Введение, гл. 1; § 1 гл. 2 совместно с академиком АПН, проф *И. А. Федосовым*, § 1 гл. 4 совместно с *И. А. Федосовым*; гл. 5; гл. 6 и 9 совместно с *И. А. Федосовым*; гл. 10—14, 20 и 24), академик АПН, проф. *И. А. Федосов* (§ 1 гл. 2, § 1 гл. 4, гл. 6 и 9 совместно с проф. *В. А. Федоровым*), доц. *М. А. Чепелкин* (§ 1—3 гл. 19, гл. 22, § 1 гл. 23), доц. *А. П. Шевырев* (§ 4 гл. 19, § 2—5 гл. 23).

Хронологическая таблица и библиография составлены м. н. с., к. и. н. *Л. В. Жуковой*.

Глава 1
Социально-экономическое развитие России в первой половине XIX века

§ 1. Территория и ее административное деление

Территория К началу XIX в. Россия представляла собой огромную континентальную страну, занимавшую обширную территорию Восточной Европы, Северной Азии (Сибирь и Дальний Восток) и часть Северной Америки (Аляску). К 60-м годам XIX в. ее территория увеличилась с 16 до 18 млн. кв. км за счет присоединения Финляндии, Царства Польского, Бессарабии, Кавказа и Закавказья, Казахстана, Приамурья и Приморья.

Административное деление Европейская часть России к началу XIX в. в административном отношении состояла из 41 губернии и двух областей (Таврической и Области Войска Донского). В дальнейшем численность губерний и областей увеличилась как за счет присоединения новых территорий, так и административного преобразования прежних. К середине века Россия состояла из 69 губерний и областей. В 1809 г. административное устройство по российскому образцу получила Финляндия, разделенная на 8 губерний, а в 1815 г. — Польша, поделенная вначале на 8 губерний, а в 1844 г. — на 4. В 1822 г. новое административное деление было проведено в Сибири: она была разделена на 5 губерний (Тобольскую, Омскую, Томскую, Иркутскую, Енисейскую) и Якутскую область. В 1849—1858 гг. Забайкалье, Камчатка, Приамурье и Приморье составили пять областей. В 1844 г. на 4 губернии (Кутаисскую, Тифлисскую, Дербентскую и Шемахинскую) было разделено Закавказье, а в 1860 г. в Предкавказье, помимо существовавшей ранее Ставропольской губернии, были образованы Терская и Кубанская области.

Губернии и области в свою очередь подразделялись на уезды (на Украине и в Белоруссии — поветы). В составе губернии было от 5 до 15 уездов. Некоторые группы губерний (преимущественно в национальных окраинах) были объединены в генерал-губернаторства и наместничества, которыми управляли военные генерал-губернаторы и царские наместники. В европейской части России в первой половине XIX в. в генерал-губернаторства были объединены три литовские (Виленская, Ковенская и Гродненская) губернии с центром в Вильне и три правобережноукраинские (Киевская, Подольская и Волынская) с центром в Киеве. Закавказские губернии были объединены в Кавказское наместничество с центром в

Тифлисе. В 1822 г. были образованы Западно-Сибирское и Восточно-Сибирское генерал-губернаторства.

§ 2. Население и его сословная структура

Население За первую половину XIX в. население России возросло с 37 до 69 млн. человек, как за счет вновь присоединенных территорий, так и преимущественно за счет его естественного прироста — около 1% в год. Средняя продолжительность жизни в России в первой половине XIX в. составляла 27,3 года. Такой низкий показатель объясняется высокой детской смертностью и периодическими эпидемиями, что было характерно для стран "доиндустриальной Европы". Для сравнения укажем, что в конце XVIII в. во Франции средняя продолжительность жизни составляла 28,8, а в Англии — 31,5 лет.

Сословная структура Феодальному обществу присуще деление населения на сословия — социальные группы, которые обладали различными правами и обязанностями, закрепленными обычаями или законами и передававшимися, как правило, по наследству. С утверждением абсолютизма в России в начале XVIII в. сложилась сословная структура населения, которая с небольшими изменениями просуществовала вплоть до 1917 г. С начала XVIII в. утвердилось и четкое разделение сословий на привилегированные и податные.

Высшим привилегированным сословием было *дворянство.* В законе говорилось: "Дворянство — ограда престола, надежнейшее орудие правительства. Для него отверсты в отечестве нашем все пути чести и заслуг". В начале XVIII в. при содействии верховной власти завершилась и консолидация дворянства как сословия. С этого времени происходит расширение его на многонациональной основе, что приняло особенно широкие размеры в конце XVIII — начале XIX в. (в связи разделами Польши, вхождением в состав России Закавказья и т. д.). Петровская табель о рангах (1722) существенно расширила возможности приобретения дворянского достоинства (потомственного и личного) получением соответствующих чинов на военной и гражданской службе. Дворянское достоинство приобреталось также "монаршей милостью", а со времени Екатерины II и "пожалованием российского ордена". К 1825 г. удельный вес получивших такими путями статус дворянина составлял 54% российского дворянства.

Привилегии дворян были закреплены в "Жалованной грамоте дворянству" (1785). Провозглашались "неприкосновенность дворянского достоинства", освобождение дворян от обязательной службы, от всех податей и повинностей, от телесных наказаний ("телесное наказание да не коснется благородного"), преимущество при чинопроизводстве, при получении образования, право свободного выез-

да за границу и даже поступления на службу к союзным России государствам. Дворяне имели свои корпоративные учреждения. Им предоставлялась монополия на наиболее доходные промышленные производства (например, винокурение). Но главной привилегией дворянина было его исключительное право владеть землей с поселенными на ней крепостными крестьянами. *Личные дворяне* не могли передавать этих привилегий по наследству, кроме того они не имели права владеть крепостными крестьянами. В 1858 г. в России (включая Польшу и Финляндию) дворян насчитывалось 887 тыс. человек обоего пола, в том числе 610 тыс. потомственных и 317 тыс. личных.

Чтобы ограничить доступ в дворянство лицам из других сословий путем выслуги, в XIX в. неоднократно повышались ранги, предоставлявшие такую возможность. Эту же цель преследовало и введение в 1832 г. сословной категории почетных граждан двух разрядов — потомственных и личных. В разряд потомственных почетных граждан попадали купцы первой гильдии, ученые, художники, дети личных дворян и имевшие образовательный ценз дети духовенства. В разряд личных почетных граждан включались чиновники до 9-го ранга, лица, окончившие высшие учебные заведения,а также не обладавшие образовательным цензом дети духовенства. Почетные граждане имели ряд дворянских привилегий: они освобождались от рекрутчины, телесных наказаний, от подушной подати и других государственных повинностей. Конкретных данных о численности этой сословной категории не имеется.

Привилегированным сословием являлось *духовенство*. Оно было освобождено от податей, рекрутской повинности и (с 1801 г.) от телесных наказаний. Русское православное духовенство состояло из двух категорий: черного (монашествующего) и белого (приходского). В 1860 г. монахов и готовившихся к монашескому званию послушников насчитывалось 32 тыс. человек, приходских священно- и церковнослужителей 126,2 тыс. человек мужского пола.

При Петре I оформился сословный статус *купечества*, которое первоначально состояло из двух гильдий, а с 1775 г. — трех гильдий. Купец вносил гильдейский взнос в размере 1% с объявленного им капитала и соответственно размерам последнего зачислялся в ту или иную гильдию. Неоднократное повышение гильдейского взноса затрудняло доступ в купечество, особенно в 1-ю и 2-ю гильдии. Купечество освобождалось от подушной подати и телесных наказаний, а купцы 1—2-й гильдий — и от рекрутчины. Сословный статус купца всецело зависел от его имущественного состояния: в случае банкротства и разорения купец выпадал из своего сословия. Численность купечества всех трех гильдий, по данным Министерства финансов, за 1811—1851 гг. возросла со 125 тыс. до 180 тыс. человек мужского пола; до 3/4 из них являлись купцами 3-й гильдии.

Основную массу податных сословий и всего населения страны составляли *крестьяне*. Они состояли из трех основных разрядов: государственных (или казенных), “владельческих” (помещичьих) и удельных.

Помещичьи крестьяне представляли самый многочисленный разряд крестьянства. В начале XIX в. крепостных крестьян насчитывалось 15,2 млн. человек обоего пола, а по последней, десятой, ревизии (1858) — 23,1 млн., в том числе 1467 тыс. дворовых и 543 тыс. приписанных к частным заводам и фабрикам. Несмотря на абсолютный прирост крепостного населения в полтора раза, удельный вес его по отношению ко всему населению страны сократился с 40 до 37%. Основная масса крепостных крестьян приходилась на центральные губернии страны, Литву, Белоруссию и Украину, где они составляли от 50 до 70% к остальному населению. В северных и южных (степных) губерниях крепостные крестьяне составляли от 2 до 12%. Совсем не было крепостных крестьян в Архангельской губернии. В Сибири их насчитывалось всего 4,3 тыс. человек.

Крепостные крестьяне находились в полной зависимости от их владельцев, которые по своей воле назначали виды и размеры феодальных повинностей, могли отнять у крепостных все их достояние, а их самих целыми деревнями, или семьями, или раздробляя семейства — продать, заложить, завещать. Помещик был вправе сдавать вне очереди в рекруты неугодного ему крестьянина, сослать без всякой его вины в Сибирь, подвергать телесным наказаниям (“но без увечья”). Некоторые помещики имели даже свои “тюрьмы” для содержания в них провинившихся крестьян. Правительство практически не вмешивалось в отношения помещиков с их крепостными. Положение *государственных* крестьян было несколько лучше помещичьих. Они принадлежали казне и официально назывались “свободными сельскими обывателями”. К разряду государственных крестьян относились различные группы сельского населения как коренных русских территорий, так и присоединенных земель: бывшие черносошные крестьяне, “экономические” (отобранные в 1764 г. у монастырей и переданные в Коллегию экономии, откуда и их название), незакрепощенное крестьянство Прибалтики, Белоруссии, Украины, Закавказья, Поволжья, Сибири. По пятой ревизии (1796) их насчитывалось 6034 тыс., а в 1858 г. — 9345 тыс. душ муж. пола (около 19 млн. человек обоего пола).

Основная масса государственных крестьян была сосредоточена в северных и центральных губерниях России, на Левобережной и в Степной Украине, в Поволжье и Приуралье. Не будучи крепостными они однако также являлись феодально зависимой категорией крестьян. Но здесь в роли феодала выступало само государство, предоставлявшее крестьянам в пользование определенные земельные наделы, за которые они были обязаны нести фиксированные законом феодальные повинности — оброк, а в Архангельской, Олонецкой и Вологодской губерниях вплоть до XIX в. — даже бар-

щину. Кроме того, государственные крестьяне, как и другие податные сословия, платили подушную подать и несли прочие денежные и натуральные повинности. Положение государственных крестьян было неустойчивым. Ранее их могли путем "пожалований" перевести в разряд помещичьих. Известно, что при Екатерине II и Павле I было роздано 1,4 млн. обоего пола душ казенных крестьян. Александр I хотя и прекратил раздачу их в частные руки, но не оградил от других форм закрепощения: перевода в военные поселяне или передачи в удельное ведомство. В Прибалтике, Литве, Белоруссии и на Правобережной Украине сотни тысяч государственных крестьян были сданы в аренду (посессию) частным лицам. Арендаторы (посессоры) широко применяли барщину и эксплуатировали арендованных у государства крестьян не менее жестоко, чем помещики собственных крепостных.

"Промежуточное" положение между помещичьими и государственными занимали *удельные* крестьяне, принадлежавшие императорской фамилии. Это — бывшие дворцовые крестьяне, получившие наименование удельных в 1797 г. , когда был создан Департамент уделов для управления землями и крестьянами, принадлежавшими царствующему дому. В 1800 г. удельных крестьян насчитывалось 467 тыс. , а в 1858 г. — 838 тыс. душ мужского пола (1,7 млн. обоего пола). Они находились в 37 губерниях, причем более половины их сосредоточивалось в двух поволжских — Самарской и Симбирской. "Удельные крестьяне, — говорилось в законе, — находятся в том же отношении к императорской фамилии, как и помещичьи к помещикам". Помимо уплаты подушной подати, отбывания рекрутчины и выполнения других государственных повинностей, удельные крестьяне за предоставленные им наделы платили оброк императорскому дому. В составе удельных были "государевы крестьяне" (принадлежавшие самому императору) и "конюшенные" (приписанные к конюшенному ведомству императорского двора). Некоторые члены императорского дома имели и своих крепостных. Так, великая княгиня Елена Павловна (жена великого князя Михаила Павловича) владела обширным имением Карловкой с 54 тыс. крепостных крестьян в Полтавской губернии.

Другим податным сословием были *мещане* — лично свободное население городов (в основном бывшее посадское), обязанное платить подушную подать, отбывать рекрутчину и прочие денежные и натуральные повинности. Сам термин "мещане" официально был введен в конце XVIII в. и происходил от польского слова "място" (город, а мещане — жители города). В 1811 г. мещан числилось 703 тыс. , а в 1858 г. — 1,9 тыс. душ муж. пола. Они составляли около около трети городских жителей (остальные — дворяне, чиновники, купцы, духовенство, военные, но более всего крестьяне, пришедшие в город на заработки). Однако не все мещане жили в городе. Обычно разбогатевшие крестьяне, выкупившиеся на волю и перешедшие в сословие мещан, "приписывались" к тому или иному

городу, но продолжали жить в своей деревне, где у них было налаженное предпринимательское дело.

Существенное место в социальной структуре населения России занимали сословные категории однодворцев, казаков и разночинцев.

Однодворцы — потомки служилых людей, которые проживали в основном в Курской, Орловской и Воронежской губерниях, где ранее проходили засечные черты, охранявшие центр России от набегов крымских татар. За свою службу они, как и дворяне, получали участки земли и освобождались от разных податей и сборов. Некоторые из однодворцев имели даже крепостных крестьян. В начале XVIII в. однодворцы утратили свои привилегии. На них наложили подушную подать и заставили нести рекрутскую повинность. Тем самым они были низведены до положения податного сословия. При Николае I у однодворцев отобрали и принадлежавших им крестьян (всего в общей сложности 23 тыс. душ муж. пола), но сохранили за ними их земли. В первой половине XIX в. однодворцев насчитывалось до 2 млн. человек обоего пола; они находились, как и государственные крестьяне, в ведении Министерства государственных имуществ.

Казачество составляло военизированную сословную категорию, обладавшую рядом льгот. Все мужское население казаков в возрасте от 18 до 50 лет считалось военнообязанным, составляя иррегулярную конницу в вооруженных силах России. В мирное время они несли пограничную службу на военных линиях (линейные казаки), занимаясь одновременно сельским хозяйством и разного рода промыслами. Несение постоянной службы освобождало казачество от рекрутства, подушной подати и других повинностей. По закону каждая “ревизская душа” казаков имела право на земельный надел в 30 десятин. Однако эта норма, особенно в старых, уже заселенных, казачьих округах не соблюдалась. К середине XIX в. существовали следующие округа казачьих войск: Донское, Кубанское, Терское, Уральское, Оренбургское, Сибирское и Забайкальское, занимавшие южные приграничные территории России.

Термин “*разночинец*” появился в начале XVIII в. Тогда это — “разных чинов люди”, составлявшие особую служилую группу населения, лично свободную, но не принадлежавшую ни к податным, ни к привилегированным сословиям. В первой половине XIX в. разночинцы официально оформляются в особую сословную неподатную категорию, более или менее однородную по характеру своих занятий, по своему положению в обществе и в правовом отношении. В середине XIX в. насчитывалось 24 тыс. разночинцев (муж. пола). В это время разночинец — мелкий чиновник, учитель гимназии, деятель науки, литературы и искусства, т. е. в первую очередь образованный интеллигент, выходец из крестьянства, мещанства, купечества, духовенства, деклассированного дворянства. Не все

разночинцы являлись “деятелями передового общественного движения”; подавляющее их большинство верно служило престолу.

§ 3. Сельское хозяйство. Возникновение очагов и центров торгового земледелия

Сельское хозяйство

В первой половине XIX в. Россия продолжала оставаться преимущественно аграрной страной. Более 90% ее населения составляло крестьянство, и сельское хозяйство было основной отраслью экономики страны. Сельское хозяйство носило главным образом экстенсивный характер, т. е. оно развивалось не столько за счет улучшения обработки почвы и внедрения новых агротехнических приемов, сколько за счет расширения площади посевов. С 1802 по 1860 гг. она возросла с 38 до 58 млн. десятин (на 53%). Прирост посевных площадей происходил за счет сокращения лесов и распашки пустошей в центральных губерниях, но более всего за счет осваиваемых земель Степного Юга, Среднего Поволжья, Предкавказья и Сибири.

Господствующей системой *земледелия* было традиционное, сложившееся веками, *трехполье*: яровые-озимые-пар (под паровым,незасеянным, клином земля “отдыхала”). При трехполье урожайность поддерживали не только пар и удобрения, но и чередование культур. В северных губерниях, при обилии лесных угодий и недостатке пахотных земель, существовала подсечно-огневая система земледелия, но в соединении с трехпольем. В первые годы выжженный лесной участок (“лядина”) давал обильные урожаи, а затем он использовался под сенокос и снова запускался под лес. В южных степных районах с обширными земельными пространствами и относительно редким населением была распространена *залежная* система: после снятия нескольких урожаев землю оставляли на 10 и более лет без обработки для восстановления ее плодородия.

Среди сельскохозяйственных культур преобладали “серые” хлеба: рожь, овес, ячмень. В центрально-черноземных губерниях, в Среднем Поволжье и южной степной полосе значительный удельный вес составляли посевы пшеницы. С 40-х годов XIX в. расширяются посевы картофеля, который стал “вторым” хлебом для крестьянина и важным техническим сырьем для пищевой и хлопчатобумажной промышленности. На Украине существенно увеличились посевы сахарной свеклы, которая шла на сахарные заводы и винокурение.

За 1802—1855 гг. валовые сборы хлебов возросли с 156 млн. до 234 млн. четвертей (в 1 четверти 8—10 пудов), но с учетом естественного прироста населения количество произведенного хлеба в расчете на одну душу населения практически оставалось на одном

и том же уровне. Средняя урожайность в течение всей первой половины XIX в. составляла сам-три, а в более благоприятные годы — сам-четыре и даже сам-шесть. Частым явлением были неурожаи, вызывавшие голод среди населения и падежи скота. Особенно опустошительными были неурожаи 1820—1821, 1833, 1835, 1839, 1845, 1848 и 1855 гг.

Важнейшей отраслью сельского хозяйства являлось *животноводство*. В целом по стране оно носило натуральный характер: скот разводился главным образом "для домашнего употребления". Товарное животноводство мясо-молочного направления имело место в Ярославской, Тверской и Вологодской губерниях и в Прибалтике, а в степной полосе России значительное развитие получило разведение овец-мериносов.

Низкий уровень сельскохозяйственного производства в предреформенной России обусловливался в первую очередь тормозящим влиянием крепостного права. Тем не менее в сельском хозяйстве все же происходили определенные сдвиги. Интенсивно осваивались юг Украины, степное Предкавказье и Заволжье. Расширялись посевы технических культур, вводилась многопольная система земледелия с травосеянием. Внедрялись различные технически более совершенные сельскохозяйственные орудия и механизмы: молотилки, веялки, сеялки, жатки; некоторые из них изготовляли крестьяне-умельцы. Заметно возросло применение наемного труда в земледелии. В 50-х годах в сельском хозяйстве России насчитывалось свыше 700 тыс. наемных рабочих, из них до 300 тыс. на сезонных сельскохозяйственных работах в южных степных губерниях, 150 тыс. — в Заволжье, 120 тыс. — в Прибалтике и 130—150 — в остальных районах страны, преимущественно в губерниях с высокоразвитым промысловым отходом населения. Расширялись аренда и покупка земли крестьянами. К середине XIX в. среди государственных крестьян насчитывалось 268 тыс. земельных собственников, имевших в общей сложности 1 млн. 113 тыс. десятин земли. Помещичьими крестьянами только в девяти центральных губерниях было куплено (на имя помещиков) до 270 тыс. десятин земли. Около 140 тыс. десятин купленной земли имели 17 тыс. удельных крестьян.

Формирование центров торгового земледелия В конце XVIII — начале XIX в. формируются очаги и центры торгового земледелия: в степной части Юга России и в Заволжье складываются районы зернового хозяйства и тонкорунного овцеводства, в Крыму и в Закавказье — центры виноградарства и шелководства, в нечерноземных губерниях — районы торгового льноводства, коноплеводства, хмелеводства, а около крупных городов и промышленных центров — торговое огородничество.

Центрально-земледельческие, степные и поволжские губернии являлись основными производителями товарного хлеба. В 50-х го-

дах XIX в. масса товарного хлеба составляла свыше 390 тыс. пудов (18% среднегодового сбора хлебов). На экспорт шло 70 млн. пудов, остальные 320 млн. пудов — на внутренний рынок. В центрально-промышленных губерниях заметно увеличились площади под техническими и огородными культурами. Так, производство льноволокна во Владимирской, Костромской и Ярославской губерниях за первую половину XIX в. выросло в 5 раз и достигло 2 млн. пудов в год. Значительные размеры приобрело торговое коноплеводство в Калужской и Нижегородской губерниях.

Крупным центром торгового огородничества являлся Ростовский уезд Ярославской губернии. Пойменные земли около озера Неро вблизи г. Ростова стали "колыбелью русского огородничества", где были выведены новые сорта овощей и до 500 видов лекарственных растений. Продукция ростовских огородников шла не только на внутренний, но и на внешний рынок. До 5—6 тыс. ростовских крестьян ежегодно уходили "для огородных работ" в Петербург, Москву и другие города, где находились предпринимательские огородные хозяйства, созданные ростовскими огородниками. В Богородском и Бронницком уездах Московской губернии возник район торгового хмелеводства, охватывавший 142 селения. В 40-х годах XIX в. здесь выращивалось до 10 тыс. центнеров хмеля, значительная часть которого отправлялась на экспорт. В Московской, Ярославской, Тверской и Нижегородской губерниях возникли очаги торгового луководства,табаководства, птицеводства и мясо-молочного хозяйства.

Однако удельный вес предпринимательского земледелия в сельском хозяйстве был тогда еще невелик. Применение улучшенных сельскохозяйственных орудий, несложных машин и новых агротехнических приемов еще не получило сколько-нибудь значительного распространения.

§ 4. Помещичье хозяйство. Проблема "кризиса крепостничества"

Помещичье хозяйство

По данным восьмой ревизии (1833), в России насчитывалось 127,1 тыс. семей потомственных дворян. Из них помещиками, т. е. владевшими землями с крепостными крестьянами, были 109,3 тыс. семей. Подавляющее большинство их — 76,2 тыс. (70%) — составляли *мелкопоместные*, т. е. владельцы имений с менее 21 душой мужского пола. На каждую такую мелкопоместную семью приходилось в среднем по 7 душ мужского пола крестьян. Нередко такие помещики жили в крестьянских избах и сами, как и их крестьяне, обрабатывали свои небольшие земельные владения. *Крупнопоместных* владельцев (с числом душ свыше 1000) насчитывалось 3726 (около 3 %), но они владели более чем половиной всех крепостных крестьян (в среднем по 1350 кре-

стьян на одно владение). Среди этих помещиков выделялись крупные магнаты Шереметевы, Юсуповы, Воронцовы, Гагарины, Голицыны, владевшие каждый десятками тысяч крепостных крестьян и сотнями тысяч десятин земли. К 1858 г. число помещичьих семей, имевших землю и крепостных, сократилось на 8 тыс. (на 7,5%), преимущественно за счет разорения мелкопоместных владельцев. К середине XIX в. в Центральной России дворянское землевладение несколько сократилось за счет продажи земель лицам других сословий, но одновременно выросло в Приуралье, Среднем и Нижнем Поволжье, Степном Юге, в основном за счет крупных земельных пожалований царским сановникам. В итоге к 1858 г. дворянское землевладение увеличилось примерно на 3%. Во владении дворян находилось в то время 105 млн. десятин земли, или свыше 32% всех земельных угодий в Европейской России. Примерно треть земель в барщинных и до двух третей в оброчных имениях предоставлялось в надел крестьянам.

Формы и размеры феодальной эксплуатации крестьян в помещичьих имениях в значительной мере определялись экономическим обликом региона и в силу этого характером крестьянского хозяйства. В центрально-промышленых губерниях, с относительно высоким развитием промысловых занятий, помещики предпочитали отпускать своих крепостных на *оброк*. Здесь на оброке находилось в среднем 65% крестьян, а в некоторых губерниях (Ярославской и Костромской) — до 90%. В земледельческих губерниях помещики считали более выгодным расширять барскую запашку, и их крестьяне преимущественно находились на барщине. С конца XVIII до середины XIX в. в целом по России удельный вес барщинных крестьян не только не уменьшился, но даже увеличился — с 56 до до 71%. В центрально-черноземных губерниях на барщине находилось от 73 до 80% крепостных крестьян, а в Белоруссии и на Украине — от 92 до 99%. В то же время в центрально-промышленных губерниях барщинные крестьяне составляли от 12 до 40%. В предреформенные десятилетия помещики стали применять и *смешанную форму эксплуатации* крестьян — сочетание барщины с оброком. Наибольшее распространение она получила в промыслово-земледельческих губерниях, например, в Калужской, в которой эту повинность выполняли 33% помещичьих крестьян.

Кризис крепостного хозяйства Расширение барщины было обусловлено, с одной стороны, втягиванием помещичьего хозяйства в товарно-денежные отношения, ростом производства хлеба на продажу, с другой — еще недостаточным промышленным развитием страны, ее аграрным характером. Расширение барщины, однако, не являлось показателем ее большей “рентабельности” по сравнению с оброком. Наоборот, кризисное состояние крепостного хозяйства в последние десятилетия перед отменой крепостного права получило свое выражение в неуклонном падении производительности бар-

щинного труда. Помещики постоянно жаловались на “лень” и “нерадение” мужика, который свой надел обрабатывал более тщательно, чем барскую землю. По расчетам исследователей крепостного хозяйства, в то время крестьянин на вспашку одной десятины своего поля тратил полтора-два дня, а на барском — 3—4. “Взглянем на на барщинскую работу. Придет крестьянин сколь возможно позже, осматривается и оглядывается сколь возможно чаще и дольше, а работает сколь возможно меньше, — ему не дело делать, а день убить”, — писал в 1847 г. в статье “Охота пуще неволи” известный славянофил и крупный помещик А. И. Кошелев.

Но осознание в то время наиболее дальновидными помещиками отрицательных сторон крепостного труда еще отнюдь не означало их желания, да и возможности заменить его более производительным вольнонаемным. На данном этапе, когда рынок рабочей силы был еще узок и наем требовал от помещика значительных капиталовложений, для помещика было выгоднее использовать даровой крепостной труд, чем заменить его дорогостоящим вольнонаемным. Не желая отказаться от дарового подневольного труда, помещики изыскивали средства повысить доходность своих имений в рамках крепостных отношений. Они вводили “урочную” систему (определенные нормы дневной выработки на барщине), или систему “брат на брата” (когда половина работников крестьянской семьи всецело занята на барщине,а другая половина обрабатывает свой надел), иногда практиковали частичную оплату барщинных работ. Но эти меры не могли возместить возраставшие потери от падения производительности барщинного труда.

Разновидностью барщины и одним из средств ее интенсификации являлась *месячина*, получившая свое название от платы натурой в виде месячного продовольственного пайка, который выдавался крепостным крестьянам, лишенным полевых наделов и обязанным все рабочее время находиться на барщине. Переведенный на месячину крестьянин иногда сохранял свое хозяйство (усадьбу, двор, сельскохозяйственный инвентарь и скот, на содержание которого он тоже получал месячину), но чаще всего он жил на барском дворе и обрабатывал помещичье поле господским инвентарем. Имение, в котором крестьяне были переведены на месячину, фактически превращалось в плантаторское хозяйство. Однако месячина из-за дополнительных затрат помещика на содержание крестьян-”месячников” и крайне низкой производительности их труда не получила сколько-нибудь значительного распространения.

Серьезные трудности переживали и оброчные помещичьи имения. Распространение с конца XVIII в. в нечерноземных губерниях крестьянских промыслов, которые вначале, еще при недостаточном их развитии, оплачивались довольно сносно, явилось определяющим фактором перевода здесь крестьян на оброк и стремительного роста его размеров — примерно в 3,5 раза. Возросли тогда и доходы оброчных помещичьих имений. Однако дальнейшее развитие

этих промыслов, породившее конкуренцию среди ремесленников, а также рост фабричной промышленности, подрывавшей ряд традиционных крестьянских промыслов, привели к сокращению заработков крестьян, что отразилось на падении их платежеспособности, а следовательно, и доходности помещичьих имений. Начиная с 20-х годов XIX в. повсеместно росли недоимки по оброчным платежам крестьян, хотя именно с этого времени нормы уплачиваемого оброка существенно не увеличились.

Некоторые помещики стремились повысить доходность своих имений, применяя новые методы ведения сельского хозяйства: вводили многопольный севооборот, приглашали из-за границы специалистов-фермеров, выписывали дорогостоящие сельскохозяйственные машины, удобрения, новые сорта семян, улучшенные породы скота и пр. Но это было по плечу только богатым помещикам. Эти "рационализаторские" опыты в условиях крепостной России на основе подневольного труда терпели неудачу и разоряли помещиков-"новаторов". Даже прославившееся своими достижениями калужское имение помещика Полторацкого Авчурино, куда другие помещики ездили знакомиться с новыми методами ведения хозяйства, не окупало себя и могло существовать как опытное только потому, что у его владельца были другие имения, работавшие на Авчурино. Но и это "показательное" хозяйство, по словам одного из современников, "исчезло как блестящий феномен в сельскохозяйственном мире, оставив по себе грустные развалины напрасно затраченных трудов и капитала".

Важным показателем упадка помещичьего хозяйства является рост задолженности помещиков. Помещики стали закладывать крепостных крестьян в кредитных учреждениях еще в конце XVIII в. В 1796 г. в залоге числилось 6% крепостных крестьян. Особенно быстро росло число заложенных помещиками крепостных крестьян в предреформенные десятилетия: в 1833 г. в залоге было уже 4,5 млн. душ мужского пола (43,2% их общего числа), а в 1859 г. — уже 7,1 млн. (66%). Общая сумма помещичьего долга к 1859 г. составила 425,5 млн. руб. Она в два раза превосходила годовой доход в государственном бюджете. Основная масса помещиков тратила полученные ссуды непроизводительно. К тому же они должны были уплачивать до 25 млн. руб. ежегодно в качестве процентов по выданной ссуде. Многие помещичьи имения, обремененные долгами, шли с молотка.

Сущность кризиса феодализма Наступивший во второй четверти XIX в. кризис феодализма в России заключался в том, что возможности развития помещичьего хозяйства на крепостной основе были уже исчерпаны. В целом же и в экономике, и в социальных отношениях были несомненны важные сдвиги, но они происходили на базе не крепостного, а мелкотоварного и капиталистического производства. Однако несмотря на кризис феодализма крепостниче-

ские путы были еще достаточно сильны, и замедленные темпы экономического развития России в первой половине XIX в. в значительной степени были обусловлены тормозящим влиянием крепостничества. Чем сильнее разлагалась феодально-крепостническая система, тем больше условий создавалось для развития новых производственных отношений. Следовательно, разложение и кризис феодализма в конечном счете есть также показатель социально-экономического прогресса, ибо прогрессивные тенденции выражались не только в развитии нового, но и в разложении старого.

§ 5. Развитие промышленности. Начало промышленного переворота в России

Рост крестьянской промышленности

Новый, капиталистический способ производства формировался прежде всего и гораздо интенсивнее в промышленности. Для дореформенной России было характерно широкое распространение мелкой, преимущественно крестьянской промышленности. В 50-х годах XIX в. вся обрабатывающая промышленность давала продукции на 550 млн. руб., при этом две трети ее приходилось на долю мелкой промышленности — крестьянских кустарных промыслов. Многие традиционные крестьянские промыслы, имевшие многовековую историю, особенное развитие получили в конце XVIII — первой половине XIX в. Возникали и новые виды промыслов.

Наиболее широкое распространение мелкая крестьянская промышленность получила в центрально-промышленных губерниях России — в Московской, Владимирской, Калужской, Костромской, Тверской, Ярославской и Нижегородской. Здесь в большинстве селений крестьяне, кроме земледелия, занимались и разного рода промыслами. Было немало сел и даже промысловых округов, в которых неземледельческие занятия играли главную роль в крестьянском хозяйстве, а в крупных торгово-промышленных селах, обычно являвшихся центрами этих округов, земледелие вообще отсутствовало.

В конце XVIII — первой половине XIX в. сложилась промышленная география центрального района России. Такие промысловые селения, как Иваново и Тейково Владимирской, Павлово, Ворсма, Богородское и Городец Нижегородской, Вичуга и Середа Костромской, Великое Ярославской и Кимры Тверской губерний становились центрами текстильной, кожевенной, дерево- и металлообрабатывающей промышленности. Характерно, что это были не казенные, а помещичьи селения, принадлежавшие крупнейшим магнатам — Шереметевым, Юсуповым, Татищевым, Воронцовым, Голицыным, Щербатовым. Положение и влияние этих владельцев обеспечивали их крестьянам защиту от поборов и притеснений со стороны местной бюрократии, от которой страдала казенная деревня,

а также поощрение и покровительство в промысловых занятиях, ибо это способствовало повышению доходности имений. Крестьянская промышленность служила широкой базой для роста капиталистического промышленного производства: в ее сфере накапливались капиталы образующегося слоя предпринимателей, готовились кадры обученных рабочих для крупных промышленных предприятий, формировалась промышленная буржуазия. Династии известных текстильных фабрикантов Морозовых, Гучковых, Гарелиных, Рябушинских вышли из крепостных крестьян-кустарей. Развитие крестьянской промышленности преобразовывало экономический облик деревни и самый быт крестьянина.

Промысловый отход Важным фактором в складывании рынка рабочей силы для промышленности был рост промыслового отхода крестьян. В центрально-промышленных губерниях он принял массовый характер уже во второй половине XVIII в. и значительно возрос в первой половине XIX в. В 1826 г. в целом по стране насчитывалось 756 тыс. крестьян, уходивших на заработки по долгосрочным паспортам (на срок от полугода до трех лет), в середине XIX в. их числилось уже 1,3 млн. Но еще большее число крестьян отправлялись на заработки по краткосрочным билетам (выдававшимся на срок до четырех месяцев). Так, в 50-х годах из пяти центрально-промышленных губерний по долгосрочным паспортам уходили 327 тыс. человек, а по билетам — 438 тыс. В этих промышленных губерниях на заработки отправлялось в то время 30—40% взрослого мужского населения.

Мануфактура Крупная промышленность в России росла за счет распространения капиталистической мануфактуры, возникавшей на базе мелкой промышленности, и последующего перерастания мануфактуры в фабрику. Вот данные о количестве предприятий, численности и изменении состава рабочих в обрабатывающей промышленности России за 1799—1860 гг.

Годы	Предприятий	Рабочих в тыс.					В процентах	
		Крепостных			Вольнонаемных	Всего	Крепостных	Вольнонаемных
		Посессионных	Вотчинных	Итого				
1799	2094	33,5	14,7	48,2	33,6	81,8	58,9	41,1
1825	5261	29,4	66,7	96,1	114,5	210,6	45,6	54,4
1860	15338	12,0	91,0	103,0	462,0	565,0	18,2	81,8

Как видно из этих данных, наиболее значительный рост численности промышленных предприятий и рабочих происходил во второй трети XIX в. Особенно показателен рост применения вольнонаемного труда, который в обрабатывающей промышленности накануне отмены крепостного права получил уже полное преоб-

ладание над крепостным. Предприятия, применявшие труд посессионных рабочих, переживали кризис. Невозможность конкурировать с капиталистическими мануфактурами и угрожающий рост волнений посессионных рабочих заставили владельцев посессионных предприятий просить правительство об отмене посессионного права. Закон 18 июня 1840 г. разрешал фабрикантам увольнять посессионных рабочих — их переводили в сословие мещан или в разряд государственных крестьян. В целях удержания владельцев от массовой ликвидации предприятий правительство отбирало у тех из них, кто прекращал производство, землю, леса, фабричные и заводские строения. Машины и инструменты, приобретенные владельцами предприятий на собственные средства, однако сохранялись за ними. Несмотря на эти ограничения, 103 владельца из 141 к 1860 г. ликвидировали свои предприятия, а число посессионных рабочих (в обрабатывающей промышленности) сократилось в 2,5 раза.

Наряду с этим происходил рост численности рабочих на вотчинных (помещичьих) мануфактурах (более чем в 6 раз). С целью повышения доходности своих имений помещики заводили фабрики, используя на них труд своих крепостных крестьян. Этому способствовала и система покровительственных мер правительства, направленных на поддержание помещичьего предпринимательства: предоставление дешевого кредита и выгодных заказов казны. Феодальная основа вотчинной промышленности, связь ее с феодальным сельским хозяйством определяли как ее сильные,так и слабые стороны. Так, с одной стороны, создавалась возможность поддержания промышленного производства за счет всех ресурсов вотчины и низкой себестоимости продукции, с другой, изменение этих условий в процессе нарастания кризиса крепостного хозяйства оказывало влияние и на вотчинную промышленность: возрастала неэффективность вотчинной мануфактуры в конкурентной борьбе с капиталистическими предприятиями.

Начало промышленного переворота

Конец XVIII — первая треть XIX в. в истории русской промышленности характеризуется ростом капиталистической мануфактуры, вторая треть XIX в. — началом перехода от мануфактуры к капиталистической фабрике. Этот переход связан с промышленным переворотом, который имел две стороны: 1) техническую — систематическое применение машинной техники и 2) социальную — формирование промышленной буржуазии и пролетариата. Обе эти стороны находились в процессе постоянного взаимодействия: создание необходимой материально-технической базы сопровождается глубокими изменениями в социальных отношениях. Промышленный переворот раньше всего (еще в XVIII в.) происходил в Англии (западноевропейские историки называют его “промышленной революцией”). В России этот процесс происходил с использованием западноевропейской технологии.

Большинство отечественных историков и экономистов относит начало промышленного переворота в России к концу 30-х — началу 40-х годов, а завершение его — к концу 70-х — началу 80-х годов XIX в. С 30-х годов XIX в. заметно возрастают темпы внедрения в промышленность машинной техники, импортируемой в основном из Англии. Так, если за 1831—1840 гг. было привезено машин на сумму около 7 млн. руб., то в 1841—1850 гг. — на 17 млн., а в 1851—1860 гг. — уже на 84,5 млн. руб.

С машинной техникой был связан и переход к наемному труду. Только вольнонаемный рабочий, заинтересованный в результатах труда и обладавший более высоким культурным уровнем, был в состоянии освоить сложные машины. Поэтому применение машин явилось одной из важных предпосылок роста наемного труда в промышленности России. В связи с этим возросла и производительность труда: в середине 50-х годов один рабочий производил в 3 раза больше продукции, чем в начале XIX в. , а на долю машинного производства приходилось уже свыше двух третей продукции крупной промышленности в стране.

Формирование новых социальных слоев — рабочих и промышленной буржуазии

Важным следствием и показателем развития капиталистических отношений в дореформенной России явилось *формирование новых социальных слоев — рабочих* и *промышленной буржуазии.* Однако вплоть до реформы 1861 г. в промышленности России продолжал довольно широко применяться крепостной труд. В обрабатывающей промышленности, несмотря на сокращение с 1799 по 1860 гг. удельного веса крепостного труда с 59 до 18%, абсолютная численность *крепостных рабочих* возросла с 44,8 до 103 тыс., т. е. более чем в два раза, главным образом, как уже было сказано, за счет роста вотчинных мануфактур. К этому числу крепостных рабочих следует добавить еще 543 тыс. горнозаводских “мастеровых” (занятых непосредственно на заводских работах) и “приписных к заводам крестьян” (выполнявших вспомогательные работы: подвозка руды, заготовка дров и угля и пр.), соединявших эти занятия с сельским хозяйством на заводских землях. Таким образом, общее число крепостных рабочих в обрабатывающей и горнозаводской промышленности к моменту отмены крепостного права составляло 646 тыс. человек.

Вольнонаемные рабочие были представлены преимущественно помещичьими и государственными крестьянами. Помещик мог в любой момент вернуть отпущенного на фабрику крестьянина, посадить его на барщину, перевести в дворовые. Не мог свободно распоряжаться своей личностью и государственный крестьянин, прикрепленный к своему наделу и связанный с общиной. Сам предприниматель нередко являлся крепостным крестьянином, и на него тоже давил гнет крепостной зависимости.

Буржуазия в дореформенной России также отличалась от буржуазии эпохи капитализма. В ее составе преобладала торговая бур-

жуазия, представленная гильдейским купечеством и "торгующими крестьянами", т. е. богатыми крестьянами, получившими специальные свидетельства (билеты) на право торговли.

Формирование промышленной буржуазии шло двумя путями: 1) либо купец становился мануфактуристом или фабрикантом, вкладывавшим свой капитал в промышленное предпринимательство, и 2) либо мануфактурист и фабрикант вырастал из среды мелких товаропроизводителей, главным образом, из среды разбогатевшего промыслового крестьянства. Для дореформенной эпохи характерно соединение торгового капитала с промышленным: купец, став мануфактуристом и фабрикантом, не прекращал своей торговой деятельности, а вышедший из кустарей крупный промышленник соединял промышленное предпринимательство с торговым делом.

Крепостная зависимость и сословная неравноправность многих разбогатевших крестьян-фабрикантов сильно сковывали их торгово-промышленную деятельность. Поэтому они шли на большие материальные жертвы, чтобы выкупиться на волю, приписаться в купечество или даже к категории мещан. Так, известный фабрикант Савва Морозов выкупился на волю у своего помещика Рюмина в 20-х годах XIX в. за 17 тыс. руб. — сумму, равную годовому оброку с помещичьего имения в 1 тыс. душ; а ряд фабрикантов Иванова заплатили владельцу этого села графу Шереметеву за свою свободу свыше 1 млн. руб. , к тому же за ним осталась вся купленная ими ранее недвижимость — леса, земли и сами фабричные строения, — все это Шереметев оставлял им в пользование за высокую арендную плату. Однако далеко не всегда помещики соглашались отпускать крепостных фабрикантов даже за большой выкуп, ибо они платили им высокие оброки. Например, владелец крупной шелкоткацкой фабрики в селе Щелкове под Москвой Иван Кондрашев, имевший даже звание "мануфактур-советника", вплоть до реформы 1861 г. оставался крепостным князей Голицыных.

§ 6. Города. Транспорт. Внутренняя и внешняя торговля

Рост городского населения и городов

За 1811—1863 гг. городское население в европейской части России (без Польши и Финляндии) увеличилось с 2,8 млн. до 6,1 млн. человек, т. е. более чем в два раза, в то время как все население выросло на 60%. Следовательно, темпы роста численности городских жителей значительно превышали общий рост населения страны. Удельный вес горожан за указанные годы повысился с 6,5 до 8%.

Количество городов за 1811—1863 гг. возросло с 630 до 1032. Среди них преобладали небольшие города. В 1811 г. из 630 городов до 500 насчитывали не более 5 тыс. жителей каждый, 16 — до

20 тыс. и только 19 городов — свыше 20 тыс. населения. Наиболее крупными городами были Петербург и Москва. За 1811—1863 гг. число жителей Петербурга увеличилось с 336 тыс. до 540 тыс., Москвы — с 270 тыс. до 462 тыс. человек. Особенно быстро возрастало население крупных торгово-промышленных центров, речных и морских портов. Рост городов происходил преимущественно за счет притока населения извне. Постоянными жителями городов, особенно крупных, все более становились крестьяне (дворовые и пришедшие на заработки). Так, в середине XIX в. крестьяне составляли 60% жителей Москвы и 70% — Петербурга.

В то время официальное разделение населенных пунктов на города и села проводилось исключительно по административному признаку. Многие уездные и заштатные города фактически представляли собой большие селения, население которых занималось преимущественно сельским хозяйством, отчасти — торгово-промысловой деятельностью. Вместе с тем было немало крупных торгово-промышленных селений, которые по характеру занятий их жителей и даже по внешнему облику фактически представляли собой настоящие города, как, например, Иваново, Павлово, Кимры, Городец, Вичуга и др. Однако они продолжали оставаться на положении сел, причем в большинстве своем помещичьих сел. Владельческое право помещиков тормозило процесс городообразования.

Транспорт В дореформенной России основными видами транспорта были водный и гужевой. Главной транспортной артерией страны служила Волга. В составе грузопотоков, шедших по волжской водной системе, преобладал хлеб, отправляемый из поволжских и центрально-черноземных губерний большей частью в центрально-промышленные губернии и Петербург. Волга играла крупную роль в торговых связях России со Средней Азией и Ираном. Большое транспортное значение имели Северная Двина, Западная Двина, Неман, Днепр, Днестр, Дон, по которым перевозились в северные, западные и черноморские порты хлеб, лен, лес, поташ, железо и другие виды промышленной и сельскохозяйственной продукции, предназначенные на экспорт. В обслуживании внутренних водных путей была занята огромная армия судорабочих, в основном бурлаков. В 30—40-х годах XIX в. их насчитывалось 450 тыс. человек. Первые *каналы* появились еще при Петре I. В начале XIX в. были проведены новые каналы, соединившие важнейшие речные бассейны в европейской части России. В 1803 г. был сооружен Северо-Екатерининский канал, соединивший Каму с Северной Двиной, в 1804—1805 гг. — Огинский и Березинский каналы, связавшие Днепр с Западной Двиной, Неманом и Вислой. Наряду с действовавшей с начала XVIII в. Вышневолоцкой системой были созданы в 1808—1809 гг. Мариинская и Тихвинская системы каналов, соединившие Верхнюю Волгу с Балтийским морем. Хотя пропускная способность

этих каналов была тогда невелика, они все же имели немалое транспортное значение.

В первой половине XIX в. стало развиваться *пароходное* сообщение. Первый пароход появился на Неве в 1815 г. , а с 1817—1821 гг. пароходы стали ходить по Волге и Каме. До 1825 г. по внутренним водным путям плавало 11 пароходов, а в 1850 г. — 99. Пароходство заметно возросло в 50-е годы XIX в., чему немало способствовало основание в 1849 г. Сормовского судостроительного завода под Нижним Новгородом. В 1860 г. по Неве, Волге, Днепру и их притокам, а также по Балтийскому, Черному и Каспийскому морям плавало 339 пароходов.

Было положено начало строительству *шоссейных* и *железных* дорог. К 1825 г. было построено всего 367 верст шоссейных дорог, а к 1860 г. — 8515, из них 5456 верст были построены в 1850—1860 гг. Шоссе соединили Петербург с Варшавой, Москву с Петербургом, Варшавой, Ярославлем и Нижним Новгородом. Однако их общая протяженность для огромных пространств России была ничтожно мала.

Первая железная дорога между Петербургом и Царским Селом протяженностью в 25 верст была построена в 1837 г. В 1839—1848 гг. была сооружена Варшавско-Венская железная дорога, а к 1859 г. железнодорожная линия соединила Варшаву с Петербургом, и таким образом столица Российской империи была связана с западноевропейской железнодорожной сетью. В течение 1843—1851 гг. с громадной затратой сил и средств была построена *Петербургско-Московская железная дорога,* имевшая большое экономическое и стратегическое значение. Накануне реформы 1861 г. было начато строительство Рижско-Динабургской и Московско-Нижегородской железных дорог. Всего к 1861 г. в России насчитывалось всего 1,5 тыс. верст железных дорог, в то время как сравнительно меньшие по своей территории европейские страны — Англия, Германия, Франция — были уже покрыты густой сетью железных дорог. Слабое развитие транспорта в дореформенной России серьезно тормозило рост промышленности и торговли, становилось опасным в военно-стратегическом отношении, что особенно проявилось в ходе Крымской войны.

Внутренний рынок

Важнейшими условиями развития внутреннего рынка являлись рост промышленности, городов и торгово-промышленного населения, углубление процесса общественного разделения труда в связи с обозначившейся уже в дореформенный период хозяйственной специализацией регионов страны. Основными товарами, обращавшимися тогда на внутреннем рынке, были хлеб, скот и изделия крестьянских промыслов. Постепенно все большее значение в товарном обороте приобретала продукция крупной обрабатывающей промышленности, в первую очередь текстильной.

Большую роль во внутренней торговле дореформенной России играли *ярмарки* — ежегодно собиравшиеся по определенным дням торги, которые продолжались от нескольких дней до нескольких недель, а крупнейшие — и до нескольких месяцев. Ярмарочная торговля характерна для "доиндустриальной эпохи" с ее сравнительно узким и ограниченным внутренним рынком, обособленностью отдельных регионов и слаборазвитыми путями сообщения. В 40-х годах XIX в. в России насчитывалось до 4 тыс. ярмарок, из них половина приходилась на Украину. Преобладали сельские ярмарки, игравшие немаловажную роль в развитии крестьянских промыслов и втягивании деревни в товарно-денежные отношения. 64 ярмарки имели торговые обороты свыше 1 млн. руб. каждая. Особенно выделялись ярмарки Нижегородская (переведенная в 1817 г. в Нижний Новгород из Макарьева на Волге), Ирбитская в Сибири, Контрактовая в Киеве, Коренная в 30 верстах от Курска, а также собиравшиеся в Харькове Крещенская, Успенская и Покровская, Ростовская в Ярославской губернии. Крупнейшей ярмаркой, имевшей всероссийское значение ("всероссийское торжище"), была Нижегородская; она играла также огромную роль в торговле России с азиатскими странами. Торговые обороты Нижегородской ярмарки быстро росли: в 1829 г. на ней было продано товаров на 28,2 млн. руб. серебром, а в 1863 г. — на 125 млн. Ирбитская ярмарка была центром торговых связей России с Сибирью и Средней Азией. За 1817—1850 гг. ее обороты возросли в 9 раз, и она заняла второе место после Нижегородской.

Однако ярмарки не были преобладающим видом внутренней торговли в дореформенной России. Уже в конце XVIII в. в наиболее крупных городах и промышленных центрах быстро росла *постоянная* (магазинная) торговля. В Москве, Петербурге и в некоторых губернских городах в то время были сооружены большие гостиные дворы. Рост постоянной торговли стал более заметным в первой половине XIX в. в Центрально-промышленном районе. В связи с этим здесь падала роль ярмарок, сокращались их торговые обороты. Например, обороты Ростовской ярмарки, обслуживавшей этот район, с 1817 по 1850 гг. упали втрое. Вместе с тем для земледельческих губерний и национальных окраин России, наоборот, было характерно дальнейшее развитие ярмарочной торговли. Значительно возросли торговые обороты украинских и сибирских ярмарок. В 20—40-х годах XIX в. возникли новые ярмарки в Кишиневе, Аккермане, Тифлисе, Тюмени. Рост ярмарок на окраинах страны свидетельствовал о расширении внутреннего рынка, включении национальных окраин в общероссийские торговые связи.

Широко распространена была торговля *вразнос*. Предприимчивые коробейники закупали на ярмарках ткани, галантерею, мелкие предметы домашнего обихода и разъезжали с ними по всей

стране, проникая в самые отдаленные, глухие углы, реализуя товар не только за деньги, но и путем его обмена на лен, полотно и пр.

Внешняя торговля

Расширялись и внешнеторговые связи. Страны Европы покупали в России хлеб и сырье; развивавшаяся же русская промышленность нуждалась в машинах, инструментах, хлопке, красках и пр. Среднегодовой вывоз товаров из России возрос в стоимостном выражении с 59 млн. в 1801—1810 гг. до 226 млн. руб. в 1856 г., т. е. в 4 раза, а ввоз за эти же годы — с 42 млн. руб. до 206 млн. руб., или в 5 раз. Для русской внешней торговли традиционно был характерен активный торговый баланс (превышение вывоза над ввозом), который в значительной мере обусловливался протекционистской таможенной политикой правительства: установление высоких пошлин на ввозимые товары преследовало цель защитить отечественную промышленность от конкуренции западноевропейских промышленников.

В составе экспортируемых из России товаров преобладали хлеб, лен, пенька, сало, кожи, щетина, лес, т. е. главным образом продовольственные товары и сырье, составлявшие 80—90% стоимости русского экспорта. Доля промышленных товаров в русском экспорте была невелика; за первую половину XIX в. она даже снизилась с 13 до 8%, главным образом за счет сокращения вывоза металлов и изделий из них. Все большее значение в русском экспорте приобретал хлеб. В первые годы XIX в. ежегодно вывозилось до 20 млн. пудов хлеба, в 30—40-е годы — 27—29 млн. пудов, а в 50-е — до 70 млн. пудов. В составе импортируемых в Россию товаров большое место занимали машины и инструменты, ткани, бумажная пряжа, предметы роскоши.

Преобладающее место во внешней торговле России занимал торговый обмен с европейскими странами. На их долю приходилось свыше 90% объема внешнеторгового оборота России. Главным торговым партнером России была Англия. На ее долю в середине XIX в. приходилось 34% объема русского экспорта и импорта, в то время как на долю Германии — 11%, Франции — 10%, Китая — 7%, Дании — 6%, Турции — 5%, США — около 3%, а на долю всех остальных стран — 18%. Если для европейских стран Россия выступала преимущественно в роли поставщика сырья и покупателя промышленных товаров, то для Ирана, Средней Азии и Китая, наоборот, она являлась поставщиком промышленных товаров, главным образом тканей и металлических изделий. Из этих же стран в Россию ввозились чай, шелк, хлопок, шерсть, кожи, т. е. традиционные товары восточной торговли.

На внешнюю торговлю оказывали влияние не только экономическая конъюнктура, но и факторы привходящего характера — войны, изменения в таможенной политике государств и пр. Напри-

мер, отмена в 1846 г. "хлебных законов" в Англии способствовала резкому увеличению экспорта русского хлеба. Наполеоновские войны, включение России в континентальную блокаду против Англии в 1808—1812 гг. и особенно Крымская война 1853—1856 гг. вызвали временный спад русской внешней торговли.

§ 7. Итоги социально-экономического развития России в первой половине XIX века

Социально-экономическое развитие России первой половины XIX в. имело следующие особенности. *Первая* из них — неравномерность этого развития в различных регионах страны в силу разнообразия их природных, этнических и местных традиций. *Вторая* заключалась в том, что в России была весьма велика роль государства в экономической жизни страны. Эта роль выражалась не только в многочисленных мерах регулирования, опеки, контроля и поощрения промышленности и торговли, в таможенной политике, защищавшей отечественных предпринимателей, в предоставлении им разных льгот и субсидий. Она выражалась также и в развитии самого государственного хозяйства. Так, крупная промышленность с конца XVII и особенно в начале XVIII вв. создавалась в России государством и для казенных нужд. Казенные предприятия основывались и в XIX в. Даже многие частные предприятия, преимущественно работавшие на нужды казны, учреждались и функционировали при поддержке государства. Вся транспортная система (проведение каналов, шоссейных и железных дорог) строилась тогда исключительно государством. В дореформенной России не было частных банков. Вся кредитная система была исключительно государственной. *Третья* особенность заключалась в слабом развитии частной собственности, в первую очередь собственности на землю (здесь не имеется в виду феодальная собственность помещиков и государства),и как следствие этого — слабое развитие "третьего сословия". В России оно было представлено узким слоем городской буржуазии и ремесленников, отчасти лицами умственного труда, при этом они были втиснуты в жесткие рамки феодальных сословных структур.

Хотя новые социально-экономические процессы и подрывали феодально-крепостническую систему, она продолжала оставаться господствующей вплоть до падения крепостного права. Крепостничество в России в силу исторических условий держалось дольше, чем где бы то ни было в цивилизованном мире, и приняло самые жестокие и грубые формы — практически оно мало чем отличалось от рабства. Кроме того, крепостничество долгое время могло при-

способливаться к новым явлениям в экономике страны и даже использовать их для укрепления материальных позиций дворянства и абсолютистского государства. В феодальной экономике России происходили противоречивые процессы: с одной стороны, шел процесс разложения, а перед реформой 1861 г. — и кризиса ее основ; с другой, продолжалось распространение феодальных отношений на колонизуемые окраины путем насаждения в них дворянского землевладения — пожалования дворянам земель за военные и прочие заслуги и перевода на эти земли крепостных крестьян. Огромную роль в поддержании крепостничества играло и самодержавие, консервировавшее феодальную структуру общества. В конечном счете все это существенно замедляло темпы экономического развития страны в дореформенный период.

Глава 2
Внутренняя и внешняя политика в 1801—1812 гг.

§ 1. Внутренняя политика в 1801—1812 гг.

Восшествие на престол Александра I

Тираническое правление Павла I вызвало острое недовольство в кругах дворянства, интересы которого были сильно ущемлены. К тому же при непредсказуемом поведении Павла никто не мог чувствовать себя в безопасности. Уже к середине 1800 г. против Павла возник заговор, который сначала возглавил вице-канцлер Н. П. Панин, а после его ссылки — петербургский военный губернатор П. А. Пален. В ночь на 12 марта 1801 г. группа гвардейских офицеров из числа заговорщиков беспрепятственно проникла в Михайловский замок и покончила с Павлом. На престол вступил старший сын Павла *Александр* (1777—1825). В обнародованном им **12 марта 1801** г. Манифесте говорилось: "Судьбам всевышнего угодно было прекратить жизнь любезнейшего родителя нашего, государя императора Павла Петровича, скончавшегося скоропостижно апоплексическим ударом в ночь с 11-го на 12-е число сего месяца". При известии о смерти Павла I "столичное общество предалось необузданной и ребяческой радости, — вспоминал один из современников, — восторг выходил даже из пределов благопристойности". Дружный хор торжественных од приветствовал восшествие на престол Александра.

Личность Александра I всегда была загадкой для современников. "Сфинкс, не разгаданный до гроба", — писал о нем П. А. Вяземский. А. И. Герцен называл Александра "коронованным Гамлетом, которого всю жизнь преследовала тень убитого отца". Разноречивые оценки личности Александра представлены и в многочисленных его биографиях.

Александр был любимым внуком Екатерины II, которая сама руководила его воспитанием. Ею были приглашены лучшие преподаватели и в числе их выписанный из Швейцарии Ф. Ц. Лагарп — высокообразованный, приверженец идей просвещения и республиканец по взглядам. В должности "главного воспитателя" он состоял при Александре 11 лет. Знакомя своего воспитанника с понятием о "естественном" равенстве людей, беседуя с ним о преимуществе республиканской формы правления, о политической и гражданской свободе, о "всеобщем благе", к которому должен стремиться правитель, Лагарп тщательно обходил реалии крепостной России. Главным образом он занимался нравственным воспитанием своего уче-

ника. Впоследствии Александр I говорил, что всем, что есть у него хорошего, он обязан Лагарпу.

Но более действенной школой воспитания будущего императора явились те условия и атмосфера, которые окружали его с самого раннего детства, — враждовавшие между собой "большой двор" Екатерины II в Петербурге и "малый двор" отца Павла Петровича в Гатчине. Необходимость лавировать между ними приучила Александра, по меткому выражению В. О. Ключевского, "жить на два ума, держать две парадные физиономии", развила в нем скрытность, недоверчивость к людям и осторожность. Обладая незаурядным умом, изысканными манерами и, по отзывам современников, "врожденным даром любезности", он отличался виртуозной способностью расположить к себе людей различных взглядов и убеждений, ловко пользоваться людскими слабостями. Он умел играть "в откровенность" как надежное средство управлять людьми и подчинять их своей воле. "Сущий прельститель", — говорил о нем Сперанский. Наполеон, уже будучи на о. Святой Елены, так отзывался об Александре: "Царь умен, изящен, образован; он легко может очаровать, но этого надо опасаться; он неискренен; это настоящий византиец времен упадка Империи. . . Он может далеко пойти. Если я умру здесь, он станет моим настоящим наследником в Европе". Современники отмечали и такие черты характера Александра, как упрямство, подозрительность, большое самолюбие и стремление "искать популярности по любому поводу", а исследователи его биографии усматривали в нем "странное смешение философских поветрий XVIII в. с принципами прирожденного самовластия".

Александр вступил на престол в 23-летнем возрасте, но уже со сложившимися взглядами. В том же Манифесте 12 марта 1801 г. он объявил, что будет управлять "Богом врученным" ему народом "по законам и по сердцу в Бозе почивающей августейшей бабки нашей Екатерины Великия", тем самым подчеркнув свою приверженность политическому курсу Екатерины II, много сделавшей для расширения дворянских привилегий.

Он начал с того, что восстановил отмененные Павлом I "Жалованные" грамоты 1785 г. дворянству и городам, дворянские выборные корпоративные органы — уездные и губернские собрания дворян, освободил дворян от телесных наказаний, введенных Павлом I; была упразднена наводившая ужас Тайная экспедиция, занимавшаяся сыском и расправой, и освобождены содержавшиеся в Петропавловской крепости узники. Были возвращены из ссылки до 12 тыс. опальных или репрессированных Павлом чиновников и военных, объявлена амнистия всем бежавшим за границу от павловских репрессий. Были отменены и другие раздражавшие дворянство павловские указы, например, запрет носить круглые французские шляпы, выписывать иностранные газеты и журналы. В городах исчезли виселицы, к коим прибивали доски с именами опальных.

Было разрешено вновь открыть частные типографии и дозволить их владельцам издавать книги и журналы.

Александр I торжественно провозгласил, что в основе его политики будет не личная воля или каприз монарха, а строгое соблюдение законов. Так, в манифесте от 2 апреля 1801 г. об упразднении Тайной экспедиции говорилось, что отныне положен "надежный оплот злоупотреблению" и что "в благоустроенном государстве все преступления должны быть объемлемы, судимы и наказуемы общею силою закона". При каждом удобном случае Александр любил говорить о приоритете законности. Населению были обещаны правовые гарантии от произвола. Все эти заявления Александра I имели большой общественный резонанс. Вообще идея законности ("утверждение власти закона") тогда была главнейшей во взглядах представителей различных направлений общественной мысли — от Карамзина до декабристов.

В первые годы царствования Александра I стояли задачи не только устранения последствий тирании Павла I, но и усовершенствования государственного строя в новой исторической обстановке, когда вообще всем европейским монархам приходилось считаться с новым "духом времени" — с влиянием идей Века Просвещения и французской революции на умы, проводить гибкую политику уступок и даже преобразований. Любопытно заявление в те годы Александра I: "Самое могучее оружие, каким пользовались французы и которым они еще грозят всем странам, это общее убеждение, которое они сумели распространить, что их дело есть дело свободы и счастья народов", поэтому "истинный интерес законных властей требует, чтобы они вырвали из рук французов это оружие и, завладевши им, воспользовались им против их самих".

В русле этих намерений и проводилась политика Александра I в первое десятилетие его царствования. Вряд ли ее следует рассматривать всего лишь как "заигрывание с либерализмом". Это была политика преобразований — в первую очередь в центральном управлении (его реорганизация), в сфере просвещения и печати, в меньшей степени в социальной области.

Негласный комитет

Для проведения этого нового политического курса Александру I были нужны энергичные и деятельные советники. Уже в первый год своего царствования он призвал к себе "друзей юности" — представителей молодого поколения родовитой дворянской знати: Павла Строганова ("первого якобинца" и поклонника Бонапарта), его двоюродного брата Николая Новосильцева (старшего из всех, отличавшегося энциклопедической образованностью), молодого графа Виктора Кочубея (который хотя и "не блистал талантами", но был полезен "чиновничьей изощренностью") и Адама Чарторыйского (бескорыстного, честного, приходившегося двоюродным братом последнему польскому королю Станиславу Понятовскому и мечтавшего с помощью Александра I о восстановле-

нии независимости Польши). Они и составили летом 1801 г. “интимный кружок”, или *Негласный комитет.* Комитет не носил официального статуса государственного учреждения, но в первые годы царствования Александра имел значительный вес и в основных чертах определил программу преобразований.

Этот дружеский кружок сложился еще в 1797 г. Собираясь тайно из-за опасения павловских репрессий, члены кружка говорили о необходимости устранения деспотизма в России, отмене “рабства” крестьян, о предпочтительности республики. Но с воцарением Александра I тон их разговоров изменился. Члены Негласного комитета хотя и понимали необходимость преобразований, строили планы реформы государственного аппарата, облегчения участи крепостных крестьян, издания “Жалованной грамоты народу” (нечто вроде конституции), однако исходили из основ незыблемости абсолютизма.

Хотя Комитет был “негласным”, о нем знали и говорили многие, да и сам Александр I не делал из него тайны. Оппозиция из сановных екатерининских вельмож окрестила Комитет “якобинской шайкой”. Кстати, повод к такому нелестному эпитету Комитета подал сам Александр I, в шутку назвавший его “комитетом общественного спасения”. С июня 1801 г. по май 1802 г. Комитет собирался 35 раз, но в 1803 г., проведя всего 4 заседания, он был закрыт. Александр I к этому времени уже прочно чувствовал себя на троне и намеченную программу преобразований проводил сам, не нуждаясь в советниках.

Крестьянский вопрос

Уже в первый год своего царствования Александр I без какого-либо указа или манифеста прекратил практику раздачи казенных крестьян в частные руки. Во время его коронации в сентябре 1801 г. не последовало таких раздач, на которые надеялись некоторые приближенные к императору лица и которые ранее обыкновенно проводились при коронациях императоров. Когда один из сановников (герцог А. Вюртембергский, родственник царя) обратился к Александру I с просьбой о пожаловании ему имения, тот ответил: “Русские крестьяне большею частию принадлежат помещикам; считаю излишним доказывать унижение и бедствие такого состояния, и потому я дал обет не увеличивать число этих несчастных и принял за правило не давать никому в собственность крестьян”.

Это отнюдь не означало, что казенные крестьяне были гарантированы от перевода их на положение крепостных. В 1810—1817 гг. в связи с тяжелым финансовым положением империи было продано в частные руки свыше 10 тыс. мужского пола казенных крестьян; в Белоруссии и на Правобережной Украине широко практиковалась сдача их в аренду частным лицам. Казенных крестьян закрепощали и другими путями: например, переводили в удельное

ведомство, приписывали к казенным фабрикам и заводам, наконец, обращали в военных поселян (что на практике оказалось наиболее тяжелой формой закрепощения).

20 февраля 1803 г. был издан указ о *вольных хлебопашцах*. Он предусматривал освобождение крепостных крестьян на волю за выкуп с землей целыми селениями или отдельными семействами по обоюдному согласию с помещиком. Впрочем, помещики и раньше могли отпускать по своему желанию крестьян на волю за выкуп; но указ 1803 г. был призван поощрить помещиков к расширению такой практики, причем с обязательным условием наделения крестьян землей в собственность. Вольные хлебопашцы не выходили из статуса податного сословия: они уплачивали подушную подать, несли другие государственные денежные и натуральные повинности, включая и рекрутчину.

Реальные результаты указа 1803 г. были незначительными: за время царствования Александра I было заключено 160 сделок, по которым выкупились на волю 47 тыс. душ мужского пола крестьян (менее 0,5%). Всего же за время действия указа (до 1858 г.) выкупилось 152 тыс. душ (около 1,5%). Причина этого заключалась не только в нежелании многих помещиков предоставить крестьянам свободу даже за выкуп, но из-за тяжелых финансовых условий выкупа: цена выкупа одной души мужского пола в то время составляла около 400 руб. ассигнациями (100 руб. серебром), т. е. 15—20 годовых оброков. Обычно получившие свободу на основании этого указа были не в состоянии внести сразу всю выкупную сумму, и договоры об отпуске на волю содержали кабальные условия: рассрочка выкупа под высокие проценты, отработки и пр. В указе также говорилось: “Если крестьянин или целое селение не исполнит своих обязательств, то возвращается помещику с землею и семейством по-прежнему”.

В первое десятилетие царствования Александра I были изданы указы, направленные на ограничение помещичьего произвола и смягчение крепостного права, однако все они носили паллиативный характер. Так, указ 1801 г. запрещал публиковать объявления о продаже дворовых. Сама же практика их продажи не запрещалась; только в публикуемых объявлениях сообщалось, что такой-то не “продается”, а “отдается внаймы”. Указ 1808 г. запрещал продавать крестьян на ярмарках “в розницу”, а указ 1809 г. отменял право помещиков ссылать своих крестьян в Сибирь за маловажные проступки. Подтверждалось правило: если крестьянин единожды получил свободу, то он не мог быть вновь закрепощен. Крестьянам, незаконно записанным за помещиками, предоставлялось право возбуждать иски о предоставлении свободы. Получали свободу крепостные крестьяне, вернувшиеся из плена или из-за границы. Взятый по рекрутскому набору крестьянин также считался свободным и по окончании срока службы уже не мог быть возвращен к своему владельцу. Помещик по закону был обязан кормить своих крестьян

в голодные годы. Крестьяне с дозволения помещика получали право торговать, брать векселя, заниматься подрядами.

В 1804—1805 гг. был проведен первый этап аграрной реформы в Остзейском крае — в Латвии и Эстонии. **20 февраля 1804 г.** было издано *Положение о лифляндских крестьянах*, распространенное в 1805 г. и на Эстонию. Крестьяне-"дворохозяева" объявлялись пожизненными и наследственными держателями своих земельных наделов, за которые они обязаны были отбывать владельцу земли барщину или оброк. Ограничивалась власть помещика над крестьянами. "Положение" однако не распространялось на безземельных крестьян ("батраков").

Уступкой новым социально-экономическим условиям в стране явился указ 12 декабря 1801 г. о предоставлении права покупки земли и другой недвижимости купцам, мещанам, духовенству, государственным крестьянам (помещичьи и удельные крестьяне такое право получили в 1848 г.). Тем самым нарушалась, хотя и незначительно, монополия дворянства на земельную собственность. По приблизительным подсчетам, к моменту отмены крепостного права дворяне продали лицам других сословий менее 3% своей земли.

Более существенный характер носили преобразования в просвещении, печати, центральном управлении.

Реформа народного образования

В **1803—1804 гг.** была проведена реформа *народного образования*. Согласно указу 26 января 1803 г. "Об устройстве училищ" в основу системы образования были положены принципы бессословности, бесплатности обучения на низших его ступенях, преемственности учебных программ с тем, чтобы окончивший низшую ступень мог беспрепятственно поступить в высшую. Низшей, *первой* ступенью являлось одноклассное приходское училище, *второй* — уездное трехклассное училище, *третьей* — шестиклассная гимназия в губернском городе. *Высшей* ступенью был университет. Было образовано шесть учебных округов, возглавляемых попечителями, которых назначал император. Однако попечитель выполнял лишь функции надзора и контроля над учебными заведениями во вверенном ему округе. По существу же всем учебным процессом в округах ведали университеты: они разрабатывали учебные программы и выпускали учебники, имели право назначать учителей в гимназии и училища своих округов.

Указ 1803 г. предусматривал также и меру, стимулирующую получение образования. Один из пунктов указа гласил, что по истечении пяти лет после издания указа "никто не будет определен к гражданской должности, требующей юридических и других познаний, не окончив учения в общественном или частном училище".

Помимо основанного в 1755 г. Московского университета в первые годы XIX в. были созданы еще пять: в 1802 г. Дерптский (ныне Тартуский), в 1803 г. на базе Главной Виленской гимназии Виленский, в 1804—1805 гг. также на базе гимназий — Казанский и Харь-

ковский университеты. В 1804 г. был основан Петербургский педагогический институт, преобразованный в 1819 г. в университет. Изданный **5 ноября 1804 г.** *Устав университетов* предоставлял университетам значительную автономию: выборность ректора и профессуры, собственный университетский суд, невмешательство администрации в дела университетов.

Университеты имели четыре отделения (факультета): 1) нравственных и политических наук (богословие, правоведение, философия, политэкономия), 2) физических и математических наук (математика, астрономия, физика, химия, минералогия, ботаника, агрономия), 3) врачебных и медицинских наук (анатомия и врачебное дело, ветеринария) и 4) словесных наук (классическая и современная филология, российская и всеобщая история, археология, статистика и география). В Петербургском педагогическом институте, приравненном к университетам, вместо медицинского было создано восточное отделение. При университетах учреждались пансионы для подготовки к поступлению в университет лиц, получивших домашнее образование или же окончивших уездные училища. Университеты готовили преподавателей гимназий, кадры чиновников для гражданской службы, специалистов-медиков. Наиболее способных из числа окончивших университеты оставляли "для подготовки к профессорскому званию".

Вначале при недостатке преподавательских кадров, особенно в университетах, основанных на базе гимназий, обязанности профессоров выполняли учителя этих гимназий. В крупные университеты (например, в Московский) приглашались иностранные ученые, преимущественно профессора из немецких университетов. Большинство их были преданны науке, честно служили России, которая стала для них второй родиной.

К университетам приравнивались привилегированные *средние учебные заведения* гуманитарного профиля — лицеи: открытый на средства заводчика А. П. Демидова в 1805 г. в Ярославле Демидовский лицей, в 1809 г. — Ришельевский в Одессе и в 1811 г. — Царскосельский. В 1810 г. были основаны Институт инженеров путей сообщения в Петербурге и в 1804 г. Московское коммерческое училище — так было положено начало *высшему специальному образованию* (до этого существовали основанная в 1757 г. Императорская Академия художеств в Петербурге и открытый там же в 1773 г. Горный институт). Была расширена система *военного образования*, преимущественно через кадетские корпуса — закрытые средние военные учебные заведения для детей дворян.

Цензура

9 июля 1804 г. был издан *Устав о цензуре*, который считается самым "либеральным" в России XIX в. Цензуру проводили цензурные комитеты при университетах из профессоров и магистров. Общее руководство цензурными комитетами осуществляло Министерство народного просвещения. Цензорам рекомендовалось руководствоваться "благоразумным снисхождением, удаля-

ясь [от] всякого пристрастного толкования сочинений или мест в оных, которые по каким-либо причинам кажутся подлежащими запрещению; когда место, подверженное сомнению, имеет двоякий смысл, в таком случае лучше истолковать оное выгоднейшим для сочинителя образом, нежели его преследовать". Авторы и издатели получали право обжалования действий цензоров в Главном управлении училищ при Министерстве народного просвещения.

Цензурные послабления в первые годы царствования Александра I способствовали расширению *издательской деятельности*. Появился ряд новых журналов и литературных альманахов, увеличилось издание переводов иностранной литературы. По инициативе самого Александра I за счет казны были переведены на русский язык и изданы произведения известных западноевропейских просветителей — философов, экономистов, юристов — А. Смита, Дж. Бентама, Ч. Беккариа, Ш. Делольма, Ш. Монтескье. Позже декабристы на следствии постоянно указывали на этих авторов, из произведений которых они заимствовали "первые вольнодумческие и либеральные мысли". Однако вскоре последовали изменения в цензурной практике в сторону ужесточения. С учреждением в 1810 г. Министерства полиции на него были возложены некоторые цензурные функции и контроль за цензурными учреждениями.

Ряд мер либерального характера был осуществлен в области *конфессиональной политики*. В 1801 г. Александр I заявил о соблюдении веротерпимости по отношению к не относящимся к православию конфессиям. В 1803 г. был снят запрет на учреждение и деятельность масонских лож. (Более подробно об этом см. в главе 24).

Преобразование органов центрального управления

В 1801—1811 гг. было проведено преобразование органов центрального управления. 30 марта 1801 г. был учрежден *Непременный (постоянный) совет* — совещательный орган при императоре для обсуждения важнейших государственных вопросов. Он заменил собой прежний Совет при высочайшем дворе, собиравшийся от случая к случаю. Непременный совет состоял из двенадцати титулованных сановников, назначаемых императором. Однако этот Совет не играл серьезной роли в центральной администрации.

Сенат был восстановлен в своих прерогативах высшего судебно-административного органа и "хранителя законов". В 1802 г. был издан указ о правах Сената, который объявлялся верховным органом в империи, сосредоточившим в себе высшую административную, судебную и контролирующую власть. Ему предоставлялось право делать"представления" по поводу издаваемых указов, если они противоречили другим законам. Однако первая же попытка Сената возразить против царского указа 1803 г. о введении обязательной 12-летней службы дворян, не достигших офицерского чина (указ противоречил "Жалованной грамоте дворянству"), вызвала резкое недовольство императора, а Сенату было "разъяснено", что

он может делать возражения лишь по ранее изданным законам, а не по настоящим и будущим.

В 1802—1811 гг., в два этапа, была проведена *министерская реформа.* Старые петровские коллегии, ликвидированные Екатериной II и восстановленные Павлом I, уже не отвечали усложнившимся задачам управления страной. Манифестом 8 сентября 1802 г. учреждалось 8 министерств: военно-сухопутных сил, морских сил, внутренних дел, иностранных дел (до 1832 г. оно еще сохраняло свое название Коллегия иностранных дел), юстиции, финансов, коммерции и народного просвещения. В отличие от коллегий министерства управлялись единолично министром, назначаемым императором и лично перед ним ответственным.

Учреждение министерств знаменовало собой дальнейшую бюрократизацию управления и усовершенствование центрального аппарата управления. Каждый министр имел заместителя (товарища министра) и канцелярию. Министерства подразделялись на департаменты, возглавляемые директорами, департаменты — на отделения во главе с начальниками отделений, а отделения — на столы во главе со столоначальниками. Для совместного обсуждения дел учреждался *Комитет министров.* Первыми министрами и товарищами министров были назначены как представители старой, екатерининской, знати (Г. Р. Державин, Н. С. Мордвинов, П. В. Завадовский и др.), так и новой, в том числе "молодые друзья" Александра I (Н. Н. Новосильцев, В. П. Кочубей, А. Чарторыйский, С. М. Воронцов, П. А. Строганов).

Первоначально структура и функции министерств еще не были четко определены. Они были подробно разработаны в утвержденном царем 25 июня 1811 г. "Общем учреждении министерств", которое знаменовало собой завершение министерской реформы. К этому времени число министерств увеличилось до двенадцати. Были добавлены Министерство полиции и приравненные к министерствам Государственное казначейство, Главное управление духовных дел разных исповеданий (не входивших в ведение Святейшего Синода), Главное управление ревизии государственных счетов и Главное управление путей сообщения (позже преобразованное в Министерство путей сообщения). Упразднялось Министерство коммерции — его функции передавались Департаменту мануфактур и торговли Министерства финансов. Все министры (по должности) входили в состав Сената. Закон устанавливал точное разграничение функций каждого министерства, единые принципы их структуры и общий порядок прохождения дел в них, проводил принцип строгого единоначалия и подчиненности внутри министерских подразделений, определял взаимоотношения министерств с другими органами государственного управления. При министре создавались канцелярия во главе с директором "для рассмотрения дел, требующих по важности их общего соображения, до всех департаментов относящихся", и Совет министра, в состав которого входили все директо-

ра департаментов. При необходимости в Совет министра приглашались в качестве экспертов ученые, инженеры, заводчики, купцы.

В каждом департаменте из начальников отделений составлялось общее присутствие. Департаменты представляли министру ежемесячные ведомости о решенных и нерешенных делах. Кроме того, министр мог в любое время провести проверку вверенных ему структурных подразделений. Власть министра была "единственно исполнительная". Он не мог вводить даже по своему ведомству "никакой новый закон, никакое свое учреждение" и не имел права отменять "прежние". В своих действиях он был подчинен только императору и только перед ним был ответственен. Если распоряжения министра противоречили актам, утвержденным императором, то чиновники министерства были обязаны сообщить о том в Сенат, но для привлечения министра к ответственности требовалась санкция императора. Затем специальная комиссия проводила следствие, по результатам которого министр мог быть отрешен от должности императором. Министр подлежал ответственности, если он отменял или что-либо делал в ущерб уставам и учреждениям, предписанным законом, или своим действием принимал такую меру, "которая требует нового закона или постановления".

М. М. Сперанский

В 1807 г. на арену политической жизни страны выдвинулся *Михаил Михайлович Сперанский* (1772—1839). Среди политических деятелей дореволюционной России этому "русскому реформатору", по определению Н. Г. Чернышевского, принадлежит бесспорно первое место. Историческая значимость того, что сделал Сперанский, определяется не только разработкой далеко идущих планов государственного преобразования России, но и его многогранной деятельностью политика-практика, талантливого администратора, а также кодификатора законов и теоретика права.

Выходец из семьи бедного сельского священника Владимирской губернии, Сперанский, благодаря своему выдающемуся уму, энциклопедической эрудиции, энергии и необычайной работоспособности, быстро сделал блестящую служебную карьеру. Службу он начал еще при Павле I в должности начальника канцелярии генерал-прокурора А. Б. Куракина. В 1803 г. Сперанский уже директор одного из департаментов Министерства внутренних дел, которым управлял тогда В. П. Кочубей.

Поворот в дальнейшей карьере Сперанского произошел в связи со следующим событием. В конце 1806 г. Кочубей, будучи больным, вместо себя с докладом по министерству послал к императору Сперанского. Доклад произвел самое благоприятное впечатление на Александра I, который был изумлен его ясностью и изяществом стиля, а после беседы со Сперанским сразу оценил его незаурядный ум. Сначала Александр приблизил к себе Сперанского как "делового секретаря", а затем сделал его своим ближайшим помощни-

ком — стал давать ему и более важные поручения, брать с собой в частые поездки.

1808—1811 годы — время могущества и славы Сперанского, который в это время был фактически вторым, после императора, лицом в государстве, вершителем внутренней политики и автором многих задуманных или проведенных преобразований. Он назначается членом Комиссии для составления законов,товарищем министра юстиции, входит в состав многочисленных комитетов, учреждавшихся по разным вопросам. Все современники Сперанского единодушно свидетельствуют, что никто не мог, как он, с таким блеском и строгой логикой написать доклад или проект, оформить текст закона. Все важнейшие тексты законов за пятилетие (1807—1812) были составлены или отредактированы Сперанским.

В конце сентября 1808 г. Александр I, отправляясь на встречу с Наполеоном в г. Эрфурт, взял с собой Сперанского. Здесь Сперанский имел несколько "приватных" бесед с Наполеоном и его министром иностранных дел Ш. Талейраном. По свидетельству сопровождавшего Наполеона герцога Г. Бассано, Наполеон, восхищенный умом Сперанского, обратившись к российскому императору, сказал: "Какого человека вы имеете при себе! Я отдал бы за него любое королевство!" После Наполеон отзывался о Сперанском как о "единственно светлой личности" в России.

По возвращении из Эрфурта Сперанский становится наиболее приближенным к императору лицом. Александр проводил с ним целые вечера в чтении и обсуждении проектов и записок по разным вопросам, составленных ранее либо самим Сперанским, либо представленных другими лицами: об устройстве администрации, совершенствовании законодательства и даже "о предметах научных и религиозных". Все сразу заметили возросшее могущество и влияние Сперанского, что возбуждало зависть, а затем и ненависть придворной камарильи к этому "поповичу".

План М. М. Сперанского государственного преобразования России

В декабре 1808 г. Александр I поручил ему составление Плана государственного преобразования России. Сперанский принялся за разработку проекта с присущими ему энергией и обстоятельностью, веря в возможность осуществления разрабатываемой им реформы. Он весь ушел в дело, отдавая ему всю силу своего ума. Александр передал ему все материалы Негласного комитета, проекты и записки, поступившие в Комиссию составления государственных законов. Сам Сперанский, по его свидетельству, "изучил все существующие в мире конституции" и ежедневно встречался с императором, с которым обсуждал каждый параграф плана.

В октябре 1809 г. проект под названием "Введение к уложению государственных законов" был готов и представлен императору. Во вводной части проекта Сперанский подчеркнул неотложность преобразований. Французская революция и революционные потрясе-

ния в других странах, писал он, показывают, что такая же опасность грозит и России. Поэтому для предотвращения такого исхода событий необходимы радикальные преобразования, ибо возможность "исправить зло частными мерами миновала". Цель плана Сперанского заключалась в том, чтобы модернизировать и европеизировать российскую государственную машину путем введения буржуазных по существу норм, однако при сохранении самодержавной власти императора.

В основу государственного устройства страны по плану Сперанского был положен принцип разделения властей — на законодательную, исполнительную и судебную при верховенстве власти самодержавного монарха. План предлагал четкую структуру всех трех видов власти на всех уровнях начиная с волости — первичной административной единицы.

В волостном центре один раз в три года созывается первое звено местного распорядительного органа власти — Волостная дума,в которую избираются представители от всех владельцев недвижимой собственности (независимо от сословной принадлежности), а также от казенных крестьян — из расчета один представитель от 500 душ мужского пола. Волостная дума избирает своего председателя, секретаря, а также депутатов в Окружную думу. В центре округа — окружном городе (в составе губернии предполагалось образовать от двух до пяти округов) созывается также один раз в три года Окружная дума, которая избирает, помимо председателя, главного секретаря, Окружной совет, Окружной суд и депутатов в Губернскую думу. Точно так же один раз в три года в губернском городе созывается Губернская дума, избирающая председателя, Губернский совет, Губернский суд и депутатов в высший представительный орган империи — Государственную думу (она называлась также Думой империи). Председатель (или канцлер) Думы назначался императором из числа представленных ею трех кандидатов. В системе высших органов власти Государственная дума занимает положение, равное Сенату. Она собирается на свои заседания "без всякого созыва ежегодно в сентябре" и заседает столько времени, сколько потребуется повесткой дня. За императором закрепляется право прервать сессию Думы или распустить ее, назначив новые выборы. Государственная дума, по проекту Сперанского, не обладала законодательной инициативой. Последняя — прерогатива "одной державной власти", т. е. императора, который и вносил на ее обсуждение законопроекты. Таким образом, хотя Государственная дума и называлась "законодательным учреждением", ее законодательные функции были существенно ограничены.

На основе принципа выборности формировались первые три инстанции исполнительной власти — волостные, окружные и губернские правления, избиравшиеся на волостных, окружных и губернских собраниях. Высшей исполнительной властью ("Управление государственное") являлись министерства; министры и их "товарищи" (заместители) назначались императором.

Принцип выборности был положен и в основу формирования судебной власти: волостные, окружные и губернские суды избирались соответственно волостными, окружными и губернскими собраниями. Окружные и губернские суды состояли каждый из уголовного и гражданского отделений. В первых трех судебных инстанциях вводились суд присяжных заседателей и гласное судопроизводство. Высшей судебной инстанцией ("Верховным судилищем для всей империи") являлся Сенат Судебный (при сохранении и Сената Правительствующего). В составе его были два департамента по гражданским и два по уголовным делам (по каждому из них в Петербурге и Москве). Сенат Судебный был высшей контрольной, кассационной и апелляционной инстанцией в империи. В него императором назначались лица из представленных губернскими думами кандидатов.

Высшим органом, призванным координировать деятельность законодательной, исполнительной и судебной властей, являлся *Государственный совет* — связующее звено между этими ветвями власти и императором. "Все законы, уставы и учреждения, — говорится в проекте, — в первых их начертаниях предлагаются и рассматриваются в Государственном совете и потом действием державной (императорской) власти поступают к предназначенному их свершению в порядке законодательном, судном и исполнительном". Члены Государственного совета назначаются императором, который и председательствует в Совете. Ни один закон не может вступить в силу без утверждения его императором.

Рассматривая существующее разделение населения на привилегированные и непривилегированные сословия как "следствие феодального состояния", Сперанский все же считал правомерным "разделение состояний" (социальных категорий) по обладанию гражданскими и политическими правами. Под гражданскими правами он подразумевал личную свободу, право занятий, передвижений, участия в судебных исках от своего имени, заключать разного рода имущественные сделки, под политическими — участие в государственном управлении. Гражданские права предоставляются всему населению, политические же — только тем, кто владеет недвижимой собственностью. В соответствии с этим Сперанский устанавливал следующее "разделение состояний": 1) дворянство, как владельцы недвижимой собственности, 2) "среднее состояние" (купцы, мещане, государственные крестьяне) и 3) "народ рабочий" (помещичьи крестьяне, "домашние слуги, ремесленные и рабочие люди и поденщики"). Он допускал как переход из "низших состояний" в "высшие" путем приобретения недвижимой собственности, а также посредством выслуги лет на военной или гражданской службе, так и потерю политических прав (например, для дворян — в результате суда и "публичного наказания", уклонения от службы, утраты своего имущественного положения). В проекте обходился вопрос о крепостном праве, однако Сперанский, как видно по его другим запискам, стоял за его отмену в три этапа: 1) определение законом по-

винностей крестьян, 2) предоставление им права перехода от одного помещика к другому и 3) полная отмена крепостной зависимости.

Александр I признал проект Сперанского "удовлетворительным и полезным". Сперанский даже составил календарный план проведения в жизнь своего проекта (в течение 1810—1811 гг.). Однако его проект встретил упорное сопротивление сенаторов, министров и других сановников, считавших его слишком радикальным и "опасным". Александр I, встретив сильное противодействие со стороны правящих кругов, отклонил одобренный им План Сперанского.

Из Плана государственного преобразования Сперанского были реализованы те его части, которые касались введения Государственного совета и завершения министерской реформы.

1 января 1810 г. был обнародован Манифест об учреждении *Государственного совета*, и в тот же год состоялось его открытие. Это был высший законосовещательный орган при императоре. В функции Государственного совета входили обсуждение внесенных в него законопроектов, "толкование" (разъяснение) смысла уже изданных законов, принятие мер к их проведению в жизнь через исполнительные органы власти, распределение по министерствам и ведомствам расходов на их содержание, рассмотрение годовых отчетов министров.

Государственный совет состоял из четырех департаментов: 1) департамента законов, рассматривавшего общегосударственные законопроекты, 2) гражданских и духовных дел, ведавшего вопросами юстиции, полиции и духовного ведомства, 3) государственной экономии, в ведении которого находились вопросы финансов, промышленности, торговли и наук, и 4) военного. При Государственном совете существовали Комиссия составления законов и Комиссия прошений. Для организации деятельности Государственного совета учреждалась Государственная канцелярия во главе с государственным секретарем — им был назначен Сперанский. Поскольку все законопроекты первоначально направлялись в эту канцелярию, где они "редактировались" перед обсуждением в Совете, канцелярия и особенно ее начальник Сперанский приобретали большой вес и влияние. Окончательное обсуждение законов проходило в Общем собрании Государственного совета — объединенном заседании департаментов. Законы вступали в силу только после утверждения их императором. При этом он мог внять мнению как большинства, так и меньшинства Совета, мог отвергнуть и то, и другое, приняв собственное решение. В состав Государственного совета входили все министры (по их должности), а также назначаемые пожизненно императором лица из высших сановников. Во главе Государственного совета стоял назначаемый императором председатель, он же одновременно являлся и председателем Комитета министров. Если император присутствовал на заседании Государственного совета, то занимал место его председателя. Первоначально Государственный совет состоял из 25 членов, в 1825 г. — из 36, в конце XIX в. в нем числилось свыше 70 членов. В виде законосовещательного ор-

гана при царе Государственный совет просуществовал до 20 февраля 1906 г. , когда в связи с образованием законодательной Государственной думы ему был придан статус верхней законодательной палаты, а его состав существенно изменен.

Учреждением в 1810 г. Государственного совета и преобразованием в 1811 г. министерств завершилась реорганизация органов центрального управления, которые с некоторыми изменениями просуществовали вплоть до 1917 г.

Приближалась "гроза двенадцатого года". Необходимо было готовиться к тяжелой войне с сильным противником — наполеоновской Францией. В первую очередь следовало укрепить финансовую систему. Из-за почти беспрерывных войн, которые вела Россия начиная с 1804 г., резко возросли военные расходы, а присоединение к континентальной блокаде Англии усугубило расстройство финансовой системы, находившейся в состоянии кризиса. Дефицит в бюджете возрос в четыре раза, ценность ассигнационного рубля по отношению к серебряному за 1804—1810 гг. упала с 80 до 25 коп.

Оздоровление финансовой системы было поручено Сперанскому. Он привлек к разработке плана финансовых реформ Н. С. Мордвинова и ряд профессоров — знатоков финансового дела. В первую очередь были изысканы пути сокращения государственных расходов. Затем были повышены прямые и косвенные налоги: удвоены размеры подушной подати с крестьян, утроены — с мещан; увеличены гильдейские сборы с купцов и за свидетельства на право торговли "торгующих крестьян"; повышены "питейные сборы", в 2,5 раза поднята цена на соль; увеличены пошлины на паспорта, гербовую бумагу, почтовые услуги; в Москве и Петербурге была введена пошлина на недвижимость. Было принято решение выпустить внутренний заем и приступить к продаже части казенных земель. Наконец Сперанский пошел на введение налога на помещичьи имения в размере 50 коп. с каждой ревизской души. Все эти меры позволили в течение 1810—1811 гг. увеличить государственный доход более чем вдвое и устранить угрозу финансового банкротства. Впоследствии (в 1813 г.) Сперанский писал императору, что если бы эти меры не были приняты, "то не только вести настоящую войну, но и встретить ее было бы не с чем".

Вместе с тем планы и деятельность Сперанского встретили мощное противодействие в консервативных дворянских кругах. Недовольство вызвали не только его реформы в управлении и финансовые меры, но и особенно ущемлявшие дворянство указы от 3 апреля и 6 августа 1809 г. о "придворных чинах" и об "экзаменах на чин", изданные по инициативе реформатора. Согласно первому указу, находившиеся в званиях камер-юнкера и камергера обязаны были избрать себе определенный род службы, в противном случае их звания объявлялись лишь почетными отличиями, не дававшими никакого чина. Второй указ в целях повышения грамотности и профессионального уровня чиновников требовал, чтобы чины коллежского асессора и статского советника (первый давал личное, а

второй потомственное дворянство) присваивались только при предъявлении диплома об университетском образовании или сдаче экзамена в объеме университетского курса.

Записка "О древней и новой России" Н. М. Карамзина

Недовольство дворянства преобразованиями Сперанского и вообще политикой Александра I в первое десятилетие его царствования нашло выражение в составленной для царя в 1811 г. Н. М. Карамзиным записке "О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях". Главный смысл "Записки" заключался в доказательстве того, что вся судьба России и ее величие зависят от могущества самодержавия: Россия "процветала", когда оно было сильно, и "падала", когда оно ослабевало. Но вместе с тем Карамзин осуждал "властолюбие неумеренное и незаконное", яркие примеры которого он видел в царствованиях Ивана Грозного и Бориса Годунова. Но Карамзин выступал и против "аристократической гидры" — олигархического правления. Его идеал — самодержавие, опирающееся на строгую законность. Он протестовал против "излишней любви к государственным преобразованиям" и против "изобретения разных министерств и Советов". "Требуем больше мудрости охранительной, нежели творческой, — писал он. — Новости ведут к новостям и благоприятствуют необузданности, произволу". Не следует, по его мнению, создавать многочисленные законы: "Для старого народа не надобно новых законов". Карамзин советовал собрать уже существующие законы, привести их в систему, исключить из них "обветшавшие", утратившие силу. Он считал, что достаточно "50 умных губернаторов" для нормальной работы администрации на местах.

Главный тезис Карамзина об укреплении самодержавия тесно связывался с требованием охраны прав и привилегий дворянства как важнейшей опоры самодержавной власти. Восхваляя Екатерину II за то, что она возвеличила дворянство, он осуждал Павла I, который своим "сумасбродством" дискредитировал самодержавие и ограничил права дворяства. Суровой критике Карамзин подверг и политику Александра I, но уже в другом смысле: вводимые им новшества могут привести к ослаблению самодержавия.

Карамзин признавал, что крепостное право есть "зло", но он — решительный противник его отмены. Его аргументация такова. Земля, которой пользуются крестьяне, — бесспорно дворянская собственность, поэтому освобождение крестьян с землей невозможно, ибо оно ущемит коренные интересы дворянства. Но и освобождение крестьян без земли лишено смысла, даже опасно: помещики лишатся средств к существованию, ибо безземельный крестьянин не в состоянии будет нести повинности; нанесет оно несомненный вред и государству — крестьяне "станут пьянствовать и злодействовать", в стране "воцарится безначалие". Отмена крепостного права лишит царя поддержки со стороны дворянства, которое воспримет эту меру как свое унижение. А без поддержки дворянства самодержавная

власть царя ослабнет. Поэтому, делает вывод Карамзин, “для твердости бытия государственного безопаснее поработить людей, нежели дать им не вовремя свободу”.

Опала М. М. Сперанского

Вокруг Сперанского плелись интриги. На него посыпались доносы, в которых он обвинялся даже в шпионаже в пользу Франции. Сначала он не обращал внимания на эти наветы и инсинуации, надеясь на поддержку и расположение к себе императора, но вскоре он почувствовал нависшую над ним опасность. В начале февраля 1811 г. Сперанский просил императора об отставке, но просьба была отклонена. Более того, Александр демонстративно стал оказывать ему знаки “благосклонности”, а это, как знали по собственному опыту царедворцы, служило верным признаком приближения опалы. 1 января 1812 г. Сперанский был удостоен ордена Александра Невского, а 17 марта был вызван на аудиенцию к императору. После двухчасового конфиденциального разговора он вышел из кабинета царя “в великом смущении”. В своем доме он застал министра полиции А. Д. Балашова с помощником — они опечатывали его бумаги. У дома стоял возок для отправки Сперанского в ссылку. Сначала Александр I распорядился поселить его в Нижнем Новгороде. Через полгода, по новому доносу, Сперанского сослали в Пермь.

Опала Сперанского вызвала бурю восторга в придворных кругах. Некоторые даже удивлялись “милосердию” царя, “не казнившего этого преступника, изменника и предателя”. Все эти обвинения были вздорны. Сам царь был убежден в невиновности Сперанского, но был вынужден, по собственному признанию, принести его в жертву, чтобы погасить растущее недовольство дворянства, вызванное преобразовательными мерами. Характерно, что А. А. Аракчеев, ненавидевший придворную камарилью, встретил с тревогой опалу Сперанского, полагая, что подобная участь угрожает и ему самому. Опала Сперанского с осуждением была воспринята Н. С. Мордвиновым, который в знак протеста подал в отставку.

В 1814 г. Сперанский был вызван из пермской ссылки. По рекомендации А. А. Аракчеева в 1816 г. он был назначен пензенским губернатором, а в 1819 г. — сибирским генерал-губернатором, где провел крупную административную реформу. В 1821 г. Александр I возвратил Сперанского в Петербург, назначил членом Государственного совета и управляющим Комиссией о составлении законов. Но Сперанский уже не мог вернуть своего былого положения, находясь на второстепенных ролях.

§ 2. Внешняя политика России в 1801—1812 гг.

Основные направления и задачи внешней политики

В начале царствования Александра I основные внешнеполитические задачи оставались прежние, сложившиеся еще в конце XVIII столетия, когда Россия встала в один ряд с великими европейскими державами. Ее геополитические интересы и приоритеты

последовательно трансформировались на протяжении нескольких веков, но в то же время в значительной степени оставались традиционными. Борьба за укрепление своих позиций на *северо-западе — в Прибалтике*, на *юге* — на черноморском побережье, обеспечение безопасности *западной* границы — все это были *главные направления* во внешней политике России. Таким образом, основной задачей являлось создание естественной геополитической системы для России, связанной с решением проблем ее национальной безопасности. Одновременно российское государство, как и другие великие державы той поры, стремилось к расширению территории, к завоеванию новых подданных, к укреплению тем самым своего могущества. Между тем эти завоевательные тенденции фактически не выходили за рамки реализации указанной основной внешнеполитической задачи. В первой половине XIX в. интенсивно продолжался процесс формирования территории многонационального российского государства и складывания его границ: закрепление в составе империи (помимо собственно русских земель, Прибалтики и Белоруссии, большей части Украины) Закавказья и Северного Кавказа, западного Казахстана, районов Дальнего Востока и части Северной Америки.

На внешнюю политику России, кроме международной ситуации, влияли и другие факторы, прежде всего ее экономические интересы, необходимость развития экономического потенциала страны, в том числе внешней торговли. Поэтому большое значение во внешней политике придавалось покровительству и защите торговли через Балтийское море, а также — через азовские и черноморские порты. Интенсивное освоение южных районов России (присоединенных при Екатерине II) требовало обеспечения стабильности в черноморском регионе. Слабость русской буржуазии и неконкурентоспособность промышленных изделий на европейском рынке предполагали необходимость государственной поддержки в деле проникновения на азиатские рынки (Персия, Турция и т. д.). Вместе с тем внешнеполитическая ориентация государства как в начале XIX в., так и далее определялась дворянством — господствующим сословием. В отличие от Западной Европы русская буржуазия фактически не участвовала в выработке внешнеполитического курса, хотя государство объективно учитывало и ее интересы.

Как в любой авторитарной стране, во внешней политике России большое значение играли личностные взгляды и интересы, в первую очередь, самого императора и его ближайшего окружения.

В начале XIX в. Россия обладала значительными возможностями для проведения активной и эффективной внешней политики. Ее армия насчитывала около 500 тыс. человек, была хорошо организована, экипирована и обучена. Дипломатическая служба была разветвленной и хорошо налаженной. Вместе с тем в начале царствования Александра I произошла реорганизация внешнеполитического ведомства. Коллегия иностранных дел, основанная Петром I и

руководившая внешней политикой в 1717—1802 гг., претерпела значительные изменения. Были введены должности министра и товарища министра иностранных дел. При сохранении старых аппаратных структур (в том числе коллегии) постепенно учреждались новые — департаменты. Процесс становления МИД России затянулся на несколько десятилетий (до 1832 г.). Международные проблемы обсуждались на заседаниях Непременного совета, Негласного комитета, а с 1810 г. — Государственного совета. К этому времени Россия имела постоянные дипломатические отношения с большинством европейских государств, Османской империей и Северо-Американскими Штатами. Внешняя политика была той областью, где наиболее тщательно оберегались прерогативы царя.

Александр I как дипломат Император Александр I вошел в историю как искусный политик и дипломат. Он имел свои взгляды на систему международных отношений, сочетавшие некоторые передовые идеи той эпохи с *консерватизмом* и *легитимизмом* . Его увлекала мысль о необходимости европейского единения, гармонии и строгом общеевропейском порядке, при котором народы Европы обрели бы истинное благополучие и процветание. В то же время эта идея французского просветительства трансформировалась в его сознании в необходимость сохранения легитимных принципов и поддержания угасающих феодальных институтов. Как дипломат Александр стремился к созданию системы многосторонних европейских союзов, любил главенствовать на помпезных международных конгрессах. Кроме этого, он широко использовал односторонние личные контакты с монархами и крупными политиками Европы. Недаром Наполеон I неоднократно заявлял, что Александр является самым выдающимся политиком и дипломатом среди европейских государей.

В начале XIX в. (до Отечественной войны 1812 г.) Александр сменил четырех руководителей внешнеполитического ведомства. Первым (1802—1804) был граф А. Р. Воронцов — опытнейший государственный деятель и дипломат еще с екатерининских времен. Он придерживался проанглийской ориентации и постоянно призывал к союзу с Великобританией против наполеоновской Франции. Его сменил (1804—1806) князь А. Ю. Чарторыйский — польский аристократ, друг юности Александра I, внешнеполитические взгляды которого были эклектичны. Их основу составляли идея славянского единения, достижение суверенитета Польши под эгидой России и антигерманская направленность. Следующим министром (1806—1807) стал барон А. Я. Будберг — сторонник союза России с Австрией и Пруссией. Затем в 1807 г. министром был назначен граф Н. П. Румянцев — видный русский государственный деятель и дипломат, возглавлявший до 1814 г. русскую дипломатическую службу. Он известен осуществлением ряда мер, способствовавших развитию промышленности, внутренней и внешней торговли России. В

качестве министра принимал активное участие в Эрфуртском свидании Александра с Наполеоном, вырабатывал условия мирного договора со Швецией, в 1812 г. заключил союзный договор с Испанией. Большую известность он приобрел как собиратель книг и рукописей, положивших начало библиотеке Румянцевского музея (ныне — Российская государственная библиотека), а также как организатор "румянцевского" кружка, объединившего русских историков и археографов. По инициативе Н. П. Румянцева и на его средства было издано немало ценнейших памятников отечественной истории и культуры. Единственный среди сановников Александра, он занимал самую высшую должность — государственного канцлера.

Первые годы царствования Александра I совпали со сложной международной обстановкой. Она определялась прежде всего неудержимым стремлением наполеоновской Франции перекроить в своих интересах карту Европы, покорить и подчинить своему влиянию многие европейские государства. В то же время другие европейские державы не только пытались сдержать агрессию Наполеона, но и преследовали своекорыстные интересы. В борьбе за территориально-политический передел Европы участвовали фактически все великие державы того времени. Великобритания, хотя и не претендовала на европейские территории, но, опираясь на свое экономическое могущество, стремилась к установлению гегемонии в европейских делах. Эта ситуация влияла на выработку позиции России.

Первые дипломатические шаги правительства Алексндра I в европейских делах свидетельствовали о желании сохранить нейтралитет, свободу рук, четко определить свои внешнеполитические приоритеты. Император и его приближенные считали, что главной целью в Европе является поддержание мира и стабильности. Однако разраставшаяся как снежная лавина наполеоновская агрессия заставила русского царя похоронить эти иллюзии и вплотную заняться поисками союзников для решения главной европейской проблемы — сдерживания Франции. Для решения этой задачи органичными партнерами России могли быть только Англия, Австрия и Пруссия.

Одним из важнейших и традиционным направлением для российской внешней политики было *восточное* — участие в решении так называемого *восточного вопроса*. Эта международная проблема особую остроту приобрела с конца XVIII в. С одной стороны, ее вызвало нараставшее ослабление Османской империи, включавшей в свой состав многие территории и народы Балканского полуострова, Ближнего Востока и Северной Африки. В этих регионах росли национальные движения и сепаратистские тенденции. С другой стороны, усиливалось соперничество европейских держав в борьбе за влияние в Юго-Восточной Европе и на Ближнем Востоке. Россия принимала активное участие в решении восточного вопроса с конца XVIII — начала XIX в. Этому способствовало укрепление ее пози-

ций на Черном море после присоединения Новороссии и Крыма. Каждая из европейских держав преследовала собственные политические, стратегические и экономические интересы. В одних международных ситуациях Англия, Франция и Австрия поддерживали принцип целостности Турции, в других они были готовы к ее расчленению. Их действия на Ближнем Востоке постоянно были нацелены на ослабление позиций России в этом регионе.

Для России восточный вопрос представлял сложный комплекс решения собственных внешнеполитических задач. Ей были необходимы стабилизация политической обстановки в *черноморском регионе,* укрепление границ империи и нормализация взаимоотношений с южным соседом — Турцией. Одновременно одной из важнейших задач российской дипломатии было обеспечение наиболее выгодного международно-правового режима *черноморских проливов* (Босфора и Дарданелл): свободное плавание по ним русских торговых кораблей, возможность прохода через них русских военных судов, гарантии со стороны Турции недопущения в Черное море военно-морских сил западных стран. Таким образом, русское правительство стремилось превратить Черное море в закрытый для других держав российско-турецкий бассейн.

Не менее важной для России была *балканская* проблема — составная часть восточного вопроса. Цели национальных движений на Балканах, особенно активно развернувшихся с начала XIX в. , и политики России в этом регионе во многом смыкались. В народных массах на Балканах жила надежда на помощь со стороны России, в которой они видели свою избавительницу от османского ига. Эта надежда опиралась на общие исторические и этнические корни, духовную связь и единую религию. Россия также стремилась учитывать интересы балканских народов в своих взаимоотношениях с Османской империей, выступала (в силу ряда заключенных ранее соглашений) их покровительницей и защитницей. Такое положение давало ей возможность использовать национальные движения в своих интересах, оказывать давление на Порту (принятое в Европе название турецкого правительства) и активно вмешиваться во внутренние дела Турции.

Одновременно внешнеполитические проекты России по восточному вопросу включали ее стремление к территориальным приобретениям за счет Турции. Она претендовала на часть земель Балканского полуострова, в первую очередь, установление контроля над нижним течением Дуная, присоединение Дунайских княжеств (Молдовы и Валахии). Наиболее радикальные проекты сводились к полному расчленению Османской империи, захвату Стамбула (Константинополя) и зоны Босфорского пролива.

На *Среднем Востоке* у России складывались сложные отношения с крупной центрально-азиатской державой Персией (Иран). Между ними шла постоянная борьба за обладание Закавказьем (см. главу 8. Россия и Кавказ в первой половине XIX в.).

Во внешней политике России существовали и так называемые периферийные направления, имевшие в рассматриваемый период подчиненное значение. Россия развивала доброжелательные отношения с Северо-Американскими Штатами, Китаем, уделяла внимание Казахстану и Средней Азии, с государствами которой у нее постепенно складывались общие границы.

Европейское направление В начале XIX в. в Европе возникла сложная международная ситуация. Прежде всего она определялась гегемонистскими и захватническими устремлениями Франции, желанием Наполеона подчинить себе все государства западной и центральной Европы. Эти планы наталкивались, в первую очередь, на сопротивление Великобритании. Англо-французские противоречия за политическую и экономическую гегемонию во многом обусловливали расстановку сил в Европе. Довольно непростым было положение в германских землях, где за преобладающее влияние боролись Австрия и Пруссия. Все это затрудняло выработку внешнеполитических планов России, определение основных целей и методов их достижения.

Доктрина, разработанная в начале царствования Александра I, сводилась к тому, чтобы установить такие двусторонние отношения России со всеми западноевропейскими государствами, которые не содержали бы обременительных для нее условий и не позволили бы втянуть ее в возможные международные конфликты (так называемая политика "свободных рук"). Заключением ряда соглашений российской дипломатии удалось выйти из военного противостояния с Англией, установить дружеские отношения с Австрией. В 1801 г. были подписаны новый русско-французский договор и секретная конвенция, по которой обе стороны обязались совместно решать проблемы Германии и Италии, согласовывать свои действия в решении восточного вопроса. Россия надеялась, что политика "свободных рук" позволит ей сдерживать наполеоновскую агрессию, укрепить свой авторитет в Германии и сохранить дружеские отношения с Австрией и Пруссией.

Эти расчеты не оправдались. Фактически с 1802 г. после подписания Амьенского мирного договора с Англией Франция перестала считаться с интересами России и пыталась ослабить ее влияние как на Западе, так и на Востоке. Франция оккупировала Швейцарию, Геную, отвергла предложение России о посредничестве в переговорах с Пруссией. Она активизировала свое проникновение в Средиземноморье, на Балканы и Ближний Восток.

Поэтому с 1803 г. русская дипломатия начала вырабатывать новую внешнеполитическую доктрину, направленную против французской агрессии. Россия отказалась от политики "свободных рук", начала искать новых союзников, перейдя к созданию антинаполеоновских коалиций и подготовке войны с Францией. Этот процесс ускорился после расстрела (по приказу Наполеона) герцога Энги-

енского, одного из представителей династии Бурбонов и родственника Александра I, провозглашения Наполеона императором Франции в 1804 г. и несколько позднее — королем Италии. В стремлении создать антинаполеоновскую коалицию Россию поддержала Великобритания, которая с мая 1803 г. вновь находилась в состоянии войны с Францией. В **апреле 1805 г.** была подписана русско-английская союзная конвенция. Вскоре к ней присоединилась и Австрия. Так сформировалась *3-я антинаполеоновская коалиция,* в которую вошли также Швеция и Неаполитанское королевство. Образовавшаяся коалиция была непрочной. Противоречия между союзниками не были преодолены, каждый из них имел свои интересы. Главная же цель, ради которой создавалась коалиция, — установление в Европе такого порядка, который не позволил бы Франции производить дальнейшие захваты и угрожать независимости соседних государств. В отличие от 1-й и 2-й коалиций конца XVIII в. задача свержения Наполеона и реставрации Бурбонов во Франции не ставилась.

Противоречия союзников проявились уже при разработке планов военных операций. Несмотря на договоренность объединить усилия в борьбе против Франции в центральной Европе, большая часть австрийской армии была направлена в Италию для восстановления там австрийского господства. В результате еще до подхода основных русских сил в октябре 1805 г. австрийская армия генерала Мака капитулировала в Ульме. Эта победа французов поставила в тяжелейшее положение русские военные силы под командованием М. И. Кутузова, которые были вынуждены отступить, чтобы избежать окружения французскими войсками. В ноябре 1805 г. Наполеон занял Вену, перешел Дунай и продолжил преследование русской армии. Прикрываясь арьергардом под командованием П. И. Багратиона, основные русские силы оторвались от французов и сосредоточились в г. Ольмюце. **2 (14) декабря 1805 г.** произошло сражение под *Аустерлицем* между армией Наполеона и объединенными русско-австрийскими войсками. План австрийского генерального штаба, поддержанный Александром I, был рассчитан на наступление. Он предусматривал сложные маневры с целью отрезать французские войска от Вены и оказался ошибочным. Сражение было полностью проиграно. Австрийский и русский императоры были вынуждены бежать с поля боя.

Поражение под Аустерлицем имело далеко идущие политические последствия: Австрия заключила Пресбургский договор с Францией; Пруссия была крайне напугана и не помышляла в данный период о борьбе с Наполеоном; Россия была вынуждена прекратить военные действия и отозвать свой экспедиционный корпус. 3-я коалиция распалась.

Перед правительством Александра I вновь встала задача выработки новой внешнеполитической программы. При этом особо приходилось учитывать усиление Франции в Средиземноморье и

на Ближнем Востоке. Наполеон овладел фактически всем западным побережьем Адриатического моря, значительно укрепил свое влияние в Константинополе. Вскоре после Аустерлица турецкий султан признал за Наполеоном императорский титул и начал устанавливать с ним более тесные политические контакты.

В этих условиях в январе 1806 г. состоялись ряд совещаний приближенных Александра, а также заседания специального Совета при царе. Мнения высших сановников разделились. Одни настаивали на продолжении борьбы против Наполеона совместно с Англией и новыми союзниками, другие предлагали вернуться к политике "свободных рук", третьи считали возможным заключить мир с Францией при условии разграничения сфер влияния в центральной Европе, Средиземноморье и на Балканах. В связи с этим одновременно велись переговоры в Лондоне о новом союзе против Наполеона и в Париже — о заключении мира. Русский поверенный в делах П. Убри, превысив свои полномочия, подписал в Париже с французским министром иностранных дел Ш. М. Талейраном конвенцию, в которой признавались все завоевания Наполеона в Европе и его доминирующее влияние в Средиземноморье. Конвенция полностью не соответствовала интересам России и не была ратифицирована Александром I. Состояние войны между Россией и Францией формально сохранялось.

После неудачи миссии П. Убри русское правительство взяло курс на продолжение войны с Наполеоном. Основные усилия были сосредоточены на установлении союза с Пруссией. В связи с этим ушел в отставку А. Чарторыйский, отрицательно относившийся к этой политической комбинации. В **1806 г.** сложилась *4-я антинаполеоновская коалиция* фактически в составе России, Пруссии, Англии и Швеции. Однако военно-политические события развивались так стремительно, что формально коалиция в таком составе не была закреплена и существовала на основе русско-прусского соглашения. Пруссия поспешила начать военные действия, предъявив 1 октября 1806 г. ультиматум Наполеону. Уже 14 октября в сражении при Йене и Ауэрштедте французские войска наголову разбили прусскую армию. На континенте Россия вновь, как и в 1805 г., осталась один на один с Францией. Ей пришлось вести борьбу за свои непосредственные интересы, так как Наполеон грозил вытеснить Россию из Польши, установить барьер между нею и Западной Европой, полностью подорвать ее влияние на Ближнем Востоке.

Военные действия, развернувшиеся на территории Восточной Пруссии, происходили в сложных условиях для России. Одновременно она вела войну с Турцией на Балканах, с Персией и Турцией в Закавказье. Несмотря на это, добиться молниеносного разгрома русской армии Наполеону не удалось. Наоборот, после сражений под Пултуском и Прейсиш-Эйлау стало ясно, что война затягивается. Александр надеялся на перелом в войне, поддержку Пруссии и Великобритании. Однако весной 1807 г. ход военных действий

изменился не в пользу союзников. Решающее сражение произошло у *Фридланда*. Русская армия потерпела поражение и отступила за Неман. Французские войска вышли к границе России. Александр сознавал, что продолжение войны будет крайне сложным для России. Пруссия была фактически разгромлена. Англия постоянно нарушала свои союзнические обязательства: в 1806 г. вместо 800 тыс. фунтов стерлингов она предоставила России всего 300 тыс.; так и не выполнила обещание высадить десант в Европе и принять участие в боевых операциях на суше. Военная неудача, сложная политическая обстановка на Востоке, потеря надежды на помощь союзников, опасность непосредственного вторжения Наполеона в пределы России — все это заставило Александра I принять решение о прекращении борьбы и заключении мира с Францией. Одновременно к этому решению подталкивал и сам Наполеон, приостановивший после Фридланда активные военные действия и не проявлявший явных намерений перейти российскую границу. Все это привело к началу мирных переговоров России и Франции в *Тильзите*.

Тильзит Русско-французские переговоры прошли в несколько этапов. **21 июня (2 июля) 1807 г.** было подписано перемирие, немедленно ратифицированное Александром I. **25 июня (7 июля)** состоялась личная встреча двух императоров на Немане, где для них был возведен специальный плот с роскошным шатром. На встрече было решено заключить мирный договор. Обе стороны устали от войны и понимали необходимость ее прекращения. Однако сохранялись глобальные политические разногласия. Александр I добивался сохранения прусского государства, невмешательства Франции в русско-турецкие отношения. Наполеону был необходим не только мир, но и союз с Россией, чтобы она примкнула к континентальной блокаде Англии. В связи с этим русская дипломатия была вынуждена заключить как *мирный*, так и *союзный договоры*.

По условиям *мира* Пруссия сохранила свою независимость, но ее территория оказалась значительно урезанной. Было образовано *Герцогство Варшавское* под протекторатом Наполеона, ставшее в дальнейшем плацдармом для его наступления на Россию. Александр вынужден был также признать господство Франции над Ионическими островами и передать Наполеону бухту Катор в Адриатике. Позиции России в Средиземноморье, завоеванные ею в конце XVIII в., были утрачены.

Подписанный одновременно *союзный договор* предусматривал, в первую очередь, обязательство России присоединиться к *континентальной блокаде* Англии в случае ее отказа от заключения мира с Францией. Это было одно из тяжелейших условий для России, так как прекращение торговли с Великобританией означало ухудшение ее экономического положения, подрыв экономических интересов русского дворянства и купечества. Вторым условием союза

было посредничество Франции в русско-турецком конфликте, навязанное ею России.

Русская общественность негативно встретила тильзитские соглашения. Новая политика Александра I подвергалась острой критике в аристократических, дипломатических и военных кругах. Бытовало общее мнение, впоследствии развитое в трудах многих русских историков, что Тильзитский мир был крайне невыгоден для России и что Наполеон “переиграл” Александра. Некоторые историки полагали, что это была вынужденная мера, а российская дипломатия добилась максимально возможного и уступила Наполеону лишь то, что и так уже было им завоевано. Относительно обязательств на будущее, по мнению отдельных ученых, каждая из сторон имела широкую возможность их толкования. Главное же заключалось в том, что Россия сохранила политическую независимость. Она получила длительную мирную передышку в центральной Европе и обезопасила свои западные границы. Это предоставило ей возможность успешно решить другие внешнеполитические проблемы в отношениях с Турцией, Персией и Швецией.

Русско-шведская война 1808—1809 гг. На северо-западе Россия стремилась окончательно обезопасить Петербург и побережье Ботнического залива. Она опасалась, что территория Финляндии может стать вторым “Герцогством Варшавским”, т. е. плацдармом для нападения на Россию любой европейской державы, находившейся в союзе со Швецией. Исходя из условий Тильзитского договора, после того, как шведский король Густав IV Адольф отклонил требование о разрыве отношений с Англией и присоединении к континентальной блокаде, русские войска вступили в Финляндию. Между Россией и Швецией началась последняя в истории двух государств война, в результате которой изменилась территориально-политическая карта на севере Европы. Население Финляндии спокойно встретило русские войска, так как местная национальная верхушка была враждебно настроена к Швеции.

В ходе военных действий в марте 1808 г. капитулировала пограничная крепость Свартхолм. В апреле русские войска вступили в столицу Финляндии — Або. Несколько позднее пал Свеаборг. Военные успехи России были облегчены тем, что шведский король в 1808 г. бросил основные силы на завоевание Норвегии. В марте 1809 г. отряды под командованием П. И. Багратиона и М. Б. Барклая де Толли по льду Ботнического залива перешли на территорию Швеции. Король Густав IV Адольф был низложен. В **августе 1809 г.** был подписан *Фридрихсгамский мирный договор*. Финляндия, включая Аландские острова, отходила к России. Швеция обязалась расторгнуть союз с Великобританией и примкнуть к континентальной блокаде.

В результате русско-шведской войны было создано *Великое княжество Финляндское* в составе России. Оно обладало внутрен-

ней автономией, управлялось по собственным законам, имело свою таможню, доходы княжества шли на внутренние нужды и не вливались в общероссийскую казну. В 1811 г. к Финляндии была присоединена Выборгская губерния.

Русско-французские отношения в 1808—1812 гг. Взаимоотношения России и Франции после Тильзита оказывали существенное влияние на общую международную обстановку в Европе. Достигнутое согласие не сняло остроты противоречий между двумя державами. Франция использовала союз с Россией для расширения своей агрессии и установления гегемонии в Европе. Она стремилась также подорвать позиции России на Ближнем Востоке. Правительство Александра I исходило из идеи дипломатического противостояния Наполеону в рамках тильзитской системы. Оно стремилось не допустить дальнейшего ослабления Пруссии и поддерживало Австрию дипломатическими средствами. Особую остроту для России представлял *польский вопрос*. Польша в геополитическом плане являлась важнейшим элементом внешней политики русского правительства, так как она могла быть использована, с одной стороны, как плацдарм для развития агрессии против России, с другой, — как барьер, отгораживавший ее от Запада в политическом и экономическом плане. В связи с этим российская дипломатия настойчиво протестовала против расширения территории Герцогства Варшавского и возможного предоставления независимости польскому государству.

Не менее острыми были противоречия России и Франции на Ближнем Востоке. Наполеон использовал этот фактор для отвлечения России от решения европейских проблем. Еще в Тильзите он предложил Александру I разделить территорию Османской империи. В 1808 г. прошли переговоры между послом Франции в Петербурге А. Коленкуром и Н. П. Румянцевым. Однако в процессе их выявились различные подходы к данной проблеме и серьезные разногласия. Франция демагогически ставила вопрос о полном разделе Османской империи, передаче России Стамбула (Константинополя) и Босфора с тем, чтобы самой утвердиться в Мраморном море и Дарданеллах. Россию этот проект категорически не устраивал, так как она продолжала придерживаться идеи о сохранении целостности Турции. Перед Наполеоном она выдвигала конкретное требование (в противовес его туманным обещаниям) согласиться на присоединение к России Дунайских княжеств (Молдовы и Валахии).

В **1808 г.** состоялась встреча Наполеона и Александра в *Эрфурте*. Она происходила в иных международных условиях, чем Тильзитская. Наполеон, “увязнув” в Испании, направлял все военные и политические ресурсы для удержания в покорности порабощенной Европы и был заинтересован в союзе с Россией. Новая политическая ситуация и твердость, проявленная русским правительством в Эрфурте, способствовали заключению соглашения,

в котором интересы России были соблюдены в значительно большей степени, чем в Тильзите. Наполеон фактически признал права России на Бессарабию, Молдову, Валахию и Финляндию. Русская дипломатия уклонилась от обязательства активно участвовать в войнах Франции против Англии и Австрии. В ответ французский император наотрез отказался вывести войска из части земель Пруссии и не способствовать расширению территории Герцогства Варшавского. Эрфуртское соглашение было очередным политическим компромиссом.

После Эрфурта политические противоречия между Россией и Францией продолжали обостряться. Франция болезненно отреагировала на нежелание России принять активное участие в франко-австрийской войне 1809 г. Россия была весьма обеспокоена политикой Наполеона в Польше.

Особое значение в усугублении кризиса в русско-французских отношениях имела позиция России в вопросе о континентальной блокаде. Александр I всячески затягивал проведение блокадных мероприятий. Это было связано с тем, что полный разрыв экономических связей с Англией наносил существенный ущерб хозяйству России, ухудшал материальное положение всех сословий и, в первую очередь, дворянства и купечества. Он наносил также значительный урон государственным финансам, так как прекратил приток займов и субсидий из Лондона. Попытки возместить потери из-за упадка торговли с Англией за счет развития торговых связей с Францией успеха не принесли. Россия искала выход из сложившейся ситуации на путях расширения торговли с нейтральными странами. Она осуществлялась на американских, ганзейских и греческих судах. Под нейтральным флагом в Россию продолжали контрабандно проникать английские товары. В 1810 г. было принято положение о "нейтральной торговле", которое устраняло все помехи к доступу в русские порты судов нейтральных стран. Французское правительство было крайне раздражено этими мерами. На многочисленные демарши Франции с требованием прекратить нейтральную торговлю Россия отвечала отказом.

Еще более обострила русско-французские отношения оккупация Наполеоном северо-германских земель в декабре 1810 г., в состав которых входило герцогство Ольденбургское — наследственное владение русской императорской фамилии. С 1811 г. как Франция, так и Россия начали непосредственную подготовку к новой войне.

Восточный вопрос во внешней политике России в начале XIX в. Русско-турецкая война 1806—1812 гг.

В 1799 г. между Россией и Турцией был заключен союзный договор, направленный против Франции. По нему Турция открывала проливы для русских военных кораблей, т. е. выход в Средиземное море. В 1799 — 1800 гг. эскадра Ф. Ф. Ушакова активно действовала у побережья Италии против французского экспедиционного корпуса.

После воцарения Александра I в кружке “молодых друзей” царя и Негласном комитете была разработана программа действий России в *восточном вопросе*. Она предполагала сохранение целостности Османской империи, отказ от политических сделок с другими европейскими державами по ее разделу и в связи с этим дальнейшее развитие и укрепление двусторонних русско-турецких отношений. Эта политика приносила свои результаты в сложных международных условиях. В 1805 г. Россия и Турция подписали новый союзный договор, подтверждавший право прохода русских кораблей через черноморские проливы. Это дало возможность усилить действия эскадры адмирала Д. Н. Сенявина в Средиземном море против французских экспедиционных сил на Ионических островах.

Между тем русско-турецкие отношения осложнялись в связи с необходимостью для России выступать в защиту и поддержку христианских народов Балканского полуострова, томившихся под мусульманским игом. В начале XIX в. усилилось национально-освободительное движение на Балканах. В 1804 г. началось сербское восстание, руководители которого обратились за помощью к России. Первоначально она, учитывая существование русско-турецкого договора, поддержала сербов дипломатическими и политическими мерами. Кроме того, русское правительство скрытно оказывало им помощь деньгами, оружием и боеприпасами.

Развитие национально-освободительного движения на Балканах вызвало у части российских политических деятелей стремление к активизации политики в восточном вопросе. В начале 1806 г. А. Ю. Чарторыйский выступил с идеей создания федерации балканских государств под верховным покровительством России. Однако этот проект не был принят русским правительством. Продолжала доминировать тенденция сохранения целостности Турции, так как в случае ее распада Россия опасалась новых крупных международных осложнений с другими европейскими государствами.

В 1806 г. русско-турецкие отношения резко ухудшились. Турция, долго лавировавшая между Россией и Францией, после Аустерлица все более склонялась к союзу с последней. Порта закрыла проливы для русских кораблей и постоянно нарушала свои обязательства в Дунайских княжествах. В **декабре 1806 г.** началась *русско-турецкая война*. Турция вынашивала реваншистские планы в отношении Крыма и Причерноморья, намеревалась восстановить полное господство над Молдовой, Валахией и Сербией. Для России эта война имела вынужденный характер. Она не ставила перед собой задачи приобретения новых территорий за счет Турции. Главной целью было закрепить политические позиции на Востоке, достигнутые в конце XVIII столетия, укрепить свое влияние на Балканском полуострове.

В ходе войны окрепли и расширились связи между Россией и Сербией. Летом 1807 г. между ними было заключено соглашение, на основе которого Россия начала оказывать существенную материальную и военную помощь сербскому освободительному движению. Сербы, в свою очередь, помогали России, проводя в тылу у турок значительные военные операции.

На первом этапе войны (1806—1810) Россия не могла вести широкие наступательные операции. Дунайская армия насчитывала всего 40 тыс. человек. Ее командующие — И. И. Михельсон, А. А. Прозоровский, И. М. Каменский, последовательно сменявшие друг друга, — вели военные действия нерешительно, малоэффективно затрачивая силы на взятие турецких крепостей на Дунае и на оборону его правого берега. В 1810 г. русские войска наконец перешли Дунай и достигли Балканских перевалов. Однако вследствие своей малочисленности они не смогли закрепиться в Северной Болгарии и отошли на исходные рубежи.

С 1807 г. против Турции активно действовала русская средиземноморская эскадра под командованием талантливого флотоводца вице-адмирала Д. Н. Сенявина. Основную идею — прорыв через проливы и захват Константинополя при помощи военно-морского десанта — осуществить не удалась из-за недостатка сил. Поэтому Сенявин в марте 1807 г. занял в Эгейском море остров Тенедос и, создав там свою военно-морскую базу, прочно блокировал Дарданеллы. Пытаясь снять эту блокаду, турецкий флот вышел в Эгейское море, но 19 июня 1807 г. потерпел поражение у острова Лемнос (близ полуострова Афон). Далее он вынужден был вновь укрыться в проливах. Блокада Дарданелл продолжалась до августа 1807 г. После подписания Тильзитского договора и начала русско-турецких мирных переговоров эскадра Сенявина покинула Средиземное море и вернулась на родину.

Мирные переговоры России с Турцией при посредничестве Франции не увенчались успехом. На Дунае продолжались вялотекущие военные действия.

В марте 1811 г. командующим Дунайской армией был назначен М. И. Кутузов. Рост напряженности в Европе требовал от него решительных действий для скорейшего завершения русско-турецкой войны. С назначением М. И. Кутузова начался второй этап войны. Собрав разбросанные ранее по Дунайскому военному театру силы, Кутузов нанес туркам сокрушительное поражение под *Рущуком* (июнь 1811 г.). В ноябре были окончательно разгромлены турецкие силы как на левом (у *Слободзеи*), так и на правом (у *Рущука*) берегах Дуная. Это вынудило Порту немедленно пойти на переговоры о мире.

В **мае 1812 г.** был подписан *Бухарестский мирный договор*. К России отошли Бессарабия и участок Черноморского побережья

Кавказа с городом Сухум (см. гл. 8, § 1). Молдова и Валахия остались в составе Османской империи на правах автономии. Была предоставлена широкая автономия Сербии. Россия в качестве гаранта получила право контроля выполнения турецким правительством этого условия договора.

Бухарестский мирный договор имел большое значение для России. Он был заключен за месяц и ратифицирован за один день до вторжения Наполеона в Россию. Тем самым были расстроены его надежды на то, что турецкая армия будет активно действовать на юге. Договор позволил русскому командованию высвободить Дунайскую армию (52 тыс.) и сосредоточить все силы на отражении наполеоновской агрессии.

Глава 3
Отечественная война 1812 года и ее последствия для России и Западной Европы

§ 1. Начало Отечественной войны. Бородинское сражение

Отечественная война 1812 г. принадлежит к событиям мировой истории. Столкновение двух крупнейших держав — России и Франции — вовлекло в войну и другие независимые европейские государства и привело к созданию новой системы международных отношений.

Генерал Наполеон Бонапарт, получивший признание как крупный военачальник на завершающем этапе французской революции, в 1799 г. стал консулом, а в 1804 г. — императором. Новое положение Наполеона и страны, которой он управлял, сказалось на его действиях и взглядах. Продолжавшееся завоевание Европы сопровождалось разорением покоренных государств (постои войск, вербовка в армию, налоги); постепенно складывалась его программа создания мировой империи со столицей в Париже.

Подготовка войны

Ко времени нападения на Россию Наполеон подчинил своей власти Пруссию, Австрию, Италию, Голландию. На пути к мировому владычеству стояли Россия и Англия. Тильзитский мир, условия которого, по словам М. М. Сперанского, таили “вероятность новой войны”, к 1810 г. стал нарушаться обеими сторонами.

Наполеон в 1810 г. захватил Ольденбургское герцогство, признанное независимым по статьям Тильзитского договора. Россия, в свою очередь, уклонялась от выполнения условий по континентальной блокаде, которые Наполеон считал главнейшими.

В августе 1810 г. Наполеон повысил пошлины на товары, импортируемые во Францию, что отрицательно сказалось на внешней торговле России. Со своей стороны, Александр I в декабре 1810 г. подписал новый тариф запретительного характера, удовлетворявший интересы дворянства и буржуазии, но невыгодный для Франции. Наполеон негодовал: “...сжигать лионские материи, — писал он по поводу нового тарифа, — значит отчуждать одну нацию от другой. Отныне война будет зависеть от малейшего дуновения ветерка”.

Наполеон увеличил ассигнования на военные цели, провел дополнительную мобилизацию; вассальные страны также были поставщиками людских ресурсов. В общей сложности французская армия достигла 1 200 тыс. человек и была самой крупной армией мира.

Развязку войны ускорили и русско-французские противоречия в польском вопросе. Стремясь заручиться поддержкой польской шляхты, Наполеон расширил границы Польши за счет включения Западной Галиции, взятой в 1809 г. у Австрии; в Польше

строились военные склады и магазины: Герцогство Варшавское превращалось в плацдарм для нападения на Россию.

Император Франции и его штаб внимательно изучали театр будущих военных действий, разрабатывали планы войны, которые отличались большой противоречивостью: от молниеносной до длительной. Но в итоге расчет делался на короткую наступательную войну, исход которой решали пограничные генеральные сражения. Передвижение воинских контингентов к русской границе началось в феврале 1812 г.

В Петербурге знали о подготовке Франции к войне и тоже готовились к ней. Секретная экспедиция ("Особенная канцелярия"), созданная при военном ведомстве в 1810 г. (одновременно с назначением талантливого полководца М. Б. Барклая де Толли военным министром), пересылала из Франции в Россию сведения о численности французских войск и их дислокации, планах командования. Со своей стороны французские тайные агенты и дипломаты посольства Франции в Петербурге столь же регулярно передавали Наполеону данные о состоянии русской армии и ее военачальниках. В предвоенные годы военное министерство России разработало программу по вооружению русской армии — здесь особое внимание обращалось на артиллерию. Внедрялись новые уставные положения, предусматривавшие тактику колонн и рассыпной строй; усиливалась защита западных границ государства, строились укрепления по рекам Западной Двине, Березине, Днепру. Но тяжелое финансовое положение страны не позволило полностью реализовать этот план. В 1810—1812 гг. в целях перевооружения армии правительство предложило заказы казенным чугунолитейным заводам Петербурга, севера страны, Урала. Однако они не смогли поставить необходимого количества оружия, поэтому часть заказов была размещена по частным заводам.

Большую сложность представляла проблема людских ресурсов, так как существовавшая в России система комплектования армии путем набора рекрутов из крепостных крестьян не позволяла иметь достаточное количество обученных резервов. Поэтому в ходе войны, 6 (18) июля 1812 г. , Александр I обратился с призывом к населению России "собрать новые силы, которые, нанося ужас врагу, составляли бы вторую ограду и подкрепление первой" (регулярной армии). Инициативу в организации ополчения он возлагал на дворянство и купечество. Вскоре было создано 200-тысячное народное ополчение, оказавшее немалую помощь регулярной армии. Хотя к началу военных действий русская армия насчитывала около 900 тыс., против наполеоновской армии Россия первоначально смогла выставить только 210 тыс. воинов.

Наряду с военной Франция и Россия придавали большое значение дипломатической подготовке к войне. В феврале и марте 1812 г. Франция заключила союзные договоры с Пруссией и Австрией, по

которым обе страны предоставляли свои территории Наполеону для борьбы с Россией и, соответственно, 20 тыс. солдат — Пруссия и 30 тыс. — Австрия. Однако надежды Наполеона на полную изоляцию России не оправдались. Бухарестский русско-турецкий договор, подписанный в мае 1812 года, освободил Дунайскую армию, направленную к западной границе государства. Султан после длительной войны с Россией не принял предложения Наполеона о союзе с Францией, и Турция в войне заняла позицию нейтралитета. Не удалось Франции склонить на свою сторону и Швецию. 24 марта (5 апреля) 1812 г. был подписан русско-шведский договор о нейтралитете Швеции, что дало возможность России часть войск с северо-западной границы передвинуть на Запад.

6 (18) июля 1812 г. состоялось подписание двух других договоров: русско-английского и английско-шведского. Эти договоры положили начало *Союзу трех стран*, направленному против наполеоновской Франции. Двумя днями позже, 8 (20) июля был заключен союз с Испанией, по статьям которого обе державы обязывались вести “мужественную войну против императора французского”. Договоры России с Турцией, Швецией, Англией и Испанией лишили Наполеона важных преимуществ в предстоящей войне: они сорвали его планы по изоляции России.

К июню 1812 г. *французские* войска были готовы к вторжению в Россию. У границ стояла хорошо обученная, отмобилизованная, имевшая большой военный опыт армия, насчитывавшая, по французским данным, в первом эшелоне 448 тыс. человек. Позже в Россию было направлено еще около 200 тыс. — всего, по российским данным, не менее 600 тыс. человек. Ядро ее составляла старая гвардия, одержавшая немало блестящих побед. Возглавлял армию легендарный полководец, не знавший поражений, человек железной воли, неистребимого честолюбия, гибкого, но холодного ума — Наполеон. Однако в этой армии были и свои слабости. Скомплектованная по принудительному принципу (французы составляли в ней половину состава), она была ненадежной при серьезной неудаче, ее цементировала прежде всего жажда славы и денег.

Русская армия в первые месяцы войны по своей численности значительно уступала армии противника, но имела перед ней большие нравственные преимущества: она защищала Родину. По мужеству и стойкости русская армия не знала себе равных. Ее возглавляли талантливые генералы: М. И. Кутузов, П. И. Багратион, Н. Н. Раевский, Н. А. Тучков, М. И. Платов, М. Б. Барклай де Толли, А. П. Ермолов, П. Х. Витгенштейн, М. А. Милорадович, А. П. Тормасов, Д. С. Дохтуров.

Стратегическое развертывание русских войск было неудачным: они занимали пространство в 600 км, в то время как армия Наполеона была сосредоточена на территории в 300 км. 1-я Западная армия под началом Барклая де Толли находилась на Петербургском направлении и насчитывала 120 тыс. воинов; 2-я армия во главе с Баг-

ратионом — на Московском направлении и составляла около 50 тыс.; 3-я Западная армия генерала А. П. Тормасова, сосредоточенная на Киевском направлении, имела около 45 тыс. человек. Все три армии были отделены друг от друга и действовали самостоятельно.

В русской армии не было четкого плана ведения войны. Он готовился с 1810 г. в глубокой тайне с участием царя, Барклая де Толли, генерала Фуля. В начале войны армия действовала по плану, предложенному генералом Фулем; его суть сводилась к следующему: создание укрепленного лагеря на границах России возле города Дриссы — здесь русская армия должна была ожидать противника, заманивая его на себя. Разделение русских войск на три группы вытекало из этого плана. Общее командование находилось в руках Барклая де Толли как старшего по должности (военного министра).

В соответствии с расположением русской армии Наполеон выстроил свой стратегический план: всей массой войск вклиниться между 1-й и 2-й русскими армиями, окружить каждую поодиночке и разбить в генеральных сражениях как можно ближе к западной границе.

Вторжение армии Наполеона в Россию

В ночь на **12 (24) июня 1812 г.** *французская армия вторглась в пределы* России[1]. Рано утром авангард французских войск вошел в г. Ковно. Русские войска отошли, не приняв боя. Французская армия начала быстрое продвижение в глубь страны, стремясь отрезать русские армии друг от друга и разбить их поодиночке. “Теперь Багратион и Барклай де Толли не увидятся”, — полагал император.

По плану русского командования, прикрывавшая Петербург 1-я армия Барклая де Толли, оставив Вильно, направилась к Дрисскому лагерю. Но, убедившись в слабости укреплений и невыгодности избранной позиции, командование оставило Дриссу, армия направилась через Полоцк к Витебску на соединение со 2-й армией.

2-я армия Багратиона двигалась через Слуцк, Бобруйск, Мстиславль. Между 1-й и 2-й армиями был разрыв в 100 км. Только большой опыт и мастерство позволили Багратиону выйти из ловушки, устроенной одним из талантливых маршалов Наполеона — Даву; 2-я армия, переправившись в районе Нового Быхова через Днепр, пройдя Мстиславль, направилась к Смоленску.

В это время армия Барклая де Толли с боями подошла к Витебску. Но, рассчитав силы, Барклай де Толли решил не давать сражения и покинул Витебск, продолжая движение к Смоленску.

В Витебске Наполеон задержался на две недели. Здесь он впервые задумался над целесообразностью дальнейшего продвижения в глубь России. В преследовании русских силы французской армии

[1] Накануне начала военных действий, 11 (23) июня, посол Франции в Петербурге Ж. А. Лористон уведомил управляющего Министерством иностранных дел России А. Н. Салтыкова о прекращении его миссии. Некоторые историки (Н. А. Троицкий, Б. С. Абалихин) считают это заявление актом объявления войны России.

начали таять. Ослабевала дисциплина, участились случаи дезертирства; повсюду приходилось оставлять гарнизоны; обозы не поспевали за движением войск. Тыл наполеоновской армии беспокоили партизаны. Слух о том, что французский император даст крестьянам свободу, не оправдался. Наглядным примером тому служило образование Наполеоном на территории Виленской, Гродненской, Минской губерний и Белостокской области Княжества Литовского, со столицей в Вильно. В состав его Временного правительства вошла крупная литовская знать, заявившая о сохранении всех ее прежних прав над крепостными крестьянами. Поэтому народное сопротивление Наполеону в Литве и Белоруссии было одновременно и отпором иноземному захватчику, и защитнику крепостнических порядков.

Таким было положение в России, когда **22 июля (3 августа) 1812 г.** армии Барклая де Толли и Багратиона соединились у Смоленска. Это был крупный успех русской армии и неудача Наполеона, стремившегося к разгрому 1-й и 2-й армий поодиночке и пограничному генеральному сражению. Ближайшая задача русского командования была решена — преодолены ошибки стратегического развертывания русской армии.

В момент соединения обе русские армии насчитывали около 120 тыс. человек. Наполеоновские войска все еще превосходили русских по численности (около 200 тыс.). Часть генералов во главе с Багратионом предлагала перейти в наступление на Рудню как центр расположения неприятельских сил. Но осторожный Барклай де Толли, узнав о подтягивании сил наполеоновской армии, не согласился с этим мнением. Приняв решение о продолжении отступления в глубь страны, он тем не менее не отказался от битвы за Смоленск. Пока шли споры между русскими генералами, Наполеон перебросил основные силы французских войск через Днепр и с юга подошел к Смоленску. Их авангард обрушился на находившийся в г. Красном отряд генерал-майора Д. П. Неверовского. Героическое сопротивление его полков (по мнению современников, Неверовский отступал “как лев”) не позволило французам немедленно овладеть городом и дало возможность русскому командованию подтянуть в Смоленск корпус Н. Н. Раевского (затем его сменил корпус Д. С. Дохтурова). Отбив ожесточенные атаки штурмовавших колонн противника, русские войска в ночь на 6 (18) августа покинули горящий город и продолжали отступление. “Кампания 1812 г. кончена”, — сказал Наполеон, войдя в Смоленск. Здесь он попытался договориться через пленного генерала Н. А. Тучкова с Александром I о мире. Но предложение Наполеона было оставлено без ответа.

Война приняла затяжной характер. Французы на своем пути сжигали деревни и города. Это вызывало ожесточение у местного населения. При приближении неприятеля они уходили в леса, ничего не оставляя врагу. Ширилось партизанское движение. “Война теперь не обыкновенная, а национальная”, — писал Багратион. В этих условиях дальнейшее отступление русской армии вызывало

недовольство в армии и в тылу, хотя тактика отступления была единственно правильной при сохранявшемся неравенстве сил.

Барклай де Толли, человек большого военно-административного опыта, не сомневался в разумности своего плана, однако после сражения за Смоленск чувствовал отчужденность не только генералитета, но и общества. Падал его авторитет и у Александра I. Национально-освободительный характер войны требовал назначения Главнокомандующим человека, который пользовался бы всеобщим доверием и авторитетом нации. Армия и народ называли одно имя — М. И. Кутузова, возглавлявшего в начале войны войска Петербургского округа и петербургское ополчение. Император не любил Кутузова, ему неприятна была его популярность. Однако выдвижение Кутузова на специальном заседании Чрезвычайного комитета в качестве Главнокомандующего заставило Александра I согласиться с этим решением. 8 (20) августа 1812 г. был подписан приказ о назначении М. И. Кутузова Главнокомандующим. Сподвижнику П. А. Румянцева и А. В. Суворова было 67 лет. За его спиной был полувековой опыт службы Отечеству. Хрестоматийными стали слова А. В. Суворова, сказанные о Кутузове при взятии Измаила (1790 г.): “Он шел у меня на левом крыле, но был моей правой рукой”. Кутузов был не только крупным военачальником, но и дипломатом, широко образованным человеком: владел шестью языками, хорошо знал всемирную историю и литературу.

Кутузов принял командование в исключительно тяжелых условиях: большая территория была захвачена неприятелем; противник еще превосходил силы русских; между руководителями двух русских армий не было единства действий. В задачу Кутузова входило не только остановить дальнейшее продвижение французской армии, но и изгнать ее из России.

17 (29) августа 1812 г. Кутузов прибыл в ставку русской армии, которая располагалась в местечке Царево-Займище. Здесь Барклаем де Толли была избрана позиция для генерального сражения. Однако Кутузов, не имея точных данных о количественном составе армии, возможных резервах, численности ополчения, отдал приказ о дальнейшем отступлении.

Бородинское сражение

В 120 км от Москвы, у села Бородино вблизи Можайска Кутузов решил дать генеральное сражение французской армии. Бородинская позиция позволяла на сравнительно узком фронте перерезать две основные дороги на Москву — Новую Смоленскую и Старую Смоленскую. Обе они соединялись у Можайска. Слегка холмистое Бородинское поле прорезали небольшие овраги и ручьи; с фронта его прикрывала речка Колоча. На господствующих курганах можно было создать опорные пункты, установить артиллерию. Пересеченный характер местности позволял скрывать от противника часть войск, он же затруднял Наполеону осуществить широкий маневр. Правый фланг пози-

ции был почти неприступен; центр также был удобен для обороны, но левый фланг был более открыт. Кутузов оценивал выбранную позицию как "одну из наилучших, которую только на плоских местах найти можно". Готовясь к сражению, он рассчитывал и на подход свежих пополнений, обещанных военным министерством и губернатором Москвы Ф. В. Ростопчиным. Ближайшая задача Кутузова сводилась к тому, чтобы приостановить дальнейшее продвижение противника, а затем, объединив усилия всех армий, включая Дунайскую и 3-ю Западную, развернуть активное наступление. Этот план Кутузова вытекал из военно-стратегической обстановки, которая была ему представлена в документах военного министерства и письмах Ростопчина. Но действительное положение, как выяснилось накануне Бородинской битвы, было иным. В Бородино прибыли не 100 тыс. , а около 28 тыс. ополченцев и 15 тыс. из резерва. Кутузову пришлось рассчитывать лишь на имеющиеся силы.

Русские войска были размещены следующим образом: на правом фланге, вдоль берега р. Колочи, стояли войска 1-й армии под командованием Барклая де Толли (около 70% всех сил) — они прикрывали дорогу на Москву. Левый фланг и центр находились на открытой местности. Поэтому для укрепления этой позиции югозападнее деревни Семеновской сооружались земляные стреловидные укрепления (Семеновские флеши — здесь расположилась 2-я армия Багратиона). В центре позиции был построен люнет, получивший название Курганной высоты, или батареи Раевского, которую в ходе боев Наполеон назвал "редутом смерти". Впереди всей позиции, с левого фланга, строился пятиугольный Шевардинский редут, который выполнял роль передового укрепления. Большое значение М. И. Кутузов придавал резервам: в тылу позиции находились сильные пехотные, кавалерийский и артиллерийский резервы.

Наполеон привел к Бородину 130—135 тыс. человек при 587 орудиях; у русских было примерно 150 тыс. воинов (из них 9,5 тыс. казаков и 31 тыс. ополченцев) и 640 орудий. Таким образом, у Бородина силы противников были почти равными. Утром 24 августа (5 сентября) французская армия подошла к Шевардинскому редуту. Русским важно было здесь задержать неприятеля на несколько часов. Шевардинский редут мешал перегруппировке французских сил и переброске их войск с Новой Смоленской дороги, где находилась 1-я армия, для обхода левого фланга, занимаемого войсками Багратиона. Менее 20 тыс. солдат задержали на редуте 35-тысячный авангард Наполеона. Только угроза обходного маневра заставила русских ночью оставить Шевардинский редут.

Бородинское сражение, продолжавшееся около 12 часов, началось ранним утром **26 августа (7 сентября)**. Главный удар Наполеон решил нанести по левому флангу — против 2-й армии Багратиона. Корпуса маршалов Л. Н. Даву, М. Нея, И. Мюрата и генерала А. Жюно несколько раз атаковали Семеновские флеши. Для отвле-

чения сил и внимания противника французы начали сражение перестрелкой на правом фланге у села Бородина против полка гвардейских егерей. Небольшой отряд с боями оставил Бородино и отошел за р. Колочу.

Первая атака неприятеля на Багратионовы (Семеновские) флеши была отбита. Во второй атаке французам удалось овладеть частью укреплений, но вскоре флеши были отбиты у врага. Обе стороны несли большие потери. Наполеон перебросил на левый фланг новые силы. На этом участке действовала почти вся его артиллерия. В ходе последующих атак Семеновские флеши были захвачены неприятелем, но русским во второй раз удалось отбить эти укрепления. Чтобы оттянуть часть неприятельских сил от войск Багратиона, Кутузов приказал казакам генерала М. И. Платова и кавалерийскому корпусу генерала Ф. П. Уварова совершить рейд на левый фланг и в тыл французов. К флешам была направлена и часть резервов Главнокомандующего. Багратион вновь перешел в наступление. Маршал Ней требовал новых подкреплений. Получив свежие войска, французы предприняли атаку по всему фронту и на некоторое время овладели батареей Н. Н. Раевского. Но генерал А. П. Ермолов повел войска в контратаку. Вскоре противник был выбит с батареи. Наполеон бросил в бой новые силы. В результате еще одной атаки французы овладели флешами. Багратион, собрав остатки сил, пошел в контратаку. В этом бою осколком ядра он получил смертельное ранение. Людские резервы на левом фланге были на исходе, что заставило генерала П. П. Коновницына, принявшего командование после ранения Багратиона, отвести войска за Семеновский овраг.

Захват флешей открывал путь к батарее Раевского. (Существует мнение, что атаки на Курганную высоту — батарею Раевского — велись одновременно с боями за Багратионовы флеши.) Сосредоточив против батареи более 35 тыс. воинов и около 200 орудий, Наполеон приготовился к общей атаке. Но нападение кавалерийских полков Ф. П. Уварова и казаков М. И. Платова на левый фланг и тыл французов отвлекли внимание Наполеона и на 2 часа задержали начатую было им атаку батареи Раевского. Только к 4 часам дня французская пехота при поддержке артиллерии и кавалерии овладела батареей. Русские войска отступили примерно на 1 км, но прорвать оборону русских войск французским частям не удалось. Они прекратили сражение и были отведены на исходные позиции. Наполеон не сумел разгромить русскую армию. Кутузову не удалось защитить Москву. Но здесь, на Бородинском поле, наполеоновская армия, по справедливому суждению Л. Н. Толстого, получила “смертельную рану”.

Потери с обеих сторон были колоссальны: французы потеряли при Бородине примерно 35 тыс. человек, русские — 45 тыс. Наполеоновские генералы требовали новых подкреплений, но резервы были полностью использованы, а вводить в строй старую гвардию император не решался. В Бородинском сражении были разбиты

лучшие силы противника, благодаря чему был подготовлен переход инициативы в руки русской армии.

Бородинское сражение стало началом конца величия Наполеона и его армии. Дело не только в том, что потери французов составляли более трети всего состава армии. Уцелевшие после Бородина части были иными по сравнению с той армией, что подошла к месту сражения. Пошатнулась уверенность в непобедимости Наполеона, усилилось недовольство длительностью похода и бесконечными войнами.

Все это позволяет оценивать Бородинскую битву, несмотря на продолжавшийся отход русской армии, как *нравственную и политическую победу России.* Так она и воспринималась современниками. В. Г. Белинский считал Бородино “самым торжественным, самым трагическим актом великой драмы XII года”. Когда прибывшего в Москву раненого А. П. Ермолова спросили, что произошло у Бородина, он ответил: “Французская армия расшиблась о русскую армию”.

В сознании Наполеона эта битва осталась самым сильным воспоминанием всей его жизни. В мемуарах, написанных на острове Св. Елены, он подчеркивал: “Московская битва — мое самое великое сражение: это схватка гигантов”; а ранее им были сказаны другие слова, хорошо известные со школьных лет: “Из всех моих сражений самое ужасное то, которое я дал под Москвой. Французы в нем показали себя достойными одержать победу, а русские стяжали право быть непобедимыми”.

Благодарные потомки соорудили 49 памятников русским воинским частям, участвовавшим в сражении на Бородинском поле.

В 1912 г., в столетнюю годовщину Бородинской битвы, французы с разрешения русского правительства поставили на Бородинском поле гранитный памятник, начертав на нем: “погибшим Великой армии”.

Оставление Москвы Бородинская битва, как уже отмечалось, не преградила Наполеону путь к Москве. Без свежих подкреплений Кутузов не решался дать новое сражение. Взвесив данные о потерях и возможности пополнения резервами, боеприпасами и продовольствием, Главнокомандующий решил отойти к Москве. **1 (13) сентября** в деревне Фили (близ Москвы) на состоявшемся военном совете Кутузов приказал оставить Москву. Население вместе с армией спешно покидало город.

2 (14) сентября 1812 г. Наполеон подошел к Москве и остановился на Поклонной горе. Он долго ждал этого дня, будучи уверенным, что захват Москвы сделает бессмысленным дальнейшее сопротивление России. Более двух часов прождал Наполеон московскую депутацию с ключами от города. Вскоре ему доложили, что город пуст. Наполеон не захотел въезжать в этот день в Москву и переночевал у Дорогомиловской заставы. “Нет, не пошла Москва моя к нему с повинной головою”, — так оценил это событие А. С. Пушкин.

Овладение Москвой не принесло императору Франции мира, а его войскам изобилия и отдыха. При подходе к Кремлю по неприятелю был открыт огонь. 2(14) сентября в различных частях города (на Красной площади, Арбате, в Замоскворечье) начались пожары, сгорели Гостиный двор, Московский университет, Кудринский вдовий дом с 700 ранеными русскими солдатами. Вопрос о причине московских пожаров вызывает различные суждения современников и историков. Французы обвиняли в поджогах русских и по приказу Наполеона расстреливали мнимых поджигателей. Другие очевидцы виновниками пожара считали армию противника. Столь же противоречивы и суждения историков. Одни полагали, что жители Москвы из патриотических побуждений поджигали дома, чтобы ничего не осталось врагу; другие считали виновниками пожаров французских мародеров, уничтожавших следы своих преступлений. Возможно, что в начале сентября, когда Наполеон еще надеялся удержаться в Москве, французское командование не давало распоряжений о поджегах города. Но при падении дисциплины, грабежах, которые начались с первых дней вступления в столицу, пожары в преимущественно деревянной Москве были почти неизбежны. Остановить мародерство не мог ни Наполеон, ни назначенные им генерал-губернатор и комендант. "Все части войска, — как писали сами французы, — были призваны к участию в нем (грабеже. — *Н. К.*) последовательно, как будто дело шло об исполнении служебной обязанности".

Московский пожар и мародерство вскоре истребили те запасы продовольствия, которые находились в городе. По всей России ширилось партизанское движение, росло сопротивление русской армии неприятелю. Из Москвы Наполеон трижды предлагал Александру I начать переговоры о мире. Царский двор и близкие к Александру I чиновники (А. А. Аракчеев, Н. П. Румянцев, А. Д. Балашов) советовали подписать мир. Но царь был непреклонен: все письма Наполеона оставались без ответа. В такой обстановке дальнейшее пребывание в Москве для французской армии становилось опасным.

7 (19) октября, после 36 дней бесплодных усилий добиться мира с Россией, Наполеон отдал приказ об отступлении из Москвы. Уходя, он распорядился взорвать Кремль. В результате взрыва сгорела Грановитая палата и другие постройки. Только смелость героев, перерезавших зажженные фитили, и начавшийся дождь спасли от уничтожения древний памятник русской культуры.

§ 2. Последний этап войны

Тарутинский марш-маневр

Со времени оставления неприятелем Москвы начинается *новый этап* войны: наступление русской армии, изгнание противника с территории России. Оставляя Москву, Кутузов решил оторваться от французской армии и дезориен-

тировать ее. С этой целью армия Главнокомандующего сначала двигалась по Рязанской дороге, а затем, дойдя до Боровского моста, перешла на правый берег Москвы-реки и повернула на запад, к Подольску, оставив арьергард войск на Рязанском направлении. Далее Кутузов пошел по Калужской дороге, через Красную Пахру, в Тарутино, в 80 км от Москвы. Тарутинский маневр — перевод армии с Рязанской на Калужскую дорогу — позволил Кутузову избежать преследования наполеоновской армии и выиграть время для подготовки к наступательным боям. Кроме того, этот замысел позволил преградить французам дорогу на юг, на Украину и к Тульским оружейным заводам. Помимо решения этих задач, план Кутузова обеспечил связь его армии с 3-й армией Тормасова и Дунайской армией адмирала Чичагова.

После Бородинского сражения и оставления Москвы 1-я и 2-я армии были соединены в одну, получившую название Главной; 3-я и Дунайская также объединились под общим командованием адмирала П. В. Чичагова. Генерал А. П. Тормасов был переведен в главную квартиру Кутузова.

В Тарутинский лагерь подходили свежие подкрепления, подвозилось оружие и продовольствие, налаживалась связь с партизанами и ополченцами. Важное значение на этом этапе Кутузов уделял организации ополчения. В округе Москвы было сосредоточено около 100 тыс. ополченцев. Пребывание в Тарутино позволило добиться материального и численного превосходства над противником. В это время регулярная русская армия, вместе с ополченцами, насчитывала до 220 тыс. человек, артиллерия и конница были значительно сильнее французской: у русских к этому времени было до 600 орудий, у Наполеона — около 350. Между всеми тремя армиями Кутузов установил непосредственную связь, а командующие пытались донести до сознания каждого солдата цели предстоящих боев. По плану Главнокомандующего предполагалось окружение французской армии восточнее Днепра (до подхода к Наполеону резервов). Александр I считал целесообразным решить эту задачу на Березине.

6 (18) октября 1812 г. корпус Мюрата, направленный Наполеоном к р. Чернишне для наблюдения за русской армией, был атакован Кутузовым. В результате боев французы потеряли около 5 тыс. человек и были вынуждены отступить. Это была первая победа начавшегося наступления русской армии.

Оставив Москву, французы начали движение на юг по Калужской дороге. Они еще рассчитывали разбить русскую армию и пополнить запас продовольствия в незатронутых войной губерниях. Русское командование, получив сведения от партизана А. Н. Сеславина об отступлении противника по Калужской дороге, направило к Малоярославцу значительные воинские силы. 12 (24) октября там произошло упорное сражение, в котором участвовал А. П. Ермолов.

Его исход решал вопрос о дальнейшем пути следования французской армии. Город несколько раз переходил из рук в руки и был оставлен русскими лишь после того, как они заняли более выгодную позицию, позволившую преградить противнику путь на Калугу. Бой у Малоярославца еще раз убедил Наполеона в боеспособности русской армии. Утром 14 (26) октября Наполеон объявил приказ двигаться по Старой Смоленской дороге на Можайск. С этого времени инициатива в войне окончательно перешла в руки русской армии.

Партизанское движение На последнем этапе войны особую масштабность приобрело *партизанское движение*. Мелкие крестьянские отряды, возникавшие стихийно с первых дней вторжения неприятеля, по мере продвижения французов в глубь страны расширялись. Наряду с крестьянскими отрядами командование создавало казачьи отряды, боровшиеся в тылу врага. Генералитет оказывал активную помощь партизанам людьми, снаряжением, продовольствием. Кутузов придавал большое значение "малой" (партизанской) войне и взаимодействию партизан с регулярной армией. Для руководства партизанскими отрядами он направлял опытных кадровых офицеров. Так, один из первых партизанских отрядов возглавил подполковник Ахтырского гусарского полка Денис Давыдов. Поэт, талантливый офицер, получивший в 1807 г. золотую саблю с надписью "за храбрость", поклонник личности и тактики Багратиона, он был любимцем солдат. Давыдов действовал в Смоленской и Калужской губерниях. Его отряды (общей численностью до 300 человек) захватывали пленных, обозы с продовольствием и оружием. За кампанию 1812 г. Д. Давыдов был награжден орденом Св. Георгия 4-го класса и произведен в полковники. Во главе гусарской бригады в чине генерал-майора он вступил в Париж.

Другой руководитель партизан А. Н. Сеславин первоначально действовал в районе Москвы. Он доставлял командованию ценные сведения о состоянии французских войск при их отступлении, разрушал мосты и плотины, вместе с другими партизанами уничтожал мародеров, грабивших русские деревни. Сеславин действовал вдумчиво и спокойно, без горячности, свойственной Давыдову. Сами крестьяне также создавали партизанские отряды. Известность получили партизаны, действовавшие под руководством Г. М. Курина, Е. В. Четвертакова, генералов И. С. Дорохова, А. П. Ожаровского, И. М. Вадбольского, старостихи крестьянки Василисы Кожиной. Нередко происходило объединение партизанских отрядов. Так, отряды Давыдова, Сеславина, Фигнера, Орлова-Денисова окружили в селе Ляхово двухтысячную колонну французов во главе с генералом Ожеро и взяли противника в плен. Операцией под Ляховым руководил старший по званию генерал-майор, генерал-адъютант В. В. Орлов-Денисов.

Партизанское движение свидетельствовало о *народном характере* войны, оно ускорило изгнание неприятеля из России. "Армия

Наполеона во время своей остановки в Москве и под Москвою потеряла благодаря партизанам столько людей, сколько могло стоить генеральное сражение", — справедливо замечал один из авторов многотомного издания "Отечественная война 1812 г. и русское общество" (М., 1911).

Отступление французской армии После отступления из Москвы французская армия потеряла маневренность и дисциплину. Громадное количество разнообразных повозок и экипажей с награбленным добром и провиантом, следовавших за армией, затрудняло ее движение. Тем не менее это была еще боеспособная армия, и русским войскам предстояли упорные бои с нею.

Наполеон через Можайск, Бородино направлялся к Смоленску — там он надеялся получить продовольствие и фураж. Но ожидания его обманули: запасов оказалось мало, уходившее из деревень население ничего не оставляло врагу. Задержавшись на два дня в Смоленске, Наполеон был вынужден покинуть город. Французская армия несла большие потери от регулярной армии и партизан; солдаты были деморализованы. Наперерез неприятелю с севера двигался корпус П. Х. Витгенштейна, ранее прикрывавший путь к Петербургу, а с юга — Дунайская армия П. В. Чичагова. Силы французской армии убывали, усиливались болезни. "Наше отступление, начавшееся маскарадом, — писал французский офицер Е. Лабом, — кончилось похоронным шествием".

В середине ноября главные силы Кутузова нанесли поражение противнику в трехдневных боях под г. Красным. Русским удалось отрезать арьергардный корпус Нея (3 тыс.) от основной армии и уничтожить бóльшую его часть. Лишь у Орши уцелевшие в боях солдаты (около 800 человек) соединились с Наполеоном. Из Орши император направился к Борисову, где рассчитывал переправиться через р. Березину. По русскому плану, трем армиям — Чичагова с юга, Витгенштейна с севера и Главной армии — предстояло окружить неприятеля и отрезать ему путь на Запад. Чичагов взял Борисов, Витгенштейн — Полоцк, Кутузов гнал противника к Борисову. Угроза окружения заставила Наполеона прибегнуть к хитрости: ложной демонстрацией переправы южнее Борисова, где находилась армия Чичагова, он отвлек силы русских. Действительная переправа была им произведена с 14 (26) по 16 (28) ноября у деревни Студянка. За это время успели перейти Березину 20—30 тыс. человек, более 20 тыс. погибли при переправе или попали в плен.

После Березины отступление Наполеона превратилось в беспорядочное бегство. Его Великая армия практически перестала существовать. От нее осталось немногим более 30 тыс. человек.

В конце ноября император из местечка Сморгони направился во Францию. 6 (18) декабря он был в Париже. 25 декабря, в день Рождества Христова, был издан Манифест об изгнании французов из России.

Значение Отечественной войны Современники и потомки войну 1812 г. по праву оценили как Отечественную. Перед лицом смертельной опасности объединились все слои общества. Крестьяне, дворяне, горожане под командованием опытных и авторитетных полководцев — М. И. Кутузова, М. Б. Барклая де Толли, А. П. Ермолова, Н. Н. Раевского, П. И. Багратиона, М. А. Милорадовича, Д. С. Дохтурова, П. П. Коновницына и многих других военачальников — отстаивали национальную независимость и государственную самостоятельность. "Дубина народной войны поднялась со всей своей грозной и величественной силой и, не спрашивая ничьих вкусов и правил, с глупой простотой, но с целесообразностью, не разбирая ничего, поднималась, опускалась и гвоздила французов до тех пор, пока не погибло все нашествие", — писал Л. Н. Толстой, подчеркивая народный характер войны 1812 г. Борьба с наполеоновским нашествием вызвала справедливую гордость у народа, дала толчок развитию всех областей русской культуры.

"Невелик промежуток между 1810 и 1820 годами, — писал А. И. Герцен. — Но между ними находится 1812 год. Нравы те же; помещики, возвратившиеся из своих деревень в сожженную столицу, те же. Но что-то изменилось. Пронеслась мысль, и то, чего она коснулась своим дыханием, стало уже не тем, чем было". Подчеркивая масштабность событий, Герцен считал, что подлинная история России начинается с 1812 г.: до этого времени была лишь ее предыстория.

Высоко оценивали значение Отечественной войны 1812 г. и заграничного похода будущие декабристы, считая себя детьми 1812 года. "Наполеон вторгся в Россию, — замечал А. Бестужев, — и тогда-то народ русский впервые ощутил свою силу, тогда-то пробудилось во всех сердцах чувство независимости сперва патриотической, а впоследствии и народной. Вот начало свободомыслия в России".

Война 1812 г. имела большое *международное значение*, положив начало *освобождению народов* в Центральной и Западной Европе. Хотя Александр I рассматривал войну как дело не только русское, но и европейское, он редко вспоминал о событиях 1812 г. "Кровавая драма войны, московский пожар, отступление великой армии разыгрывались на глазах Александра, но без его участия", — замечал историк А. Е. Пресняков в своей книге "Александр I".

Но дорогой ценой заплатил русский народ за освобождение Родины. В результате нашествия были разорены крестьянские и помещичьи хозяйства; в тяжелом финансовом положении оказалось государство: расходы на войну составили более 200 млн. рублей, общая сумма материальных потерь — более 1 млрд. рублей. В ходе боевых действий русские войска потеряли около 300 тыс. человек.

§ 3. Русская армия в Западной Европе (1813—1814 гг.)

Изгнание французской армии из России не снимало с народов Европы угрозы нового нашествия. Борьбу следовало продолжать до окончательного разгрома врага. Наполеон, воспользовавшись передышкой, уже собирал свежие силы и намеревался возобновить войну. Это понимали правительство и армия. Если царизм и правительства других европейских стран решали собственные задачи, связанные с новым переустройством Европы, то русская армия действовала бескорыстно. "Дело шло сперва о собственном спасении, а потом о спасении всей Европы, следовательно, всего мира", — писал В. Г. Белинский, подчеркивая справедливый характер борьбы народов в 1812—1814 гг.

1 (13) января 1813 г. русская армия перешла р. Неман и вступила в Герцогство Варшавское. Началась кампания 1813 г. 15 (27) февраля 1813 г. в г. Калише между Россией и Пруссией был подписан договор о мире, дружбе, наступательном и оборонительном союзе, согласно которому обе стороны обязывались взаимно оказывать друг другу помощь в борьбе с Наполеоном. Обе державы согласились употребить все средства для привлечения к союзу Австрии. Калишский договор имел важное политическое и военное значение. Он усиливал мощь антинаполеоновской коалиции, содействовал изоляции Франции.

Руководимая М. И. Кутузовым русская армия продвигалась в западном направлении, освобождая польские и прусские города. Спустя одиннадцать дней после подписания Калишского договора русские войска вступили в Берлин. В единении усилий русского и немецкого народов русское командование видело важное средство в достижении главной цели войны — покончить с Наполеоном. М. И. Кутузов в ходе ее неоднократно обращался с воззваниями к населению Германии, объясняя необходимость активно включиться в борьбу с Наполеоном.

Еще до перехода русской армией границ России, 18 (30) декабря 1812 г. прусский генерал Йорк, воевавший в составе французской армии, подписал с русским командованием в Таурогене конвенцию о нейтралитете прусских войск, что свидетельствовало о разложении армии противника. Вступление русских войск в Восточную Пруссию расширило масштабы национально-освободительного движения, которое охватило не только Пруссию, но и всю Германию.

Изменение обстановки в Пруссии, а также успехи русской армии настороженно воспринимались прусским правительством. Король Фридрих Вильгельм III пытался сдержать активные действия прусских войск и помешать их соединению с русской армией, что противоречило условиям Калишского договора и тактике М. И. Кутузова, направленной на объединение сил, укрепление армий резервами. Но русскому Главнокомандующему не удалось завер-

шить начатое дело. В апреле 1813 г., сильно простудившись, он умер в небольшом городе Силезии Бунцлау. Позже здесь был поставлен обелиск в его память. Возглавил русско-прусскую армию генерал П. Х. Витгенштейн, а после его неудачных действий Главнокомандующим был назначен Барклай де Толли.

Борьба с Наполеоном была далека от завершения. Вопрос о союзниках России еще не был решен. Вместе с Россией выступала пока лишь Пруссия. Австрия продолжала вести двойную игру и выжидала, на чью сторону склонятся весы. Она опасалась и господства Наполеона, и усиления России, хотя присоединение Пруссии к антинаполеоновской коалиции подействовало на нее отрезвляюще.

Наполеону тем временем удалось сформировать новую армию. После ряда мобилизаций он собрал почти такую же армию, какую имела Россия и Пруссия вместе, — 200 тыс. солдат. 20 апреля (4 мая) 1813 г. он нанес поражение союзникам при Люцене и Бауцене, где те потеряли 20 тыс. воинов и отступили, оставив левый берег Эльбы. Французские войска заняли Дрезден и Бреславль. Эти успехи Наполеона заставили союзников предложить императору Франции *перемирие*, необходимое обеим сторонам. Оно было подписано в *Плесвице* **23 мая (4 июня) 1813 г.** при посредничестве Австрии.

Перемирие позволило России и Пруссии возобновить переговоры с Англией о субсидиях, а с Австрией — о совместных действиях против Наполеона, помогло укрепить прусскую армию резервами. Наполеон за время перемирия рассчитывал подтянуть свежие силы и подготовиться к новому наступлению. Обсуждение конкретных условий мира по предложению австрийского канцлера Меттерниха было перенесено в Прагу. Но ни одна из сторон не желала прекращения войны. Посылая графа Нарбонна в Прагу, Наполеон советовал ему тянуть время и не принимать предложений противника. Участники коалиции со своей стороны настаивали на ликвидации Герцогства Варшавского, на возвращении Австрии ее владений в Италии, на отказе Франции от германских земель, захваченных ею в ходе войн. Эти условия были отвергнуты Наполеоном. Переговоры были прекращены.

Решимость Наполеона продолжать войну, продвижение союзных армий до Эльбы, создававших угрозу вторжения на территорию Австрии в случае ее выступления на стороне Франции, положили конец колебаниям Габсбургов. 28 августа (9 сентября) 1813 г. Австрия вошла в состав антинаполеоновской коалиции, подписав с Россией Теплицкий договор о дружбе и оборонительном союзе. Оба государства обязывались согласованно действовать в Европе; в случае угрозы одному из них — оказывать помощь корпусом в 60 тыс. человек; они не должны были заключать мира или перемирия без взаимного соглашения.

С конца лета 1813 г. положение изменилось в пользу союзников. На сторону коалиции перешли государства Рейнского союза и Швеция. Армия союзников теперь насчитывала около 500 тыс. человек (против 400 тыс. противника).

Международное и внутреннее положение Франции становилось все более напряженным. В стране росло недовольство политикой Наполеона, падал его престиж в армии. Императора оставили некоторые из его приближенных: перешел на русскую службу генерал Жомини; чуть позже Наполеона оставил его шурин — Мюрат.

В такой обстановке **4—7 (16—19) октября 1813 г.** у г. *Лейпцига* произошло сражение, вошедшее в историю как *"битва народов"*. На стороне союзников сражались русские, прусские, австрийские и шведские войска; на стороне Наполеона выступали французы, поляки, бельгийцы, голландцы, саксонцы, баварцы, вюртембергцы, итальянцы. Всего в сражении с обеих сторон участвовали более 500 тыс. человек. Три дня продолжалась эта битва, начавшаяся успешно для французов, но закончившаяся тяжелым поражением наполеоновской армии. В ходе боев изменила Наполеону Саксонская армия, перейдя на сторону коалиции. Главную роль в Лейпцигской битве сыграли русские и прусские войска. Они первыми вошли в Лейпциг, обратив в бегство противника.

Лейпцигская битва была кульминацией кампании 1813 г. В этом сражении Наполеон потерял более трети своей армии (не менее 65 тыс., союзники — около 55 тыс. человек); резервы Франции были истощены: мобилизованы все призывные возрасты. Французская армия с боями отступила к Рейну. В ноябре 1813 г. Наполеон был в Париже и снова готовил силы для новых боев. Лейпцигское поражение не заставило императора Франции прекратить борьбу и обратиться к европейским державам с мирным предложением. Потребовалась новая война уже на территории Франции, куда вступили союзники в **январе 1814 г.**

Освобождение Германии и дальнейшее отступление наполеоновских войск усилили противоречия в лагере союзников. Австрийское правительство, желая сохранить Францию как противовес России, настаивало на переговорах с Наполеоном, угрожая в противном случае выйти из коалиции. В ноябре 1813 г. по настоянию канцлера Меттерниха Наполеону было предложено возобновить переговоры. Но он медлил с ответом. Лишь в феврале 1814 г. они начались в г. Шатийоне.

Вопреки намерениям Австрии, стремившейся к прекращению войны, Россия и Англия стояли за продолжение войны и одновременное ведение мирных переговоров. Они предложили Франции согласиться на границы 1792 г. Вопрос о правящей династии предлагалось решить самой Франции. Но Наполеон требовал сохранения за Францией "естественных границ" (т. е. границ по Рейну, Пиренеям и Альпам). Союзники не приняли этих условий и переговоры были прерваны. К 1814 г. позиции Наполеона в Центральной Европе были утрачены: Саксония, Бавария, Вюртемберг перешли на сторону союзников; рухнуло Вестфальское королевство. Министр иностранных дел Франции Талейран еще в Эрфурте вступил в тайные переговоры с Александром I. Тем не менее армия Наполеона была еще способна нанести удары противнику.

17 февраля (1 марта) 1814 г. между Россией, Австрией, Пруссией и Англией был подписан так называемый *Четверной трактат* в Шомоне, содержавший предварительные условия мира. Наиболее спорные вопросы (польский, саксонский) в Шомоне не обсуждались, чтобы не усиливать и без того глубокие расхождения в лагере союзников. Державы договорились предоставить Франции территорию в границах 1792 г. и тем самым восстановить европейское равновесие. Условия этого договора во многом подготовили решения Венского конгресса.

Беспрерывные войны, которые вел Наполеон, вызывали недовольство не только в завоеванных государствах, но и в собственной стране. Это, в частности, проявилось при появлении союзных войск на территории Франции. Жители Парижа и даже наполеоновская гвардия без особого упорства защищали город. Самого императора в столице не было. Узнав о сдаче Парижа, Наполеон попытался собрать войска и отбить город у противника, но, прибыв в Фонтенбло, был вынужден под нажимом маршалов подписать *акт отречения*. **18 (30) марта 1814 г.** Париж капитулировал. Союзные армии во главе с Александром I вошли 31 марта в столицу Франции и были встречены манифестацией сторонников старого порядка. Император России старался не задеть национального самолюбия французов. Он отдал распоряжение установить контроль за поведением солдат и офицеров союзных армий, отменил оскорбительный обряд поднесения ключей от города, как бы противопоставляя свое поведение (достойное победителя) действиям французского императора в российской столице.

Бонапарт в конце апреля 1814 г. был отправлен на *о. Эльбу*. В Париже было образовано Временное правительство во главе с Талейраном. Созванный им Сенат объявил о низложении Наполеона и восстановлении династии Бурбонов. В начале мая 1814 г. в столицу прибыл новый король Людовик XVIII — брат казненного Людовика XVI.

§ 4. Венский конгресс. Создание новой политической системы в Европе

Отречение Наполеона и крах первой империи внесли существенные изменения в политическую организацию Европы.

18 (30) мая 1814 г. между Россией, Англией, Австрией, Испанией, Пруссией, Португалией, Швецией, с одной стороны, и Францией, — с другой, был подписан первый *Парижский трактат*. По его условиям Франция возвращалась к границам 1792 г. (до начала революционных войн); Голландия, принимавшая участие в антинаполеоновской коалиции, расширяла свою территорию за счет насильственного включения в ее состав Бельгии; немецкие государства образовывали федерацию из 38 государств; Англия удерживала за собой о. Мальту и Ионические острова; Австрия получила земли Северной Италии — Венецию и Ломбардию, на Балканах — Иллирийские провинции, населенные славянами; династия Бурбонов

восстанавливалась во Франции, Испании и королевстве обеих Сицилий; Савойская династия — в Пьемонте (Сардиния).

Согласно Парижскому трактату, союзные державы, участвовавшие в войне с Наполеоном, спустя два месяца после подписания договора должны были открыть в Вене конгресс для закрепления и развития политической системы, которую утвердил Парижский договор. Установление сильной монархической власти, способной подавить революционные и национально-освободительные движения, и территориальной целостности государств — такова была цель правителей Европы. Но восстановить прежний феодально-абсолютистский порядок оказалось невозможным. Правительство Александра I достаточно хорошо осознавало глубину изменений, вызванных французской революцией и последовавшими за ней событиями. Из-за опасения новых потрясений в Европе, которые могли бы пошатнуть и русское самодержавие, царизм первоначально был против реставрации Бурбонов. Предложение о возвращении Бурбонов во Францию было внесено Англией.

В записке статс-секретаря по иностранным делам К. В. Нессельроде министрам иностранных дел Австрии, Великобритании и Пруссии от 1 (13) февраля 1814 г., составленной по указанию царя, говорилось: “Державам вовсе не следует высказываться в пользу Людовика XVIII, а предоставить французам проявить инициативу в этом вопросе”. Конечно, нельзя брать на веру каждое слово Александра I, но очевидно, что русское правительство, как и другие европейские государства, больше занимали вопросы об установлении такого соотношения сил, при котором ведущая роль в Европе принадлежала бы победителям Наполеона, нежели стремление любой ценой восстановить власть Бурбонов.

Реставраторские тенденции в политике союзников (о чем много писали историки) следует усматривать не столько в восстановлении феодального правопорядка, что было невозможно, сколько в разделе сфер влияния, в территориальном переделе Европы. Но в решении этого важного вопроса в ходе подготовки и проведения Венского конгресса между победителями Наполеона обнаружились острые разногласия. Так, Англия и Австрия прилагали усилия, чтобы ослабить влияние России. Они пытались использовать оставшееся до открытия конгресса время, чтобы создать союз государств, направленный против России.

С августа 1814 г. проходили предварительные заседания с обсуждением наиболее сложных и принципиальных вопросов. Для России главным был польско-саксонский вопрос, с решением которого в значительной степени русское правительство связывало проблему политического переустройства Европы. В инструкции, данной Александром I статс-секретарю по иностранным делам К. В. Нессельроде и другому представителю России — Иоанну Каподистриа (в 1827—1831 — президент Греции), предписывалось в качестве основного требования добиваться передачи всего Герцогства Варшавского России. Зная об антирусских позициях Англии и Ав-

стрии, Александр I пытался привлечь на свою сторону Пруссию, пообещав ей часть территории саксонского короля, который был союзником Наполеона. 16 (28) сентября 1814 г. между Россией и Пруссией было подписано тайное соглашение, по которому Россия признавала передачу территории Саксонии Пруссии и выводила из Саксонии свои войска. Австрия выступила против расширения границ Пруссии за счет включения Саксонии. Что касается Англии, то она мало интересовалась саксонским вопросом. Она больше всего была озабочена усилением влияния России на Балканах и возможностью возрождения Франции. С этой целью Францию предлагалось окружить кольцом мелких государств, каждое из которых нуждалось бы в поддержке Англии. Таким образом, ко времени открытия Венского конгресса между бывшими союзниками по антинаполеоновской коалиции существовали глубокие противоречия относительно преобразования Европы. По первоначальному плану, в основном поддержанному всеми державами, Франция не должна была принимать участия в обсуждении вопроса о разделе завоеванной территории. Она приглашалась лишь для того, чтобы высказать свое мнение. Играя на противоречиях союзников, Талейран, по существу, добился отмены этого решения. Представитель Франции был равноправным членом конгресса.

Основные споры на *Венском конгрессе* (**сентябрь 1814 — июнь 1815 гг.**) вызвали польский и саксонский вопросы. Александр I настаивал на передаче Герцогства Варшавского России на том основании, что она вынесла на своих плечах основную тяжесть войны. Представители Англии, Австрии, поддержанные Францией, возражали против этих требований русского царя. Представитель Англии пытался доказать Александру, что объединение Польши под эгидой России противоречит прежним ее соглашениям с союзниками по польскому вопросу и является опасным для мира в Европе. Иными словами, Лондонский кабинет угрожал возможностью нового военного столкновения и намекал на революционную опасность, которая могла стать реальной при объединении этого “беспокойного” народа, т. е. поляков. Пытаясь изолировать Россию, представители Англии и Австрии обещали передать Пруссии всю Саксонию без содействия русского царя, если она откажется от прежних соглашений с Россией. Прусский уполномоченный на конгрессе был готов принять предложение Австрии и Англии.

Но русские, а не западноевропейские войска находились на территории Саксонии, поэтому гарантии Александра I в отношении Саксонии имели более реальные основания. В силу этого прусское правительство вынуждено было поддерживать Россию на конгрессе в польском и саксонском вопросах. Такая расстановка сил привела к созданию антирусской коалиции. 3 января 1815 г. (22 декабря 1814 г.) Англия, Австрия и Франция подписали секретное соглашение, направленное против России и Пруссии. Внезапное появление Наполеона, бежавшего с о. Эльбы в марте 1815 г., его победоносное шествие по стране и восстановление его власти во Франции на 100

дней сплотили участников антифранцузской коалиции. 13 (25) марта 1815 г. они подписали декларацию, объявлявшую Наполеона вне закона и призывавшую к войне с ним.

28 мая (9 июня) 1815 г. был подписан *заключительный акт* Венского конгресса, включавший 121 статью. В нем содержались важнейшие соглашения, подготовленные в ходе работы конгресса. Согласно условиям договора Польша вновь теряла свою самостоятельность: большая часть Герцогства Варшавского (за исключением Торна и Познани, отходивших к Пруссии) переходила к России (получила название Царство Польское).

Краков был признан вольным городом. Восточная Галиция отходила к Австрии. Поляки, подданные России, Австрии и Пруссии, должны были "иметь народных представителей и национальные государственные учреждения, согласно тому образу политического устройства, которое каждое из правительств предоставит". Часть территории Саксонии переходила к Пруссии, другая часть сохраняла самостоятельность. Границы Франции были определены в соответствии с условиями Парижского мира 1814 г. ; Сардинское королевство включало отторгнутые от Франции Савойю и Ниццу; Германия сохраняла раздробленность. Из 38 немецких государств и четырех вольных городов — Гамбурга, Любека, Бремена и Франкфурта-на-Майне — был образован Германский союз, руководящая роль в котором принадлежала Австрии: ее представитель становился постоянным председателем и союзного сейма; Бельгия присоединялась к Голландии; Иллирийская область (значительная часть территории Югославии до 1991 г.) переходила к Австрии.

Восточный вопрос не нашел отражения в решении конгресса, хотя и обсуждался на его заседаниях (в частности, вопрос о нарушениях Портой условий Бухарестского договора).

Решения Венского конгресса изменили карту Европы. Они принимались, исходя прежде всего из интересов европейских правителей. Задача победителей Наполеона сводилась к стабилизации положения в Европе и поддержании границ, установленных условиями Парижского договора 18 (30) мая 1814 г. Судьбы народов, потерявших свою государственность, их беспокоили мало. Позитивное значение Венского конгресса состоит в том, что он позволил Европе в течение почти сорока лет сохранять мир.

Битва при *Ватерлоо* **6 (18) июня 1815 г.,** где европейские государства, объединив свои воинские силы, нанесли сокрушительное поражение Наполеону, вторичное отречение его от престола 10 (22) июня и ссылка на остров Св. Елены внешне сняли противоречия между союзниками. Победители Наполеона вновь возвратились в Париж, где 14 (26) сентября 1815 г. по инициативе Александра I был составлен акт Священного союза (см. об этом в гл. 4), статьи которого призывали к единению христианских правителей и народов. Этот документ можно рассматривать как один из элементов международной системы, сложившейся после Венского конгресса и получившей название *Венской системы.*

Глава 4
Внутренняя и внешняя политика в 1815—1825 гг.

§ 1. Внутренняя политика

Внутренняя политика в 1815— 1819 гг. Последнее десятилетие царствования Александра I принято считать временем решительного поворота к реакции, именуемой аракчеевщиной. Однако политический курс Александра I в те годы носил противоречивый характер. Примерно до 1819—1820 гг. наряду с проведением ряда реакционных мер имели место и факты "заигрывания с либерализмом": продолжали разрабатываться планы преобразований, просвещение и печать пока еще не подвергались тем суровым гонениям, какие начались позднее — в последнее пятилетие царствования Александра. В 1818—1820 гг. издаются книги К. И. Арсеньева "Российская статистика", А. П. Куницына "Право естественное", Н. И. Тургенева "Опыт теории налогов", в которых излагались просветительские идеи, а К. И. Арсеньев открыто заявлял о вреде крепостного права. В "Духе журналов" продолжали публиковаться и комментироваться тексты западноевропейских конституций.

15 ноября 1815 г. Александр I утвердил Конституцию Царства (Королевства) Польского. По этой конституции Александр I становился королем польским. Польская корона объявлялась наследственной для российских императоров, но власть их на территории Польши ограничивалась конституцией. Управление Польшей вверялось наместнику царя, каковым Александр I назначил генерала из старинного польского рода Иосифа Зайончека, возведя его в княжеское достоинство. Но фактическим наместником стал брат царя великий князь Константин Павлович, назначенный главнокомандующим польскими вооруженными силами. Высшую законодательную власть осуществлял выборный Сейм, собиравшийся на свои сессии один раз в два года на 30 дней, а между сессиями — Государственный совет, действовавший постоянно. Все государственные должности замещались только поляками и официальные акты составлялись на польском языке. Объявлялись неприкосновенность личности и жилища, свобода печати; господствующей религией являлся католицизм, но гарантировалась свобода вероисповедания и другим конфессиям. Вводился равный для всех сословий суд, при независимости и несменяемости судей и с гласным судопроизводством. В составе российских вооруженных сил создавался Польский корпус под командованием наместника царя.

Польская конституция была наиболее либеральным для того времени конституционным актом в Европе. При открытии первого

заседания Сейма в Варшаве 15 (27) марта 1818 г. Александр I произнес речь, в которой объявил о своем намерении ввести подобный же конституционный порядок на всей територии России: “Устройство, уже существовавшее в вашем крае, дозволило мне немедленно ввести то, которое я даровал вам, руководствуясь правилами свободных учреждений, не перестававших быть предметом моих забот и которых благодетельное влияние надеюсь я с помощью Божией распространить на все страны, Провидением попечению моему вверенные. Таким образом, вы мне подали средство явить моему отечеству то, что уже издавна я ему готовлю и чем оно воспользуется, как только начала столь важного дела достигнут надлежащей зрелости”. Спустя месяц в речи при закрытии сессии Сейма Александр заявил, что высоко ценит “независимость мнений” избранников Сейма, ибо “свободно избранные должны и рассуждать свободно”. Варшавские речи Александра I, напечатанные и комментированные в русских журналах, произвели сильное впечатление на умы прогрессивных людей России, внушив им надежды на конституционные намерения царя. Н. М. Карамзин писал своему другу поэту И. И. Дмитриеву: “Варшавские речи сильно отозвались в молодых сердцах. Спят и видят конституцию, судят, рядят, начинают и писать в “Сыне Отечества”.

В том же году Александр I дал министру юстиции Н. Н. Новосильцеву секретное поручение подготовить “Государственную уставную грамоту” для России в духе принципов польской конституции 1815 г. К 1820 г. текст Грамоты был готов и одобрен царем. В ней проводились идеи политической свободы, представительного правления и буржуазного федерализма, однако она не ограничивала самодержавной власти царя и не меняла сословную структуру общества. Был составлен высочайший манифест, долженствующий возвестить о предстоящем обнародовании этого документа, но изза революционных событий в том году в Европе это намерение Александра I было отложено.

В 1816 — 1820 гг. проводились меры по решению крестьянского вопроса. В 1816 г. было завершено проведение крестьянской реформы в Латвии и Эстонии, начало которой было положено в 1804—1805 гг. 23 мая 1816 г. издано “Положение об эстляндских крестьянах”. Крестьяне получили личную свободу, но без земли, которая провозглашалась собственностью помещиков. Крестьянам предоставлялось право владения земельными наделами на условиях аренды, но они получали возможность в перспективе приобрести их в собственность посредством выкупа у помещика. Устанавливался 14-летний переходный период, в течение которого помещик в значительной мере сохранял свою власть над крестьянами. Аналогичные условия освобождения были определены и “Положением о лифляндских крестьянах”, принятым 26 марта 1819 г.

В 1818 г. Александр I дал двенадцати сановникам секретные поручения разработать проекты отмены крепостного права для

русских губерний. С проектами решения крестьянского вопроса выступили в это время П. Д. Киселев, Н. С. Мордвинов, В. Н. Каразин, П. А. Вяземский, Н. Г. Репнин. Их проекты объединял принцип постепенного освобождения крестьян, не ущемляя при этом экономических интересов помещиков. Любопытен проект, подготовленный по поручению царя А. А. Аракчеевым. Проект предусматривал поэтапный выкуп помещичьих крестьян казной. Помещики получали за отпускаемых на волю крестьян от казны деньги, которые, по мысли Аракчеева, могли бы избавить их от долгов и наладить хозяйство на рациональной основе. Крестьяне освобождались с землей, но им предоставлялось всего лишь по две десятины на ревизскую душу, да и то на условиях аренды, хотя в будущем они могли приобрести землю в собственность, выкупив ее у помещиков. Летом 1818 г. состоялась встреча Александра I с представителями дворянства Полтавской и Черниговской губерний. Он призывал их проявить инициативу в деле освобождения крепостных крестьян, но дворяне не вняли этим призывам царя.

Война 1812 г. породила мистические настроения среди русского дворянства. Революционные и военные потрясения в Европе способствовали тогда распространению мистицизма среди высших сословий и монархов и во многих европейских странах. Захватили они и Александра I. Он покровительствует различного рода духовным собраниям, принимает новоявленных “пророков” и “пророчиц”, приближает к себе воинствующего мракобеса и фанатика архимандрита новгородского Юрьева монастыря Фотия (П. Н. Спасского), берет под свое покровительство учрежденное в 1812 г. в России Библейское общество. (Подробно об этом см. в главе 24).

В 1817 г. Министерство народного просвещения было преобразовано в Министерство духовных дел и народного просвещения, во главе которого был поставлен фаворит царя князь А. Н. Голицын, занимавший с 1803 г. пост обер-прокурора Святейшего Синода.

Военные поселения

Среди реакционных мер послевоенного пятилетия наиболее жестокой явилось учреждение *военных поселений*. Это было вызвано поисками новых форм комплектования армии и вместе с тем разрешения острых финансовых проблем. Решено было часть армии перевести на “самоокупаемость”: посадить солдат на землю, чтобы они наряду с несением военной службы занимались земледелием и тем содержали себя.

Идея создания военных поселений не нова. Она возникла еще при Павле I, но к ее реализации приступили в 1810 г., поселив батальон солдат в Могилевской губернии. Жителей мест, назначенных под поселение, выселили в Новороссийскую губернию. Часть поселяемых солдат превратили в семейных “хозяев”; у них разместили остальных холостых солдат, которые должны были помогать семейным в полевых работах. Но этот опыт оказался неудачным.

Солдаты, не имевшие навыка к земледелию, не смогли содержать себя и сильно бедствовали. В связи с начавшейся войной 1812 г. их направили в действующую армию.

В 1816 г. вновь вернулись к практике создания военных поселений, но уже на иных началах. На этот раз жители мест, предназначенных под военные поселения, не выселялись, а обращались в военных поселян и получали наименование "поселян-хозяев". К ним подселялись солдаты "действующих" (регулярных) частей пехоты и кавалерии — по два солдата на поселенное семейство. В военных поселениях учреждались школы, госпитали, ремесленные мастерские. Дети военных поселян с 7 лет зачислялись в кантонисты: сначала они, оставаясь при родителях, обучались в школе чтению, письму и счету, а с 18 лет их уже переводили в воинские части.

Вся жизнь военных поселян строго регламентировалась: по команде военные поселяне должны были вставать, зажигать огонь, топить печь, выходить на работу, что коренным образом ломало их прежний, привычный быт и воспринималось ими весьма тягостно. Но особенно тяжелыми для военных поселян в первые годы оказались обширные строительные и дорожные работы, поглощавшие массу труда, здоровья и времени. Они изнуряли силы поселян и явились причиной большой смертности среди них. Таким образом, военные поселения превратились в худший вид крепостной неволи.

В 1817—1818 гг. военные поселения были сначала введены в Новгородской, Херсонской и Слободско-Украинской губерниях. К 1825 г. на положение военных поселян были переведены 374 тыс. казенных крестьян и украинских казаков. К ним поселили 131 тыс. солдат регулярных войск. При Николае I военные поселения, уже в реформированном виде (под влиянием восстания в 1831г. в Новгородских поселениях), продолжали расширяться. Они возникли в Витебской, Подольской и Киевской губерниях, даже на Кавказе. Были планы создания военных поселений в Ярославской и других губерниях. В 1857 г., когда в связи с подготовкой крестьянской реформы началось упразднение военных поселений, в них насчитывалось 800 тыс. человек обоего пола.

Инициатива учреждения военных поселений исходила от Александра I, поставившего главным начальником над ними Аракчеева. Сначала Аракчеев даже возражал против них, предлагая решить проблему комплектования армии путем сокращения срока солдатской службы до 8 лет, а из увольняемых в запас создавать необходимый резерв. Но как только вопрос о военных поселениях был окончательно решен царем, Аракчеев стал самым рьяным и последовательным проводником этой меры в жизнь. Педантичность, поистине маниакальная приверженность к "порядку" и строгой дисциплине, неукоснительная исполнительность и бесспорно незаурядные организаторские способности — качества, присущие Аракчееву и особенно ценившиеся в нем Александром I, выдвинули его на первое место на политическом небосклоне России в 1815—1825 гг.

Аракчеев применял самые жестокие меры при подавлении крестьян и казаков, сопротивлявшихся введению военных поселений. В 1817 г. против восставших крестьян Новгородской губернии, упорно не желавших становиться военными поселянами, была применена даже артиллерия. Массовой экзекуции в 1817—1818 гг. были подвергнуты казаки Херсонской губернии, не желавшие переходить на положение военных поселян. Крупное восстание военных поселян вспыхнуло летом 1819 г. в *Чугуеве* — центре Чугуевского и Таганрогского уланских округов военных поселений в Харьковской губернии. В этих округах числилось 28 тыс. военных поселян. Они потребовали оставить их на прежнем положении казаков и вернуть взятые под поселения их собственные земли. Восстание было подавлено с помощью двух дивизий регулярных войск. В Харьков прибыл сам Аракчеев, который однако не решился появиться в восставших округах военных поселений. Аресту подверглись 2003 участника восстания, 363 из них были преданы военному суду, приговорившему 273 человека к смертной казни, но затем ее отменили: несчастных прогнали сквозь строй. Этой экзекуции подверглись 54 наиболее активных участника восстания, при этом 29 из них были забиты насмерть.

Поворот к реакции

К 1820 г. заметно определился поворот Александра I *к реакции*. Он явился ответом на ряд внешних и внутренних событий, которые произвели на Александра I глубокое впечатление. Наблюдательные современники, в первую очередь декабристы, связывали усиление реакционного политического курса Александра I с революционными потрясениями в странах Западной Европы. Речь Александра I при открытии второго польского Сейма 1(13) сентября 1820 г. уже сильно отличалась от сказанной два с половиной года назад. Теперь царь уже не вспоминал о своем обещании даровать России "законно-свободные учреждения". В это время полыхали революции в южноевропейских странах — Испании, Неаполе, Пьемонте. "Дух зла покушается водворить снова свое бедственное владычество, — говорил Александр I, — он уже парит над частию Европы, уже накопляет злодеяния и пагубные события". На конгрессе Священного союза осенью 1820 г. в Троппау Александр говорил о необходимости "принять серьезные и действенные меры против пожара, охватившего весь юг Европы и от которого огонь уже разбросан во всех землях".

В Троппау царь получил известие о *восстании лейб-гвардии Семеновского полка* 6-18 октября 1820 г., вызванном жестокостями вновь назначенного его командиром полковника Е. Ф. Шварца. Первым Александру сообщил это неприятное для него известие австрийский канцлер Меттерних, представив его как свидетельство, что и в России "неспокойно". Но особенно большой резонанс это событие вызвало в Петербурге. Восстала не обычная воинская часть, а один из старейших, основанный еще Петром I, гвардейских полков,

на который “равнялась вся гвардия”. Этот полк был наиболее близок ко двору, его шефом являлся сам Александр I. Солдаты этого привилегированного полка в большинстве своем были ветеранами многих войн. Нельзя не отметить и того факта, что именно в казармах Семеновского полка получило свое основание первое декабристское общество — Союз спасения. Впрочем, служившие в полку члены тайного декабристского общества не только не присоединились к солдатскому протесту, но старались всячески предотвратить его, хотя и горячо сочувствовали положению солдат.

По приказу Александра I Семеновский полк был раскассирован по различным армейским частям, его 1-й батальон, который начал восстание, был предан военному суду; “зачинщики возмущения” прогнаны сквозь строй и сосланы “навечно” на каторгу, а остальные солдаты этого батальона распределены по различным сибирским гарнизонам. По армейским полкам разослали и всех офицеров полка.

Александр I ошибочно полагал, что возмущение Семеновского полка было инспирировано тайным обществом. Следствие не обнаружило этого, однако было усилено наблюдение за настроениями в армии. Вскоре по доносам Александр I узнал и о существовании тайного общества декабристов — Союзе благоденствия. Но на этот раз он решил обойтись без арестов и громкого судебного процесса (как полагают, во избежание международной огласки). Генерал-адъютант И. В. Васильчиков, представивший Александру I докладную записку с перечнем участников тайного общества, свидетельствовал, что царь, не желая знать “имен этих несчастных”, бросил список в пылающий камин, добавив при этом: “Вы знаете, что я разделял и поощрял эти иллюзии и заблуждения... Не мне подобает их карать”. Однако “имена несчастных” Александру были уже известны по другим доносам, и он решил покарать некоторых участников тайного общества без судебной огласки: одни были разжалованы, другие сосланы, и те и другие отданы под негласный надзор полиции.

Наступление реакционного политического курса после 1820 г. обозначилось во всех направлениях. Указами 1822—1823 гг. были отменены изданные в первые годы царствования Александра I законодательные акты, сдерживавшие произвол помещиков по отношению к своим крепостным крестьянам. Вновь подтверждалось право помещиков ссылать крестьян “за продерзостные поступки”; крестьянам запрещалось жаловаться на жестокость своих господ, возбуждать “иски о воле”.

Усилились *гонения* на просвещение, учебные заведения, особенно на университеты. Еще в 1819 г. в Казанский университет для его ревизии был послан член Главного правления училищ Министерства духовных дел и народного просвещения М. Л. Магницкий, стяжавший славу обскуранта и гонителя просвещения. Он обнару-

жил в университете “дух вольномыслия и безбожия” и в своем докладе царю о результатах ревизии предлагал “публичное разрушение” этого учебного заведения. Царь наложил резолюцию: “Зачем разрушать, лучше исправить”, а “исправлять” университет поручил самому Магницкому, назначив его попечителем Казанского учебного округа. Магницкий рьяно приступил к “реорганизации” преподавания и жизни Казанского университета на основе “благочестия и верноподданности”. Он изменил все его учебные планы, уволил 11 лучших профессоров (из 25), заменив их “благонадежными” гимназическими учителями. Из университетской библиотеки по его приказу были изъяты все книги, отличавшиеся, по его мнению, “вредным направлением”. В самом университете был установлен казарменный режим: студентов заставляли маршировать, читать и петь хором молитвы, провинившегося в крестьянском армяке и лаптях заключали в карцер (“комнату уединения”), а его товарищей заставляли молиться о нем как о “грешнике”. “Неисправимых” студентов Магницкий отдавал в солдаты. Довершив разгром Казанского университета, Магницкий докладывал императору: “Яд вольнодумства окончательно оставил университет, где обитает ныне страх Божий”.

Вскоре “исправлению”, хотя и в меньших размерах, был подвергнут Харьковский университет, из которго уволили ряд профессоров. Попечитель Петербургского учебного округа С. С. Уваров (будущий министр народного просвещения) воспротивился реакционным мерам по отношению к университетам. Его заставили подать в отставку. Вместо него в 1821 г. попечителем Петербургского учебного округа был назначен фанатичный обскурант Д. П. Рунич. Он начал с доноса о том, что в Петербургском университете науки преподаются “в противном христианству духе”, и возбудил судебный процесс против лучших профессоров университета — А. И. Галича, Э. В. Раупаха, К. И. Арсеньева и К. Ф. Германа. Процесс тянулся до 1827 г., когда он был прекращен за недоказанностью “преступления”. Реакция не решилась учинить подобное же “исправление” старейшему университету — Московскому. Попечитель Московского учебного округа князь А. П. Оболенский, используя все свое влияние, сумел оградить Московский университет от наветов и инсинуаций и спасти его от грозившей ему опасности.

Резко усилились *цензурные гонения на печать.* Хотя либеральный по своему духу цензурный устав 1804 г. и не был отменен, но негласным распоряжением министра духовных дел и народного просвещения А. Н. Голицына подчиненному ему цензурному ведомству предписывалось принять меры к недопущению в печати идей, “противных принятым ныне твердым правилам”, обнаруживать и пресекать “вольнодумство, безбожие, своевольство, мечтательное философствование”. В печати было запрещено касаться вопросов государственного устройства, критиковать действия любого начальства и даже печатать рецензии на игру актеров императорских

театров, поскольку "они находятся на государственной службе". Цензура беспощадно преследовала не только всякую свободную мысль, но даже лояльные правительству сочинения, в которых в негативном духе рассуждалось о конституциях или о представительном образе правления. Навлечь репрессии могло и сказанное вслух смелое слово. Так, в сентябре 1822 г. на заседании Академии художеств были предложены в почетные члены А. А. Аракчеев, министры Д. А. Гурьев и В. П. Кочубей на том основании, что они "близки к государю". Вице-президент Академии А. Ф. Лабзин в шутку предложил в почетные академики лейб-кучера Илью, который "еще ближе к государю и даже сидит впереди него". За эту выходку, получившую громкую известность, Лабзин был сослан в захолустный Сенгилей Симбирской губернии "под особый надзор полиции".

1 августа 1822 г. последовал рескрипт Александра I на имя управляющего Министерством внутренних дел В. П. Кочубея о запрещении тайных обществ и масонских лож и о взятии с военных и гражданских чинов подписки, что они не принадлежат и впредь не будут принадлежать к таковым организациям. В 1821—1823 гг. помимо секретной гражданской полиции вводится сеть тайной полиции в гвардии и в армии. Были особые агенты, следившие за действиями самой тайной полиции, а также друг за другом. Следили за всеми высшими государственными лицами, в том числе и за Аракчеевым (который, кстати, прекрасно знал об этом и имел свою агентуру). Служивший у него декабрист Г. С. Батеньков вспоминал, как Аракчеев во время прогулки с ним по Фонтанке указал на шпиона, который был "приставлен за ним наблюдать".

Это было "классическое" время доносов. Доносили на лиц не только заподозренных в "вольнодумстве", но и на влиятельных вельмож и ретроградов, например, на министра полиции А. Д. Балашова, А. Н. Голицына, московского митрополита Филарета, на самого Аракчеева. М. Л. Магницкий подал донос даже на великого князя Николая Павловича (будущего Николая I).

Достойно удивления, что тайная полиция, несмотря на ее развитую шпионскую сеть, так и не смогла выявить существование декабристских организаций. И это при том, что декабристы не соблюдали строгих правил конспирации. Лишь летом 1825 г. Александру I стало известно о существовании против него заговора, причем сведения поступили не от полиции, а от лиц, случайно проведавших об этом из-за неосторожности некоторых молодых членов тайного общества. Однако удалось узнать лишь о факте заговора. Предстояло выявить его участников. Наконец 4 декабря 1825 г., уже после кончины Александра I, в Таганроге был получен список на 45 декабристов, и последовали распоряжения об их аресте.

Реакционный внутриполитический курс самодержавия в 1820—1825 гг. обычно связывают с личностью Аракчеева и называют *аракчеевщиной*. Несомненно, роль Аракчеева, всесильного временщика

при Александре I, была в те годы исключительно велика. С 1822 г. Аракчеев на положении первого министра фактически являлся единственнным докладчиком царю по всем вопросам, даже по ведомству Святейшего Синода. Все министры шли с докладами сначала к Аракчееву, а он уже делал общий доклад императору. Современники видели в Аракчееве главное "зло" тех лет. Даже монархически настроенные историки пытались все беды страны свалить на Аракчеева. Нисколько не отрицая влияния этой одиозной личности на ход тогдашних государственных дел, необходимо иметь в виду, что вдохновителем этого политического курса был сам Александр I, а Аракчеев выступал лишь в роли наиболее ревностного исполнителя его воли. Неверно мнение о том, что Александр I, занятый в последнее десятилетие своего царствования внешнеполитическими делами, управление империей якобы передал Аракчееву, "как помещик своему приказчику". В действительности, даже находясь за границей, Александр держал все нити внутреннего управления страной в своих руках, вникая во все мелочи, касавшиеся, кстати, и "ведомства" самого Аракчеева — военных поселений, он собственноручно правил его приказы и распоряжения по этому учреждению.

Итоги реакционного политического курса Александра I

Декабристы в своих показаниях и письмах рисуют весьма неприглядную картину состояния России в последние годы царствования Александра I. "Сжатое просвещение", "задушенная свобода", "лихоимство в судах", "совершенное отсутствие закона и справедливости в судопроизводстве", казнокрадство, принявшее невиданные размеры, всеобщие жалобы на стеснение промышленности и торговли — все это являло декабристам "картину всеобщего неблагоденствия". "Во всех уголках виднелись недовольные лица; на улицах пожимали плечами, везде шептались, все говорили, к чему это приведет? Все элементы были в брожении", — писал впоследствии из крепости Николаю I декабрист А. А. Бестужев. Разумеется, Александр I был осведомлен обо всем этом, как и о растущем ропоте в народе и различных общественных кругах, что производило на него гнетущее впечатление. Приближенные к Александру отмечали, что в последние годы он стал мрачен, чаще уединялся, поговаривал о своем намерении "абдикировать" (т. е. отречься от престола). 16 августа 1823 г. он подписал манифест о передаче прав на престол великому князю Николаю Павловичу, минуя законного наследника цесаревича Константина. Александр приказал хранить текст манифеста в строжайшем секрете в запечатанном конверте, на котором была сделана его собственноручная надпись: "Хранить с государственными актами до востребования моего, а в случае моей кончины открыть прежде всякого другого действия".

1 сентября 1825 г. Александр выехал на юг, намереваясь посетить там военные поселения, Крым и Кавказ. Неожиданная смерть

его 19 ноября 1825 г. в Таганроге породила легенду о том, что царь не умер, а таинственно скрылся и долгое время жил под именем "старца Федора Кузьмича". Легенда опровергается сохранившимися бюллетенями о ходе болезни царя, актом вскрытия его тела после кончины и многими другими официальными документами, письмами, воспоминаниями, донесениями лиц — свидетелей его кончины. И тем не менее вера в эту легенду сохраняется и поныне. Склонны ее поддерживать и некоторые историки.

§ 2. Внешняя политика России в 1815—1825 гг.

С 1815 г. открылся новый этап в истории международных отношений и внешней политики России. Его возникновение было обусловлено окончательным разгромом Наполеона, подписанием Венского договора и заключением ряда соглашений между великими державами. Франция была весьма ослаблена. Англия получила преобладающее влияние на морях и возможность усилить свою экономическую и колониальную экспансию. Австрия и Пруссия, примкнувшие на последнем этапе к антинаполеоновской коалиции, сохранили свое значение в европейской политике.

Разгром наполеоновской империи привел к значительному росту международного авторитета России. Александр I, по оценке современников, стал арбитром Европы. Российское правительство стремилось использовать результаты победы для упрочения своих новых границ, расширения политического влияния в Европе и на Балканах. Оно стремилось также к укреплению мирных отношений с другими европейскими государствами. Важнейшим принципом внешней политики стала поддержка *Венской системы,* т. е. европейского равновесия и дворянско-монархических режимов на континенте. Задачи, стоявшие перед Россией, были противоречивы. С одной стороны, на Балканах она покровительствовала национальным движениям христианских народов; в Европе Александр I также не мог не считаться с теми изменениями, которые произошли после французской революции и наполеоновских завоеваний. С другой стороны, он проводил консервативную политику, основанную на принципе легитимизма. Это вносило элементы двойственности и непоследовательности в решение внешнеполитических вопросов.

Российское Министерство иностранных дел после 1815 г. возглавляли И. Каподистрия и К. В. Нессельроде, имевшие разные внешнеполитические взгляды.

Граф И. Каподистрия, грек по национальности, с 1809 г. состоял на русской дипломатической службе, участвовал в работе Венского конгресса. В 1815 г. он получил звание статс-секретаря по иностранным делам и с 1816 г. (совместно с К. В. Нессельроде) управлял Министерством иностранных дел. Каподистрия ведал отношениями России со странами Востока. Придерживаясь либеральных взглядов, основную задачу русской внешней политики он видел в

укреплении отношений с Францией. Он придавал большое значение политике России на Балканах, выступал за активизацию ее помощи христианским народам. Несогласный с реакционной политикой Священного союза, он ушел в отставку в 1822 г. и покинул Россию. В 1827 г. Каподистрия был избран первым президентом боровшейся за независимость Греции.

К. В. Нессельроде, сын обедневшего лифляндского дворянина и дочери богатого еврейского банкира, состоял на дипломатической службе с 1801 г. и в течение 40 лет (с 1816 по 1856 г.) возглавлял российское Министерство иностранных дел. Он был проводником консервативного направления во внешней политике России первой половины XIX в. Это означало: политику времен Священного союза, курс на подавление революционных и национальных движений, в 20-е годы отказ от оказания помощи греческим повстанцам. В 30—40-е годы он последовательно продолжал выступать за подавление любых революционных движений (польского восстания 1830 г., французской и бельгийской революций 1830 г., венгерской революции 1849 г.). Он придерживался проавстрийской ориентации и находился под сильным влиянием канцлера К. Меттерниха. С именем Нессельроде связаны внешнеполитические неудачи России в восточном вопросе в 40-е — начале 50-х годов XIX в. и дипломатический провал накануне Крымской войны.

Европейское направление Внешняя политика России в Европе была основана на Венской системе. В **марте 1815 г.** был подписан договор о *Четверном союзе*. В него вошли Россия, Англия, Австрия и Пруссия. Союз был нацелен на проведение в жизнь решений Венского конгресса и, в первую очередь, относительно Франции. Ее территория была оккупирована державами-победительницами. Франции предстояло выплатить огромную контрибуцию.

В **сентябре 1815 г.** между Россией, Австрией и Пруссией был заключен *Священный союз*. Акт о его создании составил Александр I. Текст имел религиозно-мистический характер и содержал обязательства христианских монархов оказывать друг другу помощь. Однако под религиозной оболочкой скрывалась общая политическая задача — поддержка старых монархических династий и защита принципа легитимизма. В 1820—1821 гг. на конгрессах Священного союза в Троппау и Лайбахе эта идеологическая цель была трансформирована в политический принцип, дававший право вмешательства членов союза во внутренние дела других государств с целью подавления революционного движения. Наиболее активными членами Священного союза были Россия и Австрия. Англия, формально не подписавшая Акт, на деле поддерживала консервативную политику Священного союза.

Четверной и Священный союзы были созданы в связи с тем, что все европейские правительства понимали необходимость достижения согласованных действий для решения спорных вопросов.

Союзы приглушили, но не сняли остроту противоречий между великими державами. Наоборот, они углубились, так как Англия и Австрия стремились ослабить международный авторитет и политическое влияние России.

В этих условиях Россия активизировала свои отношения с Францией, Испанией, Пруссией и другими государствами. Александр I, поддерживая режим Бурбонов, в то же время настаивал на сохранении конституционного порядка и препятствовал распространению ультрароялистских настроений, характерных для двора и части французского дворянства. Общая политика России в отношении Франции заключалась в стремлении облегчить ее участь поверженной страны и вернуть в ранг великой державы как необходимый элемент европейского равновесия. Россия целенаправленно поддерживала просьбы французского правительства о досрочном выводе оккупационных войск и сокращении размеров контрибуции.

В **1818 г.** состоялся международный конгресс Четверного союза в *Аахене,* в работе которого участвовала и Франция. По настоянию Александра I страны-победительницы приняли решение о выводе оккупационных войск с территории Франции. Она была принята в число участников Священного союза. Наибольшее значение имело принятие на Аахенском конгрессе Декларации держав — участниц, провозгласившей их солидарность в поддержании принципов “международного права, спокойствия, веры и нравственности”. За этой формулировкой скрывалось стремление великих держав совместно укреплять абсолютистский строй в Европе и бороться с революционными движениями.

В борьбе Австрии и Пруссии за лидерство в Германском союзе Россия придерживалась в основном нейтральной позиции. Она выступала за скорейшее урегулирование территориальных споров между германскими государствами. Петербургский кабинет полагал, что равновесие в Европе будет более устойчивым, если Австрия или Пруссия не будут иметь преобладающего влияния в Германском союзе. Поэтому российская дипломатия противодействовала экспансионистским планам Австрии в Германии и Италии.

В первые годы утверждения Венской системы значительно активизировались отношения России с Испанией, которую Александр рассматривал как противовес возросшему влиянию Англии на юге Европы и в Средиземноморье. В 1817 г. Россия выступила одним из посредников в испано-португальском конфликте, занимала доброжелательную позицию в вопросе об отношениях Испании с ее латиноамериканскими колониями. После начала испанской революции 1820 г. Россия сохранила дипломатические отношения с этой страной и в первое время считала нежелательным иностранное вмешательство в испанские дела.

Все эти действия российской дипломатии указывали на то, что в рамках Венской системы она пыталась противопоставить англо-

австрийскому сближению свои особые отношения с Францией и Испанией. Главным сторонником подобной политической комбинации был И. Каподистрия. Однако бурно развивавшиеся революционные события в Европе усилили консерватизм внешнеполитического курса России и заставили Александра I пойти на дальнейшее сближение с Венским двором.

Россия и революции в Европе В 20-е годы XIX в. происходили крупные международные события, в которых одно из ведущих мест занимала Россия. Европейская политика Петербургского кабинета была связана со стремлением противодействовать развитию революционных движений в ряде европейских стран и желанием заслонить от их влияния Российскую империю. Кроме того, Россия боролась за сохранение своей преобладающей роли на международной арене и, в первую очередь, против распространения влияния Великобритании в Центральной и Юго-Восточной Европе, Средиземноморье и Османской империи. Постепенно нарастал русско-английский антагонизм, особенно остро проявившийся в последующие десятилетия.

В 1820 г. началась буржуазная революция в Испании — выступление против неограниченной власти Фердинанда VII Бурбона, восстановленного на испанском престоле в 1814 г. Вслед за испанской произошли революции в Италии и Португалии. Венский конгресс закрепил политическую раздробленность Италии. В Королевстве Обеих Сицилий силой австрийских штыков была восстановлена власть Бурбонов. Возросла фактическая зависимость от австрийских Габсбургов и других итальянских государств — Венеции, Ломбардии, Тосканы и др. Тяга к национальной независимости и ограничению монархической власти породила в 1820 г. революции в Пьемонте и Королевстве Обеих Сицилий.

Все эти революционные события заставили европейских монархов консолидировать свои силы. Отношение Александра I к революционным событиям постепенно менялось от сдержанно выжидательного к открыто враждебному. Как глава Священного союза он был готов к организации контрреволюционных мер. Одновременно он стремился обеспечить коллективное вмешательство в дела Италии и Испании, отказавшись от предложения Австрии действовать на двусторонней основе.

В связи с этим в **октябре 1820 г.** в *Троппау* был созван конгресс пяти союзных держав — России, Австрии, Пруссии, Франции и Англии. Позднее место заседаний было перенесено в *Лайбах*. Главным вопросом повестки дня была выработка мер по подавлению революционных выступлений. В ноябре 1820 г. Россия, Австрия и Пруссия подписали протокол о праве вооруженного вмешательства во внутренние дела других государств (*принцип интервенции)* и дополнение к нему, касавшееся мер по подавлению неаполитанской революции. Англия и Франция отказались официально присоеди-

ниться к этим документам, однако признали право союзников на вмешательство в итальянские события. На основе достигнутой договоренности 100-тысячная австрийская армия быстро расправилась с революционным народом Неаполя и Пьемонта. В них были восстановлены абсолютные монархии и австрийское влияние.

Усиление реакционной линии России по отношению к революциям в Италии было связано с изменением взглядов Александра I, вызванным как европейскими, так и внутриполитическими событиями. Большое воздействие оказало на него известие о восстании в Семеновском полку (1820), полученное им во время конгресса в Троппау. Однако он отказался от идеи участия российских войск в подавлении итальянской революции, крайне непопулярной в русском обществе и, в первую очередь, среди прогрессивно настроенных офицеров гвардии.

Завершение конгресса в Лайбахе было связано с подписанием новой Декларации Австрии, Пруссии и России об оккупации Неаполя и Пьемонта австрийскими войсками. Она подтверждала их решимость использовать насильственные методы для восстановления там власти легитимных монархов.

В ходе работы конгресса вновь проявилось острое соперничество между Россией и Англией. В принципе не выступая против принятых решений, Великобритания всемерно пыталась ограничить российское влияние на развитие международных отношений и принизить роль самого Александра I как арбитра Европы. Между ним и министром иностранных дел Великобритании лордом Р. Каслри постоянно происходили бурные дискуссии.

На конгрессе в Троппау — Лайбахе вопрос об испанской революции специально не обсуждался. Однако уже тогда Россия, Австрия и Франция, обеспокоенные усиливавшимся радикализмом испанских революционеров, высказали идею о необходимости вмешательства в дела Пиренейского полуострова. Так постепенно усиливалась консервативная линия в политике Александра I и в испанском вопросе.

Последний конгресс Священного союза состоялся в *Вероне* в **1822 г.** Это был наиболее представительный форум европейских государств. В Верону прибыли российский император Александр I, австрийский император Франц I, прусский король Фридрих Вильгельм III, итальянские монархи, английский и французский министры иностранных дел, видные дипломаты и военачальники разных стран. Конгресс проходил в условиях разраставшейся революции в Испании, широкого освободительного движения в испанских колониях в Латинской Америке и начавшегося в 1821 г. греческого восстания, обострившего противоречия европейских держав в восточном вопросе.

Программа российской делегации на Веронском конгресс имела явно консервативный характер. Вместе с отставкой графа И. Каподистрии (май 1822) Россия окончательно отказалась от дипло-

матических методов урегулирования проблем революционных движений в Европе и отдала предпочтение идее прямого вооруженного вмешательства.

Центральное место в работе конгресса занимал вопрос о революции в Испании, вылившийся в обсуждение дипломатической подготовки иностранной интервенции в нее. Инициатором выступала Франция, опасавшаяся пагубного влияния испанских событий на внутреннее положение в своей стране. Было принято решение о французской интервенции в Испанию. Французские войска в битве под Трокадеро нанесли поражение испанской армии. Осенью 1823 г. революция в Испании была подавлена.

Другие международные вопросы, которые обсуждались в Вероне, вызвали неоднозначное отношение к ним и серьезные политические разногласия представителей европейских государств. Вопрос об отношении к восставшим латиноамериканским колониям Испании вызвал серьезные разногласия: Англия настаивала на признании их независимости; Австрия и Пруссия ответили категорическим отказом; Россия заняла уклончивую позицию.

По инициативе Англии на конгрессе обсуждался вопрос о мерах по прекращению работорговли. Россия безоговорочно поддержала их, однако Франция не согласилась с программой, предложенной Великобританией.

В день окончания работы Веронского конгресс Австрия, Россия и Пруссия вновь приняли циркуляр, осуждавший революции, в том числе и греческое восстание. Однако добиться согласованных действий в этом вопросе державам не удалось.

Последний конгресс Священного союза свидетельствовал о значительном поправении европейской дипломатии. Не признавая неизбежности крушения старых абсолютистских порядков и развития Европы по пути социально-политического прогресса, Александр I и его союзники пытались предотвратить эти процессы не только методами дипломатического воздействия, но и прямым вооруженным вмешательством. Временно они достигли своей цели: первая в XIX в. волна европейских революций была отбита, Венская система сохранена, власть ряда европейских монархов восстановлена.

Итоги этой политики были неоднозначно восприняты русским обществом. Значительная часть официальных кругов приветствовала их. Представители прогрессивных кругов (в первую очередь, будущие декабристы) решительно осуждали консерватизм внешнеполитического курса Александра и сложившийся блок России, Австрии, Пруссии. Либерально настроенный государственный и общественный деятель поэт П. А. Вяземский метко определил его как “тройной булат самодержавия”.

Восточный вопрос

В период Отечественной войны 1812 г. и заграничного похода 1813—1814 гг. внимание России было отвлечено от Турции и Балкан. Однако российское правительство

продолжало рассматривать восточное направление своей политики как одно из важнейших. Задачи в решении восточного вопроса оставались прежними: укрепление и обеспечение безопасности южных границ, создание благоприятных внешнеполитических условий для развития Новороссии, защита торговых интересов России в черноморском регионе, обеспечение наиболее благоприятного режима судоходства через черноморские проливы.

Одновременно правительство Александра I не могло и не хотело устраниться от вмешательства в балканские дела и взаимоотношения Порты с ее подданными-христианами. Расширившиеся в период русско-турецких войн конца XVIII — начала XIX в. политические и духовные связи с балканскими народами накладывали на русское правительство обязательство по их поддержке. В то же время российская дипломатия, действуя в рамках Священного союза и придерживаясь принципа легитимизма, полностью отказалась от идеи расчленения Османской империи и создания конфедерации славянских государств под своей эгидой. Некоторые идеи графа И. Каподистрии, связанные с планом радикального решения балканского вопроса, не получили поддержки и не были реализованы. Наоборот, русское правительство занимало твердую позицию отказа от военной конфронтации с Турцией и все спорные вопросы пыталось решать дипломатическими средствами. Характерной чертой политики Александра I в восточном вопросе в период Священного союза было стремление к согласованным действиям с европейскими странами. Этому не мешало даже понимание российской дипломатией, что Великобритания, Австрия, Франция имели собственные интересы на Востоке, противостоявшие России.

В 1812—1814 гг. международная обстановка в Юго-Восточной Европе оставалась крайне напряженной. Окончание войны России с Турцией не привело к стабилизации их отношений. Турция, вынужденная по Бухарестскому мирному договору уступить России Бессарабию, подтвердить автономию Дунайских княжеств и предоставить самоуправление Сербии, стремилась к политическому реваншу, восстановлению своих позиций на Балканах. В Османской империи разжигались религиозный фанатизм, антиславянские и антирусские настроения. Они подогревались английской и французской дипломатией, которая последовательно боролась против России в восточном вопросе.

В 1813 г., собрав огромные силы, турки начали военные действия против продолжавшегося восстания сербов и разгромили их. Руководитель восстания Карагеоргий эмигрировал в Австрию. Новый сербский господарь Милош Обренович принял турецкие условия, восстанавливавшие многие старые порядки. В 1815 г. в Сербии вновь вспыхнуло восстание. Россия, одержавшая к этому времени победу над Наполеоном, смогла более решительно выступить в защиту сербов. Она поддержала их дипломатическими средствами, настаивая на строгом выполнении Турцией условия Бухарестского

мирного договора об автономии Сербии. В результате в 1816 г. между Турцией и Сербией был подписан новый мир, по которому султан окончательно признал сербскую автономию.

В 1816 г. в Константинополь был направлен со специальной миссией граф Г. А. Строганов. В его задачу входило добиться от Порты строгого выполнения условий Бухарестского мирного договора, главным образом, подтверждения автономных прав Дунайских княжеств. Не менее остро стоял вопрос о свободе навигации в проливах и о торговле российских подданных в Османской империи. В 1820 г. русская дипломатия предложила Порте точно зафиксировать привилегии для российской торговли в турецких владениях и ввести более низкий взаимный таможенный тариф. Однако последняя отказалась подписать подобное соглашение, что не способствовало улучшению русско-турецких отношений. Строганов имел инструкции решать все эти вопросы мирными, дипломатическими средствами, не доводя дело до нового вооруженного конфликта.

Проводя умеренную и сдержанную политику в отношении Турции, Россия постепенно теряла свое влияние в восточном Средиземноморье, где значительно усилились позиции Великобритании. Англия фактически установила свой протекторат над Ионическими островами. В 1819 — 1820 гг. на них вспыхнули антианглийские восстания, жестоко подавленные британскими властями.

В 20-х годах XIX в. восточный вопрос получил новое развитие в связи с широким национально-освободительным восстанием в Греции. В 1814 г. в Одессе греческие патриоты создали тайную организацию "Филики Этерия" ("Общество друзей") и начали подготовку к освобождению Балкан. В 1817—1820 гг. деятельность этеристов распространилась в Молдове, Валахии, Сербии, Болгарии, собственно Греции и греческих общинах за рубежом. Во всех планах "Филики Этерии" главное место занимал вопрос подготовки восстания в Греции одновременно с антитурецкими выступлениями в других районах Балкан.

Правительство Александра I принципиально осуждало деятельность греческого тайного общества, однако в целом продолжало покровительствовать грекам. Многие греческие патриоты не только нашли убежище в России, но и заняли видное положение в армии и на дипломатической службе. Наиболее наглядным примером явилась карьера графа И. Каподистрии.

В марте 1821 г. вспыхнуло греческое восстание под руководством А. Ипсиланти, участника Отечественной войны 1812 г. и бывшего генерала русской службы. Первоначально русское правительство заняло по отношению к греческому движению более жесткую позицию, чем ожидали сами восставшие. Ипсиланти был уволен с русской службы без права возвращения в Россию. Александр I произвел демарш, осудивший греческую революцию, и довел его до сведения европейских дворов и Порты. Однако постепенно позиция России стала меняться. Это было связано с действиями турецкого

правительства, которое закрыло проливы для русских кораблей, ввело свои войска в Дунайские княжества, жестоко расправлялось с греческими повстанцами. В этих условиях Россия пыталась добиться согласованных действий европейских держав и коллективного нажима на Турцию для решения греческого вопроса. Но она натолкнулась на противодействие Англии и Австрии, которые саботировали все русские планы "умиротворения" греков. Британский министр иностранных дел лорд Р. Каслри прямо заявил о том, что поражение восставших греков от Турции явится для его кабинета лучшим вариантом и "будет простейшим способом устранить осложнения, возникшие на Востоке". Такая позиция европейских держав заставила Александра I временно отступить в этом вопросе.

В дальнейшей активизации политики России по отношению к греческому восстанию большая роль принадлежала русской общественности. Передовая Россия сочувственно относилась к восставшим грекам. Фактически все слои русского общества — дворянство, купечество, духовенство — выступали за оказание помощи греческому народу.

Постепенно изменялась и политика Великобритании. После смерти Р. Каслри новый министр иностранных дел Дж. Каннинг в марте 1823 г. поразил европейские дворы, неожиданно признав греков воюющей стороной. Английские банки предоставили им помощь в размере 800 тыс. фунтов стерлингов. Британская дипломатия предпринимала сложные дипломатические маневры не столько для того, чтобы обеспечить реальную помощь грекам, сколько для того, чтобы связать России руки в этой международной проблеме.

В 1823—1824 гг. русское правительство продолжало добиваться урегулирования греческого вопроса путем коллективных акций всех союзных держав. В 1824 г. оно сформулировало программу решения этого вопроса, связанную с предоставлением Греции частичной автономии в составе Турции, что отразило определенное изменение позиции России и ее стремление оказать грекам конкретную политическую поддержку. Однако русская программа была еще довольно умеренной. Она предусматривала ("Мемуар" К. В. Нессельроде, разосланный европейским кабинетам) автономию Греции лишь на части ее территории. Греки же стремились к полной независимости. В результате русские предложения были отвергнуты как греческой, так и турецкой сторонами.

Это был опрометчивый шаг, сделанный греками, так как их военное положение стремительно ухудшалось в связи с тем, что в Грецию на помощь туркам прибыли две хорошо вооруженные и обученные по европейскому образцу дивизии вассала султана — египетского паши Мухаммеда Али. Греческая революция стояла на грани полного военного поражения. Серьезной опасности подверглось и мирное греческое население.

В **июне 1824 г.** собралась *Петербургская конференция,* в которой участвовали Россия, Австрия, Пруссия, Англия и Франция.

Она была последней попыткой российского правительства согласовать действия держав. Программа российского правительства была враждебно встречена Австрией и Англией, прохладно — Францией и Пруссией. После того как Турция отвергла предложения о посредничестве от участников конференции, Александр в последние месяцы своей жизни принял решение действовать самостоятельно в греческом вопросе. Началась концентрация русских войск на границах с Турцией.

Таким образом, политика России в греческом вопросе в 1821—1825 гг. претерпела эволюцию от открытого осуждения повстанцев до попытки оказать им содействие соединенными усилиями европейских держав и, в конечном счете, понимания необходимости действовать самостоятельно и решительно.

Взаимоотношения России с государствами американского континента

Бурные события в Новом Свете в последней четверти XVIII в., возникновение молодой заокеанской республики и действия ее в качестве субъекта международной политики привлекали внимание российского правительства.

С момента образования США (Северо-Американских Штатов) американское правительство поставило перед собой задачу установления дипломатических отношений с Россией. Оно искало помощи России в борьбе против Англии, не желавшей мириться с потерей своих бывших колоний. В начале XIX в. русско-американские отношения развивались в дружественном направлении. В 1804 г. началась переписка между Александром I и президентом Т. Джефферсоном. В **1809 г.** были установлены дипломатические отношения между Россией и США, что повлекло за собой значительное расширение экономических связей. В годы континентальной блокады американские суда стали частыми гостями на Санкт-Петербургском рейде.

Интересы двух стран непосредственно не сталкивались на мировой арене. В то же время зачастую у них оказывался общий противник — Англия. Поэтому в первой половине XIX в. Северо-Американские Штаты делали все возможное для укрепления связей с Россией. Во время Отечественной войны 1812 г. американская общественность и правительство оказывали моральную поддержку русскому народу, боровшемуся против наполеоновской агрессии.

В период англо-американской войны 1812 — 1814 гг. русское правительство, несмотря на союз с Англией, заняло доброжелательную позицию по отношению к США. Англо-американская война завершилась Гентским мирным договором 1814 г. Однако сохранялись спорные вопросы. В 1821 г. в их решении арбитром выступил Александр I. Он уладил конфликт, возникший в связи с частной собственностью, вывезенной во время войны англичанами из Северо-Американских Штатов, в пользу последних.

В конце XVIII в. была организована Российско-американская компания, осуществлявшая торговлю на Аляске и северо-западном побережье Америки. Она опиралась на русские поселения на Аляске, которые появились там еще в середине XVIII в. Административным центром Русской Америки являлся Ново-Архангельск, расположенный на острове Баранова (Ситха). По островам и северо-западному побережью был разбросан ряд поселений, представлявших собой небольшие крепости, редуты и одиночные зимовья. С 1812 по 1841 г. Россия владела также крепостью Росс в Калифорнии.

До 1823 г. русское правительство в целом поддерживало деятельность Российско-американской компании на Аляске. Однако оно противодействовало стремлению руководства компании к расширению территории и активизации торговой деятельности. Правительство понимало, что малочисленность русской колонии (около 800 человек) и ее удаленность от метрополии создают сложности по ее дальнейшему освоению и охране. Россия не хотела также осложнений с Северо-Американскими Штатами. В 1821 г. указом Александра I была четко определена сфера интересов России на северо-западном побережье Америки: от Берингова пролива до 51 градуса северной широты. Согласно указу, иностранным судам воспрещалось не только приставать к подвластным России берегам и островам, но и приближаться к ним на расстояние в 100 миль. Несмотря на свою умеренность, указ вызвал противодействие США.

В декабре 1823 г. была провозглашена доктрина президента США Д. Монро — "Америка для американцев". Ее главная идея была такова: "Американские континенты в виду свободного и независимого положения... не должны впредь рассматриваться в качестве объектов для будущей колонизации любой европейской державы". Эта политическая доктрина означала противодействие европейскому вмешательству в Америку и вместе с тем распространение колониальной экспансии самих окрепших Северо-Американских Штатов.

Доктрина Монро, направленная прежде всего против Англии, которая обладала наиболее крупными колониальными владениями в Северной Америке, в определенной степени затрагивала и интересы России на Аляске. В **апреле 1824 г.** между Россией и США была подписана *конвенция* о торговле, мореплавании и территориальном разграничении на северо-западе Америки. Соглашение было достигнуто путем взаимных уступок, но со стороны России они были более значительными. Русские обязывались не селиться к югу, а американцы — к северу от 54 градуса северной широты. Таким образом, зона русского влияния сокращалась по сравнению с указом Александра I 1821 г. По ст. 4 американские суда и торговцы допускались на территории, принадлежавшие России на Аляске и прилегавших островах. По сути это означало ослабление деятельности Российско-американской компании. Американские купцы

начали беззастенчивый грабеж местного населения и бесконтрольный вывоз пушнины из российских владений.

В отношениях двух стран заметное место занял также *торговый договор* **1832 г.**, основанный на принципе наибольшего благоприятствования и ожививший российско-американские связи. (Договор действовал вплоть до начала первой мировой войны 1914—1918 гг.)

Внимание России к испанским колониям в Латинской Америке и португальской Бразилии возросло в результате установления континентальной блокады в Европе. Русское правительство было заинтересовано в расширении торговли с Латинской Америкой и получении оттуда колониальных товаров, поступление которых в Россию было прервано в связи с разрывом русско-английских отношений.

В 1810 г. началась война за независимость испанских колоний в Латинской Америке. Эта война и отношение к ней европейских государств на длительное время стали важной международной проблемой. Первоначально русское правительство придерживалось дружественного нейтралитета и было готово заключить торговые соглашения с восставшими колониями, что означало бы их фактическое признание. После Венского конгресса и реставрации Бурбонов в Испании позиция России по отношению к восставшим начала меняться. Это было связано с общим поправением внешнеполитического курса Александра I и принципами Священного союза. На его конгрессах постоянно возникал вопрос об отношении к восставшим колониям. Однако общей линии по отношению к Латинской Америке союзникам выработать не удалось. Великобритания поспешила признать новые независимые государства. У других европейских держав из-за отсутствия сильных военных флотов не было реальной возможности вмешаться в события в южном полушарии Нового Света.

Россия, в принципе осуждая действия латиноамериканских повстанцев, заняла позицию твердого нейтралитета. Более того, в 1824 г. она официально заявила, что вооруженное вмешательство в разногласия между Испанией и ее американскими провинциями не представляется возможным, согласившись лишь на мирное посредничество.

Вместе с тем дипломатическое признание Россией новых государств Латинской Америки затянулось на долгие годы. Этот процесс начался в **1827 г.** с установления дипломатических отношений с Бразилией.

Глава 5
Начало освободительного движения в России. Декабристы

§ 1. Особенности первого этапа освободительного движение в России

В понятие *освободительное движение* входят не только революционная борьба, но и либерально-оппозиционные выступления, а также все оттенки передовой общественно-политической мысли.

Освободительное движение в данном смысле начинается в эпоху перехода от феодализма к капитализму, т. е. в эпоху ломки феодально-абсолютистских учреждений и подъема буржуазии. Эта переходная эпоха выдвигала задачи буржуазно-демократических преобразований. В социально-экономическом и политическом развитии Россия отставала от передовых западноевропейских стран, в которых уже в XVII—XVIII вв. произошли буржуазно-демократические революции и утвердился представительный политический строй, знаменовавший собой победу буржуазии. Однако и в России на рубеже XVIII—XIX вв. были поставлены задачи таких же преобразований общественной мыслью, которая во многом заимствовала передовые идеи западноевропейских мыслителей. Но специфика России заключалась в том, что задачи буржуазно-демократического преобразования страны, выдвинутые ее освободительным движением, опережали реальные условия их осуществления. В этом в сущности заключалась и трагедия первых борцов за свободу в России.

Этапы освободительного движения в России

В различные исторические периоды русское освободительное движение имело свои особенности, в соответствии с которыми можно установить его периодизацию. Как известно, В. И. Ленин освободительное движение в России в его историческом развитии (до 1917 г.) подразделял на три этапа: дворянский, разночинский и пролетарский. В основу этой периодизации им был положен сословно-классовый критерий, ибо, как он указывал, преобладание на том или ином этапе определенного класса (или сословия) “налагало свою печать на движение”, т. е. определяло его особенности: состав участников, характер программных требований и организационно-тактических принципов. Эта схема сугубо “классового” подхода господствовала в советской исследовательской и учебной литературе.

Отметим, что применение классового критерия имеет свои резоны. В самом деле, на первом этапе (примерно до середины XIX в.)

в русском освободительном движении практически преобладало дворянство, на втором освободительную борьбу возглавили разночинцы, на третьем — пролетариат. И все же на "разночинском" этапе в освободительном движении (особенно среди его либерально-оппозиционного крыла) значительную роль продолжали играть и выходцы из дворянства. Даже на пролетарском этапе демократические партии, которые реально возглавляли революционную борьбу и действовали от имени пролетариата или крестьянства, были представлены главным образом выходцами не из рабочих и крестьян, а интеллигенции. Что же касается умеренного крыла освободительного движения — либерально-оппозиционных партий, то оно почти целиком было представлено буржуазно-помещичьей интеллигенцией.

Но в периодизации освободительного движения в России правомерны и другие критерии — в первую очередь, характер передовой идеологии, взятой на вооружение ее деятелями. На *дворянском* этапе (главным образом в годы деятельности декабристских организаций) в освободительном движении господствующее положение занимали идеи Века Просвещения, теория "естественного права человека и гражданина", сформулированная в XVIII в. французскими просветителями. *Разночинский* этап проходит под знаком социалистических идей, преимущественно "русского социализма", ориентировавшегося на особый, некапиталистический путь к социализму, опираясь на крестьянскую общину. *Пролетарский* базировался на идеях марксизма в их модификации применительно к российским условиям, выраженной в ленинизме.

Другим существенным критерием в выделении периодов освободительного движения служат особенности той или иной исторической эпохи. Каждый этап освободительного движения связан с определенной социально-экономической и политической жизнью страны: дворянский целиком соответствует дореформенной, крепостной эпохе; разночинский совпадает с утверждением и развитием капитализма в пореформенную эпоху; пролетарский — с эпохой империализма. Каждая эпоха, выдвигая свои задачи социальных и политических преобразований в стране, формировала и состав участников движения, определяла стратегию и тактику, а также формы борьбы. Вместе с тем следует подчеркнуть, что российское освободительное движение XIX — начала XX вв. — *единый процесс*, и каждый последующий его этап органически связан с предыдущим.

Преобладание же в российском освободительном движении дворян и представителей интеллигенции было обусловлено (в отличие от стран Западной Европы) тем, что в России так и не сформировалось широкого "среднего" слоя населения, так называемого "третьего сословия", которое могло бы выдвинуть свои политические программные требования и возглавить революционную борьбу.

А. Н. Радищев, Н. И. Новиков, русские просветители рубежа XVIII—XIX вв., А. И. Герцен, Н. П. Огарев, В. Г. Белинский, петрашевцы — таковы наиболее видные представители первого, дворян-

ского, этапа освободительного движения в России. Они представляли очень узкий круг наиболее образованного, передового дворянства. В целом же русское дворянство оставалось крепостнически настроенным и верным престолу консервативным сословием.

Истоки декабристской идеологии

Декабристы были людьми высокой нравственности, которая выделяла их из среды остального дворянства, заставила подняться выше своих сословных привилегий, данных им их происхождением и положением, т. е. "стать декабристами", пожертвовав всем своим достоянием и даже самой жизнью во имя высоких и благородных идеалов — освобождения России от крепостничества и от деспотизма самодержавной власти. Отличительными нравственными чертами декабристов были их истинное рыцарство, душевная чистота, высокое чувство товарищества, осознание гражданского долга и готовность к беззаветному, бескорыстному служению отечеству. Все свои практические действия они соотносили с нравственными нормами. Для достижения великой цели должны быть, как они утверждали, высоконравственные средства. "Для поступка великого не должно употреблять низкие средства" (*К. Ф. Рылеев*). Следовательно, "дело" декабристов — не только их гражданский, но и высокий *нравственный подвиг*, как они его себе представляли.

Они ощущали судьбоносность той эпохи, в которой им пришлось жить и действовать, когда, по их мнению, решалась "судьба России". Для них было характерно ощущение грядущей грандиозности событий своего времени, что и служило ведущим мотивом их действий.

Декабристы — представители радикального крыла дворянской оппозиции самодержавию, объединявшего преимущественно военную молодежь. *Источниками* декабристской идеологии явились идеи французских просветителей XVIII в., русских "вольнодумцев" конца XVIII — начала XIX вв. — А. Н. Радищева, Н. И. Новикова и их последователей, а также влияние освободительного духа "вольнодумства", господствовавшего в начале XIX в. в Московском университете, Царскосельском лицее, в некоторых военных учебных заведениях, в которых учились многие будущие декабристы.

Большое влияние на формирование освободительных идей декабристов оказала Отечественная война 1812 г. Не случайно они называли себя "детьми 1812 года", рассматривая его как отправную дату своего политического воспитания. Свыше ста будущих декабристов были участниками войны 1812 г., 65 человек из тех, которых потом царский суд назовет "государственными преступниками", насмерть стояли на Бородинском поле.

Победа в Отечественной войне 1812 г. способствовала росту национального самосознания в России, дала могучий толчок развитию передовой общественной мысли и русской национальной культуры вообще. Именно война 1812 г. поставила перед будущими декабристами вопросы о судьбах России, путях ее развития. Она выяви-

ла огромные возможности народа, который, как верили декабристы, освободив свою страну от иноземного нашествия, рано или поздно должен был найти в себе силы и для освобождения от "внутренней тирании" — сбросить с себя ярмо крепостнического рабства.

Заграничный поход русской армии в 1813 — 1814 гг., в котором участвовали многие декабристы, познакомил их с социально-политическими изменениями в Европе после французской революции конца XVIII в., обогатил их яркими впечатлениями, новыми идеями и жизненным опытом. Все это оказалось в гармоничном созвучии с теми освободительными идеями, главным источником которых в то время явился прежде всего патриотизм. Именно в движении декабристов освободительные идеи особенно тесно были связаны с патриотическими настроениями, в значительной мере вытекали из них. Этот феномен объясняется тем, что на раннем этапе освободительного движения не только в России, но и в других странах — в условиях формирования нации, роста национального самосознания — передовые идеи были неразрывно связаны с развитием национальной культуры, с прогрессом нации вообще. Декабристы — горячие патриоты своей родины — раньше других поняли, что крепостничество и самодержавный произвол есть главная причина отсталости России, которая в конечном счете может привести ее к гибели. Поэтому ликвидация крепостного строя и самодержавия рассматривалась ими в первую очередь как глубоко *патриотическая* задача — "спасения" России.

Декабристы выступили на исторической арене в эпоху крупных военно-политических катаклизмов, их время несло "неслыханные перемены, невиданные мятежи": наполеоновские войны, революции в разных странах Европы, национально-освободительные восстания в Греции и в латиноамериканских колониях. "Нынешний век, — писал в своих показаниях следствию П. И. Пестель, — ознаменовывается революционными мыслями. От одного конца Европы до другого видно одно и то же, от Португалии до России, не исключая ни единого государства, даже Англии и Турции, сих двух противуположностей. То же самое зрелище представляет и вся Америка. Дух преобразования заставляет, так сказать, везде умы клокотать".

Формирование декабристской идеологии и возникновение первых декабристских организаций проходили в обстановке роста либерально-оппозиционных настроений в России после Отечественной войны 1812 г. Декабристы были тесно связаны с либерально-оппозиционной, или иначе "околодекабристской", средой, на которую они опирались в своей деятельности и которая в значительной степени разделяла характерные для них взгляды. Это — видные писатели (например, А. С. Пушкин, П. А. Вяземский, А. С. Грибоедов, Д. В. Давыдов), государственные и военные деятели (М. М. Сперанский, Н. С. Мордвинов, П. Д. Киселев, А. П. Ермолов), известные своими независимыми взглядами. Поэтому возникновение декаб-

ризма и деятельность декабристских обществ, особенно на раннем их этапе, нельзя понять вне связи с их либерально-оппозиционным окружением. Нельзя не учитывать и того факта, что на формирование декабристских идей и взглядов оказали воздействие как преобразовательная деятельность и реформаторские планы начала царствования Александра I, так и позднее разочарование в "реформаторе на троне", последовавшее в результате фактического отказа от них.

Значительное влияние на организационно-тактические принципы декабристов оказали масонские ложи (более 80 декабристов, в том числе все их руководители, состояли в них), а также опыт тайных обществ в европейских странах.

§ 2. Ранние декабристские организации

Им предшествовали так называемые "преддекабристские" организации — "юношеские собратства" и офицерские "артели" в гвардейских полках, действовавшие в 1814 — 1816 гг. Среди них наиболее известны "артель" офицеров лейб-гвардии Семеновского полка и "Орден русских рыцарей" М. Ф. Орлова и М. А. Дмитриева-Мамонова, имевший даже свой писаный устав.

Союз спасения Первое декабристское общество — *Союз спасения* — возникло в начале февраля 1816 г. в Петербурге. Инициатором его создания был 23-летний полковник Гвардейского штаба А. Н. Муравьев. В общество первоначально вошли молодые офицеры: Н. М. Муравьев, братья М. И. и С. И. Муравьевы-Апостолы, С. П. Трубецкой и И. Д. Якушкин. Свое окончательное устройство общество получило через год, когда в него вступил приехавший в Петербург энергичный П. И. Пестель. При его участии был составлен и принят "статут" (устав) тайного общества. С этого момента оно получило название "*Общество истинных и верных сынов Отечества*".

Это была еще малочисленная группа единомышленников в количестве 10-12 человек, носившая заговорщический характер. В конце 1817 г. ее численность возросла до 30 членов. Во внутреннем обиходе организации сказывалось влияние масонского ритуала: состав ее подразделялся на три "разряда" — высший ("боляр"),средний ("мужей") и младший ("братий"); принимаемый в общество давал торжественную клятву, приносимую на кресте и Евангелии, — быть верным обществу и не разглашать его тайн.

В первой декабристской организации хотя и была определена ее цель — введение конституции и уничтожение крепостного права, но еще не было ясности, какими средствами достичь этой цели, отсутствовала и программа преобразований. Предполагалось в перспективе, скорее всего в момент смены царей на престоле, "исторгнуть" у правительства конституцию: не присягать новому царю, если он не дарует конституции. Вместе с тем члены тайного обще-

ства лелеяли надежду и на то, что царствующий император Александр I, продолжая свою реформаторскую деятельность, может сам даровать России конституцию подобно той, какую он даровал в 1815 г. Польше (эта надежда укрепилась в 1818 г., когда он публично в Варшаве заявил о таком намерении). В этом случае предполагалось всемерно поддержать его. Как показывал на следствии П. И. Пестель, тогда они рассуждали таким образом: "Ежели государь одарит отечество твердыми законами и постоянным порядком дел, то мы будем его вернейшими приверженцами и оберегателями". Но надежды декабристов сменились разочарованиями, они были разбиты реальными действиями монарха.

В августе 1817 г. царский двор вместе с гвардией выехал в Москву для проведения торжеств в связи с пятилетием победы в Отечественной войне 1812 г. В составе прибывшей в Москву гвардии оказалось большинство членов Союза спасения. Квартира А. Н. Муравьева в Хамовнических казармах стала местом собраний декабристов. В это время до них дошли известия о кровавой расправе над крестьянами Новгородской губернии, сопротивлявшимися переводу их в военных поселян. В то же время из Петербурга пришло письмо от Трубецкого, сообщавшего о слухах, будто бы Александр I намеревается восстановить независимость Польши и присоединить к ней некоторые исконно русские территории, что сильно уязвило патриотические чувства декабристов. Спонтанно возник план немедленного выступления, которое предполагалось начать с цареубийства. И. Д. Якушкин вызвался пробраться в Кремль с двумя пистолетами: из одного поразить царя, а из другого покончить с собой, что должно было придать этому акту характер дворянской дуэли. После продолжительных и горячих споров между сторонниками и противниками цареубийства пришли к решению отказаться от этого намерения в виду крайней ограниченности сил заговорщиков для переворота, если бы цареубийство и удалось совершить. В итоге решено было ликвидировать это первое тайное общество и приступить к созданию новой, более широкой организации.

Союз благоденствия Такая организация была создана в январе 1818 г. в Москве под названием *Союз благоденствия.* За время своего трехлетнего существования (1818 — 1821) Союз благоденствия сделал значительный шаг в разработке организационно-тактических принципов и программных положений декабристов.

Новая организация насчитывала до 200 членов и имела свой устав, названный "Зеленая книга". Первая часть устава носила благонамеренный характер и преследовала, по отзывам декабристов, "ближнюю цель — распространение просвещения, занятие должностей гражданских членами тайного общества", т. е. ставила лишь просветительские цели. В ней же были подробно изложены и организационные принципы Союза благоденствия. При составлении пер-

вой части “Зеленой книги” был использован устав тайного прусского общества Тугенбунда (Союза добродетели), созданного в 1808 г. с целью патриотического воспитания народа, когда разгромленная Наполеоном Пруссия оказалась под его игом.

С первой частью “Зеленой книги” знакомили всех вступавших в Союз благоденствия. Несколько позднее была вчерне написана и вторая часть устава, содержавшая “сокровенную” цель общества: “введение конституции и законно-свободного правления, равенство граждан перед законом, гласность в государственных делах и в судопроизводстве, уничтожение рабства крестьян, рекрутчины и военных поселений”. “Сокровенная” часть “Зеленой книги” не сохранилась, но о ее содержании свидетельствуют показания декабристов, причастных к ее созданию.

Члены-учредители (их насчитывалось 29 человек — почти все бывшие члены Союза спасения) составляли Коренной союз. Он избирал руководящий орган — Совет Коренного союза в составе шести человек. Каждый член Коренного союза был обязан создать ячейку тайного общества — “управу”, главой которой он становился. Предполагалось таким образом создать до 30 управ уже в ближайшее время. Однако в будущем предполагалось создать их значительно больше, ибо каждой управе предоставлялось право образовывать подчиненные ей ячейки-управы. В таком случае она становилась “главной управой”, а созданные ею получали название “побочных”. Реально в составе Союза благоденствия было образовано до 15 управ. Большинство их находилось в Петербурге, преимущественно в гвардейских полках. Управы были созданы в Москве, Смоленске, Нижнем Новгороде, Кишиневе, Тульчине и в некоторых других городах. Немало было таких членов Союза благоденствия, которые, вступив в него, практически не принимали в его делах никакого участия. Впоследствии они отстали от него и не привлекались к следствию.

В Союзе благоденствия на первый план выдвигалась задача формирования в стране передового “общественного мнения” как необходимого условия для преобразовательных планов декабристов. Тезис об “общественном мнении, правящем миром”, выдвинутый еще в XVIII в. французскими просветителями, был широко распространен в европейском освободительном движении конца XVIII — начале XIX вв. Решающее значение общественному мнению в историческом процессе придавал и М. М. Сперанский.

Декабристы были убеждены, что достаточно подготовить передовое общественное мнение в стране, как возникнут необходимые условия для бескровного политического переворота. Для создания передового общественного мнения потребуется, как рассчитывали декабристы, примерно 20 лет. В связи с этим ими предусматривалось образование, помимо ячеек-управ Союза благоденствия, различных легальных и полулегальных просветительских, литературных, благотворительных обществ, с помощью которых и предполагалось готовить в определенном направлении обществен-

ное мнение. В те годы оно по существу уже складывалось в России. Деятельность Союза благоденствия, главным образом пропагандистско-просветительская, проходила в обстановке заметного общественно-политического оживления после и под воздействием Отечественной войны 1812 г. Примерно до 1820 г. еще не было заметного усиления реакционного политического курса самодержавия, характерного для последнего пятилетия царствования Александра I. В тогдашних русских журналах еще продолжали публиковаться статьи с изложением французской и американской конституций, появлялись книги, в которых открыто проводились антикрепостнические идеи. Все это создавало обстановку для практически открытой пропагандистско-просветительской работы Союза благоденствия.

Через научные, "вольные" литературные и благотворительные общества, легально действующие "побочные управы" (например, через "Вольное общество любителей российской словесности", литературные кружки "Арзамас" и "Зеленую лампу"), в состав которых входили многие члены Союза благоденствия, декабристская организация была тесно связана с прогрессивными литературными и научными кругами России. Члены Союза благоденствия выступали в защиту передовой науки и литературы, защищали обиженных и несправедливо осужденных, выкупали из крепостной неволи талантливых самоучек, создавали ланкастерские школы взаимного обучения при полках, оказывали помощь голодающим крестьянам (например, в Смоленской губернии), горячо выступали в салонах против крепостного права, применения телесных наказаний в армии, аракчеевских военных поселений. Как вспоминал И. Д. Якушкин, на заседаниях тайного общества они "обсуждали главные язвы отечества: закоснелость народа, жестокое обращение с солдатами, для которых служба в течение 25 лет была каторгой, повсеместное лихоимство, грабительство и, наконец, явное неуважение к человеку вообще".

В Союзе благоденствия были люди разных взглядов и представлений о путях и средствах политических преобразований в стране. Большинство придерживалось умеренной ориентации, не выходя за пределы просветительских задач, изложенных в первой части "Зеленой книги". Вместе с тем в обществе складывалось и радикальное крыло, требовавшее "решительных мер" и введения республики. Чем шире становился круг Союза благоденствия, тем более усиливалась разнородность его состава. На его собраниях кипели споры, рождались разнообразные проекты и планы, сталкивались различные, иногда противоположные, мнения.

1820—1821 гг. стали переломными в истории декабристских тайных обществ в России. В 1820—1821 гг. в странах Южной Европы (Португалии, Испании, Неаполе, Пьемонте) прокатилась волна революционных выступлений. В 1821 г. началось национально-освободительное восстание в Греции против османского ига. Наконец

в самой России в октябре 1820 г. восстал гвардейский Семеновский полк, шефом которого был сам Александр I. Эти события способствовали росту радикальных настроений среди декабристов, но вместе с тем испугали умеренных его членов. Изменилась и обстановка в стране. Революционные события в Западной Европе резко изменили политический курс Александра I, который перешел к открытой реакции.

В январе 1820 г. в Петербурге собралось совещание 14 членов Коренной управы Союза благоденствия. На этом совещании Пестель выступил с докладом о формах правления в России после революционного переворота. Излагая все "выгоды и невыгоды как монархического, так и республиканского правлений", Пестель доказывал преимущества последнего. После жарких споров и убедительной аргументации Пестеля все участники совещания в конечном счете высказались за республику. Павлу Пестелю и Никите Муравьеву было поручено приступить к разработке программных документов тайного общества.

Разногласия между радикальным и умеренно настроенным течениями в Союзе благоденствия особенно обострились к концу 1820 г. Собравшийся в январе 1821 г. в Москве съезд представителей управ Союза благоденствия принял решение: ввиду обострившихся разногласий в тайном обществе объявить его распущенным. Цель такой акции состояла в том, чтобы освободиться от ненадежных и колеблющихся попутчиков, а также погасить подозрения правительства, уже осведомленного через поступившие доносы о существовании тайного общества. После формального самороспуска Союза благоденствия на этом же съезде было решено создать новое, более законспирированное тайное общество, состоящее из четырех управ, — в Москве, Петербурге, Смоленске и Тульчине. Этой акцией собравшиеся на Московском съезде декабристы стремились изолировать Пестеля (устранив его от руководства заново создаваемой Тульчинской управы), крайний радикализм которого и возросшее влияние его на дела тайного общества стали вызывать опасения у московских и петербургских управ Союза благоденствия.

§ 3. Декабристские организации в 1821—1825 гг.

Тульчинская управа во главе с Пестелем — самая многочисленная в составе Союза благоденствия — не признала решения Московского съезда о роспуске тайного общества и постановила "общество продолжать". В марте 1821 г. на основе Тульчинской управы оформилось *Южное общество*. Почти одновременно в Петербурге Н. М. Муравьевым и Н. И. Тургеневым было положено начало *Северному обществу*, получившему свое окончательное устройство в 1822 г. Оба общества взаимодействовали друг с другом и рассматривали себя как части одной организации.

После 1821 г. деятельность вновь образованных декабристских обществ проходила уже в атмосфере усиления внутренней и международной реакции. В условиях вездесущего полицейского надзора и цензурных гонений вести пропаганду, как это предусматривалось “Зеленой книгой”, становилось все труднее. Декабристы были вынуждены перейти к более строгой конспирации, разрабатывать иную, более действенную тактику, рассчитанную не на длительную пропаганду, а на подготовку революционного выступления, причем в недалеком будущем.

Еще с 1820 г. умами декабристов стала все более овладевать идея “военной революции” — военного восстания без участия в нем народных масс. Следует подчеркнуть, что тактический план произвести революционный переворот “во имя народа”, но без его участия был обусловлен не только и даже не столько “дворянской ограниченностью” декабристов. Они исходили из опыта двух типов революций: французской — революции народных масс, сопровождаемой “беспорядками и безначалием”, и испанской 1820 г. — революции “организованной”, “без крови и беспорядков”, совершившейся при содействии дисциплинированной военной силы, руководимой авторитетными военачальниками — членами тайных обществ. Пример французской революции и последовавшей за ней диктатуры Наполеона показывал декабристам, что закономерный итог такой революции — появление диктатора. Их страшили ужасы якобинского террора как следствия “революции черни”. Декабристы были убеждены, что народные революции неизбежно ведут к деспотизму, ибо на гребне стихийной волны “необузданности масс” всегда появляется диктатор.

Военная революция “наподобие гишпанской” должна была явиться альтернативой революции типа французской. Как декабристы неоднократно указывали, военная революция будет “наиболее быстрой, бескровной, безболезненной”, а главное — “организованной”, предотвращающей анархию со всеми ее отрицательными последствиями. В условиях же России она явится альтернативой пугачевщине. Как показывал на следствии С. П. Трубецкой, “в России крепостное право располагает к пугачевщине более, нежели во всяком другом государстве”. Он рисовал мрачную картину того, чем может кончиться в России пугачевщина: “С восстанием крестьян неминуемо соединены будут ужасы, которых никакое воображение представить себе не может, и государство сделается жертвою раздоров и может быть добычею честолюбцев, наконец, может распасться на части, и из одного сильного государства распасться на разные слабые. Вся слава России может погибнуть, если не навсегда, то на многие века”. Некоторые декабристы в своих показаниях на следствии пытались представить свои планы военного переворота как стремление предотвратить возможную в России пугачевщину.

1821—1823 годы — время становления, численного роста и организационного оформления Южного и Северного обществ. *Юж-*

ное общество состояло из Тульчинской, Каменской и Васильковской управ. Во главе общества стояла Директория (или Коренная дума), в которую в марте 1821 г. были избраны П. И. Пестель, А. П. Юшневский и руководитель Северного общества Н. М. Муравьев (тем самым подчеркивалась связь между Северным и Южным обществами). Фактически в Южном обществе "главенствовал" Пестель, авторитет и влияние которого были непререкаемы. Его твердая воля, ясный аналитический ум, энциклопедическая эрудиция, глубокая убежденность в своей правоте и железная логика суждений увлекали и как бы подавляли слушателей, так что, по свидетельству самих декабристов, "трудно было устоять против его влияния". Непосредственный начальник Пестеля, командующий 2-й армией, граф П. Х. Витгенштейн говорил о нем: "Дай ему командовать армией, поставь его во главе любого министерства, — он везде будет на месте". Но эти качества Пестеля, которые, по отзывам декабристов, сделали его "движущей пружиной" Южного общества, вызывали настороженность у членов Северного общества — они подозревали в нем намерение "сделаться российским Бонапартом".

Пестель выступал за строго дисциплинированную тайную организацию, какой и стало Южное общество, самое многочисленное и радикально настроенное. Ежегодно в начале января, начиная с 1822 г., в Киеве, куда в те дни на Контрактовую ярмарку съезжались для закупки провианта и фуража офицеры многих полков, собирались съезды руководителей Южного общества и его управ для обсуждения организационных, тактических и программных вопросов.

Северное общество состояло также из нескольких управ (отделений) в гвардейских полках столицы. Возглавляла Северное общество Дума из трех человек — Н. М. Муравьева, С. П. Трубецкого и Е. П. Оболенского. В 1823 г. в Северное общество И. И. Пущиным был принят К. Ф. Рылеев, которого хорошо знали в декабристских кругах как талантливого поэта, автора вольнолюбивых и патриотических произведений. Тогда много говорили о вызвавшей сенсацию сатире Рылеева "К временщику", направленной против Аракчеева. Рылеев сразу был введен в высший разряд ("убежденных") и вскоре занял ведущее положение в Северном обществе. Принятая им в 1824—1825 гг. группа молодых офицеров армии и флота составила так называемую "рылеевскую отрасль" в Северном обществе, которая впоследствии сыграла решающую роль в восстании декабристов. В составе Северного общества находилась и ее Московская управа, в ней видное место занимал лицейский друг А. С. Пушкина, судья Московского надворного суда, И. И. Пущин.

В 1821 г. в самостоятельную организацию выделилась Кишиневская управа Союза благоденствия во главе с командиром 16-й пехотной дивизии генерал-майором М. Ф. Орловым и его другом майором В. Ф. Раевским. Арест Раевского в феврале 1822 г. в связи

с его антиправительственной агитацией среди солдат привел к разгрому Кишиневской организации в 1823 г.

§ 4. Конституционные проекты П. И. Пестеля и Н. М. Муравьева

Разработка конституционных проектов и планов вооруженного выступления занимала первостепенное место в деятельности декабристских обществ после 1821 г. В 1821—1825 гг. были созданы две политические программы революционных преобразований в России — "*Русская Правда*" П. И. Пестеля и *Конституция* Никиты Муравьева; в принципе был согласован и план совместного выступления обоих обществ.

В основу декабристских проектов политического и социального переустройства России были положены принципы "естественного права", выработанные мыслителями Века Просвещения, — Локком, Руссо, Монтескье, Дидро, Гольбахом, с произведениями которых авторы декабристских конституций были хорошо знакомы. Под "естественным правом" понимались неприкосновенность личности, свобода слова и совести, равенство всех перед законом, непризнание сословных различий, гарантии защиты частной собственности, а в политическом плане — введение представительного образа правления при разделении властей на законодательную, исполнительную и судебную. Эти положения были направлены против феодально-абсолютистских порядков и содержали в себе большой для того времени революционный заряд. Они закладывали основы буржуазного правового государства. При разработке своих проектов Пестель и Н. Муравьев опирались и на конституционный опыт других государств Европы и Америки.

"Русская Правда" П. И. Пестеля

"Русская Правда" Пестеля провозглашала решительное уничтожение крепостного права, установление в России республики и равенства всех граждан перед законом. "Рабство крестьян должно быть решительно уничтожено, — писал Пестель, — и дворянство должно непременно навеки отречься от гнусного преимущества обладать другими людьми". Крестьяне должны были получить не только личную свободу, но и землю.

При решении аграрного вопроса Пестель исходил из двух предпосылок: земля есть общественное достояние, из которого каждый гражданин имеет право получить земельный надел, но вместе с тем признавалась и частная собственность на землю, ибо "труды и работы есть источник собственности". Пестель стремился согласовать общественное и частное начала путем деления всего земельного фонда страны на две части — землю общественную и землю частную. Общественная земля передавалась в распоряжение волостного общества (первичной административно-хозяйственной ячейки

страны), поэтому она называлась "волостной". Каждый гражданин должен был быть для этого приписан к определенной волости. Чем бы он ни занимался (торговлей, промышленностью и пр.), в случае неудачи в своей деятельности он всегда мог найти в своей волости средство пропитания за счет причитающегося ему участка общественной земли. Эта земля не могла быть ни продана, ни заложена, а предоставлялась в безвозмездное пользование каждого, который желал заняться сельским хозяйством. Она, по мысли Пестеля, предназначалась для производства "необходимого продукта", чтобы обеспечить необходимые жизненные средства каждому гражданину и тем самым должна была служить гарантией от нищенства и голода.

В общественный земельный фонд должны были войти все казенные и монастырские земли. Кроме того, для его пополнения предусматривалась частичная конфискация земли у крупных помещиков-землевладельцев: у имевших свыше 10 тыс. десятин половина отбиралась без всякого вознаграждения, у владельцев от 5 до 10 тыс. десятин половина отчуждалась либо за денежную компенсацию, либо за предоставление равноценного участка в другом месте. Частные земли находились в свободном товарном обращении и служили "доставлению изобилия", т. е. были призваны содействовать развитию частной предпринимательской инициативы в сельскохозяйственном производстве.

Свое отношение к частной собственности Пестель строил, исходя из разумного сочетания общественного и частного интереса ("блага"). "Богатые всегда будут существовать, — писал он, — и это очень хорошо". Однако, подчеркивал он, "недопустимо присоединять к богатству другие политические права и преимущества в ущерб остальному населению", т. е. устанавливать, например, имущественный ценз для занятия государственных должностей. Предусматривая ряд мер для защиты частной собственности и частного предпринимательства, Пестель вместе с тем выступал против крупных собственников (или, как он говорил, "аристократии богатств"), которые, как он видел на примере Англии и Франции, оказывают сильное влияние на политику правительства. Пестель считал "аристократию богатств" даже более опасной, нежели "аристократию феодальную".

Подлежало упразднению прежнее сословное деление. Все сословия "сливаюся в единое сословие — гражданское". Гражданские и политические права получали мужчины, достигшие 20-летнего возраста. Вместо прежней рекрутчины вводилась всеобщая воинская повинность с 15-летним сроком службы. Ликвидировались военные поселения. "Русская Правда" декларировала свободу слова, печати, собраний, занятий, передвижения, вероисповедания, неприкосновенность личности и жилища, введение нового суда, равного для всех граждан, с гласным судопроизводством и правом обвиняемого на защиту. Однако предусматривались и ограничения в пользовании некоторыми из этих прав. Категорически запреща-

лись всякие общества и объединения, "хоть открытые, хоть тайные, потому что первые бесполезны, а последние вредны". Бесполезность первых Пестель видел в том, что их занятия "входят в круг действий самого правительства"; вторые вредны потому, что сам факт тайной деятельности заставляет подозревать их в "зловредности", ибо новый общественный порядок "ничего доброго и полезного не принуждает скрывать, но даже , напротив того,все средства дает к их введению и обнародованию законным порядком". Устанавливалась цензура нравов. "Сочинитель" и издатель привлекались к суду за произведения, нарушающие "правила нравственности" или наносящие урон чести и достоинству гражданина. Правительство обязывалось иметь "бдительный и строгий надзор" за различного рода частными и общественными "празднествами и увеселениями", чтобы "они не были противны чистейшей нравственности и не заключали в себе разврата и соблазна".

Обучение детей, согласно проекту Пестеля, должно проводиться в правительственных учебных заведениях. Частным лицам категорически запрещалось "заводить пансионы и другие учебные заведения". Этот запрет Пестель мотивировал невозможностью контролировать частные учебные заведения со стороны правительства.

В "Русской Правде" провозглашалась свобода совести. Православие объявлялось "господствующей верою великого государства Российского", однако предоставлялась свобода и другим вероисповеданиям, "если только не противны они российским законам, духовным и политическим, правилам чистой нравственности и не нарушают естественных обязанностей человека". Духовные лица рассматривались как государственные чиновники, "исполняющие особые должности". Сохранялись монастыри, но постригаться в монахи разрешалось лицам не моложе 60 лет.

В "Русской Правде" детально разработаны гражданские и семейно-правовые отношения. Возрастом совершеннолетия предлагалось считать 15 лет, когда юноши и девушки в торжественной обстановке приносят присягу на верность отечеству. С этого момента девушки получают право вступать в брак; юноши же получают такое право с 20 лет, равно как и право избирать и быть избранными в органы государственного управления на всех уровнях, поступать в военную и гражданскую службу. Над несовершеннолетними детьми родители имеют полную власть, но и несут ответственность за их воспитание и поступки.

Пестель выступал горячим сторонником установления в России республиканского правления. Называя самодержавие "разъяренным зловластием", он выступал против любой формы монархического правления, полагая, что всякая монархия неизбежно "кончится деспотизмом". Как установило следствие, Пестель считал необходимым во время революционного переворота "истребление" всей царствующей фамилии.

По "Русской Правде" будущая Российская республика должна быть единым и нераздельным государством, с сильной централизованной властью. Пестель был противником федерации, полагая, что она будет способствовать развитию центробежных и сепаратистских тенденций и тем самым — ослаблению государства, а возможно и его распаду. Федеративное устройство он рассматривал как восстановление "прежней удельной системы", какая существовала на Руси, со всеми ее отрицательными последствиями. В административном отношении Российская республика должна была состоять их десяти больших областей, в каждую из которых входили бы пять округов (или губерний); округа делились на уезды (или поветы), а уезды — на волости.

Высшая законодательная власть, по "Русской Правде", принадлежала однопалатному Народному Вече в составе 500 человек, избираемых на 5 лет. Каждый год 1/5 часть Народного Веча переизбиралась. Исполнительную власть предстояло осуществлять Державной Думе в количестве 5 человек, избираемой Народным Вечем также на 5 лет. Председательствовал в Думе тот, кто пребывал в ее составе последний, пятый, год. Высшая контрольная ("блюстительная") власть вручалась Верховному собору из 120 человек. В него пожизненно избирались наиболее авторитетные и заслуженные граждане страны. Распорядительную власть на местах осуществляли областные, окружные, уездные и волостные "наместные собрания", а исполнительную — областные, окружные, уездные и волостные "наместные правления". Главами "наместных собраний" и одновременно "наместных правлений" должны были стать выборные "посадники" (в волостях — "волостные предводители"). Местные органы власти избирались сроком на один год.

При решении национального вопроса Пестель исходил из двух противоречащих друг другу принципов: "права народности", т. е. права национального самоопределения, и "права благоудобства" — признания за "всяким большим государством" его стремления "к установлению границ, крепких местным положением и сильных естественными оплотами", и вместе с тем — стремления "к тому, чтобы силы маленьких народов, его окружающих, умножали его собственные силы, а не силы какого-либо соседственного большого государства, основывая сие стремление и старание на праве безопасности". Оба права Пестель называл одинаково законными и справедливыми, однако, по его мнению, право на самоопределение реально можно предоставить только тем народам, которые имеют силы и возможности "оное сохранить", в противном случае они не могут "по слабости своей пользоваться самостоятельною политическою независимостью" и неизбежно попадут под власть "которого-либо из больших соседственных государств". Поэтому это право для малых народов есть "мнимое и несуществующее". "К тому же маленькие народы, между большими находящиеся, служат всегдашним поприщем военным действиям, разорениям и гибельным действиям

всякого рода". Поэтому, указывал Пестель, "лучше и полезнее будет для них самих, когда они соединятся духом и обществом с большим государством". Исходя из этих посылок, Пестель считал, что по отношению к народам, населяющим Россию, должно действовать "право благоудобства". Исключение он делал для Польши, которая получала политическую самостоятельность при условии, что в ней при помощи русской революции утвердится демократическая республика и будут произведены те же преобразования, как и в России, с которой она вступит в "вечный союз".

У Пестеля всякий житель России именовался "русским". Это наименование обозначало не столько принадлежность к русской национальности, сколько определяло статус гражданина Российской республики. Вхождение малых народов в состав Российского государства не связывалось им с насильственной христианизацией и русификацией. Не допустима, по мысли Пестеля, никакая дискриминация по национальному признаку: все народы пользуются одинаковыми правами и несут одинаковые обязанности. Отдавая явный приоритет "праву благоудобства", Пестель указывал, что в перспективе "не должно противиться враждебными чувствами и действиями правильному отдельному существованию народов, могущих воспользоваться полною политическою независимостью".

"Русская Правда" Пестеля была призвана служить "Наказом" Временному правительству, облеченному диктаторской властью сроком на 10 лет. В течение этого необходимого, по Пестелю, переходного периода оно проводит в жизнь записанные в "Наказе" преобразования. По истечении 10-летнего срока должна была быть принята новая конституция, закреплявшая произведенные, согласно "Русской Правде", преобразования, а Временное революционное правительство слагало свои полномочия.

"Русская Правда" Пестеля является самым радикальным конституционным проектом декабристов. Записанные в ней преобразования предполагалось провести с помощью жесткой революционной диктатуры, предусматриваемой Пестелем.

Конституция Н. М. Муравьева

Конституционный проект Н. М. Муравьева исходил из иной политической концепции. В отличие от "Русской Правды" Пестеля проект Муравьева предусматривал сохранение монархии, ограниченной конституцией. Кроме того, Муравьев был противником строго централизованной власти и унитарного государства. Россия, по его проекту, должна стать федерацией из 14 "держав" и двух областей (по второму проекту — из 13 "держав" и двух областей) со своими столицами и самостоятельным управлением. По мнению Муравьева, в такой обширной стране, как Россия, федеративное устройство явится противовесом чрезмерному усилению центральной власти, которая в централизованном государстве неизбежно превратится в деспотию. Таким образом, федеративное устройство страны лучше обеспечит сохранение свобод граждан.

Но при определении федеративного устройства Муравьев исходил не из национальных, а хозяйственно-экономических особенностей тех регионов, которые должны были стать "державами". По его проекту "державы" привязывались или к берегам морей, или к крупным судоходным рекам. Соответственно они и получали названия: Ботническая, Балтийская, Заволжская, Камская, Обийская, Ленская, Окинская, Бужская, Днепровская, Черноморская и т. д. Столицами "держав", по мнению Муравьева, должны были стать крупные торгово-промышленные центры, речные или морские порты. В Российскую Федерацию не включалась Польша, она должна была получить государственную самостоятельность. "Державы" делились на "поветы"(уезды), которых должно было насчитываться в общей сложности 569, а они в свою очередь — на волости по 500—1500 жителей мужского пола в каждой. Столицей федерации должен был стать (как и у Пестеля) Нижний Новгород, который переименовывался в Славянск (у Пестеля — во Владимир).

Муравьев проводил строгое разделение властей — на законодательную, исполнительную и судебную, что было призвано, наряду с федеративным устройством, стать гарантией против возникновения в стране диктаторской власти. Высшим законодательным органом власти в будущей Российской Федерации являлось двухпалатное Народное Вече, состоявшее из Верховной думы (верхней палаты) и "Палаты представителей народных" (нижней палаты). Депутаты в обе палаты избирались на 6-летний срок, при этом каждые два года 1/3 их переизбиралась. В верхнюю палату избирались по 3 депутата от каждой "державы" и два — от "области", а в нижнюю — один депутат от 50 тыс. жителей мужского пола.

В каждой "державе" законодательным органом являлось Державное вече, состоявшее также их двух палат — Державной думы и Палаты выборных. Державное вече избиралось на 4 года, при этом 1/4 часть его состава ежегодно переизбиралась.

Право участвовать в выборах в центральные и местные органы власти получали граждане мужского пола в возрасте не менее 21 года. Кроме того, они должны были иметь постоянное место жительства, недвижимую собственность не менее чем на 500 руб. серебром или движимую на 1000 руб., исправно платить налоги и исполнять общественные повинности, а также не быть у кого-либо "в услужении". А для того чтобы быть избранным в местные и центральные органы власти или занимать государственные должности, устанавливался еще более высокий имущественный ценз. Для занятия высших государственных должностей необходимо было иметь на 30 тыс. руб. серебром недвижимого и на 60 тыс. руб. движимого имущества. Таким образом, высокий имущественный ценз давал доступ к участию в активной политической жизни страны главным образом имущим слоям населения, при этом, как видим, владельцы недвижимой собственности (а это были в основном дворяне-землевладельцы) имели двойное преимущество перед обладателями капитала (буржуазией).

Высшая исполнительная власть принадлежала императору. Он являлся Верховным главнокомандующим, в его компетенции были переговоры с другими странами, он назначал с согласия Верховной думы послов и консулов, судей верховных судебных мест и министров. При вступлении на престол император должен был приносить присягу в верности и защите конституции. Он считался "первым чиновником государства". Ему выделялся высокий оклад жалованья (от 8 до 10 млн. руб. серебром в год), на который он мог содержать свой двор. Однако придворные, как находившиеся "в услужении", на время своей службы императору лишались избирательных прав и тем самым участия в политической жизни страны.

Исполнительную власть в "державе" осуществляли державный правитель и его наместник, назначаемые Державным вечем. Распорядительная и исполнительная власть в уезде вручалась выборному тысяцкому.

В проекте Муравьева детально разработано преобразование судебной системы. Вводился гласный суд с присяжными заседателями, адвокатурой, состязательностью сторон. Суд объявлялся равным для всех граждан страны. Высшим судебным органом страны являлось Верховное судилище, в державах — державное, а в уездах — уездное судилища. Низшей судебной инстанцией становился волостной "совестный суд".

Проект Муравьева провозглашал упразднение сословной структуры общества, введение всеобщего равенства граждан перед законом, защиту неприкосновенности личности и имущества, широкую свободу слова, печати, собраний, свободный выбор занятий. Проект Муравьева, в отличие от проекта Пестеля, считал неотъемлемым правом граждан создавать различного рода объединения и сообщества.

В Конституции Муравьева торжественно декларировалась ликвидация крепостного права: "Крепостное право и рабство отменяются. Раб, прикоснувшийся земли русской, становится свободным". Однако помещичье землевладение объявлялось неприкосновенным ("земли помещиков остаются за ними"). Первоначально Муравьев предполагал освободить крестьян совсем без земли, и лишь в последнем варианте своего проекта он предусматривал предоставить бывшим помещичьим крестьянам их усадьбы и по две десятины на двор, что было явно недостаточно для нормального ведения крестьянского хозяйства и неизбежно заставило бы крестьянина идти в кабалу к своему бывшему помещику. В более выгодном положении оказывались государственные и удельные крестьяне, а также военные поселяне: за ними закреплялась вся надельная земля, которой они пользовались ранее. Муравьев полагал, что в будущем вся земля, в том числе и крестьянская надельная, должна стать частной собственностью их владельцев.

Принято было считать, что конституционный проект Муравьева как более "умеренный" носит на себе в большей степени "черты классовой, дворянской, ограниченности" и поэтому стоит "ниже"

пестелевского. Между тем проект Муравьева ближе подходил к условиям тогдашней России, нежели проект Пестеля. Еще в 1820 г. Никита Муравьев стоял за республику, но после глубоких размышлений и изучения тогдашнего состояния России, в которой среди широких народных масс преобладали царистские иллюзии, пришел к выводу о целесообразности для страны конституционной монархии. Введение им имущественного ценза для занятия государственных должностей преследовало цель во время социально-политических преобразований в стране опереться на состоятельные, наиболее активные слои населения, предоставляя им более благоприятные условия для хозяйственного предпринимательства.

Оба конституционные проекта декабристов не были завершены. Из десяти предполагаемых глав "Русской Правды" Пестель написал только пять, а до этого им был составлен краткий конспект проекта под названием "Конституция Государственный Завет". Что же касется Конституции Никиты Муравьева, сохранились два неоконченные списка и краткое содержание ее, написанное им в каземате Петропавловской крепости по требованию следствия.

Варианты этих конституционных проектов обсуждались в узком кругу декабристов и по существу не были приняты как программные документы. Несмотря на ограниченность в решении важных социальных проблем, противоречивость и утопичность отдельных положений, оба проекта являются замечательными памятниками декабристской политической мысли, они отражают горячее стремление декабристов приспособить к российским условиям передовые идеи Века Просвещения.

Петербургские совещания руководителей Южного и Северного обществ в 1824 г.

1824—1825 гг. характерны активизацией деятельности декабристских организаций, особенно Южного общества. Значительно возросла их численность за счет приема преимущественно военной молодежи. Вплотную была поставлена задача непосредственной подготовки военного выступления.

Весной 1824 г. в Петербург прибыл Пестель с целью договориться с руководством Северного общества об объединении его с Южным. Переговоры шли трудно. Пестель добивался объединения обоих обществ на идейной платформе "Русской Правды". Его проект вызвал бурные споры в Северном обществе, руководство которого (особенно Н. М. Муравьев и С. П. Трубецкой) выступало против предлагаемой Пестелем диктатуры Временного правительства на переходный период, отстаивало идею Учредительного собрания и федеративного устройства будущей России. Возражало оно и против проекта Пестеля "разделения земель". Серьезным препятствием к объединению служили и опасения "честолюбивых", "диктаторских" намерений, в которых подозревали Пестеля. Хотя объединения обоих обществ не произошло, тем не менее стороны договорились о выработке компромиссного варианта конституционного

проекта, а главное — о совместном выступлении, намечавшемся на лето 1826 г.

Планы восстания Предполагалось начать выступление в Петербурге, "яко средоточии всех властей и правлений", восстанием гвардии и флота, затем "вывезти царскую фамилию в чужие края" (за исключением самого императора, который удерживался под арестом до решения вопроса о форме правления — конституционной монархии или республики), созвать Сенат, "дабы чрез него обнародовать новый порядок вещей". На периферии ("в армии и в губерниях") тамошние члены тайного общества должны были оказать военную поддержку восстанию в столице. Это было, по свидетельству Пестеля, "главнейшее мнение".

Но руководители Васильковской управы Южного общества С. И. Муравьев-Апостол и М. П. Бестужев-Рюмин выдвигали другой план переворота: начать восстание не в столице, а на периферии. По их плану, во время царского смотра войск члены тайного общества, переодетые в караульных солдат, должны арестовать царя, поднять войска, затем двинуться с ними в двух направлениях — на Москву и на Киев, присоединяя к себе на пути другие воинские части. Одновременно должны были быть изданы две прокламации — к войску и народу — о целях восстания.

Васильковская управа дважды пыталась реализовать этот план во время царских смотров войск в Бобруйске в 1823 г. и в Белой Церкви в 1824 г., но по настоянию Пестеля (из-за неготовности тайного общества к выступлению) вынуждена была отказываться от этих замыслов. Новый план захвата царя, намеченный на 1825 г. во время предполагавшегося смотра царских войск в Белой Церкви, отпал из-за того, что Александр I, осведомленный из поступивших доносов о готовившемся против него заговоре, отменил смотр.

В 1823 г. руководители Васильковской управы вошли в контакт с Польским патриотическим обществом (возникло в Варшаве в 1821 г.). Переговоры вел под контролем Пестеля М. П. Бестужев-Рюмин. В 1825 г. было заключено предварительное соглашение о поддержке выступления декабристов польскими революционными силами.

§ 5. Тайные Общества соединенных славян и военных друзей

Декабристы накануне восстания. Общество соединенных славян В августе-сентябре 1825 г., во время летних сборов войск в местечке Лещине (близ Житомира) в Южное общество влилось Общество *соединенных славян.* Начало этой организации было положено подпоручиками артиллерии братьями Андреем и Петром Борисовыми, которые в 1818 г. в местечке Решетиловке Полтавской губернии основали небольшой кружок под названием

"Общество первого согласия" (вскоре переименованное ими в "Общество друзей природы"). Первоначально своей задачей они ставили "усовершенствование себя в науках, художествах и добродетелях", т. е. по существу это был просветительский кружок.

В 1823 г. братья Борисовы в Новоград-Волынске, где стояла их часть, познакомились с политическим ссыльным поляком Юлианом Люблинским, бывшим студентом, обладавшим большим опытом конспирации. Совместно они определили организационные принципы и основные программные требования новой организации, получившей название Общества соединенных славян. В "Клятвенном обещании" и "Правилах" этого общества, которые можно считать его программными документами, выдвигались требования бороться против крепостничества и всякого деспотизма, за создание славянской федерации из 10 славянских государств: России, Польши, Моравии, Богемии, Сербии, Далмации, Кроации, а также Венгрии, Валахии и Молдавии (венгров, румын и молдаван члены Общества тоже причисляли к славянам). Будущее общественное устройство в славянской федерации представлялось как всеобщее гражданское равенство при республиканском правлении.

Объединившись с Южным обществом, "соединенные славяне" составили в нем особую "Славянскую управу", которая к концу 1825 г. насчитывала уже 52 члена. В основном они были из семей беспоместных и мелкопоместных дворян, занимали низшие офицерские должности и жили на небольшое армейское жалованье.

Общество военных друзей

Летом 1825 г. на территории Литвы и Белоруссии возникло тайное *Общество военных друзей.* В нем насчитывалось до 50 членов (офицеры, студенты, мелкие чиновники). Организаторами и руководителями его были капитан К. Г. Игельстром и поручик А. И. Вигелин. Общество, находясь на стадии своего организационного оформления, еще не имело ни устава, ни разработанной программы. Но оно было обществом несомненно "декабристского" типа, выдвигало те же цели, что и другие декабристские организации, и ориентировалось на военное восстание. Какие-либо связи его с другими декабристскими обществами следствию установить не удалось.

Накануне восстания

В конце 1825 г. члены Южного общества развернули агитационную работу среди солдат с целью подготовки их к военному выступлению. Агитация велась через доверенных унтер-офицеров и солдат раскассированного после возмущения 1820 г. Семеновского полка — тех, кого некоторые члены тайного общества хорошо знали по своей службе в этом полку. Солдатам говорили о предстоящем выступлении и "перемене правительства", в результате чего "убавят им лета их службы, прибавят жалованья, уменьшат строгость, чрез которую они так мучимы бывают". Агитация, как установлено следствием, находила горячий отклик у солдат.

В июне 1825 г. к Александру I поступил донос о существовании заговора в войсках, расположенных на юге России. Однако доносчик, кроме факта заговора, не смог назвать имен его участников. Был разработан план их выявления и ареста. Руководство этой операцией было возложено на А. А. Аракчеева, но он из-за "семейных обстоятельств" (убийства его любовницы дворовыми) впал в тяжелую депрессию и устранился вообще от всех государственных дел. Осенью к царю в Таганрог, где он находился в то время, поступили новые доносы, в которых поименно были названы 45 членов Южного и Северного обществ, в том числе и их руководители. 10 ноября Александр I, будучи уже тяжело больным, отдал приказ об аресте выявленных участников заговора. Однако смерть императора 19 ноября несколько отсрочила начало репрессий.

§ 6. Восстание декабристов. Следствие и суд

Восстание 14 декабря 1825 г. Известие о смерти Александра I пришло в Петербург 27 ноября. Согласно закону о престолонаследии, принятому Павлом I 5 апреля 1797 г., на престол должен был вступить следующий по старшинству брат умершего бездетного Александра I цесаревич Константин, находившийся в то время в качестве наместника царя в Варшаве. Но Константин вступил в морганатический брак с польской графиней Иоанной Грудзинской. По этому случаю в 1820 г. указом Александра I он был лишен права передачи престола своим потомкам, а в 1823 г. по настоянию Александра и вовсе отказался от своих прав на престол. Однако акт отказа Константина и манифест о передаче престола другому брату — Николаю Павловичу — Александр I решил сохранить пока в тайне. Когда было получено известие о смерти Александра, войска, правительственные учреждения и население присягнули Константину. Принес ему присягу и сам Николай. Однако Константин, не принимая престола, не пожелал официально объявить о своем отречении от него. Причины такого поведения Константина до сих пор остаются загадкой. Так создалась обстановка междуцарствия.

Полученное в Петербурге известие о смерти Александра I застало членов Северного общества врасплох. На совещании у Рылеева решено было, что если Константин примет престол, то надлежит формально объявить всем членам тайного общества о его роспуске "и действовать сколько возможно осторожнее, стараясь в два или три года занять значительнейшие места в гвардейских полках". Между тем в Петербурге стали распространяться упорные слухи о том, что Константин отказывается от престола, который переходит таким образом к Николаю. У декабристов вновь появилась надежда на немедленное выступление.

10 декабря уже точно стало известно о готовившейся "переприсяге". Начались ежедневные совещания у К. Ф. Рылеева,

С. П. Трубецкого и Е. П. Оболенского, где разрабатывались различные варианты выступления. Среди них было предложение Трубецкого о вооруженной демонстрации “без кровопролития”: поднять гвардейские полки и артиллерию, собрать их в одном месте за городом и, опираясь на эту вооруженную силу, потребовать от правительства согласия на принятие конституции и на введение представительного правления.

13 декабря на квартире Рылеева, после продолжительных и горячих обсуждений, был принят окончательный план восстания. Решено было на следующий день, 14 декабря, на который была назначена присяга новому императору — Николаю I, вывести гвардейские полки во имя верности прежней присяги (Константину) на Сенатскую площадь и принудить Сенат объявить о введении конституционного правления. Предполагалось одновременно занять Петропавловскую крепость и Зимний дворец, арестовать царскую семью. “Диктатором восстания” (командующим восставшими войсками) был избран Трубецкой как “старший по чину” (он был полковником гвардии), а его “начальником штаба” — Е. П. Оболенский.

От имени Сената предполагалось обнародовать “Манифест к русскому народу”, в котором провозглашались: “Уничтожение бывшего правления” (т. е. самодержавной власти царя), ликвидация крепостной зависимости крестьян, рекрутчины, военных поселений, телесных наказаний, отмена подушной подати и сложение податных недоимок, сокращение солдатской службы до 15 лет, уравнение в правах всех сословий, введение принципа выборности в центральные и местные органы власти, суда присяжных с гласным судопроизводством, свобода слова, занятий, передвижения.

По разработанному декабристами плану сразу же после восстания власть в стране вручалась Временному революционному “правлению”, в которое предполагалось ввести наиболее авторитетных государственных и военных деятелей: М. М. Сперанского, Н. С. Мордвинова, А. П. Ермолова, П. Д. Киселева; от тайного общества туда вводился Г. С. Батеньков. Через три месяца после восстания предполагалось созвать Великий собор, который должен был выполнить функции Учредительного собрания. В состав его предстояло избрать по два представителя от каждого сословия от каждой губернии. Великий собор должен был определить “тот образ правления, который общим мнением признается полезным и благодетельным”, и принять соответствующую конституцию.

Настало утро **14 декабря**. Члены тайного общества находились в своих воинских частях и вели агитацию против присяги Николаю I. К 11 часам утра первыми были выведены на Сенатскую площадь А. А. Бестужевым и Д. А. Щепиным-Ростовским 800 солдат лейб-гвардии Московского полка, которые были построены в каре (четырехугольник) около памятника Петру I. Вокруг каре и памятника была выставлена заградительная цепь солдат. К 1 часу дня к солдатам Московского полка присоединились матросы Гвардейского

экипажа под командой капитан-лейтенанта Н. А. Бестужева. Вслед за ними на площадь прибыл лейб-гвардии Гренадерский полк, который привели поручики Н. А. Панов и А. Н. Сутгоф. Всего на площади собралось 3 тысячи солдат и матросов при 30 офицерах (некоторые из них не были членами тайного общества и примкнули к восстанию в последний момент). Ждали подхода других воинских частей, но главное — диктатора восстания С. П. Трубецкого, без распоряжений которого восставшие не могли самостоятельно действовать. Однако он не явился на площадь, и восстание осталось без руководителя. Трубецкой еще накануне восстания проявлял колебания и нерешительность. Его сомнения в успехе усилились в день восстания, когда он убедился, что не удалось поднять большинство гвардейских полков, на которые рассчитывали декабристы. Поведение Трубецкого, несомненно, сыграло роковую роль в день 14 декабря. Впрочем, было немало и других причин, обусловивших неуспех восстания. Руководители его с самого начала допустили массу промахов: в первую очередь они не сумели воспользоваться первоначальной растерянностью властей, когда вполне была вероятной возможность захватить Петропавловскую крепость, Сенат, Зимний дворец и помешать присяге Николаю I во многих полках, в которых шло брожение; не проявили они активности и уже в ходе самого восстания, ограничившись ожиданием присоединения к ним других частей; тем самым они дали возможность Николаю I захватить инициативу.

До того, как были стянуты к месту восстания правительственные войска, Николай I попытался воздействовать на восставших уговорами. К ним был направлен генерал-губернатор Петербурга граф М. А. Милорадович. Популярный герой Отечественной войны 1812 г., он попытался своим красноречием поколебать солдат — убедить их не совершать роковой ошибки, и его попытка чуть было не увенчалась успехом — однако он был смертельно ранен выстрелом из пистолета П. Г. Каховским. “Увещевать” солдат были посланы митрополиты — петербургский Серафим и киевский Евгений, но восставшие весьма “невежливо” попросили их “удалиться”.

Пока шли уговоры, Николай стянул к Сенатской площади 9 тыс. солдат гвардейской пехоты и 3 тыс. конных. Дважды Конногвардейский полк атаковал каре восставших, но всякий раз его атаки останавливались беглым ружейным огнем из каре. Впрочем, восставшие стреляли вверх, да и сами конногвардейцы действовали нерешительно. Здесь проявилась солдатская солидарность с обеих сторон. И остальные правительственные войска проявляли колебания. От них к восставшим приходили парламентеры и просили “продержаться до вечера”, обещая присоединиться к ним с наступлением темноты. Николай I, опасаясь, что с наступлением темноты “бунт мог сообщиться черни”, отдал приказ применить артиллерию. Несколько картечных выстрелов в упор с близкого расстояния произвели сильное опустошение в рядах восставших и обратили их в

бегство. К 6 часам вечера восстание было разгромлено. Всю ночь при свете костров убирали убитых и раненых и смывали с площади пролитую кровь.

Восстание Черниговского полка

29 декабря 1825 г. началось восстание *Черниговского полка*, дислоцированного в районе г. Василькова (в 30 км к юго-западу от Киева). Восстание возглавил С. И. Муравьев-Апостол. Оно началось в тот момент, когда членам Южного общества стало уже известно о разгроме восстания в Петербурге, а еще ранее (13 декабря) были арестованы руководители Южного общества П. И. Пестель и А. П. Юшневский, полным ходом шли аресты остальных членов тайного общества на юге.

Восстание началось в селе Трилесы, где находилась одна из рот Черниговского полка. В этом же селе остановился, уходя от ареста, С. И. Муравьев-Апостол. Но здесь его настиг и арестовал командир Черниговского полка полковник Г. И. Гебель. Несколько членов Общества соединенных славян, сняв караульных солдат и тяжело ранив Гебеля, освободили Муравьева-Апостола, который вместе с ротой этого полка направился в Васильков, где находился штаб Черниговского полка и были расквартированы еще пять его рот. Они с энтузиазмом присоединились к С. И. Муравьеву-Апостолу. Муравьев-Апостол и М. П. Бестужев-Рюмин еще ранее составили революционный “Катехизис”, предназначенный для распространения в войске и народе. Этот документ, написанный на манер “Православного катехизиса” в форме вопросов и ответов, доказывал со ссылками на Священное Писание необходимость упразднения монархической власти и установления республиканского правления. “Катехизис” был прочтен солдатам Черниговского полка, но не произвел на них желаемого впечатления, ибо они не восприняли его антицаристской направленности.

В течение недели С. И. Муравьев-Апостол с 970 солдатами и восемью офицерами (примерно половиной состава Черниговского полка) совершал рейд по заснеженным полям Украины, надеясь на присоединение к нему других воинских частей, в которых служили члены тайного общества. Однако эта надежда не оправдалась. Военному командованию удалось изолировать Черниговский полк, отводя с его пути те полки, на присоединение которых к черниговцам рассчитывал С. И. Муравьев-Апостол. Одновременно к району восстания стягивались крупные силы верных правительству войск. Общее командование этой операцией Николай I поручил своему брату Константину Павловичу. Когда надежда Муравьева-Апостола на присоединение 17-го егерского полка, стоявшего в г. Белой Церкви, не оправдалась (власти заблаговременно вывели этот ненадежный полк из города), Муравьев-Апостол повернул свой полк к селу Трилесы, рассчитывая совершить бросок на г. Житомир. Утром 3 января 1826 г. при подходе к Трилесам Черниговский полк между

деревнями Устиновкой и Ковалевкой был встречен конным отрядом правительственных войск и расстрелян картечью. Раненный в голову Муравьев-Апостол был схвачен и в кандалах отправлен в Петербург.

Выступление Общества военных друзей 24 декабря 1825 г. была предпринята еще одна попытка поднять восстание, на этот раз руководителями Общества военных друзей капитаном К. Г. Игельстромом и поручиком А. И. Вигелиным. В тот день в г. Белостоке они сумели убедить Литовский пионерный батальон отказаться от присяги Николаю I и намеревались поднять другие расквартированные в этом городе и его окрестностях воинские части. Командованию удалось изолировать мятежный батальон, арестовать руководителей и участников заговора и погасить уже начавшееся брожение в других частях. 39 членов этой организации и 144 солдата предстали перед военным судом.

Следствие и суд над декабристами После подавления восстаний в Петербурге и на Украине самодержавие обрушилось на декабристов со всей беспощадностью. Были арестованы 316 человек. Некоторые из них были арестованы случайно и после первых же допросов отпущены. Всего же по делу декабристов проходили 545 человек — таково оказалось число лиц, попавших в составленный позже следствием "Алфавит членам злоумышленного общества, открывшегося 14 декабря 1825 года". По многим из них следствие велось заочно. Следствие оставило "без внимания" тех, кто ранее отстал от тайного общества, однако они все же были включены в этот "Алфавит", который постоянно находился при Николае I.

Следственная комиссия в Петербурге работала с 17 декабря 1825 г. до 17 июня 1826 г. Одновременно работали следственные комиссии в Белой Церкви, Могилеве, Белостоке, Варшаве, а также при некоторых полках столицы. Они расследовали дела о солдатах, причастных к заговору декабристов, об офицерах Черниговского полка, о членах Польского патриотического общества, об Обществе военных друзей. Это был *первый* в истории России широкий *политический процесс*. Виновными были признаны 289 человек, из них 121 был предан Верховному уголовному суду, а всего всеми судами были осуждены 173 декабриста. Из числа преданных Верховному уголовному суду пятеро (Пестель, С. Муравьев-Апостол, М. Бестужев-Рюмин, Рылеев и Каховский) были поставлены "вне разрядов" и приговорены к "смертной казни четвертованием", замененной повешением. Остальные были распределены по степени их вины на 11 разрядов. 31 человек 1-го разряда был приговорен к "смертной казни отсечением головы", замененной пожизненной каторгой, 37 — к различным срокам каторжных работ с последующим поселением в Сибири, 19 — к ссылке в Сибирь, 9 разжалованы

в солдаты. Свыше 120 человек понесли наказание без суда, по личному распоряжению Николая I: рассажены по крепостям на сроки от полугода до четырех лет, разжалованы в солдаты, переведены в действующую армию на Кавказ, отданы под надзор полиции. Особые судебные комиссии, рассматривавшие дела солдат, участвовавших в восстаниях в Петербурге и на Украине, приговорили 178 человек к наказанию шпицрутенами: их прогнали сквозь строй через тысячу солдат от одного до двенадцати раз, 23 человека приговорили к наказанию палками и розгами. Из остальных участников восстаний сформировали сводный полк в составе 4 тыс. человек, который был отправлен в действующую армию на Кавказ.

Значение движения декабристов

"Не пропадет ваш скорбный труд", — писал декабристам в Сибирь А. С. Пушкин. Декабристские традиции и сам высоконравственный подвиг декабристов вдохновляли последующие поколения борцов за свободу. Участники студенческих кружков Московского университета 20—30-х годов XIX в., А. И. Герцен и Н. П. Огарев, петрашевцы, многие демократы-шестидесятники видели в декабристах своих духовных наставников, а себя считали продолжателями их дела.

Значителен вклад декабристов в развитие русской культуры. Русская культура в широком смысле этого слова была не только духовной и нравственной почвой для декабристов, но она непосредственно воплощалась в них и ими была возведена на новую ступень. Идеи декабристов оказали значительное влияние на творчество А. С. Пушкина, А. С. Грибоедова, П. А. Вяземского, А. И. Полежаева. Среди самих декабристов были известные писатели и поэты (К. Ф. Рылеев, А. А. Бестужев-Марлинский, Ф. Н. Глинка, В. Ф. Раевский), ученые и художники (Н. И. Тургенев, Н. А. Бестужев, А. О. Корнилович, Ф. П. Толстой).

Сосланные на каторгу и в ссылку декабристы не изменили своим убеждениям. Поставленные карающей властью вне политического бытия, они вопреки всяким запретам многими нитями были связаны с Россией, находились в курсе российских и зарубежных политических событий. Велик был их вклад в развитие просвещения и культуры Сибири. По возвращении из ссылки многие декабристы нашли в себе силы включиться в общественную жизнь страны: они выступали в печати со своими воспоминаниями, публиковали ученые труды, участвовали в подготовке и проведении крестьянской и других реформ в качестве членов губернских комитетов по крестьянскому делу, мировых посредников, земских деятелей.

Глава 6
Внутренняя политика самодержавия (1825—1855)

§ 1. Николай I и основные направления его внутренней политики. Комитет 6 декабря 1826 г.

Николай I Царствование императора Николая I (1825—1855) справедливо расценивается как "апогей самодержавия". Оно началось с расправы над декабристами и завершилось в трагические дни обороны Севастополя во время неудачной Крымской войны 1853—1856 гг.

Политический курс Николая I явился реакцией на рост революционного движения в Западной Европе и на восстание декабристов в России. Вместе с тем он по существу был продолжением политической реакции, наступившей в последнее пятилетие царствования Александра I. Поэтому некоторые историки (например, С. Б. Окунь) называют политическую реакцию после восстания декабристов "аракчеевщиной без Аракчеева".

Восстание декабристов произвело сильное впечатление на Николая. "Революция на пороге России, но клянусь, она не проникнет в нее, пока во мне сохранится дыхание жизни", — таково "кредо", сформулированное им в начале своего царствования. Однако он не мог не учитывать "уроков 14 декабря", не задумываться над причинами, породившими декабризм. Именно поэтому он входил во все детали следствия по делу декабристов, сам выступал в роли искусного следователя, чтобы докопаться до "корней заговора". По его приказу был составлен Свод показаний декабристов о внутреннем состоянии России, куда была включена их критика современного состояния страны. Этот Свод постоянно находился в кабинете Николая I.

Из материалов дела декабристов перед Николаем раскрылась картина колоссальных безобразий в управлении, суде, финансах и пр. Он видел необходимость проведения если не реформ, то серии мер, которые, не меняя существующей политической системы, смогли бы предотвратить вероятность нового революционного потрясения.

Этим объясняется противоречивость в политике Николая I: с одной стороны, постоянная в течение всего времени его царствования борьба с революционным движением в России и в странах Западной Европы, усмирение народных возмущений, гонения на все передовое и прогрессивное в стране, с другой, — попытка проведения мер, направленных на разрешение острых социальных проблем, на экономическое и культурное развитие страны.

Эта противоречивость в политике Николая I проявилась уже в первый год его царствования: судебный процесс и казнь декабри-

стов, учреждение высшей полиции для борьбы с революционным движением, но наряду с этим — увольнение в отставку наиболее одиозных лиц александровского царствования, вызывавших всеобщую ненависть, — А. А. Аракчеева, Д. П. Рунича, М. Л. Магницкого и др., прекращение тянувшегося с 1821 г. "дела петербургских профессоров", обвинявшихся в пропаганде "вольномыслия".

Ранее Николая I изображали как некую "самодовольную посредственность с кругозором ротного командира". Однако это был достаточно образованный для своего времени, волевой, прагматически мыслящий самодержец. Он профессионально знал военно-инженерное дело с приемами тактики. Любил архитектуру: ни один проект общественных зданий не проходил без его личного одобрения, обычно сопровождаемого весьма квалифицированными замечаниями. Он разбирался в литературе и искусстве, любил театр и музыку.

Николай I был искренне верующим человеком, но чужд мистицизма и сентиментальности, присущих Александру I, не обладал он и его искусством тонкой интриги и притворства; его ясный и холодный ум действововал прямо и открыто. Он отнюдь не был трусом, как пытались его представить некоторые историки. 14 декабря 1825 г., при полной растерянности генералитета после гибели на Сенатской площади генерал-губернатора Петербурга М. А. Милорадовича Николай один сохранял полное самообладание: умело расставлял войска, сам командовал ими. Во время бунта летом 1831 г. на Сенной площади Петербурга он сумел одним властным окриком заставить бунтующую толпу пасть перед ним на колени. Хладнокровно он вел себя, когда вскоре явился перед восставшими новгородскими военными поселянами.

Николай поражал иностранцев роскошью своего двора и блестящими приемами в Зимнем дворце, но в личном быту был неприхотлив вплоть до того, как рассказывали, что спал на походной солдатской койке, укрывшись шинелью. Обычно с семи часов утра весь день он трудился в своем скромном кабинете Зимнего дворца, вникая во все мелочи жизни огромной империи, требуя подробных сведений обо всем случившемся. По свидетельству камер-фрейлины двора А. Ф. Тютчевой, "он чистосердечно и искренне верил, что в состоянии все видеть своими глазами, все слышать своими ушами, все регламентировать по своему разумению, все преобразовать своею волей". Он никогда не забывал, что, когда и кому приказывал, и следил за точным исполнением своих приказаний. Он любил внезапно инспектировать казенные учреждения: неожиданно являться в присутственные места, учебные заведения, суд, таможню или сиротский дом.

Николай I стремился придать всей системе управления "стройность и целесообразность", добиться на всех уровнях максимальной исполнительности. В этом смысле идеалом для него была военная служба. "Здесь порядок, строгая законность, никакого всезнайства и противоречия, все вытекает одно из другого, никто не приказывает, прежде чем сам не научится повиноваться... все подчи-

няется одной определенной цели, все имеет одно назначение, — считал Николай, — потому-то мне так хорошо среди этих людей и потому я всегда буду держать в почете звание солдата. Я смотрю на человеческую жизнь как на службу, так как каждый должен служить". В 41 губернии из 53-х губернаторами были поставлены генералы. Почти все министры были назначаемы из военных; даже во главе Святейшего Синода был поставлен гусарский генерал Н. А. Протасов, который, как жаловались духовные чины Синода, "сонмом архиерейским как эскадроном на ученье командовал".

Комитет 6 декабря 1826 г.

6 декабря 1826 г. был учрежден секретный *Комитет* для выработки программы преобразований. Во главе его был поставлен председатель Государственного совета, опытный и осторожный политик и администратор, граф В. П. Кочубей. Но фактически всеми делами в Комитете заправлял М. М. Сперанский, который в начале царствования Николая I вновь выдвинулся на политическую арену. Первоначально Николай относился к Сперанскому с недоверием, даже с подозрением, особенно под влиянием обнаружившихся во время следствия над декабристами фактов знакомства Сперанского со многими из них и их планов ввести его в состав Временного революционного правительства. Подозрения царя подогревались и наветами на Сперанского царедворцев. Но впоследствии усердным служением монарху Сперанский рассеял его подозрения. Позже Николай признавал: "Михайла Михайловича не все понимали и не все умели довольно его ценить; сперва я и сам в этом более всех, может статься, против него грешил; клевета осмелилась коснуться его даже по случаю истории 14 декабря! Но потом время и опыт уничтожили во мне действие всех этих наговоров. Я нашел в нем самого верного и ревностного слугу с огромными сведениями, с огромною опытностию, с неустававшею никогда деятельностью".

Николай I поставил перед Комитетом задачу рассмотреть бумаги Александра I, с тем чтобы "обозреть настоящее положение всех частей управления" и определить, "что ныне хорошо, чего оставить нельзя и чем заменить". Первоначально Комитет разрабатывал проекты преобразования высшего и местного управления и закона "о состояниях", т. е. о правах сословий. Предполагалось провести реформу центральных органов власти. Выдвигалась идея "разделения властей" (под этим понималось более четкое размежевание функций между различными ведомствами). Проекты реформы местной администрации предусматривали установление более действенного контроля над нею со стороны центральных органов власти. Но смысл всех этих проектов и предложений, как подчеркивалось на заседаниях Комитета, заключался "не в полном изменении существующего порядка управления, а в его усовершенствовании посредством частных перемен и дополнений". Предполагалось рассмотреть и крестьянский вопрос.

Каких-либо практических результатов работа Комитета не имела. Проекты высшего и местного управления свелись к упоря-

дочению структуры государственного аппарата, а по сословному вопросу — к мерам укрепления материального положения дворянства и охраны его сословных прав и привилегий. А попыткой решения крестьянского вопроса занялись последующие, специально для этого создаваемые, секретные комитеты.

За 4 года Комитет провел 173 заседания. К апрелю 1830 г. его занятия фактически приостановились. В течение последующих двух лет он провел всего лишь несколько заседаний. В 1832 г. его деятельность прекратилась, хотя формально он и не был закрыт.

Народные движения в 1826—1831 гг. События декабря 1825 г. — междуцарствие и восстание декабристов — породили слухи и толки о "воле" и явились толчком к усилению крестьянских волнений. 12 мая 1826 г. был издан специальный царский манифест "О возникшем в губерниях неповиновении крестьян". Он грозил суровыми наказаниями за "неповиновение" и "разглашение ложных слухов и толков о свободе". В **1830—1831 гг.** по стране прокатилась волна *холерных бунтов* — стихийных выступлений крестьян, солдат, горожан против полицейско-бюрократических мер борьбы с холерой. Наиболее крупными из них были восстания в Севастополе, Тамбове, "Сенной бунт" в Петербурге, но особенно — в Новгородских военных поселениях. Все они были подавлены войсками. В связи с восстанием 1830—1831 гг. в Польше широкое крестьянское движение охватило Литву и Правобережную Украину. Под влиянием этих народных волнений правительство пошло на ряд уступок: в 1826 г. губернаторам было предписано призвать помещиков к "христианскому" и "сообразно законам" обращению с крестьянами; в 1831 г. ликвидирован военный режим в Новгородских военных поселениях; у польских помещиков — участников восстания 1830—1831 гг. — были отобраны и переданы в казну их крестьяне.

§ 2. Перестройка административного управления

Централизация управления Одной из первоочередных задач внутриполитического курса Николая I было укрепление полицейско-бюрократического аппарата управления. Последовательное проведение принципа *централизации* рассматривалось как важное средство укрепления самодержавия и противодействия подтачивающим его устои процессам.

При Николае I создавалась продуманная система всесторонней государственной опеки над общественно-политической, экономической и культурной жизнью страны. В практике управления последовательно проводился принцип строгой исполнительности и беспрекословного повиновения.

В духе самодержавных начал и централизации управления Николай I стремился укрепить режим личной власти — сосредоточить в своих руках решение как общих, так и частных дел, нередко

минуя при этом соответствующие министерства и ведомства. При нем вошло в практику для решения того или иного важного вопроса создавать многочисленные секретные комитеты и комиссии, находившиеся под его непосредственным ведением. Компетенция Сената и Государственного совета при Николае I была существенно ограничена, так что они низводились до уровня "дополнения" к разросшейся бюрократической машине.

Преобразование императорской канцелярии Принцип режима личной власти воплотился в разросшейся "собственной канцелярии" царя. Она была учреждена еще Павлом I и при Александре I выполняла функции личной канцелярии императора для рассмотрения прошений на "высочайшее имя". Николай I уже в первый год своего царствования существенно расширил состав, размеры и функции этой канцелярии, подразделив ее на отделения и придав ей значение высшего органа управления государством.

Прежняя, "александровская", канцелярия стала *первым* отделением. В обязанности его входило представлять царю поступающие на его имя бумаги и исполнять его личные повеления и поручения. *Второе* отделение (кодификационное, учрежденное 4 апреля 1826 г.) занималось переданными в его ведение делами александровской "Комиссии о составлении законов". Созданное 3 июля 1826 г. *третье* отделение стало органом высшей полиции. В обязанность его входил надзор за законностью и порядком в управлении и в общественной жизни. В 1828 г. в связи с кончиной императрицы Марии Федоровны (матери Николая I) было учреждено *четвертое* отделение, которое заменило ее канцелярию, созданную в 1797 г. Павлом I для управлению учебными, воспитательными и благотворительными учреждениями. Затем были учреждены два временных отделения: в 1835 г. *пятое* — для подготовки реформы в государственной деревне, преобразованное в 1837 г. в Министерство государственных имуществ, и в 1843 г. *шестое* — для управления присоединенными к России территориями Кавказа.

III отделение Печально знаменитую известность получила деятельность *третьего отделения* императорской канцелярии. По роду различных его занятий оно подразделялось на шесть "экспедиций" и "секретную часть". В его штате первоначально числились 16 чиновников, в 1856 г. число их достигло 30-ти. 27 апреля 1827 г. при III отделении был создан Корпус жандармов, насчитывавший сначала 4,1 тыс., а в 1856 г. — 6 тыс. человек. Вся Россия, за исключением Польши, Финляндии, Области Войска Донского и Закавказья, была поделена сначала на 5, а в 1843 г. на 8 жандармских округов, на каждый из них приходилось по 7—8 губерний. Округа состояли из отделений (по 4—6 в каждом округе). Округами командовали генералы, а отделениями — штаб-офицеры, которых тщательно отбирали по принципу "благонадежности" и умения "общаться с населением".

Во главе III отделения был поставлен фаворит Николая I генерал А. Х. Бенкендорф. Он же являлся и шефом Корпуса жандармов. Еще в январе 1826 г. он представил Николаю I проект "Об устройстве высшей полиции", на основе которого и было создано III отделение императорской канцелярии. Посты начальника III отделения и шефа жандармов Бенкендорф занимал до своей кончины (1844). Его сменил другой фаворит царя, видный военный и государственный деятель, граф А. Ф. Орлов.

Прерогативы III отделения были поистине всеобъемлющи. Оно собирало информацию о настроениях различных слоев населения, осуществляло тайный надзор за "неблагонадежными" лицами и за периодической печатью, ведало местами заключения и делами о "расколе", наблюдало за иностранными подданными в России, выявляло носителей "ложных слухов" и фальшивомонетчиков, занималось сбором статистических сведений и перлюстрацией частных писем, осуществляло надзор за действиями администрации.

Это был орган осведомления царя обо всех "происшествиях" в Российской империи. Николай I внимательно читал доклады и донесения начальника III отделения. Деятельность III отделения породила широкую практику доносов. III отделение имело свою сеть тайных агентов, а в 40-х годах создает тайную агентуру за рубежом для слежки за русскими эмигрантами. Под ее бдительным наблюдением находились издатели русской зарубежной прессы князь П. В. Долгоруков, А. И. Герцен и Н. П. Огарев. А. И. Герцен называл III отделение "всероссийской шпионницей", "вооруженной инквизицией, полицейским масонством, поставленным вне закона и над законом, имеющим право мешаться во все".

§ 3. Кодификация законов

В царствование Николая I в числе первоочередных задач была поставлена *кодификация законов*. На отсутствие должного порядка в российском законодательстве как на главную причину многочисленных злоупотреблений в суде и администрации постоянно указывали в своих показаниях декабристы, к критике и предложениям которых Николай I относился с большим вниманием. Главную цель кодификации Николай видел в том, чтобы, не вводя никаких "новшеств", упорядочить российское законодательство и тем самым обеспечить более четкую законодательную основу российского абсолютизма.

Еще в начале царствования Александра I была создана "Комиссия о составлении законов" под председательством графа П. В. Завадовского. Однако ее деятельность оказалась бесплодной. Для завершения ее работы и было учреждено II отделение императорской канцелярии во главе с профессором права Петербургского университета М. А. Балугьянским. Практически всю работу по кодификации проводил М. М. Сперанский, определенный к нему в "помощники".

По плану Сперанского кодификация законов должна была пройти три этапа: на первом предполагалось собрать и издать в хроно-

логическом порядке все законы, начиная с "Уложения" царя Алексея Михайловича 1649 г. и до конца царствования Александра I; на втором — издать Свод действующих законов, расположенных в предметно-систематическом порядке, без внесения каких-либо исправлений и дополнений; на третьем этапе предусматривалось составление и издание "Уложения" — нового систематического свода действующего законодательства, "с дополнениями и исправлениями, сообразно правам и обычаям и действительным потребностям государства".

Из архивов Сената, Синода, коллегий и министерств было доставлено и просмотрено свыше 3 тыс. рукописных и печатных фолиантов, содержавших указы, манифесты, рескрипты, уставы, постановления. Все подготовленные к изданию акты сверялись с подлинниками, затем при формировании томов располагались в строго хронологическом порядке. При II отделении была собственная типография, в которой печатались подготовленные тома "*Полного собрания законов Российской империи*". В течение 1828—1830 гг. было издано 45 объемистых томов и 3 тома указателей и приложений к ним. Они составили "Первое собрание", в которое вошли 31 тыс. законодательных актов за 1649—1825 гг. Кроме того были изданы еще 6 томов законов, вышедших с конца 1825 по 1830 гг., — этими томами начиналось "Второе собрание", включавшее законы, изданные в царствования Николая I и Александра II. Законы, изданные в царствования Александра III и Николая II, составили "Третье собрание". В общей сложности все три "собрания" составили 133 тома, в которые вошли 132,5 тыс. разного рода законодательных актов с 1649 по 1913 гг. Это — важный источник по истории российского законодательства, внутренней и внешней политики России.

Однако в строгом смысле слова его нельзя назвать "полным". Как установлено историками российского законодательства, в него за первую четверть XVIII в. вошла лишь треть законодательных актов, а за вторую четверть XVIII в. — не более пятой их части. Полнее представлено законодательство царствований Екатерины II и Павла I. Почти полностью включены законы, изданные во время царствования Александра I. О включении в "Полное собрание" ранее не публиковавшихся законов принимал решение сам Николай I, который предварительно знакомился с их содержанием.

Одновременно на основе "Полного собрания законов" готовился и "*Свод законов Российской империи*". При его составлении изымались законы, утратившие силу или замененные последующими актами. Проводилась и текстовая обработка статей "Свода". При этом все исправления, а тем более дополнения, делались только с санкции императора, контролировавшего весь ход кодификации. Подготовленный "Свод законов" предварительно рассматривался в особой сенатской комиссии, затем его отдельные части рассылались по министерствам. В 1832 г. он был издан в 15 томах, заключавших в себе 40 тыс. статей.

На заседании Государственного совета 19 января 1833 г., на которое было вынесено обсуждение "Свода законов", большую речь

произнес Николай I, подчеркув важность его издания. По окончании речи он подозвал к себе Сперанского и возложил на него снятую с себя ленту ордена Св. Андрея Первозванного. Государственный совет одобрил "Свод", а Николай I наложил резолюцию: "Свод рассматривать как исключительно положительный закон, действие коего начинается с 1 января 1835 года". В царствование Николая I он с необходимыми дополнениями издавался в 1834, 1839 и 1842 гг. Кроме того, были изданы подготовленные Сперанским "Свод военных постановлений" (12 томов), "Свод законов Остзейских и Западных губерний" и "Свод законов Великого княжества Финляндского". При Николае I были изданы также "Полное собрание духовных узаконений в России со времени учреждения Святейшего Синода", "Собрание морских узаконений от 1845 по 1851 гг. " и "Свод законов кочевых инородцев Восточной Сибири".

Кодификационный план Сперанского не был выполнен на завершающем и самом существенном его этапе — подготовки и издания "Уложения Российской империи". Николай I, придерживаясь строгих принципов охранительства, отверг третий этап кодификации, предусматривавший внесение "новшеств".

Кодификация законов, проведенная при Николае I, несомненно упорядочила российское законодательство. Вместе с тем она нисколько не меняла политической и социальной структуры самодержавно-крепостнической России, ни самой системы управления, не устраняла произвол, волокиту и коррупцию чиновников, достигшие именно в николаевское царствование особого расцвета. Развитие бюрократии вело к бумажному делопроизводству, протекавшему бесконтрольно в канцелярской тайне. Резко возрос чиновничье-бюрократический аппарат управления: за первую половину XIX в. численность чиновников увеличилась с 16 тыс. до 74,3 тыс. Николай I видел пороки бюрократии, сетовал на то, что "империей управляет столоначальник", однако устранить эти пороки в условиях абсолютистского режима было невозможно.

§ 4. Политика в области просвещения и печати

Реакционная политика самодержавия в первую очередь проявилась в области просвещения и печати, ибо здесь, как полагал Николай I, таилась главная опасность "вольнодумства". Вместе с тем просвещение и печать рассматривались императором как важнейшие средства идеологического и нравственного воздействия на все слои населения страны.

Рассматривая событие 14 декабря 1825 г. как "пагубное последствие ложной системы воспитания", Николай I при вступлении на престол отдал министру народного просвещения А. С. Шишкову распоряжение о пересмотре уставов учебных заведений. С этой целью в мае 1826 г. был создан "Комитет по устройству учебных заведений", в обязанность которого входило проверить все их уставы и выработать новые принципы школьного образования, опреде-

лить дисциплины, которые должны были преподаваться на каждой ступени обучения.

19 августа 1827 г. последовал рескрипт царя Шишкову о запрещении принимать в гимназии, и тем более в университеты, крепостных крестьян. Сам Шишков говорил: “Науки полезны только тогда, когда, как соль, употребляются и преподаются в меру, смотря по состоянию людей и по надобности, какую всякое звание имеет. Излишество их, равно как и недостаток, противны истинному просвещению. Обучать грамоте весь народ или несоразмерное оного количество людей принесло бы более вреда, нежели пользы”.

Устав гимназий и училищ уездных и приходских 28 декабря 1828 г.

В основу народного просвещения был положен принцип строгой сословности и бюрократической централизации, что нашло свое воплощение в утвержденном 8 декабря 1828 г. “Уставе гимназий и училищ уездных и приходских”. Согласно этому уставу начальное и среднее образование подразделялось на три категории: 1) для детей низших сословий предназначались одноклассные приходские училища с самой элементарной программой (чтение, письмо, четыре правила арифметики и Закон Божий), 2) для детей купцов и мещан предназначались трехклассные училища с более широкой программой начального обучения (вводились начала геометрии, а также география и история), 3) для детей дворян и чиновников учреждались семиклассные гимназии, подготавливавшие учащихся к поступлению в университеты. Устав ликвидировал преемственную связь между этими ступенями образования. Таким образом, уровень образования должен был строго соответствововать социальному положению учащегося.

Министр народного просвещения С. С. Уваров

Правительственную политику в области просвещения последовательно проводил возглавлявший с 1833 по 1849 гг. Министерство народного просвещения граф С. С. Уваров. Одновременно он был президентом Императорской Академии наук, в его подчинении находились многие научные и культурные учреждения. Он был таланливым и широко образованным человеком, поражавшим современников обширными познаниями, свободным владением древних и ряда новых европейских языков. В молодости Уваров слыл “либералом”, являлся одним из основателей известного литературного кружка “Арзамас”, объединявшего лучшие литературные силы. Уваров много путешествовал по России и странам Западной Европы. В Германии он близко познакомился с Гете и известным немецким реформатором бароном Штейном. Он занимался научными изысканиями в области грекоримской филологии и был почетным членом многих европейских академий наук и научных обществ.

Современники, отдавая должное “высокому и просвещенному уму” Уварова, вместе с тем указывали на его неблаговидные личные качества — беспринципность, расчетливость, стремление “пус-

тить пыль в глаза". Это был ловкий царедворец и, по словам хорошо знавшего его С. М. Соловьева, "умный, хитрый холоп". В царствование Николая I Уваров занял откровенно реакционно-охранительные позиции. Именно он сформулировал основные принципы "теории официальной народности" — "православие, самодержавие, народность", названные современниками "уваровской триадой", ставшей идейной основой николаевской политики.

Как министр народного просвещения Уваров преследовал цель — поставить российское просвещение на уровень европейской образованности, но на "русских началах", дать "перевес отечественному воспитанию над иноземным". По его инициативе в 1833 г. было издано постановление "О мерах против умножения частных пансионов и учебных заведений". Они могли заводиться лишь в виде исключения и всякий раз с разрешения министра народного образования; "содержателями" и преподавателями их могли быть исключительно русские подданные. В 1835 г. для наблюдения за частными училищами была создана особая инспекция. Вместе с тем к 1842 г. были открыты 42 "благородных пансиона" — специально для детей дворян и на содержании самого дворянства.

Университетский устав 26 июля 1835 г.

26 июля 1835 г. был издан *"Общий устав императорских российских университетов"*. Он преследовал цель "сблизить наши университеты с коренными и спасительными началами русского управления" и ввести в университетах "порядок военной службы и вообще строгое наблюдение установленных форм, чиноначалие и точность в исполнении самомалейших постановлений".

Если до этого университеты были центрами учебных округов и тем самым оказывали влияние на постановку низшего и среднего образования в округе, то теперь они сами попали в полную зависимость от попечителя учебного округа. В Киевском, Харьковском и Виленских учебных округах (как наиболее "беспокойных") управление ими было передано генерал-губернаторам.

Устав 1835 г. существенно ограничил автономию университетов. Хотя за университетским Советом и сохранялось право выбора ректора и замещения вакантных профессорских мест на кафедрах, но оно фактически сводилось на нет правом министра народного просвещения не утверждать избранных лиц и назначать других из числа своих кандидатов, чем министр широко и пользовался. Избранный Советом университета ректор вступал в должность лишь после утверждения его императором. Помощником ректора и вторым административным лицом в университете стал назначаемый попечителем учебного округа из военных или гражданских чиновников инспектор — ранее он избирался Советом из среды университетской профессуры.

Университет стал рассматриваться уже не столько как научный центр, а в первую очередь как учебное заведение, перед которым была поставлена задача готовить преподавателей гимназий,

медиков и чиновников для государственной службы. Упразднялся университетский суд, разрешавший внутренние университетские вопросы. Устанавливался строгий надзор за студентами, для чего вводились назначаемые попечителем учебного округа должности помощников инспектора, исполнявшие полицейские функции в университете. Однако самой полиции по-прежнему запрещалось появляться в университетах.

Университетский устав 1835 г. имел и некоторые положительные стороны. Восстанавливалось упраздненное в 1821 г. преподавание философии; в Московском университете важное место заняли исторические дисциплины и преподавание российского законодательства; в Петербургском — преподавание восточных языков и истории стран Востока; в Казанском приоритетное место получило преподавание физико-математических наук. Срок обучения в университетах был увеличен с трех до четырех лет. Кафедры стали замещаться преимущественно отечественными учеными (ранее многих профессоров приглашали из-за границы). Для выпускников, оставленных при университетах "для подготовки к профессорскому званию", предусматривались за казенный счет обязательные двухгодичные зарубежные стажировки (преимущественно в германские университеты). При университетах были введены подготовительные курсы богословия, математики, истории, словесности, древних и новых языков, естественных наук, призванные восполнить недостатки среднего образования для поступающих в университеты. Было поднято значение университетского образования, ученых степеней и званий. Окончившие университет получали звание "действительного студента" и чин 12-го класса по Табели о рангах, а окончившие его с отличием — "кандидата" и чин 10-го класса; имевшим ученую степень магистра присваивался чин 9-го класса, а доктора наук — 8-го. Лицам с университетским образованием очередные чины присваивались в полтора раза быстрее, чем не имевшим его.

Характерно, что дворяне, предпочитая военную службу как наиболее престижную, стремились отдавать своих детей в закрытые военные учебные заведения, поэтому даже в Московском университете дворяне составляли в то время не более трети студентов.

Учреждение специальных высших учебных заведений

В области образования были приняты и другие положительные меры. Развитие промышленности, торговли, сельского хозяйства требовало людей, обладавших специальными знаниями. Правительство нуждалось в образованных кадрах для аппарата управления, специалистах в различных отраслях народного хозяйства. В связи с этим учреждается ряд специальных учебных заведений. В 1828 г. в Петербурге был открыт Технологический институт, в 1830 г. — Архитектурное училище, а в 1832 г. — Училище гражданских инженеров (в 1842 г. оба эти училища были объединены в Строительное училище). В 1835 г. в Москве был основан Межевой институт. В

том же году по инициативе Сперанского в Петербурге учреждено Императорское училище правоведения, превратившееся в высшее юридическое учебное заведение, из которого впоследствии вышли многие знаменитые русские юристы. В 1842 г. в Белоруссии было создано Горы-горецкое земледельческое училище, преобразованное в 1848 г. в Земледельческий институт. В университетах расширяются или вновь создаются медицинские факультеты, готовившие кадры главным образом для нужд военных госпиталей. В Петербурге был возобновлен Главный педагогический институт для подготовки преподавателей средних учебных заведений. Расширялось военное образование: была учреждена Военно-морская академия в Петербурге, открыты новые кадетские корпуса.

Политика в области печати. Ужесточение цензурных правил

Особое внимание правительство обратило на печать. 10 июня 1826 г. утвержден "Устав о цензуре" с такими жесткими правилами, что современники назвали его "чугунным". Еще в 1824 г. по поручению тогдашнего министра народного просвещения А. С. Шишкова проект этого устава был разработан его помощником М. Л. Магницким, но в то время его не решились ввести в действие.

Учреждался Главный цензурный комитет, входивший в структуру Министерства народного просвещения. Он координировал деятельность цензурных комитетов, учрежденных в Петербурге, Москве, Вильне и Дерпте. По уставу 1826 г. цензоры обязывались "дать полезное или по крайней мере безвредное согласно с настоящими политическими обстоятельствами и видами правительства" направление печати: запрещать "всякое произведение словесности, не только возмутительное против правительства и постановленных от него властей, но и ослабляющее должное к ним почтение", а также "порицающее прямо или косвенно монархический образ правления", содержащее "всякие предположения о преобразованиях каких-либо частей государственного управления". На цензуру возлагалась обязанность следить не только за политическим направлением печати, но даже за литературными вкусами, "ибо разврат нравов приуготовляется развратом вкусов".

Это был тяжелый удар по печати. "Литераторы в отчаянии",- доносили агенты III отделения. Николай I дал согласие на разработку нового цензурного устава, который был обнародован 22 апреля 1828 г. Теперь цензорам запрещалось "входить в разбор справедливости или несправедливости частных мнений и суждений писателя, если только оные не противны общим цензурным правилам", предписывалось "не дозволять себе произвольного толкования смысла речи в дурную сторону", не придираться "к словам и отдельным выражениям".

Главное управление цензурой по-прежнему оставалось в ведении министра народного просвещения, а местными комитетами цензуры ведали попечители учебных округов. Был создан Комитет ино-

странной цензуры для контроля за привозимой из-за рубежа литературы. Право самостоятельной цензуры получили некоторые министерства, Синод, Императорская Академия наук и университеты. Последовало негласное правило: "всякий сочинитель", чье произведение было запрещено цензурой, попадал под полицейский надзор.

Поставленный во главе цензурного ведомства Уваров понимал неэффективность чисто запретительных мер и требовал от цензоров гибкости: "Действуйте так, чтобы публика не имела повода думать, будто правительство угнетает просвещение".

Наибольшее беспокойство правительства вызывали периодическая печать и массовая литература. Журналистика при Николае I переживала нелегкие времена. Каждый новый журнал мог быть основан только с личного разрешения императора, а издатель его должен был представить подробную программу содержания и направления журнала. Если она не вызывала сомнения, то накладывалась царская резолюция: "Согласен, но со строгим должным надзором". В случае публикации статей, вызвавших подозрение властей, следовал немедленный запрет периодического издания. Так, в 1831 г. было прекращено издание "Литературной газеты" А. А. Дельвига, в 1832 г. — журнала "Европеец" П. В. Киреевского, а в 1836 г. был запрещен "Телескоп" Н. И. Надеждина. Николай I усмотрел в статьях и критических рецензиях этих журналов пропаганду революционных и конституционных идей и нападки на произведения, проповедовавшие "официальную народность".

В 1837 г. была установлена параллельная цензура, т. е. проверка произведений, уже прошедших цензуру. Теперь взысканиям стали подвергать и цензоров за "недосмотр". Их сажали за это на гауптвахту, отрешали от должности, в крайних случаях им грозила ссылка.

И все же, несмотря на цензурные строгости, в 30—40-е годы были опубликованы "Ревизор" и "Мертвые души" Н. В. Гоголя, повести А. И. Герцена "Доктор Крупов" и "Кто виноват?", его философские трактаты материалистического содержания, критические статьи В. Г. Белинского.

§ 5. Социальная политика. Крестьянский вопрос

В *социальной* политике самодержавие преследовало цель укрепления позиций дворянства — главной своей опоры, но вместе с тем делало и уступки нарождающейся буржуазии, преимущественно в экономической сфере.

Меры по укреплению дворянства

Процесс обеднения дворянства в связи с ростом дробления дворянских имений, задолженности в Опекунском совете и в других кредитных учреждениях грозил этому "первенствующему сословию в империи" утратой своих прежних позиций, что в конечном счете подрывало социальную базу самодержавия. Был принят ряд мер для улучшения материального положения дворянства: обедневшие дворяне

наделялись землями из государственного земельного фонда, им выдавались на льготных условиях денежные ссуды на хозяйственные нужды, дети дворян бесплатно принимались в специальные дворянские военные и гражданские учебные заведения, дворянам давались преимущества при чинопроизводстве.

С целью сохранения крупных помещичьих имений от раздробления в 1845 г. был издан закон о “майоратах”. Суть его заключалась в том, что владельцам имений свыше 1000 душ разрешалось объявлять их “заповедными”. Они целиком передавались по наследству старшему сыну в семье, а не дробились между другими наследниками. Закон носил рекомендательный характер, поэтому им воспользовались лишь немногие из крупных помещиков: к моменту отмены крепостного права существовало всего 17 майоратов.

После издания в 1722 г. петровской Табели о рангах, позволявшей получить дворянское достоинство путем выслуги по достижении определенного ранга (чина), удельный вес такого дворянства по отношению к родовитому составил к 1825 г. 52%. Поэтому еще Комитет 6 декабря 1826 г. предлагал предоставлять дворянское достоинство не за выслугу, а царским пожалованием за особые заслуги. Однако решиться на эту меру правительство не могло, ибо она привела бы к превращению дворянства в замкнутую касту, причем независимую от власти.

Был избран путь ограничения числа лиц, получавших статус дворянина через выслугу. В 1845 г. был издан указ о новом порядке приобретения дворянства. Если раньше личное дворянство приобреталось с 12-го ранга, а потомственное — с 8-го, то по закону 1845 г. личное дворянство предоставлялось по достижении 9-го ранга, а потомственное — 5-го.

Была принята еще одна мера с целью ограждения дворянского сословия от притока в него представителей из других сословных групп (купечества, духовенства, разночинцев). 10 февраля 1832 г. был издан *Манифест о почетном гражданстве* двух категорий — потомственном и личном. Первое присваивалось по рождению детям личных дворян и церковнослужителей, имевших образовательный ценз, ученым и художникам, имевшим ученые степени и звания, а также по особому ходатайству купцам первой гильдии, если они пребывали в ней не менее 20 лет либо получили чин или орден. Во вторую категорию включались дети церковнослужителей, не имевших образовательного ценза, и лица, окончившие университеты или другие высшие учебные заведения, а также получившие по службе чины, еще не дававшие права на личное или потомственное дворянство. Почетное гражданство давало ряд привилегий: освобождение от подушной подати, рекрутства и телесных наказаний.

Правительство стремилось все служебные посты в местных и центральных органах власти отдавать исключительно дворянам. Были также предприняты меры по повышению роли и авторитета дворянских корпоративных органов — уездных и губернских дворянских депутатских собраний (введенных Екатериной II в 1785 г.).

Однако ставка делалась на среднепоместное и крупнопоместное дворянство. *"Положением о дворянских обществах"* 6 декабря 1831 г. был повышен имущественный ценз для участия в дворянских собраниях. Отныне правом голоса могли пользоваться только потомственные дворяне мужского пола, не моложе 21 года, имевшие в данной губернии не менее 100 душ крестьян и 3 тыс. десятин земли, а также получившие чин на военной или гражданской службе. Они составляли не более 20% лиц дворянского сословия. Мелкопоместные дворяне участвовали в выборах через уполномоченных: сначала они "складывались" в группы, составлявшие в совокупности полный имущественный ценз, и каждая группа избирала своего уполномоченного депутата на дворянский уездный съезд. Уездные и губернские депутатские дворянские собрания созывались один раз в три года: уездное выбирало уездного предводителя (председателя собрания) и одного депутата в губернское собрание, а губернское — губернского предводителя.

Ранее дворянские депутатские собрания занимались вопросами ведения родословных книг, выдачей дворянам грамот и свидетельств о внесении их родов в губернские родословные книги, наложением опеки на имения за неуплату долгов, "злоупотребление помещичьей властью" над крестьянами, а также в случае малолетства владельцев. По "Положению" 1831 г. дворянские губернские собрания получали право делать "представления" (т. е. направлять ходатайства) правительству как о своих дворянских нуждах, так и по вопросам местного управления.

Вместе с тем дворянским корпоративным органам управления самодержавие стремилось придать чиновничье-бюрократический характер, тесно связанный с местной правительственной администрацией. Сама служба в дворянских собраниях стала приравниваться к государственной. Кроме того, в их деятельности не допускалось никакого политического элемента. Дворянские уездные и губернские собрания были поставлены под еще более бдительный контроль со стороны губернских и уездных властей: по сути дела они превратились в своеобразный придаток к местному бюрократическому аппарату, а губернские предводители дворянства — в помощников губернаторов.

Крестьянский вопрос

В правительственной политике второй четверти XIX в. одним из острейших был *крестьянский* вопрос. Само крестьянство постоянно "напоминало" о себе возраставшими с каждым десятилетием бунтами. По данным материалов центральных архивов, за 1826—1835 гг. было зарегистрировано 342 крестьянских волнения, за 1836—1845 гг. — 433, а за 1846—1855 гг. — 572. Уже в первый год царствования Николая I произошло 179 крестьянских волнений, из которых 54 были усмирены с помощью воинских команд. 12 мая 1826 г., в связи с многочисленными крестьянскими волнениями, сопровождавшимися упорными слухами о близ-

кой "воле", был обнародован царский манифест, грозивший карами за распространение этих слухов и неповиновение.

Крестьяне выступали не только против "злоупотреблений" крепостным правом, но и против крепостного права вообще — за предоставление им "полной воли". Борьба крестьян за "волю" становилась все более настойчивой. Шеф жандармов А. Х. Бенкендорф в секретных отчетах царю с тревогой писал об опасности этого явления. "Дело опасное, и скрывать эту опасность было бы преступлением. Простой народ ныне не тот, что был за 25 лет перед сим, — писал он в отчете за 1839 год. — Вообще крепостное состояние есть пороховой погреб под государством и тем опаснее, что войско составлено из крестьян же". В заключение Бенкендорф рекомендовал приступить к решению крестьянского вопроса: "Начать когда-нибудь и с чего-нибудь надобно, и лучше начать постепенно, осторожно, нежели дожидаться, пока начнется снизу, от народа".

Николай I в принципе отрицательно относился к крепостному праву, видел его неприглядные стороны и считал социально опасным. Как-то раз, указав своим ближним на собранные в кабинете материалы о крестьянах, записки и проекты разных лиц по крестьянскому вопросу, он сказал, что "намерен начать процесс против крепостного права". Понимая необходимость отмены крепостного права, он тем не менее указывал на несвоевременность проведения этой меры *в данный момент*. "Нет сомнения, — заявил он в Государственном совете 20 марта 1842 г., — что крепостное право в нынешнем его положении есть зло, для всех ощутительное, но прикасаться к нему *теперъ* было бы еще более гибельным, и всякий помысел о даровании свободы крепостным людям был бы преступным посягательством на спокойствие государства". Здесь им было четко заявлено понимание как необходимости, так и опасности освобождения крестьян. Опасность он видел в том, что упразднение власти помещиков над крестьянами неизбежно затронет и самодержавие, опиравшееся на эту власть. Характерны высказывания царя о помещиках как о своих "ста тысячах полицмейстерах", охранявших "порядок" в деревне. "Господа! — говорил он столичному дворянству 21 марта 1848 г. — У меня полиции нет, я не люблю ее: вы моя полиция". Правительство также опасалось, что отмена крепостного права не пройдет мирно и неизбежно будет сопровождаться народными волнениями. Поэтому проводимые меры в крестьянском вопросе носили паллиативный характер: они были направлены на отмену наиболее одиозных и вопиющих сторон крепостничества и преследовали цель снять остроту социальных отношений в деревне.

В царствование Николая I было издано в общей сложности более 100 законодательных актов по крестьянскому вопросу. Был издан ряд законов, направленных против обезземеливания крестьян. Так, по указу 1827 г. помещикам запрещалось продавать крестьян без земли или одну землю без крестьян. Изданный в том же

году указ запрещал отдавать крепостных крестьян на заводы. Указ 2 мая 1833 г. запрещал продавать крепостных с публичного торга "с раздроблением семейств", "удовлетворять казенные и частные долги", расплачиваясь за них крепостными с отрывом их от земли, а также переводить крестьян в дворовые, отбирая у них наделы. В 1841 г. было запрещено дворянам, не имевшим имений, покупать крестьян без земли.

В число мер, направленных на некоторое смягчение крепостного права, входили: указ 1828 г., ограничивавший право помещиков ссылать крестьян в Сибирь по своему усмотрению, предоставление указом 12 июня 1844 г. помещикам права отпускать дворовых на волю по обоюдному с ними договору, указ 1853 г. запрещал сдавать в аренду помещичьи населенные имения недворянам. Все эти куцые указы в виду их необязательности для помещиков оставались мертвой буквой или находили весьма ограниченное применение. По образному определению В. О. Ключевского, это были лишь "законодательные щипки по больному месту дворянства". Предпринимались и попытки более общего подхода к решению проблемы крепостного права, для чего создавались специальные секретные комитеты. Всего в царствование Николая I было образовано 9 таких комитетов. Не доверяя общественному мнению, правительство боялось открыто заявить о своих намерениях по этому весьма острому вопросу, рассматривая его келейно, чисто бюрократически. Членов секретных комитетов даже обязывали давать подписки о неразглашении сведений об их занятиях. Правительство опасалось не только возбуждения крестьян, но и нежелательной реакции "справа" — со стороны наиболее крепостнической части помещиков, болезненно воспринимавших любые меры правительства, даже в малейшей степени затрагивавшие их интересы.

Определенное значение к подходу решения крестьянского вопроса из числа секретных комитетов имели два — комитеты 1835 и 1839 гг. "Секретный комитет для изыскания средств к улучшению состояния крестьян разных званий" 1835 г. поставил перед собой широкую, но весьма осторожно сформулированную задачу — постепенного перевода крестьян "от состояния крепостного до состояния свободного". Было намечено три этапа этого процесса: на первом предполагалось ограничить работу крестьян на помещика тремя днями в неделю (т. е. провозглашенное законом Павла I правило о трехдневной барщине из рекомендательного должно было стать обязательным); на втором этапе крестьяне оставались "крепкими земле", но их повинности четко регламентировались законом; на третьем этапе крестьяне получали право свободного перехода от одного владельца к другому, надельная земля продолжала считаться собственностью помещика, но крестьяне могли арендовать ее по договоренности с ним на определенных условиях. Какого-либо срока завершения этого безземельного освобождения крестьян коми-

тет не устанавливал. Однако даже это предложение не вышло за рамки его обсуждения.

Новая попытка общего решения крестьянского вопроса была предпринята в *секретном комитете 1839г.*, в котором большую роль играл ранее близкий декабристам видный государственный деятель, сторонник умеренных реформ, П. Д. Киселев. Он считал возможным решить крестьянский вопрос путем правительственной регламентации отношений между крестьянами и помещиками. Стремясь сохранить дворянское землевладение и вместе с тем считая невозможным освобождение крестьян без земли, Киселев предложил, чтобы помещики при освобождении крепостных на волю предоставляли им наделы за выкуп или за строго фиксированные повинности.

Итогом занятий секретного комитета 1839 г. явилось издание указа 2 апреля 1842 г. об "*обязанных крестьянах*". Он был призван "исправить вредное начало" указа 1803 г. о вольных хлебопашцах — отчуждение части земельной собственности помещиков (надельной крестьянской земли) в пользу крестьян. Николай I исходил из незыблемости помещичьего землевладения. Он рассматривал земельную собственность помещиков "навсегда неприкосновенной в руках дворянства" и как гарантию "будущего спокойствия". Поэтому в указе 2 апреля 1842 г. было прямо сказано: "Вся без исключения земля принадлежит помещику; это вещь святая, и никто к ней прикасаться не может".

По этому указу крестьянин по воле помещика получал свободу и надел, но не в собственность, а в пользование, за который был обязан (отсюда и название "обязанный крестьянин") выполнять по соглашению с помещиком по сути дела те же феодальные повинности (барщину или оброк), но с условием, что помещик впредь не мог изменять ни виды, ни размеры этих повинностей. Предоставленный в пользование крестьянина надел помещик не мог уже ни отнять у него, ни обменять или уменьшить. Никаких определенных норм наделов и повинностей закон не устанавливал — все зависело от воли помещика. В селениях "обязанных крестьян" вводилось выборное "сельское самоуправление", однако сохранялась вотчинная власть помещика в имении.

Правительство всегда опасалось реакции крестьян на тот или иной указ. После издания указа 2 апреля 1842 г. местным властям было разослано секретное предписание, чтобы по поводу этого указа "не происходило бы никаких лживых разглашений насчет мнимого освобождения крестьян", а последние "оставались бы в беспрекословном повиновении помещикам". И действительно, некоторые крестьяне восприняли его как указ, объявляющий "волю", и в связи с этим в 9 губерниях произошли крестьянские волнения. Указ всполошил и помещиков. Путем циркуляров и личных разъяснений Николай I успокоил помещиков, что данный указ нисколько не нарушает их прав.

Практического значения в разрешении крестьянского вопроса указ 2 апреля 1842 г. не имел. За время его действия (1842—1858) в категорию “обязанных крестьян” перешло всего лишь 27 173 души муж. пола в семи помещичьих имениях. Это объясняется не только тем, что большинство помещиков встретили этот указ в штыки, но и тем, что и сами крестьяне не соглашались на столь невыгодные условия, не дававшие им ни земли, ни свободы.

Еще меньшее применение имел *указ 8 ноября 1847 г.* о праве крестьян помещичьих имений, продававшихся с публичных торгов за неуплату казенных или частных долгов владельца имения, выкупаться на волю. Согласно указу, крестьяне обязаны были внести выкуп в течение 30 дней со времени объявления о продаже имения. Размер выкупа определялся последней на торгах ценой, при этом крестьяне должны были внести всю выкупную сумму сразу, “не ожидая никакого пособия от казны”. Выкупленная земля предоставлялась в собственность всей общине, а не отдельному крестьянскому двору. Выкупившиеся на волю крестьяне поступали в разряд государственных и несли наравне с ними все подати и повинности, за исключением оброка за землю (который платили государственные крестьяне за свои наделы). Поэтому такие крестьяне получали название “безоброчных”.

Характерно, что несмотря на стеснительные условия выкупа, от многих крестьянских общин, к удивлению правительства, стали поступать заявления о предоставлении им возможности выкупиться на волю на основании указа 8 ноября 1847 г. За короткое время таких ходатайств поступило 266 — главным образом от крупных оброчных и промысловых селений, в которых у промышлявших крестьян были наличные денежные средства для выкупа и где крестьяне особенно остро воспринимали крепостную неволю, стеснявшую их промысловую деятельность. Поскольку к этому времени почти половина помещичьих имений была заложена и многие их владельцы не могли рассчитаться с долгами, то продажа имений с торгов была нередким явлением. Помещики забили тревогу. Правительство пошло им навстречу: формально не отменяя указа, оно так изменило его различными “разъяснениями” и “дополнениями”, что практически свело его на нет. Всего этим указом могли воспользоваться и выкупиться на волю лишь 964 души муж. пола крестьян.

3 марта 1848 г. был издан закон, предоставлявший помещичьим крестьянам право покупать землю (до этого они ее покупали на имя своего помещика). Однако и этот закон был обставлен рядом стеснительных для крестьян условий. Крестьянин мог купить землю только с согласия помещика,о чем он его заранее должен был известить. Но и приобретенная таким путем крестьянином земля законом не была защищена. Помещик мог безнаказанно завладеть ею, ибо закон запрещал крестьянам возбуждать против своего владельца иск.

Инвентарная реформа в западных губерниях

Смелее правительство действовало там, где его меры по крестьянскому вопросу не затрагивали интересов русского дворянства, а именно — в западных губерниях (в Литве, Белоруссии и на Правобережной Украине), и где помещиками были преимущественно поляки. Здесь правительство стремилось ослабить влияние польских помещиков и вместе с тем предотвратить процесс обезземеливания ими крестьян. В 30-х годах была проведена конфискация имений у тех польских помещиков, которые участвовали в восстании 1830—1831 гг. Крестьяне этих имений были переведены в разряд государственных.

В 1844 г. был образован Комитет западных губерний для выработки "Правил для управления имениями по утвержденным для оных инвентарям". Были составлены *инвентари* — описания помещичьих имений с точной фиксацией крестьянских наделов и общего для всех имений количества барщинных дней, которые впредь нельзя было изменять. *Инвентарная реформа* была проведена в 1847—1848 гг. в губерниях Правобережной Украины (Волынской, Киевской и Подольской), в 1852—1855 гг. — в белорусских губерниях (Витебской, Гродненской, Минской и Могилевской).

Инвентарная реформа вызвала недовольство помещиков, выступавших против правительственной регламентации их владельческих прав, а также многочисленные волнения крестьян, положение которых она практически не улучшила.

Реформа П. Д. Киселева в государственной деревне

Гораздо большее значение имела *реформа в государственной деревне*, проведенная в 1837—1841 гг. В апреле 1835 г. было создано V отделение императорской канцелярии специально для разработки проекта реформы государственной деревни. Во главе его был назначен П. Д. Киселев, которого Николай I называл своим "начальником штаба по крестьянской части".

Летом 1836 г. была проведена ревизия положения государственной деревни в пяти губерниях, представлявших различные в экономическом отношении регионы. На основе данных этой ревизии Киселев представил Николаю I обстоятельный доклад, в котором наметил основные направления реформы. В соответствии с этим планом государственная деревня была изъята из ведения Министерства финансов и передана в учрежденное 26 декабря 1837 г. Министерство государственных имуществ, во главе которого был поставлен П. Д. Киселев. В 1838—1841 гг. последовала серия законодательных актов о введении нового управления государственной деревней, о землеустройстве крестьян, упорядочении податной системы, организации начального образования, медицинской и ветеринарной помощи.

На местах создавалась четырехступенчатая система управления: губерния — округ — волость — сельское общество. В каждой

губернии учреждалась Палата государственных имуществ. В округ входили один или два уезда, в зависимости от численности в них государственных крестьян. Во главе округа был поставлен окружной начальник. Округа подразделялись на волости из расчета около 6 тыс. душ муж. пола в каждой. Волости в свою очередь делились на сельские общества примерно по 1500 душ муж. пола в каждом. Сельское общество состояло из одного или нескольких селений. Вводилось выборное сельское и волостное самоуправление. Из домохозяев от каждых 5 дворов составлялся сельский сход, который избирал сроком на 3 года сельского старшину, а для исполнения полицейских функций — сотских и десятских. Волостной сход состоял из домохозяев от каждых 20 дворов. Он избирал сроком на 3 года волостное правление в составе волостного головы и двух "заседателей" — по хозяйственной и полицейской части. Для разбора мелких тяжб и проступков крестьян избирались сельские и волостные суды ("расправы"). Они состояли из судьи и нескольких "добросовестных" (заседателей). Впоследствии опыт административного устройства в государственной деревне был использован при формировании сельского самоуправления во время проведения реформы в помещичьей и удельной деревне.

Реформа Киселева государственной деревни сохраняла общинное землепользование с периодическими переделами земли внутри общины. Была реорганизована оброчная повинность. Хотя оброк попрежнему раскладывался "по душам" (муж. пола), но размеры его определялись с учетом доходности крестьянского надела. Для уравнения оброчных платежей в соответствии с доходностью земли был проведен земельный кадастр (межевание земель с их оценкой). Для устранения малоземелья предусматривалось наделение крестьян землей из государственного резерва, а также переселение их в малонаселенные губернии. 200 тыс. безземельных крестьян получили 1,5 млн. земли, 231 тыс. были переселены в другие губернии с предоставлением им 2,5 млн. десятин земли. Кроме того, малоземельным крестьянам было прирезано до 3,4 млн. десятин. В крупных селениях были созданы кассы мелкого кредита, из которых нуждающимся крестьянам выдавались ссуды на льготных условиях. Для решения продовольственного вопроса расширялась "общественная запашка", которая призвана была создать необходимый страховой резерв. На случай неурожаев устраивались запасы зерна ("запасные хлебные магазины"). На селе заводились школы (таковых к 1857 г. было заведено 26 тыс., в них насчитывалось 110 тыс. учащихся), медицинские и ветеринарные пункты. Создавались "образцовые" государственные "фермы" для пропаганды среди крестьян новейших приемов земледелия.

В государственной деревне западных губерний была ликвидирована барщина и отменена практика сдачи казенных селений арендаторам. В 1847 г. Министерству государственных имуществ было предоставлено право покупать за счет казны дворянские населен-

ные имения. Было куплено в казну 55 тыс. душ крепостных 178 помещичьих имений.

Реформа 1837—1841 гг. в государственной деревне носила противоречивый характер. С одной стороны, она несколько смягчила земельную "тесноту", способствовала развитию производительных сил, но, с другой, расширила дорогостоящий бюрократический аппарат управления, создала мелочную чиновничью опеку над крестьянами и усилила податной гнет, что вызвало массовые выступления государственных крестьян в 1841—1843 гг. Волнения происходили в 28 губерниях, общее число их участников превосходило 500 тыс. человек. Наибольший размах волнения приобрели в Приуралье и в Поволжье, где крестьяне в большей степени почувствовали усиление административного и податного гнета. В Пермской, Оренбургской, Казанской и Тамбовской губерниях произошли вооруженные столкновения крестьян с карательными войсками.

§ 6. Правительственные меры в области промышленности, торговли и финансов

В сфере *экономической* политики самодержавие было более последовательным и шло значительно дальше, нежели в вопросах политики социальной. Сам процесс экономического развития страны заставлял покровительствовать промышленности, торговле и в конечном счете способствовать развитию буржуазных отношений. Царизм стремился использовать в своих интересах развивавшиеся в стране капиталистические отношения. Отсюда насаждение промышленности, учреждение банков, строительство железных дорог, основание специальных технических учебных заведений, поощрение деятельности сельскохозяйственных и промышленных обществ, организация выставок и т. д. Но меры поощрения экономического развития проводились с учетом интересов помещиков и нужд самодержавия.

В 1828 г. при Министерстве финансов был учрежден Мануфактурный совет с участием заводчиков и фабрикантов. Он должен был изучать состояние промышленности в России, снабжать предпринимателей необходимой информацией и оказывать им иные виды содействия.

С 1829 г. в России стали регулярно проводиться промышленные выставки для пропаганды новых технических достижений. До 1861 г. было проведено 12 таких выставок. По их примеру проводились и сельскохозяйственные выставки.

Военные расходы и затраты на растущий бюрократический аппарат требовали новых источников денежных поступлений, поэтому принимались поощрительные меры для предпринимателей, издавались покровительственные тарифы. Возглавлявший с 1824 по 1844 гг. Министерство финансов Е. Ф. Канкрин провел ряд мер по укреплению расстроенной в предыдущее царствование финансовой системы страны. Он добивался поддержания выгодного торго-

вого баланса и увеличения доходных статей бюджета за счет повышения прямых и косвенных налогов, восстановления питейных откупов, девальвации упавших в цене ассигнаций.

Важной экономической мерой явилась проведенная Канкриным в 1839—1843 гг. *денежная реформа.* До этого в России шел двойной денежный счет — на ассигнационные рубли и рубли серебром, при этом курс ассигнаций подвергался постоянным колебаниям. С 1839 г. вводился твердый кредитный рубль, приравненный к 1 руб. серебром и обеспеченный золотой и серебряной монетой. Для этого в течение последующих четырех лет был создан необходимый запас в золоте и серебре путем скупки золотой и серебряной монеты, а также слитков драгоценных металлов. Манифестом 1 июня 1843 г. было объявлено начало обмена всех находившихся в обращении ассигнаций на государственные кредитные билеты из расчета 1 кредитный рубль за 3 руб. 50 коп. ассигнациями. К 1851 г. обмен был завершен. Всего было обменено около 600 млн. ассигнационных рублей на 170 млн. кредитных.

Реформа 1839—1843 гг. Канкрина на время укрепила денежную систему. Однако выйти из финансового кризиса правительство так и не смогло: к концу царствования Николая I, особенно в связи с резко возросшими расходами в годы Крымской войны, кредитные билеты начали падать в цене, внутренний и внешний государственный долг значительно возрос; в 1855 г. он почти в два раза превысил доходную часть государственного бюджета.

§ 7. Усиление политической реакции в 1848—1855 гг.

Революционные потрясения 1848-1849 гг. в Западной Европе произвели глубокое впечатление на Николая I. В самой России поднялась новая волна народного недовольства, усугубляемая стихийными бедствиями — эпидемией холеры, неурожаем и голодом, охватившими десятки губерний. В 1848 г. в стране было зафиксировано свыше 160 крестьянских бунтов. Были отмечены и акты революционного протеста. В Прибалтике, Литве и на Украине распространялись прокламации, призывавшие к свержению царизма. Николай I усматривал в этом влияние западноевропейских революционных потрясений и поставил своей задачей суровыми репрессивными мерами предотвратить вероятность развития подобных же событий и в России.

Ужесточение цензуры 1848—1855 гг. ознаменованы дальнейшим усилением реакционного политического курса самодержавия. Оно проявилось в первую очередь в ужесточении надзора за печатью и просвещением. С целью более эффективной борьбы с передовой печатью 27 февраля 1848 г. был создан "временный" *секретный комитет* под председательством А. С. Меншикова для

проведения ревизии цензурного ведомства. На основании выработанных им рекомендаций 2 апреля 1848 г. был учрежден постоянный "Комитет для высшего надзора за духом и направлением печатаемых в России произведений" под председательством военного историка Д. П. Бутурлина, по имени которого Комитет получил название бутурлинского. Этот Комитет рассматривал *уже прошедшие предварительную цензуру вышедшие в свет издания*. Его надзору подвергались все печатные издания, включая даже объявления, приглашения и извещения. Николай I поставил Бутурлину и его сотрудникам задачу: "Как самому мне некогда читать все произведения нашей литературы, то вы станете это делать за меня и доложите мне о ваших замечаниях, а потом мое уже дело будет расправляться с виновными".

За 1848—1854 гг. Комитет просмотрел свыше 10 тыс. книг, 9,5 тыс. литографированных изданий, многие десятки тысяч номеров газет и журналов. Тщательно просматривались учебные руководства, официальные издания, даже годовые отчеты ректоров университетов. Комитет осуществлял также тайный надзор за деятельностью органов цензурного ведомства, получив право наложения взысканий на цензоров, допустивших промахи.

Наступила пора настоящего "цензурного террора", когда подвергалась взысканиям даже такая благонамеренная газета, как "Северная пчела" Н. И. Греча и Ф. В. Булгарина. М. Е. Салтыков-Щедрин был сослан в Вятку за повесть "Запутанное дело". И. С. Тургенев за похвальный некролог о Н. В. Гоголе был в 1852 г. посажен в полицейскую часть, а затем сослан под надзор полиции в свое орловское имение. За резкие отзывы об остзейской администрации был посажен на несколько дней в Петропавловскую крепость Ю. Ф. Самарин. В марте 1853 г. И. С. Аксаков за неосторожные высказывания в издаваемом им "Московском сборнике" (органе славянофилов) был посажен под арест при III отделении, а издание сборника было запрещено. Прекратил свое существование и ряд других периодических изданий. По выражению А. С. Хомякова, "цензура сделалась неслыханным бичом, мысль и ее движение становятся теперь подозрительны, какое бы ни было их направление".

Были приняты меры для прекращения связей с Западной Европой. Иностранцам был запрещен въезд в Россию, а русским — выезд за границу. Находившиеся за границей русские подданные должны были возвратиться в Россию под страхом лишения российского подданства и конфискации имений. Начальству предоставлялось право без объяснения причин и принятия жалоб увольнять подчиненных им чиновников, признанных "неблагонадежными".

Реакционные меры в области высшего образования

Суровым ограничениям подверглось высшее образование. Были ликвидированы остатки университетской автономии, резко сокращен прием студентов в университеты, повышена плата за обучение, усиливался надзор за студентами и профессорами. Все лек-

ции и программы проходили строгую проверку. Деканам вменялось в обязанность проверять у студентов записи читаемых профессорами лекций. Из университетских программ были изъяты курсы политэкономии, философии и зарубежного права. В мае 1848 г. последовало распоряжение об ограничении числа студентов в университетах (не более 300 студентов на каждый университет).

Распространились слухи о возможном их закрытии. Слухи имели основания: Николаю I было подано несколько записок с проектами закрытия университетов, для рассмотрения этих проектов был даже создан специальный секретный комитет. Университеты оказались на краю гибели. Встревоженный министр народного просвещения С. С. Уваров инспирировал появление в "Современнике" статьи в защиту университетов. Николай I не решился пойти на закрытие университетов, но Уварову сделал выговор: "Должно повиноваться, а рассуждения свои держать при себе". Уваров вынужден был подать в отставку. Его заменил крайний ретроград и мракобес князь П. А. Ширинский-Шихматов. "Фрунтовики воссели на всех местах, и с ними воцарились невежество, произвол, грабительство, всевозможные беспорядки", — вспоминал об этом времени "мрачного семилетия" историк С. М. Соловьев.

Однако все эти реакционные меры не могли подавить распространения оппозиционных и демократических идей, которые особенно заявили о себе во время Крымской войны. Война явилась серьезным испытанием для николаевской политической системы, ее военной мощи, крепостной экономики. Система не выдержала этого испытания, что стало ясно уже в ходе войны даже такому видному идеологу "официальной народности" как историку М. П. Погодину, о чем он открыто заявил в своих "Историко-политических записках и письмах в продолжении Крымской войны".

Глава 7
Внешняя политика России во второй четверти XIX в.

§ 1. Внешнеполитические задачи России

Основные направления внешней политики

Во второй четверти XIX в. Россия оставалась крупным и сильным в военном отношении государством, способным эффективно решать свои внешнеполитические задачи. В начальные годы правления Николая I военно-техническое отставание России от Западной Европы еще не было так заметно, как впоследствии. Русская армия была многочисленной и считалась одной из лучших в мире. Дипломатическая служба, возглавляемая реорганизованным МИД, была разветвленной и достаточно дееспособной.

Россия поддерживала активные дипломатические отношения со всеми странами Европы, рядом государств Ближнего, Среднего и Дальнего Востока, Северо-Американскими Штатами, некоторыми бывшими колониями Испании и Португалии в Латинской Америке.

Внешняя политика России определялась ее национальными и геополитическими интересами, захватническими планами самодержавия. На ней сказывался и ход общего исторического развития, связанный с расширением национальных и освободительных движений, а также усилением колониальной экспансии капиталистических европейских государств. Огромное влияние на внешнюю политику России оказывали бурные революционные процессы в Западной Европе, направленные на окончательное уничтожение абсолютистских режимов.

Европейское направление определялось действовавшей Венской системой, закрепившей западную границу России, которая фактически полностью обеспечивала ее безопасность. Идея создания “буферной” Польши была рождена не капризом российских императоров, а событиями многовековой истории. Поэтому политика Николая I в Европе была направлена на сохранение полученных ранее территорий, укрепление новых границ, подчинение Польши и Прибалтики (в том числе и Финляндии) интересам российского государства. Борьба с революционной опасностью была вызвана не только идеологическими соображениями, но и необходимостью обеспечения европейской стабильности и сохранения неприкосновенности западной границы империи.

Во второй четверти XIX в. дружественными оставались политические отношения России с *северными странами Европы*. Большую роль играли ее связи со Швецией. Шведский король Карл XIV Юхан в целом поддерживал внешнеполитический курс России вплоть до предложения военной помощи в русско-турецкой войне 1828—1829 гг.

Если в силу исторических факторов (в первую очередь, затянувшихся наполеоновских войн) европейское направление в первой четверти XIX в. было основным для России, то в период царствования Николая I центральное место занял *восточный вопрос* — взаимоотношения с Османской империей и решение международных проблем, связанных с ее дальнейшим ослаблением. Для России чрезвычайно важными задачами были укрепление своих позиций на черноморском побережье и защита границ на юге страны. В экономическом и стратегическом отношениях Черное море приобретало для России все большее значение. В связи с этим важнейшей проблемой ее внешней политики было обеспечение наиболее благоприятного режима черноморских проливов — *Босфора и Дарданелл*. Свободный проход через них русских торговых судов способствовал экономическому развитию и процветанию огромных южных районов государства. *Недопущение* в Черное море иностранных военных судов также было одной из задач российской дипломатии.

Во взаимоотношениях России с Османской империей все большее значение приобретал тот факт, что в составе Турции находились многие христианские и славянские народы Балканского полуострова. Еще с конца XVIII в. по Кючук-Кайнарджийскому (1774) и Ясскому (1791) мирным договорам Россия получила *право покровительства* этим народам против мусульманского угнетения. Этим правом Россия не могла пренебрегать, так как население Балкан видело в ней своего единственного защитника и спасителя, а русская общественность глубоко сопереживала своим братьям по вере.

Еще одним направлением оставались взаимоотношения с Ираном, в которых особое место занимала проблема Закавказья (о взаимоотношениях с Персией[1] и Османской империей по проблемам Кавказа см. главу 8: Россия и Кавказ в первой половине XIX в.). Николай I, вступив на престол, получил в наследство от Александра I Закавказье, а также де-юре присоединенный, но не покоренный Северный Кавказ. Европейские государства, особенно Великобритания, рассматривали русские приобретения на Кавказе в первой четверти XIX в. как незаконные. Поэтому императору Николаю I пришлось продолжить политику своего брата для укрепления русского господства на Кавказе. В его царствование этот вопрос был фактически решен.

Во второй четверти XIX в. большее значение, чем раньше, приобрели *среднеазиатское* и *дальневосточное* направления. Политику России на Дальнем Востоке в александровскую эпоху нельзя назвать активной. Граница с Цинским Китаем была неустойчивой, неопределенной, однако тогда это мало волновало русское правительство. К середине XIX в. в Петербурге созрело понимание необходимости проведения более активной политики в этом регионе, закрепления в устье Амура. Эту идею поддерживали ряд поли-

[1] Персия — официальное название Ирана до 1935 г.

тических деятелей в центре, а также сибирская интеллигенция и купечество. Инициатором присоединения к России Приамурья выступал генерал-губернатор Восточной Сибири Н. Н. Муравьев-Амурский, получивший эту приставку к фамилии за свою эффективную деятельность на Дальнем Востоке и заключение Айгунского договора 1858 г. Колониальная политика западных держав по отношению к Цинской империи, "опиумная война" 1840—1842 гг. и подписание западными государствами неравноправных договоров с Китаем заставляли русское правительство уделять все большее внимание этому региону.

Средняя Азия в первой четверти XIX в. также мало занимала внимание российских дипломатов. Оренбургская укрепленная линия, отделявшая Россию от Малого и Среднего Жузов (Западный и Центральный Казахстан), вполне устраивала русское правительство. Во второй четверти XIX в. ситуация стала меняться. Россия начала активное изучение Средней Азии и подготовку своего продвижения в этот регион. Этому способствовало создание в 1819 г. Азиатского департамента МИД. Одна из военно-научных экспедиций была проведена в 1819 — 1820 гг. капитаном Н. Н. Муравьевым (будущий Муравьев-Карский). Бухару посетил горный инженер подполковник К. Ф. Бутенев.

К середине XIX в. в правящих кругах созрело понимание необходимости закрепления позиций России и в Средней Азии. Однако частичная неудача первого похода на Хиву, осуществленного в **1839 г.** отрядом под командованием генерал-адъютанта В. А. Перовского, и сильное противодействие Великобритании затормозили этот процесс на долгие годы.

Николай I как дипломат

В целом продолжая внешнеполитическую линию Александра I, Николай отличался от него как некоторыми внешнеполитическими воззрениями, так и методами решения международных проблем. В отечественной историографии сложилась точка зрения, что Николай не только поддерживал идею Священного союза, но и продолжал внешнюю политику в рамках этой организации. Однако фактически после смерти Александра I Священный союз как политическая система прекратил свое существование. Традиционно ориентируясь на Австрию и Пруссию, Николай в то же время занимал в отличие от своего брата более самостоятельную и гибкую позицию. Он был противником широких и помпезных международных конгрессов (за все годы своего правления не принял участия ни в одном из них), предпочитая двусторонние личные контакты с европейскими монархами и крупными политическими деятелями.

Основная идея Николая — *необходимость борьбы с "революционной заразой"* — во многом определяла его внешнеполитический курс в Европе и сужала поле для дипломатических маневров. Идеологизация внешней политики приобрела особый размах в ни-

колаевскую эпоху. Это фактически исключило Францию после революции 1830 г. из круга возможных союзников России. Вынужденный постоянно заниматься решением восточных проблем, Николай I колебался между политикой "status quo" — сохранения территориальной целостности Османской империи — и политикой раздела наследства "больного человека" (так в Европе рассматривали внутреннее состояние Турции) совместно с другими европейскими государствами. Однако идея создания общеславянской конфедерации (о чем мечтали некоторые политические деятели начала века) была для него чужда. Будучи русским националистом в лучшем смысле этого слова, он заботился прежде всего о могуществе России. Поддержка балканских народов осуществлялась лишь в той степени, которая отвечала интересам России.

В отношении присоединенных и покоренных народов он проводил сдержанную, дифференцированную политику, учитывал их национальные, религиозные и культурные особенности.

В первые десятилетия своего царствования Николай был дальновидным и расчетливым политиком, гибким дипломатом, умевшим занять решительную и твердую позицию по принципиальным вопросам. Нередко зарвавшиеся в своих претензиях к России западные политические деятели наталкивались на резкую отповедь и вынуждены были отступать. Однако в последние годы царствования (после подавления революций 1848—1849 гг.) Николай все больше утрачивал понимание политических реалий. Он возомнил себя арбитром Европы, необоснованно полагал, что Австрия и Англия полностью поддерживают его внешнеполитический курс, принимал решения, несоответствовавшие общей международной ситуации, внутри- и внешнеполитическому состоянию России, ее военному потенциалу.

Во время правления Николая во главе российского МИД продолжал оставаться Карл Васильевич Нессельроде, получивший чин вице-канцлера (с 1845 г. — канцлера) и графский титул. Как и в годы правления Александра I, главной целью внешней политики России он считал решительное противодействие европейскому революционному движению. Для этого он пытался реанимировать Священный союз, а также активно способствовал русско-австрийскому и русско-прусскому сближению. В 1849 г. он поддержал интервенцию против венгерской революции. Накануне Крымской войны он не смог верно оценить внешнеполитические позиции европейских государств. В результате Россия оказалась в международной изоляции. Будучи министром Николая I, проявлял бóльшую осторожность, чем император, пытался избегать конфликтных ситуаций с европейскими державами. В отечественной историографии существуют споры о степени влияния Нессельроде на внешнеполитический курс России. Преобладает точка зрения о его несамостоятельности, полной зависимости от взглядов императора и сильного влияния на него австрийского канцлера К. Меттерниха. После за-

ключения Парижского мирного договора 1856 г. Нессельроде был уволен в отставку.

На выработку и осуществление внешнеполитического курса России оказывали влияние военный министр А. И. Чернышев (1832—1852), министр финансов Е. Ф. Канкрин (1823—1844), приближенные к Николаю I генерал-адъютанты. Хотя они не были кадровыми дипломатами, но в условиях военно-бюрократической николаевской системы нередко выполняли важные дипломатические миссии. По поручению императора А. Ф. Орлов осуществлял связи с европейскими правительствами во время революций 1830 г., подписал Ункяр-Искелесийский договор 1833 г., в 1856 г. возглавлял русскую делегацию на Парижском мирном конгрессе. А. С. Меншиков, морской министр (1836—1856), возглавлял в 1853 г. чрезвычайное посольство в Константинополь. Н. Н. Муравьев (Карский) в 1833 и 1838—1839 гг. осуществлял специальные миссии в Константинополь и Александрию. Будучи наместником Кавказа, в 1855 г. (после взятия крепости Карс) он вел переговоры с турецкими представителями по пограничным вопросам. Непосредственное влияние на Николая I оказывал его личный друг граф И. Ф. Паскевич, генерал-фельдмаршал, занимавший посты наместника на Кавказе, а затем — в Польше.

Во второй четверти XIX в. внешняя политика в России по-прежнему имела закрытый характер. Общественность и пресса не оказывали на нее влияния. Все важнейшие решения принимал император. Внешнеполитические вопросы обсуждались в Секретных комитетах и на совещаниях, участников которых назначал сам Николай I.

Несмотря на эффективность русской дипломатической службы, в эпоху Николая I ей были присущи серьезные просчеты и непростительные ошибки. В первую очередь, это было вызвано тем, что дипломаты, возглавлявшие важнейшие русские представительства (в большинстве иностранцы), заботясь о личной карьере и желая польстить Николаю, часто грешили в своих донесениях против истины, выдавали желаемое за действительность и создавали в Петербурге неправильное представление о международной ситуации. Этим “прославился” многолетний посол в Лондоне Ф. И. Бруннов. Его донесения в 40-х годах и особенно накануне Крымской войны фальсифицировали позицию Великобритании и в значительной степени дезориентировали русское правительство.

§ 2. Восточный вопрос во внешней политике России в 1825—1853 гг.

Во второй половине 20-х годов центральное место в политике России занимала *проблема взаимоотношений с Османской империей,* особенно обострившаяся в связи с продолжавшимся греческим восстанием. К моменту воцарения Николая I греческие пат-

риоты оказались в тяжелейшем положении. Они терпели крупные поражения от турецких и пришедших к ним на помощь египетских войск. Одновременно безрезультатно закончилась Петербургская конференция европейских держав, работавшая с июня 1824 по апрель 1825 г. Вена, Берлин и Париж уклонились от призыва Петербурга осуществить вмешательство держав для стабилизации положения на Ближнем Востоке и спасения Греции. Уже в последние месяцы жизни Александра I Россия похоронила идею общеевропейского соглашения по этому вопросу.

С воцарением Николая I начались активные переговоры между Россией и Великобританией. Они завершились подписанием *Петербургского протокола* в апреле **1826 г.**, по которому Греция должна была получить автономию, а ее население — свободу торговли, защиту собственности и право выкупать землю у турецких владельцев. Протокол предусматривал возможность вооруженного выступления двух держав в пользу Греции, а также, что было особено важно для России, возможность ее "единоличного вмешательства во внутренние дела Османской империи с целью защиты греков". Петербургский протокол означал победу России и первый дипломатический успех Николая I. В Англии он был воспринят неодобрительно, а лорд А. Веллингтон, его подписавший, подвергся критике своих коллег по кабинету. Английское правительство, поняв достигнутые Россией преимущества, всячески тормозило реализацию на практике этого соглашения.

Подписание русско-английского Петербургского протокола внесло изменение в расстановку сил на международной арене и дало России возможность самостоятельно выступить против Турции. В результате в **октябре 1826 г.** была подписана *Аккерманская русско-турецкая конвенция,* обязавшая Турцию соблюдать политические условия Бухарестского мирного договора 1812 г. — особые привилегии Дунайских княжеств и внутреннее самоуправление Сербии. Было оговорено право нечерноморских государств, торговавших с Россией, свободно проводить свои корабли через Босфор и Дарданеллы.

Аккерманская конвенция заставила западные державы активизировать свои действия для решения греческого вопроса. В **июле 1827 г.** Россия, Англия и Франция заключили *Лондонскую конвенцию.* В ней вновь провозглашался принцип автономии Греции и предусматривалась возможность применения насильственных мер против Порты. России, как и по Петербургскому протоколу, предоставлялось право самостоятельно выступать в защиту греков, опираясь на согласованные решения держав. Турция отвергла ультиматум союзников, а ее войска продолжали боевые действия и овладели большей частью Пелопоннесского полуострова.

После этого к юго-западному берегу полуострова Пелопоннес была послана русско-англо-французская эскадра, которая разгромила турецко-египетский флот в Наваринской бухте **8 (20) октября**

1827 г. Морское поражение Турции напугало Англию и Францию. Они выступили с заявлением о прекращении военных акций против Турции. Ободренная этим решением Порта закрыла проливы для прохода русских торговых судов. В декабре 1827 г. она обратилась к своим подданным с воззванием начать джихад — священную войну с неверными. В результате русско-турецкие отношения были полностью разорваны. Русский посол покинул Константинополь. **26 апреля (8 мая) 1828 г.** Россия объявила войну Османской империи.

Русско-турецкая война 1828—1829 гг.

Обе стороны не были подготовлены к военным действиям. В русской Дунайской армии в полной мере проявились последствия аракчеевщины. К началу войны российская армия не имела ни продовольствия, ни обмундирования, ни оружия, достаточных для ведения длительной кампании. Вооружение армии требовало серьезного усовершенствования и обновления. Несмотря на указанные недостатки, русская армия превосходила турецкую как по боевому мастерству, так и по моральному духу. Этим, как обычно, выгодно отличались от турецких русские солдаты.

Главный штаб делал ставку на Балканский театр военных действий, надеясь, что само появление русских войск за Дунаем заставит Порту искать мира. Эти надежды не оправдались. 100-тысячная русская армия под командованием П. Х. Витгенштейна перешла пограничную реку Прут и вторглась на территорию княжества Молдова. Далее русские войска заняли Яссы и Бухарест. Однако турки упорно сопротивлялись.

Как и в ходе русско-турецкой войны 1806-1812 гг., активно действовал русский военно-морской флот. Балтийская эскадра под командованием вице-адмирала Л. П. Гейдена, находившаяся у берегов Греции в Средиземном море, блокировала Дарданеллы. Черноморский флот во главе с вице-адмиралом А. С. Грейгом оказывал существенную поддержку русским сухопутным войскам при взятии Анапы (черноморское побережье Кавказа) и Варны на побережье Болгарии. Он фактически сковал действия турецкой эскадры на Черном море.

После затяжных и упорных боев, продолжавшихся с апреля 1828 до весны 1829 г., России наконец удалось овладеть стратегической инициативой. Были захвачены крепости Шумла и Силистрия. Летом 1829 г. русские войска перешли через Балканы. 8 (20) августа турки без боя сдали Адрианополь (Эдирне), что означало приближение конца войны.

Наиболее боеспособными оказались части Отдельного Кавказского корпуса, который имел богатые боевые традиции, среди его офицеров и рядовых находилось немало представителей передовой интеллигенции, бывших декабристов. На Кавказском театре военных действий были достигнуты значительные успехи: в июле 1828 г. русские войска овладели Анапой — оплотом турок на Западном

Кавказе; одновременно пала мощная турецкая крепость Карс в Западной Армении; в течение лета 1828 г. Кавказская армия заняла Карский, Ахалцихский и Баязетский пашалыки.

Таким образом, летом 1829 г. Турция потерпела поражение на Балканах и на Кавказе. Европейские державы были крайне обеспокоены подобным развитием событий. К. Меттерних выступил с идеей немедленного созыва международного конгресса. Однако, пытаясь предотвратить взятие русскими войсками столицы Османской империи, султан Махмуд II санкционировал начало двусторонних переговоров о мире. К заключению мира стремилась и Россия. Русские войска были крайне утомлены, обескровлены в боях, страдали от массовых желудочных заболеваний. Николай I не ставил задачу овладения турецкой столицей, что могло вызвать новые серьезные международные осложнения. В **августе 1829 г.** начались мирные переговоры в Адрианополе.

Адрианопольский мирный договор

Он был подписан **2 (14) сентября 1829 г.** со стороны России А. Ф. Орловым и Ф. П. Паленом, со стороны Турции — Мехмед Садык-эфенди и Абдул Кадыр-беем. Договор завершил русско-турецкую войну 1828-1829 гг., закрепил успехи русского оружия на Балканах и Кавказе. Россия приобрела следующие территории: дельту Дуная, черноморское побережье Кавказа от Анапы до Поти, крепости Ахалцих и Ахалкалаки, Восточную Армению. Порта отказалась от претензий на ранее отошедшие к России земли в Закавказье. Фактически был завершен длительный процесс присоединения к России большей части территории Закавказья и формирования границы в этом регионе. Договор предусматривал ряд политических условий: гарантировалась широкая автономия для Греции; подтверждались автономные права Сербии и Дунайских княжеств; провозглашалась свобода торговой навигации в проливах. Турция обязывалась выплатить контрибуцию за нанесенные русским подданным убытки.

Адрианопольский договор имел важные исторические последствия не только для национальных интересов России, но и для судеб закавказских и ряда балканских народов. Он способствовал дальнейшему развитию национально-освободительного движения на Балканах. В 1830 г. Греция провозгласила свою полную независимость. Выросли влияние и авторитет России у южнославянских народов. Русско-турецкие отношения на длительный период стабилизировались.

Россия и международные отношения на Ближнем Востоке в 30—40-е гг. XIX в.

После заключения Адрианопольского мирного договора восточный вопрос продолжал занимать важное, если не центральное, место во внешней политике России. Особое значение имела *проблема международно-правового режима черноморских проливов*. Развитие южных районов страны и расширение чер-

номорской торговли прямо зависели от возможности беспрепятственного прохода русских торговых судов через Босфор и Дарданеллы. Это наглядно продемонстрировал кризис в русско-турецких отношениях в конце 20-х годов. Проливы имели также важное стратегическое значение. Свободный проход иностранных военных кораблей в Черное море представлял существенную опасность для южных рубежей России.

Не менее важной была и *балканская проблема,* включавшая необходимость укрепления возросшего авторитета Российской империи. В 30—40-е годы XIX в. России пришлось столкнуться с все возраставшим противодействием ее политике на Ближнем Востоке со стороны европейских держав, в первую очередь, Великобритании.

Политика России в отношении Османской империи была определена в конце русско-турецкой войны на заседании Особого комитета по восточным делам. Турция продолжала рассматриваться в Петербурге как слабый и поэтому удобный сосед, поддержка существования которого признавалась наиболее выгодной политикой. После войны был взят курс на установление и укрепление русско-турецких межгосударственных отношений: досрочно выведены русские войска из Дунайских княжеств, сокращены размеры контрибуции, которую Порта выплачивала России по Адрианопольскому мирному договору.

Однако положение Турции продолжало оставаться шатким. В **1832 г.** возник первый *турецко-египетский конфликт*. Паша Египта, номинально находившегося в составе Османской империи, Мухаммед Али (главный в то время носитель сепаратистских тенденций) начал военные действия против султана. Слабая турецкая армия была разгромлена египетскими войсками. Османской империи грозил распад. В связи с этим Порта обратилась за помощью к европейским кабинетам. С этого момента внутреннее состояние Турции на длительный период стало острой международной проблемой. Восточный кризис начала 30-х годов разразился в период затухания революционных процессов в Европе, окончательного подавления польского восстания Россией и в обстановке стабилизации на Западе. Поэтому как Россия, так и другие европейские государства могли сосредоточить все свое внимание на восточных делах.

Великие державы придерживались политики сохранения “status quo” на Ближнем Востоке и поддержки целостности Османской империи. Однако это общее направление политики не исключало противоречий между европейскими государствами, каждое из которых стремилось получить политические и экономические преимущества в Турции. Просьба султана о помощи не нашла немедленного отклика у западных держав. Франция, тесно связанная с Мухаммедом Али, тянула время и не спешила с ответом Порте. Английский государственный секретарь лорд Г. Пальмерстон не

хотел из-за сложной обстановки внутри страны (в 1833 г. в правительстве и парламенте шли ожесточенные споры по ряду внутриполитических вопросов) вмешиваться в турецко-египетский конфликт и не проявлял никакой инициативы. Впоследствии эта позиция британского министра иностранных дел была оценена в парламенте и правительстве как ошибочная.

В этих условиях Россия, единственная из европейских держав, выступила в защиту целостности Османской империи. Это решение диктовалось, с одной стороны, общей политической линией русского правительства на сохранение устойчивости Турции, с другой — стремлением укрепить русско-турецкие отношения и усилить русское влияние в Константинополе.

На Ближний Восток Николаем I в спешном порядке был послан генерал-адъютант царя Н. Н. Муравьев для вручения ультиматума египетскому паше с требованием прекратить поход на Константинополь. Вслед за этим на Босфор прибыл 30-тысячный русский десантный отряд для защиты турецкой столицы. Западноевропейские державы восприняли этот факт крайне болезненно. Они использовали все свое влияние для заключения скорейшего мира между Турцией и Египтом, требовали вывода русских войск с берегов Босфора. В мае 1833 г. было достигнуто турецко-египетское соглашение.

Несмотря на это, турецкое правительство, напуганное египетской агрессией, предложило России через чрезвычайного посла Николая I в Константинополе А. Ф. Орлова заключить союзный договор о дружбе и взаимопомощи. Поэтому версия, созданная западной историографией о принудительном характере русско-турецкого соглашения, не имеет под собой никаких оснований. Инициатива Порты была активно поддержана Николаем I. *Договор* был подписан **26 июня (8 июля) 1833 г.** в местечке *Ункяр-Искелеси* под Константинополем на 8 лет. Он подтверждал Адрианопольский мирный договор 1829 г. и другие русско-турецкие договоры и соглашения. Была гарантирована помощь Турции со стороны России в случае нового турецко-египетского конфликта. Россия обязалась предоставить в распоряжение Порты необходимое количество вооруженных сил "в случае, если бы возникли обстоятельства, могущие снова побудить Блистательную Порту требовать от России воинской и морской помощи". Взамен Россия получила наиболее выгодный для нее режим черноморских проливов. По отдельной секретной статье султан брал на себя обязательство закрывать по требованию России Босфор и Дарданеллы для прохода военных кораблей западноевропейских держав в Черное море. Ункяр-Искелесийский договор был крупным успехом русской дипломатии на Ближнем Востоке. Он на некоторое время ослабил влияние западноевропейских держав в Турции и усилил русские позиции в Константинополе.

Совместные попытки Англии, Франции и Австрии дезавуировать Ункяр-Искелесийский договор кончились неудачей. Именно в этот момент Николай I проявил политическую твердость и в угрожающей ноте отверг претензии западных держав. Мало того, используя противоречия между ними, русское правительство пошло на решительное сближение с Австрией, стремясь отколоть ее от враждебного блока и опереться на нее в решении восточного вопроса. В **сентябре 1833 г.** между Россией и Австрией была подписана *конвенция* в *Мюнхенгреце* (современная территория Чешской республики). Мюнхенгрецкая конвенция содержала гарантии целостности Османской империи и договоренность о совместных действиях сторон в случае ниспровержения существовавшего в Турции порядка. Австрия таким образом де-юре признала Ункяр-Искелесийской договор.

Мюнхенгрецкая конвенция была единственной уступкой Запада в восточной политике Николая I. После первого турецко-египетского конфликта и подписания Ункяр-Искелесийского договора европейские державы, с одной стороны, усилили свое проникновение в Турцию, с другой, — начали активную борьбу против этого соглашения и сложившегося режима проливов. Лорд Г. Пальмерстон прямо заявил в парламенте, что уничтожение Ункяр-Искелесийского договора является главной задачей британской политики на Ближнем Востоке. Именно в этот период усилилось экономическое закабаление Османской империи Великобританией и Францией. В 30—40-е годы XIX в. импорт в Турцию британских и французских товаров вырос в 5—7 раз. Конкуренция Англии и Франции на турецких рынках порождала их политические противоречия. Великобритания стремилась утвердиться в Константинополе, Франция — распространить свое влияние в Египте, Сирии и Ливане. Австрия, занимая третье место по ввозу товаров в Турцию, пыталась закрепиться на Балканском полуострове, используя Дунай как торговую артерию.

Во второй половине 30-х годов окончательно сформировались два узла противоречий на Ближнем Востоке — между западными державами и Россией за преобладающее политическое влияние в Константинополе и англо-французские колониальные противоречия в Египте, Сирии и Ливане. Австрийская политика, несмотря на достигнутое соглашение с Россией, была также направлена на ослабление ее позиций на Балканах. Однако главным антагонистом России на Ближнем Востоке выступала Великобритания. Она делала все возможное для восстановления своих пошатнувшихся позиций в Константинополе. В 1838 г. Англии удалось навязать Турции экономическое соглашение, открывавшее широкую дорогу для ее дальнейшей торговой экспансии на Ближнем Востоке. В Константинополе Англия оказывала значительную поддержку турецким политическим деятелям, осуществлявшим реформирование страны (танзимат). Одновременно в британской прессе и публицистике

была развернута антирусская кампания с целью запугивания общественности пресловутой “русской угрозой”. На определенное время британское правительство создало обстановку русофобии. К концу 30-х годов западным державам путем экономического и политического давления на Порту удалось ослабить русские позиции в Константинополе.

В **1839 г.** начался второй *турецко-египетский конфликт.* В короткое время военные действия вновь завершились полным разгромом турецкой армии и переходом ее флота на сторону противника. Конфликт быстро перерос в общеевропейский кризис. Учитывая печальный опыт 1833 г., все великие державы немедленно вмешались в турецко-египетскую распрю. Однако их позиции не были однозначными: Англия и Австрия выступили на стороне султана, Франция поддержала Мухаммеда Али, стремясь обеспечить независимость Египта от Турции.

В ходе кризиса *ближневосточная программа* России претерпела значительные изменения. До конца 30-х годов XIX в. русское правительство предпочитало сохранять “свободу рук” на Ближнем Востоке и не терпело вмешательства в русско-турецкие отношения других европейских держав. Проблему проливов оно также рассматривало как вопрос взаимоотношений между двумя черноморскими державами — Россией и Турцией. Ослабление позиций России к началу второго турецко-египетского кризиса заставило ее отказаться от политики “свободы рук” и искать союзников для решения восточного вопроса. Выбор Николая I и его окружения ошибочно пал на Англию, которую русское правительство вплоть до Крымской войны рассматривало как благожелательную сторону в международных делах на Ближнем Востоке. Подобная позиция, с одной стороны, вытекала из непримиримой враждебности Николая I к Франции после революции 1830 г., а с другой — из англо-французского колониального антагонизма в Египте и Сирии. Одновременно Николай понимал, что Англия являлась единственным возможным союзником в решении восточного вопроса. Это усугублялось тем, что К. В. Нессельроде и посол в Лондоне Ф. И. Бруннов в период второго турецко-египетского кризиса предоставляли Николаю I неверную информацию о позиции Великобритании. Нессельроде в целом негативно относился к Ункяр-Искелесийскому договору, считая его источником международных осложнений, и стремился к общеевропейскому соглашению по режиму черноморских проливов.

Великобритания блестяще использовала новую международную ситуацию для ослабления позиций Франции в странах Леванта (современные Сирия и Ливан) и России — в Константинополе.

В **1840—1841 гг.** были заключены *две Лондонские конвенции* по восточному вопросу. *Первая* (**1840**) была направлена против Франции и Египта. Ее подписали Англия, Россия, Австрия и Пруссия, которые выступили гарантами целостности Турции и противника-

ми египетской независимости. Конвенция впервые провозгласила международный принцип закрытия проливов для военных кораблей России и других европейских государств, “пока Порта находится в состоянии мира”. В силу конвенции 1840 г. состоялась англо-австрийская военная экспедиция в Сирию для приведения к покорности султана Мухаммеда Али. Россия от участия в ней была отстранена. Эта экспедиция нанесла удар по стремлению Мухаммеда Али к независимости, подорвала французское влияние на Ближнем Востоке и помогла Англии утвердиться в Сирии и Ливане. Николай I был удовлетворен итогами соглашения, так как считал, что оно обеспечило политическую изоляцию Франции.

Расчеты Николая не оправдались. В **1841 г.** после успешного разрешения турецко-египетского кризиса и полного приведения к покорности Мухаммеда Али была подписана *вторая Лондонская конвенция* с участием Франции. Она целиком касалась судоходного режима Босфора и Дарданелл. Судоходство в проливах ставилось под международный контроль, провозглашался принцип их закрытия для военных кораблей всех европейских держав в мирное время. Этот документ свидетельствовал об ослаблении Османской империи, ее неспособности удержать проливы только под своим контролем, об усилении вмешательства великих держав во внутренние суверенные дела Турции.

Конвенция 1841 г., фактически заменившая Ункяр-Искелесийский договор, лишила Россию права решать свои отношения с Турцией в вопросе о проливах путем двусторонних актов и изолировала ее флот в черноморском бассейне. Соглашение не обеспечивало также безопасности южных рубежей империи: так, в случае начала военных действий Порта могла открыть проливы для кораблей иностранных держав. Лондонская конвенция 1841 г. прочно закрыла выход военного флота России в Средиземное море вплоть до 20—30-х годов XX столетия. Что касается иностранных военных судов, то они беспрепятственно проходили через проливы во время Крымской кампании 1853-1856 гг. и первой мировой войны 1914—1918 гг.

Русское правительство довольно быстро разобралось в сложившейся ситуации и начало осуществлять политику, направленную на изменение нового режима проливов. Возможность реализовать эту задачу Николай I видел при естественном распаде Османской империи под влиянием внутренних факторов, которого он ждал с нетерпением. В связи с этим российское правительство посчитало необходимым договориться с Великобританией о совместных действиях на случай окончательного распада Османской империи. Они сводились, по замыслу Николая, к одновременному десанту русских сухопутных сил на Босфоре и английских военно-морских в Дарданеллах. Однако Англия эти предложения отвергла. Николай I во время визита в Лондон в **1844 г.** в переговорах с новым министром иностранных дел Дж. Эбердином поставил вопрос о разделе

Османской империи при возможной смерти "больного человека". Эта идея была встречена в Лондоне весьма прохладно. Британский МИД даже не ответил на меморандум К. В. Нессельроде, направленный в Лондон после окончания визита Николая I и содержавший попытку доказать, что в Лондоне были достигнуты определенные договоренности. Вновь, как и в 1840—1841 гг., МИД России выдавал желаемое за действительное.

По возвращении к власти Г. Пальмерстона в 1846 г. началось заметное охлаждение русско-английских отношений непосредственно по решению проблем восточного вопроса. В то же время продолжало укрепляться англо-французское единение. Их тесный союз впервые в истории был назван "сердечным согласием" (entente cordiale — франц.). Он основывался на общей враждебности к России. Подобная расстановка сил на Ближнем Востоке в целом фиксировала исторически складывавшееся положение вещей, связанное с внутренним ослаблением России.

В тот же период постепенно уменьшалось влияние России на Балканах. В 30-е годы ее авторитет в этом регионе был чрезвычайно высок. Для сербов, черногорцев, греков, молдаван, валахов и болгар Россия оставалась неизменной их защитницей и покровительницей. И действительно, в первой половине 30-х годов XIX в. Россия активно боролась за соблюдение Портой обязательств по отношению к балканским народам, участвовала во внутренних преобразованиях молодых государств, оказывала им материальную помощь, способствовала решению пограничных вопросов.

К концу 30 — началу 40-х годов ситуация стала меняться. В новых государственных образованиях на Балканах развивались капиталистические отношения. Опека России, зачастую осуществлявшаяся в форме открытого вмешательства во внутренние дела молодых государств, стала тяготить их и порождала стремление избавиться от обременительного контроля. Усиление консервативных тенденций во внешней политике России также способствовало потере ее былых позиций на Балканах.

Отношения с Сербией стали портиться в середине 30-х годов. Посланный со специальной миссией в Белград флигель-адъютант барон Будберг действовал грубо и бестактно, советовал князю Милошу Обреновичу сохранять покорность Порте и не стремиться к расширению автономии. Это привело к постепенному отходу Сербии от ориентации на Россию. В конце 30-х годов в Сербии усилилось английское, а затем французское и австрийское влияние, особенно после смены династии Обреновичей и прихода к власти в 1842 г. Александра Карагеоргиевича.

Англия и Франция укрепились в Греции после греческой революции 1843 г. и установления в ней конституционной монархии. Отрицательное отношение Николая I к этой революции оттолкнуло греков от России. Лишь год спустя она признала новую политиче-

скую систему Греции, но фактически не вмешивалась в ее внутренние дела и англо-французское соперничество в этой стране.

Свидетельством ослабления русского влияния на Балканах стала постепенная утрата связей между Россией и Дунайскими княжествами. С 1829 по 1834 гг. граф П. Д. Киселев проводил реформы в Молдове и Валахии. Были приняты действенные меры по борьбе с болезнями и голодом, благоустройству городов, учреждению полицейской и почтовой служб. В 1834 г. П. Д. Киселев вернулся в Россию, а русские войска покинули княжества. С одной стороны, это способствовало дальнейшему укреплению дружественных русско-турецких отношений, с другой, — замене в этом регионе русского влияния на французское.

В 30—40-е годы Болгария оставалась для России закрытой территорией: там безраздельно господствовали турецкие власти. Однако борьба болгарского народа за автономию по примеру других балканских государств вызывала сочувствие у русской общественности. Связи с Болгарией осуществлялись посредством сотрудничества русской православной и болгарской автокефальной церквей. В 40-е годы XIX в. болгарская молодежь начала получать высшее образование в университетах России. В начале 50-х годов от болгар в Россию поступил ряд прошений с просьбой о помощи и поддержке в борьбе против османского ига. Более тесные связи России с Болгарией сложились только во второй половине XIX в.

К началу 50-х годов России удалось сохранить свое влияние лишь в Черногории, которая, став княжеством в 1851 г., стремилась поддерживать тесные контакты с Петербургским кабинетом.

Таким образом, политические успехи России на Ближнем Востоке, достигнутые в 30-е годы XIX в., постепенно сошли на нет, что явилось одной из причин обострения восточного вопроса в начале 50-х годов.

§ 3. Россия и Европа в 30—40-е годы XIX в.

Начало 30-х годов XIX в. было насыщено крупными событиями на *европейском* направлении внешней политики России. В 1830—1831 гг. по Европе прокатилась волна революций. Она коснулась и самой Российской империи: против нее поднялась стремившаяся к независимости Польша. Хотя русское правительство рассматривало польские дела как свои внутренние, восстание повлияло на внешнюю политику и международное положение империи.

Революции на западе Европы оказали сильное воздействие на общеевропейскую ситуацию и позицию России. Восстание в Париже в июле 1830 г. вынудило Карла X Бурбона отказаться от престола. К власти пришел ставленник французской буржуазии Луи Филипп Орлеанский. Революция во Франции вызвала резко негативную реакцию Николая. Он думал о возможности контрреволюцион-

ной интервенции, предпринимал с этой целью осторожные дипломатические демарши. В глазах Николая I Луи Филипп был “фальшивым” монархом, узурпировавшим законные права на французский трон, принадлежавшие династии Бурбонов. Однако восшествие на престол Луи Филиппа положило конец дальнейшему развитию революции во Франции. Поэтому мысль об интервенции, неподдержанная другими европейскими государствами, была оставлена. Затем последовала отмена прежде введенного запрета на допуск в российские порты французских судов под трехцветным флагом французской революции. Сотрудникам российского посольства было позволено остаться в Париже.

Через месяц после того, как три главных европейских кабинета (Англии, Австрии и Пруссии) признали Луи Филиппа в качестве главы французского государства и короля, в начале октября 1830 г. Россия также была вынуждена присоединиться к этому решению. Несмотря на это, Николай I окончательно не признал легитимность нового французского короля и в подписанных им письмах наотрез отказывался именовать адресата своим “братом”. После революции 1830 г. отношения между Россией и Францией были испорчены на длительный период.

Международное положение в Европе продолжало оставаться крайне напряженным. Вспыхнувшее в конце августа 1830 г. народное восстание в Брюсселе положило начало бельгийской буржуазной революции. В октябре 1830 г. временное правительство в Брюсселе провозгласило свою независимость от Нидерландского королевства. Бельгийская революция вызвала в Петербурге более острую реакцию, чем французская, так как возникли боязнь посягательства Франции на Бельгию и опасность всеобщей европейской войны. Русское правительство, демонстрируя свою верность легитимистским принципам (тем более, что сестра Николая Анна Павловна была женой наследника нидерландского трона), настаивало на интервенции в Бельгию и призывало к этому другие европейские державы. В Петербурге надеялись, что подавлением бельгийской революции займутся Англия и Пруссия, которым Россия окажет моральную поддержку. Однако она вновь осталась в одиночестве. Англия и Франция признали независимость Бельгии. Горячее желание Николая прийти на выручку королю Нидерландов оказалось невыполнимым: не были готовы войска, казна не выдержала бы подобного испытания.

В ноябре 1830 г. началось польское восстание, что заставило Николая окончательно отказаться от интервенции в Бельгию и переключить свое внимание на подавление восстания в Польше. Николай I был даже вынужден временно ограничить свое вмешательство в дела западных стран и перейти к проведению более умеренной европейской политики. Дальнейшая судьба Бельгии решалась фактически без участия России. Революционные волнения в итальянских герцогствах и Папской области весной 1831 г., направлен-

ные против Австрии, вызвали также лишь дипломатические демарши России. От идеи о вооруженной интервенции в Европу пришлось окончательно отказаться. Войска, подготовленные на случай всеобщей войны в Европе, в итоге были брошены в Польшу.

После завершения революционных событий в Европе и подавления польского восстания русская дипломатия предприняла меры по укреплению союзнических отношений с абсолютистскими Австрией и Пруссией. Первой в серии соглашений с этими странами была *Берлинская конвенция,* подписанная ими в **марте 1833 г.** Она получила название "Берлинских статей". Они обязывали держав-участниц придерживаться общей согласованной позиции в бельгийско-голландских делах, оказывать содействие нидерландскому монарху и защищать неприкосновенность его территории.

Вторая *Мюнхенгрецкая конвенция* **1833 г.** (первая касалась восточного вопроса), подписанная Россией и Австрией 18 (30) сентября, предусматривала взаимную гарантию неприкосновенности польских владений каждой из сторон и обязательство оказывать друг другу военную помощь в случае восстания в польских землях. В **октябре 1833 г.** в Берлине между Россией, Пруссией и Австрией был заключен договор, по которому каждый из участников мог получить помощь в случае "внутренних смут" или внешней опасности. В отечественной историографии этот договор рассматривается как малоудачная попытка реанимации Священного союза, поскольку в него вновь был включен пункт о праве союзников на интервенцию в случае дальнейшего развития революционных событий в Европе. Внутри этого охранительного блока сразу дали себя знать глубокие противоречия. В 1834 г. под эгидой Пруссии был создан Германский таможенный союз, в который вошла половина малых немецких государств. Это обострило взаимоотношения Пруссии и Австрии. Одновременно Россия пресекла попытки Пруссии шире раскрыть российские рынки для германского торгового капитала. Однако боязнь новых революционных потрясений в Европе продолжала оказывать умиротворяющее воздействие на отношения трех монархий. Мюнхенгрецкие и Берлинские конвенции 1833 г. углубили противоречия России с Англией и Францией, способствовали дальнейшему сближению этих стран.

1848 г. принес в Европу новые мощные революционные потрясения. В феврале началась революция во Франции. Она сразу нашла отклик в германских государствах (Бадене, Баварии, Пруссии), позднее — в юго-западной Германии. В марте 1848 г. началась революция в Венгрии против национального гнета Австрии. Одновременно вспыхнуло восстание в самой Вене против абсолютной власти Габсбургов и реакционной политики К. Меттерниха. Он был вынужден уйти в отставку и бежать из Вены. Выступления произошли и в других частях многонациональной Австрийской империи (Галиции, Воеводине, Хорватии). Революционная волна прока-

тилась практически по всей Европе (в Италии, Дунайских княжествах и др.).

Революционные события 1848 г. не были уж столь неожиданными для Николая I и его правительства. Назревание острого политического кризиса в Европе было очевидным. Лишь скорость и широта распространяемых на Западе революционных процессов застали русское правительство врасплох. "Господа, седлайте коней, во Франции — республика!" С такими словами обратился Николай I к офицерам, присутствовавшим в феврале 1848 г. на балу у наследника престола. Эта легендарная фраза (ее достоверность не доказана) отражала эмоциональные чувства императора, но отнюдь не соответствовала политическим реалиям. Как и в 1830 г., Россия прежде всего пыталась обеспечить солидарность европейских кабинетов в борьбе с революцией. Однако в Австрии реакционный режим потерпел поражение, Англия как всегда уклонялась от решительных действий, а Пруссия пыталась приостановить распространение революции на Германию путем перехвата у революционеров национальных объединительных лозунгов. Таким образом, императорская Россия — как единственный оплот консерватизма и легитимизма — осталась в полной изоляции.

Это заставило Николая I занять более осторожную позицию. В самой России было неспокойно: в 1848 г. в стране разразился голод, вспыхивали многочисленные пожары в городах, сложилась взрывоопасная обстановка в Польше. Поэтому по отношению к революционной Франции проводилась взвешенная и осторожная политика. Если в начале революции русский посланник и все русские подданные получили приказ покинуть Париж, то уже в апреле 1848 г. разрыв отношений был приостановлен. Николай I согласился принять доверенное лицо французского премьер-министра А. Ламартина и восстановил отношения с Францией. Русское правительство приветствовало приход к власти во Франции генерала Е. Кавеньяка. В начале **мая 1849 г.** императорское правительство официально признало Вторую республику.

Иная реакция России последовала на революцию в Дунайских княжествах. Россия ввела войска в Молдову. В **сентябре 1848 г.** силами русских и турецких войск была подавлена революция в Валахии.

26 апреля (2 мая) 1849 г. был опубликован царский *Манифест* об интервенции в Венгрию. Формирование на ее территории польских революционных отрядов усугубляло реакцию Николая I на венгерскую революцию. Настоятельные просьбы о вмешательстве в события в Венгрии исходили и от правительства Франца Иосифа. Намечавшееся выступление Николай рассматривал не только как меру по спасению Австрийской империи, но прежде всего как сокрушительный удар по силам, олицетворявшим европейскую революцию. Англия и Франция не препятствовали идее интервенции. В конце мая 1849 г. 140-тысячная русская армия под командованием

генерал-фельдмаршала Паскевича вступила на венгерскую землю. Ей оказывали поддержку австрийские части. В течение лета силы венгерских повстанцев потерпели поражение. В итоге в августе 1849 г. командующий венгерской армией Гёргей капитулировал и сдался Паскевичу. Венгерская кампания завершилась в двухмесячный срок.

После революционных событий 1848—1849 гг. влияние и авторитет России в Европе беспредельно возросли. Николай I решительно вмешивался во все последующие европейские и ближневосточные конфликты, добиваясь полного согласия других государств с его точкой зрения. Это вызывало негативную реакцию Европы, которая начала сплачиваться против возросшего российского политического могущества.

§ 4. Крымская война 1853—1856 гг.

Крымская война — особая страница в русской и европейской истории. Она оказала значительное влияние на развитие международных отношений, вызвала складывание новой политической системы в Европе, отразилась на судьбах народов Балканского полуострова. Война обнажила слабость Российской империи, привела к новой внутриполитической ситуации в стране, дала мощный толчок к ее последующей модернизации. Одновременно она вновь продемонстрировала героизм и непоколебимый дух русского народа.

В Крымской войне участвовали Россия, Османская империя, Англия, Франция и Сардинское королевство. Каждая из этих стран имела собственные расчеты в развязывании военного конфликта на Ближнем Востоке.

Накануне войны и ее причины Новый конфликт на Ближнем Востоке начал назревать с конца 40 — начала 50-х годов. Обострились противоречия между Османской империей и Россией, с одной стороны, между Россией, Англией и Францией, с другой. Англо-французский блок против России фактически сформировался в конце 1849 — начале 1850 гг., хотя формальный союз был заключен лишь в марте 1854 г.

Предвестниками широкомасштабной войны были локальные конфликты на Ближнем Востоке. Первым из них оказалось дело о выдаче Турцией России польских революционных эмигрантов. Порта не только отказалась выдать польских повстанцев, но и демонстративно приняла их на военную службу. Англия и Франция поддержали в этом вопросе Турцию, направив к берегам Леванта англо-французскую эскадру. Более того, часть английских военных кораблей была введена в Дарданеллы. Эта акция имела чрезвычайно важные последствия и грубо нарушила принцип коллективной европейской гарантии проливов. Резкое обострение противоречий России с западными державами вызвало их вмешательство в рус-

ско-турецкие переговоры о статусе Дунайских княжеств. Россия в 1850 г. была отстранена от переговоров между Великобританией и Грецией по поводу ситуации на Ионических островах. Посредничество взяла на себя Франция, что способствовало дальнейшему англо-французскому сближению. Будучи изолированной в Черном море, Россия не смогла оказать Греции реальной помощи. Все эти факты указывали на ослабление позиций России на Ближнем Востоке и Балканах, нарастание противодействия Запада российской политике в Османской империи.

Наиболее острым накануне Крымской войны стал спор между Францией и Россией относительно прав католического и православного духовенства в Палестине, являвшейся провинцией Османской империи. В 1850 г. православный патриарх Иерусалимский Кирилл обратился к турецким властям за разрешением на починку главного купола храма Святого Гроба Господня. Франция же в специальной ноте потребовала восстановить католическую серебряную звезду, снятую со Святых Яслей, и передать католикам право на обладание ключом от главных ворот церкви в Вифлееме.

Спор вокруг Святых мест между Россией и Францией продолжался с переменным успехом в течение 1850-1852 гг. Обе державы для его разрешения использовали свое влияние в Константинополе. Турецкое правительство все больше подчинялось французскому. Спор о Святых местах не был лишь надуманным поводом к развязыванию войны, а явился важной причиной конфликта, учитывая глубокий религиозный менталитет людей того времени. Особенно остро он был воспринят православным населением России и лично Николаем I, который принимал близко к сердцу все успехи и неудачи единоверцев на Востоке. Защита привилегий православной общины Палестины составляла часть общей задачи покровительства России всему христианскому населению в Турции.

Каждая из сторон, начиная войну, ставила перед собой конкретные задачи. Россия стремилась к новому пересмотру режима черноморских проливов, так как к началу 50-х годов ей стало ясно, что Лондонская конвенция 1841 г. не является надежным гарантом безопасности южных районов страны. Запертый в Черном море военный российский флот не мог осуществлять свои стратегические задачи и влиять на ситуацию в Восточном Средиземноморье. Одновременно России необходимо было усилить свое ослабевшее влияние на Балканском полуострове.

Турция надеялась в случае победы восстановить свое господство над народами Балкан, вынашивала реваншистские планы в отношении Крыма, черноморского побережья Кавказа и некоторых районов Закавказья.

Западным державам было необходимо, в первую очередь, подорвать международный авторитет России, ослабить ее военный потенциал и в случае крупного успеха низвести ее до уровня второстепенной державы. Особенно стремилась к этому Великобрита-

ния, которая выдвинула широкую программу ослабления России: возвратить Аландские острова и Финляндию Швеции, обеспечить независимость Польши, присоединить Крым и Грузию к Турции, Черкессию сделать либо независимой, либо поставить под суверенитет султана. Луи Бонапарт, ставший в 1852 г. французским императором, мечтал о победоносной войне, которая укрепила бы его режим и открыла дорогу к новым завоеваниям.

Соотношение сил Россия, заняв непримиримую позицию в споре о Святых местах, ошибочно рассчитывала на полную поддержку Австрии и нейтралитет Великобритании. Эти расчеты не оправдались. Англия в союзе с Францией выступила на стороне Турции, Австрия заняла позицию недоброжелательного нейтралитета по отношению к России. Таким образом, Россия оказалась в полной политической изоляции.

Царь и высшие сановники опрометчиво рассчитывали на неограниченные военно-экономические возможности России и блестящую подготовку русской армии. Между тем состояние экономики (финансов, промышленности) не соответствовало потребностям, которые могла породить общеевропейская война.

Комплектование армии на основе рекрутского набора к середине XIX в. фактически себя изжило. Войска (в 1853 г. 1 123 583 человек) были рассредоточены по всей территории огромной страны. Переброска их к театру военных действий была чрезвычайно затруднена: железные дороги практически отсутствовали, сеть грунтовых дорог не позволяла быстро решать оперативно-стратегические задачи и маневрировать живой силой.

Офицерский корпус был неоднороден по своей подготовленности и умению вести военные действия. Высшее командование включало как талантливых боевых генералов и адмиралов, получивших военный опыт в затяжной Кавказской войне, так и бездарных военачальников, несправедливо выдвинутых Николаем I, заботившихся лишь о собственной карьере и благоволении императора. Отсутствие дееспособного Генерального штаба в русской армии сказывалось на разработке стратегических планов ведения войны. Однако благодаря военным реформам, проведенным в 40-е годы, уровень подготовленности среднего и низшего командного состава соответствовал выполнению задач крупномасштабной общеевропейской войны.

Военная промышленность, находившаяся на уровне удовлетворения потребностей мирного времени, в условиях войны оказалась не в состоянии обеспечить войска всем необходимым. Значительное отставание от передовых западноевропейских стран наблюдалось в области вооружения армии и флота. К 1853 г. в России в основном преобладали гладкоствольные ружья, лишь несколько усовершенствованные по сравнению с первой четвертью XIX в. Они обладали пониженной меткостью и малой дальнобойностью по срав-

нению с нарезным стрелковым оружием, состоявшим на вооружении западных армий. Русская артиллерия была старого образца и по техническим характеристикам в значительной степени уступала английской и французской, заряжавшейся с казенной части, а не с дула. Особо отличались между собой военно-морские флоты России и западных держав. В русском преобладали парусные суда. Из 21 крупного корабля черноморской эскадры лишь 7 были паровыми. Англо-французский флот почти целиком состоял из паровых судов с винтовыми двигателями и превосходил российский по численности. Накануне Крымской войны только британская средиземноморская эскадра, располагавшаяся вблизи Дарданелл, насчитывала 31 современный для того времени корабль. Поэтому в ходе войны русский флот не смог оказать действенной поддержки сухопутным войскам на черноморском побережье.

Несмотря на экономическое и военно-техническое превосходство, противники России испытывали в ходе войны серьезные трудности. Значительная удаленность театров военных действий (Крым, Камчатка, Белое море и др.), растянутость коммуникаций затрудняли быстрое оперативное наращивание и пополнение армии союзников живой силой, боевой техникой, продовольствием и обмундированием. Этим были вызваны затяжной характер военных действий в Крыму и неудачи союзников в других местах. В ходе кампании в Крыму половина английских солдат страдала острыми желудочными заболеваниями. Моральный дух армии союзников был невысоким. Возглавившие экспедицию французский маршал А. Сент-Арно и английской генерал Ф. Раглан не были выдающимися военачальниками. Между ними часто возникали разногласия по стратегическим и тактическим вопросам. Турецкие и сардинские войска в Крыму сражались весьма неэффективно. Это снижало боеспособность экспедиционного корпуса союзников.

В целом, не только военно-техническая и экономическая отсталость затрудняла положение России. Против нее сложилась мощная коалиция западных держав и Турции, противостоять которой в одиночку было крайне сложно.

Миссия А. С. Меншикова и начало войны

К 1853 г. ближневосточный конфликт достиг наивысшего накала. Во второй половине 1852 г. Франция для оказания дальнейшего давления на Порту провела через проливы свой лучший военный корабль "Шарлемань", который бросил якорь в виду султанского дворца на Босфоре. В ответ Россия объявила частичную мобилизацию (привела в готовность 5-й армейский корпус, расквартированный на юге) и направила в Константинополь генерал-адъютанта А. С. Меншикова с чрезвычайной миссией. Царь поручил ему в самой категорической форме потребовать обнародования фирмана (указа) о привилегиях православной церкви и признании Портой прав православных, а также об особом покровительстве им со стороны русского

императора. Кроме того, Меншиков был уполномочен предложить Турции заключить оборонительный договор против Франции.

Одновременно с Меншиковым в Константинополе активно действовали посол Франции Лакур и представитель Великобритании Ч. Стратфорд Каннинг. Англия считала возможным на данном этапе удовлетворить претензии России по вопросу о Святых местах. В то же время она категорически возражала против подписания новой конвенции о праве покровительства России христианскому населению Османской империи. Великобритания занимала провокационную, двойственную позицию: внешне проявляя показное миролюбие, в действительности подталкивала Турцию к войне, обещая ей военно-морскую помощь.

17 (29) мая 1853 г. Меншиков предъявил Турции новый ультиматум с требованием заключить конвенцию о наблюдении и контроле за иммунитетом греческой церкви и, таким образом, провозгласить право России вмешиваться в любые вопросы, связанные с религиозной и административной регламентацией положения православного населения. Турция, опираясь на поддержку Франции и Англии, отвергла ультимативные требования России. 2 (14) июня 1853 г. Меншиков демонстративно покинул Константинополь. В июле 1853 г. русские войска под командованием М. Д. Горчакова были введены в Дунайские княжества и заняли Бухарест. 130-тысячная турецкая армия концентрировалась в крупных крепостях и вблизи вероятных по прошлым войнам мест форсирования Дуная.

В ответ на оккупацию Россией Дунайских княжеств Англия, Франция, Австрия и Пруссия подготовили в начале августа 1853 г. совместный демарш, известный как Венская нота. В ней Турции предписывалось соблюдать все условия предшествующих русско-турецких договоров относительно особых прав и преимуществ христианской церкви. Казалось, что западные державы стремятся прекратить конфликт. Вместе с тем, посол Англии в Константинополе втайне подталкивал Турцию к войне с Россией.

В результате Порта отвергла Венскую ноту. В октябре 1853 г. она потребовала вывести русские войска из Дунайских княжеств. 4 (16) октября султан Абдул-Меджид объявил о состоянии войны с Россией. **20 октября (1 ноября)** Николай I подписал *Манифест “О войне с Оттоманской Портою”*.

Ход военных действий и дипломатия в 1853—1856 гг.

В ходе Крымской войны выделяются *два этапа*. *Первый* — собственно русско-турецкая кампания на Дунайском военном театре, которая велась с ноября 1853 г. по апрель 1854 г. *Второй* (апрель 1854 — февраль 1856 г.) был связан с англо-французской интервенцией в Крым, военно-морскими демонстрациями союзников на Балтийском и Белом морях, на Камчатке, а также широкомасштабными боевыми операциями русской армии в Закавказье.

Кампания 1853 г. была непродолжительной. На Дунае шли вялые бои, не приносившие успеха ни одной из сторон.

В первые месяцы войны главное событие произошло не на суше, а на море. Русский флот, руководимый талантливыми флотоводцами В. А. Корниловым и П. С. Нахимовым, начал боевые действия в Черном море. Перед ним была поставлена локальная задача — приостановить переброску турецких войск и военного снаряжения на побережье Грузии, чтобы не дать туркам соединиться с отрядами Шамиля. Однако Нахимов понимал свою задачу шире и искал встречи с турецким флотом. Получив донесение о том, что он сосредоточен в Синопской бухте, Нахимов **18 (30) ноября 1853 г.** подошел к ней. Двигаясь двумя кильватерными колоннами, русская эскадра прорвалась мимо береговых укреплений и с близкой дистанции обрушила огонь своей артиллерии на стоявшие в бухте турецкие суда. Через 4 часа с лучшей эскадрой Османской империи было покончено, а береговые батареи полностью уничтожены. *Синопская победа* стала одной из самых ярких страниц в боевой истории русского флота. П. С. Нахимов стал национальным героем, царь пожаловал ему одну из высших воинских наград — орден Св. Георгия II степени, щедро наградил всю эскадру.

Это сражение заставило западные державы активизировать свою политику. Париж и Лондон немедленно предоставили Турции заем в размере 2 млн. ф. ст. золотом. В начале января 1854 г. англо-французская эскадра вошла в Черное море “для защиты османской территории”. Русские послы покинули Лондон и Париж, французский и английский — Санкт-Петербург.

9 (21) февраля 1854 г. последовал *Манифест* императора Николая “О прекращении политических сношений с Англиею и Франциею”. Одновременно русское правительство пыталось заручиться поддержкой Австрии и Пруссии. Однако Австрия, преследуя собственные интересы на Балканах и под влиянием французской дипломатии, отказалась оставаться полностью нейтральной в войне. Пруссия также не спешила объявить о своем нейтралитете.

В ответ последовала попытка русского правительства ускорить ход войны с Турцией и добиться ее быстрого поражения. В марте 1854 г. русские войска перешли через Дунай в нижнем течении и осадили турецкую крепость Силистрия на его правом берегу. Эта мера вызвала ответные действия Англии и Франции. **15 (27) марта** о состоянии войны с Россией объявила королева Виктория, днем позже это сделал император Наполеон III. В апреле 1854 г. была подписана англо-французская союзная конвенция против России.

Новый этап войны начался с военно-морских демонстраций союзников. Англо-французский флот подошел почти к самому Петербургу и блокировал Балтийское побережье. Французские войска взяли укрепление Бомарзунд на Аландских островах, что имело скорее политическое, чем военно-стратегическое значение.

Дальнейшая военная обстановка складывалась для России неудачно. Летом 1854 г. под влиянием высадки англо-французских частей в болгарском городе Варна и угрожающей позиции Австрии Россия вывела свои войска из Дунайских княжеств. По согласованию с Портой в них немедленно была введена австрийская армия. Конец Дунайской кампании означал, что война для России утратила наступательный характер и превратилась, в основном, в оборонительную.

Военные действия разворачивались медленно. Были предприняты новые попытки разрешить конфликт дипломатическими средствами. В августе 1854 г. Австрия от имени великих держав предъявила России в качестве предварительных условий знаменитые “*четыре пункта*”, которые до конца войны стали основой возможного мирного урегулирования:

1) Замена русского покровительства над Дунайскими княжествами протекторатом пяти великих держав.

2) Свобода судоходства по Дунаю с установлением контроля держав над устьем реки.

3) Пересмотр Лондонской конвенции 1841 г. о черноморских проливах “в интересах европейского равновесия” (т. е. пересмотр ее условий в пользу союзников).

4) Замена покровительства Российской империи православному населению Османской империи коллективной гарантией прав христианских подданных султана со стороны всех великих держав.

Принятие этих пунктов лишило бы Россию самостоятельности в восточном вопросе и установило бы коллективный протекторат западных держав над Османской империей. Предъявляя России ультиматум, Запад не надеялся на ее согласие. Однако последняя приняла предложение о начале переговоров на основе выдвинутых условий. Тогда Англия и Франция договорились между собой, что заключению мира должны обязательно предшествовать разрушение Севастополя и сокращение русских военных кораблей в Черном море до *четырех единиц*.

Одновременно союзниками были проведены демонстративные военные операции в районе Архангельска и Петропавловска-Камчатского. Нападению подверглись также Соловецкий монастырь и селение Кола на севере. Эти диверсии не принесли союзникам успеха. Заметной страницей русской военной истории стала *Камчатская операция,* в ходе которой в **августе 1854 г.** небольшой гарнизон Петропавловска (основного форпоста России на Дальнем Востоке) во главе с генералом В. С. Завойко решительно отразил атаку англо-французской эскадры.

Летом 1854 г. между союзниками происходили совещания о направлении главного удара на Россию. Англия предлагала высадить экспедиционный корпус на черноморском побережье Кавказа. Здесь она предполагала действовать совместно с турецкими войсками и отрядами Шамиля, чтобы быстро покончить с русским гос-

подством в Закавказье, утвердиться также на побережье Каспийского моря. Эти планы Великобритании были неприемлемы для Франции.

В августе 1854 г. союзники приняли решение предпринять экспедицию в Крым с целью захвата Севастополя — главной базы русского черноморского флота. 70-тысячная англо-франко-турецкая армия в начале **сентября 1854 г.** высадилась в районе Евпатории и двинулась на Севастополь. Главнокомандующий русской армией в Крыму А. С. Меншиков дал первое сражение у р. Альма, однако потерпел поражение и вынужден был отступить. Вместо того, чтобы использовать армию для обороны Севастополя, Меншиков отвел войска в глубь Крыма, в район Бахчисарая. Севастополь фактически был брошен на произвол судьбы. Однако адмиралы В. А. Корнилов и П. С. Нахимов предприняли решительные меры по его обороне.

В Севастополе шла напряженная работа гражданского населения, гарнизона и моряков по созданию системы укреплений, которые превратили город в крепость с глубоко эшелонированной обороной. Это необходимо было осуществить в самые сжатые сроки, так как Севастополь, имея достаточно надежную оборону со стороны моря, был совершенно не защищен с суши.

В те же дни часть русского флота была затоплена в Севастопольской бухте. В отечественной историографии это событие оценивается по-разному. Большинство историков считают, что затопление флота было связано с необходимостью преградить вход англо-французским судам в Севастопольскую бухту. Существует точка зрения о бессмысленности этого акта, так как в XIX в. Севастопольская бухта была мелководной и поэтому непроходимой для англо-французского парового флота. Между тем, следует учитывать, что затоплены были лишь несколько абсолютно устаревших кораблей, а их экипажами и орудиями пополнялись береговые батареи, обращенные в сторону суши. Это усиливало обороноспособность Севастополя. Другие, более современные линейные корабли и пароходофрегаты свободно маневрировали в Севастопольской бухте, ведя огонь по батареям противника.

Известие о превращении Севастополя в город-крепость заставило англо-французское командование отказаться от немедленного штурма и ждать новых подкреплений. В Крым были доставлены части из Франции, Англии, Турции и Сардинии. Общая численность войск вторжения превысила 170 тыс. человек. В **октябре 1854 г.** началась осада и героическая *оборона Севастополя,* продолжавшаяся в течение *11 месяцев.* Первый штурм крепости состоялся 5 (17) октября.

Гарнизон крепости, состоявший наполовину из матросов Черноморского флота, проявлял чудеса стойкости и храбрости. Неувядаемой славой покрыли свое имя адмиралы В. А. Корнилов, П. С. Нахимов, В. И. Истомин, талантливый фортификатор Э. И. Тотлебен,

артиллерийский генерал С. А. Хрулев, матросы П. Кошка, И. Шевченко, сапер Ф. Самолатов и многие другие. В Севастопольской эпопее участвовали будущий великий писатель Л. Н. Толстой, знаменитый медик Н. И. Пирогов, фактически все гражданское население города. Защитники черноморской цитадели выдержали ряд ожесточенных бомбардировок и штурмов. Особую роль играла *оборона Малахова кургана,* господствовавшего над городом. Его штурм, предпринятый союзниками в **апреле 1855 г.,** закончился для них неудачей. После гибели Корнилова общее командование в городе принял на себя адмирал Нахимов.

Во время обороны Севастополя основные силы русской армии под командованием Меншикова, а затем сменившего его генерала М. Д. Горчакова предприняли ряд отвлекающих операций. Первая была проведена в **октябре 1854 г.** на подступах к *Балаклаве.* Она не имела успеха и не принесла русским стратегического выигрыша, хотя в ходе боя полегла почти вся бригада легкой кавалерии англичан, состоявшая из представителей наиболее знатных британских фамилий. В Англии это произвело гнетущее впечатление и вызвало желание поскорее завершить войну. **24 октября (5 ноября) 1854 г.** произошло сражение под *Инкерманом.* Однако задуманное Меншиковым наступление успеха не имело. Таким же мало эффективным оказалось наступление на *Евпаторию,* предпринятое в **феврале 1855 г.** В **августе 1855 г.** произошло кровопролитное сражение на *Черной речке* (под командованием Горчакова), во время которого русские войска, пытаясь овладеть сильными и хорошо укрепленными французскими позициями, были вынуждены отступить, понеся огромные потери. Таким образом, действия полевой армии в Крыму мало помогли защитникам Севастополя, вокруг которого постепенно сужалось кольцо противника. В ходе Крымской кампании проявилась полная бездарность Меншикова и Горчакова как военачальников.

Одновременно с боевыми операциями в Крыму продолжались дипломатические переговоры в Вене между Россией, Англией, Австрией и Францией об условиях примирения. Со стороны России их возглавил талантливый дипломат, будущий министр иностранных дел князь А. М. Горчаков. Положение России на переговорах было тяжелым. Его усугубляли неудачные действия в Крыму. Австрия и союзники по коалиции добавили к “четырем пунктам” 1854 г. и территориальные претензии: Россия должна была отказаться от устья Дуная. Кроме того, выдвигалось требование уничтожить русское преобладание на Черном море. В связи с этим переговоры зашли в тупик. Однако их проведение в Вене удерживало Австрию от вступления в войну с Россией. Ее антирусские военные демонстрации и неоднократные угрозы присоединиться к союзникам представляли собой лишь тактику политического давления на Россию.

В конце августа 1855 г. союзники предприняли последние усилия по захвату Севастополя. В этот период они выпускали по горо-

ду в день свыше 80 тыс. ядер и бомб из 807 орудий. **27 августа (8 сентября)** после многочасовой артиллерийской подготовки и создания многократного перевеса в живой силе англо-французские войска вытеснили русских с Малахова кургана. Защитники города организованно отошли на Северную сторону и готовы были продолжать борьбу. При штурме Севастополя противник понес огромные потери (погибли около 20 тыс. человек). В целом за время сопротивления Севастополь фактически перемолол более половины войск интервентов, которые без серьезного пополнения в живой силе и технике не могли продолжать военные действия.

Одновременно на *Кавказском театре* военных действий Турция терпела крупные поражения. Она действовала там в одиночку. Западные союзники оказывали ей лишь материальную поддержку. В турецких войсках находились также английские офицеры-советники. Несмотря на то, что Великобритания была заинтересована подчинить своему влиянию этот регион, она не была в состоянии вести крупномасштабную войну на двух театрах и, сосредоточившись в Крыму, отказалась от идеи послать экспедиционный корпус в Закавказье.

В **ноябре 1853 г.** турецкая армия была разгромлена при *Башкадыкларе*. Тем не менее, по настоянию англичан, летом 1854 г. турецкая армия вторглась в Грузию, пытаясь прорваться к Тифлису. Ей удалось занять лишь Озургети и оккупировать Гурию. Вскоре захватчики были выбиты из Озургети. Военные действия были перенесены на территорию Турции. В **июле 1854 г.** русские войска заняли важную в стратегическом отношении турецкую *крепость Баязет*, под контролем которой находился торговый караванный путь: Трапезунд — Эрзерум — Тавриз. Это наносило ощутимый удар по английским торговым интересам в Иране.

Главным событием 1854 г. на Кавказе стал сокрушительный разгром 60-тысячной турецкой армии при *Кюрюк-даре* в Анатолии. После этого турки фактически полностью проиграли кавказскую кампанию и сосредоточили все усилия на обороне крепости Карс, которой руководил английский генерал Вильямс. Одновременно на Кавказ был переброшен из Крыма турецкий корпус Омерпаши, который высадился в Сухум-Кале. Англичане настаивали на активизации действий турок на Кавказе, но их положение было сложным, не хватало сил и средств для активных действий. Кавказские народы, в первую очередь, Грузия и Восточная Армения, сохраняли верность России. Окончилось неудачей и турецкое наступление на Кутаис, предпринятое в конце октября 1855 г. Между тем, начавшаяся летом 1855 г. осада *крепости Карс* завершилась ее падением в **ноябре 1855 г.** Взятие русскими Карса рассматривалось современниками как не меньший успех, чем захват союзниками южной части Севастополя.

Активно разрабатываемые в Лондоне планы расширения войны на Кавказе в 1856 г. не были осуществлены. Им противодейство-

вала Франция. Она считала, что главная задача — подрыв русского могущества в черноморском бассейне — была союзниками выполнена и не желала больше продолжать войну во имя британских интересов на Кавказе. Силы сторон были полностью истощены. Французскую и английскую общественность охватили широкие антивоенные настроения. Британский парламент обрушился с критикой на правительство, обвиняя его в крупных людских потерях и неспособности вести успешные, эффективные военные действия в России. Поэтому инициатива Франции начать мирные переговоры с Россией не встретила особых возражений у британского кабинета.

К этому моменту в России произошли важные события. 18 февраля 1855 г. скончался император Николай I. На российский престол вступил его сын Александр II, при котором возобновились переговоры в Вене в форме официальной конференции. Там закладывались условия будущего мира. В декабре 1855 г. в Зимнем дворце состоялись два совещания по вопросу о возможности заключения мирного договора. В основном обсуждался новый ультиматум Австрии, включавший, кроме прежних “четырех пунктов”, и новые претензии к России. В случае неприятия их Австрия угрожала разрывом отношений. Под влиянием жесткой австрийской позиции, военных поражений в Крыму, тяжелого внутреннего состояния страны Александр II и его правительство приняли австрийский ультиматум и согласились на начало мирных переговоров.

Парижский конгресс

13 (25) февраля 1856 г. в столице Франции открылись заседания конгресса, в работе которого участвовали Россия, Франция, Англия, Австрия, Турция и Сардиния. Позднее к ним присоединилась Пруссия. Председательствовал на заседаниях французский министр иностранных дел двоюродный брат Наполеона III граф А. Валевский. Россия была представлена первым уполномоченным А. Ф. Орловым и вторым — Ф. И. Брунновым. Основными противниками России в Париже стали Англия и Австрия. Что касается Франции, то она по многим вопросам поддерживала русскую делегацию. Англия стремилась к ослаблению России в бассейне Черного моря, к подрыву ее позиций на Кавказе, настаивала на демилитаризации Аландских островов. Австрия требовала отторжения от России всей Бессарабии и рассчитывала на присоединение к своим владениям Дунайских княжеств. Турция на конгрессе была поставлена в приниженное положение и была вынуждена соглашаться с мнением союзников даже в тех случаях, когда оно расходилось с ее прямыми интересами.

Парижский мирный трактат был подписан **18 (30) марта 1856 г.** Он отражал поражение России в Крымской войне. Договор касался проблемы нового режима черноморского бассейна и проливов, территориальных вопросов, судеб балканских народов. Особо принципиальное значение для России имел пункт о *нейтрализации Черного моря.* Нейтрализация означала запрещение всем чер-

номорским державам иметь на Черном море военные флоты, арсеналы и крепости. Это условие наносило существенный удар по престижу России и безопасности ее южных границ. Оно надолго подорвало позиции России на Балканах и Ближнем Востоке. По условиям этой статьи Россия ставилась в неравноправное положение по сравнению с Турцией, которая сохранила полностью свои военно-морские силы в Мраморном и Средиземном морях. Территориальные потери России были минимальными: южная часть Бессарабии, ранее ей принадлежавшая, присоединялась к Молдове и фактически попала под власть Турции. Россия лишалась единоличного права покровительства Дунайским княжествам и Сербии. В то же время в упорной борьбе русским представителям удалось отстоять права молдавского, валашского и сербского народов, Дунайские княжества избежали участи попасть под австрийское иго. На конгрессе был поставлен вопрос о необходимости их будущего политического объединения. Была также сохранена фактическая независимость Сербии. Все территориальные и политические претензии Турции "об исправлении русско-турецкой границы" и судьбах Закавказья были отвергнуты.

К трактату прилагалась *конвенция* о проливах Босфор и Дарданеллы, подтверждавшая их закрытие для иностранных военных кораблей в мирное время. В условиях нейтрализации Черного моря это положение имело для России существенное значение. Особый документ объявлял о демилитаризации Аландских островов на Балтике.

После завершения конгресса в **апреле 1856 г.** было подписано соглашение о *Тройственном союзе* между Англией, Австрией и Францией. Этим договором гарантировались целостность Османской империи и выполнение Россией всех пунктов Парижского мирного договора. Сложилась так называемая "*Крымская система*", имевшая антирусскую направленность.

Поражение России в Крымской войне, обусловленное, в первую очередь, ее экономической и военной отсталостью, а также мощью европейской коалиции и враждебной позицией Австрии, оказало весьма негативное влияние на внутреннее положение в стране. Оно привело к дальнейшему расстройству финансов, обострению социальных противоречий и вплотную поставило вопрос о необходимости отмены крепостного права и, в целом, политической модернизации Российской империи.

Глава 8
Россия и Кавказ в первой половине XIX в.

Кавказ (географический термин, обозначающий территорию между Черным, Азовским и Каспийским морями) делится на *Закавказье* и *Северный Кавказ,* граница между которыми проходит по Главному (Водораздельному) Кавказскому хребту. Сложность общения народов, проживавших на этих двух территориях, предопределила их несхожесть и особенности исторического развития. Большое влияние оказывал и тот факт, что народы Северного Кавказа непосредственно граничили с Российской империей, Закавказья — с Турцией и Ираном. Издревле Кавказ являлся важным стратегическим и экономическим регионом. Через него проходили важнейшие торговые пути из Европы в Азию, с Ближнего на Средний Восток. Закавказье расположено между Черным и Каспийским морями, что также повышало его значение как района, удобного для транзитной торговли. В стратегическом плане обладание территорией Кавказа позволяло не только контролировать транзитную торговлю, но и прочно утвердиться на Черном и Каспийском морях.

В течение многих веков территория Закавказья оставалась ареной разорительных войн, переходя из рук в руки. В древности его народы находились под господством римлян, Персии, Византии, арабов, сельджуков, монголо-татарских завоевателей. С XVI в. Закавказье стало предметом раздоров и войн между османской Турцией и державой Сефевидов (Персия). Народы Закавказья, в разное время попадая под владычество Турции или Персии, подвергались всевозможным стеснениям, социальному и национальному гнету. Длительные опустошительные войны Турции и Персии тормозили развитие экономики Закавказья, ставили его население перед реальной опасностью физического уничтожения. Войны и внутренние раздоры затягивали период политической раздробленности, мешали складыванию и развитию национальных кавказских государств.

На рубеже XVIII—XIX вв. Кавказ населяли многочисленные народы, отличавшиеся друг от друга по языку, культуре, религии, уровню социально-экономического развития. Главным занятием народов Кавказа являлись земледелие и скотоводство. Мануфактурное производство отсутствовало, слабо было развито мелкотоварное ремесленное производство. Домашние промыслы крестьян были связаны в основном с сельским хозяйством и бытовыми потребностями.

Грузинская политическая история имеет древнее происхождение. До конца XV в. существовало сильное объединенное грузинское царство, которое распалось (возникла политическая раздробленность) на Кахетию, Имеретию и ряд мелких княжеств. Часть из

них попала под владычество Персии. Во второй половине XVIII в. формирование государственных образований пошло более быстрыми темпами. В 1762 г. сложилось крупное грузинское государство — Картли-Кахетинское царство во главе с династией Багратидов. Первым царем стал Ираклий II. Вторым грузинским государством было Имеретинское царство в Западной Грузии. Его населяла особая этническая группа грузин, говорившая на имеретинском диалекте грузинского языка. В вассальной зависимости от грузинских царей находились княжества Гурия, Мегрелия и Сванетия. Абхазия — территория, расположенная на северо-западе Закавказья и омываемая на юго-западе Черным морем, со второй половины XVI в. оказалась в зависимости от Османской империи.

Восточное Закавказье (территория современного Азербайджана) было расчленено на восемь ханств и одиннадцать более мелких владений. Эти ханства, формально независимые, фактически подчинялись персидским шахам.

Западная Армения входила в состав Османской империи. Восточная Армения разделялась на Эриванское и Нахичеванское ханства. Их население было неоднородным: тюрки-мусульмане соседствовали с христианским народом — армянами. В Эчмиадзине, населенном пункте вблизи Эривана, находился центр армянской автокефальной григорианской церкви. В связи с отсутствием армянской государственности в XVIII в. политическое и духовное руководство армянами осуществлял глава этой церкви — католикос. Ощущая свою социальную неполноправность и подвергаясь религиозным притеснениям как в Западной, так и в Восточной Армении, армяне в массовом порядке эмигрировали в разные страны. Существовали многочисленные колонии армян в Москве, Феодосии, других городах России и Украины. В них армяне получили гораздо большую возможность для сохранения своих национальных обычаев, традиций и веры, им не грозила опасность физического уничтожения. Эти колонии сыграли значительную роль в формировании пророссийской ориентации армянского народа.

На Северном Кавказе существовало еще большее этническое и социально-экономическое разнообразие. Дагестан, Кабарда, Чечня, Авария и др. были разделены на многочисленные ханства, бекства и “вольные общества” — моноплеменные самоуправляемые объединения, сложившиеся на родовой основе[1].

§ 1. Присоединение народов Закавказья к России

Кавказ — узел международных противоречий

В конце XVIII в. углубились территориально-политические противоречия между Османской империей, Персией и Россией на Кавказе. На рубеже XVIII—XIX вв. Кавказ переживал один из наиболее мрачных и

[1] Об экономическом и социально-политическом положении народов Северного Кавказа см. § 2: “Завоевание Россией Северного Кавказа. Кавказская война 1830 — 1864 гг.” (с. 196—207).

трагических периодов своей истории. Турция владела укрепленными пунктами на черноморском побережье Кавказа (Анапа, Сухум, Поти и др.), ей принадлежали Ахалцихский и Ахалкалакский пашалыки.

Персидские шахи захватили Восточную Армению, контролировали азербайджанские ханства и побережье Каспийского моря. Персия претендовала также и на территорию Грузии. Весной 1795 г. шах Ага Мухаммед-хан, страшная историческая фигура, "прославившаяся" необычайной жестокостью и, по оценке современников, обладавшая самыми низменными человеческими пороками, приступил к завоеванию Закавказья. Накануне похода он потребовал покорности от Гянджи и Эривана, а также их участия в экспедиции против Грузии. Эти области подчинились ему без сопротивления. Дербентский хан также перешел на его сторону. В начале сентября 1795 г. Ага Мухаммед-хан подошел к Тифлису и захватил его. В течение нескольких дней в городе царил вандализм. Тифлис был разрушен до такой степени, что после ухода персов у царя Ираклия II появилась мысль перенести столицу в другое место.

Персидская угроза усилила пророссийскую ориентацию многих народов Кавказа. Они были вынуждены стремиться к добровольному вхождению в Российскую империю, что избавило бы их от перспективы быть покоренными иранскими шахами и турецкими султанами.

В советской историографии (в том числе и закавказскими историками) несколько преувеличивалась ориентация кавказских народов на Россию, возникшая якобы чуть ли не с XV—XVI вв. При этом слабо учитывались различия в религиозном и социально-политическом положении народов Кавказа. Что касается грузинского и армянского населения, то действительно их прорусская ориентация была исторически неизбежна. Иной была позиция тюрко-мусульманского населения и многих местных владетелей. Для удержания власти, из-за внутриполитической борьбы и интриг они подчиняли свои действия своекорыстным целям, идущим против общенациональных интересов. Но и в Грузии различные группировки пытались использовать противоречия России с Персией и Турцией, заигрывая с последними. В отдельных районах Кавказа возникали очаги сопротивления утверждению русского господства. Они возглавлялись крупными феодалами и мусульманским духовенством, тяготевшими к Персии и Турции.

Продвижение России на Кавказ диктовалось экономическими, геополитическими и стратегическими причинами. Включение Кавказа в состав России открывало широкие перспективы для развития торговли через черноморские порты, а также через Астрахань, Дербент и Кизляр на Каспии. В будущем Кавказ мог стать источником сырья для развивавшейся русской промышленности и рынком сбыта ее товаров. Расширение территории Российской импе-

рии на Кавказе в геополитическом плане способствовало укреплению южных границ по естественным (горным) преградам, давало возможность усиления политического и военного давления на Турцию и Персию. С точки зрения стратегических интересов России, ее особое беспокойство вызывало английское вмешательство в дела Закавказья. Еще в середине XVIII в. Великобритания использовала свое влияние в Персии для проникновения в Закавказье и обеспечения выхода к Каспийскому морю. Этот регион рассматривался ею, с одной стороны, как средство политического давления на Россию, с другой, — как фактор защиты своих интересов на Среднем и Ближнем Востоке, безопасности владений в Индии. Рвалась в Закавказье, на Черное море и Каспий и британская буржуазия.

В процессе включения народов Кавказа в состав Российской империи в первой половине XIX в. можно выделить *три основных этапа*. *Первый* (**1801—1813**) — присоединение значительных территорий в Закавказье, в том числе Грузии, Северного Азербайджана и отдельных районов черноморского побережья; *второй* (**1813—1829**) — присоединение Восточной Армении, района Ахалциха — Ахалкалаки, а также большей части черноморского побережья Кавказа; *третий* (**конец 20-х — начало 60-х годов XIX в.**) — завоевание основных территорий Северного Кавказа (Кавказская война). К середине XIX в. все народы Кавказа вошли в состав Российской империи.

Присоединение народов Кавказа в начале XIX в.

В конце XVIII — начале XIX в. в Грузии усилилась пророссийская партия. Возглавил ее картли-кахетинский царь *Георгий XII*, который, выражая настроение общества, неоднократно обращался с просьбами к России о принятии в подданство при сохранении внутренней автономии. Против него выступал настроенный антирусски царевич Александр, брат Георгия, который в ноябре 1800 г. вторгся в Грузию с 20 тыс. лезгин, пытаясь захватить власть и сохранить самостоятельность страны. Вместе с тем его заигрывания с персидским шахом вызвали к нему негативное отношение народа. Поэтому грузины с помощью русских (с 1800 г. там находился полк под командованием генерал-майора Гулякова) легко разгромили толпы лезгин, поддерживавших царевича Александра. Тяжелое внутреннее положение страны, бесконечные войны и междоусобицы расшатывали устои местной власти.

В историографии утвердилось справедливое мнение, что для тогдашней Грузии не было иного пути, кроме присоединения к России. Это полностью отвечало интересам грузинского народа и совершилось добровольно, более того, в результате настойчивых просьб представителей Георгия XII в Петербурге. В Грузию вступили русские войска. **18 января 1801 г.** император Павел I издал *Манифест о присоединении Грузии к России*.

Император Александр I, сменивший Павла, поставил грузинский вопрос (вновь по настоянию грузинской делегации) на обсуждение Непременного совета. После некоторых колебаний, связанных с возражениями проанглийской партии (С. Р. Воронцов и др.), было принято решение подтвердить Манифест Павла. **12 сентября 1801 г.** Александр подписал "*Манифест к грузинскому народу*", по которому Грузия окончательно присоединялась к России. Приложения к нему определяли внутреннее положение страны. Картли-Кахетинское царство прекратило свое существование. Члены династии Багратидов утратили верховную власть и возможность проживания на грузинской территории. Они обосновались в Москве и Санкт-Петербурге, сохраняя все свои сословные и экономические привилегии.

В развитие Манифеста в **сентябре 1801 г.** был издан рескрипт Александра I, в котором местным властям предписывалось заботиться о расширении торговли, ремесла, земледелия, скотоводства, начать горные изыскания. Особое внимание уделялось мерам по обеспечению безопасности Грузии.

Восточная Грузия была преобразована в Грузинскую губернию Российской империи. На территории бывшего Картли-Кахетинского царства было учреждено "Верховное грузинское правительство", возглавляемое, как правило, крупным русским государственным деятелем. В его состав входили русские и грузинские чиновники. Вскоре должность Главноуправляющего Грузией была соединена с должностью Главноуправляющего Кавказом. Первым на нее назначили генерал-лейтенанта П. Д. Цицианова. Выбор правительства был удачным. Цицианов проводил активную дипломатическую и военную политику, стремясь к расширению и укреплению русского владычества в Закавказье.

В Приложениях к Манифесту была также подтверждена социальная структура грузинского общества и, в первую очередь, сохранены крепостное право, сословные привилегии грузинского дворянства и знати. Позднее, в 1807 г. от крепостной зависимости были освобождены грузинское духовенство и их дети.

Восточная Грузия стала опорным пунктом для присоединения всего Закавказья. В то же время возникла насущная необходимость обеспечить надежную связь с новой провинцией, отделенной от России горами Главного Кавказского хребта. Для установления коммуникаций с Грузией существовало два направления — восточное и западное, то есть по каспийскому и черноморскому побережьям.

В конце 1802 г. начались переговоры (с русской стороны их вел П. Д. Цицианов) с правителями Восточного Закавказья о присоединении их территорий к России. В них приняли участие Бакинский, Дербентский, Кубинский, Талышский, Дагестанский, Гянджинский и другие владетели. Все они единодушно утвердили и подписали "твердый, непоколебимый и вечный мир под покровительством России". Выражение подобной покорности не означало, однако, их пол-

ного подчинения России. Часть ханов выполнила условия соглашения, другая часть продолжала, опираясь на Персию, скрытое сопротивление. В 1802 г. Кубинское и Талышское ханства приняли подданство России. В 1803 г. в состав России вошла Мегрелия, имевшая выход в Черному морю. Для покорения Гянджинского ханства П. Д. Цицианов был вынужден предпринять военный поход в 1804 г. Русские войска овладели ханством. Гянджа была переименована в Елизаветполь.

Далее встал вопрос о присоединении Имеретии, которая разъединяла две новые приобретенные Россией провинции — бывшую Картли-Кахетию и Мегрелию. В 1804 г. начались длительные переговоры с имеретинским царем Соломоном II, который под угрозой захвата его государства Турцией вынужден был принять покровительство России. Вместе с Имеретией вошла в состав России вассальная от нее Гурия. Соломон II сохранял престол до 1811 г., после чего Имеретия была полностью включена в состав Российской империи и преобразована в Имеретинскую область.

Таким образом, в **1804 г.** в основном завершилось присоединение к России территории Грузии и части ханств Восточного Закавказья.

Кавказ в период русско-иранской 1804—1813 гг. и русско-турецкой 1806—1812 гг. войн

Утверждение России в Закавказье вызвало ожесточенное противодействие Персии и Турции. В этом их активно поддерживала британская дипломатия, весьма обеспокоенная новыми российскими территориальными приобретениями.

В **июне 1804 г.** персидский шах Фетх-Али, рассчитывая на помощь Англии, начал *войну* с Россией. Его войска вторглись в пределы Закавказья и через Восточную Армению стремились прорваться в Грузию. Россия в ответ, несмотря на недостаток сил в Закавказье, предприняла попытку не только остановить персидские войска, но и вести наступательные операции. Она поставила цель установить новую границу по рекам Кура и Аракс, присоединить Бакинское, Нахичеванское и Эриванское ханства. В середине июня войска П. Д. Цицианова подошли к Эривани. На стороне русских выступили армянские ополченцы и грузинская конница. Однако в Кабарде, Дагестане, отчасти в Осетии были сильны антирусские настроения, которые затрудняли действия русской армии. Опасная обстановка сложилась и в районе Военно-Грузинской дороги[1], что мешало снабжению русских войск.

В кампании 1804 г. П. Д. Цицианов нанес поражение персам под Эчмиадзином и приступил к осаде Эривани, где укрылись вой-

[1] Военно-Грузинская дорога была построена в конце XVIII — начале XIX в. через Главный Кавказский хребет русскими солдатами с привлечением местного населения. Пройдя по долине р. Терек, Дарьяльскому ущелью и долине р. Белая, она соединила крепость Грозную с Тифлисом.

ска персидского шаха. Недостаток сил заставил П. Д. Цицианова отступить от крепости.

Весной — летом 1805 г. новая попытка русских овладеть Эриванской крепостью также окончилась неудачей. В ходе летней кампании было отражено новое наступление персидского военачальника, наследного принца Аббас-Мирзы на Грузию. Одновременно активизировались военные действия в Северном Азербайджане. Летом 1805 г. в состав России вошли Карабахское, Шекинское и Ширванское ханства. В 1806 г. русские войска заняли Баку и Дербент. Это предопределило завершение в основном присоединения Восточного Закавказья и побережья Каспийского моря к России.

В 1806 г. под Баку был предательски убит П. Д. Цицианов во время символической церемонии передачи ему ключей от города. Командование принял 70-летний граф И. В. Гудович, крупный военачальник и опытный администратор. Он не только успешно участвовал в русско-турецких войнах конца XVIII в., но и был губернатором крупнейших провинций России (Киевской, Рязанской, Тамбовской и др.).

К этому времени обстановка на Кавказе еще более осложнилась в связи с поражением русских войск под Аустерлицем (ноябрь 1805 г.) и началом *русско-турецкой войны* **1806—1812 гг.** Немногочисленным войскам Кавказского корпуса приходилось вести борьбу на два фронта: против Персии и против Турции, которые заключили военный союз.

На *первом* этапе войны (**1806—1807**) турецкое командование готовило вторжение в Грузию через крепость Карс. При этом оно надеялось на поддержку Англии и Франции. Эти державы, несмотря на свое противостояние в Европе, на Кавказе проводили общую политику, подталкивая Турцию и Персию к борьбе против России. В июне 1807 г. русские войска под руководством И. В. Гудовича нанесли туркам поражение на реке Арпачай, надолго приостановив их наступательные действия. И. В. Гудовичу за эту победу был пожалован чин генерал-фельдмаршала. Однако новый поход на Эривань, предпринятый им в октябре 1808 г., окончился неудачей. В 1809 г., после провала Эриванской операции, И. П. Гудовича сменил генерал А. П. Тормасов, в будущем герой Отечественной войны 1812 г.

На *втором* этапе войны с Турцией (**ноябрь 1809 — июль 1810**) русские войска активно действовали на черноморском побережье Кавказа, взяли Поти, Анапу, Сухумскую крепость. В результате Абхазия вошла в состав России (1810 г.).

На *третьем* этапе войны (**август 1810 — июнь 1812**) при активном посредничестве английских дипломатов (Великобритания в это время находилась в состоянии войны с Россией) шах и султан пришли к новому соглашению о совместных действиях. Англия оказывала им огромную финансовую и военную помощь. Так, она снабдила Персию 32 орудиями, 12 тыс. зарядов и сукном для обмун-

дирования 12 тысяч человек. В объединенной турецко-персидской армии, готовившейся к завоевательному походу на Грузию, действовали английские инструкторы.

Русское командование решило упредить противника. В сентябре 1810 г. турецко-персидская группировка была полностью разгромлена при Ахалкалаки под руководством нового Главнокомандующего генерал-адъютанта маркиза Ф. О. Паулуччи. В 1811 г. русские войска взяли крепость Ахалкалаки.

Последнее наступление персидских войск, предпринятое Аббас-Мирзой на Карабахское ханство в 1812 г., также закончилось их поражением. Персидский военачальник был разбит на реке Аракс при Асландузе. Таким образом, в 1809 — 1811 гг. Россия довольно успешно вела войну против Турции и Ирана на Кавказе.

К началу 1812 г. серьезно изменилась международная обстановка. Наполеон, подготавливая войну с Россией, большое место отводил Турции, которая должна была, по его замыслу, связать часть русских сил на Дунае и в Закавказье.

Поэтому Россия поспешила начать мирные переговоры с Портой. М. И. Кутузов вел их с Ахмед-пашой в *Бухаресте*. Главные разногласия касались границ России на Кавказе. Турецкие дипломаты под нажимом Англии и Франции настаивали на том, чтобы вопрос о Кавказе был снят с обсуждения на мирной конференции. Однако военные поражения на Дунае и Кавказе заставили Турцию быть более уступчивой. *Мирный договор* был подписан **16 (28) мая 1812 г.** По статьям, касающимся Закавказья, Порта была вынуждена признать вхождение Восточной и Западной Грузии, Абхазии в состав России. К ней также отходили крепости Сухум и Редут-Кале, контролировавшие участок черноморского побережья Кавказа протяженностью в 30—40 км. Россия получила морские базы на кавказском побережье Черного моря. В то же время Россия возвращала Турции Анапу, Поти и Ахалкалаки, завоеванные в ходе русско-турецкой войны. По Бухарестскому мирному договору вопрос о пограничном разграничении между Турцией и Россией в Закавказье не был окончательно решен.

Правители Персии, напуганные разгромом Наполеона и поражением под Асландузом, спешно пошли на мирные переговоры с Россией. **12 (24) октября 1813 г.** был подписан *Гюлистанский мирный договор*. К России отходили Карабахское, Гянджинское, Шекинское, Ширванское, Дербентское, Талышское, Кубинское и Бакинское ханства. Персии пришлось признать, так же как и Турции, присоединение к России Картли-Кахетии, Имеретии, Гурии, Мегрелии, Абхазии и Дагестана. Кроме того, Россия получила исключительное право держать военные суда на Каспийском море.

Таким образом, в начале XIX в. Россия не только присоединила большую часть территории Закавказья, но и добилась признания этого факта со стороны Турции и Персии.

Закавказье в политике России в 20-е годы XIX в. Войны с Персией (1826—1828 гг.) и Турцией (1828—1829 гг.). После завершения эпохи наполеоновских войн Россия была, как никогда прежде, сильна в политическом и военном отношениях. К ней не только прислушивались, но и выполняли ее требования многие европейские государства. В европейской политике Россия опиралась на единство Священного союза и покорность побежденной Франции.

На Кавказе для России сложилась совершенно иная — сложная и тревожная обстановка. Турция и Персия, подписав с ней Бухарестский (1812) и Гюлистанский (1813) мирные договоры, фактически немедленно стали проводить политику их ревизии. При этом они рассчитывали на поддержку Великобритании, которая не могла смириться с российскими территориальными приобретениями на Кавказе. Активизации реваншистских настроений способствовало любое обострение международных отношений в Европе (в частности, побег Наполеона с острова Эльба в 1815 г.).

В 1816 г. Персия поставила вопрос о заключении нового соглашения с тем, чтобы возвратить шаху азербайджанские ханства. Это требование поддержала Великобритания. В 1817 г. в Персию для урегулирования спорных вопросов был послан в качестве чрезвычайного посла Главноуправляющий Кавказом генерал А. П. Ермолов. Ему было заявлено, что персидская сторона приступит к переговорам лишь на основе согласия России о восстановлении довоенных границ.

В те же годы турецкое правительство не только отказывалось признать русские приобретения в Закавказье, полученные ею в результате русско-иранской войны и Гюлистанского мира, но и не выполняло условия Бухарестского мирного договора. Оно предприняло попытку доказать посланнику России в Константинополе Г. А. Строганову принадлежность Турции кавказского побережья Черного моря, а также свои права сюзерена над Грузией, Имеретией, Гурией и др. Порта настаивала на выводе русских войск из этих районов. Одновременно политический нажим на Россию подкреплялся военными демонстрациями.

Таким образом, взаимоотношения России с Персией и Турцией продолжали оставаться напряженными. Особой остроты они достигли в 20-е годы. Этому способствовали сложная для России военно-политическая обстановка на Северном Кавказе, сепаратистские устремления бывших закавказских владетелей, антирусские выступления в приграничных с Персией и Турцией районах. Все это указывало на то, что последние, опираясь на Великобританию, готовились к войне с Россией. Война с ними не входила в планы русского правительства, а его стремление к мирному урегулированию спорных вопросов было расценено в политических кругах Персии, Турции и Англии как признак слабости. По своей сути это была авантюристическая политика, так как Персия и Турция в военном и экономическом отношениях были гораздо слабее России.

Летом 1826 г. Персия развязала *войну* против России. Антирусская партия, возглавляемая честолюбивым Аббас-Мирзой, активно поддерживалась английскими агентами. Персии была предоставлена субсидия в размере около 600 тыс. ф. ст. 40-тысячная армия во главе с Аббас-Мирзой перешла реку Аракс и осадила крепость Шуша. Далее, оставив блокадный отряд у Шуши, он с основными силами двинулся к Елизаветполю, который был захвачен и разграблен персидской армией. Возникла непосредственная угроза для Тифлиса.

Неудачи в Закавказье вызвали сильное раздражение Николая I. Ответственность за них он возложил на А. П. Ермолова, хотя тот заранее предупреждал Петербург о возможности войны на Кавказе и недостаточности там русских сил. Подозреваемый к тому же в симпатиях к декабристам Ермолов был смещен со своего поста и заменен любимцем царя генералом И. Ф. Паскевичем. 13 (25) сентября 1826 г. И. Ф. Паскевич в районе Елизаветполя атаковал во много раз превосходящие силы противника. Шахские войска были разбиты наголову, Аббас-Мирза отступил за Аракс.

Весной 1827 г. русские войска заняли Эчмиадзин, Нахичевань и блокировали крепость Эривань. Она пала в октябре 1827 г. Военные действия были перенесены в южный Азербайджан. Был взят Тавриз. Полное военное поражение Персии стало очевидным.

Начались переговоры о мире, которые приняли затяжной характер из-за неуступчивой позиции Аббас-Мирзы. **10 (22) февраля 1828 г.** в селе Туркманчай (близ Тавриза на территории Персии) был подписан мирный договор. В его составлении принимал участие русский писатель и дипломат А. С. Грибоедов. *Туркманчайский мирный трактат* предусматривал переход к Российской империи Эриванского ханства по обе стороны реки Аракс и Нахичеванского — на левобережье Аракса. Граница между Россией и Персией устанавливалась по рекам Карс, Аракс, водоразделу Талышских гор и по течению реки Астары до ее впадения в Каспийское море. По Туркманчайскому договору на Персию налагалась контрибуция в размере 20 млн. рублей серебром. Подтверждалось преимущественное право России иметь военный флот на Каспийском море.

Присоединение Эриванского и Нахичеванского ханств положило начало консолидации армянского народа. После подписания Туркманчайского мирного договора более 140 тыс. армян переселились из Турции и Персии в Закавказье.

В 1828 г. А. С. Грибоедов был назначен министром-резидентом в Персии. 30 января 1829 г. фанатичная толпа мусульман устроила погром российской миссии в Тегеране, во время которого А. С. Грибоедов погиб. (За его жизнь России правителем Персии был подарен большой алмаз “Шах”.) События 1829 г. явились последним всплеском обострения русско-персидских отношений. После урегу-

лирования конфликта они на длительный период стабилизировались и имели даже дружественный характер.

В **1828 г.** Россия объявила Турции войну в связи с систематическим невыполнением ею условий Бухарестского мирного договора 1812 г. и Аккерманской конвенции 1826 г. Еще одной причиной войны являлся отказ Порты выполнить требования европейских держав предоставить Греции автономию. Турция также стремилась к войне, рассчитывая восстановить свое влияние на Балканах и Кавказе.

Несмотря на то что основные события этой войны разворачивались на Балканах, Кавказский театр имел также большое значение. Военные действия происходили на черноморском побережье Кавказа и в Западной Армении — непосредственно на территории Османской империи. Летом 1828 г. русские войска взяли Карс, Анапу, Поти, Ахалцих, Ардаган и Баязет. Таким образом, важнейшие укрепленные пункты Турции на черноморском побережье и в Западной Армении перешли в руки России. Неудачи преследовали турецкую армию и в кампании 1829 г. Русские войска захватили важнейшую крепость в Северной Анатолии — Эрзерум.

В результате поражения Турции на Балканах (русские войска заняли Адрианополь) и на Кавказе начались переговоры о мире. Они завершились подписанием *Адрианопольского мирного договора* **2 (14) сентября 1829 г.** На Кавказе за Россией закреплялись Анапа, Поти, город Ахалцих и крепость Ахалкалаки. Турция была вынуждена окончательно признать присоединение Грузии и Восточной Армении к России. Таким образом, к ней перешли не только важнейшие укрепленные пункты в Закавказье, но и весь берег Черного моря от устья реки Кубань до крепости Поти включительно. Оговаривался в расплывчатых формулировках переход к России горных районов Северо-Западного Кавказа. В дальнейшем это дало возможность Великобритании не признавать этого факта и считать “Черкесию” независимой от России территорией. Турции возвращались занятые в ходе войны Карс, Баязет, Эрзерум, а также часть Ахалцихского пашалыка.

Туркманчайский и Адрианопольский мирные договоры на долгое время фактически и юридически закрепили в составе Российского государства территории Закавказья, Северо-Западного Кавказа, а также черноморское побережье.

Внутренняя политика России в Закавказье

Стабилизация обстановки в Закавказье позволила русскому правительству заняться организацией внутреннего управления этого региона. Сложность отношений с народами Закавказья, продолжавшаяся на Северном Кавказе война заставляли русское правительство проводить осторожную политику. Система соглашений о вхождении в состав России предусматривала сохранение автономии ряда государств Закавказья. Распространению на Кавказе русской бюрократической

системы мешали противодействие прежних владетелей, сила вековых кавказских традиций, антирусская агитация турецких и персидских эмиссаров, вмешательство Англии. В связи с этим процесс внутреннего административного устройства в Закавказье растянулся на несколько десятилетий.

Наряду с Грузией потеряли свою независимость и азербайджанские ханства. Вместо них было образовано шесть мусульманских провинций во главе с русскими офицерами-комендантами. В 1828 г. после присоединения Эриванского и Нахичеванского ханств была создана Армянская область. Вся администрация, состоявшая в основном из русских чиновников, подчинялась Главноуправляющему на Кавказе (позднее — наместнику). Этот пост занимали крупнейшие сановники России, пользовавшиеся особым доверием императора: князь П. Д. Цицианов, генерал А. П. Ермолов, генерал-фельдмаршал И. Ф. Паскевич, князь, генерал-адъютант М. С. Воронцов, генерал-адъютант Н. Н. Муравьев (Карский). Представители коренного населения, за исключением грузинского дворянства и армян, использовавшихся на низших должностях, на государственную службу не допускались.

Новое административно-территориальное деление было введено в Закавказье в 40-х годах. В 1840 г. образовались *Грузинско-Имеретинская губерния* и *Каспийская область*. В 1846—1849 гг. Закавказье было разделено на губернии по образцу центральной России — *Тифлисскую, Кутаисскую, Шемаханскую, Дербентскую и Эриванскую*. В конце 50-х — начале 60-х годов была окончательно ликвидирована автономия Мегрелии, Сванетии и Абхазии.

Социальная политика правительства была направлена на привлечение местной знати на свою сторону разными методами. Сохраняя крепостническую систему, Россия подтвердила право на владение землей и крестьянами грузинского дворянства. Николай I специальным указом уравнял его в правах с русским. За ханами и беками Восточного Азербайджана были закреплены принадлежавшие им ранее земли. В Армении также были подтверждены права местных помещиков и незыблемость земельной собственности Армянской григорианской церкви.

Одновременно в результате конфискации земель местных сепаратистов создавался крупный государственный земельный фонд в Закавказье. На этой основе стала осуществляться переселенческая политика. Ее целью было учредить военные поселения и колонии русских крестьян на Кавказе. Особое внимание уделялось переселению из внутренних губерний России староверов и сектантов.

Россия проводила взвешенную национальную и культурную политику, однако дифференцированно относилась к христианам и мусульманам. Народы Закавказья сохраняли свой язык, культуру, верования и обычаи, хотя официальное делопроизводство велось на русском языке. Активизировалась просветительская деятельность. В Тифлисе в 1849 г. была открыта публичная библиотека. В

1865 г. был основан Закавказский музей. Начали свою деятельность научные общества — Кавказская археографическая комиссия, Кавказский отдел Русского географического общества, Общество сельского хозяйства и Музыкальное общество в Тифлисе. В 1845 г. в Тифлисе был создан русский театр, в 1850 г. — грузинский.

Большую роль в развитии культурной жизни Закавказья играли учебные заведения, книгопечатание, издание газет и журналов на местных языках. Церковно-приходские школы до 1829 г. были единственным типом учебных заведений. Позднее стали открываться уездные училища для христианского и мусульманского населения. Губернские гимназии существовали лишь в Грузии — в Тифлисе и Кутаисе. В Шемахе для детей мусульман было учреждено четырехклассное училище. За счет казны для уроженцев Кавказа ("кавказских воспитанников") отводились места в российских университетах.

Укреплялись и расширялись связи передовой части русского общества с местной интеллигенцией. Творчество и деятельность А. С. Пушкина, А. С. Грибоедова, А. А. Бестужева-Марлинского, М. Ю. Лермонтова, Л. Н. Толстого оказали большое влияние на социокультурную жизнь этого региона. Природа Кавказа, своеобразные нравы и обычаи его народов стали источником вдохновения для русских поэтов, писателей, художников и общественных деятелей.

После присоединения к России в Закавказье начался подъем товарного производства — виноградарства, шелководства, рисоводства и др. Расширялось освоение природных богатств края. Экономическое развитие Закавказья ускорилось, хотя и было неравномерным по отдельным районам. Росту экономики способствовали уничтожение политической раздробленности и прекращение местных войн, защищенность края от новых разорительных нашествий, постепенное втягивание Закавказья в общероссийский рынок.

В то же время административно-территориальное и социально-политическое обустройство Кавказа, насаждение русского чиновничества по-разному воспринималось отдельными слоями населения. Верхушка общества охотно шла на сотрудничество с русскими властями, хотя отдельные ее представители продолжали испытывать антирусские настроения и плели политические интриги, рассчитывая на поддержку Турции, Персии и даже Великобритании.

Произвол чиновничества неоднократно вызывал народные волнения, особенно сильные в 30-е годы XIX в. Эти выступления, оцениваемые в советской историографии исключительно как антифеодальные, по сути являлись национальными движениями, имевшими антиимперский характер.

В целом Закавказье, несмотря на своеобразие своего развития, переживало в XIX в. те же экономические и социально-политические процессы, что и вся Россия. Оно, хотя и медленно, но не-

уклонно втягивалось в общее русло экономического и политического развития страны. Сложились благоприятные условия для ускоренного формирования грузинской, армянской и азербайджанской наций.

§ 2. Завоевание Россией Северного Кавказа. Кавказская война 1830—1864 гг.

Народы Северного Кавказа в первой половине XIX в.

Территорию Северного Кавказа отличало географическое и этническое своеобразие. Весьма специфическими были и природные условия, с чем напрямую было связано неоднородное экономическое состояние отдельных регионов. Крайне неравномерно развивалось земледелие. В Северной Осетии, Чечне, Ингушетии имелись удобные для него предгорные районы и долины рек. Самой плодородной частью Дагестана была северная, заселенная кумыками. Здесь находились обширные пахотные земли, сады и виноградники. Вместе с тем в горных частях Дагестана и Чечни условия для земледелия были неблагоприятными. Поэтому главной отраслью хозяйства было отгонное скотоводство: зимой скот пасли на равнинах и в речных долинах, а весной перегоняли на горные пастбища. В целом сельское хозяйство было малорентабельным и едва обеспечивало материальные нужды горцев.

Природные условия и хозяйственный уклад определяли различия в социально-политических отношениях народов Северного Кавказа. Так, в равнинной и предгорной областях существовало имущественное неравенство. Здесь ранее, чем в других местах, сложились социальные группы крупных землевладельцев и выделилась местная знать. На этой основе сформировались довольно устойчивые государственные образования — Аварское, Казикумыкское, Дербентское ханства, шамхальство Тарковское и др. В этих государствах оформились институты власти: политической, судебной, налоговой и т. д.

В горных районах существовали “вольные общества”, которые состояли из союзов нескольких соседских общин. Внутри “вольных обществ” организация людей была связана кровным родством или общей территорией проживания. Так, господствующим общественным организмом Чечни был тайп — патриархальная экзогамная группа людей, происходившая от одного предка.

В первой половине XIX в. постепенно изменялась социальная структура “вольных обществ”. Внутри них происходило имущественное расслоение. Среди вольных общинников (узденей) появилась более зажиточная часть населения, тяготившаяся патриархальными отношениями, стремившаяся к дальнейшему обогащению и защите своего имущества как от внутренних, так и внешних посягательств. Наряду со средними слоями стала выделяться об-

щинная знать. Она формировалась в основном из вожаков и организаторов военных отрядов, предназначенных для набегов на соседние территории (белады в Дагестане, бятчаги в Чечне). Помимо военных вождей и узденской верхушки значительную роль играло мусульманское духовенство. Оно пользовалось огромным авторитетом, осуществляло наследственный раздел имущества, совершало браки, обладало широкими судебными функциями на основе законов шариата. Это приводило к столкновению духовенства с ханами и беками, которые стремились сохранить консервативные адаты как форму организации общественной жизни[1].

Таким образом, социально-политический водораздел на Северном Кавказе в первой четверти XIX в. был связан с углублением имущественного неравенства, борьбой между сторонниками адатов и шариата, территориальными разногласиями между ханами, беками и представителями отдельных "вольных обществ". Зрели условия для глубокого социального конфликта.

Воинственная тенденция насильственного распространения ислама и замена адатов шариатом на всей территории Северного Кавказа стала наиболее ярким выражением этого конфликта. Во главе нового движения стояли духовенство, узденская верхушка и предводители "вольных обществ", обогатившиеся во время военных походов. Социальная напряженность усугублялась внешней опасностью со стороны России, что ускоряло тенденцию к объединению и созданию вместо политической раздробленности единого государства, способного более эффективно как защищать свою территорию, так и осуществлять внешнюю экспансию.

Политика России на Северном Кавказе в 1815—1830 гг.

Взаимоотношения России с народами Северного Кавказа имели длительную историю. Во второй половине XVIII — начале XIX в. многие северокавказские племена и общины под влиянием различных политических обстоятельств обращались к России с просьбой о покровительстве и даже о принятии в подданство. Однако заключенные с Россией акты местные владетели не рассматривали как постоянные. В большинстве случаев подчинение России имело лишь номинальный характер. Русское правительство также не считало присоединение полным и окончательным, не спешило распространять на Северный Кавказ свою военную и гражданскую администрацию. До определенного времени такое положение устраивало обе стороны.

[1] Адаты (араб. — обычай) представляли собой законы обычного права у народов Северного Кавказа. Многие нормы сложились в условиях родоплеменных отношений (кровная месть, выкуп, калым и т. д.). В исполнении адатов важную роль играли решения третейского суда и постановления сельской общины. Различие местных условий обусловило разнообразие адатов. Таким образом, они были одним из препятствий к формированию общей государственности на Северном Кавказе.

Присоединение Закавказья в корне изменило позицию России. Русское правительство не могло осуществлять свои внешнеполитические цели в Закавказье, не укрепившись на Северном Кавказе. Весь этот край оставался фактически автономным и неспокойным в военно-политическом отношении. Против России выступала Кабарда. Часть “вольных обществ” Дагестана вообще не признавала российской власти. Аварские ханы занимали двуличную позицию. На русские земли совершались набеги из Чечни, Дагестана, горных районов Северо-Западного Кавказа (Черкесии).

После завершения наполеоновских войн программа русского правительства в отношении Северного Кавказа претерпела серьезные изменения. Прежние, в основном мирные способы — заигрывание с горскими народами и подкуп их верхушки — были заменены военно-политическими карательными акциями. Русское правительство не отдавало себе отчета в том, с какими сложностями придется столкнуться при покорении “вольных обществ” Кавказа, и рассчитывало решить эту проблему в короткие сроки.

На Кавказ был направлен герой Отечественной войны 1812 г. генерал А. П. Ермолов в должности Главноуправляющего и командующего Кавказским корпусом. Он приступил к решительным действиям, прибегая зачастую к насильственным средствам. Ермолов полагал необходимым создать военный кордон против Чечни на реке Сунжа и против Дагестана путем переноса Кавказской линии в его равнинные и прибрежные районы, то есть вытеснить население далеко в горы и покончить тем самым с широко распространенной набеговой системой. Одновременно Ермолов стремился расширить и укрепить связи с теми народами и властителями на Северном Кавказе, которые поддерживали Россию. Таким образом, он проводил своеобразную политику “кнута и пряника”.

С 1817 г. Ермолов начал планомерное продвижение в глубь Чечни и Дагестана путем обустройства безопасных дорог (прорубка просек) и строительства укрепленных пунктов. В 1817—1819 гг. были построены крепости Грозная и Внезапная, что дало возможность контролировать плодородную долину р. Сунжа — территорию, сопредельную с Чечней. Для обороны Военно-Грузинской дороги был создан второй кордон — от Моздокской крепости до Дарьяльского ущелья. Он прикрывал грузинское направление от набегов чеченцев. Благодаря акциям Ермолова в 1818—1819 гг. линия военно-экономической и политической блокады стягивалась все туже. Полностью была изолирована мятежная Авария. Это требовало подкрепления русских сил на Кавказе — с такой просьбой Ермолов неоднократно обращался к Александру I. Блокада сопровождалась широкой практикой выдачи заложников (аманатов). Их брали для гарантии прекращения набегов и использовали в качестве средства политического нажима на “вольные общества”.

В 20-х годах XIX в. по инициативе Ермолова в ответ на продолжавшиеся набеги были предприняты военные экспедиции в

Чечню, Ингушетию, Северную Осетию, Кабарду и Закубанье, сопровождавшиеся уничтожением аулов, посевов и садов. В результате вспыхнули новые выступления горцев, которые жестоко подавлялись русскими войсками.

Это еще больше накалило обстановку. Усилилась антирусская пропаганда. В различных частях Северного Кавказа стали появляться пророки (или распространялись слухи о них), которые якобы должны были избавить население от русского владычества. Возникали и реальные антирусские движения, наиболее сильное из которых происходило в 1825 г. под руководством Бейбулата Таймазова.

Складывание идеологии мюридизма

В условиях широкого антироссийского движения, русской военно-экономической блокады Северного Кавказа и внутренних социально-политических процессов среди горских народов начала формироваться на основе ислама *идеология кавказского мюридизма.* Ее основателями стали Мухаммед Ярагский (духовный глава Дагестана) и Гази-Магомед (Кази-мулла, 1795—1832 гг.). Последний воспринял идеи известного на Кавказе богослова, мюршида Дагестана шейха Джемал-Эдина, проповедовавшего учение тариката — одну из разновидностей исламской религии. (Учение включало полное отречение от всего, что выходило за рамки ислама, постоянное духовное совершенствование, отказ от мирских проблем.)

Гази-Магомед и будущий третий имам на Северном Кавказе Шамиль стали мюридами, учениками Джемал-Эдина. Раньше лица, возглавлявшие то или иное движение, объявлялись шейхами и пророками, чтобы противопоставить себя ханам и бекам. Гази-Магомед стал первым, кто выдвинул идею объединения народов Чечни и Дагестана на основе ислама. Он и позднее Шамиль чисто религиозные догмы тариката трактовали значительно шире своих учителей. Они переносили их из духовно-религиозной сферы в область практических социально-правовых отношений и приспосабливали к нуждам военного времени. В отличие от Джемал-Эдина, в этом их поддерживал Мухаммед Ярагский.

Мюридизм был своеобразным религиозно-политическим учением. Его появление было связано с необходимостью перестройки социально-экономических и политических отношений внутри кавказских народов. Это учение, как и многие другие идеологические течения, затрагивало главные стороны жизни общества — вопросы собственности и власти (чего не касался тарикат). Мюридизм подразумевал не только духовное совершенствование на основе мусульманской религии, но и безусловное подчинение вождям и наставникам. Для него был характерен религиозный фанатизм. Целью мюридистского движения стало широкое и насильственное распространение шариата на все горские народы.

Частью мюридистского учения был *газават* (джихад) — одно из предписаний ислама, призывавшее к "священной войне" против "неверных" до полного их уничтожения или обращения в мусульманство. Он подразумевал обязательность религиозной войны, особенно против "отступников" — соплеменников и "неверных" соседей, для каждого совершеннолетнего и здорового мусульманина. Газават стал мощным идейным оружием в антирусской войне.

Теория мюридизма и насаждение шариата способствовали на определенный период сплочению горских народов, преодолению их политической разобщенности в тот момент, когда внутри горских обществ сложились предпосылки для политического объединения и образования государственности.

Основными приверженцами мюридизма, кроме мусульманского духовенства, были уздени. Большая часть владетелей и предводителей горских народов относилась к этому учению отрицательно, видя в нем ущемление своих прав и привилегий. Поэтому мюридизм не распространился на всю территорию Северного Кавказа. Осетины, кабардинцы и другие народы не приняли его. В основном идеи мюридизма преобладали в Чечне и горном Дагестане. Однако некоторые представители горской знати дальновидно усмотрели в этом учении возможность (путем замены адатов на шариат) узаконения различных форм социального неравенства и, в первую очередь, охраны частной собственности на землю. Поэтому такие владетели, как шамхал Тарковский, Аслан-хан Казикумукский и др., поддержали Кази-муллу и его учение.

Кавказская война 1830—1864 гг.

Гази-Магомед в **1828 г.** был провозглашен Мухаммедом Ярагским *первым имамом* — политическим и духовным руководителем народов Дагестана и Чечни. Свою деятельность он начал с походов в глубь Дагестана для распространения там шариата и повел активную борьбу против России. Собранные Гази-Магомедом войска в 1828 г. напали на Сунжинскую линию, желая овладеть крепостью Внезапная. В 1829 г. он предпринял поход на Хунзах (Авария), окончившийся неудачей. Одновременно, пытаясь создать полностью подвластную ему территорию (имамат), он стремился подчинить себе кавказских владетелей, в первую очередь, аварских ханов. Деятельность Гази-Магомеда обострила внутренние междоусобицы. Войну против русских и "местных предателей" он рассматривал как средство достижения своих политических и социальных целей среди горских народов. Публично объявив России газават в **1830 г.,** Кази-мулла фактически явился зачинщиком войны на Северном Кавказе.

Понимая опасность его действий, русское правительство, по прямому указанию Николая I, приняло решение подавить это движение. И. Ф. Паскевич, преемник А. П. Ермолова, обратился в **1830 г.** со специальной "*Прокламацией к населению Дагестана и Кавказских гор*". В ней он обвинил Кази-муллу в "возмущении спо-

койствия" и в ответ объявил ему войну. С этого момента Россия была прочно втянута во внутренние раздоры народов Северного Кавказа, развернулась затяжная *Кавказская война* против имамата.

Расчеты Николая I, Паскевича, других государственных и военных деятелей России на быструю победу провалились. Этому способствовали географические условия Северного Кавказа, своеобразие менталитета горских народов, их фанатизм, ярая приверженность исламу и идее газавата. России постоянно не хватало военных сил и материальных ресурсов на Кавказе. Она не имела единой стратегии и тактики борьбы, часто меняя способы покорения горских народов: создание прочного кордона вокруг имамата, его военно-экономическая изоляция, карательные походы в глубь гор, планомерное продвижение на территории имамата. В политическом плане использовалась тактика переговоров с отдельными горскими владетелями, которые не желали подчиняться Шамилю, различного рода социально-политических поблажек им, вплоть до прямого подкупа. (Эта практика приобрела особое распространение во время командования на Кавказе М. С. Воронцова.) Главный политический лозунг правительства в это время — Россия воюет не против горских народов, а против Шамиля и его сподвижников.

Непосредственное руководство операциями осуществляло военное министерство во главе с А. И. Чернышевым. Оно же определяло численность войск и было ответственно за их материально-техническое обеспечение. Важнейшие военно-политические решения принимал лично Николай I на основе донесений кавказских наместников, которые обладали значительной самостоятельностью на Кавказе и авторитетом в Санкт-Петербурге.

Кавказским корпусом, позднее армией, последовательно командовали: генерал-фельдмаршал И. Ф. Паскевич, генерал Е. А. Головин, генерал-адъютант А. И. Нейгардт, генерал-адъютант граф М. С. Воронцов, генерал-фельдмаршал князь А. И. Барятинский. В 50-е годы Главный штаб Кавказской армии возглавлял будущий военный министр Д. А. Милютин. Численность русских войск на Кавказе постепенно наращивалась от 60 тыс. человек при 120 орудиях в период командования А. П. Ермолова до более 100 тыс. человек при 900—1000 орудий после Крымской войны. В Кавказской войне часть командного состава действовала успешно, другая — проявила полную бездарность и неспособность ориентироваться в местной обстановке.

Стратегия горцев заключалась в активной обороне своей территории, осуществлении прорыва кордонной линии и набегах на наиболее богатые и плохо защищенные поселения вокруг имамата. Эти набеги использовались для захвата добычи, т. е. обогащения горских предводителей и пополнения казны имамата. Одновременно практиковался захват пленных как во время набегов, так и в ходе военных действий. Их содержали высоко в горах в тяжелых античеловеческих условиях и использовали как подсобную рабо-

чую силу (фактически в качестве рабов). Русским солдатам, попавшим в плен, было не на что надеяться, кроме побега. Офицеры содержались в ямах и пещерах, дожидаясь выкупа с родины. Выкупная система получила широкое распространение в годы войны.

В начале войны в 1830 г. И. Ф. Паскевичем были блокированы Гимры, основной опорный пункт Гази-Магомеда. Однако выступления горцев в различных районах Северного Кавказа разрастались. Волнения охватили горный Дагестан, Чечню, Джаробелаканы. Война продолжалась с переменным успехом.

В 1831 г. отряд Кази-муллы, применяя тактику набега, захватил Кизляр, подвергнутый жестокому разграблению. Отступив от Кизляра и терпя военные поражения от русских, Кази-мулла быстро пополнял свои войска из числа сторонников мюридизма. В 1832 г. русское командование решило нанести удар по главному опорному пункту Кази-муллы. Сражение в Гимрах произошло 17 октября 1832 г. Русский отряд под командованием генерала Г. Б. Розена, возглавлявшего в этот период Кавказский корпус, захватил это селение, а на второй день — и сторожевую башню, в которой укрылись руководители кавказского мюридизма. В сражении погиб Кази-мулла. Был тяжело ранен его ближайший сподвижник Шамиль.

Смерть Кази-муллы не сняла накала борьбы. Напротив, образ “святого праведника” вдохновлял горцев на новые подвиги во имя мюридизма.

Вторым имамом был избран *Гамзат-Бек* (1789—1834), происходивший из знатного аварского рода. В конце 20-х годов он поддержал Кази-муллу и встал под его знамена. Однако он не последовал за ним в Гимры и не был участником последнего сражения Кази-муллы. Став имамом, Гамзат-Бек стремился к утверждению своей власти и расширению земельных владений имамата за счет Аварии, территорий “вольных обществ” всего Дагестана. В связи с внутренними усобицами им были фактически свернуты, несмотря на широкие декларативные заявления, военные действия против России. В 1834 г. он совершил поход на Аварское ханство и Хунзах, овладев почти всей частью горного Дагестана. Перед захватом Хунзаха имам уничтожил семью аварских ханов и сам занял ханский престол. В результате заговора приверженцев аварского дома и по горским законам кровной мести Гамзат-Бек был убит.

В **1834 г.** новым, *третьим имамом* Дагестана стал *Шамиль* (1797—1871). Он родился в аварском селении Гимры, был ближайшим сподвижником Кази-муллы; в 1832 г. Шамиля едва не избрали его преемником. Помешала тяжелая рана, полученная при сражении в Гимрах и потребовавшая полугодового лечения. Кавказская война в преддверии своей самой интенсивной фазы обрела крупного лидера, который был более яркой и талантливой личностью по сравнению с его предшественниками. Его отличали широкая образованность (знание арабского языка, основ философии и законове-

дения), храбрость, необычайная физическая сила, военный опыт, приобретенный с молодости в многочисленных схватках с русскими. Шамиль был очень религиозен, тщательно соблюдал все обязанности правоверного мусульманина. На Кавказе его личность обросла многочисленными легендами. Например, ему приписывали особый дар прозорливости и способность предвидеть события. Вместе с тем, для него были характерны абсолютное непонимание европейского менталитета и связанная с этим определенная политическая наивность.

Шамиль продолжал идеологическую и политическую линию Кази-муллы: искоренение адатов, утверждение шариата, повышение престижа имамской власти. Средством решения этой задачи был газават, обращенный, в первую очередь, против русских. Именно Шамилю удалось создать прочное теократическое государство.

Имамат занимал территорию южной части Чечни и северных районов Дагестана. Он делился на округа, которыми управляли наместники Шамиля — наибы. Военно-административный аппарат имамата составляли мюриды (около 400 человек), наиболее верные и приближенные к Шамилю лица, отличавшиеся особой храбростью и способностью беспрекословного повиновения. В центре горной гряды Северо-Восточного Кавказа (Дагестан) в укрепленном ауле Ахульго находилась резиденция имама. Его армия в разное время насчитывала от 10 до 20 тыс. человек.

Шамиль сосредоточил в своих руках военную, административную и религиозную власть. Он правил фактически единолично, лишь изредка прибегая к съездам наибов для обсуждения наиболее важных политических вопросов. В имамате была организована "летучая" почта, при помощи которой все известия и распоряжения передавались с огромной скоростью. Был создан также институт мухтесибов, которые должны были следить за действиями наибов и поведением народа. Любое неподчинение Шамилю и нарушение запретов, установленных в Коране, сурово карались как измена религии, вероотступничество. Смертная казнь была весьма распространенной мерой наказания и назначалась не только самим Шамилем, но и его наибами. Имам возвеличивался как лицо, избранное Богом на великий подвиг. Популярность и авторитет Шамиля быстро росли, проникая в самые отдаленные уголки Дагестана и другие районы Северного Кавказа.

В **1834 г.** произошли первые столкновения между Шамилем и русскими войсками. Одновременно продолжалась, получив более широкое распространение, система набегов на русские поселения и в Грузию для захвата добычи и заложников, поощряемая Шамилем. Набеги использовались не только для обогащения, но и для обучения военному искусству горской молодежи.

С 1834 по 1837 гг. военные действия протекали вяло, что дало возможность Шамилю непосредственно заняться внутренним устройством имамата, укрепить государственность и накопить военные силы.

Он попытался также получить поддержку в борьбе против России у иностранных государств. Имам делал декларативные заявления о верности турецкому султану, просил помощи у Великобритании. Однако протурецкая ориентация не увенчалась успехом. Англия попыталась завязать с Шамилем связи, начать снабжение горцев деньгами и оружием. В 1836 г. у черноморского побережья Кавказа была задержана и конфискована русским правительством английская шхуна "Виксен" с грузом оружия на борту. Разразился острый политический конфликт, после которого Лондон был вынужден проводить более осторожную и сдержанную политику в отношении Кавказа.

В 1837 г. Кавказ посетил император Николай I. Дав положительную оценку состояния дел в Закавказье, он был возмущен бездеятельностью русского командования на Северном Кавказе, бессмысленными людскими и материальными потерями, не приносившими ощутимого успеха. По его настоянию военные действия активизировались. В 1839 г. Шамиль потерпел крупное поражение, русские войска взяли аул Ахульго. Однако раненому Шамилю с отрядом мюридов удалось прорваться в Чечню.

40-е годы XIX в. стали периодом высших политических и военных успехов Шамиля. Ему удалось нанести ряд чувствительных ударов отдельным отрядам Кавказского корпуса. Шамилем были временно захвачены укрепления черноморской береговой линии, занята Авария, вновь восстановлена власть в Дагестане. В 1842 г. он нанес русскому отряду под командованием генерала Граббе крупное поражение в Ичкерийском лесу. Карательная экспедиция против Шамиля в районе аула Дарго, которую возглавил наместник Кавказа М. С. Воронцов в 1845 г., окончилась неудачей. Воронцов был вынужден отступить, потеряв артиллерию и множество боеприпасов. В 1846 г. имам вторгся в Осетию и Кабарду, намереваясь отодвинуть границы своего государства далеко на запад и в перспективе присоединить Черкесию. Однако глобальные планы Шамиля не соответствовали военному потенциалу имамата. Поход в Осетию превратился в ординарный набег и закончился лишь грабежом мирных сел.

К концу 40-х годов государство Шамиля начало клониться к закату. Наибы Шамиля и верхушка духовенства, ставшие крупными землевладельцами, жестоко угнетали народ, разоряли его бесконечными податями. Эксплуатация населения, военные поборы, деспотизм Шамиля и его ставленников оттолкнули горское крестьянство от мюридизма. Теряя поддержку, Шамиль усиливал репрессии, наибы бесчинствовали на подвластных им территориях. Это еще более разжигало внутренний конфликт и подрывало основы имамата.

М. С. Воронцов в 1846 г. вновь сменил тактику и вместо отдельных карательных экспедиций приступил к планомерному про-

движению в горные районы. Его солдаты прорубали просеки в лесах и постепенно кольцо осады вокруг территории имамата сужалось. Часть наибов предала Шамиля и начала сепаратные переговоры с русским командованием, на выгодных условиях переходя на его сторону. Одним из первых покинул Шамиля и повернул оружие против своего бывшего владыки талантливый военачальник, любимец народа, наиб Аварии Хаджи-Мурат. Позже его примеру последовали наиб Малой Чечни Умаяров, прославленный среди горцев наиб Кибит-Магома. Все эти факты указывали на то, что имамат рушится изнутри.

Уже в 1853 г. русские войска окончательно вытеснили отряды Шамиля в горный Дагестан, где они фактически были обречены на полуголодное существование. Во время Крымской войны 1853 — 1856 гг. ослабленный имамат не сумел оказать действенной помощи турецкой армии на Кавказе. Кратковременный прорыв Шамиля в 1854 г. в Кахетию и захват Цинандали был его последним военным успехом.

После окончания Крымской войны внутреннее и внешнее положение имамата стало безнадежным. Усиленный Кавказский корпус, преобразованный в армию, под руководством нового Главнокомандующего князя А. И. Барятинского повел решительное наступление на горные районы Северного Кавказа. Одновременно в Дагестане начались народные выступления против Шамиля, оказавшегося в полной изоляции. Русская ориентация стала получать все большее распространение среди горских народов. Они не только прекращали вооруженное сопротивление, но и начали благожелательно воспринимать приход русских войск, оказывали им поддержку. А. И. Барятинский, в противовес Шамилю, стал пользоваться широкой популярностью на Кавказе.

Сложившаяся ситуация предопределила полное военное поражение и крах имамата. Судьбу Чечни решила битва за аул Ведено, который после длительного сражения был покинут отрядом Шамиля. Он возвратился в Дагестан и укрылся в Гунибе. В **августе 1859 г.** после ожесточенной битвы пало и последнее убежище Шамиля — *аул Гуниб*. Он был взят в плен. Имамат прекратил свое существование[1].

[1] Александр II благородно поступил со своим многолетним и жестоким противником. После пленения Шамиль был отправлен в Харьков, где произошла его встреча с императором. Затем он посетил Санкт-Петербург. С 1859 по 1869 гг. Шамиль находился вместе со всей своей семьей (женами, детьми и внуками) в почетной ссылке в Калуге. В начале 1870 г. Шамилю было разрешено выехать в Мекку, где он скончался в феврале 1871 г. Потомки Шамиля, его внучки и их мужья, до революции 1917 г. занимали высокое положение в Дагестане.

В ходе войны самостоятельно боролись против России народы Северо-Западного Кавказа — *черкесы*. (Под этим общим названием существовало множество различных племенных и общинных объединений.) Черкесы совершали набеги на Кубань, находившуюся на правом фланге Кавказской линии. Во время поездки Николая I на Кавказ в 1837 г. черкеские старейшины отказались встретиться с ним и выразить покорность России. В 1840 г. черкесы захватили и подвергли разграблению несколько укреплений на черноморском побережье.

Тревогу Петербурга о положении в этом районе усиливала опасность турецкого и английского проникновения на Северо-Западный Кавказ, так как он, в отличие от Дагестана и Чечни, был открыт для иностранного вторжения.

До конца 40-х годов XIX в. черкеские народы продолжали колебаться в выборе политической ориентации — некоторые тяготели к России. В 1848 г. на Северо-Западный Кавказ прибыл эмиссар Шамиля Мухаммед-Эмин. Ему удалось склонить большинство черкеских народов принять шариат и активизировать борьбу против русских. Он стал одним из вождей черкесов.

После завершения Крымской войны 1853 — 1856 гг. ситуация на Северо-Западном Кавказе еще более осложнилась. Усилились внутренние распри между Мухаммедом-Эмином и вторым вождем черкесов, ставленником Турции, Сефир-беем. Одновременно в 1857 г. в Туапсе высадился посланный Портой (при поддержке Англии) иностранный легион, состоявший из наемников различных национальностей.

Победа над Шамилем и его пленение в корне изменили ситуацию на Северо-Западном Кавказе. В ноябре 1859 г. Мухаммед-Эмин признал себя побежденным и присягнул на верность России. В декабре 1859 г. умер Сефир-бей. Была свернута деятельность иностранного легиона, который отбыл в Турцию.

В 1861 г. Россия выдвинула ультиматум черкесам, требуя их полной покорности. Его провозгласил сам император Александр II во время своей поездки по Кавказу. Одновременно усилилось военное проникновение России в глубь Северо-Западного Кавказа. В 1863—1864 гг. русские войска заняли всю территорию по северному склону Кавказского хребта. В **мае 1864 г.** они взяли штурмом Кбааду — последний очаг сопротивления черкеского племени убыхов. *Окончание* длительной *Кавказской войны* завершило последний этап присоединения Кавказа к России.

Покорение горцев Северного Кавказа и затяжная Кавказская война принесли России значительные людские и материальные потери. В течение всего времени погибло, было взято в плен, пропало без вести 77 тыс. солдат и офицеров Кавказского корпуса (ар-

мии), среди них — многие лучшие представители русской интеллигенции. Материальные и финансовые затраты были огромными, но они не поддаются точному учету. По официальным данным, в 40 — 50-е годы XIX в. содержание Кавказского корпуса и ведение войны стоило государственной казне 10—15 млн. рублей в год. Несомненно, что война ухудшила финансовое положение России. Она оставила неизгладимый след в сознании русского народа. Неоднозначное отношение к ней выразили многие писатели и публицисты того времени. Наибольшую известность приобрел кавказский цикл произведений (“Рубка леса”, “Хаджи-Мурат” и др.) великого русского писателя Л. Н. Толстого.

Глава 9
Общественная мысль в России во второй четверти XIX в.

§ 1. Общество и идеи в конце 20-х — 30-х годах

Настроения в русском обществе после поражения декабристов. П. Я. Чаадаев

После разгрома декабристов общественная жизнь России проходила в сложной обстановке политической реакции. Как писал А. И. Герцен, после поражения декабристов "умственная температура в России понизилась... развитие было прервано, все передовое, энергичное вычеркнуто из жизни".

Поражение декабристов вызвало у некоторой части общества пессимизм и отчаяние. Отражением этих настроений явился цикл *"Философических писем" П. Я. Чаадаева*, написанных в 1829—1831 гг. и выразивших мрачные взгляды автора на прошедшее, настоящее и будущее России. С рукописными списками "Философических писем" (на французском языке) были уже тогда знакомы ближайшие друзья Чаадаева. Основные идеи этих "писем" Чаадаев излагал и в московских салонах.

Высокообразованный и одаренный, друг А. С. Пушкина и А. С. Грибоедова, Чаадаев в 1819 г. вступил в декабристское общество Союз благоденствия, однако пробыл в нем недолго. В феврале 1821 г. он демонстративно вышел в отставку, хотя его ожидала блестящая карьера, и в 1823—1826 г. находился в заграничном путешествии в Англии, Франции, Италии, Швейцарии и Германии, где познакомился со знаменитыми философами того времени. По возвращении в Россию на границе у него обнаружили "разные непозволительные книги и подозрительные бумаги". Чаадаев был взят под арест и подвергнут допросу. Его подозревали в связях с декабристами, что он решительно отрицал. За недостатком "улик" он был освобожден.

Первое "Философическое письмо", в котором излагались основные положения, развитые в последующих семи письмах цикла, Чаадаев опубликовал в 1836 г. в журнале "Телескоп", издаваемом профессором Московского университета Н. И. Надеждиным. "Письмо" содержало систему историко-философских раздумий автора, опиравшихся, как он писал, на "истину христианского учения". Рассматривая прошлое и настоящее России, он делал пессимистические выводы относительно ее будущего. "Поколения и века протекли без пользы для нас, — писал Чаадаев. — Глядя на нас, можно было бы сказать, что общий закон человечества отменен по отношению к нам. Одинокие в мире, мы ничего не дали миру, ничему не

научили его; мы не внесли ни одной идеи в массу идей человеческих, ничем не содействовали прогрессу человеческого разума, и все, что нам досталось от этого прогресса, мы исказили... Мы не дали себе труда ничего выдумать сами, а из того, что выдумали другие, мы перенимали только обманчивую внешность и бесполезную роскошь... Если бы дикие орды, возмутившие мир, не прошли по стране, в которой мы живем, прежде чем устремиться на Запад, нам едва ли бы была отведена страница во всемирной истории. Если бы мы не раскинулись от Берингова пролива до Одера, нас и не заметили бы". Чаадаев писал, что Россия не примкнула ни к Западу, ни к Востоку, не имеет великих традиций и сильной религиозной основы. Спасение России, указывал он, заключается в полном приобщении ее к религиозно-культурным началам западного мира. В "Письме" содержалась и суровая критика социальных и нравственных основ существовавшего в России общественно-политического строя.

Николай I, прочитав "Философическое письмо" Чаадаева, расценил его как "смесь дерзостной бессмыслицы, достойной умалишенного". "Телескоп" был закрыт, его редактор Надеждин сослан в Усть-Сысольск, а цензор А. В. Болдырев (ректор Московского университета) за то, что пропустил "Письмо" в печать, был отстранен от должности с установлением за ним полицейского надзора. Чаадаев был официально объявлен "сумашедшим", и за ним установили "медико-полицейский надзор". В течение нескольких лет на дом к Чаадаеву являлся доктор для "освидетельствования его умственного состояния". Это распоряжение властей еще более подняло популярность Чаадаева. Разумеется, никто не верил в его "сумашествие", в том числе и посещавший его доктор, который говорил в кругу друзей: "Не будь у меня жены и детей, я бы сказал, кто сумашедший".

Герцен писал в "Былом и думах", что "Философическое письмо" Чаадаева произвело сильное впечатление на разные круги России. Это был, по его словам, "выстрел, раздавшийся в темную ночь", всколыхнувший многих и заставивший задуматься о судьбах России. Как вспоминал друг Чаадаева М. Н. Жихарев, "никакое литературное произведение или ученое событие... не производило такого огромного влияния и такого обширного действия, не разносилось с такой скоростью и с таким шумом. Около месяца среди целой Москвы почти не было дома, в котором не говорили бы про "чаадаевскую статью" и "чаадаевскую историю".

На автора "Письма" обрушились ретрограды. Но и передовые люди России оценили "Философическое письмо" неоднозначно. Считая положительным сам факт протеста против николаевской действительности и озабоченность судьбой России, они осудили пессимизм Чаадаева, его негативное отношение к прошлому России и неверие в ее будущее. Герцен назвал "Письмо" Чаадаева "голосом из гроба". А. С. Пушкин писал Чаадаеву о своем решительном несо-

гласии с его взглядами. “Я далеко не восторгаюсь всем, что вижу вокруг себя, — писал Пушкин, — но клянусь честью, что ни за что на свете не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, той, какой нам Бог ее дал”.

Впоследствии в рукописи “Апология сумашедшего” (1837) Чаадаев признал односторонность и несправедливость своих суждений об отсутствии будущего у России. Вместе с тем он объяснял, что его “Письмо” было вызвано болью за Россию, “за судьбу народа, из недр которого вышли могучая натура Петра Великого, всеобъемлющий ум Ломоносова и грациозный гений Пушкина”. Чаадаев писал, что Россия призвана сказать миру свое слово, “решить бóльшую часть проблем социального порядка, завершить бóльшую часть идей, возникших в старых обществах, ответить на важнейшие вопросы, какие занимают человечество”.

Кружки конца 20-х — начала 30-х годов Первые годы после восстания декабристов были временем деятельности кружков, в основном студенческой молодежи, малочисленных по составу и разнообразных по характеру — литературных и философских, радикальной и умеренной направленности.

Ряд студенческих кружков, считавших себя наследниками и продолжателями дела декабристов, в те годы действовал в стенах Московского университета. Участники этих кружков были полны юношеского революционного задора, но не имели ясных целей и опыта конспиративной работы. Обычно они существовали недолго, так как их деятельность быстро пресекалась правительственными карательными органами.

Николай I во время своей коронации в конце августа 1826 г. узнал о распространении крамольной поэмы “*Сашка*”, автором которой оказался студент Московского университета А. И. Полежаев. Николай сам расследовал это дело, лично допрашивал Полежаева и распорядился отдать его в солдаты. Появление его поэмы Николай рассматривал как “следы” 14 декабря 1825 г.

Спустя несколько лет в стенах Московского университета полиция выявила несколько тайных студенческих кружков антиправительственного характера. В 1827 г. в Московском университете был раскрыт *кружок братьев* Петра, Михаила и Василия *Критских*. Следственные материалы свидетельствуют о 6 членах кружка и 13 “прикосновенных” — студентов, мелких чиновников и даже одного юнкера. Основными темами бесед в кружке были “любовь к отечеству” и судьба декабристов, осуждение крепостного права и сурового режима, царившего в армии. Участники кружка строили планы широкой антиправительственной пропаганды. Были предложения выпустить прокламацию, которую предполагалось в день коронации Николая I положить у памятника Минину и Пожарскому на Красной площади, а к самому монументу “прилепить изображение казненных государственных преступников” (декабристов).

Перед самой коронацией Николая I все участники кружка были арестованы. Николай приказал членов кружка заключить в Шлиссельбургскую крепость и в тюрьму Соловецкого монастыря, а "прикосновенных" выселить из Москвы и отдать под надзор полиции.

В июне 1831 г. по доносу провокатора был разгромлен *кружок* отставного чиновника, воспитанника Московского университета, *Н. П. Сунгурова.* К следствию были привлечены 26 человек; в числе их были и студенты-поляки Московского университета. Участники кружка составили наивный и химерический план захватить артиллерию и арсенал, раздать оружие народу, "возмутить фабричных людей и всю чернь московскую", разоружить полицию, "освободить всех арестантов", захватить в Москве власть и от имени московского генерал-губернатора разослать по губерниям приказ о "высылке в Москву депутатов к рассмотрению конституции". Суд приговорил наиболее активных участников кружка к ссылке в каторжные работы, остальных — к отправке в солдаты.

В 1830 г. в Московском университете сложился *кружок* "казеннокоштного" студента В. Г. Белинского под названием "*Литературного общества 11-го нумера*" (кружок собирался в комнате № 11 общежития для "казеннокоштных" студентов). Его участники много читали и спорили на литературные темы, переписывали запретные стихи Пушкина, Рылеева, Полежаева и сами сочиняли крамольного характера сочинения; например, Белинским была написана драма "Дмитрий Калинин", обсужденная в кружке. Слабая в художественном отношении, она в резких тонах выражала протест против крепостнических порядков в России. Текст драмы стал известен университетскому начальству, которое в 1832 г. поспешило исключить ее автора из университета под предлогом "слабого здоровья" (Белинский по болезни пропускал занятия) и "по ограниченности способностей".

В 1834 г. полиция раскрыла *кружок А. И. Герцена и Н. П. Огарева.* Официально их обвинили в "пении пасквильных песен", подслушанных доносчиком. Герцен был арестован и сослан сначала в Пермь, затем в Вятку, а в 1837 г. по ходатайству В. А. Жуковского переведен на службу во Владимир. Огарев был сослан в Пензу, остальные члены кружка отданы под надзор полиции.

В 30-х годах нелегальные антиправительственные кружки были обнаружены во Владимире, Нежине, Курске, на уральских заводах. Николаевская система пресекала всякую попытку нелегальной деятельности даже в таких робких, "кружковых" формах идейного общения. И тем не менее, несмотря на внешнее "успокоение", исподволь шла глубокая внутренняя идейная работа, формировавшая новое поколение представителей русского освободительного движения. Герцен метко назвал последекабристский период (конец 20-х — начало 30-х годов) как "время наружного рабства и внутреннего освобождения".

Заметное место в общественно-культурной жизни России тех лет занимал литературно-философский *кружок Н. В. Станкевича* (1831—1837). Основатель кружка, человек большого личного обаяния, разносторонних познаний, необычайно одаренный, обладавший удивительным умением открывать таланты, привлек к кружку воспитанников Московского университета, впоследствии видных общественных деятелей и ученых нового поколения: В. Г. Белинского, М. А. Бакунина, К. С. Аксакова, Т. Н. Грановского, О. М. Бодянского, М. Н. Каткова, В. П. Боткина, Ю. Ф. Самарина. Всех участников кружка, несмотря на различия их взглядов и убеждений, объединяла любовь к литературе и философии, особенно немецкой. Они изучали произведения немецких философов — Ф. Шеллинга, И. Канта, И. Фихте, затем обратились к философии Г. Гегеля, который стал их кумиром, а также Л. Фейербаха. Задачей кружка ставилась пропаганда просветительских идей и гуманизма. С отъездом Станкевича в 1837 г. для лечения за границу кружок прекратил свое существование.

§ 2. Консервативное и либерально-оппозиционные направления русской общественной мысли конца 30—40-х годов

Для идейной жизни России 30—40-х годов XIX в. характерно увлечение философией, особенно классической немецкой, которую изучали представители разных направлений русской общественой мысли — от консервативной до радикальной. Труды знаменитых немецких философов — Канта, Фихте, Шеллинга, Гегеля, Фейербаха — были так же хорошо известны в России, как и в самой Германии. Каждый из русских мыслителей искал в их трудах теоретическое обоснование своих общественно-политических позиций.

На рубеже 30 — 40-х годов заметно оживляется идейная жизнь русского общества. К этому времени уже четко обозначились такие направления русской общественно-политической мысли, как охранительное, либерально-оппозиционное и леворадикальное.

Теория "официальной народности" Принципы этой теории были кратко сформулированы в 1832 г. С. С. Уваровым (с 1833 г. — министр народного просвещения) как "*православие, самодержавие, народность*". Однако основные положения ее были изложены еще раньше. Такими же идеями были проникнуты и коронационный манифест Николая I от 22 августа 1826 г. и последующие официальные акты, обосновывавшие приоритет православия для России и необходимость самодержавной формы монархического правления в ней. Уваров добавил лишь понятие "народность".

За "народность" ратовали все направления общественной мысли — от консервативной до леворадикальной, но вкладывали в это понятие различное содержание. Леворадикальное (в данном случае

речь идет о революционной демократии 40—50-х годов) рассматривало "народность" как демократизацию национальной культуры и просвещение народных масс в духе передовых идей, видело в народных массах свою основную опору в борьбе за социальные преобразования. К "народным началам" апеллировали славянофилы. Консервативно-охранительное направление в условиях роста национального самосознания тоже обратилось к "народности", которая трактовалась им как приверженность народных масс к православию и самодержавию. Впрочем, для этого имелись и некоторые основания: несомненное наличие в менталитете широких народных масс, в первую очередь крестьянства, религиозности и наивного монархизма. "Официальная народность" ставила своей задачей укрепить в сознании народа эти представления. Она спекулировала также и на чувстве патриотизма, выступая по существу за казенный национализм. Недаром еще декабристы, называя себя "истинными и верными сынами отечества", тем самым стремились отмежеваться от приверженцев этого казенного, "квасного" патриотизма.

"Официальная народность" знаменовала собой осознание официальной властью тщетности борьбы с передовыми идеями только одними репрессивными мерами. Сам автор этой теории Уваров рассматривал ее как "последний якорь спасения", как "умственную плотину" против проникновения с Запада "разрушительных идей" и распространения их в России.

Теория "официальной народности" стремилась доказать "исконность" и "законность" самодержавно-монархической формы правления в России и существующего в ней социального строя (крепостничества). Идеологи "официальной народности", прежде всего С. С. Уваров, объявляли крепостное право "нормальным" и "естественным" состоянием, одним из важнейших устоев России, "древом, осеняющим церковь и престол", хотя, как было сказано выше, сам Николай I говорил о крепостном праве как о "зле, для всех ощутительном", и осознавал необходимость его постепенной отмены.

Тем не менее следует подчеркнуть, что Николай I был главным "вдохновителем" и "дирижером" теории "официальной народности", а министр народного просвещения, консервативные профессора и журналисты выступали в роли ее усердных проводников. Для теории "официальной народности" характерны противопоставление патриархальной, "спокойной", без социальных бурь и потрясений России "мятежному" Западу, насаждение казенного оптимизма, в духе которого предписывалось создавать литературные и исторические произведения. Откровенно эту задачу выразил шеф жандармов А. Х. Бенкендорф в своей довольно примитивной формуле: "Прошедшее России удивительно, ее настоящее более чем великолепно, что же касается ее будущего, — оно выше всего, что только может представить себе самое пылкое воображение".

Пропагандистами теории “официальной народности” выступили известные в то время журналисты Ф. В. Булгарин и Н. И. Греч. Они издавали полуофициозную газету “Северная пчела”, которую поддерживало правительство. Ориентировавшаяся на самую неприхотливую часть публики газета имела широкое распространение. Эти же идеи, но только более утонченно, проповедовались в издаваемом О. И. Сенковским журнале “Библиотека для чтения”, рассчитанном на вкусы верхов бюрократии и поместного дворянства.

В научно-литературном журнале профессора русской истории М. П. Погодина “Москвитянин” и в трудах этого ученого исторически и теоретически обосновывались принципы “официальной народности”: они выводились из особенностей исторического развития России, национального характера русского народа в сравнении со странами и народами Западной Европы. “В Западной Европе,- писал Погодин,- государственность сложилась в результате завоевания: вследствие этого вся история ее — это борьба низших и высших сословий. Завоевание, разделение, феодализм... ненависть, борьба, освобождение городов — это первая трагедия Европейской трилогии. Единодержавие, аристократия, борьба среднего сословия, революция — это вторая”. Третий акт западноевропейской трагедии, по Погодину, развернется в будущем и выразится в страшной стихии “борьбы низших классов”. В России, напротив, государство сложилось вследствие не завоевания, а добровольного призвания, а поэтому “у нас не было рабства, не было пролетариев: не было ненависти, не было гордости, не было инквизиции, не было феодального тиранства”. В России сложился особый тип власти, основанный “на единении царя и народа, на всестороннем попечении власти о благе народа”. В России были “отеческое управление, патриархальная свобода, было семейное равенство, было общее владение, была мирская сходка”.

По представлению Погодина, история России хотя и не имела такого разнообразия крупных событий и блеска, как западная, но она была богата “мудрыми государями”, “славными подвигами”, “высокими добродетелями”. Доказывая отсутствие в России в течение всей ее истории сословной вражды, он выводил из этого и невозможность в ней революционных потрясений. Он писал об исконности в России самодержавия, начиная с Рюрика. По его мнению, Россия, приняв христианство от Византии, установила благодаря этому “истинное просвещение”. С Петра Великого Россия многое заимствовала от Запада, но, к сожалению, не только полезное, а и “заблуждения”. Теперь “пора возвратить ее к истинным началам народности”. С утверждением этих начал “русская жизнь наконец устроится на истинной стезе преуспеяния, и Россия будет усваивать плоды цивилизации без ее заблуждений”.

Профессор Московского университета филолог С. П. Шевырев в статье “История русской словесности, преимущественно древней” (1841) проповедовал покорность властям, считая высшим нрав-

ственным идеалом смирение и принижение личности. По его утверждению, “тремя коренными чувствами крепка наша Русь и верно ее будущее”: это — “древнее чувство религиозности”; “чувство ее государственного единства” и “осознание нашей народности” как “мощной преграды” всем “искушениям”, которые идут с Запада.

Теоретики “официальной народности” доказывали, что в России господствует наилучший порядок вещей, согласный с требованиями религии и “политической мудрости”. Крепостное право хотя и нуждается в улучшении, но сохраняет много патриархального (т. е. с их точки зрения положительного), “хороший” помещик лучше охраняет интересы крестьян, чем они могли бы сделать это сами, а положение русского крестьянина лучше положения западноевропейского рабочего.

Идейный кризис “официальной народности” наступил под влиянием военных неудач в годы Крымской войны, когда несостоятельность николаевской политической системы стала ясна даже наиболее рьяным ее приверженцам (например, тому же М. П. Погодину, который выступил с критикой этой системы в “Историко-политических письмах”, адресованных Николаю I, а затем и Александру II). Однако рецидивы “официальной народности”, попытки взять ее на вооружение, подчеркнуть “единение царя с народом” предпринимались и позднее — в периоды усиления политической реакции при Александре III и даже при Николае II.

В конечном счете “официальной народности” не удалось поработить умы людей духовно, несмотря на мощную ее поддержку со стороны правительства. Вопреки ей и всей мощи репрессивного аппарата, цензурным гонениям, шла огромная умственная работа, рождались новые идеи, как, например, славянофильство и западничество, разные по своему характеру, но которые тем не менее объединяло неприятие николаевской политической системы.

Славянофилы и западники

Славянофилы — представители либерально настроенной дворянской интеллигенции. Учение о самобытности и национальной исключительности русского народа, его мессианской предопределенности, неприятие ими западноевропейского пути социально-политического развития, даже противопоставление России Западу, защита самодержавия, православия, некоторых консервативных, точнее — патриархальных, общественных институтов сближали их с представителями “официальной народности”. Однако славянофилов никоим образом нельзя приравнивать к представителям этого ретроградного направления. Славянофильство — *оппозиционное* течение в русской общественной мысли, и в этом смысле оно имело больше точек соприкосновения с противостоящим ему западничеством, нежели с теоретиками “официальной народности”. Славянофилы, как и западники, выступали за отмену крепостного права сверху и проведение ряда реформ — в области суда, администрации и др., буржуазных по своей сущно-

сти (хотя славянофилы субъективно выступали против буржуазного строя, особенно западноевропейского образца, с его “язвой пролетариатства”, падением нравов и другими отрицательными явлениями), ратовали за развитие промышленности, торговли, просвещения, за свободу слова и печати, не принимали николаевскую политическую систему. Но противоречивость взглядов славянофилов, сочетание в их воззрениях прогрессивных и консервативных черт до сих пор вызывают споры об оценке славянофильства как идейного направления и о его месте в русской общественной мысли. Следует также иметь в виду, что и среди самих славянофилов не было единства мнений. Их споры между собой порой носили не менее острый характер, чем с западниками.

Славянофильство как идейное течение русской общественной мысли заявило о себе в **1839 г.**, когда два его основоположника Алексей Степанович Хомяков и Иван Васильевич Киреевский выступили со статьями: первый “О старом и новом”, второй — “В ответ Хомякову” (с несогласием некоторых положений Хомякова). В этих статьях, несмотря на разные подходы к проблеме прошлого,настоящего и будущего России, были сформулированы основные, общие для обоих авторов, положения славянофильской доктрины. Обе статьи не предназначались для печати, но широко распространялись в списках и оживленно обсуждались.

Конечно, и до этих статей различными представителями русской общественной мысли высказывались славянофильские идеи, но они тогда еще не обрели стройной системы. Славянофильство как идейное направление оформилось к 1845 г. — ко времени выпуска трех, славянофильских по содержанию своих статей, книжек журнала “Москвитянин”. Редактор журнала М. П. Погодин придерживался, как было сказано, консервативных взглядов, но он охотно предоставлял славянофилам печатать в нем свои статьи, так как правительство не разрешило им иметь свой периодический орган.

В **1839—1845 гг.** сложился и *славянофильский кружок*. Его составляли высокообразованные и даровитые люди. Душой кружка был А. С. Хомяков — “Илья Муромец славянофильства”, как его тогда называли, необыкновенно одаренный, энергичный и блестящий полемист, обладавший феноменальной памятью и исключительной эрудицией. Все хорошо знавшие Хомякова отдавали должное этой “колоссальной личности”, ставя его в один ряд с великими людьми России. “Хомяков! — восклицал историк К. Н. Бестужев-Рюмин. — Да у нас в умственной сфере равны с ним только Ломоносов и Пушкин!” “Ум сильный, подвижный, богатый средствами, богатый памятью и быстрым соображением”, — характеризовал Хомякова его оппонент в идейных спорах А. И. Герцен. Большую роль в кружке играли также братья И. В. и П. В. Киреевские. В кружок входила замечательная семья Аксаковых — братья Константин и Иван, позже в него вошли: их отец Сергей Тимофеевич — известный русский писатель; публицисты А. И. Кошелев и

Ю. Ф. Самарин — впоследствии они активно участвовали в подготовке и проведении реформ; ученые-публицисты Ф. В. Чижов и Д. А. Валуев.

Славянофилы оставили богатое наследие в философии, литературе, истории, богословии, экономике. Иван и Петр Киреевские считались признанными авторитетами в области богословия, истории, литературы, Алексей Хомяков — в богословии (в знании всех тонкостей богословия ему не было равных), Константин Аксаков и Дмитрий Валуев занимались русской историей, Александр Кошелев и Юрий Самарин — социально-экономическими и политическими проблемами, Федор Чижов — историей искусства. Сохранилось их колоссальное эпистолярное наследие, до сих пор еще полностью не изданное. Причем их письма представляли собой не столько документы личного характера, сколько трактаты и рассуждения на современные им общественно-политические темы. Дважды (в 1848 и 1855 гг.) славянофилы пытались оформить свои политические программы.

Для теоретического обоснования национального пути развития России славянофилы обращались к западноевропейской, главным образом, немецкой классической, философии. Особенно они увлекались сочинениями Шеллинга и Гегеля; им импонировала их трактовка исторического процесса.

Термин "славянофилы", по существу, случаен. Это название им было дано в пылу полемики их идейными оппонентами западниками. Сами славянофилы первоначально открещивались от этого названия, считая себя не славянофилами, а "русолюбами" или "русофилами", подчеркивая, что их интересовала преимущественно судьба России, русского народа, а не славян вообще. А. И. Кошелев указывал, что их скорее всего следует именовать "туземниками" или, точнее, "самобытниками", ибо основная их цель состояла в защите самобытности исторической судьбы русского народа не только в сравнении с Западом, но и с Востоком. Для раннего славянофильства (до реформы 1861 г.) не был характерен также и панславизм, присущий представителям (да и то немногим) позднего (пореформенного) славянофильства. Славянофильство как идейно-политическое течение русской общественной мысли сходит со сцены примерно к концу 70-х годов XIX в.

Основная идея славянофилов — доказательство самобытного пути развития России, точнее — требование "идти" по этому пути, идеализация "самобытных" учреждений, прежде всего крестьянской общины и православной церкви. Община в представлении славянофилов — "союз людей, основанный на нравственном начале", — исконно русское учреждение. "Община, — писал А. С. Хомяков, — есть одно уцелевшее гражданское учреждение всей русской истории. Отними его — не останется ничего; из его же развития может развиться целый гражданский мир". Община импонировала славянофилам тем, что в ней с ее регулярными переделами земель ца-

рит особый нравственный климат, который проявляется в "мирском согласии на мирском сходе", а в древности — на вече. Развитию этих качеств как нельзя лучше способствует православная церковь. Она рассматривалась славянофилами как решающий фактор, определивший характер русского народа. Православная церковь, в отличие от рационалистического католицизма, никогда не претендовала на светскую власть, всецело ограничиваясь сферой веры и духа. Именно поэтому развитие России шло по пути "внутренней правды", нравственного совершенствования и "развития духа", в то время как на Западе — по пути "внешней правды", т. е. по пути развития формальной законности, "вовсе не заботясь о том, нравственен ли сам человек".

Славянофилы приняли версию о "добровольном призвании" власти как начальном моменте русской государственности. Вследствие этого власть здесь, в отличие от Запада, не противостояла народу, напротив, она была желанной защитницей, "званым гостем" народа, осознавшего необходимость установления государства. В России не сложились и классы в западноевропейском понимании этого слова. В результате в русской истории не было социальной розни, внутренних потрясений. По мнению славянофилов, революционные потрясения в России невозможны и потому, что русский народ политически индифферентен. Он никогда не претендовал на политические права и государственную власть, жил в своем общинном мире, совершенствуя те высокие нравственные качества, которые ему свойственны. Власть, в свою очередь, выполняла присущие ей функции, не вмешиваясь в дела "земли" (мира), в необходимых случаях собирала земские соборы и спрашивала мнение "земли" по тем или иным общегосударственным вопросам. Эти силы развивались как бы параллельно, не вмешиваясь в дела друг друга. Поэтому между властью и "землей" установились добрые, патриархальные отношения.

Славянофилы стремились доказать, что русскому народу органически присущи социальный мир и неприятие революционных переворотов. Если и были смуты в прошлом, то они были связаны не с изменой высшей власти, а с вопросом о законности власти монарха. Так, народные массы восставали против "незаконных" монархов: узурпатора вроде Бориса Годунова, самозванцев или же за "хорошего" царя. Славянофилы выдвинули тезис: "*Сила власти — царю, сила мнения — народу*". Это означало, что русский народ (по своей природе "негосударственный") не должен вмешиваться в политику, предоставив монарху всю полноту власти. Но и самодержец должен править, не вмешиваясь во внутреннюю жизнь народа, но считаясь с его мнением. Отсюда требование славянофилов созыва совещательного Земского собора, который выражает мнение народа, выступает в роли "советчика" царя. Отсюда также и их требование свободы слова и печати для свободного выражения "общественного мнения".

Защита самодержавия как наиболее приемлемой для русского народа формы власти уживалась у славянофилов с критикой конкретного носителя этой власти и его политической системы, в данном случае Николая I. Так, Аксаковы называли его царствование "душевредным деспотизмом, угнетательской системой", а его самого — "фельдфебелем" и "душителем", который "сгубил и заморозил целое поколение" и при котором "лучшие годы прошли в самой удушливой атмосфере". Ф. В. Чижов распространял свое нелестное мнение вообще на всю династию "Романовых-Готторпских". "Немецкая семья два века безобразничает над народом, а народ терпит", — с горечью писал он. Здесь звучало и его ущемленное чувство русского, подчиненного произволу "немецкой" династии. Славянофилы даже допускали мысль об ограничении самодержавия, но считали, что в России пока нет еще такой силы, которая была бы способна это сделать. Не может ограничить самодержавие и представительное правление, ибо в нем главную роль будет играть дворянство — "самое гнилое у нас сословие". Поэтому самодержавие в данный момент в России необходимо.

Славянофилы справедливо обижались, когда оппоненты называли их ретроградами, якобы зовущими Россию назад. "Передовой боец славянофильства" К. С. Аксаков писал в ответ на эти обвинения: "Разве славянофилы думают идти назад, желают отступательного движения? Нет, славянофилы думают, что должно воротиться не к состоянию древней России (это значило бы окостенение, застой), а к *пути* древней России. Славянофилы желают не возвратиться назад, но вновь идти прежним путем, не потому, что он прежний, а потому, что он *истинный*". Поэтому неверно считать, что славянофилы призывали вернуться к прежним допетровским порядкам. Наоборот, они звали идти вперед, но не по тому пути, который избрал Петр I, внедрив западные порядки и обычаи. Славянофилы приветствовали блага современной им цивилизации — распространение фабрик и заводов, строительство железных дорог, внедрение достижений науки и техники. Они нападали на Петра I не за то, что он использовал достижения западноевропейской цивилизации (это они считали его заслугой), а за то, что он "свернул" Россию с ее "истинных" начал. Они полагали, что заимствуя у Запада полезное, можно было бы вполне обойтись без ненужной и опасной ломки коренных русских устоев, традиций и обычаев.

Таким образом, славянофилы вовсе не считали, что будущее России в ее прошлом. Они призывали идти вперед по тому "самобытному" пути, который гарантирует страну от революционных потрясений. А путь, избранный Петром I, по их мнению, создавал условия для них. Характерно, что крепостное право они считали тоже одним из "нововведений" Петра I (хотя и не западным) и выступали за его отмену не только из экономических соображений — они считали его очень опасным в социальном смысле. "Из цепей рабства куются ножи бунта", — писал К. С. Аксаков. А. И. Кошелев

в 1849 г. даже задумал создать “Союз благонамеренных людей” и составил программу “Союза”, предусматривавшую постепенное освобождение крестьян с землей. Эту программу одобрили все славянофилы.

Петровская европеизация России, как считали славянофилы, коснулась, к счастью, только верхушки общества — дворянства и “власти”, но не народных низов, прежде всего, крестьянства. Вот почему такое большое внимание славянофилы уделяли простому народу, изучению его быта, ибо, как они утверждали, “он (народ) только и сохраняет в себе народные, истинные основы России, он только один не порвал связи с прошедшей Русью”. В изучении народных традиций и быта особенно значительный вклад внес П. В. Киреевский. Однако “Песни, собранные Киреевским”, из-за цензурных стеснений не могли появиться в печати в николаевскую эпоху и были опубликованы в 10 томах уже в пореформенное время.

Николаевскую политическую систему с ее “немецкой” бюрократией славянофилы рассматривали как логическое следствие отрицательных сторон петровских преобразований. Они сурово осуждали продажную бюрократию, царский неправый суд с лихоимством судей. А. С. Хомяков писал о николаевской системе:

В судах черна неправдой черной
И игом рабства клеймена,
Безбожной лести, лжи тлетворной,
И лени мертвой и позорной,
И всякой мерзости полна.

Правительство настороженно относилось к славянофилам, видя в их учении “признаки вредного политического движения”. Им запрещали демонстративное ношение бороды и русского платья, усматривая в этом некий “тайный умысел”. Некоторых славянофилов за резкость высказываний подвергали арестам. Так, в 1847 г. был арестован Ф. В. Чижов, подозреваемый в политическом либерализме, в заговоре в пользу австрийских славян и в связях с украинским Кирилло-Мефодиевским обществом. Он подвергся допросам в III отделении, но за отсутствием улик вскоре был освобожден. В 1849 г. были арестованы и посажены на несколько месяцев в Петропавловскую крепость И. С Аксаков и Ю. Ф. Самарин. Самарина допрашивал сам Николай I, считавший, что он и его единомышленники “поднимают общественное мнение” против правительства и тем самым “готовят повторение 14 декабря”. Арестованные сумели доказать свою благонадежность, и царь дал такое о них распоряжение шефу жандармов А. Ф. Орлову: “Призови, вразуми и отпусти”. В условиях усиления реакционного политического курса в период “мрачного семилетия” (1848—1855) славянофилы вынуждены были на время свернуть свою деятельность.

К концу 50-х годов уже не было в живых основных видных участников прежнего славянофильского кружка — А. С. Хомякова,

И. В. и П. В. Киреевских, С. Т. и К. С. Аксаковых, Д. А. Валуева. На сцену выступили А. И. Кошелев, Ю. Ф. Самарин, В. А. Черкасский, которые приняли активное участие в подготовке и проведении крестьянской реформы. Видным публицистом и издателем в пореформенное время стал И. С. Аксаков. Характерно, что славянофильство было явлением исключительно "московской" общественной жизни.

Западничество, как и славянофильство, возникло на рубеже 30—40-х годов XIX в. Оно было представлено "обеими столицами" — Москвой и Петербургом. Московский кружок западников оформился (в спорах со славянофилами) в **1841—1842 гг.**, в Петербурге же находились немногие представители западничества, и какого-либо сложившегося кружка его единомышленников не существовало.

Современники трактовали западничество очень широко, относя к ним вообще всех, кто противостоял в идейных спорах славянофилам. В западники наряду с лицами, придерживавшимися весьма умеренных взглядов, такими, как П. А. Анненков, В. П. Боткин, Н. Х. Кетчер, В. Ф. Корш, зачислялись также и те, кто придерживался радикальных воззрений, — В. Г. Белинский, А. И. Герцен и Н. П. Огарев. Впрочем, Белинский и Герцен в своих спорах со славянофилами сами называли себя "западниками".

По своему социальному происхождению и положению большинство западников, как и славянофилов, относились к дворянской интеллигенции. Западниками были известные профессора Московского университета: историки Т. Н. Грановский и С. М. Соловьев, правоведы М. Н. Катков и К. Д. Кавелин, филолог Ф. И. Буслаев, а также видные писатели — И. И. Панаев, И. С. Тургенев, И. А. Гончаров, позднее — Н. А. Некрасов. Западники, в отличие от славянофилов, по-иному судили о путях развития России. В противоположность славянофилам они доказывали, что Россия хотя и "запоздала", но идет по тому же пути исторического развития, что и все западноевропейские страны, ратовали за ее европеизацию. В отличие от славянофилов они отрицали самодержавную власть монарха и выступали за конституционно-монархическую форму правления западноевропейского образца, с ограничением власти монарха, с гарантиями свободы слова, печати, неприкосновенности личности и с введением гласного суда. В этом плане их привлекал парламентарный строй Англии и Франции, вплоть до идеализации его некоторыми западниками. Как и славянофилы, западники выступали за отмену крепостного права сверху, отрицательно относились к самодержавно-бюрократической системе николаевского царствования. В противоположность славянофилам, которые признавали примат веры, западники решающее значение отводили разуму. Они выступали за самоценность человеческой личности как носителя разума, противопоставляли свою идею свободной личности славянофильской идее корпоративности (или "соборности").

Западники возвеличивали Петра I, который, как они говорили, "спас" Россию. Деятельность Петра I они рассматривали как пер-

вую фазу обновления страны; вторая, по их мнению, должна начаться с проведения реформ, которые явятся альтернативой пути революционных потрясений. Профессора истории и права (например, С. М. Соловьев, К. Д. Кавелин, Б. Н. Чичерин) большое значение придавали роли государственной власти и стали основоположниками так называемой “государственной школы” в русской историографии. Здесь они основывались на схеме Гегеля, считавшего государство творцом развития человеческого общества.

Свои идеи западники пропагандировали с университетских кафедр, в статьях, печатавшихся в “Московском наблюдателе”, “Московских ведомостях”, “Отечественных записках”, позже в “Русском вестнике” и “Атенее”. Большой общественный резонанс имели читаемые Т. Н. Грановским в 1843—1851 гг. циклы публичных лекций по западноевропейской истории, в которых он доказывал общность закономерностей исторического процесса России и западноевропейских стран. По словам Герцена, Грановский “историей делал пропаганду”. Западники широко использовали московские салоны (Елагиных, Свербеевых, Чаадаева и др.), где они “сражались” со славянофилами и куда съезжалась просвещенная элита московского общества, “чтоб посмотреть, кто из матадоров кого отделает и как отделают его самого”. Разгорались жаркие споры. Особенно изощрялся в полемическом задоре и остроумии Герцен. Выступления заранее готовились, писались статьи и трактаты. Это была отдушина в мертвящей обстановке николаевской России. III отделение было хорошо осведомлено о содержании этих споров через своих агентов, аккуратно посещавших салоны.

Несмотря на различия в воззрениях, славянофилы и западники выросли *из одного корня*. Почти все они принадлежали к наиболее образованной части дворянской интеллигенции, являлись крупными писателями, учеными, публицистами. Большинство их — воспитанники Московского университета. Теоретической основой взглядов и тех и других была немецкая классическая философия. И тех и других волновали судьбы России, пути ее развития, хотя они понимали их по-разному. “Мы, как двуликий Янус, смотрели в разные стороны, но сердце у нас билось одно”, — скажет позднее Герцен.

§ 3. Формирование радикально-демократического направления русской общественной мысли

На рубеже 40—50-х годов XIX в. в России складывается радикально-демократическое направление общественной мысли, наиболее видными представителями которого являются В. Г. Белинский, А. И. Герцен, Н. П. Огарев, “левое” крыло петрашевцев, а также и некоторые из участников украинского Кирилло-Мефодиевского общества. К этим же годам относится и разработка революционно-демократической теории, в основу которой были положены новейшие философские и политические (главным образом, социалистические) учения, распространявшиеся в Западной Европе.

Для Белинского и Герцена особое значение имела интерпретация философской системы Гегеля в применении ее к российской действительности. Герцен особое внимание уделял диалектике Гегеля, называя ее "алгеброй революции", ибо она служила ему обоснованием закономерности и неизбежности революционной ломки феодально-абсолютистского строя. Неоднозначно воспринималась философская система Гегеля Белинским. Тезис Гегеля "все разумное действительно и все действительное разумно" первоначально служил для Белинского оправданием существовавшей николаевской системы. В статьях "Бородинская годовщина", "Горе от ума", "Менцель — критик Гете", опубликованных в 1839—1840 гг., Белинский доказывал "благодетельность" российского самодержавия и, по существу, разделял взгляды теоретиков "официальной народности". Так, он писал: "Безусловное повиновение царской власти есть не одна польза и необходимость наша, но высшая мера жизни, наша народность". Эти статьи сурово осудили Герцен и Грановский. Последний даже назвал их "гадкими, подлыми". Вскоре и сам Белинский отверг их, проклиная свое "стремление к гнусному примирению с действительностью", называя этот период своего творчества "горячкой и помешательством ума". "Боже мой, сколько отвратительных мерзостей сказал я печатно, со всею искренностью, со всем фанатизмом дикого убеждения!" — писал в 1841 г. Белинский своему другу В. П. Боткину. Приведенные здесь его слова — яркий пример того, как непросто складывался идейный путь Белинского — путь поисков, сомнений, беспощадной самокритики и самоотрицания.

С конца 30-х годов XIX в. в России стали распространяться различные социалистические теории, преимущественно Шарля Фурье, Анри де Сен-Симона и Роберта Оуэна. Горячо воспринял их идеи Белинский. Поклонником этих социалистических идей станет до определенного времени и Герцен. Активными пропагандистами идей Фурье и Сен-Симона были петрашевцы. В конце 40-х годов русским мыслителям стали известны и первые работы К. Маркса и Ф. Энгельса. Поклонником и близким другом Маркса был П. В. Анненков. Однако в России Маркса и Энгельса тогда рассматривали в одном ряду с другими западноевропейскими социалистами.

Передовые идеи в то время пропагандировались через художественную литературу, драматическое искусство, с университетской кафедры, но очень осторожно, как правило, завуалированно, эзоповским языком. Особую роль здесь играли художественная литература и критика. "У народа, — писал Герцен, — лишенного общественной свободы, — литература — единственная трибуна, с высоты которой он и заставляет услышать крик своего возмущения и своей совести". Поэтому большое общественное звучание приобретали, например, "Ревизор" и "Мертвые души" Н. В. Гоголя с их острой сатирой на чиновничье-бюрократические нравы тогдашней России, произведения самого Герцена "Сорока-воровка", "Доктор

Крупов", "Кто виноват?", обличавшие крепостнические порядки, бесправие и унижение личности; блестящие критические статьи Белинского, публиковавшиеся в 40-х годах в "Отечественных записках". Велико было значение философских трактатов Герцена "Дилетантизм в науке" и "Письма об изучении природы", печатавшихся в те годы.

Характерным явлением в русской литературе и публицистике того времени было распространение в списках "крамольных" стихов, политических памфлетов и публицистических "писем", которые в тогдашних цензурных условиях не могли появиться в печати. Среди них большой резонанс приобрело написанное 15 июля 1847 г. Белинским "Письмо к Гоголю". Поводом к его написанию явилось издание в январе 1847 г. религиозно-философской книги Гоголя "Выбранные места из переписки с друзьями". "Книга эта, — вспоминал Герцен, — удивила всех. Дух ее был совершенно противоположен прежним творениям, которые так сильно потрясли всю читающую Россию". Книга Гоголя, написанная им в период тяжелого душевного кризиса, отразила его сомнения в значимости своих прежних произведений и по сути дела отречение от них. Автор "Ревизора" и "Мертвых душ", в которых он так талантливо вскрыл язвы крепостнических порядков в России, выступил в защиту рабства, самодержавия и официального православия. Книга вызвала многочисленные отклики как в частных письмах к ее автору, так и в печати.

В февральском номере "Современника" за 1847 год появилась отрицательная рецензия Белинского на "Выбранные места..." Гоголя. Белинский писал об измене Гоголя своему творческому наследию, о его религиозно-"смиренных" взглядах и самоуничижении. Гоголь счел себя оскорбленным и направил Белинскому в Зальцбрунн, где тот находился на излечении, письмо, в котором расценивал его рецензию как проявление личной неприязни к себе. Это и побудило Белинского написать свое знаменитое "Письмо к Гоголю".

В "Письме" острой критике подвергнута система николаевской России, представляющей, по словам Белинского, "ужасное зрелище страны, где люди торгуют людьми, где ... нет не только никаких гарантий для личности, чести и собственности, но и нет даже и полицейского порядка, а есть только огромные корпорации разных воров и грабителей". Белинский обрушивается и на официальную церковь — прислужницу самодержавия, доказывает "глубокий атеизм" русского народа и ставит под сомнение религиозность самих церковных пастырей. Не щадит он и самого знаменитого писателя, называя его "проповедником кнута, апостолом невежества, поборником обскурантизма и мракобесия, панегиристом татарских нравов".

Казалось бы, содержание "Письма" логически должно было привести его автора к самым крайним выводам. Однако изложенная в нем программа весьма умеренна и отнюдь не призывает к

радикальным мерам. “Самые живые, современные национальные вопросы в России теперь, — писал Белинский, — уничтожение крепостного права, отменение телесного наказания, введение, по возможности, строгого исполнения хотя бы тех законов, которые уже есть”.

Письмо Белинского к Гоголю распространялось в тысячах списков и вызвало широкий общественный резонанс. По словам И. С. Аксакова, в то время не было “ни одного учителя гимназии в провинции, который не знал бы наизусть письма Белинского к Гоголю”.

Власти давно уже следили за Белинским. Герцен приводит в “Былом и думах” такой эпизод: “Скобелев, комендант Петропавловской крепости, говорил шутя Белинскому: — Когда же к нам? У меня совсем готов для вас тепленький каземат, так для вас и берегу”. В последние месяцы жизни Белинский находился под особым наблюдением III отделения. В феврале 1848 г. управляющий III отделением Л. В. Дубельт приказал вызвать к себе “для беседы” Белинского, но тот, находясь в тяжелом состоянии, уже не вставал с постели. Только смерть Белинского спасла его от расправы. Дубельт, узнав о кончине Белинского, цинично заявил: “Рано ушел. Мы бы его сгноили в крепости”. Имя Белинского до 1856 г. было запрещено упоминать в печати.

Кружок петрашевцев (1845—1849)

В освободительном движении 40-х годов видное место занимает деятельность *кружка петрашевцев.* Основателем кружка был молодой чиновник Министерства иностранных дел, воспитанник Александровского (Царскосельского) лицея и Петербургского университета (в 1841 г. он окончил его как вольнослушатель) М. В. Буташевич-Петрашевский. Это был даровитый и чрезвычайно общительный человек.

Начиная с зимы 1845 г. в его большой петербургской квартире каждую пятницу собирались учителя, литераторы, мелкие чиновники, студенты старших курсов. Позже на “пятницах” Петрашевского стала появляться и передовая военная молодежь. Это были люди с самыми различными взглядами и убеждениями — как умеренно-либеральными, так и весьма радикальными. Наиболее видными деятелями кружка, представлявшими его радикальное крыло, являлись Д. Д. Ахшарумов, С. Ф. Дуров, Н. С. Кашкин, Н. А. Момбелли, Н. А. Спешнев. Они впоследствии организовали свои собрания и кружки, но в более узком составе.

На “пятницы” Петрашевского приходили и видные писатели, деятели науки и искусства: М. Е. Салтыков-Щедрин, Ф. М. Достоевский, А. Н. Плещеев, А. Н. Майков, художник П. А. Федотов, географ П. П. Семенов (Тян-Шанский), композиторы М. И. Глинка и А. Г. Рубинштейн. Вообще круг связей и знакомств петрашевцев был обширен. Среди посетителей “пятниц” были Н. Г. Чернышевский и даже Л. Н. Толстой. В каждый сезон “пятниц” (всего — до весны 1849 г. — состоялось четыре сезона) приходили новые люди, состав участников собраний все более расширялся.

Кружок Петрашевского не был оформленной организацией. Он начал свою деятельность как литературный кружок и до начала 1848 г. носил полулегальный, по существу, просветительский характер. Главная роль в кружке отводилась самообразованию и взаимному обмену мнениями о новинках художественной и научной литературы, о различных общественных, политических, экономических и философских системах. Его участников живо интересовали распространявшиеся тогда на Западе социалистические учения. Тон на этих собраниях задавал Петрашевский, о котором позже следственная комиссия напишет в своем отчете: "Петрашевский постоянно возбуждал и направлял эти суждения. Он доводил посетителей до того, что они если и не все сделались социалистами, то уже получали на многое новые взгляды и убеждения и оставляли собрания его более или менее потрясенные в своих верованиях и наклонными к преступному направлению".

Формирование взглядов Петрашевского и членов его кружка проходило под влиянием идей французских социалистов Фурье и Сен-Симона. Участники кружка вскладчину собрали целую библиотеку запрещенных в России книг (около тысячи томов). В ней были книги почти всех западноевропейских просветителей и социалистов, новейшие философские сочинения. Библиотека Петрашевского служила главной "заманкой" для посетителей его "пятниц".

Особенно интересовали Петрашевского и многих членов его кружка проблемы социализма. Для пропаганды социалистических и материалистических идей Петрашевский предпринял издание "Карманного словаря иностранных слов, вошедших в состав русского языка". В "Словарь" он ввел такие иностранные слова, которые никогда не употреблялись в русском языке, т. е. таким образом ему удалось изложить идеи социалистов Запада и практически все статьи французской конституции эпохи революции конца XVIII в. Для камуфляжа Петрашевский нашел и благонамеренного издателя штабс-капитана Н. С. Кириллова, а само издание посвятил великому князю Михаилу Павловичу. Первый выпуск "Словаря" (от "А" до "М") вышел в апреле 1845 г. Белинский немедленно откликнулся на него похвальной рецензией ("составлен умно, со знанием дела") и советовал "покупать его всем и каждому". В апреле 1846 г. вышел второй выпуск "Словаря" (от "М" до "О" — самый "крамольный"), но вскоре он был изъят из продажи. Было приказано уничтожить и находившиеся на складах и в магазинах все экземпляры первого выпуска (из 2 тыс. экземпляров было сожжено 1600), а дальнейшее издание "Словаря" было запрещено.

С зимы 1846/1847 г. характер собраний кружка стал заметно меняться: от разбора литературных и научных новинок его участники перешли к обсуждению злободневных общественно-политических проблем и к критике николаевского режима. В связи с этим наиболее умеренные участники кружка отходили от него, но среди

посетителей "пятниц" появились новые люди, придерживавшиеся радикальных воззрений: И. М. Дебу, Н. П. Григорьев, А. И. Пальм, П. Н. Филиппов, Ф. Г. Толь, И. Ф. Ястржембский, которые выступали за насильственные меры борьбы против самодержавия.

Политическая программа петрашевцев сводилась к введению республики с однопалатным парламентом и созданию системы выборности во все правительственные органы. В будущей республике предусматривалось проведение широких демократических преобразований: полное равенство всех перед законом, распространение избирательного права на все население, свобода слова, печати, передвижения. "Только одно правление народное, — говорил Петрашевский, — правление представительное — достойно... всякий народ должен управляться сам собою, есть сам властелин". Была детально разработана программа в области судоустройства. Согласно ей вводились равенство всех перед судом, независимость суда от административной власти, несменяемость судей в административном порядке, гласность судопроизводства, учреждение адвокатуры, участие в суде выбранных народом присяжных заседателей. Петрашевцы высказывались за федеративное устройство будущей России, при котором всем народам будет дана широкая автономия, основанная "на законах, обычаях и правах народов". Если радикальное крыло петрашевцев, возглавляемое Спешневым, предполагало осуществить эту программу преобразований насильственными мерами ("произвести бунт внутри России через восстание крестьян"), то умеренное крыло, к которому принадлежал сам Петрашевский, допускало возможность и мирного пути. Петрашевский с целью возбуждения дворян к добровольному освобождению крестьян в 1847 г. распространил в дворянском собрании Петербургской губернии литографированную записку, в которой предлагал "для повышения ценности дворянских имений" разрешить покупку населенных имений и недворянам, с тем чтобы при этой сделке крестьяне непременно получили свободу. Эта записка вызвала резкую критику со стороны радикально настроенных членов кружка, выступавших за полное и безвозмездное (без всякого выкупа) освобождение крестьян с землей, которой они владели.

Зимой 1848/1849 г. собрания у Петрашевского приняли уже четко выраженный политический характер. В кружке обсуждались проблемы революции и будущего политического устройства России. В марте-апреле 1849 г. петрашевцы приступили к созданию тайной организации и даже строили планы вооруженного восстания. Н. П. Григорьев составил прокламацию к солдатам под названием "Солдатская беседа". Был приобретен печатный станок для тайной типографии. Но на этом деятельность кружка была прервана. Министерство внутренних дел уже несколько месяцев следило за петрашевцами через засланного к ним агента, который давал подробные письменные отчеты обо всем, что говорилось на каждой "пятнице". Последовали репрессии.

В ночь на 23 апреля 1849 г. 34 "злоумышленника" были арестованы на их квартирах и отправлены сначала в III отделение, а затем после первых допросов препровождены в казематы Петропавловской крепости. Вскоре к ним присоединили еще двоих арестованных. Всего к следствию по делу петрашевцев были привлечены 122 человека. Петрашевцев судил военный суд. Хотя он обнаружил лишь "заговор умов", но в тех условиях, когда в Европе полыхали революции, суд вынес суровые приговоры. 21 участник кружка (в их числе Ф. М. Достоевский) был приговорен к расстрелу. Характерно, что одним из существенных "криминалов" для вынесения столь сурового приговора служило чтение на собраниях кружка письма Белинского к Гоголю.

Николай I не решился утвердить смертный приговор, но заставил приговоренных пережить страшные минуты надвигавшейся смерти. 22 декабря 1849 г. измученных после восьмимесячного заключения и допросов петрашевцев вывели из крепостных казематов на Семеновскую площадь Петербурга, где предстояла инсценировка смертной казни. Осужденным прочли смертный приговор, на их головы надели белые колпаки, забили барабаны, солдаты по команде взяли их уже на прицел, когда подъехал флигель-адъютант с царским приказом об отмене смертной казни. "Приговор [к] смертной казни расстрелянием, — вспоминал впоследствии Ф. М. Достоевский, — прочтенный нам всем предварительно, прочтен был вовсе не в шутку, почти все были уверены, что он будет исполнен, и вынесли, по крайней мере, десять ужасных, безмерно страшных минут ожидания смерти". Руководителей кружка, в том числе и Достоевского, отправили на каторгу в Сибирь, остальных разослали по арестантским ротам. Даже вполне благонамеренных людей поразила суровость мер, примененных к петрашевцам. После декабристов это был самый значительный политический процесс.

Кирилло-Мефодиевское общество (1846—1847)

Под воздействием русского освободительного движения передовая мысль формировалась и у других народов России, преимущественно в западных ее регионах: на Украине, в Белоруссии, Польше, среди народов Прибалтики, — где она связывалась с национально-освободительной борьбой.

В декабре 1845 — январе 1846 г. на Украине возникла тайная организация — *Кирилло-Мефодиевское общество* (или "братство"), получившее свое название в честь создателей славянской письменности Кирилла и Мефодия. Организаторами общества были профессор русской истории Киевского университета Н. И. Костомаров, мелкий чиновник Н. И. Гулак и студент В. М. Белозерский. В апреле 1846 г. в общество вступил выдающийся украинский поэт и художник, бывший крепостной, Т. Г. Шевченко. Программа общества, изложенная в "Уставе общества Св. Кирилла и Мефодия" и "Книге бытия украинского народа", предусматривала ликвидацию крепо-

стного права, установление равенства всех сословий, но главная цель его состояла в борьбе за социальное и национальное освобождение славянских народов, за создание республиканской славянской федерации русских, украинцев, поляков, чехов, сербов, хорватов, болгар, лужичан. Тем самым возрождалась традиция декабристского Общества соединенных славян. Были заготовлены три прокламации — "К украинцам", "К великороссиянам" и "К полякам", — в которых пропагандировались идеи всеславянской демократической федерации.

В Кирилло-Мефодиевском обществе определились два направления — умеренно-либеральное, возглавляемое Н. И. Костомаровым, П. А. Кулишем и В. М. Белозерским, и радикально-демократическое, во главе которого стояли Т. Г. Шевченко, Н. И. Гулак и Н. И. Савич. В марте 1847 г. по доносу провокатора 13 членов тайного общества были арестованы, не успев развернуть свою деятельность. В конце мая им был вынесен приговор, предусматривавший различные сроки наказания. Наиболее суровому наказанию подвергся Т. Г. Шевченко, причем ему вменялась в вину даже не столько принадлежность к тайному обществу, сколько то, что он "сочинял стихи на малороссийском языке самого возмутительного содержания". Николай I отдал распоряжение: "Шевченко определить рядовым в Отдельный Оренбургский корпус, с правом выслуги, под строжайший надзор, с запрещением писать и рисовать, и чтобы от него ни под каким видом не могло выходить возмутительных и пасквильных сочинений".

"Русский социализм" А. И. Герцена

На рубеже 40—50-х годов XIX в. формируется теория "русского социализма", основоположником которой был А. И. Герцен. Основные свои идеи он изложил в работах, написанных в 1849 — 1853 гг: "Русский народ и социализм", "Старый мир и Россия", "Россия", "О развитии революционных идей в России" и в др.

Рубеж 40—50-х годов явился переломным в общественных взглядах Герцена. Поражение революций 1848—1849 гг. в Западной Европе произвело глубокое впечатление на Герцена, породило у него неверие в европейский социализм, разочарование в нем. Герцен мучительно искал выхода из идейного тупика. Сопоставляя судьбы России и Запада, он пришел к выводу, что в будущем социализм должен утвердиться в России, и основной "ячейкой" его станет крестьянская поземельная община. Крестьянское общинное землевладение, крестьянская идея права на землю и мирское самоуправление явятся, по Герцену, основой построения социалистического общества. Так возник "русский" (или общинный) социализм Герцена.

"Русский социализм" исходил из идеи "самобытного" пути развития России, которая, минуя капитализм, придет через крестьянскую общину к социализму. Объективными условиями возникновения идеи русского социализма в России являлись слабое развитие

капитализма, отсутствие пролетариата и наличие сельской поземельной общины. Имело значение и стремление Герцена избежать “язв капитализма”, которые он видел в странах Западной Европы. “Сохранить общину и освободить личность, распространить сельское и волостное самоуправление на города, на государство в целом, поддерживая при этом национальное единство, развить частные права и сохранить неделимость земли — вот основной вопрос революции”, — писал Герцен.

Эти положения Герцена впоследствии будут восприняты народниками, поэтому его называют основоположником, “предтечей” народничества. По существу, “русский социализм” — лишь мечтания о социализме, ибо осуществление его предначертаний привело бы на практике не к социализму, а к наиболее последовательному решению задач буржуазно-демократического преобразования России. Собственно, в этом и заключалось реальное значение “русского социализма”. Он был ориентирован на крестьянство как свою социальную базу, поэтому получил также название “крестьянского социализма”. Его главные задачи состояли в освобождении крестьян с землей без всякого выкупа, ликвидации помещичьей власти и помещичьего землевладения, введении крестьянского общинного самоуправления, независимого от местных властей, демократизации страны. Вместе с тем “русский социализм” боролся как бы “на два фронта”: не только против устаревших феодально-крепостнических порядков, но и против капитализма, противопоставляя ему специфически русский “социалистический” путь развития, — и объективно стремился создать для этого наиболее благоприятные, свободные от всяких крепостнических пут условия.

Глава 10
Отмена крепостного права

§ 1. Предпосылки и подготовка крестьянской реформы

Александр II как реформатор 19 февраля 1855 г. на российский престол вступил Александр II (1818—1881) — старший сын Николая I. “Сдаю тебе мою команду, но, к сожалению, не в том порядке, как желал. Оставляю тебе много трудов и забот”, — сказал ему перед своей кончиной Николай I.

Это было время тяжких испытаний для России, когда обнаружилась полная несостоятельность николаевской системы. Два года шла изнурительная война, в которой русская армия терпела поражение за поражением. 28 августа (9 сентября) 1855 г. пал Севастополь, несмотря на мужество и героизм русских солдат и матросов. Стало очевидно, что война проиграна. Сразу же после падения Севастополя начались переговоры о мире, который был заключен 18 (30) марта 1856 г. в Париже.

Со вступлением Александра II на престол во всех слоях русского общества пробудились надежды на серьезные перемены. Эти надежды разделял и находившийся в лондонской эмиграции А. И. Герцен. В марте 1855 г. он направил Александру II письмо. “Дайте землю крестьянам, — убеждал царя Герцен, — она и так им принадлежит. Смойте с России позорное пятно крепостного состояния, залечите синие рубцы на спине наших братий... Торопитесь! Спасите крестьянина от будущих злодейств, спасите его от крови, которую он должен будет пролить!”

По своей натуре Александр II не был реформатором. В отличие от своего младшего брата Константина Николаевича Александр не увлекался либеральными идеями. Он получил разностороннее образование, владел пятью иностранными языками. Воспитателем его был назначен генерал К. К. Мердер, главным наставником — известный поэт В. А. Жуковский, учителями: статистики и истории — К. И. Арсеньев, экономики и финансов — Е. В. Канкрин, дипломатии — Ф. И. Бруннов; курс законоведения читал наследнику М. М. Сперанский. Образование Александра завершилось поездкой в 1837 г. вместе с В. А. Жуковским по 29 губерниям Европейской России, Западной Сибири и Закавказья, а в 1838—1839 гг. — по странам Западной Европы. С конца 30-х годов Николай I привлекает Александра к участию в государственных делах — в качестве члена Государственного совета, Сената и Синода, председателя двух секретных комитетов по крестьянскому делу (1846 и 1848 гг.), на-

значает его на высшие военные посты — сначала командующим гвардейской пехотой, затем Гвардейского и Гренадерского корпусов. На время отъезда императора из столицы на Александра возлагались все государственные дела. В 1850 г. Александр принимал участие в военных действиях русских войск на Кавказе. Таким образом, будучи еще наследником престола, он приобрел значительный опыт в военных и государственных делах.

В то время он действовал в русле политики своего отца, а в крестьянском вопросе выступал даже "правее" его, неизменно отстаивая помещичьи интересы. В 1848 г. он выступал за ужесточение цензуры и одобрял поворот в политическом курсе своего отца.

Однако, вступив на престол, Александр нашел в себе мужество признать крах николаевской системы и необходиимость перемен. Уже в первый год его царствования был сделан ряд послаблений — в первую очередь в сфере образования и печати. Были сняты ограничения, которым подверглись в 1848 г. университеты, а также запреты для выезда за границу, упразднен пресловутый "бутурлинский" цензурный комитет, разрешен ряд новых периодических изданий. Коронационный манифест 26 августа 1856 г. объявил амнистию декабристам, петрашевцам, участникам польского восстания 1830—1831 гг. и другим политическим ссыльным.

Но среди первостепенных и неотложных задач, вставших перед Александром II, была отмена крепостного права.

Предпосылки крестьянской реформы

Предпосылки, которые в конечном счете привели к отмене крепостного права в России, складывались уже давно. В первую очередь они выражались в углублении в последние десятилетия перед реформой 1861 г. социально-экономических процессов разложения крепостничества.

Другой важной причиной, заставившей помещиков пойти на отмену крепостного права, был социальный фактор — нарастание из десятилетия в десятилетие крестьянских бунтов. По данным, основанным на материалах наших архивов, за первую четверть XIX в. было зарегистрировано 651 крестьянское волнение (в среднем по 26 волнений за год), за вторую четверть этого столетия — уже 1089 волнений (43 волнения за год), а за последнее десятилетие (1851—1860) — 1010 волнений (101 волнение за год), при этом 852 волнения приходятся на 1856—1860 гг. Но помимо волнений протест крестьянства против крепостной неволи проявлялся и в других формах: убийствах помещиков и управляющих имениями, распространении слухов о воле, будораживших умы крестьян. Существенный ущерб помещичьему хозяйству наносили заведомо плохое выполнение барщины, задержки в уплате оброка, потравы помещичьих лугов и полей, лесные порубки.

"Крестьянский вопрос" давно серьезно беспокоил российское самодержавие, а в царствование Николая I он приобрел особую

остроту. При нем для разрешения крестьянского вопроса было создано 9 секретных комитетов, однако они не дали существенных результатов (см. главу 6). Необходимо было такое крупное потрясение, как Крымская война 1853—1856 гг., чтобы царское правительство вплотную приступило к подготовке отмены крепостного права.

Поражение в Крымской войне открыло глаза царизму на главную причину экономической и военно-технической отсталости страны — крепостное право — и на социальную опасность его дальнейшего сохранения. Крепостная Россия не выдержала военного соперничества с коалицией более экономически развитых и технически лучше оснащенных европейских стран. Крепостное хозяйство и особенно государственные финансы оказались в состоянии глубокого кризиса: громадные расходы на войну серьезно подорвали финансовую систему государства; частые рекрутские наборы в годы войны, реквизиции скота и фуража, рост денежных и натуральных повинностей, связанных с войной, разоряли население, наносили серьезный ущерб и помещичьему хозяйству.

Экономический кризис неизбежно породил и кризис социальный. Крестьянский протест уже не ограничивался локальными, разрозненными бунтами и выливался в массовые движения, охватывавшие одновременно сотни тысяч крестьян десятков губерний.

С 1854 г. началось массовое бегство крестьян от помещиков, охватившее многие губернии. 2 апреля 1854 г. был обнародован царский Манифест о формировании резервной гребной флотилии ("морского ополчения"). В нее могли записаться и помещичьи крестьяне, но с согласия помещика и с письменным обязательством о возвращении к нему после роспуска флотилии. Указ ограничивал район формирования флотилии всего четырьмя губерниями — Петербургской, Олонецкой, Новгородской и Тверской. Но весть об указе всколыхнула крестьян центральных и поволжских губерний. Среди крестьян разнеслась молва о том, "что государь император призывает всех охотников в военную службу на время и что за это семейства их освободятся навсегда не только от крепостного состояния, но и от рекрутства и от платежа казенных повинностей". Самовольный уход для записи в ополчение вылился в массовое бегство крестьян от помещиков.

Еще более широкий характер приняло это явление в связи с Манифестом 29 января 1855 г. о наборе ратников в "подвижное сухопутное ополчение". Оно охватило десятки центральных, поволжских и украинских губерний. Особым упорством отличалось движение крестьян в Киевской губернии, стремившихся записаться в "вольные казаки". Это движение, получившее название "киевской козаччины", было прекращено с применением военной силы.

Вскоре по окончании войны, весной-летом 1856 г. крестьяне южных губерний устремились в Крым, где, по слухам, по вышедшему указу они якобы получат свободу "от крепостного состояния".

Дороги, ведущие в Крым, были забиты толпами крестьян. Воинские части, посланные для их возвращения в свои селения, встретили отчаянное сопротивление.

Эти и подобные массовые крестьянские выступления произвели сильное впечатление на помещиков и правящие круги. Перед ними встал призрак новой "пугачевщины", которая представлялась в то время более опасной, ибо она, как говорили помещики, могла "соединиться с глубоко задуманною демократическою революциею". Помещики и власти боялись не только и не столько реальных крестьянских бунтов, сколько возможности общего крестьянского восстания, которым могли воспользоваться революционные элементы.

Таким образом, перед российским самодержавием встали неотложные задачи: необходимо было выйти из тяжелого финансового кризиса, разрешить острые социальные проблемы и при этом сохранить положение России в ранге великих держав. Разрешение этих задач упиралось в необходимость отмены крепостного права и проведения ряда других социальных и экономических реформ.

В первый год царствования Александра II на его имя стали поступать "записки" и письма с критикой пороков существующих порядков и предложениями о проведении реформ. Эти "записки" и письма расходились во множестве списков, встречая живейший отклик в различных общественных кругах России. Широкую известность тогда получили критическая записка П. А. Валуева "Дума русского" (1855) и серия "политических писем" М. П. Погодина (1854—1856). Погодин, который ранее (в 30—40-х годах) защищал николаевскую систему и был одним из видных идеологов "официальной народности", теперь заявлял: "Прежняя система отжила свой век. Сам Бог, взяв с поприща действий покойного государя, показал нам, что для России теперь нужна другая система". Он предлагал Александру II "объявить твердое намерение освободить крестьян", ввести гласность и "свободу книгопечатания".

Впервые о необходимости отмены крепостного права Александр II официально заявил в краткой речи, произнесенной им 30 марта 1856 г. перед представителями московского дворянства. Упомянув о своем нежелании *сейчас* "дать свободу крестьянам", царь вынужден был в то же время сказать о необходимости приступить к подготовке их освобождения в виду опасности дальнейшего сохранения крепостного права, указывая, что лучше отменить крепостное право "сверху", чем ждать, когда оно будет отменено "снизу".

Однако в течение 1856 г. практически ничего не было сделано в этом направлении, кроме разве того, что со стороны правительства предпринимались попытки выяснить отношение дворянства к реформе и добиться от него инициативы в деле освобождения крестьян. И здесь следует отдать должное настойчивости Александра II, который встал выше узкокорыстных интересов дворянства. Сознавая государственную необходимость проведения реформ, в первую

очередь крестьянской, царь последовательно шел к намеченной цели. Это тем более важно подчеркнуть, что *подавляющее большинство* российского дворянства выступало против каких-либо реформ.

Помещичьи проекты отмены крепостного права

Царя поддерживала либеральная часть помещиков, хозяйство которых было сильнее других втянуто в рыночные отношения. Они представили ему ряд своих проектов отмены крепостного права. Проекты предусматривали разные условия освобождения крестьян, что определялось в значительной мере различием хозяйственных интересов помещиков в зависимости от конкретных местных условий. Всего было представлено за 1856—1859 гг. более сотни различных проектов.

Интересы помещиков *нечерноземных* губерний России — с более развитыми в этом регионе товарными отношениями, широким распространением крестьянских неземледельческих промыслов и преобладанием оброчной формы эксплуатации крестьянства — отражал *проект* тверского губернского предводителя дворянства *А. М. Унковского.* В своей “Записке”, поданной Александру II в 1857 г., Унковский предлагал освободить крестьян с землей “без переходного состояния”, т. е. сразу, но с “вознаграждением” помещиков как за землю, предоставляемую в надел крестьянам, так и “за самих освобождаемых крестьян”. Выкуп надельной земли возлагался на самих крестьян, а выкуп личности крестьянина — “на все сословия”, что, по существу, выходило на тех же крестьян, составлявших преобладающее большинство населения страны. Проект Унковского отражал стремление помещиков нечерноземной полосы к быстрейшей ликвидации крепостных отношений и к получению максимального выкупа с целью организации своего хозяйства на предпринимательских началах. В проекте Унковского обозначилось также характерное для либерального направления русской общественной мысли того времени требование проведения других реформ: в области суда, администрации, печати и т. д. Это требование было четко изложено в поданном 16 октября 1859 г. Александру II адресе пяти представителей тверского, ярославского и харьковского дворянства — А. М. Унковского, Д. В. Васильева, П. Н. Дубровина, Д. А. Хрущова и Д. А. Шретера. Они предлагали “даровать крестьянам полную свободу, с наделением их землей в собственность, посредством немедленного выкупа”, образовать “хозяйственно-распорядительное управление, общее для всех сословий”, основанное на выборном начале, учредить “независимую судебную власть”, т. е. суд присяжных, с введением гласного и словесного судопроизводства, “дать возможность обществу путем печатной гласности доводить до сведения верховной власти недостатки и злоупотребления местного управления”.

Интересы помещиков *черноземной* полосы, где преобладало барщинное хозяйство, связанное с рынком, и где земля особенно

высоко ценилась, воплотил *проект* крупного полтавского помещика *М. П. Позена*, изложенный им в двух записках “О мерах освобождения крепостных крестьян” (были поданы Александру II в 1856 и 1857 гг.). Проект Позена выражал стремление помещиков черноземных губерний к сохранению в своих руках максимального количества земли, но вместе с тем и их незаинтересованность в полном обезземелении крестьян, ибо сохранение крестьянского хозяйства необходимо было для обеспечения помещиков рабочими руками.

Интересы помещиков *степной* полосы, относительно слабо заселенной, с преобладанием крупного помещичьего хозяйства, выражал *проект* известного славянофила, помещика Самарской губернии *Ю. Ф. Самарина*. В этом проекте, опубликованном в журнале “Сельское благоустройство”, Самарин предусматривал необходимость личного освобождения крестьян с землей и предоставления им гражданских прав. Но ввиду недостатка в степной полосе рабочих рук он считал необходимым установить “переходный период” сроком на 10—12 лет, во время которого сохранялось бы отбывание крестьянами барщинных работ за надельную землю и право вотчинной полиции за помещиком в его имении.

Несмотря на различия, все проекты объединяло стремление сохранить помещичье землевладение, власть помещиков и самодержавную монархию, а также создать условия для предпринимательской перестройки помещичьего хозяйства. Однако в конечном счете преследовалась главная цель — предотвратить “пугачевщину” в стране. Опасность общего крестьянского восстания рассматривалась в большинстве проектов как один из важных аргументов необходимости проведения крестьянской реформы.

Подготовка крестьянской реформы

Выработка оснований крестьянской реформы сначала была возложена на Министерство внутренних дел. Этим занялась специальная группа компетентных чиновников под председательством А. И. Левшина — товарища (заместителя) министра внутренних дел С. С. Ланского. Летом 1856 г. Левшин представил “Записку” с изложением принципов предстоящей реформы. Суть их заключалась в том, что за помещиком сохранялось право собственности на всю землю, включая и крестьянскую надельную, которая предоставлялась крестьянам при их освобождении в пользование, за что они обязаны были нести в пользу помещика регламентированные законом повинности в виде барщины или оброка.

3 января 1857 г. был образован Секретный комитет под председательством князя А. Ф. Орлова “для обсуждения мер по устройству быта помещичьих крестьян”. Это был последний, десятый по счету, секретный комитет по крестьянскому вопросу. Составленный из бывших николаевских сановников, в большинстве своем убежденных крепостников, Комитет затягивал дело. Однако нараставшая социальная напряженность в стране заставила Александра II

принять более действенные меры. При этом он по-прежнему стремился добиться от самих помещиков, чтобы они проявили свою инициативу в деле подготовки реформы. Первыми изъявили на это согласие помещики трех западных ("литовских") губерний — Виленской, Ковенской и Гродненской. В ответ 20 ноября 1857 г. последовал царский рескрипт генерал-губернатору этих губерний В. И. Назимову об учреждении из числа местных помещиков трех губернских комитетов и одной "общей комиссии в г. Вильне" для подготовки местных проектов крестьянской реформы. В основу рескрипта Назимову, а вскоре и циркуляра министра внутренних дел были положены принципы, изложенные ранее в "Записке" А. И. Левшина и одобренные Александром II. Рескрипт Назимову сначала держался в секрете: с текстом его конфиденциально были ознакомлены лишь губернаторы, которые должны были побудить дворян своих губерний также проявить инициативу в деле подготовки реформы. В официальной прессе рескрипт Назимову был опубликован 24 декабря 1857 г.

5 декабря 1857 г. последовал аналогичный рескрипт петербургскому генерал-губернатору графу П. Н. Игнатьеву. В течение 1858 г. рескрипты были даны и остальным губернаторам, и в том же году в 45 губерниях, в которых находились помещичьи крестьяне, были открыты комитеты по подготовке местных проектов освобождения крестьян. Боясь произнести слово "освобождение", правительство официально называло их "губернскими комитетами об улучшении быта помещичьих крестьян". Любопытно было отношение Александра II к губернским комитетам. В ноябре 1858 г., когда комитеты везде уже были открыты и приступили к работе, он писал брату Константину Николаевичу: "Хотя большого прока от них не ожидаю, но все-таки можно будет воспользоваться хорошими мыслями, которые можно надеяться найти, если не во всех, то по крайней мере в некоторых из них".

С опубликованием рескриптов и началом деятельности губернских комитетов подготовка крестьянской реформы стала гласной. В связи с этим Секретный комитет был переименован 16 февраля 1858 г. в "Главный комитет по крестьянскому делу для рассмотрения постановлений и предположений о крепостном состоянии"; еще ранее в состав комитета был введен энергичный и убежденный сторонник освобождения крестьян, великий князь Константин Николаевич, назначенный затем и его председателем вместо А. Ф. Орлова.

Опубликование рескриптов, даже с их крайне умеренной программой, большинство помещиков встретило отрицательно. Так, из 46 тыс. помещиков тринадцати центральных губерний только 12,6 тыс. выразили согласие на "улучшение быта" своих крестьян. В губернских комитетах развернулась борьба между либеральным меньшинством и крепостническим большинством, нередко принимавшая острый характер. Лишь в одном Тверском комитете преобладали либерально настроенные помещики.

Летом и осенью 1858 г. Александр II предпринял двухмесячную поездку по России. Он посетил Москву, Владимир, Тверь, Вологду, Кострому, Нижний Новгород, Смоленск и Вильну, где заявлял о своей решимости освободить крестьян и призывал дворян поддержать другие готовящиеся преобразования.

Обсуждение "крестьянского вопроса" заняло центральное место в русской прессе А. И. Герцена и Н. П. Огарева (в "Полярной звезде", "Голосах из России", но особенно в "Колоколе") и в легальной печати в самой России: в органе западников "Русский вестник" (редактор М. Н. Катков, придерживавшийся тогда либеральных воззрений), в умеренно-либеральном журнале "Атеней", в славянофильских журналах "Русская беседа" и "Сельское благоустройство", в "Журнале землевладельцев", служившем трибуной для выражения помещичьих взглядов. Тон задавал журнал "Современник", в котором с 1854 г. ведущее положение занял Н. Г. Чернышевский. В опубликованных в 1858—1859 гг. трех статьях под общим названием "О новых условиях сельского быта" он в подцензурной форме и внешне благонамеренном тоне проводил идею немедленного освобождения крестьян с землей без всякого выкупа.

Подготовка крестьянской реформы проходила в обстановке дальнейшего нарастания крестьянского движения. Если за 1857 г. властями было зафиксировано 192 разного рода крестьянских выступлений, то за 1858 г., когда подготовка реформы приобрела гласность, — уже 528. Сам факт начала подготовки реформы послужил толчком к крестьянским выступлениям. В донесениях губернаторов, губернских предводителей дворянства, офицеров корпуса жандармов и полиции за 1858 год постоянно указывалось, что крестьяне чаще всего восставали, "увлекаемые слухами о свободе", "прослышав о вольности из крепостного состояния", "превратно толкуя распоряжения правительства об улучшении их быта". Но о размахе крестьянского движения за последние предреформенные годы следует судить не только по числу отдельных волнений. Здесь особое значение приобрело массовое брожение в крестьянстве, готовое завершиться общим восстанием. Донося о случаях открытых крестьянских выступлений, местные власти сообщали, что еще большее количество крестьян охвачено "скрытым волнением".

Судьбы крестьянства решались в губернских комитетах и центральных учреждениях, готовивших реформу. Само оно было устранено от участия в деле, касающемся его жизненных интересов. Однако ни помещики, ни правительство не могли не считаться с настроениями крестьян, оказывавших значительное воздействие на ход подготовки реформы. Большое впечатление на царское правительство произвело восстание крестьян в 1858 г. в Эстонии. Еще в 1816 г. эстонские крестьяне получили личную свободу, но без земли, которую должны были арендовать у своих бывших помещиков за прежние феодальные повинности. В 1856 г. было издано новое "Положение", явившееся даже шагом назад по сравнению с рефор-

мой 1816 г., так как оно усиливало зависимость крестьян-арендаторов от помещиков и лишало перспективы приобрести землю в собственность. Восстание охватило десятки тысяч крестьян. На усмирение его были посланы крупные воинские силы. Оно воочию показало опасность безземельного освобождения крестьян. В связи с этим 4 декабря 1858 г. Главный комитет принял новую программу реформы, предусматривавшую предоставление крестьянам их наделов в собственность посредством выкупа, правительственное содействие выкупу путем организации кредита, введение крестьянского самоуправления в рамках сельской общины. Эта программа и легла в основу проекта "Положений о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости".

Вместе с тем еще в начале 1858 г., в связи со сложившейся в крепостной деревне напряженной обстановкой, Александр II одобрил проект "Положения о временных генерал-губернаторах", которые наделялись по сути дела неограниченной властью на местах. Проект не был реализован, ибо встретил недовольство дворянства, усмотревшего в нем подрыв своих позиций в местном управлении.

4 марта 1859 г. в качестве "рабочего" органа при Главном комитете были учреждены *Редакционные комиссии.* На них возлагались: *рассмотрение* материалов, представленных губернскими комитетами, и *составление* проектов законов об освобождении крестьян. Одна комиссия должна была подготовить проект "Общего положения о крестьянах", другая — проект "местных положений по поземельном устройстве крестьян". Но фактически обе комиссии в своей деятельности слились в одну, сохранив множественное наименование — Редакционные комиссии. Это был вневедомственный, "нетрадиционный" орган, который проделал основную работу в разработке проекта "Положений о крестьянах". Хотя он и числился при Главном комитете, но пользовался самостоятельностью, будучи подчинен непосредственно императору. Редакционные комиссии подразделялись на финансовый, юридический и хозяйственный отделы. В составе их находилось 38 человек: 17 — представители министерств и ведомств и 21 эксперт — от местных помещиков и ученых. Это были компетентные и в своем большинстве либерально настроенные деятели. *Председателем* Редакционных комиссий был *Я. И. Ростовцев* — близкий к Александру II и "беспоместный" (не имевший ни земли,ни крепостных крестьян, следовательно, не принадлежащий ни к какой "помещичьей партии"). Он последовательно проводил правительственную линию, не поддаваясь влиянию ни "справа", ни "слева" и пользуясь постоянной поддержкой Александра II.

Ростовцев собрал все законодательные акты о крестьянах, все поступившие проекты крестьянской реформы, материалы секретных комитетов, специальные журналы и оттиски статей по крестьянскому вопросу, в том числе и запрещенные в России заграничные герценовские издания, которые посылались ему из III отделе-

ния императорской канцелярии. “Колокол” Герцена постоянно лежал на столе Ростовцева. В 1859—1860 гг. были изданы 25 томов “Материалов Редакционных комиссий” и 4 тома “Приложений” к ним (статистических данных о состоянии помещичьих имений). После смерти Ростовцева в феврале 1860 г. председателем Редакционных комиссий был назначен министр юстиции В. Н. Панин, известный своими крепостническими взглядами. Однако он не мог сколько-нибудь существенно изменить деятельность комиссий и повлиять на содержание подготовленных к тому времени проектов.

Обилие разнообразной документации по крестьянскому вопросу, поступавшей в Главный комитет, вызвало необходимость создания в марте 1858 г. при Центральном статистическом комитете Министерства внутренних дел *Земского отдела*, призванного заниматься разбором, систематизацией и обсуждением всех дел, связанных с подготовкой реформы. Первоначально *председателем* Земского отдела был назначен А. И. Левшин, позже *Н. А. Милютин* — один из самых образованных и талантливых государственных деятелей той эпохи, сыгравший немалую роль и в Редакционных комиссиях, где он являлся, по свидетельству современников, “правой рукой” Ростовцева и “главным двигателем реформы”.

Губернские комитеты занимали в целом консервативные позиции, обусловленные корыстными интересами местного дворянства. Большинство губернских комитетов выступало за сохранение на неопределенный срок временнообязанного состояния крестьян и требовало при его прекращении возврата помещикам крестьянских наделов. Редакционные комиссии не пошли навстречу этим притязаниям дворянства. Но и в самих Редакционных комиссиях не было единства мнений: шла острая борьба по вопросам о конкретных нормах наделов и повинностей, функциях крестьянского сельского управления.

В августе 1859 г. проект “Положений о крестьянах” Редакционными комиссиями был в основном подготовлен. Предполагалось сначала обсудить его с депутатами от губернских комитетов, которых решено было вызывать в Петербург отдельными группами. В конце августа 1859 г. были вызваны 36 депутатов от 21 комитета, а в феврале 1860 г. — 45 депутатов от остальных комитетов. Вызванным в Петербург депутатам запрещалось собираться вместе, подавать коллективные мнения, даже общаться между собою (за этим следила полиция).

Проект “Положений о крестьянах”, представленный депутатам, был подвергнут ими резкой критике. Депутаты “первого приглашения” считали установленные Редакционными комиссиями нормы крестьянских наделов завышенными, а повинности за них — заниженными. Депутаты “второго приглашения”, представлявшие главным образом черноземные губернии, настаивали на сохранении в руках дворянства всей земли, а также и вотчинной власти помещиков. Редакционные комиссии вынуждены были пойти на

некоторые уступки этим требованиям: в ряде черноземных губерний были понижены нормы крестьянских наделов, а в нечерноземных, преимущественно с развитыми крестьянскими промыслами, повышены размеры оброка и предусмотрена так называемая "переоброчка" — пересмотр размеров оброка через 20 лет после издания "Положений о крестьянах".

Во время подготовки реформы помещики предприняли конкретные контрмеры, чтобы "упредить реформу". Если ранее их аппетиты несколько сдерживались желанием сохранить платежеспособность крестьян и тем самым обеспечить поступление доходов от своих имений, то в последний момент, когда помещики были поставлены перед фактом скорой отмены крепостного права, ограбление ими крестьян приняло прямо-таки хищнический характер. В отчете III отделения за 1858 г. говорилось: "Одни [помещики] переносили крестьянские усадьбы на новые места или переменяли у них земельные участки; иные переселяли крестьян в другие свои имения, уступали их степным помещикам не только за бесценок, но и даром, третьи отпускали крестьян на волю без земли и вопреки их желанию; сдавали их в рекруты в зачет будущих наборов, отправляли в Сибирь на поселение — одним словом, вообще употребляли разные средства, чтобы избавиться от излишнего числа людей и чтобы сколь возможно меньшее их число наделять землею". Эти действия помещиков А. И. Герцен метко назвал "предсмертными злодействами помещичьего права". Чтобы предотвратить подобные действия, правительство вынуждено было издать в 1858—1860 гг. ряд указов и распоряжений.

10 октября 1860 г. Редакционные комиссии завершили свою работу, и проект "Положений" поступил в Главный комитет по крестьянскому делу, где он обсуждался до 14 января 1861 г. Здесь проект подвергся новым изменениям в пользу помещиков: прежде всего снова были понижены нормы крестьянских наделов в некоторых местностях, увеличен оброк в местностях, "имеющих особые промышленные выгоды". 28 января 1861 г. проект поступил на рассмотрение последней инстанции — Государственного совета. Открывая его заседание, Александр II указал на необходимость скорейшего решения крестьянского дела. "Всякое дальнейшее промедление может быть пагубно для государства", — заявил он. Далее он сказал: "Я надеюсь, господа, что при рассмотрении проектов, представленных в Государственный совет, вы убедитесь, что все, что можно было сделать для ограждения выгод помещиков, — сделано". Однако члены Государственного совета сочли необходимым ввести новое дополнение к проекту в пользу помещиков. По предложению крупного землевладельца князя П. П. Гагарина был внесен пункт о праве помещиков предоставлять крестьянам (правда, по соглашению с ними) сразу в собствененность бесплатно ("в дар") четверть надела. Предполагалось, что перспектива получения бесплатного, хотя и мизерного надела при ликвидации сразу всех обя-

зательств перед помещиком привлечет крестьян, а самому помещику даст возможность сохранить в своих руках максимум земельных угодий и обеспечит его дешевой рабочей силой.

16 февраля **1861 г**. в Государственном совете было завершено обсуждение проекта *"Положений о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости"*. Подписание "Положений" было приурочено к **19 февраля** — 6-й годовщине восшествия Александра II на престол. Одновременно им был подписан и *Манифест*, возвещавший об освобождении крестьян от крепостной зависимости. Первоначальный его текст был составлен Н. А. Милютиным и Ю. Ф. Самариным, но по повелению царя он был переделан московским митрополитом Филаретом: он должен был придать Манифесту форму, призванную воздействовать на религиозные чувства крестьян. Манифест проводил идею "добровольности" и "жертвенности" дворянства (от которого якобы исходила инициатива освобождения крестьян), навстречу пожеланиям которого пошел государь. Манифест призывал крестьян к "спокойствию и благоразумию", к неукоснительному выполнению установленных законом повинностей.

В тот же день, 19 февраля, был учрежден Главный комитет "об устройстве сельского состояния" под председательством великого князя Константина Николаевича. Он заменил собой Главный комитет "по крестьянскому делу" и был призван осуществлять высшее наблюдение за введением в действие "Положений" 19 февраля 1861 г., рассматривать проекты законов в дополнение и развитие этих "Положений", изменение правового и поземельного положения других категорий крестьян (удельных и государственных), решения ряда спорных и административных дел. На местах были учреждены губернские по крестьянским делам присутствия.

Правительство прекрасно понимало, что подготовленный закон не удовлетворит крестьян, поэтому приняло ряд чрезвычайных мер для подавления крестьянских восстаний, которые могли вспыхнуть в ответ на "даруемую волю". Заранее были составлены подробные инструкции и предписания о дислокации и действиях войск на случай крестьянских "беспорядков". В течение декабря 1860 г. — января 1861 г. проходили секретные совещания военного министра, министра внутренних дел и министра двора, военного генерал-губернатора Петербурга и начальника III отделения, на них обсуждались меры по охране правительственных зданий и царских дворцов во время объявления Манифеста о "воле". Приходскому духовенству разослано было предписание от Синода, чтобы оно в своих проповедях убеждало крестьян сохранять спокойствие и повиновение властям.

С необходимым количеством экземпляров Манифеста и "Положений" после подписания их царем и опубликования в печати в губернии были отправлены флигель-адъютанты царской свиты, на которых возлагалась обязанность объявления "воли". Они наделялись широкими полномочиями для подавления возможных кресть-

янских “беспорядков”. В подчинение флигель-адъютантам переходили все местные власти и дислоцированные в губерниях войска. Подготовка к обнародованию “воли” потребовала две недели. Обнародование проходило в течение месяца — с 5 марта (в Петербурге и Москве) по 2 апреля (на местах).

§ 2. Содержание “Положений” 19 февраля 1861 г. и их проведение в жизнь

Законодательные акты “Положений” 19 февраля 1861 г.

“Положения” 19 февраля 1861 г. включают 17 законодательных актов: “Общее положение”, четыре “Местных положений о поземельном устройстве крестьян”, “Положения” — “О выкупе”, “Об устройстве дворовых людей”, “О губернских по крестьянским делам учреждениях”, а также “Правила” — “О порядке введения в действие Положений”, “О крестьянах мелкопоместных владельцев”, “О приписанных к частным горным заводам людях” и пр. Действие этих законодательных актов распространялось на 45 губерний, в них у 100 428 помещиков насчитывалось 22 563 тыс. крепостных крестьян обоего пола, в том числе 1467 тыс. дворовых и 543 тыс. приписанных к частным заводам и фабрикам.

Ликвидация феодальных отношений в деревне — не единовременный акт 1861 г., а длительный процесс, растянувшийся более чем на два десятилетия. Полное освобождение крестьяне получали не сразу с момента обнародования Манифеста и “Положений” 19 февраля 1861 г. В Манифесте объявлялось, что крестьяне в течение еще двух лет (до 19 февраля 1863 г. — такой срок устанавливался для введения в действие “Положений”) обязаны были отбывать хотя и в несколько измененном виде, но по сути дела те же самые повинности, что и при крепостном праве. Отменялись лишь особо ненавистные крестьянам так называемые “добавочные сборы” натурой: яйцами, маслом, льном, холстом, шерстью, грибами и пр. Обычно вся тяжесть этих поборов ложилась на женщин, поэтому их отмену крестьяне метко окрестили “бабьей волей”. Кроме того, помещикам запрещалось переводить крестьян в дворовые. В барщинных имениях размеры барщины сокращались со 135—140 дней с тягла в год до 70, несколько сокращалась подводная повинность, оброчных крестьян запрещалось переводить на барщину. Но и после 1863 г. крестьяне долгое время находились на положении “временнообязанных”, т. е. они обязаны были нести установленные “Положениями” феодальные повинности — платить оброк или выполнять барщину.

Завершающим актом ликвидации феодальных отношений в бывшей помещичьей деревне являлся перевод крестьян на выкуп. Окончательная дата перевода на выкуп и, следовательно, прекращения временнообязанного положения крестьян законом не была

определена. Однако разрешался перевод крестьян на выкуп сразу по обнародовании "Положений" либо по обоюдному соглашению их с помещиком, либо по его одностороннему требованию (сами крестьяне требовать перевода их на выкуп не имели права).

Правовое положение крестьян По Манифесту *крестьяне* сразу *получали личную свободу*. Необходимо подчеркнуть важность этого акта: предоставление "воли" было главным требованием в многовековой истории крестьянского движения. Богатые крепостные крестьяне шли на значительные жертвы, чтобы выкупиться на "волю". И вот в 1861 г. бывший крепостной, являвшийся до этого фактически полной собственностью помещика, который мог отнять у него все его достояние, а его самого с семьей или отдельно от нее продать, заложить, подарить, теперь не только получал возможность свободно распоряжаться своей личностью, но и ряд общих имущественных и гражданских прав: от своего имени выступать в суде, заключать разного рода имущественные и гражданские сделки, открывать торговые и промышленные заведения, переходить в другие сословия. Все это давало больший простор крестьянскому предпринимательству, способствовало росту отхода на заработки и, следовательно, складыванию рынка рабочей силы, а главное — раскрепощало крестьян нравственно.

Правда, вопрос о личном освобождении в 1861 г. не получил еще окончательного разрешения. Черты внеэкономического принуждения еще продолжали сохраняться на период временнообязанного состояния крестьян: за помещиком оставалось право вотчинной полиции на территории его имения, ему в течение этого периода подчинялись сельские должностные лица, он мог требовать смены этих лиц, удаления из общины неугодного ему крестьянина, вмешиваться в решения сельских и волостных сходов. Но с переводом крестьян на выкуп эта опека над ними помещика прекращалась.

Последующие реформы в области суда, местного управления, образования, военной службы расширяли права крестьянства: крестьянин мог быть избран в присяжные заседатели новых судов, в органы земского самоуправления, ему открывался доступ в средние и высшие учебные заведения. Конечно, этим полностью не снималась сословная неравноправность крестьянства. Оно продолжало оставаться низшим, податным, сословием. Крестьяне обязаны были нести подушную и разного рода другие денежные и натуральные повинности, подвергались телесным наказаниям, от которых были освобождены другие, привилегированные сословия.

Крестьянское самоуправление Со дня обнародования Манифеста 19 февраля 1861 г. предусматривалось ввести в селениях бывших помещичьих крестьян в девятимесячный срок "крестьянское общественное управление". Оно было введено в течение лета 1861 г. За

образец было взято крестьянское самоуправление в государственной деревне, созданное в 1837—1841 гг. реформой П. Д. Киселева.

Вводились следующие сельские и волостные органы управления. Первоначальной ячейкой являлось сельское общество, которое ранее составляло имение помещика. Оно могло состоять из одного или нескольких селений или части селения. Сельское общество (общину) объединяли общие хозяйственные интересы — общие угодья и общие обязательства перед помещиком. Сельское управление здесь состояло из *сельского схода*, представленного всеми дворохозяевами, старосты, его помощника и сборщика податей, избираемых на 3 года. Кроме них сельский сход нанимал сельского писаря, назначал (или избирал) смотрителя запасного хлебного магазина, лесных и полевых сторожей. На сельском сходе выбирались и представители на волостной сход из расчета один человек от 10 дворов. Дворохозяину дозволялось послать на сельский сход вместо себя кого-либо из своей семьи. К участию в делах сельского схода не допускались дворохозяева, находившиеся под следствием и судом, отданные под надзор общества, а также выкупившие досрочно свои наделы и тем самым выделившиеся из общины. Сельский сход ведал вопросами общинного землепользования, раскладкой государственных и земских повинностей, имел право удалять из общества "вредных и порочных членов", устранять от участия в сходе на три года тех, кто совершил какие-либо проступки. Решения схода имели законную силу, если за них высказалось большинство присутствовавших на сходе.

Несколько смежных сельских обществ, в которых числилось в общей сложности от 300 до 2000 крестьян мужского пола, составляли волость. Всего в бывших помещичьих селениях в 1861 г. было образовано 8750 волостей. *Волостной сход* выбирал на 3 года волостного старшину, его помощников и волостной суд в составе от 4 до 12 судей. Часто из-за неграмотности старшины ключевой фигурой в волости являлся служивший по найму схода волостной писарь. Волостной сход ведал раскладкой мирских повинностей, составлением и проверкой рекрутских списков и очередностью рекрутской повинности. При рассмотрении рекрутских дел на сходе присутствовали назначаемые в рекруты юноши и их родители. Волостной старшина, как и сельский староста, выполнял ряд административно-хозяйственных функций: следил за "порядком и благочинием" в волости, в его обязанность входило задержание бродяг, дезертиров и вообще всех "подозрительных" лиц, "пресечение ложных слухов". Волостной суд рассматривал крестьянские имущественные тяжбы, если размер претензий не превышал 100 рублей, дела по маловажным проступкам, руководствуясь нормами обычного права. Он мог приговаривать к 6 дням общественных работ, штрафу до 3 рублей, содержанию в "холодной" до 7 дней или к наказанию розгами до 20 ударов. Все дела велись им устно, лишь вынесенные приговоры записывались в "Книгу решений волостного суда". Сель-

ские старосты и волостные старшины обязаны были беспрекословно выполнять требования "установленных властей": мирового посредника, судебного следователя, представителя полиции.

Мировые посредники

Большое значение в проведении в жизнь крестьянской реформы на местах имел созданный летом 1861 г. институт *мировых посредников*, на которых были возложены многочисленные посреднические и административные функции: проверка, утверждение и введение уставных грамот (определявших пореформенные повинности и поземельные отношения крестьян с помещиками), удостоверение выкупных актов при переходе крестьян на выкуп, разбор споров между крестьянами и помещиками, утверждение в должности сельских старост и волостных старшин, надзор за органами крестьянского самоуправления.

Мировые посредники назначались Сенатом из местных потомственных дворян-землевладельцев по представлению губернаторов совместно с губернскими предводителями дворянства. Обычно на губернию приходилось от 30 до 50 мировых посредников, а всего их было назначено 1714. Соответственно столько же было создано и мировых участков, состоявших каждый из 3—5 волостей. Мировые посредники были подотчетны *уездному съезду мировых посредников* (иначе — "мировому съезду"), а съезд — *губернскому по крестьянским делам присутствию*. Однако закон предоставлял относительную самостоятельность мировым посредникам и независимость от местной администрации.

Мировые посредники призваны были проводить правительственную линию — учитывать прежде всего государственные интересы, пресекать корыстные поползновения откровенных крепостников и требовать от них строго придерживаться рамок закона. На практике мировые посредники в своем большинстве не были "беспристрастными примирителями" разногласий между крестьянами и помещиками. Будучи сами помещиками, мировые посредники защищали, в первую очередь, помещичьи интересы, иногда шли даже на нарушения закона.

Однако среди мировых посредников были и представители либерально-оппозиционного дворянства, критиковавшие несправедливые условия реформы 1861 г. и выступавшие за дальнейшие преобразования в стране. Наиболее либеральным был состав мировых посредников, избранных на первое трехлетие (мировые посредники "первого призыва"). Среди них были декабристы А. Е. Розен и М. А. Назимов, петрашевцы Н. С. Кашкин и Н. А. Спешнев, писатель Л. Н. Толстой и известный хирург Н. И. Пирогов. Немало и других мировых посредников добросовестно исполняли свой долг, придерживаясь рамок закона, за что навлекли на себя гнев местных помещиков-крепостников. Однако вскоре все они были удалены со своих должностей или сами подали в отставку.

Крестьянский надел Центральное место в реформе занимал *вопрос о земле.* Изданный закон исходил из принципа признания за помещиками права *собственности* на всю землю в их имениях, в том числе и *на крестьянскую надельную*, а крестьяне объявлялись лишь *пользователями* этой земли, обязанными отбывать за нее установленные “Положениями” повинности (оброк или барщину). Чтобы стать собственником своей надельной земли, крестьянин должен был выкупить ее у помещика.

Во время подготовки реформы, как уже отмечалось выше, был однозначно отвергнут принцип безземельного освобождения крестьян. Полное обезземеление крестьян было экономически невыгодной и социально опасной мерой: лишая помещиков и государство возможности получать прежние доходы с крестьян, оно создало бы многомиллионную массу безземельного крестьянства и тем самым могло бы вызвать всеобщее крестьянское недовольство вплоть до восстания. На это неоднократно указывали в своих письмах помещики и в донесениях представители местной власти. Правительство не могло не считаться с тем, что требование предоставления земли было главным в крестьянском движении предреформенных лет.

Но если полное обезземеление крестьян в силу указанных соображений было невозможно, то и наделение их достаточным количеством земли, которое поставило бы крестьян в независимое положение от помещиков, было им невыгодно. Поэтому разработчики закона определили такие нормы надела, которые из-за их недостаточности привязали бы крестьянское хозяйство к помещичьему путем неизбежной для него аренды земли у своего бывшего барина. Отсюда и явились на свет пресловутые “*отрезки*” от крестьянских наделов, составившие в среднем по стране свыше 20% и достигавшие в некоторых губерниях 30—40% от их дореформенных размеров.

При определении норм крестьянских наделов учитывались особенности местных природных и экономических условий. Исходя из этого, вся территория Европейской России была разделена на *три полосы* — нечерноземную, черноземную и степную, а “полосы” в свою очередь делились на “местности” (от 10 до 15 в каждой “полосе”). В нечерноземной и черноземной “полосах” устанавливались “высшая” и “низшая” (1/3 “высшей”) нормы наделов, а в степной — одна, так называемая “указная” норма. Закон предусматривал отрезку от крестьянского надела в пользу помещика, если дореформенные его размеры превышали “высшую” или “указную” нормы, и прирезку, если он не достигал “низшей” нормы. Разрыв между “высшей” и “низшей” нормами (в три раза) приводил на практике к тому, что отрезки стали правилом, а прирезки — исключением. В то время как отрезка по отдельным губерниям была произведена у 40—65% крестьян, прирезка же коснулась только 3—15% крестьян. При этом размер отрезанных от надела земель в

десятки раз превысил размеры прирезанных земель к наделу. Впрочем, прирезка оказалась даже выгодна помещикам: она доводила надел до определенного минимума, необходимого для сохранения крестьянского хозяйства, и в большинстве случаев была связана с увеличением повинностей. Кроме того законом разрешалась отрезка от крестьянских наделов и в тех случаях, когда у помещика оказывалось менее 1/3 земли по отношению к крестьянской надельной (а в степной полосе — менее 1/2) или когда помещик предоставлял крестьянам бесплатно (“в дар”) 1/4 от “высшей” нормы надела.

Тяжесть отрезков для крестьян заключалась не только в их размерах. Особое значение имело то, какие земли попадали в отрезку. Хотя законом было запрещено отрезать пахотные земли, но получалось так, что крестьяне лишались наиболее необходимых им угодий (лугов, выгонов, водопоев), без которых невозможно было нормальное ведение хозяйства. Крестьянин вынужден был арендовать эти “отрезные земли”. Отрезки превратились таким образом в руках помещиков в весьма эффективное средство нажима на крестьян и стали базисом отработочной системы ведения помещичьего хозяйства (см. подробно об этом в главе 12). Землевладение крестьян было “утеснено” не только отрезками, но и чересполосицей, лишением крестьян лесных угодий (лес включался в крестьянский надел лишь в некоторых северных губерниях). При крепостном праве землепользование крестьян не ограничивалось предоставленными им наделами. Крестьяне пользовались бесплатно также выгонами помещика, получали разрешение пасти скот в помещичьем лесу, на скошенном лугу и убранном помещичьем поле. С отменой крепостного права крестьяне могли пользоваться этими помещичьими угодьями (как и лесом) уже за дополнительную плату. Закон предоставлял помещику право переносить крестьянские усадьбы на другое место, а до перехода крестьян на выкуп обменивать их наделы на свою землю, если на крестьянском наделе открывались какие-нибудь полезные ископаемые или эта земля оказывалась необходимой помещику для его хозяйственных нужд. Таким образом, крестьянин, получив надел, еще не становился его полноправным хозяином.

При переходе на выкуп крестьянин получал наименование “крестьянина-собственника”. Однако земля предоставлялась не отдельному крестьянскому двору (за исключением крестьян западных губерний), а общине. *Общинная форма землевладения* исключала для крестьянина возможность продать свой надел, а сдача последнего в аренду ограничивалась пределами общины.

При крепостном праве некоторая часть зажиточных крестьян имела собственные *покупные земли*. Поскольку тогда закон запрещал крепостным крестьянам производить покупки недвижимости на свое имя, то таковые совершались на имя их помещиков. Помещики в силу этого становились юридическими собственниками этих

земель. Только в семи губерниях Нечерноземья покупных земель у помещичьих крестьян насчитывалось 270 тыс. десятин. При проведении реформы многие помещики пытались завладеть ими. Документы архивов отражают полную драматизма борьбу крестьян за свои покупные земли. Далеко не всегда результаты тяжебных дел оказывались в пользу крестьян.

Для ограждения интересов мелкопоместного дворянства особые “правила” устанавливали для них ряд льгот, что создавало еще более тяжелые условия для крестьян в этих имениях. Мелкопоместными владельцами считались те, кто имел менее 21 души муж. пола. Таковых числилось 41 тысяча, или 42% от общего числа поместного дворянства. У них находилось в общей сложности 340 тыс. душ крестьян, что составляло около 3% всего крепостного населения. На одно мелкопоместное владение приходилось в среднем по 8 душ. Особенно много было мелких помещиков в Ярославской, Костромской и Смоленской губерниях . В них насчитывались *десятки тысяч* дворянских семей, владевших от 3 до 5 душ крепостных.

Мелкопоместным владельцам предоставлялось также право вовсе не наделять крестьян землей, если к моменту отмены крепостного права они ею не пользовались. Кроме того мелкопоместные владельцы не обязаны были прирезывать крестьянам землю, если их наделы были меньше низшей нормы. Если крестьяне мелкопоместных владельцев совсем не получали наделов, то им предоставлялось право переселяться на казенные земли и получать пособие от казны для обзаведения хозяйством. Наконец, мелкопоместный владелец мог передать крестьян с их полевыми наделами в казну, за что получал вознаграждение в сумме 17-ти годовых оброков, взимавшихся им ранее со своих крестьян.

Наиболее обделенными оказались “крестьяне-дарственники”, получившие дарственные — “нищенские” или, как они сами их называли, “сиротские” наделы. Дарственников насчитывалось 461 тыс. муж. пола. “В дар” им было предоставлено 485 тыс. десятин — по 1,05 десятины на душу. Более 3/4 дарственников находилось в южных степных, поволжских и центрально-черноземных губерниях. По закону, помещик не мог принудить крестьянина взять дарственный надел. Но нередко крестьяне оказывались поставлены в такие условия, когда они были вынуждены соглашаться на дарственный надел и даже требовать его, если их дореформенный надел приближался к низшей норме, а платежи за землю превосходили ее рыночную стоимость. Получение дарственнного надела освобождало от высоких выкупных платежей, дарственник полностью порывал с помещиком. Но перейти “на дар” крестьянин мог только с согласия своего помещика. Стремление перейти “на дар” преимущественно проявлялось в малонаселенных многоземельных губерниях и главным образом в первые годы проведения реформы, когда рыночные и арендные цены на землю были сравнительно невелики в этих губерниях.

К получению дарственного надела особенно стремились зажиточные крестьяне, имевшие свободные денежные средства для покупки земель на стороне. Эта категория дарственников смогла наладить предпринимательское хозяйство на покупной земле. Большинство же дарственников проиграли и оказались в бедственном положении. В 1881 г. министр внутренних дел Н. П. Игнатьев писал, что дарственники дошли до крайней степени нищеты, так что "земства вынуждены были им оказывать ежегодные денежные пособия на прокормление, и со стороны этих хозяйств поступают ходатайства о переселении их на казенные земли с пособием от правительства".

В итоге 10 млн. душ муж. пола бывших помещичьих крестьян получили 33,7 млн. десятин земли, а помещики сохранили за собой землю, в 2,5 раза превосходившую по размеру крестьянскую надельную. 1,3 млн. душ муж. пола (все дворовые, часть дарственников и крестьян мелкопоместных владельцев) фактически оказались безземельными. Надел остальных крестьян фактически составил в среднем 3,4 дес. на душу, в то время как для нормального обеспечения жизненного уровня за счет земледелия, по расчетам тогдашнего статистика Ю. Ю. Янсона, требовалось (в зависимости от условий различных районов) от 6 до 8 десятин на душу.

Наделение крестьян землей носило принудительный характер: помещик обязывался предоставить надел крестьянину, а крестьянин взять его. По закону, до 1870 г. крестьянин не мог отказаться от надела. Но и по истечении этого срока право отказа от надела было обставлено условиями, сводившими его на нет: он должен был полностью рассчитаться с податями и повинностями, в том числе с рекрутской. В итоге после 1870 г. в течение последующих 10 лет смогли отказаться от своих наделов всего 9,3 тыс. душ муж. пола.

"Положение о выкупе" допускало выход крестьянина из общины, но он был крайне затруднен: необходимо было уплатить за год вперед оброк помещику, казенные, мирские и прочие сборы, погасить недоимки и т. д. Видный деятель реформы 1861 г. П. П. Семенов отметил такое характерное явление: в течение первых 25 лет выкуп отдельных участков земли и выхода из общины был редок, но с начала 80-х годов он стал "обычным явлением". При этом "выкупают свои участки не зажиточные крестьяне, как это было в первое 25-летие, а самые бедные, разорившиеся, бездомные и безлошадные, на чужие деньги, с тем, чтобы немедленно после выкупа перепродать свои участки скупщикам, давшим им деньги на выкуп".

Повинности временнообязанных крестьян

Закон предусматривал до перехода крестьян на выкуп, т. е. на период временнообязанного состояния, отбывание ими за предоставленную землю повинности в виде барщины и оброка. Размеры того и другого фиксировались в законе. Если для барщинных имений устанавлива-

лась единая норма барщинных дней (40 дней мужских и 30 женских за один душевой надел), то для оброчных размеры оброка определялись в зависимости от промысловых и торговых “выгод” крестьян. Закон устанавливал следующие нормы оброка: за высший надел в промышленных губерниях — 10 руб., в имениях, находившихся в пределах 25 верст от Петербурга и Москвы, он повышался до 12 руб., а в остальных оброк был определен в размере 8—9 руб. с души муж. пола. В случае близости имения к железной дороге, судоходной реке, к торгово-промышленному центру помещик мог ходатайствовать об увеличении размера оброка.

По закону нельзя было повышать размеры оброка выше дореформенных, если не увеличивался земельный надел. Однако закон не предусматривал уменьшения оброка в связи с сокращением надела. В результате отрезки от крестьянского надела происходило фактическое увеличение оброка в расчете на 1 десятину. “Какое же это улучшение быта? Оброк-то на нас оставили прежний, а землю обрезали”, — горько сетовали крестьяне. Установленные законом нормы оброка превосходили доход с земли, особенно в нечерноземных губерниях, хотя формально считалось, что это — плата за предоставленную в надел крестьянам землю. Реально же это была плата за личную свободу.

Несоответствие между оброком и доходностью с надела усугублялось и так называемой системой “градаций”. Суть ее заключалась в том, что половина оброка приходилась на первую десятину надела, четверть — на вторую, а другая четверть раскладывалась на остальные десятины. Система “градаций” преследовала цель установить максимум повинностей за минимальный надел. Она распространялась также и на барщину: половина барщинных дней отбывалась за первую десятину, четверть за вторую, другая четверь — за остальные десятины. 2/3 барщинных работ отбывалось летом и 1/3 — зимой. Летний рабочий день составлял 12, а зимний — 9 часов. При этом устанавливалась “урочная система”, т. е. определенный объем работ (“урок”), который крестьянин был обязан выполнить в течение рабочего дня. Однако вследствие повсеместного плохого выполнения крестьянами барщинных работ в первые годы после реформы барщина оказалась настолько неэффективной, что помещики стали быстро переводить крестьян на оброк. В связи с этим в сравнительно короткое время (1861—1863) удельный вес барщинных крестьян сократился с 71 до 33%.

Выкупная операция Как уже было отмечено выше, *завершающим этапом* крестьянской реформы являлся *перевод крестьян на выкуп*, однако закон 19 февраля 1861 г. окончательного срока завершения такого перевода не устанавливал. В 9 губерниях Литвы, Белоруссии и Правобережной Украины (Виленской, Ковенской, Гродненской, Минской, Могилевкой, Витебской, Киевской, Подольской и Волынской) правительство указами 1 марта, 30 июля

и 2 ноября 1863 г. сразу перевело крестьян на обязательный выкуп, а также сделало ряд существенных уступок: крестьянам были возвращены отрезанные от их наделов земли, а повинности снижены в среднем на 20%. Эти меры исходили из стремления царского правительства в условиях вспыхнувшего в январе 1863 г. восстания в Польше привлечь на свою сторону литовское, белорусское и украинское крестьянство в борьбе со шляхетским национально-освободительным движением и вместе с тем внести "успокоение" в крестьянскую среду.

Иначе дело обстояло в 36 великороссийских, малороссийских и новороссийских губерниях. Здесь перевод крестьян на выкуп занял более двух десятилетий. Лишь 28 декабря 1881 г. было издано "Положение", предусматривавшее перевод остававшихся еще на временнообязанном положении крестьян на обязательный выкуп начиная с 18 января 1883 г., и одновременно принят указ о снижении на 12% выкупных платежей с крестьян, ранее перешедших на выкуп. К 1881 г. временнообязанных крестьян по отношению ко всем бывшим помещичьим крестьянам оставалось всего 15%. Перевод их на выкуп был завершен к 1895 г. В итоге на 1 января 1895 г. на выкуп было переведено 9159 тыс. душ мужского пола крестьян в местностях с общинным землевладением и 110 тыс. домохозяев с подворным землевладением. Было заключено в общей сложности 124 тыс. выкупных сделок, из них 20% по обоюдному соглашению с помещиками, 50% — по одностороннему требованию помещиков и 30% — "правительственной мерой" — переводом на обязательный выкуп.

В основу выкупа была положена не реальная, рыночная цена земли, а феодальные повинности, т. е. крестьянам пришлось платить не только за наделы, но и за свою свободу — утрату помещиком крепостного труда. Размер выкупа за надел определялся путем так называемой "капитализации оброка". Суть ее заключалась в следующем. Годовой оброк приравнивался к 6% с капитала x (именно такой процент начислялся ежегодно по вкладам в банк). Таким образом, если крестьянин уплачивал оброк с 1 души мужского пола в размере 10 руб. в год, то выкупная сумма x составляла: 10 руб. : 6% · 100% = 166 руб. 67 коп.

Дело выкупа взяло на себя государство путем проведения *выкупной операции*. Для этого в 1861 г. было учреждено при Министерстве финансов Главное выкупное учреждение. Выкупная операция заключалась в том, что казна выплачивала помещикам сразу деньгами или ценными процентными бумагами 80% выкупной суммы, если крестьяне имения получали по норме высший надел, и 75%, если им предоставлялся надел менее высшего. Остальные 20—25% выкупной суммы (так называемый "дополнительный платеж") крестьяне выплачивали непосредственно помещику — сразу или в рассрочку, деньгами или отработками (по обоюдной договоренности). Выкупная сумма, уплачиваемая государством помещи-

ку, рассматривалась как предоставленная крестьянам "ссуда", которая потом взыскивалась с них в качестве "выкупного платежа" в размере 6% от этой "ссуды" ежегодно в течение 49 лет. Нетрудно определить, что за предстоящие почти полвека, на которые растягивались выкупные платежи, крестьяне должны были уплатить до 300% первоначальной выкупной суммы. Рыночная цена отведенной в надел крестьянам земли составляла в 1863—1872 гг. 648 млн. руб., а выкупная сумма за нее составила 867 млн. руб.

Проведение государством выкупа крестьянских наделов в централизованном порядке решало ряд важных социальных и экономических задач. Правительственный кредит обеспечивал помещикам гарантированную уплату выкупа и вместе с тем избавлял их от непосредственного столкновения с крестьянами. Одновременно решалась и проблема возврата казне помещичьего долга в размере 425 млн. руб., взятых помещиками под залог крепостных душ. Эти деньги были вычтены из выкупной суммы. Кроме того, выкуп оказался выгодной для государства операцией. По официальным статистическим данным, с 1862 по 1907 гг. (до момента отмены выкупных платежей) бывшие помещичьи крестьяне выплатили казне 1 540,6 млн. руб. (и еще оставались ей должны). Кроме того, они уплатили в виде оброка самим помещикам за период своего временнообязанного положения 527 млн. руб.

Хотя выкуп и дорого обошелся крестьянству, он несомненно способствовал развитию в стране капиталистических отношений. Из-под власти помещика крестьянин попадал под власть денег, в условия товарного производства. Перевод крестьян на выкуп означал окончательное отделение крестьянского хозяйства от помещичьего. Выкуп способствовал не только более интенсивному проникновению товарно-денежных отношений в крестьянское хозяйство, но и давал помещику денежные средства для перевода своего хозяйства на капиталистические основы. В целом реформа 1861 г. создала благоприятные условия для постепенного перехода от феодального помещичьего хозяйства к капиталистическому.

§ 3. Ответ крестьян на реформу

Обнародование "Положений" 19 февраля 1861 г., содержание которых обмануло надежды крестьян на "полную волю", вызвало взрыв крестьянского протеста весной 1861 г. За первые пять месяцев 1861 г. произошло 1340 массовых крестьянских волнений, всего же за год — 1859 волнений. Более половины их (937) было подавлено военной силой. Фактически не было ни одной губернии, в которой в большей или меньшей степени не проявился бы протест крестьян против невыгодных для них условий дарованной "воли". Продолжая уповать на "доброго" царя, крестьяне никак не могли поверить в то, что от него исходят такие законы, которые на два года оставляют их фактически в прежнем подчинении у помещика, вы-

нуждают исполнять ненавистную барщину и платить оброки, лишают их значительной части прежних наделов, а предоставленные им объявляют дворянской собственностью. Одни считали обнародованные "Положения" поддельным документом, который был составлен помещиками и договорившимися с ними заодно чиновниками, скрывшими настоящую, "царскую волю", другие же пытались отыскать эту "волю" в некоторых непонятных, потому по-разному толкуемых статьях царского закона. Появлялись и подложные манифесты о "воле".

Наибольший размах крестьянское движение приняло в центрально-черноземных губерниях, в Поволжье и на Украине, где основная масса помещичьих крестьян находилась на барщине и аграрный вопрос был наиболее острым. Большой общественный резонанс в стране вызвали восстания в начале апреля 1861 г. в селах Бездна (Казанская губерния) и Кандеевка (Пензенская губерния), в которых приняли участие десятки тысяч крестьян. Требования крестьян сводились к ликвидации феодальных повинностей и помещичьего землевладения ("на барщину не пойдем и оброков платить не будем", "земля вся наша"). Восстания в Бездне и Кандеевке закончились расстрелами восставших: сотни крестьян были убиты и ранены. Руководитель восстания в с. Бездна Антон Петров был предан военному суду и расстрелян.

Весна 1861 г. — высшая точка крестьянского движения в начале проведения реформы. Недаром министр внутренних дел П. А. Валуев (сменивший на этом посту С. С. Ланского) в своем отчете царю назвал эти весенние месяцы "самым критическим моментом дела". К лету 1861 г. правительству с помощью крупных воинских сил, путем расстрелов и массовых сечений розгами удалось отбить волну крестьянского протеста. Достаточно сказать, что на подавление крестьянских волнений было брошено 64 пехотных и 16 кавалерийских полков и 7 отдельных батальонов.

Хотя летом 1861 г. и наметился некоторый спад крестьянских волнений, число их было достаточно еще велико: в течение второй половины 1861 г. произошло 519 волнений — значительно больше, чем в любом из предреформенных годов. Кроме того осенью 1861 г. крестьянская борьба приняла и иные формы: массовый характер приняли порубки крестьянами помещичьего леса, участились отказы платить оброк. Но особенно широкие размеры принял крестьянский саботаж барщинных работ: из губерний поступали донесения о "повсеместном неисполнении барщинных работ", так что в ряде губерний до трети и даже половины помещичьей земли осталось в тот год необработанной.

В 1862 г. поднялась новая волна крестьянского протеста, связанная с введением уставных грамот. Более половины уставных грамот, не подписанных крестьянами, были навязаны им силой. Отказ от принятия уставных грамот часто выливался в крупные волнения, численность которых в 1862 г. составила 844; из них 450 были усмирены с помощью военных команд.

Упорный отказ от принятия уставных грамот был вызван не только невыгодными для крестьян условиями освобождения, но и распространившимися слухами о том, что в ближайшее время будет дарована царем новая, “настоящая” воля. Срок ее наступления (“срочный” или “слушный час”) большинство крестьян приурочивало к 19 февраля 1863 г. — ко времени окончания введения в действие “Положений” 19 февраля 1861 г. Сами эти “Положения” крестьяне рассматривали как временные (как “первую волю”), которые по истечении двух лет будут заменены другими, предоставляющими крестьянам безвозмездно “неурезанные” наделы и полностью избавляющими их от опеки помещиков и местных властей. Среди крестьян распространилось убеждение о “незаконности” уставных грамот, которые они считали “выдумкой бар”, “новой кабалой”, “новым крепостным правом”. Вследствие этого Александр II дважды выступал перед представителями крестьянства, чтобы рассеять эти иллюзии. Во время своей поездки в Крым осенью 1862 г. он заявил крестьянам, что “иной воли не будет, кроме той, какая дана”. 25 ноября 1862 г. в речи, обращенной к собранным перед ним волостным старшинам и сельским старостам Московской губернии, он сказал: “После 19 февраля будущего года не ожидать никакой новой воли и никаких новых льгот... Не слушайте толков, которые между вами ходят, и не верьте тем, которые вас будут уверять в другом, а верьте одним моим словам”. Характерно, что несмотря на эти царские заявления в крестьянской массе продолжала сохраняться надежда на “новую волю с переделом земли”. Спустя 20 лет эта надежда вновь возродилась в виде слухов о “черном переделе” земель.

Крестьянское движение 1861—1862 гг., несмотря на его размах и массовость, выливалось в стихийные и разрозненные бунты, легко подавляемые правительством. В 1863 г. произошло 509 волнений, причем в большинстве в западных губерниях. С 1863 г. крестьянское движение резко пошло на убыль. В 1864 г. произошло 156 волнений, в 1865 г. — 135, в 1866 г. — 91, в 1867 г. — 68, в 1868 г. — 60, в 1869 г. — 65 и в 1870 г. — 56. Изменился и их характер. Если сразу после обнародования “Положений” 19 февраля 1861 г. крестьяне с немалым единодушием заявили свой протест против освобождения “по-дворянски”, то теперь они больше сосредоточили внимание на частных интересах своей общины, на использовании возможностей легальных и мирных форм борьбы, чтобы добиться наилучших условий для организации хозяйства.

§ 4. Особенности проведения крестьянской реформы в национальных окраинах. Реформы в государственной и удельной деревне

Проведение крестьянской реформы в национальных окраинах России исходило из основных принципов “Положений” 19 февраля 1861 г. — предоставление личной свободы крестьянам и надельной земли за повинности, с правом выкупа наделов.

Крестьянская реформа в Закавказье и в Бессарабии В 1864 г. было отменено крепостное право в 6 губерниях *Закавказья*, в которых насчитывалось 506,6 тыс. душ обоего пола крепостных крестьян. 13 октября 1864 г. было издано "Положение" об отмене крепостного права в Тифлисской губернии, по которому крестьяне получали личную свободу, но земля оставалась в собственности помещиков, выделявших крестьянам определенное законом количество полевой земли и усадьбу за следующие повинности: внесение 1/4 урожая с пашен и виноградников и 1/3 укоса трав с сенокосов. Кроме того взималась плата по 3 руб. в год за усадьбу в размере 0,5 десятины. При выделении крестьянам усадьбы и наделов помещик имел право сохранить за собой не менее половины всей земли в имении. Дворовые люди и арендаторы землей не наделялись. Создавались аналогичные российским органы крестьянского управления, но за помещиком на период временнообязанного положения крестьян сохранялось право вотчинной полиции. Выкуп наделов всецело зависел от воли помещика.

13 октября 1865 г. это "Положение" было распространено на Западную Грузию (Кутаисскую губернию), а 1 декабря 1866 г. на Мингрелию. В результате реформы 1864—1866 гг. грузинские крестьяне потеряли свыше 20% своей прежней надельной земли.

В 1870 г. было отменено крепостное право в Абхазии, а в 1871 г. в Сванетии. Здесь крестьяне получали от 3 до 7 десятин земли на двор и обязаны были за это в течение 4 лет "нести службу, работу и прочие повинности" или внести выкупную плату в размере от 50 до 120 руб. для мужчин в возрасте 10—50 лет и женщин 10—45 лет. Крепостное право в Армении и Азербайджане было отменено "Положением" 1870 г. В основу его были положены принципы закона 1864 г. для Грузии. Здесь крестьяне получили в пользование по 5 десятин на 1 душу мужского пола — значительно больше, чем в Грузии, Абхазии и Сванетии.

В 1912—1913 гг. были изданы законы об обязательном переводе бывших помещичьих крестьян Закавказья на выкуп. Однако перевод на выкуп здесь не был завершен вплоть до 1917 г., когда на временнообязанном положении продолжали оставаться еще 55% крестьян. Таким образом, в Закавказье дольше всего сохранялись феодальные отношения. Условия отмены крепостного права здесь содержали больше крепостнических пережитков, что объясняется относительной отсталостью этого региона в социально-экономическом отношении по сравнению с центральными регионами России.

Более благоприятными оказались условия крестьянской реформы в Бессарабии. Основную массу сельского населения в ней составляли царане (по-молдавски — земледельцы) — лично свободные, но сидевшие на помещичьих землях крестьяне, обязанные за нее выполнять в пользу ее владельцев определенные феодальные повинности. Царан насчитывалось до 400 тыс. человек обоего пола — примерно 60% населения Бессарабской области. "Положе-

ние" 14 июня 1868 г. о царанах предоставляло им землю в подворное пользование в размере от 8 до 13,5 десятин на двор. За 1 десятину царане обязаны были уплачивать от 1 руб. 20 коп. до 2 руб. 50 коп. в год оброка. Законом от 14 мая 1888 г. остававшиеся на временнообязанном положении 40% царан были переведены на обязательный выкуп.

Аграрная реформа в удельной деревне

Удельные крестьяне в России получили свое название в 1797 г., когда был образован Департамент уделов для управления землями и крестьянами, принадлежавшими императорскому дому. Ранее они назывались дворцовыми (принадлежавшими царскому дворцу). Это была тоже феодально зависимая категория крестьян, обязанная помимо отбывания государственных повинностей платить за предоставленные им в пользование наделы оброк на содержание императорской семьи. К 1858 г. удельных крестьян насчитывалось свыше 2 млн. человек обоего пола. Они находились в 27 губерниях. На основании указов 20 июня 1858 г. и 26 августа 1859 г. они получали личную свободу и право "перехода в городские и другие свободные сельские состояния". "Положение" 26 июня 1863 г. определяло поземельное устройство, повинности, проведение выкупной операции, организацию сельского и волостного самоуправления удельных крестьян. В течение двух лет (1863—1865) удельные крестьяне были переведены на выкуп. Фактически они продолжали платить тот же самый оброк, что и до этого, но уже в виде выкупных платежей за землю в течение 49 лет.

При проведении аграрной реформы в удельной деревне тоже были проведены отрезки от крестьянских наделов, в результате чего землевладение удельных крестьян сократилось на 3,5%. Однако удельные крестьяне получили в среднем на 1 душу мужского пола по 4,9 десятины, т. е. в полтора раза больше, чем бывшие помещичьи крестьяне. Цена выкупаемой земли для удельных крестьян также была завышена по сравнению с рыночной. Отрезки от наделов и завышенный выкуп вызвали многочисленные протесты удельных крестьян, требовавших безвозмездного предоставления им всей земли, которой они пользовались до реформы. Наиболее значительными были выступления удельных крестьян в Поволжье и на Урале, где условия реформы оказались особенно неблагоприятными: здесь, при сохранении в прежнем размере повинностей, отрезки от наделов достигали 20—30%.

Аграрная реформа в государственной деревне

Подготовка реформы в *государственной деревне* началась в 1861 г. К этому времени государственных крестьян насчитывалось свыше 19 млн. человек обоего пола. Они хотя и считались официально "свободными сельскими обывателями", т. е. на них не давил гнет крепостного права, однако они находились в системе "государственного феода-

лизма", при которой в роли феодала выступало само государство. Оно предоставляло крестьянам в пользование землю, за которую они помимо подушной подати платили и феодальную ренту в виде денежного оброка.

24 ноября 1866 г. был издан закон "О поземельном устройстве государственных крестьян". Сельские общества сохраняли земли, находившиеся в их пользовании, но не свыше 8 десятин на 1 душу мужского пола в малоземельных и 15 десятин в многоземельных губерниях. Землепользование каждого сельского общества фиксировалось в так называемых "владенных записях" — документах, подобных уставным грамотам для помещичьих и удельных крестьян. Проведение земельной реформы 1866 г. в государственной деревне также повлекло многочисленные конфликты крестьян с казной, вызванные отрезками от наделов, превышавшими установленные законом 1866 г. нормы. Так, наделы государственных крестьян в центрально-промышленных губерниях сократились на 10%, а в северных — на 44%. Но вместе с тем в 12 центральных и средневолжских губерниях была произведена прирезка к наделам. В среднем государственные крестьяне получили на 1 душу мужского пола по 5,7 десятины. Но эта земля признавалась собственностью казны. Выкуп наделов был произведен только через 20 лет по закону от 12 июня 1886 г. При этом выкупные платежи, которые обязаны были ежегодно вносить государственные крестьяне за предоставленную им надельную землю, выросли по сравнению с прежней оброчной податью за нее на 45%. Государство мотивировало это повышение возросшей рыночной ценой земли.

§ 5. Значение отмены крепостного права

Реформа 1861 г. ударила "одним концом по барину, другим по мужику". Являясь грабительской по отношению к крестьянам, она в известной мере ущемляла и экономические интересы помещиков: личное освобождение крестьянства ликвидировало монополию помещиков на эксплуатацию крестьянского труда, реформа заставила отдать крестьянам в собственность их надельную землю. Велико было нравственное потрясение бар-"последышей", привыкших бесконтрольно распоряжаться судьбами и даже жизнью своих "крепостных душ". Подавляющее большинство помещиков встретило реформу 1861 г. с раздражением, надеясь, что изданный закон скоро будет изменен в желаемом для них духе. Отовсюду посыпались жалобы помещиков на грозящее им разорение. Помещичья фронда нашла свое выражение в начале 1862 г. в дворянских губернских собраниях, на которых раздавались открытые протесты против нарушения "священной дворянской собственности" и вносились предложения изменить в пользу дворянства изданный закон. Так, петербургское и московское дворянские собрания заявили, что ре-

форма 1861 г. противоречит Жалованной грамоте дворянству 1785 г., и потребовали пересмотра закона 1861 г.

Крестьянская реформа 1861 г., несмотря на свою непоследовательность и противоречивость, явилась в конечном счете *важнейшим историческим актом* прогрессивного значения. Она стала переломным моментом, гранью между Россией крепостной и Россией свободного предпринимательства, создав необходимые условия для утверждения капитализма в стране. По сравнению с крепостной эпохой резко возросли темпы экономического развития, сложилась новая социальная структура, характерная для капиталистической страны: сформировались новые социальные слои населения — пролетариат и промышленная буржуазия. Изменилось и крестьянство. На смену темному, забитому, патриархальному крестьянину пришел крестьянин, побывавший на заработках в городе, много видевший и многому научившийся. В условиях относительно быстрого экономического развития России в конце XIX — начале XX в. и подъема культуры сформировался значительный слой людей интеллектуального труда в различных областях науки и техники, литературы и искусства, школьного и врачебного дела.

Отмена крепостного права и проведение реформ в суде, образовании, печати, в области финансов, военном деле (см. главу 11), проведение ряда правительственных мер для индустриального развития страны обеспечили прочное положение России в ряду крупнейших мировых держав.

Глава 11
Реформы 1863—1874 годов

Отмена крепостного права в России вызвала необходимость проведения и других реформ — в области местного управления, суда, образования, цензуры, финансов, в военном деле, а также церковного управления. Подготовка этих реформ началась на рубеже 50—60-х годов XIX в., в обстановке общественно-политического подъема в стране, но проведение их растянулось на полтора десятилетия и проходило уже в то время, когда социальная напряженность была снята, самодержавие вышло из политического кризиса и даже наметился (с 1866 г.) поворот к реакции. Отсюда непоследовательность, незавершенность и узость большинства реформ 1863—1874 гг. Далеко не все, что намечалось ранее, получило впоследствии свое воплощение в законах, да и действие принятых законов ограничивалось последующими правительственными актами.

§ 1. Реформы в области местного управления

Земская реформа

Вопрос о местном управлении возник в конце 50-х годов в связи с подготовкой крестьянской реформы. 27 марта 1859 г. при Министерстве внутренних дел была создана под председательством Н. А. Милютина комиссия для разработки закона "О хозяйственно-распорядительном управлении в уезде". В нее вошли образованные и либерально настроенные чиновники министерств внутренних дел, юстиции и государственных имуществ. Комиссии было предписано, чтобы проектируемые органы местного управления не выходили за рамки хозяйственных вопросов местного значения. В апреле 1860 г. Милютин представил Александру II подготовленный комиссией проект "Временных правил" о местном управлении, которое строилось по принципу выборности и бессословности. Но в апреле 1861 г. под давлением реакционных придворных кругов Милютина и министра внутренних дел С. С. Ланского, обвиненных в "либерализме", уволили в отставку. Новый министр внутренних дел П. А. Валуев, назначенный и председателем комиссии по подготовке реформы местного управления, был известен своими консервативными взглядами и стоял на позиции защиты корпоративных прав дворянства. Однако он не решился пойти на ликвидацию основных принципов земской реформы, положенных в ее основу комиссией Милютина, — выборности и бессословности, а лишь изменил систему выборов в земские учреждения, которая давала преимущество дворянам-землевладельцам и крупной буржуазии и существенно ограничивала представитель-

ство основной массы населения — крестьянства, совсем устраняла от участия в выборах рабочих и ремесленников.

Подъем общественно-демократического движения в стране заставил самодержавие пойти даже дальше тех задач, какие оно ставило ранее перед комиссией Милютина. Валуеву было поручено в связи с реформой земских учреждений подготовить также проект "нового учреждения Государственного совета". По этому проекту предполагалось при Государственном совете учредить "съезд земских гласных" из представителей губернских земств и городов для предварительного обсуждения некоторых законов перед внесением их на обсуждение в Государственный совет. Главные начала этой реформы Валуев представил императору в феврале 1862 г. Император в принципе одобрил их и передал на обсуждение в Совет министров. В начале июня 1862 г. проект был опубликован и передан на дальнейшее обсуждение в дворянские собрания. Но к этому времени обстановка в стране существенно изменилась. Революционная волна была сбита, и самодержавие отказалось от своего намерения допустить "представителей населения к участию в законодательстве", решив ограничиться лишь учреждением органов местного управления на уровне губернии и уезда. Наряду с этим было решено также отказаться и от проектируемой низшей земской единицы — волостного земства.

К марту 1863 г. проект *"Положения о губернских и уездных земских учреждениях"* был подготовлен. После обсуждения его в Государсвенном совете он был утвержден **1 января 1864 г**. Александром II и получил силу закона. По этому закону создаваемые земские учреждения состояли из распорядительных (уездных и губернских земских собраний) и исполнительных (уездных и губернских земских управ). И те и другие избирались на трехлетний срок. Члены земских собраний получили название *"гласных"* (имевших право голоса). Количество уездных гласных по разным уездам колебалось от 10 до 96, а губернских — от 15 до 100. Уездные и губернские управы состояли из 4—6 членов.

Выборы в *уездные земские собрания* проводились на трех избирательных съездах (по куриям). Все избиратели делились на три курии: 1) уездных землевладельцев, 2) городских избирателей и 3) выборных от сельских обществ. В первую курию входили все землевладельцы, имевшие не менее 200 десятин земли, а также лица, обладавшие другой недвижимой собственностью стоимостью не менее чем на 15 тыс. руб. или же получавшие годовой доход свыше 6 тыс. руб. Владевшие не менее 10 десятин земли объединялись в группы с совокупным владением не менее 200 десятин, и от каждой такой группы избирался представитель в избирательный съезд по первой курии. При формально бессословном характере указанного имущественного ценза первую курию представляли преимущественно землевладельцы-дворяне и торгово-промышлен-

ная буржуазия. Вторую курию составляли купцы всех трех гильдий, владельцы торговых и промышленных заведений в городах с годовым доходом свыше 6 тыс. руб., а также владельцы городской недвижимости (в основном домовладельцы) стоимостью не менее чем 500 руб. в небольших и 2 тыс. руб. в крупных городах. Вторая курия была представлена, главным образом, городской буржуазией. По этой курии могли баллотироваться дворяне и духовенство, если они имели в городах недвижимость по установленной оценке.

Если по первым двум куриям выборы были прямыми, то по третьей, не предусматривавшей имущественного ценза, многостепенными: сначала сельский сход выбирал представителей на волостной сход, на котором избирались выборщики, а затем уже уездный съезд выборщиков избирал гласных в уездное земское собрание. Многостепенность выборов по третьей курии преследовала цель провести в земства наиболее состоятельных и "благонадежных" гласных из крестьян и ограничить самостоятельность сельских и волостных сходов при выборе представителей в земства из своей среды. Кроме того по третьей курии предоставлялось право баллотироваться также местным дворянам и духовенству, если они проживали в сельской местности и не обладали имущественным цензом, позволявшим им баллотироваться по первой курии. Важно отметить, что по первой курии избиралось такое же количество гласных в земства, как и по остальным двум, что, несмотря на декларируемую всесословность земств, на деле обеспечивало в них преобладание поместного дворянства. Об этом свидетельствуют данные по социальному составу земских учреждений за первое трехлетие их существования (1865—1867): в уездных земских собраниях дворяне составляли тогда 42%, крестьяне — 38%, купцы — 10%, духовенство — 6,5%, прочие — 3,5%; в уездных земских управах дворян было 55,5%, крестьян — 31%, купцов, духовных лиц и прочих — 13,6%. Еще бóльшим было преобладание дворян в губернских земских учреждениях: в губернских земских собраниях дворяне составляли 74%, крестьяне — 10%, прочие — 15%, а в губернских земских управах дворяне составляли уже 89,5%, крестьяне — 1,5%, прочие — 9%.

Согласно "Положению" о земстве председателями уездного и губернского земских собраний становились уездный и губернский предводители дворянства. Председатели управ избирались на земских собраниях, при этом председателя уездной управы утверждал в должности губернатор, а губернской — министр внутренних дел.

Ежегодно в течение нескольких дней декабря проводились сессии земских собраний. В случае необходимости гласные созывались и на внеочередные сессии. Заседания были открытыми, и на них мог присутствовать всякий желающий. Гласные земских собраний никакого вознаграждения не получали. Члены управ работали постоянно и получали годовое жалованье: 600 руб. председатель управы

и по 500 руб. ее члены. Реально всеми делами в земстве заправляли земские управы через посредство разных комитетов и комиссий.

На жалованье у земств по найму содержались земские врачи, учителя, страховые агенты, техники, статистики и прочие земские служащие, имевшие профессиональную подготовку. Они составляли так называемый "третий элемент" в земстве (первым считались гласные земских собраний, вторым — члены земских управ). К началу XX в. общая численность служащих по найму в земстве составляла около 85 тыс. человек. На содержание земских учреждений и наемных служащих, а также на ведение хозяйственно-административных дел были установлены земские сборы с населения. Земство получало право облагать сбором в размере 1% с доходности земли, торгово-промышленных заведений, с земледелия и промыслов крестьян. Основной доход (до 80%) земства получали от поземельного сбора, при этом одна десятина крестьянской надельной земли облагалась в два раза больше, чем одна десятина помещичьей. Таким образом, на практике основная тяжесть земских сборов ложилась на крестьянство. Для учета экономического положения населения с конца 60-х годов стали периодически проводиться земские подворные переписи.

Земства вводились только в великорусских губерниях, в которых преобладало русское дворянство. Из 78 губерний России "Положение" о земских учреждениях 1 января 1864 г. распространялось на 34 губернии (менее их половины). Земская реформа не распространялась на Сибирь, Архангельскую, Астраханскую и Оренбургскую губернии, в которых не было или почти не было дворянского землевладения, и на национальные окраины России: остзейские губернии (здесь было свое местное управление, подчиненное немецким баронам), Литву, Польшу, Белоруссию, Правобережную Украину (в этих регионах среди землевладельцев преобладало польское дворянство), на Кавказ, Казахстан и Среднюю Азию. Но и в тех 34 губерниях, на которые распространялся закон о земствах, земские учреждения вводились не сразу. К началу 1866 г. они были введены в 19 губерниях, к 1867 г. — еще в 9, а в 1868—1879 гг. — в остальных 6 губерниях. Таким образом, введение земств растянулось на 15 лет.

Всего предполагалось избрать в 34 губерниях 13 тыс. гласных. Реально было избрано 11,5 тыс., половину их составили гласные первой курии, чем обеспечивалось преобладание в земствах дворянства.

Земства были лишены каких-либо политических функций. Сфера деятельности земств ограничивалась исключительно хозяйственными вопросами местного значения. В ведении земств находились: устройство и содержание местных путей сообщения, земской почты,земских школ, больниц, богаделен и приютов, попечение о местной торговле и промышленности, ветеринарная служба, взаимное страхование, местное продовольственное дело, даже по-

стройка церквей и содержание местных тюрем и домов для умалишенных. Впрочем, исполнение земствами местных хозяйственно-административных функций рассматривалось самим правительством даже не как право земств, а их обязанность: ранее этим занималась уездная и губернская администрация, а теперь заботы о местных делах и расходы на них перекладывались на земства. Члены и служащие земств привлекались к судебной ответственности, если они выходили за рамки своей компетенции.

Земства находились под контролем центральной и местной власти — министра внутренних дел и губернатора, которые имели право приостанавливать любое постановление земского собрания, признав его "противным законам или общим государственным пользам". Многие из постановлений земских собраний не могли вступить в силу без утверждения губернатора или министра внутренних дел. Для выполнения своих постановлений (например, для взыскания недоимок по земским сборам, исполнения натуральных земских повинностей и т. п.) земства были вынуждены порой обращаться к земской полиции, не зависевшей от земств.

Но и в предписанных законом пределах компетенция и деятельность земств все более ограничивалась последующими законодательными актами и правительственными распоряжениями. Уже в 1866 г. последовала серия циркуляров Министерства внутренних дел и "разъяснений" Сената, которые предоставляли губернаторам право отказывать в утверждении всякого избранного земством должностного лица, если губернатор признал его "неблагонадежным". Земских служащих ставили в полную зависимость от местной администрации, ограничивали возможности земств облагать сборами торговые и промышленные заведения, что существенно подрывало финансовое положение земств. В 1867 г. последовали запреты земствам взаимодействовать друг с другом, взаимно информировать о принятых решениях, а также публиковать без разрешения губернатора отчеты о своих собраниях. Председателей земских собраний обязывали закрывать их заседания, если в них поднимались вопросы, "не согласные с законом". Правительственные указы и циркуляры Министерства внутренних дел за 1868—1874 гг. ставили земства в еще большую зависимость от власти губернатора, стесняли свободу прений в земских собраниях, ограничивали гласность и публичность их заседаний.

Однако несмотря на эти ограничения и стеснения *земства сыграли огромную роль в решении местных хозяйственных и культурных* задач: в организации мелкого кредита путем образования крестьянских ссудосберегательных товариществ, в устройстве почт, в дорожном строительстве, в развитии страхования, в медицинской и ветеринарной помощи на селе, в деле народного просвещения. К 1880 г. на селе было открыто 12 тыс. земских школ, а за полвека своей деятельности земства открыли 28 тыс. школ. За это время в земских школах получили образование до двух миллионов крестьянских детей. Земства подготовили за свой счет 45

тыс. учителей и значительно подняли материальный и общественный статус народного учителя. Земские школы считались лучшими. По образцу их стали действовать и школы Министерства народного просвещения. Медицинские учреждения на селе, хотя еще и малочисленные и несовершенные, целиком были созданы земствами. На средства земств были созданы фельдшерские курсы специально для села. Земские врачи стали проводить на селе прививки от оспы. Они предотвратили распространение ряда эпидемических заболеваний. Благодаря усилиям земских врачей показатель смертности среди крестьян сократился с 3,7% до 2,8% (в расчете на 100 человек).

Велика была роль земств в статистическом изучении народного хозяйства, в первую очередь крестьянского. Земские статистики применяли новейшие достижения статистической науки, а их обследования имели большое не только прикладное, но и научное значение. Российская земская статистика считалась лучшей в мире по богатству, точности и ценности собранных ею сведений. И поныне изучение экономики пореформенной России невозможно без привлечения ее материалов.

Таким образом, земства, хотя и ограниченные в правах, показали свою жизнеспособность, приспособленность к местным условиям и требованиям жизни. Вопреки законодательным запретам земства превратились в очаги общественной деятельности либерального дворянства. Возникновение в 70—80-х годах XIX в. земского либерально-оппозиционного движения, с которым вынужденно было считаться правительство, стало важным фактором общественно-политической жизни страны.

Городская реформа

На тех же началах, как и земская, проводилась *городская реформа.* Существовавшие с 1785 г. сословные органы городского самоуправления заменялись всесословными, избираемыми на основе имущественного ценза.

20 июля 1862 г. последовало повеление Александра II приступить к разработке нового "Городового положения". В 509 городах были учреждены местные комиссии, которые занялись сбором сведений о состоянии городов и обсуждением вопросов об управлении городским хозяйством. Министерство внутренних дел на основании сводки материалов этих комиссий составило в 1864 г. проект "Городового положения". Он сначала поступил в Кодификационную комиссию, в которой находился до марта 1866 г., а затем был внесен для обсуждения в Государственный совет, где пролежал без движения еще два года. Подготовка городской реформы проходила уже в условиях заметного поворота к реакции. Поэтому правительство затягивало проведение реформы, и ее проект неоднократно подвергался изменениям в сторону ограничения прав городского самоуправления. Лишь **16 июня 1870 г.** проект *"Городового положения"* был утвержден Александром II и стал законом. По этому закону в

509 городах России вводились новые, бессословные органы городского самоуправления — *городские думы*, избираемые на 4 года. Городские думы, в свою очередь, избирали на тот же срок постоянно действующие исполнительные органы — *городские управы* в составе городского головы, его "товарища" (заместителя) и нескольких членов. Городской голова являлся председателем как городской думы, так и городской управы.

Избирательным правом в органы городского самоуправления пользовались мужчины с 25-летнего возраста, обладавшие имущественным цензом плательщики городских налогов: владельцы торгово-промышленных заведений, банков и городских недвижимостей. При этом была принята прусская система распределения городских избирателей на три "класса" (курии) в зависимости от размеров уплачиваемых в городскую казну сборов. В первом "классе" находились наиболее крупные плательщики, на долю которых приходилась треть общей суммы этих налогов, во втором — средние плательщики, уплачивавшие также треть городских налогов, в третьем — мелкие плательщики, уплачивавшие остальную треть налогов.

Наряду с частными лицами избирательное право получали и ведомства — разные учреждения и общества, городские церкви и монастыри, платившие сборы в городской бюджет. Каждое из них выбирало по одному гласному в городскую думу. Рабочие, служащие, интеллигенция, являвшиеся основным по численности населением, но не имевшие собственности и поэтому освобожденные от уплаты налогов, устранялись от участия в самоуправлении. Характерно, что чем крупнее был город, тем меньшим становился удельный вес жителей, допускаемых к участию в выборах в городские думы. В городах, насчитывавших менее 5 тыс. жителей, избирательным правом пользовались 10,4% их числа, в тех, в которых числилось от 20 тыс. до 50 тыс. человек, — 4%; в Москве избирательным правом пользовались 3,4% жителей, а в Петербурге — лишь 1,9%. Поскольку каждый разряд избирателей выбирал одинаковое число гласных в думу, то оказывалось, например, что в Москве норма представительства от первой курии была в 8 раз выше, чем во второй, и в 40 раз выше, чем в третьей, а в Петербурге — соответственно в 4 и 20 раз. Так обеспечивалось преобладание в городской думе крупной буржуазии и дворян-домовладельцев. Городская дума Петербурга насчитывала 250 гласных, Москвы — 180, в провинциальных городах — от 30 до 72. Городской голова, избираемый думой, утверждался в своей должности в крупных городах министром внутренних дел, а в мелких — губернатором. Городская дума подчинялась Сенату, однако губернатор следил за "законностью" ее постановлений.

Компетенция городского самоуправления, как и земского, была ограничена рамками чисто хозяйственных вопросов: благоустройство городов, попечение о местной торговле и промышленности,

общественное призрение (богадельни, детские приюты и пр.), здравоохранение и народное образование, принятие санитарных и противопожарных мер. Бюджет городской думы формировался из средств, получаемых от налогов и сборов с городской недвижимости, торговых и промышленных заведений в размере 1% их доходов, пошлинных сборов с проводимых в городе аукционов, а также от эксплуатации принадлежавших городу торговых рядов, бань, боен и частично из отчислений от казны. На эти средства, помимо расходов на собственно городские нужды, содержались полиция,городские тюрьмы, воинские казармы, пожарная охрана: на это тратилось в разных городах до 60% средств городского бюджета. Расходы на благоустройство городов составляли 15% городского бюджета, на образование — 13% и на медицину — около 1%.

Как и земства, городские думы не имели принудительной власти и для исполнения своих постановлений обязаны были прибегать к помощи полиции, им не подчиненной. По существу реальная власть в городе принадлежала губернаторам и градоначальникам.

"Городовое положение" 1870 г. сначала было введено в 509 русских городах. В 1874 г. оно было введено в городах Закавказья, в 1875 г. — Литвы, Белоруссии и Правобережной Украины, в 1877 г. — в Прибалтике. Оно не распространялось на города Средней Азии, а также Польши и Финляндии, где действовало прежнее городское управление. В итоге под действие "Городового положения" 1870 г. попадали 707 городов России, но реально оно было введено в 621 городе.

Несмотря на ограниченность реформы городского самоуправления, она тем не менее явилась крупным шагом вперед, поскольку заменила прежние сословно-бюрократические органы управления городом новыми, основанными на буржуазном принципе имущественного ценза. Новые органы городского самоуправления сыграли немалую роль в хозяйственно-культурном развитии пореформенного города.

§ 2. Судебная реформа

Подготовка *судебной реформы* началась в конце 1861 г., когда Александр II поручил Государственной канцелярии приступить к разработке "Основных положений преобразования судебной части в России". К подготовке реформы были привлечены видные юристы страны. Среди них важную роль играл С. И. Зарудный, под руководством которого были выработаны основные начала судоустройства и судопроизводства. После их обсуждения в Государственном совете и одобрения в сентябре 1862 г. царем они были опубликованы и разосланы для отзывов в судебные учреждения, университеты, известным зарубежным юристам, а затем легли в основу разработки судебных уставов. Для этого при Государственной

канцелярии была образована специальная комиссия, состоявшая из трех отделений: судоустройства, уголовного и гражданского судопроизводства. В августе 1864 г. проекты судебных уставов были внесены на обсуждение в Государственный совет, одобрены им и 20 ноября утверждены Александром.

Судебные уставы предусматривали бессословность суда и его независимость от административной власти, несменяемость судей и судебных следователей, равенство всех сословий перед законом, состязательность и гласность судебного процесса с участием в нем присяжных заседателей и адвокатов. Это явилось значительным шагом вперед по сравнению с прежним сословным судом, с его безгласностью и канцелярской тайной, отсутствием защиты и бюрократической волокитой.

Вводились новые судебные учреждения — *коронный* и *мировой суды. Коронный суд* имел две инстанции: первой являлся окружной суд (обычно в пределах губернии, которая составляла судебный округ), второй — судебная палата, объединявшая несколько судебных округов и состоявшая из уголовного и гражданского департаментов.

Принимавшие участие в судебном разбирательстве выборные присяжные заседатели устанавливали лишь виновность или невиновность подсудимого, а меру наказания определяли в соответствии со статьями закона судья и члены суда. Решения, принятые окружным судом с участием присяжных заседателей, считались окончательными, а без их участия могли быть обжалованы в судебной палате. Решения окружных судов и судебных палат, принятые с участием присяжных заседателей, могли быть обжалованы в Сенате только в случае нарушения законного порядка судопроизводства или обнаружения каких-либо новых обстоятельств по делу. Сенат имел право кассации (отмены или пересмотра) судебных решений. Для этого в его составе учреждались кассационно-уголовный и кассационно-гражданский департаменты. Не решая дела по существу, они передавали его на вторичное рассмотрение в другой суд, либо в тот же суд, но с другим составом судей и присяжных заседателей.

Для разбора гражданских исков на сумму до 500 руб. и мелких правонарушений учреждался в уездах и городах *мировой суд* в составе одного судьи, без присяжных заседателей и адвокатов, с упрощенным делопроизводством. Он обеспечивал “скорое” решение дел с учетом “местных условий”. Мировые судьи избирались на уездных земских собраниях, а в Москве, Петербурге и Одессе — городскими думами сроком на 3 года. В губерниях, где не было земств, мировые судьи назначались местной администрацией. Мировым судьей мог быть избран (или назначен) только “местный житель” в возрасте не моложе 25 лет, “не опороченный по суду или общественному приговору”, имевший высшее или среднее образование, “или прослуживший, преимущественно по судебной части,

не менее трех лет". Кроме того, он должен был обладать имущественным цензом, вдвое превосходившим ценз избираемых в уездные земские гласные по первой курии.

Мировой судья был первой инстанцией, представлявшей собой мировой участок. Второй инстанцией являлся уездный съезд мировых судей, состоявший из всех мировых участковых и некоторых "почетных" судей. Они избирали из своей среды председателя мирового съезда. В рамках уезда они составляли мировой уездный округ. Мировой судья мог приговаривать признанных виновными к денежному штрафу не свыше 300 руб., аресту до 6 месяцев или к заключению в тюрьму на срок не более одного года. Решения мирового судьи можно было обжаловать в уездном съезде мировых судей. Мировой суд, "скорый" в решении дел, без волокиты и материальных издержек, пользовался популярностью у населения.

Председателей и членов судебных палат и окружных судов утверждал император, а мировых судей — Сенат. После этого они по закону не подлежали ни увольнению в административном порядке, ни временному отстранению от должности. Их можно было отстранить от должности лишь тогда, если они привлекались к суду по обвинению в уголовном преступлении. В таких случаях суд принимал решение о смещении их с должности.

Судебные уставы 1864 г. вводили институт присяжных поверенных — *адвокатуру*, а также *институт судебных следователей* — особых чиновников судебного ведомства, которым передавалось изымаемое из ведения полиции производство предварительного следствия по уголовным делам. Председатели окружных судов и судебных палат должны были иметь высшее юридическое образование. Членами этих судов назначались лица, прослужившие "по судебной части" не менее трех лет; судебными следователями — лица, занимавшиеся судебной практикой не менее 4 лет; а присяжные поверенные помимо высшего юридического образования должны были иметь и пятилетний стаж судебной практики. В присяжные заседатели избирались лица, обладавшие определенным имущественным цензом и проживавшие в данной местности не менее двух лет. Присяжными заседателями не могли быть духовные лица, военные, учителя народных школ, а также "опороченные по суду".

Надзор за законностью действий судебных учреждений осуществлялся *обер-прокурором* Сената, *прокурорами* судебных палат и окружных судов. Они подчинялись непосредственно министру юстиции как генерал-прокурору. Прокуроры имели штат своих помощников — "товарищей прокурора".

Судебными уставами 1864 г. впервые в России вводился *нотариат.* В столицах, губернских и уездных городах учреждались нотариальные конторы со штатом нотариусов, которые заведовали, "под наблюдением судебных мест, совершением актов и других дей-

ствий по нотариальной части на основании особого о них положения".

Действие судебных уставов 1864 г. распространялось только на 44 губернии (немногим более половины губерний) России. Судебные уставы не распространялись на Прибалтику, Польшу, Белоруссию, Сибирь, Среднюю Азию, северные и северо-восточные окраины Европейской России. Новые судебные учреждения вводились не сразу. Помимо значительных средств для их учреждения, требовалось еще время для подготовки необходимого штата профессиональных судебных чиновников. В 1866 г. было образовано лишь два судебных округа — в Москве и Петербурге. К 1870 г. новые суды были введены в 23 губерниях из 44, на которые распространялось действие уставов 1864 г. В остальных губерниях образование новых судов завершилось лишь к 1896 г.

В судебной реформе 1864 г. наиболее последовательно были осуществлены принципы буржуазного права. Тем не менее в новой судебной системе сохранялось еще немало черт сословного суда. Так, сохранялись духовный суд по делам духовным и военные суды для военных. Высшие царские сановники — члены Государственного совета, сенаторы, министры,генералы — за совершенные ими преступления подлежали Верховному уголовному суду, ибо на них не распространялась юрисдикция судебных округов и палат. Последующие узаконения вносили другие отступления от принципов буржуазного права. С 1866 г., когда новые судебные учреждения лишь начали вводиться, последовали различные изъятия, "дополнения" и "разъяснения", ограничивавшие сферу их деятельности. В 1866 г. судебные чиновники фактически были поставлены в зависимость от губернаторов: они обязаны были являться к губернатору по первому вызову и "подчиняться его законным требованиям". С 1867 г. вместо следователей стали назначать "исправляющих должность следователя", на которых принцип несменяемости не распространялся. Существенным средством давления на судей было право министра юстиции перемещать их из одного судебного округа в другой.

Закон 1871 г. передал производство дознания по политическим делам жандармерии, а с 1878 г. значительная часть политических дел изымалась из ведения судебных палат и передавалась военным судам. В 1872 г. было создано *Особое Присутствие Правительствующего Сената* специально для рассмотрения дел по политическим преступлениям. Закон 1872 г. ограничивал публичность судебных заседаний и освещение их в печати. В 1889 г. был упразднен и мировой суд (восстановлен в 1912 г.).

В связи с подготовкой судебной реформы была проведена и такая важная мера, как *отмена телесных наказаний*. Изданный 17 апреля 1863 г. закон отменял публичное наказание по приговорам гражданских и военных судов плетьми, шпицрутенами, "кошками" (плети с несколькими просмоленными концами), клеймение.

Однако телесные наказания все же окончательно не отменялись: они сохранялись для податных сословий (до ста ударов розгами взамен ареста в смирительном или рабочем доме) и для крестьян по приговорам волостных судов. Применялись розги к штрафным солдатам и матросам, ссыльным и заключенным в арестантские отделения.

§ 3. Финансовые реформы

Расстройство финансов в ходе Крымской войны настоятельно потребовало упорядочения всего финансового дела. Проведение в 60-х годах XIX в. серии *финансовых реформ* было направлено на централизацию финансов и коснулось главным образом аппарата финансового управления. Здесь большую роль сыграл видный финансист, государственный контролер В. А. Татаринов, ранее специально изучавший финансовое дело в Европе.

Указом 31 мая 1860 г. "для оживления промышленности и торговли" был учрежден Государственный банк, которому передавались вклады упраздняемых кредитных учреждений — Заемного и Коммерческого банков, Сохранной казны и приказов общественного призрения. Государственный банк получил преимущественное право кредитования торговых и промышленных заведений. Разработанные Татариновым предложения по централизации финансового дела и упорядочению государственного бюджета легли в основу **закона 1862 г.,** по которому единственным ответственным распорядителем всех доходов и расходов стало Министерство финансов, а не каждое ведомство, как это было ранее. Смета доходов и расходов государственного бюджета отныне ежегодно проходила через Государственный совет. Представлявшая до этого государственную тайну роспись доходов и расходов стала публиковаться для всеобщего сведения, что укрепило доверие к государственным финансам. Деятельность Министерства финансов была подотчетна Государственному контролю. Указом 21 декабря 1864 г. Государственный контроль был преобразован: ему была придана большая самостоятельность. Во всех губерниях были учреждены контрольные палаты, не зависевшие от местной администрации и подчинявшиеся только государственному контролеру. Они ежемесячно проверяли расходы всех местных учреждений.

Еще с 1859 г. работала Податная комиссия для упорядочения и уравнения прямых налогов. Она собрала и издала огромное количество ценных статистических сведений по всем отраслям народного хозяйства. На основе собранных ею данных в 1870 г. был введен государственный налог на землю в размере от 0,25 до 10 коп. с десятины (в зависимости от ценности угодий).

Была отменена система откупов, при которой большая часть косвенных налогов шла не в казну, а в карманы откупщиков. Ста-

рая, характерная для феодально-крепостнического государства практика отдачи на откуп частным лицам сбора с населения косвенных налогов на соль, табак, вино и пр., сопровождавшаяся многочисленными злоупотреблениями и вымогательствами откупщиков, была особенно тяжела и ненавистна народу. В 1858—1860 гг. по стране прокатилась волна массовых выступлений против винных откупов, охватившая 32 губернии. Начавшийся с коллективных отказов покупать вздорожавшее в три раза вино протест вылился в повсеместный разгром питейных заведений. Под непосредственным влиянием этих событий правительство вынуждено было принять в 1860 г. закон, по которому откупная система с 1 января 1863 г. повсеместно отменялась и заменялась акцизной системой: продажа вина объявлялась свободной, но облагалась особым акцизным сбором, взимаемым созданными для этого государственными акцизными учреждениями.

Однако эти меры, несомненно благоприятствовавшие экономическому развитию пореформенной России, не меняли общей сословной направленности финансовой политики правительства. Основная тяжесть налогов и сборов по-прежнему лежала на податном населении. Сохранялась старая, введенная еще Петром I подушная подать для крестьян (для мещан она с 1863 г. была заменена налогом на недвижимое имущество). Бывшие помещичьи, удельные и государственные крестьяне несли на себе всю тяжесть оброчных и выкупных платежей — по сути дела феодальных повинностей.

Подушная подать, оброчные и выкупные платежи в 60—70-х годах составляли свыше 25% государственных доходов, однако основная часть их (более половины) собиралась в виде косвенных налогов, которые преимущественно выплачивало также податное население. Более 50% расходов в государственном бюджете шло на содержание армии и аппарата управления, до 35% — на погашение процентов по государственным долгам, выплату субсидий помещикам и промышленникам. Расходы на образование, медицину, призрение составляли лишь около 1/10 государственного бюджета.

§ 4. Реформы в области народного образования и печати

Потребности роста промышленности, торговли, транспорта, сельского хозяйства, внедрение в эти отрасли машинной техники постоянно требовали расширения народного образования. Само осуществление реформ в управлении, суде, военном деле и т. д. было невозможно без развития сети общеобразовательных и специальных учебных заведений. Все формы народного образования, объем и содержание преподаваемых дисциплин всегда строго регламентировались и находились под контролем соответствующих правительственных учреждений. Народное образование всегда рассмат-

ривалось как важный инструмент воспитания народных масс в духе преданности “вере, царю и отечеству”. Большое влияние на разработку реформ в области просвещения и печати оказал общедемократический подъем в стране после Крымской войны, который заставил самодержавие пойти на некоторую демократизацию высшей школы и на смягчение цензурных правил.

Школьная реформа

Начало подготовки реформы начального и среднего образования было положено учреждением 28 июля 1861 г. Комитета для разработки *школьной реформы.* Составленные им проекты реформы начальной и средней школы были разосланы на отзыв известным русским и иностранным специалистам. 14 июля 1864 г. было утверждено “*Положение о начальных народных училищах*”. Оно предоставляло право открывать начальные школы как общественным учреждениям, так и частным лицам, но лишь с разрешения властей. Учредители брали на себя заботу о материальном обеспечении школ, а руководство учебной частью передавалось уездным и губернским училищным советам. Уездный училищный совет состоял из двух представителей от уездного земского собрания и по одному от местных ведомств, которые избирали председателя совета. Губернский училищный совет состоял из губернатора, архиерея, директора училищ данной губернии и двух представителей от губернского земского собрания. Председательствовал в совете архиерей. В программу начальных училищ входило преподавание чтения, письма, четырех правил арифметики, “закона Божьего” и церковного пения. В пореформенной России существовали *четыре вида начальных школ*: учрежденные частными лицами (таких школ было немного), Министерством народного просвещения (министерские), земствами (земские) и церковноприходские, которые подчинили себе создаваемые по инициативе крестьян сельские “школы грамоты”.

19 ноября 1864 г. был утвержден “Устав гимназий и прогимназий”. Он вводил принцип формального равенства в *среднем образовании* для людей всех сословий и вероисповеданий.

По уставу 1864 г. прежние *гимназии* разделялись на *классические* и *реальные* (те и другие семиклассные). Классические гимназии давали гуманитарное образование: в основу его было положено преподавание древних (“классических”) языков — латинского и греческого. В реальных гимназиях увеличивался объем преподавания математики и естествознания за счет сокращения часов на гуманитарные предметы. Окончившие классические гимназии получали право поступать в университеты без экзаменов. Окончившим реальные гимназии доступ в университеты был затруднен: они могли поступать преимущественно в высшие технические учебные заведения. Уставом 1864 г. учреждались *прогимназии* — четырехклассные учебные заведения, соответствовавшие первым четырем клас-

сам классической гимназии. Окончившие прогимназию могли поступить в 5-й класс классической гимназии.

Новые гимназии из-за недостатка денежных средств и подготовленных преподавательских кадров вводились медленно. Несмотря на записанное в законе равенство всех сословий и вероисповеданий при приеме в гимназии, в них из-за высокой платы за обучение могли учиться преимущественно дети привилегированных и состоятельных сословий. Так, в 1874 г. в классических гимназиях дети дворян и чиновников составляли 59%, городской буржуазии — 28%, духовенства — 6%, крестьян — 5%, прочих — 2%; в реальных гимназиях дети дворян составляли 53%, буржуазии — 33%, духовенства — 3%, крестьян — 7%, прочих — 4%.

Еще в 1858 г. наряду с закрытыми женскими учебными заведениями — "институтами благородных девиц" (учрежденными в XVIII в. для девиц из дворян) — стали открываться *женские училища* для девочек и из непривилегированных сословий. 9 января 1862 г. эти училища получили свой устав, а 10 ноября того же года переименованы в *женские гимназии* с более сокращенной по сравнению с мужскими гимназиями программой преподавания общеобразовательных дисциплин. В них устанавливался семилетний срок обучения, однако разрешалось иметь и 8-й, дополнительный, класс специально для подготовки учительниц.

Университетский устав 1863 г.

В начале царствования Александра II был поставлен вопрос о пересмотре Университетского устава 1835 г. Однако вплотную к разработке реформы высшей школы правительство приступило в конце 1861 г. под влиянием студенческих волнений. Созданная для этой цели специальная комиссия из попечителей учебных округов с участием профессоров подготовила к началу 1862 г. проект университетского устава, который был опубликован и разослан для отзывов в университеты страны, губернаторам, предводителям дворянства и высшим духовным лицам, переведен на иностранные языки и послан видным иностранным ученым. Кроме того, Министерство народного просвещения направило за границу профессора права Петербургского университета К. Д. Кавелина для ознакомления с состоянием высшего образования в зарубежных университетах. После всего этого подготовленный проект еще длительное время обсуждался в различных правительственных инстанциях и уже в пятой редакции *Университетский устав* был утвержден **18 июня 1863 г.** императором и получил силу закона. Это был самый либеральный из всех университетских уставов в дореволюционной России.

Действие Университетского устава 1863 г. распространялось на 5 существовавших к тому времени российских университетов: Московский, Петербургский, Казанский, Харьковский и Киевский. Дерптский в Эстонии, Гельсингфорсский в Финляндии и Варшавский в Польше имели свои уставы.

По Уставу 1863 г. каждый университет должен был иметь 4 факультета — историко-филологический, физико-математический, юридический и медицинский. В Петербургском университете вместо медицинского был восточный факультет. В полтора раза увеличивалось число штатных профессоров. Вводились новые дисциплины в преподавании и в связи с этим открывались новые кафедры. Вдвое увеличивались денежные оклады профессорам и преподавателям. Их статус по Табели о рангах повышался на два класса. Достигнув 25-летнего преподавательского стажа, профессор университета уходил в отставку с пенсией в размере полного оклада профессорского жалованья, но мог еще в течение 5 лет преподавать в университете, при этом кроме пенсии за ним сохранялся и прежний оклад.

Устав 1863 г. предоставлял университетам довольно широкую автономию. Совет университета получал право самостоятельно решать все научные, учебные и административно-финансовые вопросы: присуждать ученые степени и звания, распределять государственные средства по факультетам, разделять сами факультеты на отделения, заменять одни кафедры на другие, открывать новые кафедры, отправлять молодых ученых за границу на стажировку. Руководство жизнью факультетов принадлежало факультетским советам. Университеты имели собственную цензуру, свободно выписывали из-за рубежа книги, журналы и газеты, которые не подлежали проверке на таможне. Такое право имел и каждый профессор. Устав предусматривал выборность ректора, проректоров, деканов с последующим утверждением их в должности министром народного просвещения.

Студенты, как и ранее, делились на своекоштных и казеннокоштных. Своекоштные жили дома или в снимаемых ими квартирах и вносили плату за обучение. По окончании университета они могли свободно выбрать себе род занятий или службы. Казеннокоштные жили при университете и на его содержании. По окончании учебы они обязывались отслужить 6 лет по назначению. Однако казеннокоштные составляли небольшую часть студенчества. Лишь в Московском университете их обучалось в течение года до 120 человек, в остальных — не более 20 студентов в каждом. По уставу студенты не имели права создавать свои объединения и подлежали дисциплинарному суду, избираемому из состава профессоров университетским советом. При поступлении в университет студенты давали подписку подчиняться установленным университетским правилам.

Высшее женское образование Устав 1863 г. не предоставил права поступления в университеты женщинам. Однако правительство не могло не считаться с требованиями прогрессивных российских ученых дать доступ к высшему образованию и женщинам, разрешив открывать частные высшие женские курсы.

Начало высшему женскому образованию в России было положено на рубеже 60—70-х годов XIX в. В 1869 г. в Москве открылись Лубянские высшие женские курсы, а в 1870 г. — Владимирские в Петербурге и "Систематические" по естественным наукам в Киеве. В 1872 г. при Николаевском госпитале в Петербурге были созданы Высшие медицинские женские курсы, в Москве — Высшие женские курсы профессора В. И. Герье историко-филологического направления. В 1876 г. в Казани были открыты Высшие женские курсы с двумя факультетами — физико-математическим и историко-филологическим. В 1878 г. аналогичные курсы были созданы в Киеве и по инициативе профессора русской истории К. Н. Бестужева-Рюмина в Петербурге. Бестужевские курсы получили особую известность, так как давали наиболее основательное высшее образование. Высшая женская школа существовала в основном за счет частных пожертвований и платы за обучение.

Реформа цензуры

Уже в самом начале царствования Александра II были сделаны некоторые послабления печати. В 1855 г. был упразднен учрежденный в 1848 г. Николаем I для усиления надзора за печатью печально знаменитый бутурлинский комитет с его карательной цензурой. В 1857 г. был поставлен вопрос о подготовке нового цензурного устава. Однако разработка его затянулась, так как предлагавшиеся различными комиссиями проекты не удовлетворяли правительство: оно проявляло особую осторожность и медлительность в проведении *цензурной реформы*. В начале 1863 г. была создана новая комиссия по разработке цензурного устава. Подготовленный ею проект пролежал без движения два года, он подвергался изменениям и дополнениям, а затем был передан на обсуждение в Государственный совет. **6 апреля 1865 г.** в виде *"Временных правил о печати"* закон был утвержден царем.

"Временные правила" 1865 г. (действовали как "временные" 40 лет!) отменяли предварительную цензуру для оригинальных сочинений объемом не менее 10 печатных листов, а для переводных — не менее 20 листов. Центральные периодические издания могли освобождаться от предварительной цензуры по усмотрению министра внутренних дел, при этом издатель обязан был представить денежный залог от 2,5 до 5 тыс. руб. Автор, редактор, издатель и даже книготорговец в случае "нарушения закона" отвечали перед судом. Освобожденные от предварительной цензуры периодические издания могли подвергаться и административному воздействию: "предостережениям" (после трех таких "предостережений" журнал или газета закрывались), денежному штрафу, временной приостановке на полгода или прекращению издания. От цензуры освобождались лишь правительственные и научные издания. Это были весьма незначительные уступки печати, причем они распространялись лишь на столичные города — Москву и Петербург. На провинциальную печать и массовую литературу для народа цензура со-

хранялась в полной мере. Действовала и духовная цензура Святейшего Синода, которая следила не только за духовными, но и за светскими произведениями, если в них затрагивались вопросы веры.

Отступления от реформы в сфере просвещения Поворот к реакции после покушения на царя Д. Каракозова в 1866 г. в первую очередь отразился на политике в области просвещения и печати. В апреле 1866 г. был уволен в отставку признанный слишком "либеральным" министр народного просвещения А. В. Головнин, на этот пост назначили ярого ретрограда графа Д. А. Толстого. Свою деятельность он начал с пересмотра устава гимназий. Преподавание древних языков он рассматривал как "основу всего дальнейшего научного образования", направленного на борьбу "с материализмом и нигилизмом". Защитниками "классического образования" выступали в печати известные публицисты П. М. Леонтьев и перешедший на консервативные позиции М. Н. Катков, принимавшие деятельное участие в разработке программ классических гимназий.

Изданный 30 июля 1871 г. новый устав гимназий предусматривал сохранение только классических гимназий, срок обучения в которых увеличивался с 7 до 8 лет. За счет сокращения других предметов в полтора раза расширялась программа преподавания древних языков. В гимназиях внедрялись механическое заучивание и зубрежка, подавлялась всякая самостоятельность мысли. Усиливалось наблюдение за гимназистами как в стенах гимназии, так и вне ее, поощрялись доносы и наушничество.

Устав 15 мая 1872 г. о реальных гимназиях заменял их шестиклассными реальными училищами, приспособленными к "приобретению технических познаний" для "занятий различными отраслями промышленности и торговли". Поэтому программа преподавания в них ограничивалась техническими предметами (значительно увеличился объем преподавания математики и черчения). Как в классических гимназиях, так и в реальных училищах резко уменьшилось количество учебных часов по истории, географии, естествознанию и новым языкам, которые стали рассматриваться как "второстепенные" предметы. Была повышена плата за обучение, что еще больше ограничивало прием в эти учебные заведения детей из малоимущих слоев населения (преимущественно из непривилегированных сословий). Окончившим реальные училища не только категорически запрещался доступ в университеты, но и затруднялось поступление в высшие технические учебные заведения.

С конца 60-х годов издается серия законов и постановлений, ужесточавших меры административного воздействия на печать. С 1866 г. дела о печати стали изыматься из ведения окружных судов и передаваться в судебные палаты с более верноподданническим составом судей. Законы 1868 и 1872 гг. предоставляли министру внутренних дел право запрещать розничную продажу газет, передавать дела о закрытии "неблагонадежных" органов печати не в суд, а в Комитет министров. Закон 1873 г. запрещал редакторам

газет и журналов под страхом их закрытия касаться острых политических вопросов, обсуждение которых в печати правительство признавало “неудобным”.

§ 5. Военные реформы 1861—1874 гг. Русская армия во второй половине XIX в.

Поражение царской России в Крымской войне, вскрывшее военно-техническую отсталость николаевской армии, дальнейший рост вооружений и развитие военной техники в Европе, усиление экспансии ведущих европейских держав настоятельно требовали коренной реорганизации всего военного дела в России. Но реорганизация армии на новых началах, ее перевооружение во многом зависели от технико-экономического потенциала страны, главным образом от состояния промышленности и транспорта. Поэтому военные преобразования не могли быть осуществлены сразу, они проводились постепенно.

В 60—70-х годах XIX в. была проведена целая серия *военных реформ*, начавшихся с реорганизации военного управления и военно-учебных заведений и завершившихся наиболее важной реформой — новой системой комплектования армии путем введения всесословной воинской повинности, а также проведением ряда мер по перевооружению армии.

Уже в ходе Крымской войны, в июле 1855 г., была образована “Комиссия для улучшения по военной части” под председательством военного министра Ф. В. Ридигера. Однако и по окончании войны в течение еще 5 лет ничего существенного в этом направлении не было сделано, за исключением сокращения численности армии, что существенно уменьшило военные расходы. К концу войны под ружьем находилось 2,2 млн. человек. К 1858 г. армия была сведена до 1,5 млн. человек и предполагалось ее дальнейшее сокращение.

Практически военные реформы начались с назначением в 1861 г. на пост военного министра Д. А. Милютина (старшего брата Н. А. Милютина), профессора Академии Генерального штаба, затем начальника штаба Кавказской армии,обладавшего выдающимися военными и личными дарованиями, придерживавшегося либеральных воззрений. С именем Д. А. Милютина, который пребывал на посту министра 20 лет, связано коренное переустройство русской армии.

15 января 1862 г. он представил Александру II программу военных преобразований. Она предусматривала сокращение вооруженных сил в мирное время и развертывание их за счет обученных резервов в период войны, реорганизацию подготовки офицерского состава и создание новой структуры управления армией. В первую очередь Милютин добился сокращения срока солдатской службы до 15 лет, при этом после 7-8 лет службы солдату предоставлялся

временный отпуск. Затем в армии были отменены телесные наказания — шпицрутены, “кошки”, кнут и плети. Вслед за этим была реорганизована система военного управления. По изданному 6 августа 1864 г. “Положению” вся территория России была разделена на 15 военных округов, каждый со своим управлением, непосредственно подчиненным Военному министерству. Военно-окружная система имела ряд преимуществ: ликвидировалась излишняя централизация управления и создавались более благоприятные условия для оперативного руководства войсками, сокращались сроки мобилизации запасных в военное время. В условиях России с ее огромными пространствами это приобретало первостепенное значение. По “Положению” 1867 г. было реорганизовано и центральное военное управление. В подчинение Военному министерству передавались артиллерия, гвардия, инженерные войска, военно-учебные заведения (до этого они имели свои отдельные управления), а на время ведения военных действий — действующая армия.

В 1867 г. был принят новый военно-судебный устав, построенный на началах судебной реформы 1864 г. Вводились три судебные инстанции — полковой, военно-окружной и главный военный суды. На время войны учреждался Главный военно-полевой суд. Решения военных судов подлежали утверждению соответственно полкового и окружного начальников, а в последней инстанции — военного министра.

В середине 60-х годов была проведена реформа военно-учебных заведений. В 1863 г. кадетские корпуса были преобразованы в военные гимназии, близкие по программе общеобразовательных дисциплин (помимо специальных военных) к реальным училищам. В 1864 г. были учреждены военные училища, в которые поступали воспитанники военных гимназий. Военные училища ежегодно выпускали до 600 офицеров. Для специальной подготовки военных инженеров, артиллеристов, кавалеристов были созданы 16 юнкерских училищ с трехлетним сроком обучения. В практику вводилось повышение квалификации офицерского состава во время прохождения службы. Расширялась система высшего военного образования в военных академиях — Академии Генерального штаба, Артиллерийской, Инженерной, Военно-медицинской и во вновь учрежденной Военно-юридической.

Эти преобразования существенно улучшили боевую подготовку русской армии. Однако коренная реорганизация военного дела могла быть осуществлена лишь при условии введения новой системы комплектования армии — замены старой, рекрутской системы всесословной (т. е. всеобщей) воинской повинностью, что обеспечило бы создание запаса обученных резервов, необходимых в военное время.

Всеобщая воинская повинность уже давно была введена во многих странах Европы, в России же долгое время сохранялась система рекрутских наборов, введенная еще Петром I. Всеобщая

воинская повинность давала необходимый эффект только при условии быстрой мобилизации находившихся в запасе воинских резервов, а это во многом зависело от состояния средств сообщения. Быстрый рост железнодорожного строительства в конце 60-х — начале 70-х годов XIX в. в России создал необходимые условия для проведения одной из важнейших реформ. Настоятельная необходимость этой реформы диктовалась и сложной внешнеполитической обстановкой, особенно обострившейся в связи с разгромом Франции Пруссией в 1870 г. и образованием в центре Европы милитаристской Германской империи, которая открыто заявила о своих экспансионистских устремлениях.

В 1870 г. Д. А. Милютин представил Александру II доклад о введении всеобщей воинской повинности и получил его одобрение. Под председательством Милютина была создана специальная комиссия для выработки воинского устава. Через два года проект воинского устава был готов и вынесен на обсуждение Государственного совета. Обсуждение шло остро. Против введения всесословной воинской повинности активно выступали министр просвещения Д. А. Толстой и шеф жандармов П. А. Шувалов, а в печати — редактор и издатель "Московских ведомостей" М. Н. Катков. **1 января 1874 г.** Александр II утвердил *"Устав о воинской повинности"* и специальный Манифест о нем.

По закону 1874 г. все воинские силы Российской империи делились на 4 разряда: регулярные армию и флот, иррегулярные войска (казачество), запасные войска и ополчение. Воинская повинность распространялась на все мужское население, достигшее 20-летнего возраста, без различия сословий, т. е. она приобретала всесословный характер. Для сухопутных регулярных войск устанавливался 6-летний срок действительной службы. Отслужившие этот срок увольнялись в запас на 9 лет, а по истечении этого срока зачислялись в ополчение до 40-летнего возраста. Для флота устанавливался 7-летний срок действительной службы и 3 года пребывания в запасе.

Для армии мирного времени необходимый контингент призываемых на действительную службу был значительно меньше общего числа призывников. Так, в 1874 г. из 725 тыс. мужчин, подлежавших призыву, было призвано 150 тыс., в 1880 г. из 809 тыс. — 212 тыс. человек, в 1900 г. из 1150 тыс. — 315 тыс. Таким образом, из числа лиц призывного возраста на действительную службу брали в армию 25—30%. От действительной службы освобождались, в первую очередь, по семейному положению: единственный сын у родителей, единственный кормилец в семье при малолетних братьях и сестрах, а также те призывники, у которых старший брат отбывает или уже отбыл срок действительной службы. По семейному положению освобождалось от действительной службы до половины призывников. Около 15—20% освобождались по физической непригодности. Остальные годные к службе призывники, не имев-

шие льгот, тянули жребий. Как имевшие льготу, так и те, на кого не пал жребий идти на действительную службу, зачислялись в запас на 15 лет, а по истечении этого срока — в ополчение. Давались и отсрочки от действительной службы на 2 года по имущественному положению. Сроки действительной военной службы значительно сокращались в зависимости от образовательного ценза: до 4 лет — для окончивших начальную школу, до 3 лет — городскую школу, до полутора лет — гимназию и до полугода — для имевших высшее образование. Если получивший образование поступал на действительную службу добровольно (вольноопределяющимся), то указанные сроки службы сокращались вдвое. Находившихся на действительной службе солдат в обязательном порядке обучали грамоте. Поэтому армия играла немалую роль в распространении грамотности среди мужского населения, поскольку в то время до 80% призываемых на службу были неграмотными.

По закону 1874 г. от воинской повинности освобождались духовные лица всех вероисповеданий, представители некоторых религиозных сект и организаций (в силу их религиозных убеждений), народы Средней Азии и Казахстана, некоторые народности Кавказа и Крайнего Севера. По отношению к русскому населению воинская повинность фактически распространялась на податные сословия, так как привилегированные сословия благодаря своему образованию или прохождению обучения в военно-учебных заведениях практически освобождались от солдатской службы. Сословные различия сохранялись и в самой армии. Командный состав русской пореформенной армии был преимущественно из дворян, хотя формально лица из податных сословий имели право поступать в военно-учебные заведения и в перспективе стать офицерами. Рядовой солдат мог дослужиться только до унтер-офицерского чина.

С 60-х годов началось *перевооружение* русской армии. С 1866 г. гладкоствольное оружие стало заменяться нарезным. На вооружение была принята скорострельная винтовка системы Бердана. Артиллерийский парк заменяли новыми системами стальных нарезных орудий, началось строительство военного парового флота. С 1876 г. была введена военно-конская повинность: на время войны годное для военных целей конское поголовье подлежало мобилизации с денежной компенсацией его владельцам. В связи с этим стали регулярно проводиться военно-конские переписи.

В конце XIX в. в русской армии были произведены следующие изменения. По новому воинскому уставу 1888 г. устанавливался 5-летний срок действительной службы и 13-летний срок пребывания в запасе для всех родов войск, с последующим зачислением в ополчение. С 20 лет до 21 года повышался призывной возраст на действительную службу. Предельный возраст для ополченца увеличивался с 40 до 43 лет. Сохранялись прежние льготы по семейному положению, но в 2—4 раза увеличивались сроки службы для

лиц, окончивших средние и высшие учебные заведения, а также и для вольноопределяющихся.

Военные реформы 1861—1874 гг. сыграли важную роль в повышении боеспособности русской армии. Однако результаты этих реформ сказались не сразу. Военно-учебные заведения еще не могли восполнить острую нехватку офицерских кадров, процесс перевооружения армии затянулся на несколько десятилетий.

§ 6. Значение реформ 1863—1874 гг.

Реформы 50—70-х годов XIX в., начиная с отмены крепостного права, знаменовали собой существенные изменения в политическом строе России. Общий ход социально-экономического развития России вызвал настоятельную необходимость проведения реформ, которые, в свою очередь, дали толчок быстрому росту экономики и культуры страны. Однако буржуазные по своему содержанию реформы 60—70-х годов носили непоследовательный и незавершенный характер. Наряду с буржуазными принципами в новых органах местного управления, судебной системе, народном образовании и т. д. реформы вместе с тем ограждали сословные преимущества дворянства и фактически сохраняли неравноправное положение податных сословий. Уступки, сделанные прежде всего крупной буржуазии, нисколько не нарушали дворянских привилегий. Новые органы местного управления, школа и печать были подчинены царской администрации.

В противоречивой политике императора Александра II сочетались и реформаторство, и реакционные тенденции. Последние открыто заявили о себе после покушения на Александра II Д. В. Каракозова в 1866 г. Эти тенденции замедляли ход реформ и в ряде случаев искажали их характер.

Проводя реформы, самодержавие вместе с тем применяло старые административно-полицейские методы управления, поддерживало сословность во всех сферах общественно-политической жизни страны. Тем самым создавались условия для проведения серии “контрреформ” в царствование Александра III.

Глава 12
Социально-экономическое развитие пореформенной России

Социально-экономическое развитие пореформенной России отличалось сложностью и противоречивостью. *Ведущим процессом* в экономике и социальных отношениях являлось развитие *капитализма*: этот факт был признан тогда всеми направлениями русской общественной и экономической мысли, однако оценка данного явления (его характера, перспектив и значения) была различной.

Представители народнического направления считали, что капитализм в России насаждается сверху государством, акцентировали внимание на "язвы капитализма" (рост имущественного неравенства, засилье кулаков-мироедов, разорение и пролетаризация деревни) и склонны были видеть в нем регрессивное явление. Они считали, что у капитализма в России нет будущего. Представители марксистского направления, указывая на присущую всем странам общую закономерность социально-экономических процессов и их объективный характер, подчеркивали прогрессивность капитализма и преувеличивали степень его развития в России.

Народническая оценка капитализма в России получила наиболее полное отражение в трудах видного экономиста и социолога В. П. Воронцова и первого переводчика на русский язык "Капитала" К. Маркса Н. Ф. Даниельсона, а *марксистская* — в трудах Г. В. Плеханова, В. И. Ленина, "легального марксиста" П. Б. Струве (позже отошедшего от марксизма) и ряда русских экономистов, применявших теоретические положения Маркса в своих научных трудах. Однако и среди марксистов были разные взгляды на капитализм в России. Так, в отличие от Струве, восхвалявшего капитализм, Ленин видел в нем и негативные стороны.

Капиталистические отношения складывались в России, как доказано в трудах отечественных историков и экономистов, еще задолго до отмены крепостного права. Однако утверждение капитализма как экономической и социальной системы происходило уже в пореформенное время. Реформы 60—70-х годов XIX в., в первую очередь, крестьянская 1861 г., явились важным условием его более интенсивного развития. Здесь проявилась огромная роль политического фактора, воздействовавшего на социально-экономические процессы.

Первые два пореформенных десятилетия относятся к числу переходных, или, как называют их исследователи (Н. М. Дружинин, П. Г. Рындзюнский), "переломных", когда происходила ломка

феодальных отношений в сфере сельского хозяйства, завершался процесс технического перевооружения промышленности, создавался механизированный транспорт и складывались новые, характерные для капиталистической страны, социальные слои населения — пролетариат и промышленная буржуазия.

Утверждение капитализма как господствующей социально-экономической системы относится к концу XIX — началу XX в. Развитие же его происходило в условиях хотя и "модернизированной", но по существу старой политической системы — при сохранении самодержавия и сословного строя. Это накладывало определенный отпечаток на социально-экономические процессы в пореформенной России, обусловливало их сложность и противоречивость.

§ 1. Изменения в землевладении и землепользовании

Сельское хозяйство в пореформенной России продолжало оставаться доминирующей частью экономики, а аграрный вопрос являлся главнейшим в социально-экономической и политической жизни страны.

По данным поземельной переписи 1878—1879 гг., весь земельный фонд Европейской России составлял 391 млн. десятин. Поскольку статистика в это число включила свыше 100 млн. десятин неиспользованных казенных земель Крайнего Севера, то реальный сельскохозяйственный земельный фонд Европейской России составлял около 281 млн. десятин. Земельный фонд распределялся на три основные категории: 102 млн. десятин составляли частновладельческую землю, 139 млн. — крестьянскую надельную (в том числе и принадлежавшую казачеству) и 50 млн. — казенную и удельного ведомства. Основная часть частновладельческой земли — 77,4% (79 млн. десятин) — находилась в руках поместного дворянства, остальной владели церковь и приобретавшие путем ее покупки купцы, мещане и зажиточные крестьяне. Часть крестьян, помимо покупки земли на стороне, смогла досрочно выкупить свои наделы и выйти из общины (таковых к началу XX в. насчитывалось до 600 тыс. дворов).

К концу XIX в. *аграрный вопрос* в России приобрел особую остроту. Резко возросло крестьянское малоземелье вследствие естественного прироста населения деревни, но при сохранении в прежнем размере крестьянского надельного землепользования. Численность крестьянского населения с 1861 по 1900 гг. увеличилась с 23,6 млн. до 44,2 млн. душ мужского пола, и вследствие этого размеры наделов в расчете на 1 душу мужского пола сократились в среднем с 5,1 до 2,6 десятины. В деревне создалось "аграрное перенаселение", которое не могли смягчить ни возраставший уход крестьян в город, ни переселения их на свободные земли окраин Рос-

сии. Особенно страдала от малоземелья обделенная реформой 1861 г. бывшая помещичья деревня.

В 90-х годах XIX в. крестьяне вынуждены были арендовать у помещиков до 37 млн. десятин земли (что составляло 30% к их надельной), расплачиваясь за нее большей частью отработками (из-за отсутствия необходимых для денежной аренды средств). Это была аренда "из нужды" — для поддержания своего хозяйства. Но существовала и предпринимательская аренда, которую практиковали зажиточные крестьяне с целью производства товарной продукции, снимая землю за деньги. В аренду сдавались, главным образом, помещичьи земли, но также и крестьянские надельные. Первая называлась "вненадельной", а вторая — "внутринадельной" арендой. При внутринадельной аренде землю сдавали, как правило, обедневшие крестьяне, которые свертывали свое хозяйство и уходили на заработки в город.

Основная тенденция частного землевладения в пореформенной России заключалась в переходе его от сословности к бессословности — к созданию буржуазной земельной собственности. Дворянское землевладение сокращалось вследствие продажи дворянами своих земель представителям других сословий. Если в 1861 г. в руках дворян находилось 87 млн. десятин земли, а к концу 70-х годов — 79 млн., то к началу XX в. — 52 млн. десятин, т. е. количество земли уменьшилось на 41%. В связи с этим удельный вес дворянского землевладения в составе всей частновладельческой земли за пореформенный период сократился с 80% до 50%, а крестьянского возрос с 5% до 20%.

Однако этот процесс в разные периоды имел свои особенности. Сначала, в 60-е годы, в числе покупателей дворянских земель преобладали дворяне же, составляя 52% покупателей. Но уже в 80-х годах их удельный вес в покупках земли снизился до 33 %. За 1861—1904 гг. дворяне продали 81,4 млн. десятин земли, но за это же время ими было куплено 45,5 млн. десятин. Таким образом, помимо перехода дворянской земли в руки других сословий, шла мобилизация дворянского землевладения внутри этого сословия: укреплялись помещичьи латифундии за счет сокращения мелких дворянских владений. Однако к концу XIX в. среди покупщиков дворянской земли стали уже преобладать купцы, мещане, но более всего крестьяне. Менялся и характер использования земли, купленной крестьянами. Если раньше она приобреталась большей частью обществами и товариществами, или же в виде мелких покупок отдельными домохозяевами для восполнения недостаточных наделов (в "продовольственных" целях), то впоследствии стали преобладать покупки уже крупных участков земли разбогатевшими крестьянами для предпринимательского хозяйства. Среди них выделилась категория помещиков-недворян ("чумазых лендлордов") — владельцев крупных латифундий.

Земля все более втягивалась в торговый оборот. Повысились и цены на землю: за 40 пореформенных лет — в среднем в 5 раз, а в черноземных губерниях — в 10 раз. Несмотря на сокращение дворянского землевладения, его позиции к началу XX в. оставались еще достаточно прочными. В руках дворян оставались наиболее ценные, высокодоходные угодья (леса, лучшие пахотные земли и сенокосы). Отмечено также, что дворянское землевладение сосредоточивалось в регионах с более высокими ценами на землю и с более быстрыми темпами их роста в пореформенное время. Вследствие этого, несмотря на сокращение дворянского землевладения, ценность дворянских земель к началу XX в. возросла с 1,25 млрд. руб. до 2,5 млрд., т. е. удвоилась.

В частном землевладении было характерно преобладание латифундий (размером свыше 500 десятин) — их насчитывалось к началу XX в. до 30 тыс. ; в них сосредоточивалось 70 млн. десятин земли (44 млн. у дворян и 36 млн. у недворян), и на 1 владение приходилось в среднем по 2333 десятины. В то же время почти столько же (71 млн. десятин) находилось у 10,5 млн. крестьянских дворов, и на каждый двор приходилось в среднем менее 7 десятин, т. е. меньше половины необходимого количества земли для более или менее сносного ведения хозяйства. Обострение аграрного вопроса к началу XX в. явилось важнейшей предпосылкой революции 1905—1907 гг., и передача помещичьих земель крестьянам стала главным ее требованием.

§ 2. Сельская община в пореформенной России

Крестьянская реформа 1861 г. сохранила *сельскую общину*. Надельная земля отводилась, как правило, не подворно, а всей общине, затем каждому двору в соответствии с количеством в нем ревизских душ выделялся земельный надел в пользование. В конце XIX в. в составе надельной земли удельный вес общинного землепользования составлял в целом по Европейской России 80%, при этом в центральных ее губерниях — 96%, в южных — от 80 до 90%. Лишь в западных губерниях преобладало подворное землепользование, удельный вес которого составлял: в Белоруссии — 61, на Левобережной Украине — 67, а на Правобережной Украине — 86%. Но община существовала и в селениях с подворным землепользованием с той лишь разницей, что в них отсутствовали земельные переделы.

Существовало *два типа* общины: *простая*, состоявшая из одного селения или его части (если это селение принадлежало нескольким помещикам), и *сложная*, состоявшая из нескольких селений. Пореформенное изменение территориального состава общины выражалось в разделении сложных общин на простые и в соединении общин, составлявших части одного селения, в одно сельское общество. Простые общины могли состоять и из нескольких мелких деревень, что характерно было для лесистых местностей северных

губерний, в которых существовали многие тысячи деревень с числом дворов по 3-5 каждая. Большие села (они были обычными в южных степных губерниях) составляли общину-волость.

Для поземельной общины в связи с изменением состава семей и их платежеспособности было характерно периодическое перераспределение земли и связанных с ней податей. Переделялась только пахотная земля; выгоны и сенокосы оставались в общем пользовании, а усадьбы — в постоянном владении крестьянского двора. До реформы 1861 г. периодические земельные переделы, как правило, приурочивались к очередной ревизии, и наделение землей проводилось по числу "ревизских душ" мужского пола. В пореформенную эпоху переделы земли проводились через 12—15—18 лет в соответствии с трех-, четырех- или пятилетним циклом трехпольного севооборота. Нередко переделы проводились через 24 года, а в 24% общин надельная земля со времени крестьянской реформы вообще не переделялась.

Общие переделы проводились следующим образом. Вся полевая земля сначала делилась на участки по их качеству и местоположению, а они, в свою очередь, распределялись между домохозяевами по числу душ или тягол. Тем самым создавались большая многополосность и чересполосность крестьянских наделов, состоявших иногда из 40-50 и даже более узких и длинных полосок. Разбивка участков на полосы проводилась с помощью веревки, лаптя и других нехитрых способов, при этом крестьяне добивались поразительно точных уравнительных результатов.

Наряду с общими переделами все чаще стали практиковаться и частные, когда часть наделов отбиралась у дворов с "убылыми душами" и передавалась дворам с увеличившимся составом семей. В соответствии с этим уменьшались или увеличивались повинности этих семей.

В связи с многополосностью и чересполосностью наделов сохранялся принудительный севооборот при одинаковом для всех дворов трехпольном хозяйстве, что консервировало отсталую агротехнику и сковывало хозяйственную инициативу крестьян. Но несмотря на свои негативные стороны принудительный севооборот гарантировал крестьянину определенную хозяйственную стабильность.

В пореформенную эпоху при наделении землей во время переделов стал применяться уже и критерий состоятельности двора (точнее, его платежеспособности). Поэтому земельные переделы, как общие, так и частные, теряли свой уравнительный характер. В общинах с развитыми неземледельческими промыслами, а также там, где было явное несоответствие между доходностью земли и размерами платежей за нее, происходило и принудительное наделение землей. Для обеспечения отбывания повинностей сохранялась круговая порука — за неисправного плательщика отвечала вся община. Поэтому за отмену круговой поруки особенно активно выступала зажиточная часть крестьянства.

Община вмешивалась в семейные отношения крестьянского двора: наследование, опека, семейные разделы, назначение главы семьи — "большака", представлявшего крестьянский двор на сельском сходе и ответственного за отбывание повинностей. Такое вмешательство диктовалось заботой об обеспечении платежеспособности крестьянского двора. Вместе с тем община брала на себя функции "социального обеспечения": призрение малолетних крестьян-сирот, содержание одиноких калек и престарелых. Широко практиковались "помочи": коллективная помощь крестьянам, пострадавшим от стихийных бедствий, либо при постройке дома, при молотьбе или других срочных сельскохозяйственных работах. Община оказывала помощь бесплатно или за одно "угощение". Крестьянская этика не допускала отказа со стороны кого-либо из членов общины от участия в коллективной помощи односельчанину, оказавшемуся в тяжелой ситуации.

Таким образом, сельская поземельная община, как низовая ячейка крестьянской социальной структуры, выполняла разнообразные хозяйственные, социальные и фискально-полицейские функции. Народники усматривали в русской крестьянской общине "особый уклад народной жизни", якобы чуждый капитализму, даже предохраняющий деревню от капитализма и связанных с ним социальных бед. В действительности, как показали земско-статистические обследования, община не предотвращала крестьян от разорения, от закабаления их кулаками-мироедами.

Новые социально-экономические процессы подтачивали устои общины. Углублялось имущественное неравенство крестьян-общинников. Немногие кулаки-мироеды могли держать в кабале всю общину. Разоряющиеся крестьяне свертывали свое хозяйство, сдавали в аренду свои наделы за бесценок или за исполнение своих повинностей и уходили в город. Распадались патриархальные устои крестьянской семьи: участились семейные разделы, падала власть "большака" в семье. Менялись традиционные общинные порядки: исчезал институт "совета старейшин", решавший ранее общинные и семейные дела, зажиточные дворы откупались от натуральных повинностей, которые перекладывались на бедных. Тем не менее русская крестьянская община продолжала сохранять свою устойчивость. Впоследствии, в ходе революций, деятельность общины была оживлена, и ее социальная роль существенно возросла.

Функции общины носили сложный и противоречивый характер. С одной стороны, община выполняла роль демократической организации, товарищеского или соседского союза, с другой, она была фискально-полицейским инструментом у государства для выколачивания с крестьян податей и поддержания "порядка" в деревне. Отсюда давние споры в публицистике и в исследовательской литературе о характере русской крестьянской общины. Эти споры ведутся и до сих пор.

§ 3. Социальное расслоение пореформенной деревни

Еще в крепостную эпоху в деревне стал возникать небольшой слой зажиточных, так называемых “*капита́листых*” (по тогдашней терминологии) *крестьян* — ростовщиков, скупщиков, торговцев. Вместе с тем увеличивалось и число *обедневших крестьян*. В пореформенный период этот процесс получил свое дальнейшее развитие. Его зафиксировала земская и правительственная статистика, об этом заговорили публицистика и художественная литература. Исследователи, публицисты и писатели народнического направления трактовали этот процесс как рост простого имущественного неравенства. Авторы, принадлежавшие к марксистскому направлению, рассматривали этот процесс как важное социальное явление и показатель утверждения капитализма в деревне. Среди них первым заявил об этом Плеханов в середине 80-х годов в споре с народниками. Такой взгляд получил затем развитие в ряде научных исследований 90-х годов о русской деревне (например, И. А. Гурвича и В. Е. Посникова).

Наиболее основательно критика народнических взглядов на социальные изменения в деревне была дана В. И. Лениным в его книге “Развитие капитализма в России” (1899). Опираясь на данные земской статистики 80—90-х годов по 23 уездам семи губерний, Ленин сделал такой расчет: 20% крестьянских дворов составляли зажиточную группу, 30% — среднюю и 50% — беднейшую. Отсюда он делал вывод о “разложении крестьянства” — его распадении на “сельскую буржуазию” и на “сельских пролетариев с наделом”. По его расчетам, обе эти “крайние” группы составляли уже подавляющую часть деревни. В полемике с народниками марксисты, особенно В. И. Ленин, акцентировали внимание на “успехи” капиталистического развития в деревне. Впоследствии (после революции 1905—1907 гг.) Ленин внес коррективы в этот вывод. Подчеркивая, что направление, в котором протекали в конце XIX в. социальные процессы в русской деревне, им было определено верно, степень развития их (особенно социального антагонизма внутри крестьянства), как показал опыт революции 1905—1907 гг., была преувеличена, к тому же не была учтена сила крепостнических пережитков в деревне, в первую очередь, давление помещичьего землевладения, в борьбе за ликвидацию которого проявляли единство все слои крестьянства.

Следует признать неверной бытовавшую в прежней учебной литературе (и не только учебной) оценку всего зажиточного слоя крестьян как кулаков, а бедного как пролетариев. Кулаками следует считать лишь тех, кто вел предпринимательское, капиталистическое хозяйство, эксплуатируя других крестьян либо как наемных работников (батраков), либо путем ростовщических операций. Такие богатые крестьяне-кулаки составляли сравнительно небольшой

слой крестьянства (3—4%). Однако сила и влияние их в деревне были огромны. Иногда кулак мог держать в кабале не только свою деревню, но и целую округу. Также не все обедневшие крестьяне становились пролетариями. В своем большинстве они имели собственное хозяйство, соединяя земледелие с различного рода промыслами, в том числе и с работой по найму. Но в этой группе сформировался слой "раскрестьянившихся" дворов, основой существования которых было уже не собственное земледельческое хозяйство, а продажа своей рабочей силы. Вместе с тем уход на заработки не всегда приводил к "раскрестьяниванию". Более того, отпуск на заработки "лишних" работников из семьи поддерживал хозяйство двора.

С учетом этих поправок и надлежит трактовать характер и значение социального расслоения крестьянства, которое безусловно имело место в русской пореформенной деревне. Однако степень развития этого процесса была различной в зависимости от региона страны, характера занятий крестьян, близости к торгово-промышленному центру и т. п. В центрально-промышленных и южных степных губерниях, в Верхнем и Среднем Поволжье процесс социального расслоения деревни происходил интенсивнее. Слабее он был выражен в центрально-черноземных губерниях и в глухих, "медвежьих", углах заволжских и северных губерний.

Социальное расслоение крестьянства являлось важным условием развития капиталистического рынка и всего капитализма в целом. Неимущее крестьянство, терявшее свою хозяйственную самостоятельность, создавало рынок рабочей силы как для предпринимательского сельского хозяйства, так и для крупной капиталистической промышлености. Вместе с тем такой крестьянин, живший в основном за счет "заработков", приобретавший необходимые предметы потребления преимущественно на рынке, способствовал росту спроса на них. Зажиточная деревенская верхушка, товарное хозяйство которой требовало применения машин, улучшенных сельскохозяйственных орудий, удобрений и пр., способствовала росту спроса на предметы производства. Увеличивая капиталы за счет эксплуатации наемного труда, а также за счет торгово-ростовщических операций, богатая деревенская верхушка вкладывала их не только в предпринимательское сельское хозяйство, но и в промышленное производство. Поскольку крестьянство составляло преобладающую часть населения страны, то процесс его социального расслоения играл первостепенную роль в формировании пролетариата и буржуазии.

§ 4. Пореформенное помещичье хозяйство

Пореформенная эпоха характеризуется постепенным переходом помещичьего хозяйства от барщинной системы к капиталистической. Автор знаменитых "Писем из деревни" (1872—1887), уче-

ный-химик и смоленский помещик-практик, А. Н. Энгельгардт писал: “Вначале было сделано много попыток завести батрацкое хозяйство с машинами и агрономиями, но все эти попытки не привели к желаемому результату. Батраков было мало, ибо безземельных не хватало для перехода к батрацкому хозяйству, а те, что были, поглощались фабриками, заводами, городами”. Кроме того необходимы были стартовый капитал и опыт ведения предпринимательского хозяйства, т. е. то, чем подавляющее большинство помещиков не располагало. К тому же в первые десятилетия после реформы 1861 г. крестьянское хозяйство еще не вполне было отделено от помещичьего: крестьянские и помещичьи угодья не везде были размежеваны. Малоземелье, отрезки от крестьянского надела наиболее ценных и необходимых для крестьянина угодий принуждали его идти в кабалу к прежнему барину. Оставались и некоторые черты “внеэкономического принуждения”: принудительные меры к крестьянам при выполнении установленных законом 1861 г. повинностей в пользу помещика и государства (круговая порука, телесные наказания, отдача за недоимки в общественные работы и т. п.), сословная неполноправность крестьян, наконец сохранение до начала 80-х годов их временнообязанного положения.

В помещичьем хозяйстве в первые два пореформенных десятилетия шел процесс перехода от феодальных его форм к капиталистическим. Выражением такой переходной формы, соединявшей черты барщинной и капиталистической систем ведения хозяйства, являлась система *отработок.* Суть ее состояла в обработке помещичьей земли окрестными крестьянами своим инвентарем за взятые у помещика в аренду пахотные земли и другие угодья. Как и при крепостном праве, крестьянин обрабатывал поле помещика за то, что тот предоставлял ему землю, однако это был уже свободный крестьянин, вступавший в договорные отношения с помещиком, т. е. действовали уже рыночные условия спроса и предложения. Но помещик, пользуясь своим фактически монопольным положением земельного собственника, мог диктовать крестьянину любые условия, поэтому отработочная система приобретала кабальный характер.

Отработки — следствие малоземелья крестьян, ограбленных реформой 1861 г., и давления помещичьих латифундий. Помещикам особенно выгодно было вести хозяйство посредством сдачи в аренду под отработки “отрезных” (от крестьянских наделов) земель. “Сначала помещики еще не понимали значения отрезков, — писал наблюдательный А. Н. Энгельгардт, — теперь же значение отрезков все понимают, и каждый покупатель имения и [его] арендатор, даже не умеющий по-русски говорить немец, прежде всего смотрит: есть ли отрезки, как они расположены и насколько они затесняют крестьян”. Поэтому в пореформенное время наиболее широкое распространение отработочная система ведения помещичьего хозяйства получила там, где отрезки от крестьянских наделов

оказались наиболее зачительными и крестьянское хозяйство испытывало сильнейшее давление помещичьих латифундий, а именно — в центральной черноземной полосе России. К тому же крестьянское хозяйство этой полосы в силу ограниченных возможностей для промысловых занятий носило преимущественно земледельческий характер. В нечерноземных промышленных губерниях и на юге России помещики уже в первые два пореформенных десятилетия переходили к капиталистической системе ведения хозяйства, с применением наемного труда и более совершенной агротехники. Наиболее ярким примером тому служит образцовое предпринимательское хозяйство того же А. Н. Энгельгардта, подробно описанное им в его “Письмах из деревни”.

Вот относящиеся к 80-м годам XIX в. *данные* видного экономиста-статистика Н. Ф. Анненского о распределении капиталистической и *отработочной систем хозяйства* (эти данные включены В. И. Лениным в его книгу “Развитие капитализма в России”):

Группы губерний по преобладающей системе хозяйства у землевладельцев	Число губерний		
	в черноземной полосе	в нечерноземной полосе	Итого
I. Губернии с преобладанием капиталистической системы	9	10	19
II. Губернии с преобладанием смешанной системы	3	4	7
III. Губернии с преобладанием отработочной системы	12	5	17
Всего	24	19	43

Из приведенных данных видно, что в 80-е годы XIX в. в целом по стране капиталистическая система веденяи помещичьего хозяйства уже преобладала над отработочной. Отработки, выполняемые крестьянами своим инвентарем (отработки первого вида), заменялись отработками, которые мог выполнять и неимущий крестьянин инвентарем помещика (отработки второго вида). Пореформенная эволюция помещичьего хозяйства выражалась в переходе от отработок первого вида к отработкам второго вида, а затем — и к применению капиталистического найма.

Несмотря на общую тенденцию замены отработочной системы капиталистической, в кризисные годы отработочная система возрождалась. Исследователи отметили ее живучесть вплоть до начала XX в. Отработочная система могла существовать при условии, если труд закабаленного крестьянина обходился помещику дешевле, чем труд вольнонаемного работника. Она консервировала низкий уровень агротехники и отсталые приемы ведения хозяйства. Поэтому неизбежным следствием отработочной системы являлась низкая производительность труда: урожайность в помещичьих хозяйст-

вах, применявших отработочную систему, была ниже, чем даже на крестьянских надельных землях.

Капиталистическая перестройка помещичьего хозяйства не означала только замену кабального труда крестьян трудом наемных рабочих и крестьянского инвентаря помещичьим. Для ведения предпринимательского сельского хозяйства по-капиталистически требовались улучшенные сельскохозяйственные орудия, машины, удобрения, замена традиционного трехполья новыми системами земледелия, применение более рациональных методов ведения сельского хозяйства. Необходимы были крупные капиталовложения, знания, опыт. Немаловажное значение имели хозяйственно-географический фактор и характер сложившихся экономических связей и традиций. Наибольшее развитие предпринимательское помещичье хозяйство получило в Прибалтике, в степном Юге, около "обеих столиц" (Петербурга и Москвы) — в силу близости к балтийским и черноморским портам и ориентации на европейский рынок или выгодности сбыта продукции в крупных торгово-промышленных центрах.

Далеко не все помещики могли перестроить свое хозяйство на капиталистических началах. Многие из них ликвидировали свое хозяйство, закладывали и перезакладывали свои имения в кредитных учреждениях. Количество заложенной помещичьей земли быстро росло. К 1870 г. помещиками было заложено 2,1 млн. десятин земли, а сумма долга составила 92 млн. руб. К 1880 г. в залоге было 12,5 млн. десятин дворянских земель, а долг дворян кредитным учреждениям составил 448 млн. руб. К 1895 г. дворяне заложили уже 37,5 млн. десятин (более половины находившихся к тому времени у них земель), а сумма их долгов достигла 1029 млн. руб. Огромные средства, полученные дворянами за счет выкупных платежей с крестьян, продажи и залога имений, тратились большей частью непроизводительно. Заложенные имения шли с молотка. Если в 1886 г. за долги было продано 166 дворянских имений, то в 1893 г. — 2237. Разорялось и ликвидировало свое хозяйство мелкопоместное дворянство, которое не могло приспособиться к новым условиям капиталистического рынка. Устойчивее оказались латифундии.

§ 5. Новые тенденции в развитии сельского хозяйства. Рост торгового земледелия

Статистические данные за сорокалетие после отмены крепостного права показывают заметный рост сельскохозяйственного производства в России. С середины 60-х до конца 90-х годов XIX в. посевы хлебов и картофеля возросли в 1,5 раза, а чистые сборы (за вычетом на семена) — более чем в 2 раза. Особенно значителен был рост посевов и сборов картофеля: его посевы возросли в 3,5 раза, а чистые сборы в 5 раз.

Однако в расчете на одну душу населения прирост был не столь значителен. Если в начале 60-х годов на 1 душу приходилось 2,21 четверти (примерно 20 пудов) чистого сбора хлебов, то к концу 90-х — 2,81 четверти (26 пудов), т. е. на 27% больше. Лишь чистые сборы картофеля возросли в расчете на одну душу в 3 раза (с 0,27 до 0,87 четверти). Среди зерновых удельный вес ржи составлял 44%, пшеницы — 14,2%, овса — 23,1%, ячменя — 6,9%, гречихи — 5,1% и прочих яровых — 6,7%.

Рост сельскохозяйственного производства и в пореформенный период продолжал носить преимущественно экстенсивный характер, т. е. происходил в основном за счет расширения посевных площадей. При этом он был особенно значителен в основных хлебопроизводящих регионах — в губерниях черноземного центра, Среднего Поволжья, Украины и в южной степной полосе. В центрально-промышленных губерниях, наоборот, посевы зерновых сокращались, но возрастали посевы картофеля и других технических культур. В первые два десятилетия после реформы 1861 г. существенно сократились посевы на помещичьих полях, но в 80—90-е годы отмечено их возрастание, что свидетельствовало о капиталистической перестройке помещичьего хозяйства. Тем не менее к концу XIX в. три четверти посевов и сборов хлебов приходились на крестьянские хозяйства. Однако товарность помещичьего хлеба была существенно выше крестьянского.

Основная черта пореформенного развития сельского хозяйства состояла в том, что оно принимало все более *торговый*, *предпринимательский* характер. Содержанием и показателем этого процесса являлись: во-первых (и главным образом), превращение земледелия в товарное производство, при этом товаром становились не только продукция земледелия, но и сама земля (основное средство сельскохозяйственного производства) и рабочая сила; во-вторых, четкое распределение и углубление наметившейся еще в дореформенную эпоху хозяйственной специализации районов страны. Определились регионы, специализировавшиеся на производстве товарного зерна, льна, мяса и молока, сахарной свеклы, винограда и пр. При торговом земледелии выделялся главный рыночный продукт в данном регионе, остальные отрасли сельского хозяйства в нем подчинялись или приспосабливались к производству этого продукта.

Важнейшими факторами, обусловливавшими рост торгового земледелия, были: 1) рост внутреннего и внешнего рынка; 2) увеличение численности неземледельческого населения страны в связи с ростом городов, промышленности, транспорта и торговли; 3) интенсивное строительство железных дорог, связавших земледельческие регионы с промышленными центрами, морскими и речными портами.

В свою очередь углубление специализации сельскохозяйственных районов оказывало воздействие на дальнейшее развитие капиталистического рынка: оно усиливало обмен между регионами,

предъявляя спрос и на предметы сельскохозяйственного производства, ибо специализация на каком-либо одном товарном продукте вызывала спрос на другие виды сельскохозяйственной продукции.

В пореформенной России определились следующие *специализированные регионы торгового земледелия*: центрально-черноземные, Поволжье и Заволжье превратились в основные центры торгового зернового хозяйства; северные и центрально-промышленные губернии стали районами торгового льноводства и мясо-молочного хозяйства; для прибалтийских и западных губерний России характерно было высокоразвитое животноводство. Районы торгового зерноводства, свекловодства, табаководства, виноградарства возникли на Украине, в Бессарабии, в Новороссии, Степном Предкавказье; вокруг крупных городов и промышленных центров сложилось промышленное огородничество.

В 80—90-х годах XIX в. происходит перемещение главных очагов зернового производства из внутренних губерний с помещичьим землевладением и крестьянским малоземельем в интенсивно заселяемые южные и восточные окраины Европейской России с их слабо освоенными черноземными землями. Этому особенно способствовало проведение в указанные районы железных дорог, создавших благоприятные условия для движения населения и сбыта сельскохозяйственной продукции. На юге России возникли крупные капиталистические экономии, каждая из которых насчитывала тысячи и десятки тысяч десятин посевной площади. В этих хозяйствах широко применялся наемный труд и различная сельскохозяйственная техника — сеялки, жнейки, сенокосилки, паровые молотилки.

Рост торгового земледелия предъявлял спрос на улучшенные орудия обработки почвы, сельскохозяйственные машины и наемный труд. С 70-х по 90-е годы XIX в. годовое производство железных плугов в России возросло с 14,5 тыс. до 75,5 тыс. штук, жнеек — с 780 до 27 тыс. В 1875 г. в сельском хозяйстве России применялось 1,3 тыс. локомобилей; к 1901 г. их число возросло до 12 тыс., при этом более 10 тыс. приходилось на юг страны. Количество наемных рабочих, уходивших на сезонные сельскохозяйственные работы, возросло с 60-х по 90-е годы XIX в. с 700 тыс. до 3,6 млн. человек. Они направлялись, главным образом, в южные и восточные губернии Европейской России, а также в Прибалтику. Основными районами выхода сельскохозяйственных рабочих являлись центрально-черноземные губернии и Украина, где наиболее острыми были малоземелье и аграрное перенаселение.

При росте торгового земледелия сохранялись полунатуральные и натуральные его формы, особенно в крестьянском хозяйстве. В нем, как и прежде, господствовало традиционное трехполье, в таежно-лесной зоне продолжала практиковаться подсечная система земледелия, а на юге страны — перелог. Многопольный севооборот, улучшенные орудия для обработки почвы, дорогие сельскохо-

зяйственные машины применяли помещики и богатые крестьяне. Соха и деревянная борона при вспашке и рыхлении почвы, серп и коса при уборке хлебов, цеп для молотьбы, лопата и решето для очистки зерна оставались основными орудиями в крестьянском хозяйстве.

Страну часто постигали неурожаи и связанный с ними голод, от чего больше всего страдало трудовое население. В 1873—1874 гг. голод обрушился на губернии Среднего Поволжья (“Самарский голод”). Масштабы всероссийского бедствия принял голод, начавшийся осенью 1879 г. и резко усилившийся в 1880—1881 гг. В прессе сообщалось, что крестьяне питались в эти тяжкие годы “наполовину лебедой, мякиной, отрубями”. Были зафиксированы многие случаи голодной смерти. Но еще более широкий размах принял голод, разразившийся в 1891—1892 гг. Он поразил 29 губерний, в которых голодали 35 млн. человек. Голодной смертью тогда умерли 600 тыс. человек. В период голода в сборе средств для голодающих принимали участие Л. Н. Толстой, А. П. Чехов, В. Г. Короленко и многие видные деятели русской культуры. Было собрано на продовольственные и семенные ссуды свыше 151 млн. руб.

§ 6. Рост и размещение промышленности в пореформенной России. Завершение промышленного переворота

Промышленное развитие в пореформенной России носило сложный и противоречивый характер. С одной стороны, развитие капитализма сопровождалось экспроприацией мелких товаропроизводителей: мелкое товарное производство, основанное на ручном труде, не выдерживало конкуренции крупного, базировавшегося на машинной технике и более производительного. С другой стороны, не только сохранялись, но параллельно росту крупной промышленности развивались и низшие формы промышленного производства — мелкотоварное и мануфактурное.

Дальнейшее распространение мелких неземледельческих промыслов в пореформенной России наряду с ростом крупной промышленности объясняется рядом факторов. При преобладании крестьянского населения, полунатурального земледелия, сохранении учреждений и традиций старины крупная машинная индустрия еще не могла окончательно вытеснить мелкую, крестьянскую промышленность. Вместе с тем развитие товарного хозяйства неизбежно вело к увеличению численности крестьян-промышленников.

Мелкая промышленность

Рост *мелких промыслов* происходил различными путями. В первую очередь, из старых, промышленно развитых регионов, в связи с ростом конкуренции между промысловиками и под давлением крупной машинной индустрии, кре-

стьяне-промысловики уходили в земледельческие губернии. Там, на новом месте, создавались и распространялись различного рода промыслы, перенесенные из губерний, обладавших вековой промышленной культурой. Таким образом, для пореформенной России было характерно значительное расширение сферы мелкого промышленного производства на новых территориях.

Однако наряду с этим мелкая крестьянская промышленность получила дальнейшее распространение и в центре страны. В промышленно развитых регионах упадок одних видов промыслов под влиянием конкуренции со стороны машинной индустрии заставлял крестьян переходить к другим промысловым занятиям. Например, во Владимирской губернии рост сапожного и валяльного промыслов был обусловлен вытеснением ручного ткачества крупным фабричным производством. Вместе с тем фабричное производство порождало новые виды промыслов, обслуживавших его нужды. В той же Владимирской губернии фабричное ткачество вызвало к жизни промыслы по изготовлению челноков, деревянных деталей для ткацких станков, коробов для упаковки тканей и пр.

В промышленно развитых губерниях еще в крепостную эпоху выделились крупные села, которые, как правило, становились центрами промысла, формируя вокруг себя промысловые округа. В пореформенную эпоху этот процесс получил свое дальнейшее развитие. Границы промыслового округа расширялись, образовывались целые промысловые районы, втягивавшие в свою орбиту новые селения. Крупные торгово-промышленные селения выступали в роли центров закупки сырья и сбыта продукции данного промысла, затем они становились и центрами складывавшегося мануфактурного производства.

Капитализм проникал и в крестьянскую промышленность. Мелкие товаропроизводители-кустари все более теряли свою самостоятельность, попадая в зависимость от супщика и мануфактуриста. Мелкие ремесленники, имея свои собственные мастерские и сохраняя еще связь с землей, превращались фактически в наемных рабочих-надомников у мануфактуристов, раздававших им на дом работу. Из среды мелких товаропроизводителей выделялись скупщики-посредники между надомниками и мануфактуристами. Впоследствии эти скупщики превращались во владельцев раздаточных контор и в мануфактуристов с сетью уже своих посредников. Следовательно, крестьянская промышленность не являлась однородной: она представляла собой различные переходные формы от мелкого товарного производства до мануфактуры и служила широкой базой для роста крупной капиталистической промышленности. Именно она формировала кадры обученных работников, и из ее среды выходили владельцы стартового капитала, необходимого для крупного капиталистического производства.

К *началу 80-х годов XIX в.* в России *завершился промышленный переворот.* В основных сферах промышленного производства

машинная техника уже вытеснила ручной труд; водяное колесо практически было заменено паровым двигателем. Паровые машины и механические станки заняли господствующее положение в горнодобывающей, металлообрабатывающей и текстильной промышленности.

Рост крупной промышленности и ее размещение

В первые пореформенные десятилетия русская промышленность производила в основном предметы потребления, однако начиная с 80-х годов XIX в. растет удельный вес производства средств производства. В первые пореформенные десятилетия промышленный облик страны определяла *легкая промышленность*, ведущую роль в которой играла текстильная, сосредоточенная главным образом в Московском, Петербургском и Прибалтийском промышленных регионах. На эти регионы приходилось 75% ткацких станков, 80% мощности паровых машин и 85% рабочих всей текстильной промышленности страны. С 60-х годов бурное развитие получила текстильная промышленность в польском городе Лодзи.

Другой важнейшей отраслью промышленности была *горнодобывающая*, которая в первые пореформенные десятилетия сосредоточивалась в основном на Урале.

В пореформенной России наряду с развитием традиционных отраслей промышленности возникали и новые — *угольная, нефтедобывающая, химическая, машиностроение*. Менялась промышленная география страны. К старым промышленным регионам — Московскому, Петербургскому, Прибалтийскому, Уралу — прибавились новые: южный угольно-металлургический (Донбасс и Южная Украина), Бакинский нефтедобывающий. Возникли крупные промышленные центры — Баку, Харьков, Екатеринослав, Юзовка, Горловка, Нарва, Лодзь.

Наиболее быстро росла *горнодобывающая* промышленность. С 1860 по 1895 г. выплавка чугуна возросла с 21 млн. до 89 млн. пудов, добыча каменного угля — с 18 млн. до 556 млн. пудов, нефти — с 500 тыс. до 377 млн. пудов. В производстве чугуна Урал уступил первое место Югу России. Сохранявшиеся крепостнические пережитки в уральской горной промышленности были главной причиной медленного роста производства по сравнению с более свободным капиталистическим развитием Юга России. Если в 1880 г. Юг давал всего 5% выплавлявшегося в России чугуна, а Урал — 70%, то к 1900 г. на долю Юга приходилось уже 52% выплавлявшегося чугуна, а Урала — 27%. В 1900 г. одна домна Урала давала в 8 раз меньше чугуна, чем одна домна на Юге. Энерговооруженность (по числу лошадиных сил на один завод) промышленности Юга была в 25 раз выше, чем на Урале; один рабочий на Юге производил чугуна в 6 раз больше, нежели один рабочий на Урале.

В 80—90-е годы резко возросла роль Донецкого бассейна в добыче каменного угля и Бакинского в добыче нефти. Если в 60-х

годах на долю Донбасса приходилось 33% добываемого в стране угля (основная часть угля в то время добывалась в Польше, в Домбровском бассейне), то к 90-м годам Донбасс давал уже 70% угля. Добыча нефти развернулась лишь в 70-х годах, но уже тогда на долю Бакинского района приходилось 74% добываемой в стране нефти. К 90-м годам доля нефти Бакинского района возросла до 95%. Первоначально в бакинской нефтедобыче ведущее место занимали представители местной национальной буржуазии (Табиевы, Нагиевы, Манташевы). К концу XIX в. их сильно потеснил иностранный капитал (главным образом английский, а также шведские промышленники Нобели).

Значительные успехи были достигнуты в отечественном *машиностроении*. Крупными центрами транспортного машиностроения (паровозов, вагонов и пароходов) стали Сормово (близ Нижнего Новгорода), Луганск и Коломна; центрами сельскохозяйственного машиностроения — Харьков, Одесса, Бердянск, Александровск, Елисаветград.

Промышленность развивалась не только в городах, но и в деревне. Особенностью промышленного развития России было то, что в ней не столько "мужик шел на фабрику", сколько "фабрика шла к мужику", т. е. когда промышленность (преимущественно обрабатывающая) "переселялась" в деревню, находя в ней наиболее дешевую рабочую силу. Объясняется эта особенность тем, что крестьянин был связан с наделом, прикреплен к общине; к тому же еще в дореформенный период в деревне уже были широко развиты разного рода промыслы, подготовившие квалифицированные кадры для крупной промышленности. Таким образом, в Центральной России возникли сотни фабрично-заводских поселков (типа Орехово-Зуева), которые стягивали к себе избыточное сельское население. В 1890 г. в Европейской России было 329 фабрично-заводских поселков, в которых насчитывалось 451 тыс. рабочих, т. е. 52% их числа в крупной промышленности.

В пореформенной промышленности особенно быстро возрастали те ее отрасли, которые производили средства производства. Иначе говоря, рост *тяжелой промышленности* (группа "А") обгонял рост *легкой промышленности* (группа "Б"), что было характерно для капиталистической промышленности всех стран. Развитие промышленности сопровождалось процессом дальнейшей ее концентрации, выражавшейся в увеличении числа рабочих и размеров производства в расчете на одно предприятие, а также в дальнейшем укрупнении предприятий. С 1866 по 1890 гг. количество промышленных предприятий в России со 100 и более рабочими возросло в полтора раза, в то же время число рабочих в них — в два раза, а общая сумма производства — в три раза. При этом темпы концентрации рабочей силы были выше в наиболее крупных предприятиях: численность крупнейших предприятий (насчитывавших каждое свыше 1000 рабочих) за 1866—1890 гг. удвоилась, количе-

ство рабочих в них утроилось, а сумма производства возросла в 5 раз.

Россия отличалась наиболее высоким уровнем концентрации рабочих на крупных предприятиях. В 1890 г. 70% фабрично-заводских и горных рабочих сосредоточивались на предприятиях, имевших 100 и более рабочих, и почти половина рабочих была сосредоточена на предприятиях, имевших свыше 500 рабочих каждое. В то же время в такой индустриально развитой стране, как США, на предприятиях с 500 рабочими и выше сосредоточивалось 33% рабочих. Однако следует учесть, что в США, как и в других индустриально развитых странах, вследствие лучшей технической оснащенности и, следовательно, более высокой производительности труда для производства одного и того же объема продукции требовалось меньше рабочей силы, чем в России. Поэтому высокая концентрация рабочих на крупных предприятиях в России еще не может служить показателем ее преимущества перед развитыми капиталистическими странами.

§ 7. Рост железнодорожной сети и парового водного транспорта

Громадную роль в индустриальном развитии пореформенной России играли рост механизированного транспорта и в первую очередь создание *сети железных дорог.* Для России, страны с огромными пространствами, железные дороги имели громадное не только хозяйственное, но и стратегическое значение: тяжелые последствия бездорожья особенно ярко проявились в годы Крымской войны.

Указом 28 января 1857 г. было учреждено Главное общество российских железных дорог, которое разработало широкую программу железнодорожного строительства, предусматривавшую прежде всего соединение хлебопроизводящих районов страны с судоходными реками и портами Черного и Балтийского морей. В данном случае преследовалась цель создать благоприятные условия для предпринимательского помещичьего хозяйства. Однако железные дороги призваны были выполнять и важную стратегическую функцию — быструю доставку войск из центра к западным границам.

Острый финансовый кризис в то время заставил правительство привлечь в железнодорожному строительству частный капитал, которому были предоставлены значительные льготы и главная из них — гарантия ежегодной пятипроцентной прибыли. Кроме того, в частные руки передавались и железные дороги, построенные ранее на средства казны. К 1871 г. почти все железные дороги находились в частных руках. Однако эта мера не оправдала надежд. К 1880 г. долг казне частных железных дорог превысил 1 млрд. рублей. Вследствие этого правительство вновь вернулась к казенной постройке железных дорог, а затем и к постепенному выкупу частных желез-

ных дорог. Громадные выкупные платежи, взимаемые с крестьян за надельные земли, существенное повышение прямых и косвенных налогов позволили правительству провести эту меру: к 1895 г. 60% железнодорожной сети было уже в казенном ведении, и жесткий правительственный контроль был установлен над железными дорогами, остававшимися в частном владении.

О быстром росте железнодорожной сети в пореформенной России говорят следующие показатели: если к 1861 г. протяженность ее составляла 1,5 тыс. верст, то к 1871 г. — свыше 11 тыс., к 1881 г. — более 22 тыс., к 1891 г. — 30 тыс., а к 1901 г. — уже 58 тыс. В железнодорожном строительстве России можно выделить *два периода настоящего бума*: конец 60-х — начало 70-х годов, когда ежегодно вводилось в строй свыше 2 тыс. верст железных дорог, и вторая половина 90-х годов (время промышленного подъема), когда среднегодовой прирост железнодорожной сети составлял 8 тыс. верст.

В конце 60-х — начале 70-х годов были введены в строй такие важные линии, как Москва — Курск, Курск — Киев, Курск — Харьков, Харьков — Одесса, Харьков — Ростов, Москва — Ярославль, Ярославль — Вологда, Москва — Тамбов, Тамбов — Саратов, Москва — Брест, Брест — Киев. Таким образом, в начале 70-х годов центр России был связан с северными, поволжскими черноземными губерниями, с портами Черного и Балтийского морей, а Москва превратилась в крупнейший железнодорожный узел страны.

В конце 70-х — начале 80-х годов началось строительство железных дорог и на окраинах Европейской России: в Закавказье, в Средней Азии и на Урале. Были проведены дороги от Перми до Екатеринбурга, от Самары до Уфы; Екатеринослав был соединен с Донбассом и Кривым Рогом. В 1883—1888 г. были построены Закавказская и Закаспийская железные дороги. В 90-х годах железные дороги соединили центр с основными поволжскими городами, проведены линии Москва — Рига — Виндава, Вологда — Архангельск, Пермь — Котлас. В 1891 г. началось строительство Транссибирской магистрали, имевшей исключительно важное значение в освоении Сибири, Приамурья и Приморья.

Влияние железных дорог на все стороны экономики страны было громадным. Железные дороги, связав самые отдаленные районы страны с центром и между собой, способствовали углублению их специализации, развитию внутреннего и внешнего рынка, росту подвижности населения. Рассчитанные сначала на удовлетворение в первую очередь нужд хлебного рынка, железные дороги дали сильный толчок развитию различных отраслей промышленности страны. Они связали производство различных отраслей промышленности с их сырьевой базой и с рынками сбыта.

Менялась и структура перевозимых по железным дорогам грузов: если в 60—70-х годах хлеб составлял 40% в железнодорожных грузовых перевозках, то в 90-х годах — уже не более 25%. Хотя объем перевозимого по железным дорогам хлеба еще более возрос,

однако основными грузами стали уже металл, машины, лес, уголь, нефть и нефтепродукты, продукция обрабатывающей промышленности. Сами железные дороги предъявляли возраставший спрос на металл, уголь, лес, нефть. В 90-е годы на нужды железных дорог шло до 36% всего добываемого в стране угля, 44% нефти, 40% металла. Железные дороги способствовали быстрому росту каменноугольной и лесной промышленности, предприятий по добыче нефти и нефтепереработке, металлургии, транспортного машиностроения. Они предъявляли все больший спрос на рабочую силу: в 1865 г. на железных дорогах были заняты 32 тыс. рабочих, в 1890 г. — 252 тыс., а к 1900 г. — 469 тыс.

Существенно возрос и *паровой водный транспорт.* Если в 1860 г. в стране насчитывалось около 400 речных пароходов, подавляющее число которых приходилось на Волжский бассейн, то в 1895 г. их было уже свыше 2,5 тыс. Речное пароходство получило развитие в бассейнах Дона, Днепра, Западной Двины, Северной Двины, Оби, Енисея, Амура. Развивалось и морское судоходство. Численность морских пароходов за 60—90-е годы возросла в 10 раз — с 51 в 1868 г. до 552 в 1896 г. В прибрежных перевозках значительную роль продолжал играть мелкий парусный флот. В 90-х годах на долю речного, морского и гужевого транспорта приходилось до 30% перевозок, остальные 70% грузов перевозились по железным дорогам.

§ 8. Внутренний и внешний рынок

Внутренний рынок Для второй половины XIX в. был характерен значительный рост внутреннего и внешнего рынка. Особенно быстро развивался хлебный рынок. В 60—70-х годах на рынок поступало от 500 до 700 млн. пудов хлеба, что составляло от 45 до 47% его чистого сбора. В 90-х годах на рынок поступало уже свыше 1 млрд. пудов, или 50% от чистого сбора хлебов. При этом 60% продаваемого хлеба шло на внутренний и 40% — на внешний рынок. Наиболее высокий уровень товарности был в основных хлебопроизводящих регионах — центрально-земледельческих, поволжских и левобережно-украинских губерниях, которые отпускали от 55 до 60% чистого сбора хлебов.

Быстро росла и торговля промышленными товарами, спрос на которые предъявляли не только возраставшее городское население, но и деревня, все более потреблявшая фабричного производства ткани, орудия труда и утварь, кровельное железо, керосин и т. п. Крупным потребителем товаров являлась и сама промышленность, нуждавшаяся в продукции ее добывающих отраслей — металле, угле, нефти, лесных материалах. К концу XIX в., несмотря на быстрые темпы роста добычи угля и выплавки металла, приходилось ежегодно импортировать свыше 150 млн. пудов угля и 35 млн. пу-

дов металлов для нужд российской промышленности, что составляло до 40% по отношению к добыче и производству этой продукции в самой России.

Внешний рынок Втягивание России в мировой рынок обусловливало значительное возрастание объема ее внешней торговли.

В начале 60-х годов внешнеторговый оборот России составлял 430 млн. руб. (на 223 млн. руб. вывоза и 207 млн. ввоза), а в конце 90-х годов — 1306 млн. руб. (на 698 млн. руб. вывоза и 608 млн. ввоза), т. е. возрос в 3 раза. Характерен устойчивый активный внешнеторговый баланс для России (превышение вывоза над ввозом).

В структуре *вывоза* преобладала продукция сельского хозяйства (главным образом, хлеб). В 1861—1865 гг. ежегодно вывозилось в среднем 80 млн. пудов хлеба, в 1871—1875 гг. — 194 млн., в 1881—1885 гг. — 302 млн., в 1891—1895 гг. — 414 млн. и в 1896—1900 гг. — 444 млн. пудов, т. е. за пореформенные 40 лет объем хлебного вывоза возрос в 5,5 раза. Из вывозимых хлебов более половины приходилось на пшеницу. Если в начале 60-х годов хлеб составлял 31% стоимости вывозимых из России товаров, то в конце 90-х — 47%. Характерно, что вывоз хлеба из России происходил даже в 1879—1881, 1891—1892 голодных годах.

Важными статьями вывоза после хлеба являлись лес, лен и продукция животноводства. За 60 — 90-е годы значительно увеличился вывоз сахара — с 3,3 млн. до 12,4 млн. пудов. В то же время Россия продолжала находиться на одном из последних мест по потреблению населением сахара. В 90-х годах на одного человека в России приходилось 10,4 фунта сахара, в то время как в Германии — 47, а в Англии — 92.

В структуре *ввоза* в Россию значительное место занимали хлопок, металлы, машины, уголь и нефть, "колониальные товары" (чай, кофе и пр.), а также предметы роскоши. Так, хлопок составлял 22% стоимости ввоза, энергоносители — 19%, машины — 15%, металлы — 11%, "колониальные товары" — 11%.

75—80 % внешнеторгового оборота России приходилось на европейские страны, остальные 20—25 % — на страны Азии и Америки. Основными внешнеторговыми партнерами России являлись Германия и Англия; на долю первой приходилось 25%, а второй — 22% российского внешнеторгового оборота.

§ 9. Капиталистический кредит и банки. Иностранный капитал в России

Кредитная система В пореформенной России, в отличие от крепостной эпохи, складывалась иная кредитная система, соответствующая капиталистическому развитию экономики страны.

Создавалась новая сеть государственных кредитных учреждений, игравшая важную роль в финансировании промышленности, железнодорожного строительства, предпринимательского сельского хозяйства.

Существенное значение имели финансовые реформы, проведенные в начале 60-х годов и создавшие единую государственную кредитную систему. В 1860 г. взамен упраздняемых Заемного и Коммерческого банков, оказавшихся убыточными, был создан *Государственный банк*, который получил право эмиссии (выпуска) денежных знаков. К 90-м годам он имел уже 110 филиалов. Для развития земельного рынка большую роль играли основанные в 1882 г. *Крестьянский поземельный* и в 1885 г. *Дворянский земельный банки*. Крестьянский банк выдавал ссуды под залог покупаемых крестьянами земель.

В связи с широким распространением на рубеже 70—80-х годов среди крестьян слухов о "черном переделе" земли (отобрании ее у помещиков и передаче крестьянам) правительство полагало, что деятельность Крестьянского банка "избавит сельское население от излишних иллюзий" и будет способствовать "развитию уважения к праву собственности, служащему неоспоримо самым надежным средством против распространяющихся в народе превратных мыслей и учений". Дворянский банк предоставлял долгосрочные ссуды на выгодных условиях (1—2 % годовых) потомственным дворянам-землевладельцам под залог их земельной собственности. Преследовалась и цель предоставить им необходимые денежные средства для перестройки своего хозяйства.

Быстро развивался частный, преимущественно акционерный, коммерческий кредит. *Первый акционерный коммерческий банк* был основан в 1864 г. в Петербурге. Вскоре подобные банки были созданы в Москве, Киеве и Харькове. К середине 70-х годов в России существовало уже более 40 коммерческих акционерных банков с общей суммой капитала в 350 млн. рублей, а к 1900 г. коммерческие банки увеличили свои капиталы втрое. Однако некоторые коммерческие банки оказывались несостоятельными и терпели банкротство.

Иностранный капитал и его роль в экономике России

В развитии кредитной системы значительную роль играл *иностранный капитал*, вложения которого в российскую экономику заметно усилились с 80-х годов XIX в. К 1890 г. инвестиции иностранного капитала в России составили уже около 200 млн. руб., а к 1900 г. они достигли 900 млн. Иностранный капитал вкладывался не только в банковское дело, но и в промышленность, в транспорт, в средства связи. В 60—70-е годы он направлялся, в первую очередь, в строительство железных дорог (преимущественно в виде займов). Значительную роль в привлечении иностранного капитала играла экономическая политика правительства, предоставлявшего иностранным банкирам ряд льгот.

С 80-х годов иностранный капитал начинает вторгаться в сферу российской промышленности, в основном в горнодобывающие и химическую отрасли, в машиностроение. Преобладал капитал Франции, Англии, Германии и Бельгии (в общей сложности он составлял 96% иностранных вложений капитала в российскую промышленность). *Французские* и *бельгийские* капиталисты особый интерес проявляли к металлургии и металлообработке, машиностроению, банковскому делу. *Английских* капиталистов привлекали угольная промышленность и металлургия Юга России. *Германский* капитал вкладывался преимущественно в машиностроение, городское хозяйство, электротехническую и химическую промышленность.

В России иностранный капитал привлекали выгодный рынок сбыта и дешевая рабочая сила, что обеспечивало ему высокие прибыли. Сравнительно высокие таможенные пошлины, установленные на ввоз иностранных товаров, также способствовали притоку в Россию иностранного капитала и учреждению в ней иностранцами крупных промышленных предприятий. Известны такие иностранные предприниматели в России, как англичанин Юз, основавший свое дело в угледобыче и металлургии Юга России, шведы Нобели — в нефтедобыче Бакинского района, англичанин Бромлей и француз Гужон, имевшие крупные металлообрабатывающие заводы в Москве, германская фирма Зингер со своими филиалами в России по производству и продаже швейных машин, шведская фирма Эриксон, занявшая монопольное положение в развитии телефонной сети.

Иностранный капитал способствовал индустриализации страны и несомненно играл прогрессивную роль, но за это приходилось платить дорогой ценой — высокими процентами за предоставленные кредиты и нещадной эксплуатацией труда русских рабочих. Однако прежние представления о господстве иностранного капитала в русской промышленности опровергаются позднейшими исследованиями отечественных экономистов и историков, которые доказали, что иностранный капитал хотя и являлся важным, но отнюдь не определяющим фактором промышленного развития дореволюционной России.

§ 10. Пореформенный город

Важным процессом в социально-экономическом развитии пореформенной России было *увеличение* численности и удельного веса *городского населения*. Оно сопровождалось и изменением его социальной структуры.

Со времени переписи городов 1863 г. до первой Всероссийской переписи населения, произведенной в 1897 г., городское население увеличилось в 2,5 раза (с 6,1 млн. до 16,8 млн. человек, при общем росте населения страны в 1,5 раза), а удельный вес городских жителей возрос с 8 до 13,4%. В действительности индустриальное население страны значительно превышало городское (примерно в пол-

тора-два раза), ибо в основу его официального учета был положен формально-юридический принцип, согласно которому городом считался, как правило, административный центр, губернский или уездный. Городской статус сохраняли и так называемые "заштатные города", некогда являвшиеся также административными центрами. Вместе с тем такие крупные фабрично-заводские поселки, как Юзовка с ее 20,5 тыс. жителей, Орехово-Зуево с 25 тыс., Ижевск с 41 тыс. и многие другие, которые по занятиям их жителей и даже по своему внешнему облику были фактически поселениями городского типа, официально не считались городами.

По переписи 1897 г. в России насчитывалось 932 города. Социальная структура их населения была такова: 6% составляли дворяне и чиновники, 1,3% — купцы, 44% — мещане, 40% — крестьяне и 8,7% — духовенство, разночинцы, военные и пр. По имущественному положению и занятиям городское население распределялось таким образом: 11,3% — крупная буржуазия, дворяне-домовладельцы и высшие чиновники; 13,1% — зажиточные мелкие хозяева (самостоятельные мелкие ремесленники, лавочники и т. п.) и 52,3% — те, кто жил наемным трудом. Таким образом, крупная, средняя и мелкая буржуазия, а также наемные рабочие определяли социальный облик города к концу XIX в.

Неизбежным спутником капиталистического города был городской люмпен-пролетариат — социальное дно города, как,например, обитатели Хитрова рынка в Москве — прототипы персонажей горьковской пьесы "На дне". Только в поволжских городах насчитывалось в то время свыше 100 тыс. люмпен-пролетариев — без дома, без паспорта, даже "без имени", готовых приняться за любую, самую черную работу. Специально обследовавший в 1880 г. их быт чиновник особых поручений Е. Б. Богданович писал в своем отчете: "Одежда [их] самая жалкая. У многих нет ничего другого, кроме двух старых хлебных мешков: один служит рубашкой, другой, наполовину подрезанный и стянутый веревкой, образует нечто вроде шаровар. Пища в зимние месяцы самая скудная и случайная: кто подаст копейку, кто накормит объедками". По официальным данным, численность пауперизированных масс в 80-х годах составляла несколько миллионов человек.

Пореформенный город рос за счет развития промышленности и торговли, т. е. прежде всего как торгово-промышленный центр. Он привлекал к себе массы наемных рабочих, занятых также в разнообразной сфере услуг. Чем крупнее был город, тем быстрее были и темпы его роста; иначе говоря, шел процесс концентрации городского населения в наиболее крупных городах. Если в 1863 г. в городах с населением 50 тыс. и более жителей проживало 27% всего городского населения страны, то в 1897 г. — 53%. Еще более возросло значение таких промышленно-торговых и культурных центров России, как Москвы и Петербурга. В 1897 г. в Петербурге насчитывалось 1,3 млн. жителей, а в Москве — 1,04 млн. Крупными города-

ми были Одесса (406 тыс.), Рига (256 тыс.), Киев (247 тыс.). Города росли преимущественно за счет притока пришлого населения и меньше всего за счет своего естественного прироста. Так, в 1900 г. пришлое население составляло 68% жителей Петербурга и 72% жителей Москвы. Менялся и облик пореформенного города. В крупных городах в прошлое уходила полусельская жизнь городских дворянских усадеб. Они застраивались многоэтажными доходными домами. Трудовое население, ранее жившее в маленьких деревянных домиках, стало скучиваться в каменных громадах. В 80—90-х годах в наиболее крупных городах (Москве, Петербурге, Киеве, Риге) появились электрическое освещение, трамвай, телефон и другие технические новшества. В них еще более заметным стал контраст между центром города, где проживало его привилегированное и состоятельное население, и неблагоустроенными рабочими окраинами. В этом отношении мало претерпели изменений провинциальные города, особенно уездные, имевшие сельский вид со своими преобладавшими одноэтажными деревянными домами с небольшими садиками и огородами.

§ 11. Социальный состав населения к концу XIX в.

По данным Всероссийской переписи 1897 г., население страны составляло 125 640 тыс. человек (без Финляндии, в которой в то время насчитывалось 2556 тыс. жителей). При этом на Европейскую Россию приходилось 102,9 млн. и на Азиатскую Россию — 22,7 млн. жителей.

По *сословному положению* население России распределялось таким образом: 99,8 млн. (81%) составляли крестьяне, 13,4 млн. (10,7%) — мещане, 1,7 млн. (1,5%) — потомственные и личные дворяне, 624 тыс. (0,5%) — купцы и почетные граждане, 589 тыс. (около 0,5%) — духовенство, около 10 млн. (8%) — "прочие" ("инородцы", деклассированные элементы, не указавшие своей сословной принадлежности). По своим занятиям население распределялось на сельскохозяйственное — 97 млн. (77,2%), торгово-промышленное — 21,7 млн. (17,3%) и "непроизводительное" — 6,9 млн. (5,5%).

Сословные различия сохранялись вплоть до 1917 г. *Дворянство* продолжало оставаться главным привилегированным сословием, пользовавшееся по закону перед другими сословиями преимуществами при занятии гражданских и военных должностей. На рубеже XIX—XX вв. 75% чиновничества и 90% офицеров армии и флота составляли дворяне; они же занимали и все государственные посты. Однако процессы капиталистического развития страны втягивали в свою орбиту и дворянство: дворянское предпринимательство росло не только в сфере сельского хозяйства, но и в промышленности, железнодорожном и банковском деле.

Важным социальным фактором в пореформенной России являлось формирование промышленного пролетариата и промышленной буржуазии. *Промышленный пролетариат* существенно отличался от предпролетариата крепостной эпохи, представленного либо крепостными рабочими вотчинных и посессионных мануфактур, либо уходившими на заработки крестьянами, зависимыми от власти своего барина, связанными с землей, с общиной. В пореформенную эпоху сформировались кадры постоянных рабочих, оторванных от земли и проживавших со своими семьями в крупных промышленных центрах. Увеличивался удельный вес потомственных рабочих, отцы и деды которых работали на фабрике. Однако значительная часть рабочих все еще сохраняла связь с землей, с деревней, где они были "приписаны" и где у многих находились их семьи. Еще в 80—90-е годы было обычным явлением уход рабочих с московских фабрик на летние сельские работы в деревню.

Ядро пролетариата в пореформенную эпоху составляли наемные рабочие в крупных промышленных заведениях и на железнодорожном транспорте. За 60—90-е годы XIX в. численность их увеличилась вдвое — с 706 тыс. до 1432 тыс. В конце 90-х годов XIX в. насчитывалось еще 1 млн. рабочих в строительстве, около 2 млн. — на разных "черных" работах (разнорабочих) и 3,5 млн. сельскохозяйственных рабочих.

Основным источником роста числа наемных рабочих в разных отраслях промышленности, сельском хозяйстве, транспорте, в сфере услуг был промышленный и сельскохозяйственный отход крестьян. Если в начале 60-х годов ежегодно выдавалось около 1,3 млн. паспортов на срок от полугода до трех лет, то в 90-х годах — уже свыше 7 млн. паспортов. Еще большее число отходников направлялось на сезонные работы по краткосрочным "билетам" (на срок от одного до четырех месяцев). В связи с ростом применения на фабриках женского труда в отход все более вовлекались и женщины. Изменился и прежний патриархальный взгляд на женский отход на заработки. Земские статистики того времени писали: "Если прежде отцы, мужья, сыновья и братья считали зазорным посылать в дальние края своих жен, дочерей и сестер на заработки, то теперь вынужденная необходимость посылать их на сторону для отыскания себе средств существования указывает на невозможность добыть себе дома хлеб насущный".

Уходившие на заработки крестьяне затем поселялись в городах на постоянное жительство. Промышленный отход крестьян служил таким образом основным источником роста городского населения.

Процесс формирования *промышленной буржуазии* начался еще в дореформенную эпоху. Он выражался в том, что из среды мелких товаропроизводителей выделялись представители торгового и ростовщического капитала. Накопив необходимый стартовый капитал, они затем вкладывали его в промышленное дело, стано-

вясь промышленниками-предпринимателями. Однако, занявшись промышленным предпринимательством, они в то же время продолжали расширять и торговые операции. Соединение промышленного капитала с торговым — характерное явление для мануфактурной стадии промышленности. Предприниматель выступал здесь одновременно в роли купца и фабриканта. Впоследствии рост промышленного капитала и промышленной буржуазии был связан с переходом от мануфактуры к крупной машинной индустрии.

Социальной базой формирования промышленной буржуазии служили купечество, отчасти мещанство, но преимущественно представители разбогатевшего крестьянства. Известные династии русских фабикантов — Гучковы, Коноваловы, Кокушкины, Кондрашевы, Гарелины, Гандурины, Ямановские, Зубковы, Морозовы, Прохоровы, Рябушинские — вышли из среды крестьянства.

В 70—80-е годы возникают организации русской буржуазии для защиты ее предпринимательских интересов. В 1873 г. в Петербурге образовался "Совет съездов представителей коммерческих банков". Он объединил банкиров Петербурга, Москвы и нескольких крупных промышленных центров. В 1874 г. в Харькове был учрежден "Совет съездов горнопромышленников Юга России", представлявший интересы владельцев металлургических, машиностроительных и железорудных предприятий Донбасса и Криворожья. В 1880 г. возник "Совет съездов горнопромышленников Уральской области". В 1884 г. в Баку был образован "Совет съездов нефтепромышленников", созданный группой ведущих предпринимателей и фирм, занятых добычей, переработкой и транспортировкой нефти и нефтепродуктов, а в 1888 г. появился "Совет съездов мукомолов". Союзы предпринимателей действовали на основании уставов, утвержденных правительством. Регулярно, иногда по нескольку раз в год, собирались их съезды, которые занимались вопросами тарифов, налогов, рабочим законодательством и другими делами торговли и промышленности. Эти союзы промышленников впоследствии послужили основой для формирования крупных монополистических объединений.

§ 12. Особенности социально-экономического развития пореформенной России

Характер и направление социально-экономического развития пореформенной России были безусловно *капиталистическими*. Однако темпы и степень этого развития в различных отраслях народного хозяйства и в разных регионах страны были далеко не одинаковыми. Быстрее и интенсивнее капитализм развивался в промышленности, медленнее — в сельском хозяйстве, в котором вплоть до 1917 г. (и даже в 20-х годах — в период нэпа) продолжали сохраняться еще докапиталистические и даже патриархально-натуральные формы. Однако и в промышленной сфере можно гово-

рить о победе капитализма лишь применительно к крупной и средней промышленности. Сохранялась (и даже получала дальнейшее развитие) большая сфера различных форм докапиталистической промышленности — домашних промыслов, ремесла, мелкотоварного производства. Не являясь еще капиталистическими, они тем не менее создавали широкую базу для развития капитализма. Капиталистическое развитие быстрее проходило в центре страны, слабее на ее окраинах. Для пореформенной России характерно было развитие капитализма вширь, т. е. распространение его на новые, еще неосвоенные территории.

Экономика пореформенной России была представлена не только капитализмом. Ей присуща была *многоукладность* — сосуществование наряду с капитализмом мелкотоварного и патриархально-натурального производства. Долгое существование в России крепостного права и незавершенность реформ 60—70-х годов XIX в. обусловили сохранение многочисленных пережитков старины в экономике, политическом строе, социальных отношениях. Господство помещичьего землевладения в пореформенной России, являвшегося главным крепостническим пережитком, и сословная неполноправность крестьян существенно ограничивали возможности капиталистического развития пореформенной деревни. Но и в промышленной сфере, где капитализм достиг наибольших успехов, предприниматель действовал не только "чисто" капиталистическими методами, но и применял старые, докапиталистические приемы эксплуатации, связанные с кабалой и принуждением.

Россия, позднее многих европейских стран вступив на путь капиталистического развития, проходила его в более сжатые сроки. На развитие капитализма в пореформенной России оказывала влияние и экономика стран давно утвердившегося капитализма Западной Европы и Америки. Оно выражалось в использовании их технических достижений, инвестиций иностранного капитала в русскую экономику. Но наличие в пореформенной России крепостнических пережитков, хозяйственно-экономическое, этническое и культурное разнообразие, характерное для регионов огромной страны, обусловили неравномерность и незавершенность развития российского капитализма, тесное переплетение старых и новых форм, сложность социальной структуры.

Большое значение имели и такие особенности экономики и социальных отношений в России, как активное государственное вмешательство в экономику и слабое развитие частной собственности. Внушительное государственное хозяйство в виде казенных предприятий, банков, железных дорог, огромный массив разного рода казенных угодий и т. д. использовались самодержавием для поддержания дворянства (путем льготных ссуд), а также предоставляли широкие материальные возможности для влияния на буржуазию. Громадная роль государства в экономике страны и его заинтересованность в ее капиталистическом развитии давали народ-

никам основание делать вывод о том, что капитализм в России исключительно "насаждается сверху", т. е. самодержавием. Нельзя отрицать этого факта, но неверно придавать ему исключительное занчение. Капитализм в России развивался "снизу" при поддержке его "сверху".

В России *частная собственность на землю* была представлена преимущественно дворянским, по существу феодальным, *землевладением*. Хотя она и была значительно подорвана пореформенными рыночными процессами, о которых говорилось выше, но сохраняла свои господствующие позиции в землевладении вплоть до 1917 г. Буржуазная земельная собственность только начинала складываться и еще не получила широкого развития. Заметим, что не всякую земельную собственность можно считать буржуазной, а лишь ту, на которой ведется предпринимательское, *капиталистическое* хозяйство. Таковой нельзя считать и приобретенные покупкой общинами, товариществами или даже отдельными крестьянами небольшие участки земли для "продовольственных" целей, как добавление к своему наделу.

Вследствие недостаточного развития в России частной собственности было слабо развито "третье сословие". Однако действовал и другой фактор — антисобственнический менталитет широких народных масс, неуважение к частной собственности, которая рассматривалась как "награбленное добро". Эту черту в свое время тонко подметил Н. А. Бердяев. "Русскому народу, — писал он, — всегда были чужды римские понятия о собственности. Абсолютный характер частной собственности всегда отрицался".

Глава 13
Освободительное движение 60-х — начала 80-х годов. Русское народничество

§ 1. Освободительное движение 1861—1864 гг.

Освободительное движение в России в первые годы после отмены крепостного права проходило в обстановке общественно-политического подъема, начавшегося в конце 50-х годов XIX в.

Недовольство крестьян невыгодными для них условиями освобождения выразилось в массовых волнениях весной—летом 1861 г. и произвело сильное впечатление и на правительство, и на все общественные круги, которые считали вполне реальным повторение новой волны крестьянского протеста весной 1863 г., когда ми́нет указанный в Манифесте 19 февраля 1861 г. двухлетний срок введения в действие законов об отмене крепостного права, и крестьяне окажутся обманутыми в своих ожиданиях "новой воли". Революционные демократы верили в возможность и близость народной революции, готовили себя к ней и надеялись ее возглавить.

Отклики в радикальной печати на крестьянскую реформу 1861 г.

16 апреля 1861 г. студенты Казанского университета и Духовной академии организовали панихиду по убитым крестьянам с. Бездны. В кладбищенской церкви Казани собралось около 400 человек. Перед собравшимися выступил профессор университета, видный историк А. П. Щапов. Он произнес страстную речь в защиту угнетенного народа, воздал должное крестьянским мученикам и закончил ее словами: "Да здравствует демократическая конституция!" Щапов был арестован, отстранен от преподавания, а Священный Синод постановил "подвергнуть вразумлению и увещеванию в монастыре". Однако под давлением протеста общественности Александр II отменил решение Синода. Щапову разрешили проживание в Петербурге под надзором полиции. В 1864 г. он "за связь с лондонскими пропагандистами" (А. И. Герценом и Н. П. Огаревым) был выслан в Сибирь (умер в 1876 г. в Иркутске).

Манифест об освобождении крестьян сначала был восторженно воспринят А. И. Герценом. "Александр II сделал много, очень много; его имя теперь уже стоит выше всех его предшественников... — писал Герцен в "Колоколе", — мы приветствуем его именем Освободителя". Однако до Герцена дошли вести о расправе флигель-адъютантов А. С. Апраксина и А. М. Дренякина над восставшими безоружными крестьянами Бездны и Кандеевки. Он откликнулся серией гневных статей в "Колоколе" под характерными

названиями: “12 апреля 1861 года. Апраксинские убийства”, “Русская кровь льется”, “Ископаемый епископ, допотопное правительство и обманутый народ”. Н. П. Огарев поместил в “Колоколе” подробный критический анализ царской реформы под выразительным названием “Разбор нового крепостного права, обнародованного 19 февраля 1861 года в Положении о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости”, в конце которого сделал вывод: “Старое крепостное право заменено новым. Вообще крепостное право не отменено. Народ царем обманут”.

15 августа 1861 г. в III отделение попала *прокламация “Барским крестьянам от их доброжелателей поклон”*. В ней в доступной крестьянам форме разъяснялся грабительский смысл реформы 1861 г. Прокламация убеждала крестьян в том, чтобы они не верили царю, ибо он заодно с помещиками, призывала крестьян избегать разрозненных бунтов и готовиться к организованному выступлению: “Что толку-то, ежели в одном селе булгу поднять, когда в других селах готовности нет? Это значит только дело портить, да себя губить”. А вот “когда приготовленность будет”, говорилось в прокламации, то крестьянам их “доброжелатели” пришлют “объявление, что пора, люди русские, доброе дело начинать”.

Прокламацию передал властям предатель Всеволод Костомаров, которому было поручено напечатать ее в подпольной московской типографии. Таким образом попытка ее распространения была пресечена в самом начале. В конце мая 1862 г. Вс. Костомаров дал устное показание в Московской следственной комиссии, в котором указал на Н. Г. Чернышевского как на вероятного автора прокламации. Об этом показании был поставлен в известность сам Александр II. 5 июля 1862 г. Чернышевский был арестован и заточен в Петропавловскую крепость. Два года велось следствие. Чернышевский категорически отрицал свою причастность к составлению прокламации. Обвинение его в авторстве прокламации строилось на подложных уликах и не было юридически доказано (авторство Чернышевского до сих пор остается под сомнением). Тем не менее царский суд приговорил Чернышевского к 14 годам каторги, сокращенной по конфирмации (утверждению) царя наполовину, с последующим пожизненным поселением в Сибири. 19 мая 1864 г. на Мытнинской площади Петербурга состоялся унизительный “обряд гражданской казни”. Чернышевский на четверть часа был выставлен к “позорному столбу”, после чего царский чиновник преломил шпагу над его головой в знак “лишения всех прав состояния”. Чернышевский был сослан для отбывания каторжных работ на Александровский завод в Сибири. По истечении срока каторги его отправили в самое глухое место Сибири Вилюйск. Русские революционеры неоднократно предпринимали попытки освободить Чернышевского из сибирской ссылки. В 1883 г. Чернышевский был переведен “на жительство” в Астрахань под наблюдение полиции, а затем в 1889 г. (за несколько месяцев до смерти) — на родину в Саратов.

Чернышевский пытался в легальной печати раскрыть грабительскую сущность крестьянской реформы в написанной им в 1862 г. статье "Письма без адреса" (по смыслу их текста они адресовались Александру II). Статья была предназначена для "Современника", но публикацию ее запретила цензура.

В 1861 г. появились другие прокламации. В июле в лондонской типографии Герцена была напечатана, а затем отправлена в Россию прокламация "*К молодому поколению*", автором которой был сотрудник "Современника" Н. В. Шелгунов. В составлении прокламации принимал участие и поэт-переводчик М. И. Михайлов. Авторы прокламации обращались к радикально настроенной интеллигенции, прежде всего к студенчеству. В ней в острой форме критиковалась крестьянская реформа и вся политика правительства, выдвигалась программа первоочередных преобразований: создание выборных органов управления, введение свободы слова, равенства всех перед законом, гласного суда, развитие самоуправления, сохранение общинного владения землей. Прокламация призывала молодежь к развертыванию революционной пропаганды в народе и армии, к организации кружков и выдвижению вожаков, "способных на все". Власти не смогли установить авторство Шелгунова. По делу об этой прокламации был осужден на 6 лет каторги Михайлов (умерший в 1865 г. от чахотки в Сибири).

В июне—октябре 1861 г. появились три номера "*Великорусса*" — первого нелегального периодического органа в России (последний, четвертый, вышел в 1863 г.), издаваемого кружком "Великорусс". Все его номера затем перепечатывались в "Колоколе" Герцена. "Великорусс" придерживался умеренных взглядов и был адресован к "образованным классам", т. е. ко всем оппозиционным течениям в России — от революционных демократов до представителей либерально-помещичьей оппозиции. К изданию "Великорусса" были причастны сотрудник "Современника" В. А. Обручев и друг Герцена ученый-химик В. Ф. Лугинин. "Великорусс" подвергал критике реформу 1861 г., требовал возвратить крестьянам отрезки от их наделов, а выкуп земли возложить "на счет нации". Он выступал за свободу печати и вероисповедания, ликвидацию сословных привилегий, признание "прав национальностей" — в первую очередь, предоставление независимости Польше. "Великорусс" предлагал начать с кампании подачи адресов царю с требованием созыва свободно выбранных представителей для выработки конституции, далее приступить к широкой пропаганде и созданию на местах конспиративных кружков ("комитетов").

Студенческие волнения. Распространение прокламаций

Значительным фактором общественного движения начала 60-х годов явились *студенческие волнения* осенью 1861 г. Поводом к ним послужили изданные правительством в июле 1861 г. "Временные правила", которые усиливали надзор за студентами и ограничивали доступ в университеты разночинцам. Начавшиеся в сен-

тябре 1861 г. в Петербурге волнения в октябре перекинулись в Москву, Казань и в другие университетские города. Массовая уличная демонстрация студентов Петербургского университета была разогнана полицией, сотни студентов препровождены в Петропавловскую крепость. В защиту студентов выступили передовые профессора университета, среди них Н. И. Костомаров и П. В. Павлов, подвергшиеся за это правительственным гонениям. В Москве студенческая демонстрация закончилась избиением ее участников полицией и арестами. Ответом правительства на выступления студентов в Петербурге, Москве и Казани явилось временное закрытие университетов. Герцен на страницах "Колокола" обратился к студенчеству с призывом "идти в народ". Студенческие волнения осенью 1861 г. получили широкую огласку за рубежом. Под их влиянием правительство приступило к разработке университетской реформы.

1861—1863 гг. называют также "прокламационным периодом" в освободительном движении. Наиболее значительное количество *прокламаций* распространилось весной-летом 1862 г. : "К крестьянам", "К солдатам", "К народу", "К офицерам", "К образованным классам","Земская дума" и др. Среди них большое впечатление произвела "Молодая Россия", распространившаяся в мае 1862 г. в Петербурге. Автором ее был московский студент П. Г. Заичневский — руководитель подпольного студенческого кружка. Заичневский написал ее, находясь в заключении за издание нелегальных брошюр. Прокламация представляет интерес как выражение экстремистского направления в русском освободительном движении, которое затем получит свое развитие в нечаевщине, русском бланкизме, в теории и практике крайне левых, "максималистских", организаций конца XIX — начала XX в.

"Молодая Россия" выступала за создание "социальной и демократической республики Русской" в виде "республиканско-федеративного союза областей", составленных из земледельческих общин, за всеобщее избирательное право, выборность всех государственных и судебных органов власти, справедливое распределение налогов, предоставление политических прав женщинам, общественное воспитание детей, национализацию земель, предоставление независимости Польше. "Молодая Россия" подвергла суровой критике и герценовский "Колокол" и "Великорусс", считая их недостаточно радикальными. Она ратовала за "близкую революцию, кровавую и неумолимую", которая призвана коренным образом изменить все основы современного общества, призывала быть последовательнее "не только жалких революционеров [18]48 года, но и великих террористов [17]92 года"; пролить, если потребуется, "втрое больше крови, чем пролито якобинцами в [17]90-х годах". Прокламация высказывалась за установление жесткой революционной диктатуры для подавления возможных контрреволюционных выступлений и введение "в наивозможно скорейшем времени новых основ общественного и экономического быта". Хотя грядущая рево-

люция мыслилась как народная, но инициативу и руководство ею должно взять на себя "молодое поколение", на которое автор прокламации возлагал свою "главную надежду".

Из агитационных воззваний, обращенных непосредственно к крестьянству, заслуживает внимания прокламация "Долго давили вас, братцы...", изданная в ноябре 1862 г. студентами Казанского университета. Цель ее — рассеять надежды крестьян на дарование царем в ближайшее время "новой воли" и убедить их самим добиваться ее — организованно "подняться за святое дело, за волю вольную".

Нигилизм. Д. И. Писарев

Характерным явлением в России в начале 60-х годов было распространение *нигилизма.* Нигилизм как направление общественной мысли возникает в кризисные моменты общественно-политической жизни страны, ломки ее общественных устоев. Ему присущи гипертрофированное сомнение в общепринятых ценностях, их отрицание (идеалов, формы общественной жизни, ее моральных норм и эстетических принципов), абсолютизация индивидуального начала.

Наиболее видным представителем нигилизма в России тех лет считается талантливый публицист и литературный критик *Д. И. Писарев.* Основную силу переустройства общества он видел в деятельности "критически мыслящих реалистов", вооруженных последними достижениями науки. Большую роль Писарев придавал просвещению народных масс, в особенности популяризации среди них материализма и естествознания. Писарев оказал значительное влияние на русских народников, хотя сам и не был народником. Себя он не называл нигилистом. Впервые этот термин ввел И. С. Тургенев в романе "Отцы и дети", в котором воплощен образ "русского нигилиста" начала 60-х годов.

"Земля и воля" 60-х годов

В конце 1861 г. в Петербурге сложилась общерусская революционная организация "*Земля и воля*". Она представляла собой своеобразную "федерацию" объединившихся различных конспиративных кружков и групп, возглавляемых Комитетом, но продолжавших действовать самостоятельно. О ее создании еще в мае-июне 1861 г. договорились ближайшие друзья Герцена и Огарева — братья Александр и Николай Серно-Соловьевичи, Николай Обручев, Александр Слепцов и Александр Путята. Идею создания "Земли и воли" активно поддержал Н. Г. Чернышевский, а Герцен и Огарев оказывали ей всяческую помощь как в своих печатных изданиях, так и организацией сбора денежных средств. Программным документом "Земли и воли" стала опубликованная в "Колоколе" 1 июля 1861 г. статья Н. П. Огарева "Что нужно народу ?" (затем перепечатанная в виде прокламации). На поставленный в заглавии вопрос Огарев отвечал: "Очень просто, народу нужна земля и воля". Так возникло название тайной организации. Изложенная в статье программа, рассчитанная на сплоче-

ние всех оппозиционных сил, носила умеренный характер. В ней выдвигались следующие требования: передача крестьянам земли (и даже прирезки к недостаточным наделам), которой они владели до реформы, замена правительственных чиновников выборными волостными, уездными и губернскими органами самоуправления, избрание центрального народного представительства, сокращение расходов на войско и на царский двор. Помещики получают от казны вознаграждение за уступаемую ими крестьянам землю. Основным средством воздействия на крестьян должна была стать пропаганда, но в дальнейшем предусматривались и активные действия. Крестьянству предлагалось "сближаться с войском,... молча собираться с силами... чтоб можно было умно, твердо, спокойно, дружно и сильно отстоять против царя и вельмож землю мирскую, волю народную да правду человеческую".

В "Землю и волю" вошли кружок "Великорусс", Харьковско-Киевское тайное общество, возникшее еще в 1858 г., Казанское и Пермское революционные общества, "комитеты" Москвы, Петербурга, Нижнего Новгорода и других городов, а позднее — военная организация "Комитет русских офицеров в Польше" во главе с А. А. Потебней. Всего в "Земле и воле" насчитывалось, как полагают, до 400 членов. В конце 1862 г. был образован ее руководящий центр — "Русский центральный народный комитет", находившийся в Петербурге. Комитет составили инициаторы создания "Земли и воли", затем к руководству пришли Н. И. Утин и Г. Е. Благосветлов. В 1863 г. организация выпустила два номера своей нелегальной газеты "Свобода", а также ряд воззваний и прокламаций (все их Герцен перепечатал в "Колоколе").

Деятельность "Земли и воли" была подчинена подготовке к предстоящему крестьянскому восстанию, которое, как уже говорилось, ожидали к весне 1863 г. Герцен и Огарев разработал план действий революционеров. Предполагалось предъявить императору требование созвать всесословный Земский собор, а в случае отказа — приступить к решительным действиям, опираясь на крестьянское восстание.

Когда надежды на него не сбылись, в деятельности "Земли и воли" на первое место выдвинулась связанная с начавшимся в январе 1863 г. польским восстанием задача координации сил русских и польских революционеров. Но к этому времени в "Земле и воле" возникли острые разногласия по программным и организационно-тактическим вопросам. К весне 1864 г. она самоликвидировалась, не будучи раскрытой правительством. Лишь немногие ее члены подверглись арестам, но не по причине принадлежности к ней, а по обвинению в связях с "лондонскими пропагандистами".

Либерально-оппозиционные выступления

В начале 60-х годов происходили и *либерально-оппозиционные выступления*, среди которых наиболее значительным явилась акция тверских либералов во главе с губернским предводителем дворянства А. М. Унков-

ским. Собравшийся в декабре 1861 г. съезд тверских мировых посредников заявил, что "законоположение 19 февраля не удовлетворило народных потребностей", и высказался за немедленный обязательный выкуп крестьянских наделов при содействии государства, за ликвидацию сословных привилегий дворянства и слияние сословий, введение независимого суда и гласности в управлении, за преобразование финансовой системы. Эти требования были изложены в составленном 3 февраля 1862 г. "Всеподданнейшем адресе", который был подписан 112 дворянами Тверской губернии, в том числе губернским и 9 уездными предводителями дворянства, и направлен Александру II. Одновременно мировые посредники Тверской губернии объявили о решении руководствоваться в своей деятельности постановлениями губернского дворянского съезда. "Адрес" вызвал сильное недовольство Александра II. 22 февраля 1862 г. он приказал тринадцать инициаторов его составления — мировых посредников и председателей уездных мировых съездов — заключить в Петропавловскую крепость на два года (через несколько месяцев они были освобождены, но отданы под надзор полиции). Выступление тверских либералов нашло отклик среди либерального меньшинства калужского, воронежского, московского, рязанского и тульского дворянства.

Почвенничество Направлением "культурного консерватизма" в общественно-литературной жизни России начала 60-х годов являлось так называемое "*почвенничество*". Основные принципы его были сформулированы в журналах "Время" (1861 — 1863) и "Эпоха" (1864 — 1865), издаваемых Н. Н. Страховым и братьями М. М. и Ф. М. Достоевскими. Видным идеологом почвенничества был писатель и публицист А. А. Григорьев, сотрудничавший в этих журналах.

Почвенники проповедовали идею самоценности русского народа ("почвы") и рассматривали его как "воплощение добродетели". Говоря о "разрыве" между "образованным обществом" и народом, почвенники призывали к восстановлению связей между ними на религиозно-этической основе. Для почвенников было характерно неприятие ни демократии, ни либерализма, ни аристократии. Противопоставление как чуждых друг другу русской и европейской культур, проповедь идеи особой миссии русского православного народа, призванного "спасти человечество и дать новые формы жизни и искусства", сближали почвенников со славянофилами.

§ 2. Польское восстание 1863—1864 гг. и русское общество

В обстановке широкого демократического подъема в России в конце 50-х — начале 60-х годов XIX в. оживилось *польское национально-освободительное движение*, вылившееся в восстание 1863—1864 гг.

На рубеже 50—60-х годов Царство Польское находилось в состоянии острого социального и политического кризиса. Заметно усилилось крестьянское движение, особенно под влиянием отмены крепостного права в России. Заметно активизировалась и общественно-политическая деятельность социальных верхов Польши. В начале 1861 г. в польском национально-освободительном движении выделились две "*партии*" — "*белых*" и "*красных*". Первые выражали интересы помещиков-землевладельцев и крупной буржуазии. Выступая за национальную независимость Польши, они отрицали необходимость социальных преобразований и рассчитывали достичь своих целей путем дипломатического давления на царское правительство со стороны европейских держав. Вторые выступали за решение не только национальных, но и социальных проблем, за активную борьбу с самодержавием — вплоть до вооруженного восстания. Партию "красных" представляли, главным образом, беспоместная шляхта, чиновничество, студенчество.

С 1860 г. в Польше начались массовые патриотические манифестации, в которых участвовала преимущественно учащаяся молодежь. Активную роль в их организации играло польское католическое духовенство. Первоначально манифестации ограничивались богослужениями в костелах, где пелись религиозные гимны, затем с благословения ксендзов манифестанты вышли на улицы и их действия приняли уже политический характер. Слабая реакция на них русских властей поощряла участников манифестаций к более смелым и массовым действиям. Наиболее внушительная демонстрация произошла 16 февраля 1861 г. в Варшаве. Власти применили против демонстрантов оружие: 5 человек были убиты и несколько десятков ранены. Затем последовали аресты. Однако, чтобы погасить растущее недовольство в Польше, правительство пошло на некоторые уступки: был восстановлен Государственный совет Царства Польского (упраздненный после польского восстания 1830—1831 гг.), вновь открыт Варшавский университет, к участию в управлении Польшей был привлечен популярный среди поляков маркиз А. Велепольский. Но эти уступки не смогли удовлетворить польское общество. Его радикальное крыло перешло к нелегальной деятельности с целью подготовки вооруженного восстания.

Организация "красных" К осени 1861 г. в Варшаве образовалась тайная повстанческая организация "красных" во главе с Центральным национальным комитетом. В ее программе выдвигались требования восстановления независимости Польши в границах до первого ее раздела (1772 г.), а впоследствии — предоставления права на самоопределение литовскому, белорусскому и украинскому населению, а также ликвидации сословных привилегий и передачи крестьянам в собственность той земли, которую они обрабатывали.

Наиболее видными руководителями Центрального комитета стали популярные лидеры “красных” — Ярослав Домбровский, Сигизмунд Сераковский, Зыгмунт Падлевский, Станислав Бобровский и Валерий Врублевский, которые были связаны с русскими революционерами. 5 декабря 1862 г. между руководством “Земли и воли” и польскими лидерами “красных” было заключено соглашение о совместном выступлении, которое намечалось на весну 1863 г. Активную роль в установлении русско-польского революционного союза играли А. И. Герцен и Н. П. Огарев. В “Колоколе” они пропагандировали идею создания независимой Польши. Во время переговоров с поляками русские революционеры настаивали на одновременном выступлении в России и в Польше, предупреждая, что преждевременное восстание поляков будет обречено на неудачу, а поражение его укрепит царизм и надолго задержит дело революции в России.

Восстание 1863—1864 гг. Однако вопреки этому предупреждению восстание в Польше вспыхнуло раньше оговоренного срока. По существу оно было спровоцировано действиями царских властей. В конце 1862 г. они решили провести в середине января 1863 г. в польских городах и местечках по заранее составленным спискам рекрутский набор лиц, заподозренных в революционной деятельности. Центральный национальный комитет “красных” принял решение о немедленном выступлении. Оно началось в ночь на **11 (23) января 1863 г.** одновременным нападением на 17 русских гарнизонов, дислоцированных в небольших городах и местечках. Центральный национальный комитет, возглавивший восстание, объявил себя Временным национальным правительством и обратился к польскому народу с манифестом и декретом, в которых провозглашались независимость Польши, освобождение крестьян от барщины и передача им в собственность той земли, которой они пользовались. Однако помещичье землевладение сохранялось.

В восстании приняли участие ремесленники, мелкая национальная буржуазия, низшие чиновники, учащаяся молодежь, беспоместная шляхта. Активно поддерживало восставших польское католическое духовенство. Однако польские помещики-землевладельцы и крупная буржуазия держались пассивно. К восстанию удалось привлечь лишь незначительную часть крестьянства. К весне 1863 г. в повстанческой армии насчитывалось до 44 тыс. человек, причем многие из них были мобилизованы насильно, с применением угроз и наказаний к нежелавшим вступать в повстанческую армию.

Восстание 1863—1864 гг. было слабо подготовлено и фактически вспыхнуло стихийно. Действия повстанцев были неорганизованны, разрозненны и обычно ограничивались “лесными боями” — мелкими стычками с небольшими русскими воинскими отрядами да нападениями на транспорт и пути сообщения. Более серьезные

стычки повстанцев с карательными войсками происходили на юге Польши, где действовали сформированные в австрийской Галиции вооруженные отряды поляков. Однако и эти отряды после первых же неудач бежали обратно в Галицию. Повстанческие отряды действовали обычно вне городов, которые в продолжении восстания оставались под контролем царской администрации.

Сначала восстание не встречало существенного противодействия со стороны русских войск. В то время в Польше насчитывалось до 90 тыс. русских солдат. Из них 25 тыс. человек составляли Варшавский гарнизон, остальные были рассредоточены по другим гарнизонам и лагерям, откуда откомандировывались "летучие отряды" для поиска и разгрома повстанческих отрядов.

Восстание в Польше послужило удобным предлогом для вмешательства Франции и Англии в польские дела: правительства этих стран демонстративно требовали от России пойти навстречу требованиям восставших. В английской и французской прессе развернулась шумная антирусская кампания. В связи с заявлениями Англии и Франции по польскому вопросу между Россией и Пруссией в феврале 1863 г. была заключена конвенция о совместных мерах для подавления польского восстания.

Еще в начале восстания русское правительство ввело в Польше военное положение, но вместе с тем была объявлена амнистия тем повстанцам, которые сложат оружие. Однако эти меры не дали результата.

К лету 1863 г. царское правительство направило в Польшу дополнительные войска и приняло решительные меры к подавлению восстания. В июне 1863 г. в связи с разгромом многих повстанческих отрядов попали в плен и были впоследствии по приговору военного суда казнены видные руководители восстания — Сигизмунд Сераковский и Кастусь Калиновский, а также руководитель Комитета русских офицеров в Польше Андрей Потебня.

Обострились разногласия в лагере восставших. Руководство восстанием захватила "партия белых", которая стояла за сохранение привилегий землевладельческой шляхты, отказавшись выполнять даже те ограниченные преобразования, которые были заявлены в декларации Национального правительства 22 января 1863 г. Ставя своей основной задачей добиться независимости Польши, "белые" рассчитывали на помощь Англии и Франции. Однако эти расчеты оказались тщетными: никакой реальной поддержки эти державы восставшей Польше не оказали.

С целью отвлечь карательные русские войска от Польши несколько польских и русских революционеров предприняли попытку поднять восстание в Поволжье. Предполагалось, что центром восстания станет Казань (отсюда этот замысел получил название "казанского заговора"). В Казани в то время была значительная польская колония, состоявшая из чиновников, профессоров, студентов, военных. Часть их являлись бывшими ссыльными. В марте

1863 г. в Москве были отпечатаны подложный царский манифест и прокламация от имени “Временного народного правления”, призывавшие народ к немедленному восстанию и созданию органов революционной власти для передачи всей земли крестьянам. По замыслу заговорщиков восстание, начавшись в Казанской губернии, должно было охватить Нижнее Поволжье, Урал, Дон, а затем соединиться с польским восстанием. План был заведомо нереальным. По доносу провокатора в конце апреля заговор был раскрыт, и участники его арестованы. 31 человек был предан военному суду, по приговору которого 5 заговорщиков были расстреляны, остальные отправлены на каторгу и в ссылку.

В середине сентября 1863 г. во главе польского восстания стал генерал Ромуальд Траугутт с диктаторскими полномочиями. Он пытался организовать всеобщее ополчение и привлечь к нему крестьян, обещая радикальное решение аграрного вопроса, однако его усилия оказались запоздалыми. Разрозненные повстанческие отряды терпели поражение за поражением. В начале апреля 1864 г. Траугутт был арестован и казнен. К концу лета 1864 г. были подавлены последние очаги сопротивления в южной части Царства Польского. До 400 повстанцев были казнены, 15 тыс. сосланы в Сибирь.

Русская революционная демократия однозначно выступила в защиту польского восстания. В пользу восставших поляков вела агитацию “Земля и воля”. Но особенно активно в поддержку польского восстания выступал со страниц “Колокола” Герцен. Однако поддерживая требование восставших о самоопределении Польши, Герцен не соглашался с националистической программой вождей восстания. Н. П. Огарев и М. А. Бакунин предпринимали попытки оказать повстанцам помощь оружием. В России не только консервативные круги, но и почти все либералы выступили с осуждением польского восстания и с одобрением карательных действий царского правительства в Польше.

Политика царизма в Польше после подавления восстания 1863—1864 гг.

Под влиянием польского восстания (1863—1864) российское самодержавие вынуждено было провести ряд реформ в Польше. С одной стороны, были сделаны важные уступки в социальном вопросе, с другой, проведен ряд мер, направленных на “инкорпорацию” (включение) Польши в составе Российской империи. 19 февраля 1864 г. был издан указ “Об устройстве крестьян Царства Польского”. Крестьяне получали в полную собственность, без выкупа, всю землю, какая находилась в их пользовании, а также и ту, которую помещики незаконно захватили у них в последние годы. Крестьяне становились земельными собственниками сразу, без переходного периода. Помещики получали за уступаемую крестьянам землю вознаграждение от государства в размере ее рыночной стоимости.

Одновременно был издан указ “Об устройстве сельских гмин”. Создавалось гминное (волостное) самоуправление со своими адми-

нистративно-полицейскими функциями. Гминная реформа ликвидировала патримониальную власть помещика. С целью ослабления влияния на население шляхты и католического духовенства проводились конфессиональная политика и реформы в сфере народного образования. Наконец на Польшу было распространено общероссийское административное устройство. Царство Польское было поделено на 10 губерний и получило название Привислинского (по р. Висле) края.

§ 3. Революционные организации и кружки середины 60-х — начала 70-х годов

Революционно-демократическое направление в русском освободительном движении середины 60-х — начала 70-х годов XIX в. было представлено деятельностью различных кружков интеллигенции в Москве, Петербурге и в ряде провинциальных, в основном университетских, городов.

Кружок "ишутинцев"

Наиболее значительным из них был *кружок "ишутинцев"*, действовавший в 1863—1866 гг. в Москве и Петербурге. Основателем его стал вольнослушатель Московского университета Николай Ишутин. Кружок первоначально составили Дмитрий Каракозов (двоюродный брат Ишутина), Петр Ермолов, Петр Николаев и другие члены пензенского землячества, учившиеся в Московском университете. В кружок был вовлечен принадлежавший к пензенскому землячеству будущий знаменитый историк В. О. Ключевский. В Петербурге действовало отделение кружка под руководством талантливого литератора-фольклориста И. А. Худякова.

Ишутинцы считали себя учениками Н. Г. Чернышевского и по примеру героев его романа "Что делать?" пытались организовать разного рода производственно-бытовые артели. В Москве ими были открыты переплетная и швейная мастерские, воскресная школа и Общество взаимного вспомоществования для бедных студентов. На артельных началах участники кружка намеревались организовать труд на одной из фабрик Можайского уезда, но приобрести фабрику им не удалось, хотя они и вели переговоры о ее покупке. Они также строили планы освобождения Чернышевского из сибирской ссылки.

В 1865 г. ишутинцы пришли к мысли о необходимости более активной деятельности и в феврале 1866 г. создали тайное общество под названием "Организация". Они намеревались создать в провинции ее филиалы. Член ишутинского кружка Дмитрий Каракозов по своей инициативе совершил покушение на Александра II. 4 апреля 1866 г. он стрелял в императора у Летнего сада в Петербурге, но промахнулся и был схвачен. Суд приговорил его к повешению, остальных членов кружка к разным срокам каторги и ссылки.

Реакционные меры правительства

Покушение на царя послужило предлогом заметного поворота к политической реакции. Указом 13 мая 1866 г. была усилена власть губернаторов. Реакция обрушилась на демократическую печать: были закрыты "Современник" и "Русское слово". Усилились гонения на высшую школу и студенчество. Последовали отступления от проведенных реформ, в частности, подверглись ограничению права земств и задержана подготовка реформы городского самоуправления.

Однако реакция не могла приостановить развитие революционно-демократического движения. Осенью 1868 — весной 1869 г. прокатилась волна студенческих "беспорядков" в высших учебных заведениях Петербурга — в университете, в Технологическом институте и Медико-хирургической академии. Студенческие волнения захватили и Московский университет. Возникали новые конспиративные студенческие кружки.

С. Г. Нечаев и его организация "Народная расправа"

Активный участник студенческих волнений 1868—1869 гг. в Петербурге приходский учитель, вольнослушатель университета, Сергей Нечаев совместно с молодым журналистом Петром Ткачевым создали зимой 1868/69 года нелегальную группу петербургских студентов. Ими была разработана "Программа революционных действий", которая предусматривала "радикальную перестройку нелепых и несправедливых общественных отношений" посредством "политической революции". Ближайшей практической задачей члены кружка поставили "образование возможно большего количества революционных типов" путем распространения прокламаций, устройства сходок, проведения "частных протестов" и организации кружков и касс взаимопомощи. Предполагалось, что до мая 1869 г. эта деятельность должна сосредоточиться в Петербурге и Москве, затем перенесена в учащуюся среду губернских и уездных городов, а к осени 1869 г. — и "в саму массу народа". Нечаев был уверен в близости крестьянского восстания, которое, как он рассчитывал, должно было начаться весной 1870 г.

В марте 1869 г. нечаевская группа была разгромлена полицией. Нечаеву удалось бежать за границу. В Женеве он встречался с А. И. Герценом и Н. П. Огаревым, сблизился с М. А. Бакуниным, выдавая себя за эмиссара якобы существовавшего в России революционного центра. Бакунин решил использовать Нечаева как своего агента в России. Вместе они задумали создать в России под руководством Нечаева тайное общество. С этой целью ими был написан ряд прокламаций и зашифрованный "Катехизис революционера" — своеобразная "этика" революционного экстремизма. "Революционер, — говорится в "Катехизисе", — человек обреченный. У него нет своих интересов, ни дел, ни чувств, ни привязанности, ни собственности, ни даже имени. Все в нем поглощено единым исключительным интересом, единою мыслью, единою страстью —

революцией... Революционер презирает всякое доктринерство и отказался от мирской науки, предоставляя ее будущим поколениям. Он знает только одну науку — науку разрушения... Он презирает и ненавидит во всех побуждениях и проявлениях нынешнюю общественную нравственность. Нравственно для него все то, что способствует торжеству революции. Безнравственно и преступно все то, что помешает ему". Следуя иезуитскому правилу "цель оправдывает средства", Нечаев не гнушался методами мистификации, шантажа, запугивания, террора. Сам Бакунин выступал против применения подобных методов.

В Россию Нечаев вернулся с выданным Бакуниным мандатом "доверенного представителя" русского отдела Всемирного революционного союза и приступил к созданию тайного общества "*Народная расправа*". В короткое время он привлек в свою организацию несколько десятков человек. Ее члены были разбиты на пятерки, каждая из них действовала самостоятельно, не зная о существовании другой и подчиняясь "Центру", т. е. на деле Нечаеву. Он же действовал как диктатор, требуя к себе слепого и беспрекословного повиновения.

Нечаев намеревался к лету 1870 г. приступить к "разрушительной деятельности": создать боевые отряды, привлекая в них и "разбойные" элементы, уничтожать путем террора представителей власти, конфисковывать "частные капиталы". По приказу Нечаева в ноябре 1869 г. в Москве был убит активный участник "Народной расправы" студент И. И. Иванов, не пожелавший беспрекословно подчиняться его требованиям. Дело было раскрыто и привело к разгрому организации. Арестам подверглись 80 человек. Нечаеву удалось вторично скрыться за границу.

С целью дискредитации революционного движения правительство в 1871 г. устроило над "нечаевцами" показательный процесс. Материалы его широко публиковались в правительственной прессе. Нечаевское "дело" послужило сюжетом для романа Ф. М. Достоевского "Бесы". В 1872 г. Нечаев был выдан швейцарскими властями русскому правительству как уголовный преступник, заключен в Алексеевский равелин Петропавловской крепости, где и умер в 1882 г.

"Чайковцы" и другие кружки начала 70-х гг. Представители революционного подполья в большинстве своем осудили методы "нечаевщины" (хотя находились и ее сторонники). Созданный в 1869 г. в Петербурге студентом Медико-хирургической академии Марком Натансоном кружок поставил целью "противодействовать нечаевским способам деятельности". В Москве, Киеве и Одессе образовались отделения этого кружка, носившего пропагандистско-просветительский характер, в основном в виде распространения среди интеллигенции и рабочих научной и публицистической литературы. В перспективе участники кружка предполагали создать "единую рабочую организацию". П. А. Кропоткин разработал и программу

кружка. Летом 1871 г. при объединении кружка Натансона с кружком Софьи Перовской возникла организация под названием "Большое общество пропаганды". В нее входило до 60 человек. Представлял эту организацию в сношениях с легальным миром студент Петербургского университета Николай Чайковский, поэтому за ней утвердилось название "*кружка чайковцев*". В 1874 г. она была раскрыта полицией и прекратила свое существование. Позднее многие ее члены стали активными участниками "хождения в народ", а затем вошли в народнические организации "Земля и воля" и "Народная воля".

Задачу революционной организации среди народа поставил и действовавший в 1872 — 1873 гг. *кружок* студента-технолога *Александра Долгушина*, в котором состояло до 20 человек. Кружок был основан в Петербурге, но затем перенес свою деятельность в Москву. В Подмосковье его участники оборудовали подпольную типографию, в которой им удалось напечатать воззвания: "Как должно жить по закону природы и правды", "Русскому народу", "К интеллигентным людям". При попытке перейти к непосредственной пропаганде среди рабочих и крестьян Подмосковья кружок был выявлен полицией и разгромлен.

В конце 60-х годов русские народнические кружки стали создаваться и за границей. В 1868 г. в Женеве образовался *кружок русских эмигрантов* — в основном из бывших участников "Земли и воли" 60-х годов. Они издавали свой журнал "Народное дело", в 1870 г. вошли в состав созданного в 1864 г. К. Марксом I Интернационала в качестве его "Русской секции", принимали участие в Парижской коммуне 1871 г.

§ 4. Русское народничество 70-х — начала 80-х годов

В пореформенной России главным направлением в освободительном движении становится *народничество*. Оно основывалось на системе взглядов об особом, "самобытном" пути развития России к социализму, минуя капитализм. Объективными условиями появления в России такой идеи явились слабое развитие капитализма и наличие крестьянской поземельной общины. Основы этого "русского социализма" были сформулированы на рубеже 40—50-х годов А. И. Герценом — "предтечей" русского народничества.

Идея общинного социализма, сформулированная Герценом, была развита Н. Г. Чернышевским. Но в отличие от Герцена Чернышевский иначе смотрел на общину. Для него община — патриархальный институт русской жизни, которая призвана сначала выполнить роль "товарищеской формы производства" параллельно с капиталистическим производством. Затем она вытеснит капиталистическое хозяйство и окончательно утвердит коллективное производство и потребление. После этого община исчезнет как форма производственного объединения.

Русское народничество представляло собой широкий спектр различных течений — от революционно-демократического до умеренно-либерального и даже консервативного.

В 70-е годы преобладающее значение имело революционное (или, как его называли, "действенное") народничество. Сам термин "народник" появился в литературе в середине 60-х годов, но тогда он еще не обозначал определенного общественно-политического направления. Под народничеством в то время понимали обычно стремление к изучению народного быта и желание облегчить тяготы народных масс, в первую очередь, крестьянства. Периодические издания были наводнены материалами о бедственном положении народа, придавленного тяжелыми налогами и страдающего от недостатка земли. Появились и монографические исследования. Наиболее значительным из них, привлекшим к себе всеобщее внимание, был опубликованный в 1869 г. большой труд публициста и ученого-экономиста В. В. Берви-Флеровского "Положение рабочего класса в России" ("рабочим классом" он считал не только собственно рабочих, но весь трудовой люд и, главным образом, крестьянство).

Как общественное направление народничество стало складываться в конце 60-х — начале 70-х годов, когда зачинатели его поставили себе задачу перехода к борьбе за интересы народа, при этом они были убеждены, что радикальное решение всех социальных проблем может быть достигнуто революционным путем и силами народных масс, руководимых революционной (народнической) организацией. На рубеже 60—70-х годов сложилась и доктрина народничества, главными идеологами которой явились Михаил Бакунин (1814—1876), Петр Лавров (1823—1900) и Петр Ткачев (1844—1885).

М. А. Бакунин *М. А. Бакунин* происходил из просвещенной семьи тверских дворян и получил блестящее образование. В молодости он вместе с В. Г. Белинским и Т. Н. Грановским участвовал в философском кружке Н. В. Станкевича. В 1840 г. Бакунин уехал за границу, в Берлине сблизился с И. С. Тургеневым, выступал в зарубежной печати с публицистическими статьями революционно-демократического характера. В 1844 г. за отказ возвратиться в Россию царский суд заочно лишил Бакунина всех прав состояния и приговорил к каторжным работам. Живя в 1844—1847 гг. в Париже, Бакунин сблизился с Прудоном, познакомился с К. Марксом и Ф. Энгельсом. В 1848 г. он принял участие в Пражском восстании, а в 1849 г. был одним из руководителей Дрезденского восстания. После разгрома восстания Бакунин был приговорен саксонским судом к смертной казни, замененной пожизненным заключением, которое он отбывал в одной из австрийских тюрем. В 1851 г. Бакунин был выдан австрийскими властями царскому правительству. Проведя 6 лет в Шлиссельбургской и Петропавловской крепостях, Бакунин с целью добиться замены тюремного заключения ссылкой написал

"Исповедь", в которой подробно рассказал о своем участии в революционных событиях в Европе. В 1857 г. по повелению Александра II он был отправлен в сибирскую ссылку, откуда в 1861 г. бежал через Японию и Америку в Лондон. Там Бакунин сотрудничал в "Колоколе" Герцена, установил связи с представителями западноевропейской демократии. В 1864 г. Бакунин вступил в I Интернационал, а в 1868 г. в Женеве создал анархический "Международный альянс социалистической демократии". Он активно выступал против К. Маркса, проповедуя свои анархические идеи, за что в 1872 г. был исключен из I Интернационала.

М. А. Бакунина считают видным теоретиком анархизма, принципы которого им были изложены в книге "Государственность и анархия" (1873). Источником всех "зол" он считал "государственность". Любая государственная власть, будь то монархия или республика, даже самая демократическая, рассматривалась им как "источник эксплуатации и деспотизма". Власть, полагал он, действует развращающе и на ее носителей и на тех, кто ей подчинен: одни становятся деспотами, другие рабами. Даже в демократической республике избранники народа, придя к власти, будут представлять уже не народ, а собственные интересы, станут над народом. Более того, "правительственный деспотизм никогда не бывает так силен, когда он опирается на мнимое представительство народа". Государственный социализм или авторитарный коммунизм монополизирует общественную собственность не в интересах народа, а "государственных людей, чиновников, которые будут по произволу распоряжаться общественным капиталом", — именно они фактически станут его собственниками и по существу преемниками буржуазии в роли господствующего сословия.

Бакунин был против идеи завоевания политических свобод как буржуазных и выгодных одной буржуазии. По его мнению, необходимо вести борьбу не за политические, а социальные свободы. Отсюда его "аполитизм" — отказ от политической борьбы. Любой форме государства он противоставлял принцип "федерализма", т. е. федерацию самоуправляющихся сельских общин, производственных ассоциаций на основе коллективной собственности на орудия труда и средства производства. Они затем объединяются в более крупные федеративные единицы. От военной опасности извне федерация может защитить себя всеобщим вооружением народа.

Он доказывал, что русский мужик — "социалист по инстинкту". Его надо не агитировать "за социализм", а прямо призывать к бунту. "Учить народ ? — писал он, — это было бы глупо. Народ сам лучше нас знает, что ему нужно". Революционеры должны сыграть роль искры, которая должна зажечь пламя народного восстания, объединить разрозненные крестьянские бунты "во всеобщий бунт".

П. Л. Лавров *П. А. Лавров* был сыном богатого псковского помещика. Необычайно одаренный, он блестяще окончил Артиллерий-

скую академию и вскоре стал ее профессором. Еще в 40-е годы он увлекся социалистическими идеями, изучая Фурье, Сен-Симона и Оуэна. В 50—60-х годах Лавров сотрудничал в "Современнике" и "Отечественных записках", принимал участие в студенческом движении 1861 г., был связан с революционным подпольем — с первой "Землей и волей" и с организацией "ишутинцев". В 1866 г. в связи с покушением Д. Каракозова на Александра II Лавров был арестован и по приговору суда отправлен в вологодскую ссылку, которую сначала отбывал в Тотьме, затем в Кадникове. В ссылке Лавров написал свои знаменитые "Исторические письма", которые сначала были опубликованы в 1868—1869 гг. в газете "Неделя" под псевдонимом П. Миртов, а в 1870 г. изданы отдельной книгой.

Лавров разделял тезис Бакунина о "социальной революции", которая "выйдет из деревни, а не из города", рассматривал крестьянскую общину как "ячейку социализма", но отвергал положение о готовности крестьянства к революции. Он доказывал, что к ней не готова и интеллигенция. Поэтому, по его мнению, сама интеллигенция должна пройти необходимую подготовку, прежде чем начать планомерную пропагандистскую работу среди народа. Отсюда различие между "бунтарской" и "пропагандистской" тактикой Бакунина и Лаврова.

У Лаврова был свой взгляд на исторический процесс. Главным движущим фактором развития цивилизации он считал силу научного познания и передовых идей. Носителем этих знаний и идей является передовое меньшинство населения — интеллигенция. Следовательно, ей должна принадлежать и роль преобразующей силы общества. Но своим образованием интеллигенция обязана тяжелому труду народа, и она должна оплатить этот долг служением ему.

"Исторические письма" П. Л. Лаврова были очень популярны в то время, ибо отвечали на самые злободневные вопросы, волновавшие тогда молодежь. Это была ее "настольная книга, книга жизни, революционное Евангелие, философия революции". Молодые люди, вдохновленные идеей служения народу, не расставались с этой "небольшой, истрепанной, истертой книжкой". Как вспоминал видный народник Н. С. Русанов, "она лежала у нас под изголовьем, и на нее падали при чтении ночью наши горячие слезы идейного энтузиазма, охватившего нас безмерною жаждою жить для благородных идей и умереть за них".

В 1870 г. при содействии известного революционного народника Германа Лопатина Лаврову удалось бежать из ссылки за границу. Он участвовал в Парижской коммуне 1871 г., был членом I Интернационала, издавал журнал "Вперед !", который оказал громадную услугу народничеству 70-х годов. Лавров оставил огромное литературно-публицистическое наследие и считается "ветераном революционной теории".

П. Н. Ткачев *П. Н. Ткачев* был выходцем из небогатых дворян Псковской губернии. Он считается идеологом "заговорщической" тактики в русском народничестве, теоретиком "русского бланкизма" — последователем французского коммуниста-утописта Огюста Бланки. Ткачев был блестящим пропагандистом, талантливым публицистом и литературным критиком. Он рано примкнул к студенческому движению. В 1861 г. за участие в студенческих волнениях его исключили из Петербургского университета, а в 1869 г. он был арестован по делу Нечаева. По освобождении в 1872 г. из тюремного заключения Ткачев был выслан на родину под надзор полиции, но в следующем году бежал за границу, где сначала сотрудничал в журнале Лаврова "Вперед!", а в 1875—1881 гг. издавал свой журнал "Набат".

Ткачев полагал, что переворот в России должен быть осуществлен не посредством крестьянской революции, а путем захвата власти группой революционеров-заговорщиков, ибо при "диком невежестве" крестьянства, его "рабских и консервативных инстинктах" ни пропаганда, ни агитация не могут вызвать народного восстания, а власти легко переловят пропагандистов. В России, доказывал Ткачев, легче захватить власть путем заговора, ибо самодержавие в данный момент не имеет опоры ("висит в воздухе"). Надо именно сейчас нанести удар по "всеми покинутому правительству", от которого отвернулись недовольные реформой 1861 г. и крестьяне, и помещики. "Не готовить революцию, а делать ее", — таков тезис Ткачева. Для этого необходима крепко сплоченная и строго законспирированная организация. Эти идеи Ткачева впоследствии нашли свое воплощение в тактике "Народной воли".

Русское народничество возникло в ту пору, когда капитализм только утверждался в России. Народники первыми поставили вопрос о "судьбах капитализма" в России. Видя его "язвы" (рост социального неравенства, разорение деревни, появление неимущего пролетариата), они относились к нему резко отрицательно. Поэтому их борьба шла на "два фронта" — против остатков крепостничества и против нарождавшегося капитализма. Основные программные положения народников сводились в следующему: 1) ликвидация остатков крепостничества в экономическом, социальном и политическом строе России революционным путем, 2) главной движущей силой революции должно явиться крестьянство, 3) крестьянская революция не только сметет самодержавие и остатки крепостничества, но откроет путь к социализму и предотвратит утверждение в России капитализма, 4) базисом социализма станет крестьянская поземельная община, 5) организующей силой крестьянской революции явится "революционная партия" (имелась в виду революционная организация народников).

"Хождение в народ" Первой крупной акцией революционного народничества 70-х годов стало массовое "*хождение в народ*"летом 1874 г. Это было стихийное движение, хотя предвари-

тельно и велись разговоры о его организации и координации сил. В движении приняли участие несколько тысяч пропагандистов. В основном это была учащаяся молодежь, вдохновленная идеей Бакунина о возможности поднять народ на “всеобщий бунт”. Толчком к походу “в народ” послужил тяжелый голод 1873—1874 гг. в Среднем Поволжье. Именно туда и были направлены значительные силы пропагандистов. К тому же, как полагали народники, здесь были живы традиции Разина и Пугачева, крупных волнений крестьян в 1861 г., недовольных условиями реформы. Всего народнической “летучей пропагандой” было охвачено 37 губерний.

Однако пропагандистов ожидало горькое разочарование. Они не знали ни настроений, ни психологии мужика, не имели опыта пропагандистской работы и конспирации. Мужик охотно слушал их разговоры об отмене податей, об отобрании у помещиков земли, но воспринимал настороженно, а порой и враждебно призывы бунтовать против царя. Полиция легко вылавливала пропагандистов. Некоторых выдавали сами крестьяне. Аресту подверглось в 26 губерниях более 4 тыс. человек. Из них к дознанию были привлечены 770 пропагандистов. 193 человека в 1877 г. предстали перед судом, который приговорил 28 подсудимых к каторге от 3 до 10 лет, 32 — к тюремному заключению до трех лет, 39 — к ссылке, остальные были оправданы.

“Хождение в народ” в 1874 г. потерпело неудачу. Выступая во имя крестьянских интересов, народники не находили общего языка с крестьянами, которым были чужды внушаемые пропагандистами социалистические и антицаристские идеи. Не привлекала крестьян и идея “социальной революции”. Участники “хождения в народ” признавали, что результат их пропаганды оказался “почти неуловим”. Свой неуспех они объясняли абстрактностью пропаганды, препятствиями, чинимыми властями, кратковременностью пребывания в деревне. В итоге они пришли к заключению, что надо заменить “летучую пропаганду” планомерной, систематической работой в деревне: поселиться в ней и начать с бесед о повседневных, насущных, бытовых нуждах крестьян, исподволь внушая им в доступной для них форме свои идеи.

Снова молодые люди, оставив семьи, университеты, гимназии, оделись в крестьянскую одежду, обучились кузнечному, плотницкому, столярному и прочим ремеслам, а также в качестве учителей и врачей поселились в деревне. Это было “*второе хождение в народ*”, теперь уже в виде постоянных поселений в деревне. Часть народников решила вести пропаганду среди рабочих, в которых видели тех же крестьян, лишь временно пришедших на фабрики и заводы, но более грамотных и, следовательно, более восприимчивых к революционным идеям. Их они рассматривали как посредников между интеллигенцией и крестьянами.

Пропаганду среди рабочих поставил себе задачей оформившийся в феврале 1875 г. в Москве народнический кружок под на-

званием "Всероссийская социально-революционная организация" (иначе ее называют "группой москвичей"). Ее участники приступили к пропаганде среди рабочих Москвы, Тулы, Серпухова, Иваново-Вознесенска. Вскоре организация была раскрыта властями. Перед судом предстали 50 человек. На суде, состоявшемся в 1877 г., один из активных деятелей кружка, ткач Петр Алексеев, произнес знаменитую речь (текст ее был заранее подготовлен членами кружка), закончив ее словами: "Поднимется мускулистая рука рабочего люда, и ярмо деспотизма, огражденное солдатскими штыками, разлетится в прах".

Успех "второго хождения в народ" также был невелик. Только небольшая прослойка выходцев из народа, как например, крестьянин Андрей Желябов, рабочие Степан Халтурин и Петр Алексеев, нашла общий язык с народниками. Они стали впоследствии активными участниками народнических и рабочих организаций.

Вторая "Земля и воля" (1876—1879)

Неудачи "хождений в народ" выдвинули необходимость создания централизованной революционной организации с четкой структурой и разработанной программой цели и действий. Такая организация была создана к концу 1876 г. Первоначально она именовалась "Северно-революционной народнической группой", а в 1878 г. получила название "*Земли и воли*" — в честь "Земли и воли" 60-х годов.

Новая революционная организация заявила о себе политической демонстрацией 6 декабря 1876 г. на площади у Казанского собора в Петербурге ("казанская демонстрация"), на которую собралось до 400 студентов, курсисток, молодых рабочих. Сначала в Казанском соборе был отслужен молебен "во здравие" находившегося в сибирской ссылке Чернышевского. Затем студент-технолог Георгий Плеханов произнес страстную речь с призывом к борьбе с деспотизмом, а молодой рабочий Яков Потапов поднял над толпой красное знамя с надписью "Земля и воля". Полиция разогнала демонстрацию, подвергнув избиению ее участников (а заодно и переодетых шпиков, приняв их за демонстрантов). До 30 участников демонстрации были арестованы, преданы суду и отправлены на каторгу и в ссылку. Плеханову удалось скрыться.

Членами-учредителями "Земли и воли" были Георгий Плеханов, Марк и Ольга Натансоны, Осип Аптекман, братья Александр и Адриан Михайловы. Позднее в нее вступили Вера Фигнер, Софья Перовская, Николай Морозов, Дмитрий Клеменц, Сергей Кравчинский (известный писатель Степняк-Кравчинский), Лев Тихомиров (впоследствии стал ренегатом). В отличие от прежних народнических кружков это была уже более широкая и хорошо законспирированная организация. Вместе со своими филиалами она насчитывала до 200 членов. Руководил ею "Центр" или "Администрация". Он избирался "основным кружком", который в количестве 30 человек составлял ядро организации. Остальные члены подразделялись

на несколько групп по характеру своей деятельности. Группа "деревенщиков" (наиболее многочисленная) вела работу в деревне, "рабочая" группа — среди рабочих, "интеллигентская" группа — среди студентов. Особо были выделены "Дезорганизаторская" группа (в ее обязанности входили "разведка" и добыча сведений из карательных учреждений, привлечение на свою сторону чиновников и военных, а позднее — совершение террористических актов) и так называемая "Небесная канцелярия", в которой изготовлялись поддельные паспорта, виды на жительство и т. п. Вся организация состояла из пятерок. Каждый состоявший в пятерке знал только ее членов. В провинции были образованы отделения общества — территориальные "общины", автономные в своих действиях. Главными задачами провинциальных общин были подготовка крестьянского восстания и руководство им на местах. В 1878—1879 гг. издавались нелегальные газеты "Земля и воля" и "Листок "Земли и воли".

При создании "Земли и воли" была принята программа. Ее основные требования заключались в следующем: передача всей земли крестьянам с правом общинного ею пользования, введение мирского самоуправления, свобода слова, собраний, вероисповедания, создание производственных земледельческих и промышленных ассоциаций. Главным тактическим средством борьбы авторы программы избрали пропаганду среди крестьян, рабочих, ремесленников, студентов, военных, а также воздействие на либерально-оппозиционные круги русского общества, чтобы привлечь их на свою сторону и таким образом объединить всех недовольных. Среди крестьян и рабочих велась и большая культурно-просветительская работа: в деревне распространялись популярные брошюры: "Хитрая механика" ("механика" ограбления правительством народа), "Царь-голод", рассказы о вожаках народных восстаний Разине и Пугачеве. В программе "Земли и воли" нашли отражение и бакунистские идеи отказа от захвата политической власти. Последнее обусловливалось неудачей "хождения в народ" и вынесенным из этого убеждением в том, что народные массы индифферентны к характеру политического строя и их нельзя поднять на борьбу во имя достижения политических свобод. Проблема террора как средства революционной борьбы тогда еще не ставилась — она выдвинулась только в 1879 г. и заняла важное место в деятельности "Народной воли". Совершавшиеся до этого террористические акты были вызваны жестокими действиями царских властей, являлись актами мести (например, выстрел Веры Засулич в петербургского градоначальника Ф. Ф. Трепова в 1878 г.) или самозащиты и не были еще направлены против царя.

"Земле и воле" удалось наладить "разведку" в высших карательных органах. В январе 1879 г. по заданию "Земли и воли" на службу в III отделение поступил Н. В. Клеточников, который получил доступ к секретным материалам. После замены III отделения в 1880 г. Департаментом государственной полиции Клеточникову уда-

лось перейти туда в качестве заведующего секретной частью 3-го делопроизводства, ведавшего полицейским сыском и дознаниями. В течение двух лет Клеточников доставлял революционерам сведения о планах полиции, готовившихся обысках и арестах, доносах, облавах, о засылаемых в среду организации шпионах, показаниях арестованных, имена многих агентов полиции. В конце января 1881 г. деятельность его была раскрыта. Суд приговорил Клеточникова к смертной казни, замененной "вечной каторгой". До отбывания ее он был заточен в Петропавловскую крепость,где через два года скончался, не выдержав жестокого тюремного режима.

В 1877 г. группа "Южных бунтарей", связанная с "Землей и волей", но действовавшая независимо от нее, предприняла попытку создать тайную крестьянскую организацию и с ее помощью поднять крестьян на восстание. Был избран Чигиринский уезд Киевской губернии (отсюда эта попытка получила название "Чигиринского заговора"), где в 1875 г. происходили массовые волнения бывших государственных крестьян, недовольных малыми земельными наделами. Здесь народники решили использовать наивный монархизм крестьян. Я. В. Стефанович выступил в роли "царского уполномоченного" и побудил крестьян направить с ним их жалобу к царю. В конце 1876 г. он привез крестьянам в ответ на жалобу напечатанные в подпольной типографии "Высочайшую тайную грамоту", устав крестьянского общества "Тайная дружина" и текст "Обряда святой присяги", якобы утвержденные царем. К середине 1877 г. удалось вовлечь в "Тайную дружину" до 2 тыс. крестьян. Восстание было намечено начать 1 октября 1877 г., однако в июне организация была раскрыта полицией. К дознанию было привлечено до тысячи крестьян. Суду было предано 44 человека, в том числе Стефанович и его помощники Л. Г. Дейч и И. В. Бохановский, которые сумели бежать из тюрьмы до суда. Из числа подсудимых четверо крестьян были приговорены к каторге на разные сроки, остальные оправданы.

В 1879 г. в "Земле и воле" выдвинулась значительная группа сторонников политической борьбы и признания тактики террора. Приверженцы этого направления в марте 1879 г. создали свой Исполнительный комитет "Земли и воли". 2 апреля 1879 г. один из его членов А. К. Соловьев совершил неудачное покушение на Александра II, когда он совершал прогулку на Дворцовой площади. Сделав несколько выстрелов в царя из пистолета, Соловьев промахнулся и был схвачен на месте. Вскоре он был повешен. Прокатилась волна арестов среди народников. Свернули свою деятельность народнические "поселения" в деревне.

В "Земле и воле" возникли острые разногласия о приемлемости тактики террора, а также о целесообразности политической борьбы. Сторонники террора весной 1879 г. образовали внутри "Земли и воли" свою тайную организацию под названием "Свобода или смерть". Возникла необходимость созыва съезда для разрешения

назревших спорных вопросов. Съезд состоялся 18—24 июня 1879 г. в Воронеже. Но накануне съезда сторонники террора и политической борьбы собрались в Липецке, чтобы определить свою линию поведения. На воронежском съезде развернулась острая полемика между Андреем Желябовым, сторонником террора, и Плехановым, который настаивал на продолжении прежней пропагандистской работы в деревне. Большинство приняло сторону Желябова, и Плеханов покинул съезд. На воронежском съезде еще пытались сохранить единство организации, приняв компромиссное решение продолжать работу в деревне, но вести и политическую борьбу, применяя террористические методы. На петербургском съезде общества 15 августа 1879 г. спорящие стороны поняли несовместимость своих принципов и договорились разделить "Землю и волю" на две организации — "Народную волю" (в нее вошло большинство членов "Земли и воли") и "Черный передел", стоявший на прежних землевольческих позициях.

"Народная воля" Основателями и руководителями "*Народной воли*" стали Александр Михайлов, Андрей Желябов, Николай Морозов, Софья Перовская, Вера Фигнер, Михаил Фроленко. "Народная воля" закрепила и развила организационные принципы "Земли и воли". Это была строго централизованная организация. Ядро ее составили профессиональные революционеры, вошедшие в Исполнительный комитет, который направлял деятельность местных отделений и групп. "Народная воля" существенно расширила численность своих членов (до 2 тыс. человек) и именовала себя "партией". В 1879—1881 гг. она объединяла до 250 кружков (студенческих, гимназических, рабочих), действовавших в 50 городах, имела 10 подпольных типографий в России и одну за границей, издавала газеты "Народная воля", "Листок "Народной воли", "Календарь "Народной воли", "Рабочую газету", прокламации, брошюры для народа. Она вела достаточно широкую для того времени пропаганду и в рабочей среде, особенно в Москве и Петербурге, даже участвовала в организации и проведении рабочих стачек (этим занималась "Рабочая группа"). Понимая важность привлечения в момент восстания на свою сторону армии, "Народная воля" образовала в своем составе "Военную группу" из числа примкнувших к народовольцам офицеров.

Отказавшись от бакунистского нигилистического взгляда на политическую борьбу, народовольцы поставили своей целью захват власти. Деятельность "Народной воли" знаменовала собой переход к прямому наступлению на самодержавие. Видя в самодержавии самостоятельную политическую силу, которая стоит над классами и сама создает классы и сословия, они полагали, что достаточно свалить его, как социальный переворот будет обеспечен. Более того, будет остановлено развитие "насаждаемого" самодержавием капитализма. "Теперь или никогда, — говорили народовольцы, — теперь время еще не упущено , но дальше народное дело затормозит-

ся на века". "Народная воля" не отказывалась от надежд на народную революцию, но полагала, что сначала необходимо захватить власть путем заговора меньшинства, а затем его поддержит народное восстание. На первый план выдвинулась идея цареубийства, которое, по убеждению народовольцев, "дезорганизует" правительство и послужит сигналом к народному восстанию.

Основными программными требованиями "Народной воли" были созыв Учредительного собрания, введение всеобщего избирательного права и народного представительства, свобода слова, вероисповедания, печати, сходок, широкое общинное самоуправление, замена постоянной армии "народным ополчением", переход земли, фабрик и заводов в "собственность народа" с передачей их в пользование крестьянским и рабочим "общинам", предоставление "угнетенным народам" России права "отделиться или остаться в общерусском союзе". Эти программные принципы пропагандировались в народовольческих печатных органах. **25 августа 1879 г.** Исполнительный комитет "Народной воли" вынес смертный приговор Александру II. Подготовкой цареубийства были заняты 50 народовольцев, которые распределились на "боевые группы". Началась настоящая "охота" на царя. 19 ноября 1879 г. под Москвой был взорван царский поезд, но царя в нем не оказалось (он следовал другим поездом). Степан Халтурин, нанявшись столяром в Зимний дворец, 5 февраля 1880 г. устроил взрыв царской столовой, но царь опоздал к обеду, и это спасло ему жизнь. Всего же на царя, начиная с выстрела Каракозова, было совершено 8 неудачных покушений. Власти приняли энергичные меры к выявлению и аресту террористов. После взрыва в Зимнем дворце были схвачены наиболее видные члены Исполнительного комитета "Народной воли", занятые подготовкой покушений на царя: А. Д. Михайлов, Н. А. Морозов, Т. А. Квятковский, А. И. Баранников. Остававшиеся на воле начали лихорадочную подготовку к новому покушению

27 февраля 1881 г. был арестован главный организатор готовившегося покушения Андрей Желябов. Подготовку покушения на царя возглавила Софья Перовская. **1 марта 1881 г.** руководимая ею группа террористов подстерегла царскую карету на берегу Екатерининского канала. Брошенная Н. И. Рысаковым бомба разворотила карету и поразила несколько человек из царского конвоя, но не задела царя. Однако бомба, брошенная И. И. Гриневицким, смертельно ранила царя и самого террориста.

Убийство Александра II вызвало страх и растерянность в верхах. Ожидали "уличных волнений". Сами народовольцы рассчитывали, что "крестьяне возьмутся за топоры". Но крестьяне восприняли акт цареубийства революционерами иначе: "Царя убили дворяне за то, что он дал мужикам волю". Народовольцы выступили в нелегальной печати с обращением к Александру III провести необходимые реформы, обещая прекратить террористическую деятельность. Обращение народовольцев было проигнорировано. Вскоре большая часть Исполнительного комитета "Народной воли" была

арестована. Лишь немногие смогли скрыться за границу. В апреле 1881 г. А. И. Желябов, С. Л. Перовская, Н. И. Кибальчич, А. Д. Михайлов и другие первомартовцы были казнены. Народовольцы предпринимали отчаянные попытки собрать свои силы и заявить о себе каким-нибудь "громким" делом. Но последовавшая новая волна репрессий обескровила "Народную волю". По данным исследователей, за 1881—1882 гг. разного рода репрессиям (смертная казнь, каторга, ссылка) подверглись до 6 тыс. человек. Однако "Народная воля" продолжала свою деятельность и в последующие годы. Последним актом ее борьбы явилась неудачная попытка покушения **1 марта 1887 г.** на Александра III. Готовившие покушение народовольцы, среди которых находился и Александр Ульянов, были схвачены, преданы суду и повешены. Новые репрессии довершили разгром "Народной воли".

"Черный передел"

Народническая организация "*Черный передел*", возглавляемая *Г. В. Плехановым*, заявила о своем неприятии тактики индивидуального террора и поставила целью "пропаганду в народе" для подготовки "аграрного переворота". Он вел пропаганду в основном среди рабочих, студентов, военных. Программа "Черного передела" во многом повторяла программные положения "Земли и воли". "Черный передел", как и "Земля и воля", в организационном отношении строился по принципу "федерации кружков". Основная часть организации (40 человек) находилась в Петербурге. Провинциальные кружки существовали в Москве, Казани, Киеве, Минске, Харькове, Одессе и других городах, но они были слабо связаны с центром. К концу 1879 г. была уже своя типография. В 1880 г. она была выдана предателем. Арестам подвергся ряд членов "Черного передела". В январе 1880 г., опасаясь арестов, за границу с небольшой группой чернопередельцев эмигрировал Плеханов. Руководство организацией перешло к П. Б. Аксельроду, который попытался активизировать ее деятельность. В Минске была создана новая типография, которая выпустила несколько номеров газет "Черный передел" и "Зерно", но в конце 1881 г. она была выслежена полицией. Последовали новые аресты. После 1882 г. "Черный передел" распался на мелкие самостоятельные кружки. Часть их примкнула к "Народной воле", остальные прекратили свое существование.

С разгромом "Народной воли" и распадом "Черного передела" в 80-х годах завершился период "действенного"народничества, однако как идейное направление русской общественной мысли народничество не сошло с исторической сцены. В 80—90-х годах значительное распространение получили идеи *либерального* (или, как его называли, "легального") *народничества*. Его представители выступали за социально-политические реформы, проповедовали теорию "малых дел" — кропотливой повседневной работы на ниве просвещения и во имя повышения материального положения народных масс. Некоторые видные деятели либерального народниче-

ства, как, например, Н. К. Михайловский, В. П. Воронцов, Н. Ф. Даниельсон, внесли существенный вклад в изучение социально-экономической жизни пореформенной России. На рубеже XIX—XX вв. возникают и радикальные неонароднические кружки и организации, поставившие своей целью продолжить дело народников-семидесятников.

§ 5. Рабочее движение 70—80-х годов

Рабочее движение — новое явление в социальной жизни пореформенной России. Но о его возникновении может идти речь применительно к 70-м годам XIX в. В 60-е годы было зафиксировано всего 51 выступление рабочих, причем число стачек не превышало десяти, остальные выступления мало чем отличались от обычных крестьянских волнений. Но уже в 70-е годы число стачек возросло до 326. В печати и в правящих кругах заговорили о появлении "рабочего вопроса" .

Из рабочих выступлений тех лет наиболее значительными, вызвавшими общественный резонанс, были стачки на Невской бумагопрядильне в 1870 г. и на Кренгольмской мануфактуре в Нарве в 1872 г. На Невской бумагопрядильне выявилась столь чудовищная эксплуатация рабочих (которая и послужила причиной стачки), что суд оправдал стачечников, а организаторы стачки отделались арестом сроком от трех до семи дней. Такой мягкий приговор вызвал недовольство Александра II. Стачка нескольких тысяч ткачей Кренгольмской мануфактуры была прекращена властями с применением военной силы: на усмирение рабочих было послано два полка солдат. На это раз суд приговорил 27 руководителей стачки к каторжным работам. В либеральной прессе о рабочих стачках писали как о "явлении в России новом, доселе небывалом".

"Южнороссийский союз русских рабочих"

Во второй половине 70-х годов появились и рабочие организации. Первая такая организация "*Южнороссийский союз русских рабочих"* была создана в Одессе в 1875 г. бывшим студентом, профессиональным революционером, Евгением Заславским. 50—60 рабочих, разделенные на 6—7 кружков, составили ядро организации. К ним примыкали до 150—200 рабочих. Был принят устав организации. Он предусматривал пропаганду идеи освобождения рабочих из-под гнета капитала и привилегированных классов, необходимость "объединения рабочих Южно-Российского края". В нем говорилось о том, что "рабочие могут достигнуть своих прав только посредством насильственного переворота, который уничтожит всякие привилегии и преимущества". "Южнороссийский союз" просуществовал недолго. В декабре 1875 г. он был выявлен полицией, и 15 его руководителей во главе с Заславским предстали перед судом. Заславский был приговорен к 10-летней каторге, но через год умер в петербургской тюрьме.

"Северный союз русских рабочих" В конце 1878 г. путем объединения разрозненных рабочих кружков в Петербурге возник "*Северный союз русских рабочих*" во главе с Виктором Обнорским и Степаном Халтуриным. Он насчитывал примерно 200 членов. В январе 1879 г. был нелегально отпечатан его программный документ, в котором подчеркивалась важность завоевания политической свободы для пролетариев. Конечной целью борьбы провозглашалось "ниспровержение существующего политического и экономического строя государства как крайне несправедливого". В состав "непосредственных требований" организации входили: свобода слова, печати, собраний, уничтожение сословных различий, обязательное бесплатное обучение, ограничение рабочего времени, запрещение детского труда. Предусматривались также "учреждение свободной народной федерации общин на началах русского обычного права" и замена собственности на землю общинным землевладением. В 1880 г. "Северный союз" выпустил единственный номер своей нелегальной газеты "Рабочая заря". Вскоре была обнаружена тайная типография, где печаталась газета, что повлекло арест участников организации и прекращение ее существования.

В рабочие кружки и "союзы" в то время был вовлечен еще узкий круг рабочих. Стачечное движение еще не выходило за рамки требований экономического характера. Однако и предприниматели, и правительство уже были вынуждены считаться с этим новым социальным явлением.

Морозовская стачка 1885 г. В 80-х годах прокатилась волна рабочих стачек. Среди них наиболее значительной была стачка на Никольской мануфактуре Морозовых в Орехово-Зуеве (Владимирской губернии), вызванная неоднократными снижениями заработной платы и поборами в виде штрафов. Стачка, продолжавшаяся с 7 по 17 января 1885 г., была прекращена властями с применением военной силы. 800 рабочих были высланы на родину, а 33 отданы под суд. На суде выяснились столь чудовищные притеснения рабочих, что присяжные вынесли оправдательный приговор. Под влиянием этой стачки 3 июня 1886 г. был издан закон, ограничивавший произвол фабрикантов при взыскании штрафов.

§ 6. Либерально-оппозиционное движение на рубеже 70—80-х годов

Оппозиционное движение в стране представляли либерально-настроенные писатели, ученые, врачи, учителя, журналисты, земские деятели. Либеральная оппозиция выступала против административного произвола, требовала "усовершенствования" государственного строя (введения гласности, представительного правления, даже конституции), но она боялась социальных потрясений, считала, что разрешить насущные социальные и политические проблемы необходимо сверху, мирным путем. Либерально-оппози-

ционные настроения и требования нашли свое выражение в периодических изданиях — газетах “Голос” и “Земство”, журналах “Вестник Европы”, “Юридический вестник” и “Русская мысль”.

В либерально-оппозиционном движении 60—70-х годов существенное место занимали *славянофилы*. Позднейшие исследования опровергают сложившееся ранее представление о том, что после реформы 1861 г. наступил период заката и распада славянофильства, превращения его в исключительно реакционное направление. В действительности именно в пореформенное время активизировалась либерально-оппозиционная деятельность славянофилов, направленная на решение задач, поставленных процессами социально-экономического развития России.

На арену общественно-политической жизни России в то время выдвинулись такие видные славянофилы, как В. А. Черкасский, А. И. Кошелев, Ю. Ф. Самарин, которые принимали активное участие в подготовке и проведении крестьянской и других реформ 60—70-х годов. В пореформенный период широко развернулась деятельность публициста и журналиста-издателя И. С. Аксакова, редактора газет “День”, “Москва”, “Москвич”, “Русь”, которые неоднократно подвергались цензурным преследованиям.

Славянофилы не стояли в стороне от животрепещущих проблем политического и социального устройства пореформенной России. Они предлагали свою программу реформ местного и центрального управления, развития просвещения, строительства железных дорог в России, эксплуатации недр, учреждения банков и коммерческих предприятий.

В пореформенную эпоху дальнейшее развитие получила славянофильская идея созыва всесословного законосовещательного при царе Земского собора, как выразителя “общественного мнения”. В типично славянофильском плане Земский собор должен, не ограничивая самодержавной власти царя, явиться инструментом “единения царя с народом” и гарантом от революционных потрясений. Но защита славянофилами самодержавия как политического института вполне совмещалась у них с острой критикой российских монархов и их политических режимов. Славянофилы не отрицали возможности и желательности введения конституции в России, но указывали, что в данный момент Россия к ней еще не готова. “Народная конституция у нас пока быть не может, а конституция не народная, т. е. господство меньшинства, действующего без доверенности от имени большинства, — есть ложь и обман”, — писал Ю. Ф. Самарин.

На рубеже 70—80-х годов оживилось земское либерально-оппозиционное движение. Оно проявилось преимущественно в нелегальных собраниях земцев с целью выработки своих требований, которые в верноподданнической форме излагались в виде “адресов”, “записок” и прочих ходатайств и петиций царю. В этих записках, петициях и т. п. говорилось о преданности престолу, но вместе

с тем выражались просьбы разрешить проведение земских съездов по вопросам “местных польз и нужд”, заявлялось о необходимости “увенчания здания земского самоуправления” путем созыва общероссийского земского органа в виде “Общей земской думы” или “Земского собора”, выдвигались требования пополнить Государственный совет выборными от земцев. Так, земцы Тверской губернии в записке, поданной в 1879 г. Александру II, просили даровать России самоуправление, “неприкосновенность прав личности, независимость суда, свободу печати”.

1 апреля 1879 г. в Москве под председательством профессора Московского университета М. М. Ковалевского собрался нелегальный съезд представителей гласных Черниговского и Тверского земств, а также некоторых профессоров Московского и Киевского университетов. Он принял решение “организовать на местах распространение конституционных идей” и предъявить правительству конституционные требования. Поскольку в России вести пропаганду конституционных идей в подцензурной печати было невозможно, брошюры с этими требованиями издавались за границей.

В своих адресах и записках либеральные земцы, требуя от царя уступок, в качестве тактического приема указывали, что ограниченность реформ порождает усиление революционного движения, средство же его погашения, полагали они, — развитие дарованных ранее реформ. Вместе с тем некоторые либералы входили в контакты с народниками с целью “отговорить” их от террористической деятельности.

События 1 марта 1881 г. вызвали новую адресную кампанию либеральных земцев. В их адресах к Александру III с негодованием говорилось о действиях революционеров, выражались полная лояльность к правительству и крайняя умеренность требований. Теперь земцы уже не требовали проведения дальнейших реформ, ограничиваясь ходатайствами о допущении их в правительственные комитеты и комиссии для решения административно-хозяйственных вопросов.

Глава 14
Внутренняя политика российского самодержавия в 80-х — начале 90-х годов

§ 1. Кризис самодержавной власти на рубеже 70—80-х годов. Политика лавирования

Обстановка в стране на рубеже 70—80-х гг.

К концу 70-х годов заметно ухудшилось положение российского крестьянства, что было обусловлено рядом причин. К этому времени выявились грабительские последствия крестьянской реформы 1861 г.: малоземелье крестьян, несоответствие между урезанными в результате отрезков малодоходными крестьянскими наделами и высокими выкупными платежами за них, давление на крестьянское хозяйство помещичьих латифундий (гнет кабальных отработок). Естественный прирост крестьянского населения при сохранении прежних размеров наделов еще более усугублял малоземелье. О непосильности для крестьян высоких выкупных платежей свидетельствовал прогрессирующий рост недоимок: за 20 лет после реформы 1861 г. в бывшей помещичьей деревне они возросли вдвое и составили 84% к их годовой сумме. Особенно они были велики в нечерноземных и поволжских губерниях, где превысили годовой оклад в полтора-два раза. При взыскании недоимок применялись самые суровые меры: описывались и продавались скот, инвентарь и даже домашняя утварь, отбирался (на время) надел. Не менее тяжелым было и положение еще не перешедших на выкуп временнообязанных крестьян: они продолжали отбывать прежние феодальные повинности — барщину и оброк. Выкупные платежи за надельную землю, значительно превышавшие доходность с нее, разоряли удельную и государственную деревню. Тяжелое положение крестьянства в эти годы усугублялось разорительными последствиями русско-турецкой войны 1877—1878 гг., неурожаем и голодом 1879—1880 гг., мировым экономическим кризисом конца 70-х годов, захватившим и Россию.

Заметно возросла численность крестьянских волнений: если в 1875—1879 гг. было зафиксировано 152 волнения, то в следующем пятилетии (1880—1884) — уже 325. Однако для правительства представляли опасность не столько крестьянские волнения, которых было гораздо меньше, чем в 50—60-е годы в связи с подготовкой и проведением реформы 1861 г. Особое беспокойство властей вызывали распространившиеся в деревне слухи о близком "черном переделе" земель, во время которого якобы "вся земля будет отобрана от помещиков и роздана крестьянам". С переделом земель связывалась

также и крестьянская надежда на "освобождение от подушной подати и вообще от всех платежей". Подобные слухи стали возникать в некоторых губерниях еще с середины 70-х годов, а в 1879 г. получили повсеместное распространение. По повелению Александра II министр внутренних дел Л. С. Маков опубликовал в официальной прессе специальное "Объявление" о необоснованности надежд крестьян на передел земли.

Однако слухи об этом продолжали упорно распространяться, создавая напряженное положение в деревне. Свои надежды на передел земли крестьяне возлагали на царя и усматривали начавшиеся покушения на Александра II народовольцев как акты мести помещиков за дарование крестьянам "воли" в 1861 г. и его намерение произвести "поравнение земель". Убийство 1 марта 1881 г. Александра II дало новую пищу слухам и толкам. В донесениях губернаторов сообщалось: "Простой народ толкует, что государя убили помещики, не желавшие исполнить воли его, чтобы отдали они землю безвозмездно своим бывшим крестьянам ". Вступление на престол нового царя породило у крестьян еще большие надежды, что при нем обязательно будет произведен передел земель, а также и "сложение податей и недоимок". С опровержением этих слухов вынужден был выступить сам Александр III. В своей речи 21 мая 1883 г. перед волостными старшинами, собранными на его коронацию, он заявил: "Следуйте советам и руководству ваших предводителей дворянства и не верьте вздорным и нелепым слухам и толкам о переделах земли, даровых прирезках и тому подобном. Эти слухи распускаются вашими врагами. Всякая собственность, точно так же, как и ваша, должна быть неприкосновенна".

Брожение в деревне, волна рабочих стачек и забастовок, охвативших в 1878—1880 гг. такие крупные промышленные центры, как Петербург, Москва, Иваново-Вознесенск, Пермь, Харьков, Одессу, Лодзь, рост либерально-оппозиционного движения и, наконец, активизация террористической деятельности народовольцев, направленной против царя и его сановников, оказали существенное воздействие на правящие "верхи" и в конечном счете явились факторами, обусловившими кризис политики самодержавия на рубеже 70—80-х годов. Оно испытывало в те годы серьезные колебания, выражавшиеся, с одной стороны, в том, что были обещаны реформы и сделаны некоторые уступки для привлечения либеральных кругов к борьбе против "крамолы"; с другой, применялись суровые репрессии к участникам революционного движения.

Меры М. Т. Лорис-Меликова для выведения страны из политического кризиса

8 февраля 1880 г., после покушения Степана Халтурина на царя, Александр II созвал специальное совещание для выработки мер подавления терроризма в стране. 12 февраля 1880 г. была образована "Верховная распорядительная комиссия по охране государственного порядка и общественного

спокойствия". Во главе ее был поставлен харьковский генерал-губернатор М. Т. Лорис-Меликов, получивший известность как талантливый военачальник во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг., а впоследствии — умелый администратор. Он возглавил также Чрезвычайную следственную комиссию по делу о взрыве в Зимнем дворце; вскоре он занял пост и министра внутренних дел, в то время равный по своему значению посту премьер-министра. Это был хитрый и изворотливый политик, расточавший посулы и обещания "благомыслящей" части общества и проводивший политику жестких мер против революционеров. Известный народнический публицист Н. К. Михайловский едко заметил тогда, что "благодарная Россия изобразит Лорис-Меликова в статуе с волчьим ртом спереди и лисьим хвостом сзади".

В задачу Верховной распорядительной комиссии входило "положить предел беспрерывно повторяющимся в последнее время покушениям дерзких злоумышленников поколебать государственный и общественный порядок". Вместе с тем ставилась задача привлечь на сторону верховной власти либеральную часть общества. Комиссия занималась разработкой мер совершенствования эффективности карательной машины — секретно-розыскной службы, ускорения производства дознаний по государственным преступлениям, рассматривала вопросы состояния мест заключения. Назначая Лорис-Меликова на пост председателя Комиссии, Александр II сказал ему: "Возьми все в свои руки". Лорис-Меликов получил диктаторские полномочия и стал вторым после императора лицом в государстве.

Лорис-Меликов считал, что нельзя действовать только одними репрессивными мерами, но следует проводить и более гибкую политику. В своем докладе царю он писал: "Вывести Россию из переживаемого ею кризиса может только твердая самодержавная воля, но эта задача не может быть выполнена одними карательными и полицейскими мерами". Так определилась задача "введения народного представительства", но в строго ограниченных пределах, с чем согласился и Александр II.

Комиссия Лорис-Меликова проработала до 1 мая 1880 г., проведя всего 5 заседаний. Указом 6 августа 1880 г. она была закрыта. Этим же указом упразднялось III отделение. Однако учреждался с теми же функциями Департамент государственной полиции при Министерстве внутренних дел, т. е. речь шла не об упразднении, а о переименовании этого органа высшей полиции. В августе 1880 г. Лорис-Меликов выступил с инициативой проведения Сенатом ревизии состояния местных органов самоуправления. С этой целью в губернии были направлены 4 сенатора. Он настоял на отмене в том же году особенно ненавистного для населения косвенного налога на соль, также заставил хлеботорговцев снизить цены на хлеб.

22 января 1881 г. Лорис-Меликов представил Александру II доклад, в котором подвел итоги деятельности Верховной распоря-

дительной комиссии и изложил план "умиротворения" страны. Предлагалось создание двух временных подготовительных комиссий (финансовой и административной) из представителей земств и назначенных правительством чиновников для выработки преобразования губернского управления, пересмотра земского и городового положений, а также законоположений по отдельным хозяйственным и финансовым вопросам. Далее предлагалось привлечь от 10 до 15 представителей земского и городского управления к участию в рассмотрении этих законопроектов в Государственном совете. Иначе говоря, предлагались лишь робкие шаги по пути привлечения к законодательству выборных представителей. Особое совещание, созванное 5 февраля 1881 г. Александром II, одобрило эти меры. 17 февраля они были утверждены царем, назначившим на 4 марта 1881 г. обсуждение плана Лорис-Меликова о создании при Государственном совете комиссии выборных от земств с правом совещательного голоса для разработки законопроектов, указанных "высочайшей волей" царя. Этот план в обиходе получил название "конституции Лорис-Меликова". Обсуждение проекта Лорис-Меликова состоялось уже при новом императоре.

Александр III 2 марта 1881 г. на российский престол вступил Александр III (1845—1894), второй сын Александра II. Наследником престола он стал после смерти в 1865 г. своего старшего брата Николая. В нашей литературе сложилось неверное мнение об Александре III как о человеке ограниченном и малообразованном. В действительности он получил основательное образование, хотя с детства его готовили к военной карьере. Главным "воспитателем" его был генерал-адъютант В. А. Перовский, а образованием заведовал профессор Московского университета, известный экономист А. И. Чивилев. Академик Я. К. Грот преподавал Александру историю, географию, русский и немецкий языки; видный военный теоретик М. И. Драгомиров — тактику и военную историю; С. М. Соловьев — русскую историю. Особенно большое влияние на Александра оказал К. П. Победоносцев, преподававший ему законоведение.

Будучи наследником престола Александр участвовал в заседаниях Государственного совета и Комитета министров, был канцлером Гельсингфорсского университета, атаманом казачьих войск, командующим гвардейскими частями в Петербурге, участвовал в русско-турецкой войне в должности командующего Рущукским отрядом. Он интересовался музыкой, изобразительным искусством и историей, был одним из инициаторов создания Русского исторического общества и его председателем, занимался собиранием коллекций предметов старины и реставрацией исторических памятников. Уже тогда у него сложились консервативные политические воззрения. В совещаниях последних лет царствования Александра II наследник престола неизменно высказывался за неприкосновенность

ничем не ограниченного самодержавия и необходимость широких репрессивных мер против революционеров.

Цареубийство 1 марта 1881 г. явилось сильнейшим потрясением для Александра III. Опасаясь покушений со стороны революционеров, он первые годы своего царствования провел в Гатчине под усиленной охраной войск и полиции. Своей главной задачей он поставил подавление не только революционного, но и либерально-оппозиционного движения. Во внешнеполитических делах Александр III старался избегать военных конфликтов, поэтому в официальной историографии его именовали "царь-миротворец".

К. П. Победоносцев и М. Н. Катков

Вдохновителями реакционного политического курса самодержавия в то время явились К. П. Победоносцев и М. Н. Катков.

К. П. Победоносцев происходил из семьи профессора Московского университета, который дал своему сыну солидное образование. Победоносцев успешно окончил Училище правоведения и начал службу в одном из департаментов московского Сената. Современники отзывались о молодом Победоносцеве как о человеке "благочестивом, тихого и скромного нрава", обладавшем тонким умом и разносторонними познаниями. Он заявил о себе как талантливый публицист и писатель либеральных воззрений, выступал за гласность и осуждал николаевское царствование. Его печатал за границей А. И. Герцен. Победоносцев усердно занимался изучением истории русского гражданского права и считался лучшим его знатоком. Ему прочили блестящую ученую карьеру. В 1859 г. он стал профессором Московского университета, участвовал в подготовке судебных уставов 1864 г., отстаивая принципы независимости суда, гласности судопроизводства и состязательности судебного процесса. Его "Курс гражданского права" выдержал 5 изданий и был настольной книгой для юристов. По свидетельству известного юриста А. Ф. Кони, речи и выступления Победоносцева, "простые и ясные", с большой силой убеждения, производили сильное впечатление на слушателей. В 1865 г. Победоносцев оставил преподавание в Московском университете и всецело посвятил себя государственной службе, стал сенатором, а затем и членом Государственного совета.

В апреле 1880 г. Александр II назначил Победоносцева обер-прокурором Святейшего Синода. Этот пост Победоносцев занимал 25 лет. От его былых либеральных взглядов не осталось и следа. Он превратился в убежденного сторонника охранительной политики самодержавия. После 1 марта 1881 г. Победоносцев стал в центре политической жизни России и по сути дела определял политику растерявшегося после гибели отца Александра III. Все сразу почувствовали тогда возросшие силу и влияние Победоносцева.

Аналогичную эволюцию от либеральных воззрений к последовательному охранительству проделал известный публицист и из-

датель, сын московского чиновника, М. Н. Катков. Окончив с отличием в 1838 г. словесное отделение Московского университета, он переехал в Петербург, где сотрудничал в "Отечественных записках", "Современнике" и др. периодических изданиях, защитил магистерскую диссертацию по славянской словесности и докторскую диссертацию по древнегреческой философии. В 1857 г. он стал редактором либерального журнала "Русский вестник", в котором публиковал свои политические статьи. С 1862 г. Катков заметно повернул к охранительству, а в 1863 г. его деятельность как редактора и публициста сосредоточилась в газете "Московские ведомости". Публиковавшиеся в них яркие, охранительного характера статьи Каткова оказывали большое воздействие на правительственные круги и сделались реальной политической силой. Впоследствии у Каткова сложились близкие отношения с Победоносцевым.

8 марта 1881 г. в Комитете министров под председательством Александра III состоялось обсуждение проекта Лорис-Меликова. В защиту проекта высказались военный министр Д. А. Милютин, министр народного просвещения А. А. Сабуров и министр финансов А. А. Абаза. С резкой критикой проекта выступил граф С. Г. Строганов, заявивший, что этот проект "ведет прямо к конституции". Строганова поддержал Александр III. Победоносцев обрушился не только на представленный Лорис-Меликовым проект, но и вообще на все реформы 60—70-х годов, особенно на крестьянскую, земскую и судебную, назвав земства и суды "опасными говорильнями". Проект Лорис-Меликова был отвергнут, точнее, передан на рассмотрение в Особую комиссию, которая ни разу не собиралась.

"Священная дружина" Сразу же после 1 марта 1881 г. представителями придворной аристократии была создана "Священная дружина" — конспиративная организация для охраны особы царя и противодействия революционному террору. Ее возглавили флигель-адъютант П. П. Шувалов, генерал-адъютант И. И. Воронцов-Дашков, московский генерал-губернатор В. А. Долгоруков и начальник гвардейского штаба А. А. Бобринский. В нее вошли и другие высокопоставленные лица, близкие ко двору, даже некоторые из великих князей. Она имела русскую и зарубежную агентуру, применяла провокации, стремясь сбить с толку революционеров и посеять недоверие их друг к другу. В Женеве якобы от имени народовольцев ею издавались газеты "Правда" и "Вольное слово", которые с целью дискредитации народовольческой программы договаривались до нелепостей и призывали к революционному террору не только в России, но и во всем мире. Среди русских либералов "Священная дружина" действовала от имени фиктивных организаций "Земский союз" и "Земская лига". Народовольцы быстро разгадали, от кого шли эти мистификации, и поведали об этом в своей прессе. В 1883 г. Александр III распорядился прекратить деятельность "Священной дружины", методы которой получили скандаль-

ную огласку. Кроме того, соперничая с государственной полицией, она стала ей помехой в борьбе с революционерами.

Поворот к реакции

29 апреля 1881 г. был обнародован написанный Победоносцевым при участии Каткова манифест "О незыблемости самодержавия". В нем провозглашалось, что император "с верою в силу и истину самодержавной власти" будет ее "утверждать и охранять для блага народного от всяких на нее поползновений". На следующий день Лорис-Меликов подал царю прошение об отставке. Уйдя в отставку, он выехал за границу, где находился до конца жизни под тайным надзором русской полиции. Вскоре после ухода Лорис-Меликова подали в отставку слывшие "либералами" военный министр Д. А. Милютин и министр финансов А. А. Абаза, а еще ранее (в марте 1881 г.) был уволен министр просвещения А. А. Сабуров.

Однако в обстановке продолжавшегося брожения в стране правительство не решалось еще круто изменить политический курс. Назначенный вместо Лорис-Меликова министром внутренних дел Н. П. Игнатьев (бывший до этого послом в Турции) предпринял ряд мер, чтобы прикрыть переход правительства к откровенно реакционному политическому курсу. Он опубликовал циркуляр "О неприкосновенности прав дворянства и городского сословия", начал игру в "совещания" представителей земств.

14 августа 1881 г. было издано "Распоряжение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия и приведении определенных местностей империи в состояние усиленной охраны". Согласно этому акту любая местность могла быть объявлена на чрезвычайном положении, и каждый ее житель подвергнут аресту, предан военному суду или сослан без суда на 5 лет в любое место Российской империи. Местная администрация, согласно "распоряжению", могла закрывать учебные заведения, торговые и промышленные предприятия, приостанавливать деятельность земств и городских дум, закрывать органы печати. Это "распоряжение", изданное как "временное" (на три года), возобновлялось по истечении каждого трехлетия и действовало вплоть до 1917 г.

Вместе с тем Игнатьев продолжал политику заигрывания с либеральным обществом. Он пригласил экспертов из "сведущих" лиц для обсуждения вопроса о выкупных платежах крестьян. В ноябре 1881 г. была учреждена Особая комиссия для составления проекта преобразования местного управления под председательством М. С. Каханова. Деятельность этой "кахановской комиссии" в условиях усиления реакции оказалась бесплодной, и в 1885 г. она была упразднена.

27 мая 1882 г. Игнатьев представил проект созыва совещательного Земского собора к коронации Александра III в 1883 г. Однако под давлением Победоносцева и Каткова проект был отвергнут, а сам Игнатьев 30 мая 1882 г. получил отставку. Отставка Иг-

натьева знаменовала собой переход самодержавия к прямой и неприкрытой реакции.

В 80-х — начале 90-х годов в области просвещения и печати, местного управления, суда и в конфессиональной политике последовал ряд законодательных актов, которые характеризуются как *"контрреформы"*, ибо они преследовали цель ограничить характер и действие реформ 60—70-х годов. Однако внутренняя политика самодержавия при Александре III не сводилась к проведению контрреформ. Одновременно принимался и ряд мер, направленных на решение аграрно-крестьянского вопроса, проведение военных преобразований, укрепление финансов и развитие экономики страны.

§ 2. Цензура и просвещение

После отставки Н. П. Игнатьева во главе Министерства внутренних дел был поставлен Д. А. Толстой. Одновременно он был назначен и шефом жандармов. Это был представитель самой оголтелой и твердокаменной реакции. Совмещая в 1866 — 1880 гг. посты обер-прокурора Синода и министра народного просвещения, он стяжал себе славу ярого реакционера и обскуранта. М. Т. Лорис-Меликов отзывался о нем так: "Личность эта, стоявшая в продолжении пятнадцати лет во главе одного из важнейших отраслей государственного управления, сотворила больше зла России, чем все остальные деятели, даже вместе взятые". С особой настойчивостью Д. А. Толстой начал проводить в жизнь реакционную программу, определенную и провозглашенную Победоносцевым и Катковым.

"Карательная цензура" Первыми жертвами реакции стали печать и просвещение. 27 августа 1882 г. были утверждены новые "Временные правила" о печати, устанавливавшие строгий административный надзор за газетами и журналами. Редакторам вменили в обязанность по требованию министра внутренних дел сообщать имена авторов статей, печатавшихся под псевдонимами. Усилилась "карательная цензура" — репрессивные меры против прогрессивной печати. В 1883—1884 гг. были закрыты все радикальные и многие либеральные периодические издания, среди них органы демократической печати: "Отечественные записки" М. Е. Салтыкова-Щедрина и "Дело" Н. В. Шелгунова, либеральные газеты "Голос", "Земство", "Страна", "Московский телеграф".

Реакционные меры в области народного образования 20 ноября 1882 г. министр народного просвещения И. Д. Делянов издал циркуляр о средней школе, усиливавший дисциплинарные взыскания, а 5 июня 1887 г. был опубликован его позорный циркуляр о "кухаркиных детях", в котором говорилось о запрещении принимать в гимназии и прогимназии "детей кучеров, лакеев,

прачек, мелких лавочников и тому подобных людей". Реальные училища были преобразованы в технические школы, их окончание не давало права на поступление в высшие учебные заведения. 23 августа 1884 г. был введен *новый Университетский устав*, текст которого подготовил Катков. По этому уставу фактически ликвидировалась автономия университетов, восстановленная уставом 1863 г. Ранее выборные должности ректора, декана, профессора стали назначаемыми, при этом обращалось внимание не на одни "ученые качества и заслуги", но и на политическую благонадежность. Попечитель учебного округа стал полновластным хозяином университета. Он представлял министру народного просвещения на утверждение преподавательский состав университетов, организовывал надзор за поведением студентов. В 1885 г. как "существенное средство надзора за студентами" вновь вводилась для них форменная одежда. В том же году были введены стеснительные правила сдачи университетских экзаменов. Плата за обучение повышалась с 10 до 50 рублей в год — довольно значительная для того времени сумма. Из университетов были уволены известные прогрессивные профессора: социолог М. М. Ковалевский, историк В. И. Семевский, филолог Ф. Г. Мищенко, юрист С. А. Муромцев; вынужден был уйти выдающийся ученый с мировым именем биолог И. И. Мечников.

В 1882—1883 гг. было закрыто большинство высших женских курсов; тем самым фактически ликвидировалось высшее женское образование. Реакционные меры в области высшего образования вызвали серию студенческих волнений в 1887 — 1893 гг.

§ 3. Аграрно-крестьянский вопрос

Для политики самодержавия в аграрно-крестьянском вопросе в 80—90-х годах было характерно сочетание реакционных мер с некоторыми уступками крестьянству.

Законы о переводе крестьян на обязательный выкуп, о регулировании крестьянских семейных разделов и об укреплении общины

28 декабря 1881 г. были изданы указы о понижении выкупных платежей и об обязательном переводе на выкуп находившихся на временнообязанном положении крестьян. Согласно первому указу выкупные платежи крестьян за предоставленные им наделы понижались на 16%, а по второму указу с начала 1883 г. переводились на обязательный выкуп остававшиеся к этому времени на временнообязанном положении 15% бывших помещичьих крестьян.

18 мая 1882 г. был учрежден *Крестьянский поземельный банк* (начал функционировать с 1883 г.), который выдавал ссуды на покупку земли как отдельным домохозяевам, так и сельским обществам и товариществам. Учреждение этого банка преследовало цель смягчить остроту аграрного вопроса. Как правило, через его по-

средство продавались помещичьи земли. Через него в 1883—1900 гг. крестьянам было продано 5 млн. десятин земли.

Законом 18 мая 1886 г. с 1 января 1887 г. (в Сибири с 1899 г.) отменялась подушная подать с податных сословий, введенная еще Петром I. Однако ее отмена сопровождалась повышением на 45% податей с государственных крестьян путем перевода их с 1886 г. на выкуп, а также увеличением со всего населения прямых налогов на 1/3 и косвенных налогов в два раза.

В конце 80-х — начале 90-х годов была издана серия законов, направленных на сохранение разрушавшихся под напором капитализма патриархальных устоев в деревне, в первую очередь патриархальной крестьянской семьи и общины. Распад старой, патриархальной семьи выражался в быстром росте числа семейных разделов. По данным Министерства внутренних дел, в первые два пореформенных десятилетия происходило ежегодно в среднем 116 тыс. семейных разделов, а в начале 80-х годов их среднегодовая численность возросла до 150 тыс. 18 марта 1886 г. был издан закон, по которому семейный раздел мог состояться только с согласия главы семьи ("большака") и с разрешения не менее чем 2/3 домохозяев на сельском сходе. Однако этот закон не мог ни приостановить, ни ограничить семейные разделы, количество которых и после его издания продолжало возрастать, при этом более 9/10 разделов происходило "самовольно", без санкции общины и местных властей. Не помогали и насильственные "воссоединения" разделившихся семей.

Важное место в аграрно-крестьянской политике самодержавия занимала *проблема крестьянской поземельной общины*. Еще во время подготовки и проведения реформы 1861 г. среди государственных деятелей определились как противники, так и сторонники сохранения общины. Первые полагали, что подворное крестьянское землевладение создаст значительный слой собственников — опоры социальной стабильности в стране, а уравнительность наделов и круговая порука рассматривались ими как причина слишком медленного экономического развития деревни. Вторые же рассматривали общину как важный фискально-полицейский инструмент в деревне и фактор, предотвращающий пролетаризацию крестьянства. Как известно, победила вторая точка зрения, которая и нашла отражение в законах 1861 г.

В начале 90-х годов издаются законы, направленные на укрепление крестьянской общины. Закон 8 июня 1893 г. ограничил периодические земельные переделы, которые отныне дозволялось проводить не чаще, чем через 12 лет, причем с согласия не менее 2/3 домохозяев. Законом 14 декабря того же года "О некоторых мерах к предупреждению отчуждаемости крестьянских надельных земель" запрещалось закладывать крестьянские надельные земли, а сдача надела в аренду ограничивалась пределами своей общины. По этому же закону отменялась статья 165-я "Положения о выкупе", по которой крестьянин мог досрочно выкупить свой надел и выделиться из общины. Закон 14 декабря 1893 г. был направлен

против участившихся залогов и продажи крестьянских надельных земель — в этом правительство видело гарантию платежеспособности крестьянского двора. Подобными мерами правительство стремилось еще более прикрепить крестьянина к наделу, ограничить свободу его передвижения.

Однако переделы, продажа и сдача в аренду крестьянских надельных земель, забрасывание крестьянами наделов и уход в города продолжались в обход законов, оказавшихся бессильными приостановить объективные, капиталистического характера, процессы в деревне. Не могли эти правительственные меры обеспечить и платежеспособность крестьянского двора, о чем свидетельствовали данные официальной статистики. Так, в 1891 г. в 18 тыс. сел 48 губерний была произведена опись крестьянского имущества, в 2,7 тыс. сел имущество крестьян было продано за бесценок для погашения недоимок. В 1891—1894 гг. за недоимки было отобрано 87,6 тыс. крестьянских наделов, подвергнуто аресту 38 тыс. недоимщиков, около 5 тыс. были отданы в принудительные работы.

Меры правительства в поддержку помещичьего хозяйства

Исходя из главной своей идеи о первенствующей роли дворянства, самодержавие в аграрном вопросе провело ряд мер, направленных на поддержку дворянского землевладения и помещичьего хозяйства. С целью укрепления экономического положения дворянства 21 апреля 1885 г., по случаю 100-летия Жалованной грамоты дворянству, был учрежден *Дворянский земельный банк*, который давал ссуды помещикам под залог их земель на льготных условиях. Уже в первый год своей деятельности банк выдал помещикам ссуды на сумму 69 млн. руб., а к концу XIX в. их сумма превысила 1 млрд. руб.

В интересах дворян-землевладельцев 12 июня 1886 г. было издано “Положение о найме на сельские работы”. Оно расширяло права нанимателя-землевладельца, который мог требовать возврата ушедших до истечения срока найма рабочих, производить вычеты из их заработной платы не только за причиненный хозяину материальный ущерб, но и “за грубость”, “неповиновение” и пр., подвергать аресту и телесному наказанию. В целях обеспечения помещиков рабочей силой новый закон 13 июня 1889 г. существенно ограничил переселение крестьян. “Самовольного” переселенца местная администрация обязывалась выслать по этапу на прежнее место жительства. И все же, вопреки этому суровому закону, за десять лет после его издания количество переселенцев увеличилось в несколько раз, причем 85% из них составляли “самовольные” переселенцы.

§ 4. Введение института земских начальников

12 июля 1889 г. было издано “*Положение о земских участковых начальниках*”. В 40 губерниях России, на которые распростра-

нялось это "Положение" (главным образом, на губернии с помещичьим землевладением), создавались 2200 земских участков (примерно по 4—5 на уезд) во главе с земскими начальниками. В уездах учреждался уездный съезд земских начальников, состоявший из административного и судебного присутствия. Ему передавались функции упраздняемых уездного по крестьянским делам присутствия и мирового суда (мировой суд сохранялся лишь в Москве, Петербурге и Одессе), что значительно усиливало административно-полицейскую власть земских начальников. Необходимость введения института земских начальников объяснялась "отсутствием близкой к народу твердой правительственной власти".

Земских начальников назначал министр внутренних дел по представлению губернаторов и губернских предводителей дворянства из местных потомственных дворян-землевладельцев. Земский начальник должен был обладать определенным имущественным цензом (свыше 200 десятин земли или другим недвижимым имуществом на 7500 рублей), иметь высшее образование, трехлетний стаж службы в должности или мирового посредника, или мирового судьи, или члена губернского по крестьянским делам присутствия. При недостатке кандидатур, удовлетворявших этим требованиям, земскими начальниками могли назначаться местные потомственные дворяне со средним и даже начальным образованием, состоявшие в военных или гражданских чинах, независимо от стажа службы, однако имущественный ценз для них повышался вдвое. Кроме того министр внутренних дел "в особых случаях", в обход указанных условий, мог назначить земским начальником любого из местных дворян, а по закону 1904 г. эти ограничения были сняты.

Введение института земских начальников явилось одной из наиболее реакционных мер внутриполитического курса самодержавия в 80-е — начале 90-х годов и стало ярким проявлением его продворянской политики. Этот акт преследовал цель восстановить власть помещиков над крестьянами, утраченную ими в результате реформы 1861 г. В функции земского начальника во вверенном ему участке входили: надзор и контроль над деятельностью крестьянских сельских и волостных учреждений, всесторонняя опека не только крестьянского, но и всего податного населения в его участке. Прерогативы земского начальника, осуществлявшего административные и судебно-полицейские функции на селе, были исключительно широки. Он мог подвергать телесным наказаниям, аресту до трех дней и штрафу до шести рублей любое лицо из податных сословий своего участка, отстранять от должности членов крестьянских сельских учреждений, отменять любое постановление сельского и волостного сходов, навязывать им свое решение, причем он зачастую действовал по произволу, не считаясь ни с какими законами.

Волостные суды, ранее выбираемые крестьянами, теперь назначались земским начальником из предложенных сельским обще-

ством кандидатов. Земский начальник мог отменить любое постановление волостного суда, а самих судей в любой момент мог отстранить от должности, подвергнуть аресту, штрафу, телесному наказанию. Постановления и решения земского начальника считались окончательными и не подлежавшими обжалованию. Однако земские начальники выходили за рамки даже тех широких полномочий, какие предоставлял им закон 1889 г., и творили настоящий произвол, попустительствуемый и покрываемый местными властями. Фактически существовала полная бесконтрольность действий земских начальников. Взяточничество, воровство, вымогательство, кулачные расправы — обычные их “методы управления” деревней.

Характерно, что закон о земских начальниках был введен вопреки мнению большинства Государственного совета (из 39 его членов только 13 высказались за принятие этого закона). Но он был с удовлетворением встречен реакционными дворянскими кругами, которые даже требовали дальнейшего расширения и без того достаточно обширных прерогатив земских начальников. Сами крестьяне этот закон восприняли как возвращение крепостного права. “Среди крестьян бродит подозрение, что новые органы правительственной власти есть не что иное, как первый шаг к их вторичному закрепощению”,- писал московский генерал-губернатор В. А. Долгоруков министру внутренних дел. Участились случаи сопротивления крестьян распоряжениям земских начальников.

§ 5. Контрреформы в области местного управления и суда

Земская контрреформа

В начале 90-х годов были проведены *земская* и *городская контрреформы*, предприняты шаги к изменению Судебных уставов 1864 г. Несмотря на стремление самодержавия с самого начала введения земских учреждений сохранить в них преобладание дворянства, позиции последнего под влиянием объективных условий постепенно ослабевали. В ряде губерний обнаружился “недобор” гласных из дворян из-за сокращения числа дворян-землевладельцев. В промышленных губерниях представительство дворян в земствах сокращалось за счет усиления торгово-промышленной буржуазии и новых землевладельцев из купцов и богатых крестьян. Правительство было также обеспокоено оппозиционными настроениями и конституционными притязаниями земских деятелей, особенно отчетливо проявившимися в земском либеральном движении на рубеже 70—80-х годов.

Самодержавие поставило задачу усилить роль дворянства в земстве, обеспечив ему более полное и устойчивое господства в земских учреждениях, ограничить представительство в них недворянских элементов, в особенности крестьянства. Вместе с тем пресле-

довались цели дальнейшего ограничения компетенции земств и усиления контроля за ними со стороны административных властей. Реакционное дворянство требовало вообще ликвидировать бессословность и выборность земств. В этом плане и был разработан проект о преобразовании земских учреждений, автором которого являлся директор канцелярии Министерства внутренних дел А. Д. Пазухин. Но при обсуждении проекта в Государственном совете правительство все же не решилось пойти на удовлетворение этих притязаний реакционных кругов.

12 июня 1890 г. было утверждено новое “Положение о губернских и уездных земских учреждениях”. Формально оно сохраняло принципы бессословности и выборности земств, однако эти принципы были сильно урезаны, в чем и заключался смысл земской контрреформы. Так, землевладельческая курия, по которой ранее могли баллотироваться землевладельцы всех сословий, теперь стала курией только дворян землевладельцев. Ценз для дворян уменьшался вдвое, а число гласных землевладельческой курии еще более увеличивалось; соответственно этому уменьшалось число гласных по остальным куриям — городской и сельской. Крестьяне фактически лишались выборного представительства: теперь они выбирали только кандидатов в земские гласные, список которых рассматривал уездный съезд земских начальников, и по представлению этого съезда губернатор утверждал гласных. Лишалось избирательных прав духовенство. Резко повышался избирательный ценз для городской курии, вследствие чего более половины избирателей по этой курии утрачивало право участвовать в выборах в земства. В результате этого удельный вес дворян по сравнению с 60-ми годами повысился в уездных земских собраниях с 42% до 55%, в губернских — с 82% до 90%. В уездных земских управах удельный вес дворян повысился с 55% до 72%, а в губернских — с 90% до 94%. Гласные от крестьян теперь составляли: в уездных земских собраниях — 31% (вместо прежних 37%), в губернских собраниях — 2% (вместо прежних 7%). Удельный вес гласных от буржуазии сократился с 17% до 14% в уездных земских собраниях и с 11% до 8% — в губернских.

Обеспечивая решительное преобладание дворян в земствах, земская контрреформа пошла и на дальнейшее ограничение прав этого по существу “дворянского” земства. Теперь губернатор фактически полностью контролировал деятельность земских учреждений. Он мог отменить любое постановление земств и поставить на обсуждение их любой вопрос. Вводилось новое административное звено — губернское по земским делам присутствие в составе губернатора (его председателя), губернского прокурора, управляющего государственными имуществами, губернского предводителя дворянства и четырех местных дворян-землевладельцев. Оно рассматривало “правильность” выборов в земства, проверяло “законность” и “целесообразность” постановлений земств. Председатели и члены

земских управ отныне стали считаться состоявшими на государственной службе. Таким путем был введен "государственный элемент" в земства.

Городская контрреформа Те же цели преследовались и при проведении *городской контрреформы.* 11 июня 1892 г. было издано новое "Городовое положение", по которому еще более урезывались избирательные права городского населения. От участия в городском самоуправлении теперь устранялись не только трудящиеся массы города, но и мелкая буржуазия — мелкие торговцы, приказчики и пр. Это достигалось путем значительного повышения имущественного ценза. Преимущество отдавалось дворянам-домовладельцам и крупной торговой, промышленной и финансовой буржуазии. В результате резко сократилось число избирателей в городские думы: например, в Петербурге — с 21 тыс. до 6 тыс. человек, в Москве — с 23 тыс. до 7 тыс., в Одессе — с 14 тыс. до 3,7 тыс., в Риге — с 7 тыс. до 3 тыс. человек. В Москве и Петербурге правом участия в выборах в городское самоуправление теперь могло воспользоваться не более 0,7% населения. В других городах число избирателей сократилось в 5—10 раз, так что нередко количество гласных равнялось числу участвовавших в выборах. (Напомним также, что более половины городов Российской империи вообще не имело выборного городского самоуправления).

Согласно "Городовому положению" 1892 г., еще более усиливалась система опеки и административного вмешательства в дела городского самоуправления. Губернатор не только контролировал, но и направлял всю деятельность городских дум и городских управ. Городские думы не могли теперь сделать ни шагу без надлежащего "соизволения, разрешения и утверждения" административных властей. Городские головы и члены городских управ отныне стали считаться состоявшими на государственной службе чиновниками, а не как "избранные" представители городского населения. Однако в дальнейшем на практике городская контрреформа (как и земская контрреформа 1890 г.) не была полностью реализована, ибо объективные социально-экономические процессы в пореформенной России оказались сильнее стремления самодержавия усилить сословно-дворянский элемент в местном управлении.

Подготовка судебной контрреформы Были предприняты шаги для проведения судебной контрреформы. В связи с введением 14 августа 1881 г. мер по чрезвычайной охране существенно ограничивалась гласность в судопроизводстве по политическим делам. Прекратилась публикация отчетов о политических процессах. Указом 12 февраля 1887 г. министру юстиции предоставлялось право запрещать, если он сочтет необходимым "в видах ограждения достоинства государственной власти", публичное рассмотрение любого дела в суде. Стал систематически нарушаться прин-

цип несменяемости судей: указом 20 мая 1885 г. учреждалось Высшее дисциплинарное присутствие Сената, правомочное по представлению министра юстиции перемещать и даже смещать судей. Указом 7 июля 1889 г. ограничивалась роль присяжных заседателей в суде путем изъятия из их юрисдикции ряда дел.

В 1894 г. новым министром юстиции Н. В. Муравьевым, сменившим на этом посту либерального Д. Н. Набокова, был предпринят по согласованию с царем пересмотр судебных уставов 1864 г. Однако правительство, встретив сопротивление со стороны различных общественных кругов, не решилось провести судебную контрреформу.

§ 6. Национальный вопрос

Национальная политика самодержавия в 80—90-е годы выражалась в ограничении прав некоторых национальностей, в русификации национальных окраин и распространении на них общеимперского административно-политического управления. Утвердившийся в те годы дух воинствующего имперского национализма привел к различным стеснениям "иноверцев" и "инородцев". В первую очередь были ущемлены в правах евреи и поляки. Для еврейского населения еще с XVIII в. была установлена "черта оседлости", в пределах которой им разрешено было проживание; она включала Польшу, Литву, Белоруссию, Правобережную Украину, Бессарабию, Черниговскую и Полтавскую губернии. Однако это ограничение не распространялось на евреев определенных социальных категорий: купцов 1-й гильдии, лиц с высшим образованием, ремесленников и солдат. "Временными правилами" от 3 мая 1882 г. евреи лишены были права в пределах "черты оседлости" селиться вне городов и местечек, там же им запрещались приобретение и аренда недвижимых имуществ. В 1887 г. была введена процентная норма приема евреев в высшие и средние учебные заведения (3% в столицах и 5% вне черты оседлости), а в 1889 г. приостановлен прием евреев на должность присяжных поверенных.

Как уже было сказано выше (см. главу 13, параграф 2-й), после подавления польского восстания 1863—1864 гг. царское правительство провело ряд мер, направленных на "инкорпорацию" Польши в составе Российской империи. Царство Польское стало называться Привислинским краем, на который распространилось общеимперское административное устройство. В 80-е годы царизм повел активную политику обрусения Польши. Русский язык усиленно насаждался в школе и делопроизводстве польских административных учреждений. Все важные посты в них занимали русские чиновники. Был принят ряд мер к экономической интеграции Польши в составе России, как, например, упразднение в 1885 г. Польского банка, который превратился в Варшавскую контору Петербургского банка, и прекращение в обращении польской монеты.

В 90-е годы был проведен ряд мер,направленных на стеснение автономии Финляндии. Царским манифестом 1890 г. провозглашалось объединение финляндской почты с общеимперской, о ведении в финских учреждениях делопроизводства на русском языке, об упразднении финского войска и введении в обращение на территории Финляндии российской монеты. Был упразднен Комитет по финляндским делам.

§ 7. Финансово-экономическая политика

В 80-е — начале 90-х годов принят ряд важных мер, способствовавших укреплению финансов и экономическому развитию страны.

В апреле 1881 г., после отставки А. А. Абазы министром финансов был назначен выдающийся экономист, профессор статистики и политэкономии Киевского университета Н. Х. Бунге. Это был последний "либеральный министр" в правительственном кабинете Александра III. При вступлении Бунге в управление министерством финансы страны находились в тяжелом состоянии. Общая сумма государственного долга на 1 января 1881 г. составляла 6 млрд. руб. Бюджет сводился с хроническим дефицитом. Ценность рубля упала почти наполовину. Бунге поставил себе сложную задачу — упорядочить финансы, но без отягощения трудовых слоев населения. Более того, именно при Бунге были уменьшены выкупные платежи и сложены накопившиеся по ним недоимки, отменены подушная подать и налог с занятий мещан (который они платили вместо подушной подати).

Бунге изыскивал иные средства для увеличения доходов казны. Существенно были повышены другие прямые и косвенные налоги: поземельный, с недвижимости в городах, с золотодобывающей промышленности, раскладочные сборы с торгово-промышленных предприятий, с доходов от денежных капиталов; он ввел налоги на наследство и на заграничные паспорта. На 30% были увеличены таможенные сборы (эта мера преследовала также и протекционистские цели). На посту министра финансов Бунге много сделал для поощрения частного предпринимательства. Однако ликвидировать бюджетный дефицит ему все же не удалось.

Под давлением реакционных кругов Бунге под видом "повышения в должности" (1 января 1887 г. Александр III назначил его председателем Комитета министров) был уволен с поста министра финансов, который занял профессор Петербургского технологического института И. А. Вышнеградский. Выходец из семьи провинциального священника, обладая большими дарованиями, неистощимой энергией и невероятной работоспособностью, он стал ученым с мировым именем. Но особенно развернулись его таланты как крупного предпринимателя и биржевика, руководителя акционерного общества Юго-Западной железной дороги и многих других акционерных компаний, что позволило ему составить миллионное состоя-

ние. Вышнеградский был тесно связан с видными денежными тузами и предпринимательскими кругами. Невероятно честолюбивый и изворотливый карьерист Вышнеградский сумел понравиться всем: К. П. Победоносцеву, М. Н. Каткову, самому Александру III и многим либералам. Перед назначением Вышнеградского министром финансов Министерство внутренних дел представило на него досье с большим перечнем его биржевых и прочих проделок, но Александр III распорядился оставить все это без внимания.

Поставленный во главе Министерства финансов Вышнеградский в первую очередь энергично принялся за ликвидацию бюджетного дефицита. По существу он действовал в том же направлении, что и Бунге, но иными методами, идя на жесткие и тягостные для народных масс меры,вплоть до беспощадного выколачивания с крестьян платежей и недоимок и значительного повышения косвенных налогов на предметы первой необходимости. Он еще более, чем Бунге, увеличил пошлины на импортные товары. Изданный в 1891 г. таможенный тариф повышал их еще на одну треть. Далее, он добился значительного превышения экспорта над импортом за счет увеличения вывоза хлеба и другой сельскохозяйственной продукции. Характерно его заявление весной 1891 г. в связи с неурожаем и надвигавшимся голодом: "Сами не будем есть, но будем вывозить". При Бунге было заключено 7 иностранных займов. Вышнеградскому удалось конвертировать их в один заем с понижением учетной ставки с 5 до 4%. Всеми этими мерами он смог увеличить доходную часть бюджета с 958 млн. до 1167 млн. руб. и не только ликвидировать дефицит, но и добиться некоторого превышения доходов над расходами. В целях упорядочения железнодорожного хозяйства и унификации тарифов начался выкуп ряда частных дорог казной. К 1894 г. в казенном управлении находилось уже 52% всех железных дорог. При Вышнеградском был создан золотой запас в размере свыше 500 млн. руб., что позволило сменившему (в 1892 г.) его на посту министра финансов С. Ю. Витте в 1897 г. провести денежную реформу.

§ 8. Итоги внутренней политики самодержавия в 80—90-х годах

Внутренняя политика самодержавия характерна своей противоречивостью. Общее направление ее выражалось в откате к реакции путем "пересмотра" и "исправления" реформ 60—70-х годов. Самодержавию удалось провести серию контрреформ в сословном вопросе, в области просвещения и печати, в сфере местного управления. Главная его задача заключалась в том, чтобы укрепить свою социальную опору — дворянство, позиции которого были заметно ослаблены в силу объективных процессов социально-экономического равития России в течение двух "переломных" пореформенных де-

сятилетий. Отсюда четко выраженная продворянская направленность внутренней политики в 80-х — начале 90-х годов.

Однако это был временный откат к политической реакции. Реакционным силам не удалось осуществить программу контрреформ в полном объеме. Власти так и не смогли, например, провести судебную контрреформу, проект которой был уже готов и одобрен императором, пересмотреть общее законодательство о крестьянах — вопрос о нем был поставлен на обсуждение в высших правительственных органах в 1892 г. В самих "верхах" в то время не было единства: наряду с реакционным направлением, требовавшим решительного "пересмотра" реформ 60—70-х годов, было и оппозиционное, выступавшее за "уступки духу времени". Даже среди консерваторов наиболее дальновидные из них понимали невозможность восстановления старых порядков. Да и само правительство не могло не считаться с новыми веяниями и проводило противоречивую политику: наряду с контрреформами оно принимало меры, направленные на развитие экономики страны, делало уступки в крестьянском вопросе, завершало реформы в армии.

Во второй половине 90-х годов складывалась иная социально-политическая обстановка в стране, которая не позволила правительству на практике полностью реализовать принятые им ранее реакционные законодательные акты. В конечном счете реакции не удалось повернуть вспять колесо истории.

Глава 15
Внешняя политика России в середине 50-х — начале 90-х годов XIX в.

Крымская война, подобно удару грома, пробудила российское общество от глубокой спячки и способствовала новой расстановке сил в Европе. Выявив несостоятельность государственной власти, она ускорила внутренние преобразования и необходимость изменений во внешнеполитическом курсе. В итоге войны были подорваны международные позиции России, покоившиеся на решениях Венского конгресса; распался австро-русско-прусский союз. Австрия, сближаясь с Англией, перешла в лагерь противников России. Сложилась так называемая "Крымская система" (англо-австро-французский блок), призванная поддержать изоляцию России, сохранить ее слабость в районе Черного моря, лишить ее влияния на балканские народы.

Исходя из новой расстановки сил в Европе и задач, стоявших перед страной, во внешней политике России второй половины XIX в. можно выделить *два этапа*: *первый* — от окончания Крымской войны (1856 г.) до франко-прусской войны (1870—1871) и отмены нейтрализации Черного моря (1871); *второй* — от начала 70-х годов до заключения русско-французского союза в 1891—1894 гг., противостоявшего Тройственному союзу (Германия, Австро-Венгрия, Италия).

В *первый* период Россия видела свою главную задачу в выходе из изоляции и поисках союзников, способных поддержать ее планы по отмене ограничительных условий Парижского мира. В эти годы она отказалась от активных действий в Европе и на Ближнем Востоке, пытаясь решить международные вопросы дипломатическими средствами.

После франко-прусской войны 1870—1871 гг. и ликвидации статей Парижского договора по нейтрализации Черного моря в 1871 г. начинается *второй* период во внешней политике России. Образование в центре Европы Германской империи представляло опасность для всех государств, особенно для Франции. Это обстоятельство заставляло французское правительство добиваться соглашения с Россией. Сближению этих двух стран способствовали также русско-австро-германские и англо-русские противоречия, углублявшиеся с ростом экспансии всех государств. Политика Англии на Ближнем и Среднем Востоке, направленная на утверждение там своего господства, вступала в столкновение с интересами России.

Экономическое и политическое проникновение Австро-Венгрии на Балканы, усилившееся после австро-прусской и франко-прусской войн, ее антиславянская политика обостряли австро-русские противоречия.

Тем не менее с начала 70-х годов до середины 80-х годов XIX в. русское правительство, учитывая слабость Франции после ее поражения в войне с Пруссией, сохраняло союзные отношения с Германией и Австро-Венгрией. Лишь с распадом Союза трех императоров (1887—1890), углублением русско-германских политических и экономических противоречий Петербург пошел на сближение с Парижем, что привело к подписанию политических и военных конвенций между Россией и Францией.

Центральным направлением внешней политики России во второй половине XIX века оставался *восточный вопрос*, включавший русско-турецкие отношения, проблему черноморских проливов, балканский вопрос. С расширением национально-освободительного движения на Балканах, продолжавшимся кризисом Османской империи и ростом ее зависимости от государств Западной Европы восточный вопрос становился узлом противоречий держав.

Помимо Ближнего Востока, во второй половине XIX в. важное значение сохраняли отношения России с *европейскими державами.*

В эти же годы активизируются действия России в *Средней Азии*, завершившиеся в 60—80-е годы завоеванием большей части ее территории русскими войсками.

Дальневосточная политика России во второй половине XIX в. сводилась к закреплению договорных отношений с Китаем, установленных во второй половине 50-х — начале 60-х годов XIX в. В эти же годы Россия подписывает дипломатические и торговые договоры с Японией.

Русско-американские отношения, официально установленные в начале XIX в., во второй его половине имели периферийное значение и рассматривались Петербургом как противовес английскому влиянию в Европе и Азии.

Министром иностранных дел в России с 1856 по 1882 гг. был А. М. Горчаков — крупный дипломат, воспитанник Царскосельского лицея. Ко времени вступления в должность министра он прошел большую школу в посольствах Великобритании, Австрии, Пруссии, Италии и был известен в дипломатических кругах Европы как широкообразованный, умный и тонкий политик. Он был знаком с Бисмарком, Меттернихом, Гладстоном, которые не сомневались в его блестящих дарованиях. В ходе Крымской войны в 1854 г., когда стали очевидны враждебные действия Австрии в отношении России, А. М. Горчаков личным распоряжением Николая I был назначен посланником в Вену. Столица Австрии в те годы была центром, где при активном участии австрийского правительства вырабатывались условия будущего мира с Россией. Используя противоречия в Германском союзе между Австрией и Пруссией, Горчаков пытал-

ся помешать усилиям Австрии втянуть Пруссию в антирусскую коалицию. Верно уловив едва наметившиеся расхождения в англо-французском блоке, Горчаков предложил Петербургу использовать эти разногласия для сближения с Парижем и ослабления коалиции.

Деятельность А. М. Горчакова в Вене, самостоятельность его суждений в немалой степени определили дальнейшую карьеру дипломата.

С окончанием Крымской войны и отставкой К. В. Нессельроде, убежденного сторонника австро-русского союза, Александр II предложил А. М. Горчакову занять пост министра иностранных дел. Новый глава ведомства уже в первые месяцы руководства МИДом разработал собственную программу внешней политики государства, одобренную императором. Она была изложена в двух циркулярах Горчакова (апрель, август 1856 г.), направленных в посольства Европы и Турции. В них заявлялось о свободе действий России по защите национальных интересов государства, о преимущественном внимании к вопросам внутреннего развития страны, которым подчинялась внешняя политика, о стремлении к миру и согласию с другими странами. Большая сдержанность, осторожность и такт — этими положениями руководствовалось правительство при выработке конкретных решений в международных вопросах[1].

§ 1. Политика России в Европе, Северной Америке и на Дальнем Востоке

Главной задачей внешней политики России в эти годы была ликвидация статей Парижского договора по нейтрализации Черного моря.

Россия не могла мириться с положением, при котором ее черноморская граница оставалась незащищенной и открытой для военного нападения враждебных государств (нейтрализация не распространялась на Дарданеллы и Босфор). Экономические и политические интересы страны, интересы ее безопасности требовали восстановления прав России на Черном море. Но решать эту задачу при изоляции и военно-технической отсталости следовало не силой оружия, а мирными средствами, используя при этом противоречия между европейскими державами. Не случайно, что в эти годы особенно велика была роль дипломатии.

[1] Сопоставление первых документов А. М. Горчакова с последней запиской К. В. Нессельроде (февраль 1856 г.), написанной накануне его отставки, свидетельствует не о совпадении взглядов двух министров в последние годы, как утверждают некоторые историки, а о запоздалом понимании экс-министром ошибочности своей ориентации на Австрию и, вместе с тем, о прежнем неприятии им возможности русско-французского сближения, сторонником которого был Горчаков.

Во второй половине XIX в. русское правительство не ставило вопроса о разделе Турции и о захвате проливов. На Балканах Россия стремилась восстановить свой пошатнувшийся в итоге Крымской войны авторитет путем поддержки требований балканских народов о реформах, обещанных Портой. По инициативе А. М. Горчакова был поставлен вопрос о выводе из Греции англо-французских войск, которые были туда введены в годы Крымской войны как союзные Турции армии[1].

Сближение с Францией

Отношения Петербургского кабинета с другими правительствами в 1856—1871 гг. определялись их позицией к пересмотру статей Парижского договора о нейтрализации Черного моря. Англия и Австрия откровенно противились этим усилиям России. Пруссия, занятая воссоединением Германии, в 50-е — 60-е годы XIX в. не проявляла большой заинтересованности в делах Востока. Словесно она обещала поддержать Россию в ее решении, рассчитывая на помощь Петербурга в борьбе с Австрией на воссоединение Германии. Наиболее реальным союзником оставалась Франция. Хотя она была активным участником "Крымской системы", противоречия с Австрией из-за земель в Северной Италии и Англией в Азии и Африке расшатывали англо-австро-французский блок. Парижский кабинет, учитывая антиавстрийские настроения русского общества, связанные с позицией Вены в годы Крымской войны, а также австро-русские противоречия на Балканах, надеялся на поддержку России в случае австро-итало-французской войны. Россия со своей стороны рассчитывала за эту помощь получить содействие Франции в решении восточного вопроса, главной внешнеполитической проблемы страны.

Известное "полевение" русского общества, наступившее после Крымской войны, способствовало новому внешнеполитическому курсу России, направленному на сближение с Францией. Первым шагом в этом направлении стал торжественный прием в Петербурге и Москве французского посла Ш. Морни в 1856 г., во время которого Александр II и французский посол сделали обоюдные заверения в благожелательном расположении. Продолжением этих личных контактов была поездка главы морского министерства великого князя Константина Николаевича в Париж весной 1857 г. по приглашению Наполеона III, где французский император изложил свой план о желательности совместных действий России, Англии и Франции на случай войны с Австрией из-за земель в Северной Италии.

Завершающим этапом личных переговоров была встреча императоров и министров иностранных дел в Штутгарте в сентябре 1857 г. В ходе переговоров, которые рассматривались Россией как разведка, Наполеон III касался по преимуществу главных для Фран-

[1] Территория Греции была освобождена от англо-французских войск в феврале 1858 г.

ции вопросов: итальянского (сардинского) и положения в Дунайских княжествах, где влияние Франции было определяющим. Александр II и Горчаков свели свои предложения к обоснованию пересмотра статей Парижского договора о нейтрализации Черного моря. Соглашения в результате этих встреч подписано не было, но оба императора условились по всем вопросам европейской политики предварительно договариваться между собой. Что же касается восточного вопроса, то в случае распада Турции государи договорились действовать согласованно. Более конкретному решению вопросов помешало стремление Наполеона III узнать намерения Александра II в отношении Польши (не говоря уже о сохранявшем свою антирусскую направленность франко-английском союзе).

Однако свидание в Штутгарте убедило Парижский кабинет, что в случае франко-австрийской войны Россия не будет поддерживать Австрию. Эта встреча дала некоторые практические результаты, сказавшиеся, в частности, на единстве действий двух держав на Востоке. Так, на Парижской конференции 1858 г., созванной для решения вопроса о политическом устройстве Дунайских княжеств, Россия совместно с Францией (против Англии и Австрии) выступила за расширение автономных прав княжеств.

В результате переговоров в августе 1858 г. было принято компромиссное решение, сохранявшее раздельное существование Молдовы и Валахии, но вводившее единое учреждение — Центральную комиссию по выработке общих законов. Это решение явилось шагом по пути объединения княжеств в 1859 г. в единое, вассальное от султана, государство — Румынию.

Встреча в Штутгарте активизировала действия Наполеона III в Европе. В июле 1858 г. он заключил тайное соглашение с премьер-министром Сардинского королевства Кавуром, по которому Франция оказывала помощь Сардинии в освобождении Северной Италии от австрийской зависимости, получая за это Ниццу и Савойю.

Отсутствие договора с Россией (при доброжелательном отношении Англии к Австрии, неясной позиции Пруссии) мешало Наполеону III начать франко-австрийскую войну. Поэтому вторая половина 1858 г. и начало 1859 г. было временем настойчивых усилий Наполеона, направленных на подписание русско-французского соглашения. Однако добиться полного единства во взглядах договаривающиеся стороны не смогли. Наполеон III хотел конкретных обязательств от России против Австрии в назревавшей франко-австрийской войне. Свои желания были и у России: при отмене статей по нейтрализации Черного моря Петербургский кабинет стремился получить реальную поддержку Парижа. Однако Франция не приняла эти условия. Россия не желала заключать неравноправный договор. Но обе державы, решая собственные задачи, были по-прежнему заинтересованы в соглашении.

В итоге взаимных уступок **19 февраля (3 марта) 1859 г.** в Париже был подписан *секретный русско-французский договор* о

нейтралитете и сотрудничестве. По этому договору Россия, в случае войны Франции и Сардинии с Австрией за земли Северной Италии, обязывалась соблюдать благожелательный нейтралитет, выставив у границ Австрии русский наблюдательный корпус. Об участии России в войне с Австрией в договоре не говорилось. Столь же неопределенны были обязательства Франции по отношению к России. Этот договор при аморфности его статей предоставлял Франции свободу действий в Европе, предотвратив возможность создания антифранцузского блока. Что касается России, то она не получила уверенности в поддержке Франции при пересмотре Парижского договора. Вместе с тем нельзя отрицать некоторого положительного значения русско-французского соглашения для России: оно позволило ей выйти из изоляции. Сам факт союза "с первой державой" Европы поднимал авторитет России, расшатывал "Крымскую систему".

В апреле 1859 г. Австрия объявила войну Сардинии (Пьемонту), Франция выступила на стороне последней. Наполеон III, произвольно толкуя русско-французское соглашение, побуждал Россию объявить войну Австрии. Российское правительство решительно уклонялось от военного участия. Тогда Наполеон III втайне от России и Сардинии в июле 1859 г. заключил с Австрией мир в Вилла-Франке, получив Ниццу и Савойю, ранее входивших в состав Сардинского королевства.

Австро-французская война, закончившаяся победой Франции, ухудшила русско-французские отношения. Наполеон был недоволен позицией нейтралитета, занятой Россией, а Россию не устраивал подписанный без ее ведома мир между Францией и Австрией. Имел значение и тот факт, что Наполеон III после окончания войны меньше нуждался в поддержке России, чем до ее начала.

Однако в решении балканского вопроса, чрезвычайно важного для интересов России, обе державы продолжали действовать совместно. Они настаивали на выполнении Портой ее обязательств по уравнению прав христиан с мусульманами, содержавшихся в султанской грамоте 1856 г. (Хатт-и-Хумаюн). Россия и Франция поддерживали обращенные к султану требования Сербии по расширению автономии княжества. В конфликте между Турцией и Черногорией они защищали требования последней, добивавшейся получения выхода к морю. В результате усилий держав и победы черногорцев в войне с турками, в 1860 г. был утвержден турецко-черногорский протокол, по которому территория Черногории была увеличена в сторону Герцеговины. Кроме того, Россия, рассчитывая на лояльность Франции в решении черноморской проблемы, поддержала планы Наполеона III в Сирии, что явилось решающим фактором, позволившим Франции в 1860 г. получить согласие Лондона на экспедицию в Сирию.

Но при всем этом Наполеон III не намеревался поддерживать Россию в ее стремлении восстановить влияние на православные

народы Османской империи. Тюильрийский кабинет ревниво следил за оказанием Россией материальной помощи просветительным и церковным организациям на Балканах и в Палестине. В спорах православной и католической церквей Париж решительно встал на сторону католиков. Но самое главное: Франция по-прежнему оставалась верной союзу с Англией и вместе с Лондонским кабинетом стремилась полностью сохранить условия Парижского договора.

Сближение с Пруссией и Австрией

В этой ситуации Россия была вынуждена пойти на сближение с Пруссией и Австрией. Первые шаги по этому пути были сделаны Веной и Берлином. Правители обеих стран с окончанием Крымской войны домогались союза с Россией.

Новый подъем революционного и национально-освободительного движения, охватившего Европу в начале 60-х годов, стимулировал это сближение. Император Австрии Франц-Иосиф в октябре 1860 г. попросил у Александра II разрешения встретиться в Варшаве для переговоров по делам Европы. На Варшавскую встречу русский царь пригласил также прусского вице-регента. Главный вопрос, обсуждавшийся на совещании, сводился к единению правительств в борьбе с революционным движением. Конкретных решений в итоге переговоров принято не было; встреча явилась своеобразной разведкой, результаты которой сказались позже. Но Варшавское свидание монархов послужило симптомом начавшегося изменения во внешнеполитической ориентации Петербурга.

В начале 60-х годов в правительстве усилилась оппозиция Горчакову, негативно относившаяся к курсу, направленному на сближение с Францией. В этом отношении весьма показательным было назначение в октябре 1862 г. на должность посла в Париже А. Ф. Будберга (вместо ушедшего в отставку П. Д. Киселева, разделявшего курс Горчакова на сближение с Францией), сторонника русско-прусского союза. Польское восстание 1863 г. завершило наметившееся ранее ухудшение русско-французских отношений.

Политика России и западноевропейских держав в годы польского восстания

Восстание в Польше, начавшееся в январе 1863 г., было вызвано внутренним состоянием Польши и революционным подъемом в Западной Европе. Его ведущей силой стали шляхта и католическое духовенство. Восстание вызвало сочувствие в передовых кругах России и Запада.

Оно усилило поляризацию в действиях европейских правительств. Англия и Франция словесно выступили с поддержкой требований восставших; Австрия, боясь за свои польские владения, но заинтересованная в ослаблении России, заняла позицию нейтралитета. Пруссия, опасаясь распространения восстания на свою территорию, открыто встала на сторону царизма.

В первые дни восстания в Петербург был направлен прусский генерал Альвенслебен для выработки совместных действий против восставших. В результате переговоров **27 января (8 февраля) 1863 г.** была подписана *русско-прусская конвенция*, предусматривавшая взаимную помощь "для восстановления порядка и спокойствия с предоставлением права отрядам как русским, так и прусским переходить через государственную границу в тех случаях, когда это оказалось бы нужным для преследования повстанцев". Этим соглашением Пруссия, помимо локализации восстания территорией Царства Польского, рассчитывала укрепить русско-прусские контакты и окончательно оторвать Россию от Франции. Конвенция достигла поставленных Пруссией целей: она усилила антирусские настроения в Англии и Франции и ухудшила отношения России с Австрией.

В марте 1863 г. английское и французское правительства, ссылаясь на Венские трактаты 1815 г., высказали пожелания Петербургскому кабинету восстановить в Польше конституцию и провести амнистию восставших. Царское правительство отвергло эти предложения, посчитав их вмешательством во внутренние дела России.

В июне 1863 г. Англия и Франция выступили с инициативой созыва конференции держав, подписавших трактаты 1815 г., с обсуждением польского вопроса. Но активных мер в пользу восставших западные правительства не предпринимали, что позволило Петербургскому кабинету еще раз заявить, что польский вопрос есть внутреннее дело России. В инструкции русским послам за границей (сентябрь 1863) МИД России предлагал прекратить все переговоры с европейскими державами о событиях в Польше. Тем не менее действия Англии и Франции доставили немало беспокойства правительству России. В Министерском отчете за 1863 г. Горчаков вынужден был признать польский вопрос "камнем преткновения для всех держав".

К лету 1864 г. царские войска подавили последние повстанческие отряды на территории Царства Польского (в августе были ликвидированы последние очаги сопротивления). События в Польше ухудшили отношения России с Англией и Францией; они привели к росту национализма в русском обществе, усилили в нем антипольские настроения, содействовали русско-прусскому сближению. Однако А. М. Горчаков — сторонник русско-французского союза — и в эти годы считал необходимым "оставить двери открытыми" для будущего соглашения с Францией.

Позиция России в войнах Пруссии за воссоединение Германии

В 60—70-е годы XIX в. в Европе продолжался процесс образования национальных государств (Румыния, Италия). Он затронул и Германию. Пропаганда единения немцев, которую активно проводил один из крупных политиков канцлер Пруссии О. Бисмарк, встречала поддержку у населения страны. В 1864 г. потерпела поражение от австро-прусских войск Дания; в 1866 г. в австро-прус-

ской войне была разбита Австрия. Длительное австро-прусское соперничество за ведущую роль в объединении Германии кончилось в пользу Пруссии. Она становилась решающей силой Германии.

В **1867 г.** был создан *Северо-Германский Союз*, президентом которого считался прусский король. Германский Союз, созданный решением Венского конгресса, при руководящей роли в ней Австрии, перестал существовать. Так, австро-прусская война явилась еще одним шагом по пути объединения германских государств вокруг Пруссии.

Отношение России к победе Пруссии над Австрией не было одноплановым. Усиление Пруссии ставило под угрозу западную границу страны. Вместе с тем разгром Австрии, соперницы России на Балканах, был ей выгоден. Но опасность дальнейшего усиления Пруссии в Европе превышала выгоды от временного ослабления Австрии на Балканах. Для сохранения "равновесия" в Германии Россия стремилась удержать влияние Австрии в южногерманских государствах, не вошедших в Северо-Германский Союз. "Ясно, что поглощение Пруссией Германии совсем не в наших интересах", — писал А. М. Горчаков. Ликвидация Германского Союза рассматривалась русским правительством как акт незаконный, нарушавший решения Венского конгресса и угрожавший "равновесию Европы". На этом основании Петербургский кабинет предложил государствам Западной Европы опротестовать единоличные действия Пруссии. Франция и Англия не поддержали предложение России на том основании, что Венский договор 1815 г. неоднократно нарушался державами и ранее. Россия одна не рискнула опротестовать действия Пруссии, заняв, подобно Англии и Франции, позицию нейтралитета.

Берлинский кабинет, пытаясь утвердить Россию в этом решении, направил в Петербург в августе 1866 г. специальную миссию во главе с генералом Мантейфелем. Последний должен был убедить царское правительство в консервативности курса Пруссии и правомерности ее территориальных захватов. Мантейфелю также поручалось поддержать планы России по отмене нейтрализации Черного моря, — что являлось главной целью его миссии, — если русское правительство само поставит этот вопрос. В результате переговоров Берлинский кабинет получил устную поддержку царского правительства в его политике по воссоединению Германии под главенством Пруссии, а Россия — помощь Пруссии в восточном вопросе. Последнее обстоятельство явилось главной причиной дальнейших русско-прусских контактов.

Русско-американские отношения в 60-е годы XIX в.

60-е годы XIX в. стали важной вехой не только в истории государств Европы, но и в жизни Соединенных Штатов Америки. Война за независимость США (70—80-е годы XVIII в.), завершившаяся победой американского народа в борьбе против Англии, расчистила путь

для капиталистического развития государства. Но разные уклады в различных регионах страны — капиталистический север и рабовладельческий юг, борьба "плантаторов" и "эмансипаторов" — привели в XIX в. к столкновению интересов северян и южан, т. е. к Гражданской войне.

События в США вызвали большой интерес в России. С начала Гражданской войны русское правительство заняло благожелательную позицию по отношению к северянам, что было проявлением дружественных русско-американских связей, установленных еще со времени борьбы за независимость. В годы Крымской войны, когда англо-французский флот готовил нападение на дальневосточные владения России, американское правительство предупредило местную русскую администрацию о враждебной акции западных стран, что позволило России успешно отбить нападение вражеского флота.

Лояльные отношения между Россией и США объяснялись рядом причин, главной из которых был единый взгляд на политику Англии. Оба государства видели в Великобритании свою противницу. В 60-е годы XIX в. русско-английские противоречия в Средней Азии, на Ближнем Востоке приобрели особенно острый характер. Одновременно с этим усилилось соперничество между США и Англией. Американский флот представлял угрозу мировой гегемонии Великобритании, а товары США стали теснить английские. В России, ликвидировавшей в 1861 г. крепостное право и вступившей на путь капиталистического развития, США видели страну, способную оказать содействие победе над южанами и противостоять планам Англии и Франции на американском континенте и Тихом океане. Русское правительство было заинтересовано в скорейшем окончании Гражданской войны и в восстановлении единства Соединенных Штатов, рассматривая их как элемент "мирового равновесия".

С решением внешнеполитических задач царизма связана морская экспедиция России в Америку. В июле 1863 г. русское правительство направило через Атлантику к берегам США военную эскадру под руководством контр-адмирала С. С. Лесовского. Другая эскадра под командованием контр-адмирала А. А. Попова через Тихий океан достигла Сан-Франциско. Русские суда, направленные в Тихий океан в связи с событиями в Польше, обострившими отношения России с Англией и Францией, действовали с согласия США. Они должны были крейсировать в океане и бороться против морской торговли, а также против колоний Англии и Франции в случае их войны с Россией. Кроме того, командирам русских эскадр предписывалось охранять территорию США от возможного нападения англо-французского флота.

Реальность войны с западными державами из-за Польши была маловероятной. Посылка русских эскадр явилась своеобразной демонстрацией, которая должна была отвлечь внимание европейских

правительств от событий в Польше и публично заявить о русско-американском единстве.

В июле 1864 г., когда опасность вмешательства стран Запада в дела Польши отпала, а североамериканские войска перешли в наступление по всему фронту, русские эскадры покинули Штаты.

Дальний Восток в политике России второй половины XIX в. Во второй половине XVIII в. с возникновением русских поселений на Аляске, Алеутских островах и, особенно, с созданием в 1799 г. Российско-американской компании усилилось внимание российских правящих кругов к Сибири и Дальнему Востоку. Освоение этих территорий требовало установления торговых связей и четких границ с сопредельными странами. Граница с Китаем нуждалась в уточнении; с Японией — страной, закрытой для иностранцев, до середины XIX в. не существовало дипломатических и торговых отношений.

Первый договор с Китаем, подписанный в Нерчинске в 1689 г. при неблагоприятных для России обстоятельствах (численном превосходстве военных сил Китая над Россией), устанавливал русско-китайскую границу от рек Горбица и Аргунь по "Каменным горам" до верховьев реки Уди (Уды). По договору вся территория Нижнего Приамурья и Приморья оставалась неразграниченной "до иного благополучного времени". По условиям мира Россия теряла земли, входившие в Албазинское воеводство, и лишалась права судоходства по Амуру. Однако демаркация границы на местности не была проведена, а сам договор не был ратифицирован соответствующими актами, поскольку между двумя странами не существовало дипломатических отношений.

В XVIII — начале XIX вв. русское правительство многократно направляло посольства в Пекин для уточнения границы и расширения торговли. Но подписанные русско-китайские соглашения касались лишь частных вопросов. До середины XIX в. Россия не имела в Китае дипломатического представительства. Его роль фактически выполняла русская духовная миссия, созданная Петром I в 1716 г. В состав миссии, помимо священнослужителей, входили светские лица — врачи, ученые, студенты. Они занимались историей Китая, изучением восточных языков, переводами книг. Помимо этого руководители миссии сообщали в Петербург сведения о внутреннем состоянии Китая и его внешней политике, что при отсутствии дипломатического представителя имело важное значение для России.

В XIX в. обстановка на Дальнем Востоке осложнилась. В этом регионе активизировали свою деятельность западноевропейские государства и США. В 40—60-х годах XIX в. Англия и Франция развязали против Китая так называемые "опиумные войны", поводом для которых послужил протест Пекина в связи с продажей западными странами опиума и вторжением их войск на террито-

рию Китая. Поражение Китая в первой опиумной войне вынудило цинское правительство подписать с Англией в 1842 г. Нанкинский договор, открывший для нее пять портов, что привело к наплыву в Китай западноевропейских товаров и экономическому закабалению страны. Этот договор сказался и на сокращении русско-китайской торговли. Он представлял опасность для российских границ на Дальнем Востоке.

Российская администрация в Сибири неоднократно обращалась в Петербург с просьбой оградить торговые интересы России, принять меры против реальной угрозы проникновения на Амур и Сахалин западноевропейских и американских судов. Генерал-губернатор Восточной Сибири Н. Н. Муравьев, один из талантливых государственных деятелей России, приложил немало усилий, чтобы привлечь внимание российского правительства к дальневосточным владениям России. В докладных записках Николаю I он отмечал незащищенность дальневосточных границ и предлагал занять устье реки Амур. "... Кто будет владеть устьем Амура, тот будет владеть и Сибирью", — писал он. Убедительность доводов Муравьева и, главное, активность действий в этом регионе государств Запада побудили Петербург в январе 1849 г. обсудить на совещании дальневосточный вопрос. Его участники сочли необходимым еще раз направить экспедицию для обследования устья Амура и выяснения обстановки на Дальнем Востоке. Ранее, в 1847 г., эту задачу выполнил подпоручик А. М. Гаврилов, отправившийся с секретной миссией к берегам Амура. Он установил, что в Амурский лиман могут заходить крупные морские суда. Но в силу секретности экспедиции о ее результатах знали лишь немногие правительственные чиновники.

По существу путь Гаврилова к Амуру в 1849 г. повторил Г. И. Невельской. Членам экспедиции Невельского удалось не только подтвердить судоходность Амура, но и установить, что Сахалин не полуостров, как считалось ранее, а остров, отделенный от материка судоходным Татарским проливом (это открытие помогло русским судам во время Крымской войны спастись в проливе от преследования противника). В 1850 г. на Амуре было построено укрепление Петровское, а в устье реки заложен город Николаевск. Новая Амурская экспедиция Невельского (1852—1853) специально занималась пограничными вопросами, связанными с изменениями условий Нерчинского договора 1689 г. В сентябре 1853 г. на Южном Сахалине был заложен Муравьевский пост.

Крымская война задержала освоение дальневосточных рубежей России, а бомбардировка Англией и Францией русских портов заставила Петербургский кабинет ускорить переговоры с Китаем по пограничным вопросам.

Новые претензии к Китаю, заявленные Англией и Францией после окончания Крымской войны, побудили Пекин возобновить военные действия с этими государствами. Продолжавшиеся войны

Англии и Франции с Китаем представляли опасность и для России. В этих условиях русское правительство предложило Пекину встречу по уточнению границы и амурскому вопросу. Китай принял предложение. В мае 1858 г. в Айгуне (южнее Благовещенска) такая встреча состоялась. Российскую сторону представлял Н. Н. Муравьев, китайскую — князь И. Шань. Русский генерал-губернатор убедительно доказал заинтересованность обеих стран в решении пограничных вопросов. “При настоящем распространении на Тихом океане иностранных владений и завоеваний, — отмечал Н. Муравьев, — нельзя далее оставлять прилегающие к устью Амура страны и моря без разграничения, как то по Нерчинскому трактату... Россия не потерпит, чтобы устье реки, вершины которой протекают по ее владениям, было занято какой-либо иностранной державой”.

Китайским представителям был вручен проект договора, в составлении которого участвовал вице-адмирал Е. В. Путятин. Его положения были одобрены Горчаковым. В итоге переговоров **16 (28) мая 1858 г.** в *Айгуне* был подписан *договор*, согласно которому к России возвращалась территория по левому берегу Амура, отошедшая ранее к Китаю по Нерчинскому трактату. Правый берег Амура до р. Уссури объявлялся владением Китая. Территория от реки Уссури до моря (Уссурийский край) оставалась неразграниченной. Плавание по рекам Уссури, Амуру, Сунгари разрешалось только русским и китайским судам. Договор, таким образом, закрывал доступ английским, французским, американским судам в Амур.

В **июне 1858 г.** Е. В. Путятиным было подписано еще одно *соглашение* с Китаем — в *Тяньцзине.* Оно касалось торговых и дипломатических отношений двух стран. По соглашению Россия получила права торговли не только по сухопутной границе (как было ранее), но и в морских портах Китая. Кроме того, Россия добилась права иметь постоянного представителя в Пекине и консулов во всех портах Китая, открытых для других европейских держав.

Айгунский и Тяньцзинский договоры решили вопрос о Приамурье, но Уссурийский край еще оставался в совместном владении России и Китая. Для урегулирования этого вопроса в 1859 г. в Пекин прибыл генерал Н. П. Игнатьев, проявивший себя ранее как инициативный политик и дипломат. Требование России о переходе в ее владения Уссурийского края первоначально было отклонено пекинскими уполномоченными. Более того, Китай отказался от ратификации Айгунского договора. Однако успехи англо-французских войск в продолжавшейся “опиумной войне” (Россия не принимала в ней участия и не торговала опиумом), реальная угроза захвата ими Пекина заставили Китай осенью 1860 г. обратиться к Игнатьеву с просьбой быть посредником в примирении воюющих сторон. Игнатьев принял предложение, но поставил условием ратификацию Китаем ранее подписанных договоров, на что китайская сторона согласилась. Посредничество Игнатьева помогло завершить за-

тянувшийся конфликт с Англией и Францией и заключить с ними мир.

Вслед за прекращением войны в *Пекине* **2 (14) ноября 1860 г.** был подписан *русско-китайский договор*, подтверждавший условия Айгунского и Тяньцзинского договоров и закрепивший за Россией весь Уссурийский край. Включение Приамурья и Приморья укрепило позиции России на Тихом океане. С этого времени началось быстрое освоение края; ширилась русско-китайская торговля; в заливе Петра Великого был основан г. Владивосток; по берегам Амура и Уссури стали строиться города — Благовещенск, Хабаровск, Мариинск. Успешное завершение русско-китайских переговоров сделало Н. П. Игнатьева "героем дня" и способствовало назначению его в 1861 г. директором Азиатского департамента МИД. Подписание русско-китайского договора в Пекине позволило России приступить к уточнению границы с Западным Китаем. В результате довольно трудных русско-китайских переговоров в **1864 г.** был подписан *Чугучакский протокол*, по которому Россия расширила свою территорию за счет включения в ее состав земель в Илийском крае с кочевьями киргизов и казахов, не принадлежавших Китаю.

В середине XIX в. Россия предпринимает усилия по установлению торговых и дипломатических отношений с Японией. Первые сведения об этой стране, закрытой для европейцев, стали известны с конца XVII — начала XVIII вв. благодаря российским землепроходцам и мореплавателям — В. Атласову, Д. Анциферову, И. Козыревскому и др. Ими были открыты и нанесены на карту Курильские острова, тогда неизвестные японцам. Попытки россиян, проживавших на Аляске, Алеутских и Курильских островах, испытывавших нужду в продовольствии, вступить в торговые связи с Японией успеха не имели. Не смогли решить эту задачу и правительственные миссии. Так, в кругосветной экспедиции И. Ф. Крузенштерна (1803—1806) один из его кораблей во главе с чрезвычайным послом Н. П. Резановым и грамотой Александра I к Микадо был направлен в Японию. Прибыв в порт Нагасаки в сентябре 1804 г., Резанов передал местным чиновникам письмо императора с просьбой к главе японского государства вступить в дружеские переговоры с Россией. Только в марте 1805 г. был получен ответ, извещавший посла, что японское правительство, руководствуясь "древним законом и отсутствием у Японии необходимости торговать с иностранцами", просит Резанова покинуть страну. Но и после этой неудачи и даже ареста членов топографической экспедиции, руководимой В. М. Головниным (1811), Россия не оставляла надежды на сближение с Японией.

Новый этап в политике России на Дальнем Востоке был связан как с внутренними процессами в государстве, так и расширением экспансии в этом регионе стран Западной Европы и США.

Важную роль в решении задач дальневосточной политики России сыграл, в частности, контр-адмирал Е. В. Путятин, хорошо знавший Дальний Восток, принимавший участие в ряде кругосветных

экспедиций. Он представил в Сибирский Комитет записку, в которой предлагал направить на Дальний Восток экспедицию для новых русско-японских переговоров. Император Николай I согласился с доводами контр-адмирала. В своем послании японскому императору (1843) царь предлагал вступить в переговоры с Россией, разрешить русским купеческим судам свободный вход в японские порты, заверяя, что русские подданные будут соблюдать японские обычаи и законы страны. Но экспедиция была отложена по экономическим и политическим соображениям — опасением вызвать противодействие Запада.

В 40-х — начале 50-х годов правление Российско-американской компании самостоятельно попыталось наладить торговлю с Японией. Русские моряки доплывали до японского порта Симода. Встречаясь с японцами, они заверяли их в благожелательном к ним отношении. Но власти Симода, ссылаясь на закрытость гавани для иностранцев, неизменно требовали ухода русских судов из японских территориальных вод.

Но время вносило свои коррективы в традиционную политику самоизоляции Японии. После открытия портов Китая для иностранцев (1842), установления пароходного сообщения Европы с Азией и постепенного превращения Тихого океана в мировой торговый путь политика изоляции оказалась несостоятельной. В 1852 г. российское правительство направило в Японию и Китай еще одну экспедицию, которую вновь возглавил опытный флотоводец вице-адмирал и генерал-адъютант Е. В. Путятин. В инструкции, составленной министром иностранных дел К. В. Нессельроде, Путятину рекомендовалось убедить японское правительство в обоюдной выгоде русско-японского соглашения, обещать японцам свободу торговли на территории России. При этом в инструкции специально оговаривалось, что переговоры по вопросам торговли и установлению дипломатических отношений следует вести в дружественном тоне, доказывая исключительно мирные намерения России по отношению к Японии и ее народу.

В составе экспедиции, вышедшей из Кронштадта в октябре 1852 г., находился русский писатель И. А. Гончаров, изложивший свои впечатления о Японии и ее обитателях в записках "Фрегат "Паллада".

В сентябре 1853 г. Путятин прибыл в порт Нагасаки и передал губернатору города письма К. В. Нессельроде. Переговоры в Нагасаки были тяжелыми. Они начались до Крымской войны и по некоторым вопросам (в частности, об открытии портов для русской торговли) намечалось сближение позиций. Война задержала подписание договора, а бомбардировка русских портов на Дальнем Востоке еще раз подтвердила важность для России соглашения с Японией. Но военные неудачи России повлияли на поведение японцев: они стали менее сговорчивыми и более категоричными в своих требованиях. Однако Путятин был терпелив и хорошо помнил напутствие Нессельроде: "Без договора не возвращайся". В конце 1854 г. пере-

говоры были перенесены в порт Симода, где по прибытии российских моряков произошло землетрясение, в результате которого русский фрегат "Диана" потерпел крушение и затонул; русским пришлось в Японии строить новую шхуну. "Этот эпизод, — отмечалось в отчете МИД, — в известной степени открыл путь к более тесному сближению посредством обмена взаимных услуг", сблизил русских моряков с японскими, снял существовавшие ранее подозрительность и недоверие и ускорил завершение переговоров.

26 января (7 февраля) 1855 г. в порту Симода был подписан *первый русско-японский договор*, установивший торговые и дипломатические отношения между двумя странами, мир и дружбу между Россией и Японией. По статьям договора граница двух государств проходила между островами Итурупом и Урупом. Весь остров Итуруп из гряды южнокурильских островов отходил к Японии, а остров Уруп и другие Курильские острова к северу от него составляли владение России. Сахалин объявлялся "неразделенным между Россией и Японией". Договор открывал для российской торговли порты Симода, Хакадотэ и Нагасаки; в один из них назначался русский консул.

Симодский договор, подписанный в годы Крымской войны, был свидетельством взаимных компромиссов сторон: Россия поступилась частью Курильских островов и согласилась на требование о "нераздельности" владения островом Сахалин, где с начала XIX в. существовали российские сторожевые посты. Япония, со своей стороны, открывала для русских судов ряд японских портов и разрешала пребывание российского консула (чего ранее безрезультатно добивалась Россия); русским в Японии и японцам в России предоставлялись права экстерриториальности. Еще в ходе переговоров японская делегация получила согласие Путятина оказывать Японии поддержку в сохранении с государствами Западной Европы и США мирных отношений.

В Петербурге договор в Симоде воспринимался как удача России, Путятин был награжден орденом. "Трактат с Японией открыл новую эпоху для политики с сим государством, — писал в отчете за 1856 г. А. М. Горчаков; — обоюдные отношения наши носят печать дружелюбия, превышающие всякие ожидания. Это было отчасти последствием того, что японцы ближе ознакомились с русскими после крушения у их берегов фрегата "Диана". Задачей будущей политики в отношении Японии министр считал: "Сохранить это к нам расположение, внушить еще больше к себе доверия, убедить осязательно японцев в обоюдности выгод при правильных торговых сношениях". Положительное значение договора для России состояло и в том, что после Крымской войны, закрывшей Черное море для ее военных судов, она получила возможность защищать свои интересы на Дальнем Востоке. Дальнейшим развитием русско-японских отношений были подписание в 50—60-е годы нескольких торговых соглашений, расширявших условия русско-японской торговли и

устанавливавших (с 1858 г.) обмен постоянными дипломатическими представителями.

Но основным вопросом для России в эти годы стал вопрос о Сахалине, который после подписания Пекинского договора 1860 г. с Китаем вошел в состав Приморской области России, но по-прежнему находился в совместной владении России и Японии. Обнаруженные там еще Невельским запасы каменного угля и их разработка обеими странами усилили русско-японское противостояние. Этим воспользовались государства Западной Европы и США, пытавшиеся основать военные базы на Сахалине. Они поддерживали притязания Японии на владение всем островом. Однако в 60—70-е годы Россия продолжала русско-японские переговоры, рассчитывая получить согласие Японии на передачу всего острова в свои владения.

Буржуазные преобразования в Японии 60—70-х годов XIX в. (революция Мэйдзи), изменившие экономику и политику страны, покончили с ее изоляцией. Реформированная Япония и Россия обоюдно нуждались в четком решении пограничного, прежде всего Сахалинского, вопроса. Однако переговоры затягивались. Летом 1874 г. с назначением в Россию нового японского посланника Эномото Такэаки в Петербурге переговоры возобновились. Со стороны России их вел директор Азиатского департамента МИД П. Н. Стремоухов, разделявший осторожную, сбалансированную тактику А. М. Горчакова. Реально оценив материальные возможности России, влияние на Японию государств Запада и США, Петербургский кабинет согласился на передачу Японии Курильских островов в обмен на переход в полное владение России острова Сахалин. Граница между Японией и Россией устанавливалась по проливу Лаперуза. Договор был подписан в *Петербурге* **25 апреля (7 мая) 1875 г.** министром иностранных дел России А. М. Горчаковым и посланником Японии в России Эномото Такэаки.

В отечественной литературе этот договор получил сдержанно негативную оценку за чрезмерную уступчивость российской стороны. Иначе его оценивало российское правительство. В отчете МИД за 1875 год говорится: “Долголетние стремления русской политики увенчались успехом. Сахалин перестал быть предметом и целью внешней политики нашей и сделался отныне одной из богатейших областей Русского государства. Можно надеяться, что после такого миролюбивого разрешения вопроса о Сахалине между императорским правительством и правительством Микадо установятся самые дружелюбные отношения, так как главный повод к столкновениям совершенно устранился с переходом Сахалина в исключительное наше владение”.

По случаю подписания Петербургского договора русское и японское правительства наградили российскими и японскими орденами дипломатов и чиновников, содействовавших его заключению и ратификации. При расхождениях в оценках документа очевидно, что

достигнутые между двумя странами договоренности способствовали стабилизации обстановки в Тихоокеанском регионе.

В 60-е годы XIX в. США повторно обратились к России с предложением о продаже Аляски (впервые такое предложение было сделано в годы Крымской войны, но тогда Петербург его отклонил). Политическая изоляция, в которой оказалась Россия после Крымской войны, финансовые трудности, связанные с реформами в стране, удаленность земель от центральных губерний государства, малочисленность русского населения на Аляске (600—800 человек), ее незащищенность в случае войны не давали России возможности удержать эту территорию. К тому же продажей Аляски правительство рассчитывало укрепить русско-американский союз на Тихом океане как противовес Англии. Руководствуясь этими соображениями, **в марте 1867 г.** Россия согласилась *продать* США *русскую часть Аляски* и *Алеутские острова* за 7,2 млн. долларов (11 млн. рублей). С продажей Аляски США прекратила свое существование и Российско-американская компания.

Договор 1867 г. позволил сосредоточить внимание государства на развитии Приамурья и Приморья, которые составляли, по мнению российских чиновников и дипломатов, “будущность России”.

§ 2. Внешняя политика в 70-е годы XIX в.

Отмена Россией нейтрализации Черного моря

Успехи Пруссии в борьбе с Данией и Австрией, рост ее военного могущества вызывали тревогу в Европе. Однако французское правительство недооценивало силу прусского государства. Оно рассчитывало успешной войной не только приостановить новые территориальные захваты Пруссии, но и покончить с внутренними трудностями в собственной стране.

В начавшейся в июле 1870 г. франко-прусской войне Россия, как и другие европейские государства, заняла позицию нейтралитета. Поражение Франции под Седаном в сентябре 1870 г. и пленение Наполеона III предопределили исход войны. Прусская армия приближалась к Парижу. В Версальском дворце в январе 1871 г. было провозглашено образование нового государства — Германской империи; король Пруссии получил титул императора. Эти акции прусского правительства были еще одним ударом по национальному самолюбию французов. Однако созданное во Франции после отречения от престола Наполеона III новое правительство Тьера проводило примирительную по отношению к Пруссии политику. Оно пошло на заключение в Версале 16 (28) февраля 1871 г. тяжелого для Франции прелиминарного договора, вызвавшего недовольство в стране. Восставший против правительства Тьера и

Германии французский народ 18 марта 1871 г. в Париже провозгласил Парижскую коммуну.

Франко-прусская война изменила обстановку в Европе. Окончательно распалась "Крымская система", направленная против России. Петербургский кабинет использовал это событие для отмены ограничительных условий Парижского мира. Франция — одна из участниц Крымской войны и предложений о введении нейтрализации Черного моря — была занята войной с Пруссией и не могла оказать противодействия России; прусское правительство еще в 1866 г. заверило Александра II в поддержке планов России в этом вопросе; Австро-Венгрия, опасавшаяся нового наступления Пруссии, не решалась воевать с Россией. Англия избегала единоличного участия в войнах Европы. Турция без сильной европейской помощи не смела выступить против России. Более того, с поражением Франции падало ее влияние в Османской империи и рос авторитет Пруссии, что на данном этапе соответствовало интересам русского правительства.

В этой ситуации посол в Константинополе Н. П. Игнатьев в августе 1870 г. (еще до официального заявления России) возобновил с великим визирем разговор (начатый еще в августе 1866 г.) об отмене ограничений на Черном море. Он убеждал визиря во взаимной заинтересованности обеих держав в этом акте, ибо нейтрализация распространялась и на Турцию. Хотя определенного согласия Игнатьев не получил, но возражений со стороны Порты не последовало. Все это позволило Петербургскому кабинету считать обстановку для пересмотра условий Парижского мира благоприятной.

Решение русского правительства об отмене нейтрализации Черного моря было изложено в циркуляре А. М. Горчакова от 19 (31) октября 1870 г., согласованном с Александром II, и отправлено правительствам всех государств, подписавших Парижский договор. Содержание документа сводилось к доказательству нарушений державами условий договора 1856 г. В циркуляре отмечалось, что в то время, как Россия разоружалась в Черном море и не имела возможности защитить свои южные границы от вторжения неприятеля, Турция сохраняла право содержать морские силы в Архипелаге и проливах, а Англия и Франция — в Средиземном море. Объединение Дунайских княжеств в единое государство, получившее санкцию Европы и Турции, также было отступлением от статей Парижского договора, утвердивших раздельное существование княжеств. В этих условиях, говорилось в документе, Россия не может считать себя более связанной обязательствами трактата 1856 г. Вместе с тем в ноте указывалось, что Россия ставит вопрос лишь об отмене отдельных статей договора, касавшихся нейтрализации Черного моря, что она согласна выполнять "главные начала договора" и готова вступить в соглашение с другими государствами для

подтверждения его постановлений или заключения нового договора.

Все европейские правительства были недовольны нотой России. Недружелюбно она была встречена и в Турции. Наиболее резкую критику циркуляр вызвал в Англии и Австрии. Лондонский и Венский кабинеты выразили протест против действий России, усмотрев в них повод к войне. Английский посол в Константинополе Эллиот советовал султану не торопиться с ответом на ноту Горчакова и обещал материальную поддержку Великобритании в борьбе с Россией. Однако русское правительство решительно заявило, что оно никому не угрожает, "возвращая лишь права суверенитета, без чего не может нормально существовать ни одно великое государство".

Хотя Пруссия, занятая войной с Францией, посчитала циркуляр несвоевременным актом, она заняла лояльную по отношению к России позицию. Бисмарк не поддержал враждебных действий Англии и Австрии. Он полагал, что постановления 1856 г. по Черному морю ограничивали права России. Канцлер предложил обсудить этот вопрос на конференции держав, подписавших договор 1856 г.

Конференция открылась в *Лондоне* в **январе 1871 г.** Россию представлял посол в Англии Ф. И. Бруннов. В заседаниях конференции, наряду с представителями европейских стран, участвовал и делегат Турции. Решение России отменить нейтрализацию Черного моря не встретило возражений. Но представитель Порты, поддержанный всеми делегациями Запада, поставил вопрос о "вознаграждении" для Турции при отмене нейтрализации Черного моря как гарантии безопасности страны. Этой "гарантией" должна была явиться статья о режиме проливов. После длительных дискуссий было принято решение о закрытии проливов для всех военных судов. Однако султану предоставлялось право открывать проливы в мирное время для военных судов "дружественных и союзных держав в том случае, когда Порта найдет это необходимым". Эта статья соглашения была направлена против России, поскольку сохранялась угроза нападения неприятельского флота со стороны Черного моря.

Тем не менее Лондонская конференция, завершившая свою работу подписанием *протокола* **1 (13) марта 1871 г.,** была дипломатической победой России. *Нейтрализация Черного моря*, ущемлявшая национальные интересы и достоинство России как державы черноморской, *была отменена* при сохранении других статей Парижского договора. Россия получила право строить военные крепости на Черном море и держать там военный флот, что позволяло укрепить оборонную линию южной границы государства, расширить внешнюю торговлю через проливы, более интенсивно чем прежде заняться хозяйственным освоением Новороссийского края. От-

мена нейтрализации Черного моря свидетельствовала о возросшем международном авторитете России. Решения конференции помогли восстановлению утраченного Россией в результате Крымской войны влияния на Балканах и в Турции. А. М. Горчакову, инициатору этого акта, к титулу князя был добавлен почетный титул "светлейший.

Россия в системе международных отношений после франко-прусской войны. Союз трех императоров

Франко-прусская война и образование единой Германии открыли новый период в истории Европы. С 70-х годов усиливается борьба за раздел и передел мира, обостряются противоречия между государствами.

Создание милитаристской Германской империи у границ России и Франции заставляло правительства обеих стран стремиться к сближению. Но ослабленная войной Франция не была той державой, которая могла бы остановить наступательный порыв Германии. Россия, понимая это, в 70-е годы (в отличие от 50-х годов) не предпринимала шагов к союзу с Францией. Она с тревогой следила за ростом военного могущества Германии, за укреплением позиций Австро-Венгрии на Ближнем Востоке и австро-германским сближением. Опасность европейской изоляции в условиях острой борьбы с Англией в Средней Азии и в связи с австро-русскими противоречиями на Балканах при слабости Франции становилась для России реальным фактом. В этой обстановке русское правительство видело в союзе с Германией известную гарантию от нападения ее на Россию, средство выхода из изоляции и возможность использовать это сближение для ослабления остроты противоречий на Ближнем Востоке и в Средней Азии. Особое значение придавало русское правительство балканской проблеме, рассматривая Германию как посредницу в русско-австрийских отношениях.

Германское же правительство стремилось договориться с Россией, преследуя цель изоляции Франции и новой войны с нею. Русско-германское сближение было ускорено также их единством в борьбе с революционным движением.

В сентябре 1872 г. в Берлине состоялась встреча императоров и министров иностранных дел России, Германии и Австро-Венгрии, где была достигнута договоренность по основным вопросам будущего союза. Но переговоры в Берлине из-за австро-русских противоречий на Балканах не завершились подписанием общего соглашения.

Следующим этапом в складывании русско-прусско-австрийского блока была встреча императора Германии Вильгельма и канцлера О. Бисмарка с Александром II и канцлером А. М. Горчаковым в *Петербурге* в апреле—мае 1873 г. В итоге переговоров была под-

писана **24 апреля (6 мая) 1873 г.** *русско-германская военная конвенция.* По ее условиям каждая из договаривающихся сторон в случае нападения на нее третьей державы обязывалась направить 200-тысячную армию для помощи союзнице.

Спустя месяц после заключения русско-германской военной конвенции Александр II прибыл в Вену для переговоров с Австрией по вопросам европейской и восточной политики. **25 мая (6 июня) 1873 г.** в *Шенбрунне* между двумя императорами была подписана *политическая конвенция*, не содержавшая (в отличие от соглашения с Пруссией) конкретных обязательств сторон. По условиям конвенции при нападении третьей державы главы государств обязывались, не заключая новых союзов, условиться относительно совместного образа действий. Неопределенный характер русско-австрийской конвенции свидетельствовал о глубоких противоречиях обеих держав на Ближнем Востоке.

В **октябре 1873 г.** при посещении Вильгельмом I Австрии в Шенбрунне был подписан "*Акт присоединения Германии к русско-австрийской конвенции*". Так сложилось объединение, получившее в истории условное название "Союза трех императоров", представлявшего собой скорее династическое соглашение монархов.

Создание Союза трех императоров не ликвидировало противоречий между его участниками. Каждая из подписавших его сторон преследовала свои задачи в союзе. Для Германии главный смысл соглашения сводился к изоляции Франции и поддержанию ее слабости. Россия, напротив, выступала за восстановление международного престижа Франции и неоднократно спасала ее от нападения Германии. Для России союз с Германией был средством решения балканской проблемы: ослабления русско-австрийских противоречий и восстановления ведущей роли России в европейских владениях Турции. Союз должен был также помочь и в решении среднеазиатской проблемы: обезопасить Россию от возможного нападения на нее Англии, лишить последнюю континентальных союзников. Австро-Венгрия — третий партнер — соглашением с Германией надеялась получить поддержку Берлина в борьбе с австрийскими славянами, стремившимися к федерации, и помощь в своих действиях на Балканах. Различное отношение держав к Франции и противоречия в балканском вопросе были причинами недоверия между союзниками. Однако при очевидных расхождениях в планах союзников это соглашение в 70-х годах XIX в. было тем стержнем в мировой политике, вокруг которого строились взаимоотношения государств Европы и Азии.

Берлинский кабинет, считая, что сближение с Россией развязывает ему руки против Франции, пытался спровоцировать французско-германский конфликт. С этой целью в немецкой печати появились статьи, обвинявшие Францию в подготовке новой войны против Германии. В июне 1873 г. французское правительство обратилось в Петербург, Лондон, Вену с сообщением о подготовке напа-

дения Германии на Францию и с просьбой о помощи. Сообщение вызвало единодушный протест европейских государств, опасавшихся дальнейшего усиления Германии. Берлин должен был отступить. Но в 1875 г. правительство Бисмарка вновь попыталось спровоцировать военный конфликт с Францией. Воспользовавшись тем, что в феврале 1875 г. Тюильрийский кабинет принял закон об увеличении численности французской армии, германское правительство возобновило агитацию, направленную против Франции. Россия и Англия заняли четкую антигерманскую позицию, совместно выступив в защиту Франции. На заключительном этапе французско-германского конфликта, получившего в истории название "военная тревога", в мае 1875 г. в Берлин в сопровождении Горчакова прибыл Александр II. Понимая, что авантюра Германии провалилась, Бисмарк заверил императора России и его канцлера в мирных намерениях берлинского правительства. Франция при содействии России и Англии была спасена от вторжения Германии.

Хотя после "военной тревоги" Союз трех императоров продолжал существовать, в русско-германских отношениях росли недоверие и отчужденность. Восточный кризис 70-х годов XIX в. высветил глубину противоречий в Союзе трех императоров и ускорил создание австро-германо-итальянского блока.

§ 3. Россия и восточный кризис 70-х годов. Русско-турецкая война 1877—1878 гг.

Цели России на Ближнем Востоке. Положение балканских народов в составе Османской империи.

После отмены нейтрализации Черного моря в 1871 г. Россия довольно успешно восстанавливала свое влияние на Балканах. Не имея программы по разделу Турции и не решаясь на захват проливов, царизм видел свою задачу в охране подступов к Константинополю путем политического и экономического проникновения на Балканы. Освоение южных районов России, расширение внешней торговли делали Босфор и Дарданеллы одной из центральных коммерческих магистралей. Хотя темпы капиталистического развития России после реформы 1861 г. были достаточно высокими, ее хозяйственный уровень отставал от ведущих государств Европы, что не позволяло России занять прочные позиции в экономике Турции.

К 70-м годам XIX в. усилилась зависимость Османской империи от западноевропейского капитала, что вызывало недовольство политикой султанского правительства в турецкой среде, добивавшейся независимости страны. Кризис в экономике Турции сопровождался ростом национально-освободительного движения, порожденного как внутренними причинами, так и общими процессами, характерными для европейских стран: образование национальных

государств, начавшийся раздел мира между ведущими державами Европы и рост противоречий между ними.

В городах Болгарии, Сербии, Боснии, Герцеговины возникали комитеты, осуществлявшие руководство национальным движением, предпринимались усилия по объединению славянских народов для борьбы с турецкой неволей. В этих условиях Порта видела в разгроме освободительного движения на Балканах главное средство сохранить единство в правящем классе и возможность переключить конституционные настроения турецкого чиновничества, интеллигенции на узконационалистические, просултанские.

Порта, используя противоречия европейских держав на Ближнем Востоке, не выполняла обещанных еще в 30—50-е годы XIX в. реформ по уравнению положения христиан с мусульманами. Христиане по-прежнему лишались прав на земельную собственность, не призывались в армию, но были обязаны платить специальный налог (бедель) за освобождение от военной службы. В 1873 г. султан издал несколько постановлений, ограничивавших права христиан в деле народного образования в Боснии и Герцеговине. Указы, урезывавшие автономию христиан, вызвали брожение в этих провинциях. Порта, в свою очередь, перешла к арестам христиан, обвиняя их в заговоре. В 1874—1875 гг. турецкое правительство усилило экономическое наступление на них: оно увеличило налоги с христианского населения, не посчитавшись с неурожаями последних лет. Сборщики податей прибегали к репрессиям, если жители отказывались платить подати в требуемых размерах. Несогласные брались за оружие.

Национально-освободительное движение на Балканах. Политика России и государств Запада.

Национальное движение, начавшееся весной 1875 г. среди сербского населения Герцеговины и Боснии, вскоре охватило все провинции Османской империи, придав событиям международное звучание. Известный болгарский просветитель Христо Ботев отмечал, что восстание в Герцеговине поставило Турцию на край пропасти и принудило дипломатов заняться решением восточного вопроса.

Русское правительство, получив в июне 1875 г. сообщение о волнениях на Балканах, первоначально решило дипломатическими средствами добиваться от Порты выполнения требований восставших. В согласии с другими государствами, прежде всего с союзниками по коалиции трех императоров — Австрией и Германией, Петербургский кабинет рассчитывал урегулировать ближневосточный кризис. Соответствующий план был разработан управляющим МИД А. Г. Жомини и одобрен Александром II.

Россия не хотела войны и не была к ней готова. Проводимые в стране реформы требовали колоссальных материальных затрат; перевооружение армии не было закончено; усиливалось народни-

ческое и рабочее движение. Все это затрудняло проведение активной внешней политики.

Таким образом, на начальном этапе восточного кризиса, в 1875 — начале 1876 гг. русское правительство видело путь к стабилизации обстановки на Ближнем Востоке в “нравственном воздействии” на враждовавшие стороны. По договоренности с Австро-Венгрией оно решило придерживаться принципа невмешательства. Но в отличие от своих союзников, предлагавших Порте лишь проведение реформ для восставших провинций Турции, Россия стояла за введение в Боснии и Герцеговине автономии по примеру Сербии и Румынии. Но, боясь изоляции, русское правительство нередко шло на уступки своим союзникам, что позволило министру иностранных дел Австро-Венгрии Д. Андраши взять инициативу в свои руки.

18 (30) декабря 1875 г. он от имени трех держав — России, Германии и Австро-Венгрии — передал султану программу реформ для балканских народов. Три правительства предлагали султану ввести свободу вероисповедания для христиан Боснии и Герцеговины, ликвидировать откупную систему взимания налогов; улучшить аграрное положение сельского населения; расходовать взимаемые с населения Боснии и Герцеговины прямые налоги только на нужды этих областей. Но в ноте не содержалось статей, которые гарантировали бы выполнение этих условий, что воспринималось восставшими как сохранение прежнего господства Турции и было отвергнуто повстанцами. Порта также отказалась принять эту программу; в частности же, она не согласилась с пунктами о расходовании средств, собираемых с населения Боснии и Герцеговины, на нужды края. Нота “Андраши”, отвергнутая обеими сторонами, показала европейским державам необходимость проведения более действенной политики..

Но среди правительств Европы не было единства, что облегчало султану чинить расправу над восставшими. Англия, не доверяя России, уклонялась от активного участия в общеевропейских переговорах. Германия, формально действуя в Союзе трех императоров, интересовалась не столько событиями на Ближнем Востоке, сколько европейскими делами. Австро-Венгрия, мало заботясь о судьбе восставших, стремилась осуществлять руководящую роль на Балканах. Русское правительство, единое в желании потушить разгоревшееся пламя конфликта и оказать помощь восставшим, не имело четкого плана действий на Востоке. Среди политических деятелей России велись споры о тактике и выборе союзников. Наследник престола, будущий император Александр III, посол в Константинополе Н. П. Игнатьев, генерал Н. Н. Обручев стояли за активные действия на Востоке, включая военную помощь восставшим. Н. П. Игнатьев был противником союза с Австро-Венгрией и предлагал разрешить конфликт двусторонними русско-турецкими переговорами. А. М. Горчаков и министр финансов В. Х. Рейтерн, боясь повторения “Крымской ситуации”, не решались порвать с Сою-

зом трех императоров. Царь также стоял за дипломатическое урегулирование конфликта.

Иную позицию занимало русское общество. Все его слои выступали за действенную помощь "единоверцам", порицали жестокие методы турецкого управления, приведшие к восстанию, и призывали порвать с Союзом трех императоров, прежде всего с Австро-Венгрией, противницей славянства. Народническая пресса на первом этапе восточного кризиса оценила движение на Балканах как "настоящую социально-революционную борьбу", считая целесообразным направить туда добровольцев для оказания помощи восставшим. Демократическая печать выступала за полную свободу балканских народов как от турецкой, так и от всякой другой зависимости. Следует отметить, что на протяжении всего XIX в. давление русской общественности на политику правительства не было столь ощутимым и внушительным, как в восточном кризисе 70-х годов XIX в.

Другим важным фактором, оказавшим влияние на политику Петербургского кабинета, был характер национального движения на Балканах, в частности *апрельского восстания* **1876 г.** в *Болгарии.* Хотя это восстание было плохо подготовлено, по своей масштабности оно оказалось наиболее серьезным по сравнению с другими выступлениями балканских народов. Русская общественность немедленно откликнулась на восстание, справедливо усматривая его причины в национальном и социальном гнете османов. Апрельское восстание придало новые силы освободительному движению в других провинциях Османской империи.

В этих условиях русское правительство решило испытать прочность Союза трех императоров и вновь попытаться совместными усилиями решить восточный вопрос. Этой цели служила встреча в Берлине, в результате которой в **мае 1876 г.** между Россией, Германией и Австро-Венгрией был подписан *Берлинский меморандум.* По этому документу три державы соглашались оказать давление на Порту, чтобы побудить ее приступить к выполнению данных ею Европе обязательств еще в 1856 г. С этой целью три правительства предлагали султану приостановить на два месяца военные действия и начать переговоры с делегатами от Боснии и Герцеговины.

Меморандум был частичным повторением предложений, содержавшихся в декабрьской ноте 1875 г. Но в документе имелись существенные отличия, внесенные по настоянию России. Если в ноте 1875 г. реформы лишь декларировались и не содержалось гарантии их выполнения, то в Берлинском меморандуме эти гарантии оговаривались. В документе указывалось, что если бы срок перемирия истек до достижения "намеченной цели", три державы подкрепили бы свои дипломатические шаги принятием "действенных мер" для пресечения зла. Берлинский меморандум 1876 г. свидетельствовал, что Россия хотя и действовала в рамках Союза трех императоров, но выступала более активно и независимо, нежели в начале кризиса.

Меморандум поддержали Франция и Италия, но отвергла Англия под тем предлогом, что он затрагивает “престиж султана”. За этой “заботой” о суверенных правах султана стояло желание сохранить господствующее положение Великобритании в Османской империи путем словесного заявления о поддержке принципа статус-кво. По мере углубления национально-освободительного движения на Балканах политика государств Запада по отношению к Порте становилась более примирительной; зато более действенной — помощь России балканским народам.

Собрав силы, османы жестоко подавили восстание в Болгарии. Их зверства были беспримерными: убивали детей, стариков, женщин; в результате погромов погибли более 30 тыс. человек, было сожжено и разгромлено около 300 селений. Жестокое подавление болгарского восстания вызвало возмущение всей европейской общественности. Против действий турок выступили Гюго, Тургенев, Дарвин, Гладстон. Поддержку восставшим оказывало все население России, особенно активны были славянофилы, возглавившие сбор пожертвований в пользу восставших. На Балканы направлялись добровольцы из России — солдаты, офицеры, писатели, медсестры, врачи, в их числе Н. В. Склифосовский, С. П. Боткин, писатель Г. И. Успенский, художники В. Д. Поленов, К. Е. Маковский и многие др. Поток заявлений был столь велик, что “вербовочные присутствия”, созданные при славянских комитетах, прежде всего отправляли лиц, имевших военную подготовку. В сборе средств участвовали видные общественные деятели — критик В. В. Стасов, скульптор М. М. Антокольский; с публичными лекциями, деньги от которых шли на нужды восставших, выступали ученые И. И. Мечников, Д. И. Менделеев и др.

В июне 1876 г. войну Турции объявили Сербия и Черногория, что позволяет говорить о новом этапе восточного кризиса. Во главе сербской армии с согласия сербского князя Милана становится русский генерал М. Черняев, добровольно отправившийся на Балканы.

Понимая реальную возможность войны с Турцией, царское правительство стремилось обеспечить нейтралитет Австро-Венгрии и не допустить англо-австрийского союза, направленного против России. С этой целью оно предложило Венскому кабинету новую встречу; она состоялась в чешском городе Рейхштадте в июне 1876 г. Смысл рейхштадтских секретных переговоров сводился к рассмотрению возможных вариантов исхода войны Турции с балканскими народами и выработке совместных действий в каждом из предполагаемых случаев. При победе восставших Болгария, Босния и Герцеговина должны были получить автономию; территория Сербии, Черногории и Греции увеличивалась. Оба правительства обязывались не содействовать образованию большого славянского государства (это предложение исходило от Австро-Венгрии). Россия получала Южную Бессарабию, отторгнутую от нее в результате Крымской войны. Австро-Венгрия по русской записи соглаше-

ния приобретала часть турецкой Хорватии (Боснийская Крайна) и некоторые пограничные с ней области Боснии (по австрийской записи — Боснию и Герцеговину) в качестве компенсации за согласие на расширение территории славянских княжеств. В случае победы Турции над балканскими народами договаривающиеся стороны обязывались потребовать от нее введения для Боснии и Герцеговины такого устройства, которое оговаривалось в декабрьской ноте 1875 г. и Берлинском меморандуме 1876 г. при сохранении прежних границ для других областей Османской империи.

Впервые в Рейхштадте австро-венгерское правительство официально заявило о своих претензиях на территорию Турции. Петербургский кабинет, желая сохранить Союз трех императоров и помешать австро-английскому сговору, слухи о котором распространились по Европе, был вынужден согласиться с территориальными притязаниями Австро-Венгрии и ее условием не создавать большого славянского государства.

С лета 1876 г. военное министерство России начало подготовку к войне. Военный министр Д. А. Милютин, объезжая черноморские укрепления, дал распоряжение командующему Кавказским корпусом готовиться к войне без расчета на союзников.

В сентябре-октябре 1876 г. император Александр II провел в Ливадии несколько совещаний по вопросам, связанным с обстановкой на Балканах. В итоге обсуждения было принято решение о самостоятельных действиях России на Балканах, о необходимости создания болгарского ополчения, основы организации которого были предложены Н. Н. Обручевым. Во главе ополчения предполагалось поставить русского генерала Н. Г. Столетова. Русскому послу в Турции Н. П. Игнатьеву было предписано добиться согласия султана на созыв конференции в Константинополе для обсуждения балканского вопроса. В случае отказа Россия порывала дипломатические отношения с Турцией. Такое категорическое решение было связано с сообщениями о поражении сербской армии и об угрозе взятия турками Белграда.

19 (31) октября 1876 г. русское правительство в ультимативной форме потребовало от Порты в течение 48 часов заключить с Сербией шестинедельное или двухмесячное перемирие, угрожая в противном случае войной. Султан принял условия России и согласился на созыв Константинопольской конференции. Ультиматум России спас Сербию от разгрома.

В декабре 1876 г. в Константинополе в здании русского посольства под председательством Н. П. Игнатьева проходили заседания европейских делегаций по выработке условий соглашения с Турцией. По этим условиям Сербия сохраняла прежнюю автономию; Черногория получала небольшие территориальные уступки; Босния и Герцеговина объединялись в одну автономную область, Болгария делилась на две части — Восточную со столицей в Тырново и Западную со столицей в Софии.

Когда проект соглашения был принят европейскими державами-гарантами, на заседание конференции был приглашен турецкий делегат — ему был вручен проект будущего договора Порты с балканскими княжествами. Но пушечный залп, неожиданный для большинства делегатов, известил об обнародовании султаном конституции, утверждавшей равенство христиан с мусульманами. Провозглашенные в конституции права граждан, всеобщее равенство перед законом формально делали излишней работу конференции, направленной на защиту прав восставших.

Однако еще в течение месяца велись переговоры в Константинополе о гарантии со стороны султана в проведении обещанных им реформ. Порта, уверенная в своей силе и поддержке Англии, отказалась принимать рекомендации Европы. Восточный кризис вступил в новый этап.

С осени 1876 г. в подготовку войны против Турции включилось не только военное министерство, но и МИД. При этом в Петербурге отдавали отчет в том, что Россия будет вести войну одна. Дипломаты, понимая это, еще прилагали усилия для того, чтобы избежать образования враждебной России коалиции. Ради этого Россия еще раз обратилась к Австро-Венгрии, добиваясь ее нейтралитета в будущей войне. После длительных переговоров в *Будапеште* **3 (15) января 1877 г.** была подписана *секретная русско-австрийская конвенция*, по которой Австро-Венгрия обязывалась соблюдать по отношению к России позицию благожелательного нейтралитета и парализовать путем дипломатического воздействия попытки вмешательства других держав в случае русско-турецкой войны. Это условие Будапештской конвенции имело важное значение не только для России, но и для балканских народов, так как предоставляло известные гарантии от враждебного вмешательства правительств Запада.

Но и после подписания русско-австрийского секретного соглашения русское правительство не отказалось от поисков дипломатических путей разрешения конфликта. В результате новых переговоров с государствами Европы в *Лондоне* **19 (31) марта 1877 г.** был подписан *протокол*, в котором Порте рекондовалось провести реформы, предложенные участниками Константинопольской конференции. К протоколу была приложена декларация русского правительства, в которой говорилось, что если Турция прекратит военные действия и приступит “на деле” к проведению реформ, то Россия начнет переговоры с турецкими уполномоченными о разоружении обеими сторонами. Султан отверг Лондонский протокол, расценив его как вмешательство в дела Османской империи. Он отдал распоряжение призвать на действительную службу из запаса около 120 тыс. человек, перевести эскадру из Мраморного моря в Босфор, увеличить ассигнования на нужды армии. После этих действий Порты разрыв дипломатических отношений между Россией и Турцией был неизбежным.

12 (24) апреля 1877 г. в ставке русского командования в г. Кишиневе Александр II подписал *манифест о войне* с Османской империей. Русско-турецкая война явилась высшим этапом в восточном кризисе 70-х годов XIX в. и важным фактором, ускорившим победу балканских народов в их борьбе с тиранией Османской империи.

Русско-турецкая война. Силы и планы сторон

Россия, как отмечалось выше, не хотела войны. Военные преобразования, начатые в 60-х годах, не были завершены. Армия, с 1874 г. формировавшаяся на началах всесословной воинской повинности, еще не имела большого обученного резерва; стрелковое вооружение лишь на 1/3 отвечало современным образцам; немалая часть высшего командного состава отличалась слабой военной подготовкой, косностью взглядов и консерватизмом. Главнокомандующим русской Дунайской армией был великий князь Николай Николаевич (старший), самоуверенный, не имевший практического опыта человек. Начальником Генерального штаба армии был назначен генерал Непокойчицкий, близкий к Николаю Николаевичу, старый администратор, малопригодный для оперативной работы. Вместе с тем в русской армии были и широко образованные офицеры, понимавшие необходимость серьезных преобразований, — это военный министр Д. А. Милютин, генералы И. И. Драгомиров, И. Г. Гурко, М. Д. Скобелев, Н. Г. Столетов, Ф. Ф. Радецкий и др. Они практиковали переход к маневренности и рассыпному строю, поддерживали самостоятельные действия солдат в бою, добивались высокой общей и специальной подготовки офицерского состава.

Реформы в армии проходили в ходе самой войны, при сопротивлении генералитета николаевской школы. Русский солдат, как это показали прежние войны с Турцией, отличался большой стойкостью, выносливостью, дисциплиной. Врач С. П. Боткин, находившийся в действующей армии на Балканах, писал: “Ведь надо ближе посмотреть на русского солдата, чтобы со злобой относиться к тем, которые не умеют руководить им. Ты видишь в нем и силу, и смысл, и покорность. Всякая неудача должна позором ложиться на тех, которые не сумели пользоваться этой силой; вглядываясь в наших военных, особенно старших, так редко встречаешь человека со специальными сведениями, любящего свое постоянное дело”.

Турецкая армия, по большей части обученная английскими офицерами, была оснащена современным стрелковым оружием, превосходившим русское по скорострельности и дальности прицельного огня, но артиллерия была слабее русской. Уровень боевой подготовки турецких солдат и офицеров был низким. Турецкая армия, не готовая к наступательным операциям, предпочитала оборонительные действия. Русский флот, по численности уступавший турецкому, имел мины, позволявшие уничтожать корабли противника (турки такими минами не располагали).

Война со стороны России началась по плану, разработанному генералом Н. Н. Обручевым: она предполагалась наступательной и быстрой. Ее задача, как отмечал генерал, — "вырвать из власти турок ту несчастную страну (Болгарию. — *Н. К.*), в которой они совершили столько злодейств, и освободить от владычества турок весь Балканский полуостров". Были у русского правительства и собственные цели в войне: при успешном ее завершении оно стремилось утвердить свое влияние на Востоке, ослабить внутреннее недовольство политикой самодержавия. В этой войне царизм не ставил задачи захвата балканских земель. "Никаких присоединений земель Турции не входит в политику России", — заявлял Александр II. У военных, в частности, у Н. Н. Обручева, был план взятия Константинополя, но он не был поддержан правительством. Вопрос о Константинополе и проливах предполагалось решить общим соглашением европейских держав и Турции.

Балканские народы с большой надеждой встретили сообщение об объявлении Россией войны, видя в ней избавление от османского гнета. Война была популярна и в России.

По плану Порты, составленному накануне разрыва дипломатических отношений с Россией, турки стремились завлечь русских в глубь страны, а затем дать им генеральное сражение. При любом исходе боя турецкое командование рассчитывало не пропустить русскую армию далее линии: Рущук — Шумла — Варна — Силистрия. Этот план покоился на оборонительном принципе и на постепенном изматывании противника; Турцией учитывалась также поддержка ее правительствами Запада и разобщенность балканских народов.

Военные действия

Военные действия развернулись одновременно на *двух* театрах — Балканском и Кавказском. Из войск турецкой армии численностью 450 тыс. человек 338 тыс. находились на Балканах и около 70 тыс. человек — в Малой Азии. Свыше 250 тыс. воинов русское командование направило на Балканы и 55 тыс. — на Кавказ.

Россия начала войну без союзников: Сербия, потерпев военное поражение, в феврале 1877 г. заключила мир с Турцией; Румыния вступила в войну после провозглашения независимости страны в мае 1877 г. Эту акцию румынского правительства признала лишь Россия.

Перейдя р. Прут, русские войска вступили на территорию Румынии. В мае—июне 1877 г. русская армия совместно с болгарскими ополченцами, преодолевая сильный огонь неприятеля между Зимницей (на левом берегу) и Систовом, ныне Свиштов (на правом), форсировала Дунай. Это была трудная и блестяще проведенная операция. При переправе через Дунай, широкой и быстрой в своем течении реки, особенно отличились солдаты и офицеры дивизий под командованием генералов Драгомирова и Радецкого.

После форсирования Дуная русские войска были разделены на три группы. Отряд молодого генерала И. В. Гурко вместе с болгарскими добровольцами (15 тыс.) получил самое сложное задание: перейти Балканы и зайти в тыл турецкой армии в районе Адрианополя. Отряд генерала Н. П. Криденера должен был занять г. Никополь, Плевну, обеспечив правый фланг всей армии. Самому многочисленному Рущукскому отряду под командованием наследника престола Александра Александровича следовало овладеть крепостью Рущук и обеспечить левый фланг. В результате такого расположения войск силы армии были рассредоточены на значительной территории, более половины их находилось на флангах, а для наступательных действий оставался один отряд Гурко. Этими малочисленными силами он должен был перейти Балканы и нанести удар по Адрианополю. Выполняя план командования, Гурко овладел древней столицей Болгарии — городом Тырново, после чего предстоял тяжелейший переход через Балканы, требовавший мужества и выносливости солдат. В июле 1877 г. через Хаинкиойский перевал отряд Гурко преодолел Балканы и намеревался атаковать Шипку с юга, в то время как другие части русской армии должны были подойти к Шипке с севера. Шипка имела исключительное значение в ходе боев за освобождение Болгарии: она связывала ее северную часть с южной, через Шипку шел кратчайший путь к Адрианополю. Кроме того Шипкинский перевал был удобен для прохода войск с артиллерией.

В июле 1877 г. турки, боясь окружения, без боя покинули Шипку. Гурко, оставив небольшой отряд на Шипке, направил свои основные силы к югу от нее, к Эски-Загру (ныне Стара-Загора), где базировалась турецкая армия. Противник, используя численное превосходство, пытался отбросить русские и болгарские войска за Балканы. В этом сражении, как и в последующих боях, болгары показали себя смелыми воинами, отстаивавшими честь своей Родины.

Но силы были неравны. Русская армия в 5 раз уступала армии противника. В этих условиях русские и болгары, оставив ряд городов в Южной Болгарии, были вынуждены отойти на север, к Шипке. Вместе с армией, боясь насилия османов, отступало и болгарское население. Тем временем к Шипке двигалась 27-тысячная армия Сулеймана-паши, которой противостоял русско-болгарский отряд в 5 тыс. человек. Несмотря на более чем 5-кратное превосходство в силах, недостаток патронов, жару, османам не удалось окружить противника и овладеть Шипкой. Подошедшие на помощь героям-шипкинцам осенью 1877 г. стрелковая бригада и дивизия Драгомирова заставили турок отступить на южные склоны Шипкинского перевала. Началось зимнее “сидение” русских и болгарских воинов на Шипке, где они проявили небывалое мужество, стойкость и самоотверженность. В буран и стужу, замерзая в окопах изо льда и снега, герои-солдаты защищали эту ключевую позицию. Оборона Шипки преградила путь туркам в Северную Болгарию,

предотвратила истребление болгарского населения. Оборона Шипки помогла завершению боев, начатых летом 1877 г. за Плевну, в дальнейшем — переходу через Балканы.

Бои за Плевну На других фронтах события развивались следующим образом. Западная армия генерала Криденера после занятия Никополя направилась к Плевне — городу, куда сходились пути от Рущука (ныне Руса), Систова, Софии, Ловчи. Отсюда шел путь на Шипкинский перевал. Плевна, расположенная у р. Гривице, на холмах, пересеченных оврагами, была удобна для обороны и невыгодна для наступления.

К Плевне быстрым маршем подходил отряд талантливого турецкого военачальника, боевого генерала Османа-паши. Медлительность Криденера турки использовали для укрепления крепости и подтягивания новых сил. Первое столкновение малочисленного отряда Криденера (9 тыс.) с турками (15 тыс.) 8 (20) июля 1877 г. закончилось поражением русских. Не разобравшись в обстановке и не сделав необходимых приготовлений к новому бою, 18 (30) июля Криденер вновь атаковал Плевну, направив главный удар на восточные и юго-восточные укрепления города, хотя крепость была слабее защищена с юга и запада. Эта вторая атака также закончилась неудачей.

Потеряв 7 тыс. убитыми и ранеными, русские отступили. Создавалась угроза отрезать Дунайскую армию от тылов в Румынии и России. Второе поражение произвело тяжелое впечатление на русское командование и общество. Убежденность генералитета в скором окончании войны и слабости противника оказалась ложной.

После второй неудачи в битве за Плевну стало очевидно, что основные силы Дунайской армии, как планировалось ранее, не могут немедленно перейти Балканы для поддержки отряда Гурко.

Получив подкрепление из России и достигнув договоренности с румынским князем Карлом, русское командование решило штурмовать Плевну в третий раз. Наступление было приурочено к 30 августа (11 сентября) — дню именин Александра II. Вместе с русскими в боях участвовали румынские части. Объединенная русско-румынская армия насчитывала 84,1 тыс. (из них 52,1 русских и 32 тыс. румын) и 424 орудия; у турок насчитывалось 32,4 тыс. человек и 70 орудий. Общее командование в третьем штурме Плевны осуществляли румынский князь Карол (Карл) Гогенцоллерн и русский генерал П. Д. Зотов. Русско-румынским командованием было решено сначала подвергнуть позиции турок бомбардировке, а затем начинать штурм. Но артиллерии не удалось расстроить оборону противника. Некоторые успехи были достигнуты румынским войском перед укреплениями турок у Гривицы.

В боях за крепость отличился генерал М. Д. Скобелев, человек большой храбрости и боевого опыта. Его войска, сражаясь на левом фланге и действуя энергично и стремительно, прорвались на юж-

ные окраины Плевны, но, не получив поддержки других частей, были вынуждены отойти на прежние позиции.

Неудача третьего штурма Плевны вызвала растерянность в русском генеральном штабе; высказывались даже предположения об отступлении за Дунай. По настоянию военного министра Д. А. Милютина было принято решение об изменении тактики: от штурма крепости перейти к ее тесной блокаде. Из Петербурга был вызван генерал Э. И. Тотлебен, известный своим инженерным мастерством еще с обороны Севастополя. Активные военные действия были прекращены. Русские, румынские и болгарские солдаты приступили к рытью новых и укреплению старых окопов; кольцо окружения противника постепенно сужалось. В результате таких действий удалось отрезать путь турецким подкреплениям к Плевне.

Армия Османа-паши начала голодать. Полному окружению турок в Плевне помогли успешные бои за города и селения, расположенные на пути из Плевны в Софию. В этих сражениях еще раз проявил себя генерал И. В. Гурко, использовавший новую тактику: рассыпной строй, артиллерию, поощрявший инициативу и находчивость солдат.

В ходе войны командиры николаевской школы вынуждены были отказаться от старых методов ведения боя: лобовых атак, наступления колоннами, передвижения парадным шагом. Маневренность, тесная взаимосвязь частей, артиллерия постепенно завоевали признание генералитета. В результате побед русских и болгар при Горном Дубнике, Телеше турецкое командование перешло к обороне Балканских перевалов и, по существу, прекратило попытки прорваться к осажденным.

В конце ноября 1877 г. Осман-паша решил выбраться из осады и прорвать кольцо. В исходе боя турки были отброшены русско-румынскими соединениями. После этой последней неудачи Осман-паша отдал приказ о капитуляции. **28 ноября (10 декабря) 1877 г.** свыше 40 тыс. солдат и офицеров сдались в плен союзным армиям.

Бои за Плевну показали высокий боевой дух русских, румынских и болгарских воинов, преимущества новой техники ведения боя. Во время боев за Плевну русская и румынская армии потеряли до 40 тыс. человек, турки — до 20 тыс. лучшей армии с ее военачальником Османом-пашой.

Взятие Плевны было решающей победой в ходе войны. Она подняла боевой дух на фронте и в тылах; с воодушевлением и надеждой ее восприняли балканские народы.

Против Турции вновь выступила Сербия, ранее прекратившая активные военные действия. Попытка султана заключить сепаратный мир с балканскими народами и использовать их для борьбы с Россией потерпела неудачу.

Для закрепления успехов и окончания войны русское командование приняло решение перейти Балканы зимой. Дальнейшее промедление могло сказаться на авторитете России, усилить бро-

жение в стране, активизировать враждебные действия правительств Запада. Решение о быстрейшем завершении войны вызывалось также трудностями, связанными со снабжением армии, недостатками в организации санитарной службы, болезнями.

Переход через покрытые снегом Балканские перевалы, обороняемые турками, был невероятно сложным. Переправа производилась тремя группами. Первая (генерала Гурко) двигалась по Арабакскому перевалу к Софии и Адрианополю. Сильная гололедица мешала движению, особенно тяжелому при спуске; ветер и снег слепили глаза; одежда леденела. Помогала поддержка местного населения: болгары служили проводниками, разведчиками, расчищали дороги, снабжали продовольствием. **4 (16) января 1878 г.** русская армия и болгарские ополченцы вступили в Софию.

Другая группа войск под командованием генерала П. Н. Карпова переходила Балканы через Троянский перевал; третья группа под руководством Ф. Ф. Радецкого — в районе Шипки, где у деревни Шейново находилась 30-тысячная турецкая армия Вессель-паши. Здесь были сосредоточены войска генералов Радецкого, Скобелева, Святополка-Мирского и болгарские ополченцы. В ожесточенных боях за Шипку и Шейново русские взяли в плен почти всю армию (21 тыс.) Вессель-паши. Территория Болгарии была освобождена от неприятеля. В сражениях под Шипкой и Шейново погибли 5000 русских и болгарских солдат. Кроме того, во время обороны Шипки от морозов, голода и болезней умерли свыше 10 тыс. солдат. Величественный памятник на Шипке, сооруженный Россией и Болгарией, — свидетельство боевого сотрудничества двух славянских народов.

Успешные действия русских и болгарских войск у Софии, Шипки, Шейново позволили начать широкое наступление по всему фронту. В **начале января 1878 г.** Гурко разбил турок под Филиппополем (г. Пловдив); **8 (20) января** армия Скобелева заняла Адрианополь.

Кавказский театр военных действий

Непростой была обстановка на Кавказском фронте. После первых побед — взятия в мае 1877 г. крепости Ардаган — ситуация изменилась. Порта, рассчитывая на поддержку ее действий кавказскими народами, направила в Чечню и Дагестан своих агентов. Их пропаганда осложнила положение русских войск. Часть населения этих взрывоопасных регионов подняла восстание, на подавление которого генерал М. Т. Лорис-Меликов просил у главнокомандующего Кавказской армией вел. кн. Михаила Николаевича подкреплений. Его просьба была удовлетворена.

В июне 1877 г. из Петербурга на Кавказ был направлен генерал Н. Н. Обручев, предложивший свой план действий: воспользоваться рассредоточенностью турецких войск и разбить их по частям, что и было реализовано. В начале октября 1877 г. русские

овладели позициями у Базарджика и разбили турецкую армию в Авлияр-Аладжийском сражении, что позволило перейти к широкомасштабному наступлению. В конце октября 1877 г. русские войска начали блокаду Карса — ключевой позиции турок на Кавказе. 18 (30) ноября 1877 г. после ночного штурма крепость пала. В сражении за Карс отличились русские и кавказские офицеры и солдаты. Дагестанский полк, участвовавший в боях, получил за взятие Карса Георгиевское знамя.

Перемирие

Успехи России вызвали тревогу у государств Запада. В Лондоне усилились военные приготовления; английский флот был готов войти в Дарданеллы. Но султан, опасаясь, что действия англичан приведут к захвату русскими Константинополя, отказал Лондону в его просьбе войти в проливы. В турецкой армии росло дезертирство; усилились разногласия в турецком правительстве, ширилось национально-освободительное движение на Балканах. В этих условиях султан был вынужден предложить Александру II прекратить военные действия и начать переговоры.

Враждебная политика правительств Запада заставила Петербургский кабинет еще до полного разгрома турецкой армии согласиться на подписание перемирия, а затем прелиминарного (предварительного) договора с Портой. *Перемирие* было подписано в *Адрианополе* **19 (31) января 1878 г.** По его условиям Болгария объявлялась автономным княжеством; Румыния, Сербия, Черногория, ранее получившие автономию, становились независимыми; Босния и Герцеговина провозглашались автономными областями. Россия за потери, понесенные в войне, должна была получить либо контрибуцию, либо территориальное возмещение. О формах этого возмещения предполагалось договориться особо.

Хотя в перемирии не были указаны конкретные права России, его условия вызвали протест Европы. Австро-Венгрия заявила о нарушении условий Рейхштадтской и Будапештской конвенций, Англия усмотрела в условиях перемирия посягательства на Парижский договор и целостность Турции. Но эти “заботы” о судьбе Османской империи не мешали Великобритании расширить свою экспансию в районе Суэцкого канала, претендовать на территорию Египта, Кипра. В 70-х годах XIX в., как свидетельствуют факты, Англия отказалась от политики статус-кво и разрабатывала программу по разделу Турции. Составными его частями были захват Египта и Кипра.

1 (13) февраля 1878 г. английские корабли вошли в Мраморное море и остановились у Принцевых островов. Австро-Венгрия произвела мобилизацию войск в Карпатах. Россия, в ответ на появление английских кораблей в Дарданеллах, направила свои войска к Константинополю.

Сан-Стефанский договор. Берлинский конгресс

19 февраля (3 марта) 1878 г., в день рождения Александра II, в местечке *Сан-Стефано*, в 12 км от столицы Османской империи, был подписан *прелиминарный русско-турецкий договор*, отразивший новую программу России в балканском вопросе. В отличие от ранних планов русского правительства, предусматривавших автономию балканских народов, в Сан-Стефано была выдвинута программа их независимости. Согласно договору Сербия, Черногория и Румыния освобождались от вассальной зависимости от Турции и получали независимость. Болгария, включавшая в свой состав Македонию, становилась автономным княжеством. Ее связи с Портой ограничивались уплатой дани. Турецкие войска очищали ее земли, а турецкие крепости срывались. Для наблюдения за исполнением Турцией договора и организации нового государства в княжество сроком на два года вводились русские войска в количестве 50 тыс. человек. Порта обязывалась провести реформы в Боснии и Герцеговине и других землях, входивших в состав Турции, а также срыть турецкие крепости, расположенные по Дунаю. России возвращалась Южная Бессарабия, отторгнутая по условиям Парижского мира. Румынии переходила Добруджа.

Другая группа вопросов касалась изменений в Малой Азии. Там Россия получала города: Ардаган, Карс, Баязет, Батум и территорию до Саганлука. Включение этих земель в состав России способствовало экономическому развитию Закавказья; оно представляло большое стратегическое значение для государства. Кроме того, оно было известной гарантией для армян и других народов от вторжения войск неприятеля. Условия договора представляли несомненные выгоды для России, балканских и кавказских народов. Они укрепляли русское влияние на Востоке, подорванное Крымской войной.

Особое значение при подготовке проекта договора с Турцией русское правительство придавало созданию "Самоуправляющегося княжества Болгарии с христианским правительством и земским войском, князь которого избирался населением Болгарии, утверждался Портой с согласия европейских держав". Выработка конституции нового княжества должна была проводиться под наблюдением русского комиссара, что давало возможность царизму влиять на политику болгарского княжества, территория которого ближе других земель была расположена к Константинополю и проливам.

Западноевропейские правительства выразили свое несогласие с условиями Сан-Стефано. Особенно они протестовали по поводу создания княжества Болгарии с выходами в Черное и Эгейское моря, что формально было отходом России от условий русско-австрийского соглашения в Рейхштадте.

После подписания Сан-Стефанского прелиминарного договора восточный кризис вступил в свою последнюю, заключительную стадию. Англия и Австро-Венгрия не признали договора, считая его

нарушением условий Парижского мира. Они потребовали созыва конгресса для обсуждения всех статей прелиминария.

В Дарданеллы направились новые английские корабли якобы для оказания помощи султану. Глава Лондонского кабинета Биконсфилд выступил в палате лордов с призывом оккупировать английскими войсками Кипр, рассматривая его как ключ к Азии. Не примирившись с поражением, разделяла воинственные настроения Лондона и Турция.

Перед Россией встала реальная угроза новой войны, к которой она не была готова. Экономические и военные ресурсы страны были истощены; нарастало революционное брожение. В этих условиях русское правительство было вынуждено согласиться на созыв общеевропейского конгресса, местом которого был избран Берлин, столица государства, фактический глава которого — Бисмарк — внешне не проявлял заинтересованности в делах Востока. Он словесно заявлял о роли "честного маклера".

До открытия конгресса русское правительство стремилось дипломатическими средствами расколоть англо-австрийский блок и предотвратить изоляцию России. С этой целью оно пошло на сепаратные переговоры с наиболее опасными противниками — Австро-Венгрией и Англией. Переговоры в Вене не дали положительных результатов. В Лондоне русскому послу П. Шувалову удалось склонить Англию к заключению 18 (30) мая 1878 г. секретного англо-русского соглашения. Первые его статьи касались Болгарии. Петербургский кабинет был вынужден согласиться на предложение Лондона о разделе Болгарии на Северную и Южную; Северная получала самостоятельное управление, Южная Болгария — административную автономию, имела избираемого с согласия европейских правительств губернатора из христиан. Македония возвращалась Турции. Россия должна была получить Батум, уступая Турции Баязет и Алашкерскую долину. Со своей стороны Англия обещала поддержать другие условия Сан-Стефанского договора, в частности, возвращение России Южной Бессарабии.

Взаимная уступчивость правительств, выявленная в ходе переговоров, не может быть понята вне связи с событиями в Средней Азии и успехами там России. Внешним примирением с Россией на Балканах Лондонский кабинет стремился ослабить остроту англо-русского соперничества в Центральной Азии. Шувалов, инициатор этого соглашения, рассчитывал, что с его подписанием будет ослаблена солидарность между Австрией и Англией. Важно учесть еще одно обстоятельство, вызвавшее "уступчивость" Лондона: выступая на переговорах с Россией в роли "защитника" интересов Турции, Англия требовала от султана компенсации. Речь шла об оккупации острова Кипр — важной стратегической базы и транзитного центра Восточного Средиземноморья. Оккупация Кипра вела к укреплению позиций Великобритании в Азиатской Турции на путях к Египту и Персидскому заливу, ослабляя влияние России в Малой

Азии. Осуществить оккупацию Кипра Англия стремилась с согласия султана. С этой целью Лондонский кабинет предложил Порте подписать тайную англо-турецкую конвенцию, содержание которой сводилось якобы к защите владений Турции от захвата Россией. За эту "помощь" султан фактически передавал Кипр Англии. 23 мая (4 июня) 1878 г. эта конвенция, получившая в истории название "Кипрской", была подписана.

Вслед за этим соглашением 25 мая (6 июня) 1878 г. Англия заключила союз с Австро-Венгрией, смысл которого сводился к совместным действиям двух держав в болгарском вопросе и поддержке Англией планов Австро-Венгрии в отношении оккупации Боснии и Герцеговины. Английская дипломатия торжествовала победу. Она привязала к колеснице своей политики не только Турцию и Австрию, но и Россию.

1 (13) июня 1878 г. в *Берлине* под председательством Бисмарка открылся *конгресс*, в работе которого участвовали государства, подписавшие Парижский трактат 1856 г. Цель конгресса для правительств Запада сводилась к ослаблению влияния России, достигнутого в итоге русско-турецкой войны, и утверждению ведущей роли государств Западной Европы на Ближнем Востоке. Одновременно с этим они добивались подчинения вновь созданных славянских государств на Балканах политике правительств Запада.

С первых дней работы конгресса обнаружилась полная изоляция России. Великобритания, вопреки условиям англо-русского соглашения, возглавила антирусский блок государств. Лондон поддерживал притязания Австро-Венгрии на территорию Боснии и Герцеговины, ее планы по вытеснению России с Балкан. Бисмарк, словесно выступая посредником между англо-австрийским блоком и Россией, фактически помогал победе Лондона и Вены. Франция, не проявлявшая после франко-прусской войны большого интереса к восточному вопросу, на конгрессе поддерживала Англию и Австро-Венгрию. Опасаясь за свои капиталы в Турции, она, по существу, не желала самостоятельности балканских государств. Италия присутствовала на конгрессе как зритель.

Вопросом, вызвавшим наибольшую полемику, был болгарский. Речь шла не только о границе, но и о статусе обеих частей Болгарии. Ограничение территорий и прав Болгарского княжества усиливало англо-австрийское влияние и ущемляло права болгар и России. Предложения русской делегации (Россию представляли министр иностранных дел А. М. Горчаков, посол в Лондоне П. А. Шувалов, посол в Берлине П. П. Убри) о предоставлении широких автономных прав не только Северной, но и Южной Болгарии были отвергнуты Западной Европой и Портой. Оказавшись в изоляции, опасаясь возможной войны с объединенной Европой и Турцией в условиях революционного брожения в стране, русская делегация на конгрессе была вынуждена по многим вопросам, прежде всего связанным с территорией Болгарии, отойти от условий Сан-Стефанского договора.

1 (13) июля 1878 г., спустя месяц после начала работы конгресса, был подписан *Берлинский трактат,* главные решения которого остались в силе до балканских войн 1912-1913 гг. Задача, ради которой правительства Западной Европы и Порты настаивали на созыве конгресса, была во многом выполнена: конгресс изменил в ущерб России и Болгарии условия Сан-Стефанского договора. Но главное его решение — новая программа России в балканском вопросе — была закреплена. В трактате были подтверждены статьи Сан-Стефано о независимости Румынии, Сербии, Черногории.

Болгария по Балканскому хребту делилась на две части — Северную и Южную. Северная была признана вассальным княжеством, со своим правительством и национальной армией, но ее территория уменьшалась на 2/3. Срок пребывания русской армии на территории Болгарии сокращался с 2 лет, как это было зафиксировано в Сан-Стефано, до 9 месяцев. Южная Болгария под названием "Восточная Румелия" объявлялась автономной турецкой провинцией, имела губернатора из христиан, назначаемого султаном. Македония отходила под власть Порты. Австро-Венгрия получала право оккупировать Боснию и Герцеговину (срок оккупации не был установлен), держать там войска и строить железные дороги. Она становилась фактическим хозяином западной части Балканского полуострова. Вопрос о судоходстве по Дунаю также был решен в пользу Австро-Венгрии, которой поручалось руководство торговлей по этой реке. Румыния, получив дельту Дуная и Добруджу вместо отходившей к России Южной Бессарабии, как одна из Дунайских держав также попадала в зависимость от Австро-Венгрии.

Западным державам удалось изменить решения Сан-Стефанского прелиминария и в отношении азиатских владений Османской империи. Добившись возвращения Турции Баязета, Англия укрепляла свои пути на Средний Восток. За это "содействие" Порте султан согласился на оккупацию Великобританией о. Кипра: 23 мая (4 июня) 1878 г. была подписана соответствующая англо-турецкая конвенция ("Кипрская"). Хотя Батум оставался за Россией, он объявлялся порто-франко (свободным портом), что ограничивало преимущества, получаемые от владения этим черноморским портом. Россия также получала крепости Карс и Ардаган. Но проходы через Саганлукский хребет, ведущие к Эрзеруму, переходили Турции, что затрудняло продвижение к Босфору через территорию Малой Азии.

Основные экономические и политические выгоды от частичного раздела Турции получили Англия и Австро-Венгрия. Оккупация Кипра ставила под контроль Англии ее владения в Средиземноморье; захват Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины и ее контроль за судоходством по Дунаю превращали Венский кабинет в ведущую государственную силу на Балканах.

Берлинский конгресс явился победой англо-австрийского блока, осуществленной не без содействия Германии. Однако его постановлениями не были удовлетворены ни победители, ни побежден-

ные. Большая часть русского общества была недовольна решениями конгресса прежде всего в отношении Болгарии; договор не устраивал Порту: ее позиции на Балканах были утрачены. Балканские же народы, даже те, которые получили независимость, высказывали неудовлетворенность сокращением их территории по сравнению с прелиминариями. Англия и Австро-Венгрия, хотя и выиграли дипломатическое "сражение" с Россией, не чувствовали себя хозяевами Востока. Оккупация Англией Кипра, Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины свидетельствовала об отходе этих государств от принципа статус-кво. Эти захваты лишали Лондон и Вену того широкого доверия, которое они раньше имели у султана. Вне "критики" со стороны турецкого правительства оставалась одна Германия. Словесными заявлениями о незаинтересованности в делах Востока и посреднической ролью, которую играл Бисмарк на конгрессе, германское правительство приобрело большое влияние на политику Порты.

Русско-турецкая война и решения Берлинского конгресса обострили австро-русские противоречия на Балканах, показали шаткость Союза трех императоров, ускорили германо-австрийское сближение, наметившееся еще после франко-прусской войны.

Однако антирусская и антиславянская деятельность представителей Англии, Австро-Венгрии и Турции на конгрессе не могла зачеркнуть положительного значения войны для балканских народов. Два фактора: внутренний — масштабность и сила национально-освободительной борьбы балканских народов и внешний — русско-турецкая война — привели к их освобождению от турецкой тирании. Для населения, еще оставшегося под властью османов, были открыты пути для борьбы за независимость.

Балканские народы чтут память тех, кто своей кровью отстаивал их свободу. Ежегодно 3 марта (день подписания Сан-Стефанского договора) болгарский народ празднует годовщину освобождения своей страны от турецкой неволи. Величественные памятники на Шипке, в Плевне, Москве, названия улиц, площадей и бульваров, народные предания — свидетельство глубокой близости народов России и балканских народов.

§ 4. Внешняя политика России в 80—90-е годы

Политика России и государств Запада в Европе Русско-турецкая война выявила остроту противоречий в Союзе трех императоров. Она ускорила складывание германо-австрийского союза, который в свою очередь способствовал русско-французскому сближению.

Хотя в ходе войны и на Берлинском конгрессе Бисмарк публично заявлял о нейтральной позиции Германии, его симпатии были на стороне государств Запада. Берлинский кабинет, содействуя

укреплению позиций Австро-Венгрии на Балканах, и себе расчищал дорогу на Ближний Восток, что представляло опасность для России и Франции. Кроме того, активизация политики Австро-Венгрии на Балканах отвлекала ее от европейских дел, предоставляя Германии свободу действий в регионе. Многочисленные словесные заверения Бисмарка о незаинтересованности Германии в восточном вопросе также способствовали австро-германскому сближению.

В **октябре 1879 г.** в итоге переговоров канцлера Бисмарка с министром иностранных дел Австро-Венгрии Д. Андраши в *Вене* был подписан *германо-австрийский договор*, направленный против России и Франции. Австро-германский союз положил начало складыванию военных блоков, приблизивших мировой конфликт. Союз ускорил отход Франции от поддержки антирусского блока государств, характерной для нее в годы русско-турецкой войны.

Однако, подписав соглашение с Австро-Венгрией, Германия вовсе не желала русско-французского сближения и пыталась сохранить договорные отношения с Россией. Союз трех императоров продолжал существовать.

В русском правительстве в конце 70-х — начале 80-х годов не было единого взгляда на направление внешней политики. Сменивший в 1883 г. А. М. Горчакова на посту министра иностранных дел Н. К. Гирс не обладал международным авторитетом своего предшественника, но был практичен, осторожен, хорошо разбирался в людях и международной обстановке. Он полагал, что на ближайшие годы в области внешней политики необходимо сохранить союз с Германией и Австро-Венгрией.

Новый император Александр III обладал сильным умом, но небольшим кругозором. В отличие от своего отца, тяготевшего к Германии, он не любил эту страну, поддерживал связи с московскими славянофилами. Однако вера в силу монархической власти в Германии и Австрии примиряла его с правительствами этих государств, но не сделала сторонником длительного союза с ними. За союз с Германией, кроме правительственных лиц, стояли помещичьи круги, находившие сбыт своих сельскохозяйственных товаров в Германии, а также часть предпринимателей и петербургская знать. Торгово-промышленная буржуазия, связанная с Европой через южные порты страны, тяготела к союзу с Францией. Из государственных и общественных деятелей России за сближение с Францией выступали военный министр Д. А. Милютин, Н. П. Игнатьев, М. Н. Катков, чуть позже — Н. Н. Обручев и др.

Однако русское правительство в эти годы еще не думало о союзе с Францией. Зависимость Франции от Англии, ее позиция на Берлинском конгрессе заставляли Петербургский кабинет придерживаться выжидательной тактики. Внутренняя нестабильность, финансовая слабость государства не позволяли правительству менять внешнеполитический курс. Кроме того, путем сохранения Союза трех императоров Петербургский кабинет надеялся удержать Ав-

стро-Венгрию от агрессивных действий на Балканах, направленных против России.

Угроза войны с Англией, ее стремление установить свой контроль над проливами при отсутствии сильного флота у России требовали проведения взвешенной, подчас лавирующей политики. Имели значение также довольно прочные экономические русско-германские связи.

Восстановление Союза трех императоров

По вышеизложенным соображениям русское правительство приняло предложение Бисмарка о возобновлении деятельности Союза трех императоров. В итоге переговоров в *Берлине* **6 (18) июня 1881 г.** представители России, Германии и Австро-Венгрии подписали *русско-прусско-австрийский договор о нейтралитете* (соглашение 1873 г. носило консультативный характер). Согласно его условиям союзные государства были обязаны соблюдать нейтралитет в случае, если одно из них окажется в состоянии войны с четвертой державой. Договаривающиеся стороны брали на себя обязательство следить за тем, чтобы Турция соблюдала принципы закрытия проливов. Эта статья имела особую важность для России, поскольку давала ей некоторую гарантию от вторжения английского флота в Черное море. Для подтверждения прав Австрии на Боснию и Герцеговину вводилась специальная статья, обязывавшая Россию “уважать интересы Австро-Венгрии и на Балканах”.

Текст соглашения свидетельствовал о том, что главными вопросами, заставившими Россию пойти на подписание нового договора, был балканский и вопрос о проливах. Россия получила согласие Германии и Австрии контролировать выполнение Турцией принципа закрытия проливов, что при отсутствии сильного черноморского флота было чрезвычайно важно. Положительной стороной договора 1881 г. было и то, что Россия, подписав соглашение, выходила из изоляции, в которой она оказалась после Берлинского конгресса. Для Австро-Венгрии смысл соглашения заключался в подтверждении ее “прав” на Боснию и Герцеговину. Германия договором с Россией стремилась избежать русско-французского единства, что в известной степени обеспечивалось статьей о нейтралитете России в случае французско-германской войны. Разные цели, взаимное недоверие между союзниками делали соглашение малоэффективным.

Тройственный союз

Австро-германский договор 1879 г. и восстановление Союза трех императоров ускоряли колониальную экспансию, содействовали борьбе за раздел мира. Первыми начали эту борьбу два старых капиталистических государства — Англия и Франция, постепенно уступавшие свои позиции Германии. В 1878 г. Англия оккупировала Кипр, в 1882 г. — Египет. В результате англо-афганской войны 1878—1880 гг. Великобритания

осуществляет фактический протекторат над Афганистаном. В 1881 г. Франция устанавливает протекторат над Тунисом и предпринимает экспедиции на Мадагаскар, Тонкин. Италия, претендовавшая на Тунис, ищет “покровительства” Германии. Берлинский кабинет охотно идет на сближение с Италией. Подогревая франко-итальянский антагонизм, он надеется использовать Италию в будущей войне с Францией.

Германо-итальянское сближение, основанное на взаимном соперничестве с Францией, было закреплено австро-итальянскими переговорами, начатыми по инициативе Рима. Австро-Венгрия приняла предложение Италии о союзе, надеясь привлечь последнюю на свою сторону на случай войны с Россией. **В мае 1882 г.** в *Вене* был подписан *тайный договор между Германией, Австро-Венгрией и Италией*, получивший название *Тройственного союза.* Исходя из статей соглашения, договаривающиеся стороны обязывались не участвовать в союзах против одной из них. Германия и Австро-Венгрия обязывались оказать военную помощь Италии в случае нападения на нее Франции, а Италия со своей стороны помогала Германии при нападении на нее Франции.

Тройственный союз, прежде всего направленный против Франции, обострял обстановку в мире и являлся победой Германии. Он исключал возможность франко-итальянского союза в случае франко-германской войны, открывал путь для немецких товаров и капиталов в Италию.

Тройственный союз не ликвидировал австро-германского соглашения; он существовал параллельно с Союзом трех императоров. Во всех этих соглашениях руководящая роль принадлежала Германии. Договоры 70—80-х годов XIX в. закрепляли ее гегемонию в Европе и способствовали созданию германской колониальной системы.

В 1884 г., по истечении трехлетнего срока договора трех императоров Берлинский кабинет предложил русскому правительству продолжить его еще на три года. **15 (27) марта 1884 г.** между Россией, Австро-Венгрией и Германией в *Берлине* было подписано *новое соглашение*, повторявшее основные статьи договора 1881 г. Главная причина, побудившая Россию продлить Союз трех императоров, заключалась в надежде ограничить активные действия Австро-Венгрии на Балканах, а также поддержать единство союзников в Африке и в Средней Азии как противовес англо-французской экспансии. Однако балканская проблема оставалась стержнем австро-германо-русских отношений, где между союзниками существовали острые противоречия. Единственным вопросом, объединявшим государства, была борьба с революционным движением.

Политика России на Балканах в 80-е годы XIX в.

Расчленение Болгарии в результате решений Берлинского конгресса не уничтожило у болгар надежду на объединение. В 1879 г. в бывшей столице Болгарского княжества городе Велико-Тырнове Учре-

дительное собрание приняло Конституцию (Органический устав), по которому Болгария признавалась конституционной монархией с народным представительством, разделявшим законодательную власть с князем, утверждалась свобода личности, слова, собраний, запрещалась цензура, неприкосновенным считалось право частной собственности. Для мужского населения (христиан и мусульман) вводилась обязательная воинская повинность. Избирательное право распространялось на мужчин, достигших 21 года.

Учредительное собрание Болгарии, приняв Конституцию, в апреле 1879 г. было распущено и созвано Великое народное Собрание для выбора князя. После долгого обсуждения главой болгарского государства был избран 22-летний немецкий офицер Александр Баттенберг, приходившийся племянником русской императрице. Через него царизм рассчитывал оказывать давление на политику болгарского правительства. Однако честолюбивый князь стремился освободиться не только от контроля России, но и ограничения своей власти, вытекавшей из Конституции. В своей политике он ориентировался на государства Запада, прежде всего Австро-Венгрию и Германию. Опираясь на консервативные круги внутри Болгарии и Австро-Венгрию, а также воспользовавшись убийством Александра II, возражавшего против отмены Конституции, князь в 1881 г. распустил Великое народное Собрание и изменил Конституцию. В стране была ограничена свобода слова и собраний, установлен ценз при выборах в парламент. Болгары отождествляли действия Баттенберга с политикой русского правительства; влияние России в стране заметно упало.

Ориентацию князя на страны Западной Европы поддерживала болгарская буржуазия, находившаяся в зависимости от австрийского капитала. В руках последнего сосредоточивались ключевые позиции в промышленности и железнодорожном строительстве Болгарии. В австро-русской борьбе за сферы влияния на Балканах Австро-Венгрия победила не только в Болгарии, но в Сербии и Румынии. Правительства этих стран, получавшие материальные выгоды от связей с Западом, также ориентировались на Австро-Венгрию и Германию. Россия была вынуждена отступить.

Болгарский кризис 1885—1886 гг.

В 1883 г. Александр Баттенберг восстановил Тырновскую конституцию. Однако это лишь на время стабилизировало обстановку в стране. Население Болгарии стремилось к объединению тем более, что Порта не выполняла условий Берлинского договора относительно Южной Болгарии (Восточной Румелии). Население этой провинции фактически было лишено свободы слова, собраний, петиций; оно не имело права по своему усмотрению решать даже хозяйственные дела.

В **сентябре 1885 г.** в столице Восточной Румелии г. *Филиппополе* (ныне Пловдив) вспыхнуло *восстание*, направленное против политики Порты и местной администрации. Правительство турец-

кого губернатора было свергнуто и провозглашено объединение Болгарии во главе с А. Баттенбергом.

Петербургский кабинет, плохо зная внутреннюю жизнь Болгарии, считал движение за объединение страны личной инициативой князя. Кроме того, между дипломатическими консульствами в Софии и в Филиппополе не существовало единства, что отрицательно влияло на информацию, поступавшую в Петербург. Не случайно русское правительство даже не было осведомлено о готовившемся восстании в Филиппополе. Гирс, сторонник русско-германского союза, был убежден, что Германия оказывает сдерживающее влияние на балканскую политику Австро-Венгрии.

Узнав о событиях 1885 г. в Болгарии, царское правительство предписало русским представителям в стране не принимать участия в восстании, а военному министру М. А. Кантакузену — оставаться в Болгарии, но не в качестве военного министра, а дипломата при русском дипломатическом агентстве. Гирс был склонен поддержать мнение русского посла в Берлине П. А. Шувалова на события в Болгарии как на конфликт между Германией и Англией. Такой взгляд свидетельствовал о непонимании частью официальной России внутренних мотивов выступления болгар, использованных Баттенбергом для укрепления своей власти.

Западные державы, настаивавшие во время Берлинского конгресса на расчленении Болгарии, спустя 7 лет, в 1885 г., когда влияние России на Балканах было ослаблено, признали объединение Болгарии.

Порта, усмотрев в сентябрьских событиях 1885 г. нарушение условий Берлинского трактата, готовилась к вводу своих войск в Восточную Румелию. Россия, желая помешать этой акции Турции, предложила созвать конференцию по обсуждению событий в Болгарии.

По настоянию Англии в начале 1886 г. Турция вступила в прямые переговоры с Болгарией. Английские дипломаты, пользуясь своим влиянием на султана, убедили последнего не вводить турецкие войска в Румелию и подписать соглашение с Александром Баттенбергом. Порта вынуждена была отступить. По *болгаро-турецкому договору*, подписанному в **феврале 1886 г.,** Порта признавала объединение обеих частей Болгарии. Болгарского князя султан утверждал в качестве генерал-губернатора Восточной Румелии сроком на 5 лет. Обе стороны обязывались договариваться о совместных действиях в случае “покушения извне на их территорию”. Эта статья составляла главный смысл договора для Англии, его инициатора, и Порты. По его условиям болгарский князь являлся командующим болгарской армией и защищал свою территорию от нападения извне вместе с турецкими войсками. Этим договором Болгария не только выходила из-под контроля России и становилась союзницей Турции, но она обособлялась от других балканских стран, чем усиливались противоречия между ними. Болгаро-турец-

кое соглашение 1886 г., имевшее антирусскую направленность, усилило в Болгарии англо-австрийское влияние.

Вместе с тем объединение Болгарии подняло авторитет А. Баттенберга в стране. Свою популярность он использовал для укрепления личной диктатуры и дискредитации России. В болгарской прессе, при поддержке государств Запада, велась антирусская пропаганда, вызывавшая в свою очередь недовольство прорусски настроенной части болгарской общественности, прежде всего военных. В августе 1886 г. группа болгарских офицеров совершила государственный переворот, в результате которого А. Баттенберг подписал отречение от престола и покинул страну. Противники переворота, руководимые крупным политическим деятелем С. Стамболовым, развернули активную пропаганду в пользу Баттенберга и добились его возвращения в Болгарию. Но Александр III, к которому обратился князь в надежде, что тот поддержит его возвращение, не одобрил этот шаг. После решения царя Баттенберг был вынужден вторично подписать акт об отречении.

Царское правительство, пытаясь стабилизировать обстановку в Болгарии, в сентябре 1886 г. направило в Софию генерала Н. В. Каульбарса. Однако грубое вмешательство царского генерала во внутренние дела страны, требование отсрочить созыв Народного собрания для выборов князя не позволили решить поставленную Петербургом задачу. Русско-болгарские дипломатические отношения в ноябре 1886 г. были временно прерваны. В 1887 г. новым правителем Болгарии был избран ставленник Австро-Венгрии 26-летний австрийский офицер Фердинанд Кобург. В правящих кругах Болгарии укрепилась австро-германская ориентация.

Отмечая просчеты царской политики в болгарском вопросе в 80-е годы, нельзя забывать, что именно Россия своей предшествующей политикой на Балканах создала условия для объединения Болгарии. Она добилась широкой автономии для болгар, что ускорило успешную борьбу за независимость страны.

Ухудшение отношений России с Германией и Австро-Венгрией

Болгарский кризис резко обострил русско-австрийские и русско-германские отношения. Он ускорил отход России от ориентации на Германию. Последняя, по существу, не поддержала Россию в болгарском вопросе, хотя на словах Бисмарк одобрял политику царского правительства и поддержал предложение Каульбарса (отвергнутое в Петербурге) о введении русских войск в Болгарию. Смысл провокационной позиции Германии сводился к желанию превратить болгарский вопрос в международный конфликт, что привело бы к полной утрате Россией своего влияния на Балканах.

Союз трех императоров в ходе болгарского кризиса был скомпрометирован. Австро-Венгрия заняла открыто антирусскую позицию. В правящих кругах России обострилась борьба по вопросу о союзниках, что нашло отражение и в прессе. “Московские Ведомости”, руководимые М. Н. Катковым, в частности, предлагали не свя-

зывать себя больше “оковами Союза трех императоров” и поддерживать добрые отношения с Францией. Император Александр III, военные круги, руководимые начальником Генерального штаба Н. Н. Обручевым, Н. П. Игнатьев, М. Н. Катков, К. Н. Победоносцев были враждебно настроены к Германии и настаивали на изменении внешнеполитического курса. Н. К. Гирс, товарищ министра иностранных дел В. Н. Ламсдорф, помещичьи круги, которые вели торговлю через Балтийское море, еще пытались сохранить союзные отношения с Германией. На короткое время Гирсу удалось убедить Александра III в целесообразности двусторонних русско-германских переговоров (без Австрии), начатых в 1887 г. по истечении 3-летнего срока подписания Союза трех императоров.

В итоге переговоров в *Берлине* в **июне 1887 г.** был подписан *русско-германский договор*, получивший название “перестраховочного”. По его первой статье обе державы обязывались соблюдать благожелательный нейтралитет в случае войны одной из них с третьей державой. Но это правило не касалось войны против Австрии или Франции. Германия не гарантировала свой нейтралитет при нападении России на Австрию, а Россия — в случае нападения Германии на Францию. Важное место в договоре занимал восточный вопрос; во второй его статье Германия признавала права, приобретенные Россией по Берлинскому трактату на Балканском полуострове, особенно в Болгарии. Обе державы обязывались сохранять статус-кво на Балканах. По третьей статье договора союзники признавали прежний принцип закрытия проливов. Как показывают дальнейшие события, Германия не придавала практического значения подписанному с Россией соглашению. Главное его назначение, с точки зрения Бисмарка, помешать русско-французскому сближению. Договор 1887 г. не снял ни политических, ни экономических противоречий двух стран.

Известно, что Германия была вторым после Англии импортером русского хлеба. Новые повышенные ставки на сельскохозяйственные товары, введенные Германией в 1885 г. и 1887 г., вызвали недовольство русских помещиков. В свою очередь протекционистские тарифы России, по которым вводились высокие пошлины на иностранные промышленные изделия, привели к сокращению доли немецких товаров на русском рынке. Вслед за этим германское правительство закрыло берлинские банки для русских биржевиков.

В этих условиях в 1890 г. русско-германский договор, подписанный в 1887 г. по инициативе Германии, не был возобновлен.

90-е годы XIX в. ознаменовались русско-германской таможенной войной.

Образование русско-французского союза

Ухудшение русско-германских и русско-австрийских отношений, угроза нападения Германии на Францию способствовали русско-французскому сближению. У обеих стран были также острые противоречия с Анг-

лией. В болгарском вопросе, в частности, Франция заняла, в отличие от Англии, благожелательную по отношению к России позицию. Она отказалась принять болгарскую делегацию, прибывшую в Париж в январе 1887 г. с просьбой о содействии в урегулировании болгарского кризиса; как и Россия, Франция не признала Ф. Кобурга болгарским князем.

Помимо политических мотивов, определивших русско-французское сближение, важное значение имели причины экономического характера. Французские капиталы находили широкое распространение в России. Основной областью их приложения была горно-металлургическая промышленность. В 1887 г. русское правительство заключило первые займы в Париже. В дальнейшем Франция сделалась главным кредитором России.

Итак, рост милитаризации в Германии, русско-германские и англо-русские политические и экономические противоречия, единая позиция России и Франции в болгарском вопросе — все эти факторы, разные по своей значимости, способствовали русско-французскому сближению.

Толчком к заключению русско-французского союза послужило возобновление в мае 1891 г. Тройственного австро-германо-итальянского союза. Сознание общей опасности, угрожавшей как России, так и Франции, ускорило русско-французское сближение. В том же году оба правительства вступили в непосредственные переговоры о заключении союза.

Важным этапом в развитии контактов двух стран был визит французской эскадры в Кронштадт в июле 1891 г. На торжественной встрече эскадры присутствовал император Александр III, стоя выслушавший "Марсельезу" — революционную песню, ставшую гимном Франции. Об этом факте много писали в Европе. С большими почестями и дружелюбием встречали французских моряков в Петербурге и Москве. Русская и французская печать, широко освещавшая эту встречу, рассматривала ее как свидетельство близости двух государств, "нуждающихся в поддержке друг друга".

Одновременно с визитом в Кронштадт продолжались переговоры, начатые в Париже начальниками генеральных штабов двух государств, Н. Н. Обручевым и генералом Буадефром, о заключении военной конвенции. Кроме того, дипломаты России и Франции обсуждали вопросы, связанные с подписанием политического соглашения. После обсуждения текста соглашения ему была придана форма обмена письмами между министром иностранных дел России Гирсом и министром иностранных дел Франции Рибо, чем объяснялось название этого секретного документа — "*Соглашение Гирса — Рибо*", датированное **15 (27) августа 1891 г.** В нем содержалось указание на совместную договоренность сторон в случае, если одна из них окажется под угрозой нападения. Это соглашение явилось первым документом, установившим основы будущего русско-французского союза, направленного против держав Тройственного союза.

Завершением соглашения было подписание в Петербурге **5 (17) августа 1892 г.** начальниками генеральных штабов двух государств *военной конвенции*, явившейся непосредственным продолжением политического соглашения 1891 г. Инициатива ее заключения принадлежала французам, стремившимся получить от России конкретные обязательства о помощи в войне с Германией. По конвенции, в случае если Франция будет атакована Германией или Италией, поддержанной Германией, Россия нападет на Германию. Если Россия будет атакована Германией или Австрией, поддержанной Германией, то Франция выступит против Германии. В случае мобилизации сил Тройственного союза или одной из держав, входивших в ее состав, Россия и Франция должны были одновременно мобилизовать свои силы. Франция обязывалась направить против Германии 1300 тыс. солдат, Россия — 700—800 тыс., чтобы заставить Германию воевать на два фронта — на западе и востоке. Конвенция носила секретный характер, а срок ее действия определялся временем существования Тройственного союза.

В октябре 1893 г. в Тулон с ответным визитом прибыла русская эскадра. Прием, оказанный русским морякам в Тулоне, Лионе, Марселе, внимание и радушие, с которыми встречала Франция посланцев России, свидетельствовали об искреннем расположении французского народа к России. Память об этой встрече по сей день хранят десятки французских и русских музеев.

Следует обратить внимание на маршруты визитов обоих государств: Кронштадт — северо-запад Европы — как наиболее важный регион для Франции на случай столкновения с Германией и Тулон — выход в Средиземноморье — для России.

23 декабря 1893 г. (4 января 1894 г.) состоялся обмен письмами между Н. Гирсом и французским послом в Петербурге Г. Монтебелло, в результате которого военная конвенция приобрела обязательный характер. Ее ратификация завершила оформление русско-французского союза, ставшего противовесом Тройственному союзу и способствовавшего восстановлению “равновесия в Европе”.

Заключением русско-французского союза закончился этап в развитии международных отношений в Европе, начавшийся франко-прусской войной. К концу XIX — началу XX в. сложились *два военных блока* капиталистических государств.

Итоги Поражение царизма в Крымской войне, хотя и ослабило международное влияние России, но не могло пошатнуть ее значения как великой державы континента.

Необходимость глубоких внутренних преобразований, осознанная правительством, вынуждала его ослабить внешнеполитическую активность в Европе и решать внешнеполитические задачи государства дипломатическими средствами.

Для 50-х — начала 70-х годов главная цель России сводилась к отмене отдельных статей Парижского договора 1856 г. о ней-

трализации Черного моря, которая была осуществлена усилиями А. М. Горчакова в 1871 г. Небезуспешна была деятельность русской дипломатии на Дальнем Востоке. В 50-х — начале 60-х годов XIX в. Россия установила дипломатические отношения с Японией и были подписаны два договора с Китаем, по которым Приамурье и Приморье вошли в состав российского государства.

После отмены нейтрализации Черного моря Россия переходит к более активным действиям на Востоке. Но и в эти годы главная внешнеполитическая программа правительства, выработанная во второй половине XIX в., сохраняла свою силу: стремление к локализации международных конфликтов мирным путем, отказ от широких внешнеполитических планов в отношении проливов, Балкан и Западной Европы. Искать опору в "самих себе" — этот принцип, выдвинутый А. М. Горчаковым в середине 50-х годов, составлял важный элемент внешнеполитического курса России на протяжении последних 50-ти лет XIX в.

Глава 16
Средняя Азия во внешней политике России во второй половине XIX в.[1]

§ 1. Государства Средней Азии

Отношения России со Средней Азией имеют многовековую историю. Еще в древности "великий шелковый путь" — система дорог — связывал Азию с Европой в единую мировую цивилизацию. Значительно позже, в XIV в., на ярмарках России можно было встретить среднеазиатских купцов. Но начало межгосударственных русско-среднеазиатских отношений падает на XVI век. В 1558 г. царь Иван Грозный направил в Хиву и Бухару англичанина А. Дженкинсона (московские купцы из-за опасности пути не решались тогда самостоятельно вести торговлю со Средней Азией) с предложением установить регулярные русско-среднеазиатские торговые связи. Этот визит вызвал ответные посольства из Бухары и Хивы, но постоянных контактов достигнуто не было. Не удалось нормализовать торговые связи со Средней Азией и Петру I. Посольства в Среднюю Азию, возглавляемые князем А. Бековичем-Черкасским, закончились трагически: в 1717 г. российская экспедиция, направленная в Хиву, по указанию хана была истреблена, что на время прекратило русско-среднеазиатские отношения на правительственном уровне.

К середине XIX в. в Средней Азии существовали три самостоятельные государства — *Кокандское, Хивинское* ханства и *Бухарский эмират*, сложившиеся к XVII-XVIII вв. Эти земли населяли узбеки, таджики, туркмены, кыргызы, каракалпаки. По характеру общественных отношений ханства Средней Азии были феодальными государствами с достаточно сильными патриархально-родовыми и рабовладельческими отношениями. Одной из особенностей их экономического развития было отсутствие частной собственности на землю, в значительной степени связанное с природно-географическими условиями региона. Засушливый климат требовал искусственного орошения; заботы о сохранности ирригационной системы нуждались в коллективных усилиях и затрудняли ведение индивидуального хозяйства дехкан.

Верховным собственником земли был хан. Он представлял дехканам землю в пользование на жестких условиях: подати с нее нередко доходили до половины урожая. В Средней Азии отсутство-

[1] В официальных документах России в понятие "Средняя Азия" включались не только среднеазиатские государства, но и Казахские жузы, Кыргызские и Туркменские племена, не создавшие своей государственности.

вало понятие “крестьянин-собственник”, там не было и подворного землевладения.

Путешественники, ученые, дипломаты и военные, посещавшие Среднюю Азию, отмечали контрастность ее природы и хозяйства. В оазисах — Зеравшанской, Ферганской, Ташкентской долинах — были достаточно высокий уровень земледельческой культуры и большая плотность населения. Там выращивали пшеницу, ячмень, рис, обрабатывали хлопок, занимались садоводством и виноградарством. В степных районах и пустынях, как правило, жило кочевое население, главным занятием которого было скотоводство. Общинное владение пастбищем составляло одно из условий существования кочевых племен.

Среднеазиатские ханства были аграрными государствами, большинство населения которых занималось земледелием и скотоводством. В городах развивалась промышленность, по преимуществу в форме ремесла; там производились шелковые, хлопчатобумажные, шерстяные ткани и металлические изделия, часть из которых направлялась на внешний рынок — в соседние страны Востока и в Россию. При однотипности экономического склада ханства имели и свои специфические особенности. Кокандское ханство сложилось как военно-феодальное государство с сильной военной знатью, главной опорой хана; Бухарское — как духовный центр Средней Азии.

Поступательному развитию экономики края мешали непрекращавшиеся войны между Бухарой и Кокандом, Хивой и Бухарой, земледельческими и кочевыми племенами, столкновения среднеазиатских ханств с соседними государствами — Ираном и Афганистаном. Конфликты приводили к разрушению ирригационных систем, убийству и пленению людей, уничтожению селений. По мнению отечественных востоковедов, с XVII—XVIII вв. в Средней Азии сравнительно со средневековьем, когда она была одним из центров цивилизации Востока, замечается спад экономики и культуры.

В *политическом* отношении ханства были *военными деспотиями*: их правители имели единоличную власть, подбирая для административного управления преданных им чиновников; законов, которые охраняли бы жизнь и имущество населения, не существовало. При взимании налогов, распределении воды, формировании армии господствовал произвол. В Среднеазиатских государствах в XIX в. продолжало существовать рабство. Рабами становились пленные, захваченные в ходе войны и набегов; рабы пополняли армию, были домашней прислугой.

В политической и общественной жизни ханств важную роль играло мусульманское духовенство, указаниями которого руководствовались эмиры и ханы в своей внутренней и внешней политике; оно влияло на мировоззрение и культуру мусульман. Образование в ханствах носило преимущественно религиозный характер; главное внимание в мектебе (начальных школах) и медресе (сред-

них) отводилось изучению Корана, воспитанию покорности (слово "ислам" означает покорность"), признанию божественного происхождения ханской власти. Вместе с тем духовенство было наиболее образованной частью населения среднеазиатских государств; правда, свое главное назначение оно видело в распространении ислама и его догматов. Клановость, существовавшая в Средней Азии, а также оторванность от мирового рынка замедляли экономический и социальный прогресс региона.

В этих условиях экономические связи с Россией, вступившей на капиталистический путь развития, приобретали особую значимость. Важны были азиатские рынки и для России.

§ 2. Русско-среднеазиатские отношения в середине XIX в.

Политико-экономическая обстановка в Средней Азии

Среднеазиатское направление во внешней политике России в XIX в. не было центральным. Но в отдельные периоды истории государства, в частности, во второй половине XIX в., оно становилось одним из первостепенных, привлекая внимание правительства и российских предпринимателей. В 20—50-х годах XIX в. Петербургский кабинет продолжал неспешные поиски путей по налаживанию торгово-экономических связей. Один из них он видел в расширении русско-азиатской торговли, которая способствовала бы утверждению России как промышленной державы. В отчете Министерства иностранных дел прямо указывалось: "Торговля есть основной клапан всей нашей политики в Средней Азии". Однако российская буржуазия, экономически заинтересованная в торговых связях с Азией, была слаба и пассивна. Поэтому инициативу в развитии этих отношений взяло на себя правительство; через периодическую печать, коммерческие и промышленные издания оно пыталось пробудить интерес купечества и дворянства к рынкам Азии.

Но обороты русско-среднеазиатской торговли были незначительны, что обусловливалось рядом причин: экономическим состоянием России, ее достаточно широким внутренним рынком, нестабильностью положения в среднеазиатских государствах, опасностью пути — нападениями на караваны среднеазиатских племен, низкой покупательной способностью жителей региона. Имели значение и невыгодные для русских купцов условия торговли, когда их товары облагались двойной, а иногда и четверной против мусульманских купцов пошлиной на товары. Просьбы российского правительства, обращенные к ханам, об уравнении торговых прав русских и мусульманских купцов и обеспечении безопасности путей сообщения оставались без ответа.

Примерно до 90-х годов, когда Средняя Азия вошла в состав России, торговля с ней не была прибыльной и в финансовом отно-

шении. Усугубляло это положение то обстоятельство, что азиатские купцы предпочитали вывозить не российские изделия, а золото, что обедняло казну. Постоянных дипломатических отношений между Россией и Среднеазиатскими ханствами не существовало.

В 30—40-е годы XIX в. заметно возрастает вывоз английских товаров в Среднюю Азию, о чем сообщали в Петербург посетившие ханства купцы и оренбургское начальство. Однако правительство в эти годы не придавало большого значения этим донесениям. Его, особенно после англо-афганской войны 1838—1842 гг., больше беспокоило военное и политическое проникновение Англии в Центральную Азию, что осложняло отношения России со среднеазиатскими ханствами.

Ко времени англо-афганской войны относится и военный поход оренбургского генерал-губернатора В. А. Перовского против Хивы. Официальные цели похода сводились к освобождению русских пленных и устранению препятствий в торговле, чинимых хивинцами. Главными побудительными причинами выступления Перовского, одобренного Николаем I, были агрессия Англии в Центральной Азии и ее антироссийские действия на Ближнем Востоке, связанные с завершением турецко-египетского кризиса конца 30-х годов.

Поход, начавшийся в декабре 1839 г., закончился неудачей, прежде всего из-за его плохой подготовленности. К февралю 1840 г. кончились топливо, фураж и продовольствие; многие участники экспедиции обморозились, начались глазные болезни. В июне 1840 г. уцелевшая часть отряда возвратилась в Оренбург. Хива не была завоевана. Но этот поход отрезвляюще подействовал на хана. В 1840 г. более 600 русских пленных были освобождены.

В дальнейшем хивинцы и кокандцы возобновили свои набеги на построенные Россией укрепления и сторожевые посты в казахских степях. Ими выдвигались требования срытия укреплений и перехода земель казахов — подданных России еще с XVIII в. — к Коканду.

Напомним, что население Казахстана делилось на три родоплеменных объединения: Младший жуз (жуз в переводе на русский язык означает — “сторона”), занимавший западную часть территории между реками Уралом и Эмбой; Средний жуз, охватывавший Центральную часть, и Старший, расположенный в районе озера Балхаш. В 30—40-е годы XVIII в. по ходатайству самих казахов Младший и Средний жузы вошли в состав России. В 20—30-х годах XIX в. влияние России распространилось и на Старший жуз.

Столкновения хивинцев и кокандцев с русскими отрядами были использованы оренбургским генерал-губернатором В. А. Перовским для военного наступления против Коканда. Летом 1853 г. русские войска овладели крепостью Ак-Мечеть (Кзыл-Орда). Одновременно с действиями в Средней Азии Россия начала наступление на

Заилийский край (Большой жуз Казахстана), на земли которого претендовал Коканд. В 1854 г. на р. Алма-Ата был построен г. Верный (ныне Алма-Ата), а от Семипалатинска до г. Верного проведена так называемая Сибирская линия. Дальнейшее движение царских войск было приостановлено Крымской войной.

В те же годы усилилось давление на Среднюю Азию со стороны Англии. Ее владения в Северо-Западной Индии подходили к границам Среднеазиатских государств. В борьбе с Россией за господство в Средней Азии Великобритания использовала Турцию, Афганистан, Иран. Играя на противоречиях между Среднеазиатскими странами, Афганистаном и Ираном по территориальным вопросам, Англия в 1855 г. принудила Афганистан подписать англо-афганский договор о сохранении территориального статус-кво, что фактически подчиняло Афганский эмират интересам Лондона.

В 1856 г. Англия под предлогом "защиты" территориальной целостности Афганистана начала войну с Ираном, закончившуюся ее победой. В результате англо-иранского договора 1857 г. Иран признавал независимость Афганистана, выводил свои войска из Герата; Англия становилась посредницей в конфликтах Афганистана с Ираном, что облегчало Лондону вмешательство во внутренние дела населения Центральной Азии.

Внешнеполитическая активность Англии на Среднем Востоке, ее враждебные действия в этом регионе в годы Крымской войны показали глубину англо-русского соперничества. На русско-английское противостояние обращала внимание и российская общественность. В годы Крымской войны и к началу 60-х годов появилось немало статей, многочисленных проектов и публицистических работ, авторы которых пытались доказать масштабность внешнеполитических планов Англии и целесообразность активизации действий России в Среднеазиатском регионе.

Непосредственно о путях утверждения России в Средней Азии и конкретных шагах в этом направлении писал Александру II в декабре 1856 г. наместник Кавказа и главнокомандующий Кавказской армией А. И. Барятинский. Он предлагал весной 1857 г. направить экспедицию для исследования местности между Каспийским и Аральским морями для строительства там железной дороги. В январе 1857 г. Особый комитет, рассматривавший записку Барятинского, поддержал соображения наместника Кавказа, однако посчитал несвоевременным практическую реализацию его предложений "после минувшей войны". В этом решении проявилась общая линия внешней политики России после Крымской войны — отказ от военных действий в Европе и в Азии, стремление решать международные споры мирными средствами.

Российское правительство во второй половине 50-х — начале 60-х годов XIX в. возвратилось к изучению политико-экономической обстановки в Средней Азии.

Правительственные экспедиции в Центральную Азию

Для решения этих задач правительство в **1858 г.** направило *три миссии*: в восточный Иран (Хорасан) и Герат научную экспедицию под руководством Н. В. Ханыкова, в Хиву и Бухару — дипломатическое посольство Н. П. Игнатьева, в Восточный Туркестан (Кашгар) — миссию Ч. Ч. Валиханова. Руководил и направлял эти экспедиции Азиатский департамент МИД, в ведении которого находились дела по Ближнему, Среднему, Дальнему Востоку и Средней Азии. Директором департамента с 1856 по 1861 г. был Е. П. Ковалевский, высокообразованный и дальновидный политик. В подготовке миссий участвовали военное министерство, Русское географическое общество, предприниматели.

Правительство тщательно продумало время и маршрут экспедиций: вскоре после окончания англо-иранской войны 1856—1857 гг., укрепившей позиции Великобритании на Среднем Востоке, и в ходе восстания в Индии, направленного против Англии. Результаты миссий должны были помочь Петербургу выработать "меры дальнейшего противоборства влиянию Англии ... в регионе". Помимо политических целей миссии имели и торгово-экономическое значение. Так, *миссия Н. В. Ханыкова* должна была попытаться освоить торговый путь в Среднюю Азию через Каспийское море, создать, если удастся, союз ханств, "чтобы поставить оплот завоевательным стремлениям Англии".

Руководитель экспедиции в Хорасан Н. В. Ханыков отлично знал Восток и восточные языки, служил в Азиатском департаменте МИД. В начале 50-х годов он был помощником председателя Кавказского отделения Русского географического общества, а в 1853—1857 гг. — генеральным консулом в Тебризе. В состав миссии входили географы, биологи, этнографы, историки, которые должны были изучить флору и фауну региона, пути сообщения в Хорасане, условия русско-иранской торговли.

Особое значение в утверждении русского влияния в Центральной Азии отводилось Афганистану, находившемуся под сильным воздействием Англии. Ханыкову следовало посетить Кабул и убедить афганского эмира Дост-Мохаммед-хана в целесообразности сотрудничества с Россией.

В начале 1858 г. экспедиция из Баку направилась в Астрабад, затем, по приглашению иранского шаха — в Тегеран, где Ханыков вел переговоры о возможности расширения русско-иранской торговли и политических контактов двух стран. В ходе переговоров шах высказал предложение заключить русско-иранский союз, направленный против Англии и Афганистана. Но это предложение не встретило поддержки у Ханыкова: подписание договора могло бы вовлечь Россию в войну с государствами Центральной Азии, что противоречило планам Петербурга. В конце 50-х — начале 60-х годов главной задачей России было не ослабление, а укрепление

государств региона путем создания тесного союза между ними, призванного противостоять замыслам англичан.

Благожелательный прием встретила экспедиция и в Герате. Но неудача ждала Ханыкова при выполнении предписаний Петербурга по поводу Афганистана. Афганский эмир отказался принять членов экспедиции, ссылаясь на возможную негативную реакцию Англии. Давая Петербургу разъяснения относительно реакции хана на просьбу России, Ханыков писал: "Владетель Афганистана, храбрый и предприимчивый Дост-Мохаммед-хан, издавна пользуется покровительством англичан... Английское правительство в усилении могущества и власти афганского эмира видит надежнейшее средство к обеспечению северной границы индийских владений от внешних нападений, поэтому старается по возможности содействовать ему". Хотя Ханыкову и не удалось полностью выполнить поручения Петербурга, конкретные меры, предложенные им, способствовали более широкому знакомству России с народами Среднего Востока и намечали пути развития торгово-политических связей с этими странами.

Одновременно с миссией Ханыкова в 1858 г. из Оренбурга в Хиву и Бухару отправилась экспедиция, возглавляемая флигель-адъютантом Н. П. Игнатьевым, инициативным дипломатом, выполнявшим ранее ответственные поручения в Лондоне и внимательно следившим за деятельностью английских агентов в Азии. В 1861 г. он сменил на посту директора Азиатского департамент МИД Е. П. Ковалевского, а с 1864 г. по 1877 г. был послом в Константинополе.

Цель *миссии Н. П. Игнатьева* сводилась к знакомству с внутренней обстановкой в Средней Азии; к "укреплению торгового и политического влияния России в ханствах; уничтожению вредного вмешательства англичан, которые стараются проникнуть в соседние нам ханства и привлечь их на свою сторону". Экономическое значение миссии состояло в получении согласия ханов на присутствие в Хиве и Бухаре постоянных торговых агентов от России для наблюдения за ходом торговли; отмене двойных пошлин на товары с купцов-христиан сравнительно с купцами-мусульманами, в установлении единого пошлинного сбора (5 % от цены товара).

Наряду с сухопутным составом миссии в Хиву направлялась также морская флотилия. Ее суда должны были спуститься из Аральского моря к Амударье, нижнее течение которой находилось во владениях Хивинского ханства.

Одной из важных задач миссии было получение согласия Хивы на плавание русских судов по Амударье. Принятие ханом этой просьбы позволяло Игнатьеву снять требование о снижении пошлин на русские товары и предоставить среднеазиатским купцам право торговать на всех ярмарках и в городах России.

Положение в Средней Азии к моменту прибытия Игнатьева в Хиву не располагало к мирным переговорам. Голод и эпидемии ос-

лабили ханство. Но бедствие страны не остановило хана от войн с туркменскими племенами. Бухарский эмир воевал с Кокандом и Афганистаном. Зная о междоусобных распрях в Средней Азии, русское правительство предписывало Игнатьеву не вмешиваться в эти конфликты. Такая позиция Петербурга не совпадала с мнением оренбургского генерал-губернатора А. А. Катенина и Н. П. Игнатьева. Они полагали, что если бухарский эмир обратится за помощью к России против Коканда, то ее следует оказать и воспользоваться этим, чтобы занять Туркестан и Ташкент с их областями.

Хивинский хан с недоверием встретил известие о прибытии русской миссии. Он отказался пропустить русские суда по Амударье далее Кунграда. Не желая конфликта, Игнатьев распорядился возвратить морскую флотилию в Аральское море. Членов экспедиции, прибывших в Хиву в июле 1858 г., ждал недружелюбный прием. Под угрозой смертной казни жителям города было запрещено разговаривать с русскими. Переговоры Игнатьева с ханом были тяжелыми и безрезультатными. Посольство покинуло Хиву, не добившись желаемого.

В конце сентября 1858 г. миссия Игнатьева прибыла в Бухару. Бухарский эмир в отличие от хивинского хана поддержал план Игнатьева о плавании русских судов по Амударье, а в случае противодействия хивинцев (река протекала по обоим ханствам) он соглашался действовать вместе с русскими против них. Эмир согласился предоставить русским купцам склады, уменьшить таможенные обложения русских товаров. Игнатьев, будучи убежден в большом влиянии Англии на экономику и политику государств Средней Азии, в беседе с правительственными чиновниками Бухары пытался развенчать "миротворческие" доктрины, провозглашенные Англией. Он напомнил о недовольстве индийцев политикой англичан, о поставке англо-индийскими властями оружия Коканду, о контактах Коканда с Хивой, направленных против эмира. Сообщение Игнатьева о кокандо-хивинском сближении, представлявшем непосредственную угрозу для Бухары, заставило эмира прислушаться к предложениям главы русской миссии по установлению более тесных русско-бухарских отношений и подписать соответствующее соглашение.

В декабре 1858 г. посольство Игнатьева прибыло в Оренбург. Цели миссии — знакомство с внутренним положением среднеазиатских государств и действиями там Англии в годы, последующие за Крымской войной, — были достигнуты.

Однако Игнатьев не верил в прочность подписанного русско-бухарского соглашения. Нестабильность обстановки в Средней Азии утвердила его в мысли о необходимости перехода от дипломатических методов политики в Средней Азии к военным. Он считал, что направления миссий в Среднюю Азию "напрасная трата денег, которые могут быть употреблены для достижения той же цели, но

иным образом". Однако в конце 50-х годов XIX в. российское правительство не разделяло тактику Игнатьева и продолжило поиски путей политико-экономического проникновения в Среднюю Азию.

Третья миссия под руководством поручика русской службы *Ч. Ч. Валиханова*, казаха по национальности, была направлена в 1858 г. в Кашгар (Западный Китай или Восточный Туркестан). Ч. Валиханов, выходец из ханского рода Аблая, окончил Омский кадетский корпус и служил в Западно-Сибирском генерал-губернаторстве. Он хорошо знал историю, географию, обычаи Западного Китая, владел восточными языками. Ч. Валиханов должен был выяснить обстановку в регионе, пути и средства восстановления торговых и политических связей России с этой китайской провинцией, прерванных междоусобными войнами в Кашгаре. За полгода пребывания в Кашгаре Валиханову удалось ознакомиться с краем, выяснить позиции там Коканда и Англии, состояние его армии. Валиханов убедился в возможности восстановления торговых связей России с Западным Китаем, выгодных обеим сторонам. Контакты, установленные членами миссии с учеными, позволили приобрести уникальные рукописи, коллекции горных пород и денежных знаков.

К весне 1859 г. в Кашгаре возобновилась междоусобная борьба, распространялись слухи о пребывании в провинции переодетого русского офицера, что ускорило отъезд Валиханова. В марте 1859 г. он покинул Кашгар и летом прибыл в Семипалатинск. Привезенные им материалы и личные наблюдения имели важное значение для правительства и науки. А. М. Горчаков считал самым значительным событием 1859 г. "достижение Кашгара русским караваном и пребывание нашего русского агента в Кашгаре".

Экспедиции 1858-1859 гг. помогли российскому правительству более детально ознакомиться с обстановкой в Центральной Азии и пограничных с нею государствах, доказали сильное давление Англии на политику правителей этих стран. Но они не повлияли на изменение тактики Петербурга в отношении среднеазиатского региона.

Российское правительство в начале 60-х годов продолжало отстаивать дипломатические пути проникновения в Среднюю Азию, полагая, что переход к наступательной политике в регионе может привести к войне с Англией, а этого следовало избегать. Кроме того, Петербургский кабинет учитывал, что Англия была поставщиком в Россию железнодорожных рельсов, машин, подвижного состава, столь необходимых стране в годы крупных реформ.

Эта тактика правительства вызывала возражения со стороны оренбургского и западно-сибирского генерал-губернаторов, директора Азиатского департамента МИД Н. П. Игнатьева, предлагавших приступить к военным действиям в Средней Азии.

Мотивы изменения тактики российского правительства к середине 60-х годов XIX в. В 1859—1862 гг. в Петербурге состоялось несколько совещаний по среднеазиатскому вопросу, в итоге которых было принято решение сохранять прежнюю тактику России в Среднеазиатском вопросе. Военный министр Д. А. Милютин в 1862 г. предписал оренбургскому и западно-сибирскому генерал-губернаторам "никаких приготовлений по экспедиции не предпринимать". Однако он считал, что среднеазиатский вопрос нуждается в решении. "В среднеазиатских окраинах, — замечал Милютин, — положение наше представлялось в каком-то неопределенном виде; не было у нас даже определенной государственной границы...".

Новое обсуждение среднеазиатского вопроса было ускорено событиями в Европе. В январе 1863 г. началось польское восстание, вызвавшее сочувственное отношение в Западной Европе. Особенно активно вела себя Англия, которую Горчаков считал "главной организующей силой в антирусской деятельности европейских правительств". Именно в это время директор Азиатского департамента Н. П. Игнатьев писал: "Нужно, чтобы наша восточная и западная политики согласовывались между собой и шли к одной и той же цели". Д. А. Милютин, еще в 1861—1862 гг. отвергавший необходимость военных действий в Средней Азии, в 1863 г. согласился с доводами оренбургского начальства, считая, что "путем демонстрации в Средней Азии внимание Англии будет отвлечено от Польши".

В феврале 1863 г. на заседании Особого комитета под председательством военного министра с участием оренбургского и западно-сибирского губернаторов было достигнуто согласие о переходе к военным действиям в Средней Азии. Их планировалось начать с соединения Оренбургской и Западно-Сибирской линий.

В марте 1863 г. Александр II утвердил решение Особого комитета, потребовав от чиновников военного ведомства и администрации Оренбургского края детально изучить местность между укреплениями Сырдарьи и Западно-Сибирской линией. На 1864 год было назначено выполнение этой операции. К этому времени закончилась Кавказская война, позволившая значительно сократить военные силы и расходы на армию.

Итак, с **1864 г.** начинается *новый этап* в среднеазиатской политике России, особенностью которого было ее военное наступление в регионе. Причины перехода российского правительства от мирных, торгово-дипломатических отношений к военным до сих пор вызывают споры у историков. Одни ученые видят их прежде всего в *экономических факторах*, в потребностях русской буржуазии в рынках сбыта и источниках сырья, возросших с развитием капитализма; политические мотивы — действия Англии — по их мнению, лишь ускоряли продвижение России в Среднюю Азию. Другие историки считают определяющим мотивом в перемене действий в этом

регионе для 60—80-х годов XIX в. политический — русско-английское противостояние.

В последние годы ученые заметно сблизили свои позиции, отказавшись от прежней категоричности суждений и считая, что в разные периоды русско-среднеазиатских отношений на первый план выдвигались то одни, то другие факторы. Для первой половины XIX в. главными побудительными мотивами были торгово-экономические, для 60—80-х годов XIX в., времени завоевания Средней Азии Россией, первостепенное значение приобретали причины политические — борьба с Англией за преобладающее влияние в Центральной Азии, что не могло не сказаться на их позиции в Европе и на Ближнем Востоке. Ведущая роль политических мотивов завоевания доказывается правительственными документами, статистическими материалами по оборотам русско-среднеазиатской торговли, выбором момента для военных действий в Средней Азии: осложнение обстановки в Европе в связи с польским восстанием, завершение Кавказской войны.

В зарубежной, как и в российской, историографии также существуют различные оценки причин завоевания Средней Азии Россией. Одни историки ведущим фактором считают экономический, которому подчинялись военно-стратегические интересы России; другие выделяют в качестве первопричины стимул политический — англо-русское противоборство; третьи считают, что для углубления русско-английских противоречий в Азии были объективные причины: разрастание Российской и Британской империй на Востоке до состояния соседства при отсутствии четких границ между ними. Субъективным моментом был страх держав в отношении друг друга. Историки отвергают существование реальных планов как у России по захвату Индии, так и у Англии в отношении завоевания Средней Азии.

§ 3. Завоевание Средней Азии Россией (вторая половина 60-х — начало 70-х годов XIX в.)

Борьба с Кокандским ханством

Выполнение выработанного в Петербурге плана по соединению Оренбургской и Сибирской линий возлагалось на оренбургского и западно-сибирского генерал-губернаторов. Главный удар был направлен против Кокандского ханства, столкновения с которым у России были особенно частыми. В июне 1864 г. русскими войсками были взяты г. Аулие-Ата и Туркестан; в сентябре — г. Чимкент. Взятием этих трех городов была соединена Оренбургская (Сыр-Дарьинская) и Западно-Сибирская линии, ликвидирована власть Кокандского ханства над Южным Казахстаном[1].

[1] За эту операцию полковники М. Г. Черняев и Н. А. Веревкин получили звание генерал-майора.

С решением этой задачи встал вопрос о дальнейших действиях в Средней Азии. Оренбургский генерал-губернатор и командующий объединенными армиями М. Г. Черняев считали необходимым продолжать наступление. Министерство иностранных дел, поддержанное военным министерством, предлагало остановить наступление и закрепиться на занятых рубежах. Свою позицию Д. А. Милютин аргументировал малочисленностью русских войск в Средней Азии. Но Черняев решил действовать самостоятельно. В конце сентября 1864 г. с небольшим отрядом в 1000 человек он начал наступление на Ташкент, самый крупный город Средней Азии со 100-тысячным населением. Город оказался хорошо укрепленным, атаки русских были отбиты, и Черняев был вынужден отойти к Чимкенту. Неудачу Черняева военный министр оценивал как "прискорбную для России, поскольку в Азии мы должны держаться не столько материальной силой при малочисленности наших войск, сколько нравственным авторитетом".

Продолжавшиеся разногласия между центральным правительством и местным командованием, а также реакция Европы на военные действия России в Средней Азии требовали выработки единого курса. В октябре 1864 г. А. М. Горчаков в докладе Александру II изложил свою программу по среднеазиатскому вопросу, на основании которой совместно с Д. А. Милютиным был разработан конкретный план действий, утвержденный императором 21 ноября 1864 г. По этому плану дальнейшее распространение российских владений в Средней Азии считалось нецелесообразным, поскольку "ведет только к раздроблению и ослаблению ее (России. — *Н. К.*) сил. Нам необходимо, — говорилось в документе, — установить на вновь приобретенном пространстве земли прочную, неподвижную границу и придать оной значение настоящего государственного рубежа". Что касается отношений российского командования с ханствами, то предлагалось не вмешиваться в их внутренние дела, оказывая лишь "нравственное влияние".

Этот документ был направлен в российские миссии за границей для передачи главам государств. В нем были намечены лишь общие цели России в регионе — утверждение власти на "занятых рубежах", невмешательство во внутренние дела ханств. Решения по конкретным вопросам не были разработаны, что объяснялось как слабым знанием в центре внутренней обстановки в Средней Азии, так и разногласиями между российским правительством и местным командованием. Декларативностью правительственной программы вновь воспользовался честолюбивый и самоуверенный М. Г. Черняев. Он решил захватить Ташкент. Междоусобная борьба Бухары и Коканда за город помогла реализовать его план. В июне 1865 г. Ташкент был взят русскими войсками, а летом 1866 г. он был включен в состав России.

Русско-бухарские отношения. Образование Туркестанского генерал-губернаторства

Борьбой Кокандского ханства с русскими войсками за Ташкент (куда входил город) воспользовался бухарский эмир, который осенью овладел Кокандом. Захват столицы ханства — Коканда — бухарскими войсками привел к столкновению их с русской армией, которая после упорных боев овладела Ходжентом, Джизаком, Ура-Тюбе. Расширение границ Российского государства и экономическое освоение новых территорий требовали решения вопроса об административном устройстве края.

До середины 60-х годов XIX в. дела, связанные со Средней Азией, находились в ведении оренбургского генерал-губернатора (в меньшей степени — западно-сибирского). С созданием в 1865 г. Туркестанской области положение мало изменилось; область находилась в подчинении оренбургского генерал-губернатора. Отношения между двумя руководителями были весьма сложными, а решения, ими принимаемые, часто противоречили друг другу. Все это усугубляло и без того нестройную систему управления краем. Для изменения этого положения было предложено отделить Туркестанскую область от Оренбургского генерал-губернаторства. Для изучения состояния Туркестанской области и деятельности ее администрации в 1866 г. по инициативе Д. А. Милютина туда была направлена Особая комиссия, члены которой пришли к заключению о целесообразности отделения Туркестанской области от Оренбургского генерал-губернаторства и создания самостоятельного управления этой областью. Петербургский кабинет с одобрения царя утвердил это решение.

В **июле 1867 г.** был опубликован *закон* об образовании *Туркестанского генерал-губернаторства*, включавшего две области — Сырдарьинскую и Семиреченскую (Южный Казахстан и часть территории Средней Азии). Генерал-губернатором края был назначен генерал-адъютант К. П. Кауфман, один из способных царских администраторов. Ранее он служил на Кавказе, был виленским, ковенским, гродненским генерал-губернатором, пользовался доверием и расположением царя и военного министра. Д. А. Милютин считал нового генерал-губернатора “человеком деловым, работящим, благонадежным”. К. П. Кауфман получил широкие полномочия в ведении политических и торговых дел в Средней Азии. Туркестанский край выходил из-под власти Оренбурга и вся среднеазиатская политика сосредоточивалась в руках его начальника, находившегося в г. Ташкенте. Для организации управления краем Кауфман образовал несколько комиссий, члены которых направлялись в города и селения Средней Азии для сбора сведений, необходимых для уточнения экономического и политического состояния края, вошедшего в состав России, и выработки основ управления им.

Работа комиссий осложнялась тем, что в Средней Азии отсутствовали законы, обязательные для всех граждан. В этих условиях России надо было установить такой порядок управления, который

позволил бы населению края видеть в российской администрации защитников от произвола ханов и, вместе с тем, не оттолкнуть последних от новой власти.

Понимая значение для стран Востока мусульманской религии, российское правительство проявляло веротерпимость: сохраняло духовные школы (мектебе и медресе), суд казиев. Наряду с существованием духовных мусульманских школ с 60-х годов российская администрация открывает "русско-туземные школы"; в 70-е годы в Ташкенте и Верном (Алма-Ата) появились две мужских прогимназии для подготовки учителей. По инициативе Кауфмана в годы его управления Туркестанским краем в Ташкенте были открыты Национальный театр и публичная библиотека. Эти меры содействовали распространению в крае не только русской, но и светской национальной культуры. Однако школ было мало, а обучавшиеся в них дети баев и купцов в дальнейшем, как правило, становились чиновниками в российской администрации.

Параллельно с судом казиев местные власти ввели российский суд, в который могли обращаться местные жители. Российские чиновники полагали, что при хорошей организации суда он "возьмет верх над грубыми постановлениями шариата". Однако русское судопроизводство в Средней Азии, как и в Центральной России, было далеким от совершенства; многие судьи не имели юридического образования, допускали насилия и произвол по отношению к тяжущимся, что обесценивало задачу, поставленную правительством. О чванстве, невежестве, высокомерии российских чиновников рассказал в своем памфлете "Господа-ташкентцы" М. Е. Салтыков-Щедрин.

После длительного изучения обстановки в Средней Азии местные комиссии передали составленный ими проект для обсуждения в Петербург, где он подвергся тщательному анализу со стороны ведомств, возглавлявшихся военным министерством. В **1867 г.** Александр II утвердил "*Временные правила*" по управлению Туркестанским краем. Они были призваны содействовать постепенному сближению Средней Азии и Центральной России, стабилизировать обстановку в регионе. Главой администрации, согласно Правилам, становился генерал-губернатор, в руках которого сосредоточивалась власть военная и административная. Он одновременно был и командующим войсками.

"Временные правила" 1867 г. должны были стать переходными от "чисто наблюдательной" функции царской власти в Средней Азии к "учредительной и организующей". Они просуществовали с некоторыми изменениями до середины 80-х годов В **1886 г.** было введено *новое Положение об управлении Туркестанским краем*, которое фактически просуществовало до 1917 г.

Введение "Временных правил" еще более укрепило власть Кауфмана как администратора. В ноябре 1867 г. он направил посольство в Коканд для заключения торгового договора с ханством,

который был подписан в марте 1868 г. По его условиям, устанавливалась постоянная пошлина в 2,5% на ввозимые с обеих сторон товары. Русским купцам в ханстве и кокандским в России обеспечивались свободное пребывание и организация караван-сараев. При внешнем равноправии договора Кокандское ханство, окруженное царскими войсками, становилось под контроль России.

Противоречиво складывались отношения России с *Бухарой*. Бухарский эмир, несмотря на военные неудачи, не прекратил борьбы с Россией. Он использовал в этих целях авторитет мусульманского духовенства, призывавшего к “священной войне” с русскими. Бухарцы нападали на сторожевые посты русских, убивали солдат; русские действовали теми же методами: разрушали кишлаки, уничтожали продовольствие, физически расправлялись с непокорными. В апреле 1868 г. бухарские войска вышли на р. Зеравшан в районе г. Самарканд, куда подошла и русская армия. Сражение завершилось отступлением бухарцев, что обострило борьбу между духовенством, поддерживавшим непримиримость эмира, и торгово-промышленными кругами, настаивавшими на сдаче города без боя. Когда в начале мая 1868 г. российские войска подошли к Самарканду, ворота города были открыты.

В **июне 1868 г.** бухарский эмир заключил с Россией договор, по которому города Ходжент, Ура-Тюбе, Джизак вошли в состав России. На занятой российскими войсками территории был образован *Зеравшанский округ*, включавший Самаркандский и Катта-Курганский отделы. Во главе округа был поставлен генерал-майор А. К. Абрамов, единомышленник Кауфмана. Русские подданные получили право свободной торговли и учреждения торговых агентств в эмирате. Кроме того эмир обязывался выплатить 500 тыс. руб. контрибуции.

Во внутренних делах бухарский эмир, как и хан Коканда, сохранял автономию.

Русско-английские переговоры в Лондоне по афганскому вопросу

Военные победы России в Средней Азии отразились на русско-английских отношениях. Для противодействия успехам России Англия делала ставку на Афганистан, пограничное со Средней Азией государство. Одновременно с этим Лондон не отказывался от мирных договоренностей с Петербургом, выступая инициатором дипломатических переговоров с Россией по афганскому вопросу.

В марте 1869 г. в беседе с русским послом в Лондоне Ф. И. Брунновым министр иностранных дел Англии У. Кларендон, касаясь русского продвижения в Среднюю Азию, предложил для стабилизации обстановки в регионе установить между владениями России и Англии на Среднем Востоке нейтральную территорию. Оба государства согласились считать такой зоной территорию Афганистана. При этом было условлено, что вмешательство в дела этой стра-

ны не входит в планы ни России, ни Англии. Однако английская сторона предложила расширить нейтральную территорию на север от афганской границы, включая в нее спорные между Афганистаном и Бухарой земли (Балх, Бадахшан, Кундуз). Россия отвергла эти условия, поскольку их принятие еще больше осложнило бы обстановку в Средней Азии. Дипломатические переговоры в Лондоне были прерваны, а выработка конкретных решений по афганскому вопросу была возложена на туркестанского генерал-губернатора и вице-короля Индии.

Военные действия России в районе Красноводска

Тем временем Кауфман, ссылаясь на волнения в "Киргизской степи" (Казахстане) и действия Англии, направленные на вовлечение в борьбу против России Афганистана и Ирана, добился согласия Александра II на высадку войск у Красноводского залива. Официальная цель экспедиции к этому заливу состояла в обеспечении безопасности среднеазиатских окраин России и в открытии для русской торговли новых путей в Среднюю Азию через Каспийское море. В ноябре 1869 г. войска под командованием генерала Н. Г. Столетова, хорошо осведомленного о делах Востока, выступили из Баку к Красноводскому заливу. Конницей в составе его армии командовал М. Д. Скобелев, сторонник наступательной тактики в Средней Азии. У залива был заложен г. Красноводск, ставший центром нового округа.

Высадка российских войск в районе Красноводского залива ухудшила отношения с Хивой, пытавшейся объединить под своей властью недовольное политикой России население региона. Хан поощрял туркмен и казахов, населявших эти земли, к нападению на русские укрепления, вел переговоры с турецким посланником для совместных действий против России. Но туркмены и казахи после нескольких неудачных набегов на российские отряды прекратили борьбу. Однако это не остановило хивинского хана от противостояния России.

Генерал-губернатор Туркестана К. П. Кауфман, передавая в Петербург сведения об обстановке в Средней Азии, считал, что из внутренних сил мешает ее стабилизации прежде всего Хива. Хивинцы, докладывал он в столице, совершают нападения на русские торговые караваны, "влияют самым невыгодным образом на развитие нашей среднеазиатской торговли". Он предлагал нанести решительный удар по Хиве, но не присоединять ханства к российским владениям.

Что же касается отношений с Англией, то на этом этапе борьбы за Среднюю Азию (70-е годы) Кауфман разделял тактику российского МИД о "примирительной" политике в отношении Англии и Афганистана. Он одобрил возобновление русско-английских переговоров по афганскому разграничению, прерванных в 1869 г. Новые переговоры, проводившиеся в *Лондоне* в **1872—1873 гг.**, закон-

чились подписанием *соглашения*, по которому *Афганистан признавался нейтральным государством.* Англия и Россия отказывались от вмешательства во внутренние дела Афганистана, а территория последнего расширялась в сторону бухарских владений. По замыслу России, ее уступки требованиям Англии должны были сдерживать Лондон от провоцирования Кабула на выступления против Бухары. Это ослабило бы напряженность на южных границах Средней Азии и позволяло туркестанскому генерал-губернатору урегулировать отношения с Бухарой.

Дело в том, что англо-русское соглашение по афганскому вопросу ущемляло права Бухары на спорные с Афганистаном территории (Балх и др.). Исходя из этого соглашения задача России сводилась к уточнению русско-бухарской границы, выработке взаимовыгодных для обеих сторон правил торговли, в чем было заинтересовано русское купечество.

Кауфман решил задачу, поставленную Петербургом. Новый русско-бухарский договор, подписанный в **1873 г.** в Шахрисябсе, закрепил бо́льшую, чем по договору 1868 г., подчиненность Бухары России. По статьям договора, русская администрация в Туркестане гарантировала эмиру территориальную целостность ханства и свою помощь в борьбе с противниками. Подписание нового договора стало завершающим этапом в истории русско-бухарских отношений. После его заключения Бухарский эмират сохранял внутреннюю автономию и прежнюю (с небольшими изменениями) административную систему управления, но утратил право на самостоятельную внешнюю политику.

§ 4. Последний этап завоевания Средней Азии Россией (70—80-е годы XIX в.)

Взятие русскими войсками Хивы

Утрата Бухарой и Кокандом независимости осложнила положение *Хивы*. Это государство имело для России не столько экономическое, сколько военно-стратегическое значение. Оно держало под контролем нижнее течение Амударьи, туркменские племена, за владение которыми вел спор с Хивой Иран.

Хивинское ханство, окруженное степями и пустынями, менее своих соседей было заинтересовано в установлении торговых и политических связей с Россией. Не случайно в 70-е годы продолжались нападения хивинцев на русские торговые караваны, пленение российских купцов.

Наступление русской армии на Хивинское ханство началось в феврале 1873 г. Оно велось со стороны Красноводска, Оренбурга и Ташкента. Руководил операцией К. П. Кауфман. Движение российских отрядов к Хиве (общая численность 12 тыс.), несмотря на англо-русские договоренности, вызвало негативную реакцию Велико-

британии. В Лондонском Географическом обществе в связи с этим событием открылись публичные чтения, смысл которых сводился к “разжиганию страстей англичан против России”.

Англия пыталась восстановить против России мусульманские государства. С этой целью посылались эмиссары в Турцию, Иран, Афганистан. Но добиться единства мусульманских стран Англии не удалось. К тому же хивинское войско, плохо вооруженное и малочисленное, не могло оказать серьезного сопротивления русской армии. В мае 1873 г. русские отряды вошли в Хиву. В **августе 1873 г.** между Кауфманом и ханом Мухаммедом-Рахимом II был подписан в Гандемианском саду в *Хиве мирный договор*, по условиям которого хан признавал вассальную зависимость от России, отказывался от самостоятельности во внешней политике. Границей владений двух государств считалась Амударья. Русские купцы освобождались от уплаты пошлин и имели право торговать во всех городах и селениях ханства. Хива облагалась военной контрибуцией в 2200 тыс. руб., выплата которой распределялась на 20 лет. Условия договора “приводили к одному знаменателю”, как ранее писал Кауфман Милютину: Хива, Бухара и Коканд. Эти три государства к 1873 г. становились вассальными владениями России при сохранении за правителями свободы действий в вопросах внутренней политики.

Первыми мероприятиями российского правительства в Хивинском ханстве была ликвидация рабства и работорговли: получили освобождение до 40000 невольников, из них 10 тыс. иранцев, которые под контролем российской администрации были доставлены к иранской границе. Эти действия России получили широкий отклик за границей. Англия, с особым пристрастием следившая за действиями Петербурга, была вынуждена признать освобождение Россией пленных разных национальностей “актом гуманным”.

Восстание в Кокандском ханстве

Но до “замирения” Средней Азии было еще далеко. Не существовало внутренней стабильности в Кокандском и Бухарском ханствах. Бухарский эмир продолжал настаивать на возвращении ему территорий, перешедших к России; духовенство, недовольное подданством бухарского эмира “белому царю”, призывало население к сопротивлению.

Не было стабильности и в Кокандском ханстве. Рост налогов, произвол ханской власти усиливали недовольство населения. Феодальная верхушка и духовенство использовали недовольство политикой хана для борьбы против России; рост налогов, произвол власти они объясняли действиями русского царя. Центром восстания против хана и России стала самая цветущая часть ханства — Ферганская долина. Худояр-хан, потеряв опору среди своих приближенных, был вынужден бежать из Коканда. Феодально-клерикальные круги, передав власть в руки сына Худояр-хана — Насреддина, потребовали от России восстановления территории ханства в

прежних границах. Туркестанский генерал-губернатор согласился признать нового хана, но при условии сохранения границ государства, установленных договором 1868 г. Восставшие не приняли требований России.

Восстание ширилось. Оно охватило не только территорию Ферганской долины, но и земли, близкие к Ташкенту. Говоря о причинах, вызвавших восстание, историки видят их как в действиях хана, так и в политике России, пишут об антирусской и антиханской его направленности.

Восстание в Кокандском ханстве вызвало немедленную реакцию российского командования. В августе 1875 г. царские войска, вступив на территорию ханства, возле крепости Махрам одержали победу над кокандцами и без сопротивления заняли г. Коканд. В сентябре 1875 г. в г. Маргилане между ханом Насреддином и туркестанским генерал-губернатором Кауфманом был подписан русско-кокандский договор, по условиям которого территория Кокандского ханства сокращалась за счет присоединения к Туркестанскому генерал-губернаторству Наманганского бекства. После подписания договора Насреддин возвратился в Коканд, а царские войска покинули ханство.

Однако новый русско-кокандский договор не внес успокоения в страну. Уступчивость хана по отношению к России расценивалась частью населения как слабость и предательство интересов государства. Местом сосредоточения недовольных стал г. Андижан. Хан Насреддин, как ранее его отец, был вынужден бежать из Коканда и отдать себя под покровительство России. Духовенство, возглавлявшее восстание, призывало к газавату. Мусульманские посланцы, не без ведома Англии, появлялись в Бухаре, Хиве, Афганистане с предложениями о совместной борьбе с Россией.

Кауфман настаивал на решительных действиях. Прибыв в начале 1876 г. в Петербург, он получил согласие Александра II на полное подчинение Кокандского ханства России. Царские войска вновь овладели гг. Наманганом, Андижаном, Маргиланом, Кокандом. **19 февраля 1876 г.** был издан царский указ о включении территории Кокандского ханства под названием *Ферганской области* в состав Туркестанского края. Военным губернатором области был назначен генерал-майор М. Д. Скобелев, обладавший, по словам Д. А. Милютина, "блистательными боевыми качествами", хотя "честолюбие преобладало над всеми прочими свойствами ума и сердца". В Средней Азии Скобелев, в отличие от его действий на Балканах, оставил по себе недобрую славу: был жесток и высокомерен по отношению к местному населению.

Итак, к середине 70-х годов XIX в. большая часть территории Средней Азии находилась в разных формах зависимости от России. Кокандское ханство вошло в состав Российского государства как его составная часть. Бухарский эмират и Хивинское ханство сохраняли автономию в решении внутренних вопросов, но утрати-

ли самостоятельность во внешней политике. Вне зависимости от России оставалась часть туркменских племен, не создавших своей государственности.

Законодательное оформление господства России над землями в Закаспии

Новые территориальные захваты России, движение царских войск в районы расселения туркмен, на земли которых претендовали Иран, Хива, привели к внутренним междоусобицам и вызвали, как и ранее, противодействие Англии. Ее агенты устанавливали связи со среднеазиатскими правителями, туркменскими племенами, Ираном, Афганистаном, Турцией. В английской прессе раздавались призывы к утверждению Англии в Иране, к завоеванию Кветты — транспортного узла на пути в Афганистан.

В 70-е годы, в связи с продолжавшимся восстанием в Западном Китае (Кашгар), неспокойно было на русско-китайской границе. Руководитель восстания Якуб-бек требовал отделения края от Китая, встречая поддержку у Англии и Турции (население края — дунгане — исповедовали мусульманство).

Движение вблизи русско-китайской границы волновало русское правительство. Оно опасалось за рост сепаратизма среди кочевого казахского и кыргызского населения, подданных России. Петербургский кабинет, заинтересованный в сохранении целостности Китая и безопасности русско-китайской границы, в 1871 г. ввел свои войска в район Кульджи (Илийский край), рассматривая эту меру как вынужденную и временную. Но уже к 1873—1874 гг. китайское правительство стало проявлять тревогу по поводу пребывания русских войск.

В 1879 г., после подавления восстания дунган и смерти Якуббека, положение в крае стабилизировалось. Однако напряженность на русско-китайской границе сохранялась до 1881 г., когда был подписан новый русско-китайский договор о границах и торговле и полностью выведены русские войска.

Нестабильная обстановка на завоеванных Россией территориях, антирусские действия Англии на Среднем Востоке ускорили законодательное оформление господства России над занятыми ею землями в Закаспии. В **марте 1874 г**. было издано "Временное положение о военном управлении в Закаспийском крае", по которому *Закаспийский военный округ* от Восточного побережья Каспийского моря до западных границ Хивинского ханства включался в Кавказское наместничество. Центром округа стал Красноводск. Местное управление осуществлялось по волостям и аулам; запрещалась продажа в рабство; был упорядочен сбор налогов. Местное население сохраняло свои обычаи и религию.

"Положение" 1874 г. впервые вводило среди туркменских племен некоторый административный порядок и регламентацию прав и обязанностей местного населения, что, по мысли законодателей, должно было упрочить власть России и сократить междоусобицы

среди местного населения. Но успокоения в регионе не произошло, что вполне устраивало Англию.

Ближневосточный кризис 70-х годов XIX в., завершившийся русско-турецкой войной, позволил Лондону активнее включиться в борьбу за влияние на Среднем Востоке. Тревога Англии по поводу действий России в этом регионе была сопряжена с обстановкой в Индии. Утверждение России в Средней Азии вселяло надежды индийцев на освобождение их от власти Англии с помощью России.

Завоевание Россией туркменских племен

Англии не удалось создать в Средней Азии мусульманский блок государств, направленный против России. Однако она достигла немалых успехов в своей агитации среди туркменских племен. Так *племя теке* прекратило прежние дружеские контакты с русскими, создавало вооруженные отряды на случай столкновения с царскими войсками. Текинцы считали, что русские никогда не решатся овладеть их территорией — "англичане не позволят".

В связи с усложнившейся обстановкой в Средней Азии в Петербурге в апреле 1878 г. было созвано Особое совещание по обсуждению тактики России на случай разрыва с Англией. Участники совещания, проводившегося под председательством Александра II, были едины в решении подготовить российскую армию для предупреждения возможных выступлений английского правительства против России в Средней Азии. Для этого предлагалось "принять ныне надлежащие меры как со стороны Туркестана, так и со стороны Каспийского моря". При этом отмечалось, что Россия "не имеет видов на Индию".

Тем не менее в 70—80-е годы XIX в., как и ранее, английское правительство для реализации своих планов в Центральной Азии вновь прибегло к лозунгу "Угрозы Индии". В ноябре 1878 г. англо-индийская армия вторглась в Афганистан. Плохо подготовленная к войне афганская армия терпела поражения; англичане овладели гг. Кандагаром и Джелалабадом. В мае 1879 г. был подписан англо-афганский договор, по которому афганский эмир фактически потерял самостоятельность. Английский резидент, прибывший в Кабул, стал полновластным правителем страны. Действия англичан вызвали народное восстание, которое было жестоко подавлено. В октябре 1879 г. английские войска вступили в Кабул. Одновременно с этим Англия усилила давление на Иран, установив через северные его провинции связь с туркменским населением.

Нажим Англии на Иран заставил шаха обратиться через российского посланника в Тегеране за помощью к Петербургу. Но Лондон действовал против России не только через пограничные со Средней Азией территории, он пытался угрожать ей непосредственно, заявляя, что продвижение российских войск к району Мерва — центра туркмен — "будет рассматриваться как первый шаг к Герату", который является ключом к Индии. Открыто враждебные ак-

ции Англии в Средней Азии без особого труда помогли российскому командованию в этих регионах добиться согласия Петербурга на занятие Ахалтекинского оазиса, населенного туркменскими племенами.

С началом англо-афганской войны заметно возрос интерес к среднеазиатской проблеме в русской прессе. Многие авторы, особенно из военных, считали необходимым дальнейшее наступление русской армии, включая занятие Мерва, "без всяких соображений о том, понравится ли это кому-либо или нет". Иначе реагировал на обострение русско-английских отношений "Вестник Европы". Один из его авторов, известный государственный деятель А. Половцев считал войну с Англией за Среднюю Азию ненужной, полагая, что в первую очередь необходимы "внутренние улучшения".

В январе-феврале 1880 г. в столице было проведено несколько совещаний по поводу "закаспийской политики". Правительственное решение сводилось к принятию "серьезных мер в Азии" ввиду агрессивной политики англичан. Военный министр Д. А. Милютин, ранее считавший преувеличенными опасения А. М. Горчакова по поводу действий Англии, теперь признавал, что ее наступательная тактика в Азии "с каждым годом получает дальнейшее развитие... Подчинив себе Азиатскую Турцию, разрушив Афганистан, завязав тесные связи с туркменами, стараясь также склонить на свою сторону и Персию, она осязательно начинает угрожать Каспийской области", — констатировал Милютин. Ввиду этих соображений русской армии предлагалось занять крепость Геок-Тепе, установить связи Кавказа с Туркестаном, что помешало бы Англии оказывать влияние на политику в Закаспии.

Командующим Закаспийского военного отдела был назначен авторитетный в армии и правительстве генерал М. Д. Скобелев, последовательный сторонник наступательной тактики в Средней Азии. Напутствуя генерала, Александр II заметил: "Никаким неприятелем пренебрегать не следует. Я всегда был того мнения, что среднеазиатский неприятель вовсе не так ничтожен, как некоторые полагают. Судя же по тому, что мне докладывали о текинцах, полагаю, что это должен быть особенно воинственный народ". План операции по захвату Геок-Тепе готовился с большой тщательностью, начиная от комплектования войск и кончая запасами продовольствия, воды и средств передвижения.

В мае 1880 г. М. Д. Скобелев прибыл в Красноводск и возглавил российские войска, выступавшие по направлению к Ахалтекинскому оазису. Зная о враждебном к России отношении части туркменских племен, Скобелев стремился заручиться поддержкой Ирана и получить от него продовольственную помощь. При содействии российского посланника в Тегеране И. А. Зиновьева удалось ослабить давление Англии, убедить шаха, что покорение Ахалтекинского оазиса не затрагивает интересы Ирана, а, напротив, помогает укрепить его власть в Северных провинциях страны, где бес-

покойство доставляли набеги туркменских племен. Умелая тактика Зиновьева позволила добиться согласия шаха на продажу армии Скобелева муки, ячменя, масла. Одновременно с этим царское правительство было готово пойти на уступки Ирану по пересмотру коммерческой конвенции Туркманчайского договора 1828 г., в частности, повысить пошлины на русские товары, ввозимые в Иран.

Однако лояльные отношения с Ираном лишь частично смягчили условия продвижения российских войск к Геок-Тепе. Поход оказался самым тяжелым из всех среднеазиатских операций. Местное население оказывало ожесточенное сопротивление царским войскам. Выступления туркмен подавлялись с большой жестокостью: сжигались селения непокорных, уводился скот с пастбищ. В течение трех недель шли бои за крепость Геок-Тепе. Мусульманское духовенство поддерживало воинственные настроения населения, уверяя в помощи извне, прежде всего со стороны Англии. Только в январе 1881 г. крепость была взята.

Для успокоения туркмен военное командование объявило амнистию всем воевавшим против России. Им возвращались земля, уцелевшие дома, оказывалась медицинская помощь. В **мае 1881 г.** *Ахалтекинский оазис* был включен в Закаспийский военный отдел, преобразованный в *Закаспийскую область* с центром в Ашхабаде. Взятие Геок-Тепе и утверждение в Ахалтекинском оазисе не было событием региональным — оно имело и международное значение. Д. А. Милютин полагал, что успех Скобелева "не только поднимет положение России в Азии, но и в Европе".

После овладения русской армией Ахалтекинским оазисом еще сохраняли независимость туркменские племена Тедженского, Мервского и Пендинского оазисов. Часть этих земель, прежде всего оазисы Пенде и Мерв, считал своей территорией иранский шах. На эти районы нередко совершали нападения иранцы; сборщики податей собирали налог и с туркмен, подданных России. Претензии Ирана на туркменские земли, в частности на Мерв, поддерживала Англия. Вынужденная под натиском афганцев в 1880 г. уйти из Афганистана, она добивалась, чтобы Россия вывела свои войска с туркменской территории. Не меняя своей тактики и не поддаваясь на провокации англичан, Россия прилагала усилия по смягчению англо-русских противоречий.

К этому склонялось и либеральное правительство Гладстона, не желавшее новой войны на Среднем Востоке. В начавшихся в *Тегеране русско-иранских переговорах* по разграничению земель в "Туркмении" Россия согласилась на английское посредничество. При этом переговоры носили секретный характер, и английский представитель не всегда знал об их содержании. В итоге переговоров в **декабре 1881 г.** в Тегеране была подписана *конвенция*, по условиям которой Иран отказывался от вмешательства в дела туркмен, населявших территорию Мерва и Теджена, запрещал вывоз оружия и военного снаряжения через свои северные провинции. Рос-

сия, в свою очередь, лишалась права продавать оружие туркменам, жившим на территории Ирана. Для контроля за выполнением условий конвенции и действиями туркмен Россия могла назначить своих представителей в пограничные пункты Ирана.

Конвенция 1881 г. — соглашение о границах между Россией и Ираном — фактически была русско-иранским союзом. По секретным ее статьям, неизвестным Лондону, Россия получила право проводить свои войска через иранскую границу.

Англия увидела в соглашении опасность быть вытесненной на второстепенные позиции в решении дел на Среднем Востоке. Пытаясь поправить положение, Лондон в 1882 г. предложил Петербургу вступить в переговоры по установлению пограничной черты между Ираном и Туркестанской областью.

Русское правительство, понимая замыслы Англии, не отказывалось от переговоров. Но они фактически не проводились до 1884 г. Более того, Англия усилила прямой нажим на туркменские племена, несколько ослабленный после взятия русскими Геок-Тепе. Английские офицеры составляли подробные карты Ахалтекинского оазиса, действовали через Иран и Афганистан, возбуждая у туркмен неприязнь к России. В английской прессе вновь замелькали статьи о роли Мерва как заслона Индии.

Россия также готовилась к активным действиям. Но здесь следовало соблюдать большую осторожность, чтобы удержать пограничные со Средней Азией государства и Англию от открытых враждебных проявлений. Как и в других крупных городах Средней Азии, среди населения Мерва не было единодушия относительно политической ориентации. Ремесленники, трудовая часть города, уставшая от разорительных набегов, стремилась к сближению с Россией и к объединению с туркменами, находившимися в Геок-Тепе. Другая группа, по преимуществу родоплеменная верхушка и мусульманское духовенство, противилась ориентации на Россию. На эту часть населения прежде всего опиралась Англия. Но она была численно менее значительной, чем первая, что позволило прорусской "партии" на "собрании народных представителей" (1 января 1884 г.) принять решение о добровольном присоединении Мерва к России. Вошедшему в состав России городу предоставлялось внутреннее самоуправление, сохранялись мусульманское вероисповедание и обычаи, запрещалась работорговля. 400 пленных этого района были освобождены и доставлены на родину. В **марте 1884 г.** *Мервский оазис* был включен в состав Российского государства.

Новые территориальные владения России в Средней Азии вновь осложнили русско-английские отношения. Но действовать непосредственно против России Англия не решалась. После неудачных попыток использовать Иран Великобритания обратилась к Афганистану. Под предлогом защиты его интересов, якобы ущемленных изменением статуса Мерва, англичане от имени афганского эмира Абдурахман-хана предъявили России претензии на туркменские

земли, прежде всего оазис Пенде, контролировавший путь из Герата в Мерв. Воспользовавшись тем, что во время англо-русских переговоров 1869—1873 гг. часть пограничной черты между Афганистаном и среднеазиатскими владениями примерно на 450—500 км от Амударьи и на запад не была официально установлена, эмир, подталкиваемый Англией, в июне 1884 г. занял оазис и установил там власть Афганистана. Действия афганского эмира вызвали протест туркменских племен, населявших Пендинский оазис, — они, особенно после занятия русскими войсками Мерва, склонялись к подданству России и через своего представителя просили об этом русские власти.

Сообщения об этих действиях туркмен Пендинского оазиса изменили тактику англичан. Они предложили возобновить русско-английские переговоры о северных границах Афганистана, о чем ранее была достигнута лишь общая договоренность. С этой целью была создана объединенная Комиссия по разграничению, действия которой, как предлагала Россия, должны были исходить из соглашения 1872—1873 гг. По этой договоренности северная граница Афганистана проходила южнее оазиса Пенде. В Лондоне же и Кабуле полагали, что оазис Пенде должен входить в состав Афганистана. В такой ситуации Петербургский кабинет предложил отложить официальные заседания Комиссии до 1885 г.

К этому времени авторитет либерального правительства Гладстона в Англии сильно упал, что было вызвано неудачами в Судане и в Египте. Лондон решил переключить внимание английского общества с Африканского континента на Среднюю Азию и Средний Восток. В конце 1884 г. английские вооруженные отряды с согласия эмира из Кветты были направлены к афганской границе в район Мерва, что должно было показать афганцам и приграничным народам мощь англо-индийской армии. Сосредоточение крупных отрядов английских войск вблизи Мерва привело к продвижению русских отрядов вдоль рек Герируд и Мургаб, где проживали туркменские племена, находившиеся под русским управлением.

Одновременно с этим на Кавказе началась организация военных формирований, которые сосредоточивались в районе Красноводска. Афганцы, со своей стороны, подтягивали к Герату свежие силы, заняли оборонительные рубежи в районе Пенде, где находились и англо-индийские части. Соотношение сил афганцев и англо-индийских сил, с одной стороны, и русских, с другой, было не в пользу России. Но у нее были преимущества: симпатии части туркменских племен и их неприязнь к действиям афганцев, захвативших оазис Пенде. Английское правительство убедило афганского эмира в своей помощи афганцам на случай столкновения с Россией; английская пресса вновь (уже в который раз!) заговорила о русской угрозе Индии. Лондон отдал приказ о приведении в полную боевую готовность 50 тыс. солдат, находившихся в Индии; был объявлен призыв около 15 тыс. резервистов в Англии.

Между тем афганская армия, пользуясь поддержкой английских офицеров, находившихся в Афганистане, переходила на левый берег р. Кушка, где располагались русские войска. На просьбу русского командования вернуть афганский отряд за р. Кушк афганская сторона ответила отказом. Столкновение русских и афганских войск становилось неизбежным. Вооруженный конфликт между ними произошел в конце марта 1885 г. и закончился отступлением афганских частей к Герату. Поражение афганской армии не только остудило воинственный пыл эмира, но и сказалось на падении авторитета Англии, войска которой не вмешивались в конфликт, а были сторонними наблюдателями, тогда как ранее они заверяли афганцев в готовности воевать с Россией.

Несмотря на одержанную победу Петербургский кабинет не хотел дальнейших осложнений с Афганистаном и Англией. Его внимание было переключено на Балканы, где к этому времени Россия из-за собственных просчетов утрачивала былое влияние.

В русской прессе по поводу событий в Средней Азии и на Среднем Востоке высказывалось мнение о целесообразности установления лояльных отношений между Россией и Англией в Азии во имя “цивилизации и гуманности”. Англия, в свою очередь, изолированная русско-австро-германским союзом в Европе, испытывавшая затруднения в Африке, также не стремилась к войне с Россией. В этой обстановке афганский эмир, после консультаций с Лондоном, предложил возобновить переговоры об афганском разграничении и получил согласие России.

Переговоры проводились в Лондоне. В **сентябре 1885 г.** был подписан *протокол*, определивший северо-западную границу Афганистана. По его условиям, *Пендинский оазис* переходил к *России*, а важные в стратегическом отношении Зульфагарские проходы передавались афганцам. В июле 1887 г. в Петербурге было подписано соглашение, которым устанавливалась русско-афганская граница от р. Герируд на западе до Амударьи на востоке. Министерство иностранных дел России выражало уверенность, что подписанное соглашение будет способствовать ослаблению русско-английского противостояния в Центральной Азии и “откроет эру мирных отношений”. В том же духе высказывался и премьер-министр Солсбери на заседании английского парламента в 1887 г., заметив, что в Азии достаточно места и для русских, и для англичан.

В конце 90-х — начале 900-х годов наступило некоторое смягчение русско-английского противостояния, вызванное ростом англо-германских противоречий в колониях и стабилизацией обстановки в Средней Азии.

Итоги

В 80-е годы XIX в. завершился этап в русско-среднеазиатских отношениях, связанный с завоеванием Средней Азии Россией. Этому акту предшествовали длительные торгово-политические связи со среднеазиатскими государствами, поездки ученых

и путешественников, неоднократные обращения среднеазиатских народов к России с просьбой о подданстве.

Сам период завоевания не был однородным. Наряду с тяжелыми военными сражениями, такими как завоевание крепости Геок-Тепе, бои за г. Ходжент, было и добровольное присоединение туркмен Мервского оазиса, кыргызов Кокандского ханства. Длительность отношений, многоаспектность самого этапа завоевания позволяют употребить (говоря о политике России в Средней Азии XIX в.) термин “присоединение”. Но при этом необходим конкретный анализ каждого из этапов в русско-среднеазиатских отношениях. Понятие “присоединение” шире термина “завоевание”. Оно включает как добровольное, дипломатическое вхождение той или другой территории в состав другого государства, так и военное завоевание. В Средней Азии было и то, и другое.

Еще в ходе военных действий российское правительство приступило к разработке административных и социальных реформ, одним из принципов которых была постепенность мер по организации управления краем. “Всякая крутая мера, — говорилось в одном правительственном документе, — принесет более вреда, чем пользы, и вызовет фанатизм и упорство народа”. Новая система управления должна была, по мысли Кауфмана, “ввести внешний порядок и спокойствие, обеспечить необходимые государству средства от взимания податей, установить мир с соседями и постепенно ввести население в состав Российской империи”. Иными словами, Российское правительство стремилось не к обособлению края, а к слиянию его с остальной территорией государства, учитывая специфику региона.

Отсутствие границ, отделявших метрополию от окраин, служило фактором не столько географическим, сколько политическим. Это заставляло российское правительство считаться с местными особенностями края, проявлять веротерпимость, сохранять народные обычаи. Но, к сожалению, все это не исключало злоупотреблений властью российской администрации, характерных для всей системы управления государством.

Мотивы, обусловившие наступательные действия России в Средней Азии, были политико-стратегического, экономического и социального характера. Развивавшийся капитализм нуждался в расширении экономических связей с государствами Азии, где Россия могла заявить о себе как промышленная держава. Кроме того, завоевание среднеазиатских рынков должно было содействовать ее политическому влиянию в регионе. Однако отдаленность территории, опасность пути, низкая покупательная способность среднеазиатского населения, достаточно емкий внутренний рынок препятствовали широкому торговому русско-азиатскому обмену. В России, в отличие от Англии, не флаг шел за купцом, а купец — за флагом.

Для 60—80-х годов XIX в. определяющей причиной военного наступления в Среднюю Азию было англо-русское противостояние, усилившееся после Крымской войны.

Средняя Азия в XIX в. в экономическом отношении была убыточной для России. Ее доходные поступления не соответствовали суммам, на нее расходуемым. За 12 лет управления (1868—1880) государственные затраты почти в три раза превышали сумму доходных поступлений. Положение несколько изменилось к 90-м годам, в связи со стабилизацией обстановки в Средней Азии и на Среднем Востоке. Сократились средства, выделяемые государством на военное управление, но при этом увеличились расходы на железнодорожное и городское строительство, ирригацию, школьное образование.

Российское правительство по политическим и финансовым соображениям установило в Средней Азии разную форму зависимости от России. Кокандское ханство вошло в ее состав под названием Ферганской области; Бухарский эмират и Хивинское ханство сохраняли свою внутреннюю автономию и свою систему управления до 20-х годов XX в.

Положительными последствиями присоединения Средней Азии к России были прекращение междоусобных, разорительных войн, ликвидация рабства и работорговли, упорядочение налоговой системы. Россия становилась гарантом стабильности в регионе.

С 80-х годов XIX в. началось строительство железных дорог, связавших центральную Россию со Средней Азией, происходил рост городского населения, строились новые города, росло влияние старых торгово-культурных промышленных центров, таких как Ташкент, Самарканд, Бухара, Коканд. Средняя Азия, подобно Кавказу, втягивалась в мировые экономические связи, разрушая замкнутый строй общества.

Глава 17
Социально-экономическое развитие России в конце XIX — начале XX в.

§ 1. Российский капитализм в системе мирового монополистического хозяйства на рубеже XIX—XX вв.

Экономика России на рубеже XIX—XX вв. развивалась в условиях нарастающих противоречий между уже сложившимся к этому времени промышленно-капиталистическим производством и сохранявшими свою силу в сельском хозяйстве полукрепостническими формами собственности и эксплуатации. Факторами, тормозившими развитие капитализма в России, являлись самодержавная политическая система, господство помещичьего землевладения и сословная структура общества. Но вопреки этому в экономике России происходили интенсивный рост промышленного предпринимательства, совершенствование организации промышленного производства, дальнейшее его техническое перевооружение, значительное увеличение удельного веса наемных рабочих в народном хозяйстве, повышение их культурного и профессионального уровня.

Вместе с тем капиталистическая система хозяйства использовала и различные формы докапиталистической кабальной эксплуатации, что позволяло предпринимателям-капиталистам сокращать свои расходы на модернизацию производства, особенно в трудоемких отраслях промышленности, и на социальные нужды.

Российский капитализм, несмотря на указанные неблагоприятные для него условия развития, в конце XIX — начале XX вв. сделал значительные успехи, все более вовлекаясь в мировую систему хозяйства. В ней после общеевропейского экономического кризиса 80-х годов отчетливо проявились новые тенденции: высокие темпы концентрации производства и капитала, усиление конкурентной борьбы, а главное — образование мощных производственных и финансовых объединений, которые стали занимать господствующее положение в промышленности и в финансовой системе капиталистических стран. Характерная особенность этой эпохи — усилившиеся агрессивные тенденции во внешней политике передовых капиталистических государств, обострение противоречий между ними на почве борьбы за рынки сбыта и передел мира, складывание военно-политических блоков, что привело в конечном счете к первой мировой войне.

Новая стадия мирового экономического и политического развития получила название *империализм*. Оно возникло в научной политико-экономической литературе и публицистике уже в то вре-

мя. В начале XX в. появились и специальные исследования о сущности империализма. Например, вышедшая в 1902 г. книга известного английского экономиста Джона А. Гобсона так и называлась “Империализм”. В ней на основе анализа новейших данных, характеризующих развитие современного производства и политики капиталистических государств (но главным образом Англии), автор показал экономические и политические особенности империализма как новой стадии капитализма. Почти одновременно с ним и другие исследователи экономической и политической жизни европейских государств и Америки рассматривали в своих трудах процессы резкого усиления конкурентной борьбы промышленников-капиталистов на внутренних и внешних рынках, образования монополий в промышленности и особенно в финансовой системе, усиление вывоза капитала в колониальные и отсталые страны, обострение борьбы за новые территории и рынки сбыта товаров. Были установлены факты, свидетельствовавшие об усилении роли банков в экономической и внешнеполитической жизни, когда они из кредиторов превращались в контролеров и распорядителей капиталов, вмешивались в промышленное производство. Замечены были и тенденции усиливавшегося влияния монополистического финансового капитала на политику правительства и проникновения его представителей в сферу государственного управления.

Критическое осмысление происходивших изменений в экономической жизни и роли в ней капиталистических монополий позволило ученым того времени заметить и признаки паразитизма финансового капитала, в особенности в отношении к колониальным и слаборазвитым странам. Смысл *империализма* этими учеными сводился к внешней политике финансового капитала, которая проводилась империалистическими государствами. Авторы исследований об империализме считали, что пороки его можно было “исправить” и даже преодолеть, не изменяя политического строя. Отсюда появилась теория трансформации империализма в новую ступень бесконфликтного развития капитализма. Эта теория послужила основой идеологии и движения либерального демократического социал-реформизма. Наиболее видным представителем его был один из руководителей германской социал-демократии Карл Каутский.

Оппонентом Каутскому в определении исторического места империализма выступил В. И. Ленин в книге “Империализм, как высшая стадия капитализма” (1917). Цель этой книги, как определил ее автор, — показать “по сводным данным бесспорной буржуазной статистики и признаниям буржуазных ученых всех стран, какова была *итоговая картина* всемирного капиталистического хозяйства, в его международных взаимоотношениях, в начале XX века, накануне первой всемирной империалистической войны” (Полн. собр. соч. Т. 27. С. 303).

Учитывая накопленные наукой и обобщенные факты новейшей истории, В. И. Ленин показал, что капитализм вступил в свою

высшую и последнюю стадию развития, перерос в монополистический капитализм — империализм, который характеризуют следующие основные признаки: "1) Концентрация производства и капитала, дошедшая до такой высокой ступени развития, что она создала монополии, играющие решающую роль в хозяйственной жизни; 2) слияние банкового капитала с промышленным и создание, на базе этого "финансового капитала", финансовой олигархии; 3) вывоз капитала, в отличие от вывоза товаров, приобретает особо важное значение; 4) образуются международные монополистические союзы капиталистов, делящие мир, и 5) закончен территориальный раздел земли крупнейшими капиталистическими державами. Империализм есть капитализм на той стадии развития, когда сложилось господство монополий и финансового капитала, приобрел выдающееся значение вывоз капитала, начался раздел мира международными трестами и закончился раздел всей территории земли крупнейшими капиталистическими странами" (Там же. С. 386—387).

В. И. Ленин характеризовал империализм как "загнивающий и умирающий капитализм". Однако последующий исторический опыт не подтвердил данного прогноза. Капитализм в своей высшей стадии развития не исчерпал еще своих возможностей в мобилизации резервов, в умении найти выходы из тяжелых экономических ситуаций, в недрах его системы продолжают развиваться производительные силы на основе новейших систем организации производства, его технического оснащения, использования новейших видов энергии, сырьевых ресурсов и сложных наукоемких технологий.

§ 2. Динамика промышленного развития России в 1893—1913 гг.

Промышленный подъем 1893—1899 гг.

В 1893 г. в России начался *промышленный подъем*, в результате которого в начале XX в. окончательно сложилась система российского капитализма с ее экономическими, социальными и политическими особенностями.

Рост промышленного производства происходил во всех отраслях промышленности. Наиболее высокие его темпы были в металлургии, машиностроении и горнозаводской промышленности. Продукция черной металлургии за 1893—1899 гг. увеличилась более чем в три раза, причем прирост происходил главным образом за счет новых, лучше оснащенных металлургических заводов Юга России. В три раза увеличилось производство и в машиностроении, основной продукцией которого были транспортные средства.

Быстрые темпы роста тяжелой промышленности требовали увеличения добычи минерального топлива: добыча нефти возросла более чем в два с половиной раза, а каменного угля — почти в три раза.

Бурный подъем переживало железнодорожное строительство, в которое вкладывались огромные государственные средства. За 1890—1900 гг. протяженность железных дорог увеличилась почти в два раза (с 31 тыс. до 58 тыс. верст). Большое значение для экономики России имело проведение железных дорог, связавших промышленный центр России с окраинами. Железнодорожное строительство предъявляло большой спрос на продукцию металлургии и машиностроения.

По абсолютным размерам производства на первом месте продолжала оставаться текстильная промышленность, но по темпам своего роста она значительно уступала отраслям тяжелой промышленности.

Итогом промышленного подъема 1893—1899 гг. явились не только общее увеличение (более чем в 2 раза) продукции промышленности, но и значительная концентрация производства, повышение производительности труда и техническое перевооружение предприятий.

Кризис 1900—1903 гг. За промышленным подъемом 1893—1899 гг. последовал кризис 1900—1903 гг. Он охватил все развитые капиталистические страны, но для России он оказался особенно тяжелым и длительным.

Первым признаком кризиса явилось резкое падение цен на основные виды продукции промышленных предприятий. Этому предшествовали сокращение Государственным и частными банками кредита предприятиям и повышение ставки учетного процента, вызванное европейским денежным кризисом 1899 г. Предприятия вынуждены были сами сокращать кредит под отпускаемые товары, что тяжело отразилось на реализации продукции, а это, в свою очередь, привело к продолжительному падению курса акций и цен на товары, обесцениванию самых дорогих предприятий. Производство сокращалось на всех предприятиях. Около 3 тыс. средних и мелких из них закрылись. В меньшей степени кризис затронул наиболее крупные предприятия вследствие комбинированного характера производства на большинстве из них, что давало им возможность маневрирования на рынке.

Кризис 1900—1903 гг. способствовал дальнейшей концентрации производства, особенно в важнейших отраслях промышленности — металлургической, машиностроительной и топливной.

Депрессия 1904—1908 гг. В отличие от капиталистических стран Европы, где с 1904 г. уже начался восходящий цикл экономического развития, сменившийся в 1907 г. новым промышленным кризисом, Россия пережила длительную полосу экономической депрессии, которая характеризовалась медленным приливом капитала в промышленность. Застой в промышленном развитии был связан с ухудшением финансового состояния страны в результате

огромных затрат на ведение русской-японской войны 1904—1905 гг. и с дефицитом государственного бюджета. Другим фактором, отразившимся на экономическом состоянии страны, явилась революция 1905—1907 гг. Массовое забастовочное движение привело в значительной мере к дезорганизации производства. Кроме того, русские и особенно иностранные капиталисты, напуганные революцией, не только не вкладывали капиталы в промышленность, но и свертывали производство. На сельское хозяйство разрушающе подействовали массовые разгромы помещичьих имений и репрессии властей по отношению к крестьянам.

Несмотря на указанные неблагоприятные факторы, за 1900—1908 гг. на 432 тыс. человек увеличилась численность рабочих, а объем промышленной продукции возрос на 37%. Стабилизировалось положение коммерческих банков, что способствовало росту учетно-ссудных операций. Существенно возросла концентрация капиталов в банках.

Промышленный подъем, рост торговли, транспорта и кредитной системы

С конца 1909 г. полоса длительной депрессии сменилась новым промышленным подъемом. Показатели темпов роста производства в некоторых отраслях промышленности оказались за эти годы намного выше, чем во время промышленного подъема 1893—1899 гг. Самые высокие темпы производства наблюдались в наиболее крупных и монополизированных отраслях — в топливной промышленности, в черной и цветной металлургии, машиностроении. В значительной степени рост производства этих отраслей промышленности был обусловлен огромными государственными заказами на военные нужды. На улучшение экономической конъюнктуры оказали влияние и высокие урожаи 1909—1913 гг. (за исключением 1911 г.); стало возможным в небывалых размерах повысить экспорт хлеба, к тому же на мировом рынке цены на хлеб возросли на 35%.

За 1909—1913 гг. торговый оборот возрос на 2,3 млрд. руб. (в полтора раза). Выросли денежные вклады и текущие счета в кредитной системе: к 1913 г. они достигли 4,7 млрд. руб., увеличившись по сравнению с 1900 г. в 2,4 раза.

В годы промышленного подъема темпы роста производства в ряде ведущих отраслей промышленности были выше, чем в высокоразвитых странах Европы и в США. Например, объем выпускаемой продукции в машиностроении увеличился за эти четыре года в полтора раза, причем значительно расширился ассортимент машин и механизмов. Высокими темпами развивались пищевая и хлопчатобумажная промышленность. Значительно возросла сеть железных дорог, которая к 1913 г. составила 64 тыс. верст (без учета Финляндии, КВЖД и местных). Немалую роль играл и речной транспорт, который имел хорошую отечественную судостроительную базу. Более 2/3 речных грузов перевозилось на паровых судах. Морской

торговый флот пополнился крупными пароходами и теплоходами дальнего плавания.

Однако промышленный подъем 1909—1913 гг. не вызвал появления на карте России новых промышленных центров, как это было в конце 1890-х годов. Основная часть промышленного производства по-прежнему сосредоточивалась в старых промышленных районах, но внутри этих районов произошли некоторые структурные изменения. Так, в Центрально-промышленном районе существенно поднялся удельный вес тяжелой промышленности — район стал крупным центром машиностроения. В Северо-Западном районе выросли крупные предприятия текстильной и химической промышленности. Южный район и Украина продолжали оставаться основной базой горнодобывающей, металлургической и сахарной промышленности, однако здесь появились новые машиностроительные и судостроительные предприятия. В Бакинском районе, который продолжал оставаться основным нефтедобывающим центром страны, выросли предприятия нефтяного машиностроения.

§ 3. Монополистические объединения

Монополистические объединения в промышленности, на транспорте и в торговле

Первые *монополистические объединения* возникли в России в 80-е годы XIX в. в металлургической промышленности и в транспортом машиностроении. Связанные с выполнением крупных железнодорожных заказов, они взяли на себя функции объединенного руководства в этой важной отрасли производства. Так, временные союзы нескольких предприятий, выпускавших одинаковую продукцию, уже тогда распределяли заказы на определенные виды продукции согласно принятым Советом этих объединений квотам. Этим же органом устанавливалась цена на продукцию. Объединения носили временный характер: договоры между предприятиями заключались на 3—5 лет. По истечении срока договора эти монополистические объединения распадались. Подобного типа объединения в 90-х годах XIX в. возникали в текстильной, свеклосахарной, нефтедобывающей и нефтеобрабатывающей промышленности.

В организационном отношении временные монополистические союзы 80—90-х годов представляли собой *картели* — такую форму объединения, участники которого заключали соглашение о регулировании объемов производства, условиях сбыта продукции и найме рабочих в целях извлечения монопольной прибыли. Участники картеля сохраняли производственно-коммерческую самостоятельность. Впоследствии большинство картелей перерастали в *синдикаты* — объединения, где распространение заказов, закупка сырья и реализация произведенной продукции осуществлялись через единую сбытовую контору. В синдикате сохранялась производст-

венная, но утрачивалась коммерческая самостоятельность отдельных предприятий. Наиболее высокой формой монополистического объединения являлся *трест*. Тресты монополизировали не только сбыт, но и производство в определенной отрасли промышленности, поэтому они объединяли те предприятия, в которых производилась однородная продукция. У входивших в трест предприятий утрачивалась их коммерческая и производственная самостоятельность; предприятия превращались фактически в отделы гигантского производства, управляемого из единого центра — Правления треста.

Обычно сосуществовали все три названных типа промышленных монополистических объединений, но при преобладании одного из них. Для России начала XX в. были характерны монополистические объединения в форме синдикатов.

Экономический кризис 1900—1903 гг. дал новый толчок монополизации промышленности. Начинается следующий этап истории монополистического капитала, когда капиталистические монополии стали одной из основ хозяйственной жизни, охватывая практически все отрасли тяжелой и некоторые легкой промышленности. Складываются также устойчивые связи между крупнейшими промышленными предприятиями и банками. Монополизации промышленности способствовала и экономическая политика царского правительства, видевшего в ней средство спасения крупных предприятий от краха в годы кризиса.

Ведущая роль в становлении монополистического капитала принадлежала отраслям промышленности, производившим средства производства. Участие иностранного капитала в монополизации ограничивалось финансированием отдельных контрагентов крупных синдикатов в металлургической, топливной и некоторых других отраслях промышленности.

Крупнейшим промышленным монополистическим объединением в России был возникший в 1902 г. синдикат "*Продамет*" ("Общество для продажи изделий русских металлургических заводов"). Постепенно этот синдикат прибирал к своим рукам реализацию наиболее важных видов продукции металлургической промышленности. Хотя он объединил не более 20% заводов этой отрасли, они производили 80% всей продукции на сумму 255 млн. руб. (данные 1910 г.).

В 1902 г. был образован синдикат "*Трубопродажа*", куда вошли все предприятия трубопрокатного производства. Деятельность проволочных и гвоздильных предприятий контролировалась синдикатом "*Гвоздь*" (1904), а после его распада — синдикатом "*Проволока*" (1908).

Монополистическое объединение в цветной металлургии "*Медь*" (1907) выступало от имени торговых обществ, но за спиной его стояла обосновавшаяся в Москве германская торговая фирма "Вогау", получившая от русского правительства монопольное право на продажу меди. Заключив соглашение с меднопрокатными заводами, она

лишила их самостоятельности в покупке меди и в продаже изделий из нее.

Высокого уровня монополизация достигла в нефтяной промышленности, где монополистические соглашения охватили не только весь внутренний рынок, но и экспортный. В этой отрасли действовали две главные фирмы — товарищество "*Братья Нобель*" и общество "*Мазут*", которые представляли собой монополистические организации высшего типа. В 1905 г. они заключили между собой соглашение, монополизировавшее 77% торговли нефтепродуктами.

В каменноугольной промышленности синдикат "*Продуголь*" ("Общество для торговли минеральным топливом Донецкого бассейна", основано в 1904 г.) объединил предприятия с 75% всей добычи угля в этом районе. Образовавшиеся позднее угольные синдикаты, которые действовали на местных рынках Урала, Сибири и Польши, вскоре попали под влияние "Продугля". В районе Донбасса и Криворожья развернул свою деятельность основанный в 1907 г. синдикат "*Продаруд*". Он объединил крупнейшие горнорудные предприятия Юга России.

В транспортном машиностроении в этот период возникли два синдиката, которые почти полностью монополизировали эту отрасль промышленности: "*Продвагон*" (1904) и "*Союз паровозостроительных заводов*" (1906).

Крупные монополистические синдикаты возникли в цементной и резиновой отраслях промышленности. Первый под названием "*Русское товарищество торговли цементом*" (1904) монополизировал 90% производства цемента, второй — "*Треугольник*" (1907) объединил все предприятия по изготовлению резиновых изделий.

Монополистические объединения действовали в речном и морском судоходстве. Так, в течение трех лет (1906 — 1908) на всех крупных реках России появились синдикатского типа объединения пароходств, которые монополизировали все пароходные сообщения в бассейне Волги, Днепра и сибирских рек. В морском судоходстве в 1903 г. возник синдикат "*Объединенное товарищество транспортирования и страхования грузов в Персии*", монополизировавший все заграничные грузопотоки на Каспийском море. В противовес монополии товариществ "Бр. Нобель" и "Мазут" владельцы наливных судов в 1907 г. создали синдикат "*Союз каспийских судовладельцев наливного флота*", сосредоточивший в своих руках 65% грузоподъемности всех наливных судов. На Черном море "Русское общество пароходства и торговли ("*РОПИТ*"), поглотив ряд других пароходных предприятий, монополизировало почти все грузопотоки.

В период экономического подъема (1909—1913) образовались новые монополистические объединения в виде картелей и синдикатов, шел интенсивный процесс централизации капитала и концентрации производства. Но характерной чертой этого времени стало создание монополий высшего типа — трестов и концернов. Возник-

ли такие комбинированные объединения, которые включали предприятия, осуществлявшие все стадии производства — от добычи сырья до организации сбыта готовой продукции. В России тресты возникали или путем слияния отдельных предприятий в одно, или на основе общего финансирования, при сохранении формальной самостоятельности входивших в трест предприятий. Наибольшее распространение получила вторая форма трестирования. Трестирование в первую очередь охватило отрасли тяжелой промышленности, где оно осуществлялось при участии правительственных органов.

Перед первой мировой войной практически не было в России такой отрасли промышленности или транспорта, которых не затронул бы процесс монополизации. Всего в России в то время существовало около 200 разного вида монополистических объединений. Ведущую роль среди них занимали 30 крупных монополий. Овладев внутренним рынком, монополии диктовали цены и искали выходы на внешний рынок. Таким образом монополистические объединения превратились в основной фактор хозяйственно-экономической жизни России.

Банковская система

Перед первой мировой войной Россия располагала высокоразвитой банковской системой. Центральное место в ней занимали *Государственный банк* России и столичные акционерные коммерческие банки. Государственный банк России помимо своей роли как центрального эмиссионного банка и крупнейшего кредитного учреждения являлся важнейшим органом проведения в жизнь экономической политики правительства. Наряду с Особой канцелярией по кредитной части Министерства финансов Государственный банк был важнейшим звеном государственного хозяйства. Он оказывал поддержку банковским монополиям, сам осуществлял кредитование промышленности и торговли через широкую сеть своих отделений и контор.

Вторым крупным важным звеном в российской кредитной системе были *частные акционерные банки коммерческого кредита.* По концентрации капитала акционерные банки России превосходили банки развитых капиталистических стран. Наиболее крупную роль играла группа петербургских банков (так называемая "пятерка") — *Русско-Азиатский, Петербургский международный, Азовско-Донской, Торгово-промышленный и Русский для внешней торговли.* На их долю приходилась почти половина всех ресурсов капитала и активов русских акционерных банков.

Несмотря на высокий уровень концентрации и централизации капитала акционерных банков, резко возросла численность обществ взаимного кредита и городских банков. В 1913 г. в России насчитывалось 1108 обществ взаимного кредита с общей суммой основных активов 865 млн. руб. и 317 городских банков с суммой активов 245 млн. руб.

В системе земельного кредита по-прежнему выделялись основанные в 80-х годах XIX в. два государственных банка — *Дворянский земельный банк* и *Крестьянский поземельный банк*. Их деятельность способствовала развитию капиталистического предпринимательства в сельском хозяйстве. Помимо государственных учреждений земельного кредита действовали еще 8 местных дворянских земельных банков, 10 акционерных земельных банков и 36 городских кредитных обществ. Более 60% всех кредитов поземельных банков центральных и местных было выдано поместному дворянству. Тем самым царское правительство оказало существенную поддержку сохранению помещичьего землевладения.

Промышленный подъем 1909—1913 гг. создал благоприятные условия для притока золота в Государственный банк и увеличения вкладов в частные коммерческие банки.

Финансовый капитал

Путем объединения ("сращивания") промышленного капитала с банковским создавалась система *финансового капитала*. Возникали объединенные промышленно-банковские монополии. Так, в годы предвоенного экономического подъема под руководством Русско-Азиатского и Петербургского международного коммерческих банков возникли два таких крупнейших объединения. Под контроль Русско-Азиатского банка вошли громадный военно-промышленный концерн "Путиловский-Невский", нефтяной концерн в составе трестов А. И. Манташева, С. Г. Лианозова и товарищества "Нефть", табачный, ниточный и жировой синдикаты. Кроме того в сфере влияния этого банка оказались ряд железнодорожных обществ, предприятия машиностроительной, горнорудной и каменноугольной промышленности. Финансово-промышленная группа Петербургского международного коммерческого банка создала огромный военно-промышленный концерн путем слияния двух трестов — строительного "Николаевский-Россуд" и транспортного машиностроения "Коломна-Сормово". Все предприятия, вошедшие в эти гигантские финансово-промышленные объединения, номинально сохраняли самостоятельность, но руководство банков полностью контролировало их деятельность.

Финансово-промышленные группы меньшего масштаба были созданы другими петербургскими банками — Учетным, Ссудным, Коммерческим, Азовско-Донским и Русским для внешней торговли.

Возникновение государственно-монополистических объединений

Накануне и особенно в годы первой мировой войны развивались государственно-монополистические тенденции. Они выражались в соединении экономического потенциала капиталистических монополий с государственным аппаратом управления. Так, созданный еще в 1902 г. Комитет по распределению железнодорожных заказов, действовавший в тесном контакте с монополиями, превратился в государственно-монополистическую ор-

ганизацию. В государственно-монополистическую организацию в области судостроения превратилось и образованное в 1908 г. "Совещание по судостроению".

Государственно-монополистические тенденции прослеживались в сращивании банковских монополий с государственными финансовыми учреждениями. Их связи закреплялись личными униями. Крупнейшими российскими банками руководили бывшие высокопоставленные чиновники Министерства финансов, Министерства торговли и промышленности, Морского министерства. Государственные финансы использовались финансовой олигархией в качестве крупного источника сверхприбылей капиталистических монополий.

Иностранный капитал в России

Россия с ее богатейшими запасами сырья и дешевой рабочей силой представляла сферу наиболее выгодного помещения для *иностранного капитала.* В производственной сфере иностранный капитал инвестировался главным образом в тяжелую промышленность. Его размеры в таких отраслях, как горнопромышленная, металлообрабатывающая и машиностроение, превышали российские капиталовложения. Значительной была доля вложений иностранного капитала в коммунальное хозяйство российских городов, строительство и химическую промышленность.

В металлургии и угольной промышленности Юга России преобладал *франко-бельгийский* капитал. *Английский* капитал инвестировался в нефтедобычу Бакинского района, в медную промышленность Урала и Казахстана, а также в золотодобывающую промышленность Сибири. *Германский* капитал занимал первенствующие позиции в отраслях тяжелой промышленности Польши и Прибалтики, коммунальном хозяйстве Петербурга и Москвы.

Инвестируемые в экономику России иностранные капиталы реализовывались, как правило, не в виде филиалов заграничных монополий, а вкладывались в действовавшие российские предприятия и объединения и по сути дела превращались в составную часть российского капитала. Таким образом, несмотря на финансовую зависимость России от иностранного капитала, русский финансовый капитал сохранял свою самостоятельность в определении направлений развития российской экономики.

Иностранный капитал поступал и в виде государственных займов для покрытия растущих расходов на бюрократический аппарат управления и на военные нужды. К 1914 г. государственный долг России по этим займам достиг 5,4 млрд. руб.

§ 4. Сельское хозяйство России в начале XX в.

Интенсивный рост промышленности, городов и промышленного населения, развитие железнодорожной сети способствовали возраставшему спросу на сельскохозяйственную продукцию и расши-

рению ее производства. В 1900—1913 гг. сельскохозяйственное производство выросло на 34%. Хотя удельный вес доходов от сельского хозяйства за эти годы несколько снизился, он продолжал оставаться доминирующим в экономике страны.

Помещичье хозяйство

В начале XX в. помещичье землевладение продолжало сокращаться. Наиболее интенсивно оно сокращалось в 1906—1916 гг: за эти годы из 51 млн. десятин дворянской земли 9,5 млн. были проданы Крестьянскому банку и 8,8 млн. заложены в Дворянском банке. За счет продаж земли и залоговых операций помещики получили крупные суммы денег. В руках помещиков оставались еще значительные земельные владения, которые давали солидный доход. Эти земли использовались в основном для крупного сельскохозяйственного предпринимательства, но большей частью они сдавались в аренду — денежную, испольную и даже отработочную. Только от продажи и залога земли, сдачи ее в аренду помещики получили в 1906—1916 гг. 3,3 млрд. руб.

Для помещичьего хозяйства в начале XX в. была характерна тенденция повышения его товарности. Удельный вес помещичьего хлеба на зерновом рынке неуклонно возрастал. К 1916 г. на долю помещичьего хозяйства приходилось 47% всего производимого хлеба в России. Этому способствовали повышение его агротехнического уровня и благоприятная рыночная конъюнктура, сложившаяся в 1909—1913 гг.

Помещичье хозяйство все более приобретало характер крупного капиталистического производства с применением новейших машин, новейших агротехнических приемов и наемного труда. Наемный труд применяли 81% помещичьих хозяйств, при этом в крупных хозяйствах (с посевами свыше 100 десятин) удельный вес наемного труда достигал 97—100%. Вместе с тем масса мелких помещиков вели свое хозяйство по старинке — путем сдачи части земли в аренду под отработки с использованием примитивного крестьянского инвентаря.

В начале XX в. крупными землевладельцами стали представители монополистического капитала Исследователи выявили для этого времени 272 торгово-промышленных товарищества, имевших 3,6 млн. десятин (в среднем по 13 тыс. десятин на каждое). Крупными помещиками стали такие известные текстильные фабриканты, как Рябушинские, Морозовы, Коноваловы. В то же время титулованные помещики-латифундисты становились участниками монополистических промышленных союзов. Так, в число членов Союза сахарозаводчиков входили представители титулованных дворянских фамилий — Бобринских, Браницких, Потоцких.

Крестьянское хозяйство

Основной производительной силой в сельском хозяйстве России в начале XX в. оставалось крестьянство, которое составляло 3/4 населения страны. На долю *кресть-*

янского зозяйства приходилось 88% валового сбора зерновых и около 50% товарного хлеба. Крестьянское хозяйство давало основную часть и остальной сельскохозяйственной продукции.

Обеспеченность надельной землей крестьянства была крайне неравномерной. По данным земельной переписи 1905 г., в общинном и подворном владении крестьян находилось 137 млн. десятин земли. Примерно половина ее (64 млн. десятин) находилась в руках зажиточного крестьянства, составлявшего 1/6 (2,1 млн.) дворов. Такая неравномерность в земельном обеспечении обусловливала существенные имущественные различия в деревне. На долю 1/6 зажиточных дворов приходилось 38% валового сбора зерна и 34% товарного хлеба. Бедняцкие и середняцкие хозяйства продавали менее 15% собранного ими хлеба, причем это была вынужденная продажа во время сбора податей.

Развитие производительных сил в крестьянском хозяйстве протекало медленно. Главным тормозом при низкой агротехнике являлось крестьянское малоземелье. Оно обострялось вследствие естественного прироста сельского населения и дробления крестьянских дворов путем роста семейных разделов. При остром малоземелье крестьяне вынуждены были прибегать к аренде помещичьей земли, обычно на кабальных условиях. Высокая арендная плата отнимала у крестьян 81% их доходов.

Сохранявшиеся в аграрных отношениях крепостнические пережитки тормозили развитие сельского хозяйства, что усугублялось и часто постигавшими деревню стихийными бедствиями — неурожаями и эпизоотиями. Особенно тяжелыми для большинства российских губерний оказались голодные 1891—1892, 1897 и 1908 гг.

Общий итог состояния сельского хозяйства в России накануне первой мировой войны

Промышленный подъем 1909—1913 гг. способствовал заметному росту производства в сельском хозяйстве. На этот рост оказало существенное влияние и повышение цен (на 41%) на сельскохозяйственную продукцию.

Рост посевных площадей происходил в различных регионах страны неравномерно. В целом по стране за 1901—1913 гг. посевные площади увеличились на 15,5%, в то время как в Европейской России — лишь на 7,8%, а в Центральном промышленном регионе они даже несколько сократились. Значительный прирост посевных площадей происходил в южных степных губерниях, на Северном Кавказе и в Сибири.

Сельское хозяйство России имело преимущественно *зерновое* направление. 25% посевной площади и 31% сбора урожая приходились на озимую рожь, затем следовали пшеница, овес и ячмень. Урожайность зерновых заметно возросла преимущественно в помещичьих капиталистических экономиях и в богатых крестьянских хозяйствах. По объему производства хлебов Россия занимала первое место в мире.

Заметно увеличилось производство *технических культур*: выросли сборы картофеля, росла посевная площадь под сахарной свеклой, значительно повысились посевы льна, который продолжал оставаться преимущественно “крестьянской” сельскохозяйственной культурой. Большие успехи были достигнуты в *хлопководстве* — в Средней Азии и частично в Закавказье. Расширялись *виноградарство* и *садоводство* на Кавказе, в Бессарабии и Средней Азии. В Западной Грузии было положено начало чайным плантациям.

Заметны были сдвиги и в *животноводстве*. Возросло поголовье крупного рогатого скота и улучшилось его качество, что способствовало увеличению экспорта продукции животноводства примерно в 2,5 раза. В сельское хозяйство вкладывался капитал частных фирм и коммерческих банков, которые стремились сосредоточить в своих руках реализацию сельскохозяйственной продукции на рынке.

Возросли внутреннее производство и ввоз сельскохозяйственных машин. Однако в целом уровень оснащения крестьянских хозяйств продолжал оставаться еще низким: половина крестьянских хозяйств не имели плугов и обрабатывали землю сохами и косулями.

Характерной особенностью эпохи было интенсивное развитие различных форм кооперации, преимущественно на селе. Перед первой мировой войной в России насчитывалось 12,2 тыс. кредитных и ссудо-сберегательных товариществ. Число сельских кооперативов с 1900 по 1913 гг. возросло в 18 раз. Еще более значительным был рост различных видов кооперативов в годы первой мировой войны (их насчитывалось уже 50 тыс.). Кредитная кооперация ослабляла давление ростовщического капитала на деревню, способствовала укреплению экономического положения деревенской верхушки, которая являлась и основным вкладчиком и получателем кредитных ссуд.

§ 5. Внутренняя и внешняя торговля

Внутренняя торговля

Новые экономические условия приводили к возникновению и новых форм в *торговле* — в первую очередь к значительной ее концентрации и усилению роли банковского капитала в торговых операциях. В 1900—1913 гг. внутренний товарооборот России вырос на 64 % и достиг 18,5 млрд. руб. Получили развитие торговые акционерно-паевые предприятия. Значительно поднялся удельный вес магазинной торговли. В крупных городах появились специализированные и универсальные магазины. Дальнейшее развитие получила биржевая торговля.

Однако наряду с новыми формами торговли сохранялись и старые. В начале 900-х годов 87% товарооборота приходилось на мелкие лавки, палатки и торговлю вразнос. Недостаточность транспортной сети, товарных складов и элеваторов *сдерживала* внедре-

ние новых форм торговли. Развитие внутренней торговли в целом тормозилось и низкой покупательной способностью основной массы населения — крестьян. В 1912 г. крестьянин тратил на приобретение товаров на рынке в 16,5 раз меньше, чем горожанин.

Возрастал экспорт русских товаров за границу. В 1900—1913 гг. вывоз русских товаров, несмотря на высокие таможенные пошлины, увеличился на 212%. Главным экспортным товаром оставался хлеб, а также другие продукты сельского хозяйства и сырье. Удельный вес промышленных товаров в русском экспорте не превышал 10%; большая их часть вывозилась в Китай и Иран. В составе импортируемых Россией товаров значительную часть составляли оборудование для промышленности и сырье для текстильной промышленности. Немалую долю в импорте составляли предметы роскоши. Главными внешнеторговыми партнерами России являлись Англия и Германия.

В 1905 г. для руководства внешней и внутренней торговлей было создано Министерство торговли и промышленности. Тесно связанное личными контактами с крупнейшими банковскими и промышленными монополиями Министерство проводило активную защиту интересов российской финансовой олигархии.

§ 6. Распространение монополистического капитала на окраины России

Для монополистического капитала характерно стремление к расширению своей "хозяйственной территории" — перенесению своей деятельности на колонизуемые им регионы и страны. Такое стремление было присуще и российским монополиям. Однако в отличие от колониальной экспансии империалистических государств Западной Европы, направленной на заморские территории, российский монополистический капитал осуществлял расширение хозяйственной территории в границах собственного многонационального государства. Роль регионов для приложения капиталов и выкачивания сверхприбылей финансовыми монополиями выполняли громадные неосвоенные и малоосвоенные территории Сибири и Дальнего Востока, а также "национальные окраины", в различное время вошедшие в состав Российского государства. Необходимо отметить, что наименование "национальные окраины" в системе российского империализма не совпадает с общепринятым понятием "колонии".

В литературе по истории мирового капиталистического рынка в рассматриваемый период понятие *колонизации* в экономике связано, во-первых, с наличием незанятых, свободных земель, легко доступных переселенцам, во-вторых, с наличием мирового разделения труда, благодаря которому колонии могут специализироваться на массовом производстве сырьевой, главным образом сельскохозяйственной продукции, получая в обмен за нее промышленные товары. Россия располагала такими свободными пространствами в

пределах своих государственных границ; свободные территории не были отделены от нее морями и отдаленными расстояниями. Территории, пригодные для экономической колонизации и распространения вширь монополистического капитала (Сибирь, Дальний Восток, Кавказ, Казахстан, Средняя Азия), составляли 17 млн. кв. км с населением более 33 млн. человек.

В малозаселенных регионах Сибири и Дальнего Востока (где отсутствовало помещичье землевладение, были более благоприятные условия для колонизации и куда направлялся основной поток русских переселенцев) капитализм развивался сравнительно быстрыми темпами. В национальных окраинах (Закавказье и Средняя Азия), где господствовала феодальная и полуфеодальная местная знать и были сильны пережитки родового строя, капитализм развивался медленнее. Однако экономическое проникновение российского монополистического капитала в национальные окраины в начале XX в. существенно облегчалось проведением туда железных дорог. С 1892 по 1917 гг. их протяженность в Средней Азии, в Закавказье и Сибири увеличилась в 10 раз.

Российский финансовый и промышленный капитал включил в единую систему капиталистического хозяйства неосвоенные просторы Сибири, Дальнего Востока и национальные регионы. На 1 января 1914 г. в этих регионах официальная статистика насчитывала более 7 тыс. промышленных заведений с 107 тыс. рабочих. Преимущественно это были предприятия по первичной обработке сырья, последующая переработка которого в готовый продукт происходила уже на промышленных предприятиях в центре России.

В национальных окраинах получили развитие торгово-ростовщическая эксплуатация, неэквивалентный обмен, спекуляции, кабальные долговые кредиты и прочие “прелести”, которые принесли туда представители “первоначального накопления” — ростовщики, посредники, скупщики и перекупщики. Эти формы кабальной эксплуатации соединялись с системой монополистического финансового и промышленного капитала. Финансовый капитал создавал широко разветвленную сеть отношений и связей, подчинявшую ему массу средних и мелких капиталистов и хозяйчиков.

§ 7. Население России в 1897—1913 гг. и его социальная структура

Данные о росте населения и его передвижении

С 1897 по 1913 гг. население России (без Финляндии и Польши) увеличилось со 125,6 млн. до 159,2 млн. человек (на 33,4%). За счет сокращения детской смертности средняя продолжительность жизни (по сравнению с пореформенной эпохой) возросла с 27 до 33 лет, а естественный прирост населения — с 14 до 17 на 1 тысячу жителей. Однако периодические голодовки и эпидемии при низком уровне народного здравоохранения продолжали уносить миллионы человеческих

жизней, и смертность в России была выше в 1,7 раз, чем в Германии, и в 2 раза, чем в Англии.

После снятия законом 1904 г. ограничений на крестьянские переселения значительно усилился поток крестьян, переселявшихся в восточные и южные окраины России. Основная масса переселенцев оседала в южных степных губерниях и в Западной Сибири. Однако поток переселенцев в эти районы не внес особых изменений в структуру размещения населения в целом по стране. Основная его масса (до 80%) сосредоточивалась в европейской части России, однако и здесь оно было распределено крайне неравномерно. Так, в 1912 г. при средней плотности населения Европейской России 29 жителей на 1 кв. версту в центральных и некоторых украинских губерниях приходилось на 1 кв. версту 100 жителей, в то время как в северных губерниях (Архангельской, Олонецкой и Вологодской) менее 7 человек.

Россия представляла собой многонациональную страну, в которой проживали более ста крупных народов и небольших национальных групп. Разнообразен был уровень их социально-экономического развития — от примитивных форм патриархально-родового строя и охотничье-скотоводческого кочевого хозяйства до развитых капиталистических отношений.

Городское население с 1897 по 1913 гг. увеличилось с 16,8 млн. до 28,5 млн. человек (на 70%), а удельный вес его по отношению ко всему населению — с 13,4% до 17,9%. Наиболее высокие темпы его роста наблюдались в крупных городах. Так, за указанные годы население Петербурга увеличилось с 1,3 млн. до 2,2 млн. человек, Москвы — с 1,04 млн. до 1,7 млн. человек. В городах с населением свыше 100 тыс. жителей проживало 9,3 млн. человек (33% городского населения). В начале XX в. произошли существенные изменения в количественном составе основных социальных групп населения России — рабочих, крестьян, буржуазии, помещиков.

Рабочие

С 1897 по 1913 гг. численность лиц наемного труда выросла в полтора раза и достигла 17,8 млн. человек. Значительно увеличился удельный вес *рабочих* в наиболее технически оснащенных отраслях промышленности — в машиностроении, металлургии, а также на железных дорогах. В крупных промышленных городах резко возросли число и удельный вес (по отношению к городскому населению) индустриального пролетариата. На этих предприятиях складывались кадры потомственных рабочих, окончательно порвавших связи с деревней. К 1913 г. их удельный вес составлял более половины всех рабочих. Возрос и удельный вес женщин-работниц: в некоторых отраслях промышленности они составляли треть всех работавших, а в текстильной — более половины. Широко применялся на заводах и фабриках детский труд.

В 1900—1913 гг. заметно возросла концентрация рабочих на крупных предприятиях. Наиболее высокого уровня она достигла в

хлопчатобумажной и металлургической отраслях промышленности. Ниже сравнительно с ними она была в машиностроительной, горнодобывающей и сахарной промышленности. В крупных промышленных городах, особенно в Петербурге, на предприятиях с числом свыше 1000 человек было занято 60% индустриальных рабочих. Мощные капиталистические предприятия объединяли и сплачивали рабочих в крупные коллективы. Их единство укреплялось общими профессиональными интересами и целями в коллективном отстаивании своих прав. Среди индустриальных рабочих отмечалась наиболее высокая грамотность. Повышение культурного уровня способствовало и росту политической активности рабочих.

Хотя в ходе революции 1905—1907 гг. рабочие и добились ряда уступок от предпринимателей и правительства (легализации профсоюзов, повышения заработной платы и сокращения продолжительности рабочего дня), тем не менее условия их труда и быта продолжали оставаться еще тяжелыми. Почти на всех предприятиях отсутствовала охрана труда, профессиональные болезни и высокий трудовой травматизм были повсеместным явлением. Оставался низким уровень медицинского обслуживания. Мало изменились жилищные условия.

Крестьянство В конце XIX — начале XX в. существенно менялся экономический и социальный облик деревни. *Крестьянство* утрачивало былой патриархальный облик. Наиболее значительные перемены произошли в составе крестьянства, его землеустройстве, хозяйственной деятельности, изменился и сам его быт в результате проведения аграрной столыпинской реформы. Шла ломка общинных порядков. Миллионы крестьян, выйдя из общины, продали свои наделы зажиточной части деревни и устремились в города, пополнив ряды наемных рабочих на фабриках и заводах. Часть крестьян переселилась в Сибирь. Более удачливые смогли наладить свои хуторские хозяйства.

Тем не менее община, несмотря на насильственную ее ломку, не была разрушена, проявив свою устойчивость и живучесть. Аграрно-крестьянский вопрос не был решен, острота социальных противоречий в деревне не была снята. Сохранялись условия для мощного аграрного движения в деревне, которое заявило о себе летом 1917 г.

Буржуазия Количественные и качественные изменения произошли в составе и положении российской *буржуазии.* Численность ее возросла на 40%. Она представляла собой экономически самый могущественный социальный слой капиталистической России. Однако экономический вес буржуазии был неадекватен ее политическому положению, ее притязаниям на управление государством. Экономический облик российской буржуазии, как и буржуазии других капиталистически развитых стран, определяли наиболее передо-

вые формы организации капитала, но по своей структуре верхние слои ее отличались от западноевропейской рядом особенностей. Перед первой мировой войной выделились *три типа* российских капиталистов, различавшиеся как по своему происхождению, так и по форме организации капитала.

Еще в период домонополистического капитализма в России сформировалась крупная буржуазия в ведущих промышленных центрах, которая превратила свои семейные фирмы в акционерные предприятия с узким кругом владельцев крупных паев. В этой группе буржуазии особенно выделялись *московские* капиталисты, претендовавшие на роль выразителей интересов российских торгово-промышленных кругов. В начале XX в. крупный московский капитал постепенно становится монополистическим. Московская капиталистическая элита еще не превратилась в финансовую олигархию, не создала крупных концернов — финансово-промышленных групп, однако она сохранила свое лидерство в русских торгово-промышленных кругах. Другой тип крупного российского капиталиста представлял узкий слой финансовой олигархии, преимущественно *петербургский*, который вышел не из потомственных предпринимателей, а из числа высших служащих банковских и промышленных монополий. Среди них преобладали крупные чиновники Министерства финансов, Государственного банка и других финансовых учреждений. Они контролировали огромные капиталы акционерных, промышленных и финансовых предприятий. Третий тип был представлен многочисленной группой капиталистов, преимущественно *провинциальных*, которые действовали в основном в сфере торгового капитала.

В период монополистического капитализма еще более усиливается многонациональный характер российской буржуазии: в ее состав входила буржуазия национальных окраин, а также большая группа предпринимателей-иностранцев.

Одновременно с формированием монополистического капитала шел процесс и политической консолидации буржуазии, стремившейся к усилению своего веса и в политической жизни страны. Однако эти политические вожделения буржуазии находили выражение лишь в приспособлении к самодержавной государственной системе ради получения высоких прибылей. Поэтому возникшие в ходе революции 1905 — 1907 гг. буржуазные партии выступили с соглашательскими программами.

Помещики

Несмотря на сокращение *помещичьего* землевладения в руках поместного дворянства в начале XX в. еще находился огромный земельный фонд, стоимость которого на 60% превышала общую массу акционерного капитала в стране. Под влиянием процесса капиталистического развития страны крупнейшие помещичьи хозяйства утрачивали свой прежний феодальный характер, превращаясь в предпринимательские капиталистические экономии.

Ряды крупных землевладельцев-помещиков пополнили выходцы из других сословий. Эти новые помещики ("чумазые лендлорды") составили треть латифундистов-предпринимателей.

Крупное поместное дворянство, составляя меньшинство среди имущих верхов, занимало господствующее положение во всех сферах государственного управления и представляло собой самый сплоченный и самый образованный социальный слой в России, традиционно стоявший у кормила политической власти. Дворянство поставляло кадры высшей бюрократии в центре и на местах. Бюрократия пополнялась также выходцами и из других сословий, чем определялась двойственность ее социального облика. Выражая интересы дворянства, бюрократия постепенно сближалась с финансово-промышленным миром. Чиновники часто переходили на службу в акционерные компании, банки и другие предприятия. Они становились видными деятелями российской финансовой олигархии, возглавляя крупнейшие финансово-промышленные группы. В то же время иногда на высокие государственные должности назначались представители финансовой олигархии. Возникали устойчивые связи между государственным аппаратом и финансовой верхушкой монополистического капитала.

§ 8. Особенности монополистического капитализма в России

Несмотря на то, что капитализм в России утвердился позже по сравнению с передовыми капиталистическими странами Европы и по общему экономическому уровню она существенно отставала от них, однако по темпам развития превосходила их. В силу этого Россия вступила в стадию империализма практически одновременно с ведущими капиталистическими странами — на рубеже XIX—XX вв. В начале XX в. в ней утвердилось господство монополистического капитала.

Наряду с общими чертами и закономерностями, присущими всем странам на стадии монополистического капитализма, российский империализм имел свои особенности. Отметим, что империализм — понятие не только экономическое, но и *политическое*, точнее, *военно-политическое*.

Российский империализм носил "*военно-феодальный*" характер. Под этим следует понимать не столько экономическую, сколько политическую его особенность. Носителем "*военно-феодального империализма*" было царское самодержавие. Оно хотя и опиралось на могущество капитала, но в большей степени на свою военную силу и чиновничье-бюрократический аппарат и действовало, главным образом, военно-бюрократическими методами. Царизм прежде всего защищал интересы помещичьего класса, но он представлял также и интересы российской национальной буржуазии. Отсюда взаи-

модействие капиталистических монополий как фактической экономической власти капитала с абсолютистской военно-феодальной политической властью самодержавия.

Другая характерная особенность российского империализма — сравнительно невысокая степень его активности в вывозе капиталов. Инициативу во внешней экономической экспансии сохраняло в своих руках самодержавие, направляя ее, главным образом, на Восток и в Среднюю Азию. Для этого создавались специальные кредитные учреждения, ссужались кабальные займы, заключались железнодорожные концессии. На долю этих мероприятий приходилось около 80% вывезенного за пределы России капитала. Своеобразие положения России в системе мирового империализма состояло в том, что она, с одной стороны, была одной из великих держав, боровшихся за передел мира, а с другой — сама являлась объектом активной экономической экспансии наиболее богатых империалистических держав путем инвестиций капиталов.

В начале XX в. Россия в экономическом отношении являлась страной со средним уровнем капиталистического развития по сравнению с передовыми капиталистическими государствами. Это была аграрно-индустриальная страна, успешно развивавшая перед мировой войной промышленность, сельское хозяйство, банковское дело, и ей отнюдь не грозила перспектива превратиться в “полуколонию” наиболее развитых “империалистических хищников”. Россия отставала по общему экономическому уровню, как и по уровню жизни своего населения, лишь в сравнении с ведущими капиталистическими странами: США, Англией, Францией, Германией; но она находилась на одном уровне с Японией и даже по ряду показателей превосходила ее, была впереди большинства стран мира и уверенно завоевывала позиции в мировой экономике. Удельный вес ее в общемировом производстве продукции был еще невелик (в начале XX в. — 4%), но он неуклонно повышался (до 7% перед первой мировой войной).

Глава 18
Внутренняя политика самодержавия в конце XIX — начале XX вв.

На рубеже XIX—XX вв. Россия оставалась единственной крупной мировой державой, где сохранялась абсолютная монархия. По-прежнему вся высшая власть в России находилась в руках императора. Он определял всю государственную политику. Характер и направления этой политики зависели от многих, прежде всего объективных факторов и обстоятельств, вместе с тем на нее в гораздо большей степени, чем при других режимах, накладывала отпечаток личность главы государства.

В рассматриваемый период, с октября 1894 г. по март 1917 г., российским императором был Николай II. Его царствованием закончилось более чем тысячелетнее монархическое правление в России и более чем трехсотлетнее пребывание на российском престоле романовской династии. Каким он был последний российский император, что представляло собой его ближайшее окружение, которое так или иначе оказывало влияние на него лично и на его политику?

§ 1. Николай II и его ближайшее окружение

Николай II *Николай Александрович Романов* родился 6 мая 1868 г. в день многострадального Иова. Склонный к мистике и фатализму, он своим несчастливым днем рождения пытался порой объяснять те многочисленные невзгоды, которые приходилось ему переживать. Николай Александрович получил обычное для царских детей домашнее воспитание и образование. Воспитанием наследника престола руководил генерал Г. Г. Данилович, директор военной гимназии, имевший прозвище "иезуит". Черты, свойственные ему — умение владеть собой при любых обстоятельствах, внешняя невозмутимость, скрытность, хитрость, лукавство, двуличие, — он воспитал и у своего подопечного, бывшего, по ряду свидетельств, от рождения открытым и вспыльчивым ребенком. Николая II его современники называли "византийцем", говорили, что он "не лжет и правды не говорит". Он до сих пор остается в какой-то мере человеком-загадкой. Безусловно лишь одно: Николай II не был личностью харизматической. Не было у него той "божьей благодати", какого-либо физического, умственного или духовного качества, которое выделяло бы его. Он не обладал даже той величественной внешностью, свойственной царствовавшим до него Романовым. Среднего роста, хрупкого телосложения, внешне неброский, он производил впечатление человека робкого и застенчивого. Нередко Николая II называют безвольным, полностью зависевшим от своего ок-

ружения, что не совсем верно. Воля у него была, но еще более было у него упрямства, качества, свойственного прежде всего консервативным людям, цепляющимся за старое, не желающим считаться с теми изменениями, которые происходят в реальной жизни. Не был Николай II и глупым человеком, тем более неуместно по отношению к нему определение "умственное ничтожество", нередко встречающееся в литературе. Но ум у него был скорее обыденный, чем государственный: он не отличался глубиной и гибкостью. Николай II не обладал способностью видеть и оценивать жизнь во всей ее сложности, противоречивости, улавливать взаимосвязь различных событий, предугадывать возможные варианты и последствия их развития.

По разному оценивается и степень его образованности. Сама система его образования была хорошо продуманной. Среднее образование сочетало дисциплины классической гимназии и реального училища. Большое внимание уделялось изучению живых языков: английского, французского и немецкого. Первыми двумя языками Николай II владел в совершенстве, последним с некоторыми затруднениями. Высшее образование велось по смешанной программе курсов Академии Генерального штаба и двух университетских факультетов — юридического и экономического. Наследнику престола читали свои курсы известные в то время профессора: Н. Х. Бунге (статистику и экономику), И. Л. Янышев (богословие и историю церкви), Е. Е. Замысловский (историю) и военные специалисты: М. И. Драгоманов, Н. Н. Обручев, Г. А. Леер и др.

Важнейшие для будущего главы государства науки — государственное, гражданское и уголовное право — преподавал К. П. Победоносцев. Его влияние было наиболее сильным в формировании политического мировоззрения наследника престола, прежде всего с ним советовался Николай II в первое десятилетие своего царствования. Взгляды же Победоносцева были крайне консервативными. Ставя под сомнение сам факт общественного прогресса, он определяющее значение в истории отводил консервативному началу, силе инерции. Западные политические институты он считал неприемлемыми для России не потому, что Россия для них еще не созрела, а потому, что они, по его мнению, по сути своей были менее эффективными, чем российские. Характеризуя парламентское правление как "великую ложь", Победоносцев был твердо убежден в том, что православная неограниченная самодержавная монархия является для многонациональной России наиболее целесообразной формой государства, единственно способной примирять и сдерживать социальные и национальные противоречия и конфликты. Основное условие сохранения существовавшего в Россия государственного строя Победоносцев видел в поддержании страны в "замороженном состоянии" и считал, что даже малейшие попытки ее реформирования приведут к тому, что "все рухнет". Привил он своему ученику иммунитет и по отношению к общественному мнению. При-

знавая за общественным мнением “страшную власть”, способную подрывать существующие учреждения, законы и нравственные идеалы, он в то же время подчеркивал, что печать, создающая это мнение, столь же безответственна, как и парламенты.

Николай II, судя по его дневникам, особого интереса к учению не проявлял, оно для него было делом маетным. Тем не менее все его царствование свидетельствует о том, что те истины, которым учил его Победоносцев, были им хорошо усвоены и стали исходными в его внутренней политике. Впрочем, этим же истинам наставлял его и отец — Александр III, свято веривший в то, что самодержавием созданы величие и историческая индивидуальность России, и завещавший сыну надежно его охранять, предупреждая, что если “рухнет самодержавие, не дай Бог, тогда с ним и Россия рухнет”.

Николай II, как и все его предшественники на престоле, был твердо убежден в том, что благо, мир и процветание своему народу можно обеспечить лишь на началах консерватизма, укрепляя принципы политики официальной народности. К тому же он, сравнивая царствование реформатора-деда, закончившееся лично для него трагически, и консерватора-отца, умершего спокойно в кругу семьи и оставившего страну наследнику в состоянии мира и покоя, не мог не сделать вывода, что последствия реформ могут быть небезопасными не только для существующего порядка, но и лично для самого реформатора.

Для понимания психологии и политики Николая II нельзя не учитывать и его представления об источнике своей власти. Он искренно верил в то, что при венчании на престол, через помазание, царь получает самодержавную власть от Бога и является ответственным за свою деятельность только перед ним. Такое представление о власти усиливало консерватизм его мышления, снижало его способность адекватно реагировать на события в стране, на требования перемен. Эти его качества усугублялись его представлениями о народе, якобы исконно любящем и почитающем Бога и царя, но искушаемом интеллигенцией, которая враждебна православию и самодержавной власти.

Слово “интеллигенция” раздражало Николая II и он предлагал даже вычеркнуть его из русского словаря. Спасение от смуты, преграду от разрушительных, в его представлении, идей либерализма, демократии, социализма и атеизма Николай II видел в преодолении средостения между царем и народом, созданного якобы интеллигенцией и бюрократией, в повышении в народном сознании авторитета религии и самодержавной власти. В этом прежде всего находятся корни тех мистических увлечений, которые свойственны были последней российской царствующей чете. Пребывание во дворце различного рода юродивых и чудотворцев, среди которых самым влиятельным был Г. Е. Распутин, объясняется в значительной мере желанием августейшей четы слышать истинный, незамутненный интеллигентской агитацией и пропагандой “глас народа”. Не

случайно и то, что за двадцатилетие царствования Николая II канонизировано святых и установлено празднований угодников было больше, чем за четыре предшествовавших ему царствования. Особо знаменательными для него были торжества летом 1903 г., связанные с канонизацией Серафима Саровского. Встреча здесь с многотысячной толпой паломников, восторженно приветствовавшей царствовавших особ, еще более утвердила их в представлении о существовании "святой народной Руси", чувствами и мыслями единой со своим государем.

Николай II был личностью крайне противоречивой, как противоречива была сама эпоха, переживаемая страной в его царствование. Он не был противником использования для укрепления экономического фундамента своего государства достижений западноевропейской науки и техники. Будучи человеком утонченной аристократической культуры, он любил музыку и балет, ценил живопись, хорошо знал историю и литературу. В обыденной жизни не чуждался новейших для того времени благ цивилизации: водил автомобиль, занимался фотографией, пользовался телеграфом и телефоном, играл в теннис, но его политическое мировоззрение в основе своей более соответствовало средневековью, а не началу XX в.

Не любивший резких перемен ни в политике, ни в личной жизни, предпочитавший семейный уют беспокойным государственным делам, Николай II, быть может, был бы неплохим царем в "спокойный" период, не требующий серьезных перемен, активного и энергичного вмешательства в жизнь верховной власти; но он явно не подходил для той бурной эпохи, в которую вступила страна в начале XX в. Те реформы государственного строя, которыми все-таки вынужден был заниматься Николай II, были даны им вопреки своим внутренним убеждениям, под сильным давлением внешних обстоятельств. Потому реформы всегда запаздывали, были непоследовательными, мало кого удовлетворяли, к тому же они были зыбкими, постоянно сохранялась угроза возврата назад. В итоге не создавались в полной мере необходимые условия для модернизации страны, которая являлась не прихотью интеллигенции, одного какого-либо класса или политической партии, а общенациональной потребностью, порождаемой реально существовавшей угрозой серьезного отставания страны от быстро развивавшихся западных держав.

Хотя Николай II вступил на престол не в юношеском возрасте, он практически был мало подготовлен к управлению страной. Александр III, чуть ли не до самой своей смерти считавший Николая еще ребенком, не обременял его государственными делами. Управленческий опыт наследника престола ограничивался в основном посещением заседаний Государственного совета и Комитета министров, а также формальным исполнением обязанностей председателя комитетов по борьбе с голодом 1891—1892 гг. и по постройке Транссибирской железной дороги.

Окружение царя. Из-за отсутствия у Николая II должного опыта управления страной, а также из-за свойственных ему таких черт, как нерешительность, боязнь брать на себя ответственность при принятии решений, в начале царствования на него большое влияние оказывало его *окружение*. "Доминирующим" было влияние матери, вдовствующей императрицы Марии Федоровны, надежной хранительницы консервативных традиций августейшей семьи. Постоянными советчиками и помощниками молодого царя были также его дяди, великие князья Владимир, Алексей и Сергей Александровичи, старшие по возрасту, занимавшие важные государственные и военные посты, внешне лощенные, любившие светскую жизнь и изящные искусства. Вместе с тем они были по-солдатски грубы, в политическом отношении крайне консервативны и малокомпетентны в государственных делах. Старший из них, Владимир Александрович, командовал гвардией и Петербургским гарнизоном; по своей резкости и грубости он превосходил даже своего брата Александра III, но в то же время являлся президентом Академии художеств, покровительствовал русскому балету, особенно его блистательным гастролям в Париже. Он командовал войсками, расстрелявшими мирное шествие 9 января 1905 г. Алексей Александрович являлся генерал-адмиралом русского флота, хотя его познания в морском деле едва выходили из эпохи парусного флота. В немалой степени ему обязан российский флот своим катастрофическим поражением от японцев при Цусиме в мае 1905 г. Сергей Александрович, так же как и его братья, не блистал умом, но командовал элитным лейб-гвардии Преображенским полком, являлся московским генерал-губернатором. Женатый на Елизавете Федоровне — сестре императрицы, — он более других великих князей занимался политикой и имел наибольшее влияние на царя, будучи одним из главных вдохновителей его реакционного курса. Сергей Александрович был ответственен за трагедию, происшедшую в Москве на Ходынке в мае 1896 г. при коронации Николая II. Однако влияние дядей на Николая II было преходящим и имело место в основном до 1905 г.: Владимир Александрович и Алексей Александрович в этом году вынуждены были уйти в отставку, а Сергей Александрович стал жертвой террористического акта эсеров. Постоянным же, в течение всего царствования Николая II, было влияние его жены, императрицы Александры Федоровны.

Императрица Александра Федоровна, урожденная Алиса Виктория Елена Луиза Беатриса, принцесса гессен-дармштадтская, до замужества — протестантка, рано лишилась матери и воспитывалась бабушкой, английской королевой Викторией. Она получила хорошее образование и была даже удостоена степени доктора философии. Красивая, но какой-то холодной красотой, обладавшая мужским умом, но в то же время застенчивая и необщительная, не любившая салонных разговоров, предпочитавшая семью светскому обществу, она в немалой степени способствовала отчуждению цар-

ского двора от этого общества. Приняв православие и став российской императрицей, Александра Федоровна более мужа своего уверовала в то, что неограниченное самодержавие и православие являются благом для России и ее народа. Она постоянно напоминала ему, что он — властелин и повелитель России, поставленный всемогущим Богом, и должен быть сильным и твердым, решительно сокрушать своих противников. Под влиянием нараставшей в стране смуты и семейной драмы — неизлечимой болезни долгожданного наследника престола цесаревича Алексея — она все более впадала в неврастению, увлекалась религией и мистикой. Не без оснований ее называли "злым гением царя и России". Таким образом, царское окружение, будучи даже консервативнее, чем сам царь, не могло оказывать на него какого-то свежего влияния. Оно лишь еще более укрепляло его в правоте его консервативной политики.

§ 2. Экономическая политика

Кредо своей внутренней политики Николай II впервые изложил в своем выступлении 17 января 1895 г. перед депутациями от дворян, земств и городов. Он назвал "бессмысленными мечтаниями" надежды общества на реформы и заявил, что, посвящая все свои силы "благу народному", будет охранять начало самодержавия так же "твердо и неуклонно", как охранял их его "незабвенный родитель".

Во внутренней политике самодержавия эпохи Николая II постоянно присутствовало *два начала*: либерально-консервативное и консервативно-охранительное. В этих двух началах проявлялось утопическое по своей сути стремление самодержавия не только выжить в условиях совершавшегося в России со времен падения крепостного права перехода от традиционного, аграрного общества к индустриальному, но и удержать этот процесс под своим контролем. *Либерально-консервативное* начало во внутренней политике самодержавия находило свое конкретное проявление, главным образом, в деятельности Министерства финансов, ведавшего почти всем народным хозяйством: промышленностью, торговлей, финансами, торговым флотом и т. п. Воплощением *консервативно-охранительного* начала являлась деятельность Министерства внутренних дел, защищавшего самодержавно-бюрократический порядок и традиционные социальные структуры.

Финансовая политика

Министерство финансов, ведавшее этой политикой, в течение одиннадцати лет (с 1892 по 1903 гг.) возглавлялось *С. Ю. Витте* — крупнейшим государственным деятелем России рубежа XIX—XX вв.

Витте возглавил финансовое ведомство в кризисное для государства время, когда финансы и экономика были серьезно подор-

ваны невиданным по своим масштабам голодом 1891—1892 гг. В очередной раз страна оказалась перед выбором пути выхода из кризиса.

Один из этих путей заключался в демократизации режима, в глубоких социальных структурных изменениях, в предоставлении личной свободы населению и более широких возможностей для развития рыночных отношений и частного предпринимательства. Но в таком случае царизм должен был если не расстаться полностью, то существенно поступиться своей властью, а это было для него неприемлемо. Оппозиционные же царизму силы, выражавшие такую альтернативу, в то время были крайне слабы и распыленны и не могли оказать какого-либо влияния на характер внутренней политики. Царизм использовал традиционную для него политику, сводившуюся к дальнейшему усилению государственного вмешательства в экономику, к более широкому использованию монетаристких способов ее оздоровления, избегая глубоких социальных преобразований.

Значение Витте как финансиста, экономиста и государственного деятеля и заключалось в том, что он с присущей его натуре решительностью, напористостью и размахом последовательно осуществлял такую политику. Главное внимание С. Ю. Витте уделял *укреплению финансов*, а также развитию промышленности и железнодорожного транспорта. За время пребывания Витте во главе финансового ведомства государственный бюджет возрос более чем в два раза. В 1892 г. он составлял около одного миллиарда рублей, а в 1903 г. — более двух миллиардов. Среднегодовой прирост бюджета составлял 10,5%, в то время как в предшествующем десятилетии он равнялся 2,7%, а в последующем — 5%. Рост бюджета обеспечивался главным образом за счет повышения доходов от государственной собственности, увеличения косвенных налогов и более широкого использования прогрессивного налога с прибыли предприятий вместо прежней системы промыслового обложения в виде сборов за право торговли и промыслов. Рост прямых налогов был незначителен и сводился в основном к повышению налогов квартирного и на городскую недвижимость. Более того, некоторые прямые налоги были даже понижены. Так наполовину был уменьшен поземельный налог. Официально эта мера объяснялась сельскохозяйственным кризисом, в действительности же она имела прежде всего цель поддержать поместное дворянство. Частично были уменьшены годичные выкупные платежи путем удлинения общего срока выкупной операции.

Самой доходной статьей бюджета стала введенная при Витте *винная монополия*. Согласно этой мере производство сырого спирта оставалось частным делом, его очистка, изготовление водки и крепких вин также производились на частных заводах, но только по заказу казны и под строгим наблюдением акцизного надзора. Продажа же этих напитков становилась государственной монополией,

но она не касалась изготовления и продажи пива, браги и виноградного вина.

Введение винной монополии началось в 1894 г. и к концу пребывания Витте на министерском посту она была распространена на всей территории империи кроме отдаленных окраин. С помощью винной монополии государство получало возможность повышать питейные доходы не только распространением ее на новые районы и за счет увеличения продажи крепких напитков, но и повышением цен на эти напитки. Доходы казны от винной монополии постоянно росли и в 1913 г. были почти в три раза больше, чем все прямые налоги. В связи с этим государственный бюджет не без оснований называли "пьяным бюджетом". Вопреки заверениям власти и обслуживавшей ее прессы, введение монополии не способствовало уменьшению пьянства и повышению нравственности народа. Наоборот, увеличивалась тайная продажа вина, а главное — появилась целая армия новых чиновников, ведавших монополией, что развращало не только их самих, но и тех, кому приходилось к ним обращаться, порождая такие негативные явления как самодурство, произвол, коррупцию, подхалимство, хищения и т. п.

Винная монополия являлась самой эффективной, но не единственной мерой для пополнении казны и косвенного обложения народа. Существенное значение имело также повышение акцизов, а следовательно, и розничных цен на товары повседневного массового потребления: спички, табак, керосин, сахар, чай и др. На целый ряд таких товаров акцизы повышались неоднократно.

В ряду мер, принимавшихся Витте по укреплению финансовой системы страны, большую роль сыграла осуществленная им *денежная реформа*. Суть ее сводилась к введению свободного обмена бумажных денег на золотую валюту. Необходимость такой реформы осознавалась предшественниками Витте по Министерству — Н. Х. Бунге и И. А. Вышнеградским, они предпринимали некоторые подготовительные меры для ее осуществления, стабилизируя финансы и накапливая золотой запас. Витте со свойственной ему решительностью и последовательностью довел их дело до конца. Прежде всего он принял ряд мер по дальнейшей стабилизации курса кредитного рубля. Частные кредитные банки, во избежание спекуляции с их стороны на курсе рубля, были строго предупреждены о том, что подобная спекуляция и содействие ей поведут к лишению их правительственной поддержки и даже права производить коммерческие операции. Установлены были надзор за этими учреждениями, а также контроль и пошлины на вывоз из страны и ввоз в нее российских денег. С русской биржи были удалены агенты иностранных банков. Чтобы реформа для общества не была шокирующей, было позволено до официального решения о реформе производить финансовые операции с использованием золотого обращения при курсе 5 золотых рублей за 7,5 кредитных рублей.

Лишь после таких подготовительных мер Витте в 1896 г. официально поставил вопрос о денежной реформе в высших инстанциях.

Реформа, предполагавшая девальвацию на 1/3 кредитного рубля, затрагивала интересы широких слоев населения, но прежде всего интересы аграриев, экспортировавших зерно. Она подверглась резкой критике со стороны правой печати и Государственного совета. Автор реформы обвинялся в злостном намерении поставить государство на грань финансового банкротства. Возможность реформы допускалась критиками Витте лишь при условии обмена кредитного рубля на золотой в соотношении один к одному. Высказывалось также опасение, что золото в результате реформы осядет у населения в кубышках или хуже того — окажется за границей.

Денежная реформа, как и ряд других виттевских "непопулярных" мер по улучшению финансов и промышленности, ложившихся дополнительным гнетом на население, была осуществлена указом царя, который был издан в 1897 г. в определенной мере чрезвычайным путем, без соблюдения тогдашнего законодательного порядка, минуя Государственный совет. Реформа понижала золотое содержание рубля на 1/3. Кредитный рубль приравнивался к 66 2/3 коп. золотом. На 1/3 уменьшался вес золотого рубля. Существовавшие до реформы 10-рублевые золотые монеты превращались в 15-рублевые империалы, а 5-рублевые — в 7,5-рублевые полуимпериалы. Впоследствии в обращение вновь были выпущены 10-рублевые и 5-рублевые золотые монеты, но с соответственно пониженным весом. Поскольку осуществленная реформой девальвация носила скрытый характер, то сама реформа была реализована сравнительно безболезненно, не вызвав обычного после девальвации существенного изменения товарных цен.

Денежная реформа имела очень большое значение. Она поставила Россию в финансовом отношении в один ряд с развитыми европейскими странами, в большинстве которых к концу XIX в. господствовала система золотого монометаллизма, и создавала более благоприятные условия для развития российского капитализма и для притока в страну иностранных капиталов.

В связи со стабилизацией курса рубля и введением золотого обращения иностранные инвестиции в российскую промышленность стали заметно расти. Против этого выступали некоторые русские предприниматели, национал-патриотическая печать, а в правящих верхах такие влиятельные консервативно-охранительные деятели, как председатель Комитета министров И. Н. Дурново, товарищ министра внутренних дел В. К. Плеве и государственный контролер П. Л. Лобко.

С. Ю. Витте, к тому времени уже практически исчерпавший все возможные средства по мобилизации внутренних капиталов и как никто другой знавший, что ими "небогато наше отечество", убеждал царя в том, что "необходимый рост нашей крайне отставшей промышленности может совершиться *не иначе,* как при непосред-

ственном содействии иностранных капиталов". Он предлагал снять те ограничения, которые имелись в российском законодательстве для иностранного капитала, в частности, запреты иностранцам владеть землей в ряде регионов страны, заниматься такими промыслами, как горный, нефтяной, золотодобывающий и др. или хотя бы не устанавливать новых. В этом вопросе Витте добился лишь частичного успеха. В 1899 г. "высочайшим повелением" подтвержден был допуск иностранных капиталов и предпринимателей к участию в создании и развитии различных отраслей отечественной обрабатывающей промышленности, с целью "удешевления" производившихся ею продуктов.

Промышленная и торговая политика

Политика Витте в области *промышленности* и *торговли* была намечена в программе деятельности Министерства финансов, утвержденной главой Министерства осенью 1893 г. В ней говорилось прежде всего об обеспечении благоприятных внешних условий для развития отечественной промышленности, ограждении ее от конкуренции со стороны иноземных товаров на внутреннем рынке. С этой целью предусматривалось энергичнее использовать такие традиционные меры, как покровительственный таможенный тариф, выгодные для государства торговые договоры с другими странами и разумные железнодорожные тарифы. Основная идея программы сводилась к дальнейшему усилению руководящей роли правительства в развитии промышленности и торговли. Для активизации частного предпринимательства настоятельно необходимым признавался пересмотр устаревшего, в большинстве своем еще дореформенного, промышленного и торгового законодательства. Предполагалось, в частности, упростить оформление документов при учреждении фабрик и заводов, избавившись от всевозможных утрясок, согласований и проволочек со стороны не только местных, но порой и центральных административных органов; модернизировать законы, определяющие порядок акционерного учредительства; заменить разрешительную систему этого учредительства явочной, реформировать биржевое законодательство. Однако большинство законопроектов, выработанных различными комиссиями для реализации этих намерений, были отвергнуты или волынились бюрократическими инстанциями, без каких-либо надежд на их одобрение.

Успешнее обстояли дела по усилению позиций государства в экономике. Стремление Витте "подчинять своему ведению все более и более широкую сферу частной хозяйственной деятельности" наглядно проявлялось в значительном увеличении аппарата и активизации деятельности Департамента торговли и мануфактур Министерства финансов. Изменились приоритеты в правительственной промышленной политике. Если раньше основное внимание уделялось устранению препятствий на пути развития промышленности, то теперь ей оказывается прямая поддержка. Изменяется

сам стиль правительственной промышленной политики, значительно расширяется вмешательство чиновников даже в мелочи частной предпринимательской деятельности. Существенно увеличилось число предпринимательских представительных организаций: биржевых комитетов, отраслевых съездов; возникли новые предпринимательские организации — порайонные общества заводчиков и фабрикантов. Министерство финансов активно опиралось на эти организации при выработке своей политики, поручая им создавать различные проекты решений, привлекая их представителей для участия в работе проводимых им различных совещаний по вопросам торговли и промышленности. Однако Витте отдавал предпочтение созданию совместных чиновничье-предпринимательских органов в центре и на местах — они должны были проявлять инициативу и вырабатывать предварительные решения по важным торгово-промышленным вопросам. Таким образом, правительство стимулируя активность торгово-промышленных кругов, вместе с тем не шло далее предоставления этим кругам консультативных функций в выработке своей торгово-промышленной политики.

Стремление государства руководить экономическим развитием страны еще более ярко проявлялось в его *железнодорожной* политике. Она сводилась к трем основным направлениям: расширению сети железных дорог; сосредоточению важнейшей ее части в руках казны и подчинению частных железных дорог руководству государства. При Витте протяженность железных дорог увеличилась на 25 тыс. верст, с 29 до 54 тыс. При этом казной строились железные дороги, не обещавшие дохода в ближайшем будущем, главным образом, в азиатской части страны (Транссибирская железная дорога) и те, которые имели стратегическое значение. Частное железнодорожное строительство велось в основном там, где железные дороги могли приносить доходы уже в ближайшее время. Правительство поощряло железнодорожное строительство, поскольку оно содействовало развитию тех отраслей промышленности, которые обслуживали железнодорожное хозяйство, а также создавало более благоприятные условия для втягивания помещичьих хозяйств в рыночные отношения.

Выкуп казной частных железных дорог начался еще при предшественниках Витте—Бунге и Вышнеградском, но особенно широко такая политика практиковалась самим Витте. При нем число частных железнодорожных обществ сократилось более чем втрое. Следует также отметить, что самостоятельность этих обществ была относительной, так как они использовали не частные капиталы, а финансировались из государственной казны.

Рычагом воздействия государства на частные железные дороги являлась и монополизация им права выработки железнодорожных тарифов. Своей тарифной политикой государство имело возможность регулировать торговые потоки, стимулировать экспорт с целью пополнения казны валютой, необходимой для поддержания стабильности курса рубля. Витте к тому же не ограничивался регу-

лированием товарных тарифов. Чтобы повысить доходность железных дорог и облегчить условия подвижности населения, он понизил пассажирский тариф, особенно на дальних расстояниях. Благодаря такой политике бюджет казенного железнодорожного хозяйства увеличился в 4 раза, однако его прибыльность была незначительной. Основной причиной этого было интенсивное строительство новых железных дорог, которое обходилось дорого и, как правило, значительно превосходило сметные расходы. В немалой степени это было связано и с тем, что, проводя политику поощрения отечественной промышленности, государство платило за производимую ею железнодорожную продукцию дороже ее стоимости на международном рынке. Больших расходов требовало также освоение железных дорог. Сказывалось и то, что они нередко строились с учетом прежде всего не финансовых, а общеэкономических и стратегических соображений. Существенными были переплаты казны при выкупе частных железных дорог.

Политика протекционизма по отношению к отечественной промышленности при Витте проводилась традиционными методами: высокими таможенными пошлинами, размещением государственных заказов на отечественных заводах, щедрой финансовой поддержкой промышленных предприятий из государственной казны — им предоставлялись льготные займы и кредиты, но гораздо масштабнее, чем при его предшественниках.

Одним из важных аспектов торгово-промышленной политики Витте являлось значительное *расширение сети коммерческого и технического образования.* До 1894 г. в России было всего лишь восемь коммерческих училищ, а с 1896 по 1902 г. было открыто 147 таких училищ и три коммерческих института — в Петербурге, Киеве и Варшаве. Их программы и деятельность должны были строго сообразовываться “с практическими нуждами страны”. Витте добился того, что заведование этими учебными заведениями было возложено на Министерство финансов. Вместе с тем значительные права по учреждению таких заведений и в их управлении были предоставлены частным предпринимателям: в ответ на такое доверие они охотно давали средства на устройство и содержание этих заведений. Обращалось внимание и на различные формы профессионально-технической подготовки рабочих, а также на устройство в стране промышленных выставок и на участие России в международных выставках. Мерами по расширению и совершенствованию коммерческого и технического образования предполагалось решить не только проблему обеспечения промышленности и торговли специалистами, но и в целом повысить “технический и моральный” уровень этих отраслей экономики.

Итоги экономической политики С. Ю. Витте

Они были неоднозначными. Эта политика, сводившаяся в значительной мере к ускоренному развитию промышленности за счет мобилизации внутренних ресурсов, привлечения иностранных капиталов, тамо-

женной защиты отечественной промышленности от западных конкурентов и поощрения вывоза товаров из России, немало способствовала бурному промышленному подъему 90-х годов, когда промышленное производство возросло в среднем в 2—3 раза. Россия приблизилась к индустриально развитым странам, однако цель Витте — сравняться с этими странами — достигнута не была. Велика была и цена виттевской индустриализации. Она дорого обходилась российским налогоплательщикам и государственной казне. При Витте, несмотря на все его искусство в манипуляции кредитами, государственный долг вырос почти в полтора раза, с 4,6 до 6,6 млрд. руб. Создавая тепличные условия для отечественной промышленности, ограждая ее от конкуренции со стороны иностранной промышленности, эта политика негативно сказывалась также на качестве отечественной промышленной продукции и менталитете российской буржуазии, формируя у последней такие черты, как аполитичность, приспособленчество, паразитизм, стремление получать сверхприбыли без проявления забот о совершенствовании производства и повышении качества производимой продукции.

Экономическая политика Витте была той последней возможностью, которую использовало самодержавие для модернизации экономики, не меняя своей сущности и не производя глубоких структурных изменений. Разразившийся в начале 900-х годов экономический кризис свидетельствовал о том, что эта возможность была уже в основном исчерпана. Дальнейшая модернизация не только промышленности, но и всего общества могла происходить лишь при условии осуществления значительных политических и социально-экономических преобразований.

Особенно остро вставал вопрос о реформировании находившейся в крайне тяжелом положении российской деревни, где развивавшиеся капиталистические отношения были придавлены пережитками крепостничества, патриархальщиной, почвой для которых являлись помещичья и крестьянская надельная формы собственности на землю Не случайно поэтому в начале 900-х годов в экономической политике правительства акцент переносится с промышленности на сельское хозяйство. Нужды деревни становятся также в центре внимания российской общественно-экономической мысли и политического движения.

Необходимо иметь в виду и такой аспект. Положительные результаты экономической политики царизма давали определенные основания оценивать их как свидетельство жизнеспособности самодержавия. Благодаря им на целое десятилетие был приглушен обострившийся было в начале 90-х годов вопрос о политических преобразованиях. И лишь в начале 900-х годов, когда стало ясно, что проводившаяся политика модернизации экономики исчерпала свои ресурсы, этот вопрос вновь приобрел в обществе особую актуальность. Руководствуясь принципом, что "великие задачи требуют и великих жертв", Витте для реализации своей экономической поли-

тики злоупотреблял так называемыми “непопулярными” мерами, затрагивавшими интересы подавляющего большинства населения, что не только обостряло имевшиеся в стране социальные противоречия, но и расширяло базу для недовольства существовавшим режимом.

§ 3. Социальная политика

Социальная политика царизма в рассматриваемый период не претерпела каких-либо принципиальных изменений по сравнению с предшествовавшим периодом. Она оставалась консервативной по своему характеру, была направлена на сохранение и укрепление той социальной структуры общества, которая, по мнению правящих верхов, всего более способствовала стабильности и порядку. В основе этой политики находился принцип сословности. Для царя и его окружения Россия виделась страной главным образом двух сословий — дворянства и крестьянства. Но капиталистическое развитие вносило свои коррективы в социальную структуру общества, порождая неоднородность в традиционных слоях и формируя новые — буржуазию и пролетариат, заставляло власти обращать внимание в какой-то мере и на эти последние.

Накладывало свой отпечаток на социальную политику правительства и нараставшее в стране революционное движение. Чтобы успешнее противостоять своим политическим противникам в борьбе за массы, власти стремились активизировать и распространить шире свою традиционную попечительскую политику, использовать ее, в частности, в отношении проявлявших все большее недовольство рабочих и студентов. Подобная политика сводилась в основном к незначительным экономическим уступкам и частичному удовлетворению духовных запросов этих слоев населения, а также их потребности в профессиональной организации. Вместе с тем она свидетельствовала о стремлении государства усилить свою роль и в регулировании социальных отношений.

Дворянский вопрос

Николай II, подобно своим предшественникам на престоле, проявлял особую заботу о поместном дворянстве, которое он считал “исконным оплотом порядка и нравственной силой России”. Во время своей коронации он не преминул успокоить дворянство, переживавшее, по его словам, “трудные времена”, пообещав, что “нужды его не будут забыты”. *Дворянский вопрос* стал предметом обсуждения ряда совещаний правящих кругов с представителями дворянства: всероссийского съезда сельских хозяев (январь 1896 г.), совещания губернских предводителей дворянства (февраль—март 1896 г.), дискуссий 1897 г. об “оскудении” Черноземного центра, “комиссии Центра” (1899—1901) и Особого совещания о нуждах дворянского сословия (1897—1901).

Весьма показательны для уяснения притязаний российского дворянства и политики правительства по отношению к нему ход и результаты работы Особого совещания . Оно было учреждено в апреле 1897 г. под председательством И. Н. Дурново, махрового консерватора, бывшего до недавнего времени министром внутренних дел, а теперь являвшегося председателем Комитета министров. Дурново, хотя и занимал высокие государственные посты, но не обладал ни умом, ни способностями крупного государственного деятеля. Действительным руководителем совещания, его вдохновителем был товарищ министра внутренних дел, статс-секретарь В. К. Плеве. Будучи незнатного происхождения, Плеве, благодаря своему уму, воле, энергии, блестящему юридическому образованию, недюжинным административным способностям, беззаветной преданности существовавшему режиму и крутости в борьбе с его противниками (не исключая мастерства интриги), смог не только подняться на вершины власти, но и стать одним из лидеров консервативно-охранительного лагеря.

Своей главной задачей Особое совещание ставило "изыскание способов обеспечить за первенствующим в империи сословием то преобладающее значение, которое искони принадлежит ему в судьбах государства". Совещание, указав на неоднородность дворянского сословия, на деление его "на многочисленные виды и разряды", подчеркивало, что устоем существующей власти служит лишь поместное дворянство: оно всего более соответствует прежнему характеру сословия как служилого и землевладельческого, и первоочередная помощь со стороны власти должна быть оказана прежде всего ему.

Общим требованием участников совещания было изменение в угоду аграриев финансово-экономической политики правительства, перенесение полностью центра ее внимания с промышленности на сельское хозяйство. В целях обеспечения более благоприятных условий для производства и сбыта сельскохозяйственной продукции, прежде всего помещичьего хлеба, предлагалось: понизить железнодорожные тарифы, пошлины на ввоз в страну сельскохозяйственных машин и орудий, цены на отечественную промышленную продукцию, пересмотреть законы, касающиеся условий найма сельскохозяйственных рабочих, предоставить новые финансовые льготы помещикам, изменить устав Дворянского банка, подчинив всю его деятельность охранению помещичьего землевладения. Предлагалось также учредить крупное помещичье землевладение на окраинах империи и в Сибири.

Участники совещания беспокоились и о мерах юридического характера, которые должны были охранять и укреплять поместное землевладение. В связи с этим предлагались законодательное признание неотчуждаемости дворянских имений в пользу других сословий, права выкупа родовых имуществ, учреждение заповедных и неделимых имений. Обсуждались и вопросы укрепления сослов-

ного статуса дворянства и его позиций во властных структурах: ограничение притока в него со стороны численно разраставшегося чиновничества путем повышения ранга для зачисления в дворянство, восстановление в полном объеме сословного ценза при поступлении на государственную службу и сословно-имущественного при занятии должностей в местном управлении, предоставление преимуществ тем дворянам, которые со службы в провинции переходили на службу в центральный аппарат.

В программе работы совещания преобладали требования консервативно-охранительного дворянства, которое видело выход из своих затруднений в повороте к старым порядкам: в укреплении сословности, предоставлении ему больших экономических и политических привилегий, в полном подчинении его интересам социально-экономической политики правительства. Реализация этих требований означала бы реставрацию ряда феодальных прав и институтов, отход страны от капиталистического развития. Однако на самом совещании весомо звучали голоса и представителей других слоев дворянства — либерально-консервативного и либерального, приспосабливавшегося или уже приспособившегося к капиталистическому развитию страны. Свое будущее они связывали с этим развитием и требовали от правительства мер, благоприятствовавших их интересам. Значительные разногласия выявились не только в дворянстве, но и среди правящей бюрократии, прежде всего между С. Ю. Витте и В. К. Плеве.

Взгляды Витте были эклектичны, противоречивы и подвержены конъюнктурным влияниям. До назначения министром финансов он разделял основные положения славянофильской теории об особом пути развития России. Затем его взгляды претерпели значительные изменения в сторону западничества. Своеобразным было отношение Витте к самодержавию. Будучи его сторонником, он вместе с тем не обожествлял его, не считал властью, данной России Богом раз и навсегда. Самодержавие он рассматривал как власть, исторически преходящую, которая должна была измениться с переменой общественных условий. Самодержавие он ценил прежде всего как систему жестко централизованной власти. Лишь такая власть, по его мнению, была способна решить проблемы модернизации страны, преодолеть ее отсталость. Поэтому до начала первой революции он выступал противником малейших попыток ограничения самодержавия, считал несовместимым с ним даже земство. Витте пытался представить самодержавие как власть надсословную, ставящую интересы страны выше интересов какого-нибудь одного класса или сословия, в том числе и дворянства. Пользуясь прежде всего этим аргументом, Витте вначале убеждал Николая II отказаться от затеи созыва Особого совещания о нуждах дворянства, однако его попытка успеха не имела.

В ходе работы совещания Витте доказывал, что его труды не нужны и тщетны, так как ложна и неосуществима сама цель сове-

щания — изыскать пути и средства для возрождения старозаветного дворянства. Пути развития России и Западной Европы, подчеркивал он, однотипны и гибельными являются иллюзии о самобытности и исключительности России. Дворянство есть продукт феодализма, который в Западной Европе уже сменился капитализмом, и эта смена является мировым непреложным законом. По этому закону развивается и Россия. Лет через 50 дворянство, если оно попрежнему будет связывать себя с землевладением и службой, полностью оскудеет и потеряет свои привилегии, не выдержав конкуренции с новыми богачами — банкирами и промышленниками. Спасение дворянства и страны Витте видел не в том, чтобы возродить былое положение дворянства и "одворянить" буржуазию, а в том, чтобы "обуржуазить" дворянство, переориентировать его интересы с земли на промышленность и банковское дело.

Однако Витте в своем понимании неизбежности смены традиционного аграрного строя индустриальным был в то время одинок не только среди участников совещания, но и во всей правящей бюрократии. Его доводы общесоциологического характера не находили понимания и оставляли равнодушными большинство участников совещания, которое не заглядывало так далеко вперед, жило текущими интересами. Главным оппонентом Витте выступал В. К. Плеве, лидер реакционно-консервативного меньшинства. Витте был ненавистен этой части правящего сословия не только своими мрачными пророчествами относительно его будущего, но и своей финансово-экономической политикой, препятствовавшей превращению государственного казначейства в кассу помощи этому дворянству.

Возражая Витте, Плеве прежде всего ставил под сомнение его идею о существовании всеобщих непреложных мировых законов общественного развития. Называя их "гадательными", он считал, что рассуждения о них уместны лишь в студенческой среде. Россия, по мнению Плеве, развивалась особым путем и имеет все основания сохранить свою самобытность. Она будет избавлена от "гнета капитала и буржуазии" и будущее в России останется за дворянством. Во имя этого правительству в своей социальной политике необходимо руководствоваться прежде всего не экономическими, а политическими соображениями, укреплять пошатнувшееся поместное дворянство, учитывая, что оно является опорой власти и хранителем нравственности на местах.

Разногласия, проявившиеся на совещании, обусловили то, что хотя оно и проработало целое пятилетие, результаты его были весьма скромны и далеко не соответствовали притязаниям консервативно-охранительной части поместного дворянства. Прежде всего ему не удалось в угоду своих интересов изменить общий курс финансово-экономической политики. По итогам работы совещания были изданы законы: о насаждении дворянского землевладения в Сибири, о заповедных имениях, об учреждении дворянских касс взаимопомощи. Несколько ограничен был доступ в дворянское сословие и рас-

ширены права дворянских обществ. Ряд попечительных мер было принято по отношению к оскудевшим дворянам. Решено было, в частности, учредить дворянские пансион-приюты, военные школы, особые стипендии для студентов из дворян. Примечательно то, что наиболее значимые для дворян законы — о заповедных имениях и о насаждении дворянского землевладения в Сибири — остались на бумаге, не имели практических последствий.

Таким образом, социальная политика самодержавия по отношению к дворянству носила в известной мере компромиссный характер, учитывавший, с одной стороны, разнородность интересов и противоречия между различными группами дворянства, а с другой, — противоречия между общегосударственными интересами, требовавшими перехода страны от традиционного, аграрного строя к индустриальному ради сохранения ею экономического и военного могущества, статуса мировой державы, и узкосословными интересами поместного консервативного дворянства, не принимавшего нового, мечтавшего о восстановлении дореформенных порядков. Но такой компромисс не удовлетворял, а лишь усиливал недовольство и либерального, и консервативного дворянства, ослаблял тем самым основную социальную базу царизма.

Ослабление позиций поместного дворянства под воздействием капитализма, нарастание противоречий в нем, усиливавшийся разлад между правящими верхами и их социальной опорой, разногласия в этих верхах по вопросу об отношении к дворянству — все это являлось признаками кризиса власти, одним из важных свидетельств складывавшейся в это время революционной ситуации. Правительство, как отмечалось выше, уже не могло полностью подчинить свою социально-экономическую политику консервативному дворянству. Но тот факт, что интересы именно этого дворянства оставались приоритетными для правительства, лишало его способности адекватно ответить на вызов времени, обеспечить быстрый и эффективный переход страны от аграрного способа производства к индустриальному. Интересами поместного дворянства была проникнута в значительной мере и политика правительства в крестьянском вопросе.

Крестьянский вопрос

Россия в начале XX века оставалась аграрно-крестьянской страной. Доход от сельского хозяйства составлял 2/3 национального дохода. В этой отрасли народного хозяйства было занято подавляющее большинство населения страны. Положение крестьянства оставалось крайне тяжелым. Оно страдало от малоземелья, налогового бремени, выкупных платежей, аграрного перенаселения, сословной неполноправности. Крестьянские хозяйства были придавлены помещичьими латифундиями. За аренду помещичьих земель крестьянство выплачивало ежегодно более 300 млн. руб. Одной из основных причин отсталости деревни являлось сохранявшееся господство феодальных форм собственности на землю — помещичьей и крестьянской общинной. Они препятст-

вовали рациональному распределению земли и организации на ней сельскохозяйственного производства, отвечавшего требованиям развивавшихся рыночных отношений. О катастрофическом положении российской деревни более всего свидетельствовали систематически повторявшиеся голодные годы. Полунищенское состояние деревни угнетающе отражалось на всех сферах общественной и государственной жизни страны.

Однако *крестьянский вопрос*, несмотря на свою остроту, стал предметом особого внимания правительства Николая II лишь в начале 900-х годов. Объясняется это многими обстоятельствами, но прежде всего тем, что к этому времени виттевская модернизация экономики, проводившаяся в рамках сохранявшейся полуфеодальной социальной системы, уже в значительной мере исчерпала себя, зашла в тупик. Одним из свидетельств этого стал экономический кризис начала 900-х годов. Дальнейшее осуществление модернизации требовало расширения внутреннего рынка для промышленности и новых денежных средств. Потребность государства в деньгах возросла и в связи с внешнеполитическими проблемами: осуществлением экспансионистских замыслов на Дальнем Востоке и включением в развертывавшуюся мировую гонку вооружений.

Основным источником пополнения казны оставались прямые и косвенные налоги, которые платили крестьяне. Вопрос о повышении платежеспособности этой самой многочисленной категории населения становился государственным. Его решение напрямую было связано с повышением производительности крестьянских хозяйств, уровня их доходности. Государство было заинтересовано в подъеме крестьянских хозяйств и ввиду того, что их продукция составляла один из существенных компонентов экспорта сельскохозяйственной продукции — главной статьи внешнеторгового дохода государства. Нищенским состоянием деревни было обеспокоено и военное ведомство: все большее количество новобранцев и лошадей, поставляемых крестьянством в армию, не отвечало предъявлявшимся к ним требованиям. Важнейшую роль играл и фактор государственной безопасности. Тяжелое положение крестьянства способствовало росту в нем недовольства, делало его более восприимчивым для революционной пропаганды. Для власти же не было перспективы более пугающей и безнадежной, чем охваченное революционным брожением многомиллионное крестьянство. Набиравшее силу революционное движение вынуждало правительство все чаще использовать войска для его подавления. А благонадежность войск находилась в непосредственной связи с настроением деревни, так как по своему социальному составу армия оставалась преимущественно крестьянской.

Таковы те основные обстоятельства и мотивы, которые побудили самодержавие в своей внутренней политике начала 900-х годов обратить повышенное внимание на крестьянскую проблему. В условиях нараставшего революционного кризиса правительство

чаще, чем обычно, стало использовать для прикрытия своих интересов в решении этой проблемы традиционные заверения о защите народных интересов, о том, что царь не оставит крестьянские нужды “своим попечением”.

Поиск решений крестьянского вопроса имел ограниченные рамки: во-первых, священной и неприкосновенной должна была оставаться помещичья земля, а во-вторых, это решение должно было обойтись для казны минимальными расходами, так как государство руководствовалось обычными для него соображениями — поменьше дать народу, чтобы затем как можно больше с него взять. Тем не менее при обсуждении данной проблемы в правящих верхах выявились значительные разногласия. Так же, как и в дворянском вопросе, эти разногласия находили свое персональное проявление прежде всего в позициях С. Ю. Витте и В. К. Плеве.

Витте — один из немногих в правящих сферах, кто в поисках решений крестьянского вопроса исходил не из идеологических соображений, а с позиций экономического прогресса.

До того, как стать министром финансов, С. Ю. Витте, тяготея к славянофилам, разделял их идею о благотворной роли крестьянской общины. Впоследствии он стал утверждать, что сельская община не предотвращает процесс дифференциации крестьянства, не предохраняет его от пролетаризации. Не является она и защитным валом от революции. С административно-полицейской точки зрения она, безусловно, представляет определенные удобства, так как “легче пасти стадо, нежели каждого члена стада в отдельности”. Но это достоинство общины умаляется опасными для власти сторонами: не прививая крестьянам уважительного отношения к чужим правам и собственности, она тем самым не только препятствует развитию у крестьян гражданского правосознания, как основы здорового экономического и культурного развития, но и способствует распространению революционных и социалистических идей.

Негативные последствия виделись Витте и в решении проблемы крестьянского малоземелья за счет помещичьих земель. Подобное решение он допускал лишь в исключительных случаях. Так он признавал политическую необходимость наделения крестьян землей в 1861 г., но вместе с тем подчеркивал, что реформа на таких условиях ослабляла сам принцип собственности, обязывала правительство исполнять по отношению к крестьянству полицейско-попечительные функции, обращая особое внимание на регулирование вопросов землевладения и землепользования. А это, в свою очередь, не только подавляет хозяйственную инициативу крестьян, мешает росту их гражданского сознания, но и способствует развитию у них агрессивных иждивенческих настроений. Заверения, что собственность священна и неприкосновенна, не находят у них понимания. Они склонны считать, что все зависит только от воли царя: Александр II захотел и отобрал землю у помещиков, отдал ее крестьянам; а Николай II следовать примеру своего деда не хочет;

выходит, что он царь плохой, не печется о своем народе. В результате таких рассуждений, полагал Витте, крестьяне становятся восприимчивыми к революционной пропаганде.

По мнению Витте, ключом к решению крестьянской проблемы могло быть только уравнение крестьян в правах с другими сословиями. Необходимо, утверждал он, сделать из крестьянина “полуперсоны” “персону”. Это позволило бы ему встать в ногу со временем, развить в себе черты, отвечающие требованиям рыночного хозяйства: личную инициативу и дух предпринимательства. Под уравнением крестьян в правах с другими сословиями Витте имел в виду также замену общинной надельной собственности частной крестьянской собственностью и предоставление крестьянам права по своему желанию выходить из общины и свободно перемещаться по стране.

Виттевский вариант решения крестьянского вопроса был самым радикальным среди тех многочисленных вариантов, которые в ту пору рождались в правящей верхушке, однако по своей сути он был либерально-консервативной утопией, страдал непоследовательностью и ограниченностью. Утопичен он был тем, что предполагал решение крестьянского вопроса в рамках самодержавной полицейско-бюрократической политической системы и при сохранении помещичьего землевладения. Непоследовательность и ограниченность этого варианта сказывалась прежде всего в том, что он ставил ряд преград на пути вовлечения в рыночные отношения крестьянской надельной земли. Предусматривались, в частности, запреты на покупку крестьянской надельной земли лицами других сословий и на продажу этой земли за долги, а также нормы концентрации надельной земли. Своим экономическим содержанием вариант Витте был аналогичен столыпинской аграрной реформе, но последняя была более реалистична потому, что решалась уже при значительно реформированной политической системе.

Либерально-консервативная позиция Витте по крестьянскому вопросу подвергалась резкой критике представителями реакционно-консервативной бюрократии, подходившими к крестьянскому вопросу прежде всего с политической и идеологической точек зрения. Они были убеждены в том, что традиционный образ жизни формирует у крестьян особое мировосприятие, являющееся залогом их верности самодержавию. Поэтому такие формы крестьянской жизни, как сословную обособленность крестьян, общину, надельную крестьянскую собственность и патриархальную семью необходимо не только охранять, но и укреплять. Они выступали и за продолжение политики попечительства над всеми крестьянами, считая что такая политика не только поддерживает в крестьянстве монархическую идею, но и является основанием и оправданием для надзора правительства за крестьянами. Позиция Витте и его сторонников оценивалась как чрезвычайно опасная, поощряющая революцию.

Разногласия в правящих верхах по вопросу о пересмотре крестьянской политики были настолько значительными, что в 1902 г. было создано почти одновременно два параллельных центра, занимавшихся этим вопросом: Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности под председательством С. Ю. Витте и Редакционная комиссия по пересмотру законодательства о крестьянах Министерства внутренних дел во главе с товарищем министра внутренних дел А. С. Стишинским. Инициатором же создания этой комиссии и ее действительным руководителем являлся В. К. Плеве, ставший в том же, 1902 г., министром внутренних дел.

В состав Особого совещания и Редакционной комиссии входили представители правящей бюрократии, придерживавшиеся различных взглядов. Однако в Особом совещании тон задавали либерал-консерваторы, а в Редакционной комиссии почти безраздельно господствовали представители реакционно-консервативной бюрократии. Таким образом, впервые в истории разработки крестьянского вопроса разногласия в правящих кругах оказались настолько значительными, что произошло четкое организационное разграничение между противоборствовавшими группировками. Факт этот был одним из ярких признаков кризиса верхов в условиях революционной ситуации начала 900-х годов.

Нарастание в стране революционного кризиса побудило правительство пойти на такие нетрадиционные для него меры, как придать относительную гласность своей работе по подготовке крестьянской реформы и отказаться от келейного, чисто ведомственного характера этой работы. С этой целью, во-первых, ход работы Особого совещания и Редакционной комиссии широко освещался в периодической печати и нашел отражение в специальных незамедлительно изданных многотомных трудах; во-вторых, к работе этих органов были привлечены представители провинциальной бюрократии и общественности. Так для обсуждения проекта крестьянской реформы, выработанного Редакционной комиссией, были созданы губернские совещания, согласно указанию В. К. Плеве, из "достойнейших деятелей, доверием общественным облеченных": местных чиновников, земцев и землевладельцев. Особым совещанием со своей стороны были образованы губернские и уездные комитеты под председательством губернаторов и уездных предводителей дворянства. Кроме чиновников, в работе этих комитетов участвовали и приглашенные сведущие представители местной общественности. Идя на такие меры, правительство стремилось не только расширить возможности поиска наилучшего для себя решения вопроса, но и ослабить нараставшее напряжение в обществе, отвлечь его от радикализма, преодолеть углублявшийся раскол между ним и властью.

И Редакционная комиссия, и Особое совещание проработали не один год. Первая закончила свою работу по подготовке проекта реформы крестьянского законодательства в октябре 1903 г. Итоги

этой работы составили целых шесть томов, которые сразу же были опубликованы. В начале 1904 г. подготовленный проект был передан губернским совещаниям, где обсуждение его затянулось и окончательно заглохло с началом революции. В это же время, в конце марта 1905 г., царским указом была прекращена и деятельность Особого совещания. Значительная часть материалов этого совещания, в том числе 57 томов "трудов" и "свода трудов" его местных комитетов, также была опубликована.

Какое же решение крестьянского вопроса предлагалось Редакционной комиссией и Особым совещанием? Проект Редакционной комиссии, в отличие от аграрной политики эпохи контрреформ, уже не считал случайными факты расслоения крестьянства, а признавал их закономерными результатами экономического развития: перехода крестьянского хозяйства от натурального к денежному, распространения отхожих промыслов и других внеземледельческих заработков. Более того, признавалось нецелесообразным принимать меры, препятствующие образованию состоятельного крестьянства и не только потому, что это означало бы становиться поперек развития экономической жизни, но и потому, что эти крестьяне, вопреки распространенному мнению, клеймившему их как "кулаков" и "мироедов", не являются худшим и наиболее вредным элементом деревни. Наоборот, в силу своей заинтересованности в охране принципа собственности такие крестьяне — надежная опора существующего порядка. В проекте не отрицались и преимущества крестьянского хуторского и отрубного землевладения перед общинным. Высказывалась даже уверенность в том, что эти формы землевладения существенно улучшат благосостояние крестьян, повысят производительность их труда и упрочат у них уважение к чужой собственности.

Но признавая новые явления в крестьянстве, проект вместе с тем подчеркивал, что они еще не получили широкого распространения и потому не могут служить основанием для коренного изменения аграрно-крестьянской политики. В то же время эта политика полностью и не игнорировала данные явления. Предлагалось, в частности, облегчить выход из общины для "индивидуально-сильных" и "умственно переросших общинный строй" крестьян, создать для них условия к постепенному переходу от общинного владения землей к хуторскому и отрубному, но хутора и отруба должны были быть организованы только на вненадельной земле и при условии, что их хозяева отказываются от общинной земли. Названные меры еще не означали ставки правительства на зажиточное крестьянство. Они лишь вносили известные коррективы в традиционную политику. С их помощью реализовывалось представление В. К. Плеве о зажиточном крестьянине, как о "дьяволе", от которого надо освободить крестьянскую общину.

Таким образом, старая "попечительная политика" оставалась в силе,и в ней еще более подчеркивался аспект защиты государст-

вом “слабых элементов” крестьянства от притеснений со стороны “сильных” крестьян. Проект провозглашал также незыблемость крестьянской надельной земельной собственности, устанавливал пределы ее концентрации и дробления, принцип ее заповедности. Реакционно-консервативная направленность проекта еще более проявлялась в его стремлении распространить положения о принудительном надельном землевладении и на крестьянские вненадельные земли.

Согласно проекту, неприкосновенной должна была остаться и крестьянская община. Достоинства хуторского землевладения хотя и признавались, но в то же время считалось, что основная масса крестьянства до него еще не доросла. В доказательство приводились разного рода аргументы, но прежде всего то, что крестьяне не имеют достаточных средств для переселения на хутора и надлежащего умственного и культурного развития. Препятствиями для развития хуторских хозяйств назывались также естественно-географические и почвенно-климатические особенности большинства российских земледельческих губерний. Утверждалось, как прежде, что община, вопреки распространенному мнению, не мешает применению более совершенных приемов хозяйствования и что роль ее особенно благотворна: ведь она печется о крестьянах — “помогает слабым и подгоняет нерадивых”. И хотя в проекте заявлялось, что вопрос об общине должен быть предоставлен “естественному ходу вещей”, в то же время предлагались меры по ее укреплению. В частности, устанавливались максимальные 12-летние сроки переделов земли и сдачи в аренду общинной земли.

Повышенное внимание уделялось стабильности крестьянской патриархальной семьи как одного из важнейших оплотов консерватизма. Предусматривалось укрепление крестьянской семейной земельной собственности. Замена этой традиционной собственности личной, индивидуальной собственностью рассматривалась как недопустимая ломка всего земельного и имущественного строя крестьян. Ужесточались меры против самовольных разделов крестьянских семей. В целях предохранения крестьянской семьи от “смуты и безурядицы” со стороны ее младших членов законодательно усиливалась власть домохозяина. Без его согласия членам семьи не выдавались паспорта, необходимые для ухода на заработки, а несовершеннолетние (до 25 лет) члены семьи не могли выделиться из двора.

Для ослабления земельной нужды крестьян и смягчения проблемы аграрного перенаселения деревни проект Редакционной комиссии предлагал также внести некоторые изменения в деятельность Крестьянского банка и в переселенческую политику. Банк должен был оказывать помощь переселенцам, но лишь тем, кто переселялся на окраины империи, способствовал их колонизации.

Одновременно ему запрещалась скупка помещичьих земель на территории Европейской России, и он должен был следить за тем, чтобы в одном крестьянском хозяйстве не сосредоточивалось более 150 десятин земли.

Не остался без внимания и вопрос о правовом положении крестьянства. Его сословные ограничения в области права, суда и управления не только сохранялись и еще более закреплялись, но и распространялись на представителей других бывших податных сословий, проживавших в сельской местности и владевших землей.

Практическое осуществление мер, предусматривавшихся проектом, в значительной мере связывалось с усилением бюрократической опеки над крестьянами, с расширением власти над ними земских начальников. В стремлении заменить непосредственное общение помещиков с крестьянами государственным посредничеством заключалось главное новшество той аграрной политики, которая предлагалась реакционно-консервативными представителями правящей бюрократии во главе с В. К. Плеве. Это новшество было одним из проявлений общей тенденции политики по усилению опеки государства над экономикой и социальными отношениями.

Однако проект Редакционной комиссии был настолько одиозен, что даже ряд министров, настроенных далеко не либерально, встретил его неодобрительно. Так, тогдашний министр юстиции Н. В. Муравьев считал, что проект стремится "окончательно закрепостить крестьян... окончательно отдалить и уединить их от прочих сословий"

Конструктивно критиковал деятельность Редакционной комиссии С. Ю. Витте. В 1904 г. была опубликована его "Записка по крестьянскому вопросу", подводившая предварительные итоги работы возглавлявшегося им Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности и предлагавшая решение крестьянского вопроса на принципиально иных началах по сравнению с проектом Редакционной комиссии. Витте предлагал освободить крестьян от опеки общины, уравнять их в правах с другими сословиями и предоставить им право свободного перехода от общинного к частному личному землевладению.

Виттевский вариант крестьянской реформы являлся частью его либерально-консервативного плана модернизации страны, предполагавшего сохранение и укрепление самодержавия в данном случае путем расширения его социальной базы за счет консервативных мелких земельных собственников, которых должна была создать реформа. Предлагавшаяся Витте реформа предопределяла столыпинскую аграрную реформу. У нее было уже немало сторонников как в низах, так и в правящих верхах. Однако для последних нужна была революционная встряска, чтобы сделать идеи такой реформы руководящими в аграрно-крестьянской политике.

План виттевской реформы востребован не был. Остался на бумаге и проект Редакционной комиссии. Однако составлявшие основу проекта принципы сословной обособленности крестьянства, неприкосновенности общины и надельного землевладения, как традиционные, оставались основополагающими для реальной политики, проводимой самодержавием в крестьянском вопросе в предреволюционный период. В ней допускались лишь небольшие уступки требованиям времени. Отменены были телесные наказания (1902), круговая порука (1903), облегчен был выход из общины зажиточному крестьянству (1903), смягчена переселенческая политика (1904), внесены были некоторые изменения в деятельность Крестьянского банка. В результате такой паллиативной политики социальная напряженность в деревне не ослаблялась, а сохранявшиеся в ней противоречия все более вырастали в главную причину надвигавшейся революции.

Отсутствие у правительства единой позиции по аграрно-крестьянскому вопросу, борьба в нем различных направлений и группировок, противоречивость выдвигавшихся ими проектов аграрных преобразований свидетельствовали о колебаниях самодержавия и его кризисе. Содержание же этих проектов показывает, что в правящих кругах не имелось такого решения аграрного вопроса, которое сняло бы обострявшиеся противоречия и открыло простор для свободного и быстрого развития деревни.

Рабочий вопрос С конца XIX *рабочий вопрос* стал одним из главных во внутренней политике царизма. Связано это было прежде всего с тем, что хотя численность рабочих и была сравнительно небольшой, но их роль в народнохозяйственной и общественно-политической жизни была значительной. От рабочих во многом зависело функционирование промышленности, транспорта и ряда других отраслей народного хозяйства. Большинство их было сконцентрировано в стратегически важных государственных центрах — столицах и крупных городах. Развивавшееся индустриальное капиталистическое производство способствовало не только росту их количества, но и их сплочению. Потенциальная опасность существовавшему режиму со стороны рабочих с середины 90-х годов начала превращаться в реальную, когда разраставшееся рабочее движение стало все более подпадать под идейное влияние и организационное руководство революционных социалистических элементов.

Репрессии, как эффективное средство борьбы против немногочисленных революционных интеллигентских организаций, оказывались уже недостаточно действенными против массового по своему характеру рабочего движения. Использовало правительство и политику уступок. В 1897 г. был принят закон о сокращении рабочего дня до 11,5 час. в дневное и до 10 час. в ночное время и предпраздничные дни. В 1901 г. были учреждены пенсии рабочим казенных предприятий, потерявшим трудоспособность на производ-

стве. В 1903 г. была установлена ответственность предпринимателей за несчастные случаи с рабочими, а рабочим было дозволено избирать фабричных старост для посредничества с хозяевами предприятий и властями. Однако эти незначительные уступки тоже не достигали цели.

Чтобы сделать рабочих менее восприимчивыми к социалистической и атеистической пропаганде, сохранить их в орбите влияния традиционных идей православия и самодержавия, правительство и церковь активизировали религиозно-нравственное воспитание рабочих. Создавались многочисленные православные братства и общества, массовыми тиражами издавалась специальная литература. Так, Московское общество духовного просвещения в одном лишь 1901 г. выпустило 461 брошюру и книгу. Открывались народные читальни и библиотеки со специально подобранной литературой, устраивались народные чтения и спектакли религиозно-монархического содержания. Особое внимание уделялось трезвенническому движению. Последнее рассматривалось не как самоцель, а как одна из предпосылок укрепления духовного здоровья народа, его образа жизни в соответствии с христианскими принципами. Попечительствами о народной трезвости учреждались также чайные, являвшиеся не только наглядными формами пропаганды трезвенничества, но и своего рода клубами, где их посетители могли ознакомиться с газетами, послушать лекции, принять участие в беседах на религиозно-нравственные темы.

Трезвенническое движение в Петербурге возглавлял Александр Рождественский, священник Воскресенской церкви "Общества распространения религиозно-нравственного просвещения в духе Православной церкви". Не ограничиваясь яркими проповедями и крестными ходами, А. Рождественский издавал соответствующего содержания книги и брошюры, а также журналы — "Отдых христианина", "Трезвая жизнь" и др.

Правящие круги были едины в понимании опасности рабочего движения, в правомерности репрессий по отношению к его участникам, в необходимости усиления религиозно-нравственного воспитания рабочих. В частности, министр финансов С. Ю. Витте в 1900 г. предписал фабричной инспекции беспрепятственно допускать в промышленные заведения приходских священников для исполнения возложенной на них Синодом обязанности по усилению "пастырско-миссионерского попечения о духовных нуждах рабочих". Вместе с тем в правительстве были и разногласия вновь между самыми могущественными Министерствами — финансов и внутренних дел.

С. Ю. Витте считал, что эта политика должна основываться на буржуазном принципе формального равенства в отношениях между трудом и капиталом, что спорные вопросы между ними должны решаться на основе закона. Позиция Витте отражала не только общие потребности промышленного развития, но и частные интересы

предпринимателей. Последних начинала тяготить полицейско-попечительная политика власти, ее постоянное вмешательство в их отношения с рабочими, нередко заставлявшее их поступаться своими материальными интересами, удовлетворять некоторые экономические требования рабочих.

Министерство внутренних дел продолжало в целом придерживаться традиционной попечительно-охранительной политики, рассчитанной на неразвитые патриархальные массы. В то же время оно допускало в виде экспериментов отдельные заимствования из рабочей политики западных стран. Примером подобного эксперимента является *политика "полицейского социализма"*. Такое название она получила из революционной печати. Инициатор этой политики С. В. Зубатов считал, что данное название лишено "всякого смысла", так как эта политика "боролась с социализмом, защищая принципы частной собственности". Разновидностями такой политики стали "зубатовщина" и "гапоновщина": названия произошли от фамилий их инициаторов — С. В. Зубатова и Г. А. Гапона, бывших также идеологами и ревностными проводниками этой политики в жизнь.

С. В. *Зубатов* (1864—1917) в молодости был причастен к народовольческому движению и одновременно являлся секретным сотрудником охранки. Провалив ряд народовольческих кружков, он в конце 80-х годов официально перешел на службу в Московское охранное отделение, где, благодаря своему уму, знаниям революционной среды, розыскным и организаторским способностям, сделал блестящую карьеру, став через несколько лет начальником отделения, а затем — заведующим особого отдела Департамента полиции, занимавшегося политическими делами. При нем Московское охранное отделение стало во главе розыскного дела в России. Он ранее других представителей власти понял, что розыск и репрессии недостаточны для успешной борьбы с рабочим движением. Властям необходимо не только оградить рабочих от революционеров, привить им иммунитет против революционных идей путем усиления монархической пропаганды и религиозно-нравственного воспитания, но и использовать в своих интересах естественное стремление рабочих к улучшению своего экономического положения, условий труда и быта, к знаниям и организации. Зубатову принадлежала идея создания опекаемых охранкой легальных рабочих организаций, наподобие профсоюзов. Опираясь на эти организации, рабочие могли бы мирным путем, под сенью монархии добиваться улучшения своей жизни. Затея Зубатова нашла поддержку у тогдашнего московского начальства — обер-полицмейстера Д. Ф. Трепова и генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича. Одобрительно относились к ней министры внутренних дел Д. С. Сипягин, затем В. К. Плеве.

В мае 1901 г. в Москве была создана первая зубатовская организация "Общество взаимного вспомоществования рабочих в ме-

ханическом производстве". За короткий срок подобные организации возникли и на других предприятиях. Численность зубатовских организаций в Москве, в период их расцвета, доходила до нескольких тысяч человек. В них читались лекции и велись беседы не только на монархические и религиозно-нравственные, но и на общеобразовательные темы. Освещались также вопросы жизни рабочих в России и на Западе. Внимание слушателей особенно концентрировалось на легальных формах организации и борьбы западноевропейских рабочих, на английских тред-юнионах, рабочей политике германского канцлера О. Бисмарка и других подобных вопросах. Лекторами выступали ряд преподавателей Московского университета: историки и экономисты П. Г. Виноградов, И. Х. Озеров, А. А. Мануйлов и некоторые др. Однако под давлением оппозиционно настроенной интеллигенции они вскоре прекратили свою просветительскую деятельность в зубатовских организациях, и занятия в них свелись главным образом к чтениям духовных лиц и выступлениям случайных лекторов.

Чтобы сделать эксперимент более привлекательным для рабочих, руководство организациями было доверено рабочим, но тем, в коих охранка не сомневалась. Организациям также было разрешено заниматься вопросами, которые касались материального положения рабочих: повышения заработной платы, сокращения рабочего дня, создания потребительских обществ, безработицы, взаимоотношений между рабочими и предпринимателями и т. п. Отстаивать интересы рабочих перед предпринимателями позволялось разными способами, включая в крайних случаях даже стачку. Высшим успехом "зубатовщины" в Москве явилась организованная ее руководством 19 февраля 1902 г., в очередную годовщину отмены крепостного права, 50-тысячная демонстрация рабочих с целью возложения венка к памятнику Александра II в Кремле.

Триумф "зубатовщины" вскрыл и другую ее сторону, вызвавшую недовольство ею предпринимателей. Власти Москвы потребовали от предпринимателей не только не штрафовать рабочих — участников демонстрации за их прогул, но и оплатить как рабочее время их участие в демонстрации. Нести расходы за монархическую затею властей предприниматели категорически отказались. Министерство финансов, которому они пожаловались, встало на их сторону. Отношения этого ведомства с Министерством внутренних дел, и без того напряженные, еще более обострились, усилив тем самым кризис в правящих верхах. Конфликт между московскими властями и предпринимателями приобрел в какой-то степени и международный характер. Зубатов пригрозил высылкой из России крупному заводчику Гужону — французскому подданному, наиболее упорствовавшему в каких-либо уступках. Последний был спасен от произвола лишь вмешательством французского посла.

"Зубатовщина" не ограничивалась Москвой, в 1901—1903 гг. ее организации существовали также в Петербурге, Перми, Харькове, Киеве, Екатеринославе и Николаеве. В черте еврейской оседлости в противовес еврейскому социал-демократическому союзу (Бунду) охранкой была создана "Еврейская независимая рабочая партия". Ее организации были в Минске, Гродно, Бобруйске, Вильно и Одессе. Доверие властей к зубатовскому эксперименту существенно подорвалось Всеобщей стачкой на Юге России летом 1903 г. Активными участниками этой стачки (а в Одессе чуть ли не ее инициаторами) явились "независимовцы" во главе со своим лидером доктором философии Г. Шаевичем. За участие в стачке Шаевич был арестован и отправлен в ссылку. Круто оборвалась и карьера С. В. Зубатова. Под предлогом провала зубатовщины во время стачки, а в действительности в связи с тем, что В. К. Плеве стало известно об участии Зубатова в интриге Витте против него (т. е. против Плеве), Зубатов был отправлен в отставку с запрещением проживания в столицах. В начале марта 1917 г., узнав о том, что Николай II отрекся от престола и монархия, с которой он связывал настоящее и будущее России, на сохранение и укрепление которой была направлена когда-то его деятельность, рухнула, Зубатов застрелился.

Политика "полицейского социализма", оказавшаяся после названных событий в состоянии кризиса, была выведена из него "*гапоновщиной*". Начало ей было положено организацией священником Г. А. Гапоном осенью в 1903 г. в Петербурге общества — "Собрание русских фабрично-заводских рабочих г. С.-Петербурга". Официальное открытие общества состоялось а апреле 1904 г. Цели и задачи "гапоновщины" были те же, что и у "зубатовщины". Преемственность между ними проявлялась даже в том, что именно Зубатов давал Гапону первые уроки полицейской рабочей политики. Вместе с тем "гапоновщина" не была простым повторением "зубатовщины". В ней была предпринята попытка преодолеть те просчеты, которые выявились в "зубатовщине". С одной стороны, гапоновской организации для того, чтобы она могла пользоваться доверием у рабочих, была дана бóльшая самостоятельность и независимость от охранки. С другой, чтобы не вызывать недовольство предпринимателей и защищавшего их Министерства финансов, ей не позволялось вмешиваться в сферу отношений между предпринимателями и рабочими. Деятельность ее должна была ограничиваться вопросами удовлетворения духовных запросов рабочих. Обществу разрешалось организовывать чайные, кассы взаимопомощи, библиотеки, проводить чтения религиозно-нравственного характера, музыкальные вечера и т. п.

В начале своей истории гапоновское общество было вполне лояльной, откровенно монархической, подчеркнуто русской организацией. В записке в Департамент полиции Гапон указывал, что цель организации заключается в стремлении "свить среди фабрично-заводского люда гнезда, где бы Русью пахло, откуда бы вылета-

ли здоровые и самоотверженные птенцы на разумную защиту своего царя, своей родины и на действительную помощь своим братьям-рабочим". Большое влияние на настроения в гапоновском обществе оказывал нараставший революционный кризис в стране. На собраниях общества все чаще обсуждались животрепещущие не только социальные, но и политические вопросы. Общество левело. Чтобы не потерять своего влияния среди рабочих, в этом же направлении эволюционировал и Гапон, постепенно высвобождаясь из-под опеки охранки и городских властей. Если вначале гапоновское общество было малочисленным, влачило жалкое существование, то положение стало меняться в последние месяцы 1904 г.: деятельность его активизируется, резко возрастает количество его членов. К концу года в нем уже было 12 районных отделений с общей численностью в 10 тыс. человек, а в сходках и собраниях, проводившихся обществом в начале января 1905 г., принимали участие десятки тысяч рабочих и членов их семей.

Политика "полицейского социализма" находила отклик, главным образом, среди патриархально настроенных, политически неразвитых, слабо или вовсе не затронутых революционной пропагандой пролетариев, стоявших обычно в стороне от активной борьбы. Приводя в движение и организуя этих рабочих, возбуждая в них "преувеличенные ожидания", эта политика, не решая рабочий вопрос, способствовала не столько успокоению рабочих, сколько делу подготовки революции.

Таким образом, анализ финансово-экономической и социальной политики самодержавия показывает, что она не отвечала уже требованиям времени, была неспособна ликвидировать обострявшиеся противоречия, создать необходимые условия для ускоренного развития страны.

§ 4. Национальный вопрос во внутренней политике самодержавия

Национальный вопрос был одним из основных факторов революционной ситуации, складывавшейся в России на рубеже XIX—XX вв. Обострению этого вопроса во многом способствовал сам царизм возросшим стремлением усилить свою власть в национальных окраинах путем их русификации и унификации системы управления ими. Повышенное внимание к национальному вопросу связано было и с тем, что он все более переплетался с ширившимся революционным движением. Актуальными в национальной политике рассматриваемого периода были прежде всего финляндский, армянский и еврейский вопросы.

С конца 90-х годов развернулось наступление на автономию Финляндии. Ограничивались права финляндского сейма, в делопроизводство вводился русский язык, административные должности стали замещаться выходцами из России, ликвидировалась са-

мостоятельность финской армии. В Финляндии начались демонстрации протеста и сбор подписей под петицией царю с просьбой отменить законы, урезающие автономию Великого княжества. Собрано было 500 тыс. подписей. Петицию повезла в столицу на нескольких подводах депутация из 500 человек, в основном стариков — пасторов и крестьян. Возмутившись поведением финнов и оценив их "как недобрые поползновения" финляндских правящих лиц "между добрым народом моим и мною", Николай II делегацию не принял. Рассчитывая прочнее закрепить Финляндию за Россией, царизм добился обратного результата. В Финляндии усилились сепаратистские настроения, из мирной российской провинции она все более превращалась в один из очагов приближавшейся революции. Покушения царизма на финляндскую автономию способствовали также росту оппозиционного движения в самой России и падению престижа царского правительства в мировом общественном мнении.

. Обострение армянского вопроса было связано с изданием в июле 1903 г. царского указа о секвестре имуществ армянской церкви и передаче под контроль государства церковных расходов. Поводом для указа явились агентурные сведения, согласно которым значительная часть этих средств уходила на финансирование национально-революционных организаций. Ответом на эту карательную меру правительства явились массовые акции протеста. В некоторых местах они вылились в кровавые столкновения между властями и народом. В итоге правительство снова получило обратный результат. Не нанеся серьезного вреда национально-революционным организациям, оно восстановило против себя весь армянский народ.

В отношении евреев правительство Николая II продолжало политику предшествовавших романовских правительств: сохранялись черта оседлости, запреты заниматься сельским хозяйством, квота для студентов высших учебных заведений и ряд других ограничений. Министр внутренних дел В. К. Плеве считал, что "еврейство" по сути своей враждебно "национальному и государственному благу России". Антисемитскими были и взгляды Николая II. Евреи считались главными виновниками и участниками революционного и оппозиционного движений. Антиеврейский настрой властей в условиях роста социальной напряженности в стране в целом и в черте еврейской оседлости в особенности являлся одной из причин возродившихся в начале 900-х годов еврейских погромов, самыми трагическими из которых стали Кишиневский и Гомельский (1903). Последствиями погромов были еще больший рост антиправительственных настроений в еврейском народе и массовый уход его молодежи в революционное движение.

Таким образом, можно без преувеличения заключить, что никто так не способствовал революции, как само царское правительство своей внутренней политикой, во всех отношениях неадекватной реалиям рубежа XIX — начала XX вв.

Глава 19
Внешняя политика России в конце XIX — начале XX вв.

§ 1. Особенности международной обстановки на рубеже веков

Империализм как фактор внешней политики

Конец XIX — начало XX века были отмечены резким усилением напряженности в международных отношениях. Современники остро чувствовали эту характерную примету времени. Государственные и общественные деятели, ученые, журналисты заговорили о новом качестве внешней политики крупнейших промышленных держав, получившем наименование "*империализм*". Это означало агрессивную внешнюю политику, безудержную гонку вооружений, раздел мира на огромные колониальные империи, создание военно-политических блоков и острую борьбу между ними за колонии и сферы влияния. В дальнейшем исследование причин империалистической внешней политики привело к распространению понятия "империализм" и на новые явления экономической и социальной жизни капиталистических стран в конце XIX — начале XX вв.

Характерная для мировой капиталистической экономики этого времени неравномерность в развитии отдельных государств создавала благоприятную почву для обострения взаимного соперничества и нарушения баланса сил на международной арене. В число великих держав, способных определять ход мировой политики, используя свою военную, промышленную, финансовую мощь, уверенно вошли Германия и США. Они теснили традиционных лидеров — Великобританию и Францию. Усилились Япония и Италия. До ведущих ролей в мире этим двум государствам было еще далеко, но их влияние на ситуацию в отдельных регионах — соответственно на Дальнем Востоке и в Средиземноморье — стало ощутимым.

Напротив, направление и характер внешней политики Австро-Венгрии все больше зависели от мнения и действий Германии. Разобщенность мозаичной в этническом, экономическом и политическом отношениях империи Габсбургов, межнациональные противоречия и конфликты заставляли австрийские правительственные круги искать покровительства у могущественного соседа.

Российская империя, благодаря своей территории, огромным людским и материальным ресурсам, большой армии, по-прежнему занимала одно из первых мест среди великих держав. Однако у нее

были уязвимые стороны, сказывавшиеся на российской внешней политике: не преодоленное к началу XX столетия экономическое и военно-техническое отставание от США, Германии, Великобритании, Франции, зависимость от иностранных займов и капиталов, социальные конфликты, грозившие серьезными внутренними потрясениями.

На рубеже веков исключительное значение в экономической жизни стран развитого капитализма приобрел вывоз капитала за пределы национальных границ, вкладывание его там, где исключительная дешевизна сырья, рабочей силы, отсутствие конкуренции сулили колоссальные прибыли. Колониальные захваты или закабаление в финансовом и экономическом отношении других стран превратились в непременное условие могущества великих держав. Разгорелась острая борьба за еще не поделенные области земного шара и передел уже сложившихся колониальных империй и сфер влияния.

Наибольшую опасность конфликта мирового масштаба таили в себе противоречия между Германией, Великобританией, Францией и Россией. Внешнеполитические интересы США были в то время сосредоточены в Западном полушарии, бассейне Тихого океана и за исключением Китая удалены от главных очагов соперничества великих держав.

Весьма глубоким был франко-германский антагонизм. К опасениям Франции за свою колониальную империю добавлялось желание взять реванш за поражение в 1870—1871 гг. и возвратить Эльзас и Лотарингию. Состояние русско-германских отношений было на этом фоне более спокойным, но с дальнейшим расширением германской экспансии царское правительство мириться не собиралось. Особенно серьезное недовольство России вызывал сложившийся австро-германский блок. Германия не только помогала австрийским властям удерживать в повиновении славянские народы империи Габсбургов, но и намеревалась совместно с ней подчинить германским интересам экономику и политику балканских государств, а также Османской империи.

Неоднозначной была внешнеполитическая ориентация Великобритании. Располагая самыми большими колониальными и протекторатными владениями, Великобритания менее всего желала нового передела мира, к которому стремились германские правящие круги. Однако на берегах Темзы не спешили примыкать к лагерю противников Германии. Наряду с англо-германскими в британской внешней политике давали о себе знать англо-французские и англо-русские противоречия. Первые касались колоний, вторые в конце XIX столетия проявлялись в вопросе о черноморских проливах, сферах влияния на Среднем и Дальнем Востоке, в Центральной Азии.

Ярким свидетельством нестабильности общей ситуации в мире стала невиданная до того времени гонка вооружений с использова-

нием новейших научно-технических достижений. Параллельно происходило формирование противостоящих друг другу военно-политических союзов. Двусторонние отношения государств нередко оказывались подчиненными блоковым интересам.

Усложнились задачи пропаганды внешнеполитического курса. Во многих странах откровенная проповедь войны и экспансии вызывала неприятие значительной части общественного мнения. Конгрессы II Интернационала осуждали милитаризм, колониальные захваты и призывали мировое социалистическое и рабочее движение выступить против гонки вооружений. В Западной Европе и США действовали сотрудничавшие между собой пацифистские организации. Чтобы завоевать общественные симпатии, правительствам приходилось маневрировать, скрывать агрессивные планы и много рассуждать о сохранении мира, объясняя свои действия на международной арене исключительно заботой о “равновесии сил” и защитой “законных” государственных интересов от враждебных происков других держав.

Гаагская конференция

В **мае—июле 1899 г.** в *Гааге впервые* в истории дипломатии состоялась конференция, посвященная вопросам ограничения роста вооружений, численности армий и флотов, мирного разрешения межгосударственных конфликтов. Предложение о ее созыве было выдвинуто правительством России.

По уровню оснащения армии и флота она отставала от других держав и замедление гонки вооружений облегчило бы достижение равенства, сэкономило значительные средства (только в 1899 г. военные затраты поглотили свыше 29 % расходной части российского бюджета). Правда, трезво оценивая состояние международных отношений, в российских правительственных кругах не строили особых иллюзий по поводу успеха конференции. Но во всяком случае демонстрация “миролюбия” самодержавия была уместной. Предложение о созыве конференции последовало в августе 1898 г., когда обострились русско-английские отношения в связи с действиями России в Китае и британские политические деятели в очередной раз заговорили о необходимости отпора “русской угрозе”.

В Гаагской конференции 1899 г. участвовали почти все европейские государства, США, Мексика,Турция, Япония, Китай, Иран и Сиам. По главному вопросу — о приостановке гонки вооружений — никакого решения принято не было. Особенно активно против ограничений выступали представители Германии. Тем не менее по ряду других пунктов повестки дня делегаты выработали документы, сыгравшие значительную роль в истории международного права. Была заключена конвенция об обычаях и законах войны, учрежден существующий и поныне международный арбитражный суд для урегулирования споров между государствами с их обоюдного согласия. Окончательное юридическое оформление эти решения получили на *второй* конференции, состоявшейся в Гааге в **1907 г.**

§ 2. Политика России в Западной Европе, на Балканах, Ближнем и Среднем Востоке

Руководители российской внешней политики

Нестабильная обстановка в мире и противоречия внутреннего развития страны требовали умелого руководства российской внешней политикой. Император Николай II не пренебрегал своими верховными полномочиями в этой области. Он регулярно читал донесения дипломатов, обсуждал текущие проблемы с министрами иностранных дел и высшими сановниками империи. Но необходимость разбираться в хитросплетениях мировой политики была для него скорее тяжелым долгом правителя, чем призванием. Императору не хватало умения предвидеть развитие событий, принимать быстрые, ответственные и неординарные решения.

Вредили делу и некоторые черты характера последнего самодержца. Николай II был самолюбив и в его окружении обычно не задерживались яркие, талантливые деятели, способные затмить не блиставшего политическими дарованиями императора. Напротив, в отношениях с ближайшими родственниками он долгое время не проявлял должной твердости и самостоятельности. Почти всю первую половину царствования мнение великих князей, как об этом уже говорилось выше, влияло на действия государя.

Волею судьбы кресло министра иностранных дел в начале правления Николая II трижды становилось вакантным. В январе 1895 г. умер Н. К. Гирс, бессменно возглавлявший МИД после А. М. Горчакова. Через год скончался преемник Гирса А. Б. Лобанов-Ростовский — опытный дипломат, знаток восточного вопроса, много лет занимавший посольские должности в Константинополе, Лондоне, Вене. Однако следующий выбор царя оказался неудачным. Новый министр М. Н. Муравьев не обладал ни знаниями, ни способностями своих предшественников, зато преуспел в поиске влиятельных покровителей и в умении угождать государю. Большой любитель светских развлечений Муравьев переложил основную тяжесть текущей работы на своего заместителя В. Н. Ламздорфа.

Современники не зря называли Ламздорфа “ходячим архивом” внешнеполитического ведомства. Долгое время он руководил канцелярией МИД и участвовал в подготовке всех значительных акций российской дипломатии с начала 80-х годов. Заслуженно получив в 1900 г. после смерти Муравьева министерский пост, Ламздорф придерживался осторожного, взвешенного подхода к внешнеполитическим проблемам, стремился избегать конфликтов. Вместе с тем Ламздорфу не хватало решительности в отстаивании своего мнения перед государем.

Русско-французский союз

Николай II и его министры иностранных дел не ставили под сомнение стратегический курс последних лет царствования Александра Ш на сближение с Франци-

ей. В конкретных вопросах международной политики позиции России и Франции не всегда совпадали, но противоречия обеих держав с Германией сплачивали их. С течением времени крепла и финансово-экономическая основа русско-французского союза. С начала 90-х годов французские банки превратились в крупных кредиторов царского правительства и активных участников его экономических мероприятий.

В 1899 г. министры иностранных дел Франции и России обменялись письмами, в которых подтверждались условия секретного русско-французского политического и военного союза, заключенного в 1891—1893 гг. Оборонительный характер военной конвенции не изменился, но если прежде срок ее действия обусловливался временем существования Тройственного союза Германии, Австро-Венгрии и Италии, то теперь взаимные обязательства на случай германского нападения становились бессрочными.

Ближневосточный кризис

Центр тяжести российской внешней политики в конце XIX в. Николай II перенес на Дальний Восток, поэтому на остальных направлениях российская дипломатия стремилась избегать осложнений. Добиться этого было непросто, особенно на Ближнем Востоке. Нежелание Порты отказаться от дискриминации христианского населения, волнения угнетенных народов и жесточайшие репрессии против них создали замкнутый круг.

Очередной *Ближневосточный кризис* начался в **1894** г. с варварских карательных акций турецкой администрации в Западной Армении. Затем центр событий переместился в наиболее важные для внешнеполитических интересов России и других держав области Османской империи — на Балканы и в район Константинополя и проливов. Антитурецкие волнения охватили Македонию и остров Крит. Греко-турецкие отношения оказались на грани войны. В Константинополе в ответ на выступления армянских националистов турецкие власти спровоцировали армянские погромы.

Действия Порты, игнорировавшей собственные международные обязательства об уважении прав христианских подданных, вызвали возмущение общественного мнения Европы и осуждение со стороны правительств. Рассчитывая воспользоваться моментом для усиления английского влияния в Турции, британские государственные деятели заговорили о вмешательстве и начали стягивать корабли к Дарданеллам. Британскую военную акцию была готова поддержать Италия.

В этих условиях российский посол в Турции А. И. Нелидов предложил упредить возможный ввод англо-итальянской эскадры в черноморские проливы, захватить Верхний Босфор (о занятии Константинополя в проекте А. И. Нелидова речь не шла) и затем пригласить к совместным действиям против Порты другие державы. Таким образом, Россия обеспечила бы свои интересы на случай

резких изменений в положении Турции и пересмотра режима проливов.

Предложения Нелидова обсуждались на Особом совещании под руководством Николая II 23 ноября (5 декабря) 1896 г. Идея захвата Босфора в случае внутреннего кризиса в Османской империи и угрозы вмешательства других держав не была новой для российских правительственных кругов. Первый проект такого рода, одобренный царем, Нелидов подавал еще в 1882 г., только приступив к обязанностям посла в Константинополе. С этого же времени велась проработка военного плана операции, горячим сторонником которой был начальник Генерального штаба Н. Н. Обручев.

Участники Особого совещания, за исключением министра финансов С. Ю. Витте, высказались за военную экспедицию на Босфор. Однако первоначальный замысел Нелидова был существенно изменен. В решениях совещания десант на Босфор рассматривался только как ответная мера в случае ввода в проливы иностранных флотов, причем подчеркивалось, что главной целью российской дипломатии остается поиск совместно с другими державами мирных средств урегулирования внутреннего кризиса в Турции. Осторожность была вызвана тем, что занятие Босфора могло сплотить против России остальные державы и привести к столкновению с ними.

Большое значение в Петербурге придавали позиции своего стратегического союзника — Франции. Однако учитывая значительный объем французских капиталов в Турции, политические деятели Франции менее всего были расположены ускорять распад Османской империи. Интенсивные русско-французские консультации показали, что Париж не одобрит захват Босфора и не поддержит Россию в возможном военном конфликте из-за проливов. При таком раскладе сил высадка на Босфоре могла рассматриваться только как чрезвычайная, вынужденная акция. Несколько месяцев русский флот в Севастополе и Одессе оставался в готовности, но российская дипломатия делала все возможное, чтобы военная машина не была приведена в действие. Петербургский кабинет согласился с официально заявленным мнением Франции о том, что при урегулировании кризиса державы должны действовать сообща, уважать территориальную целостность Османской империи и суверенные права ее правительства.

К отказу от радикальных самостоятельных действий довольно быстро склонились и в других европейских столицах, включая Лондон. Военно-морские приготовления в Черном и Средиземном морях, где помимо англо-итальянской эскадры наготове стояли и французские, и австрийские корабли, убеждали, что любая сепаратная акция неизбежно вызовет аналогичные меры со стороны других великих держав и приведет к труднопредсказуемому развитию событий в условиях, когда предварительных договоренностей о судьбе “турецкого наследства” не существовало.

К **концу 1897 г**. общими усилиями европейской дипломатии наиболее опасные очаги восточного кризиса постепенно были потушены. Под нажимом великих держав султан согласился предоставить значительную автономию Криту. При посредничестве России, Франции, Великобритании была прекращена вспыхнувшая в феврале 1897 г. греко-турецкая война из-за Крита. Совместно с другими державами Петербургский кабинет добился от султана обещаний улучшить управление Македонией. Одновременно царское правительство использовало свое влияние на Балканах для сдерживания антитурецких выступлений, стремилось поддерживать дружественные отношения со всеми балканскими государствами, чтобы не допускать конфликтов между ними. В рамках этого курса в 1896-1897 гг. произошло восстановление прерванных десять лет назад русско-болгарских отношений, от которого выиграли обе стороны: Болгария укрепила свои международные позиции, Россия расширила свое влияние в балканских делах.

Русско-австрийское соглашение

Добиваясь локализации кризиса на Балканах, российской дипломатии удалось договориться с Австро-Венгрией — основным соперником России в этом районе. *Соглашение*, оформленное в **мае 1897** г. в виде обмена нотами министров иностранных дел двух государств на имя австрийского посла в Петербурге, предусматривало отказ от завоеваний и сохранение на Балканах “теперешнего status quo”. Россия и Австро-Венгрия намеревались “заставить уважать этот принцип” и другие державы. В то же время обмен мнениями по поводу возможного переустройства Балкан, если целостность турецких владений все же не удастся сохранить, оказался безрезультатным и выявил лишь различия позиций обеих сторон.

Русско-австрийское соглашение 1897 г. имело ограниченный характер. Оно являлось вынужденным компромиссом на период, пока силы России были отвлечены на Дальний Восток, а Австро-Венгрия переживала серьезные внутренние трудности из-за обострившихся немецко-чешских отношений и разногласий в правительственных сферах по вопросам национальной политики. Обоюдное желание избегать осложнений на Балканах соединяло Россию и Австро-Венгрию почти десять лет. В 1903 г., в связи с новыми волнениями в Македонии, Николай II и Франц-Иосиф договорились во время свидания в замке Мюрцштег вблизи Вены о совместном контроле за действиями турецких властей в Македонии и о программе реформ для нее.

Если на Балканах в первые годы XX столетия благодаря русско-австрийским соглашениям удавалось поддерживать статус- кво, то влияние великих держав на Османскую империю в целом все больше перераспределялось в пользу Германии. Заметно возросло проникновение в Турцию германского капитала, особенно в сфере железнодорожного строительства. В 1899 г. Германия получила кон-

цессию на осуществление грандиозного проекта — постройку дороги от Константинополя до берегов Персидского залива через Багдад. Параллельно с усилением экономических позиций Германии в Турции укреплялись политические связи обоих государств. Превращение Османской империи в подчиненного союзника стало целью германской дипломатии. Уже на последнем этапе Ближневосточного кризиса 1894—1897 гг. Германия перестала участвовать в посреднических усилиях великих держав и приняла сторону Турции в делах Крита и греко-турецкого мирного урегулирования.

Российская дипломатия пыталась согласовать с Германией взаимные интересы в турецких владениях, но успеха не добилась. Некоторой гарантией против активности Германии в граничивших с Россией турецких провинциях служило достигнутое в 1900 г. соглашение с Портой, по которому Турция могла привлекать для железнодорожного строительства в Восточной Анатолии и Западной Армении только российские капиталы.

Русско-английские противоречия в Иране и Афганистане

На Среднем Востоке основным соперником России оставалась Великобритания. Между ними развернулась острая борьба за иранский рынок. На средства российской казны был учрежден Учетно-ссудный банк Персии, который специально занимался финансированием экономического проникновения России в Иран. Крупнейшим успехом банка стало предоставление в 1900 и 1902 гг. займов шахскому правительству. В обмен Россия получила значительные таможенные льготы и доступ к контролю над иранскими финансами. Под командованием русских офицеров была создана отборная часть шахской армии — так называемая персидская казачья бригада.

К началу XX в. Россия практически монополизировала внешнюю торговлю и получение концессий в северных иранских провинциях. Чтобы предотвратить распространение российского влияния на юг страны, где имелись крупные нефтяные промыслы английских капиталистов, британская дипломатия предлагала России поделить Иран на сферы влияния, но получила отказ.

Второй болевой точкой русско-английских отношений был Афганистан. Утвердившись в Средней Азии, российские власти стремились к установлению и развитию прямых торговых и политических связей с Афганистаном, что вызывало недовольство Лондона, рассматривавшего Афганистан как английский протекторат.

§ 3. Дальневосточная политика России

Цели российской политики

Особое внимание российских правительственных кругов к Дальнему Востоку в конце XIX — начале XX в. не было случайным. Вовлечение в хозяйственный оборот

громадной территории Восточной Сибири и Приморья открывало заманчивые перспективы для российского капитализма. Богатые природные ресурсы этих земель сулили немалую прибыль на вложенный капитал. Соседний Китай с многомиллионным населением и неразвитой собственной промышленностью мог стать выгодным рынком сбыта российских товаров. Осваивая Дальний Восток, Россия не только прорывалась на рынки стран Тихоокеанского бассейна, но и становилась собственником нового торгового пути мирового значения из Европы к Тихому океану.

Большую роль играли военно-стратегические соображения. Без надежных путей сообщения, обжитых районов с русским населением, военных баз российский Дальний Восток легко мог оказаться добычей других держав. Оборона протяженного побережья требовала создания на Тихом океане флота. При соответствующем усилении он оказался бы единственным флотом России, способным действовать на просторах Мирового океана. Чтобы выйти из Балтийского и Черного морей, надо было преодолевать проливы, берега которых принадлежали другим государствам. Плавание русских военных судов через Босфор и Дарданеллы к тому же запрещалось международными обязательствами России, а на Балтике в районе проливов явное преимущество имели германские военно-морские силы.

В 1891 г. для скорейшего освоения сибирских и дальневосточных земель началось сооружение крупнейшей в мире Сибирской железной дороги протяженностью около 7,5 тыс. верст от Челябинска до Владивостока. Международная обстановка на Дальнем Востоке вскоре подтвердила своевременность начатого строительства. Впечатляющий рывок в экономике и военном деле совершила после буржуазной революции 1868 г. Япония. Ее нападение на Китай в 1894 г. возвестило о появлении в регионе нового сильного государства с агрессивной политикой.

Русско-китайский договор 1896 г. Строительство КВЖД

Полный разгром китайской армии и намерение Японии утвердиться вблизи российских границ — в Корее и Северо-Восточном Китае — обеспокоили царское правительство. После нескольких совещаний у Николая II было решено требовать пересмотра японо-китайского мирного договора, подписанного в Симоносеки в апреле 1895 г. Министр иностранных дел А. Б. Лобанов-Ростовский сумел заручиться поддержкой Франции и Германии, используя их заинтересованность в дружественных отношениях с Россией. Под нажимом трех держав Япония в обмен на увеличение контрибуции отказалась от захваченного у Китая стратегически важного Ляодунского полуострова с гаванью и крепостью Порт-Артур (такое название китайскому поселку Люйшунькоу и прилегающей бухте дали британские военные моряки, находившиеся в этих водах во время англо-франко-китайской войны 1856—1860 гг.).

Россия также воспрепятствовала планам Японии в отношении Кореи. По условиям японо-китайского мирного договора Корея, являвшаяся прежде вассалом Цинской империи, получила независимость. В Токио надеялись привести к власти в Сеуле своих ставленников и превратить Корею в японский протекторат. Однако действия такого рода встретили сопротивление в различных слоях корейского общества, включая немалую часть феодальной знати.

Царское правительство оказало моральную и политическую помощь антияпонским силам в Корее. Корейский король нашел убежище в российской дипломатической миссии под охраной русских военных моряков и сумел подавить предпринятую сторонниками Японии попытку государственного переворота. В 1896 г. было подписано русско-японское соглашение, лишившее Японию свободы действий на Корейском полуострове. Впредь по всем вопросам своего сотрудничества с Кореей стороны обязались проводить предварительные взаимные консультации.

Противодействие экспансионистским замыслам Японии привело к русско-китайскому сближению, тем более что Россия помогла Пекину получить на Парижской бирже заем, необходимый для выплаты контрибуции Японии. В **1896** г. между *Россией* и *Китаем* был заключен *секретный договор об оборонительном союзе* против Японии. Одно из его условий предусматривало сооружение железной дороги из Забайкалья через китайскую территорию до Владивостока. Эта дорога должна была стать составной частью великой Сибирской магистрали. По сравнению с первоначальным вариантом, в котором предусматривалась прокладка рельсов только по российской территории, дорога через Маньчжурию укорачивала путь и убыстряла строительство.

Постройка и эксплуатация железной дороги полностью контролировались царским правительством, хотя формально она являлась частным предприятием. Концессия была выдана Русско-Китайскому банку, образованному Петербургским международным банком и группой французских банков по инициативе и под покровительством Министерства финансов России. Непосредственно строительством и использованием дороги занималось учрежденное Русско-Китайским банком акционерное Общество Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД). Оно получило от китайских властей весьма широкие привилегии и полномочия, включая административное управление землями в полосе отчуждения дороги и размещение вдоль нее собственной военной охраны. Этого удалось достичь благодаря прямому подкупу высших китайских чиновников. Ли Хунчжану, подписавшему договор 1896 г., было обещано 3 млн. рублей (всю сумму он так и не получил). Китайское правительство имело особый вклад в Русско-Китайском банке и участвовало в его доходах. Через 80 лет после начала эксплуатации дорога безвозмездно должна была перейти к Китаю. Китай мог ее выкупить до этого срока, но не ранее, чем через 36 лет.

Соглашение о КВЖД стало крупным успехом министра финансов С. Ю. Витте, который фактически был главным действующим лицом на переговорах с Китаем. Усиление экономических факторов в международных отношениях конца XIX в., разорительные военные программы, проблемы освоения окраин повышали роль финансового ведомства в определении внешнеполитического курса.

Будучи талантливым и честолюбивым государственным деятелем с редкой способностью быстро входить в курс новых проблем, С. Ю. Витте охотно высказывался по вопросам внешней политики и стремился полностью взять в свои руки ее дальневосточное направление. Считая его важнейшим, Витте последовательно выступал за осторожные действия и сохранение статус-кво в других международных делах.

На Дальнем Востоке Витте полагал необходимым добиваться исключительного влияния России в Северо-Восточном Китае. Средства достижения этой цели он видел в дружественных отношениях с китайским правительством и в постепенном экономическом проникновении в Китай. Витте возражал против политики, сопряженной с насильственными действиями, территориальными захватами, угрозой обострения отношений с Японией по крайней мере до тех пор, пока хозяйственное освоение Приамурья, Приморья и Маньчжурии не создаст надежный тыл для военных операций. При этом могущество России Витте связывал с развертыванием сухопутных, а не военно-морских сил на Дальнем Востоке.

Аренда Порт-Артура

В правительственных кругах не все поддерживали планы Витте. Влиятельным руководителям военных ведомств они казались потерей времени и инициативы. Генерал А. Н. Куропаткин, занимавший с 1898 г. пост военного министра, главнокомандующий флотом генерал-адмирал великий князь Алексей Александрович и большинство высших военно-морских чинов настаивали на немедленных мерах политического и военного характера по закреплению господства России на северо-востоке Китая. Политика с позиции силы все больше увлекала и самого Николая II, стремившегося самоутвердиться в качестве правителя великой державы.

Надо отметить, что идеи Витте действительно были уязвимы для критики. За исключением быстро выстроенной к 1903 г. КВЖД, темпы экономического освоения Дальнего Востока оказались слабыми. У казны не хватало средств, а русская буржуазия осторожно относилась к вложению капиталов на далекой окраине. При этом остальные участники закабаления Китая отнюдь не собирались предоставлять России свободу рук и пассивно ждать, пока она “экономически завоюет” Маньчжурию.

Напротив, русско-китайское сближение и строительство КВЖД подхлестнули экспансионистские планы других держав. В 1897 г. Германия захватила порт Циндао в бухте Цзяочжоу на Шаньдун-

ском полуострове. Вопреки мнению Витте Николай II принял решение не поддерживать Китай, а воспользоваться прецедентом, чтобы осуществить давнюю мечту Военно-морского ведомства — приобрести незамерзающий порт в Желтом море.

Русские корабли вошли в Порт-Артур, и **15 (27) марта 1898** г. Китаю был навязан *договор о безвозмездной аренде* Россией на 25 лет Ляодунского полуострова. Порт-Артур становился базой Тихоокеанского флота, а в бухте Даляньвань предполагалось построить открытый коммерческий порт. Общество КВЖД получило концессию на строительство и эксплуатацию соединительной ветки от главной линии до этих портов.

Действия царского правительства вызвали болезненную реакцию главных соперников России на Дальнем Востоке — Японии и Великобритании. Российской дипломатии удалось нейтрализовать их недовольство, но ценой серьезных уступок. По новому *соглашению* **1898** г. с *Японией* Россия фактически признала преобладание в Корее японских экономических интересов. Англии царское правительство уступило заключение нового китайского займа и не стало возражать против занятия англичанами китайского порта Вэйхайвэй в качестве военно-морской базы.

На пути к русско-японской войне

В 1899—1901 гг. Цинскую империю потряс очередной внутренний кризис. Бесцеремонное хозяйничанье иностранных держав вызвало стихийный протест, вылившийся в мощное народное восстание. Европейцы называли его “боксерским” по названию тайного религиозного общества “Ихэцюань” (“Кулак во имя справедливости и согласия”), сыгравшего большую роль в подготовке выступления. Восставшие уничтожали иностранцев и имущество иностранных компаний, осадили посольский квартал в Пекине. Европейские государства, Россия, США и Япония спешно направили в Китай войска. Под нажимом народного движения центральное китайское правительство объявило войну интервентам, но реального сопротивления им не оказывало.

Соединенные международные силы, основной костяк которых составляли японцы и русские, разбили отряды “боксеров” и овладели Пекином. Китаю интервенты продиктовали условия урегулирования, которые ограничивали его суверенитет и предусматривали выплату в течение 39 лет огромной контрибуции (в пересчете на золотые рубли — 1,5 млрд., доля России составляла около 29 %).

Еще до завершения общих переговоров держав с Китаем царское правительство вступило с ним в сепаратные переговоры об условиях эвакуации Маньчжурии, в которую были введены русские войска. Российская сторона настаивала на обязательстве Китая никому не предоставлять железнодорожных и промышленных концессий в Маньчжурии, предварительно не предложив их Русско-Китайскому банку.

Однако китайское правительство всячески затягивало переговоры, пытаясь сыграть на противоречиях между Россией и другими державами. Перспектива перехода Северо-Восточного Китая под полный контроль России привела к очередному витку напряженности в русско-японских и русско-английских отношениях. В январе 1902 г. был подписан англо-японский союзный договор. Его смысл состоял в том, что в случае русско-японского конфликта Япония могла рассчитывать на участие в войне с Россией Великобритании, если бы на помощь России пришла третья держава, например дружественная Франция.

К англо-японскому блоку фактически примкнули США, наряду с Англией оказавшие Японии большую помощь в создании современной армии и флота. Желание Петербургского кабинета "закрыть" Маньчжурию противоречило основным принципам политики США в отношении Китая. Не сомневаясь в американском экономическом превосходстве над конкурентами, правительство США выступало за предоставление каждой из держав равных возможностей на китайском рынке ("доктрина открытых дверей").

Консолидация противников России и усиление их влияния в Пекине заставили российскую дипломатию снять требования о монополии Русско-Китайского банка и заключить с *Китаем* в **марте 1902 г.** *договор* о поэтапной эвакуации русских войск в течение 18 месяцев, если этому не воспрепятствуют новые волнения в Маньчжурии или недружественные действия других держав.

Николай II был раздосадован неудачей. В окружении императора усилились позиции сторонников твердой линии, причем на первый план выступили лица авантюристического склада. В историю они вошли под названием "безобразовская клика" по имени отставного ротмистра кавалергардского полка А. М. Безобразова. Он мнил себя крупным политиком и сочинял эффектные, но оторванные от реальности планы действий по защите интересов России на Дальнем Востоке. Вокруг Безобразова собралась группа дельцов из числа предпринимателей, военных, представителей высшей аристократии. На безобразовских проектах они рассчитывали сделать себе карьеру и состояние.

Покровительство министра двора И. И. Воронцова-Дашкова и великого князя Александра Михайловича открыло Безобразову доступ к царю. В более позднее время немалую помощь оказал Безобразову авторитетный в глазах Николая II министр внутренних дел В. К. Плеве. Он надеялся, что громкие внешнеполитические успехи, пусть даже война, но "маленькая и победоносная", отвлекут страну от внутренних трудностей и ослабят революционное движение.

Безобразов и его сподвижники (контр-адмирал А. М. Абаза, военный агент в Пекине генерал-майор К. И. Вогак, бывший поверенный в делах в Корее Н. Г. Матюнин, помещик и предприниматель В. М. Вонлярлярский) предлагали не только не идти на уступ-

ки, но и расширять сферу влияния России. При финансовой и политической поддержке правительства "безобразовцы" намеревались учредить частные акционерные общества для получения концессий в Корее. Таким способом они надеялись восстановить позиции России на Корейском полуострове, а затем и вообще вытеснить оттуда японцев. Особое значение "безобразовцы" придавали лесным концессиям вдоль реки Ялу. Им отводилась роль опорного пункта, прикрывающего подступы к Порт-Артуру с востока. Под видом лесорубов и охраны предполагалось направлять на Ялу солдат.

С экономической точки зрения эти проекты вызывали большие сомнения. Что же касается политических последствий, то затеи "безобразовцев" в случае их поддержки государством означали резкое обострение русско-японских отношений. Такой поворот событий сторонников Безобразова не пугал. Они были уверены в превосходстве русской армии над японской, а главное, считали,что Япония никогда не решится воевать, если не дать ей повода усомниться в могуществе России.

Оппонентами "безобразовцев" выступали Витте, министр иностранных дел Ламздорф и отчасти Куропаткин. Главы финансового и внешнеполитического ведомств призывали продолжать вывод войск и переговоры с Китаем. Куропаткин требовал установить военный и политический контроль России над севером Маньчжурии, но совместно с Витте и Ламздорфом высказывался против активных действий в Корее. Однако усилия министров оказались напрасны.

К середине 1903 г. "безобразовцы" окончательно взяли верх в окружении царя. Витте получил отставку. Безобразов стал статс-секретарем. Его сторонник адмирал Е. И. Алексеев был назначен наместником на Дальнем Востоке с широкими полномочиями по управлению краем, командованию войсками и флотом. Наместник получил право самостоятельно вести дипломатические сношения с Китаем, Японией и Кореей. Тем самым дальневосточное направление фактически изымалось из ведения Министерства иностранных дел.

"Новый курс", одобренный Николаем II, предусматривал отказ от договора 1902 г., если Китай немедленно не примет меры по "закрытию" Маньчжурии для всех иностранных держав, кроме России. Эвакуация была остановлена, более того русские войска вернулись в некоторые районы. Предполагалось значительно усилить армию и флот на Дальнем Востоке, но, пока идут военные приготовления, проявлять осторожность в отношениях с Японией в Корее, продолжая в то же время покровительство лесным предприятиям на реке Ялу.

В июле 1903 г. Япония предложила России заключить соглашение о разграничении взаимных интересов. Государственные и военные деятели Японии не отказались от планов войны с Россией, победа в которой должна была привести к японскому господству в

Маньчжурии и Корее. Однако в Токио хотели замаскировать свои замыслы и завоевать популярность в общественном мнении Англии и США. Не случайно на начавшихся русско-японских переговорах на первое место, наряду с корейским вопросом, вышли требования Японии вывести русские войска из Маньчжурии и обеспечить там свободу действий для всех держав. Японское правительство лицемерно выставляло себя "защитником" Китая и поборником доктрины "открытых дверей".

Ультимативный тон японских требований заставил русские правительственные круги более взвешенно, чем это было свойственно им после принятия "нового курса", оценить ситуацию. Предложения Алексеева прервать переговоры не получили поддержки на Особых совещаниях у императора. Вследствие малочисленности и недостаточной подготовленности войск на Дальнем Востоке было решено пойти на уступки японцам. Но до конца серьезность положения так и не была осознана. И переговоры, и усиление войск велись одинаково вяло. Николай II долго находился в плену ошибочного представления о том, что начало войны всецело зависит от России, поскольку Япония напасть не осмелится.

К началу 1904 г. японская армия и флот достигли необходимой готовности и японская дипломатия искала только повод к войне. Обвинив Петербургский кабинет в нежелании вести переговоры (на самом деле японский телеграф на двое суток задержал телеграмму российскому посланнику с положительным ответом почти на все предложения Токио), правительство Японии разорвало 24 января (6 февраля) 1904 г. дипломатические отношения с Россией. В **ночь на 27 января (9 февраля 1904 г.)** японский флот без официального объявления войны атаковал русскую эскадру на рейде Порт-Артура.

§ 4. Русско-японская война

Силы и планы сторон

К началу боевых действий русские войска на Дальнем Востоке насчитывали около 100 тыс. человек. Большая часть войск была сосредоточена в Квантунском укрепленном районе, защищавшем с суши морскую крепость Порт-Артур, остальные части дислоцировались в Маньчжурии, во Владивостоке и в Приамурском военном округе. Основные силы русской эскадры Тихого океана базировались в Порт-Артуре, а во Владивостоке — второй по значению морской крепости на Дальнем Востоке — стоял отряд крейсеров. Все вооруженные силы на Дальнем Востоке подчинялись наместнику императора адмиралу Е. И. Алексееву.

Японская армия к 1904 г. достигла численности 150 тыс. человек. В предстоящей войне японское командование предполагало

поэтапное ее десантирование в Корее, а затем на Ляодунском полуострове (на юго-западной оконечности которого располагался Порт-Артур) с последующем захватом этой русской морской крепости и переходом в наступление против группировки русских войск в Маньчжурии. Японский план строился на верном расчете: несмотря на колоссальную разницу военных потенциалов противников, Япония могла полностью задействовать свои резервы и благодаря близости к театру военных действий сразу добиться ощутимого перевеса над более сильным противником. Слабость же России объективно определялась тем, что военные действия приходилось вести за тысячи верст от военно-промышленных баз, от основных районов комплектования резервов. Связь театра военных действий с европейской частью России осуществлялась по единственной Транссибирской магистрали, пропускная способность которой не превышала 7 эшелонов в сутки. Поэтому планы русского командования предусматривали первоначально лишь оборонительные операции, и только после переброски в Маньчжурию резервов планировался переход в наступление с последующим десантированием на Японских островах.

Островное положение Японии определяло особую роль боевых действий на море в предстоящей войне. Для японских вооруженных сил вообще было немыслимо проведение сухопутных операций без достижения господства на море. Для решения этой задачи Япония сумела меньше чем за десять лет реализовать программу усиления флота, в результате чего были созданы достаточно мощные военно-морские силы, включавшие в себя 6 броненосцев и 20 крейсеров. Россия же еще в 1895 г. поставила перед собой цель добиться того, “чтобы наш флот на Дальнем Востоке превышал значительно японский”. Однако к 1904 г. в Порт-Артуре и Владивостоке было сосредоточено лишь 7 броненосцев и 11 крейсеров. Русский флот уступал японскому по крейсерам и легким силам, к тому же страдал характерным для русского кораблестроения недостатком — разнотипностью кораблей, затруднявшей их совместное использование в составе эскадры. В противоборстве с Японией Россия не могла рассчитывать на безусловное превосходство на море и, как следствие, на противодействие десантам противника.

Япония, таким образом, могла получить свой шанс реализовать численное превосходство на суше. Но ее преимущество в морских силах также не было безусловным. А ей была нужна верная удача.

Начало войны

26 января (8 февраля) 1904 г. около полуночи на броненосце “Ретвизан”, стоявшем на внешнем рейде *Порт-Артура*, раздался взрыв. Это была одна из торпед, выпущенных японскими миноносцами. Японское командование решило внезапным нападением, до объявления войны, нанести максимальный ущерб русским морским силам.

В тот же день, несколькими часами ранее, японская эскадра блокировала в корейском порту *Чемульпо* стоявшие там крейсер “Варяг” и канонерскую лодку “Кореец”. На следующей день, под угрозой уничтожения прямо на рейде, два русских корабля решили прорываться сквозь линию блокады. На выходе из порта их ожидали 6 крейсеров и 8 миноносцев противника. “Варяг” и “Кореец” приняли неравный бой, но понесенные потери и полученные повреждения вынудили их вернуться в Чемульпо. Здесь командир “Варяга” В. Ф. Руднев принял решение уничтожить оба корабля. Канонерскую лодку взорвали, а “Варяг”, во избежание повреждения стоявших на рейде кораблей под флагами нейтральных стран, был затоплен.

Из-за беспечности русского командования ночная атака миноносцев на порт-артурский рейд принесла японцам определенный успех: помимо “Ретвизана” были выведены из строя броненосец “Цесаревич” и крейсер “Паллада”. Но, когда утром **27 января (9 февраля)** основные силы японского флота приблизились к Порт-Артуру, их встретил огонь русской эскадры и береговых батарей. Флагман японского флота адмирал Х. Того после непродолжительного боя убедился в боеспособности порт-артурской эскадры. Однако активные действия Того в последующие недели привели к ее фактической блокаде.

24 февраля (8 марта) нерешительного вице-адмирала О. В. Старка сменил на посту начальника эскадры Тихого океана вице-адмирал С. О. Макаров. Новый командующий своей энергией и инициативностью сразу поднял дух удрученной бездействием эскадры. Макаров стал готовить ее к решительным действиям и после ввода в строй поврежденных броненосцев рассчитывал дать генеральное сражение японскому флоту. Пока же в море регулярно высылались крейсера и миноносцы для разведывательной службы.

31 марта (13 апреля) два миноносца встретили в море отряд японских кораблей. Один миноносец сумел уйти от огня противника и доложил в Порт-Артур о появлении неприятеля. Навстречу японцам стала вытягиваться вся эскадра. С. О. Макаров держал свой флаг на головном броненосце “Петропавловск”. Но в двух милях от берега флагманский корабль напоролся на японскую мину и в течение всего двух минут затонул. Из 727 человек экипажа спаслись только 80. В числе погибших был и командующий.

После смерти Макарова русское командование отказалось от активных операций, и инициатива на море окончательно перешла к японцам. Некоторый успех принесли только минные постановки в районе действий японского флота. 2 (15) мая на русских минах погибли два японских броненосца и один крейсер. Но японский флот по-прежнему чувствовал себя хозяином на море.

Сражение на суше

С первых дней войны японцы приступили к высадке десантов в Корее. К началу апреля 1-я армия генерала Куроки сосредоточилась на левом берегу р. Ялу, отделяв-

шей Корейский полуостров от Маньчжурии. Командующим русской Маньчжурской армии был назначен военный министр А. Н. Куропаткин. Опытный военачальник, участник русско-турецкой войны 1877—1878 гг. и туркестанских походов, он высоко зарекомендовал себя на штабной работе. Но в свое время генерал М. Д. Скобелев предупреждал Куропаткина, своего начальника штаба: "Помни, что ты хорош на вторые роли. Упаси тебя Бог когда-нибудь взять на себя роль главного начальника, тебе не хватает решительности и твердости воли".

Осторожный Куропаткин не собирался предпринимать каких-либо активных действий до прибытия контингентов войск из Западной Сибири и Европейской России. Для противодействия армии Куроки при форсировании *р. Ялу* был выдвинут Восточный отряд генерала М. И. Засулича. Ему ставилась задача "дать противнику отпор с должной твердостью, но и с благоразумием". Под благоразумием подразумевалось "всеми мерами стремиться избегать решительного боя с превосходящим в силах противником". **18 апреля (1 мая)** японцы силами трех дивизий переправились через Ялу близ *Тюренчена*, где Засулич подготовил оборонительную позицию, и попытались охватом левого фланга отрезать русскому отряду пути отхода. Окружения Засуличу удалось избежать, но задержать противника на переправе он не смог. Это было первое поражение русской армии, стоившее 3 тыс. убитых и раненых.

Блокировав *Порт-Артур* с моря, японцы смогли приступить к десантированию войск на *Квантунском полуострове*. В конце апреля здесь осуществила высадку 2-я армия генерала Я. Оку, которая к середине мая сумела захватить Цзиньчжоуский перешеек, соединявший Квантунский и Ляодунский полуострова. Овладение перешейком позволило японцам высадить 3-ю армию генерала М. Ноги уже на *Ляодунском полуострове*, в непосредственной близости от Порт-Артура. Главнокомандующий адмирал Е. И. Алексеев потребовал от Куропаткина выделить из состава Маньчжурской армии один корпус и направить его на деблокаду Порт-Артура. Куропаткин по-прежнему не склонен был к наступательным действиям, но во исполнение приказа наместника послал в направлении к Порт-Артуру 1-й Сибирский корпус под командованием генерал-лейтенанта Г. К. Штакельберга, уменьшив при этом его состав на одну дивизию. Это была скорее демонстрация наступления, поскольку Штакельбергу ставилась задача лишь ослабить силы противника на Квантунском полуострове, "с превосходящими же силами не доводить дело до решительного столкновения".

1—2 (14—15) июня корпус Штакельберга был атакован у станции Вафангоу армией генерала Оку. Как и под Тюренченом, японское командование планировало глубокий охват фланга русского корпуса с последующим его окружением. Это японцам почти удалось, но упорство сибирских полков не позволило им отрезать все пути к выходу из боя. Бой при Вафангоу, в котором ослабленный

корпус русской армии пытался наступать против превосходящей его численно японской армии, закончился поражением. Русские потеряли 3,5 тыс. человек, японцы — чуть больше тысячи. Попытка деблокировать Порт-Артур с суши закончилась неудачей.

Оборона Порт-Артура

Поражение корпуса Штакельберга при Вафангоу лишило *Порт-Артур* надежды на восстановление связи с основными силами русской армии. Над крепостью нависла реальная угроза захвата противником, что должно было бы повлечь и гибель Тихоокеанской эскадры. Опасаясь за судьбу флота, Алексеев потребовал от контр-адмирала В. К. Витгефта, сменившего Макарова на посту начальника эскадры, перевести корабли из Порт-Артура во Владивосток.

Храбрый моряк, но малоопытный флотоводец, Витгефт не верил в успех прорыва эскадры, но должен был подчиниться приказу. 10 (23) июня он вывел корабли в море, однако едва обнаружив эскадру Того, повернул обратно. **28 июля (10 августа)** по настоянию наместника Витгефт снова вышел в море, доложив при этом командованию: “Лично я и собрание флагманов и командиров [...] были против выхода, не ожидая успеха прорыва и ускоряя сдачу Артура”. На этот раз русские корабли вступили в бой с японским флотом. Но после гибели Витгефта управление эскадрой было потеряно, и главные ее силы вернулись в Порт-Артур. Несколько кораблей ушло в нейтральные порты, где они были интернированы; лишь крейсеру “Новик” удалось прорваться к берегам Сахалина, но из-за серьезных повреждений команде пришлось затопить корабль. Большей же части эскадры пришлось разделить судьбу крепости.

К **середине июля** японцы сконцентрировали на *Ляодунском полуострове* до 50 тыс. солдат и около 400 орудий. Им противостоял 40-тысячный гарнизон крепости, имевшей на вооружении 650 орудий.

Общее командование над гарнизоном осуществлял начальник Квантунского укрепленного района генерал-лейтенант А. М. Стессель, однако фактически руководил войсками начальник сухопутной обороны Порт-Артура генерал-майор Р. И. Кондратенко. Его усилиями был подготовлен фронт обороны крепости, который включал в себя 5 фортов и другие укрепления.

6 (19) августа 1904 г. японские войска начали штурм крепости, который безостановочно продолжался 6 дней и закончился с весьма скромными результатами. Потеряв до 20 тыс. человек, японцы сумели лишь захватить 3 редута и вклиниться на отдельных участках в главную линию обороны. Неудача штурма вынудила японское командование заняться осадными работами. Благодаря им японские траншеи изо дня в день приближались к порт-артурским оборонительным укреплениям. Ровно **месяц спустя** после начала первого штурма японцы *повторили* попытку взять крепость с боя. Трех-

дневный штурм принес им только потери в 7,5 тыс. человек и захват еще двух редутов. Еще большей неудачей закончился *третий* штурм **17 (30) октября**, когда японские атаки были повсеместно отбиты. И только *четвертый* штурм, начавшийся **13 (26) ноября**, принес японской армии очевидный успех: 9 дней спустя им удалось захватить *гору Высокую*, с которой они могли вести прицельный огонь по крепостным сооружениям и по кораблям Тихоокеанской эскадры. Этим определялась судьба и эскадры, и самой крепости. В течение нескольких дней были уничтожены почти все корабли. Во время обстрелов фортов погиб генерал Кондратенко, а от сменившего его на посту начальника сухопутной обороны генерал-майора А. В. Фока ничего иного как быстрой сдачи укреплений не ждали.

Но Порт-Артур держался еще несколько недель. После падения двух фортов крепость оказалась в критическом положении, однако Совет обороны крепости высказался за продолжение обороны. **19 декабря (1 января)** японцы захватили гору Большое Орлиное Гнездо, входившую в состав второй линии обороны. По представлению Фока о невозможности дальнейшей обороны крепости Стессель начал переговоры о капитуляции. На требование русской стороны о выходе всего гарнизона с оружием в руках японцы ответили категорическим отказом. **20 декабря (2 января)** *акт о капитуляции* был подписан. По его условиям в плену оказались 23 тыс. офицеров и нижних чинов. Гарнизон далеко не исчерпал запасы боеприпасов и продовольствия. Большая их часть была уничтожена в ночь перед капитуляцией. Тогда же были затоплены остатки Тихоокеанской эскадры, за исключением нескольких миноносцев, которым удалось прорваться в китайские порты. По окончании войны Стессель за сдачу Порт-Артура был предан военному суду и приговорен к смертной казни, которую заменили на заключение в крепости. Но спустя несколько месяцев он был помилован Николаем II.

Операции в Маньчжурии

Одновременно с осадой Порт-Артура японцы вели наступательные действия против Маньчжурской армии А. Н. Куропаткина, которая после первых неудач на р. Ялу и при Вафангоу сосредоточилась на линии Южно-Маньчжурской железной дороги, к югу от г. Ляоян. Противники постепенно наращивали силы: из Сибири и европейской части России прибывали пополнения в русскую армию, а японцы усилились высадкой еще одной армии — 4-й под командованием М. Нодзу. Силами трех армией (3-я армия была оставлена против Порт-Артура) японский главнокомандующий И. Ойяма начал в **июне** наступление против армии А. Н. Куропаткина. Русский командующий, будучи уверенным в численном превосходстве противника, ограничился лишь пассивной обороной и постепенным отходом непосредственно к Ляояну, где были подготовлены оборонительные позиции. Здесь Куропаткин предполагал дать генеральное сражение.

К началу сражения под *Ляояном* русская армия получила уже столько подкреплений, что численно превосходила своего противника. Но Куропаткин по-прежнему считал, что его армия недостаточно сильна, чтобы перейти к наступательным операциям. Боязнь обхода японцами с фланга, которые в случае успеха могли перерезать единственную железную дорогу, соединявшую Маньчжурскую армию с территорией России, заставила Куропаткина растягивать войска по широкому фронту и оставлять в тылу значительные резервы.

Ойяма же решился атаковать русскую армию, несмотря на ее численный перевес: фактор времени работал против него. **13 (26) августа** японская армия пошла в *наступление* на русские позиции. Это была рискованная операция: наступая практически без резервов, японцы могли потерпеть тяжелое поражение, если бы Куропаткин отважился на решительный контрудар. Но их попытки даже незначительными силами охватить левый фланг русской армии побуждали русское командование оставлять одну позицию за другой даже тогда, когда войска прочно держали оборону. Наконец, Куропаткин решился ввести в действия свои резервы для нанесения удара по той группировке, которая грозила выйти ему в тыл. Однако, получив сведения о частных успехах японцев на других участках, **21 августа (3 сентября)** он отдал *приказ об отступлении* всей армии с поля сражения. Куропаткин на два часа опередил японского главнокомандующего, который был уже готов отвести свои войска из-под мощного удара противника. Потери русских в *Ляоянском сражении* составили 17 тыс., а японцев — 24 тыс. человек.

Отступив от Ляояна к Мукдену, Куропаткин попытался спустя месяц перейти в наступление. К тому времени главнокомандующий уже отдавал себе отчет в численном превосходстве своей армии. Из Петербурга также требовали активных действий для спасения осажденного Порт-Артура и для изгнания японцев из Маньчжурии. **22 сентября (5 октября)** русская армия начала наступательную операцию на *р. Шахэ*. Восточный отряд Г. К. Штакельберга начал охватывать правый фланг японской армии, но Ойяма не побоялся оставить его без подкреплений и перешел в контрнаступление на своем левом фланге. В итоге уже русская армия вынуждена была перейти к обороне и после двухнедельных боев вернуться на исходные рубежи, потеряв при этом свыше 40 тыс. человек.

Сражения в *Маньчжурии* обнаружили не только просчеты командования, но и слабость самой армии, обусловленную новыми условиями войны. Война с Японией была первой крупной войной, в которой армия комплектовалась резервами, подготовленными по системе всеобщей воинской повинности. Военное министерство мало учитывало тот факт, что войско, в отличие от прежних времен, состояло из солдат, временно призванных под знамена, а потому менее готовых к безрассудному самопожертвованию. Военная пропаганда оказалась неспособной вдохновить на войну чем-либо иным,

кроме молебнов о победе и каррикатур на “япошек”. Солдаты отправлялись за тысячи верст, не зная толком, для каких целей они должны были жертвовать собой. Их моральное состояние усугублялось еще и тем, что они оказывались в чужой стране с непривычным климатом и необычной растительностью, с населением, которое преимущественно ассоциировалось с противником. Прибывающим пополнениям требовалось немало времени, чтобы освоиться с новой средой, обстреляться, привыкнуть к военной жизни. Однако нерешительность командования, постоянные отступления деморализующе действовали и на обстрелянные части.

Пассивность русского командования обусловливалась не только личными качествами генералов. Маньчжурская армия постоянно висела на волоске, которым являлись КВЖД и ее Южно-Маньчжурская ветка. Слишком велика была цена потери единственной коммуникационной линии, чтобы предпринимать смелые наступательные операции. После нескольких сражений, в которых японцы пытались охватывать русские фланги, не только Куропаткин, но и другие генералы “заразились” страхом перед подобными маневрами и при малейших признаках флангового охвата свертывали наступление и отходили назад. Боязнь охватов вынуждала командование растягивать линии обороны на десятки километров, сооружать долговременные укрепления и сосредоточивать крупные резервы. Война постепенно приобретала позиционный характер, при котором противостоящие армии вытягивались друг против друга в линию фронта. Это было новое явление в военном искусстве, и преодолевать оборону становилось все более трудным делом.

Иной характер боевым действиям придавали и новые виды оружия, прежде всего пулеметы. В первых боях русские войска несли большие потери от пулеметного огня, поскольку наступали плотными цепями и даже сомкнутыми массами. Возросшая точность нарезного оружия вынуждала артиллеристов укрываться от огня противника и уже в ходе войны учиться вести стрельбу с закрытых позиций, точно рассчитывая углы и поддерживая связь с корректировщиками огня. Пехота же несла большие потери от демаскирующего цвета белых гимнастерок и темно-зеленых мундиров, который был необходим в прежних войнах для управления компактными массами войск. Но переодеться в маскировочные цвета армия смогла только после войны.

Мукденское сражение

После неудачного сражения на р. Шахэ обе стороны три месяца не предпринимали активных действий. После взятия Порт-Артура японские войска усилились 3-й армией генерала М. Ноги, а затем еще и 5-й армией генерала Кавамуры. В русской армии вместо прежних отрядов смешанного формирования образовались три армии, которыми командовали генералы Н. П. Линевич, О. К. Гриппенберг и А. В. Каульбарс. Куропаткин же после отъезда в Петербург наместника Е. И. Алексеева стал

главнокомандующим всеми вооруженными силами на Дальнем Востоке.

В **середине января 1905 г.** Маньчжурская армия предприняла попытку наступления на *дер. Сандепу*, занимавшую ключевую позицию на довольно слабом левом фланге противника. Но четырехдневное сражение вновь оказалось безуспешным. От Куропаткина требовали возобновления активных действий, чтобы добиться в этой войне хоть какого-то успеха. Поэтому после неудачи с Сандепу Маньчжурская армия вновь стала готовиться к наступлению. К этому времени ее численность достигла уже 300 тыс. человек, примерно столько же насчитывала и японская армия. С каждым прибывающим из России эшелоном линия фронта все более вытягивалась и доходила до 160 км.

Наступление планировалось на 12 (25) февраля, но японское командование нарушило русские планы: **5 (18) февраля** японская армия сама начала наступательную операцию. В этом наступлении японцы рассчитывали полностью окружить русских, для чего предполагался охват обоих флангов Маньчжурской армии и выход в ее тылу на железнодорожное сообщение.

Первоначально удар был нанесен по ее левому флангу, где отрядам П. К. Ренненкампфа и Ю. Н. Данилова удалось сдержать атаки 5-й армии противника. Однако японцы достигли своей цели: Куропаткин перебросил свои резервы на левый фланг, предполагая, что здесь наносится главный удар. Тогда в наступление против правого фланга перешла 3-я армия М. Ноги, которую активно поддерживала 2-я армия Я. Оку. К этому моменту на левом фланге уже были сосредоточены большие силы, но Куропаткин вместо нанесения решительного контрудара вновь стал перебрасывать резервы — теперь уже на правый фланг. Наступление же армии Ноги было стремительным, и спустя два дня она уже выходила в тыл 2-й армии русских. Ее командующий Каульбарс пытался ответными ударами сдержать натиск двух армий противника, но армия Ноги все глубже охватывала правый фланг русских. **24 февраля (9 марта)** японцы прорвали фронт 1-й армии, стоявшей на левом фланге. Создалась реальная угроза окружения. В ночь на **25 февраля (10 марта)** Куропаткин отдал *приказ об отступлении* Маньчжурской армии от *Мукдена*. День спустя 3-я и 1-я японские армии сомкнули кольцо окружения, однако основные силы русской армии успели отступить.

Обе стороны понесли тяжелые потери в этом трехнедельном сражении: погибли и были ранены около 90 тыс. русских и 70 тыс. японцев. Маньчжурская армия отошла еще дальше на север, где расположилась на Сыпингайских позициях. Она продолжала пополняться резервами из России, и к августу 1905 г. ее численность достигла 800 тыс. человек. Японская армия тоже увеличила свои ряды, но ее резервы были к лету практически исчерпаны. Ни одна из сторон не решалась на активные действия: русское командова-

ние уже не верило в успех, а японское — уже не могло рассчитывать на свои силы.

Цусимское сражение

В августе 1904 г., когда порт-артурская эскадра оказалась окончательно блокированной в своей базе, в Петербурге было решено послать на выручку Порт-Артуру эскадру кораблей Балтийского флота. Этой эскадре присвоили наименование Второй Тихоокеанской. В ее состав вошли 4 однотипных эскадренных броненосца новейшей постройки, 3 броненосца устаревшей конструкции, крейсеры, миноносцы, вспомогательные суда. Эскадре ставилась задача идти во Владивосток и затем, базируясь на этот порт, совместно с Первой (Порт-Артурской) Тихоокеанской эскадрой действовать против японского флота.

В **октябре 1904 г.** 2-я Тихоокеанская эскадра под командованием вице-адмирала З. П. Рожественского выступила из Либавы в поход. Ей предстоял небывалый в морской истории кругосветный переход, в конце которого ее ждал бой с сильным противником. Корабли были укомплектованы в значительной степени новобранцами и призванными из запаса; времени же, достаточного для боевой учебы, не было. Этот пробел надеялись компенсировать учебными маневрами и стрельбами во время похода. Спешка понуждала пренебрегать и техническим состоянием кораблей: устранение неисправностей откладывалось на потом. Большой проблемой во время похода было снабжение эскадры углем, так как Англия, владевшая угольными станциями по всему свету, занимала враждебную по отношению к России позицию. На выручку России пришла Германия, в интересах которой было удаление русских морских сил из Балтийского моря. Благодаря ее поддержке Морскому министерству удалось зафрахтовать германских угольщиков, снабжавших эскадру на всем ее пути.

В декабре 2-я Тихоокеанская эскадра достигла Мадагаскара. К этому времени Порт-Артур пал, и 1-я Тихоокеанская эскадра перестала существовать. Поход на Дальний Восток терял всякий смысл, поскольку эскадра Рожественского была заведомо слабее японского флота и без дополнительной поддержки не могла рассчитывать на господство в море. Тогда в феврале 1905 г. ей вдогонку была послана из Либавы 3-я Тихоокеанская эскадра контр-адмирала Н. И. Небогатова. Она была сформирована из тихоходных броненосцев береговой обороны и в бою в открытом море могла стать лишь обузой для более быстрых эскадренных броненосцев.

В конце апреля Небогатов нагнал Рожественского у берегов Вьетнама, а **14 (27) мая** соединенная эскадра вступила в *Цусимский пролив*, держа курс на Владивосток. Этот день был годовщиной коронации Николая II, и корабли по этому случаю были украшены стеньговыми флагами. Эскадра шла выстроившись в кильватерную колонну. Ее основные силы состояли из 8 эскадренных броненосцев, трех броненосцев береговой обороны и броненосного крейсера.

Впереди шли 4 новейших броненосца типа "Бородино", но скорость всей эскадры определяли старые тихоходы.

В 13 час. 15 мин. справа по курсу были обнаружены главные силы японского флота. Японский флагман Х. Того вел свою эскадру на пересечение курса русской эскадры. Два ее броненосных отряда включали в себя 4 эскадренных броненосца и 8 броненосных крейсеров. Все японские корабли отличались быстротой хода, поэтому избежать с ними боя было невозможно.

Того не удалось охватить голову русской колонны, чтобы сосредоточенным огнем уничтожить флагманский корабль и тем самым лишить всю эскадру управления. Бой начался на параллельных курсах. И здесь сразу выяснилось преимущество японской артиллерии. Японцы сосредоточили свой огонь на двух флагманских кораблях, в то время как русские артиллеристы оказались неспособными бить всей эскадрой по одному кораблю. К тому же действия японских снарядов оказались более разрушительными. Меньше чем через час броненосец "Ослябя", возглавлявший второй отряд броненосцев, вышел из строя и вскоре затонул. Еще через полтора часа покинул строй охваченный пламенем "Князь Суворов", на котором держал свой флаг Рожественский. Раненого командующего снял с погибающего корабля подошедший миноносец, а сам броненосец еще три часа отбивался от атак японских миноносцев, пока не затонул.

Следующим в строю шел "Александр III", и теперь по нему вели сосредоточенный огонь японские броненосцы. В результате полученных подводных пробоин, да еще перегруженный углем "Александр III" перевернулся и вместе со всей командой пошел ко дну. Гибель настигла и "Бородино" — третий корабль из первого отряда самых сильных броненосцев. К концу дневного боя броненосное ядро русской эскадры было фактически уничтожено.

Ночью от атак миноносцев затонул броненосец "Наварин", а к утру **15 (28) мая** вся эскадра оказалась разбросанной по Корейскому проливу, и лишь отряд Н. И. Небогатова, меньше всего пострадавший в дневном бою, сохранил строй. Но, встретив превосходившие силы японцев, Небогатов не вступил с ними в бой, а спустил свой флаг. В плен сдались 5 русских кораблей.

Остальные корабли защищались до последнего снаряда и погибали в бою либо уничтожались самими командами. 3 крейсера ушли в нейтральные порты и были там интернированы. И только 3 корабля (крейсер и два миноносца) дошли до Владивостока.

Портсмутский мир

Цусимское сражение подвело *итог* военным действиям в русско-японской войне. Господство японского флота на море оказалось непоколебимым. На суше Россией был потерян Порт-Артур, но армия, несмотря на поражения, сохранила боеспособность; она по-прежнему стояла в Маньчжурии и

от месяца к месяцу наращивала свои силы. Однако ни у командования (А. Н. Куропаткина после Мукдена сменил Н. П. Линевич), ни у солдат уже не было веры в победу. Армия не могла вдохновиться ни победами, ни сознанием защитницы своей земли. Дело усугубляла и начавшаяся в стране революция. Прибывающие пополнения были охвачены революционным духом и у стоящих на Сыпингайских позициях войск появились первые признаки разложения.

Моральное состояние японской армии, несмотря на победу, было также невысоким. Она так и не смогла сломить силу своего противника. Ресурсы же для продолжения войны были практически исчерпаны. Поэтому Япония стала искать пути к миру через посредничество США. Петербург с готовностью принял приглашение американского президента Т. Рузвельта к переговорам. Трудное дело защиты русских интересов в Портсмуте Николай II поручил полуопальному С. Ю. Витте, который занимал в это время почетный, но маловлиятельный пост председателя Комитета министров.

Витте проявил себя в Америке и искусным дипломатом, и хорошим актером. Он, вопреки стереотипным представлениям о чопорности русских министров, вел себя на публике открыто и демократично. Завоевав симпатии американской прессы, он добился на переговорах особого доброжелательства к России.

Самой большой победой Витте в *Портсмуте* было то, что ему удалось отмести японское требование о контрибуции. Это было бы наиболее унизительное для великой державы условие. Однако Россия должна была удовлетворить некоторые территориальные претензии Японии. По условиям *Портсмутского мирного договора*, заключенного **23 августа (5 сентября) 1905 г.,** она уступила южную часть Сахалина, а также арендные права на Ляодунский полуостров с Порт-Артуром.

Хотя при начале переговоров в Портсмуте Витте и заявил, что на конференции "нет ни победителей, ни побежденных", в самой России поражение было очевидным. За всю войну не было выиграно ни одного сражения, а потеря Порт-Артура и гибель эскадры в Цусимском бою были усугублены позором сдачи в плен. Командование не жалело наград для солдат-героев: было роздано около 90 тыс. знаков отличия Военного ордена — солдатских Георгиев, но их подвиги оказались бесплодными. Возвращение домой было тяжелым и бесславным: в стране бушевала революция, и она быстро увлекала своим стремительным потоком вчерашних героев маньчжурских боев.

Глава 20
Революция 1905—1907 гг.

§ 1. Предпосылки революции. Освободительное движение 1890 — начала 1900-х гг.

Стачечное движение рабочих

К концу XIX в. в связи с индустриальным развитием России сформировалась и новая социальная категория населения — *промышленный пролетариат*, который становится *главной движущей силой* в освободительном движении. Заметно растет стачечное движение рабочих, меняется его характер и направленность. Если в 90-е годы XIX в. преобладали стачки экономического характера, то в начале 1900-х годов заметно возрастание удельного веса стачек, в которых рабочие предъявляли наряду с экономическими и политические требования. В 1900—1902 гг. политические требования присутствовали в 20% случаев рабочих стачек, а в 1903—1904 гг. — в 50%. Численность бастовавших рабочих за 1894—1904 гг. составляла около 1 млн. Забастовками были охвачены преимущественно крупные промышленные регионы России: Московский, Петербургский и горнозаводской Юг.

В Петербурге в **1896—1897 гг.** стачечное движение приняло столь широкий характер, что получило название *"петербургской промышленной войны"*. Некоторые из рабочих выступлений сопровождались столкновениями с полицией и войсками. 7 мая 1901 г. произошло столкновение 3,5 тыс. бастующих рабочих Обуховского завода в Петербурге с полицией, получившее название "*Обуховской обороны*". Рабочие камнями несколько часов отбивали атаки конной полиции. 800 участников "обороны" были арестованы. Суд приговорил 29 из них к каторжным работам. В ноябре 1902 г. вспыхнула крупная рабочая стачка в Ростове-на-Дону. При подавлении ее казачьими частями были убиты и ранены 26 человек. 13 марта 1903 г. расстреляли бастующих рабочих в г. Златоусте (на Урале), число убитых достигло 25, а раненых 250 человек.

Но особенно широкий размах приобрела всеобщая стачка на юге России в **июле 1903** г. Она охватила 130 тыс. рабочих крупных промышленных центров Украины и Закавказья: Керчь, Одессу, Николаев, Екатеринослав, Елисаветград, Киев, Тифлис, Чиатуру, Батум.

Крестьянское движение

На рубеже XIX—XX вв. заметно нарастало и *крестьянское движение*. К этому времени крестьянин бы уже не тот, каким он вышел из крепостного права. На смену

забитому, патриархальному “мужику” пришел крестьянин капиталистической эпохи, побывавший на заработках в городе, много видевший и многому научившийся. Массовый отход на заработки в города и крупные промышленные центры страны менял менталитет и поведение крестьянина. Возвращаясь с заработков в родную деревню, он переносил городские привычки и новые взгляды на жизнь. Полицейские донесения отмечали возросшее влияние города на крестьянские настроения.

Укажем и на такой важный фактор: крестьянское движение на рубеже XIX—XX вв. проходило уже в условиях роста стачечной борьбы рабочих, находившей отзвук и в крестьянстве. Было отмечено, что вблизи промышленных центров крестьянское движение проходило более организованно. Здесь среди крестьян чаще появлялись прокламации и воззвания из города. Некоторые из грамотных крестьян не только их читали, но и помогали распространять.

Борьба за свои интересы между крестьянами и помещиками продолжала оставаться и в начале XX в. главным содержанием социальных противоречий в деревне. Крестьянское движение все более принимало аграрную направленность. Если в 1870—1880 гг. на аграрной почве возникало 43% крестьянских волнений (170 из 400), в 1881—1890 гг. — 67% (425 из 630), то в 1891—1900 гг. — более 77% (400 из 515). Обычным явлением становятся земельные споры с помещиками, уничтожение межевых знаков на границах владений, запахивание помещичьих земель, сопротивление землемерам при межевании земель, столкновение с администрацией помещичьих экономий.

Весной 1902 г. вспыхнуло крупное *восстание крестьян в Полтавской и Харьковской губерниях*. Поводом к нему явился отказ в просьбе 300 крестьянам имения Карловка Полтавской губернии, оставшимся без средств после неудачной попытки переселиться в Уфимскую губернию, наделить их землей и продать семена. В ответ крестьяне запахали 2 тыс. десятин помещичьей земли и забрали из амбаров экономии семена. Поступок карловских крестьян послужил примером к аналогичным действиям окрестных селений. Движение перекинулось на смежные уезды Харьковской губернии. Всего им было охвачено 165 сел и деревень с числом жителей 150 тыс. человек. Было разгромлено 80 помещичьих имений. На подавление восстания были направлены более 10 тыс. солдат и казаков. Сюда прибыли командующий войсками Киевского военного округа генерал М. И. Драгомиров с министром внутренних дел и шефом жандармов В. К. Плеве. 1092 участника восстания были преданы суду, из числа которых 836 приговорили к тюремному заключению. По ходатайству высшей инстанции суда для 761 осужденного наказания были смягчены. Вместе с тем в пользу владельцев разгромленных имений за понесенные ими “убытки” с крестьян было взыскано 800 тыс. руб. Волнения, сопровождавшиеся разгромом помещичьих имений, произошли в 1902—1903 гг. и в 12 других

губерниях. Они явились предвестником широкого аграрного движения в 1905—1907 гг.

Возникновение социал-демократических и ненароднических партий и групп

В России политические партии стали возникать примерно на рубеже 80—90-х годов XIX в — на полвека позже, чем в странах Западной Европы и в США. При этом в России сначала оформлялись "левые" партии социалистической ориентации, затем либеральной и наконец — правоконсервативной, в то время как на Западе этот процесс происходил в обратном направлении.

В 80—90-х годах XIX в. в России возникает ряд марксистских групп и объединений, на основе которых стали складываться *социал-демократические партии.*

Первые кружки по изучению и распространению произведений К. Маркса и Ф. Энгельса появляются в начале 80-х годов. 25 сентября 1883 г. Г. В. Плеханов и бывшие члены "Черного передела" П. Б. Аксельрод, Л. Г. Дейч, В. И. Засулич и В. Н. Игнатов опубликовали объявление о предпринятом ими издании "Библиотеки современного социализма". Так было положено начало руководимой Плехановым первой русской марксистской группы "*Освобождение труда*" (Женева). Группа занималась переводом, изданием и распространением в России работ Маркса и Энгельса. Она издавала также специально для рабочих "Рабочую библиотеку" — серию популярных брошюр по насущным социальным вопросам, знакомила их с рабочим движением на Западе.

За 20-летие существования группы ею было опубликовано до 250 переводов этих работ, а также оригинальных марксистских произведений самого Плеханова. Наиболее широкую известность в России получили его работы "Социализм и политическая борьба" (1883) и "Наши разногласия" (1885), в которых пропагандировались идеи марксизма с развернутой критикой народнических воззрений. Критикуя народников, Плеханов доказывал неспособность крестьян к революции и противопоставлял крестьянина пролетарию. "Историческая роль пролетариата, — писал он, — настолько же революционна, насколько консервативна роль мужика... На мужичке целые тысячелетия держались восточные деспотии". На работах Плеханова учились марксизму многие русские социал-демократы. Иначе воспринимали их народники, которые даже устраивали "торжественные сожжения" плехановских книг.

В **октябре 1883 г.** в Петербурге возникла марксистская группа болгарского революционера *Димитра Благоева* (впоследствии основателя Болгарской коммунистической партии). Она называлась "*Петербургской группой партии русских социал-демократов*", в которой насчитывалось до 30 человек. Многие из них ранее примыкали к "Черному переделу". Группа установила связь с Плехановым. В Петербурге она создала до 15 рабочих кружков, в которых насчитывалось до 150 рабочих, кассы взаимопомощи, библиотеки,

кружки самообразования, распространяла издания марксистских работ группы "Освобождение труда", а также отпечатанные в своей подпольной типографии прокламации, выпустила два номера нелегальной социал-демократической газеты "Рабочий". После высылки в 1885 г. на родину властями Благоева и последовавших в 1887 г. арестов остальных участников группы (в связи с делом Александра Ульянова) она прекратила свое существование.

В **1885 г**. в Петербурге возник кружок *П. В. Точисского "Товарищество петербургских мастеровых"*. Он занимался пропагандой марксизма среди петербургских рабочих, создал кассу для оказания материальной помощи забастовщикам и ссыльным. В 1888 г. группа была раскрыта, однако удалось сохранить основное ее ядро и в 1889 г. воссоздать новую организацию — "*Социал-демократическое общество*", возглавил которое студент петербургского Технологического института *М. И. Бруснев*. Весной 1891 г. под руководством этого общества состоялась первая в России маевка. Через год организация была раскрыта жандармами и прекратила свое существование. В конце 80-х — начале 90-х годов в промышленных центрах России возникали и другие марксистские группы, которые вели пропаганду марксизма среди рабочих, но их деятельность быстро пресекалась полицией.

Первые марксистские кружки в России подготовили почву для возникновения более широких социал-демократических объединений. Наиболее значительным из них был образованный в **1895 г.** в *Петербурге В. И. Лениным* при содействии Л. Мартова (Ю. О. Цедербаума) "*Союз борьбы за освобождение рабочего класса*". Он объединил 20 марксистских кружков и установил связь с рабочими петербургских предприятий. Было решено выпускать газету "Рабочее дело". В ночь на 9 декабря 1895 г. руководители "Союза" В. И. Ленин, Г. М. Кржижановский, В. В. Старков и А. А. Ванеев были арестованы и после суда отправлены в ссылку в разные места Сибири. Однако рядовые члены организации остались на свободе и продолжали свою деятельность.

В конце 90-х годов по типу петербургского "Союза борьбы" в ряде промышленных центров России были образованы и другие социал-демократические "Союзы": "Рабочий союз" в Иваново-Вознесенске, "Южно-русский рабочий союз" в Николаеве, "Южно-российский рабочий союз" в Одессе и др.

На рубеже XIX—XX вв. в России происходит формирование социал-демократических партий. Раньше всего, еще в 80-х годах, они возникают в национальных окраинах России — в Финляндии, Польше, Армении: Финская партия (конец 80-х годов), Армянский революционный союз (Дашнакцутюн, 1890), Армянская социал-демократическая партия "Гнчак" ("Колокол", 1887), Польская социалистическая партия (1892), Литовская социал-демократическая партия (1896), "Всеобщий еврейский рабочий союз Литвы, Польши и России" (Бунд, 1897).

Попытка создать Российскую социал-демократическую партию была предпринята в начале 1898 г. по инициативе остававшихся на свободе членов петербургского “Союза борьбы за освобождение рабочего класса”. В **марте 1898 г.** в *Минске* собрался I съезд РСДРП. П. Б. Струве подготовил Манифест съезда. На него прибыли 9 делегатов от разных социал-демократических организаций, однако партии как таковой не было создано: съезд не принял ни ее программы, ни устава, а по завершении его восемь из девяти делегатов были арестованы.

Оформление *РСДРП* как *партии* произошло на ее II съезде, состоявшемся в **июле 1903 г.** Съезд собрался сначала в *Брюсселе*, затем по требованию бельгийской полиции был вынужден перенести свои заседания в *Лондон*. На этом съезде были приняты программа и устав партии, но выявились острые разногласия по организационным вопросам — о принципах построения партии. В. И. Ленин выступал за строго централизованную, спаянную железной дисциплиной партию. Против методов подавления личности, за индивидуальную свободу членов партии выступили Мартов и его сторонники. При голосовании по 1-му пункту Устава о принципах членства в партии прошла точка зрения Мартова, однако при выборах в центральный орган партии большинство получили сторонники Ленина. Они получили наименование “твердых” марксистов-большевиков. Сторонников Мартова именовали “мягкими” марксистами-меньшевиками. Так определились *два течения* в РСДРП — большевистское и меньшевистское. Впрочем, рядовые члены партии не видели принципиального различия между теми и другими.

80—90-е годы XIX в. были временем увлечения марксизмом в России. Марксистами были не обязательно революционеры, но и лица, не разделявшие крайних выводов Маркса — ликвидации эксплуататорского строя революционным путем. Это так называемые “легальные марксисты”. К ним принадлежали видные философы П. Б. Струве, С. Л. Франк, Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, А. С. Изгоев, которые впоследствии отошли от марксизма (в 1909 г. они выступили как авторы знаменитого сборника “Вехи”), экономисты Н. Ф. Даниельсон и М. И. Туган-Барановский. Они подчеркивали прогрессивность капитализма и необходимость постепенного мирного развития страны по пути ее демократизации.

Однако не сдавало своих позиций и *народничество*, несмотря на понесенные в результате репрессий потери. 90-е годы — время возрождения различных неонароднических объединений и групп. В **1902 г.** в процессе объединения различных неонароднических кружков левого направления складывается революционно-демократическая партия “*социалистов-революционеров*” (*эсеров*). Главным идеологом и лидером партии стал В. М. Чернов. Вместе с А. Р. Гоцем он создал в 1901 г. заграничную группу социалистов-революционеров, которая явилась ядром складывавшейся партии эсеров.

Видными деятелями партии эсеров были Н. Д. Авксентьев и Г. А. Гершуни. Эсеры ориентировались на социалистическую революцию, главной движущей силой которой считали крестьянство. Характерно, что в составе этой партии 70% принадлежали к интеллигенции, 26% — к рабочим и лишь 1,5% — к крестьянам.

Возникновение либерально-оппозиционных групп и объединений

С середины 90-х годов происходит оживление *либерально- оппозиционного движения.* Ведущее место в нем занимала земская интеллигенция. Голод 1891 г. дал импульс земской оппозиции, которая выступила против засилия бюрократии, обвинив ее в неспособности помочь народу преодолеть стихийное бедствие. К либеральным земцам примкнули лидеры легального марксизма (П. Б. Струве и др.).

В **1899 г.** возник кружок *"Беседа",* объединивший около 50 либеральных земских деятелей, поставивших своей целью бороться против бюрократии и за свободу местного самоуправления. В кружок вошли некоторые представители либеральной русской аристократии: князья П. Д. Долгоруков и Д. И. Шаховской, графы С. Д. Шереметев и А. А. Бобринский.

С 1902 г. в Штутгарте на средства земцев стал нелегально издаваться журнал "Освобождение" под редакцией П. Б. Струве. В **1903—1904 гг.** оформились две организации либерально-оппозиционного характера — *"Союз освобождения" и "Союз земцев-конституционалистов".*

§ 2. Революция 1905—1907 гг., ее характер и движущие силы

"Кровавое воскресенье" — 9 января 1905 г.

3 января 1905 г. началась давно готовившаяся *стачка на Путиловском заводе* в Петербурге. Рабочие потребовали повышения заработной платы, отмены обязательных сверхурочных работ и установления 8-часового рабочего дня. Их поддержали другие заводы и фабрики Петербурга, и 8 января стачка охватила уже 111 тыс. рабочих столицы, принимая всеобщий характер. В это время в организации Георгия Гапона созрел план устроить мирное шествие к царю для подачи петиции о нуждах рабочих. "Мы, рабочие г. Петербурга, — говорилось в петиции, — наши жены и дети и беспомощные старцы-родители, пришли к тебе, государь, искать правды и защиты. Мы обнищали, нас угнетают, обременяют непосильным трудом, над нами надругаются, нас не признают за людей, к нам относятся как к рабам, которые должны терпеть горькую участь и молчать. Мы и терпели, но настал предел терпению. Для нас пришел тот страшный момент, когда лучше смерть, чем продолжение невыносимых мук".

В петицию помимо экономических требований были включены и политические: амнистия политическим заключенным, неприкосновенность личности, свобода слова, печати, собраний, равенство всех перед законом, разрешение на создание профессиональных рабочих союзов, отмена выкупных платежей крестьян за землю и передача ее во всенародное достояние, отделение церкви от государства и созыв Учредительного собрания.

Власти заранее были осведомлены о готовившемся шествии и приняли необходимые меры для предотвращения "беспорядков". Город был поделен на 8 военных участков, а его гарнизон был усилен войсками, вызванными из Петергофа, Ревеля и Пскова. Войска заняли подступы к Зимнему дворцу и другим правительственным зданиям.

Николай II в это время находился в Царском Селе. 8 января делегация демократической интеллигенции во главе с Максимом Горьким явилась на прием к министру внутренних дел князю П. Д. Святополк-Мирскому с ходатайством о предотвращении возможного кровопролития, но министр не принял ее. Вскоре весь состав делегации был арестован и заключен в Петропавловскую крепость.

Утром **9 января 1905 г.** 140-тысячная толпа мужчин, женщин, стариков и детей, возглавляемая Гапоном, с хоругвями, иконами, портретами царя и пением молитв двинулась к Зимнему дворцу. На Дворцовой площади они встретили заградительную цепь солдат. Раздалась команда открыть огонь по толпе. Попадали убитые и раненые. Расстрелы, конные атаки казаков на мирные шествия к Зимнему дворцу происходили и в других частях города.

Весть о расстреле мирной демонстрации в Петербурге вызвала взрыв возмущения по всей стране. Вечером 9 января в Петербурге появились баррикады. Только в январе 1905 г. в знак протеста бастовали 440 тыс. рабочих (из них 160 тыс. в Петербурге) — больше, чем за все предыдущее десятилетие. День 9 января 1905 г. (*"Кровавое воскресенье"*) явился началом революции.

Характер революции и ее движущие силы

По своему характеру революция 1905—1907 гг. в России была буржуазно-демократической, ибо ставила задачи буржуазно-демократического преобразования страны: свержение самодержавия и установление демократической республики, ликвидации сословного строя и помещичьего землевладения, введение основных демократических свобод — в первую очередь свободы совести, слова, печати, собраний, равенства всех перед законом, установление 8-часового рабочего дня для лиц наемного труда, снятие национальных ограничений.

Главным вопросом революции был *аграрно-крестьянский*. Крестьянство составляло свыше 4/5 населения России, а аграрный вопрос в связи с углублением крестьянского малоземелья приобрел к началу XX в. особую остроту. Важное место в революции занимал

и национальный вопрос. 57% населения страны составляли нерусские народы. Однако по существу национальный вопрос являлся частью аграрно-крестьянского, ибо крестьянство составляло подавляющую массу нерусского населения в стране. Аграрно-крестьянский вопрос был в центре внимания всех политических партий и группировок.

В революции 1905—1907 гг. активное участие принимали *мелкобуржуазные* слои города и деревни, а также представлявшие их политические партии. *Это была народная революция.* Крестьяне, рабочие, мелкая буржуазия города и деревни составляли единый революционный лагерь. Противостоящий ему лагерь представляли помещики и связанные с самодержавной монархией крупная буржуазия, высшая чиновничья бюрократия, военщина и клерикалы из числа верхов духовенства. *Либерально-оппозиционный лагерь* был представлен в основном средней буржуазией и буржуазной интеллигенцией, которые выступали за буржуазное преобразование страны мирными средствами, главным образом методами парламентской борьбы.

Массовое движение весной—летом 1905 г.

Революционное движение в этот период проявлялось в небывалом росте стачечного движения рабочих с преобладанием политических требований и принимало все более организованный характер. К лету 1905 г. расширилась и социальная база революции: в нее включились широкие массы крестьянства, а также армия и флот.

За январь—апрель 1905 г. стачечное движение охватило 810 тыс. рабочих. До 75% стачек носили политический характер. Под напором этого движения правительство вынуждено было пойти на некоторые политические уступки. 18 февраля рескриптом царя на имя министра внутренних дел А. Г. Булыгина было предписано приступить к разработке закона о создании выборного представительного учреждения. Был подготовлен проект создания Государственной думы. В начале мая 1905 г. он поступил на рассмотрение Совета министров, а в июле в Петергофе под председательством царя были проведены секретные совещания по данному проекту. На совещания в качестве экспертов были приглашены профессора Н. С. Таганцев (видный юрист, сенатор, член Государственного совета) и знаменитый историк В. О. Ключевский. Секретные протоколы "Петергофских совещаний" попали за границу и там были опубликованы, что произвело сенсацию в России.

6 августа 1905 г. были обнародованы утвержденные царем "Учреждение Государственной думы" и "Положение о выборах в Государственную думу". Согласно этим актам учреждалась законосовещательная Государственная дума, в которую предстояло избирать депутатов по типу выборов в земства — по трем куриям: землевладельческой, городской и сельской. Выборы для первых двух курий устанавливались двухстепенные, для третьей — четырех-

степенные. Избирательное право распространялось на лиц мужского пола не моложе 25 лет. В выборах в Думу не могли участвовать военнослужащие, учащиеся, рабочие, ремесленники, батраки и "бродячие инородцы". Эта "булыгинская дума", как ее именовали, вызвала активный бойкот со стороны рабочих, крестьян, интеллигенции, всех левых партий и объединений. Бойкот сорвал попытку правительства созвать такую Думу.

Уступки правительства носили паллиативный характер и не могли внести "успокоения": революционные выступления нарастали. В связи с празднованием 1 мая прокатилась новая волна стачечного движения, в котором участвовали до 200 тыс. рабочих. В крупном текстильном центре Польши Лодзи вспыхнуло восстание рабочих, и город покрылся баррикадами. 1 мая произошел расстрел демонстрации в Варшаве: десятки демонстрантов были убиты и ранены. Столкновения рабочих с войсками во время демонстраций 1 мая произошли в Риге и Ревеле.

Важным событием явилась начавшаяся **12 мая** *всеобщая стачка рабочих* в крупном текстильном центре страны — *Иваново-Вознесенске*, которая продолжалась 72 дня. Под ее влиянием поднялись рабочие ближайших текстильных городов и поселков — Шуи, Кохмы, Тейкова, Вичуги. В ходе Иваново-Вознесенской стачки был избран *Совет рабочих уполномоченных*, который не только руководил стачкой, но фактически превратился в орган рабочей власти в городе. Он создал рабочую милицию для поддержания порядка, закрыл все кабаки в городе, запретил торговцам повышать цены, вел переговоры с фабрикантами и городской администрацией. По требованию Совета фабриканты на 10% увеличили заработную плату рабочим.

Под воздействием роста стачечной борьбы рабочих пришла в движение и деревня. Уже в феврале-марте *крестьянские бунты* охватили 1/6 часть уездов страны — в губерниях Черноземного центра, Польши, Прибалтики и Грузии. Летом они распространились на Среднее Поволжье, Украину и Белоруссию. В **мае 1905 г.** образовался *Всероссийский крестьянский союз*. **31 июля — 1 августа** *в Москве* нелегально состоялся его *учредительный съезд*, на который прибыли 100 делегатов от 22 губерний. Съезд высказался за отмену частной собственности на землю и экспроприацию землевладельцев; выдвинул требования передачи всей земли "в общую собственность народа", отмены сословной иерархии и налогообложения крестьян, созыва путем всеобщих выборов Учредительного собрания.

14 июня вспыхнуло *восстание на броненосце "Князь Потемкин-Таврический"*. Матросы овладели кораблем, выбрали новый командный состав и судовую комиссию — орган политического руководства восстанием. В тот же день восставший броненосец и сопровождавший его миноносец подошли к Одессе, где в это время

началась всеобщая забастовка рабочих. Но судовая комиссия не решилась высадить десант в городе, ожидая присоединения к восстанию остальных кораблей Черноморской эскадры. Однако присоединился лишь один броненосец "Георгий Победоносец". После 11 дней рейда, истощив запасы топлива и продовольствия, "Потемкин" прибыл в румынский порт Констанцу и сдался местным властям. Впоследствии "Потемкин" вместе с его командой был передан российским властям.

Революционные события октября—декабря 1905 г. Осенью 1905 г. центр революции переместился в Москву. Начавшаяся в *Москве Всероссийская Октябрьская политическая стачка*, а затем *вооруженное восстание* в **декабре 1905 г.** явились *высшим подъемом революции*. 7 октября забастовали железнодорожники Москвы (за исключением Николаевской железной дороги), а вслед за ними — рабочие большинства железных дорог страны. 10 октября в Москве *началась общегородская стачка рабочих*. 12 октября стачечное движение охватило и Петербург. К середине октября стачка распространилась на всю страну. В стачке участвовали до 2 млн. человек. Остановились фабрики и заводы, не работали почта, телеграф, транспорт, закрылись коммунальные учреждения и учебные заведения. В крупнейших промышленных центрах стали создаваться Советы рабочих депутатов по примеру Иваново-Вознесенского совета. Основными требованиями, выдвинутыми бастующими рабочими, были: установление 8-часового рабочего дня, введение демократических свобод и созыв Учредительного собрания.

Правительство решило принять для подавления стачки крутые меры вплоть до применения оружия. Петербургский генерал-губернатор Д. Ф. Трепов издал приказ полиции и войскам: "Холостых залпов не давать и патронов не жалеть". Однако для подавления нараставшей революционной волны у правительства было недостаточно сил, так как основная масса войск находилась на Дальнем Востоке. Под воздействием Октябрьской стачки самодержавие вынуждено было пойти на новые уступки. **17 октября** Николай II подписал *Манифест* о даровании населению "незыблемых основ гражданской свободы" на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний, союзов, о предоставлении новой Государственной думе законодательных прав, причем указывалось, что никакой закон не может получить силы без одобрения его Думой.

Обнародование Манифеста 17 октября 1905 г. вызвало ликование либерально-буржуазных кругов, которые считали, что создались все условия для легальной политической деятельности. Манифест 17 октября послужил толчком к образованию *двух* влиятельных *буржуазных партий — кадетов* и *октябристов* (о них см. ниже). Манифест 17 октября у части демократической интеллигенции и у некоторых рабочих вызвал иллюзии о возможности мир-

ного развития революции. Этим иллюзиям поддались и меньшевики. С изданием Манифеста через неделю прекратилась Октябрьская политическая стачка. Европейские биржи ответили на этот акт царского правительства повышением курса русских ценных бумаг.

С целью преодоления ведомственной разобщенности и консолидации высшей исполнительной власти 19 октября 1905 г. был издан указ о превращении Совета министров в постоянно действующее высшее правительственное учреждение, на него возлагалось "направление и объединение действий" всех ведомств в вопросах законодательства и управления. Устанавливался порядок, при котором законодательные предложения министров не могли быть внесены в Государственную думу без предварительного обсуждения в Совете министров.

Обнародование Манифеста 17 октября 1905 г. и учреждение законодательного представительного органа — Государственной думы — вызвали различные мнения о характере изменения прерогатив власти царя. Одни полагали, что эти акты знаменовали собой начало ограничения самодержавия в России, другие, напротив, считали, что самодержавная власть царя этими актами вовсе не была поколеблена. По-разному оценивали характер российской монархии после издания Манифеста 17 октября 1905 г. советские историки и юристы. Большинство считало, что самодержавие не пошатнулось; другие склонялись к мнению о некотором его ограничении, третьи полагали, что эти акты лишь декларировали "эволюцию формы правления Российского государства от абсолютной к конституционной монархии". Последнее мнение ближе к истине. Характерно заявление С. Ю. Витте, высказанное им в январе 1906 г. в газете "Новое время". "Манифестом 17 октября, — писал он, — не внесено никакого изменения в основу нынешнего государственного строя, и государь император по-прежнему остается неограниченным владыкою".

Содержание Манифеста 17 октября 1905 г. и издание 23 апреля 1906 г. в развитие его положений акта под названием "Основные государственные законы" свидетельствуют о противоречивости их характера. В них декларировалось, что ни один закон не может вступить в силу без одобрения его Государственной думой, однако реальную силу законы получали после утверждения их императором. Государственная дума как законодательный орган по этим законам нисколько не подрывала прерогатив самодержавной власти императора. Депутаты Думы присягали на верность не народу и государству, а "его величеству императору и самодержцу всероссийскому". Император, как и прежде, назначал и смещал министров, ответственных только перед ним, а не перед Думой. Ему принадлежало исключительное право заключать договоры с другими государствами — прерогативы Думы не распространялись на вопросы внешней политики.

Формально царь не мог издавать новых законов без одобрения их Думой, однако 87-я статья “Основных государственных законов” позволяла ему издавать между сессиями Думы любые указы и манифесты, имевшие силу закона, что часто и проводилось на практике. Хотя Думе и было предоставлено право утверждать государственный бюджет, тем не менее многие важные его статьи (расходы Синода и основных министерств — императорского двора, военного, морского, внутренних и иностранных дел) были изъяты из ее ведения, так что Дума могла контролировать не более половины бюджета. В статьях 4-й и 9-й “Основных государственных законов” указывалось, что “императору всероссийскому принадлежит верховная самодержавная власть”, “государь император утверждает законы, и без его утверждения никакой закон не может иметь своего совершения”. Все это дало основание заявить министру финансов В. Н. Коковцову: “У нас, слава Богу, парламента нет”.

Осень 1905 г. была отмечена ростом крестьянских бунтов и революционных выступлений в армии и на флоте. В ноябре — декабре крестьянское движение достигло кульминации. За это время было зарегистрировано 1590 крестьянских выступлений — примерно половина их общего числа (3230) за весь 1905 год. Они охватили половину (240) уездов европейской части России, сопровождались разгромом помещичьих усадеб и захватом помещичьих земель. Было разгромлено до 2 тыс. помещичьих усадеб (а всего за 1905—1907 гг. разгрому подверглись свыше 6 тыс. помещичьих усадеб). Особенно широкий размах крестьянские бунты приняли в Симбирской, Саратовской, Курской и Черниговской губерниях. На подавление крестьянских восстаний посылались карательные войска, в ряде мест было введено чрезвычайное положение.

6—10 ноября 1905 г. в *Москве* состоялся *II съезд Всероссийского крестьянского союза.* В нем приняли участие 187 делегатов от 27 губерний европейской части России. К этому времени Всероссийский крестьянский союз насчитывал до 200 тыс. членов, объединенных в 470 волостных и сельских организациях. Он подтвердил основные требования и решения, высказанные еще на I съезде летом 1905 г., добавив к ним требование введения всеобщего избирательного права и демократизации местного управления. Съезд способствовал пробуждению политического сознания крестьянства.

На местах крестьяне стали создавать свои комитеты, которые выдвигали не только экономические, но и политические требования, сформулированные на съездах Всероссийского крестьянского союза. В ряде селений и волостей (например, в местечке Сорочинцах Полтавской губернии и в с. Слободском Вятской) комитеты Крестьянского союза возглавили вооруженные крестьянские восстания. Кое-где стали возникать и своеобразные “крестьянские республики”. В отдельных волостях или группах волостей крестьянам удавалось отстранить местную администрацию и на короткое время захватить в свои руки власть. Примером этого могут служить

“Марковская республика” в Волоколамском уезде Московской губернии, “Старо-Буянская” в Самарской губернии, Люботинская в Харьковской, Новинская волость в Тверской (в октябре—ноябре 1905 г). Однако они существовали недолго и через два-три месяца прекращали свою деятельность. **3 ноября 1905 г.** под влиянием широкого крестьянского движения, развернувшегося с особой силой осенью этого года, был издан царский *манифест*, возвестивший об *уменьшении выкупных палтежей* с крестьян за надельную землю наполовину и о *полном прекращении их взимания* с **1 января 1907 г.**

В **октябре—декабре 1905 г.** произошло 89 выступлений в армии и на флоте. Самым крупным из них было *восстание матросов и солдат* Черноморского флота под руководством лейтенанта *П. П. Шмидта* **11—15 ноября**. Восстание началось на *крейсере “Очаков”*. К нему примкнули 12 судов Черноморского флота (в их числе и броненосец “Святой Пантелеймон” — бывший “Потемкин”, который вместе с командой был возвращен Румынией царским властям). Однако восставшие действовали нерешительно, и восстание приняло оборонительный характер. Царское военное командование приняло к подавлению восстания самые энергичные меры. С помощью береговой артиллерии и верных правительству кораблей “Очаков” был подвергнут обстрелу. Большинство его команды погибло. Лейтенант Шмидт вместе с другими руководителями восстания был схвачен и по приговору военного суда расстрелян. Другие участники восстания были приговорены к каторжным работам и тюремному заключению.

2 декабря 1905 г. в Москве восстал 2-й гренадерский Ростовский *полк*. Солдаты взяли командование в свои руки, избрав полковой комитет, который выдвинул требования созыва Учредительного собрания, передачи земли крестьянам, освобождения политических заключенных и обратился с воззванием ко всем войскам Московского гарнизона поддержать эти требования. Восстание нашло отклик в других полках. *Был создан Совет солдатских депутатов* из представителей Ростовского, Екатеринославского и некоторых других полков Московского гарнизона. Но командованию гарнизона удалось подавить солдатское движение в самом его начале и изолировать ненадежные воинские части в казармах.

6 декабря 1905 г. Московский Совет рабочих депутатов принял решение начать с 7 декабря всеобщую стачку рабочих, с тем, чтобы перевести ее в вооруженное восстание. Однако никакого заранее разработанного плана восстания не было. В полдень **7 декабря** заводские гудки возвестили о начале стачки. В тот же день произошли отдельные вооруженные столкновения рабочих групп с полицией, но в течение последующих трех дней стачка и мирная демонстрация оставались главными средствами борьбы. Между тем московские власти, осведомленные о готовящемся вооруженном восстании, принимали меры к его предотвращению. 8 декабря были арестованы члены Московского комитета РСДРП. Вечером войска

разогнали рабочий митинг в саду "Аквариум", а 10 декабря окружили реальное училище Фидлера на Чистых прудах, где заседавшие дружинники обсуждали план захвата Николаевского вокзала, городской Думы и других учреждений, и предложили им сдаться. Дружинники ответили отказом. Училище было обстреляно и взято штурмом. В тот же день произошло столкновение дружинников с войсками у типографии Сытина на Пятницкой улице.

Эти события послужили сигналом к началу *вооруженного восстания в Москве.* В рабочих окраинах начали сооружать баррикады. Группы вооруженных рабочих-дружинников стали разоружать на улицах городовых. В декабрьском вооруженном восстании в Москве участвовали до 8 тыс. человек, из них — около 1 тыс. вооруженных дружинников. Восстание было плохо подготовлено, не имело единого руководящего центра, проходило разрозненно и охватило лишь некоторые рабочие окраины города, не имевшие между собой никакой связи. В таких условиях о каких-либо активных наступательных действиях восставших не могло быть и речи: дело ограничилось постройкой баррикад и их обороной.

Главным опорным пунктом дружинников была *Пресня* — крупный рабочий район, где им удалось продержаться около 10 дней, и то лишь благодаря тому, что московские власти не могли использовать для подавления восстания войска столичного гарнизона, сочувствовавшие восставшим, а разоруженная в начале восстания дружиниками городская полиция была деморализована.

На подавление московского восстания из Петербурга был направлен гвардейский Семеновский полк, а из Польши прибыл Ладожский полк. Сопротивление дружинников, плохо вооруженных и не имевших воинского опыта, было быстро подавлено регулярными частями, применившими артиллерию. **19 декабря** пал последний оплот восставших на Пресне — Прохоровская мануфауктура. Участник восстания машинист А. В. Ухтомский (эсер) вывел поезд с дружинниками из Москвы, преодолев заграждение карательных отрядов. Вскоре он был схвачен и расстрелян. Расстреливали на месте без суда схваченных других участников восстания. Всего при подавлении московского восстания было убито до 1060 человек, в том числе 220 женщин и детей. Потери карателей составили 20 человек убитыми и 46 ранеными. Через год было проведено несколько судебных расследований по делу о московском вооруженном восстании. К ответственности за его организацию и участие в нем были привлечены до 200 человек.

Вооруженные выступления проходили в декабре 1905 — начале января 1906 г. в Нижнем Новгороде, Харькове, Ростове-на-Дону, Новороссийске, Красноярске, Чите, Владивостоке, в ряде рабочих центров Урала и Грузии. Везде власти с помощью регулярных войск легко подавляли эти плохо вооруженные и разрозненные выступления, а затем чинили жестокие расправы над их участниками.

Против вооруженного восстания как формы революционной борьбы решительно выступил Г. В. Плеханов, заявивший, что в реальности это — "восстание безоружных", которое приводит лишь к напрасным жертвам.

11 декабря 1905 г. был издан разработанный правительством С. Ю. Витте *новый избирательный закон* в Государственную думу. Он сохранял основные положения избирательного закона 6 августа 1905 г. с тем лишь различием, что теперь к участию в выборах допускались и рабочие, для чего вводилась четвертая, рабочая, курия и увеличивалось число мест для крестьянской курии. Сохранялась многостепенность выборов: сначала избирались выборщики, а из них — уже депутаты в Думу, при этом один выборщик приходился на 90 тыс. рабочих, на 30 тыс. крестьян, 7 тыс. представителей городской буржуазии и 2 тыс. помещиков. Таким образом один голос помещика равнялся 3 голосам буржуазии, 15-ти крестьян и 45-ти рабочих. Тем самым создавалось существенное преимущество для представительства в Думе помещикам и буржуазии. **20 февраля 1906 г**. было издано *"Учреждение Государственной думы"*, которое определяло 5-летний срок ее полномочий, однако царь мог распустить Думу досрочно и назначить новые выборы; он же определял и длительность сессий Думы (обычно Дума заседала 7—8 месяцев в году). Группе депутатов не менее чем из 50 человек предоставлялось право делать запросы министрам.

В связи с созданием законодательной Государственной думы был преобразован Государственный совет. В тот же день, 20 февраля 1906 г., был издан указ "О переустройстве учреждения Государственного совета". Из законосовещательного органа, все члены которого ранее назначались царем, он становился верхней законодательной палатой, получившей право утверждать или отклонять законы, принятые Государственной думой. Изменен был и состав Государственного совета. Число членов его увеличивалось до 190 (втрое). Половина их, как и и председатель Совета, по-прежнему назначались царем, другая половина избиралась на основе высокого имущественного ценза губернскими земскими собраниями, дворянскими обществами, биржевыми комитетами, купеческими управами и православным духовенством; в него посылались и представители от университетов. Таким образом, Государственный совет состоял преимущественно из представителей поместного дворянства и крупной буржуазии. Все эти изменения вошли в "Основные государственные законы Российской империи", изданные 23 апреля 1906 г.

24 ноября 1905 г. вышел указ о новых "Временных правилах о повременных изданиях", который упразднял предварительную цензуру для периодических изданий. Указом 26 апреля 1906 г. о "Временных правилах для неповременной печати" упразднялась предварительная цензура и для непериодических изданий (книг и бро-

шюр). Однако это не означало окончательной отмены цензуры. Сохранялись разного рода взыскания (штрафы, приостановка издания, предупреждения и пр.) к издателям, выпускавшим в свет "неугодные" с точки зрения властей статьи в периодике или книги. Указ 28 марта 1906 г. "Об изменении и дополнении Временных правил о периодической печати" ужесточил наказания за их нарушение. За 1906 г. различным взысканиям подверглись до 250 издателей и журналистов, было закрыто 370 периодических изданий.

Отступление революции: 1906 — весна—лето 1907 гг. После декабрьских событий 1905 г. начинается *отступление революции.* В первую очередь оно выразилось в постепенном спаде стачечного движения рабочих. Если в течение 1905 г. было зарегистрировано 2,8 млн. участников стачек, то за 1906 г. — 1,1 млн, а в 1907 г. — 740 тыс. Однако накал борьбы был еще высок. Весной — летом 1906 г. поднялась новая волна аграрного крестьянского движения, которое приобрело даже более широкий размах, чем в 1905 г. Оно охватило более половины уездов страны. Но несмотря на свой размах и массовость, крестьянское движение 1906 г., как и в 1905 г., представляло собой серию разрозненных, локальных бунтов, не имевших между собой практически никакой связи. Всероссийский крестьянский союз не смог стать организующим центром движения. Происходили восстания в армии и на флоте, которые, как и крестьянские выступления, приняли более угрожающий характер, чем в 1905 г. Наиболее значительными из них были восстания в июле 1906 г. моряков в Свеаборге, Кронштадте и Ревеле. Подготовили их и руководили ими эсеры: они разработали план окружить столицу кольцом военных восстаний и принудить правительство к капитуляции. Восстания были быстро подавлены верными правительству войсками, а их участники преданы военному суду, 43 из них казнены.

Внушительные размеры в 1906 г. приняло национально-освободительное движение в Финляндии, Прибалтике, Польше, на Украине, в Закавказье под руководством местных националистических партий.

§ 3. Общественно-политическое движение. Образование политических партий и их программы

Революция 1905—1907 гг. создала благоприятные условия для образования множества политических партий, как русских, так и национальных. Все они в те годы действовали вполне легально. Численность их вместе с ранее возникшими нелегально партиями к исходу революции достигла свыше 100. Они представляли собой очень широкий спектр социальных, национальных и даже религиозных интересов, выраженных в их программах. Все политические

партии можно свести к *трем* основным классификационным группам: 1) революционно-демократические партии (социал-демократические и неонароднические), 2) либерально-оппозиционные (в основном партии русской и национальной либеральной буржуазии, а также либеральной интеллигенции) и 3) консервативно-охранительные (правые буржуазно-помещичьи и клерикально-монархические, черносотенные). Ниже речь пойдет о наиболее крупных политических партиях, имевших общероссийское значение.

Социал-демократические партии

Среди партий первой группы ведущую роль играли возникшие на рубеже XIX—XX вв. *Российская социал-демократическая рабочая партия (РСДРП)* и *Партия социалистов-революционеров (эсеры).*

Как выше указано, *РСДРП* организационно оформилась на II ее съезде (1903) и тогда же произошел ее раскол на большевиков и меньшевиков. Однако формально (вплоть до марта 1917 г.) и те и другие продолжали считаться состоявшими в одной партии.

На II съезде РСДРП была принята единая (для большевиков и меньшевиков) *программа*, состоявшая из *двух частей. Первая ("программа-минимум")* предусматривала решение задач буржуазно-демократической революции: свержение самодержавия, введение демократической республики и широкого местного самоуправления, предоставление *права на самоопределение всем нациям*, входящим в состав России, установление 8-часового рабочего дня для лиц наемного труда. В *аграрном вопросе* выдвигались следующие требования: возвращение крестьянам отторгнутых во время проведения реформы 1861 г. отрезков от их наделов, отмена выкупных и оброчных платежей за землю, а также возвращение крестьянам ранее выплаченных ими выкупных сумм. В 1906 г. аграрная программа была пересмотрена. Теперь уже выдвигалось требование полной *конфискации всех помещичьих, государственных, удельных, церковных и монастырских земель*. Это требование, как уже сказано, было заявлено самими крестьянами на двух съездах Всероссийского крестьянского союза и заставило изменить аграрную программу РСДРП на IV ее съезде в апреле 1906 г. Однако, если крестьяне рассматривали всю землю, в том числе и свою надельную, как общенародное достояние, то аграрной программой *РСДРП* предусматривалась *национализация* всех земель. Различие, на первый взгляд терминологическое, имело принципиальное значение. В первом случае хозяином земли становился сам народ, точнее те, кто ее обрабатывает, при этом распределением земельных участков ведала сама крестьянская *община*. Во втором — полным собственником земли становилось государство, *которое превращалось таким образом в крупнейшего помещика-монополиста.*

Аграрную программу меньшевиков предложил крупный экономист-аграрник П. П. Маслов. Его поддержал Плеханов. Это была

программа *муниципализации* земли. Суть ее заключалась в том, что конфискованные помещичьи, удельные, монастырские и церковные земли предоставлялись в распоряжение органов местного самоуправления (муниципалитетов), которые потом распределяли ее между крестьянами. Предусматривалось сохранение собственности крестьян на их надельную землю. Допускался и переход части земли в руки государства для создания переселенческого фонда. Программа меньшевиков была нацелена против властного вмешательства государства в аграрные отношения. Кроме того, меньшевики указывали, что национализация земли "непомерно усилит государство, превратив его в единственного земельного собственника, усилится и правящая бюрократия". Однако программа меньшевиков была слишком расплывчата и обходила главный вопрос, волновавший крестьян: когда и на каких условиях они получат помещичью землю.

Вторая часть программы РСДРП ("программа-максимум") предусматривала социалистическое переустройство общества после победы пролетарской революции. Однако реализацию этой программы большевики и меньшевики представляли себе по-разному. Большевики ориентировались на построение социализма после победы пролетарской революции, даже предусматривали возможность непосредственного "перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую", без какого бы то ни было переходного периода. Меньшевики считали утопией насаждение социализма в экономически и культурно отсталой стране. Они полагали, что после буржуазно-демократической революции должен пройти определенный период буржуазного развития, который превратит Россию из отсталой в развитую капиталистическую страну с буржуазно-демократическими свободами и учреждениями.

В период революции 1905—1907 гг. численность РСДРП значительно выросла. Если перед революцией в рядах РСДРП насчитывалось 2,5 тыс. членов (по другим данным 8,6 тыс.), то к концу революции — более 100 тыс., при этом меньшевики составляли большинство. В большевистском крыле РСДРП русские составляли 89%, в меньшевистском — 37%, остальные (в меньшевистском) — грузины (29%), евреи (23%), украинцы (6%) и прочие (5%). Кроме того, в России в то время числилось 74 тыс. членов национальных социал-демократических партий: 33 тыс. членов еврейского Бунда, 28 тыс. Польской социалистической партии и 13 тыс. латышских социал-демократов.

Партия эсеров хотя формально и заявила о своем возникновении в 1902 г., но организационно оформилась на ее 1-м учредительном съезде, состоявшемся **в конце декабря 1905 г. — начале января 1906 г.,** на котором были приняты ее программа и устав. Программа эсеров предусматривала: свержение самодержавия и установление демократической республики, автономию областей и общин на фе-

деративных началах, широкое применение федеративных отношений между отдельными национальностями, признание за ними безусловного права на самоопределение, введение родного языка во всех местных общественных и государственных учреждениях, всеобщее избирательное право без различия пола, религии и национальности, бесплатное образование, отделение церкви от государства и свободу вероисповедания, свободу слова, печати, собраний, стачек, неприкосновенность личности и жилища, уничтожение постоянной армии и замену ее "народной милицией", введение 8-часового рабочего дня, отмену всех налогов, "падающих на труд", но установление прогрессивного налога на доходы предпринимателей.

Центральное место в *эсеровской программе* занимал *аграрный вопрос*. Эсеры требовали изъять землю из частной собственности. Но они выступали не за национализацию ее, а за "социализацию", т. е. передачу ее не государству, а в общенародное достояние. Землей, считали эсеры, должны распоряжаться общины, которые будут распределять ее в пользование по "трудовой" норме среди всех граждан республики, для которых самостоятельный труд на земле является основным источником существования. В перспективе предусматривалось обобществление земледельческого производства путем использования различных форм кооперирования земледельцев. Создание трудовых ассоциаций предполагалось не только в сфере земледелия. В этом эсеры видели создание социалистической формы хозяйства. Они выступали за сохранение крестьянской общины как основы создания общественных отношений в деревне социалистического характера.

Тактика эсеров предусматривала пропаганду и агитацию, организацию стачек, бойкота и вооруженных акций — вплоть до организации вооруженных восстаний и применения индивидуального политического террора. Впрочем террор они рассматривали как "крайнее" средство. Им занималась небольшая Боевая организация эсеров, которая вначале насчитывала 10—15, а в ходе революции 1905—1907 гг. — 25—30 человек. Руководили Боевой организацией Евно Азеф и Борис Савинков. Они организовали убийства ряда крупных государственных лиц — министра народного просвещения Н. П. Боголепова (1901), министров внутренних дел Д. С. Сипягина (1902) и В. К. Плеве (1904), генерал-губернатора Москвы великого князя Сергея Александровича (1905).

Еще в конце 1904 г. из Партии социалистов-революционеров выделилась группа, стоявшая на позиции широкого применения террористической борьбы. В конце **1906 г.** она оформилась *в "Союз социалистов-революционеров-максималистов"*, который представлял собой крайне левое крыло эсеровского движения и сосредоточил свою деятельность на "экспроприациях" и индивидуальном терроре. Лидером этой группы был М. И. Соколов, казненный в 1906 г.

Группа подвергалась наибольшим полицейским преследованиям и к 1907 г. была практически разгромлена.

В числе неонароднических социалистических партий, отвергавших насильственные методы борьбы, видное место занимала *Трудовая народно-социалистическая партия (народные социалисты или энесы).* Она официально заявила о себе в **сентябре 1906 г.**, когда вышел в свет 1-й, программный, выпуск ее бюллетеня "Народно-социалистическое обозрение". Окончательно она оформилась в **ноябре 1906 г.** К 1907 г. в ней числилось 56 местных организаций, в которых состояло в общей сложности не более 2 тыс. членов. В основном это были городская интеллигенция, земские служащие и незначительное число крестьян. Видными идеологами энесов являлись профессора и публицисты А. В. Пешехонов, В. А. Мякотин, Н. Ф. Анненский, В. И. Семевский, принадлежавшие к "левому флангу" легального народничества.

Исходя из своеобразия российских условий (преобладание крестьянского населения и наличие поземельной общины), энесы выступали за особый для России путь к социализму, минуя капитализм, как наиболее "прямой, естественный и безболезненный", опираясь на развитие общинных начал в русской народной жизни. Их программа предусматривала: ликвидацию монархии и введение "демократической республики", замену постоянной армии "народной милицией", отмену сословного строя, утверждение равенства всех граждан перед законом, введение свободы совести, слова, печати, собраний, союзов, неприкосновенность личности и жилища. Высшим органом управления страной должно стать однопалатное Народное представительное собрание, избираемое всеми гражданами, достигшими 20 лет, независимо от пола, национальности и вероисповедания, путем прямого, равного и тайного голосования. Ему должна принадлежать вся полнота законодательной власти. Энесы выступали за повсеместное введение земского, городского и сельского самоуправления, основанного на широких демократических началах. Энесы были убежденными сторонниками права наций на самоопределение. В аграрном вопросе энесы в качестве первоочередной меры считали конфискацию помещичьих, казенных, удельных, кабинетских, монастырских и церковных земель и передачу их в общенародную собственность. Но конфискация не должна была коснуться крестьянских надельных, а также тех частновладельческих земель, на которых "ведется трудовое хозяйство". В печати энесы активно выступали против столыпинской ломки общины.

Кадеты

Главной либеральной партией, претендовавшей на общенациональное руководство, была Конституционно-демократическая партия *(кадеты),* которая оформилась на своем I Учредительном съезде в Москве **12—18 окября 1905 г.** Позднее она стала

называть себя “партией народной свободы”. Она была преимущественно “интеллигентской” партией. В ней состояли главным образом преподаватели высших и средних учебных заведений, врачи, инженеры, адвокаты, писатели, деятели искусства, а также представители либерально-настроенных помещиков и буржуазии, отчасти ремесленники. В свои ряды партия кадетов привлекла также немногих рабочих и крестьян. В кадетской партии состояла элита русской интеллигенции. Членами этой партии были видные ученые: В. И. Вернадский, С. А. Муромцев, В. М. Гессен, С. А. Котляревский, известные историки — А. А. Корнилов, А. А. Кизеветтер, М. О. Гершензон. Ю. В. Готье, экономисты и публицисты — П. Б. Струве, А. С. Изгоев, видные земские деятели Ф. И. Родичев и И. И. Петрункевич, земский врач А. И. Шингарев. Кадеты стремились стать над партиями, объединить вокруг себя или подчинить своему влиянию другие оппозиционные самодержавию партии и течения.

В январе—апреле 1906 г. насчитывалось 274 кадетских комитета, а к 1907 г. — свыше 300; общая численность партии колебалась в пределах 50—60 тыс. членов (после поражения революции численность кадетской партии сократилась вдвое). *Лидером* кадетской партии был блестящий оратор и публицист, видный историк *П. Н. Милюков.* В 1894 г. за участие в освободительном движении он был уволен из Московского университета и выслан в Рязань. Вернувшись в 1897 г. из ссылки, он вынужден был уехать за границу; читал лекции по русской истории в Софийском, Бостонском и Чикагском университетах. Вернувшись в 1899 г. в Россию, Милюков вновь занялся политикой и за свои резкие выступления неоднократно подвергался арестам, так что снова был вынужден эмигрировать. В апреле 1905 г. Милюков вернулся в Россию и с головой ушел в политическую борьбу.

Главной своей целью кадеты провозгласили введение в стране демократической конституции (отсюда и название партии). Неограниченная монархия, согласно их программе, должна была быть заменена парламентарным демократическим строем (кадеты обходили вопрос о том, будет ли это монархия или республика, но идеалом их была конституционная монархия английского типа). Они выступали за разделение властей на законодательную, исполнительную и судебную, за коренную реформу местного самоуправления и суда, за всеобщее избирательное право, свободу слова, печати, собраний, союзов, за строгое соблюдение “гражданских политический прав личности”, за свободу преподавания и бесплатное обучение в школе. Кадеты предусматривали введение 8-часового рабочего дня на предприятиях, право рабочих на стачки, на социальное страхование и охрану труда. В их программе были пункты о восстановлении государственной автономии Финляндии и Польши, но в составе России, и культурной автономии других народов. В решении аграрного вопроса кадеты полагали частичное “отчуждение” (до 60%) помещичьей земли в пользу крестьян, но “по спра-

ведливой оценке" (т. е. по рыночным ценам), выступали за частную земельную собственность и были решительными противниками ее обобществления. Программа кадетов была направлена на развитие России по западному буржуазному образцу. Осуществления своих целей они добивались только мирными средствами — путем получения большинства в Государственной думе и проведения через нее записанных в их программе реформ. Кадетская партия не представляла единства. Впоследствии в ее составе определились *три* направления: "левые" и "правые" кадеты и центр.

Октябристы

Заметную роль в политической жизни страны играл "*Союз 17 октября" (октябристы),* принявший это название в честь царского Манифеста 17 октября 1905 г., который, как считали октябристы, знаменовал собой вступление России на путь конституционной монархии. Организационное оформление партии началось в **октябре 1905 г.,** а завершилось на *ее I съезде*, состоявшемся **8—12 февраля 1906 г.** в *Москве.* Это была партия крупного капитала — верхов торгово-промышленной буржуазии и помещиков-предпринимателей. *Возглавил* ее крупный московский домовладелец и промышленник *А. И. Гучков*, "прирожденный политик", высокообразованный, блестящий оратор и публицист, экстравагантный, склонный к авантюризму.

Октябристы ставили своей целью "оказать содействие правительству, идущему по пути спасительных реформ". Они выступали за наследственную конституционную монархию, в которой император, как носитель верховной власти, ограничен постановлениями "Основных законов". Выступая против неограниченного самодержавия, октябристы были и против установления парламентарного строя, как неприемлемого для России политически и исторически. Они стояли за сохранение конституционным монархом титула "самодержавный"; предусматривали введение двухпалатного "народного представительства" — Государственной думы и Государственного совета, формируемых на основе цензовых выборов прямых в городах и двухстепенных в сельской местности. Гражданские права в *программе октябристов* включали свободу совести и вероисповедания, неприкосновенность личности и жилища, свободу слова, собраний, союзов, передвижения. В национальном вопросе октябристы исходили из принципа сохранения "единой и неделимой России",выступая против любой формы "федерализма". Исключение они делали лишь для Финляндии, при условии ее "государственной связи с империей". Допускали культурную автономию для других народов России.

Социальная программа октябристов сводилась к следующему. Для разрешении аграрного вопроса они предусматривали передачу крестьянам через особые земельные комитеты пустующих казенных, удельных и кабинетских земель, а также содействие покупке земли крестьянами "у частных владельцев" при посредстве Кре-

стьянского банка, требовали возвращения крестьянам отрезков, произведенных от их наделов в 1861 г. Октябристы допускали и "принудительное отчуждение" части частновладельческих земель с обязательным вознаграждением владельцев за счет казны. Они выступали за регулирование аренды, переселение малоземельных и безземельных крестьян на "свободные земли", требовали уравнения крестьян в правах с остальными сословиями, активно поддерживали столыпинскую аграрную реформу.

Октябристы признавали свободу рабочих организаций, союзов, собраний и право рабочих на стачки, но только на почве экономических, профессиональных и культурных нужд, при этом на предприятиях, "не имеющих государственного значения". Они выступали за ограничение продолжительности рабочего дня, но не в ущерб промышленникам, введение страхования рабочих, требовали сокращения налогового обложения населения. Они были сторонниками расширения народного образования, декларировали необходимость реформы суда и административного управления.

Государственное устройство октябристы представляли как конституционную монархию с Государственной думой. Они выступали за "сильную монархическую власть", но за необходимость проведения реформ, обеспечивавших свободу буржуазному предпринимательству. Свобода промышленности, торговли, приобретения собственности и охрана ее законом — главные программные требования октябристов.

В 1905—1907 гг. "Союз 17 октября" насчитывал до 80 тыс. членов. Его печатным органом была газета "Голос Москвы". В 1906 г. октябристы издавали до 50 газет на русском, немецком и латышском языках.

"Мирнообновленцы" и прогрессисты

"Промежуточное положение между кадетами и октябристами занимала "*Партия мирного обновления*" и ее преемница "*Партия прогрессистов*". Первая сформировалась **в июле 1906 г.** из "правых" кадетов и "левых" октябристов. Представляя собой умеренных либералов, они не принимали как курса октябристов, так и "левого уклона" кадетов в некоторых программных вопросах (главным образом, в решении аграрного — здесь они склонялись к требованию октябристов). Лидерами "мирнообновленцев" были видные земские деятели — один из основателей "Союза 17 октября" граф П. А. Гейден и Д. Н. Шипов, а также крупный землевладелец князь Н. Н. Львов и профессор Московского университета князь Е. Н. Трубецкой.

"*Партия прогрессистов*" оформилась в **ноябре 1912 г.** Как и "Партия мирного обновления", она оказалась "правее кадетов и левее октябристов". Это была самая "буржуазная" по своему составу партия. Ее костяк составляли тузы и воротилы московского капитала, а учредителями являлись крупные московские фабриканты А. И. Коновалов, братья В. П. и П. П. Рябушинские, С. Н. Треть-

яков. Прогрессисты выступали за конституционно-монархический строй, выборное двухпалатное представительство с большим имущественным цензом для депутатов, проведение основных буржуазных свобод. Их рупором была газета "Утро России".

Помещичье-монархические партии

Помещичье-монархические и клерикальные консервативные партии были представлены *"Союзом русского народа"* и *"Русским народным союзом имени Михаила Архангела"*. Предшественником их было "Русское собрание", возникшее в 1900 г. и поставившее своей целью защиту русской культуры.

Быстрый рост черносотенных организаций происходил после издания Манифеста 17 октября 1905 г. За несколько месяцев в разных городах были зарегистрированы десятки черносотенных союзов и партий: "Союз законности", "Партия народного порядка", "Царско-народное общество", "Самодержавно-монархическая партия", "Патриотическое общество молодежи "Двуглавый орел" и др. В 1906 г. была предпринята попытка создать единый центр — "Главную управу объединенного русского народа".

"Союз русского народа", оформившийся в ноябре 1905 г. в Петербурге, явился самой крупной организацией. К весне 1907 г. в него влилась большая часть правых организаций и групп. Ему содействовали правительственные лица, оказывал финансовую помощь Департамент полиции, покровительствовал сам Николай II. Лидеры этой организации заявляли, что она объединяет до 3 млн. человек, противники считали, что максимум — 10—20 тыс., в действительности — от 60 тыс. до 100 тыс. членов. К концу 1907 г. отделения этой организации действовали в 66 губерниях и областях. В "Союз русского народа" входили титулованная знать, высшее чиновничество, часть творческой интеллигенции и рабочих. Эта партия привлекла в свои ряды мелких лавочников, мещан, купцов, помещиков, а также монархически настроенных крестьян. Лидерами партии были чиновник особых поручений при Министерстве внутренних дел В. М. Пуришкевич, А. И. Дубровин — доктор медицины, публицист, издатель крайне правой газеты "Русское Знамя" (ставшей органом этой партии), и курский помещик Н. Е. Марков (Марков 2-й). Дубровин стал председателем Главного совета — руководящего органа партии.

Эти представители правого экстремизма возродили *лозунг "православие, самодержавие, народность"*. Черносотенцы как последовательные защитники самодержавия пользовались особым расположением царского двора, но вместе с тем нападали на чиновничью бюрократию. Союз заявлял, что все народности, имеющие исконную племенную оседлость в коренной России и живущие извечно среди русского народа, "он признает равными себе, своими верными и добрыми соседями, друзьями и сородичами". Но вместе с тем он выступал с антисемитским требованием лишить евреев всех прав,

изгнать их из всех учебных заведений, где учатся христианские дети, и даже запретить им заниматься промыслами. Черносотенцы носились с идеей содействовать созданию еврейского государства и выселить туда всех российских евреев, “каких бы материальных жертв такое выселение не потребовало от русского народа”. Они категорически отвергали изменение государственного строя на конституционной или парламентской основе. В качестве первоочередной меры они считали необходимым созыв Земского собора из “излюбленных коренных русских людей”; выступали за “единую и неделимую Россию”, не допуская национального самоопределения в какой бы то ни было форме. Они отстаивали принцип неприкосновенности частной земельной собственности, отвергая любые варианты отчуждения частновладельческой земли даже за вознаграждение ее владельцам. Ими проповедовалась безусловная необходимость сохранения неограниченной власти царя и господствующего положения Русской православной церкви.

В Москве, Петербурге, Архангельске, Астрахани, Вологде, Гомеле, Екатеринославе, Киеве, Кишиневе, Минске, Одессе, Тифлисе, Ярославле черносотенцы создали свои “боевые дружины”, в которых состояли главным образом мелкие ремесленники, лавочники, дворники и даже деклассированные элементы. Своими противниками черносотенцы считали не только революционеров, но и Милюкова, Витте, Столыпина и стремились содействовать карательным органам самодержавия. Их “методы борьбы” — избиения демонстрантов, погромы, убийства из-за угла.

Вторая монархическая организация — *“Русский народный союз имени Михаила Архангела”* — представляла собой отколовшуюся в ноябре 1907 г. от “Союза русского народа” клерикальную ее часть. Как самостоятельная партия она оформилась с *принятием* ее *устава* в марте 1908 г. В этой партии насчитывалось около 20 тыс. членов, в основном представителей наиболее консервативной части православного духовенства. Основателем и лидером этой партии стал тот же В. М. Пуришкевич, она преследовала те же цели, что и “Союз русского народа”.

После революции происходило резкое сокращение численности членов всех основных партий, а многие мелкие партии и группы вообще прекратили свое существование.

§ 4. Изменения в государственном строе. I и II Государственные думы

I Государственная дума В марте-апреле 1906 г. прошли выборы в I Государственную думу. Были избраны 448 депутатов, представлявших преимущественно либерально-буржуазные и демократические партии: 153 кадета, 107 трудовиков, 63 “автономиста” (депутаты национальных окраин — поляки, литовцы, латыши,

украинцы, мусульмане), 13 октябристов, 105 беспартийных и 7 прочих. Таким образом, кадетов и примыкавших к ним оказалось 43%, трудовиков 23%, представителей националистических групп 14%; пятую часть депутатов представляли беспартийные.

27 апреля 1906 г. депутаты I Государственной думы собрались в Зимнем дворце. К ним с краткой приветственной речью обратился Николай II, который обещал "сохранить незыблемые установления", дарованные им народу. Затем депутатов на пароходах доставили в Таврический дворец — место работы Думы. Председателем I Государственной думы был избран представитель либеральной московской профессуры кадет С. А. Муромцев.

I Государственная дума проработала всего 72 дня. Центральное место в ее заседаниях заняло обсуждение аграрного вопроса. Рассматривалось два аграрных законопроекта — от кадетской партии за подписью 42 депутатов ("проект 42-х") и 104-х депутатов трудовой группы Думы. И тот и другой предлагали создание "государственного земельного фонда" для наделения землей безземельного и малоземельного крестьянства. Кадеты требовали включить в этот фонд казенные, удельные, монастырские и часть помещичьих земель, выкупив последние у их владельцев по рыночной цене. Кадеты выступали за сохранение образцовых помещичьих хозяйств и отчуждение за рыночную цену у помещиков той земли, которая сдается ими в аренду. Кадеты говорили помещикам, что без отчуждения части их земли не избежать жакерии. Твердолобых помещиков они называли "революционерами справа", не понимавшими, что единственный способ избежать революции — наделение крестьян землей.

Трудовики требовали для обеспечения малоземельных и безземельных крестьян отвести им участки "по трудовой норме" за счет казенных, удельных, монастырских и превышавших эту норму частновладельческих земель, ввести уравнительно-трудовое землепользование. Большинство депутатов-трудовиков потребовало также объявления политической амнистии, упразднения Государственного совета, расширения законодательных прав Думы, установления ответственности министров перед "народным представительством" (т. е. перед Думой). Острые дебаты в Думе по аграрному вопросу находили живейший отклик в крестьянстве. В Думу стала поступать масса крестьянских наказов депутатам с требованием радикального решения аграрного вопроса — вплоть до конфискации помещичьих земель и объявления их общенародной собственностью. "Требуйте земли и воли, — писали в наказах крестьяне, — не бойтесь конфликта, мы за вас. Ваши требования справедливы, они же — наши; отступать некуда, лучше умереть разом, чем умирать без земли голодной смертью". В своих наказах крестьяне требовали созвать Народную думу из подлинных представителей народа, ибо только такая Дума и может решить земельный вопрос в интересах народа. Но предварительно необходимо созвать

Учредительное собрание на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования.

13 мая 1906 г. в Думе была оглашена правительственная декларация, которая объявляла "безусловно недопустимым" принудительное отчуждение даже части помещичьей земли. Правительство ответило также отказом на требования депутатов Думы даровать амнистию политическим заключенным, расширить прерогативы Думы и ввести принцип ответственности перед ней министров. В ответ на это правительственное заявление Дума по предложению трудовиков приняла решение о недоверии правительству и замене его другим.

Царское правительство под предлогом, что Дума не только не "успокаивает народ" а еще более "разжигает смуту", **8 июля 1906 г**. распустило ее. Когда утром следующего дня депутаты явились на заседание в Таврический дворец, то на дверях увидели манифест о роспуске Думы. Трудовики предложили собраться в Петербурге и издать манифест о том, что Дума не подчиняется этому правительственному акту и призывает народ сплотиться вокруг нее. Но кадеты выступили с предложением всем депутатам отправиться в Выборг. Здесь 9—10 июля 200 депутатов (кадеты, трудовики и социал-демократы из меньшевиков) подписали воззвание "Народу от народных представителей" (так называемое "Выборгское воззвание"). Депутаты призвали население в знак протеста против разгона Думы прекратить выплату налогов, выполнение других повинностей, новобранцам предлагали не являться на призывные пункты и т. д. до тех пор, пока не будут объявлены выборы во II Думу. Подписавшие "Выборгское воззвание" подверглись краткосрочному аресту. Когда правительство обнародовало дату выборов во II Государственную думу, кадетская фракция заявила, что необходимость в пассивном сопротивлении отпала.

Правительство пока не решилось изменить порядок выборов в Думу, но старалось повлиять на ее будущий состав путем репрессий против наиболее авторитетных в народе лиц. Крестьяне, со своей стороны готовясь к выборам в Думу, стремились сберечь своих будущих депутатов от ареста и высылки. Их укрывало население, имена их до поры до времени не оглашались. Крестьяне собирали деньги в помощь своим кандидатам и их семьям. Учитывая горький опыт I Думы, крестьяне считали своих кандидатов "мучениками за народное дело". Уполномоченные от крестьян, направляясь на съезды выборщиков, прощались на случай ареста со своими семьями. Данные факты — свидетельство того, в какой острой, нервозной обстановке проходили выборы во II Думу.

II Государственная дума

Выборы во II Государственную думу состоялись в **феврале 1907 г.** II Дума оказалась "левее" первой. Из 518 депутатов II Думы 223 принадлежали к левым партиям и группам (66 социал-демократов, 37 эсеров, 16 народных социали-

стов и 104 трудовика), 99 мест имели кадеты, 44 — октябристы, 10 — крайне правые. Социальный и профессиональный состав депутатов II Думы был таков: 153 крестьянина, 28 рабочих, 57 дворян-землевладельцев, 26 купцов, 33 чиновника, 36 врачей, 37 адвокатов, 19 издателей, писателей и журналистов, 20 инженеров и агрономов, 10 духовных лиц, 8 профессоров и 7 военных.

Первое свое заседание II Дума открыла 20 февраля 1907 г. Председателем Думы был избран земский деятель кадет Ф. А. Головин. Кадеты приняли тактику “бережения” Думы, т. е. не дать повода правительству для ее разгона. Однако избежать им этого не удалось. II Дума просуществовала всего 102 дня. В ней, как и в I Думе, центральное место занял острый аграрный вопрос. Левые фракции Думы потребовали полной и безвозмездной конфискации помещичьей земли и превращения всего земельного фонда страны в общенародную собственность.

§ 5. Государственный переворот 3 июня 1907 г. Итоги и значение революции 1905—1907 гг.

Государственный переворот 3 июня 1907 г.

Жаркие дебаты во II Думе и выдвинутые ею радикальные требования, особенно по аграрному вопросу, сильно встревожили правительство. Именно *обсуждение аграрного вопроса* в Думе и явилось *главной* причиной ее разгона. “На нем конфликт неизбежен, — говорил председатель Совета министров Столыпин, — а тогда к чему тянуть”. Но разогнать Думу из-за того, что она хочет дать землю народу, явилось бы “опасным орудием в руках революции”. В недрах полиции была заготовлена фальшивка об “антиправительственном заговоре” депутатов социал-демократической фракции. 1 июня 1907 г. на закрытом заседании Думы Столыпин выступил с заявлением об имеющихся в распоряжении следствия материалах, якобы указывающих на наличие этого заговора, и потребовал исключить из состава Думы 55 депутатов социал-демократической фракции, 16 из них лишить депутатской неприкосновенности и дать санкцию на их арест. Столыпин пытался привлечь на свою сторону кадетов. Во время конфиденциального разговора с лидерами кадетов П. Н. Милюковым и В. А. Маклаковым он прямо заявил им: “Мы вам идем навстречу, удалим социал-демократов и тем обеспечим вам большинство в Думе, поэтому и вы должны нам пойти навстречу”. Милюков был готов согласиться, но Маклаков решительно высказался против: “Если поступим так, то страна нас оттолкнет”.

На заседании Думы по предложению кадетской фракции срочно была создана специальная думская комиссия для выяснения основательности обвинений, предъявленных депутатам социал-демократической фракции. Комиссия выявила массу подлогов следствия. Но не дожидаясь решения думской комиссии, власти в ночь на

3 июня арестовали этих депутатов. Они были преданы суду, который признал их виновными в “антиправительственном заговоре” и приговорил часть из них к каторжным работам, а остальных — к ссылке на поселение.

3 июня 1907 г. были обнародованы *царский Манифест о роспуске Думы* и *новый закон*, изменивший порядок выборов в Думу. Издание нового избирательного закона одной волей царя явилось грубым нарушением Манифеста 17 октября 1905 г. и обнародованных 23 апреля 1906 г. “Основных государственных законов”, согласно которым “никакой новый закон не может последовать без одобрения Государственного совета и Государственной думы”. Тем самым был совершен *акт государственного переворота.* Он знаменовал собой поражение революции 1905—1907 гг. и наступление реакции.

Итоги и значение революции 1905—1907 гг.

Хотя революция 1905—1907 гг. потерпела поражение, ее *историческое значение* было огромно. Она не только явилась серьезной школой революционной борьбы, “репетицией 1917 года”, в чем ранее видели главное ее значение, но в первую очередь серьезно *потрясла основы российского самодержавия*, которое было вынуждено пойти на ряд существенных уступок: созвать законодательную Государственную думу, провозгласить ряд свобод, в том числе свободу вероисповедания, отменить цензуру, легализовать профсоюзы, заняться аграрной реформой в деревне. Рабочие добились сокращения рабочего дня и повышения заработной платы. Таким образом, *революция 1905—1907 гг.* принесла *определенные завоевания* народным массам.

Революция 1905—1907 гг. получила и большой *международный резонанс*. Она способствовала подъему стачечной борьбы рабочих в Германии, Франции, Англии, Италии, Австро-Венгрии, Бельгии. Но особенно значительно было ее влияние на страны Востока. Под влиянием революции 1905—1907 гг. в России произошли антифеодальные революции в 1905—1909 гг. в Иране, в 1908 г. в Турции, в 1911—1913 гг. в Китае, развернулось национально-освободительное движение на Балканах, в Индии и Индонезии.

Глава 21
Третьеиюньская монархия

После поражения революции председатель Совета министров П. А. Столыпин проводил двойственную политику, отработанную им еще в 1906 г. Борьба с революционным движением и последовательное противостояние либеральной оппозиции по-прежнему составляли наиболее важное направление этой политики. Однако в отличие от большинства сановников и придворных, окружавших Николая II, Столыпин был убежден в том, что для стабилизации положения в России недостаточно только карательных мер. “Революция, — писал он, — болезнь не наружная, а внутренняя, и одними наружными средствами ее не вылечишь”. Столыпин надеялся, что, осуществляя программу реформ, предложенную им в 1906 г., он сумеет “вылечить” Россию, сможет разрешить назревшие противоречия, сохранив при этом “устои”: максимально сильную царскую власть и помещичье землевладение.

§ 1. Третьеиюньская политическая система

Расстановка политических сил. Вопрос о Думе

Пытаясь проводить новый политический курс, который П. А. Столыпин сам определял двумя словами: “порядок и реформы”, он попал в довольно сложную политическую ситуацию. С одной стороны, несмотря на подавление революции, антиправительственные настроения были по-прежнему чрезвычайно сильны в народе и обществе. Значительная часть населения явно не доверяла власти. Не только революционеры, но и многие представители буржуазной оппозиции при первой возможности в разной форме выражали свое негодование карательными действиями правительства. Что же касалось столыпинских реформ, то они нередко воспринимались в этой среде как недобросовестная попытка обмануть народ, отвлечь его от борьбы за реальные перемены лживыми обещаниями, не дав ничего по существу.

С другой стороны, Столыпин подвергался все более резкой критике и справа, со стороны черносотенцев. Многие из этих деятелей поначалу восприняли энергичного, “крутого”, быстрого на расправу премьера как спасение. Но по мере того как страх, вызванный революцией, утихал, деятельность Столыпина начинала пробуждать в этих кругах все большее подозрение. Еще будучи саратовским губернатором Столыпин, в отличие от многих других “начальников губерний”, никогда не давал черносотенцам полной воли. Используя в ряде случаев черносотенцев для борьбы с революцио-

нерами, он стремился держать их под строгим контролем, старался избегать погромов и кровопролитий, столь характерных для России 1905—1906 гг. Став премьером (1906) и справившись с революцией, Столыпин еще более решительно потребовал прекращения погромной "самодеятельности", добиваясь разоружения черносотенных организаций. Одного этого было достаточно, чтобы вызвать раздражение у правых, рассчитывавших после подавления революции стать полными хозяевами в стране. Еще большую неприязнь у черносотенных кругов порождали реформаторские планы Столыпина: любые реформы воспринимались ими как зло; одобрялась лишь самая беспощадная борьба с любыми противниками царской власти.

Но Столыпин отнюдь не был лишен политической и социальной опоры. Та "глубокая вера" в его курс, о которой заявляли еще в 1906 г. октябристы, не ослабела и после революции. За октябристами стояли немногочисленные, но зато весьма богатые и влиятельные слои населения: крупные предприниматели и не менее крупные помещики, сумевшие перестроить свое хозяйство на новый, капиталистический лад. Эта социальная группа вполне одобряла как наведение порядка самыми крутыми мерами, так и осторожные, продуманные реформы. Если левые и правые критиковали Столыпина, то центр готов был оказать ему серьезную поддержку.

В подобной непростой ситуации первостепенное значение приобрел вопрос о судьбе Думы. Черносотенцы, приветствуя разгон II Думы, заявляли о необходимости полностью покончить с этим учреждением. С их точки зрения, представительное правление являлось исчадием революции: согласие на созыв Думы было грубой силой вырвано "смутьянами" у царя; теперь же, когда со "смутой" покончено, нужно возвращаться к традиционному для России самодержавному правлению. Столыпин и стоявшие за ним политические силы с подобной точкой зрения не соглашались. Дума, по их мнению, была чрезвычайно полезна для поддержания порядка в стране. Выборы депутатов, думские прения, депутатские запросы и т. п. — все это должно было успокаивать массы, внушать им веру в то, что о них думают и заботятся их избранники, что все "больные вопросы" русской жизни рано или поздно будут решены мирным путем. Один из ближайших сотрудников Столыпина, С. Е. Крыжановский, весьма откровенно сравнивал Думу с канализацией, позволяющей брать антиправительственные настроения под контроль и "сплавлять" их в нужном направлении. Но подобное было возможно только при одном условии: Дума должна была стать управляемой со стороны власти, попасть под ее контроль. Именно для того, чтобы сконструировать подобную "послушную" Думу, Столыпин и принял новый избирательный закон.

III Дума

Положение о выборах, принятое 3 июня 1907 г., резко изменило соотношение между куриями выборщиков в пользу

помещиков и крупной буржуазии (городская курия была теперь разделена на два разряда, четко отделявших крупных предпринимателей и купцов от основной массы городского населения). Теперь один голос помещика приравнивался к четырем голосам крупной буржуазии, 68-ми городской мелкой буржуазии, 260-ти крестьян и 543 рабочих. По сравнению со старым избирательным законом соотношение между представительством помещиков и крупной буржуазии изменилось не очень значительно (раньше было 1 и 3). Зато по сравнению с крестьянством и рабочими помещики и буржуа выбирали теперь во много раз больше депутатов, чем раньше.

Если рабочих депутатов и в первых двух думах было сравнительно немного, то потери крестьян были огромны: их ранее весьма значительное представительство уменьшилось в 16 раз! Деятельность I и II Дум ясно показала правительству, что с депутатами, избранными крестьянской массой, общего языка найти не удастся. В результате третьеиюньских перемен Дума утратила свой демократический характер, став в значительной степени буржуазно-помещичьим органом.

Однако политической сплоченностью *III Дума*, открывшая свои заседания **1 ноября 1907 г.,** отнюдь не отличалась. Противоречия, разъедавшие высшие классы, были в полной мере учтены Столыпиным, сумевшим смонтировать очень удобный для себя законодательный орган. Главное отличие III Думы от предыдущих заключалось в том, что силы, оппозиционные правительству, не составляли в ней абсолютного большинства. В III Думе устанавливалось неустойчивое равновесие между правыми — черносотенцами (144 депутата), центром — октябристами (148 депутатов) и левыми фракциями. Из левых наиболее значительной была фракция кадетов (54 депутата), которых, как правило, поддерживали депутаты от новой, созданной в 1912 г. партии прогрессистов (28 депутатов). Эта партия включала в себя представителей крупной буржуазии (текстильная, пищевая промышленность), тесно связанных с рынком, меньше нуждавшихся в казенных заказах и потому относительно независимых от правительственных сфер. Как правило, вместе с оппозицией голосовали и 26 депутатов с национальных окраин. Радикально настроенные фракции — 14 трудовиков и 19 социал-демократов — держались особняком, но серьезно повлиять на ход думской деятельности они, конечно, не могли.

Позиция каждой из трех основных групп — правых, левых и центра — была определена на первых же заседаниях III Думы. Черносотенцы, не одобрявшие преобразовательных планов Столыпина, безоговорочно поддерживали все его меры по борьбе с противниками существующего строя. Либералы пытались противостоять реакции, но в некоторых случаях Столыпин мог рассчитывать на их относительно доброжелательное отношение к предлагаемым правительством реформам. При этом ни одна из группировок не могла при голосовании в одиночку ни провалить, ни утвердить тот

или иной законопроект. В подобной ситуации все решала позиция центра — октябристов. Недаром председателем III Думы был избран один из лидеров этой партии — Н. А. Хомяков. Октябристов же после революции все чаще и с полным основанием стали называть “столыпинской партией”: они готовы были оказать поддержку обоим направлениям правительственной политики — и наведению порядка, и проведению реформ.

В результате с первых же заседаний III Думы в ней заработал нехитрый, но действенный механизм, получивший название *октябристского маятника*. Когда в Думе принималось решение по законопроекту реакционного характера, октябристы голосовали вместе с черносотенцами, образуя правооктябристское большинство (292 голоса). Когда же на повестке дня стоял законопроект, связанный с преобразованиями, октябристы меняли своих временных союзников, образуя левооктябристское большинство (256 голосов). Таким образом, не имея в Думе постоянного большинства, Столыпин сумел развязать себе руки и проводить ту политику, которую считал необходимой. При этом Дума вполне успешно играла и предписанную ей роль отвлекающего фактора: в ней хватало и острых депутатских запросов, и шумных скандалов, в которых, наряду с социал-демократами и трудовиками, с большой охотой участвовали и черносотенцы. Особенно усердствовали по этой части лидеры правых — Н. Е. Марков и В. М. Пуришкевич.

Столыпин и “верхи”

И все же этот, казалось бы, безупречно отлаженный механизм работал со сбоями, которые с каждым годом правления Столыпина становились все очевиднее. Дело в том, что столь удобный для правительства октябристский маятник функционировал только в Думе. В верхней же законодательной палате, Государственном совете, безоговорочно господствовали правые. Определявшие лицо этого органа верхи бюрократии и представители земельной аристократии старого, полукрепостнического закала не склонны были идти навстречу реформаторским планам главы правительства.

При этом правые, как правило, находили полное понимание в “верхах” — у царя и его ближайшего окружения. Николай II уже во время революции не скрывал, что считает черносотенцев — “истинно русских людей” — своей единственной надежной опорой. Демонстративно милостивые приемы черносотенных депутаций, разнообразные награды и субсидии, вручаемые лидерам правых, амнистия, почти автоматически распространившаяся на “погромных героев”, — подобными мерами царь постоянно подчеркивал свои симпатии, более того, свое духовное единство с реакционерами. Естественно, что и реакционно настроенные члены Государственного совета могли рассчитывать на полную поддержку со стороны Николая II.

В этих условиях Столыпин, довольно легко добивавшийся своих целей на думском уровне, в высших сферах постоянно сталкивался с серьезными препятствиями. Наводить порядок ему позволяли весьма охотно. Что же касалось реформ, то из них Столыпину более или менее последовательно удалось провести в жизнь лишь аграрную. Все прочие преобразования либо были искажены до неузнаваемости, либо просто блокированы Государственным советом. Таким образом, вне зависимости от воли самого премьера столыпинская политика приобретала все более односторонний, репрессивно-карательный характер.

§ 2. Наведение порядка

Репрессивные меры

Рассматривая борьбу с противниками существующего строя как одну из главных своих задач, Столыпин и после революции продолжал разворачивать и совершенствовать систему репрессивно-карательных мер.

Не менее интенсивно, чем раньше, работала охранка, по-прежнему не брезговавшая в своей деятельности прямым нарушением законов. Как и раньше, охранники главную ставку делали на провокацию, наводняя подполье и оппозицию своими агентами, которые, чтобы заслужить доверие в этой среде, вели активную антиправительственную агитацию, бросали бомбы и т. п. Некоторые деятели политической полиции весьма откровенно заявляли, что, будучи не в силах подавить революционное движение, они постараются максимально развратить его.

В 1908 г. журналист В. Л. Бурцев разоблачил руководителя Боевой организации эсеров Е. Ф. Азефа: как выяснилось, организатор убийств Плеве и великого князя Сергея Александровича с 1892 г. был платным агентом охранки. Руководители охранки не могли не знать о "бомбистской" деятельности Азефа и, тем не менее, они продолжали держать на службе человека, благодаря доносам которого им удавалось время от времени арестовывать видных деятелей эсеровской партии, устраивать громкие процессы, получать очередные чины и ордена. Дело Азефа прогремело на всю Россию. Столыпину пришлось выступать в Думе, выгораживая своих подчиненных. Однако эта позорная история ни в коей мере не изменила нравы охранки. Провокация и после этого использовалась политической полицией весьма широко и в самых различных сферах. Так агентом охранки был один из самых ярких ораторов Думы большевик Р. В. Малиновский...

Очень жестким даже по российским меркам было при Столыпине судопроизводство по политическим делам. "Обычные" военно-окружные суды, через которые проходила основная масса политических дел, немногим уступали в этом отношении чрезвычайным военно-полевым. Хотя теперь обвиняемые могли пользоваться ус-

лугами адвокатов, и юридические формальности в целом соблюдались в этих судах более строго, судьи-офицеры, как правило, выносили самые суровые приговоры. Недаром известный писатель и общественный деятель В. Г. Короленко отмечал, что смертная казнь в эти годы стала "бытовым явлением". Всего, по неполным данным, за первые три года существования третьеиюньской монархии — 1907—1909 — был казнен 2681 человек, т. е., в среднем, каждый месяц военные суды отправляли на смерть более 70 человек. И только в 1910 г. "кривая" государственных убийств пошла на убыль.

Те же десятки тысяч "политиков", кого миновала смертная казнь, отправлялись в ссылку, на каторжные работы, в тюремное заключение. И здесь правительство Столыпина в небывалой степени, по сравнению с предыдущей эпохой, ужесточило режим, нередко идя на физическое уничтожение своих политических противников. Когда один из помощников начальника Бутырской тюрьмы встречал очередную партию политзаключенных словами: "Живыми вы отсюда не выйдете", — он знал, что говорил. Не только в Бутырках, но и в Орловском централе, Псковской тюрьме, знаменитых петербургских "Крестах", так же, как и во многих других, менее известных местах заключения тюремщики делали все возможное для того, чтобы как можно раньше свести своих подопечных в могилу. С этой целью практиковались невиданные ранее массовые избиения политических заключенных; на них натравливались уголовники, их бросали в карцеры, где сознательно создавались невыносимые условия — убийственная сырость, невероятная духота или, напротив, жуткий холод. Жертвы тюремного террора обычно именовались в официальных отчетах умершими "от пневмонии" или какой-либо другой болезни. Если же тюрьма и не убивала, то, как правило, калечила на всю жизнь.

Беспощадно борясь с революционерами, Столыпин не забывал и о своих легальных противниках. Умело используя законодательство революционного времени, правительство постоянно приостанавливало, а при первой возможности и закрывало навсегда враждебные ему органы печати. Строжайший надзор был установлен за различными обществами и организациями, даже сугубо культурно-просветительского характера. Особенно пострадало в это время недавно возникшее профсоюзное движение: только за 1907—1909 гг. правительством было закрыто 356 профессиональных союзов рабочих различных отраслей промышленности.

Революционное и общественное движение

Послереволюционный период характеризовался резким спадом как рабочего движения, так и крестьянских волнений. В деревне Столыпину на какое-то время удалось навести относительный порядок. Кроме того, проведение аграрной реформы поневоле заставило крестьян заняться прежде всего своими хозяйственными делами: те, кто побогаче,

выходили из общины, закрепляя за собой свои надельные земли и прикупая новые; другие, победнее, продавали свой нехитрый скарб и переселялись на новые места

Все реже выступали на борьбу с предпринимателями и правительством рабочие: в 1908 г. бастовали 290 тыс., в 1909 — 180 тыс., в 1910 — 157 тыс. На фоне всеобщего спада рабочего движения особенно заметным было уменьшение числа политических стачек: если в 1905 г. в разгар революции они составляли до 50% от общего числа бастующих, то в 1910 — всего 13,8 %. Зато рос процент так называемых оборонительных стачек, с помощью которых рабочие всего лишь пытались сохранить то, что имели, сопротивляясь снижению заработной платы и увеличению рабочего времени. В 1905 г. таких стачек был всего 1 %, в 1908—1910 гг. — около 35 %. И, наконец, характерной чертой этого периода являлись частые поражения рабочих, вынужденных прекращать стачки, так и не добившись никакого успеха (60 % проигранных стачек в 1908—1910 гг. против 29 % в 1905 г.).

Правление Столыпина явилось временем тяжелых испытаний для революционных партий. Именно они понесли самые значительные потери от правительственных репрессий. В это время охранка одну за другой громит местные организации эсеров и эсдеков, ликвидирует подпольные типографии, наносит серьезные удары по партийному руководству. Но еще более чувствительными были внутренние раздоры, которые охватили в это время революционное движение.

В партии эсеров, значительная часть которой, избежав тюрем и каторги, эмигрировала за границу, начались бесконечные распри по программным и тактическим вопросам. Несколько эмигрантских группировок — “Парижская группа”, “Инициативное меньшинство” — составили в это время серьезную оппозицию ЦК партии. Оппозиционеры обвиняли руководство в том, что оно избрало во время революции неразумную тактику, “погубив все дело”. Оппозиционеры считали, что нужно было не сворачивать деятельности Боевой организации, не “мельчить” террор, а, напротив, основные силы бросить на террористическую борьбу с правительством, объявив ему войну на уничтожение.

Страшным ударом для эсеров стало разоблачение Азефа. И руководству, и рядовым членам партии нелегко было пережить тот факт, что Боевая организация, бывшая для многих настоящим символом революционной борьбы, на протяжении всей своей деятельности находилась под контролем охранки. В партийной среде пошла волна “шпиономании”: начались взаимные и, как правило, ложные обвинения в предательстве и провокации. В 1909 г. ЦК подал в отставку, а “Парижская группа”, пойдя на открытый раскол, вышла из партии. Все эти раздоры, усугубляемые постоянными и очень болезненными ударами, наносимыми охранкой, привели к тому, что

эсеры в 1909—1910 гг. почти полностью свернули свою революционную деятельность.

Нелегким был этот период и для социал-демократов. Резко изменившаяся в связи с подавлением революции политическая ситуация в стране породила в их среде два диаметрально противоположных друг другу течения. *Ликвидаторы*, включавшие в себя многих меньшевиков, настаивали на ликвидации подпольной партии и призывали сосредоточить все силы на легальной деятельности, имея в виду прежде всего работу в Думе. *Отзовисты* — большевики, напротив, призывали уйти в глубокое подполье, отозвав рабочих депутатов из Думы и отказавшись от любых легальных форм деятельности. Этим крайним течениям противостояли большевики-ленинцы, сблизившиеся в это время с меньшевиками-партийцами, руководимыми Г. В. Плехановым. И те, и другие призывали к разумному сочетанию легальной и нелегальной борьбы, стремясь сохранить как подпольную партийную организацию, так и социал-демократическую фракцию в III Думе. Все эти распри, отнимавшие массу сил и средств, в свою очередь, значительно ослабили деятельность социал-демократов.

Схожие процессы происходили и среди оппозиционно настроенных либералов. Правда, кадеты и прогрессисты избежали серьезных внутренних раздоров. Однако и без того весьма незначительная численность их партий еще более уменьшилась. Либералами овладевает апатия: партийное руководство в это время не уставало жаловаться на растущую пассивность рядовых членов.

Новые тенденции

В условиях явного духовного кризиса часть общественных деятелей различных направлений постепенно приходит к переоценке традиционных ценностей. Точкой отсчета в этой переоценке, как правило, являлась недавняя революция, исполненная жестокой, кровопролитной борьбы и не достигшая поставленных целей. Одних революция напугала, других — утомила, третьих — разочаровала. Старые политические и социально-экономические программы различных общественных движений стали казаться примитивными, наивными и в то же время невыполнимыми. Под гнетом этих печальных впечатлений общественные деятели начинают размышлять о том, что, как правило, обычно мало волновало интеллигентное русское общество: о Боге, о душе, о религии; начинают искать новые пути для воплощения в жизнь своих идеалов.

Подобные процессы происходят даже в сугубо атеистической социал-демократической среде. Здесь возникает течение *богостроительства*, наиболее яркой фигурой которого был А. В. Луначарский. Он утверждал, что для овладения массами нужно создать новую религию — “религию труда”, которая заключалась бы в обожествлении высших человеческих стремлений. “Строгие и холодные формулы” марксизма, с его точки зрения, были трудны для понимания

масс, не могли их всерьез увлечь на борьбу за "светлое будущее". Схожие идеи в художественной форме выражал в это время близкий к социал-демократам Максим Горький.

Если богостроительство явилось лишь характерным для этого времени эпизодом, не повлекшим за собой серьезных последствий, то течение в либеральной среде, заявившее о себе *сборником статей "Вехи"*, оставило неизгладимый след в истории русской общественной мысли. В этом сборнике, вышедшем в 1909 г. под редакцией П. Б. Струве, приняли участие незаурядные мыслители и видные общественные деятели — Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, М. О. Гершензон и др. Они подвергли глубокому и тщательному анализу ту социальную общность, неотъемлемой частью которой сами являлись, русскую интеллигенцию, ее идейную и психологическую сущность, ее общее мироощущение. Результаты этого анализа были малоутешительны. "Веховцы" обличали присущий интеллигенции атеизм, писали о забвении ею высоких религиозных истин ради "уравнительной справедливости", констатировали полный разрыв между интеллигентским политизированным мышлением и глубинной духовной жизнью русского народа — того народа, который, совершенно не понимая его сущности, интеллигенция собиралась облагодетельствовать. Обвиняя интеллигенцию в "безответственности", неспособности предвидеть результаты своей деятельности, "веховцы" в значительной степени возлагали на нее ответственность за "трагедию русской революции".

Публикация "Вех" вызвала бурную полемику в печати: только в 1909 г. появилось более 200 статей, рецензий и разного рода откликов, в основном резко отрицательного характера. Ленин, в частности, назвал "Вехи" "энциклопедией либерального ренегатства". Свое несогласие с "Вехами" выразили и многие руководители либерального движения — в частности, П. Н. Милюков.

Однако огромный интерес, проявленный к этому изданию в русском обществе, сам по себе убедительно свидетельствовал о том, насколько жизненно важные вопросы затронули его авторы.

В целом же разброд и шатания в политических партиях, поиски новых путей русским обществом — все это неизбежно ослабляло напор революционеров и оппозиции, их борьбу с правительством. Тем самым Столыпин получил относительно благоприятные условия для проведения задуманных им реформ.

§ 3. Реформы

Общее направление реформаторской деятельности Столыпина

Главной задачей, которую ставил перед собой Столыпин-реформатор, было укрепление социальной базы существующего строя. Бурные события начала XX в. убедили его в том, что искренне преданное царской власти поместное дворянство уже не

может в одиночку служить ей достаточно надежной опорой. В то же время не оправдали себя и попытки власти опереться на все общинное крестьянство в целом с его традиционной аполитичностью и верой в "доброго царя". Мощное аграрное движение 1905—1906 гг. ясно показало, что основная масса крестьян может поддержать власть только в том случае, если получит от нее казенные, удельные и, главное, помещичьи земли.

Идти на столь радикальное социально-экономическое переустройство России Столыпин не мог и не хотел. Он замыслил, оставив в неприкосновенности помещичье землевладение, *ублаготворить наиболее зажиточную часть крестьянства* за счет основной массы крестьян-общинников. Тем самым правительство как бы убивало одним выстрелом двух зайцев: сохраняло за собой старую социальную опору в лице дворян-помещиков и создавало новую, за счет "крепких хозяев". Не последнюю роль в планах Столыпина играли надежды на то, что разрушение общины, появление хозяина-собственника благотворно скажется на хозяйственном развитии деревни, поможет поднять ей уровень производства, вырваться из рутины, свойственной общинному земледелию. Рассчитывал Столыпин и на то, что его реформы приведут к изменениям в психологии народа, воспитают в нем уважение к частной собственности, привив тем самым иммунитет к революционной агитации.

Речь шла именно о *реформах*. Столыпин собирался провести в жизнь все преобразования, намеченные в правительственной программе, опубликованной **24 августа 1906 г.** Причем наиболее важные из этих реформ были тесно связаны между собой: аграрная должна была помочь становлению "крепких хозяев", превращению их в сильную социальную группу, реформа самоуправления — предоставить им большие возможности для участия в работе земств, реформа средней и высшей школ — демократизировать систему образования в России, сделать ее более доступной для крестьянских детей.

Однако вследствие постоянной оппозиции правых в Государственном совете и царском окружении Столыпину удалось более или менее последовательно провести в жизнь лишь *аграрную реформу*, да и то потому, что еще свежи были воспоминания о погромах помещичьих усадеб и разделах имений между бунтующими крестьянами. К тому же предложенные Столыпиным преобразования в этой сфере не угрожали непосредственно помещичьему землевладению. Дальнейшие же попытки развивать реформаторскую деятельность встречались верхами в штыки.

Таким образом, Столыпину-реформатору удалось осуществить лишь часть задуманного, правда, наиболее важную. Глава правительства был уверен, что аграрной реформой он открывает новую эпоху в истории России.

Разрушение общины

Основное направление этой реформы состояло в разрушении крестьянской общины. Первый шаг на этом пути был сделан еще во время революции указом **9 ноября 1906 г.**, первая статья которого устанавливала, что “каждый домохозяин, владеющий землей на общинном праве, может во всякое время требовать *укрепления за собою в личную собственность* (курсив мой. — *А. Л.*) причитающейся ему части из означенной земли”.

Однако этот указ еще не мог обеспечить поставленной цели — создания “крепких” единоличных хозяйств. Дело в том, что крестьяне-общинники привыкли делить земли между собой “по справедливости”, причем это понятие распространялось не только на количество, но и на качество земли. Во владениях же каждой общины были земли, отличавшиеся друг от друга и по уровню плодородия, и по удобству месторасположения. В результате каждый крестьянин получал в пользование по нескольку полос земли (иногда более десяти) в разных местах общинного владения. Отсюда — знаменитая *чересполосица*, связывавшая крестьянские хозяйства воедино и обусловливавшая их зависимость друг от друга. Указ же 9 ноября эту зависимость не ликвидировал — он лишь закреплял за крестьянами чересполосные земли, избавляя их от периодических переделов.

Сам Столыпин заявлял, “что укрепление участков — лишь половина дела, даже лишь начало дела...”. Для реализации его программы необходимо было свести эти полосы воедино, разверстав общинные владения на отдельные самостоятельные хозяйства. С этой целью 15 октября 1908 г. были изданы “Временные правила о выдаче надельной земли к одним местам”. Наиболее совершенным типом земельного владения в них был провозглашен *хутор*, в котором крестьянская усадьба, земля и прочие угодья сводились в единое целое. На случай же, когда разверстать в той или иной местности всю общинную землю на отдельные хутора не представлялось возможным, рекомендовался *отруб*, в этом случае все пахотные земли, закреплявшиеся за крестьянами, все равно сводились воедино, но находились на некотором расстоянии от “коренной усадьбы”.

Главный недостаток подобного землеустройства заключался в том, что хутора и отруба рассматривались как единственное, универсальное средство для подъема сельского хозяйства в России. В этом духе составлялись правительственные инструкции и действовали землеустроительные комиссии, создававшиеся для проведения реформы на местах. При этом бюрократия проявляла свою обычную склонность к “единообразию”, не считаясь ни с крестьянскими традициями, ни с особенностями того или иного региона. Любое сопротивление воспринималось как свидетельство “народной темноты” либо как следствие антиправительственной агитации. Между тем подобное сопротивление вызывалось, как правило, причинами, органично связанными с условиями ведения крестьянского хо-

зяйства в России. Прежде всего большинство не только маломощных, но и вполне “справных” крестьян было не готово к реформе психологически. С их точки зрения, община гарантировала определенную хозяйственную стабильность за счет коллективной помощи ее членам, попавшим в тяжелую ситуацию; единоличное же хозяйство было сопряжено с непривычным риском.

Серьезным препятствием к созданию хуторского хозяйства являлось и крестьянское малоземелье, особенно характерное для черноземных губерний. “Выходить в хутор”, закрепив в собственность нищий надел в две-три десятины, для малоземельных крестьян, которых здесь было большинство, — подобный путь не открывал никаких хозяйственных перспектив, кроме неминуемого полного разорения. А. А. Кофод, один из высокопоставленных сотрудников Столыпина, очень хорошо обрисовал стремления крестьян Черноземья в аграрном вопросе: “Они хотели помещичью землю немедленно и даром”, — т. е. хотели не хуторов и отрубов, а именно того, в чем правительство им отказывало.

Наконец, сплошь и рядом нежелание крестьян менять традиционную систему землепользования определялось почвенными, климатическими и прочими условиями ведения хозяйства. Чересполосица, например, в глазах многих крестьян имела свои неоспоримые преимущества, помогая им бороться с капризами погоды: в знойное лето более или менее приличный урожай давали полосы в низинах, в дождливые — на возвышенности. В засушливых местах коллективная собственность на землю (и соответственно на источники воды) позволяла решать вопросы водоснабжения для всех земледельцев; выход на хутор в подобных условиях мог обернуться катастрофой.

Следует также учесть, что некоторые общины — особенно это было характерно для Нечерноземья — постепенно совершали коллективный переход к интенсивному хозяйству, с многопольным севооборотом, с высевом кормовых трав. Насильственное разрушение подобных общин во имя стремления к единообразию означало не шаг вперед, а явный регресс.

В целом, как показал весь ход проведения столыпинской аграрной реформы в жизнь, у большинства крестьян она не вызвала ни понимания, ни сочувствия. По приблизительным подсчетам, всего из общины вышли около 3 млн. домохозяев, что составляло несколько меньше трети от их общей численности в тех губерниях, где проводилась реформа. Из общинного оборота было изъято 22 % земель.

При этом следует иметь в виду, что община разрушалась с двух концов: из нее выходили не только потенциально “крепкие хозяева”, но и беднейшие крестьяне, стремившиеся уйти в город, развязавшись с земледелием, или переселиться на новые места. Характерно, что около половины земель, закрепленных в собственность, тут же пошло на продажу. Часть из них очень быстро вернулась в общину, часть была приобретена “крепкими хозяйствами”.

Этот процесс продолжался и в дальнейшем. В результате к 1 января 1917 г. хозяйства, устроенные на началах личной собственности, составили всего лишь 10,5 % всех крестьянских хозяйств. При этом большинство крестьян-единоличников продолжали жить в деревне вместе с общинниками, не только не стремясь "выйти на хутор", но и отказываясь даже от отруба, оставляя закрепленные за собой участки в чересполосном владении с общинной землей. Таким образом, последовательно разрушить общину, создав за ее счет достаточно массовый и в то же время устойчивый слой "крепких хозяев", Столыпину в целом не удалось.

Деятельность Крестьянского банка

Решительно отказываясь от насильственной конфискации помещичьих земель в пользу крестьян, Столыпин считал, что правительство должно содействовать "мирному" переходу — т. е. купле-продаже — земельной собственности из дворянских рук в крестьянские. Главным орудием подобной политики стал Крестьянский банк.

Деятельность этого учреждения, созданного еще в 1882 г., приобрела при Столыпине грандиозный размах. Уже в 1906 г. банк получил в свое распоряжение удельные и часть казенных земель. А главное — ему были выделены значительные средства для скупки помещичьих земель. Напуганные крестьянскими волнениями помещики продавали свои земли охотно: только в 1906—1907 гг. банк скупил свыше 2,7 млн. десятин земли. Затем этот процесс пошел на спад; но все же в 1908—1916 гг. помещики продали банку еще около 2 млн. десятин.

Этот огромный земельный фонд имел целевое назначение: банк дробил земли на отдельные участки и продавал их крестьянам на льготных условиях, предоставляя им значительные ссуды. При этом максимально поощрялось создание отрубных и хуторских хозяйств. Так, если от сельских обществ при покупке ими земли брали наличными весьма значительные денежные суммы, то отрубники платили лишь 5 %, а хуторянам ссуды выдавались в размере полной стоимости земли.

Подобные льготы не могли не привлечь даже консервативно настроенных крестьян: большинство хуторских и отрубных хозяйств создавались именно на банковских землях. Правда, поначалу этот процесс шел довольно вяло: в 1906—1907 гг. крестьянам было продано всего лишь около 170 тыс. десятин. Крестьяне неохотно покупали землю в основном по той же причине, по которой многие помещики стремились ее продать: и те, и другие в это время считали вполне вероятной такую правительственную меру, как конфискация помещичьих земель и передача их крестьянам. Однако, когда революция закончилась и крестьянам стало ясно, что прирезки земли за счет помещиков не предвидится, они стали покупать земли у банка куда активнее. За 1908—1915 гг. из фонда банка было прода-

но около 4 млн. десятин, разделенных примерно на 280 тыс. хуторских и отрубных участков.

Условия для развития "крепких хозяйств" на банковских землях были гораздо лучше, чем на бывших общинных: не возникало постоянных конфликтов с недавними односельчанами-общинниками, как правило, очень неприязненно относившимися к новоявленным хозяевам-единоличникам. Однако лишь небольшая часть создаваемых Крестьянским банком хуторов и отрубов в полной мере соответствовала тому типу "крепких хозяйств", о которых так мечтал Столыпин.

Этот вопрос до сих пор недостаточно исследован в нашей литературе, но очевидно, что зажиточные крестьяне составляли едва ли больше 5—6 % от всех покупателей банка. Остальные принадлежали к среднему крестьянству и бедноте. Подобная ситуация в значительной степени порождалась тем, что основными клиентами, продававшими банку земли, были как раз те помещики, которые до революции из года в год сдавали эти земли крестьянам. Лишившись теперь этих земель в качестве арендаторов, маломощные и среднего достатка крестьяне поневоле должны были стараться стать ее собственниками.

Но, получив из банковского фонда хутор или отруб, крестьянин попадал к банку в долг — ему предстояло теперь ежегодно выплачивать часть полученной ссуды. Зажиточных хозяев эти выплаты, составлявшие относительно незначительную часть их бюджета, не пугали. Что же касается середняков и особенно бедняков, для них подобное ярмо было очень обременительным, подрывавшим их и без того маломощные хозяйства, тем более что теперь эти крестьяне уже не могли рассчитывать на поддержку общины. Таким образом, в результате своей деятельности Крестьянский банк создавал хотя и единоличные, но в подавляющем большинстве своем отнюдь не "крепкие" хозяйства.

Переселение крестьян

В конце XIX — начале XX вв. переселение крестьян из густонаселенных центральных и южных губерний Европейской России на восток было довольно заметным явлением, особенно после постройки Транссибирской железной дороги. С 1896 по 1905 гг. в Сибирь переселилось более миллиона человек (примерно столько же, сколько за весь XIX век). Однако по-настоящему массовым этот процесс стал после первой русской революции: только в 1907—1910 гг. в Сибирь переселилось более 1,5 млн. человек.

В отличие от дореволюционного периода, когда переселение носило преимущественно стихийный характер, столыпинское правительство поощряло этот процесс и в то же время стремилось упорядочить его, взять под свой контроль. По мнению Столыпина, "разумно организованное переселение", с одной стороны, облегчало решение аграрного вопроса в тех губерниях — прежде всего черно-

земных, — где крестьяне страдали от малоземелья; с другой — позволяло создать массу "крепких хозяйств" на востоке страны, инициировав хозяйственное освоение Сибири. При этом правительство стремилось обеспечить более или менее равномерное заселение этого огромного региона — там, где можно было заниматься сельским хозяйством.

В связи с этим с 1906 г. все большее значение в правительственных структурах, занятых решением аграрного вопроса, начинает приобретать Переселенческое управление, которое подыскивало на востоке территории, пригодные для земледелия. Эти территории ежегодно распределялись между губерниями Европейской России: каждая из них получала определенное число долей в разных районах Сибири. Затем эти доли распределялись между уездами, население которых посылало ходоков на разведку. Если новые земли, отведенные Переселенческим управлением, удовлетворяли ходоков, они официально закреплялись за их уездом. Возвратившись на родину, ходоки рассказывали об увиденном, после чего по их маршруту отправлялись целые партии переселенцев.

Правительство оказывало переселенцам определенную поддержку. Так, они оплачивали свой проезд по железной дороге по льготному, так называемому переселенческому тарифу, который был значительно ниже общего (в среднем дорожные расходы одной семьи уменьшались благодаря этому на 80 рублей). Был создан особый тип пассажирского вагона, впоследствии названный "столыпинским", специально предназначенный для переселенцев и отличавшийся относительной комфортабельностью. Казенные земли в Сибири закреплялись за крестьянами даром. Тем, кто получал участки в тайге и других трудноосваиваемых местах, выделялась ссуда до 300 рублей.

И все же значительная часть крестьян, переселявшихся в Сибирь, сталкивалась со сложными, трудноразрешимыми проблемами. Ведь на восток уезжала почти исключительно беднота, не имевшая ничего, кроме своих рабочих рук, да голодных жен и детей. Поднимать целину таким крестьянам было чрезвычайно сложно, особенно если они получали землю в таежной полосе. "И земля не плоха, да вот сила не сила наша: лес одолел", — жаловались крестьяне. Не помогали и денежные ссуды....

Далеко не всегда нищие, истощенные переселенцы справлялись с обработкой земли и в других, более плодородных районах. По признанию самого Столыпина, совершившего в 1910 г. поездку в Сибирь, многие переселенцы вынуждены были бросать закрепленные за ними участки, арендуя у местных старожилов более или менее возделанную землю или нанимаясь в батраки. Еще хуже было положение "стихийных" переселенцев, которых не удовлетворяли земли, отведенные им Переселенческим управлением. На свой страх и риск они отправлялись в те места, которые казались им более привлекательными, — чаще всего в Северный Казахстан и в юж-

ную часть Западной Сибири. Подобные переселенцы из-за нехватки в этих районах свободных земель, а чаще всего вследствие различных бюрократических проволочек подолгу оказывались неустроенными, т. е. обреченными на голод и нищету. В 1910 г., например, таких неустроенных поселенцев было около 700 тыс. человек.

Все это приводило к тому, что многие крестьяне, потеряв всякую надежду наладить свое хозяйство в Сибири, стали возвращаться в Европейскую Россию, и поток "возвращенцев" рос с каждым годом. Если в первые годы после революции возвращалось около 10 % переселенцев ежегодно, то в 1910—1916 гг. их доля составляла более 30 %. "Обратные" переселенцы, отчаявшиеся, озлобленные, лишившиеся даже того малого, что имели, стали еще одним взрывоопасным элементом неспокойной русской деревни. Да и из тех крестьян, что кое-как приспособились к нелегкой сибирской жизни, лишь очень немногие пробились в "крепкие хозяева".

§ 4. Разложение третьеиюньской политической системы

Конституционный кризис. Гибель Столыпина Между тем Столыпин вызывал все большие опасения и неприязнь у правых и их главного покровителя — Николая II. В этом лагере политика Столыпина представлялась все более бесперспективной с точки зрения успокоения страны и все более опасной в отношении проводимых им реформ. Особую неприязнь правых вызывал проект реформы местного управления и самоуправления, разрабатываемой правительством одновременно с аграрной — с 1906 г.

Действовавшая в России система местного управления основывалась на явно устаревших сословных началах. Сельское и волостное управление было сословно-крестьянским. Уездная администрация находилась в руках выборных представителей местного дворянства; председателем же любых совещаний администрации всегда являлся уездный предводитель дворянства. Волостное же крестьянское управление находилось в полной зависимости от уездного, продворянского.

Подобную систему, воплощавшую дух сословного неравенства, Столыпин собирался изменить следующим образом. Прежде всего должно было быть ликвидировано сословное крестьянское управление. Его функции переходили к бессословному волостному земству, выборы в которое должны были происходить на основе сравнительно невысокого имущественного ценза, открывавшего путь в этот орган, наряду с помещиками, представителям все тех же "крепких хозяев". В то же время в состав волости включались не только крестьянские, как раньше, но и помещичьи земли, причем на них перекладывалась и часть волостных денежных повинностей. Таким образом, создавалась та "мелкая земская единица", о которой так

мечтали либералы и которая должна была стать краеугольным камнем местного управления. По тому же образцу — на основе бессословности и имущественного ценза — должны были проходить выборы в уездное и губернское земства, что неизбежно увеличило бы количество представителей от зажиточного крестьянства.

Одновременно с этим предполагалось провести и реформу местного административного управления. Центр его тяжести предполагалось перенести из губернии в уезд, создав там единую систему правительственных учреждений вместо разрозненных ведомств, каждое из которых подчинялось своему губернскому начальству. Во главе этой системы вместо уездного предводителя дворянства должен был встать назначаемый сверху уездный начальник, обладавший по отношению ко всем уездным правительственным учреждениям такой же властью, какой обладал губернатор в масштабах губернии.

Таким образом, на уездном уровне правительство предполагало значительно усилить свое собственное влияние, а на волостном — влияние "крепких хозяев", которых оно считало своей новой надежной опорой; причем и то, и другое — за счет дворян-помещиков.

Естественно, подобный проект вызвал самое негативное отношение со стороны как самих дворян-помещиков, так и защитников их интересов в верхах. В Государственном совете сформировалась мощная антистолыпинская группировка во главе с П. Н. Дурново. Понимая, что шансов провести через Совет проект реформы у него практически нет, Столыпин задумал обходной маневр. Надеясь сыграть на националистических настроениях правых, он предложил создать на Украине и в Белоруссии земства на бессословной основе, но с применением не только имущественного, но и своеобразного национального ценза: избирательные собрания должны были быть разделены на национальные курии, причем на долю поляков приходилось бы меньшее число, чем на долю неполяков — украинцев и белорусов. Столыпин при этом исходил из того, что среди помещиков этих губерний преобладали поляки, а крестьянство было украинским и белорусским. Если бы этот проект прошел, в западных губерниях появились бы земства с довольно значительным преобладанием в них гласных от крестьян, что явилось бы важным прецедентом в борьбе за создание подобных земств в великорусских губерниях.

В 1910 г. этот проект был принят Думой, которая к тому же вдвое понизила избирательный ценз, предоставив еще большие возможности в новых земствах крестьянским гласным — украинцам и белорусам. Однако правые в Госсовете тонко оценили ситуацию и смогли преодолеть антипатию к полякам-помещикам во имя классовой солидарности. 4 марта 1911 г. Госсовет отклонил статью о национальных куриях, нанеся удар в самое сердце столыпинского

законодательства. При этом правые заранее заручились поддержкой царя.

В этой сложной ситуации Столыпин действовал весьма последовательно, тут же поставив перед царем вопрос о своей отставке. Царь, все больше разделявший неприязнь правых к излишне энергичному и самостоятельному, с его точки зрения, премьер-министру, поначалу не дал ясного ответа. Однако на сей раз Столыпина взяли под защиту мать Николая II, вдовствующая императрица Мария Федоровна, и некоторые великие князья, продолжавшие воспринимать его как государственного деятеля, без которого "все развалится". Под влиянием родственников царь не принял отставки Столыпина.

Однако вся эта история и особенно поведение Николая II ясно показывали, что крушение премьера — дело времени. Недаром летом 1911 г. в придворных кругах и среди высшей бюрократии ходили упорные слухи, что отставка Столыпина предрешена, уверенно называли даже новое его назначение — наместником на Кавказ. Одновременно с тем стали распространяться слухи, что на Столыпина готовится покушение...

1 сентября 1911 г. во время торжеств, происходивших в Киеве по случаю открытия земских учреждений, Столыпин был смертельно ранен в оперном театре Дмитрием Богровым, который, называя себя анархистом, в то же время был платным сотрудником охранки. По некоторым сведениям, киевские анархисты, заподозрившие Богрова, потребовали от него доказательств его верности революции: убийства главы правительства. Явившись к своему охранному начальству, Богров сообщил о том, что на Столыпина готовится покушение и выразил готовность выдать террориста. С этой целью он и был допущен первого сентября в Киевскую оперу, причем охранники позволили ему беспрепятственно, без всякого присмотра, ходить по залу. До сих пор неизвестно (едва ли это когда-нибудь выяснится), была ли охранкой проявлена преступная халатность или ее бездействие диктовалось какими-то более сложными соображениями.

Итоги правления Столыпина П. А. Столыпин, несомненно, оставил заметный след в истории России. Умный, волевой, энергичный глава правительства был последним государственным деятелем, который пытался спасти существующий строй не только с помощью репрессивных мер, но и путем целого ряда хорошо продуманных реформ. Он стремился сохранить самодержавный строй, "усовершенствовав" его безвластной, но скандальной Думой, послушно действовавшей по его указке и в то же время постоянно убеждавшей массы в своей оппозиционности. Сохраняя и охраняя помещичье землевладение, он попытался выделить из ненадежной, в целом, крестьянской среды "крепких хозяев" — еще одну социальную опору для самодержавной власти.

В сущности, Столыпин пытался примирить непримиримое — абсолютистский режим с представительным правлением, крепостническое поместное дворянство с широким, постоянно крепнущим слоем зажиточных крестьян-единоличников. На фоне подавляющего большинства других сановников, совершенно беспринципных, либо столь же бесталанных, — а чаще и то, и другое вместе — Столыпин, несомненно, выглядел весьма привлекательно. Однако это не может заслонить того факта, что политику он проводил безнадежно противоречивую, обреченную на неизбежный провал.

Политический застой После смерти Столыпина противоречия, раздиравшие созданную им политическую систему, еще больше обострились. Как показал дальнейший ход событий, у Столыпина не нашлось достойных преемников. Новым председателем Совета министров стал В. Н. Коковцов, бывший при своем предшественнике министром финансов. Это был знающий, дельный и в то же время достаточно заурядный чиновник, озабоченный прежде всего своей собственной карьерой. Он не обладал присущими Столыпину энергией, внутренней независимостью, умением настоять на своем. Именно за отсутствие этих качеств Коковцов, очевидно, и был назначен главой правительства. Во всяком случае в беседах с царем и царицей, происходивших в процессе его назначения на этот пост, Коковцову дали ясный совет "не уподобляться" Столыпину и опираться "только на доверие царя".

Коковцов принял этот совет к сведению. Возглавляемый им Совет министров окончательно утратил законодательную инициативу, отличавшую правительство при Столыпине. Весь комплекс преобразований, задуманный погибшим премьером с целью развить новые начала русской жизни, заложенные крестьянской реформой, был похоронен — и, как оказалось, навсегда...

Следует отметить, что помимо конформистской, чиновничьей натуры нового главы правительства, проведению реформ в столыпинском духе препятствовали и другие обстоятельства. Так, новая IV Дума, выборы в которую проходили осенью 1912 г., хотя и конструировалась на основе все того же третьеиюньского избирательного закона, по своему партийному составу заметно отличалась от своей предшественницы. Число правых депутатов в ней выросло до 185 (в III Думе — 148), левых — кадетов и прогрессистов — до 107 (в III — 88). Число же октябристов, главной опоры столыпинской системы, упало до 98 человек (в III — 120).

Размывание октябристского центра свидетельствовало о все усиливавшемся размежевании политических сил в стране. Надежды на создание сколько-нибудь надежного и стабильного проправительственного буржуазно-помещичьего блока в Думе становились все более эфемерными. И действительно, новая Дума ознаменовала свою деятельность прежде всего резкой критикой в адрес пра-

вительства, которая в равной степени резко звучала и справа, и слева.

Новый революционный подъем

Но самым страшным симптомом бесперспективности третьеиюньской политической системы стал новый подъем революционного движения. Так, уже в 1910 г. после длительного спада началось заметное оживление забастовочного движения, которое еще более усилилось в 1911 г. Те же процессы происходили в студенческом движении, в среде демократической интеллигенции. Мощным толчком, многократно усилившим революционные настроения в России, стали события на Ленских золотых приисках: здесь в 1912 г. вспыхнула забастовка, завершившаяся мирным шествием рабочих “к начальству” со своими требованиями. Шествие было беспощадно расстреляно воинской командой. Ленский расстрел вызвал целую волну стачек протеста, в которых участвовали более 300 тыс. человек. В том же 1912 г. начались волнения в армии и на флоте, наиболее серьезным из которых было восстание в Троицких лагерях под Ташкентом.

В последующие годы революционное движение продолжало неудержимо нарастать. За 1913 — первую половину 1914 гг. число забастовщиков в фабрично-заводской промышленности составило около 2 млн. человек, усиливалось национальное движение на окраинах — в Закавказье, Прибалтике, Царстве Польском. По своему размаху революционное движение в это время соответствовало уровню 1903—1904 гг. — предреволюционной эпохе... Правительство же, забыв все уроки первой революции, все в большей степени возвращалось к традиционным методам борьбы со своими политическими противниками: тюрьмам, каторге, ссылке и прочим репрессивным мерам.

Глава 22
Внешняя политика России в 1905—1914 гг.

§ 1. Новые условия формирования внешнеполитического курса

Россия и великие державы Поражение в русско-японской войне и с трудом преодоленный революционный кризис 1905—1907 гг. ограничили возможности царизма в сфере внешней политики. Правительство вынуждено было в первую очередь заниматься внутренними проблемами. Серьезно пострадал престиж царской России как великой державы. Обнаружилось, что позиции самодержавия внутри страны непрочны, финансы расстроены, боеготовность армии низка, потерян почти весь военный флот.

На Дальнем Востоке сохранялась напряженность в отношениях с Японией. На Ближнем Востоке (в XIX — начале XX в. в это понятие включали и территорию Балкан) нарастали противоречия между Россией и австро-германским блоком. Германский и зависимый от него австрийский капитал успешно проникал в Османскую империю, причем в области, наиболее близкие к российским границам — в балканские владения Турции, в район черноморских проливов, в Анатолию. Экономическая экспансия шла рука об руку с усилением политического влияния Германии и Австро-Венгрии на Порту. В Берлине и Вене все громче раздавались голоса в пользу активной, наступательной политики для обеспечения своих интересов в восточном вопросе. Австро-Венгрия по существу уклонилась от совместных действий в Македонии, предусмотренных русско-австрийским соглашением 1903 г. в Мюрцштеге, что в Петербурге восприняли как серьезное предупреждение.

На перепутье находились и русско-французские отношения. Во время русско-японской войны Франция занимала нейтральную позицию. Во многом это объяснялось начавшимся англо-французским сближением. В апреле 1904 г. Великобритания и Франция достигли соглашения по главному разделявшему их вопросу — о колониальных владениях. Державы урегулировали взаимные интересы в Западной Африке, Индокитае, Египте и Марокко, причем договоренности по последнему пункту означали совместное противодействие германским притязаниям на Марокко.

Англо-французское соглашение 1904 г. предвещало серьезные изменения в системе международных отношений. Великобритания поворачивала от многолетней политики неприсоединения к группировкам европейских государств к сотрудничеству с противниками Германии. Однако объединить наметившееся англо-французское

сближение с русско-французским союзом было непросто. Если на Балканах и отчасти в вопросе о черноморских проливах русско-английские противоречия постепенно отходили на второй план в сравнении с русско-австрийскими и русско-германскими, то почти по всему периметру российских границ в Азии острое соперничество между Россией и Англией продолжалось.

Во время русско-японской войны Великобритания оказала Японии значительную материальную, дипломатическую и моральную поддержку. Напряженность в русско-английских отношениях достигла такой степени, что германская дипломатия попыталась использовать антианглийские настроения Николая II для нанесения удара по русско-французскому согласию.

В июле 1905 г. во время свидания Вильгельма II с Николаем II на борту царской яхты около острова Бьерке вблизи Выборга кайзер уговорил царя подписать союзный договор с Германией. Договор предусматривал взаимную военную помощь в Европе в случае нападения на Россию или Германию какой-либо европейской державы. При этом Германия ловко устранилась от необходимости соблюдать эти обязательства применительно к возможному британскому вмешательству в русско-японскую войну. По условиям Бьеркского договора, он вступал в силу только после заключения мира между Россией и Японией.

Соглашение в Бьерке явилось результатом личной дипломатии монархов. Министры были поставлены перед свершившимся фактом. Николай II ни с кем не советовался и , видимо, полагал, что Бьеркский договор направлен только против Великобритании. С формальной точки зрения заключенный царем союз с Германией действительно не противоречил русско-французскому союзу, поскольку оба имели оборонительный характер. Но по сути Бьеркский договор ослаблял дружественные русско-французские связи. Дело было не только в том, что Николай II действовал за спиной Франции. В отношения между Петербургом и Парижем был внесен новый элемент, подрывавший взаимное доверие — при определенных обстоятельствах допускалась возможность войны России в союзе с Германией против Франции.

Надежды царя на смягчение франко-германского антагонизма и на присоединение Франции к русско-германскому согласию, что в принципе предусматривалось Бьеркским договором, были беспочвенными. На берегах Сены не желали связывать себе руки какими-либо обязательствами в отношении Германии.

В итоге от Бьеркского договора следовало ожидать ухудшения русско-французских отношений, причем в момент, когда царское правительство остро нуждалась в иностранных займах для покрытия колоссального бюджетного дефицита из-за расходов на русско-японскую войну. В условиях революции этот вопрос приобрел для властей жизненно важное значение. Речь шла о финансировании государственного аппарата, армии, полиции, курсе рубля, вкладах

населения. Закрытие для России французского денежного рынка поставило бы царизм в исключительно тяжелое положение, тем более что переговоры с германскими финансистами зашли в тупик.

В. Н. Ламздорф и С. Ю. Витте сумели убедить царя фактически аннулировать Бьеркский договор, обусловив его выполнение рядом заведомо неприемлемых для Германии поправок. Отказ от Бьеркского договора и демонстративная поддержка Россией Франции на международной Альхесирасской конференции в начале 1906 г. по поводу франко-германских противоречий в Марокко успокоили Париж. В апреле 1906 г. французский банковский синдикат при участии нескольких банков из России, Англии, Голландии, Австро-Венгрии предоставил царскому правительству небывалый по меркам тогдашнего финансового рынка заем в 2 млрд. 225 млн. франков (более 843 млн. руб.) на 50 лет. Еще 267 млн. франков (100 млн. руб.) Петербург получил ранее, в самый напряженный момент внутреннего финансового кризиса в январе 1906 г.

Вопросы внешней политики в правительстве, Думе и общественном мнении

Сложное международное положение России предъявляло повышенные требования к качеству руководства внешней политикой. Пережитые страной в 1905—1907 гг. потрясения, новые реалии политической жизни не могли не отразиться и на этой отрасли государственного управления, хотя формально здесь почти ничего не изменилось.

Император по-прежнему являлся верховным руководителем внешней политики. Правда, негативный личный опыт в этой области — развязывание неудачной войны с Японией, скандальный промах с Бьеркским договором — сказался на поведении Николая II. Он стал заметно меньше вмешиваться в течение дел, полагаясь, в первую очередь, на профессионалов из Министерства иностранных дел и правительства. Уменьшилась зависимость царя от мнения ближайших родственников и придворных. Конечно, полностью отрицать их влияние на царя нельзя, но последние исследования показывают, что роль так называемой “придворной камарильи” в определении курса российской дипломатии в 1907—1914 гг. преувеличена в исторической литературе.

Созданный в 1905 г. для преодоления ведомственной разобщенности правительства Совет министров не имел прямых полномочий контролировать деятельность Министерства иностранных дел. Тем не менее председатели Совета министров, используя лазейки в законодательстве, настойчиво и небезрезультатно добивались права участвовать в принятии внешнеполитических решений. Особенно преуспел в этом П. А. Столыпин.

Российским дипломатам приходилось налаживать контакты и с депутатами Государственной думы. Ее полномочия не распространялись на вопросы внешней политики (некоторое влияние Дума могла оказать только через утверждение статей бюджета МИД).

Однако острая потребность в укреплении социальной базы правительства заставляла руководителей внешнеполитического ведомства обсуждать международные проблемы с думскими фракциями, отражавшими интересы обуржуазившихся помещиков, торгово-промышленных, финансовых кругов, либеральной интеллигенции. Большинство таких консультаций имело частный характер, но в отдельных случаях министры иностранных дел появлялись и на думской трибуне.

О возросшем внимании к настроению общественного мнения, позициям политических партий свидетельствовала активная работа с прессой. Сотрудники МИД ежедневно готовили обзоры публикаций в печати на внешнеполитические темы. В практику вошли встречи чиновников министерства с редакторами иностранных отделов ведущих газет. Широко использовались все способы воздействия на печать — вплоть до прямого подкупа ряда изданий и журналистов.

Характерной чертой формирования внешнеполитической стратегии России в 1905—1914 гг. было отсутствие в правительственном лагере единства мнений по поводу международной ориентации страны. В дискуссиях на эту тему тесно переплетались вопросы внутренней и внешней политики.

По мнению сторонников германской ориентации, прочные династические связи, известная схожесть традиций государственного управления обеспечивали благожелательное отношение Германии и Австро-Венгрии к ужесточению политического режима в России и помощь с их стороны в случае нового революционного кризиса. В свою очередь, поборники сближения с Францией и Великобританией надеялись, что оно будет противодействовать дальнейшему углублению реакции и "защитит" Думу.

Прогерманскими симпатиями отличались придворное окружение Николая II, часть высшего генералитета, консервативное крыло Государственного совета, политические организации крайне правого толка и их фракции в Думе. В области внешней политики "германофилы" обычно оправдывали необходимость сближения с Германией интересами безопасности западных российских границ и продолжением соперничества России с Великобританией на Среднем и с Японией на Дальнем Востоке.

Идеи русско-франко-британского согласия пользовались популярностью среди умеренно-правых, октябристов, прогрессистов, кадетов. Помимо политических пристрастий позиция этих партий отражала обеспокоенность большой части торгово-промышленных кругов состоянием российско-германских экономических отношений. Об этом неоднократно заходила речь в Московском биржевом комитете, на всероссийских Съездах представителей промышленности и торговли.

Наибольшие противоречия существовали во внешней торговле, где Германия являлась главным партнером России. Защищая

германских производителей, Берлинский кабинет ограничивал ввоз сельскохозяйственных продуктов из России. В свою очередь, российские фабриканты требовали от правительства оградить их от конкуренции импортных германских промышленных товаров. Недовольство российского делового мира вызывали также успехи австро-германской экономической экспансии на Балканах, в азиатских владениях Османской империи, в Иране, что закрывало эти рынки для российских товаров и капиталов.

Приверженцы англо-французской ориентации российской внешней политики много выступали в печати, воздействуя на общественное мнение. Современникам особенно запомнилась программная статья П. Б. Струве под заглавием “Великая Россия”, опубликованная в 1908 г. в журнале “Русская мысль”. Струве считал, что главные усилия нужно направить на подчинение российскому влиянию стран черноморского бассейна, который имеет для России особо важное значение с точки зрения экономики, военной стратегии, культурных и исторических традиций. Но на этом пути неизбежно столкновение со стремительно усиливавшимся здесь австро-германским блоком. Поддержку в противостоянии с ним надо искать в Париже и Лондоне, всемерно укрепляя русско-французский союз и добившись соглашения с Великобританией.

Взгляды Струве были характерны, прежде всего, для руководства кадетской партии, членом ЦК которой он в то время состоял. По мере обострения русско-германских противоречий с позицией кадетов все больше сближалась позиция октябристов, прогрессистов и умеренно-правых, но первоначально они были более осторожны в суждениях. Представители этих политических сил опасались последствий слишком глубокого разрыва с Германией и надеялись найти компромисс между сближением с Англией и Францией и дружественными отношениями с Берлином.

§ 2. Внешнеполитическая программа А. П. Извольского

А. П. Извольский В апреле 1906 г. Министерство иностранных дел возглавил *А. П. Извольский.* Отставка В. Н. Ламздорфа должна была успокоить общественное мнение, находившееся под впечатлением катастрофических неудач дальневосточной политики, хотя Николай II был повинен в них гораздо более своего послушного министра.

Преемник В. Н. Ламздорфа имел богатый опыт дипломатической службы на различных должностях и в разных странах, включая Румынию, Сербию, США, Италию, Германию, Японию. Будучи с 1902 г. посланником в Дании, А. П. Извольский стал хорошо известен императорской фамилии вследствие тесных родственных уз датского королевского дома с Романовыми и приобрел доверие вдов-

ствующей императрицы Марии Федоровны и Николая II. В то же время симпатии Извольского к идеям конституционной монархии помогали ему устанавливать деловые контакты с Думой. Нового министра отличали энергия, уверенность в себе и готовность решать масштабные задачи. Он надеялся в короткий срок восстановить пошатнувшийся авторитет российской дипломатии, добиться крупных успехов на международной арене, не нарушая при этом спокойствия, необходимого для внутренних преобразований.

Извольский видел, что у России нет возможностей для активной внешней политики одновременно на нескольких направлениях. Поэтому он настаивал на сохранении статус-кво на Дальнем Востоке, в Средней и Центральной Азии ради сосредоточения всех сил на защите интересов России в Европе и на Балканах, где назревали серьезные конфликты.

Русско-французский союз Извольский считал достижением российской дипломатии. Союзные связи с Францией были важны для сохранения европейского равновесия, для взаимодействия в восточном вопросе и, наконец, для решения финансовых проблем царского правительства. Франция уступала Германии по общему объему вложенных в России капиталов, но безусловно первенствовала в сфере государственных займов. В 1909 г. Министерство финансов вновь было вынуждено для обслуживания государственного долга прибегнуть к французскому займу на сумму свыше 500 млн. рублей.

Извольский прекрасно понимал, что в свете наметившегося англо-французского сближения русско-французское партнерство окажется малопродуктивным без англо-русского соглашения. Без него нечего было и думать о стабилизации обстановки на азиатских и дальневосточных рубежах России.

Заботясь о налаживании сотрудничества с Францией и Великобританией, Извольский стремился при этом избежать втягивания России в конфликт с Германией. Переговоры по интересовавшим российскую дипломатию вопросам как с Парижем и Лондоном, так и с Берлином и Веной были характерной чертой курса Извольского. В известной мере это примиряло различные точки зрения по поводу внешнеполитической ориентации, существовавшие в правящих кругах и общественном мнении России.

Соглашения 1907 г. с Великобританией и Японией

Едва заняв министерское кресло, А. П. Извольский начал переговоры о разграничении интересов России с Японией на Дальнем Востоке и с Великобританией в Средней и Центральной Азии.

Поиск взаимоприемлемых решений оказался нелегким делом. Трудности возникали не только за столом переговоров. Извольский, считавший урегулирование отношений с Англией и Японией первостепенной внешнеполитической задачей, был готов ради этого к

определенным уступкам. Однако министру пришлось выдержать настоящую борьбу с приверженцами жесткой линии среди представителей российской администрации в Туркестане и Приморье и среди высших военных чинов.

18(31) августа 1907 г. Извольский и британский посол в Петербурге А. Николсон подписали *конвенции об Иране, Афганистане и Тибете*. Иран делился на три зоны: северную — сферу влияния России, юго-восточную — сферу влияния Англии и промежуточную между ними — нейтральную. Участники соглашения обязались не добиваться концессий в "чужой" зоне и не вмешиваться в проводимые там другой стороной экономические и политические мероприятия. В нейтральной зоне обе державы имели равные права.

В целом граница между сферами влияния в Иране отвечала пожеланиям российской дипломатии. На серьезные уступки ей пришлось пойти в отношении Афганистана, признав его областью исключительных интересов Великобритании. Россия должна была поддерживать политические отношения с Афганистаном только через посредство британского правительства, которое со своей стороны гарантировало целостность афганских владений.

В отношении Тибета стороны договорились о неприкосновенности его территории, невмешательстве в его внутренние дела и об уважении сюзеренных прав китайского правительства на Тибет. Таким образом, Лондону пришлось отказаться от планов широкой экспансии в этом районе, хотя ряд преимуществ, приобретенных Великобританией в результате военного вторжения в Тибет в 1904 г., английским дипломатам удалось отстоять.

В ходе переговоров Извольский попытался затронуть и проблему режима черноморских проливов. Глава Форин оффис Э. Грей обещал, что в будущем Лондон поддержит Россию в вопросе об открытии проливов для русских военных судов. Однако подтвердить это обещание письменно, в виде официального документа Грей отказался. Дальнейшие события показали, что реального поворота в английской политике в отношении проливов не произошло.

Русско-британское соглашение 1907 г. не имело общеполитического характера. Однако оно урегулировало наиболее спорные вопросы и тем самым расчистило почву для дальнейшего сближения. Между *Россией, Францией и Великобританией* сложились отношения "*Тройственного согласия*" или *Антанты* (от французского entente — согласие), хотя в виде союзного договора они оформлены не были.

Успешная подготовка русско-британского соглашения способствовала прогрессу на одновременных переговорах между Россией и Японией. Под давлением Англии и Франции японское правительство умерило свои претензии. Не последнюю роль сыграло и согласие Петербурга предоставить Японии крупные льготы в области рыболовства вблизи Тихоокеанского побережья России.

15 (28) июля 1907 г. между Россией и Японией были подписаны *торговый договор* и *рыболовная конвенция*, а два дня спустя — *русско-японское соглашение* по политическим вопросам. Оно состояло из гласной и секретной части. В последней предусматривался раздел Маньчжурии на русскую (северную) и японскую (южную) сферы влияния. К русской сфере влияния была отнесена также Внешняя (Северная) Монголия, а к японской — Корея.

§ 3. Боснийский кризис 1908—1909 гг.

Свидание в Бухлау

Улучшение отношений с Англией и снижение напряженности на российских границах в Азии и на Дальнем Востоке создали, по мнению Извольского, необходимые предпосылки для активных действий России на балканском направлении и в вопросе о черноморских проливах. При этом Извольский надеялся договориться не только с Францией и Великобританией, но и с австро-германским блоком.

В 1908 г. на Балканах разразился очередной кризис в связи с революцией в Турции. Абсолютистский режим султана Абдул-Хамида II был свергнут и к власти пришли военные — сторонники турецкой буржуазно-националистической организации “Единение и прогресс” (в Европе их называли “младотурками”). Они провозгласили введение конституционного правления, но в то же время не собирались признавать за угнетенными народами Османской империи права на самоопределение и развязали новую кампанию репрессий против национальных движений.

Внутренними затруднениями Турции решила воспользоваться Австро-Венгрия для аннексии Боснии и Герцеговины с многочисленным сербским и хорватским населением. Австрийская администрация и войска находились в этих провинциях по решению Берлинского конгресса 1878 г., но номинально они оставались под суверенитетом султана. Аннексия должна была стать демонстрацией силы, прежде всего в отношении Сербии. Это балканское государство, стремившееся проводить независимую от Вены политику, претендовало на Боснию и Герцеговину, а в более широком плане — на объединение под своим главенством южных славян как Османской империи, так и империи Габсбургов.

Извольский полагал, что планы Австро-Венгрии следует использовать в русских интересах, договорившись с Венским кабинетом о компенсациях в обмен на признание Россией присоединения Боснии и Герцеговины к Австро-Венгрии. Сугубо негативное отношение к аннексии министр считал ошибочным: России пришлось бы либо ограничиться бесплодным протестом, либо прибегнуть к угрозам, чреватым войной.

2—3 (15—16) сентября 1908 г. в замке Бухлау Извольский встретился с министром иностранных дел Австро-Венгрии А. Эрента-

лем. Устно они условились о том, что Россия одобрит аннексию Боснии и Герцеговины, а Австро-Венгрия поддержит открытие проливов для военных кораблей России и других черноморских государств. Момент для объявления об аннексии и о пересмотре режима проливов на встрече в Бухлау установлен не был. Извольский надеялся решить эти вопросы на международной конференции, для предварительной подготовки которой он немедленно отправился в поездку по европейским столицам.

Германия и Италия в самой общей форме согласились на открытие проливов, но потребовали компенсаций. Франция обусловила свою позицию мнением Лондона. Однако на берегах Темзы Извольского ждало разочарование. Великобритания пыталась использовать смену власти в Константинополе для усиления собственного влияния в Турции и искала расположения младотурок. Грей опасался, что пересмотр режима проливов осложнит положение нового турецкого правительства. Он заявил Извольскому о несвоевременности подобного шага и о необходимости во всяком случае получить предварительное согласие Турции. Кроме того британские государственные деятели дали понять, что предпочитают открытие проливов для военных судов не только черноморских, но и других стран. Подобное решение было бы на руку Англии, располагавшей сильнейшим флотом в Средиземноморье, и британская дипломатия отстаивала этот вариант вплоть до начала первой мировой войны.

“Дипломатическая Цусима”

Неудача в Лондоне серьезно ослабила позиции Извольского, который оказался под огнем острой критики со стороны коллег по правительству. Идя на переговоры с Эренталем, глава российского дипломатического ведомства не посвящал в свои планы Совет министров, на что формально имел право, отвечая непосредственно перед императором. Однако как только П. А. Столыпину стало известно о результатах встречи в Бухлау, он выступил против действий Извольского.

Сделка с Австро-Венгрией неизбежно подрывала авторитет России у славянских народов Балкан. Российская дипломатия могла лишиться важной опоры в осуществлении своих планов в этом регионе. Русско-австрийское соглашение не снискало бы популярности и в общественном мнении России. Традиционно оно сочувствовало балканским славянам. Такой настрой еще более усилился в результате настойчивой пропаганды “объединения славянства” против “наступления германизма”, которую повели в печати во время Боснийского кризиса кадеты, октябристы, прогрессисты, умеренно-правые.

П. А. Столыпин не сомневался, что аннексия Боснии и Герцеговины вызовет недовольство в большинстве балканских государств и в Турции. Тогда Россия получит хороший шанс сплотить их под своим руководством на основе общего непризнания аннексии. В результате расстановка сил на Балканах коренным образом изменит-

ся в пользу России, а улучшившиеся отношения с Турцией позволят договориться с ней о пересмотре режима проливов.

Замысел Столыпина был заманчив, хотя имел немало слабых мест. Политическая ориентация правительств балканских государств и Турции была неустойчива, они конфликтовали между собой, вдобавок Россия не могла позволить себе балансировать на грани войны с Австро-Венгрией.

Столыпин привлек на свою сторону большинство министров, однако Извольский продолжал настаивать на соглашении с Веной. Николай II от ответственного решения уклонился. Он одобрил предложения Столыпина и в то же время разрешил Извольскому продолжать усилия по реализации договоренности в Бухлау.

На фоне сумятицы в российских правительственных сферах Венский кабинет действовал быстро и решительно. Чтобы избежать обвинений в одностороннем нарушении Австро-Венгрией статус-кво на Балканах, Эренталь побудил болгарского князя Фердинанда провозгласить полную независимость Болгарии, прежде считавшейся вассалом Османской империи. А через день, 24 сентября (7 октября) 1908 г., Вена официально возвестила о присоединении Боснии и Герцеговины.

Извольский был поставлен перед свершившимся фактом, причем Эренталь не преминул публично заявить о полученном в Бухлау согласии российского министра иностранных дел. Извольский поспешил разъяснить в печати, что был готов признать аннексию только при условии созыва международной конференции, на которой следует договориться о компенсациях для Турции и балканских государств. О проливах он теперь умалчивал, помня о реакции Лондона. Такая программа конференции была поддержана Англией и Францией, но отвергнута Австро-Венгрией и Германией. Они соглашались только на формальную санкцию великими державами происшедшей аннексии.

Планы Извольского терпели окончательное крушение. В конце октября 1908 г. Столыпин убедил царя провести специальное заседание Совета министров для определения дальнейшего курса балканской политики и добился на нем одобрения своей линии. Было решено воздержаться от признания аннексии Боснии и Герцеговины и сделать основную ставку не на переговоры с Австро-Венгрией, а на сближение с Турцией, Сербией, Черногорией, которые резко протестовали против действий Вены.

Однако и на этом пути российская дипломатия успеха не достигла. В начале 1909 г. произошли серьезные перемены в составе младотурецкого правительства. Новые руководители считали стратегическим союзником Османской империи австро-германский блок. Они прекратили переговоры с Россией, зато быстро достигли соглашения с Австро-Венгрией об отказе Турции от прав на Боснию и Герцеговину в обмен на денежную компенсацию.

Уладив дела в Константинополе, Венский кабинет под угрозой войны потребовал безоговорочного признания аннексии от Сербии и Черногории. Австрийские военные приготовления были демонстративно поддержаны Германией. Чтобы противодействовать австрийской политике, царское правительство пыталось заручиться помощью английской и французской дипломатии, но Великобритания и Франция не были готовы к конфликту с Германией и советовали пойти на уступки.

8 (21) марта 1909 г. Германия в ультимативной форме предложила России немедленно одобрить присоединение Боснии и Герцеговины к Австро-Венгрии и принудить к тому же Белград. В противном случае австрийские войска были готовы напасть на Сербию. Положительный ответ Петербургского кабинета означал очевидное и серьезное внешнеполитическое поражение, "дипломатическую Цусиму", как говорили современники. Однако выбора не было. Русская пресса, не скупившаяся в начале кризиса на решительные заявления, заметно сбавила тон. И правительство, и поддерживавшие его политические силы — от кадетов до правых — были едины во мнении, что война (а по другому защитить Сербию было невозможно) несвоевременна и опасна для России. Германский ультиматум был принят. Россия и по ее совету Сербия признали австрийскую аннексию на Балканах.

§ 4. Потсдамское соглашение 1911 г.

С. Д. Сазонов После Боснийского кризиса отставка Извольского была предрешена, причем "германофилы" связывали с ней надежды на коренной поворот в российской политике в сторону Берлина и Вены. Боснийский кризис, по их мнению, обнаружил несостоятельность опоры на Великобританию и Францию и продемонстрировал могущество Германии и Австро-Венгрии. Однако Столыпин при поддержке большей части министров и октябристско-кадетского большинства Думы решительно воспротивился передаче МИД в руки сторонников восстановления австро-русско-германского союза.

Столыпин убедил Николая II избрать в преемники Извольскому посланника при Папском престоле С. Д. Сазонова. Сазонов прежде не занимал видных постов в МИДе, зато хорошо знал Столыпина (они были женаты на сестрах) и пользовался его доверием. Столыпину нужен был министр, который проводил бы его линию.

Назначенный в 1909 г. товарищем министра, а на следующий год — министром *С. Д. Сазонов* оказался способным и деятельным руководителем. Он довольно быстро приобрел необходимый опыт в управлении министерством и авторитет в глазах императора и высших правительственных чиновников. Из креатуры Столыпина Сазонов превратился в самостоятельную политическую фигуру. Он не

только сохранил за собой министерское кресло после убийства Столыпина, но и сыграл важную роль во внешней политике страны накануне и в ходе первой мировой войны.

Новый министр был осторожнее своего предшественника в постановке ближайших задач, однако общий курс в первые годы министерства Сазонова оставался неизменным. Сохранялись приоритет ближневосточного направления, опора на "Тройственное согласие" с Францией и Англией. Но при этом Сазонов, в полном согласии с мнением Столыпина, старался избежать опасной конфронтации с австро-германским блоком.

Во время очередного острого столкновения между Францией и Германией летом 1911 г. из-за Марокко Россия приложила немалые усилия, чтобы помочь конфликтующим сторонам достичь компромисса. Были также предприняты меры по стабилизации ситуации на Балканах после Боснийского кризиса. В начале 1910 г. Россия и Австро-Венгрия выступили с совместной декларацией о сохранении в дальнейшем статус-кво в этом регионе. В Петербурге не слишком верили австрийским обещаниям, но рассматривали подписанный документ как необходимую обеим сторонам передышку.

Русско-германские переговоры

С Германией Столыпин и Сазонов надеялись поддерживать нормальные отношения, заключая соглашения по отдельным спорным вопросам без ущерба для общей внешнеполитической ориентации России. Среди таких вопросов российских государственных деятелей особенно беспокоило положение дел с железнодорожными концессиями в Иране.

Германское правительство добивалось строительства железнодорожной линии до Тегерана от сооружаемой Германией в пределах Османской империи Багдадской дороги. Этот проект задевал российские интересы. Германский капитал мог в перспективе составить серьезную конкуренцию на иранском рынке, тем более что новая железная дорога привела бы к невыгодным для России изменениям в направлениях ввоза и вывоза товаров в Иран. Нельзя было исключать и вмешательства Германии в бурные политические события в Иране ради распространения своего влияния на эту страну. В 1909 г. в ходе антифеодальной по характеру революции был свергнут шах Мохаммед-Али, которому покровительствовала Россия.

Переговоры глав внешнеполитических ведомств России и Германии были приурочены к встрече Николая II с Вильгельмом II в Потсдаме в ноябре 1910 г. Замыслы сторон изначально были различны. Сазонов настаивал на том, чтобы не заключать никаких общих соглашений, а договариваться конкретно по Ирану. Германский канцлер Т. Бетман-Гольвег, напротив, разрабатывал проекты общеполитического договора, который неизбежно расшатал бы основания англо-русско-французского сотрудничества. Россия должна была принять обязательство не поддерживать антигерманскую

политику Великобритании. В обмен Германия давала аналогичное обязательство в отношении экспансии Австро-Венгрии на Балканах.

Начатые в Потсдаме переговоры продолжались вплоть до середины 1911 г. Сазонов нашел благовидный предлог, чтобы отклонить первоначальные германские предложения. С согласия Николая II он заявил, что облекать их в форму какого-либо договорного акта нет нужды, поскольку в Потсдаме императоры уже обещали устно друг другу не проводить враждебную политику.

Прекратив тем самым общеполитическую дискуссию, Сазонов сумел перевести переговоры в русло обсуждения иранских проблем. Достигнутое в **августе 1911** г. *соглашение* вошло в историю под названием *Потсдамского*, хотя окончательный текст был подписан в Петербурге. Обе стороны пошли на уступки. Германия декларировала исключительно коммерческий характер своих целей в Иране, причем обязалась не домогаться концессий в русской сфере влияния. Россия согласилась не препятствовать сооружению Багдадской железной дороги в целом и участвовать в строительстве ее ответвления до Тегерана. Германия строила первую очередь линии до ирано-турецкой границы, а Россия должна была получить у иранских властей концессию на продолжение дороги до Тегерана и приступить к работам не позже двух лет после ввода в действие германского участка.

Российской дипломатии удалось достичь своей цели в отношениях с Германией. Они были улучшены, при этом российская сторона не позволила связать себя какими-либо обязательствами, способными в дальнейшем воспрепятствовать сотрудничеству с Францией и Великобританией.

Соглашение по поводу строительства железной дороги на Тегеран имело компромиссный характер, но все-таки сохраняло преграды для германского проникновения в северные иранские провинции. Урегулирование спорных вопросов с Германией помогло царскому правительству организовать интервенцию для подавления иранской революции. В конце 1911 г. русские войска заняли Северный Иран. Совместно с английскими интервентами, действовавшими на юге страны, они привели к власти послушное России и Великобритании правительство.

§ 5. Дальневосточная политика России в 1907—1914 гг.

Проект Нокса и русско-японское сближение

Переместив основные усилия на Балканы и в область черноморских проливов, российская дипломатия на других направлениях стремилась по возможности избегать осложнений.

Особенно трудно было выполнить эту задачу на дальневосточных рубежах, где ситуация не отличалась стабильностью из-за глу-

бокого внутреннего кризиса цинского Китая и активной экспансии Японии и США. Внешнеполитический курс Извольского, а затем Сазонова предполагал признание итогов русско-японской войны 1904—1905 гг., но противодействие дальнейшему ослаблению позиций России.

Важной мерой по укреплению российских границ стало *строительство* в **1908—1916** гг. железнодорожной линии из Забайкалья на Дальний Восток вдоль Амура. В отличие от КВЖД *Амурская железная дорога* проходила только по российской территории.

В конце 1909 г. государственный секретарь США Ф. Нокс предложил России и Японии проект “коммерческой нейтрализации” железных дорог в Маньчжурии. Формально их выкупал Китай, а фактически они должны были перейти в руки международного финансового синдиката с большим участием американского капитала. Такое решение означало бы уничтожение раздела Маньчжурии на сферы влияния и соответствовало американской доктрине “открытых дверей” в отношении Китая.

Американская дипломатия надеялась получить поддержку России, сыграв на “японской угрозе”. Американский посол в Петербурге убеждал Извольского, что установление международного контроля над Маньчжурией положит предел захватническим устремлениям Японии в северном направлении и что США готовы помогать России против японской экспансии.

Действия Вашингтона заставили Токио немедленно принять контрмеры. Япония предложила России заключить конвенцию о взаимной гарантии ранее установленных сфер влияния друг друга. При этом японская сторона настаивала на признании за ней права аннексировать Корею.

Российская дипломатия оказалась перед выбором. Извольский выступал за отклонение проекта Нокса и за русско-японское соглашение. В противном случае, учитывая резко негативную реакцию Токио, России пришлось бы забыть о приоритете балканского направления внешней политики и вновь вступить в противостояние с Японией в еще более худших с военной точки зрения условиях, чем в 1904 г. Всецело полагаться на обещания действенной помощи со стороны США Извольский считал рискованным занятием. К тому же заявления американских политиков о партнерстве с Россией не могли замаскировать конечных целей проекта Нокса. Под прикрытием рассуждений о предоставлении всем странам “равных возможностей” в развитии экономических и политических связей с Китаем США хотели прочно обосноваться в Маньчжурии и вытеснить оттуда конкурентов.

Такая перспектива не радовала торгово-промышленные круги России. Военные, со своей стороны, не хотели оставлять выгодную передовую позицию — под видом “охранной стражи” в полосе КВЖД находилось свыше 20 тыс. русских войск. На политической

сцене эти взгляды отстаивали правые, прогрессисты и октябристы. Они развернули мощную кампанию в печати за сохранение "особых прав" России в районах, прилегавших к русско-китайской границе от Джунгарии до Маньчжурии.

Идея сближения с Японией, чтобы воспрепятствовать проникновению в Маньчжурию третьих держав, получила поддержку Николая II и большинства министров. В январе 1910 г. американским послам в Петербурге и Токио демонстративно в один и тот же день были вручены ноты, отвергавшие "нейтрализацию" маньчжурских железных дорог.

Полгода спустя *Россия* и *Япония* заключили *конвенцию*, условия которой свидетельствовали об установлении между двумя государствами отношений сотрудничества в дальневосточных делах. Стороны не только подтвердили условия предыдущего соглашения 1907 г. о разграничении сфер влияния, но обязались сообща отстаивать это разграничение перед лицом других держав и не мешать друг другу "укреплять и развивать" свои "специальные интересы" на оговоренных в конвенции территориях. Тем самым Россия в завуалированной форме дала согласие на японскую аннексию Кореи.

В 1912 г. Россия и Япония договорились продолжить разграничение взаимных интересов в китайских владениях. К сфере российского влияния была отнесена западная часть Внутренней (Южной) Монголии, в восточной части признавалось преобладание Японии.

Российский протекторат над Монголией и Тувой

Причины особого внимания к Монголии объяснялись начавшейся в 1911 г. в Китае буржуазной революцией. Цинская династия была низложена и провозглашена республика. Падение Цинов немедленно отозвалось на национальных окраинах бывшей Цинской империи. Феодалы Внешней (Северной) Монголии объявили о независимости и обратились за поддержкой к России.

Царское правительство было не против использования благоприятной обстановки для расширения экономического и политического влияния на Внешнюю Монголию, граничившую с Россией. Но при этом российская дипломатия стремилась избежать прямого столкновения с Китаем. В результате ее посредничества между монгольскими и китайскими властями в 1912—1913 гг. Внешняя Монголия формально осталась в составе Китайского государства, но приобрела широкую автономию. Китайская администрация и войска были удалены с монгольской территории. Управление Внешней Монголией и ее хозяйственная жизнь фактически оказались под контролем России, являвшейся гарантом монгольской автономии. В **1914** г. в ответ на прошения местной феодальной знати *российским протекторатом* была объявлена *Тува*, прежде находившаяся в вассальной зависимости от Китайского государства.

§ 6. Балканы и проливы во внешней политике России в 1911—1914 гг.

Демарш Н. В. Чарыкова

Нападение Италии на Турцию в 1911 г. возвестило об очередном обострении восточного вопроса. Не дожидаясь распада Османской империи, итальянское правительство решило вооруженным путем осуществить свои колониальные притязания на Триполитанию и Киренаику.

Временно замещавший заболевшего Сазонова во главе МИД А. А. Нератов и посол в Константинополе Н. В. Чарыков полагали, что военные неудачи Турции и ее заинтересованность в поддержке следует использовать для новой попытки утвердить российское влияние на берегах Босфора. Чарыков передал турецкому правительству проект соглашения, который предусматривал открытие черноморских проливов для русских военных судов в обмен на помощь в защите проливов с прилегающей территорией и предоставление Турции большей свободы в строительстве железных дорог в направлении российской границы на Кавказе.

Одновременно российские дипломаты обратились к великим державам за получением необходимой санкции на изменение режима проливов, но снова, как и три года назад во время Боснийского кризиса, успеха не добились. Официальные ответы оказались благожелательными по форме и уклончивыми по существу. К возможному усилению России на Босфоре особенно болезненно отнеслись Германия, Австро-Венгрия и Великобритания. По дипломатическим каналам они сообщили турецкому правительству о своей негативной оценке российских предложений.

Первоначальный интерес турецких государственных деятелей к соглашению с Россией угас. Им стало ясно, что оно может лишить Турцию поддержки других держав при мирном урегулировании с Италией. К тому же Россия была связана достигнутыми еще Извольским в 1909 г. секретными договоренностями с Италией в отношении Триполитании и Киренаики. Они предусматривали признание Россией итальянских интересов в этих областях в обмен на поддержку Италией позиции России по черноморским проливам.

Вернувшийся в декабре 1911 г. к делам Сазонов понял, что никакой надежды на успех нет, и немедленно приказал отозвать проект соглашения с Турцией. Попутно ответственность за очевидный просчет была полностью снята с центрального аппарата МИД и возложена на Чарыкова, обвиненного в превышении данных ему полномочий.

Первая Балканская война

Параллельно с попытками улучшить русско-турецкие отношения российская дипломатия не оставляла надежд добиться сплочения под эгидой России балканских государств. Речь шла о плане, который неудачно пытался выполнить Столыпин в дни Боснийского кризиса 1908—1909 гг.: объеди-

нить балканские государства и Турцию в союз, с помощью которого Россия могла бы влиять на положение дел в этом регионе и противодействовать австро-германской экспансии.

В **марте 1912** г. при активном *участии российских дипломатов* был заключен *секретный союзный договор*, а затем и *военная конвенция* между *Сербией и Болгарией*. Они договорились совместно выступить против любой державы, которая посягнула бы на балканские владения Турции. Это условие было направлено, в первую очередь, против Австро-Венгрии. В случае возникновения конфликта с Турцией Сербия и Болгария обязались не начинать войну без предварительного одобрения России. Стороны условились также о долях при возможном разделе балканских земель Османской империи, причем спорные территории в Македонии предусматривалось передать на верховный арбитраж России.

В Петербурге создание сербско-болгарского союза, к которому вскоре присоединилась и Греция, было расценено как несомненная удача, однако сближение нового Балканского союза с Турцией оказалось делом совершенно несбыточным. Неудачная война с Италией снова подорвала внутреннюю стабильность Османской империи. Младотурецкое правительство было свергнуто. В балканских провинциях вспыхнули вооруженные выступления против турецкой администрации. Порта ответила жестокими карательными мерами, вызвавшими на Балканах всеобщее возмущение. Балканские государства считали момент благоприятным для окончательного освобождения полуострова от турецкого господства.

Российская дипломатия делала все возможное, чтобы предотвратить войну, которая неизбежно вела к новому международному кризису с малопредсказуемыми последствиями. После безуспешных усилий склонить Порту к предоставлению широкой автономии ее балканским владениям Сазонов попытался организовать давление на Турцию со стороны всех великих держав, но было слишком поздно. Пока Сазонов вел переговоры в европейских столицах, **27 сентября (9 октября) 1912** г. начались *военные действия* между *Турцией и Черногорией*, которая фактически примыкала к Балканскому союзу, хотя формально его членом не являлась. Десять дней спустя *войну Турции объявили Сербия, Болгария и Греция*, проигнорировав все обращенные к ним предостережения России.

В течение месяца турецкая армия была разгромлена. Сербы вышли к Адриатическому морю, а болгары — к укрепленным позициям у селения Чаталджи всего в 45 км от Константинополя. На этой линии фронт стабилизировался, и некоторое время противники вели переговоры о мире. В январе 1913 г. под лозунгом продолжения войны власть в Константинополе вновь захватили младотурки. Военные действия возобновились. Греческие и болгарские войска нанесли туркам еще несколько поражений, но прорыв чаталджинских позиций снова не удался, и в апреле 1913 г. стороны вернулись за стол переговоров.

Известие о перемирии в российских правительственных кругах встретили с нескрываемым облегчением. В случае прорыва к Константинополю следовало ожидать неминуемой интервенции великих держав для обеспечения их интересов в зоне проливов. Вскоре после начала войны Великобритания уже выступила с неприемлемым для российской дипломатии проектом установления над ними международного контроля. Россия вынуждена была готовить черноморский флот к военно-морской демонстрации на Босфоре, чтобы при необходимости воспрепятствовать нежелательным решениям по поводу статуса Константинополя и проливов.

В **мае 1913** г. в Лондоне при посредничестве великих держав *Турция и балканские государства* подписали *мирный договор*. Турция уступила на Балканах все свои владения к западу от линии Энос — Мидия вблизи Константинополя, остров Крит и Эгейские острова, признала независимость Албании, провозглашенную в 1912 г. в результате антитурецкого восстания. Не был однако решен принципиально важный вопрос — о распределении территорий между победителями.

Распри по этому поводу начались еще в ходе войны. Углублению противоречий между балканскими государствами способствовало вмешательство великих держав, искавших пути усиления своего влияния на Балканах. Едва сербские войска заняли часть адриатического побережья, Австро-Венгрия потребовала передать эти районы Албании, правительство которой придерживалось проавстрийской ориентации. Выход к морю означал для Сербии уменьшение экономической зависимости от Австро-Венгрии и расширение контактов со славянскими народами империи Габсбургов, что особенно пугало Вену.

Свои требования австрийское правительство подкрепило широкими военными приготовлениями, которые в свою очередь поддержала Германия. В 1912—1914 гг. австро-германский блок нередко шел на обострение обстановки, прибегая к военным демонстрациям и угрозам для решения внешнеполитических задач. К этому времени Германия добилась крупных успехов в гонке вооружений. Германские и австрийские военные считали, что их армии превосходят по оснащению и боеготовности вероятных противников. Политики в Вене и Берлине торопились использовать это преимущество, пока его не свело на нет выполнение аналогичных военных программ в России, Франции, Великобритании.

Давление на Сербию являлось очевидным вызывом российскому влиянию на Балканах. В ноябре-декабре 1912 г. Совет министров России неоднократно обсуждал возможную реакцию на действия Австро-Венгрии. Военные выступали за принятие аналогичных по масштабу мер по мобилизации армии. Но председатель Совета министров В. Н. Коковцов и С. Д. Сазонов горячо возражали, ссылаясь на слабую готовность войск и флота к войне, напряженное внутриполитическое положение, недостаточную сплоченность с

возможными союзниками — Францией и, особенно, Великобританией.

Председатель Совета министров и министр иностранных дел настояли на продолжении дипломатических усилий по урегулированию австро-сербского конфликта ценой уступок со стороны Белграда. В результате русско-австрийских и русско-сербских переговоров Сербия согласилась ограничиться "коммерческим доступом" к морю, т. е. правом беспошлинного транзита грузов через территории прибрежных государств.

Российская дипломатия пошла навстречу и требованиям Вены присоединить к Албании город Скутари (Шкодер), на который претендовала Черногория. Однако черногорский король Никола не подчинился такому решению, хотя оно было одобрено всеми великими державами. Австро-Венгрия получила хороший предлог для войны против Черногории, и Сазонову стоило большого труда выиграть время для новых уговоров черногорского монарха. В последний момент тот уступил, отказавшись от Скутари за денежную компенсацию.

Вторая Балканская война

После заключения мира с Турцией, когда исчез общий противник, разногласия между участниками Балканского союза превратились в открытую вражду. Яблоком раздора стала Македония. Болгария требовала ухода греческих войск из Салоник и с Эгейского побережья. В свою очередь, сербское правительство поставило вопрос о ревизии сербско-болгарского договора 1912 г., настаивая на расширении своей зоны в Македонии. Положение еще больше осложнилось после выступления Румынии, которая решила воспользоваться трудным положением Болгарии для предъявления претензий на Южную Добруджу.

Поставив перед собой цель окончательно разрушить Балканский союз, Австро-Венгрия обещала болгарскому царю Фердинанду помощь в войне против Сербии. Россия, со своей стороны, добивалась сохранения единства балканских государств. Царское правительство предложило свой арбитраж и было готово организовать в Петербурге переговоры премьеров Сербии, Болгарии, Черногории, Греции. Большую настойчивость проявила российская дипломатия и в урегулировании болгаро-румынских отношений. При этом Сазонов полагал, что ради предупреждения в будущем новых конфликтов и привлечения Румынии к союзу балканских государств надо частично удовлетворить претензии Бухареста.

Однако амбиции балканских правительств взяли верх над миротворческими усилиями. **17(29) июня 1913** г. по приказу царя Фердинанда болгарские войска атаковали сербские и греческие позиции в Македонии. *Началась вторая Балканская война.* Внезапности болгарам достичь не удалось. Их противники столь же активно готовились к войне под прикрытием переговоров об арбитраже. Сербские и греческие части перешли в успешное контрнаступление.

Надежды болгарского царя на обещанную австрийскую помощь не оправдались. Германия удержала Австро-Венгрию от нападения на Сербию. В Берлине хотели закончить ряд мероприятий по дальнейшему укреплению армии, к тому же считали, что главное достигнуто — Балканский союз развалился, а поражение Болгарии позволит австрийским и германским дипломатам с успехом играть в отношениях с Софией на весьма чувствительной струне реванша.

Видя, что Болгария изолирована, в войну против нее вступили Румыния и Турция. **9 (22) июля 1913** г. царь Фердинанд капитулировал и обратился к России с просьбой о посредничестве. На *мирных переговорах* болгарская делегация согласилась уступить Румынии Южную Добруджу, Сербии и Греции — почти всю Македонию, но попыталась вернуть занятый греками порт Кавалла на Эгейском море и Адрианополь (Эдирне), которым вновь овладели турки. Сазонов считал необходимым поддержать Болгарию. Тем самым он надеялся сохранить ее в сфере влияния России и несколько ослабить реваншистские настроения в болгарском правительстве, которые перечеркивали возможность нового сближения балканских государств. Однако позиция остальных великих держав заставила российскую дипломатию отступить. По договору **29 июля (10 августа) 1913 г.** Адрианополь перешел к Турции, а Кавалла — к Греции. Франция и Великобритания просьбы России о поддержке игнорировали, не пожелав рисковать ради них своими интересами в Афинах и Константинополе.

Миссия Лимана фон Сандерса В конце 1913 г. Германия предприняла попытку подчинить своему полному контролю турецкую армию, а заодно прочно утвердиться в районе черноморских проливов. Германская дипломатия поощряла и умело использовала в своих целях настроения реванша и воинствующего национализма, овладевшие правительством младотурок после поражения в первой Балканской войне. В ноябре 1913 г. было подписано германо-турецкое соглашение о направлении в Турцию новой германской военной миссии. Германские военные инструкторы и ранее находились в Турции, но теперь их права были значительно расширены. Несколько десятков немецких офицеров получили назначения на важные посты в аппарате турецкого Военного министерства и Генеральном штабе. Глава военной миссии генерал *О. Лиман фон Сандерс* стал командиром турецкого корпуса, расположенного в районе Константинополя и проливов.

Эти события вызвали бурные протесты царского правительства. С большим трудом российской дипломатии удалось в начале 1914 г. добиться от Германии и Турции перемещения Лимана фон Сандерса на другую должность. Однако это было уступкой по форме, но не по сути. Остальные члены миссии остались на своих постах. Сам Лиман фон Сандерс был повышен в звании и стал генерал-инспектором всей турецкой армии, правда без прямого подчинения ему турецких воинских частей.

Глава 23
Россия в первой мировой войне

§ 1. Вступление России в первую мировую войну

Укрепление Антанты

Натиск Германии и Австро-Венгрии на позиции России в восточном вопросе все больше склонял баланс российской внешней политики в сторону Франции и Великобритании.

В 1912—1913 гг. Петербургский кабинет пошел на значительное расширение русско-французского сотрудничества в военной области. Была подписана конвенция о совместных действиях военно-морских сил. Начальники генеральных штабов приняли решения об увеличении численности выставляемых против Германии войск и ускорении сроков их мобилизации. С этой целью Россия получила займы для строительства сети стратегических железных дорог.

Сложнее развивались русско-английские отношения. Англо-германский антагонизм был очень глубок. Британские государственные деятели не могли позволить Германии выйти вперед в гонке вооружений на море и поставить под угрозу связи английских колоний с метрополией. Располагая самой большой в мире колониальной империей, правящие круги Великобритании имели основания особо опасаться намерений Берлина устроить передел колониальных владений и сфер влияния.

Сторонники идеи военного разгрома Германии с помощью Франции и России преобладали среди членов Лондонского кабинета. Однако они считали, что решение о вступлении в войну британское правительство должно принимать самостоятельно, исходя из собственной оценки сил противостоящих коалиций и настроения английского общественного мнения. Поэтому, соглашаясь совместно разрабатывать военные планы против Германии, британская сторона в то же время избегала формальных союзных обязательств перед Францией и Россией. Дополнительно осложняли русско-английское сближение попытки Великобритании вновь поставить вопрос о взаимных интересах в Иране. Речь шла о расширении английской сферы влияния за счет “нейтральной зоны” по соглашению 1907 г.

В конце 1913 — начале 1914 г. внешнеполитическая стратегия России обсуждалась на Особых совещаниях министров царского правительства с приглашением дипломатов и военных. Сазонов настаивал на большей твердости в отношениях с Берлином и Ве-

ной. Он подчеркивал, что уступки не оградят Россию от новых покушений на ее интересы. Более того, постоянное отступление перед австро-германским блоком подрывало, по мнению министра, доверие к России со стороны Англии и Франции.

Царь и большинство членов кабинета разделяли взгляды Сазонова. Против ужесточения внешнеполитического курса, как и прежде, выступал Коковцов, но в январе 1914 г. Николай II освободил его от должности председателя Совета министров.

Вместе с тем сторонники твердой линии не могли игнорировать очевидное отставание военных приготовлений России. На Особых совещаниях было решено самим ни в коем случае не провоцировать конфликт. Военный министр В. А. Сухомлинов, морской министр И. К. Григорович, начальник Генерального штаба Я. Г. Жилинский обещали победу над германскими и австрийскими армиями, но только при условии обязательного вступления в войну Франции и Великобритании. Наряду с ускорением перевооружения армии и флота, первоочередной задачей становилось дальнейшее укрепление англо-франко-русского единства.

Сазонов стремился к полномасштабному военно-политическому союзу трех держав, однако, учитывая особую позицию Лондона, был готов начать с русско-английского военно-морского соглашения по образцу того, что было заключено между Францией и Великобританией в 1912 г. Это соглашение предусматривало координацию стратегии в расчете на совместную борьбу против Германии на море, но с оговоркой, что каждая из сторон сохраняет свободу в решении вопроса об участии в войне. К августу 1914 г. работа над подобным русско-английским документом была почти полностью завершена.

Противники сплочения Антанты, не имея серьезной поддержки среди министров, пытались повлиять на Николая II через правые фракции Государственного совета и Думы. В феврале 1914 г. лидер правых в Государственном совете П. Н. Дурново подал царю записку, в которой утверждал, что англо-русские противоречия сильнее русско-германских, что “борьба между Россией и Германией глубоко нежелательна для обеих сторон”, которым угрожает революция в случае войны. Особенно мрачные предсказания делал Дурново относительно России. На нее выпадут основные тяготы войны, которые обернутся резким ростом недовольства в обществе и мощным наступлением на правительство всех оппозиционных сил. “Расходившиеся народные волны” выйдут из-под контроля и “Россия будет ввергнута в беспросветную анархию, исход из которой не поддается даже предвидению”.

Царь, тем не менее, оставил без последствий записку Дурново, равно как и перекликавшиеся с ней выступления черносотенцев в Думе. Не последнюю роль сыграла очевидная слабость положительной программы критиков Антанты. Дурново предлагал вернуться к идее русско-франко-германского союза, обнаружившей свою пол-

ную несостоятельность еще в 1905 г. в связи с Бьеркским договором. Неубедительно выглядели и попытки Дурново доказать, что Германия готова к компромиссам с Россией по широкому кругу вопросов, включая сдерживание Австро-Венгрии на Балканах и предоставление России черноморских проливов, судьба которых якобы безразлична германской дипломатии.

Поворот в сторону Германии и ее союзников не устраивал и большинство политических партий. Балканские войны 1912—1913 гг. вызвали в русском обществе сочувствие борьбе балканских народов за свободу. Это усилило надежды кадетов, октябристов, прогрессистов, умеренно-правых на активизацию политики России на Балканах. В Петербурге были организованы манифестации под антиавстрийскими и антитурецкими лозунгами. Новый прилив воинственных настроений вызвали известия о назначении Лимана фон Сандерса главой военной миссии в Турции. Между Россией и Германией вспыхнула настоящая "газетная война".

Однако к лету 1914 г. кадеты и прогрессисты начали высказывать беспокойство по поводу чрезмерного бряцания оружием. После продолжительных внутрипартийных дискуссий кадеты в июне 1914 г. проголосовали в Думе против выделения правительству военных кредитов. Прогрессисты голосовали за кредиты, но ранее вместе с кадетами отказались поддержать законопроект об увеличении призыва в армию на 1914 г. Неуверенность и сомнения в рядах буржуазных партий объяснялись сгущавшимися тучами на внутриполитическом небосклоне: с апреля 1914 г. по нарастающей шла небывалая со времени революции 1905—1907 гг. волна стачек, кабинет министров конфликтовал с Думой.

Влияние надвигавшихся внутренних осложнений на отношение Николая II и его правительства к возможной войне было противоречивым. В правительственных кругах отдавали себе отчет, что если война затянется, то поддерживать в России необходимый патриотический подъем будет трудно. Основные причины и цели войны против Германии и Австро-Венгрии — борьба за гегемонию на Балканах, контроль над черноморскими проливами — слишком далеко отстояли от нужд народа. Характерен пессимизм министра внутренних дел Н. А. Маклакова. По свидетельству начальника мобилизационного отдела Генерального штаба, Маклаков в самый канун мировой войны признавал: "Война у нас, в народных глубинах, не может быть популярной, и идеи революции народу понятнее, нежели победа над немцем. Но от рока не уйти..."

Николай II опасался, что новое отступление на внешнеполитической арене сделает его правление еще более уязвимым для критики. Могла ослабнуть финансовая, политическая и моральная поддержка Петербургского кабинета со стороны Парижа и Лондона. Между тем относительно быстрая и легкая победа над австро-германским блоком позволяла приглушить недовольство, укрепить авторитет царя и правительства внутри страны и за ее пределами.

Важно отметить, что верховное командование российской армии не только надеялось на победу в случае совместного выступления с Францией и Великобританией, но и рассчитывало окончить военные действия максимум в течение года, а скорее за несколько месяцев. Это заблуждение было общим для стратегических планов всех государств, начавших первую мировую войну.

Покушение в Сараево

Летом 1914 г. вновь обострились австро-сербские отношения. В Боснии были назначены маневры австрийской армии, причем торжественный въезд в Сараево наследника австрийского престола эрцгерцога Франца Фердинанда намечался на день сербского национального траура в память погибших в 1389 г. в сражении с турками на Косовом поле. Провокационная поездка Франца Фердинанда завершилась трагически: **15 (28) июня 1914** г. в *Сараево эрцгерцог и его супруга были убиты.* Стрелявший в них Гаврила Принцип был связан с сербской конспиративной организацией, боровшейся за освобождение боснийских земель от австрийского господства и за присоединение их к Сербии.

В Вене немедленно обвинили сербские власти в пособничестве участникам покушения и считали, что найден хороший предлог для окончательной расправы с Сербией. Германский император Вильгельм II поддержал замыслы австрийского правительства, несмотря на возможность выступления России в защиту Сербии. На совещании у кайзера **22 июня(5 июля) 1914** г. высшее политическое и военное руководство Германии пришло к выводу о *готовности* страны к *большой войне.*

Похожие настроения господствовали в Париже. Если Германия побуждала к войне Австро-Венгрию, то в отношении России такую же роль играла Франция. 7 (20) июля 1914 г. в Петербург прибыл президент Французской республики Р. Пуанкаре в сопровождении главы правительства и одновременно министра иностранных дел Р. Вивиани. Они настойчиво советовали царю проявить твердость в назревающем конфликте вокруг Сербии и гарантировали выполнение Францией союзных обязательств.

Очень многое зависело от позиции Великобритании. Ясные и недвусмысленные заявления с берегов Темзы в поддержку Сербии, Франции и России могли остудить горячие головы в Берлине и Вене. Однако британское правительство сочло, что наступил благоприятный с военной и политической точки зрения момент для долгожданного сведения счетов с самым опасным конкурентом в борьбе за колонии и господство на море. Лондонский кабинет поставил перед собой задачу подтолкнуть Германию и Австро-Венгрию к выступлению, а действия Антанты представить вынужденными и оборонительными, что должно было сделать войну популярной в общественном мнении Великобритании.

Известив Париж и Петербург о принятом решении воевать, британские дипломаты в то же время убеждали германских и авст-

рийских политиков в нежелании своего правительства вмешиваться в войну на континенте. Искусная и коварная провокационная игра под руководством главы Форин оффис Грея вполне удалась. Все расчеты и действия австро-германского блока строились на уверенности в нейтралитете Великобритании.

Австрийский ультиматум

10 (23) июля 1914 г. Австро-Венгрия предъявила Сербии *ультиматум*, угрожая в случае его отклонения войной. Почти все пункты австрийского ультиматума были заведомо оскорбительны для Сербии как суверенного государства. В частности, австрийское правительство требовало уволить из сербской армии офицеров по спискам, подготовленным Австро-Венгрией, предоставить австрийской полиции право расследовать на территории Сербии обстоятельства убийства Франца Фердинанда.

Сербский принц-регент Александр обратился за поддержкой к России. Николай II обещал помощь и утвердил решение Совета министров приступить к военным приготовлениям, воздерживаясь пока от объявления мобилизации. В высших правительственных сферах еще сохранялась некоторая надежда на мирное урегулирование кризиса. Во всяком случае страны Антанты не должны были выглядеть зачинщиками войны. Поэтому Белграду было рекомендовано проявить максимальную сдержанность в отношении действий Австро-Венгрии и апеллировать к посредничеству великих держав.

Сербия приняла австрийский ультиматум, за исключением пункта об участии австрийских властей в следствии на сербской территории. На этом основании *Австро-Венгрия* признала ответ *Сербии* неудовлетворительным и **15 (28) июля 1914** г. *объявила ей войну*.

На следующий день Николай II подписал указ о всеобщей мобилизации. К этому времени в Петербурге были получены новые заверения Франции о готовности исполнить союзнический долг, а российский посол в Лондоне сообщил о твердом намерении Англии выступить против Германии.

Тем не менее сомнения не покидали царя. Вечером 16 (29) июля, когда подписанный указ уже был готов к рассылке, Николай II распорядился заменить всеобщую мобилизацию частичной, направленной только против Австро-Венгрии. Царь надеялся сохранить возможность для продолжения личных переговоров с кайзером Вильгельмом II о посредничестве в австро-сербском конфликте.

Действия Николая II вызвали недовольство русского военного руководства. Генеральный штаб никогда не разрабатывал вариантов частичной мобилизации против Австро-Венгрии и попытка осуществить такую меру привела бы к неразберихе, грозившей сорвать имевшиеся планы общей мобилизации против австро-германского блока.

По просьбе военного министра В. А. Сухомлинова и начальника Генерального штаба Н. Н. Янушкевича Сазонов взялся изменить решение императора. Министр иностранных дел был уверен в безоговорочной поддержке Германией Австро-Венгрии и в их обоюдном стремлении к войне. Он убеждал царя, что лучше развернуть военные приготовления в полном объеме, “нежели из страха дать повод к войне быть застигнутыми ею врасплох”. Сазонов предупреждал, что на карту поставлен престиж России как великой державы в глазах союзников и народов Балкан , что отступление оттолкнет от правительства многие влиятельные силы внутри страны.

Николай II согласился с доводами Сазонова и вновь распорядился о *всеобщей мобилизации* с 18(31) июля. Получив предлог для обвинения России в агрессивных замыслах (Германия формально не объявляла о мобилизации, хотя скрытно ее проводила), Берлинский кабинет потребовал немедленного прекращения русской мобилизации. Не дождавшись ответа на свой ультиматум, *германское правительство* **19 июля (1 августа) 1914** г. объявило войну России.

21 июля(3 августа) последовало *объявление Германией войны Франции.* Чтобы обойти укрепленные французские позиции на франко-германской границе, германские войска вторглись в нейтральную Бельгию, нарушив ее международно признанный нейтралитет. Этим поводом воспользовалась *Великобритания для вступления* **22 июля (4 августа)** *в войну против Германии.* Спустя два дня *Австро-Венгрия объявила войну России.* Наконец **10 (23) августа** к *противникам Германии примкнула Япония* с целью захватить германские владения на Дальнем Востоке.

Италия, будучи партнером Германии и Австро-Венгрии по Тройственному союзу, тем не менее в войну не вступила. К 1914 г. острота франко-итальянских противоречий, которые в свое время привели Италию в Тройственный союз, спала. Напротив, усилились территориальные споры Италии с Австро-Венгрией. Позицию нейтралитета итальянское правительство использовало для переговоров с противоборствующими сторонами, добиваясь наиболее выгодных компенсаций за участие в войне. В этом торге победила дипломатия Антанты. В **мае 1915** г. *Италия* открыла *военные действия* против *Австро-Венгрии.*

О своем нейтралитете в начале войны заявила и Турция. Но под прикрытием этих заявлений младотурецкое правительство деятельно готовилось к выступлению на стороне австро-германского блока. Российская дипломатия пыталась удержать Турцию от этого шага, предлагая ей гарантии территориальной целостности в обмен на нейтралитет. В Петербурге считали несвоевременным отвлечение значительных сил на юг и были готовы отложить решающую фазу борьбы за проливы до победы над Германией и Австро-Венгрией. Однако преодолеть германское влияние на Порту не удалось.

В ночь на 16 (29) октября 1914 г. турецкие военные корабли внезапно обстреляли Севастополь, Одессу и ряд других портов Чер-

ного моря. В составе турецкого флота действовали новейшие германские крейсеры "Гебен" и "Бреслау", которые в августе 1914 г. укрылись в черноморских проливах, а затем были якобы "куплены" Турцией у Германии вместе с их командами. **20 октября (2 ноября) 1914** г. *Россия объявила войну Турции.*

Постепенно в войну на стороне Антанты были вовлечены еще более 20 государств; на стороне Германии, Австро-Венгрии и Турции выступила Болгария. *Мировая война* явилась закономерным следствием внешней политики империалистических держав в конце XIX — начале XX вв., борьбы между ними за колонии, сферы экономических и политических интересов. Обе противостоявшие коалиции преследовали захватнические цели; лишь в Бельгии, Сербии и Черногории война была сопряжена с борьбой за национальную независимость.

§ 2. Начало войны

Вооруженные силы России Поражение России в русско-японской войне остро поставило вопрос о реформировании армии и флота. Военное и Морское министерства подверглись беспощадной критике в печати и с думской трибуны. Общественность требовала наведения порядка в военном и "цусимском" ведомствах.

Уже в ходе войны началась реорганизация системы управления вооруженными силами. Для координации действий Военного и Морского министерств в 1905 г. был создан Совет государственной обороны под председательством *вел. кн. Николая Николаевича (Младшего),* сына Главнокомандующего русской армией в русско-турецкой войне 1877—1878 гг. вел. кн. Николая Николаевича (Старшего). Почти одновременно с СГО был образован Генеральный штаб, начальник которого занял независимое от военного министра положение, а несколько позже был учрежден и Морской генеральный штаб. Однако раздельное существование Генерального штаба и Военного министерства, подобное германской системе управления, не прижилось, и спустя три года начальник Генерального штаба перешел под начало военного министра. Вскоре последовало и упразднение Совета государственной обороны.

За четыре года своего существования СГО успел лишь выработать план реформ, но так и не смог приступить к его осуществлению. Не удалось ему и соразмерить запросы военного и морского ведомств. Его председатель, опытный и знающий военачальник, но неуравновешенный человек, вносил немало сумбура в действия этого высшего органа военного управления.

В 1909 г. военным министром стал *В. А. Сухомлинов,* способный генерал, но отличавшийся необыкновенным легкомыслием и не свойственной его предшественникам способностью брать взятки. Под его руководством были осуществлены разработанные СГО ре-

формы, но их результаты в конечном итоге далеко не оправдывали оптимизма Сухомлинова относительно готовности армии к войне.

Реформирование свелось в основном к переустройству организации армии и системы ее комплектования, к оснащению войск современным вооружением и техникой, а также к улучшению материального положения офицеров и быта нижних чинов. Срок действительной службы в пехоте был сокращен до 3 лет, а во флоте — до 5, благодаря чему увеличивался контингент запасных. За счет упразднения резервных и крепостных частей возросла численность полевых войск, которые имели гораздо лучшую боевую подготовку. Благодаря этой реформе удалось также привести к большему единообразию штаты полевых войск, что позволило преодолеть ту пестроту в организации дивизий и корпусов, которая сильно затрудняла управление войсками в русско-японскую войну.

Опыт последней войны обнаружил возросшее значение в боевых действиях новых видов техники и вооружения. Уже с конца XIX века (а в морском деле еще раньше) мир стал втягиваться в гонку вооружений. Каждая страна всегда стремилась достичь превосходства над своим потенциальным противником прежде всего численностью своей армии — для того и совершенствовалась система комплектования, чтобы поставить в военное время под ружье максимальное число обученных солдат. Но технический прогресс предоставлял все большие возможности усиления боевой мощи армии и флота. Новые средства военной техники позволяли добиться превосходства над равным и даже более многочисленным противником. Важно только было угадать, какие технические средства атаки, обороны, разведки, связи и т. д. окажутся наиболее эффективными при боевом применении, чтобы заготовить достаточное их количество еще в мирное время.

Основным видом ручного оружия русской армии была трехлинейная винтовка системы С. И. Мосина. Она отличалась высокой эффективностью стрельбы и надежностью в эксплуатации, благодаря чему простояла на вооружении Императорской, а затем и Красной армии на протяжении полувека — вплоть до Великой Отечественной войны.

С начала XX века на вооружение стали поступать пулеметы. Хотя после русско-японской войны во всех пехотных полках и были сформированы пулеметные команды, имевшие на вооружении по 8 пулеметов (в основном системы Максима), эффективность этого вида оружия и, соответственно, острая потребность в нем стала очевидной только в ходе первой мировой войны.

Артиллерия русской армии усилилась в межвоенные годы главным образом легкими скорострельными орудиями. Трехдюймовая полевая пушка образца 1902 г. стала основным средством огневой поддержки пехоты. На тяжелую же артиллерию традиционно смотрели как на вспомогательное средство, необходимое лишь при осаде или защите крепостей или полевых укреплений. Поэтому, не-

смотря на пополнение армии новейшими гаубицами и тяжелыми пушками, доля их в общем артиллерийском парке едва превышала 3%. Будущая война виделась маневренной, и тяжелой артиллерии отводили в ней скромную роль. Только по Большой программе по усилению армии, принятой накануне войны (1913), предполагалось придать каждому корпусу дивизион тяжелой артиллерии и довести общее число стволов в корпусе до 200, однако до начала войны ничего из этого плана реализовать не удалось.

Значительная часть средств на оборону в межвоенный период была потрачена на воссоздание флота после его уничтожения в Порт-Артуре и разгрома в Цусимском бою. При этом основное внимание и Морской Генеральный штаб, и правительство уделяли строительству флота на Балтике. Результатом выполнения морских программ было пополнение Балтийского флота четырьмя новейшими линейными кораблями, которые, однако, всю войну провели в безопасных гаванях Финского залива. Программа же усиления Черноморского флота была принята только в 1911 г., и достраивать по ней корабли пришлось уже в ходе войны.

За годы, предшествовавшие первой мировой войне, значительно улучшились качественный состав офицерского корпуса и боевая подготовка нижних чинов. Высшая аттестационная комиссия, образованная при СГО, провела чистку генералитета и добилась омоложения высшего командного состава русской армии. Особое внимание Военное министерство уделяло повышению престижа офицерской службы и сумело добиться того, что военные училища стали пользоваться перед войной популярностью среди образованной молодежи. Этому способствовали меры как материального характера (повышение окладов жалования обер- и штаб-офицерам), так и укрепление корпоративного духа офицерской среды. Да и сам факт поражения в русско-японской войне действовал на офицеров не столько удручающе, сколько отрезвляюще. Офицеры принялись за изучение специальной литературы, читали и слушали доклады в гарнизонных военно-научных обществах, следили за изменениями в военном деле у своих будущих союзников и противников. Никогда еще со времен Крымской войны моральный дух офицерского корпуса не был на таком высоком уровне, как накануне первой мировой войны.

Заметны были перемены и в подготовке нижних чинов. Военным министерством предпринимались меры по улучшению их быта: строились новые казармы, солдатам выдавались постельные принадлежности, увеличивалось денежное содержание. С упразднением резервных войск боевая подготовка всех частей велась по единому распорядку, и к началу войны русский солдат по уровню как индивидуальной, так и тактической подготовки вполне отвечал современным требованиям.

Планы войны Русский Генеральный штаб разрабатывал мобилизационные расписания исходя из вероятности войны против по меньшей мере двух своих соседей: Германии и Австро-Венгрии. Поэтому план стратегического развертывания русской армии имел два варианта: план "А" — с преимущественной концентрацией войск против Австро-Венгрии, и план "Г" — с преобладанием сил на русско-германском фронте. По первому варианту ставилась задача по мере завершения мобилизации перейти в наступление против австрийских и германских войск и нанести им поражения соответственно в Галиции и Восточной Пруссии. По второму варианту войска, действовавшие на русско-австрийском фронте, ограничивались сдерживанием противника, чтобы не дать ему выйти в тыл армиям, наступающим в Восточной Пруссии.

Трудность как того, так и другого варианта заключалась в том, что мобилизация русской армии из-за размеров территории империи и малой густоты ее железнодорожной сети отставала от развертывания сил ее противников. Поэтому успех начального периода войны во многом зависел от того, против кого нанесет Германия первый удар — против России или против Франции.

Немецкий план войны созрел задолго до ее начала: молниеносным ударом германский Генеральный штаб рассчитывал вывести из войны Францию, пока медлительная Россия будет разворачивать свои армии, а затем расправиться и с ней. Это давало русскому командованию возможность провести мобилизацию и развертывание войск в соответствии с детально разработанным планом. *Мобилизация* началась **15 (28) июля 1914 г.** по варианту "А".

Военные операции 1914 г. 20 июля (2 августа) был назначен *Верховный главнокомандующий* — им стал *вел. кн. Николай Николаевич,* а местом *Ставки* был избран белорусский город *Барановичи.*

С первых дней войны, когда обнаружились намерения немцев наступать сначала на Западном фронте, французское командование стало требовать от своего союзника на востоке перейти в наступление против Германии и сделать это как можно быстрее. В стремлении помочь французской армии, положение которой становилось труднее с каждым днем, русское командование начало активные операции, не дожидаясь развертывания всех своих армий. **4 (17) августа** 1-я армия генерала П. К. Ренненкампфа перешла в наступление против немецкой группировки в Восточной Пруссии и спустя три дня одержала победу в сражении под Гумбинненом. Одновременно на территорию Восточной Пруссии вторглась и 2-я армия генерала А. В. Самсонова, которая должна была воспрепятствовать отходу разбитых немецких войск. Командование Северо-Западным фронтом, куда входили обе армии, быстро уверовало в легкую победу и посчитало, что каждая из них сможет самостоятельно довершить разгром противника.

Однако немцы сохранили в этой трудной обстановке хладнокровие и не торопились очищать Восточную Пруссии. Командующим 8-й армией, которой грозило окружение, был назначен генерал П. Гинденбург, а начальником его штаба — генерал Э. Людендорф. С Западного фронта был переброшен армейский корпус, и, воспользовавшись разобщенностью действий русских армий, немцы нанесли удары во фланги армии Самсонова. Два русских корпуса оказались в окружении вместе с командующим армией. Большая часть окруженных войск сдалась в плен, а генерал Самсонов застрелился.

Так блестяще начавшись, *Восточно-Прусская операция* завершилась гибелью почти целой армии. Вслед за ее поражением вынуждена была отступить из Восточной Пруссии и армия Ренненкампфа. Исход этой операции сразу придал немцам уверенность в своих силах, а русские войска оказались перед угрозой "маньчжурского синдрома" — патологической боязни неудач. Положительным итогом этой операции было лишь ослабление перед сражением на Марне немецкой группировки на Западном фронте, вынужденной переправить на восток целых два армейских корпуса.

Больший успех пришелся на долю Юго-Западного фронта, втянувшегося в августе в продолжительную битву против австро-венгерских войск в Галиции. Русской армии удалось не только сдержать наступление противника на Люблин, но и самой продвинуться вперед и захватить столицу Восточной Галиции — Львов. В *Галицийской битве*, длившейся больше месяца на фронте протяженностью до 400 км, обе стороны понесли немалые потери: около 400 тыс. у австрийцев и свыше 230 тыс. у русских. Добиться же разгрома противника не удалось ни той, ни другой стороне.

Тем не менее инициатива оказалась в руках русского командования. Ставка планировала развить наступление в Галиции и добить Австро-Венгрию. Но Германия поспешила на помощь своему союзнику и в сентябре перебросила часть своих войск из Восточной Пруссии в район Кракова и Верхней Силезии, сформировав из них армию под командованием Гинденбурга. Эта армия, упредив наступление русских войск, двинулась на Варшаву. С конца сентября на обоих берегах Вислы развернулось сражение за *Варшаву* и крепость *Ивангород*, а в октябре русские войска отбросили своих противников к западной границе Царства Польского, и уже готовы были вторгнуться на территорию Германии.

Чтобы предупредить это наступление, Гинденбург произвел перегруппировку своих войск и подготовил удар во фланг русской армии. Этот удар был нанесен 29 октября (11 ноября), за три дня до начала наступления русских войск, и рассчитан он был на окружение нескольких корпусов. В ожесточенных боях в районе Лодзи попытки немцев выполнить свой план были отражены; более того, часть их войск сама оказалась в окружении, но сумела выбраться из него. *Лодзинская операция* не принесла очевидного успеха ни той, ни другой стороне: немцам не удалось разгромить русские вой-

ска, но и русскому командованию пришлось отказаться от планов вторжения в пределы Германии.

В целом, кампания 1914 г. оказалась успешной для русской армии. Ей удалось нанести чувствительные поражения Австро-Венгрии, захватить Восточную Галицию с главным ее городом Львовом и осадить сильнейшую крепость Перемышль. На германском направлении хотя и не было заметного продвижения, тем не менее была решена главная стратегическая задача: Германия вынуждена была воевать на два фронта и, отвлекаемая на востоке, не сумела добиться разгрома союзников России на западе.

Война и общество

Объявление Германией войны России вызвало невиданный всплеск патриотизма в русском обществе. В столицах и в других крупных городах прошли многолюдные манифестации под лозунгами “война до победного конца”. Эти манифестации иногда сопровождались немецкими погромами, как например, в Петербурге, где было разгромлено посольство Германии.

Антинемецкие настроения находили свое выражение и в переименовании городов (столица империи стала называться Петроградом), и в закрытии немецких газет, и в подозрительном отношении ко всем лицам с немецкими фамилиями. Эти настроения разжигались газетными публикациями о зверствах немцев в занятых ими городах, о бесчеловечном обращении немцев с военнопленными и интернированными, а также журнальными рассуждениями о “презренной” германской культуре, “где пивные более раззолочены, чем наши дворцы”. Пропагандистскими усилиями начавшуюся войну стали называть Второй Отечественной: ее смыслом провозглашалась смертельная борьба с германизмом, стремившимся поработить Россию и все славянство.

Возбуждение тотальной ненависти к противнику стало одной из характерных черт, отличавших первую мировую войну от прежних войн. Во врагов превращались не только солдаты противоборствующих держав и все их население (в 1915 г. из завоеванной Галиции были выселены все евреи, поголовно заподозренные в шпионстве в пользу Австро-Венгрии), но и свои соотечественники, говорившие на языке противника и воспитанные в его культуре. В условиях, когда в войну втягивались миллионы людей, пропаганда и формируемый ею образ врага становились необходимым и очень важным средством мобилизации их на смертельную борьбу.

Одним из первых правительственных актов по укреплению моральной крепости тыла стало введение сухого закона. На все время войны запрещалось производство и потребление любых алкогольных напитков, включая пиво. Благодаря военным обстоятельствам Николай II исполнил свою давнюю мечту о моральном исцелении русского народа.

26 июля на однодневной сессии Государственная дума единогласно, за исключением воздержавшихся социал-демократов, во-

тировала военные кредиты. Само заседание стало демонстрацией единения власти и оппозиции перед лицом национальной опасности. Речи депутатов, независимо от партийной принадлежности, вызывали шквал рукоплесканий и справа, и слева, и из центра. На призыв председателя Совета министров И. Л. Горемыкина забыть внутренние распри и сплотиться вокруг единого знамени с начертанными на нем словами "Государь и Россия" лидер кадетов П. Н. Милюков пообещал отложить все внутренние споры во имя сохранения страны единой и нераздельной. "В этой борьбе мы все заодно, — провозгласил Милюков, — мы не ставим условий и требований правительству, мы просто кладем на весы борьбы нашу твердую волю одолеть насильника". "Парад единения" демонстрировал всеобщую готовность пожертвовать своими партийными интересами во имя спасения Родины в годину смертельной угрозы.

Гармонию единства нарушали только социал-демократы, призывавшие к "международной солидарности всех трудящихся всего мира". Еще более последовательными в своем непризнании классового мира были большевики: они не только протестовали против войны, но три месяца спустя в манифесте "Война и российская социал-демократия" выдвинули лозунги поражения своего правительства и превращения империалистической войны в гражданскую. Однако в условиях патриотического подъема первых месяцев войны такая позиция большевиков лишала их популярности даже в среде рабочих крупных городов. Предание суду большевистской фракции Думы за пораженческую агитацию не вызвало поэтому крупных акций протеста.

С началом войны политическая жизнь России в одночасье успокоилась, а раздираемое противоречиями общество неожиданно обрело сплоченность. Изъявившая свою лояльность Дума была распущена на полгода, и никто не протестовал против такого ограничения ее полномочий. С большим подъемом прошла мобилизация, а в тылу разворачивались кампании по организации действенной помощи фронту.

В конце июля 1914 г. представители земств на своем съезде образовали Всероссийский земский союз помощи раненым во главе с князем Г. Е. Львовым, а спустя несколько дней их примеру последовали городские головы, объединившиеся во Всероссийский городской союз, главноуполномоченным которого был избран московский городской голова М. В. Челноков. Оба союза организовывали санитарные поезда, госпитали и лазареты, снабжали их медикаментами и бельем, а позже занимались приемом и устройством беженцев и помощью военнопленным. Оба союза пользовались безусловной поддержкой правительства, которое предоставляло им крупные субсидии.

Все сословия чувствовали себя обязанными быть полезными Отечеству, и особой популярностью среди русской элиты в это время пользовалась работа в госпиталях и санитарных поездах. Пример такого служения давали сама императрица и ее старшие доче-

ри — Ольга и Татьяна, работавшие сестрами милосердия в царскосельском лазарете. На медицинскую службу поступали светские дамы, многие знаменитые поэты, артисты, художники.

Те, кто не оставлял привычного быта, оказывал помощь фронту деньгами, теплой одеждой, праздничными посылками. Театры выезжали на фронт, где ставили спектакли и проводили концерты. Писатели и публицисты участвовали в пропагандистских кампаниях, отдавая свой талант на писание безыскусных агитационных брошюр. Война сплотила русское общество, раздираемое совсем недавно непримиримыми противоречиями, и многим казалось, что оно сохранит свою монолитность до самой победы.

§ 3. Кампания 1915 г.

"Великое отступление" Несмотря на успешное завершение боевых операций в 1914 г., положение русской армии к началу новой кампании было нелегким. Запасы вооружения и боеприпасов были рассчитаны на непродолжительную войну и к началу 1915 г. оказались в значительной степени исчерпанными.

Уже к концу года остро ощущалась нехватка винтовок, патронов и снарядов. Обнаружилось в ходе первых операций и превосходство германских войск в обеспеченности тяжелой артиллерией. Пока боевые действия носили маневренный характер, это превосходство не давало еще заметного преимущества. Но постепенно войска, как и на Западном фронте, все более и более вгрызались в землю, а преодолевать хорошо подготовленные оборонительные позиции без содействия тяжелой артиллерии становилось делом почти безнадежным.

Тем не менее Верховное главнокомандование русской армии планировало наступательные операции и в предстоящей кампании. Ставка рассчитывала добиться успеха в первую очередь на германском направлении, но при этом равномерно распределяла силы между Северо-Западным (главнокомандующий Н. В. Рузский, с марта — М. В. Алексеев) и Юго-Западным (главнокомандующий Н. И. Иванов) фронтами. Однако эти планы были нарушены противником.

Германское командование, планируя новую кампанию, стояло перед более сложной дилеммой распределения сил. Позиционный характер войны на Западном фронте ставил под сомнение успех всякого наступления. Но и вывести из войны Россию представлялось делом нелегким. Все решила активность русских войск на фронте против Австро-Венгрии. Зимние бои в Карпатах обнаруживали слабость австро-венгерской армии и угрозу ее полного разгрома. Для помощи союзнику Германия должна была нанести отвлекающий удар на Восточном фронте. Это означало поворот в германской стратегии войны: теперь она пыталась покончить сначала со своим противником на востоке. Это решение, по признанию начальника Генерального штаба Э. Фалькенгайна, оправдывалось только убеждением, что иначе Австро-Венгрия в короткий срок рухнет,

придавленная гнетом войны. Четыре вновь сформированных корпуса германской армии направлялись на Восточный фронт. Еще четыре корпуса были сняты с Западного фронта.

9 (22) марта 1915 г. после многомесячной осады пала австрийская крепость Перемышль. В плену оказался весь ее 120-тысячный гарнизон. Блокировавшую ее армию можно было использовать для наступления в Карпатах. Однако соотношение сил к этому времени изменилось уже в пользу противников России.

К середине апреля немцы сосредоточили в Западной Галиции ударную группировку для прорыва русского фронта. В районе Горлицы, где наносился главный удар, они имели полуторное превосходство в численности войск и двойное — в артиллерии. Особенно ощутимым было преимущество в тяжелой артиллерии: против 4 русских орудий германская армия выставляла 334.

Наступление началось **19 апреля (2 мая)** и безостановочно продолжалось до **начала июня**. В ходе этой операции русская армия вынуждена была оставить Галицию вместе с недавними трофеями — Перемышлем и Львовом. Это было началом "Великого отступления", которое вылилось в цепь прорывов германских и австрийских войск на разных участках огромного фронта и оборонительных операций русской армии по сдерживанию устремившегося на восток неприятеля.

Самым тяжелым обстоятельством, затруднявшим борьбу с противником, стала нехватка боеприпасов. В то время как немецкая тяжелая артиллерия обрушивала шквал огня на русские оборонительные позиции, русская армия вынуждена была экономить не только на снарядах, но и на винтовочных патронах. Не в силах отвечать противнику равноценным огнем она не имела иного выхода, как отступать.

По завершении *Горлицкой операции* германо-австрийское командование спланировало совместными ударами с севера и юга окружить и уничтожить группировку русских войск в Польше. Наступление с юга в июне завершилось выходом австро-германских войск на рубеж Люблин — Холм. Гораздо более опасными были удары немцев с севера. В начале июля они осуществили Праснышский прорыв, форсировали реку Нарев и, выйдя в тыл русским армиям в Польше, угрожали отрезать им пути отхода. Одновременно для подготовки более широкого охвата всего русского фронта германская армия перешла в наступление в Курляндии, где предполагала окружить противостоящие ей русские дивизии. Однако командующий 5-й армией генерал В. К. Плеве разгадал замысел противника и вывел свои войска из-под его удара. Отступив до рубежа Западной Двины, его армия нарушила стратегический план германского командования.

Не удалось немцам замкнуть в кольцо окружения и русские армии в Польше. Остановив наступление противника и с юга, и с севера, русское командование осуществило вывод своих войск на

восток, оставив лишь 86-тысячный гарнизон в крепости Новогеоргиевск. Этот гарнизон, однако, продержался не более десяти дней и позорно капитулировал, оставив противнику свыше тысячи исправных орудий.

Отступив из Польши, русские войска не сумели сдержать натиск наступающего противника и в течение августа оставили большую часть Литвы и Западную Белоруссию. **23 августа (5 сентября) 1915 г.** в поисках выхода из положения, принимавшего все более угрожающий характер, Николай II принял решение взять на себя Верховное главнокомандование. Начальником своего штаба император назначил *генерала М. В. Алексеева*, который при неподготовленности Николая II к стратегическому руководству войсками фактически возглавил Ставку. Алексеев оказался вполне на своем месте на этом посту: он был прекрасным штабистом, а некоторый недостаток решимости вполне восполнялся августейшей ответственностью за принимаемые решения.

В конце августа немцы попытались вновь уничтожить русские армии, взяв их в кольцо окружения на этот раз в районе Вильно. Им удалось прорвать фронт и выйти в тыл русским войскам, перерезав железнодорожное сообщение Вильно — Минск. Но Ставка хладнокровно оценила ситуацию и, умело используя резервы, справилась с этим прорывом. *Виленская операция* привела к потере еще части территории, и русские войска отошли на рубеж Западная Двина — Двинск — Барановичи — Пинск, где фронт стабилизировался. Противники окапывались, возводили линии заграждения, строили укрепления и переходили к позиционной войне.

К концу года стабилизировалась линия фронта и на южном его участке. Здесь армии Юго-Западного фронта в течение лета и осени не только оборонялись, но и пытались наступать против австрийских войск. Большого успеха они не имели, но их моральное состояние укрепилось после тяжелого весеннего отступления.

Кампания 1915 г. обернулась тяжелыми поражениями для русской армии. В ходе "Великого отступления" были оставлены огромные территории, а войска понесли невосполнимые потери. Но ценой этих потерь русский фронт устоял против германского натиска: Германии не удалось решить главную задачу кампании — вывести Россию из войны.

"Мобилизация промышленности"

Ни одна из держав-участниц первой мировой войны не рассчитывала на ее затяжной характер. Русский Генеральный штаб, определяя размеры боевого комплекта патронов и снарядов в предстоящей войне, исходил из норм расхода боеприпасов в русско-японской войне. И хотя русская армия далеко не закончила подготовку к войне, тем не менее она накопила достаточные запасы патронов в соответствии с расчетными нормами расхода, а по артиллерийским снарядам имелся даже небольшой излишек.

Однако масштабы новой войны превзошли все ожидания. Уже через месяц после ее начала на некоторых участках фронта армия испытывала “снарядный” голод. Мобилизационные запасы были исчерпаны за четыре месяца, и в начале 1915 г. наступил кризис боевого снабжения: не хватало ни пушек, ни снарядов, ни винтовок, ни патронов. Однако планов перехода к производству военного времени до войны выработано не было, так как предполагалось, что война будет вестись за счет запасов, заготовленных в мирное время. С проблемой усиления военного производства столкнулись все участники войны, но особенно остро этот вопрос встал в России с ее огромной территорией, слаборазвитой сетью железных дорог и малопроизводительной промышленностью.

Для “мобилизации промышленности” в мае 1915 г. было создано *Особое совещание* для усиления артиллерийского снабжения действующей армии под председательством военного министра. В работе Совещания помимо военных чинов принимали участие и представители “общественности”: члены Государственного совета и Государственной думы, крупные финансисты и предприниматели. По его рекомендации в августе 1915 г. были образованы пять Особых совещаний для обсуждения и решения важнейших экономических вопросов, связанных с ведением войны, — *по обороне, топливу, продовольствию, перевозкам и по устройству беженцев.* Все эти Особые совещания возглавлялись соответствующими министрами, но в их работе важнейшую роль играли представители законодательных учреждений и общественных организаций. Место же буржуазии в работе Особых совещаний было более скромным: предприниматели не имели установленной квоты представительства, а приглашались персонально. Предпочтение при этом отдавалось петроградским финансовым и промышленным магнатам, которые благодаря этому получали львиную долю военных заказов.

Особые совещания занимались исчислением потребностей фронта в боеприпасах и продовольствии, распределением заказов на изготовление военной продукции, мобилизацией транспорта и топливной промышленности на нужды фронта и военного производства. Особые совещания могли требовать от частных предприятий приоритетного исполнения казенных заказов и закрывать эти предприятия в случае отказа от работы на казну; имели они также право секвестровать частные заводы и назначать своих уполномоченных для их управления.

Особые совещания, хотя и созданные с большим опозданием, стали достаточно эффективными органами управления военным хозяйством страны. В них общественные деятели плодотворно сотрудничали с государственными чиновниками, несмотря на политические разногласия с правительством. В свою очередь министерства при распределении заказов отдавали приоритет частным заводам, особенно в тех отраслях, которые были связаны с новой военной техникой — авиацией, моторостроением, автомобилестрое-

нием. В угоду буржуазии Особые совещания не устанавливали ни твердых цен, ни жестких мер регулирования производства. Но совместная работа власти и общества способствовала как широкому вовлечению частной промышленности в военное производство, так и развертыванию казенных заводов.

Более независимой от государства инициативой по мобилизации промышленности было создание *военно-промышленных комитетов*. Идея их образования была провозглашена на съезде представителей промышленности и торговли в мае 1915 г. Съезд поставил перед комитетами задачу "организовать всю неиспользованную мощь русской промышленности для удовлетворения нужд обороны государства". На местах создавались районные комитеты, которые должны были заниматься практической работой, а в июле 1915 г. был создан Центральный военно-промышленный комитет, председателем которого был избран лидер октябристов *А. И. Гучков*, не скрывавший своих намерений превратить ЦВПК в орган не только экономического регулирования, но и политического влияния. В руководстве военно-промышленными комитетами ведущую роль играли такие крупные предприниматели, как А. И. Коновалов, П. П. Рябушинский, С. Н. Третьяков, М. И. Терещенко.

Военно-промышленные комитеты разворачивали военное производство на самых разных предприятиях вплоть до кустарных мастерских. ЦВПК получал от казны не только объемные заказы, но и авансы и субсидии для их исполнения, а затем распределял их между областными комитетами, которые в свою очередь делили их между местными комитетами. Система военно-промышленных комитетов, несмотря на то, что она развернулась в широко разветвленную сеть, оказалась менее эффективной, чем декларировали ее руководители. Не уставая критиковать бюрократический аппарат, в том числе аппарат Особых совещаний, деятели ВПК сами выступали в большей степени посредниками при распределении казенных заказов и авансов, нежели организаторами производства. "Раскачка" новообразованных учреждений по мобилизации промышленности заняла более года, и до февраля 1916 г. ВПК исполнили лишь 3—4% принятых заказов, а к лету выполнение заказов поднялось до 24,5%. Лишь в 1917 г. эффективность работы ВПК стала достигать 50—70%.

Доля продукции ВПК в общем объеме военного производства не превышала 5%, однако следует иметь в виду, что самые масштабные заказы Военное министерство предпочитало распределять через систему Особых совещаний.

Расширяли свою деятельность Земский и Городской союзы, объединившиеся в единую организацию — Союз земств и городов (Земгор). Помимо помощи раненым, беженцам и военнопленным, они налаживали производство обмундирования, амуниции, медикаментов и теплых вещей.

Общими усилиями правительства и общественности кризис боевого снабжения был отчасти преодолен уже к началу новой военной кампании, и в 1916 г. армия смогла не только укрепить линию фронта, но и перейти к активным наступательным действиям.

"Прогрессивный блок"

Морально-политическая сплоченность, которую русское общество обрело с первых дней войны, оказалась на деле эфемерной. "Великое отступление" очень быстро породило озлобление против властей как в окопах, так и в тылу. Тому причиной был не только тот общественный кризис, который переживала Россия с начала века и который, как оказалось, был лишь приглушен начавшейся войной, но и сами условия этой грандиозной войны.

Позиционная война стала серьезным моральным испытанием для армии. Недели и месяцы солдаты проводили в окопах, ведя изнурительную борьбу с грязью, вшами и холодом. Нередкими были и перебои с продовольственным снабжением, и тогда приходилось терпеть еще и голод. Противник был недосягаем, но артиллерийские налеты совершались регулярно, и они держали солдата в постоянном напряжении. Смерть подстерегала не только в горячем бою, но и во время будничного сидения в окопах.

Другим тяжелым испытанием для войск была вынужденная экономия боеприпасов. Невозможность отвечать равноценным огнем на огонь противника весьма негативно сказывалась на моральном состоянии армии. Патриотический порыв бойцов быстро угасал, и в их сознании закрадывались сомнения в способности вождей армии привести ее к победе и подозрения в предательстве и даже измене тылового начальства.

Но если на фронте армия сохраняла свою боеспособность благодаря воинской дисциплине, то в тылу оппозиционные настроения распространялись весьма быстро. Война легла тяжелым бременем на плечи всего населения страны, и это тоже было характерной ее особенностью. В армию была мобилизована значительная часть трудоспособного населения, а также конского состава, иссякали источники доходов многих крестьянских и городских семей, и, хотя продовольствия в стране хватало, скоро начался неудержимый рост цен. Парадоксальным было то обстоятельство, что по мере улучшения снабжения фронта боеприпасами и продовольствием, положение населения становилось все хуже и хуже: органы экономического регулирования довольно эффективно перераспределяли национальный доход в пользу армии.

В то же время рост военных заказов обеспечивал баснословные прибыли многочисленным предпринимателям. На военных поставках сколачивались огромные состояния, и поведение нуворишей, не стеснявшихся демонстрировать свое богатство, вызывало озлобление у тех, кто приносил немалые жертвы во имя победы. В сознании простых людей война постепенно утрачивала ореол Вто-

рой Отечественной. Военным неудачам быстро находили объяснение в измене, которую подозревали и в среде буржуазии, и в правительстве, и даже при дворе. Одним из актов выражения подобных настроений стал немецкий погром в мае 1915 г. в Москве, в ходе которого подверглось опустошению около пятисот предприятий и пострадало несколько сотен людей немецкого происхождения и с иностранными фамилиями. В 1915 г. вновь стали обычным явлением забастовки, в том числе и с политическими требованиями. Идиллия национального единства завершалась.

Доверие правительству, выраженное Думой в самом начале войны без каких бы то ни было условий, было исчерпано в течение года полностью. **19 июля 1915 г.**, в первую годовщину войны, открылась сессия Государственной думы. На этой сессии перед лицом правительства вновь предстала оппозиция, но теперь это была не только "оппозиция Его Величества", как именовали себя кадеты. С требованиями перемен в правительстве выступили партии центра (октябристы и прогрессисты) и даже правых (националисты). Они объединились в *"Прогрессивный блок"*, главным пунктом программы которого стало формирование "министерства общественного доверия", или "правительства национальной обороны", способного довести войну до победного конца. Смысл этого лозунга заключался в том, чтобы в правительство вошли общественные деятели из числа думских депутатов и представителей Земгора и ЦВПК, а также министры, пользовавшиеся доверием не только императора, но и Государственной думы.

Объединение в рамках "Прогрессивного блока" фракций от кадетов до националистов и превращение его в думское большинство ставило правительство перед трудной дилеммой: пойти на соглашение с Думой и тем самым попытаться восстановить гармонию национального единства или проявить твердость и идти своим курсом невзирая на оппозицию Думы. Этот вопрос вызвал серьезные разногласия в Совете министров. Положение усугублялось еще и тем, что в это же время Николай II сместил с поста Верховного главнокомандующего вел. кн. Николая Николаевича и сам возглавил Ставку. Это его решение вызвало *"министерскую забастовку"*: большинство министров считало этот шаг монарха глубоко ошибочным и роковым, и восемь министров подписали письмо на высочайшее имя с просьбой отказаться от этого шага. Николай II не внял их советам, а несогласных с его волей поочередно увольнял в отставку.

Волею судеб именно те министры, кто отговаривал монарха от принятия командования над армией, были склонны к компромиссу с Думой. Их поражение в одном вопросе неминуемо привело и к неудаче в другом. Неуспех "министерской забастовки" знаменовал собой не только разрыв между верховной властью и обществом, но и утрату правительством способности к согласованным действиям и ответственным решениям. За "министерской забастовкой" последовала *"министерская чехарда"*.

§ 4. Военные действия в 1916 г. Брусиловский прорыв

Перед новой военной кампанией командование армий стран Антанты попыталось достигнуть соглашения о взаимной координации военных усилий. К этому времени на их стороне, помимо Сербии, воевала еще и Италия, а блок Центральных держав, в свою очередь, пополнился Турцией и Болгарией.

В конце ноября (начале декабря) 1915 г. в Ставке французского главнокомандования в Шантильи прошла межсоюзническая конференция. Русская Ставка предложила свой план операций на 1916 г., который сводился к тому, чтобы одновременными ударами русского Юго-Западного фронта, англо-французских сил с Салоникского плацдарма на берегу Эгейского моря и итальянской армии — в общем направлении на Будапешт — нанести поражение Австро-Венгрии, вывести ее и Болгарию из войны и, в свою очередь, привлечь на свою сторону Румынию и Грецию. Однако союзники России отвергли этот план, мотивируя свой отказ слабостью ресурсов для наступательных действий. Главным театром войны, по их мнению, был французский, где предполагалось вести только оборонительные операции ради сбережения французской армии для наступления в будущем. Это наступление французская Ставка предполагала начать летом 1916 г., причем Россия и Италия должны были выступить первыми, чтобы отвлечь австро-немецкие силы с главного театра.

Однако немцы не стали дожидаться летней инициативы своих противников, а в феврале начали наступление на французскую крепость Верден. Одновременно австро-венгерские войска атаковали итальянскую армию. Чтобы помочь своему союзнику на западе, русская Ставка предприняла в марте наступление силами Северного и Западного фронтов. Однако не подготовленная ни материально, ни тактически, 10-дневная Нарочская операция привела лишь к большим потерям (до 90 тыс. человек), хотя и отвлекла четыре германские дивизии с Западного фронта.

На мартовском совещании в Шантильи было решено ускорить общее наступление против Центральных держав. Его должна была начать русская армия в конце апреля, с тем чтобы в мае ее поддержали войска союзников.

План русского наступления был представлен Верховному главнокомандующему начальником его штаба М. В. Алексеевым в конце марта. В своем докладе он доказывал, что при растянутом фронте (Восточный фронт тянулся на 1200 км) и при слабом развитии железнодорожной сети гораздо выгоднее атаковать противника самому, нежели ожидать, в какой точке столь протяженного фронта он нанесет свой удар. Ставка спланировала нанесение главного удара силами Западного фронта (главнокомандующий А. Е. Эверт) в направлении на Вильно, а наступление Северного (главнокомандую-

щий А. Н. Куропаткин) и Юго-Западного (главнокомандующий А. А. Брусилов) фронтов должно было носить вспомогательный характер.

Подготовка армий к наступательной операции заняла больше времени, чем первоначально предполагалось Ставкой. Особенно основательно готовились к прорыву австро-германской обороны на Юго-Западном фронте. Его главнокомандующий *А. А. Брусилов* отказался от традиционного сосредоточения сил в одном месте для нанесения главного удара, а приказал в каждой армии и даже в некоторых корпусах подготовить свои участки прорыва. Брусилов справедливо полагал, что при появившихся в этой войне средствах воздушной разведки скрыть подготовку главного удара было практически невозможно, поэтому он предполагал рассредоточение наступательных действий, чтобы дезориентировать противника и лишить его способности маневрировать резервами.

Подготовка к наступлению завершалась в середине мая, когда русское командование было вынуждено принять решение об ускорении начала операции. Причиной тому было успешное наступление австрийских войск в Италии, что грозило полным разгромом этого союзника. Поэтому первыми, 22 мая (4 июня), должны были перейти в атаку войска Юго-Западного фронта, а неделю спустя главный удар наносил Западный фронт.

22—25 мая (4—7 июня) все четыре армии Брусилова осуществили *прорыв* линии фронта сразу в нескольких местах и в течение недели продвинулись на несколько десятков километров. Разгром противника был впечатляющим: только число взятых пленных за двадцать дней боев достигало 200 тыс. Особенно угрожающим для австро-немецких войск был прорыв 8-й армии А. М. Каледина в районе Луцка, где развитие наступления могло привести к взятию Ковеля — крупного железнодорожного узла. Большой успех был достигнут и на левом фланге фронта, где 9-й армией П. А. Лечицкого были взяты Черновцы.

Однако Эверт (главнокомандующий Западным фронтом), ссылаясь на незаконченность сосредоточения войск и на возможность непогоды, отсрочил свое наступление сначала до 4 (17) июня, а затем еще на две недели. Когда же ударная группа Западного фронта попыталась, наконец, атаковать в районе Барановичей позиции противника, то она столкнулась с хорошо подготовленной обороной и потерпела неудачу. Таким образом, Брусиловский прорыв из второстепенной превращался в главную операцию кампании.

21 июня (4 июля) Юго-Западный фронт возобновил свое наступление против австро-германских войск. Были одержаны новые победы, которые, однако, не могли быть развиты из-за отсутствия у Брусилова резервов. Только 26 июня (9 июля), месяц спустя после успешного прорыва, Ставка отказалась от нанесения главного удара Западным фронтом и начала перебрасывать войска, в том числе и резерв Ставки — гвардейские корпуса, на победоносный Юго-Западный фронт.

Но это решение Ставки оказалось запоздалым. Когда 15 (28) июля Брусилов двинул свои армии в новое наступление на Ковель, противник уже успел хорошо укрепить оборону этого района. К тому же армии Северного и Западного фронтов, которым теперь предписывалось поддержать наступательный порыв Юго-Западного фронта, продолжали пребывать в бездействии. Ни сменивший Куропаткина Н. В. Рузский, ни Эверт не были способны действовать так же смело и решительно, как Брусилов. Даже усиление Западного фронта двумя армиями не смогло побудить Эверта к наступлению. Вновь он раз за разом откладывал начало операции, а затем и вовсе отменил ее "за наступлением осеннего времени".

В результате несколько последовательных попыток овладеть Ковелем вылились в тяжелые, кровопролитные бои на болотистых берегах *р. Стоход*, где обе стороны понесли большие потери. Борьба за Ковель закончилась только в октябре. Новые успехи были достигнуты лишь в Южной Галиции и Буковине. Здесь были взяты города Броды, Галич, Станислав, Коломыя и нанесен большой урон неприятелю. Осенью фронт стабилизировался и здесь.

Результатом брусиловского наступления летом 1916 г. был разгром нескольких дивизий и целых корпусов австро-венгерской и германской армий. Их потери достигали 1,5 млн. человек. Только в плен сдались свыше 400 тыс. солдат противника (из них 80 тыс. германцев). Однако стратегическое значение этой операции оказалось не столь уж велико. Завоеванием части Буковины, Галиции и Волыни линия фронта была отодвинута на запад до 150 километров, но Карпатские перевалы оставались в руках противника. И Германия, и даже Австро-Венгрия сохраняли свою боеспособность. Русская же армия понесла также немалые потери — не менее 500 тыс. человек. И если первый год войны обошелся потерей наиболее обученных и подготовленных кадров армии, то в сражениях 1916 года выбывали из строя самые боеспособные, научившиеся воевать по-новому части Юго-Западного фронта. Большой урон потерпели в болотах Стохода и гвардейские полки.

Но Брусиловский прорыв не дал Центральным державам шанса переломить ход войны в свою сторону. Была спасена от разгрома итальянская армия, ослабел нажим и на Верден. Лишь отсрочка наступления на Западном фронте не позволила армиям Антанты воспользоваться преимуществом одновременных ударов с востока и с запада. Англо-французское наступление на р. Сомме началось 18 июня (1 июля), когда, по признанию начальника германского Генерального штаба Э. фон Фалькенгайна, "в Галиции опаснейший момент русского наступления был уже пережит".

Одним из последствий успешного наступления русского Юго-Западного фронта было вступление 14 (27) августа Румынии в войну на стороне Антанты. С одной стороны, увеличение числа противников серьезно осложнило положение Центральных держав, с другой, участие Румынии в войне доставило немало трудностей и русской Ставке, и русской армии.

В течение трех месяцев румынская армия была практически полностью разгромлена ударами болгарских и турецких войск с юга и австро-германских армий с севера и 21 ноября (4 декабря) сдала свою столицу Бухарест. Ее остатки отступали на северо-восток страны к границе с Россией. 24 ноября (7 декабря) русская Ставка сформировала Южный фронт, вскоре переименованный в Румынский, и направила на подкрепление румынской армии 46 дивизий. Общая линия фронта удлинилась на 500 километров и протянулась теперь от Балтийского моря до Черного.

Русская армия успешно провела кампанию 1916 г. Она оправилась от тяжелых поражений "Великого отступления" и показала довольно высокую боеготовность. В течение года улучшалось боевое снабжение войск, и армии уже не испытывали того "снарядного" голода, который обрекал их на бессилие в огневой борьбе с противником в предыдущей кампании. Наступательные операции вновь подняли боевой дух войск, особенно армий Юго-Западного фронта.

И все же запас моральной прочности русской армии значительно истощился. Она несла неоправданно большие потери, как из-за недостатка боевого обеспечения, так и по причине неумелого стратегического и оперативного руководства войсками. Рядовые солдаты и офицеры, самые закаленные кадры армии испытывали огромную усталость от многомесячного окопного сидения. Новые же пополнения отправлялись на германскую войну не с верой в победу, а с чувством обреченности. Поэтому семена революционной пропаганды дали в следующем году необычайно быстрые всходы.

§ 5. Обстановка в тылу

Экономический кризис Своими успехами в 1916 г. русская армия во многом была обязана тому улучшению боевого снабжения, которое стало возможным благодаря совместным усилиям государства и общества. К концу кампании многократно возросло производство всех видов вооружения по сравнению с 1914 г. Ежемесячно на фронт отправлялось с военных заводов до 110 тыс. винтовок, до 900 пулеметов, около 700 легких орудий и свыше 1,5 млн. снарядов для них.

Успехи в снабжении войск оборачивались все более возраставшим напряжением сил в тылу. Война оказывала дезорганизующее воздействие на экономику страны, и, несмотря на то, что вплоть до конца 1916 г. промышленное производство увеличивалось в своем объеме, отрасли экономики, не работавшие непосредственно на оборону, приходили в совершенный упадок. В 1916 г. эти отрасли, равно как и транспорт, остались практически без металла и испытывали острую нехватку топлива. Органы экономического регулирования в лице Особых совещаний эффективно перераспределяли все ресурсы в пользу фронта и, преодолевая кризис боевого снабжения, лишь усугубляли продовольственный, топливный и транспортный кризис в тылу.

Самым острым экономическим кризисом военного времени явился кризис продовольственный. Мобилизация в армию около 15 млн. человек отразилась прежде всего на сельском хозяйстве, поскольку крестьянство служило основным контингентом комплектования армии. Нехватка рабочих рук вела к сокращению посевных площадей и, как следствие, к снижению урожаев. В 1916 г. валовой сбор хлебов сократился по сравнению с довоенным периодом на 20%. Продовольственный кризис больнее всего ударил по большим городам, где люди вынуждены были часами простаивать в очередях за хлебом.

"Темные силы" Усталость от войны быстро накапливалась как на фронте, так и в тылу. Возобновившееся с образованием "Прогрессивного блока" противостояние правительства и "общественности" находило свое выражение в нарастающей волне критики власти. Эта критика раздавалась и с думской трибуны, и на заседаниях военно-промышленных комитетов, а самое главное, она тиражировалась в газетах самых разных уровней и направлений. И если военная цензура довольно надежно защищала армию от дискредитирующего правительство печатного слова, то широкие массы населения в тылу становились все более восприимчивыми к политической борьбе, разворачивавшейся в верхах. И еще быстрее, чем веру в победу, они теряли веру в правительство и в самого царя.

С момента принятия Николаем II Верховного главнокомандования именно император и его ближайшее окружение стали объектами пристального и отнюдь не благоговейного внимания публики. Хотя императорская семья и была ограждена от какой бы то ни было публичной критики, слухи о том, что происходит в дворцовых покоях, распространялись с неменьшей быстротой, чем печатное слово. И неизменным героем этих слухов был "Друг" императорской четы "старец" *Г. Е. Распутин*.

Роль Распутина в политической жизни последних лет императорской России вызывает разноречивые толкования в историографии. В либеральной эмигрантской литературе, а в советской историографии — в работах А. Я. Авреха принималась формула "царем управляла царица, а ею — Распутин". Монархическая историографическая традиция, зародившаяся также в кругах русской эмиграции, не только отрицала какое-либо влияние Распутина на принятие политических решений, но и утверждала, что антираспутинская кампания была умышленно инспирирована либеральными общественными кругами для дискредитации Николая II.

Степень влияния "старца" на политическую жизнь в верхах действительно трудно поддается учету, однако его скандальное поведение и темные связи со всевозможными аферистами уже сами по себе дискредитировали тех, с кем он имел повседневное общение. Приближенный к царской семье благодаря своим целительным способностям избавлять от страданий наследника престола Алексея, больного гемофилией, Распутин выступал также и в роли прорицателя. Далеко не всегда император прислушивался к его сове-

там, да и те советы, которым он следовал, чаще всего совпадали с его собственными замыслами, однако Распутин вносил немалую дезорганизацию в действия верховной власти и в повседневную работу правительства. Многие сановники верили в возможность Распутина повлиять на монарха и пытались действовать через него. Нити управления оказывались слишком запутанными, и при принятии ответственных решений министры руководствовались не только верховной волей и собственными убеждениями.

Когда Николай II перебрался из столицы в Ставку (после "Великого отступления" она была перенесена из Барановичей в *Могилев*) и повседневным общением с министрами стала заниматься императрица Александра Федоровна, влияние Распутина было признано почти единодушно. С этого времени Распутин становится олицетворением *"темных сил"*, окружавших трон и парализовавших нормальную работу правительства. И с этого времени начинает набирать обороты антираспутинская кампания, достигнув своего апогея к концу 1916 г.

После "министерской забастовки" 1915 г. и последовавшей за ней отставки нескольких министров верховная власть входит в полосу затяжного кризиса, из которого она уже не смогла выбраться. Внешним выражением этого кризиса явилась *"министерская чехарда"* — быстрая смена министров и премьеров. Начало ей положила отставка в январе 1916 г. И. Л. Горемыкина с поста председателя Совета министров. Увольнение ненавистного Думе премьера, с одной стороны, выглядело как уступка "Прогрессивному блоку", а с другой, было призвано сделать правительство более твердым. Но новый премьер Б. В. Штюрмер был лишь 8 годами моложе 76-летнего Горемыкина и, в отличие от своего сановного предшественника, не чуждался связей со всякими проходимцами.

Штюрмер пробыл на посту премьера до ноября, сменивший его А. Ф. Трепов продержался здесь всего пять недель, а последний председатель Совета министров кн. Н. Д. Голицын получил свое назначение 27 декабря 1916 г. За это же время сменились два министра внутренних дел, два министра юстиции, два военных министра, два министра земледелия. Только министр финансов П. Л. Барк и морской министр И. К. Григорович сумели удержать свои посты с довоенных времен до самой Февральской революции.

"Глупость или измена?" **1 ноября 1916 г.** на открывшейся сессии Государственной думы выступил лидер кадетов *П. Н. Милюков*. Его речь была поставлена по всем правилам ораторского искусства: нагнетая обстановку, он бросал в адрес правительства и стоявших за ним "темных сил" одно за другим обвинения в коррупции, в преступной дезорганизации тыла, в тайных контактах с Германией. Среди этих обвинений прозвучал и намек на связь "темных сил" с императрицей. Все это, утверждал Милюков, порождает в обществе подозрения и слухи об измене в верхах.

Главный же удар оратор приберег под конец. Перечислив все политические промахи правительства, он заключил каждый пассаж вопросом-рефреном: “Что это — глупость или измена?”.

Речь Милюкова произвела эффект разорвавшейся бомбы не только в самой Думе, но и по всей стране. Ее публикация в газетах была запрещена, но в виде отдельных выпусков она была напечатана многими типографиями. Распространялась она и в машинописных копиях.

Спустя два дня в Думе выступил соратник Милюкова по “Прогрессивному блоку” националист *В. В. Шульгин*. Преданный монархист, готовый, по собственным словам, терпеть “до последнего предела”, Шульгин заявил, что в условиях, когда “страна смертельно испугалась собственного правительства”, не остается ничего, как “бороться с этой властью до тех пор, пока она не уйдет”. Дума в лице “Прогрессивного блока” бросала, таким образом, открытый вызов правительству и косвенный — династии.

Политическую опасность распутинщины (и неуступчивости Николая II перед Думой) сознавали и сами члены императорской фамилии. В тот же день, когда Милюков выступал с думской трибуны с гневными филиппиками в адрес правительства, вел. кн. Николай Михайлович отвез в Ставку письмо с просьбой согласиться на ответственное министерство, т. е. на правительство, ответственное перед Думой. Мнение Николая Михайловича поддерживали и другие великие князья, а также Мария Федоровна, императрица-мать.

9 ноября 1916 г. Николай II, поддавшись давлению Думы и великокняжеской оппозиции, уволил Штюрмера в отставку. На его место был назначен А. Ф. Трепов. Однако эта уступка никого не удовлетворила. В конце ноября против влияния “темных сил” выступили уже Государственный совет и Совет объединенного дворянства.

Правящие верхи оказались в положении нараставшей самоизоляции. Осуждение “темных сил” раздавалось также из лагеря правых. Николая II пытались убедить освободиться во имя спасения монархии от наиболее одиозной фигуры — Распутина. Поскольку никакие доводы не возымели действия, в среде правых возник замысел физического устранения “старца”. **16 декабря 1916 г.** один из лидеров думских черносотенцев В. М. Пуришкевич, вел. кн. Дмитрий Павлович и кн. Ф. Ф. Юсупов осуществили убийство Распутина. Однако этот акт оказался никчемным: императорская чета была уже настолько дискредитирована, что ей приписывали не только связь с “темными силами”, но даже измену.

Сам же Николай II и в еще большей степени Александра Федоровна утрачивали чувство реальности. Главного врага они видели в Думе и были уверены, что простой народ не изменил своим патриархальным устоям.

Глава 24
Русская православная церковь и государство в XIX — начале XX вв.

§ 1. Управление церковью. Церковный приход

Функции православной церкви С утверждением абсолютизма в России Русская православная церковь фактически оказалась в полном подчинении у светской власти, а управление церковью превратилось в часть государственного аппарата по церковным делам. Российский император официально считался главой Русской православной церкви. По Духовному регламенту 1721 г. священник, вступавший в должность, приносил присягу на верность императору и обязывался сообщать властям "об открытых на исповеди воровстве, измене или бунте на государя". Тем самым священник в этих случаях принуждался к нарушению тайны исповеди, что являлось прямым нарушением светской властью этого важного канонического правила.

Русская православная церковь,как непосредственно связанная с государственной властью и зависимая от нее, служила важным орудием проведения политики самодержавия: она выполняла важную функцию нравственного воздействия на народные массы с целью воспитания их в духе покорности престолу и прочим "властям предержащим", в том числе и власти помещиков над их крепостными крестьянами.

Первейшей обязанностью церкви являлось насаждение верноподданнических чувств в народе: подчинения царской власти и ее почитания. На приходское духовенство возлагалась обязанность совершать регулярные поминовения о здравии царской семьи, с поименным перечислением всех ее членов, а в так называемые "царские дни" ("тезоименитства" царя) проводить специальные богослужения. Все царские манифесты и указы обязательно оглашались с церковных амвонов по окончании богослужения, а прихожанам до их прочтения запрещался выход из церкви. За неисполнение этого предписания священнику грозило лишение сана.

Церковь выполняла и функции регистрации актов гражданского состояния православного населения: рождения, брака, смерти, с обязательным исполнением ритуалов крещения, венчания, отпевания. Брак без церковного венчания считался незаконным со всеми вытекающими отсюда юридическими последствиями, а само венчание могло совершаться только по предъявлению удостоверения с церковных метрических книг о крещении по православному обряду. С церковью была связана и школа: закон Божий являлся важнейшим предметом в школьном образовании. За "неблагона-

дежными" лицами устанавливался не только полицейский, но иногда и духовный надзор, возлагаемый на местное духовенство. Так, под таким надзором находился сосланный в с. Михайловское А. С. Пушкин.

В исполнении своих функций церковь опиралась на поддержку светской власти, охранявшей ее прерогативы в законодательном порядке и принимавшей меры к укреплению ее влияния и авторитета в народных массах. Так, закон "О наказаниях" предусматривал за открытое богохульство каторгу сроком до 15 лет, за избиение священника — тюремное заключение до 8 лет, за переход из православия в "раскол" или "совращение в раскол" других лиц — "лишение всех прав состояния" и ссылку в каторжные работы. За исполнением обязанности прихожан ежегодно бывать на исповеди и причастии следили не только священники, но и местная полиция, для чего в приходских церквах велись "вероисповедные списки". Крестьянин-отходник, находившийся в длительной отлучке на заработках, обязан был по возвращении предъявлять справку о том, что он там "был на исповеди и причастии".

Русская православная церковь объявлялась "господствующей и первенствующей", однако не единственной в империи: признавались вероисповедные права и других конфессий, если они не нарушали законов Российской империи и не противопоставляли себя Православной церкви.

Церковное управление

Организационно-управленческая структура Русской православной церкви, сложившаяся после упразднения Петром I патриаршества, представляла собой довольно стройную иерархическую пирамиду. *Высшим органом* ее управления являлся *Святейший Синод* — законосовещательное административное и судебное учреждение по делам Церкви. Он состоял из 6—7 высших духовных чинов — петербургского, московского и киевского митрополитов ("первоприсутствующих" в Синоде), а также трех-четырех епархиальных архиереев, периодически в него вызываемых. Однако практически все дела в Синоде вершил обер-прокурор, назначаемый императором из наиболее доверенных ему светских лиц и лично перед ним ответственный. Он имел права министра (по духовным делам) и кроме обычных докладов царю представлял ему годовые отчеты по своему ведомству. Помимо синодской канцелярии, занимавшейся текущими делами, у обер-прокурора была собственная канцелярия, в которой сосредоточивались все наиболее важные вопросы по делам Церкви. При Синоде существовал ряд комитетов и комиссий, ведавших системой духовного образования, монастырями, церковным имуществом, православными миссиями за рубежом, кадровыми вопросами. Все издательское дело церкви было вверено Синодальной типографии: только она имела исключительное право издавать духовную каноническую литературу. При Синоде находилась и духовная цензура, которая

контролировала не только всю духовную, но и светскую литературу, если в последней рассматривались вопросы церкви и веры.

Вся территория страны подразделялась на *епархии* (церковные округа), которых насчитывалось в 1800 г. 37, в 1850 г. — 55, в 1900 г. — 62 и в 1914 г. — 67. До 1867 г. епархии по своему статусу подразделялись на три категории — митрополии, архиепископства и епископства. Указом 1867 г. Александра II такое подразделение было упразднено — все епархии по своему статусу были приравнены к митрополиям.

Главу епархий назначал император из трех предлагаемых Синодом кандидатов в архиерейских чинах. Епархиальный архиерей считался "главным учителем веры в пределах своей епархии". Он рукополагал священно- и церковнослужителей и определял их на соответствующие должности. При нем находилась епархиальное управление — консистория в составе 4-6 духовных лиц и гражданских чиновников. Она ведала назначением и смещением священно- и церковнослужителей, привлекала их к суду за нарушения по церковной должности, осуществляла надзор за ведением церковного хозяйства в епархии, строительством и благоустройством храмов, проводила в жизнь распоряжения Синода, составляла для него донесения и отчеты по епархии. Консистория находилась в двойном подчинении — епархиального архиерея и Синода. Кроме того для ведения мелких текущих дел при архиерее находилась епархиальная канцелярия. С 1865 г. при епархиях стали издаваться "Епархиальные ведомости" с приложениями. Помимо официальных епархиальных сведений в них публиковались местные церковно-исторические и этнографические материалы, мемуары духовных лиц.

С начала XVIII в. указами Синода в наиболее крупных епархиях были введены должности викариев (или викарных епископов) — помощников епархиальных архиереев по управлению епархиями. В XIX в. в управление викариев стали выделяться и части епархий под наименованием *викариатств*. Так, в Московской епархии было в начале XIX в. 4 викариатства. Указ 1865 г. разрешил иметь викарных епископов всем епархиям, если они располагали для этого необходимыми материальными средствами. В связи с этим численность викариатств существенно выросла: если в 1799 г. было всего 5 викариатств, в 1851 г. — 11, то в 1891 г. — 38. Викарный епископ носил титул "викарного преосвященного" и именовался по названию того уездного города, который назначался центром викариатства. Викарный епископ мог рукополагать священно- и церковнослужителей в пределах своего викариатства, однако не имел ни кафедрального храма, ни консистории.

Вне епархий находилось *духовенство придворное*, военное и при русских посольствах за рубежом. Во главе придворного духовенства стоял духовник царя, носивший титул протопресвитера московского Благовещенского собора — издревле главной придворной церкви. В его ведении находилось 13 придворных приходов.

Военное духовенство возглавлял обер-священник армии и флота. Он также носил титул протопресвитера. Каждый полк и флотский экипаж составляли церковный приход. В XIX в. существовало свыше 270 военных церковных приходов. И придворный и военный протопресвитеры имели ранг и прерогативы епархиального архиерея.

Епархии подразделялись на более мелкие церковные округа — *благочиния* — во главе с благочинными, как правило, в ранге протоиереев. В каждом из благочиний состояло от 10 до 15 церковных приходов. Благочинный обязан был дважды в год объезжать свой округ, проверять исправное ведение метрических книг и другой церковно-приходской документации, следить за "расколоучениями", выявлять "зачинщиков суеверных действий", которых затем следовало отдавать под надзор губернского прокурора. Ежегодно благочинный представлял епархиальному архиерею "клировые ведомости" о состоянии приходов своего округа: численности прихожан, крещениях, венчаниях, числе умерших, о самом приходском духовенстве, с отметками о "поведении и исправности" каждого члена причта, о наложенных на них взысканиях за правонарушения.

Церковный приход

Первичной церковно-административной единицей являлся *приход*, в котором обычно насчитывалось от 1 тыс. до 2 тыс. прихожан. Приходское духовенство (*причт*) состояло из священнослужителей и церковнослужителей. К первым относились рукоположенные в священнический сан епархиальным архиереем иереи (пресвитеры), имевшие право священнослужения, и их помощники — дьяконы, ко вторым — причетники, псаломщики, пономари и пр.

Для посвящения в священнический сан и назначения на должность приходского священника обязательными условиями в Русской православной церкви были окончание духовной семинарии и вступление в брак посвящаемого. За выслугу священнику присваивался сан протоиерея (иначе он назывался протопресвитером или протопопом), а дьякону — протодьякона. Прихожане избирали на три года церковного старосту для заведования церковным имуществом и сбором пожертвований на благоустройство храма, но вне его контроля находились платы за требы, которые получал священник. Должность церковного старосты считалась престижной. Как правило, он избирался из наиболее состоятельных прихожан. За безупречную службу его могли наградить от имени императора медалью.

До конца XVIII в. за церковными приходами сохранялось право выбирать себе приходского священника, однако на практике священники уже тогда в большинстве случаев не выбирались, а назначались в приходы епархиальным архиереем. Павел I отменил став-

шее формальным право прихода выбирать себе священника. Эта должность отныне стала передаваться только по наследству, как правило, старшему сыну, обязанному закончить духовную семинарию. Остальные сыновья с духовным образованием являлись кандидатами на вакантные приходы, или же им приходилось довольствоваться должностью дьякона в приходе своего отца, а то и исполнять обязанности причетника. Если у священника были только дочери, то за старшей сохранялось священническое "место", которое занимал потом ее муж — обязательно из духовной среды и получивший духовное образование в семинарии. Однако многие лица из духовного сословия из-за отсутствия духовных должностей (или нежелания пойти по духовной стезе своих родителей) шли на гражданскую службу, поставляя кадры чиновников для разраставшегося административно-бюрократического аппарата. Так, во второй четверти XIX в. более трети чиновников были выходцами из духовной среды.

Духовенство являлось неподатным сословием, пользовавшимся рядом льгот. Оно было освобождено от подушной подати и рекрутской повинности, телесных наказаний, воинского постоя, а с 1801 г. получило право приобретать земельную собственность.

Материальная обеспеченность приходского духовенства отличалась значительными контрастами. Существовали "богатые" приходы, обычно в крупных городах, где приходский причт получал хорошие платы за требы и "заказные" службы, но преобладающая масса приходского духовенства, особенно сельского, жила бедно. Сельский священник для содержания своей обычно многочисленной семьи вел такое же хозяйство, как и его прихожане: пахал землю, разводил домашний скот. Скудные платы за требы служили дополнением к его сельскохозяйственным занятиям. При крайнем недостатке средств сельский священник занимался и мелким ремеслом. Сельская попадья, как и простая крестьянка,пряла и ткала, ходила в лаптях и домотканой одежде. К тому же сельское духовенство страдало от многочисленных поборов со стороны благочинных и епархиальных архиереев. Даже всякий наезжавший в село чиновник мог безнаказанно обирать попа и рукоприкладствовать. Особенно тяжело было священнику в приходе, принадлежавшем помещику, где тот был для него таким же барином, что и для своих крепостных крестьян: он мог, попирая права священника, выдрать его на конюшне за любую провинность, приказать своим крестьянам не платить ему за требы.

В начале XIX в. в России числилось 25,1 тыс. православных церквей, в 1860 г. — 36,2 тыс., в 1890 г. — 45,7 тыс., в 1914 г. — 54,2 тыс. (кроме того, 23,6 тыс. часовен). Численность приходского (белого) духовенства (без семей) в 1825 г. составляла 102 тыс., в 1860 г. — 118,8 тыс., в 1890 г. — 104,2 тыс., в 1914 г. — 112,6 тыс. человек.

§ 2. Монастыри и монашество

Православное духовенство состояло из двух категорий — *белого* (*приходского*) и *черного* (*монашествующего*). Постригавшийся в монахи давал обет "целомудрия, нестяжания и послушания", с отречением от собственной воли. При пострижении его отпевали как уходящего в иной мир; он принимал новое имя, а в знак смирения и отрешения от мира носил черное одеяние (*схиму*).

Черное духовенство считается "высшей" категорией в духовном сословии по сравнению с белым, ибо только монашество, как "причисленное к ангельскому чину", церковь признает идеальным "путем к Богу". Поэтому черное духовенство имеет ряд преимуществ перед белым. Так, все высшие чины церковной иерархии (епископы, архиепископы, митрополиты и патриархи) назначаются только из среды монашествующего духовенства. Иначе говоря, церковная карьера может состояться только через монашеский постриг.

Статус монашествующих лиц

Для пострижения в монахи требовалось добровольное согласие постригаемого. Насильственное пострижение влекло по закону уголовное наказание. Однако в истории немало примеров насильственного пострижения (по политическим мотивам) даже особ великокняжеского и царского рода.

Никакой прежний образ жизни, даже самый порочный, не мог быть препятствием к вступлению в монашество, ибо оно само по себе рассматривалось как "подвиг постоянного покаяния", а "доступ к покаянию открыт каждому грешнику". По российским законам пострижение в монахи разрешалось мужчинам не моложе 30 и женщинам свыше 40 лет. Запрещалось постригать женатого мужчину или замужнюю женщину, если только они по взаимному согласию не изъявят желания принять постриг, однако при условии их бездетности или когда их дети стали взрослыми и не нуждались уже в родительском попечении.

Принятый в монастырь не сразу принимал постриг, а обычно в течение трех лет проходил испытательный срок "послушания". По истечении этих лет послушник (или послушница) имели право отказаться от намерения принять постриг. Статистика показывает, что примерно половина послушников и послушниц по истечении трех лет "послушания" не принимала монашества и уходила из монастырей.

Функции российских монастырей

Монастыри на Руси издавна играли роль не тольроль крупных религиозных, но и культурных центров. В их стенах сосредоточивались летописание и иконописание. Они способствовали распространению грамотности на Руси. Монастыри играли большую роль в хозяйственном освоении страны, особенно в ее северных и восточных окраинах. Монастыри выполняли важную *функцию миссионерства и христиани-*

зации: в XIX в. эту функцию выполняли 20 монастырей в Заволжье, Приуралье, Западной и Восточной Сибири. До XVII в. многие монастыри, стоявшие по дорогам, которые вели к Москве, выполняли и военно-стратегическую функцию. Они строились как неприступные крепости, с мощными стенами и башнями. Монахи получали от казны оружие и боеприпасы.

Монастыри также служили и местом отбывания наказаний, причем не только за преступления против веры. Некоторые монастыри имели свои тюрьмы. В XIX в. служили местами заключения 20 мужских и 10 женских монастырей. В каждом из них содержались десятки узников: сектанты, самозванцы, даже некоторые политические преступники (среди них были и несколько декабристов). Самой старой и крупной монастырской тюрьмой была *Соловецкая*, в которой узники содержались уже с XVI в. В нее заключали "бунтовщиков", "раскольников" и вообще всех противников православной церкви и царского режима. В XVII в. была оборудована тюрьма в *Кирилло-Белозерском монастыре*, а в XVIII в. — в *Спасо-Евфимиевском* в Суздале. Женщин заточали в Ивановский и Новодевичий монастыри (в Москве) и в Покровский (в Суздале). В монастырские тюрьмы заточали без судебных приговоров — по царскому повелению или по определению Синода. В большинстве своем узники содержались в монастырских тюрьмах пожизненно. Многие из них таким образом находились в заточении десятки лет; зафиксированы случаи и 50—60-летнего заточения. В ходе революции 1905—1907 гг. монастырские тюрьмы были упразднены.

В 1808 г. числилось 447 православных монастырей (353 мужских и 94 женских). В них находилось около 5 тыс. монахов и до 6 тыс. послушников. Более точные сведения имеются с 1825 г. : в этом году насчитывалось 476 монастырей (377 мужских и 99 женских), в которых пребывали 5609 монахов и 5471 послушник. В 1860 г. количество монастырей возросло до 614 (477 мужских и 136 женских), монашествующих — 8579 и послушников — 13 233; в 1900 г. монастырей было 828 (503 мужских и 325 женских), монахов — 18660, послушников — 39623; в 1917 г. — 1257 монастырей с 33572 монахами и 73 465 послушниками. В начале 20-х годов XX в. монастыри были упразднены советской властью, а все их имущество национализировано.

11 мужских монастырей относились в высшему рангу. 4 из них (Троице-Сергиев под Москвой, Александро-Невский в Петербурге, Печерский в Киеве и Почаевский в Западной Украине) имели статус лавры; 7 монастырей (Соловецкий, Симонов, Донской,Новоспасский, Заиконоспасский, Новоиерусалимский и Спасо-Яковлевский) имели, как и лавры, свои привилегии и находились в непосредственном ведении Синода. Остальные монастыри подчинялись главам тех епархий, на территории которых они находились, и их настоятели (игумены и игуменьи) назначались главой епархии с последующим утверждением их Синодом. Настоятели важнейших монастырей носи-

ли титул *архимандрита*. Обычно у этих монастырей находились в подчинении более мелкие обители, называвшиеся “приписными монастырями” (т. е. приписанными к данному монастырю). Около крупных монастырей возникли *скиты* — поселения монахов-отшельников (как правило, выходцев из тех же монастырей).

С момента возникновения на Руси монастырей они подразделялись на общежительные и необщежительные. В *общежительных монастырях* монахи ничего не имели своего: они получали бесплатно от монастыря кров (келью) и необходимую утварь, а также одежду, обувь, питание. За это они обязаны были по назначению настоятеля исполнять любую работу в монастыре. Они могли получать со стороны и заказную платную работу (писание икон, роспись храмов, изготовление церковной утвари и пр.), однако плата за нее шла в общую монастырскую казну. Настоятель в этих монастырях избирался самой монашеской братией. Общежительные монастыри отличались более строгими уставами, нежели необщежительные. К началу XX в. общежительные монастыри составляли около 60%. Общежительными были преимущественно женские монастыри.

В *необщежительных монастырях* монахи пользовались бесплатно только жильем и монастырской трапезой. Все остальное они приобретали сами за счет своего “трудоделания” и могли иметь свои сбережения. Настоятели крупных необщежительных монастырей назначались императором, общежительных и мелких необщежительных — Синодом.

Особым видом монастырского общежительства являлась *пу́стынь* — небольшой монастырь или даже уединенная келья. Она основывалась в отдаленных, безлюдных лесах или степях. К середине XIX в. в России числилось 74 мужских и 12 женских обителей, отнесенных к этой категории. Особую известность получила *Оптина пустынь* в Калужской губернии как важный центр православной духовности. Ее посещали известные славянофилы братья И. В. и П. В. Киреевские (в ней и были похоронены), писатели Н. В. Гоголь, Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой.

Проведенная в 1764 г. секуляризация монастырей существенно подорвала их материальное могущество. У них были отобраны 2 млн. крестьян и до 8,5 млн. десятин земли. Монастыри лишились годового дохода в виде получаемого с крестьян оброка в сумме 1,5 млн. руб.

Уже в первой половине XIX в. монастыри вновь стали превращаться в крупных землевладельцев — путем царских пожалований и за счет земельных покупок. В начале XIX в. вновь учреждаемым монастырям отводилось по 100 десятин земли, однако земли отводились и старым монастырям. Только за 1836—1841 гг. 170 монастырям было передано безвозмездно 25 тысяч десятин земли. К 1874 г. из 540 монастырей-землевладельцев свыше 200 имели в среднем по 1232 десятины каждый. Соловецкий монастырь имел

66 тыс. десятин, Саровская пустынь — свыше 20 тыс., Александро-Невская лавра — 13 тыс., Киево-Печерская лавра — 6,5 тыс. К 1917 г. 1257 монастырей владели в общей сложности до 1160 тыс. десятин земли.

На своих землях монастыри создавали высокоэффективное хлебопашество, огородничество и садоводство. Так, в Валаамском монастыре имелось большое огородно-садоводческое хозяйство, с оранжереями и теплицами, была создана сложная система ирригации. В суровых условиях севера здесь выращивались разнообразные сорта южных яблок, за которые монастырь удостаивался премий на сельскохозяйственных выставках. В монастыре процветало молочное животноводство. Он имел столярную, бочарную, гончарную и живописную мастерские, свечной, кирпичный, лесопильный и камнетесный заводы, свою типографию. Обширное и разнообразное хозяйство велось и в Соловецком монастыре.

В монастырском хозяйстве использовался не только труд "насельников" монастыря (монахов и послушников), но и наемных работников. По данным 1888 г. , в 476 мужских монастырях применялся труд 26 тыс. "платных и бесплатных" работников. В Соловецкий монастырь ежегодно приезжали от 600 до 800 молодых мужчин, давших обет в течение года бесплатно трудиться на пользу монастыря.

Значительная часть монастырских земель, а также принадлежавшие монастырям мельницы, торговые лавки, пристани и прочие "оброчные статьи" сдавалась в аренду ("в оброк"). Монастыри занимались и торгово-промышленной деятельностью, ссужали деньги под проценты, имели вклады в банках. В конце XIX в. монастыри стали вкладывать свои капиталы в городские доходные дома. В 1903 г. в Петербурге насчитывалось до 266 доходных домов и 40 лабазов (торговых складов), принадлежавших монастырям и церквам, которые сдавали их внаем. В Москве в то же время только монастыри владели 146 жилыми домами, кроме того, они имели 32 подворья, постоялые дворы, торговые склады, обширные огороды как в черте города, так и в его окрестностях.

Немало было и других источников доходов монастырей: от продажи свечей, иконок, лампадного масла, даяний на поминовения усопших,от заказных служб, кружечного сбора. Вопреки монастырским правилам монахи разъезжали по городам и селам, совершая требы за плату. Наиболее известные монастыри (как, например, Киево-Печерская и Троице-Сергиева лавры) ежегодно привлекали к себе сотни тысяч богомольцев.

Статистики того времени постоянно сетовали на неполноту сведений о доходах монастырей вследствие их "укрывательства". Но даже неполные данные свидетельствуют о неуклонном возрастании этих доходов, особенно в пореформенное время. По этим данным, они составляли: в 1841 г. — 316 тыс. руб. серебром, в 1861 г. —

648 тыс., в 1881 г. — 1 млн. 781 тыс., в 1891 г. — 3 млн. 636 тыс., к 1913 г. они возросли до 20 млн. руб. (кроме того, общая сумма монастырских вкладов составила 65,5 млн. руб.). Сюда не вошли ежегодные субсидии государства монастырям.

Современники поражались богатству некоторых монастырей, роскошной жизни их настоятелей. Однако этим отличались крупные монастыри с 100 и более монашествующими. Но таких монастырей было менее 1/10 части всех православных обителей. Подавляющую массу представляли небольшие монастыри. Обычно они располагались в отдаленных глухих местах и, имея недостаточные земельные угодья, жили скудно, пробавляясь мелкими "рукоделиями", а то и подаянием.

§ 3. Система духовного образования

Первые духовные школы в России были заведены еще при Петре I, однако система духовного образования по-настоящему стала вводиться при Екатерине II. В 1782 г. в духовных учебных заведениях разного рода обучались 11 тыс. детей духовенства. В первой половине XIX в. система духовных учебных заведений существенно расширилась. А в начале XIX в. в России было уже 3 духовных академии (Киево-Могилянская, Александро-Невская и Московская), 37 семинарий и 76 низших ("архиерейских" или епархиальных) училищ. В них обучались тогда в общей сложности 29 тыс. человек. В 1854 г. числилось уже 4 духовных академии (в 1842 г. была открыта духовная академия в Казани), 48 семинарий и 159 низших духовных училищ, а количество обучавшихся во всех этих учебных заведениях достигло 61 тыс. человек. Во второй половине XIX — начале XX в. существенного увеличения численности учебных духовных заведений не произошло.

Духовная школа занимала солидное место в общей системе образования России. Так, за 1837—1891 гг. православные духовные учебные заведения окончили 2878 тыс. человек, в том числе 28,6 тыс. — духовные академии, 850,5 тыс. — семинарии и около 2 млн. — епархиальные училища. Воспитанниками духовных семинарий были такие знаменитые люди, как М. М. Сперанский, Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов, А. П. Щапов, Н. Н. Златовратский, С. М. Соловьев, В. О. Ключевский.

В 1808—1814 гг. при активном участии М. М. Сперанского была проведена реформа системы духовных учебных заведений. За основу были приняты принципы проводившейся в то время реформы светского образования. В духовных учебных заведениях расширялось преподавание общеобразовательных дисциплин, в связи с чем оно в семинариях приближалось к гимназическому, а в академиях — к университетскому. При Николае I система духовного образования подверглась существенным изменениям. По Положению

1838 г. о духовных учебных заведениях и гимназиях резко сокращался объем преподавания общеобразовательных дисциплин, но увеличивался курс церковной истории; в академиях упразднялось преподавание философии. Впрочем некоторые меры имели и положительное значение. В семинариях вводилось преподавание агрономии, медицины и ветеринарии, дабы окончившие семинарию при выполнении священнических обязанностей могли оказывать элементарную медицинскую и ветеринарную помощь на селе, давать крестьянам полезные советы по агрономии.

С 1836 г. при приходских церквах и некоторых монастырях стали создаваться церковно-приходские школы "для мирян". Священник или дьякон учили в них детей не только "закону Божию", но и "чтению гражданской печати", письму, арифметике. В 1839 г. числилось уже 2 тыс. церковно-приходских школ с 19 тыс. учащимися, а в 1860 г. — 18 тыс. таких школ с 320 тыс. учащимися.

§ 4. Миссионерская деятельность Русской православной церкви

Существовали *внутренняя* и *внешняя миссии.* Первая вела свою работу среди старообрядцев, сектантов, католиков, протестантов и других христианских конфессий на территории России, вторая — среди нехристианского населения как в России, так и за рубежом.

В первой половине XIX в. действовали Пермская, Самарская, Оренбургская, Казанская, Алтайская, Иркутская, Забайкальская, Обдорская, Сургутская, Енисейская, Якутская и Камчатская миссии, в задачу которых входила христианизация народов Поволжья, Урала, Сибири и Дальнего Востока. Синод принял решение посылать миссионерами среди нерусских народов священников, знавших местные языки. В 15 духовных семинариях Казанской, Иркутской и других епархий было введено обучение семинаристов "инородческим языкам". Миссионерам вменялось в обязанность заниматься врачеванием местного населения, даже устройством их "хозяйственного быта" советами, примерами, а иногда и материальной поддержкой.

Среди миссионеров были энтузиасты своего дела, которые выполняли возложенные на них обязанности не за страх, а за совесть, и тем самым приносили немало пользы местному населению. Например, в 1824 г. "*самоедскую*" *миссию* (среди эскимосов и ненцев в заполярной части Архангельской губернии) возглавил архимандрит Сийского монастыря *Вениамин Смирнов.* Он изучил эскимосский язык, составил его грамматику, перевел на него Евангелие, Деяния и Послания Апостолов, Православный катехизис. Богослужение и проповеди он проводил на местном языке. Занимался В. Смирнов и этнографическими исследованиями в этом крае.

Примером подвижничества и самоотверженности была миссионерская деятельность архимандрита Курской Глинской пустыни *Макария Глухарева* в 30-х годах XIX в. в Алтайском крае. Своей строгой жизнью и неустанным трудом он приобрел у местного населения всеобщую любовь. Он не спешил с крещением местных жителей: сначала проводил с ними беседы, помогал им в нуждах, устройстве домашнего хозяйства и лечил болезни. Для обучения детей М. Глухарев основал три школы, для больных и немощных — богадельню. Во время голода 1839 г. в том краю он исхлопотал от казны помощь жителям. Макарий выстроил церковь, а для членов миссии — два дома. Им были переведены на хакасский язык Евангелие, избранные места из Ветхого и Нового Завета, Катехизис, поучения, необходимые молитвы.

В 1794 г. в *северо-американских владениях России* монахами Валаамского монастыря была основана Кадьякская миссия. Их труд продолжил посланный из Иркутской епархии священник *Иван Евсеевич Попов-Вениаминов*, прозванный впоследствии “апостолом Русской Америки”. Он прибыл на Алеуты с семьей в 1824 г. и пробыл там священником и миссионером до 1834 г. , затем был поставлен протоиереем в “столице” Русской Америки — Ново-Архангельске на о. Ситха. Вениаминов отличался исключительной преданностью своей миссионерской деятельности. Изучив алеутский и колошский языки, он распространил христианство по всей Русской Америке. В 1840 г. по его инициативе была основана Камчатская епархия, во главе которой он был поставлен. В 1840 г. , после смерти жены, он постригся в монахи, приняв имя *Иннокентия,* и вскоре был возведен в сан епископа Камчатского, Алеутского и Курильского. За 27 лет своего управления этой отдаленной епархией он объездил всю Восточную Сибирь и много сделал для распространения христианства в этом крае. Он создал азбуку и грамматику алеутского и колошского языков, перевел на эти языки основные богослужебные книги. Иннокентий Вениаминов получил признание в научных кругах как глубокий исследователь этнографии и географии Русской Америки. Впоследствии (в 1868 г.) он был поставлен митрополитом Московской епархии.

Значительный успех имела русская православная *миссия в Японии* благодаря неутомимой деятельности ее основателя и руководителя *о. Николая* (в миру *Ивана Дмитриевича Касаткина*). По окончании в 1860 г. Петербургской духовной академии он был назначен настоятелем церкви при русском консульстве в г. Хакодате. Затем он в совершенстве изучил японский язык, приобрел основательные познания в литературе и истории Японии, конфуцианстве, синтоизме и буддизме. В 1870 г. он добился от Синода учреждения Японского православного миссионерского общества и стал его главой. В 1871 г. им была учреждена православная епархия в Японии, которую Николай уже в сане митрополита возглавлял до своей кончины — в 1912 г. К началу XX в. его стараниями были обращены в

православие 34 тыс. японцев, в Токио возведен православный кафедральный собор, построены 8 больших храмов, 275 церквей и 175 молитвенных домов.

Православная *миссия в Китае*, основанная в 1715 г., выполняла также функции дипломатического и торгового представительства России при дворе китайских императоров. Сотрудники миссии занимались изучением истории, культуры и экономики Китая. Выдающимся миссионером и ученым-синологом русской православной миссии в Китае в XIX в. (с 1807 г. ее глава) был *Никита Яковлевич Бичурин* (в монашестве *Иакинф*). Овладев китайским языком, он изучил историю и культуру Китая, составил обширную библиотеку редких китайских книг, в том числе древних, которую затем передал в дар Казанской духовной академии. Бичурин получил широкую известность в научных кругах как автор многих исследований и переводов по истории, филологии и философии Китая, Тибета и Монголии. К началу XX в. православная миссия в Китае имела 17 церквей, три монастыря, духовную семинарию, 17 низших мужских и женских духовных школ, библиотеки, типографию, литографию, иконописную мастерскую, несколько промышленных предприятий, пасеки и фермы.

В 1897 г. была основана русская православная миссия в Корее, но ее успехи были весьма скромными: к началу XX в. ею было обращено в православие не более 500 местных жителей, а в связи с началом русско-японской войны 1904—1905 гг. миссия вынуждена была покинуть страну и временно прекратить свою деятельность.

В 1847 г. была учреждена русская духовная *миссия в Палестине* (находилась в Иерусалиме). Она занималась не столько миссионерской, сколько благотворительной деятельностью, но более всего обслуживанием русских паломников, которые ежегодно в количестве до 10 тыс. человек посещали Палестину. В 1882 г. главой русской миссии в Палестине архимандритом *Антонием Капустиным* были приобретены земли в Иерусалиме, Вифлееме, Назарете и в других местах. Приобретенные владения получили название Русской Палестины. Палестинское общество сооружало православные храмы, монастыри, школы, больницы, богадельни, издавало научные труды. Широкую известность получил научный ежегодник “Палестинский сборник”.

Во второй половине XIX в. миссионерская деятельность Русской православной церкви получила более четкую организацию и координацию действий. В 1853 г. последовал указ Синода об открытии миссионерских отделений для подготовки в духовных академиях и в некоторых семинариях специальных кадров, особенно для работы среди “раскольников”. Для обучения на этих отделениях было предписано отбирать наиболее способных семинаристов, освобождая их от изучения древних языков — латинского, древнегреческого и древнееврейского. Взамен этих предметов вводились: ис-

тория русского раскола, современная статистика раскола во всех его видах, а также курс практических наставлений миссионерам.

В 1865 г. в Петербурге было основано "Миссионерское общество для содействия распространения христианства между язычниками". В 1868 г. его заменило "Православное миссионерское общество" в Москве, которое возглавил московский митрополит Иннокентий, обладавший огромным опытом многолетнего миссионерского служения в Русской Америке. Для содействия Миссионерскому обществу на местах были учреждены его "епархиальные комитеты", возглавляемые епархиальными архиереями. К 1896 г. "Православное миссионерское общество" насчитывало 14 тыс. членов. Помимо содействия православным миссиям в обращении в православие "обитающих в пределах Российской империи нехристиан", ставилась также задача вести борьбу против распространившихся в это время различных сектантских конфессий. С 1887 г. стали проводиться миссионерские съезды: до 1910 г. было проведено пять таких съездов. Издавались специальные миссионерские журналы — "Миссионерское обозрение" и "Православный благовест".

§ 5. Конфессиональная политика Александра I и Николая I

Отношение Александра I к неправославным конфессиям в начале его царствования. Масонство

Конфессиональная политика Александра I и Николая I менялась в соответствии с изменением их внутриполитического курса. В начале царствования Александра I были сделаны существенные послабления: прекратились гонения на старообрядцев и представителей других сект, если в их учениях и деятельности не было явного неповиновения "установленной власти"; довольно широкой свободой пользовались католичество, протестантизм, а также нехристианские религии — ислам, буддизм и др.

В 1803 г. был снят запрет на учреждение и деятельность масонских лож. Это было время увлечения масонством. Масонами были все члены Негласного комитета при Александре I, многие генералы и министры, а также будущие декабристы. В первой четверти XIX в. в России было до 200 масонских лож, насчитывавших до 5 тыс. членов. Масоны интересовались нравственно-религиозными вопросами, не преследовали никаких политических целей, вполне лояльно относились к правительству. Однако уже с 1810 г. за ними был установлен негласный надзор полиции: в каждую ложу был внедрен полицейский агент.

Католицизм в России

Еще со времен царствования Павла I среди русской аристократии началось увлечение католицизмом. В России активизировались иезуиты, открывшие в Петербур-

ге и Москве свои школы (пансионы), а в Полоцке — даже духовную академию. В значительной мере увлечение католицизмом происходило под влиянием нахлынувших в Россию в конце XVIII в. из революционной Франции эмигрантов-католиков, милостиво принятых при русском дворе.

Однако сотрудничество католического духовенства в 1812 г. с Наполеоном на русских территориях, оккупированных французскими войсками, послужило одним из мотивов, заставивших Александра I изменить свое отношение к католицизму, особенно к иезуитам. Кроме того деятельность иезуитов в России вызвала недовольство иерархов Русской православной церкви. В 1820 г. иезуиты были высланы из России, их школы и академия были закрыты, а имущество конфисковано.

Поворот Александра I к мистицизму после 1812 г. Библейское общество

Военные потрясения 1812 г. усилили мистические настроения в русском обществе. Захватили они и Александра I. Он принимает разного рода “пророков” и “пророчиц”, покровительствует духовным собраниям, приближает к себе воинствующего мракобеса и фанатика архимандрита Фотия, друга Аракчеева, и берет под свое попечительство основанное в 1812 г. русское отделение *Библейского общества.* Председателем Библейского общества был поставлен давний фаворит Александра I князь А. Н. Голицын, который одновременно занимал (с 1803) и пост обер-прокурора Синода. Деятельность Библейского общества осуществлялась во многих губерниях и уездах.

Библейское общество поставило своей задачей издание книг Священного Писания на языках народов России и распространение их по дешевой цене и даже бесплатно. Средства для этого поступали от взносов членов Общества и частных пожертвований. Александр I пожертвовал 25 тыс. руб. и обязался делать ежегодные взносы по 10 тыс. руб.

Библейское общество широко развернуло свою работу с 1816 г. Оно получило в собственность большой каменный дом в Петербурге, в котором разместились типография, книжная лавка и склад печатной продукции. В 1824 г. в России действовало 57 отделений Библейского общества. За 1814 — 1824 гг. им было издано 185 тыс. экземпляров Библии, 316 тыс. ее Нового Завета и 204 тыс. разных других ее частей. Всего же духовной литературы Обществом было издано 876 тыс. экземпляров на 40 языках. Библейское общество также способствовало распространению школ взаимного обучения, принимало живое участие в делах благотворительности, что свидетельствует о некоторых положительных сторонах его деятельности.

Однако Библейское общество задевало прерогативы Русской православной церкви. Его деятельность рассматривалась как вмешательство в русские церковные дела. Православные иерархи вы-

сказывали недовольство участием в нем "иноверцев" — католиков и протестантских проповедников. Сама мысль распространения Библии среди простого народа казалась странным нововведением: считалось вполне достаточным для малообразованного народа соблюдение обрядового благочестия, а не посвящать его в догматические тонкости. Сам перевод Библии на русский и другие языки рассматривался как "профанация святыни", чуть ли не "вредное вольнодумство" и "измена православию". Посыпались доносы по поводу издания членами Библейского общества, западными проповедниками, мистических книг на русском языке. Кроме того, Библейское общество со стороны недоброжелателей обвинялось в связях с "тайными обществами", цель которых — "потрясение религии и престола".

Среди духовных лиц вызывало неодобрение и учреждение в 1817 г. Министерства духовных дел и народного просвещения под управлением светского лица (А. Н. Голицына).

Всем этим воспользовались архимандрит Фотий и его друг, всесильный временщик А. А. Аракчеев, ревниво относившийся к привязанности царя к Голицыну. Именно Аракчеев убедил Александра I в необходимости упразднения Министерства духовных дел,а заодно и прикрыть Библейское общество. У самого Аракчеева к этому обществу не было претензий, но ненависть к нему ревнителей старины послужила для Аракчеева удобным поводом, чтобы свалить Голицына. По настоянию Фотия и при поддержке его Аракчеевым Голицын был уволен с постов президента Библейского общества, обер-прокурора Св. Синода и управляющего Министерством духовных дел и народного просвещения. Последнее указом 14 мая 1824 г. было упразднено, и тем же указом восстановлено в прежнем своем значении Министерство народного просвещения.

Назначенный новым президентом Библейского общества петербургский митрополит Серафим по наущению Аракчеева представил императору доклад о "вреде" этого общества и необходимости его закрытия. К этому времени и сам Александр I охладел к делам Библейского общества. В 1824 г. была прекращена его издательская деятельность. Официально Библейское общество было закрыто указом Николая I от 12 апреля 1826 г., а все его имущество, оцененное в 2 млн. руб., передано Синоду.

Меры Николая I по укреплению православия в России

Николай I, в отличие от своего старшего брата, не увлекался мистикой, не вдавался в тонкости богословия и в делах Русской православной церкви был прагматичен. В его конфессиональной политике соединялись предоставление православной церкви ряда льгот и материальной поддержки и жесткие меры по наведению в управлении церковью "должного порядка и дисциплины", что в конечном счете выразилось в еще большем подчинении ее светской власти. Он лично занимался делами православной церкви: устанавливал

штаты церковнослужителей, определял их материальное положение, разрабатывал в деталях круг компетенции органов церковного управления.

Принимались меры к повышению престижа православной церкви и нравственного уровня духовенства. В 1826 г. был определен круг взысканий с духовных лиц, порочивших своим поведением духовный сан. В 1831 г. было приказано "брать в военную службу церковнослужителей, не подающих надежды к исправлению". Вместе с тем затруднялся выход из духовного звания.

Подверглось изменениям управление церковью. Коллегия синодальных архиереев фактически превратилась в безгласный орган при обер-прокуроре, власть которого значительно усиливалась. В 1836 г. Николай I назначил обер-прокурором Синода А. Н. Протасова, гусарского генерала, который ввел суровые порядки в Синоде. Епархиальные архиереи фактически превратились в помощников губернаторов по церковным делам. Для этого в полтора раза увеличилось число епархий, и границы их стали совпадать с губернскими. За "благонадежностью" архиереев следило III отделение.

Преследования старообрядцев

Николай I отрицательно относился к религиозному фанатизму и обскурантизму, но не терпел и "вольномыслия" в вопросах веры и любых посягательств на православную церковь, подрыв ее позиций. Особенно его беспокоили различные религиозные секты и течения, не признававшие официального православия. "Отпадение от православия в раскол" заметно усилилось в 20—30-е годы XIX в. Николай I рассматривал "раскол" опасным не только в религиозном, но и в политическом отношении, ибо это подготавливало умы к осознанию возможности неповиновения властям и давало этому идеологическое оправдание.

В 1825, 1831 и 1853 гг. учреждались специальные секретные комитеты по выработке наиболее эффективных мер борьбы с "расколом". В 1837 г. в 20 губерниях, наиболее "зараженных расколом", были учреждены "раскольничьи комитеты" во главе с губернаторами. Борьба с "расколом" стала одной из важнейших задач Министерства внутренних дел и III отделения. В губернии, особенно "подверженные расколу", снаряжались специальные комиссии, облеченные чрезвычайными полномочиями "для обращения раскольников в лоно православия". "Отпадших от православия" насильно "перекрещивали", наиболее упорных отправляли "для исправления" в монастыри или в ссылку под полицейский и духовный надзор.

Массированное наступление на "раскол" было проведено в связи с указом 1853 г. об уничтожении раскольничьих скитов и моленен в заволжском Нижегородском крае, по р. Иргизу в Саратовской губернии, в Стародубье Черниговской и архангельском Поморье. С помощью воинских команд полиция закрывала старообрядческие скиты и храмы, наставников ("распространителей лжеучений") ло-

вили, били кнутом, клеймили и ссылали на каторгу. В итоге за 25 лет применения этих мер по официальным отчетам было "возвращено в лоно православия" 2,3 млн. человек. Однако в подавляющем большинстве они продолжали придерживаться "старой веры". Преследуемые откупались крупными взятками, и чиновники рассматривали "раскольничьи дела" как самую прибыльную статью своего дохода. В своих отчетах они писали об "искоренении раскола", который на деле не только не "искоренялся", но даже получал свое дальнейшее распространение.

Воссоединение униатов с Русской православной церковью

При Николае I была проведена крупная акция "воссоединения" униатов западных губерний России с Русской православной церковью. Еще в 1596 г. в г. Бресте была заключена церковная уния, по которой белорусское и западноукраинское православное население признавало своим главой римского папу, но сохраняло православную обрядность и богослужение на церковнославянском языке. В результате разделов Польши в XVIII в. униатское население оказалось в составе России. Екатерина II тогда воздерживалась от крайних мер, и воссоединение униатов с православием проходило в основном добровольно. Однако значительная часть униатов твердо продолжала держаться своих обрядов, которые представляли собой веру их отцов и дедов, освященную многолетней традицией.

Поводом к решительным мерам ликвидации унии послужило ноябрьское восстание 1830 г. в Польше, во время которого униатские базилианские монастыри в Белоруссии и часть униатского населения поддержали повстанцев. Поэтому воссоединение униатов с православием должно было решить две задачи: лишить религиозной опоры национально-освободительное движение поляков в данном крае и вместе с тем послужить средством обрусения западных губерний, некогда входивших в состав Польши.

После длительной подготовки 25 марта 1839 г. был издан указ "О слиянии греко-униатской церкви с православием". Полтора миллиона униатов Литвы, Белоруссии и Правобережной Украины объявлялись отныне "воссоединенными" с Русской православной церковью. Однако этот акт российского правительства встретил упорное сопротивление униатских священников и их паствы. В знак протеста униаты собирались около своих церквей, не допуская в них православных священников. В помощь последним призывалась полиция, а в случае особого упорства униатов — воинские команды, применявшие телесные наказания. Формально присоединенные к Русской православной церкви униаты впоследствии в своей массе "отпадали" от нее, что выражалось в отказе посещать православные церкви и обращаться за исполнением треб к православным священникам.

Следует заметить, что все эти меры по отношению к религиозному "диссидентству" проводились не по инициативе Русской пра-

вославной церкви (хотя и в ее интересах), но светской власти, действовавшей административно-полицейскими методами; а православная церковь, будучи в полном подчинении у светской власти, сама являлась жертвой ее произвола.

§ 6. Конфессиональная политика Александра II и Александра III

Реформы духовного образования, статуса церковного прихода, положения старообрядчества

В обстановке общественно-политического подъема в России на рубеже 50—60-х годов в духовных и светских журналах развернулось оживленное обсуждение проблем, связанных с положением православной церкви в государстве, ее ответственностью перед обществом, повышеним материального и нравственного уровня духовенства. Были поставлены вопросы о преодолении бюрократизации в управлении церковью, предоставлении ей большей самостоятельности (меньшей зависимости от опеки светской власти), о преобразовании приходской жизни, совершенствовании системы духовного образования, даже о введении веротерпимости. Само правительство осознавало настоятельную необходимость разрешения этих проблем, особенно под влиянием проводившихся в то время других реформ.

Разработка и проведение указанных преобразовательных мер были возложены на светское и духовное ведомства центрального управления — Министерство внутренних дел и Святейший Синод. В конце 1861 г. под председательством министра внутренних дел П. А. Валуева был создан специальный комитет для проведения церковных *реформ.* Решено было начать с преобразования статуса приходского духовенства. Для этого в конце 1862 г. при Синоде было учреждено из духовных и светских лиц “Особое присутствие для изыскания способов к большему обеспечению быта духовенства”. На основе разработанных им проектов в 1864 г. был издан ряд постановлений о церковном приходе и приходском духовенстве. При приходе создавались выборные органы из прихожан, руководимые приходскими священниками, — низшее церковное управление, подобное сельскому. В их задачу входили сбор средств на приходскую церковь и урегулирование конфликтов между прихожанами и церковным причтом. Указом 1867 г. отменялось старое правило наследственной передачи приходских церковных должностей, а указом 1869 г. — и само наследственное духовное звание от отца к детям. Этим же указом из духовного звания отчислялись церковные сторожа, пономари, псаломщики и пр. церковнослужители. Детям священников и дьяконов предоставлялась свобода выбора профессии, поступления на государственную и общественную службу. В священники и дьяконы могли быть рукоположены и выходцы не из духовной среды, если они окончили духовную семинарию.

1/2 21 — 637

Тем самым существенно подрывалась (хотя и не ликвидировалась) сословная кастовость духовенства.

В силу действия этих указов в 1870—1874 гг. численность приходского духовенства сократилась на 15%; соответственно этому сократилось и число приходов. Вместе с тем были приняты меры к некоторому повышению материального положения духовенства: увеличивалось казенное пособие приходскому священнику (на 67%), устанавливались небольшие пенсии находившимся "на покое" (в отставке) священникам, а также их вдовам. Но оставшиеся не у дел церковнослужители не получили никаких пособий.

В 1863 г. был начат пересмотр системы подготовки приходских священников, связанный с изменением их статуса, что вызвало необходимость проведения *реформы духовного образования*. В 1863 г. выпускникам духовных семинарий разрешалось поступать в университеты. С 1864 г. дети духовенства получили право вместо духовных семинарий учиться в гимназиях, а в 1867 г. — поступать в военные училища; одновременно это право давало возможность выхода из духовного звания. Вместе с тем по указу 1867 г. детям других сословий, в том числе податных, разрешалось поступать в духовные учебные заведения, по окончании их — получать священническую должность и, таким образом, переходить в духовное сословие.

Еще в 1858 г. был поставлен вопрос о коренном преобразовании духовных учебных заведений. С целью ознакомления с состоянием духовного образования на местах Александр II в том же году посетил Ярославскую, Вологодскую, Нижегородскую и Литовскую православные духовные семинарии. Подготовка реформы духовного образования проходила медленно, через многочисленные бюрократические инстанции. Сначала были затребованы мнения ректоров духовных академий и ряда семинарий о принципах этой реформы. Затем из присланных ими отзывов и "мнений" был составлен "Общий свод" материалов о духовном образовании. Для рассмотрения его и составления первоначального проекта реформы духовного образования в 1859 г. при Синоде был учрежден особый Комитет. Подготовленный им в 1863 г. проект был разослан по епархиям, в которых он "изучался" еще три года. Затем при Синоде был создан новый Комитет уже для подготовки окончательного текста "*Положения*" *о духовных школах*, которое было утверждено Александром II в 1867 г.

"Положение" предусматривало наличие в каждой епархии не менее одной семинарии. Устанавливался шестилетний срок обучения. При этом для тех, кто изъявлял желание по окончании семинарии стать священником, обучение было бесплатным. Хорошо успевающим учащимся выплачивалась стипендия. Расширялось преподавание общеобразовательных дисциплин, и таким образом программа обучения в духовных семинариях приближалась к гимна-

зической, что облегчало их выпускникам поступление в университеты. Преподавание становилось ближе к жизни, освобождаясь от прежней схоластики. По "Положению" 1867 г. семинарии получали определенную автономию. Более широкую автономию (выборность ректора и профессоров) получали и духовные академии. При епархиях создавались учебные заведения и для девочек из семей духовенства. В них наряду с духовными предметами в программу включался минимум общеобразовательных дисциплин в объеме начальной школы, а также рукоделие и домоводство.

Ряд *изменений* произошел и в *церковном управлении*. В 1867 г. было отменено деление епархий на три "класса". Епархиальные архиереи получали право без санкции Синода строить церкви, давать разрешения на вступление в монашество, самостоятельно решать вопросы духовного образования в пределах своих епархий. Приходское духовенство получало право избирать благочинных, стоявших во главе мелких церковных округов — благочиний. Создавались выборные благочиннические советы, возглавляемые благочинными. Таким образом, низшее звено церковного управления строилось по типу крестьянского общинного и волостного выборного самоуправления, введенного реформой 1861 г. Приходское духовенство для решения местных церковных нужд получило право собираться на съезды трех уровней — благочиннические, училищные (по училищным округам) и епархиальные.

При Александре II прекратились гонения на старообрядцев, каким подвергались они при Николае I. Их насчитывалось в то время, по разным данным, от 8 до 12 млн. человек. За легализацию "раскола" выступала в печати 50 — 60-х годов либеральная общественность. Сторонники его легализации доказывали, что гонения против старообрядцев, если они не нарушают государственных законов, противозаконны, к тому же такие меры приводят к обратным результатам — ожесточают гонимых, провоцируют конфликты; они и неэффективны, ибо нельзя против идей, учений, веры действовать грубой силой.

В **1864 г.** был учрежден комитет по "раскольническим делам". Выработанные им и утвержденные царем в том же году "*Правила*" *легализовали* значительную часть старообрядческих толков и согласий, которым предоставлялось право свободно отправлять свое богослужение, а также выезжать за границу. Были признаны имеющими юридическую силу старообрядческие метрические записи (крещений, венчаний, отпеваний). Старообрядцам дозволялось заниматься иконописанием (для своих нужд), учреждать свои школы грамоты, занимать некоторые общественные (но не государственные) должности. Но эти права не распространялись на считавшиеся "вредными" старообрядческие согласия (например, на хлыстов, скопцов, "бегунов" или "странников"), которые не признавали не только церковную, но и светскую власть.

Церковные реформы, проведенные при Александре II, несколько оживили деятельность Русской православной церкви, смягчили стеснявшие ее бюрократические оковы. Однако они были неглубоки, так как не затрагивали принципиальных вопросов управления церковью и взаимоотношений ее со светской властью, к тому же они были непоследовательны и незавершены. Это обусловило их непрочность и фактически отказ от них в последующее царствование.

Православная церковь при Александре III. К. П. Победоносцев

При Александре III конфессиональную политику определял назначенный еще Александром II в 1880 г. обер-прокурором Синода профессор гражданского права *К. П. Победоносцев*. На этом посту он находился 25 лет. Он был автором печально знаменитого *царского манифеста* **29 апреля 1881 г.** *"О незыблемости самодержавия"*, который определил политическую линию царствования Александра III.

Победоносцев полагал, что при проведении этого курса православная церковь призвана сыграть огромную, если не решающую, роль. При нем были восстановлены закрытые в 60—70-е годы церковные приходы и открыты новые. За время царствования Александра III ежегодно возводилось до 250 церквей, на 22% увеличилась численность священнослужителей. Опираясь на поддержку светской власти, Победоносцев стремился поднять религиозность русского народа, распространить православие и среди нерусских народов. При нем оживилась деятельность православных миссий, умножилось число церковных периодических изданий и тиражи духовной литературы. Он стимулировал учреждение церковных братств, призванных, особенно в западных губерниях России, укреплять православие.

Победоносцев считал, что церковь, помимо своих религиозных обязанностей, должна была развивать и другие формы деятельности, важные для укрепления ее авторитета в народе. Большое значение он придавал церковной проповеди, внебогослужебным собеседованиям священников со своими прихожанами, устройству при церквах библиотек, организации церковной благотворительности, а также проведению торжеств по случаю различных церковных юбилеев.

Возросла и роль обер-прокурора в Синоде. Отныне Победоносцев все важные дела по ведомству Синода решал единолично. Усилилась и централизация управления православной церковью. Под жесткий контроль обер-прокурора было поставлено епархиальное духовенство. "Доверенным" лицам Победоносцев поручал надзор за епископами. Посланные в епархии эти лица должны были состоять при архиереях и направлять обер-прокурору конфиденциальные донесения об их настроениях и поведении. Проводились час-

тые перемещения архиереев из одной епархии в другую, строптивых и неугодных обер-прокурор отправлял в захолустные епархии (в Сибирь, на Дальний Восток), что вызывало неприязнь и протесты архиереев против “самодержавства” Победоносцева.

В свою очередь в строгое подчинение местного епископата было поставлено приходское духовенство. Епархиальные консистории, находившиеся в двойном подчинении — епархиальных архиереев и Синода, обязаны были доставлять в Синод сведения о приходском духовенстве. Донесения епархиальных консисторий дали Победоносцеву обильный материал о падении авторитета духовенства среди населения. Вопрос о “нравственных пороках” духовенства неоднократно обсуждался в Синоде. Архиереям было дано предписание “узнавать достойных, недостойных наказывать, слабых наставлять и поддерживать”.

Беспокоило Синод и положение дел в духовных семинариях. Из семинарий выходили не только верные служители Бога, но и атеисты-вольнодумцы. Известны были факты участия студентов духовных академий и семинаристов старших курсов в народническом движении. 22 августа 1884 г. был издан новый устав духовных академий и семинарий, который ликвидировал введенную Александром II автономию этих учебных заведений, а также выборность ректоров и профессоров. Усиливался надзор за духовными учебными заведениями. В 1890 г. последовало специальное предписание епархиальным архиереям строго следить за тем, чтобы в духовные семинарии не проникали неблагонадежные периодические издания и чтобы семинарское начальство не “утаивало” случаи распространения в среде семинаристов крамольной литературы и возникновения тайных кружков. Семинаристов и студентов духовных академий за чтение “недозволенных” книг сажали в карцер. В ответ на эти суровые меры в 80-х годах прокатились волнения в ряде духовных учебных заведений.

Победоносцев всячески противодействовал духовным контактам интеллигенции с народом, с церковью, диалогу с ней. Им были закрыты возникшие в 70—80-х годах в Москве и Петербурге Общества любителей духовного просвещения, в которые входили представители высших столичных кругов и часть профессуры (главным образом, духовных академий). Его гонениям подверглись известный религиозный философ В. С. Соловьев, писатели Л. Н. Толстой и Н. С. Лесков, с подозрением он стал относиться к произведениям своего прежнего друга Ф. М. Достоевского. Победоносцев немало сделал для ужесточения духовной и светской цензуры, подчинения народного образования церковному влиянию.

Церковноприходские школы

С 1884 г. по инициативе Победоносцева стали усиленно насаждаться *церковноприходские школы*, которые находились в непосредственном ведении Синода. Во главе этих *школ* были поставлены приходские священники, являвшиеся

и "законоучителями" (преподавателями главного предмета в школе — "закона Божьего"). В изданных 13 июня 1884 г. "Правилах о церковноприходских школах" говорилось, что "школы сии имеют целью утверждать в народе православное учение веры и нравственности христианской и сообщать первоначальные полезные знания". Сам Победоносцев более откровенно отзывался об истинном предназначении этих школ: "Церковноприходские школы по самым условиям существующего в них обучения и надзора представляют собой гораздо более гарантий для правильного и благонадежного в церковном и народном духе образования и потому заслуживают со стороны правительства поддержки и поощрения". Победоносцев придавал церковноприходским школам в деле воспитания народных масс в духе преданности православной церкви и престолу решающее значение. Он надеялся, что эти школы, как наиболее "дешевые" и дающие народу необходимую ему грамотность, будут поддержаны и духовенством, и самим народом.

В печати учреждение церковноприходских школ было встречено неоднозначно. Развернулась полемика об их целесообразности. Против них высказывалась либеральная печать, указывая на неподготовленность к учительской деятельности большей части приходского духовенства, на опасность внесения в эти школы традиционных для низших духовных учебных заведений зубрежки и начетничества. Противники этих школ считали, что церковноприходская и светская начальные школы как построенные на "противоположных началах" вместе существовать не могут.

Принятыми правительственными мерами церковноприходские школы в 80—90-х годах получили довольно широкое распространение. Если ко времени издания "Правил о церковноприходских школах" (1884) их насчитывалось 4,1 тыс. с 98 тыс. учащимися, то к 1900 г. их было уже 42,6 тыс. с 1,6 млн. учащимися, а численность церковноприходских школ сравнялась с числом начальных школ Министерства народного просвещения.

Церковноприходские школы были *двух типов* — с двухлетним и четырехлетним сроком обучения. В первых обучали молитвам, священной истории, краткому катехизису, церковному пению, чтению церковнославянской и гражданской печати, четырем правилам арифметики; у вторых к этим предметам добавлялись история церкви и курс гражданской истории страны. Хотя расширение сети церковноприходских школ и преследовало откровенно утилитарно-политические цели, тем не менее они сыграли немалую положительную роль в распространении грамотности среди населения. В связи с ростом рабочего движения в 70—90-е годы XIX в. светская власть потребовала от православной церкви оказать содействие в борьбе против влияния на рабочую среду народнической, а позже и социал-демократической пропаганды. По ини-

циативе Победоносцева и редактора "Московских ведомостей" М. Н. Каткова в начале 80-х годов при Исаакиевском соборе в Петербурге было создано специальное общество, в задачи которого входили издание клерикально-монархической литературы и ее бесплатная раздача рабочим.

Политика по отношению к неправославным конфессиям

В многонациональной России православная церковь хотя и была "господствующей и первенствующей", однако ее влияние не распространялось на десятки миллионов людей, исповедовавших католичество, протестантизм, мусульманство, иудаизм, буддизм, а также "отпавших от православия" русских старообрядцев разных толков и сектантов. Не все русские признавали официальное православие, и в то же время многие нерусские народы (украинцы, белорусы, молдаване, ряд народов Поволжья, Урала, Сибири, принявших крещение) исповедовали православие.

По данным годовых отчетов Синода, в 1840 г. православное население России насчитывало 44 млн. человек обоего пола, в 1860 г. — 52 млн., в 1890 г. — 72 млн., по первой Всероссийской переписи 1897 г. — 87,4 млн. человек. Удельный вес православного населения в течение XIX в. составлял от 70 до 75%.

В 80—90-е годы проводилась активная христианизация народов Поволжья, Сибири, Дальнего Востока, активизировалась деятельность русских православных миссий за рубежом.

Стремление распространить православие среди нехристианского населения России не имело особого успеха. В отношении старообрядчества проводилась довольно гибкая политика. Изданный в 1883 г. *новый закон о старообрядцах* подтверждал постановления 60—70-х годов, отменявшие многие ограничения для них, введенные Николаем I. Старообрядцам (кроме "вредных сект") разрешалось занимать общественные должности, заниматься торгово-промышленной деятельностью, получать паспорта на общих основаниях. Они могли открывать молитвенные здания, но с разрешения министра внутренних дел и обер-прокурора Синода. Однако им запрещалось сооружать колокольни, проводить крестные ходы, а главное — распространять свое учение среди православного населения. Продолжало преследоваться "отпадение от православия в раскол", а с 1884 г. последовали ужесточения по отношению к "расколу". На состоявшемся в 1885 г. соборе епархиальных архиереев специально рассматривался вопрос о борьбе с "расколом".

Однако церковные и светские власти более всего были обеспокоены широким распространением в то время так называемых "рационалистических" сект: штундистов, баптистов, пашковцев, толстовцев и пр.

Старообрядцы первостепенное значение придавали обрядности, точнее — приверженности к старым обрядам, в которых виде-

ли суть сохранения “древнего благочестия”. Догматических расхождений у них с господствующей православной церковью по существу не было. Новые же, сектантского типа, христианские конфессии, в основном возникшие на Западе и привнесенные в Россию, делали акцент на “разум” (почему их и принято называть “рационалистическими”). Они, наоборот, практически отвергали обрядность или сводили ее к минимуму. Поэтому расхождение их с православной церковью было более всего на почве догматики. Проповедь идеи всеобщего равенства, общинности, трудолюбия, благотворительности, строгости нравов, взаимопомощи, а также ненасилия и всеобщей любви особенно привлекали в эти секты простое население, что и обеспечило значительный их успех в России в конце XIX в. Вследствие этого был принят ряд радикальных мер к их “искоренению”: запреты исполнять службы, судебные преследования. Многие десятки тысяч последователей этих сект вынуждены были эмигрировать (в основном в США и Канаду).

Против религиозных гонений подняла голос либеральная печать; выступали против этого и новые суды, стоявшие за законность. Гонения за веру отталкивали от правительства не только либеральных, но и лояльно относившихся к нему консервативных людей, разжигали недовольство в национальных регионах, а недовольство на религиозной и национальной почве неизбежно выливалось в социальный протест.

§ 7. Русская православная церковь и государство в начале XX в.

Обсуждение проблемы церковных реформ

Противоречивость конфессиональной политики правительства во время обер-прокурорства Победоносцева заключалась в том, что его ведомство стремилось активизировать деятельность православной церкви, и вместе с тем усиление правительственного контроля за этой деятельностью стесняло ее самостоятельность, что приводило к обратным результатам — к кризисному положение православной церкви. В первую очередь, это сказывалось на падении нравственного влияния православного духовенства на массы верующих. В самой церковной среде в конце XIX — начале XX вв. возникают течения, стремившиеся к “обновлению” Русской православной церкви, поднятию ее авторитета и морального уровня духовенства. В церковной и светской печати выдвигались требования освободить церковь от жесткой опеки ее государством. Были поставлены вопросы о предоставлении церкви реальной самостоятельности, о проведении реформ церковного суда и епархиального управления, преобразо-

вании прихода. Предлагалось даже превратить Синод в "синодальное правительство Всероссийского собора", независимое от светской власти. Некоторые участники обсуждения высказывались за восстановление патриаршества.

В конце декабря 1904 г. петербургский митрополит Антоний Вадковский от имени столичного духовенства подал председателю Комитета министров С. Ю. Витте "Записку" с изложением неотложных реформ в Православной церкви. При обсуждении в Комитете министров она получила поддержку Витте, который составил по этому вопросу свою "Записку" на имя царя. В ней он изложил предварительную программу церковных преобразований: обновление прихода, материальное обеспечение приходского духовенства, преобразование духовных школ, децентрализация управления церковью и предоставление ей большей самостоятельности. Против предложений Витте решительно выступил Победоносцев, который указывал на опасность церковной реформы для самодержавной власти царя.

Но вот грянула революция 1905 г. , заставившая самодержавие пойти на определенные уступки и в конфессиональной политике. **17 апреля 1905 г.** был обнародован "*Манифест о веротерпимости*", провозгласивший свободу вероисповедания всему неправославному населению. Освобождены были от былых гонений сектанты всяких толков. Каждый мог не таясь, открыто исповедовать свое вероучение. Разрешалось всем конфессиям беспрепятственно строить свои молитвенные здания, издавать духовную литературу, создавать духовные братства.

Подготовка к созыву Поместного собора Русской православной церкви

В декабре 1905 г. был уволен с поста обер-прокурора Синода Победоносцев. На этот пост был назначен князь А. Д. Оболенский, придерживавшийся либеральных взглядов. Николай II был вынужден согласиться на созыв "в ближайшее время" Поместного собора Русской православной церкви для решения ее неотложных нужд. В январе 1906 г. для подготовки Собора при Синоде было создано Предсоборное присутствие, в которое вошли 10 епархиальных архиереев и 21 профессор духовных академий и университетов. В епархии были направлены предписания прислать свои мнения по насущным церковным проблемам, которые предстояло обсудить на Поместном соборе, собран обширный и интересный материал, изданный в тот же год. В декабре 1906 г. Предсоборное присутствие завершило свою работу. Основная подготовительная работа для созыва Поместного собора была по существу проделана. Но к этому времени правительству уже удалось справиться с революцией, и в обстановке наступившей после третьеиюньского переворота 1907 г. реакции вопрос о созыве Поместного собора русской церкви был отложен.

В 1912 г. Синод создал в узком составе Предсоборное совещание, надеясь этим напомнить правительству о необходимости созвать Поместный собор. Но правительство никак не прореагировало на этот акт Синода. В 1913 г. некоторые епископы выступили в прессе с напоминанием о необходимости избрать патриарха и этим оградить церковь от вмешательства светских властей.

Русская православная церковь в 1917 г. Созыв Поместного собора и восстановление патриаршества

Вопрос о созыве Поместного собора Русской православной церкви вновь был поставлен после свержения самодержавия. Отречение Николая II от престола означало одновременно и лишение его прерогативы главы Русской православной церкви. Новый обер-прокурор Св. Синода князь В. Н. Львов, введенный также в состав Временного правительства, 4 марта 1917 г. официально заявил об освобождении церкви от неканонического главенства царя. В знак этого царский трон был вынесен из зала заседания Синода. Был изменен и состав Синода, из которого удалили распутинских ставленников. На местах стихийно создавались исполнительные комитеты из клира и мирян, они установили контроль над епископами, а некоторых из них, защитников старой власти, изгоняли с епископских кафедр.

29 апреля Синод ввел выборность епископов путем тайного голосования на епархиальных съездах клира и мирян. Одновременно по тому же принципу избирался епархиальный совет, который ограничивал епископскую власть. *Декретом* Временного правительства **14 июля 1917 г.** *"О свободе совести"* устанавливалась свобода выбора гражданами вероисповедания, свобода деятельности всех религиозных конфессий, за исключением изуверских сект. Однако Русская православная церковь по-прежнему признавалась первенствующей, и Временное правительство не пошло на отделение ее от государства.

5 августа Св. Синод как высший орган управления Русской православной церковью был упразднен. Вместо него учреждалось Министерство исповеданий. Тем самым *завершился двухсотлетний "синодальный" период* в истории Русской православной церкви. Министром исповеданий был назначен профессор Петербургской духовной академии, видный историк Русской церкви А. В. Карташев.

Еще 29 апреля 1917 г. для подготовки Поместного собора был образован Предсоборный совет в составе 32 высших иерархов церкви и профессоров духовных академий. К 5 июля совет подготовил Правила избрания Собора и Программу его занятий. I Всероссийский Поместный собор Русской православной церкви торжественно открыл свои заседания **15 августа 1917 г.** в Москве, в Успенском соборе Кремля. В состав Собора были избраны 73 архиерея, 192 при-

ходских священника и 299 мирян. На его обсуждение был поставлен широкий круг вопросов — о жизни и деятельности Русской православной церкви и о ее взаимоотношениях со светской властью. Заседания Собора продолжались **до 20 сентября 1918 г.,** когда его деятельность была прервана советским правительством. Однако Собор успел принять ряд важных решений, и среди них — восстановление патриаршества. *Патриархом* **5 ноября 1917 г.** был избран московский митрополит *Тихон* (в миру *Василий Иванович Белавин*). Были приняты решения: считать высшей властью в области вероучения, церковного управления и суда Поместный собор, патриарх подотчетен Собору и обязан отстаивать интересы церкви перед государством. Собор узаконил епархиальное и приходское самоуправление, восстановил древний обычай избрания настоятелей монастырей монашеской братией, провозгласил принцип неучастия Русской православной церкви в политической борьбе.

Глава 25
Культура России XIX — начала XX вв.

Культура — одна из форм общественной жизни. Ее развитие есть результат творчества человека в различных сферах его деятельности, духовной или материальной. Являясь совокупностью знаний, которыми располагает общество на той или иной стадии своего развития, культура составляет его интеллектуально-нравственный, духовный потенциал.

Основным содержанием историко-культурного процесса рассматриваемого времени было развитие национальной культуры. Складывание и развитие культуры русской нации происходило в условиях, когда наряду с процессами экономической интеграции, ростом и укреплением буржуазных элементов в общественном сознании сохранялась сословность как одна из форм социальной жизни, присущая феодальной эпохе. Правительство в своей политике в целом исходило из необходимости сохранения принципа сословности прежде всего в сфере просвещения. Однако обязательность проведения в жизнь этого принципа не всегда была одинакова. Сама реальность жизни разрушала эту идеологическую направленность.

Преемственность в развитии — одна из характерных черт историко-культурного процесса, основа формирования культурного наследия общества.

Особенностями русской национальной культуры были ее открытость, способность к усвоению элементов культуры других народов, но при этом сохранялись ее национальная самобытность и цельность. Этому несомненно способствовало длительное, многовековое хозяйственное и культурное общение русского народа с народами, входившими в состав Российской империи.

Особенностью России как многонационального государства было отсутствие границ, которые отделяли бы центр от окраин и обособляли бы отдельные национальные регионы. Хозяйственные и культурные связи русского и других народов существовали длительно и постоянно.

Через взаимные культурные контакты национальная интеллигенция овладевала русским языком, народы России приобщались к духовным богатствам русской культуры. Одновременно идейно-художественный мир русских писателей, художников, композиторов значительно расширялся и обогащался в процессе познания культур народов России.

I. Культура в первой половине XIX в.

Развитие культуры в первые десятилетия XIX в. было тесно связано с общественно-художественными течениями предшествующего времени. В общественном сознании продолжали существовать идеи просветительства, из которых выросла дворянская революционность. Сохранялось понимание просвещения как силы, способной излечить многие социальные язвы и преобразовать жизнь.

Уже во второй половине XVIII в. шел процесс складывания современного русского литературного языка, формирования национальных школ в живописи, музыке, архитектуре, определилась более тесная связь художественной культуры с идейными исканиями и общественно-политической мыслью. В начале XIX в. происходит окончательное становление института цензуры, игравшей в руках правительства роль важнейшего инструмента в определении нужного, с точки зрения власти, направления в развитии просвещения, литературы, журналистики.

Вместе с этим на общественно-культурную жизнь первой половины XIX в. огромное влияние оказали два события в истории страны — Отечественная война 1812 г. и движение декабристов.

Эпоха 1812 г. — важный этап в становлении национального самосознания. Идейная атмосфера предвоенных лет и периода Отечественной войны вызвала небывалый патриотический подъем в стране. Успешное завершение войны воспринималось современниками как национальная победа, предотвратившая иноземное порабощение. В. Г. Белинский писал о 1812 г. как об эпохе, с которой "начиналась новая жизнь для России", подчеркивая, что дело не только "во внешнем величии и блеске", но прежде всего во внутреннем развитии в обществе "гражданственности и образования", явившихся "результатом этой эпохи".

С ростом национального самосознания связан интерес к собственной истории. Фактом огромного культурного значения стала "История государства Российского" Н. М. Карамзина. Он был первым историком, которого стала читать публика.

Эпоха 1812 г., система Священного союза и участие в ней России породили довольно широкое распространение среди части светских и духовных деятелей России религиозных исканий.

Выступление дворянских революционеров в декабре 1825 г. было также внутренней вехой в общественно-культурной жизни страны. Идеи дворянских революционеров, стремление осмыслить и понять их, принять или отвергнуть способствовали активизации духовной жизни интеллектуальных слоев русского общества, формирующейся интеллигенции, появлению новых ориентиров в официальной идеологии.

Для общественного сознания XVIII — начала XIX вв. связь России и Западной Европы была фактом очевидным. Теперь, после событий 14 декабря 1825 г., такое понимание этой духовно-интел-

лектуальной связи стало восприниматься резко критически со стороны официальных властей.

§ 1. Система просвещения

Общеобразовательная школа В начале XIX в. в России сложилась *система общеобразовательной школы*, просуществовавшая с небольшими изменениями на протяжении всего дореволюционного времени. Начало ее было положено еще в 80-е годы XVIII в. учреждением главных (в губернских городах) и малых (в уездных) народных училищ.

Созданное в 1802 г., наряду с другими, Министерство народного просвещения впервые централизовало государственное руководство школьной системой; главные народные училища были преобразованы в 7-классные *гимназии*, а малые — в 3-классные *уездные училища*. В школах вводились единые учебные планы. Общность учебных планов уездных училищ и первых классов гимназий позволяла на практике осуществлять преемственность между начальной и средней школой, которая декларировалась правительством.

По школьному уставу 1804 г. учреждались одногодичные *приходские училища*, в которые должны были приниматься дети "всякого состояния" без различия "полу и лет". Приходские школы создавались и в городе, и в сельской местности. Однако денег из казны для них не поступало: их финансирование передавалось органам городского управления, или в этом деле полагались на инициативу помещиков, сельских священников, самих государственных крестьян.

На развитие высшего и среднего образования правительство обращало основное внимание. Помимо Московского в первые два десятилетия XIX в. были открыты еще пять университетов: Дерптский (1802), Казанский, Харьковский, Виленский (1804), Петербургский (1819). Как правило, университеты создавались на базе уже существовавших ранее научно-учебных заведений. С XVII в. известен университет в Дерпте; с 1758 г. работала гимназия в Казани, созданная по инициативе и поддержке профессоров Московского университета; имелись "коллегиум" в Харькове, Главный педагогический институт в Петербурге, преобразованный в свою очередь из учительской семинарии, известной с 80-х годов XVIII в. Университет являлся основной формой высшего образования в России на протяжении всей первой половины XIX в.

С начала XIX в. университетам отводилась большая роль в развитии школьного, прежде всего гимназического образования. В 1804—1835 гг. они возглавляли учебные округа (по уставу 1835 г. эта функция университетов отменялась), осуществляли контроль за работой школ, участвовали в создании учебников, составлении учебных программ.

Школьная реформа сделала актуальной проблему учительских кадров, подготовки учителей. В уездном училище в начале XIX в. работали только два учителя, преподававшие по 7—8 предметов, в гимназии 8 учителей обеспечивали весь учебный процесс. По уставу 1804 г. перед университетами была поставлена задача "служить рассадником преподавателей средних школ". С этой целью в них были созданы педагогические институты, просуществовавшие до 1859 г. В целом их деятельность была мало успешной. Еще до официального закрытия функции педагогических институтов стали выполнять организованные в университетах кафедры педагогики. В дореформенной России не было специальных учебных заведений для подготовки учителей начальной школы.

Во второй четверти XIX в. отношение правительства к задачам, которые решала общеобразовательная школа, стало меняться. В культурной политике, прежде всего в системе образования, все более преобладали идеи национальной самобытности, используемые официальной идеологией. Если в начале XIX в. приоритетным было общее образование, то теперь школа должна была не только учить, но и воспитывать, и воспитание это целиком находилось в руках государства.

Усиление сословности в образовании

Официально закреплялась *сословность* в системе общеобразовательной школы. Типы школ сохранялись, но каждый из них становился сословно-обособленным. *Приходские училища* предназначались для детей "самых низших состояний", в них обучали закону Божьему, грамоте и арифметике. *Уездные училища* создавались для детей "купцов, ремесленников и других городских обывателей", в их программу входили русский язык, арифметика, начала геометрии, история и география. В *гимназиях* получали образование, главным образом, дети дворян, чиновников, богатых купцов. Целью гимназии было "приготовление учащихся к слушанию академических или университетских курсов наук".

Все эти меры правительства были направлены на укрепление слабеющих сословных различий. В одном из циркуляров попечителям учебных округов министр народного просвещения С. С. Уваров подчеркивал, что "при возрастающем повсюду стремлении к образованию наступило время пещись о том, чтобы чрезмерным стремлением к высшим предметам учения не поколебать некоторым образом порядок гражданских состояний".

Правительство в этот период обращает внимание на развитие *государственной школы*, в которой должно было преобладать "отечественное воспитание и образование". В циркуляре попечителям учебных округов С. С. Уваров (1847) писал, что "возбуждение духа отечественного должно быть достигаемо в школах... из начала русского... без всякой примеси современных идей политических". Развивая эту линию в школьной политике, правительство в 30-е годы

ограничило число вновь открываемых частных пансионов в столицах, а в уже действующих "воспитание должно было приспосабливаться к воспитанию в казенных заведениях", право содержания пансионов и преподавания в них получали только русские подданные.

В 30-е годы в России были созданы предпосылки для развития системы средней и высшей школы. Университетский устав 1835 г., поставивший российские университеты под больший государственный контроль по сравнению с уставом 1804 г., способствовал их более углубленной научно-учебной деятельности. Университеты, наряду с Академией наук, становились важными научными центрами. С целью повышения уровня университетской профессуры практиковалось направление за границу молодых выпускников университетов для подготовки к ученому званию. За границей стажировались такие известные ученые и преподаватели, как Грановский, Крюков, Редкин, Пирогов.

С развитием экономики, увеличением сфер жизни, требующих грамотных, образованных людей, авторитет знаний и необходимость их приобретения возрастали. В учебный план уездных училищ по уставу 1828 г. включались курсы, "способствовавшие успехам в обороте торговли и в трудах промышленности". При гимназиях в 30-е годы открывались реальные классы для изучения технических и коммерческих наук. В университетах фабрикантам читались публичные лекции по технической химии, технологии производства. Возникли старейшие в России технические учебные заведения: Петербургский практический технологический институт (1828 г., ныне — Технологический институт им. Ленсовета), Московское ремесленное училище (1830 г., в настоящее время — Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана).

В 30-е годы появились *ведомственные школы* (Министерств финансов, Государственных имуществ, Военного, Духовного ведомств и т. д.). К 50-м годам существовало до 3 тыс. волостных училищ Министерства государственных имуществ. В дореформенной России это была основная сельская школа (законом 1867 г. эти школы были переданы земству).

К первой половине XIX в. относятся попытки участия общественности в распространении образования. В 1819 г. было создано "Общество учреждения училищ по методе взаимного обучения", которое стремилось организовать систему ланкастерских школ. Первоначально правительство поддержало эту инициативу. Но после того, как ланкастерские школы стали использоваться декабристами (М. Ф. Орловым, Н. Н. Раевским) для целей революционной пропаганды, они были закрыты.

По очень приблизительным данным можно заключить, что число общеобразовательных училищ (средних и начальных), находившихся в ведении Министерства народного просвещения, в первой полови-

не XIX в. росло: в начале XIX в. действовали 32 гимназии, 126 уездных училищ, в 40-х годах гимназий было 76, уездных училищ — 445, свыше тысячи приходских школ. В середине 50-х годов общее количество гимназий и начальных школ достигало почти 8 тыс., частных пансионов было свыше 600.

При известном расширении школьной системы уровень грамотности в России к концу крепостной эпохи не превышал 1%. В некоторых губерниях, прежде всего столичных, он был несколько выше — от 1,5 до 2%. Культурный потенциал общества в этот период был сосредоточен в дворянском сословии. Дворянство являлось основным носителем профессиональной культуры.

Культурно-просветительская деятельность

Состояние культуры, помимо системы просвещения, определялось также уровнем развития *культурно-просветительных учреждений* — библиотек, музеев, выставок, интересом в обществе к книге, ростом издательского дела. В конце 50-х годов в год печаталось около 2 тыс. книг, число издаваемых журналов и газет по наименованиям доходило до 230 (в начале века их было только 64). С 1837 г. стала выходить первая в XIX в. правительственная газета "Губернские ведомости".

Современники подчеркивали большую роль *журналов* в общественно-культурной жизни. "Они вбирают в себя все умственное движение страны, — писал Герцен, — ни в одной стране, исключая Англию, влияние журналов не было так велико". Для журналистики 30—40-х годов уже характерна известная позиция, в целом совпадавшая с определенным направлением в общественной мысли. Консервативно-охранительной, официозной журналистике ("Москвитянин", "Северная пчела") противостояло демократическое направление, выразителями которого в 20-е — первой половине 30-х годов были "Московский телеграф" и "Телескоп", в последующий период — "Современник" и "Отечественные записки".

В России появляются крупные *отечественные книгоиздатели*, среди которых наибольшую известность получил в 40-е годы *А. Ф. Смирдин*. Он выпустил в свет более 70 собраний сочинений русских писателей, таких как А. С. Пушкин, Н. В. Гоголь, В. А. Жуковский, М. Ю. Лермонтов, И. А. Крылов. Упрощая оформление, увеличивая тираж, Смирдин снижал розничные цены, делал книги доступными "для небогатых людей" и тем способствовал их распространению. Он впервые ввел в практику писательские гонорары; до этого сочинительство считалось развлечением и почти не оплачивалось. Его заслугой было издание журнала "Библиотека для чтения" (с 1834 г.), который распространялся в основном в провинции. Тираж журнала — 5—6 тыс. — был очень большим для того времени.

В первой половине XIX в. *библиотечная система* в стране была достаточно разнообразной. Библиотеки существовали при университетах, гимназиях, некоторых уездных училищах. В конце

XVIII в. в некоторых губернских городах (Тула, Калуга, Иркутск) появились первые публичные библиотеки. К 1814 г. относится открытие Императорской публичной библиотеки в Петербурге (ныне — Российская национальная библиотека). Понятие “публичная библиотека” в то время отличалось от современного. Библиотека рассматривалась прежде всего как хранилище или музей книжных редкостей. Доступ в нее был ограничен: библиотека открывалась для посетителей только три раза в неделю, “непристойно одетые” люди не могли быть ее читателями. Однако появление публичных библиотек было принципиально новым явлением в культуре.

К 30-м годам в губернских и уездных городах было открыто главным образом силами местной общественности до 40 публичных библиотек. Но востребованность их в этот период была еще далеко недостаточной. Не поддержанные правительством в финансовом отношении многие из публичных библиотек прекратили существование. В середине 50-х годов продолжали действовать не более 10-ти из них.

При книжных магазинах в Москве и Петербурге, а в 40-е годы и в губернских городах стали появляться платные (коммерческие) библиотеки. В 30-е годы насчитывалось более 100 книжных магазинов, которые наряду с библиотеками формировали систему функционирования книги в обществе.

В атмосфере патриотического подъема, вызванного событиями Отечественной войны 1812 г., возникла идея создания в России *национального музея*, который должен был вести просветительскую работу, чтобы “каждый гражданин, — как отмечалось в журнале “Сын отечества”, — для своего просвещения имел бы право отыскивать нужные материалы и сведения”. Этот проект был реализован только с созданием *Исторического музея* в Москве уже в пореформенное время (1872).

В 1852 г. был открыт для публики *Эрмитаж*, существовавший как дворцовый музей со второй половины XVIII в. В первой половине XIX в. в дворянской и купеческой среде получает распространение частное собирательство, формируются коллекции живописи, предметов старины, составившие основу многих художественных музеев России (коллекция картин Ф. И. Прянишникова, К. Т. Солдатенкова, В. А. Кокорева, П. М. Третьякова и др.).

§ 2. Наука. Научные центры

Научные открытия

Общие социально-экономические и духовно-интеллектуальные процессы, происходившие в русском обществе, оказывали благотворное влияние на научную мысль. В результате экспедиций русских путешественников были сделаны важнейшие *географические открытия*. В 1819—1821 гг. в ходе научной экспедиции М. П. Лазарева и Ф. Ф. Беллинсгаузена была

открыта Антарктида. Русские ученые исследовали острова Тихого, Ледовитого океанов, Аляску.

Настоящий переворот в научных представлениях о природе пространства совершил профессор Казанского университета Н. И. Лобачевский, открыв новую геометрическую систему, получившую название *неевклидовой геометрии* (1826). Это открытие ученого создавало предпосылки для обоснования математических концепций современной физики.

В области *электротехники* В. В. Петров, демонстрировавщий в 1802 г. явление вольтовой дуги, выдвинул идею о ее практическом применении для сварки и плавления металла. Практический опыт, накопленный русской металлургией, послужил основой для появления в этой области крупных специалистов. Открытия П. П. Аносова положили начало *металлургии* высококачественной *литой стали*. Он раскрыл утерянный в средние века секрет изготовления булатной стали.

На Нижнетагильском металлургическом заводе крепостными механиками Е. А. и М. Е. Черепановыми в 30-х годах была построена *паровая железная дорога*. Быстрое развитие текстильной, в первую очередь хлопчатобумажной, промышленности содействовало успехам в *химии*. Профессора Казанского университета Н. Н. Зинин и А. М. Бутлеров были создателями химической школы, давшей науке много талантливых исследователей.

С именами П. Л. Шиллинга и Б. С. Якоби связано изобретение (1832) и усовершенствование *электромагнитного телеграфа*, получившего практическое применение уже с 50-х годов XIX в. Это изобретение считается одним из важнейших научно-технических изобретений XIX столетия.

Русская наука первой половины XIX в. имела значительные успехи в развитии *медицины*, в частности в хирургии. Н. И. Пирогов, профессор Медико-хирургической академии, стал основоположником *военно-полевой хирургии*, анатомо-экспериментального направления в этой области медицины. В период Крымской войны он впервые применил наркоз при операции на поле боя и неподвижную гипсовую повязку. Четырехтомный атлас Н. И. Пирогова "Топографическая анатомия" получил мировую известность.

Открытия и научные исследования ученых-естествоиспытателей способствовали развитию и укреплению материалистической традиции в русской науке.

Исследования в области *гуманитарных наук* также имели существенно важные результаты. К конкретному изучению процессов, происходивших в экономике России, обращается экономическая наука. Интерес к отечественной истории, усилившийся в это время, был тесно связан с ростом национального самосознания.

Событием не только в *исторической науке*, но и в общественно-культурной жизни России стала "История государства Российского" Н. М. Карамзина, первые восемь томов которой вышли в свет

в 1818 г. Герцен впоследствии писал, что эта книга "весьма содействовала обращению умов к изучению отечества". К первой половине XIX в. относятся научная деятельность крупнейшего ученого-медиевиста Т. Н. Грановского, начало исследовательской работы в области отечественной истории С. М. Соловьева, научные труды которого связаны с развитием государственной школы — одной из ведущих школ буржуазной историографии.

С 1832 г. в Академии наук присуждались Демидовские премии за научные изобретения, фундаментальные работы в различных областях знаний. Это было значительной материальной поддержкой и моральным вознаграждением нелегкого труда ученых. Фонд этой премии, существовавшей до 1865 г., был учрежден одним из крупнейших русских промышленников П. Н. Демидовым.

Научные центры В первой половине XIX в. происходит рост *научных центров*. Наряду с Академией наук такими центрами становятся университеты. По уставу 1804 г. они получили право создавать ученые общества "по распространению наук опытных и точных", по истории, русской словесности. В **1805 г.** при Московском университете возникло старейшее в России *Общество испытателей природы* (МОИП), существующее по настоящее время. Его целью было изучение природных богатств и содействие успехам естественных наук в России. К этому же году относится начало научной деятельности *Общества истории и древностей Российских*, члены которого много сделали для сбора материалов, исследований в области отечественной истории.

С **1811 г.** при Московском университете существовало *Общество любителей российской словесности* (до 1930 г.). Оно объединяло не только ученых — его действительными и почетными членами были многие русские писатели, и среди них — Пушкин, Гоголь, Тургенев, Л. Толстой, Чехов, Горький и др. Общество стало центром изучения истории русского языка, филологии, многих проблем отечественной культуры. По его инициативе В. И. Даль начал собирать материал для своего "Толкового словаря живого великорусского языка", изданного в 1861—1866 гг.

В **1845 г.** было создано *Русское географическое общество* — одно из старейших географических обществ мира. Оно внесло крупный вклад в изучение географии России и других стран. В наиболее широких масштабах его деятельность развернулась во второй половине XIX в.

§ 3. Художественная культура

В первой половине XIX в. для *художественной культуры* были характерны быстрая смена идейно-художественных направлений по сравнению с предшествующим временем, одновременное сосу-

ществование разных художественных стилей. В литературе, живописи в полной мере проявились такие черты как гуманизм, сопричастность к общественной жизни, интерес к “маленькому человеку”.

В художественном сознании первых десятилетий XIX в. происходил постепенный отход от нормативности просветительской идеологии, лежавшей в основе эстетики классицизма, когда мотивами действий героя были прежде всего гражданский долг и общественное служение. Усиливается внимание к человеку, его внутреннему миру.

Внимание к отечественной истории было характерно для художественной культуры в целом. К исторической тематике обращались многие писатели, поэты, композиторы. Отечественная история была предметом раздумий А. С. Пушкина, особенно в последний период его творчества (“Борис Годунов”, “Капитанская дочка”, “Медный всадник”, “Арап Петра Великого”, “История пугачевского бунта”). С осмыслением исторического прошлого России связаны споры вокруг “Философического письма” П. Я. Чаадаева.

Основное направление в художественной культуре первых десятилетий XIX в. — *романтизм.* В России он возник в переломную эпоху Отечественной войны 1812 г. Сутью романтического искусства было стремление противопоставить реальной действительности обобщенный идеальный образ. Русский романтизм неотделим от общеевропейского, но его особенностями стали ярко выраженный интерес к национальной самобытности, отечественной истории, утверждение сильной, свободной личности.

Становление нового литературного языка

Наряду с интересом к русской истории показателем зрелости нации было отношение к *отечественному языку.* На рубеже XVIII и XIX вв. проблемы развития языка, его истории и изучения становились важным элементом общественно-культурной жизни. В 1804 г. в университетах были открыты словесные отделения.

В становлении нового литературного языка большую роль сыграли писатели-сентименталисты, прежде всего Н. М. Карамзин. Он, по словам Пушкина, “освободил язык от чуждого ига и возвратил ему свободу, обратив его к живым источникам народного слова”. Одной из главных заслуг “карамзинистов” считается провозглашение принципа: “писать, как говорят, и говорить, как пишут”. Однако, провозглашая сближение литературного языка с разговорным, писатели-сентименталисты боялись “грубостей” языка простолюдинов. Потому “новый слог” российского языка был “языком салонов” и не включал в себя широкие струи просторечья. В силу этого он не мог стать главным направлением в процессе окончательного складывания нового литературного языка. Он не стал основной линией его развития, как и путь ориентации на книжно-славянский язык, который отстаивал А. С. Шишков (“Рассуждение о старом и

новом слоге российского языка", 1803). Однако взгляды А. С. Шишкова имели значение для формирования нового литературного языка, способствуя сохранению в нем национальных корней. О необходимости этого писал еще М. В. Ломоносов в сочинении "О пользе книг церковных". Окончательное становление русского литературного языка и закрепление его норм происходит в начале XIX в. в эпоху А. С. Пушкина.

Изданный в начале XIX в. "Словарь Российской Академии" был первым словарем русского языка. (В 1841 г. Российская Академия, созданная в 1783 г., была преобразована в отделение русского языка и словесности Академии наук.) Происходило формирование русской научной терминологии. "Наука впервые заговорила у нас на родном языке — событие в высшей степени важное не только в истории русского литературного языка, но и в истории русской образованности вообще", — отмечалось в "Истории Российской академии", изданной в 1878 г.

Литература

В *литературе* возникновение *романтизма* связано с именем В. А. Жуковского. Его баллады, исполненные гуманизма и высокого человеческого достоинства, дали русской поэзии "душу и сердце", составили "целый период нравственного развития нашего общества". Развитие лирики от элегически мечтательной до глубоко гражданской, проникнутой чувством борьбы "за угнетенную свободу человека", было характерно для романтической поэзии. Поэты-декабристы способствовали утверждению мысли о ее высоком гражданском назначении.

Поэты-романтики много сделали для художественного перевода. По существу, они впервые познакомили русского читателя с произведениями современных западноевропейских и античных писателей. В. А. Жуковский был талантливым переводчиком Гомера, Байрона, Шиллера. До сих пор мы читаем "Илиаду" в переводе Н. И. Гнедича. В русле романтического движения закладывались основы русского исторического романа (А. А. Бестужев-Марлинский, М. Н. Загоскин).

Важнейшая проблема национальной культуры, в частности литературы, — *народность* художественных произведений. Поиск сущности народности первоначально связывался с растущим интересом к отечественной истории. По мнению Карамзина, ключ к пониманию самобытности русской литературы надо искать в истории, что и определило широкое развитие исторического жанра в искусстве романтизма. Народность в этот период отождествлялась с национальной самобытностью, с особенностями уклада народной жизни, быта, костюма и т. д.

Усложнение идейно-художественного сознания в 30—40-е годы находило выражение в более глубоком осмыслении понятия "народность": теперь оно все более определялось идейной позицией писателя. Если официальная народность исходила из "беспредель-

ной преданности и повиновения самодержавию", то в понимании передовых деятелей культуры народность означала "верность изображения картин русской жизни".

В последние предреформенные десятилетия развитие художественной культуры характеризовалось переходом от романтизма к *реализму*. В литературе это движение связано с именами Пушкина, Лермонтова, Гоголя.

В развитии русской национальной литературы и культуры в целом роль А. С. Пушкина огромна. Прекрасно выразил это Гоголь: "При имени Пушкина тотчас осеняет мысль о русском национальном поэте... Пушкин есть явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа: это русский человек в его развитии, в каком он, может быть, явится через двести лет".

Как человек и художник Пушкин формировался в переломную эпоху русской истории, в период становления дворянской революционности (первое стихотворение Пушкина "К другу стихотворцу" было напечатано в 1814 г.). Его творчество — закономерный итог в художественном осмыслении жизненных проблем, стоявших перед Россией со времени Петра I до декабристов. С Пушкина началось последующее развитие русской литературы. С его творчеством связаны утверждение современного литературного языка, начало реализма в литературе как художественного направления. "Евгений Онегин" Пушкина был первым русским реалистическим романом (в стихах), "в высшей степени народным произведением" (В. Г. Белинский).

Важной вехой на пути от романтизма к реализму было творчество М. Ю. Лермонтова, отразившее трудное время — погибшие надежды и наступившее после событий 14 декабря 1825 г. разочарование в обществе. Неприятие поэтом окружающей действительности приобретало отчетливо выраженный социальный характер.

Одним из ярких реалистических изображений русской жизни того времени были "Мертвые души" Н. В. Гоголя (1842). В. Г. Белинский оценил его как "творение чисто русское, национальное, выхваченное из тайников народной жизни".

Оставаясь глубоко гуманистической, литература все более приобретает характер учительства и сострадательности. Социальность русской литературы, ее сопричастность общественной жизни — общепризнанная особенность и характерная черта. Одним из открытий писателей "натуральной школы" (ранние произведения Н. А. Некрасова, И. С. Тургенева, Ф. М. Достоевского и др.) был "маленький человек" с его нелегкой житейской судьбой.

Предметом пристального внимания русской литературы становилась судьба крепостного крестьянина (повести Д. В. Григоровича, очерки из крестьянской жизни В. И. Даля, цикл рассказов "Записки охотника" И. С. Тургенева). Новый невиданный ранее мир русского купечества открыл читателю и зрителю А. Н. Островский.

Художественная литература как одна из форм общественного сознания в условиях жесткой цензурной политики второй четверти XIX в. частично заменяла открытые публицистические выступления. Ее социально действенный характер, влияние на “понятия и нравы общества” отмечали многие современники.

В первой половине XIX в. активизируется собирательская деятельность в области *русского фольклора.* Интерес к народной культуре, ее изучению и некоторому освоению становится характерным для эпохи просветительства. В публицистике и литературной критике рубежа столетий подчеркивалось, что полезно “иметь сведения о своих предках”, “приучать россиян к уважению собственного, вникать в характер российского народа, в дух российской древности”. Много сделали для изучения русского фольклора славянофилы. Собрание народных песен П. В. Киреевского, составившее 11 томов, является наиболее полным сводом произведений музыкального народного творчества.

Театр Все более заметную роль в общественно-культурной жизни играл *театр*, который, по словам Белинского, был показателем “общественного просвещения и духа времени”. В 1803 г. была введена монополия императорских театров, позволявшая правительству влиять на репертуарную политику.

Столичные города оставались центрами театральной культуры. В Москве в этот период произошло окончательное разделение театральных коллективов. С 1825 г. на сцене Большого театра (бывшего Петровского) шли только оперные и балетные спектакли. Драматические спектакли были перенесены в здание, построенное архитектором О. И. Бове и получившее название Малого театра. В Петербурге в 1832 г. был открыт Александринский театр.

В отличие от московского Малого театра, где были сильны демократические традиции, театр северной столицы был более официально-парадным. Театры существовали и в некоторых губернских городах (Ярославле, Нижнем Новгороде и др.).

Расцвет романтизма на сцене связан с творчеством замечательного русского актера П. С. Мочалова, прославившегося игрой в пьесах Шиллера и Шекспира. Вершиной его творчества стала роль Гамлета.

Драматургия А. С. Грибоедова, Н. В. Гоголя, особенно А. Н. Островского способствовала утверждению реалистической драмы в театральном репертуаре. Реформатором актерского искусства, основоположником реализма на русской сцене был великий актер М. С. Щепкин. “Он создал правду на русской сцене, — писал о нем Герцен, — он первый стал не театрален на театре”.

Театр первой половины века воспитал плеяду замечательных русских актеров, которыми по праву гордится русская сцена. В этот период начинается становление режиссуры, искусства оформления спектакля.

Музыка *Музыка* этого времени испытала на себе сильное воздействие эпохи 1812 г. Композиторы стали чаще обращаться к героико-патриотическим, национальным сюжетам (опера К. А. Кавоса “Иван Сусанин”, 1815). Видным представителем романтизма в музыке был А. Н. Верстовский. Постановка наиболее известной его оперы “Аскольдова могила”, созданной на либретто М. Н. Загоскина, состоялась в 1835 г.

В обществе усилился интерес к камерным и публичным *концертам.* Внимание многих композиторов, писателей, художников привлекали музыкальные вечера в литературных салонах А. А. Дельвига, В. Ф. Одоевского, З. А. Волконской. Огромным успехом пользовались летние концертные сезоны в Павловске, которые стали устраиваться с 1838 г., когда сюда была проведена железная дорога из Петербурга. Неоднократно в этих концертах выступал австрийский композитор и дирижер, знаменитый “король вальсов” И. Штраус.

В истории русского музыкального искусства особая роль принадлежит М. И. Глинке. С его именем связано возникновение русской музыкальной классики, национальной школы в музыке. Событием в культурной жизни России стала постановка оперы Глинки “Жизнь за царя” (1836 г., другое название — “Иван Сусанин”). Оперу довольно сухо встретила великосветская публика: “кучерская музыка” не вызвала ее симпатий. Но многие передовые люди России восторженно приветствовали спектакль. В числе поклонников оперы были Пушкин, Гоголь, Белинский, Одоевский, Хомяков.

Глинка — родоначальник основных жанров отечественной профессиональной музыки. Он “создал национальную русскую оперу, национальную инструментальную музыку... русский национальный романс”, — писал о нем музыкальный критик В. В. Стасов. Глинка — композитор, для которого важными принципами в искусстве были идейность и народность. “Создает музыку народ, — говорил он А. Н. Серову (композитор и музыкальный критик), — а мы, художники, только ее аранжируем”.

Для творчества композитора А. С. Даргомыжского становятся характерными большая социальная, драматическая напряженность, сочувствие “маленькому человеку” (опера “Русалка”, 1856). Даргомыжский выступил новатором в музыке, привнеся в нее новые приемы и средства музыкальной выразительности (мелодичный речитатив в опере “Каменный гость”). Эта декламационная форма пения оказала значительное влияние на дальнейшее развитие русской классической оперы XX в.

Архитектура Первые десятилетия XIX в. — время расцвета *русского ампира в архитектуре.* Широко известны имена А. Д. Захарова — одного из первых зачинателей ампира (здание Адмиралтейства в Петербурге), А. Н. Воронихина (Казанский собор в Петербурге), К. И. Росси (Михайловский дворец в Петербурге, впо-

следствии — здание Русского музея). Для зодчих этого времени становится характерным синтез архитектуры и скульптуры. В это время создаются монументальные ансамбли Петербурга, формируются площади северной столицы — Дворцовая, Сенатская, Стрелка Васильевского острова.

В Москве стиль русского ампира имел некоторую особенность: более мягкий, интимный характер, что свойственно зданиям и ансамблям, созданным О. И. Бове (ансамбль Театральной площади, Александровский сад), Д. И. Жилярди (здания университета в Москве после пожара 1812 г.).

В 30-е годы наметились признаки распада художественной системы классицизма, архитектура все более приобретала функционально-утилитарный характер. Начавшееся строительство доходных домов постепенно стало вытеснять дворянские особняки, которые сохраняли еще стилевое единство. В это время получает распространение *"русско-византийский"* стиль, явившийся воплощением официальных идейных установок. Одним из известных архитекторов этого направления был К. А. Тон — автор проектов Храма Христа Спасителя, Большого Кремлевского дворца, Оружейной палаты.

Живопись

Освобождение от идейно-эстетических установок классицизма в *живописи* было связано с растущим интересом к человеческой личности, к жизни простых людей. Новое понимание человека, его внутреннего мира получило наибольшее выражение в романтическом портрете. Одним из ярких представителей романтизма был О. А. Кипренский. Художник утверждает новый взгляд на человека как на внутренне независимую личность (портрет П. А. Оленина, 1813), подчеркивает романтические черты русской женщины (портрет Хвостовой, 1814). Кипренский создал прекрасный портрет А. С. Пушкина (1827).

Развитие *романтизма*, а затем и *реализма* в изобразительном искусстве означало серьезные перемены в академической живописи. В 30—50-е годы идейные каноны академизма, основанные на иерархической ценности жанров, все более устаревали. Сохранялся приоритет исторической живописи; бытовой жанр как полноправный еще не признавался.

К. П. Брюллов, будучи представителем классицизма, привнес в живопись новые романтические черты. Своеобразием русского романтизма в исторической живописи был некоторый "трагический налет" ("Последний день Помпеи"). Брюллов — блестящий мастер парадных портретов ("Всадница", 1832). В последний период своего творчества он достиг в портретах большого психологизма ("Автопортрет", 1848).

А. А. Иванов — крупнейший художник XIX в., в творчестве которого было сильно философское, религиозно-нравственное начало. Художник верил в высокое предназначение просвещения, способного указать народу путь к усовершенствованию и социаль-

ному обновлению. Главным делом всей его жизни стало монументальное полотно “Явление Христа народу”, над которым он работал около 20 лет (1837—1857). Художник стремился выразить веру в духовное возрождение человечества; каждый образ на картине по-своему индивидуален и неповторим.

Новые реалистические тенденции в живописи развивались наиболее плодотворно вне стен Императорской академии художеств в Петербурге. В творчестве В. А. Тропинина получает развитие жанр портрета (“Портрет сына”, 1818), появляются элементы бытового жанра (“Кружевница”, 1823). Рождение *бытового* жанра связано с творчеством А. Г. Венецианова. Его картины были открытием в русской живописи 20-х годов (“На пашне. Весна”, “На жатве. Лето”, “Захарка” и др.): художник изображал повседневную жизнь крестьян, показывал их человеческое достоинство и красоту труда. Венецианов создал школу в русской живописи, которая стала значительным явлением в художественной культуре 20—40-х годов и способствовала распространению бытового жанра.

В первой половине XIX в. в г. Арзамасе возникла первая в России частная художественная школа, основанная А. В. Ступиным. Арзамасская школа (1802—1862) способствовала развитию демократической жанровой живописи. В числе ее учеников в 40-е годы был В. Г. Перов.

Центром художественной жизни Москвы стало открытое в 1832 г. Училище живописи, ваяния и зодчества, сыгравшее важную роль в утверждении принципов реализма в искусстве.

Появление маленьких жанровых картин П. А. Федотова на академической выставке 1849 г. произвело настоящую сенсацию. Его творчество тесно связано с литературой и идейным движением 40-х годов XIX в. В частных, на первый взгляд, событиях мастер сумел выразить большие социальные проблемы. Впервые в русской жанровой живописи появились картины, где критиковались отдельные стороны общественной жизни (“Свежий кавалер” 1846; “Сватовство майора”, 1848). Драматизм, метафоричность, свойственные художественной манере Федотова, особенно проявились в его последней картине “Анкор, еще анкор” (1851—1852). П. А. Федотов завершил эволюцию русской живописи первой половины XIX в. и наметил пути ее дальнейшего развития.

II. Культура пореформенной России

Буржуазные реформы 60—70-х годов были рубежом в социально-экономической жизни России и обозначили начало капиталистического периода в ее истории. Эти реформы оказали влияние на многие стороны общественно-культурной жизни, социальный и духовный облик населения.

В пореформенное время более интенсивно происходили культурные интеграционные процессы, захватив в значительной степе-

ни российскую провинцию. Рост экономических связей между городом и деревней, между отдельными регионами способствовал усилению этих процессов, развитию культурно-информационной системы, определявшей в известной мере расширение культурного пространства. Капитализм объективно требовал более высокого культурного уровня общества, предполагавшего не только распространение элементарной грамотности, но и качественно более глубокой образованности граждан. Это диктовалось расширением сферы приложения общеобразовательных и специальных знаний, необходимых для развивающегося индустриального общества.

Отмена крепостной зависимости основной массы населения увеличивала объективные социальные возможности для демократизации образования. В пореформенную эпоху была фактически создана народная школа, появилась система технической школы, в том числе — отраслевые высшие учебные заведения, учительские семинарии, готовившие преподавателей начальных училищ. В стране сформировалась достаточно широкая сеть культурно-просветительных учреждений.

Серьезной интеллектуальной силой в общественно-политической и культурной жизни в этот период стала *русская интеллигенция*. С ее деятельностью связаны демократизация народного образования, внесение в общественное сознание идей гражданственности и борьба за воплощение этих идей в жизнь. В России, пожалуй, впервые создавались реальные предпосылки становления основ гражданского общества, его образовательных, правовых элементов, независимых от власти.

Однако существование в России капитализма как общественно-экономической системы немногим более полувека не позволило реализовать многие из этих предпосылок. Кроме того следует учитывать, что самодержавие, идя на некоторые уступки общественности в вопросах образования народа в период демократического подъема, не меняло своего принципиального отношения к проблемам широкого распространения просвещения. Не случайно долгое время (1833—1849) пост министра народного просвещения занимал С. С. Уваров, принадлежавший к числу наиболее консервативных государственных деятелей. А в 1866—1880 гг., в эпоху общественных преобразований, на этом посту находился Д. А. Толстой, убежденный консерватор и реакционер по своим политическим взглядам.

При несомненном единстве в историко-культурном процессе пореформенного времени во второй половине XIX в. можно выделить *два внутренних этапа*, особенности которых порождались реалиями общественно-политической жизни. 60—70-е годы характеризовались преобладанием демократических идей в общественном сознании, убежденностью в необходимости широких социальных преобразований в интересах народа. В это время произошло

известное отступление самодержавия от своих охранительно-крепостнических принципов.

60-е годы воспринимались современниками как время больших надежд и свершений. "Эти годы можно назвать весною нашей жизни, — писала в воспоминаниях одна из участниц педагогического движения 60-х годов Е. Н. Водовозова, — эпохою расцвета духовных сил и общественных идеалов, временем горячих стремлений к свету..."

Развитие культуры в 80-е годы приобретает некоторые новые черты, которые были порождены атмосферой общественно-политической жизни России того времени. Современники оценивали эти годы как "черные", "глухие".

В те годы дальние, глухие
В сердцах царили сон и мгла. (А. Блок)

В 80-е годы в полной мере проявился реакционный курс в политике правительства по отношению к школе и печати, наметившийся еще в предшествующее десятилетие, заметно усилились государственная поддержка православной церкви, ее влияние на систему школьного образования.

Для общественных настроений большинства разночинской интеллигенции этих лет характерными становятся упадочничество, пессимизм, неверие в эффективность революционной, политической борьбы, увлечение теориями "малых дел" и "постепенного прогресса", толстовством с его непротивленчеством в противоположность общественному оптимизму 60-х годов.

В развитии общественного сознания 80-е годы были переходным временем, когда намечаемые перемены не выявились еще достаточно определенно.

В недрах русской социальной жизни происходили важные процессы: развивался капитализм, вместе с ним рос промышленный пролетариат. 80-е годы — время зарождения российской социал-демократии, начало распространения марксизма в России.

§ 1. Состояние просвещения

Общественность и создание народной школы Время первых двух пореформенных десятилетий ознаменовалось активным участием общественности в распространении просвещения среди широких слоев народа, расширением гласности, пересмотром законодательства о печати.

Уровень грамотности в стране, по сравнению с предшествующим временем, изменился мало. В 60-е годы в России один учащийся приходился на 135 жителей (для сравнения: в Пруссии — 1 : 6, Англии — 1 : 9, Франции — 1 : 11, Австрии — 1 : 14).

Частью демократического подъема в стране стало общественно-педагогическое движение 60-х годов. По инициативе демократической общественности распространялись формы внешкольного образования. В 1859 г. в Киеве возникли первые в России *воскресные школы*. Затем они появились в Москве, Петербурге и некоторых других городах. Эти школы были бесплатными, программа обучения в них — значительно шире, чем в казенных школах. Количество воскресных школ быстро росло; по официальным данным, в 53 губерниях в 1862 г. их насчитывалось более 300. Однако в этом же году воскресные школы были закрыты правительством и разрешены лишь через два года, но уже с ограниченной программой обучения.

Замечательным русским педагогом-демократом, автором учебных книг ("Родное слово", "Детский мир", по которым в течение полувека учились десятки миллионов детей в России) был К. Д. Ушинский. Он создал школу русских педагогов (И. Н. Ульянов, Н. Ф. Бунаков, В. И. Водовозов и др.) и по праву считается основоположником *народной школы*.

Реформа школы В 60-е годы правительство провело *реформы в школьном деле*, явившиеся частью социальных преобразований тех лет и в известной мере — результатом активности демократической общественности. В изданном в 1864 г. "Положении о начальных народных училищах" декларировалась бессословность школы, предоставлялось право открытия начальных школ общественным организациям (земствам, органам городского управления); женщины получили возможность преподавать в школах. Все училища подчинялись Министерству народного просвещения. Поощряя инициативу общественности в организации народной школы, правительство перекладывало на нее и все расходы. При обсуждении реформы начальной школы 1864 г. правительство исходило из того, что "дело народного образования есть дело самого народа".

Земские школы были наиболее распространенным типом пореформенной начальной школы. С 1864 по 1874 гг. было открыто до 10 тыс. земских школ. Их рост несколько замедлился в 80-е годы. К 1914 г. в России работало более 40 тыс. земских школ. Земская трехгодичная школа в сравнении с министерскими начальными училищами отличалась лучшей постановкой обучения, более высоким профессиональным уровнем учителей. Ученик в земской школе, помимо чтения, письма, арифметики и закона Божия, получал элементарные знания по природоведению, географии, истории.

Финансирование народной школы среди других расходов земства занимало важное место, составляя в 1895 г. около 15% всего бюджета. На средства земства открывались учительские семинарии, комплектовались народные библиотеки, содержались учителя. "Теперешняя народная школа, — писал демократ-публицист Н. В. Шелгунов в 80-х годах, — есть целое здание, над которым мыслящая Россия трудилась 20 лет".

Наряду с земской продолжали действовать *церковно-приходские школы.* Элементарное образование в них, включавшее чтение, письмо, закон Божий, а также церковнославянское чтение и церковное пение, по своему уровню было ниже, чем в земской школе. Церковно-приходским школам правительство оказывало материальную поддержку, особенно в 80-е годы. Обер-прокурор Синода К. П. Победоносцев добился увеличения в 1881—1894 гг. их числа в 8 раз, а государственных ассигнований на эти школы — примерно в 40 раз.

В целом, в середине 90-х годов в России насчитывалось до 44 тыс. начальных училищ (многоклассных, двухклассных, одноклассных). Из этого числа учебных заведений, предназначенных для народных масс, одноклассные составляли более 90%.

Основной формой *средней школы* продолжала оставаться *гимназия.* По сравнению с дореформенным временем число их возросло (1865 г. — 96 гимназий, 1871 г. — 123, 1882 г. — 136). В 60-е годы возникли реальные и классические гимназии. Однако с самого начала они не были полностью уравнены в правах, а после 1866 г. классическая гимназия стала практически основной формой среднего образования; реальная же гимназия была преобразована в шестиклассное училище без права ее выпускников поступать в университет.

В преобладании классического среднего образования и усилении контроля за работой школы правительство видело основной путь борьбы против “пагубных стремлений и умствований”, порожденных “духом времени” 60-х годов. Стремясь изменить социальный состав учащихся гимназий, правительство в 1887 г. издало откровенно реакционный так называемый циркуляр о “кухаркиных детях”, носивший, правда, рекомендательный характер.

В пореформенную эпоху изменения коснулись *высшей школы.* Были открыты новые университеты в Одессе (Новороссийский на основе Ришельевского лицея), Томске. В университетах, получивших автономию по Уставу 1863 г., появились новые кафедры, оживилась научная работа, повысился образовательный уровень выпускников. Несмотря на упразднение автономии университетов по Уставу 1884 г., программа обучения в них постоянно совершенствовалась и расширялась. В российских университетах были сосредоточены лучшие научные силы, работали многие выдающиеся ученые (Д. И. Менделеев, А. М. Бутлеров, А. Г. Столетов, И. М. Сеченов, К. А. Тимирязев, С. М. Соловьев, Ф. И. Буслаев и др.).

Рост технической оснащенности промышленности и транспорта, совершенствование технологии производства требовали расширения и улучшения специального образования. В стране возникли отраслевые вузы. В высшие учебные заведения были преобразованы Петербургский технологический институт и Московское ремесленное училище, основанные еще в дореформенное время. В 1865 г. по инициативе Московского общества сельского хозяйства откры-

лась Петровская земледельческая и лесная академия (ныне Тимирязевская сельскохозяйственная академия). В ряде городов (в Томске, Харькове, Киеве, Новочеркасске) в конце XIX в. были учреждены политехнические и технологические институты; закрытые учебные заведения (например, в Петербурге — Институт инженеров путей сообщения) преобразованы в гражданские учебные заведения. К концу XIX в. в России насчитывалось свыше 60 государственных высших учебных заведений, в которых обучались около 30 тыс. студентов. В высших технических школах в это время получали образование более 7 тыс. человек, т. е. примерно четверть всех студентов. Основная масса студентов продолжала обучаться в университетах.

Что касается *женского образования*, то в дореформенной России существовали сословные женские учебные заведения, доступ в университеты женщинам был закрыт. В канун буржуазных реформ началось широкое движение за предоставление женщинам права получения среднего и высшего образования. В конце 50-х годов появились бессословные женские гимназии, но с меньшим, по сравнению с мужскими, объемом изучаемых предметов.

В течение недолгого времени, в конце 50-х годов, женщины были допущены в университеты на правах вольнослушательниц. Однако по Уставу 1863 г. доступ в университеты им не был разрешен. Поэтому многие женщины уезжали учиться за границу. В 70-е годы в Цюрихском университете русские составляли 80% всех иностранных студенток.

В России в защиту женского образования активно выступали многие ученые: Д. И. Менделеев, И. М. Сеченов, А. Н. Бекетов, Н. И. Пирогов и др. На рубеже 60-х — 70-х годов были открыты *высшие женские курсы*. В Москве наиболее известными были Высшие женские курсы профессора В. И. Герье (1872). Высшие женские курсы в Петербурге (Бестужевские — по имени их директора профессора К. Н. Бестужева-Рюмина), открытые в 1878 г., сыграли заметную роль в общественно-культурной жизни страны. Женские курсы работали по программе университетов, но их окончание не давало женщинам прав на получение диплома о высшем образовании.

Одной из форм внешкольного приобретения знаний стали *народные чтения*, распространение которых поддерживалось правительством. Впервые они состоялись в Петербурге в 1871 г., долгое время проводились только в столице и губернских городах, а с середины 90-х годов получили повсеместное распространение. Интерес к народным чтениям был большим. Лекторами выступали, как правило, священнослужители и учителя; преобладала религиозно-нравственная, историческая, военная тематика. Народные чтения находились под строгим правительственным контролем. В особом постановлении указывалось, чтобы лекции для народа "читались по одобренному министром народного просвещения тексту".

Современники отмечали рост школ в последние десятилетия XIX в., "оживление деятельности по народному образованию в середине 90-х годов".

Всероссийская перепись населения 1897 г. впервые выявила общую картину образованности в стране. Средний уровень грамотности в России составлял 21,1% (среди мужчин — 29,3%, среди женщин — 13,1%). Высшее образование имели немногим более одного процента населения, среднее образование — 4% по отношению ко всему грамотному населению. Иными словами, уровень образованности в России к концу века определяла начальная школа.

Печать

В пореформенной России значительно вырос рынок книжной и журнальной продукции; произошло увеличение полиграфической базы (около 300 типографий в 1864 г. и свыше 1000 — в 1894 г.); возросли темпы книгопечатания (от 2 до 10 тыс. названий в год). Тиражи книг в 4—5 тыс. экземпляров стали обычными. Среди издаваемых книг преобладали естественнонаучные, справочные, учебные. Художественная литература и публицистика издавались, как правило, небольшими тиражами. В столицах и провинциальных городах к середине 90-х годов число книжных магазинов доходило до 2 тыс.

В эти годы развернулась деятельность многочисленных *книжных издательств*, отличавшихся общественно-идейной направленностью и отраслевой специализацией. Крупнейшим книгоиздателем демократической массовой книги был *Ф. Ф. Павленков*. Он издал много художественных, научно-популярных, детских книг, серию книг "Жизнь замечательных людей", произведения Ф. Энгельса. Впервые он начал выпуск дешевых изданий классиков художественной литературы, предназначенных для учащихся учебных заведений и народных чтений. Свое состояние Ф. Ф. Павленков завещал на открытие бесплатных народных библиотек.

В середине 50-х годов зарождается нелегальная печать. В 1853 г. А. И. Герцен организовал в Лондоне Вольную русскую типографию. Подпольные типографии имели тайные революционные организации 60—70-х годов.

Особенно быстро росла *периодическая печать*, более четко определилась идейная направленность журналов и газет. Главное место в русской периодике этих лет заняли "толстые" журналы, внешне напоминавшие книгу, рассчитанные на разные читательские вкусы и интересы. Большое влияние в общественно-культурной жизни 60-х годов приобрела демократическая журналистика, и прежде всего "Современник", основанный А. С. Пушкиным в 1836 г. В конце 50-х — начале 60-х годов идейным центром русского либерализма стал "Русский вестник" М. Н. Каткова. Один из наиболее известных буржуазно-либеральных журналов — "Вестник Европы" — издавался с 1866 г. историком М. М. Стасюлевичем.

В период политической реакции возможности для существования прогрессивной печати уменьшились. "Временные правила" 1865 г., появившиеся на волне общественного подъема и отменившие предварительную цензуру, содержали все же много ограничительных для печати мер (предупреждение, приостановка периодических изданий). В 1866 г. был закрыт "Современник", а в 1884 г. — последний уцелевший к этому времени демократический журнал "Отечественные записки", редактором которого был М. Е. Салтыков-Щедрин. Проправительственную прессу в этот период возглавляли "Московские ведомости" М. Н. Каткова и "Новое время" А. С. Суворина.

Во второй половине века в России увеличивалось число ежедневных газет, во всех губерниях уже выходили официальные "Губернские ведомости". Провинциальные газеты приобретали большой общественно-культурный резонанс. В середине 90-х годов из ста ежедневных газет около 30 выходили в Москве и Петербурге, остальные — в провинциальных городах.

Библиотеки В 50-е годы возобновилась работа многих публичных *библиотек*, закрытых в 30—40-х годах. Возникли бесплатные народные библиотеки-читальни, книжные склады, земские библиотеки. К концу века в России было свыше 500 публичных библиотек и около 3 тыс. земских народных библиотек и читален.

С 1862 г. существует Публичная библиотека в Москве (ныне — Российская государственная библиотека; до 1993 г. — Государственная библиотека им. В. И. Ленина). Основу ее фондов составило собрание книг, рукописей, произведений искусства одного из просвещенных людей России — Н. П. Румянцева. В течение первых лет библиотека пополнялась за счет дарений частных собраний "для пользы общественной". Так, в библиотеку поступили собрания книг Г. Р. Державина, П. Я. Чаадаева, московского книгоиздателя и коллекционера К. Т. Солдатенкова.

Распространение книги в народной среде в значительной степени осуществляли офени, торговцы мелким товаром. Путешествуя по дорогам России, вместе с незатейливой галантереей, необходимой крестьянину, они несли в своих коробах и книги. В конце 70-х годов правительство издало постановление, по которому офени были обязаны представлять свидетельство о благонадежности, каталог с обозначением всех книг, находившихся в коробе, получать специальное разрешение губернатора на право торговать ими. Введенные в 1882 г. дополнения к "Временным правилам" значительно ограничили круг литературных произведений, которые могли поступать в библиотеки и выдаваться читателям; запрещались учебные книги Ушинского.

Музеи Вторая половина XIX в. — время появления в России многочисленных по профилю *музеев*: исторических, естествен-

нонаучных, художественных, промышленных, сельскохозяйственных. Впервые появились краеведческие, мемориальные музеи. Общее число музеев в стране выросло до 80. Многие из них возникли при участии общественности.

В пореформенное время получило широкое распространение частное собирательство. Многие из коллекций, собранных в этот период, впоследствии составили значительную часть наших музеев и библиотек. На основе частных собраний по инициативе их владельцев создавались национальные художественные музеи. В начале 80-х годов для посещения была открыта картинная галерея П. М. Третьякова. В 1893 г. он передал собрание своих картин в дар Москве. В следующем, 1894 г., в Москве появился Литературно-театральный музей, основу которого составила коллекция по истории русского и западноевропейского театра А. А. Бахрушина (ныне — Государственный центральный театральный музей им. А. А. Бахрушина). Свое собрание русского прикладного искусства передал в 1905 г. Историческому музею П. И. Щукин.

К сожалению, многие художественные коллекции не сохранились до настоящего времени как единое целое (коллекции западноевропейской живописи С. И. Щукина и И. А. Морозова), а некоторые из них утеряны (коллекция мебели В. О. Гиршмана).

Наряду с музеями, формой пропаганды технических знаний, произведений искусства стали выставки — всероссийские и региональные. Они проводились не только в столицах, но и в губернских городах. Самой значительной выставкой была Всероссийская промышленная и художественная выставка в Нижнем Новгороде (1896). Выставки художников-передвижников, первая из которых была организована в 1871 г., стали впервые знакомить с русской живописью не только столичную, но и провинциальную публику.

Развитие сферы народного образования, рост грамотности, расширение возможностей для чтения книг и журналов способствовали формированию нового культурного облика человека. Однако нельзя забывать, что процесс демократизации культуры встречал на своем пути много препятствий и объективного, и субъективного характера.

§ 2. Интеллигенция и ее участие в общественно-культурной жизни

К середине XIX в. *интеллигенция* в России существует как вполне сложившаяся социальная группа. Ее появление как особого социального слоя относится к 30—40-м годам. Начиная с эпохи реформ, она становится одной из главных действующих сил русской истории.

Сам термин “интеллигенция” появился в России в 60-е годы (одним из первых его ввел писатель П. Д. Боборыкин). Но в России

интеллигенция, в отличие от общепринятого понимания этого термина в Западной Европе (как группы людей, профессионально занимающихся умственным трудом), всегда представляла "особую общественную силу". Это неоднократно отмечалось и отечественными, и зарубежными исследователями. Н. И. Бердяев писал: "Интеллигенция была у нас идеологической, а не профессиональной и экономической группировкой, образовавшейся из разных социальных классов, сначала по преимуществу из более культурной части дворянства, позже — из сыновей священников и дьяконов, из мелких чиновников, из мещан. И после освобождения — из крестьян. Это и есть разночинная интеллигенция, объединенная исключительно идеями и притом идеями социального характера".

Основной чертой самосознания русской интеллигенции было ее противостояние власти, которое проявлялось как в революционном максимализме, так и в либеральных воззрениях. Особенностью мировоззрения интеллигенции было также чувство ее неоплатного долга перед народом. Осознание "нужности" народу лежало в основе общественной активности интеллигенции, роль которой в пореформенной культурной жизни значительно возросла. С деятельностью интеллигенции было связано развитие народного образования, просвещения, науки.

Эпоха 80-х годов породила новое понимание взаимоотношения интеллигенции и народа. Неудача "хождения в народ" значительно подорвала веру разночинской интеллигенции в то, что она знает нужды и стремления крестьянства. Мысль о разрыве, разобщенности интеллигенции с народом звучит как лейтмотив многих художественных произведений, созданных в 80-е годы (поэзия Надсона, проза Гаршина, живопись Репина). Непонимание народом стремлений интеллигенции с удивительной силой достоверности передал И. Е. Репин в картине "Арест пропагандиста" (1880—1892).

За отрыв от народа критиковал интеллигенцию Ф. М. Достоевский. В речи о Пушкине, произнесенной 8 июня 1880 г., он осуждал революционеров ("скитальцев") за то, что они "оторвались от народной нивы". Революционности интеллигенции он противопоставлял идеал "народной правды", основанной на нравственных принципах православия. Однако идея Достоевского о религиозно-нравственном союзе интеллигенции с народом не вызвала сочувствия у большинства русской общественности того времени.

Некоторые сведения о профессиональном составе интеллигенции и участии ее в общественно-культурной жизни в конце столетия содержит Всероссийская перепись населения (1897). Из 126 млн. населения России педагогическим трудом занимались свыше 170 тыс. человек, библиотечным делом — примерно 1 тыс., книжной торговлей — немногим более 5 тыс. человек. В стране было около 15 тыс. художников и артистов, 3 тыс. ученых и литераторов. Лица духовного звания насчитывали в это время более 250 тыс. человек.

§ 3. Успехи научной мысли

Общественно-научное движение

Общая атмосфера первых пореформенных десятилетий, идеи революционных демократов об огромной социальной роли науки, наряду с объективными причинами, способствовали "необычайным успехам умственного движения" (К. А. Тимирязев).

В пореформенное время вырос авторитет *университетской науки*. Здесь возникли крупные научные школы, труды некоторых профессоров получили мировое признание. В середине 60-х годов "Современник" отмечал, что "во многих отраслях науки представители нашей университетской учености не только не уступают, но даже превосходят своими достоинствами представителей учености академической".

Серьезный вклад в развитие наук внесли *научные общества*, существовавшие, как правило, при университетах. В 1872 г. в России насчитывалось более 20 таких обществ, преобладающая часть которых возникла во второй половине XIX в.: Русское математическое общество; Русское химическое общество, преобразованное позднее в физико-химическое; Русское техническое общество; Русское историческое общество.

С деятельностью научных обществ связано широкое развитие общественной инициативы в научной жизни. Всероссийские съезды ученых-естествоиспытателей, врачей, археологов, юристов стали новой формой научной жизни, обусловленной все более настоятельной необходимостью коллективного обсуждения научных проблем. Съезды способствовали обмену опытом, популяризации науки, распространению практики. В России проводились и международные съезды ученых, русские ученые избирались почетными членами европейских академий и научных обществ.

Достижения русской науки

Достижения русской науки этого времени повысили ее международный авторитет. "Возьмите любую книгу иностранного научного журнала, — писал Тимирязев в середине 90-х годов, — и вы почти наверняка встретите русское имя. Русская наука заявила свою равноправность, а порою и превосходство".

В *химии* с именем Д. И. Менделеева связано открытие одного из основных законов естествознания — периодического закона химических элементов (1869). Менделеев предсказал существование элементов, которые были еще не известны в то время и которые действительно были открыты впоследствии.

Большими успехами отмечена работа ученых-физиков, среди которых имя А. Г. Столетова, создателя отечественной *физической* школы, по праву занимает одно из первых мест.

В области *географии* всемирную известность получили организованные Русским географическим обществом экспедиции по ис-

следованию Средней и Центральной Азии и Сибири П. П. Семенова-Тян-Шанского, Н. М. Пржевальского, Ч. Ч. Валиханова. С именем Н. Н. Миклухо-Маклая связаны открытия в области географии и этнографии, которые он сделал во время путешествий в Юго-Восточной Азии, Австралии, Океании.

Научные идеи ученых-естествоиспытателей, успехи русского *естествознания* в целом основывались тогда на материалистическом понимании природы. В укреплении материалистической традиции исключительно важны достижения в *физиологии*. В 1863 г. была напечатана работа И. М. Сеченова “Рефлексы головного мозга”, имевшая огромное значение для развития учения о высшей нервной деятельности. Сеченов создал физиологическую школу, из которой вышел И. П. Павлов. В 70-е годы началась его деятельность как ученого-физиолога.

Многие русские ученые-естествоиспытатели были убежденными пропагандистами и продолжателями учения Ч. Дарвина. Русский перевод его основного труда “Происхождение видов путем естественного отбора” появился в России через шесть лет после опубликования в Англии, в 1865 г.

Развитие *эволюционного учения* в России связано с именами И. И. Мечникова и А. О. Ковалевского, создавших сравнительную эмбриологию. Мечников работал также в области сравнительной патологии, заложил основы учения об иммунитете, открыв в 1882 г. явление фагоцитоза — способности защитных свойств организма. Работы Мечникова имели мировую известность. Он был избран почетным доктором Кембриджского университета, работал в институте Луи Пастера во Франции.

Одним из основателей русской научной школы *физиологии растений* был К. А. Тимирязев, блестящий популяризатор науки, убежденный сторонник дарвинизма, много сделавший для его пропаганды.

Во второй половине XIX в. были достигнуты крупные успехи в области *электротехники*. П. Н. Яблочков изобрел первую практически пригодную дуговую электрическую лампу без регулятора (“свеча Яблочкова”), а А. Н. Лодыгин создал лампу накаливания. Изобретение *радиотелеграфа* А. С. Поповым относится к числу выдающихся мировых открытий. 25 апреля (7 мая) 1895 г. ученый выступил на заседании Русского физико-химического общества с докладом о результатах изучения проблемы использования электромагнитных волн для передачи сигналов на расстоянии.

Основоположником современной *аэродинамики* был Н. Е. Жуковский. Ему принадлежат многочисленные труды по теории авиации. К этому же времени относятся первые исследования в области *аэро-* и *ракетодинамики* К. Э. Циолковского. Преподаватель гимназии в г. Калуге, Циолковский был ученым мирового масштаба. Циолковский разрабатывал некоторые идеи “русского космизма”, его философские взгляды были близки идеям ученого-естествоис-

пытателя В. И. Вернадского. Последователем Циолковского был А. Л. Чижевский — один из основоположников гелиобиологии.

Во второй половине XIX в. *ученые-гуманитарии* создали ценные научные исследования в истории, лингвистике, литературоведении, экономике. В 60—70-е в годы в области *истории* развернулась научная деятельность С. М. Соловьева. Его капитальный труд "История России с древнейших времен" (в 29 томах), над которым ученый работал с 1851 по 1879 гг., стал крупнейшим достижением отечественной науки. Для этого времени характерен большой интерес в обществе к проблемам всеобщей истории: средневековой и новой истории западноевропейских стран, славяноведению, востоковедению.

Большой вклад в развитие исторической науки внес В. О. Ключевский. "Курс русской истории" и другие его труды посвящены общим вопросам русской истории, вопросам крестьянства, проблемам возникновения и отмены крепостного права.

В области *филологии* и *лингвистики* работал И. И. Срезневский — основатель петербургской школы славистов. Им написаны работы по истории русского старославянского языка, древнерусской литературы. Основателем московской лингвистической школы был Ф. Ф. Фортунатов. В пореформенный период было положено начало исследованию творчества А. С. Пушкина. Первое научное издание сочинений великого поэта подготовил П. В. Анненков. Он написал также ряд исследований, посвященных его жизни и творчеству.

Интенсивная работа велась в области *фольклористики*. Огромную работу по собиранию и изучению народного творчества проделал В. И. Даль, издавший в 60-е годы "Толковый словарь живого великорусского языка", который не утратил своего научного значения и по сей день.

Отличительной чертой научной жизни пореформенного времени были широкая общественно-просветительская деятельность ученых, популяризация научных знаний через публичные лекции, издание научно-популярной литературы. В это время выросло число научных и специальных периодических изданий (примерно с 60 в 1855 г. до 500 к концу столетия), причем, в первую очередь, этот рост коснулся провинции (вместо 7 стало издаваться около 180 научных журналов).

Развитие науки, достижения в области естествознания оказали огромное воздействие на общественно-культурную жизнь. Это нашло отражение в литературе, наложило отпечаток на состояние школы, повлияло в той или иной степени на склад мышления, уровень общественного сознания.

§ 4. Художественная культура

В пореформенную эпоху в России были созданы произведения литературы и искусства, занявшие достойное место в сокровищнице русской и мировой культуры.

Искусство *критического реализма* — основное художественное направление того времени — было тесно связано с идейными исканиями. Его отличала повышенная социальная активность. Литература и искусство, как никогда, близко подошли к отображению реальной жизни (очерк и роман о современной жизни, современная бытовая драма, бытовой жанр в живописи и т. д.).

Литература

Дух обличительства, критическое отношение к действительности были характерны для произведений русских писателей этих лет. *Литература* не только обличала общественное зло, но и стремилась найти пути борьбы с ним. Правда, эти пути по-разному понимались: одни видели избавление от социальных несправедливостей в нравственном усовершенствовании человека, другие призывали к активной борьбе против них. Но русскую литературу всегда отличали демократизм и гражданственность.

Литература пореформенного времени представляла собой "яркое созвездие великих имен". В эти годы создавали произведения крупнейшие русские писатели, творческий путь которых начался еще в предшествующую эпоху. Новое поколение писателей-реалистов принесло новые темы, жанры, идейно-эстетические принципы. В литературном процессе 60—70-х годов ведущее место принадлежало *очерку*, в котором ставились острые социальные проблемы, коренные вопросы жизни и быта крестьянства (очерки Н. В. Успенского, В. А. Слепцова и др.). Появляется *демократический роман*, в котором действующим лицом стал разночинец (повести Н. Г. Помяловского "Мещанское счастье" и "Молотов"). Программным произведением 60-х годов был роман Н. Г. Чернышевского "Что делать", опубликованный в "Современнике" в 1863 г. Это было повествование о "новых людях", их морали и нравственных ценностях. Отражением острой идейно-художественной борьбы в литературе было появление так называемого *антинигилистического романа* ("Некуда" Н. С. Лескова; "Взбаламученное море" А. Ф. Писемского; "Бесы" Ф. М. Достоевского).

60—70-е годы — время наибольших достижений русского *классического романа*. В этот период были созданы крупнейшие произведения: "Отцы и дети" И. С. Тургенева; "Война и мир", "Анна Каренина" Л. Н. Толстого; "Преступление и наказание", "Братья Карамазовы" Ф. М. Достоевского; "Господа Головлевы" М. Е. Салтыкова-Щедрина; "Обломов", "Обрыв" И. А. Гончарова и др.

Идейная атмосфера 80-х годов отразилась на судьбах русской литературы и искусства. Внимание писателей и художников начинали больше привлекать философские, нравственно-психологические проблемы. Наступил период, когда "почва действительности" оказалась неблагоприятной для создания крупных произведений. Писатели, пришедшие в литературу в конце 70-х — начале 80-х годов (А. П. Чехов, В. М. Гаршин, В. Г. Короленко), были авторами произведений малых форм (рассказ, небольшая повесть).

Театр Основными центрами *театральной* культуры продолжали оставаться Малый и Александринский театры. В 1882 г. была отменена монополия казенных театров. Значительно выросло число театров и театральных трупп в провинциальных городах России. В 60-е годы они действовали более чем в 100 городах. Театр становился культурным центром провинции.

Развитие русского театра во второй половине XIX в. неразрывно связано с именем А. Н. Островского, который считал театр “признаком зрелости нации, так же как и академии, университеты и музеи”. Драматургия А. Н. Островского — замечательное явление национальной художественной культуры. На ней воспитывались многие талантливые русские актеры (П. М. Садовский, Н. Х. Рыбаков, П. А. Стрепетова, А. Е. Мартынов, Н. А. Никулин и др.).

Музыка *Музыкальная* культура этого времени отличалась некоторыми новыми чертами. В 1859 г. по инициативе А. Г. Рубинштейна было организовано *Русское музыкальное общество* “для развития музыкального образования, вкуса к музыке в России и поощрения отечественных талантов”. Общество устраивало симфонические и камерные концерты. В Петербурге А. Г. Рубинштейном (1862), а затем в Москве Н. Г. Рубинштейном (1866) были открыты консерватории, положившие начало профессиональному музыкальному образованию в России.

В 60-е годы композиторы М. А. Балакирев и преподаватель пения Г. Я. Ломакин открыли в Петербурге бесплатную музыкальную школу, существовавшую до 1917 г. Она ставила задачу распространения музыкальных знаний, пропаганды произведений русских и зарубежных композиторов.

Огромную роль в развитии музыкальной культуры во второй половине века сыграло объединение композиторов “Могучая кучка” (М. А. Балакирев, М. П. Мусоргский, Ц. А. Кюи, А. П. Бородин, Н. А. Римский-Корсаков). Название этому объединению дал музыкальный критик и его идейный руководитель В. В. Стасов. Одной из основных черт художественной эстетики композиторов “Могучей кучки” было стремление передать в музыке “правду жизни”. Они широко использовали музыкальный фольклор, тяготели к историко-эпическим сюжетам и способствовали утверждению на сцене народно-музыкальной драмы (“Борис Годунов”, “Хованщина” Мусоргского, “Князь Игорь” Бородина). Композиторы “Могучей кучки” много сделали для собирания и изучения музыкального фольклора, издав несколько сборников русских народных песен.

Достижения русской музыки связаны с именем П. И. Чайковского. Он — один из величайших композиторов нашей эпохи, оставивший обширное творческое наследие в области балетного, оперного, симфонического, камерного музыкального искусства (балеты “Лебединое озеро”, “Спящая красавица”; оперы “Евгений Онегин”, “Пиковая дама”; симфонии, романсы, симфонические поэмы, музы-

кальный цикл "Времена года" и др.). Национальная и глубоко народная музыка Чайковского обладает редкостной силой эмоционального воздействия. Наряду с лирическим жизнеутверждающим началом музыке Чайковского присущи черты трагедийности, особенно в последних его произведениях.

Отличительным свойством пореформенного музыкального искусства была его программность, использование в музыке национальных мотивов, сюжетов из литературных произведений.

Живопись и скульптура

Реальная жизнь и ее проблемы ставили новые задачи перед живописью. Одна из статей "Современника" (1859) призывала художников "вдохновляться историей и движением современного общества".

60-е годы в истории русского изобразительного искусства характеризуются преобладанием *социально-бытового жанра*. "Жанр не каприз, не выдумка одного или нескольких художников, — писал Стасов, — а выражение современной потребности... в выражении искусством всех сторон жизни". С наибольшей полнотой атмосферу 60-х годов отразило творчество В. Г. Перова (картины "Сельский крестный ход на Пасхе", "Проводы покойника", "Тройка" и др.).

Развитие бытового жанра послужило предпосылкой одного из самых значительных событий русской художественной жизни второй половины XIX в., известного как "бунт 14-ти протестантов", происшедшего в Императорской академии художеств в 1863 г. Это стало фактом общественной жизни 60-х годов. Ближайшими последствиями "бунта" (художники отказались писать дипломную работу на обязательную, заранее заданную академическим начальством тему) было заявление выпускников во главе с И. Н. Крамским о досрочном выходе из Академии. Впервые произошел открытый разрыв с академическим искусством. Это положило начало самостоятельному направлению в живописи, эстетика и идейные установки которого противостояли академизму, официальному направлению в искусстве на протяжении второй половины XVIII — первой половины XIX вв.

Идейно-художественное движение 60-х годов подготовило почву для возникновения "Товарищества передвижных художественных выставок" (просуществовало с 1870 по 1924 гг.).

Передвижничество — ведущее направление в искусстве второй половины XIX в., идейно противостоявшее академизму. Программность творчества передвижников определяли гражданственность, осознание общественных проблем своего времени, интерес к облику современника. Работая в разных жанрах (бытовой жанр, пейзаж, портрет, историческая живопись), художники-передвижники внесли в каждый из них новые, существенно важные моменты. Большое место они уделяли крестьянской теме, впервые на их полотнах были запечатлены образы прогрессивной интеллигенции, рабочих (Н. Я. Ярошенко. "Курсистка", "Студент", "Кочегар"). Из-

любленной темой передвижников была родная природа. Художники сумели раскрыть внутреннюю гармонию русской природы, удивительную красоту полей и перелесков, уходящей вдаль дороги, неба перед грозой. В их работах есть и романтическая одухотворенность, и философское осмысление бытия (Ф. А. Васильев, И. И. Шишкин, И. И. Левитан). Картина А. К. Саврасова "Грачи прилетели", показанная на первой выставке передвижников (1871), была признана современниками образцом пейзажной живописи, в которой великолепно передано настроение наступающей весны, обновления природы.

Отличительной особенностью *портрета* передвижников был глубокий психологический реализм и идейность. Их картины передавали социальный портрет эпохи, который "представлял лиц, дорогих нации, веривших в ее лучшее будущее и боровшихся за эту идею" (Репин).

Замечательную страницу в русское (и мировое) искусство вписал И. Е. Репин, художник огромного таланта, глубокой жизненной правды и поразительной разносторонности. Мировоззрение Репина складывалось в эпоху общественного подъема и буржуазного демократизма. Эти идеи питали его искусство, помогали осмыслить, понять многие вопросы современной жизни. Новое отношение к народу он показал в картине "Бурлаки на Волге" (1872). Художник утверждал скрытую в народе силу. Репин видит в бурлаках могучие, самобытные характеры. Успешно работая в области портретного жанра, он создал серию блистательных образов — людей своей эпохи. Вершиной мастерства Репина является портрет М. П. Мусоргского (1881).

Художники-передвижники неоднократно обращались к *исторической* тематике, причем в их полотнах преобладала национальная тема. Они использовали в качестве сюжетов реальные события, стремились передать эпоху, характер исторических персонажей. Передвижникам было свойственно изображение переломных моментов в русской истории. Они по-новому трактовали исторические сюжеты, показывая отечественную историю через психологическую драму отдельной, как правило, выдающейся личности (Н. Н. Ге. "Петр I допрашивает царевича Алексея", 1871; И. Е. Репин. "Иван Грозный и сын его Иван", 1885).

Основные достижения исторической живописи связаны с творчеством В. И. Сурикова. Его интересовали в русской истории большие социально-политические и духовные конфликты, проявления народной борьбы против официальной государственности и церковности ("Утро стрелецкой казни", 1881; "Боярыня Морозова", 1887 и др.). Суриковская трактовка исторических тем была следствием новых представлений об историческом процессе и месте в нем народных масс, которые отличали общественную мысль и литературу эпохи разночинца.

В 80-е годы бытовой жанр уступал первенство портрету, пейзажу, историческому жанру, которые в большей степени несли в себе позитивное общечеловеческое начало. Эти новые черты были присущи творчеству В. А. Серова, впервые заявившего о себе как художник в 80-е годы (“Девочка с персиками”, 1887; “Девушка, освещенная солнцем”, 1888).

Близок к передвижникам по своим эстетическим воззрениям М. М. Антокольский, сыгравший большую роль в развитии русской реалистической *скульптуры*. Он создал серию скульптур исторических лиц (“Иван Грозный”, “Петр I”, “Нестор-летописец”, “Ярослав Мудрый” и др.). А. М. Опекушин, один из представителей монументальной скульптуры, был автором памятника А. С. Пушкину в Москве. Открытие памятника великому русскому поэту, созданного на добровольные пожертвования, состоялось в июне 1880 г. и стало событием огромного культурного значения.

III. Культура России в конце XIX — начале XX столетий

Культура в конце XIX в. и первых десятилетий XX в. отразила в своем развитии сложность и противоречивость эпохи, полной острейших социальных конфликтов и политических битв, которые привнесли в общественное и художественное сознание новые черты и особенности. Вместе с тем, это время русского “серебряного века”, атмосфера которого отмечена необыкновенным взлетом духовности и культуры. Современники, впервые обозначившие это понятие (С. К. Маковский, Н. А. Оцуп, Н. А. Бердяев), рассматривали его как образное, мифологическое. В современных культурно-исторических исследованиях понятие “серебряный век” или “русский духовный ренессанс” используется для характеристики духовной культуры конца XIX — начала XX вв.

Анализ общественно-культурной жизни этого времени выявляет разительный контраст в духовной атмосфере по сравнению с предшествующим периодом. На смену настроениям известной стабильности, распространенным в обществе в 80-е годы, приходит психологическая напряженность, ожидание “великого переворота” (Л. Толстой). В одном из писем 1901 г. А. М. Горький отмечал, что “новый век воистину будет веком духовного обновления”.

Ощущение “рубежности”, “переходности” времени, переживаемого Россией, осознавали и политики, и общественные деятели, и художественная интеллигенция. В 1899 г. А. С. Суворин записал в “Дневнике”: “Мы переживаем какое-то переходное время. Власть не чувствует под собой почвы и не стоит того, чтобы ее поддерживать. Беда в том, что общество слабо, общество ничтожно, и может произойти кавардак невероятный”. Пророческими оказались слова С. П. Дягилева, произнесенные им в 1905 г. на открытии выставки русского портрета в Таврическом дворце в Петербурге: “Мы свиде-

тели величайшего исторического момента, итогов и концов во имя новой, неведомой культуры, которая нами возникает, но и нас же отметет".

В общественном сознании рубежа столетий самыми распространенными теориями были материализм К. Маркса, нравственное учение Л. Толстого, теория "сверхчеловека" Ф. Ницше. Интерес к марксизму как альтернативе народничеству отмечали многие современники. Н. А. Бердяев, испытавший влияние марксистских идей, впоследствии писал, что "с возникновением марксизма очень повысились умственные интересы интеллигенции... исключительно эмоциональный народнический тип стал меняться под влиянием интеллектуальной струи".

Революция внесла в общественное сознание просветительскую струю, во многом способствовала и политическому, и культурному просвещению. Она не прошла бесследно для творчества многих деятелей культуры, ее воздействие испытали А. Блок, А. Белый, В. Серов и др. Революция более четко определила идейные позиции части художественной интеллигенции. В эти годы Д. С. Мережковский писал: "То, что я передумал, а главное пережил в революционные годы 1905—1906, имело для внутреннего хода моего развития значение решающее". В 1918 г. А. Блок в письме к З. Н. Гиппиус писал, что "нас (символистов. — *Л. К.*) разделил уже 1905 год".

Особенностью общественно-культурной жизни России рубежа веков было развитие различных форм объединений деятелей культуры. Идея синтеза искусства, широко распространенная в художественном сознании того времени, несомненно способствовала этому, соединяя в поисках новых форм художественной деятельности представителей разных искусств. Эти идеи находили воплощение в таких художественных объединениях, как "Мир искусства", журналы "Весы" (редактор В. Я. Брюсов), "Золотое руно" (издатель Н. П. Рябушинский), спектакли Художественного театра.

К 1901 г. относится начало *Религиозно-философских собраний*. Целью их было создание открытого общества людей религии и философии для обсуждения вопросов церкви и культуры. З. Н. Гиппиус писала, что идея этих собраний заключалась "во встрече интеллигенции с церковью". Синод контролировал собрания, поскольку здесь часто звучала критика по отношению к официальному православию.

Художественные объединения существовали и в провинции: на рубеже веков их насчитывалось около 30 (в столицах в это время их было немногим более 40).

Наступившая в стране политическая реакция после поражения революции 1905—1907 гг. оказала известное влияние на появление новых тенденций в общественно-культурной жизни. Широкое распространение в кругах художественной интеллигенции получили *идеи "нового религиозного сознания"* (богоискательство). Одним из пропагандистов "нового христианства" был Д. С. Мереж-

ковский. Истоки его взглядов лежали в философской концепции Вл. Соловьева о возможности синтеза религий, культур и победы всемирной теократии. Новое религиозное сознание основывалось на утопической идее, заключавшейся в том, что новая религия должна была стать главным фактором в нравственном обновлении человека.

Некоторые деятели из среды социал-демократов (А. В. Луначарский, В. А. Базаров) увлеклись богостроительством, пытаясь соединить социализм с религией. В 1908 г. Луначарский выпустил книгу "Религия и социализм", в которой утверждал, что "философия Маркса есть философия религиозная" и научный социализм, воспринимаемый как религия, может обрести величайшую силу. Увлечение богоискательством испытал в эти годы М. Горький. С критикой богостроительства выступили Г. В. Плеханов и В. И. Ленин.

Культурную атмосферу в России последнего предреволюционного десятилетия прекрасно передала в своих воспоминаниях Е. Ю. Кузьмина-Караваева, входившая в круг символистов, впоследствии участница Французского Сопротивления, знаменитая Мать Мария: "... Мы жили среди огромной страны, словно на необитаемом острове. Россия не знала грамоту — в нашей среде сосредоточилась вся мировая культура... мы знали философию и богословие, поэзию и историю всего мира, в этом смысле были гражданами вселенной, хранителями великого культурного музея человечества... В известном смысле мы были, конечно, революция до революции — так глубоко, беспощадно и гибельно перекапывалась почва старой традиции, такие смелые мосты бросались в будущее".

Проблема взаимоотношений интеллигенции и народа продолжала волновать многих из общественных и культурных деятелей, осознававших, что в жизни происходит расхождение, непонимание этих двух сил русского общества. Вопрос об отношениях интеллигенции и народа был "самым больным, самым лихорадочным" для Блока. В его представлении интеллигенция и народ всегда противостояли друг другу. Если интеллигенция выступала носителем культуры, то народ был выразителем стихийной, природной силы, в которой поэт видел положительное начало.

§ 1. Народное образование и просвещение

Состояние народного образования

Развитие народной школы, отмечаемое современниками с середины 90-х годов, продолжалось и в первые десятилетия нового века. Попытка правительства, предпринятая в 80-е годы, сохранить церковноприходские школы как основную форму народного образования оказалась безуспешной. Со второй половины 90-х годов наблюдалось их сокращение. В обстановке революционных событий 1905 г. Министерство народного просвещения было вынуждено внести во II Государственную думу проект закона "О введении всеобщего начально-

го обучения в Российской империи". Однако силу закона проект не получил. Этот вопрос так и не был решен в дореволюционной России.

При известном росте школ число их для удовлетворения реальных потребностей общества в осуществлении всеобщего начального образования было далеко недостаточным. По расчетам статистиков в начале XX в. ежегодно открывалось не более 2 тыс. начальных школ, вместо необходимых 5 тыс.

В 1914 году, спустя 50 лет после школьной реформы (1864), начальным обучением была охвачена едва половина детей соответствующего возраста. В Западной Европе уже в последней четверти XIX в. была достигнута полная грамотность населения. На рубеже XIX—XX вв. начался переход ко всеобщему неполному среднему образованию молодежи в объеме 7-8 классов. По имеющимся в современной литературе данным, грамотность населения в России старше 8-летнего возраста составляла в начале XX в. около 40%, т. е. больше половины жителей; крестьянство, в основном, оставалось неграмотным.

Продолжало сохраняться различие в распространении грамотности среди городских и сельских жителей; выше среднего уровня была грамотность среди рабочих. По данным хозяйственной переписи 1918 г., в России было около 64% грамотных рабочих и, примерно, 30% крестьян. В начале XX в. учителей начальной школы продолжали готовить учительские семинарии. К 1917 г. их было немногим более 170, из них подавляющая часть (145) — мужские. Учительские институты сохраняли значение основных центров подготовки учителей для городских и уездных училищ. В 1917 г. было 47 таких институтов. Учителей для гимназий в основном готовили университеты.

Университетское образование сохраняло значение наиболее фундаментальной формы высшего образования. Число университетов в стране практически не изменилось, в 1909 г. появился еще только один университет — в Саратове. Количество студентов увеличилось. Так, в середине 90-х годов в университетах обучались 14 тыс. студентов, в 1907 г. — уже 35,3 тыс.

Примечательным явлением было распространение *частных учебных заведений* (Психоневрологический институт В. М. Бехтерева, Вольная высшая школа П. Ф. Лесгафта и др.). В этих институтах преподавали видные русские ученые (И. П. Павлов, М. М. Ковалевский, С. А. Венгеров, В. И. Семевский, Е. В. Тарле и др.), многие из которых работали безвозмездно. Наметились некоторые сдвиги в постановке педагогического образования. Открылись несколько высших педагогических заведений, в том числе Женский педагогический институт в Петербурге (1903).

В начале XX в. в стране заметно расширилось *высшее женское образование.* К этому времени насчитывалось около 30 высших женских учебных заведений. В 1900 г. в Москве вновь были открыты

Высшие женские курсы В. И. Герье, закрытые в годы политической реакции (1888), и с 1908 г. начали работать Высшие женские сельскохозяйственные курсы, которыми руководил Д. Н. Прянишников. Возникли высшие женские курсы в ряде провинциальных городов (в Саратове, Одессе, Ростове, Харькове и др.), все они содержались на частные или общественные средства. Правительство было вынуждено признать право женщин на получение высшего образования. Закон 1911 г. о высшем женском образовании распространял на женщин права, которые давал диплом об окончании высшего учебного заведения. В 1912 г. состоялся первый Всероссийский съезд по женскому образованию, который, в частности, принял резолюцию о совместном обучении в высших учебных заведениях.

Различные формы внешкольного образования продолжали играть важную роль в *просвещении* народа. Помимо воскресных школ появились новые формы учебных и культурно-просветительских учреждений для взрослых. Одной из них стали *рабочие курсы*. Наиболее известными были Пречистенские рабочие курсы в Москве, открытые в 1897 г. на средства В. А. Морозовой, владелицы Тверской мануфактуры. Слушатели учились на трех отделениях, программа которых соответствовала низшей, средней и высшей школе. Преподавали на курсах И. М. Сеченов, В. П. Волгин, В. И. Пичета и другие ученые.

Возникали народные университеты и просветительские рабочие общества. В 1906 г. и последующие годы в столицах, некоторых губернских и уездных городах (Н. Новгороде, Уфе, Воронеже, Твери) были созданы *народные университеты*. В Москве народный университет был открыт в 1908 г. на средства либерального деятеля народного образования А. Л. Шанявского. Университет им. Шанявского сыграл видную роль в демократизации высшего образования в России. В него мог поступить каждый, кому исполнилось 16 лет, вне зависимости от социального положения, вероисповедания, пола. Обучение осуществлялось по вечерам на двух отделениях — научно-популярном (в объеме гимназии) и академическом. Окончившие последнее получали диплом о высшем образовании. В 1913—1914 гг. в Университете им. Шанявского учился Сергей Есенин.

Журналы. Книгоиздание

Главные центры книжного дела по-прежнему были сосредоточены в Москве и Петербурге, где выпускалось до 2/3 всей печатной продукции. По количеству издаваемых книг Россия в первое десятилетие XX в. занимала третье место в мире после Германии и Японии.

Среди *журналов* большую популярность приобрели еженедельники, особенно “Нива” А. Ф. Маркса, издававшаяся с 1870 г. Это был самый распространенный “тонкий” журнал дореволюционной России. Его тираж, не превышавший вначале 9 тыс., к 1900 г. достиг 235 тыс. экземпляров. Одним из лучших российских педагогиче-

ских журналов был "Вестник воспитания". В журнале, демократическом по своей направленности, особое внимание уделялось вопросам начального, дошкольного и внешкольного образования, развитию детской литературы. С 1907 г. в России стал выходить библиографический журнал "Книжная летопись", в котором учитывалась вся выходящая литература.

В конце 70-х годов XIX в. началась деятельность крупнейших *книгоиздателей* России — А. С. Суворина и И. Д. Сытина. Суворин, в прошлом провинциальный учитель, издавал одну из самых крупных официозных газет "Новое время", тираж которой доходил до 60—100 тыс. экз. В Петербурге, Москве и других городах он открыл книжные магазины. Наряду с дорогими подарочными изданиями, справочниками ("Вся Россия", "Весь Петербург", "Вся Москва") Суворин издавал и общедоступную по ценам литературу. Начиная с 80-х годов выходила его "Дешевая библиотека", составившая 300 выпусков. Она включала сочинения русских писателей конца XVIII — первой половины XIX вв., произведения древнерусской литературы и сыграла большую роль в приобщении демократических слоев населения к произведениям отечественной классики.

И. Д. Сытин, выходец из костромских крестьян, начал свою деятельность учеником в книжной лавке в Москве. Потом он открыл собственную литографию, где печатались различные лубочные картинки, имевшие широкий спрос. В конце XIX — первые два десятилетия XX вв. Сытин стал крупнейшим монополистом в издательском деле и книжной торговле. Его связывали дружеские отношения со многими деятелями русской культуры (Л. Н. Толстым, А. П. Чеховым, А. М. Горьким и др.). Под их влиянием он начал издание просветительской литературы для народа. Серия "Библиотека для самообразования" включала научно-популярные книги по истории, политической экономии, философии, географии.

К началу XX в. Сытин сосредоточил в своих руках издание и продажу книг для народа. Через офеней, которых он сумел привлечь к распространению выпускаемых им книг, миллионы букварей, учебников, библиотек для самообразования, популярных календарей, детских книг расходились по России.

Библиотеки

Библиотеки продолжали во многом способствовать распространению книг и журналов, особенно в провинции. Рост библиотек, их финансирование продолжались большей частью за счет общественной инициативы и добровольных пожертвований.

Много сделало для развития библиотечного дела земство. Из 10 тыс. общественных и народных библиотек, существовавших в 1904 г., около 4,5 тыс. были организованы земством, в основном, в сельской местности. В начале XX в. (данные 1914 г.) в России было около 76 тыс. библиотек, большинство из которых находились при гимназиях, городских училищах и земских школах (до 78%). Обще-

доступные или публичные библиотеки существовали в виде коммерческих, народных библиотек, кабинетов для чтения.

§ 2. Достижения научной мысли. Наука в системе общественного сознания

В начале XX в. многие факторы внутренней социально-экономической и общественно-политической жизни, состояние мирового естествознания и философии определили развитие русской науки. Академия наук с разветвленной системой научных институтов, университеты с многочисленными научными обществами, всероссийские съезды ученых продолжали сохранять значение основных центров консолидации научных сил страны. Издание научно-популярной литературы, периодики ("Вокруг света", "Природа", "Наука и жизнь", "Научное обозрение"), публичные лекции известных русских ученых содействовали развитию науки и распространению научных знаний.

В начале столетия авиационной промышленности практически не существовало. Несмотря на то, что еще в конце XIX в. был сконструирован русский самолет, правительство предпочитало покупать иностранные самолеты. Только в 1913 г. в Петербурге на Русско-Балтийском заводе были созданы *первые самолеты* русской конструкции ("Русский витязь", "Илья Муромец"). Первые успехи в развитии авиации в России связаны с именами летчиков П. Н. Нестерова, С. И. Уточкина и др. В 1911 г. Г. Е. Котельников создал авиационный ранцевый парашют.

Продолжалась научная деятельность К. Э. Циолковского. В 1903 г. в журнале "Научное обозрение" ученый опубликовал статью "Исследование мировых пространств реактивными приборами", в которой изложил теорию движения ракет. В последующих работах ("Реактивный прибор как средство полета в пустоте и атмосфере", о космических полетах) он также разрабатывал эту проблему. Своими исследованиями Циолковский заложил теоретические основы *космических полетов*, обосновал возможность использования ракет для межпланетных сообщений. Он является основоположником современной космонавтики.

На рубеже XIX—XX вв. в мировой науке, особенно в *физике* были сделаны важнейшие открытия: обнаружены рентгеновские лучи и радиоактивность, делимость атома, считавшегося до этого неделимым, и возможность превращаемости элементов; открыты теоретический синтез и как следствие — появление новых наук, относительность таких понятий, как пространство и время (теория относительности), новые концепции наследственности, лежавшие в основе генетики.

Русские ученые внесли свой вклад в исследование новейших проблем. П. Н. Лебедев, создатель русской научной школы физиков, экспериментально доказал существование давления света, воз-

можность измерения его величины. Его работы сыграли большую роль в разработке теории относительности, квантовой теории и астрофизики. Б. Б. Голицын — крупный ученый-физик считается основоположником сейсмологии как науки.

Трудами В. И. Вернадского в России заложены основы новых наук — *геохимии, биогеохимии, радиогеологии.* Вернадского-ученого отличали широта интересов, постановка кардинальных научных проблем, научное предвидение. Замечательный русский естествоиспытатель, он живо интересовался проблемами общественной жизни, философией и ее ролью в развитии знания.

Мировое признание получили работы другого русского ученого-*физиолога* — И. П. Павлова. Он создал учение об условных рефлексах, дал материалистическое объяснение высшей нервной деятельности человека и животных. В 1904 г. за исследования в области физиологии пищеварения Павлову — первому из русских ученых — была присуждена Нобелевская премия. В дореволюционное время (1908) еще один русский ученый — И. И. Мечников — был удостоен этой высшей международной награды за исследования проблем иммунологии и инфекционных заболеваний.

Развитие *естествознания* в начале XX в. определило важные мировоззренческие сдвиги в *общественном сознании.* Происходили коренные изменения в представлениях об окружающем нас мире: новые открытия в науке рождали мысли об "исчезновении материи". Естественнонаучный, стихийный материализм с его метафизическими принципами познаваемости мира, на позициях которого находилось большинство естествоиспытателей, не мог объяснить всех открытых наукой фактов. Это способствовало широкому распространению философского идеализма.

Общественные науки испытывали большое влияние процессов, происходивших в естествознании. В. И. Вернадский записал в дневнике в 1909 г.: "В эти годы... в мировом научном движении... происходит полная революция в представлениях о веществе, начинается не менее глубокое изменение в науках о жизни".

В области *гуманитарных наук* было немало крупных ученых, с именами которых связаны серьезные научные исследования (экономист и историк М. И. Туган-Барановский, историки С. Ф. Платонов, Н. П. Павлов-Сильванский, В. И. Семевский, литературоведы С. А. Венгеров, А. Н. Пыпин, библиограф Н. А. Рубакин и др.). Интерес проявился к изучению социально-экономической истории России. В большинстве случаев в постановке социально-экономических проблем ученые не выходили за пределы позитивизма и буржуазного экономизма.

В начале XX в. появляются исследования, написанные под влиянием марксизма. В пятитомной работе М. Н. Покровского "Русская история с древнейших времен" (1910—1913) и в некоторых других его исследованиях сделана попытка изложить события русской истории с марксистских позиций. Однако историческим взгля-

дам этого ученого, формировавшимся под воздействием экономического материализма, был присущ неоправданный нигилизм в оценках многих событий российской истории, особенно внешней политики.

Широкое распространение философского идеализма в конце XIX — начале XX вв. имело антидарвиновскую направленность. Писатель и философ В. В. Розанов первым выступил против идей дарвинизма в 1891 году с нашумевшей статьей “Почему мы отказываемся от наследства 60—70-х годов”.

Одной из форм научной мысли стала *русская религиозная философия*, отличавшаяся глубоким своеобразием идей. Развитие ее связано с именами таких мыслителей, как Вл. Соловьев, С. Н. Булгаков, Е. Н. Трубецкой, П. А. Флоренский и др. В трудах религиозных философов поиски “нового религиозного сознания”, утверждение примата духовности и наступление всемирной теократии посредством создания “вселенской церкви” отражали сложность и противоречивость интеллектуальной и идейной жизни русского общества рубежа столетий. Религиозная философия оказала влияние на многие области художественной культуры.

§ 3. Художественная культура

Художественная культура рубежа веков — одна из интереснейших страниц в культурном наследии России. В ней отразились социальная и идейная острота эпохи, “рубежность” общественного сознания, возросший интерес к личности, ее духовному миру и снижение интереса к проблеме социальности в искусстве.

Это был период обновления разнообразных видов и жанров художественного творчества, переосмысления, “всеобщей переоценки ценностей” (М. В. Нестеров). Новые явления в искусстве конца XIX — начала XX вв. были своеобразной реакцией на реализм, преобладавший в художественной культуре XIX в. К таким явлениям можно отнести декадентство, отмеченное настроениями безнадежности, неприятием жизни, индивидуализмом.

Декадентство — понятие мировоззренческое, возникшее на переломе жизни общества, и, по мнению одного из теоретиков символизма А. Л. Волынского, “явилось реакцией искусства против материализма”. Как характерное веяние времени декадентство не может быть отнесено целиком к какому-нибудь одному течению в искусстве. Упаднические настроения захватили деятелей различных художественных направлений, в том числе и реалистического. Однако чаще они были присущи модернистским течениям.

Понятие “*модернизм*” (фр. moderne — новейший, современный) включало явления литературы и искусства, рожденные в начале XX в., новые по сравнению с реализмом предшествующего столетия.

Однако и в реализме этого времени появляются новые художественные эстетические качества: расширяются “рамки” реалистического видения жизни, идет поиск путей самовыражения личности в литературе и искусстве. Характерными чертами искусства становятся синтез, опосредованное отражение жизни в отличие от критического реализма XIX столетия с присущим ему конкретным отображением действительности. С этой особенностью искусства связаны широкое распространение *неоромантизма* в литературе, живописи, музыке, рождение нового *сценического реализма*.

Литература Исключительно важную роль в культурной жизни страны продолжала играть *литература*. В эти годы еще жил и работал Л. Н. Толстой. В 1899 г. был опубликован его последний роман “Воскресение”, в котором протест против общественного зла и социальной несправедливости звучал остро и гневно. Толстой не принял и не поддержал модернизм в искусстве.

Лучшие свои произведения создал в эти годы А. П. Чехов: повести и рассказы (“Моя жизнь”, “Мужики”, “Дом с мезонином”, “Дама с собачкой, “Невеста”), драматические произведения (“Чайка”, “Вишневый сад”), поставленные на сцене Художественного театра. В его творчестве отражалась “до ужаса простая” и сложная жизнь России. Чехов не был сторонником определенных общественно-политических воззрений, но его произведения несли в себе ожидание новой, лучшей жизни. “Теперешняя культура, — писал он в 1902 г., — это начало работы во имя великого будущего”.

В 90-е годы начался творческий путь А. М. Горького. Свой первый рассказ “Макар Чудра” А. М. Горький опубликовал в 1892 г. в газете “Тифлисский вестник”. В произведениях, написанных в это время (“Старуха Изергиль”, “Челкаш”, “Девушка и смерть”, “Песнь о Соколе”, “Буревестник”), он воспевал гордого, свободного человека, любовь как источник жизни, бесстрашие тех, кто звал к борьбе.

В эти годы в русскую литературу пришли молодые писатели. В 1893 г. появился первый рассказ И. А. Бунина “Танька”; в 1897 г. вышел сборник его рассказов “На край земли”, посвященный горькой участи крестьян-переселенцев. В конце 90-х годов появляются первые значительные произведения А. И. Куприна (“Олеся”, “Молох”). И. А. Бунин и А. И. Куприн — крупнейшие писатели русской реалистической литературы XX в.

Основные силы писателей-реалистов группировались вокруг книгоиздательского товарищества “Знание” (1898—1913). В 1910 г. в это издательство пришел Горький и стал одним из его руководителей. К участию в сборниках “Знания” он широко привлекал молодых и уже известных писателей.

Одним из новых явлений литературы XX столетия была пролетарская поэзия, в которой зазвучала тема борьбы рабочего класса. Особенностью ее были социальный оптимизм и романтический

пафос. Сами поэты рассматривали свою поэзию лишь как "предтечу" новой литературы будущего.

Тема пролетариата входит в литературу. В 1906 г. А. М. Горький пишет драму "Враги", роман "Мать", в которых формулирует новые эстетические принципы воспроизведения жизни. В одном из писем к А. П. Чехову он писал о необходимости утверждения "героического реализма", который не только изображал бы жизнь, но и был бы "выше ее, лучше, красивее". В романе "Мать" впервые жизнь рабочих изображалась достоверно, герои — Павел и Ниловна — имели своих прототипов.

Театр В общественной жизни накануне революции чрезвычайно возросла роль *театра*. Открытие в 1898 г. Художественного театра в Москве стало событием большого культурного значения. У истоков нового театра стояли К. С. Станиславский и В. И. Немирович-Данченко. В своей речи, обращенной к труппе при открытии, Станиславский особенно подчеркивал необходимость демократизации театра, сближения его с жизнью. "Мы стремимся, — говорил он, — создать первый разумный, нравственный, общедоступный театр". 14 октября 1898 г. на сцене театра "Эрмитаж" состоялось первое представление пьесы А. К. Толстого "Царь Федор Иоаннович". Подлинное рождение Художественного театра состоялось в декабре 1898 г. при осуществлении постановки чеховской "Чайки", которая с тех пор является эмблемой театра. Современная драматургия Чехова и Горького составила основу его репертуара в первые годы существования. В 1902 г. на средства крупнейшего российского мецената С. Т. Морозова было выстроено известное в Москве здание Художественного театра (архитектор Ф. О. Шехтель).

Художественный театр стал одним из центров прогрессивного театрального движения, формирования новых принципов актерского искусства, режиссуры, оформления спектаклей, оказавших большое влияние на все театральное дело в России.

Смелая, революционная программа Художественного театра имела большой общественный резонанс, вызвала многочисленные выступления театроведов, по-разному оценивавших это событие культурной жизни. Театральных новаций не приняли представители символизма. В. Я. Брюсов в статье "Ненужная правда" (1902, журнал "Мир искусства") доказывал бессмысленность стремлений передать на сцене "правду жизни". Примерно в это время формируется эстетика условного театра, связанная с экспериментами В. Э. Мейерхольда в области сценического искусства. Брюсов был выразителем этих исканий.

Кинематограф В 90-е годы в России появился *кинематограф*, почти одновременно с изобретением его во Франции братьями Люмьер. Первые видовые и хроникальные фильмы демонстрировались в

мае 1896 г. сначала в Петербурге в увеселительном саду “Аквариум”, а через несколько дней — в саду “Эрмитаж” в Москве.

Первый русский кинопредприниматель А. А. Ханжонков в 1907—1908 гг. начал производство отечественных игровых фильмов, построил в Москве кинофабрику, ряд кинотеатров, в том числе “Художественный” и “Москва” (ныне — дом Ханжонкова). Среди первых игровых отечественных фильмов были “Пиковая дама”, “Отец Сергий” (режиссер Я. А. Протазанов).

Музыка Существенные изменения произошли в *музыке.* Открылись консерватории в Саратове, Одессе, Киеве наряду с уже действовавшими в Москве и Петербурге. Появились формы “внешкольного образования”: в 1906 г. в Москве при содействии С. И. Танеева была открыта народная консерватория.

В творчестве композиторов происходил известный пересмотр музыкальных традиций, повышался интерес к внутреннему миру человека, философско-этическим проблемам. “Знамением времени” стало усиление лирического начала в музыке. Н. А. Римский-Корсаков — в это время основной хранитель творческих принципов “Могучей кучки” — написал полную лиризма и драматизма оперу “Царская невеста” (1898).

Новые черты русской музыки начала XX в. нашли наибольшее выражение в творчестве С. В. Рахманинова и А. Н. Скрябина. Оба они были выпускниками Московской консерватории. Обладая ярко выраженной творческой индивидуальностью, Рахманинов вместе с тем следовал в своей музыке традициям русской музыкальной классики. Во многом он был прямым музыкальным наследником П. И. Чайковского. Идейно-художественный мир Скрябина был более сложным. Его творчество отличалось художественным новаторством и глубоким философским содержанием.

В начале XX в. центрами музыкальной жизни России были Мариинский и Большой театры. Однако основные достижения оперного искусства этого времени связаны с деятельностью Московской частной русской оперы (С. И. Мамонтова, а затем — С. И. Зимина). На сцене частной оперы Мамонтова раскрылся талант выдающегося русского певца и актера Ф. И. Шаляпина. “В русском искусстве Шаляпин — эпоха, как Пушкин”, — писал Горький.

Живопись Сложные процессы происходили в *изобразительном искусстве.* Товарищество передвижников оставалось одной из основных творческих организаций художников России. Некоторые из передвижников испытали воздействие революционного движения (Н. А. Касаткин, С. В. Иванов, И. И. Бродский). Однако на рубеже веков передвижничество с его обостренным интересом к социальным проблемам, конкретно-историческим образам уже не могло служить художественным идеалом.

Искания русской *живописи*, характерные для этого времени, связаны с творчеством таких художников, как М. А. Врубель, К. А. Коровин, М. В. Нестеров, В. А. Серов. Поиски эти носили различный характер. Фантастический, сказочный мир, тяготевший к символике, открыл Врубель. Тема Демона, в течение многих лет волновавшая художника, воплощала неудовлетворенность, тоску и гнев мятущегося человека. *Импрессионизм* получил наибольшее развитие в творчестве Коровина ("Зимой", "У балкона"). Религиозно-этические настроения свойственны картинам раннего Нестерова ("Видение отроку Варфоломею"). Поэтизацию прекрасной человеческой личности, "отрадное" мы чувствуем в полотнах Серова ("Девочка с персиками", "Девушка, освещенная солнцем").

В. А. Серов — крупнейший художник рубежа столетий. Жанр портрета был основным в его творчестве, хотя он писал и пейзажи, и исторические картины. Ученик Репина, он во многом унаследовал и развил присущий этому мастеру глубокий психологизм. Портреты Серова — важнейший итог развития портретного жанра, одно из достижений русского реалистического искусства (портреты Ф. И. Шаляпина, И. А. Морозова, О. К. Орловой, Николая II).

Для творчества художников, композиторов этого времени характерен повышенный интерес к культуре Древней Руси (В. М. Васнецов, Н. К. Рерих, И. Я. Билибин, И. Ф. Стравинский).

"Мир искусства" Появление художественного объединения *"Мир искусства"* в конце 90-х годов также было связано с идейными исканиями в живописи. Из кружка молодых "любителей изящного" "Мир искусства" вырастает в крупное явление художественной культуры. Название кружку дал журнал, издававшийся с 1899 г. на средства княгини М. К. Тенишевой. Впоследствии материально помогал изданию В. А. Серов.

К мирискусникам принадлежали художники А. Н. Бенуа, К. А. Сомов, М. В. Добужинский, Л. С. Бакст, Е. Е. Лансере, музыкальный критик В. Ф. Нувель, публицист, близкий символистам Д. В. Философов, С. П. Дягилев, театральный и художественный деятель. Дягилев активно содействовал устройству художественных выставок, ставших примечательной чертой общественно-культурной жизни России. На выставках широко экспонировались произведения не только отечественных, но и зарубежных мастеров.

Художники "Мира искусства" провозгласили новые эстетические принципы, отвергнув как салонность академизма, так и тенденциозность передвижничества. Намерение искать новые пути в искусстве, стремление преобразить жизнь посредством искусства сблизило с ними и тех художников, которые к этому объединению формально не принадлежали (Серов, Врубель, Нестеров).

"Мир искусства" — широкое культурно-эстетическое движение, которое в культурной жизни страны начала XX в. сыграло важную просветительскую роль. Оно выступало против недооценки крупных явлений искусства прошлых эпох, особенно XVIII и нача-

ла XIX в., забытых или неверно истолкованных в бурную передвижническую эпоху. Мирискусники "открыли" для современников имена Рокотова, Левицкого, Кипренского, Венецианова, Ф. Толстого. Большое культурное значение имела выставка портрета, организованная А. Н. Бенуа и С. П. Дягилевым в 1905 г. Исследование творчества отдельных художников, статьи о старинной петербургской архитектуре, работы по истории русского искусства способствовали выработке идейно-художественной концепции развития русского искусства.

Художественное творчество мирискусников, как правило, тяготело к ретроспективности, ушедшим эпохам, особенно их интересовал XVIII век. В среде мирискусников процветал культ Петра I как основоположника русской европеизированной культуры, культ Петербурга как средоточия этой культуры, культ Пушкина как наиболее полного выразителя "петербургского периода" русской истории. Наиболее значительных успехов художники "Мира искусства" достигли в книжной графике, театрально-декорационном искусстве, где синтез искусства мог проявиться в наибольшей степени (иллюстрации А. Н. Бенуа к "Медному всаднику" Пушкина, Е. Е. Лансере — к повести "Хаджи Мурат" Л. Толстого, оформление спектаклей в Художественном театре, Русских сезонов в Париже и т. д.). Эти успехи послужили основой для их развития в последующее время.

Модернизм в изобразительном искусстве

Творческие поиски в изобразительном искусстве после революции 1905—1907 гг. находились в основном в русле различных модернистских течений. Художники, разные по своей изобразительной манере (П. В. Кузнецов, М. С. Сарьян, Н. С. Гончарова, М. Ф. Ларионов, П. П. Кончаловский, И. И. Машков), несли в своем творчестве в той или иной степени черты модернистского искусства, близость к символизму и футуризму, экспериментаторство в области цвета и формы.

К 1910-м годам относится возникновение русского *авангарда*, сыгравшего огромную роль в развитии мировой живописи. К. С. Малевич, создатель этого направления, определил его как супрематизм, искусство чистых форм, беспредметности. В 1915 г. он показал на выставке в Петрограде знаменитый "Черный квадрат на белом фоне", который рассматривал как главное свое открытие. В искусстве авангарда нашли выражение творческие искания крупных мастеров, талантливых художников (В. Кандинский, К. Петров-Водкин, Р. Фальк, М. Шагал, П. Филонов). Они, каждый по-своему, искали в окружающем мире не конкретные реалии, а воплощение идеи мирового устройства. Художественная мысль приобщалась к новым научным открытиям. В искусстве авангарда воплощалось смелое экспериментаторство, раздвинувшее рамки традиционного понимания живописи.

Модернизм в художественной культуре рубежа столетий был сложным явлением. Внутри него можно выделить несколько течений, отличных по своей эстетике и программным установкам (символизм, акмеизм, футуризм, эгофутуризм, кубизм, супрематизм и т. д.). Но в целом по философско-эстетическим принципам модернистское искусство противостояло реализму, особенно реалистическому искусству XX в.

Символизм и другие течения модернизма в литературе

Однако искусство модернизма по своей художественно-нравственной ценности составляет наше богатейшее культурное наследие и прежде всего воплощает в себе "серебряный век" русской культуры. В 90-е годы сформировался *символизм*, он получил преобладающее развитие в первом десятилетии XX в. К этому времени относится появление манифестов, излагавших эстетические принципы нового течения: книга Д. С. Мережковского "О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы" (1893), статья К. Д. Бальмонта "Элементарные слова о символической поэзии" и др. В преобладании реализма Мережковский усматривал причину упадка литературы и будущее ее связывал с "божественным идеализмом", провозгласив основой нового искусства "мистическое содержание", "символы" и "расширение художественной впечатлительности". Символизм получил развитие в творчестве поэтов: В. Я. Брюсова, К. Д. Бальмонта, Ф. К. Сологуба, Д. С. Мережковского, З. Н. Гиппиус, А. Белого, А. А. Блока. Поэтов-символистов объединяли общность миропонимания и поэтического языка. Наряду с увлечением "чистым", "свободным" искусством, символисты воспевали индивидуализм, доходящий до самолюбования, таинственный мир, им близка тема "стихийного гения", близкого по духу к ницшеанскому "сверхчеловеку".

Символизм расширил, обогатил поэтические возможности стиха. Это вытекало из необычности мироощущения и стремления передать эту необычность. К. Бальмонт со свойственной ему манерой "удивить" читателя все же имел основание написать:

Я — изысканность русской медлительной речи,
Предо мною другие поэты — предтечи,
Я впервые открыл в этой речи уклоны,
Перепевные, гневные, нежные звоны.

В литературоведении некоторые черты поэзии символизма (воспевание мира грез, мечты, таинственности и т. д.) часто отождествлялись с уходом самих поэтов от реалий общественной жизни. Однако революционные события 1905 г. с очевидностью показали, что это не совсем так. "Мы тогда все приняли революцию", — писал

Г. И. Чулков, принадлежавший к символистам. “О, как полюбил я красные стяги революции... ” (из письма А. Белого к А. М. Ремизову). А в воспоминаниях о Блоке А. Белый отмечал: “Распыление прежнего, именно розово-золотого воздуха, вело нас путем расхождения и готовило нас к новой встрече в теме России”. Таким образом, реальные события они воспринимали через образы, цвет, музыку. “Революционность” символистов была “эстетизированным” бунтарством.

1905 год знаменовал для А. Блока, А. Белого и некоторых других поэтов-символистов открытие реальной России. Тема Родины, человека, общественного назначения поэта становится ведущей в творчестве А. Блока. В это время им были написаны циклы стихотворений “Родина”, “На поле Куликовом”, “Соловьиный сад”. Общественные настроения революционных лет отразились у А. Белого в сборнике стихотворений “Пепел”, который он посвятил Н. А. Некрасову. Сложно и противоречиво было отношение к революции у Брюсова. Он приветствовал силы, поднявшиеся на борьбу со старым миром, но не принимал стихию разрушения, которое эти силы несли. Он писал в 1905 г.:

Я вижу новый бой во имя новой воли!
Ломать я буду с вами!
Строить — нет!

Основоположниками *акмеизма* (от греч. “акме” — цветущая пора) считаются Н. С. Гумилев и С. М. Городецкий. Среди поэтов-акмеистов были А. А. Ахматова, О. Э. Мандельштам, М. А. Зенкевич, М. А. Кузмин, Г. В. Иванов и др. В отличие от символистской туманности, акмеисты провозгласили культ реального земного бытия, “мужественно твердый и ясный взгляд на жизнь”. Но вместе с тем они пытались уклоняться от социальных проблем.

Творчество А. А. Ахматовой (А. А. Горенко) занимает особое место в поэзии акмеизма. Ее первый поэтический сборник “Вечер” вышел в 1912 г. Критика отметила отличительные черты ее поэзии: сдержанность интонаций, подчеркнутую камерность тематики, психологизм.

Значительно по своей художественной ценности литературное наследие Н. С. Гумилева. В его творчестве преобладала экзотическая и историческая тематика, он был певцом “сильной личности”. Гумилеву принадлежит большая роль в развитии формы стиха, отличавшегося чеканностью и точностью.

Одновременно с акмеизмом в 1910—1912 гг. возник *футуризм*. Как и другие модернистские течения, он был внутренне противоречивым. Наиболее значительная из футуристических группировок, получившая впоследствии название кубофутуризма, объединя-

ла таких поэтов, как Д. Д. Бурлюк, В. В. Хлебников, А. Е. Крученых, В. В. Каменский, В. В. Маяковский. Разновидностью футуризма был *эгофутуризм* И. Северянина (И. В. Лотарев). В группе футуристов под названием "Центрифуга" начинали свой творческий путь поэты Н. Н. Асеев и Б. Л. Пастернак.

Футуризм провозглашал революцию формы, независимой от содержания, абсолютную свободу поэтического слова. Футуристы отказывались от литературных традиций. В своем манифесте с эпатирующим названием "Пощечина общественному вкусу" (1912) они призывали сбросить Пушкина, Достоевского, Толстого с "Парохода Современности"

Первые стихи В. В. Маяковского появились в 1912 г. С самого начала Маяковский выделялся в поэзии футуризма, привнеся в нее свою тему. Он всегда выступал не только против "всяческого старья", но и за созидание нового.

В первое десятилетие XX в. в русскую поэзию приходит плеяда новокрестьянских поэтов (С. Есенин, Н. Клюев, С. Клычков и др.).

Переводы

В эти годы развивалась такая область литературы как *переводы*, ими занимались как русские, так и другие национальные поэты и писатели. Русскую классику переводил на латышский язык поэт и общественный деятель Янис Райнис. Произведения Пушкина, Лермонтова, Крылова, Некрасова стали доступны армянскому, грузинскому, казахскому читателю благодаря переводам армянского поэта Иоаннеса Иоаннисяна, крупнейшего деятеля грузинской культуры Ильи Чавчавадзе, основоположника современной казахской письменной литературы и литературного языка Абая Кунанбаева.

Русским читателям становились знакомы произведения латышской, армянской, грузинской, еврейской, украинской литературы, переведенные на русский язык. Были изданы "Сборник армянской литературы" (1917), "Сборник латышской литературы" (1917). Инициатором этих публикаций являлся А. М. Горький. Антологию "Поэзия Армении с древнейших времен до наших дней" (1916) подготовил и издал В. Я. Брюсов. Над переводами произведений латышских, армянских поэтов работал А. А. Блок. Первый перевод на русский язык поэмы Шота Руставели "Витязь в тигровой шкуре" сделал К. Д. Бальмонт (1914). В переводе И. А. Бунина в 1896 г. была издана "Песнь о Гайавате" американского поэта Г. Лонгфелло.

Русские сезоны С. П. Дягилева

Русское искусство получает международное признание. Организованные С. П. Дягилевым *Русские сезоны* в Париже относятся к числу этапных событий в истории отечественной музыки, живописи, оперного и балетного искусства. В 1906 г. парижанам была представлена выставка "Два века рус-

ской живописи и скульптуры". В следующем году в концертах они могли познакомиться с русской музыкой от Глинки до Скрябина. В 1908 г. с исключительным успехом в Париже выступил Ф. И. Шаляпин, исполнивший партию царя Бориса в опере М. П. Мусоргского "Борис Годунов". Наконец, в 1909 г. в Париже начались Русские сезоны балета, продолжавшиеся в течение нескольких лет (до 1912 г.). С 1911 г. труппа, став постоянной, стала называться "Русские балеты Сергея Дягилева", с 1924 г. — "Русские балеты Монте-Карло".

С Русскими сезонами связано творчество многих композиторов, художников, балетмейстеров и солистов балета. Одним из новаторов русского балета начала века был М. М. Фокин, который утверждал драматургию как идейно-художественную основу балетного спектакля и путем "содружества танца, музыки и живописи" стремился к созданию психологически полного и правдивого образа. Во многом взгляды Фокина были восприняты эстетикой советского балета. Хореографический этюд "Умирающий лебедь" на музыку французского композитора Сен-Санса, созданный им для выдающейся балерины Анны Павловой, запечатленный в рисунке В. А. Серова, стал символом русского классического балета.

Большой успех имели балеты И. Ф Стравинского "Жар-птица", "Петрушка", "Весна священная", в которых чувствовался интерес к далеким историческим эпохам, к народной обрядности, фольклору.

Глава 26
Социокультурный облик города и деревни

В сочетании многочисленных тенденций культурного развития города и деревни, столицы и провинции формировалась общественно-культурная среда. Состояние ее отражает и сохранение культурных традиций, и степень распространения современной для данной эпохи (профессиональной) культуры. Нельзя не согласиться с Д. С. Лихачевым, что “для жизни человека важна среда, созданная культурой его предков или им самим”. Распространению и развитию культуры способствуют образование, деятельность культурно-просветительных учреждений, книга и периодика, а также система их функционирования, транспортно-коммуникационная и информационная сеть.

Формирование культурной среды находится в зависимости и от многих других факторов: от хозяйственно-экономического состояния региона, связи с культурными центрами, каковыми были некоторые старинные русские города (Ярославль, Воронеж, Орел и др.), близости к столичным центрам. Наконец большую роль в этом процессе играл административный статус города (губернский или уездный).

§ 1. Город в культурной жизни

В формировании и наполненности культурной среды *городу* принадлежит наиболее важная роль. Город выступает как центр сосредоточения профессиональной культуры в различных ее областях (в просвещении, науке, религии, искусстве). Здесь находятся основные учебные и культурно-просветительные институты и учреждения, формируется информационная система, способствующая интеграции культурных процессов.

Культура русского города XIX в. была многопланова. С одной стороны, город как оплот бюрократии и аппарата власти на местах был носителем официозной культуры. С другой, именно в нем существовали структуры (университет, научное общество, кружок, журналы, газеты и т. д.), которые наряду с распространением верноподданнических, консервативных идей стимулировали и развитие оппозиционных властям взглядов. Город, таким образом, становился важнейшим средством модернизации общества.

Типология города. Динамика развития

Система городов, существовавшая в России в XIX в., сложилась в основном во второй половине предшествующего столетия в результате волевых правительственных решений, изложенных в ряде указов Екатери-

ны II. Издавая постановления о создании новых городских центров, как правило, вчерашних сельских поселений, правительство руководствовалось прежде всего административно-фискальными и военными соображениями. Однако развитие города, его хозяйство, демография, социальная структура и общественно-культурная жизнь были органически связаны с общими процессами, происходившими в жизни страны.

Случаи преобразования села в город продолжались в первой половине XIX в., но были очень редки. Так, например, в 1840 г. указом Николая I заштатным городом стало село Сухиничи в Калужской губернии.

В сознании современников город всегда ассоциировался прежде всего с властью, а потом уже с торговлей, промышленностью. "Город, какой бы там он ни был, — писал в конце 80-х годов Н. В. Шелгунов, — все-таки сила, хотя бы по одному тому, что он всегда центр власти".

Некоторые типологические особенности русского города как экономического центра были связаны с аграрным характером экономики России в целом, широким развитием кустарных крестьянских промыслов, сосредоточенных в деревне. Одной из разновидностей дореформенного города были аграрные города, их жители занимались торговым огородничеством и садоводством. В первой половине XIX в. существовали так называемые "неземледельческие центры"(Иваново, Павлово, Ворсма, Кимры и др.), которые, фактически выполняя экономические функции города, юридически оставались селами.

В пореформенное время "фабричные села" не только сохранились, но даже и умножились. В 90-е годы из 103 фабрично-заводских центров, отмеченных В. И. Лениным в книге "Развитие капитализма в России", только 40 относились к городам, остальные были "фабричными" и кустарными селами. Юридически они продолжали сохранять статус села, а их население относилось к крестьянскому сословию с присущими ему чертами экономического и культурного быта.

Некоторые из "неземледельческих центров" в пореформенное время становились городами (Иваново-Вознесенск, Орехово-Зуево и др.). Решающую роль в процессе городообразования в это время, в отличие от более раннего, начинает играть экономический фактор.

К числу особого типа городов следует отнести города портовые (Одесса, Владивосток), военные (Севастополь); университетские.

В целом, несмотря на многофункциональность русского города, его административно-военная функция оставалась приоритетной на протяжении всего рассматриваемого времени. Административный статус города оказывал большое влияние на состояние и развитие его культурной жизни.

Вопрос о типологии русского города, как позднефеодального, так и капиталистического в особенности, относится к числу недостаточно изученных; нет разработанных критериев разделения поселений на городские и сельские. В силу этого в официальной статистике при определении числа городов и городского населения в качестве критерия рассматривается демографический фактор. По числу жителей города в России разделялись на малые (до 10 тыс.), средние (10—50 тыс.), крупные (свыше 50 тыс.). См. следующие данные (тире означает отсутствие данных):

Год	Число городов	Из них			Жителей абс.в тыс. (округл)	Население городов в процентах	
		малые	средние	крупные		к населению Европ. России	К населению России в целом
1825	496	-	-	-	3500	-	-
1847	622	533	83	6	4730	-	9
1863	595	474	113	10	6540	10,2	12,3
1897	545	-	-	-	12000	12,9	13,4
1916	-	-	-	-	25845	21,0	-

Следует иметь в виду относительную точность приводимых в таблице сведений, которые получены на основании подсчетов данных официальной статистики. Однако они показывают тенденцию в развитии города в XIX — начале XX вв., выражавшуюся в росте городского населения как в абсолютном, так и относительном, увеличении средних и крупных городов, в которых в пореформенное время была сосредоточена большая часть горожан.

В конце 60-х годов среди городов Европейской России только в пяти (Москве, Петербурге, Одессе, Кишиневе, Риге) население превышало 100 тыс. В конце 90-х годов городов со 100-тысячным населением и выше было уже 14 (среди них Тула, Саратов, Нижний Новгород, Астрахань, Киев, Харьков). К началу первой мировой войны в России в целом (без Финляндии и Польши) было 29 таких городов, в которых проживало около трети всего городского населения.

И все же на протяжении XIX- начала XX вв. наиболее распространен был средний город с числом жителей от 10 до 50 тыс., малые города в подавляющей своей массе были уездными центрами.

В силу того, что аграрная Россия на протяжении всего XIX в. доминировала над городской (для сравнения: в конце 90-х годов городское население в России составляло 13,4%, тогда как в Англии — 72%, Германии — 48,5%, Франции — 37,4%), город испытывал большое влияние сельской округи на культурный быт населения. Это во многом определяло схожесть культурной жизни в провинциальных городах и селах, что проявлялось в характере жилища, благоустройстве, домашнем быте.

Благоустройство. Городская инфраструктура Большинство русских городов, особенно дореформенного времени, за исключением столичных и некоторых губернских центров мало чем отличались по внешнему виду от сельских поселений. В планировке и застройке города большую роль играли водные пространства, зеленые насаждения и сохранение вокруг свободных пахотных земель или лугов. Река была важной водной артерией, но она стала включаться и в культурное пространство города. На набережной реки обычно устраивались скверы, общественные сады.

Внешний облик центра города стал меняться в связи с началом регулярного типового строительства в конце XVIII в. В начале XIX в. новые генеральные планы получили более 400 городов, т. е. большинство существовавших в то время. Правда, не все эти планы были реализованы в жизнь. И, тем не менее, город становился регулярным, с системой улиц, площадью в центре, на которой обязательно располагались здания присутственных мест, церковь и торговые ряды. Устанавливалось место въезда в город через заставу, обычно расположенную на почтовом тракте. С появлением железных дорог эту роль заставы заменили городские вокзалы.

Город в отличие от села имел более сложную социально-пространственную структуру, включавшую систему улиц, жители которых принадлежали к разным социальным группам. Это отражалось в названии улиц. В каждом городе обычно были дворянские, мещанские, посадские улицы. Городская топонимика, достаточно развитая в XIX в., была своеобразным языком города, сохранявшим память о его прошлом, отражавшим новые явления в жизни.

Формирование специфически городской среды было связано с появлением таких форм обслуживания, общения и развлечения, как трактир, гостиницы, общественные бани, аптеки, библиотека, музей, городской сад, театр. Но окраины и в пореформенное время в массе городов сохраняли сельский вид — здесь город как бы незаметно переходил в деревню.

На протяжении XIX в. город в подавляющем большинстве был деревянным. В конце столетия деревянные постройки составляли более 60% всех зданий в столицах и свыше 80% в провинциальных городах Европейской России. Большинство горожан жили в собственных домах, плотность населения в городах была практически такой же, как и в селах. В большинстве губерний в 50-е годы средняя плотность городского населения была 5-9 человек на один дом. И только в столичных губерниях плотность населения, с учетом большой плотности в самих столицах, составляла в Петербургской губернии в среднем 42 человека, в Московской — 22 человека на один дом. Потребность в найме квартир выросла в пореформенное время в крупных городах, где началось строительство многоэтажных доходных домов.

Благоустройство дореформенного губернского города в основном ограничивалось мощением центральных улиц и площадей, улич-

ным освещением масляными и спиртовыми фонарями, уходом за состоянием водоемов. Все эти расходы производились из городского бюджета.

Во второй половине XIX в. *инфраструктура* городского хозяйства становится более сложной: появляются водопровод, канализация, электрическое освещение в домах и на улице. Строительство доходных домов в крупных городах вызывало необходимость водонапорных сооружений. В городе стали строиться железнодорожные вокзалы, депо, электро- и телефонные станции.

В некоторых городах в конце XIX в. появился трамвай. Первоначально это были линии конно-железной дороги ("конка"), которые позднее стали использовать электрическую тягу. Первая конка появилась в Москве в 1872 г. во время Политехнической выставки. В 70—80-е годы она действовала как вид общественного транспорта в столицах, некоторых губернских городах.

К первой половине XIX в. относятся попытки устройства в городах общественного водопровода. В 1805 г. было завершено строительство Мытищинского водопровода в Москве — первого в России. Затем были построены водопроводы в Калуге (1807), в Н. Новгороде (1847). Только в 1859 г. появился водопровод в Петербурге. Водопроводы во второй половине XIX в. были устроены во многих губернских городах (Саратове, Ярославле, Твери, Одессе, Казани, Харькове, Туле и др.). Это связывалось прежде всего с опасностью пожаров, которая всегда существовала в деревянном городе.

Но все же водопровод не стал массовым явлением. Водоснабжение с проведением воды в дома в конце столетия было в одном городе из восьми. Даже в Москве водопроводом были снабжены лишь 20% зданий. Только 85 городов (примерно 1/10 часть) в начале XX в. освещались электричеством и газом, но даже и в них на окраинах сохранялось керосиновое освещение. Многие из нововведений в городском хозяйстве скорее отражали намечавшуюся тенденцию, чем реальное благоустройство как характерное явление для города.

Система образования и культурно-просветительных учреждений

В дореформенный период система начальной и средней *общеобразовательной школы* существовала в столичных и губернских городах. Приходские и уездные училища действовали в подавляющем большинстве уездных городов. Школа в это время имела место в основном в городе.

В пореформенное время происходил количественный рост школ в городах. О возраставшей потребности в начальных училищах в городах писали местные "Губернские ведомости".

Новшевством было появление женских бессословных гимназий (с 1858 г.), реальных мужских училищ; в системе высшей школы наряду с университетами начинают действовать отраслевые вузы. Большинство специализированных высших учебных заведений в

провинции было открыто во второй половине XIX — начале XX в. К 1917 г. по численности провинциальные вузы приближались к столичным.

Во второй половине XIX в. существовала довольно разветвленная система *печати*, в том числе провинциальной, возобновилась работа многих публичных библиотек, возникли новые типы библиотек. Среди публичных библиотек городские общественные составляли большинство.

Заметным культурным явлением в губернских городах становятся художественные объединения, музеи, картинные галереи, ранее известные только столицам. Картинная галерея И. К. Айвазовского в Феодосии, открытая в 1880 г., была первой публичной художественной галереей в провинции. В Саратове в 1885 г. художник А. П. Боголюбов (внук А. Н. Радищева) основал в честь знаменитого деда Художественно-промышленный музей. Картинная галерея в Пензе открылась в 90-е годы при Художественном училище. Первым директором ее стал художник-передвижник К. А. Савицкий.

Пореформенное время отмечено оживлением *выставочной деятельности* в области искусства. Начало художественных выставок в России связано с Академией художеств и относится еще к 60-м годам XVIII столетия. В первой половине XIX в. художественные выставки проходили в Петербурге, Москве. Идейно-художественное движение 60-х годов подготовило почву для возникновения "Товарищества передвижных художественных выставок". В Уставе Товарищества впервые четко высказывалась мысль о необходимости пропаганды искусства, о связи искусства с запросами жизни. С этой целью "в городах империи" устраивались передвижные художественные выставки "в видах доставления жителям провинций возможности знакомиться с русским искусством и следить за его успехами".

Картины первой выставки передвижников, открытой в 1871 г. в залах Академии художеств в Петербурге, экспонировались также в Москве, Киеве и Харькове. В середине 80-х годов выставки передвижников проходили в 14 городах России. Они продолжали существовать и после революции 1917 г. Последняя, 48-я, выставка художников-передвижников состоялась в 1924 г.

Появление в России во второй половине века многочисленных *музеев* свидетельствовало о том, что в образованных кругах общества, среди интеллигенции все более осознавалась необходимость сохранения и изучения культурного наследия. Музеи для этого предоставляли большие возможности. Инициатива в организации многих из них принадлежала общественности городов, земству.

С развитием национального самосознания, а также со стремлением властей пропагандировать идеи официальной идеологии связано возведение в городах *светских памятников* в честь рус-

ских императоров, деятелей культуры, известных людей, как правило, уроженцев этих мест, дела которых были достойны памяти и уважения потомков. Эти памятники становились органичной частью культурной среды города.

Впервые появившись в столицах ("Медный всадник" — Памятник Петру I в Петербурге, скульптор Э. М. Фальконе, 1782 г.; памятник Минину и Пожарскому И. П. Мартоса в Москве, 1818 г.), мемориалы стали сооружаться и в губернских городах: Петру I (скульптор И. Н. Шредер) в Петрозаводске, 1873; а также в Архангельске, 1914, и Таганроге, 1903 (М. М. Антокольский); Ивану Сусанину (В. И. Демут-Малиновский) в Костроме, 1851; Н. М. Карамзину (С. И. Гальберт) в Симбирске, 1845; М. В. Ломоносову (И. П. Мартос) в Архангельске, 1832; М. Ю. Лермонтову (А. М. Опекушин) в Пятигорске, 1889.

Всероссийским общественно-культурным и политическим событием стало сооружение в 1862 г. в Новгороде памятника "Тысячелетию России"(скульптор М. О. Микешин). Открытие памятника А. С. Пушкину в Москве в 1880 г. (скульптор А. М. Опекушин) превратилось в праздник русской культуры.

Культурную городскую среду формировал *театр*. В первой половине XIX в. в провинциальных городах публичные театры были редкостью. В начале столетия некоторые помещики имели крепостные театры, из их среды вышли замечательные актеры, хотя судьба многих из них оказалась трагичной. Будучи крепостным в 1805 г. в Курске начал выступать М. С. Щепкин, впоследствии — актер Малого театра, реформатор актерского искусства, гордость русской сцены. Вольную он получил только в 1820 г.

В 60-е годы публичные театры, постоянные или временные театральные труппы работали более чем в 100 городах (Орел, Рязань, Кострома, Саратов и др.). На провинциальной сцене гастролировали известные актеры Малого театра (В. И. Живокини, И. В. Самарин). В провинциальных театрах, в свою очередь, начинали свой творческий путь многие замечательные актеры, составившие славу столичного драматического театра (М. С. Щепкин, П. М. Садовский, А. П. Ленский, П. А. Стрепетова, М. Г. Савина и др.).

Горожане. Социальный состав. Образовательный уровень

Социальная структура города отражала сословное многообразие, сохранявшееся в России на протяжении всего XIX в. (Социальная структура общества в переписи населения 1897 г. дана по сословному принципу, что отразило факт юридического сохранения сословий.)

В 50-е годы среди городских жителей были дворяне и чиновники (5,5%), купцы (4,5%), почетные граждане (0,2%), духовенство (1,4%), мещане (около 50%), разночинцы, солдаты, крестьяне (38, 5%). Судя по имеющимся данным, мещанство составляло основное городское сословие. В целом в провинциальных городах Евро-

пейской России проживало от 66 до 90% мещан. Меньше было мещан среди населения столичных губерний.

Пореформенное время внесло коррективы в социальный состав городского населения. Росла прослойка торгово-промышленной буржуазии, появился новый социальный слой — пролетариат, источником пополнения которого было в основном крестьянство и городское мещанство, что отражало сущность процесса формирования социально-классовой структуры буржуазного общества. Однако эти изменения в социальной структуре проявлялись в крупных — столичных и губернских — городах. В основной массе городов и в пореформенное время мещанство оставалось "основным коренным слоем городского населения". В конце 90-х годов оно составляло 10,7% всего населения страны.

При известном напряжении сил, сколачивании достаточного капитала мещане могли перейти в купечество. Однако в реальной жизни социальная и имущественная грань между мещанством и купечеством была очень подвижной. Мещанство, являясь частью мелкобуржуазной прослойки, в социальной структуре занимало как бы срединное положение между дворянством и купечеством, с одной стороны, и крестьянством, с другой. Будучи основным слоем городского населения, мещанство было и носителем массовой городской культуры. Оно составляло средний культурный слой, который должен был нивелировать существовавший в России разрыв между элитарной и народной культурой, аккумулировать, развивать и распространять новации, прежде всего в материально-технической сфере, рожденные потребностями эпохи и появлявшиеся в городе.

Тесная связь мещанства с крестьянством определяла многие стороны его мировоззрения, духовно-нравственную позицию, способствовала сохранению в его среде традиционной народной культуры. Образно характеризуя социальную структуру пореформенного общества, Н. В. Шелгунов относил мещанство и купечество к "полуинтеллигентному слою, придерживавшемуся Домостроя".

Распространенное в среде российской интеллигенции конца XIX — начала XX вв. пренебрежительное, а подчас и негативное отношение к понятию "мещанство" или "мещанская среда" не совсем корректно. Мещанство, как основной городской слой (его трудовая деятельность, социально-экономическое положение, мировоззрение, нравственно-этические взгляды) нуждается в серьезном изучении.

В условиях пореформенного времени, когда шла модернизация общества в технической, научной, культурной сферах, грамотные и образованные люди становились более востребованными. К концу крепостной эпохи в демократических слоях города и деревни происходили некоторые сдвиги в понимании пользы и необходимости грамотности. Как отмечалось в одном из официальных документов в конце 50-х годов, "теперь устранено одно из главных пре-

пятствий к распространению грамотности между простым народом: ослабело предубеждение, которое имели родители против учебы своих детей".

Город по уровню и темпам распространения грамотности давал более высокие показатели, чем средние по стране. В начале 50-х годов грамотных горожан было около 4% (при среднем уровне грамотности около 1%). В городах столичных губерний грамотные составляли около 3,5%, центрально-промышленных — 5—9%. К концу столетия грамотных в городах Европейской России насчитывалось уже 48,9%, причем этот процент был всегда выше, чем по губернии в целом. Особенно резко, по сравнению с дореформенным временем, выросла грамотность в столицах и городах столичных губерний. В Москве и Петербурге грамотных среди жителей было соответственно 56,3% и 62,7%, а в городах этих губерний — 55,7% и 62,8%.

Город сосредоточивал не только большинство грамотных, но и образованных людей. В России в конце XIX в. преобладало среднее общее и специальное образование. Среди городских сословий среднее образование имели около 2,5%. Как видно, несмотря на концентрацию в городе слоя образованных людей, основная масса горожан не поднималась выше уровня элементарной грамотности.

При преобладании в мелкобуржуазных слоях города начального общеобразовательного ценза в конце XIX — начале XX вв. значительная прослойка мещан (иногда более трети) составляла часть студенчества высшей школы, особенно технических учебных заведений. Однако численность ее не соответствовала той роли, которую должен был играть этот слой горожан в экономической и культурной жизни страны.

В результате недолгого существования в России буржуазной эпохи (немногим более полустолетия), непоследовательности и осторожности правительства в отношении распространения просвещения, в частности сохранения сословности, из-за недостаточного финансирования системы народного образования процесс демократизации культуры в пореформенное время не мог быть глубоким. На это требовалось более длительное время. Однако эти обстоятельства оказывали влияние на интенсивность, но не на сущность процессов, определявших состояние общественно-культурной среды города.

В пореформенное время столичный и губернский город в большей степени становится центром экономического и культурного притяжения. В России в XIX в. Петербург и Москва сохраняли роль столичных центров. Если Петербург был прежде всего центром официальной культуры, где наиболее полно воплотились идеи европеизма, то Москва как культурный центр больше тяготела к традиционности в культуре и общественном сознании. Наличие двух таких крупнейших культурных центров определило одну из особенностей взаимодействия столицы и провинции. Последняя боль-

ше тяготела к Москве как хранительнице традиционного образа жизни и исторической памяти.

Особенностью российской провинции была ее тесная связь с окружающей город деревенской средой. Однако в конце XIX в. многие губернские города представляли собой развитые центры культурной жизни. "Духовно-просветительным центром на Волге" был Саратов, где "пульс общественной жизни бился сильнее, чем в других губернских городах"; "духовная жизнь Нижнего Новгорода была довольно развитой"; Самару сравнивали с быстро растущими городами Америки.

Не только экономическая необходимость, но и желание стать горожанином, пользоваться преимуществами города по сравнению с деревней заставляли людей стремиться в город. В работах современных исследователей отмечается, что миграция была доминантным процессом в росте городов конца XIX — начала XX вв., в ней преобладали крестьяне, приезжавшие в город на заработки.

Однако, согласно данным переписи 1897г., относительная миграция населения составляла в это время менее 8%. В Европейской России местные уроженцы на момент проведения переписи составляли свыше 92%. Районами, больше всего поглощавшими пришлое население, были столичные губернии, Кавказ и Сибирь.

Только в столичных губерниях, за счет большого притока населения в столицы, процент горожан по отношению ко всем жителям или приближался к половине (в Московской — 46,7%), или был больше ее (в Петербургской — 67,3%). В основной массе губерний Европейской России он не превышал 14%.

Эти данные отражают тот факт, что в России в конце XIX в. уровень урбанистических процессов был невысоким. Признаки урбанизации, которая меняла профессиональную структуру населения, формировала специфически городской образ жизни и повышала социальную мобильность, проявлялись лишь в столичных городах и возможно как тенденция в некоторых губернских центрах. В целом современные исследователи отмечают слабую степень урбанизации в России.

§ 2. Деревня в культурной жизни

Социокультурный динамизм общественного развития в XIX в. повлиял на состояние культуры деревни. Новые культурные явления в жизни русского крестьянства стали заметно распространяться в пореформенное время в условиях развития модернизации общества. Однако в целом в России XIX в. сохранялась, как известно, аграрная направленность экономики. Крестьянство на протяжении всего этого времени составляло подавляющую массу населения (по данным переписи 1897 г. — 84,2% населения Европейской России).

Крестьянство, наряду с мещанством, было основным социальным источником формирования пролетариата, создавало базу для

сохранения мелкобуржуазной среды, многоукладности российской экономики. В силу этого состояние культуры деревни, ее развитие, взаимоотношение с культурой города, ее влияние на городскую культуру определили характер многих социокультурных процессов в России XIX — начала XX вв.

Традиционность — основная черта культуры крестьянства

Коренной чертой народной культуры оставались ее традиционность и непрофессиональный характер. Традиционная культура (в отличие от профессиональной) это зафиксированный в жизни многих поколений крестьянства коллективный опыт хозяйственной деятельности, организации быта, обрядности в повседневном обиходе и проведении сельских праздников.

Многие стороны традиционной культуры уходят корнями в глубокую древность. Тесная связь крестьянина с природой определялась его хозяйственной деятельностью, в которой земледелие было приоритетным. Взаимозависимость материального достатка от влияния природно-климатических факторов сохраняла в сознании крестьянина многие идущие еще со времен язычества верования в силу Природы. Поэтому даже в XIX в. в религиозном сознании русского крестьянина причудливо переплетались православная вера и языческие суеверия и обряды. Современные исследователи определяют систему верований русского крестьянина как православно-языческий синкретизм, т. е. смешение православной веры и остатков язычества.

Православие являлось в духовной культуре крестьянства XIX в. важным фактором. Оно влияло на многие стороны духовно-нравственной жизни народа, семейно-брачные отношения, этику поведения. Однако, несмотря на это, в системе верований русского крестьянства в XIX в. многие дохристианские языческие культы не исчезли полностью, хотя в ряде случаев и трансформировались.

Крестьянская земледельческая культура основывалась на традиционной системе трехполья, преобладавшей до начала 80-х годов, и лишь в последние десятилетия XIX в. в крестьянских хозяйствах стал наблюдаться переход к многополью. В результате многовекового накапливания практических сельскохозяйственных знаний сложилась русская народная агрономия. Она основывалась на наблюдении за природой, учете многообразия природно-климатических и почвенных факторов, комплексе агротехнических средств, которые использовались крестьянином на практике.

Помимо землепашества в хозяйстве крестьянина традиционно большую роль играли промыслы — прядение и ткачество, плотницкое дело, столярное, гончарное. Особенно широко промысловая деятельность крестьян была распространена в неземледельческих губерниях. Длительное существование промысла выработало определенную культуру производства, включавшую традиционные трудовые навыки, изготовление и применение простейших инструмен-

тов. Появившаяся в России во второй половине XVIII в. мануфактура во многом использовала сложившийся в крестьянских промыслах опыт.

Жизнь русского крестьянина проходила в рамках общины и семьи, которые играли важную роль в сохранении и воспроизводстве традиционной народной культуры. Социальное и культурное творчество крестьянина в XIX в. было связано с сельской общиной. Она регулировала поземельные отношения, влияла на решение хозяйственных и внутрисемейных проблем. Урегулирование общиной внутренней жизни крестьянского "мира" происходило на основе обычного права. В сознании русского крестьянина всегда жило представление о правопорядке, основанном на обычае. Крестьяне, часто не знавшие закона, уважали чувство справедливости, по которой старались строить свою жизнь.

Приверженность крестьян к общинному землепользованию, общине как социокультурному институту, определявшему практически все стороны его жизни, сохранялась долго и в пореформенное время. Возможно, в этом одна из причин общественной инерции крестьян в период проведения П. А. Столыпиным аграрной реформы. Из небольшого числа крестьян, выделившихся из общины (к 1915 г. — около 22% дворов), в 70% случаев это произошло в результате административного вмешательства.

Помимо общины, важным институтом в хозяйственно-бытовой жизни крестьянина была семья. Она являлась прежде всего школой трудового обучения, которое начиналось для детей примерно с 9 лет. По крестьянским понятиям, это означало воспитание в семье нового работника.

Сохранение традиционных черт в культуре во многом питала цикличность жизни крестьянского "мира". Трудовой ритм русской деревни, чередование будней и праздников определялись сменяющимися природными циклами и характером работ в них (сев, жатва, молотьба). Каждое время года сопровождалось яркими по своей эмоционально-смысловой нагрузке праздниками — Масленицей, Пасхой, Троицей, в которых продолжала сохраняться обрядность в сочетании с православной религиозностью.

Однако в реальной жизни деревни нередко встречались сцены, подобные тем, что изобразил В. Г. Перов в своей картине "Сельский крестный ход на Пасху". В русской деревне, как впрочем и в городе, пьянство было, к сожалению, распространено. Особенно много пили в праздники. Некрасов писал о русском крестьянине: "Он до смерти работает, до полусмерти пьет". Кабак в деревне был своеобразным клубом: здесь узнавались новости, текущие цены, заключались торговые сделки.

Влияние буржуазных реформ на культурную жизнь деревни

Реформы 60—70-х годов и последующее социально-экономическое развитие способствовали активизации многих культурных процессов, в которые более активно, по сравнению с предшествую-

щим временем, вовлекалась деревня. Усилению социально-экономических связей деревни и города способствовало отходничество.

Уход крестьян из деревни на заработки в город, иногда на длительный срок, приводил к известной ломке традиционных этических норм жизни крестьянского мира. Это, в свою очередь, вело к ослаблению некоторых сторон традиционной культуры и быта, нарушению общепринятых в крестьянской общине норм поведения. Под влиянием многих социально-экономических факторов, в том числе развития отходничества, происходили изменения в традиционном семейном строе: распадались большие патриархальные крестьянские семьи, уступая место малым, состоящим из родителей, детей, родителей мужа или жены. Влияние города сказывалось на росте индивидуализма в крестьянской среде.

В городе крестьянин приобщался к новым условиям жизни, приобретал, часто преодолевая большие трудности, знания, расширявшие его видение и восприятие мира. Поэтому город оказывал на жителя деревни немалое положительное влияние, способствуя расширению его социально-культурного кругозора. Но все эти процессы происходили все же при сохранении традиционной основы крестьянской культуры.

Важнейшей частью традиционной культуры крестьянства, отражавшей национальное своеобразие русской культуры, были художественные промыслы. В XIX в. были широко известны следующие из них: хохломская роспись деревянной посуды; городецкая роспись, украшавшая мебель, двери, крестьянские прялки; нарядная, праздничная дымковская глиняная игрушка и богородская игрушка, вырезанная из дерева; федоскинская лаковая миниатюра, украшавшая шкатулки из папье-маше. Изделия народных мастеров имели большой сбыт на многочисленных ярмарках.

Интерес профессионалов-художников и меценатов к старинным народным промыслам, возникший в конце XIX — начале XX вв., во многом способствовал их развитию, возрождению некоторых из них, которые приходили в упадок. Художественными центрами, где создавались благоприятные условия для творчества профессионалов и оказывалась разнообразная помощь художникам-кустарям, стали Абрамцево С. И. Мамонтова в Подмосковье, Талашкино княгини М. К. Тенишевой в Смоленской губернии, Кустарный музей Московского губернского земства, открытый на средства Сергея Т. Морозова (брата Саввы Т. Морозова).

Благодаря привлечению в Абрамцево, Талашкино, Кустарный музей талантливых художников, скульпторов, музыкантов (здесь работали М. А. Врубель, В. М. Васнецов, С. В. Малютин, В. В. Андреев и др.), их помощи народным умельцам и собственным творческим исканиям, сохранялись и обновлялись художественные традиции народного искусства.

Школа в деревне. Грамотность крестьян

Начальная школа, дававшая грамотность и элементарные общеобразовательные и профессиональные знания, прежде всего создавала предпосылки для культурного взаимодействия города и деревни.

В дореформенный период в российской деревне официальная, государственная школа была редким явлением. Известное распространение она получила с 30-х годов в казенной деревне. В волостных училищах готовили писарей, землемеров, топографов, фельдшеров. Программа обучения включала закон Божий, чтение, письмо, основные правила арифметики. В конце 30-х годов в России существовало до 2 тыс. церковно-приходских школ, открывавшихся при церквах и монастырях. С 1862 г. все церковно-приходские школы перешли в ведение Синода, который получил право открывать новые под своим руководством.

Тяга к грамотности, постепенно возраставшая среди крестьянства, чаще всего реализовывалась через обучение в школах грамоты, известных в России как форма элементарного обучения еще с XIV в.

Изменения, произошедшие в жизни общества с отменой крепостного права, отразились на жизни русской деревни. Впервые появились реальные возможности для развития сельской школы. Как отмечал один из современников, "надо было измениться всем условиям народной жизни, чтобы школы стали действительно потребностью, и это изменение явилось с освобождением крестьян и с возникновением земства. Вот когда не только наступила пора народной школы, но явилась и действительная школа".

Активность общественности в распространении просвещенности среди народа проявлялась в деятельности земств, Комитетов грамотности, различных просветительных обществ, связанных с земствами. В 1861 г. возник Петербургский комитет грамотности при Вольном экономическом обществе. Он, как и ранее существовавший с 1845 г. в Москве, стремился "содействовать распространению грамотности между крестьянами, вышедшими из крепостной зависимости". Подобные общественные организации стали возникать и в провинциальных городах с целью "способствовать открытию новых школ по учебному и духовному ведомствам". Комитеты грамотности существовали в Н. Новгороде, Астрахани, Самаре, Харькове, Томске, Красноярске, Иркутске и других городах России.

В пореформенное время школы грамоты получают широкое распространение в сельской местности. Петербургский комитет грамотности рекомендовал всем земствам создавать школы грамоты как "наиболее дешевый способ распространения грамотности в России... ". В этих школах правительство видело приемлемый способ приблизиться к всеобщему обучению. В начале 80-х годов оно официально признало существование таких школ как формы началь-

ного обучения в селах и деревнях и в 1891 г. передало их в ведение местного духовенства.

Школы грамоты возникали преимущественно в местах развития отходничества, фабричной промышленности, районах, близких к столицам, где в силу новых условий жизни повышался спрос на грамотных людей. Крестьяне, часто содержавшие школы грамоты, хотели, чтобы их детей учили уже не только читать молитвы, но и считать на счетах, уметь составить прошение или другую деловую бумагу. Старые формы религиозного обучения, уходившие корнями в глубину столетий, сохранялись, как правило, в старообрядческих школах.

В последние десятилетия XIX в. у крестьян стал возрастать интерес к книге, которая попадала в деревню через офеней, земцев-учителей, живших в деревнях народников. Крестьяне сами выписывали книги или газеты или брали их из библиотек земских и церковно-приходских школ. Особенностью здесь было чтение вслух, привлекавшее неграмотных крестьян. Среди книг преобладали издания духовно-нравственного содержания, но читали и беллетристику, литературу по сельскому хозяйству.

О "потребности крестьян в чтении" писали современники. В одной из газет 1886 г. отмечалось, что "наш простой народ стал уже как-то не тот, что был 15—20 лет тому назад ... даже крестьянин в селе стал интересоваться тем, что не входит в круг его прямых обязанностей".

Распространение во второй половине XIX в. сельской школы, несомненно, способствовало росту грамотности среди крестьянства. Однако основная масса крестьянства оставалась неграмотной и в конце XIX, и в начале XX вв. Более низкий средний процент грамотных по стране по сравнению с городом (по данным переписи 1897 г., средний по стране процент грамотности составлял 21%, в городах — до 40% и выше) давала прежде всего сельская местность.

§ 3. Культурно-информационная система

Развитие и совершенствование информационной системы было показателем культурного потенциала общества, возраставшей потребности общения людей. Культурно-информационная система в России в XIX в. включала почту, телеграф и телефон. Конец столетия ознаменовался изобретением радио, практическое значение которого проявилось уже в XX в. Наиболее распространенным средством передачи информации была почта. Влияние почты на общественно-культурную жизнь возрастало по мере распространения в обществе грамотности и образованности, интереса к книге, потребности в общении.

Почта Своим появлением в России, как и в других странах, *почта* обязана государству. По указу царя Алексея Михайловича в 1665 г. была учреждена постоянная служба — Ямской или Почтовый приказ — "для пересылки государственных бумаг". При Петре I была учреждена ординарная *почта* от Петербурга "до всех знатных городов". В 1781 г. Екатерина II своим указом обязала соединить почтовыми дорогами не только губернские, но и все уездные города. Однако этот проект осуществился только в XIX в., когда произошли заметные изменения в почтовом деле вообще.

Работа почты, скорость доставки писем во многом зависели от состояния дорог. В XIX в. в основном это были грунтовые дороги, плохо проходимые весной и осенью. Все почтовые тракты разделялись на *разряды*: столичный (соединявший Москву и Петербург), генеральные тракты (от столиц к границам государства и губернским городам), дороги между губернскими центрами и все прочие (проселочные) дороги.

В 1834 г. было открыто движение по первому шоссе, соединившему столицы, строительство которого началось в 1817 г. Однако увеличение числа дорог с шоссейным покрытием шло очень медленно. К 1850 г. общая протяженность шоссе в европейской части России (без Финляндии и Царства Польского) составляла немногим более 2,5 тыс. верст, к концу столетия — около 20 тыс., в 1910 г. — не более 37 тыс. верст.

Протяженность железных дорог к 1850 г. составляла немногим более одной тысячи верст. Создание железнодорожной сети в России в 60—80-е годы изменило направление ряда традиционных почтовых трактов, почтовые станции, устраиваемые на них, были переведены на новые места. Однако, несмотря на бурное развитие железнодорожных путей сообщения, грунтовые дороги, шоссе и проселки еще долго оставались основными почтовыми трактами. В 1900 г. они составляли по протяженности около 150 тыс. верст, тогда как железные дороги — немногим более 50 тыс. верст.

Помимо дорожной сети в XIX в. сложилось управление системой почтового обслуживания. Эта система включала центральное и местное управление почтой, разделение территории страны на почтовые округа (в 30-е годы было 13 почт-округов, в середине 80-х годов их число возрасло до 35). В столицах появились почтамты, в губернском или уездном городе — почтовые конторы во главе с почтмейстерами. Они открывались на несколько часов в так называемые "почтовые дни", когда в город привозилась корреспонденция. Конторы ведали работой почтовых станций, располагавшихся на всех трактах.

В первой половине XIX в. преобладала казенная переписка — местной администрации, войсковых соединений и т. д. Изменение в соотношении казенной и частной корреспонденции происходит в пореформенное время. Частная переписка стала преобладать, а в начале XX в. казенная в почтовых отправлениях составляла только десятую часть.

Со второй половины XIX в. почта становится средством распространения в провинции газет, журналов, книг. Она значительно облегчала коммерческие сделки: благодаря появившейся системе денежных переводов упрощался процесс пересылки денег, оформления кредитных операций.

В 50-е годы почтовый обмен, разный по интенсивности — от одного-двух раз в неделю до одного раза в месяц, существовал между 750 городами. Число городов и местностей, связанных почтой и телеграфом, увеличивается в пореформенное время. В середине 90-х годов их было около 8 тыс., к 1900 г. — свыше 9 тыс. Увеличилась интенсивность почтового обмена. Если в 50-е годы только в 63 городах (из 750) почта приходила ежедневно, то в 1900 г. число городов, в которые почта доставлялась по нескольку раз в день, составляло две трети, связанных почтовыми сообщениями.

В сельской местности почтовая связь развивалась значительно слабее. Появление регулярного почтового обмена в селах и деревнях связано с организацией в 1865 г. земской почты. В конце 90-х годов она действовала в 190 уездах. Однако из-за недостаточного развития грамотности, общественной замкнутости крестьянства земства преодолевали немалые трудности, чтобы ввести почту в обиход крестьянской жизни.

XIX век принес новшества в организацию почты в городах. В 1833 г. для пересылки корреспонденции внутри города была создана специальная почтовая служба в Петербурге, в 1845 г. — в Москве. В пореформенное время такая внутренняя или городская почта была организована и в губернских центрах. В 1874 г. она существовала в 47 городах. Введение городской почты способствовало развитию адресной системы в городе. Однако в общественный быт она входила медленно. Чаще всего корреспонденцию получали еще в почтовых конторах.

Упрощение процедуры отправления письма было связано с унификацией оплаты, появлением в 1848 г. на улицах города почтовых ящиков. В 1857 г. в России появились почтовые марки, уже известные в Западной Европе. Сюжеты почтовых марок обычно воспроизводили российский герб или портреты императоров.

Нововведением в почтовом деле стало появление в 1871 г. открытого письма или "открытки". Поскольку текст не был скрыт в конверте, на открытках запрещалось "писать что-либо противное закону, общественному порядку, нравственности или приличию". С 90-х годов стали печатать художественные открытки с видами российских городов, репродукции с картин художников, поздравительные открытки к праздникам.

Развитие почты во второй половине XIX в. характеризуют такие данные: в середине века в России в целом на100 человек приходилось 21 письмо, в 1900 г. — уже 280. Это отражало не только динамику развития почты, но и ее возрастающее значение в куль-

турно-общественной жизни страны. В 1874 г. Россия стала членом Всемирного почтового союза.

Телеграф. Телефон

Помимо почты, уже известной в прошлые века, в XIX в. появились совершенно новые средства информационной системы — *электромагнитный телеграф и телефон.*

Создание электромагнитного телеграфа было одним из центральных событий в развитии техники XIX в., основанным на практическом использовании научных открытий в различных областях физики и прежде всего физики электричества. В России опыты по устройству телеграфа связаны с именами ученых П. Л. Шиллинга и Б. С. Якоби. В 1832 г. П. Л. Шиллинг создал первый телеграфный аппарат. Его практическое применение началось в 40-е годы. В России, как и в других странах, первоначально телеграф использовался для правительственной связи.

Первая телеграфная линия для общего пользования начала действовать между Москвой и Петербургом в начале 50-х годов. В пореформенное время выросла протяженность телеграфных линий. К концу столетия телеграф действовал в крупных губернских центрах, более чем в 90 уездных городах, 517 поселках (включая Сибирь).

Помимо своего прямого назначения как средства быстрой передачи сообщений — правительственных, коммерческих, сугубо частных, телеграф служил и для научных целей. В телеграфную сеть были включены все обсерватории для передачи метеорологических сводок, прогноза погоды и необходимых для морских портов научных астрономических исследований. В конце XIX в. в метеорологическую сеть страны было включено 182 телеграфных станции.

В последние десятилетия XIX в. в России появился и получил известное распространение телефон. Одна из первых телефонных линий (1881) протяженностью всего в одну версту соединила в Нижнем Новгороде пристань и городские квартиры директоров пароходного общества "Дружина". В 1882 г. телефонная связь начала действовать в Москве, Петербурге, Одессе, Риге. В течение 80-х годов телефон появился в губернских и некоторых уездных городах.

В 90-е годы появляются междугородные телефонные линии (в Европе первая телефонная линия Париж — Брюссель была построена в 1887 г.). В 1898 г. телефонная линия связала Петербург и Москву. В прессе отмечалось, что "телефонное сообщение между столицами было сочувственно принято публикой". В первое десятилетие XX в. происходит массовое устройство междугородных телефонных линий.

В целом в течение 80—90-х годов увеличилось число городов, имевших телефонную связь, и количество абонентов в них. К концу XIX в. телефонная связь существовала в 67 городах. Число абонен-

тов в них доходило до 19 тыс. В 1916 г. в Москве появились телефоны-автоматы.

Развитие техники связи посредством телефона требовало специальных знаний и повышения общей культуры ее работников, поэтому становился необходимым более высокий образовательный уровень телефониста. Быстрое и качественное обслуживание абонентов зависело от навыка телефониста говорить и слушать. Особенное затруднение телефонисты испытывали в правильном понимании имен, фамилий, иностранных слов, технических терминов.

В конце XIX в. стали устанавливаться коммутаторы, позволявшие ускорять работу, но требовавшие более быстрой реакции от работника телефонной станции. Особое внимание на личные качества работника, необходимые ему "для успешной и правильной передачи и приема депеш", обращалось в специальном Положении о частных телеграфных и телефонных станциях, изданном в 80-е годы правительством.

Таким образом, успешная работа и распространение телеграфа и телефона в значительной степени были связаны с профессиональным и культурным уровнем работников, как правило, выходцев из городского мещанства.

В целом в XIX — начале XX вв. информационная сеть, сосредоточенная преимущественно в городе, способствовала интеграции социокультурых процессов, определявших развитие общественно-культурной жизни.

* * * *

Русская культура рубежа столетий и первых десятилетий XX в. была итогом огромного и сложного пути. Гуманизм и гражданственность, народность и демократизм всегда отличали русскую национальную культуру. В канун революционных событий 1917 года Россия обладала богатейшим культурным наследием, культурными ценностями мирового уровня.

Однако в России всегда существовало несоответствие между тем, что имело общество в сфере культуры, и возможностью овладения этим культурным богатством широкими слоями народа.

Отсутствие в обществе достаточно широкого среднего культурного слоя, который являлся основой многих цивилизационных процессов, определило одну из серьезных особенностей культурной ситуации в России начала XX в. Она выражалась в существовавшем разрыве между духовным ренессансом и бушевавшей реальностью жизни, в которую вовлекались широкие народные массы.

Это отмечали современники. Н. А. Бердяев, уже будучи в эмиграции, в работе "Русская идея" писал: "Нужно признать, что был разрыв между интересами высшего культурного слоя ренессанса и

интересами революционного социального движения в народе и в левой интеллигенции... Я вспоминаю яркий образ разрыва и раскола в русской жизни... У Вячеслава Иванова на “башне” — так называлась его квартира в доме против Таврического дворца — по средам в течение нескольких лет собиралась культурная элита: поэты, романисты, философы, ученые, художники, артисты... Присутствовал цвет русского ренессанса. В это же время внизу, в Таврическом дворце и вокруг бушевала революция. Деятели революции совсем не интересовались темами “Ивановских сред”, а люди культурного ренессанса..., хотя и не были консерваторами и правыми..., но большинство из них было асоциально и очень далеко от интересов бушевавшей революции”. Эта особенность общественно-культурной жизни России первых десятилетий XX в. была одной из причин, определившей взаимоотношение пролетарской власти и деятелей культуры после Октября 1917 г.

Хронологическая таблица

1801, 12 марта	Дворцовый переворот. Гибель Павла I.
1801—1825	Царствование Александра I.
1801, 12 сентября	Присоединение Восточной Грузии к России.
1802—1811	Создание министерств.
1803, 20 февраля	Указ о "вольных хлебопашцах".
1804	Первый цензурный устав.
1804—1813	Война России с Ираном. Присоединение к России Северного Азербайджана.
1805—1807	Участие России в коалиционных войнах в союзе с Англией, Австрией и Пруссией против Франции
1806—1812	Война России с Турцией. Присоединение к России Бессарабии.
1807, 25 июня (7 июля)	Мирный и союзный договоры России с Францией в Тильзите.
1808—1809	Война России со Швецией. Присоединение к России Финляндии.
1810, 1 января	Учреждение Государственного совета.
1812, 12(24) июня	Вторжение французской армии в Россию. Начало Отечественной войны.
1812, 22 июля	Сражение под Смоленском.
1812, 26 августа	Бородинское сражение.
1812, 12 октября	Сражение под Малоярославцем.
1812, 25 декабря	Изгнание французских войск из пределов России
1813—1814, 1815	Заграничные походы русской армии.
1813, 4—7 (16–19) октября	Сражение при Лейпциге ("Битва народов").
1813, 12 (24) октября	Гюлистанский мирный договор с Персией.
1814, 18 (30) мая	Парижский мир.
1814, сентябрь — 1815, июнь	Венский конгресс держав—победительниц над Наполеоном.
1815, сентябрь	Создание "Священного союза" монархов России, Австрии и Пруссии.
1816—1818	Учреждение военных поселений в России.
1816—1817	Первая тайная декабристская организация "Союз спасения".
1818—1821	Декабристская организация "Союз благоденствия".
1819	Восстание военных поселян в Чугуеве.

1821—1825	Северное и Южное общества декабристов.
1823—1825	Декабристская организация “Общество соединенных славян”
1825, 19 ноября—14 декабря	Междуцарствие в России.
1825, 14 декабря	Восстание декабристов в Петербурге.
1825, 29 декабря – 1826, 3 января	Восстание Черниговского полка.
1825—1855	Царствование Николая I.
1826, 10 июня	Новый (“чугунный) устав о цензуре.
1826, 3 июля	Учреждение высшей политической полиции — III отделения собств. его Имп. вел. канцелярии.
1826—1833	Кодификация законов.
1826—1828	Война России с Ираном
1828, 10 (22) февраля	Туркманчайский мирный договор России с Ираном. Присоединение к России Восточной Армении.
1828, 22 апреля	Изменение цензурного устава 1826 г.
1828—1829	Война России с Турцией.
1829, 2 (14) сентября	Мирный договор с Турцией в Адрианополе.
1830—1831	Массовые холерные бунты в России.
1830, ноябрь — 1831, октябрь	Польское восстание.
1832, 10 февраля	Манифест о создании сословия потомственных и личных “почетных” граждан.
1832	Создание П.Л. Шиллингом электромагнитного телеграфа
1833, 26 июня (8 июля)	Ункяр-Искелесийский договор России с Турцией.
1834—1859	Имамат Шамиля на Северном Кавказе.
1835, 26 июля	“Общий устав императорских российских университетов”.
1837	Открытие железной дороги Петербург — Царское Село.
1839, 25 марта	Указ “О слиянии греко-униатской церкви с православием”.
1837—1841	Реформа П.Д.Киселева управления государственной деревней.
1839—1843	Денежная реформа Е.Ф.Канкрина.
1842, 2 апреля	Указ об обязанных крестьянах.
1845—1849	Кружок М.В.Буташевича-Петрашевского.

1847, 8 ноября	Указ о праве помещичьих крестьян выкупаться на волю во время продажи с торгов помещичьих имений.
1851	Открытие железной дороги Москва—Петербург.
1853—1856	Крымская война.
1854, сентябрь – 1855, август	Оборона Севастополя.
1855, 26 января (7 февраля)	Симодский русско-японский договор.
1855—1881	Царствование Александра II.
1856, 18 (30) марта	Парижский мирный трактат.
1857, 3 января	Учреждение Секретного (с **16 февраля 1858 г.** получил наименование Главного) комитета по крестьянскому делу.
1857, 1 июля	Выход в свет первого номера газеты “Колокол” А.И.Герцена и Н.П.Огарева.
1858, январь – 1859, декабрь	Деятельность губернских комитетов по крестьянскому делу.
1858, 16 (28) мая	Айгунский договор России с Китаем: возвращение России земель по левому берегу Амура, отторгнутых от нее по Нерчинскому договору 1689 г. (Приамурья).
1858, 20 июня — 1859, 26 августа	Указы о распространении на удельных крестьян прав, предоставленных “свободным сельским состоянием”.
1859—1860	Деятельность Редакционных комиссий по выработке проекта “Положений о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости”.
1860, 2 (14) ноября	Пекинский договор России с Китаем. Включение в состав России Приморья.
1860	Основание Владивостока.
1860, 31 мая	Учреждение Государственного банка.
1861, 19 февраля	Обнародование Манифеста и “Положений о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости”.
1861—1863	Организация “Земля и воля”.
1862, 1866	Открытие Петербургской и Московской консерваторий.
1863, январь – 1864, август	Восстание в Польше.
1863, 17 апреля	Указ об отмене телесных наказаний.
1863, 18 июня	Новый Университетский устав.
1863, 26 июня	Положение о поземельном устройстве удельных крестьян.

1864, 1 января	"Положение о губернских и уездных земских учреждениях".
1864, 19 февраля	Указы об административном и поземельном устройстве крестьян в Польше.
1864, май	Окончание Кавказской войны **(1817—1864).**
1864, 20 ноября	Издание Судебных уставов.
1865, 6 апреля	"Временные правила о печати".
1866, 18 января и 24 ноября	Положения о поземельном и административном устройстве государственных крестьян.
1867	Образование Туркестанского генерал-губернаторства.
1867, 18 (30) марта	Договор с США о продаже российских владений в Северной Америке.
1870, 16 июня	Городовое положение.
1870	Образование "Товарищества передвижных художественных выставок" (до **1924 г.**).
1871, 1 (13) марта	Лондонская конвенция об отмене режима "нейтрализации" Черного моря.
1873	Договор между Россией, Германией и Австро-Венгрией ("Союз трех императоров").
1873	Завоевание Хивы.
1874, 1 января	Устав о воинской повинности.
1874, 25 мая	Положение о начальных народных училищах.
1874	Вступление России во Всемирный почтовый союз.
1874—1875	"Хождение в народ" революционных народников.
1875, 25 апреля (7 мая)	Петербургский договор России с Японией о разграничении владений на Дальнем Востоке.
1876—1879	Народническая организация "Земля и воля".
1877—1878	Русско-турецкая война. Освобождение Болгарии.
1878, 19 февраля (3 марта)	Сан-Стефанский мирный договор России с Турцией.
1878, 1 (13) июня — 1 (13) июля	Берлинский конгресс.
1879, август	Раскол "Земли и воли". Возникновение новых народнических организаций —"Народной воли" и "Черного передела".
1881, 1 марта	Убийство Александра II народовольцами.
1881—1894	Царствование Александра III.
1881, 29 апреля	Манифест о незыблемости самодержавия.

1881, 6 (18) июня	Возобновление “Союза трех императоров”.
1881, 28 декабря	Положение об обязательном (с 1 января 1883 г.) выкупе крестьянских наделов и о понижении выкупных платежей.
1882, 18 мая	Указ об учреждении Крестьянского поземельного банка.
1883	Возникновение марксистских кружков — группы “Освобождение труда” Г.В.Плеханова в Женеве и “Партии русских социал-демократов” Димитра Благоева в Петербурге.
1884, 23 августа	Новый Университетский устав.
1885, 7—17 января	Стачка на Морозовской мануфактуре в Орехово-Зуеве.
1885, 21 апреля	Учреждение Дворянского земельного банка.
1886, 18 марта	Закон об ограничении крестьянских семейных разделов.
1886, 18 мая	Закон об отмене подушной подати.
1886, 3 июня	Введение фабрично-заводской инспекции.
1887, 1 марта	Попытка покушения народовольцев на Александра III.
1887, 6 (18) июня	Договор (“перестраховочный”) России с Германией.
1889, 12 июля	“Положение о земских участковых начальниках”.
1890, 12 июня	Новое “Положение о губернских и уездных земских учреждениях”.
1891—1893	Оформление франко-русского союза.
1891—1905	Строительство Транссибирской железнодорожной магистрали.
1892, 11 июня	Новое “Городовое положение”.
1893, 8 июня и 14 декабря	Законы о неотчуждаемости крестьянских наделов.
1894—1917	Царствование Николая II.
1894	Введение государственной винной монополии.
1895	Изобретение радиотелеграфа А.С.Поповым.
1896	Договор России с Китаем об оборонительном союзе и постройке Китайско-восточной железной дороги (КВЖД).
1897, 3 января	Введение золотого обращения (денежная реформа С.Ю.Витте).
1897, 28 января	Первая Всероссийская перепись населения.

1897, 2 июня	Закон об ограничении рабочего дня на фабриках.
1898	I съезд РСДРП в Минске.
1898, 15 (27) марта	Конвенция между Россией и Китаем об аренде Ляодунского полуострова.
1898	Основание Московского общедоступного Художественного театра.
1899, май—июль	Гаагская мирная конференция (первая в истории дипломатии).
1902	Образование партии социалистов-революционеров (эсеров).
1903, 17 июля —10 августа	II съезд РСДРП (в Брюсселе и Лондоне) и ее раскол на большевиков и меньшевиков.
1904, январь	Образование “Союза освобождения”.
1904—1905	Русско-японская война.
1904, июль	Русско-германский торговый договор.
1904, 27 января (9 февраля) — 20 декабря (2 января 1905 г.)	Оборона Порт-Артура.
1905, 9 января	“Кровавое воскресенье” (начало революции **1905—1907 гг**.).
1905, 6 (19) —25 февраля (10 марта)	Сражение под Мукденом.
1905, 17 апреля	Манифест о веротерпимости.
1905, 14—15 (27—28) мая	Морское сражение у острова Цусима.
1905, 14—24 июня	Восстание на броненосце “Потемкин”.
1905, 31 июля —1 августа	Первый (учредительный) съезд Всероссийского крестьянского союза в Москве.
1905, 6 августа	Проект закона о Булыгинской думе.
1905, 23 августа (5 сентября)	Портсмутский мирный договор с Японией.
1905, 7 октября	Начало всеобщей политической стачки.
1905, 12—18 октября	Учредительный съезд Конституционно-демократической (кадетской) партии.
1905, 17 октября	Царский Манифест “Об усовершенствовании государственного порядка”.
1905, 11—15 ноября	Севастопольское восстание.
1905	Возникновение партии “Союз 17 октября” (октябристов).
1905, 10—19 декабря	Вооруженное восстание в Москве.
1905, 11 декабря	Закон о выборах в Государственную думу.
1906, 23 апреля	Издание “Основных государственных законов Российской империи”.

1906, 27 апреля — 8 июля	I Государственная дума.
1906, 17—20 июля	Восстание в Свеаборге.
1906, 19—20 июля	Восстание в Кронштадте.
1906, 19 августа	Указ о введении военно-полевых судов в губерниях, объявленных на чрезвычайном положении.
1906, 9 ноября	Указ о выходе крестьян из общины (начало Столыпинской аграрной реформы).
1906—1924	"Русские сезоны" С.П. Дягилева за границей.
1907, 20 февраля — 2июня	II Государственная дума.
1907, 3 июня	Третьеиюньский государственный переворот: разгон II Государственной думы и издание нового избирательного закона (конец революции 1905—1907 гг.).
1907, июль—октябрь	Вторая мирная конференция в Гааге.
1907, 18 (31) авуста	Англо-русское соглашение о разделе сфер влияния на Среднем Востоке.
1907, 1 ноября — 1912, 9 июня	III Государственная дума.
1908—1909	Боснийский кризис.
1910, 14 июня	Закон "Об изменении и дополнении некоторых постановлений о крестьянском землевладении".
1911, 29 мая	"Положение о землеустройстве".
1911, август	Потсдамское соглашение России с Германией.
1912, 4 апреля	Ленский расстрел.
1912	Возникновение "Партии прогрессистов".
1912, 9 октября — 1913, 30 мая	Первая Балканская война.
1912, 15 ноября — 1917, 6 октября	IV Государственная дума.
1913, 29 июня —10 августа	Вторая Балканская война.
1913	Утверждение "Большой программы (1913—1917) по усилению армии".
1914, 19 июля (1 августа)	Объявление Германией войны России.
1914, 24 июля (6 августа)	Объявление Австро-Венгрией войны России.
1914, 4 (17) августа — 2 (15) сентября	Восточно-Прусская операция.
1914, 5 (18) августа — 8 (21) сентября	Галицийская операция.

1914, 15 (28) сентября — 26 октября (8 ноября)	Варшавско-Ивангородская операция.
1914, 16 (29) октября	Нападение турецкого военного флота на Одессу, Севастополь и другие черноморские порты.
1914, 20 октября (2 ноября)	Объявление Россией войны Турции.
1914, 29 октября (11 ноября) — 11 (24) ноября	Лодзинская операция.
1915, август	Возникновение “Прогрессивного блока” — блока буржуазных партий в IV Государственной думе.
1917, 15 августа — 1918, 20 сентября	I Всероссийский Поместный собор Русской православной церкви. Восстановление патриаршества.
1915, август	Учреждение “Особых совещаний” по обороне, продовольствию, топливу, перевозкам и устройству беженцев.
1916, 22 мая (4 июня) — 31 июля (13 августа)	Наступление русских войск Юго-Западного фронта (Брусиловский прорыв).
1916, 14 (27) августа	Вступление Румынии в войну на стороне стран Антанты.
1917, 27 февраля	Восстание в Петрограде (Февральская революция).
1917, 2 марта	Образование Временного правительства. Отречение Николая II от престола.

Библиография

Источники и литература ко всему курсу

Источники

Богданович А. В. Три последних самодержца. Дневник. М., 1990.

Витте С. Ю. Воспоминания. М., 1994. Т. 1—3.

Мартенс Ф. Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россиею с иностранными державами. СПб., 1874—1909. Т. 1—15.

Материалы по истории СССР. Освободительное движение и общественная мысль в России XIX в. М., 1991.

Рабочее движение в России в XIX в. Сб. док. /Под ред. А. М. Панкратовой. М., 1950—1954. Т. 2—4.

Российское законодательство X—XX веков. М., 1988—1994. Т. 7—9.

Сборник договоров России с другими государствами. 1856—1917 гг. М., 1952.

Литература

Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XIX веке. М., 1973.

Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в начале XX века. Очерки военно-экономического потенциала. М., 1986.

Борисов А. В. Министры внутренних дел России. М., 1996.

Власть и реформы. От самодержавной к советской России. (Колл. мон.) СПб., 1996.

Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII — начало XX в. М.,1978.

Гернет М. Н. История царской тюрьмы. М., 1951—1956. Т. 1—5.

Дружинин Н. М. Избр. труды. Социально-экономическая история России. М., 1987. Кн. 2.

Ерошкин Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России. 4-е изд. М., 1997.

Зайончковский П. А. Правительственный аппарат в самодержавной России в XIX веке. М.,1978.

Зайончковский П. А. Самодержавие и русская армия на рубеже XIX-XX вв. М.,1973.

Корнилов А. А. Курс истории России XIX века. М., 1993.

Рабочий класс в России от зарождения до начала XX в. (Колл. мон.) М., 1989.

Российские реформаторы. XIX—начало XX в. Сб. ст. М., 1995.

Российские самодержцы. 1801—1917 гг. Сб. ст. М., 1993.

Шелохаев В. В. Либеральная модель переустройства России. М., 1996.

Шепелев Л. Е. Крупная буржуазия в России. Конец XIX в.— 1914 г. М., 1992.

Источники и литература к главам

К главе 1

Литература

Дружинин Н. М. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева. М., Л., 1946, 1958. Т. 1—2.

Ковальченко И. Д. Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX века. М., 1967.

Очери экономической истории России первой половины XIX в. Сб. ст. /Под ред. М. К. Рожковой. М., 1959.

Рындзюнский П. Г. Городское гражданство дореформенной России. М., 1958.

Федоров В. А. Помещичьи крестьяне Центрально-промышленного района России конца XVIII—первой половины XIX в. М., 1974.

К главам 2, 4

Источники

Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М., 1991.

Сперанский М. М. Проекты. Записки. Л., 1961.

Литература

Минаева Н. В. Правительственный конституционализм и передовое общественное мнение России в начале XIX века. Саратов. 1982.

Мироненко С. В. Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. М., 1989.

Предтеченский А. В. Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX в. М.,Л., 1957.

Соловьев С. М. Император Александр I. Политика. Дипломатия. //Соч. М., 1996. Кн. XVII.

Федоров В. А. М. М. Сперанский и А. А. Аракчеев. М., 1997.

К главе 3

Источники

Барклай де Толли М. Б. Изображение военных действий 1812 г. СПб., 1912.

Бородино. 1812—1962. Документы, письма, воспоминания. М., 1962.

Глинка Ф. Н. Записки русского офицера. М., 1991.

Давыдов Д. В. Военные записки. М., 1982.

Записки *А. П. Ермолова.* М., 1991.

Кутузов М. И. Сборник документов. М., 1954—1955. Т. 1—5.

Французы в России: 1812 год по воспоминаниям современников-иностранцев. М., 1912. Т. 1—3.

Харкевич В. И. 1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях современников. Вильна. 1900—1907. Вып. 1—4.

Чичерин А. В. Дневник Александра Чичерина. 1812—1813. М., 1966.

Литература

Жилин П. А. Гибель наполеоновской армии в России. М., 1974.

Отечественная война 1812 г. и русское общество. Юбилейное изд. 1812—1912. М., 1911—1912. Т. 1—7.

Тарле Е. В. Нашествие Наполеона на Россию. 1812 год. М., 1943.

Троицкий Н. А. 1812. Великий год России. М., 1988.

1812 год: К 150-летию Отечественной войны. Сб. ст. М., 1962.

К главе 5

Источники

Воспоминания Бестужевых. М., Л., 1951.

Восстание декабристов. Документы. Материалы. М., Л., 1925—1986. Т. 1—18.

Декабристы в воспоминаниях современников. М., 1988

Горбачевский И. И. Записки. Письма. М., 1963.

Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. М., 1951. Т. 1—3.

Мемуары декабристов. Северное общество. М., 1981.

Мемуары декабристов. Южное общество. М., 1982.

Якушкин И. Д. Записки, статьи, письма декабриста И. Д. Якушкина. М., Л. 1951.

Литература

Дружинин Н. М. Избр. труды. Революционное движение в России в XIX веке. М., 1985. Кн. 1.

Ланда С. С. "Дух революционных преобразований..." Из истории формирования идеологии и политической организации декабристов. 1816—1825. М., 1975.

Нечкина М. В. Грибоедов и декабристы. 3-е изд. М., 1977.

Нечкина М. В. Движение декабристов. М., 1955. Т. 1—2.

Пыпин А. Н. Общественное движение в России при Александре I. 3-е изд. СПб., 1900.

Семевский В. И. Политические и общественные идеи декабристов. СПб., 1909.

Федоров В. А. Декабристы и их время. М., 1992.

К главе 6

Источники

Милютин Д. А. Воспоминания. 1816—1843. М., 1997.

Никитенко А. В. Дневник. М., 1956. Т. I.

Соловьев С. М. Избранные труды. Записки. М., 1983.

Литература

Кинятина Н. С. Политика русского самодержавия в области промышленности. 20—50-е гг. XIX в. М., 1968.

Полиевктов М. А. Николай I. Биография и обзор царствования. М., 1918.

Семевский В. И. Крестьянский вопрос в России во второй половине XVIII и первой половине XIX в. СПб., 1903. Т. 2.

К главам 7, 8

Источники

Внешняя политика России XIX и начала XX века: Документы Министерства иностранных дел. М., 1960—1979. Сер. первая: Т. 1—8 (1801—1815 гг.); Сер вторая: Т. 1—3 (1815—1830 гг.) (издание продолжается).

Пирогов Н. И. Севастопольские письма и воспоминания. М., 1957.

Погодин М. П. Исторические письма в продолжении Крымской войны. М., 1874.

Литература

Бекмаханов Е. Б. Присоединение Казахстана к России. М., 1957.

Блиев М. М., Дегоев В. В. Кавказская война: 1817—1864 гг. М., 1994.

Георгиев В. А. Внешняя политика России на Ближнем Востоке в конце 30-х — начале 40-х годов XIX в. М., 1975.

Горяинов С. М. Босфор и Дарданеллы. СПб., 1907.

Жигарев С. А. Русская политика в восточном вопросе. М., 1896. Т. 1—2.

Кинятина Н. С. Внешняя политика России первой половины XIX века. М., 1963.

Тарле Е. В. Крымская война. 2-е изд. М., Л., 1950. Т. 1—2.

К главе 9

Источники

Анненков П. В. Замечательное десятилетие, 1838—1848 // Анненков П. В. Литературные воспоминания. М., Л., 1960.

Герцен А. И. Былое и думы. Русский народ и социализм. О развитии революционных идей в России // Собр. соч. В 30 т. М., 1955—1957. Т. 6—11.

Дело петрашевцев. М.,Л., 1937, 1941, 1951. Т. 1—3.

Русское общество 30-х годов XIX в. Люди и идеи. Мемуары современников. М., 1989.

Русское общество 40—50-х годов XIX в. М., 1991. Ч. I. Записки А. И. Кошелева; Ч. II. Воспоминания Б. Н. Чичерина.

Самарин Ю. Ф. Статьи. Воспоминания. Письма. М.,1997.

Философские и общественно-политические произведения петрашевцев. М., 1953.

Хомяков А. С. О старом и новом. Статьи и очерки. М., 1988.

Чаадаев П. Я. Полное собрание сочинений и избранные письма. М., 1991. Т. 1—2.

Чичерин Б. Н. Москва сороковых годов. М., 1991.

Литература

Бродский Н. Л. Ранние славянофилы. А. С. Хомяков, И. В. Киреевский, К. С. и И. С. Аксаковы. М., 1910.

Володин А. И. Начало социалистической мысли в России. М., 1966.

Дудзинская Е. А. Славянофилы в общественной борьбе. М., 1983.

Левандовский А. А. Т. Н. Грановский в русском общественном движении. М., 1989.

Лейкина-Свирская В. Р. Петрашевцы. М., 1963.

Лемке М. К. Николаевские жандармы и литература. 1826—1855 гг. По подлинным делам Третьего отделения собственной его императорского величества канцелярии. СПб., 1909.

Пыпин А. Н. Характеристика литературных мнений от 20-х до 50-х годов. Исторические очерки. СПб., 1906.

Федосов И. А. Революционное движение в России во второй четверти XIX в. (Революционные организации и кружки). М., 1958.

Цимбаев Н. И. Славянофильство: Из истории русской общественно-политической мысли XIX века. М., 1986.

К главе 10

Источники

Александр II. Воспоминания. Дневники. СПб., 1995.

Государственные деятели России глазами современников. Александр II. М., 1995.

Конец крепостничества в России. Документы, письма, мемуары, статьи. М., 1994.

Крестьянское движение в России в 1857 — мае 1861 гг. Сб. док. М., 1963.

Крестьянское движение в России в 1861—1869 гг. Сб. док. М.,1962.

Крестьянское движение в России в 1861 г. после отмены крепостного права. М., Л., 1949. Ч. 1—2.

Отмена крепостного права. Доклады министра внутренних дел о проведении крестьянской реформы (1861—1862). М., Л., 1950.

Российское законодательство X—XX веков. Документы крестьянской реформы. М., 1989. Т. 7.

Семенов-Тян-Шанский П. П. Мемуары. Пг., 1915—1916. Т. 1—4.

Литература

Дружинин Н. М. Русская деревня на переломе: 1861—1880. М., 1978.

Зайончковский П. А. Отмена крепостного права в России. М., 1968.

Зайончковский П. А. Проведение в жизнь крестьянской реформы 1861г. М., 1958.

Захарова Л. Г. Самодержавие и отмена крепостного права в России. 1856—1861. М., 1984.

Литвак Б. Г. Русская деревня в реформе 1861 г. Черноземный центр. М., 1972.

Лосицкий А. Е. Выкупная операция. СПб., 1906.

Революционная ситуация в России в середине XIX века. (Колл. мон.) / Под ред. М. В. Нечкиной. М., 1978.

К главе 11

Источники

Валуев П. А. Дневник П. А. Валуева, министра внутренних дел. М., 1961. Т. 1—2.

Государственные деятели России глазами современников. Александр II. М., 1995.

Кони А. Ф. Отцы и дети судебной реформы. (К пятидесятилетию судебных уставов: 1864 г.—20 ноября 1914 г.). М., 1914.

Милютин Д. А. Дневник Д. А. Милютина. М., 1947—1950. Т. 1—4.

Российское законодательство X—XX веков. Судебная реформа. М., 1991. Т. 8.

Чичерин Б. Н. Земство и Московская дума. 1868—1893. М., 1934.

Литература

Веселовский В. В. История земства за сорок лет. СПб., 1909—1911. Т. 1—4.

Гармиза В. В. Подготовка земской реформы 1864 г. М., 1957.

Джаншиев Г. А. Эпоха великих реформ. Историческая справка. 10-е изд. СПб., 1907.

Зайончковский П. А. Военные реформы 1860—1870-х годов в России. М., 1952.

Нардова В. А. Городское самоуправление в России в 60-х—начале 90-х годов XIX в.: Правительственная политика. Л., 1984.

Смирнов В. В. Реформы начальной и средней школы в 60-е годы XIX в. М., 1954.

Чернуха В. Г. Внутренняя политика царизма с середины 50-х до начала 80-х гг. XIX в. Л., 1978.

Чернуха В. Г. Крестьянский вопрос в правительственной политике России (60—70-е годы XIX в.). М., 1971.

Чернуха В. Г. Правительственная политика в отношении печати. 60—70-е годы XIX в. Л., 1978.

Шумилов М. М. Местное управление и центральная власть в России в 50-х—начале 80-х годов XIX века. М., 1991.

Эймонтова Р. Г. Русские университеты на путях реформы. Шестидесятые годы XIX века. М., 1993.

К главе 12

Источники

Берви-Флеровский В. В. Положение рабочего класса в России. М., 1938.

Крестьянское движение в России в 1870—1880 гг. Сб. док. М., 1968.

Терпигорев (Атава) С. Н. Оскудение // *Терпигорев С. Н.* Собр. соч. СПб., 1899. Т. 2.

Фабрично-заводская промышленность и торговля в России. СПб., 1893.

Энгельгардт А. Н. Из деревни. 12 писем. 1872—1887. М., 1960.

Янжул И. И. Из воспоминаний и переписки фабричного инспектора первого призыва. СПб., 1907.

Литература

Ананьич Б. Н. Банкирские дома в России. 1860—1914. Очерки истории частного предпринимательства. Л., 1991.

Анфимов А. М. Крестьянское хозяйство Европейской России. 1881—1904. М., 1980.

Анфимов А. М. Экономическое положение и классовая борьба крестьян Европейской России. 1881—1904 гг. М., 1984.

[Воронцов В. П.] В. В. Судьбы капитализма в России. СПб., 1882.

Гиндин И. Ф. Государственный банк и экономическая политика царского правительства (1861—1892 годы). М., 1960.

[Даниельсон Н. Ф.] Николай—он. Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства. СПб., 1893.

Ковальченко И. Д., Милов Л. В. Всероссийский аграрный рынок. XVIII—начало XX века. М., 1974.

Корелин А. П. Дворянство в пореформенной России. 1861—1904 гг. Состав, численность, корпоративная организация. М., 1979.

Лаверычев В. Я. Крупная буржуазия в пореформенной России: 1861—1900. М., 1974.

Ленин В. И. Развитие капитализма в России // Полн. собр. соч. 5-е изд. М., 1967. Т. 3.

Рашин А. Г. Формирование рабочего класса в России. Историко-экономические очерки. М., 1958.

Рындзюнский П. Г. Крестьяне и город в капиталистической России во второй половине XIX века. М., 1983.

Рындзюнский П. Г. Крестьянская промышленность в пореформенной России. (60—80-е годы XIX в.). М., 1966.

Рындзюнский П. Г. Утверждение капитализма в России. 1850—1880 гг. М., 1978.

Святловский В. В. Мобилизация земельной собственности в России (1861—1908). СПб., 1911.

Сенявский А. С. Российский город 60—80-х гг. XIX в. М., 1994.

Соловьева А. М. Железнодорожный транспорт России во второй половине XIX в. М., 1975.

Соловьева А. М. Промышленная революция в России в XIX в. М., 1990.

Шепелев Л. Е. Акционерные компании в России. Л., 1973.

Шепелев Л. Е. Царизм и буржуазия во второй половине XIX века: Проблема торгово-промышленной политики. Л., 1981.

Янсон Ю. Ю. Опыт статистического исследования о крестьянских наделах и платежах. СПб., 1877.

К главе 13

Источники

Агитационная литература русских революционных народников. Потаенные произведения 1873—1875 гг. М.,Л., 1970.

Бакунин М. А. Государственность и анархия // Собр. соч. и писем. 1828—1876. В 4 т. М., 1934—1935. Т. 3.

Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М., 1988.

Кропоткин П. А. Записки революционера. М., 1988.

Лавров П. Л. Исторические письма // *Лавров П. Л.* Философия и социология. Избр. произведения. В 2 т. М., 1965. Т. 2.

Михайловский Н. К. Что такое прогресс? Пг., 1922.

Рабочее движение в России в XIX веке. М. 1953. Т. 3. Ч. 1—2.

Революционное народничество 70-х гг. XIX в. Сб. док. и материалов. В 2 т. М., 1964—1965. Т. 1—2.

Степняк-Кравчинский С. М. Подпольная Россия. М., 1960.

Ткачев П. Н. Сочинения. В 2 т. М., 1975—1976. Т. 1—2.

Фигнер В. Н. Запечатленный труд. Воспоминания. В 2 т. М., 1964. Т. 1—2.

Литература

Богучарский В. Я. Активное народничество семидесятых годов. М., 1912.

Виленская Э. С. Н. К. Михайловский и его идейная роль в народническом движении 70-х — начале 80-х годов XIX века. М., 1979.

Виленская Э. С. Революционное подполье в России. 60-е гг. XIX в. М., 1965.

Волк С. С. Народная воля 1879—1882. М., Л., 1966.

Дудзинская Е. А. Славянофилы в пореформенной России. М., 1994.

Итенберг Б. С. Движение революционного народничества. М., 1965.

Китаев В. А. От фронды к охранительству. Из истории русской либеральной мысли 50- 60-х гг. XIX в. М., 1972.

Козьмин Б. П. Из истории революционной мысли в России. Избр. труды. М., 1961.

Корнилов А. А. Общественное движение при Александре II (1855—1881). М., 1909.

Левин Ш. М. Общественное движение в России в 60—70-е годы XIX в. М., 1958.

Нечкина М. В. Встреча двух поколений. Сб. ст. М., 1980.

Пирумова Н. М. Земское либеральное движение: Социальные корни и эволюция до начала XX в. М., 1977.

Пирумова Н. М. Земская интеллигенция и ее роль в общественной борьбе до начала XX в. М., 1986.

Рудницкая Е. Л. Русский бланкизм. Петр Ткачев. М., 1992.

Седов М. Г. Героический период революционного народничества. М., 1966.

Сладкевич Н. Г. Борьба общественных течений в русской публицистике конца 50-х—начала 60-х годов XIX века. Л., 1979.

Твардовская В. А. Социалистическая мысль России на рубеже 1870—1880-х годов. М., 1969.

Троицкий Н. А. Царские суды против революционной России. Политические процессы 1871—1880 гг. Саратов, 1976.

Троицкий Н. А. Безумство храбрых. Русские революционеры и карательная политика царизма. 1866—1882. М., 1978.

Эйдельман Н. Я. Герцен против самодержавия. М., 1973.

К главе 14

Источники

Дневник государственного секретаря А. А. Половцова. В 2 т. М., 1966. Т. 1 (1883—1886 гг.); Т. 2 (1887—1892 гг.).

Победоносцев К. П. Письма К. П. Победоносцева к Александру III. М., 1925—1926. Т. 1—2.

Феоктистов Е. М. Воспоминания. За кулисами политики и литературы. 1848—1896. Л., 1929.

Литература

Зайончковский П. А. Кризис самодержавия на рубеже 1870—1880-х годов. М., 1964.

Зайончковский П. А. Российское самодержавие в конце XIX столетия. М., 1970.

Россия в революционной ситуации на рубеже 1870—1880-х годов. (Колл. мон.) М., 1983.

Соловьев Ю. Б. Самодержавие и дворянство в конце XIX века. Л.,1973.

Твардовская В. А. Идеология пореформенного самодержавия: (М. Н. Катков и его издания). М., 1978.

Щетинина Г. И. Университетский вопрос в 70—80-х годах XIX века и Университетский устав 1884 г. М., 1992.

К главе 15

Источники

Верещагин В. В. На войне. Воспоминания о русско-турецкой войне 1877 г. М., 1902.

Игнатьев Н. П. Сан-Стефано. Записки гр. Н. П. Игнатьева. Пг., 1916.

Освобождение Болгарии от турецкого ига. Документы. В 3 т. М., 1961—1967. Т. 1—3.

Россия и национально-освободительная война на Балканах. 1875—1878. Сб. документов. М., 1978.

Литература

Болховитинов Н. Н. Русско-американские отношения и продажа Аляски. 1834—1867. М., 1990.

Жигарев С. А. Русская политика в восточном вопросе. М., 1896. Ч. 1—2.

Золотарев В. А. Противоборство империй (война 1877—1878 гг. — апофеоз восточного кризиса). М., 1991.

Киняпина Н. С. Внешняя политика России второй половины XIX в. М., 1974.

Киняпина Н. С. Балканы и проливы во внешней политике России в конце XIX века. (1878—1898). М., 1994.

Куторев Л. Н. Россия и Япония. М., 1988.

Манфред А. З. Образование русско-французского союза. М., 1975.

Нарочницкая Л. А. Россия и отмена нейтрализации Черного моря. 1856—1871 гг. М., 1989.

Русско-турецкая война 1877—1878 гг. (Колл. мон.) / Под ред. И. И. Ростунова. М., 1977.

Рыбаченок И. С. Союз с Францией во внешней политике России в конце XIX в. М., 1993.

Сказкин С. Д. Конец австро-русско-германского союза. 1879—1884. М., 1928. Т. 1.

Чернов С. Л. Россия на завершающем этапе восточного кризиса. 1875—1878 гг. М., 1984.

К главе 16

Литература

Киняпина Н. С., Блиев М. М., Дегоев В. В. Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России. XVIII в. — 80-е годы XIX в. М., 1994.

Тихомиров М. Н. Присоединение Мерва к России. М., 1960.

Халфин Н. А. Присоединение Средней Азии к России (60—90-е гг. XIX в.). М., 1965.

Хидоятов Г. А. Из истории англо-русских отношений в Средней Азии в конце XIX века (60—70-е гг.). Ташкент, 1969.

К главе 17

Источники

Документы по истории монополистического капитализма в России. //Материалы по истории СССР. В 7 т. М., 1959. Т. 6.

Монополии в металлургической промышленности России. 1900 1917. Документы и материалы. М., Л. 1963.

Свод статистических сведений по сельскому хозяйству России к концу XIX в. СПб., 1902—1906. Вып. 1—3.

Сельское хозяйство в России в XX в. Сб. статистико-экономических сведений за 1901—1922 гг. М., 1923.

Литература

Ананьич Б. В. Россия и международный капитал. 1897—1914. Очерки финансовых отношений. Л., 1970.

Анфимов А. М. Крупное помещичье хозяйство Европейской России (конец XIX—начало XX века). М., 1969.

Бовыкин В. И. Зарождение финансового капитала в России. М.,1967.

Бовыкин В. И. Формирование финансового капитала в России: Конец XIX—1908 г. М., 1984.

Бовыкин В. И., Петров Ю. А. Коммерческие банки Российской империи. М. 1994.

Боханов А. Н. Крупная буржуазия России. Конец XIX в. — 1914 г. М., 1992.

Вяткин М. П. Горнозаводский Урал в 1900—1917 гг. М.,Л., 1965.

Гиндин И. Ф. Русские коммерческие банки. М.,1948.

Кирьянов Ю. И. Жизненный уровень рабочих России. (Конец XIX—начало XX в.). М., 1979.

Китанина Т. М. Хлебная торговля России в 1875—1914 гг. (Очерки правительственной политики). Л., 1978.

Корелин А. П. Сельскохозяйственный кредит в России в конце XIX — начале XX в. М., 1988.

Лаверычев В. Я. Государство и монополии в дореволюционной России. М., 1982.

Лившин Я. И. Монополии в экономике России (Экономическая организация и политика монополистического капитала). М., 1961.

Минарик Л. П. Экономическая характеристика крупнейших земельных собственников России конца XIX—начала XX в. М., 1971.

Погребинский А. П. Государственные финансы царской России в эпоху империализма. М., 1968.

Тарновский К. Н. Мелкая промышленность дореволюционной России. Историко-географические очерки. М., 1995.

Шацилло К. Ф. Государство и монополии в военной промышленности России: Конец XIX в. — 1914г. М., 1992.

Шепелев Л. Е. Крупная буржуазия в России. Конец XIX в. — 1914 г. М., 1992.

К главе 18

Источники

Витте С. Ю. Воспоминания. В 3 т. М., 1994. Т. 1.

Волков А. А. Около царской семьи. М., 1997.

Волконский С. М. Воспоминания. М., 1992. Т. 1—2.

Дневники императора Николая II. М., 1991.

Ольденбург С. С. Царствование императора Николая II. СПб., 1992.

Российский императорский дом. Дневники. Письма. Фотографии. М.,1992.

Литература

Кризис самодержавия в России: 1895—1917. (Колл. мон.) Л., 1984.

Симонова М. С. Кризис аграрной политики царизма накануне первой российской революции. М., 1987.

Соловьев Ю. Б. Самодержавие и дворянство в 1902—1907 гг. Л., 1981.

К главе 19

Источники

Витте С. Ю. Пролог русско-японской войны: Материалы из архива графа С. Ю. Витте. Пг., 1916.

Русско-японская война 1904—1905 гг. Действия сухопутных сил. Сб. док. М., 1941.

Литература

Игнатьев А. В. С. Ю. Витте—дипломат. М., 1989.

История русско-японской войны. 1904—1905 гг. (Колл. мон.) / Под ред. И. И. Ростунова. М.,1977.

Романов Б. А. Очерки дипломатической истории русско-японской войны. 1895—1907. М.,Л., 1955.

К главе 20

Источники

Партия “Союз 17 октября”. Протоколы съездов и заседаний. М., 1996. Т. 1. 1905—1907 гг.

Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы М.,1996. Т. 1. 1900—1907 гг.

Программы политических партий России конца XIX—начала XX в. М., 1995.

Протоколы Центрального Комитета конституционно-демократической партии 1905—1907 гг. М., 1994.

Российские либералы, кадеты и октябристы. Документы, воспоминания, публикации. М., 1996.

Савинков Б. В. Воспоминания террориста. М., 1991.

Съезды и конференции конституционно-демократической партии. В 3 т. М., 1997. Т. 1. 1905—1907.

Литература

Алексеева Г. Д. Народничество в России в XX в. М., 1990.

Балуев Б. П. Либеральное народничество на рубеже XIX—XX веков. М., 1995.

Васильева Н. И., Гальперин Г. Б., Королев А. И. Первая российская революция и самодержавие. Л., 1975.

Ерофеев Н. Д. Народные социалисты в первой русской революции. М., 1979.

История политических партий в России. (Колл. мон.) / Под ред. А. И. Зевелева. М., 1994.

Кавторин В. В. Первый шаг к катастрофе. Свободное размышление строго по документам(О предыстории событий 9 января 1905 г.). СПб., 1992.

Колесниченко Д. А. Трудовики в период первой российской революции. М., 1985.

Ксенофонтов И. Н. Георгий Гапон: вымысел и правда. М., 1996.

Самарская Е. А. Социал-демократия в начале века. М., 1994.

Секиринский С. С., Шелохаев В. В. Либерализм в России. Очерки истории (середина XIX—начало XX вв.). М., 1995.

Степанов С. А. Черная сотня в России (1905—1914 гг.). М., 1992.

Степанский А. Д. Государственный совет в период революции 1905—1907 гг. М., 1995.

Тютюкин С. В., Шелохаев В. В. Марксизм и русская революция. М., 1996.

Тютюкин С. В., Шелохаев В. В. РСДРП в первой российской революции. М., 1990.

Черменский Е. Д. Буржуазия и царизм в первой русской революции. 2-е изд. М., 1970.

Шацилло К. Ф. Русский либерализм накануне революции 1905—1907 гг. М., 1985.

Шелохаев В. В. Либеральная модель переустройства России. М., 1996.

К главе 21

Источники

Калинычев Ф. И. Государственная дума в России. Сб. документов и материалов. М., 1957.

Коковцов В. И. Из моего прошлого. Воспоминания. 1903—1919. М., 1992. Т. 1—2.

Крестьянское движение в России в 1907—1914 гг. Сб. док. М., 1966.

Петр Аркадьевич Столыпин. Полн. собр. речей в Государственной думе и в Государственном совете. 1906—1911. “Нам нужна великая Россия ... “ М., 1991.

Российское законодательство X—XX веков. М., 1994. Т. 9. Законодательство эпохи буржуазно-демократических революций.

Сенчакова Л. Т. Приговоры и наказы российского крестьянства 1905—1907 гг. М., 1994. Т. 1—2.

Сидельников С. М. Аграрная реформа Столыпина. Документы. М., 1973.

Суворин А. С. Дневник. М., 1992.

Литература

Аврех А. Я. Столыпин и Третья Дума. М., 1968.

Аврех А. Я. Распад третьеиюньской системы. М., 1985.

Аврех А. Я. П. А. Столыпин и судьбы реформ в России. М., 1991.

Демин В. А. Государственная дума в России (1906—1917). Механизм функционирования. М., 1996.

Дубровский С. М. Столыпинская земельная реформа. Из истории сельского хозяйства и крестьянства в России в начале XX в. М., 1963.

Дякин В. С. Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907—1911 гг. Л., 1978.

Дякин В. С. Буржуазия, дворянство и царизм в 1911—1914 гг. Разложение третьеиюнской системы, Л., 1988.

Зырянов П. Н. Петр Столыпин: Политический портрет. М., 1992.

Зырянов П. Н. Крестьянская община Европейской России. 1907—1914 гг. М., 1992.

Скляров Л. Ф. Переселение и землеустройство в Сибири в годы столыпинской реформы. Л., 1962.

Соловьев Ю. Б. Самодержавие и дворянство в 1907—1914 гг. Л., 1990.

Шепелев Л. Е. Царизм и буржуазия в 1907—1914 гг. Проблемы торгово-промышленной политики. Л., 1987.

К главе 22

Источники

Извольский А. П. Воспоминания. М., 1995.

Переписка Вильгельма II с Николаем II. М., 1923.

Сазонов С. Д. Воспоминания. М., 1991.

Литература

Астафьев И. И. Русско-германские дипломатические отношения. 1905—1911 гг. (от Портсмутского мира до Потсдамского соглашения). М., 1972.

Бестужев И. В. Борьба в России по вопросам внешней политики. 1906—1910 гг. М., 1961.

Бовыкин В. И. Очерки истории внешней политики России. Конец XIX в. —1917 г. М., 1960.

Виноградов К. Б. Боснийский кризис 1908—1909 гг. — пролог первой мировой войны. М., 1964.

Ефремов П. Н. Внешняя политика России (1907—1914 гг.). М., 1961.

Зайончковский А. М. Подготовка России к мировой войне в международном отношении. Л., 1926.

Зайончковский А. М. Подготовка России к империалистической войне. Очерки военной подготовки и первоначальных планов. По архивным документам. М., 1926.

Игнатьев А. В. Русско-английские отношения накануне первой мировой войны (1808—1914 гг.). М., 1962.

Сидней Фей. Происхождение первой мировой войны. М., 1934. Т. 1—2.

К главе 23

Источники

Брусилов А. А. Мои воспоминания. М., 1963.

Бьюкенен Дж. Воспоминания дипломата. М., 1991.

Лемке М. К. 250 дней в царской Ставке. Пг., 1920.

Монархия перед крушением. 1914—1917. Бумаги Николая II и др. документы. М., Л., 1927.

Николай II: Воспоминания, дневники. СПб., 1994.

Палеолог М. Царская Россия во время мировой войны. М., 1993.

Переписка Николая и Александры Романовых. М,Л., 1927. Т. 1—5.

Поливанов А. А. Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника: 1907—1916. М., 1974.

Литература

Аврех А. Я. Царизм накануне свержения. М., 1989.

Анфимов А. М. Российская деревня в годы первой мировой войны (1914 — февраль 1917 г.). М., 1962.

Армия и флот России в начале XX в. Очерки военно-экономического потенциала. М.,1986.

Васюков В. С. Внешняя политика России накануне Февральской революции. 1916 — февраль 1917 г. М., 1989.

Данилов Ю. Н. На пути к крушению. Очерки из последнего периода русской монархии. М., 1992.

Дякин В. С. Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны: Взаимодействия России с союзниками по вопросам войны. М., 1977.

Емец В. А. Очерки внешней политики России в период мировой войны. М., 1977.

Зайончковский А. М. Мировая война 1914—1918 гг. М., 1938—1939. Т. 1—4.

История первой мировой войны. 1914—1918. М., 1975. Т. 1—2.

Китанина Т. М. Война, хлеб и революция. (Продовольственный вопрос в России. 1914 — октябрь 1917 г.). Л., 1985.

Полетика Н. П. Возникновение первой мировой войны. (Июльский кризис 1914 г.). М., 1964.

Сидоров А. Л. Финансовое положение России в годы первой мировой войны (1914—1917). М., 1960.

Тютюкин С. В. Война, мир, революция. Идейная борьба в рабочем движении России 1914—1917 гг. М., 1972.

К главе 24

Литература

Никольский Н. М. История русской церкви. М., 1983.

Носова Г. А. Язычество в православии. М., 1975.

Миловидов В. Ф. Старообрядчество в прошлом и настоящем. М., 1969.

Полунов А. Ю. Под властью обер-прокурора Синода. Православная церковь в царствование Александра III. М., 1996.

Поспеловский Д. В. Русская православная церковь в XX веке. М., 1995.

Русское православие: вехи истории. Сб. статей, М., 1989.

Фирсов С. Л. Православная церковь и государство в последнее десятилетие существования самодержавия в России. М., 1996.

Флоровский Г. Пути русского богословия. Вильнюс, 1990.

К главам 25, 26

Источники

Вехи. Интеллигенция в России. Сб. ст. 1909—1910. М., 1991.

Воспоминания о серебряном веке, М., 1993.

Литературные манифесты и художественная критика. Хрестоматия. М., 1988.

Поэтические течения в русской литературе конца XIX—начала XX века. Хрестоматия. М., 1988.

Репин И. Е. Далекое близкое. Л., 1982.

Стасов В. В. Избр. соч. В 3 т. Живопись. Скульптура. Музыка. М., 1952. Т. 1—3.

Литература

Асафьев Б. В. Русская музыка. XIX и начало XX вв. Л., 1979.

Бенуа А. Н. История русской живописи в XIX веке. М., 1995.

Верещагина А. Художник. Время. История. Очерки истории русской исторической живописи XVIII—начала XX вв. М., 1973.

Государственная Третьяковская галерея. История и коллекции. М., 1989.

Громыко М. М. Мир русской деревни. М., 1991.

Дмитриев С. С. Очерки истории русской культуры начала XX века. М., 1985.

Думова Н. Г. Московские меценаты. М., 1992.

Зезина М. Р., Кошман Л. В., Шульгин В. С. Культура России в IX—XX вв. М., 1996.

Иванов А. Е. Высшая школа России в конце XIX—начале XX века. М.,1991.

Константинов Н. А., Медынский Е. Н., Шабаева М. Ф. История педагогики. М.,1982.

Кулешов В. И. История русской литературы XIX века. М., 1997.

Лейкина-Свирская В. Р. Интеллигенция в России во второй половине XIX века. М., 1971.

Лейкина-Свирская В. Р. Русская интеллигенция в 1900—1917 годах. М., 1971.

Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства. (XVIII—начало XIX века). СПб., 1994

Никитин Б. С. Сергей Рахманинов. Две жизни. М., 1993.

О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. М., 1990.

Очерки русской культуры второй половины XIX в. / Под ред. Н. М. Волынкина. М., 1976.

Павлова Г. Е. Организация науки в России в первой половине XIX в. М., 1990.

Петровская И. Ф. Театр и зритель в провинциальной России. Вторая половина XIX века. М., 1979.

Петровская И. Ф. Театр и зритель российских столиц. 1895—1917. Л., 1990.

Познанский В. В. Очерки истории русской культуры второй половины XIX в. М., 1976.

Розанов В. В. О писательстве и писателях. М., 1992.

Рогинская Ф. С. Товарищество передвижных художественных выставок. Исторические очерки. М., 1989.

Сарабьянов Д. В. История русского искусства второй половины XIX века. Курс лекций . М., 1989.

Сарабьянов Д. В. История искусства конца XIX—начала XX века. Учебник. М., 1993.

Сергей Дягилев и русское искусство. М., 1982. Т. 1—2.

Соболева Е. В. Организация науки в пореформенной России. Л., 1983.

Стернин Г. Ю. Художественная жизнь России середины XIX века. М., 1991.

Стернин Г. Ю. Художественная жизнь России на рубеже веков (XIX — начало XX века). М., 1970.

Стернин Г. Ю. Художественная жизнь России 1900—1910 гг. М., 1988.

Щетинина Г. И. Идейная жизнь русской интеллигенции. Конец XIX — начало XX вв. М., 1995.

Справочная литература

Государственные деятели России XIX—начала XX в. Биографический справочник. М., 1995.

Декабристы. Биографический справочник. М., 1988.

История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях. Аннотированный указатель книг и публикаций в журналах. В 5 т. и 13 ч. /Под ред. П. А. Зайончковского. М., 1976—1989.

История России в лицах с древности до наших дней. Биографический словарь. М., 1997.

Кирсанова Р. М. Костюм в русской художественной культуре XVIII — первой половине XX вв. (Опыт энциклопедии). М., 1995.

Миронов Г. Е. История государства Российского. Историко-библиографические очерки. XIX век. М., 1995.

Общий свод ... данных Первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г. СПб., 1905. Т. 1—2.

Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 года. Энциклопедия. В 5 т. М., 1992, 1994 (изданы т. 1 и 2, издание продолжается).

Педагогическая энциклопедия. М., 1964—1968. Т. 1—4.

Политические партии России. Конец XIX—первая треть XX века. Энциклопедия. М., 1996.

Российская дипломатия в портретах. М., 1992.

Россия. 1913 год. Статистико-документальный справочник. СПб., 1995.

Справочники по истории дореволюционной России. Библиографический указатель/Под ред. П. А. Зайончковского. 2-е изд. М., 1978.

Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века. Энциклопедический биографический словарь. М.,1997.

Русские писатели 1800—1917 гг. Биографический словарь. В 5 т. М., 1992—1994 (изданы т. 1, 2, 3; издание продолжается).

Советская историческая энциклопедия. М., 1961—1976. Т. 1—16.

Христианство. Энциклопедический словарь. М., 1993—1995. Т. 1—3.

История России
XIX — начала XX вв.

Учебник
для исторических факультетов
университетов

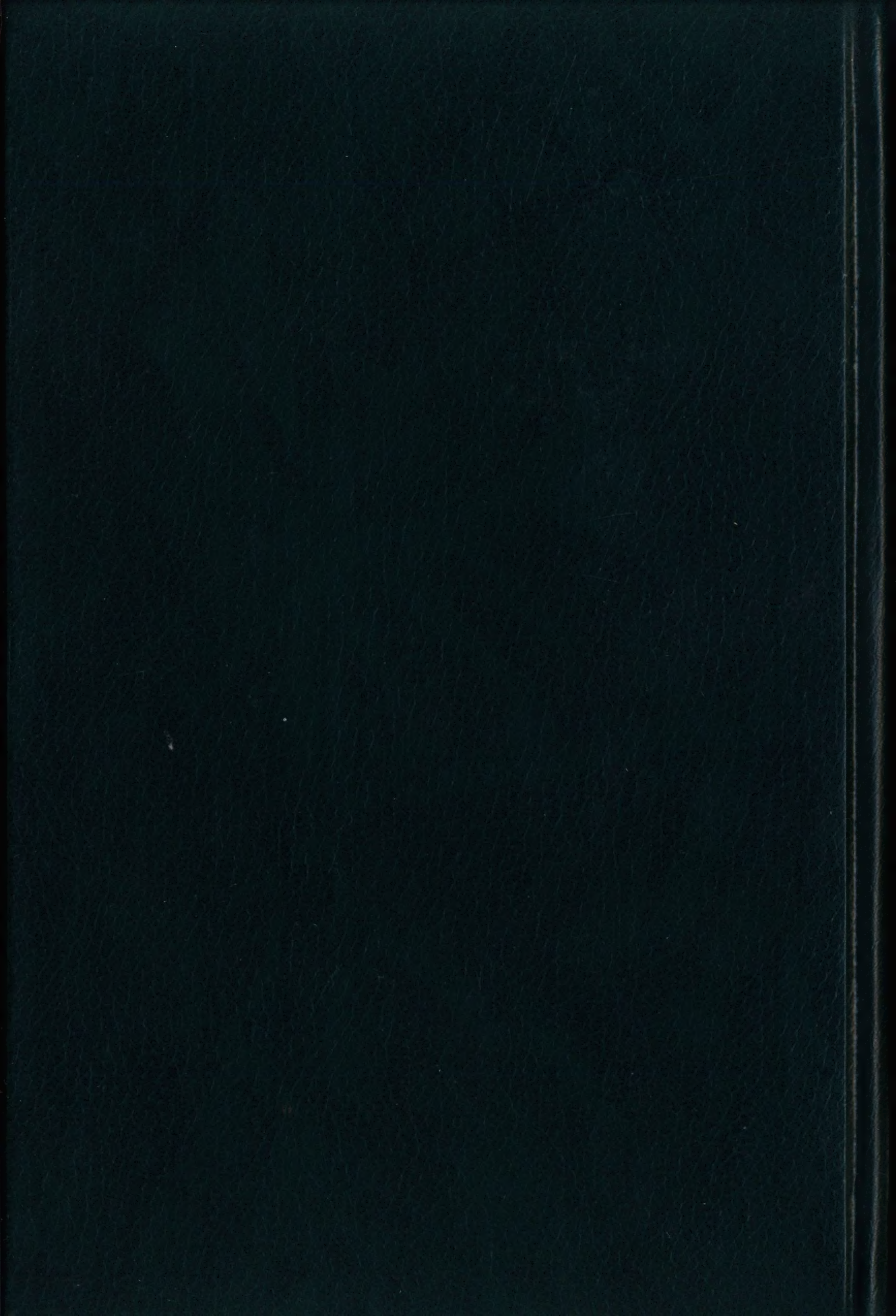
Редактор — Н. А. Федорова

Издательство "Зерцало"
Лицензия № 064300 от 14 ноября 1995 г.
Подписано в печать 26.09.2000.
Формат 60x90/16. Усл. печ. л. 47,0.
Тираж 5 000 экз. Заказ № 637

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ППП "Типография "НАУКА"
121099, Москва, Шубинский пер., 6

ISBN 5-8078-0036-2

9 785807 800367

ИСТОРИЯ РОССИИ XIX – НАЧАЛА XX ВВ.